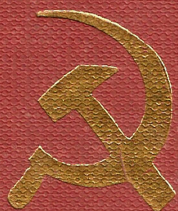

РОССИЯ
И
ПЕРВАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА

ST.-PETERSBURG BRANCH OF THE INSTITUTE OF RUSSIAN HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE
EUROPEAN UNIVERSITY IN ST.-PETERSBURG
SCIENTIFIC COUNCIL «HISTORY OF THREE RUSSIAN REVOLUTIONS»
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE (NORTHWEST BRANCH)
UNIVERSITY OF MICHIGAN (USA)
RUTGERS UNIVERSITY (USA)

RUSSIA
AND
FIRST WORLD WAR

(MATERIALS OF AN INTERNATIONAL
SCIENTIFIC COLLOQUIUM)

ST.-PETERSBURG

1999

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ НАУЧНОГО СОВЕТА РАН
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ»
UNIVERSITY OF MICHIGAN (USA)
RUTGERS UNIVERSITY (USA)

РОССИЯ
И
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

(МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО
НАУЧНОГО КОЛЛОКВИУМА)

ДБ

С-ПЕТЕРБУРГ

1999

Настоящее издание представляет материалы международного научного colloquium «Россия в Первой мировой войне», состоявшегося в Санкт-Петербурге 1—5 июня 1998 г. В публикуемых докладах и дискуссии участвовали ведущие историки США, Великобритании, ФРГ, Франции, Финляндии, России, обсудившие политические, экономические, национальные, социокультурные аспекты российской истории эпохи Первой мировой войны (1914—1918 гг.). В центре внимания исследователей — острейшие проблемы воздействия войны на российское общество, генезис имперской политики и национальных движений, взаимоотношения власти и общества.

Книга рассчитана на специалистов и всех интересующихся отечественной историей.

This volume records the proceedings of an international colloquium «Russia and First World War», held in St.-Petersburg in June 1998. Historians from Russia, USA, United Kingdom, France, Germany and Finland contributed papers and took part in discussions of various political, economic, national, social and culture aspects of Russian history in 1914—1918.

The center of attention was the complex of problems: impact of the war on the Russian society, genesis of Imperial politics and national movements, interaction between power and society.

This volume should be of interest to all those concerned with the political, social, and cultural history of modern Russia.

Редакционная коллегия

Н. Н. Смирнов (Россия) — отв. редактор, *З. Галили* (США), *Р. Зелник* (США),
Б. И. Колоницкий (Россия), *С. И. Потолов* (Россия), *У. Розенберг* (США),
В. Ю. Черняев (Россия)

Editorial board

N. N. Smirnov (Russia) — chief editor, *Z. Galili* (USA), *R. Zelnik* (USA),
B. I. Kolonitsky (Russia), *S. I. Potolov* (Russia), *W. Rosenberg* (USA),
V. Yu. Cherniaev (Russia)

ПРЕДИСЛОВИЕ

История мировых войн всегда находилась в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. Читателю известны сотни монографий, тысячи статей, многочисленные публикации документов и мемуаров. Казалось бы, предложить новые концепции довольно сложно. Тем не менее участники международного научного colloquium «Россия в Первой мировой войне», состоявшегося в Санкт-Петербурге 1—5 июня 1998 г., сумели отойти от традиционных историографических стереотипов.

Отказавшись анализировать стратегию и тактику противоборствующих сторон, военную парадигму событий, историки России, США, Великобритании, Германии, Франции, Финляндии¹ сконцентрировали внимание на вопросах, все еще не нашедших достаточного освещения в специальной литературе: жизнь государства и общества, развитие экономики и культуры, национальных отношений в условиях военного времени и других. Оригинальность замысла и творческий подход в его научном воплощении, думается, смогут по достоинству оценить как специалисты, так и все интересующиеся отечественной и мировой историей.

27 научных докладов, представленных colloquium, распределены по шести самостоятельным, но, безусловно, взаимосвязанным проблемам:

1. Теории, концепции, методологии.
2. Война и общество.
3. Политика.
4. Культура и политическая культура.
5. Империя, национальные движения.
6. Экономика.

По традиции, сложившейся в ходе предыдущих встреч российских и зарубежных историков,² представленные по обсуждаемым проблемам доклады не зачитывались и явились основой для развернувшейся дискуссии, в рамках которой были также заслушаны отдельные небольшие устные научные сообщения российских и зарубежных участников.

Оргкомитет colloquium³ с удовлетворением констатировал активное участие в работе colloquium молодых исследователей — студентов и аспирантов высших учебных заведений, научно-исследовательских центров России и зарубежных стран. Во многом этому способствовало включение в состав организаторов colloquium нового типа учебного заведения — Европейского университета в Санкт-Петербурге, на базе которого были проведены все научные заседания.

Из содержания докладов и их обсуждения читатель увидит, что наибольший интерес участников коллоквиума вызвали проблемы взаимосвязи войны и революционных событий 1917 г., поведения власти предрежащей, политических партий и народных масс, психологии массового сознания военной эпохи, экономической трансформации России, развития национальных и межнациональных отношений. Здесь прежде всего отметим новаторские по содержанию, научным подходам доклады Л. Хаймсона, Р. Ш. Ганелина и М. Ф. Флоринского, П. Холквиста, Ю. И. Кирьянова, И. В. Лукоянова.

Хотелось бы привлечь внимание к ярким докладам Д. Орловски, П. Гетрелла, А. Н. Курцева и К. Фридлиндер, оказавшихся необычайно созвучными переживаемой нами эпохе. Историческая практика свидетельствует, что опыт мировых войн оказывается практически невостребованным национальной памятью: Россия, действительно, является одним из немногих государств, практически не имеющих памятников, посвященных Первой мировой войне. События в Чечне, Югославии, других горячих точках планеты в конце XX в., так же как и в его начале, породили массовое явление, насчитывающее сотни тысяч, миллионы участников, — беженство. Беженцы, как справедливо отмечается докладчиками и участниками дискуссии, стали общественно-политическим феноменом, так и не понятым до конца ни правительством, ни народом. *Terra incognita* — наиболее точное определение парадокса, получившего в психиатрии название *shellshock* — шок от артобстрелов. Впервые этот парадокс стал предметом дискуссии профессиональных историков на данном международном коллоквиуме.

Оживленную дискуссию вызвали доклады Б. В. Ананьича, А. В. Островского, Т. М. Китаниной, С. Г. Беляева, посвященные проблемам развития российской экономики военного времени. Концепции «культурного капитализма», «государственного капитализма», новых форм кооперативного движения, выдвинутые докладчиками, несомненно, могут положить начало переосмыслению традиций, в равной степени присущих как отечественной, так и зарубежной историографии экономической истории Российской империи на завершающей стадии ее существования.

Думается, с большим интересом будут восприняты исследователями доклады В. Л. Дьячкова и Л. Г. Протасова, А. Мак-Ки, В. С. Измозика, Дж. Санборна, Б. И. Колоницкого, Б. Хеллмана, посвященные различным аспектам психологии масс в военный период. Трансформации общественного сознания под воздействием Великой войны, введения сухого закона, поисков явных и мнимых «врагов», другие проблемы исследуются на основе анализа документов и материалов, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

В дискуссионных докладах Н. Н. Смирнова, С. Морисси, В. В. Носкова анализируется поведение российской интеллигенции в годы Первой мировой войны. Выступившие с аргументированными комментариями Ю. Шеррер, Р. Зелник, А. П. Купайгородская, Е. М. Балашов, А. Н. Цамутали и др. выдвинули ряд положений, несомненно требующих дальнейшего осмысления: насколько общественно-политические настроения интеллигенции в годы Первой мировой войны отражали настроения российского общества? Действительно ли развитие новой революционной ситуации вовлекло в свою орбиту и интеллигенцию? Можно ли утверждать, что интеллигенция «повинна» в трагедии войны и революции?

Кризис империи и имперства в военную эпоху, рождение и развитие национальных и национально-освободительных движений, поведение этносов нашли

отражение в докладах М. фон Хагена, В. П. Булдакова, С. М. Исхакова. Необычные по форме и содержанию, насыщенные фактическим материалом, они также с огромным интересом были встречены участниками коллоквиума.

Организационный комитет считал целесообразным выделить в ходе коллоквиума специальное время для свободной дискуссии. В настоящем издании ее материалы представлены в разделе «Свободная трибуна». Участники дискуссии подчеркивали необходимость дальнейшего изучения проблем воздействия на исторический процесс долговременных и краткосрочных факторов, развития социального сознания и самоидентификации масс, сравнительного анализа истории России и других стран, многих других. Была выражена надежда на дальнейшее развитие международного научного сотрудничества и кооперации историков, продолжение традиции проведения петербургских коллоквиумов. Была согласована и тема международного научного коллоквиума 2001 г. — «Ученые и власть».

От имени организационного комитета была высказана глубокая благодарность McArthur foundation и фонду Сороса «Институт открытое общество» за оказанную финансовую поддержку.

Оргкомитет международного научного коллоквиума «Россия в Первой мировой войне» выражает искреннюю признательность академику-секретарю Отделения истории РАН А. А. Фурсенко, администрации СПб ФИРИ РАН и Европейского университета в Санкт-Петербурге за постоянное внимание и участие в подготовке и проведении коллоквиума, сердечные слова, высказанные при его открытии. Мы признательны также всем членам рабочей группы коллоквиума — сотрудникам СПб ФИРИ РАН и Европейского университета в Санкт-Петербурге — за прекрасную работу по организации приема и размещению его участников и гостей, оперативное размножение докладов и текущих материалов, проведению заседаний. Искреннюю благодарность мы приносим председателям секционных заседаний, прекрасно организовавшим их работу, умело направлявшим дискуссию: Б. В. Ананьичу, Г. Л. Соболеву, Б. Б. Дубенцову, Р. Ш. Ганелину, В. Ю. Черняеву, Т. М. Китаниной, С. И. Потолову.

Сложную, трудоемкую техническую работу по подготовке докладов к печати, расшифровке стенограммы дискуссии осуществили наши добрые и верные помощники — И. И. Крупская, М. Н. Румынская.

При подготовке настоящего издания редакционная коллегия стремилась опубликовать доклады в том виде, в каком они были представлены авторами. К сожалению, наши благие пожелания вошли в противоречие с реальной действительностью. Финансовые и технические затруднения вынудили редакторов несколько сократить тексты докладов и изложение дискуссии. Не публикуются тексты приветствий в адрес коллоквиума, выражения благодарности организаторам, докладчикам и участникам дискуссии. Все редакционные изменения, произведенные при подготовке тома к изданию, по возможности согласовывались с авторами. По согласованию с редакционной коллегией, ряд докладов, специально переработанных авторами (Л. Хаймсона, Б. В. Ананьича и др.) был опубликован в 1998—1999 гг. в московском журнале «Россия XXI».

Искренне надеюсь, что сборник материалов международного научного коллоквиума «Россия в Первой мировой войне» привлечет внимание специалистов историков, политологов, обществоведов, всех интересующихся историей России.

Н. Н. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. список участников коллоквиума. С. 559.

² Настоящий коллоквиум был четвертым подобного рода форумом ученых, проведенным в Санкт-Петербурге по инициативе СПб ФИРИ РАН, отделения истории РАН, зарубежных научных и учебных центров и фондов. Первый международный научный коллоквиум «Рабочий класс и революционные ситуации в России в начале XX в.» состоялся в Ленинграде 4—7 июня 1990 г. Второй — «1917 год в России: массы, партии, власть» — работал в Санкт-Петербурге 11—15 января 1993 г. Третий — «Рабочие России второй половины XIX — начала XX века: облик, менталитет, рабочие и общество, рабочие и интеллигенция» — был проведен там же 12—15 июня 1995 г. Материалы каждого коллоквиума отражены в публикациях, безусловно известных читателю: Реформы или революция? Россия 1861—1917. СПб.,

1992. 395 с.; Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. 445 с.; Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861—февраль 1917 г. СПб., 1997. 640 с.

³ В состав организационного комитета с российской стороны вошли Н. Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге), Б. И. Колоницкий (СПб ФИРИ РАН), В. В. Лапин (Европейский университет в Санкт-Петербурге), Н. Н. Смирнов (председатель, СПб ФИРИ РАН), В. Ю. Черняев (СПб ФИРИ РАН); с западной стороны — З. Галили (сопредседатель, Ратгерс университет, США), Р. Зелник (Университет Беркли, США), У. Розенберг (сопредседатель, Мичиганский университет, США), Х. Ян (Эрлангенский университет, Германия).

INTRODUCTION

The first World War was a singular event in the history of the twentieth century. Because its legacy included revolution and the Bolshevik triumph in Russia, the rise of fascism, unprecedented economic, social and psychological dislocation, the rebirth of fiercely racialized ideologies of domination, and ultimately descent again into the multiple horrors and holocausts of unrestrained social and military conflict, it is not too much to say that no event, or complex of events, had a greater effect on the development of the twentieth century as a whole. Yet until recently, Russian historians have never been able to give the World War the comprehensive attention it deserves, nor have even the most imaginative Western historians of the period been able to incorporate the Russian experience into most of their explorations.¹ As Daniel Orlovsky points out in his important essay below, there is not a single word about Russia in such major recent syntheses as Paul Fussell's *The Great War and Modern Memory*, Modris Ekstein's *Fallen Soldiers*, or Jay Winter's *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*.² Even the most recent reinterpretation of the origins of the war, one that argues that the cataclysm was the ultimate result of human folly rather than in any way the inevitable consequence of capitalist contradictions, essentially considers Russia on the margins.³ One would scarcely imagine from Western historiography that the territory of the former Tsarist Empire may have suffered a population lost of 30 million people, including the appalling famine that followed the end of fighting in Russia in 1921.⁴

This lack of attention has occurred for several reasons. While Soviet historians were obviously obliged to fit the war's broader meanings into rather rigid ideological templates, non-Russians either lacked access to the sources or a serious interest in exploring social experience over military history and politics. The result in Russia was the publication within a large literature of a few brilliant monographs by masters like V. S. Diakin and B. V. Anan'ich, whose impeccable research focused on specific dimensions of broader historical patterns, and skirted ideology nicely by avoidance; and in the West, as Peter Holquist observes below, of the war period simply being appended to studies of the revolution, especially those on 1917. Even Leopold Haimson's seminal essay on Russian social stability at the end of the old regime, whose themes he readdressed at the conference and in the essay below, has had a far greater impact on Russian and Soviet historiography generally than on the study of the war itself.⁵

The very linkage of the war to the Russian revolution has also been a constraint. Here the difficulty has not been so much the question of whether the war accelerated

existing currents of revolutionary ferment or provided a final opportunity to the beleaguered regime to reform itself, but the subordination of wartime trauma to that of the revolution and civil war. Historians have tended to ignore the fact that the war itself generated enormous social dislocations well before the revolution proper. In July 1914, the 1,423,000 men in the tsarist army already made it the largest in Europe. Before Russia's withdrawal from the war in 1918, an additional 14,375,000 men were mobilized, a staggering number by any measure, and one which could only have a profound effect on social psychology and established sets of social meaning. By one estimate, this figure represented almost one half of all able bodied men in the country, some 22 percent of the entire male population.⁶

In addition there are the inherent difficulties of conceptualizing events as complex as the war, especially in terms of the multiple and contradictory experiences they produce. Warfare is clearly the most gendered (and awful) of political activities but only recently have historians become aware that gender can be a «useful category of analysis», as Peter Gatrell demonstrates so well in his contribution to this volume, or that "awful" signifies a particular range of traumas that can define the very nature of wartime politics themselves.⁷ The same is true with questions concerning the relationships between war and both formal and popular cultures; the critical links between these cultures and military practice; the uses of memory and other ways of symbolically representing power and experience; and especially the broader implications of social and psychological dislocation in the formation and practices of post-war political and socio-economic systems.

However else one might want to describe what all wars are about, in other words, one must recognize that they are always about unsettling boundaries and picturing enemies. Boundaries pertain to geographical frontiers, of course, but also to other social barriers and borders, and hence to the systems of value that create and support them, and which they in turn reproduce. These kinds of borders are often more easily transgressed during war than at other times, either in the chaos of social dislocation or the urgency of personal need; and dangers of this sort, like those on the battlefield, often occasion particularly stringent systems of social control, since these «boundary violations» can be even more portentous to established orders than military passage through a formal frontier.

The question of one's «enemy» is also always more than a simple matter of who one is fighting against. It necessarily involves some formal definition as well of who one is, provided symbolically by uniforms, hymns, and banners, as well as, and more importantly, of who one is not. The «enemy» as a conceptual object is thus a question of internal as well as external social classification, a question of «objectivized» definition through the badges and categories of official documentation as well as a subjective understanding of one's actual place and role in broader communities. Thus, all wars are about complex issues of personal and social identity, socio-cultural ethnography, and social as well as physical geography, matters that can begin to rage intensely *within* an individual or a community at war every bit as consequentially as the incidents of external attack or retreat that frame the ways wars are most typically described.

Outcomes are also more complicated than they seem. No war is without its horrors, none without grave loss, none without the need to accommodate disillusion and disappointment. This is so even in victory since this, too, rarely matches expectations of success. Some form of memorialization is therefore invariably needed, and for all

participants. Memorials serve to somehow «explain» the reasons and value of sacrifice, to glorify or demonize the source of agony, to bring closure, if possible, to loss. In these respects, the first World War was particularly brutal in Russia. For those who survived the struggle against Austrians, Germans, and Turks, the revolution did not so much bring closure to the experience as displace its meaning. This process was well underway before the Bolsheviks came to power, of course, and was undoubtedly key to their success. Yet it also made heroes and heroism dishonorable. All loss became an unnecessary sacrifice to unworthy commitments and attachments. After 1917, the war's patriotic languages were formally and forcefully discarded, along with its symbols of service. Without them, glory and sacrifice both lost their meaning. Literally, metaphorically, and uniquely in Russia, the first World War left most former subjects of the tsar without acceptable memories. In this sense, despite the formalities of Brest-Litovsk, it never came to an effective end.

These intrinsically difficult issues have long been the focus of important work in European history, but they have only recently begun to work their way into systematic study of Russia. With this in mind, the decision was made at the Institute Russian History in St. Petersburg to convene the 1998 conference on «Russia in the First World War». As Nikolai Smirnov has outlined in his introduction, conference sessions were organized around a list of discrete and somewhat traditional categories, but our vision from the start was a broad one. Participants were encouraged to reach beyond their specific points of focus, and to provide especially in our discussions a chance to test new ideas and approaches. Thus D. Orlovsky, V. L. D'iachkov, and L. G. Protasov took up the very complicated issues of indoctrination, social consciousness, and historical memory itself, recognizing the important ways that politics are linked to social psychologies and historical perspectives. Iu. I. Kir'ianov's focused study of the numerical weakness of parties on the right was, like some of his other recent work, also an exploration of conservative mentality. And B. V. Anan'ich's essay on the Russian bourgeoisie and the issue of state monopolies was simultaneously a stimulating exploration of the notion of «cultural capitalism», provoking very interesting discussion. The questions of mobilization and population policies were addressed in similarly stimulating ways by P. Holquist, A. N. Kurtsev, and P. Gatrell. Each neatly situated Russia's particular experience within a broader analytical and geographical context, and each prompted conference participants to think carefully about the ways the war destabilized familiar social categories, to consider, as Holquist put it, the histories of people who cannot readily be accommodated within the conventional framework of organized social forces or institutions.

The discussion of politics allowed a comparable breadth. While focusing specifically on the court and high politics, essays by R. Sh. Ganelin, M. F. Florinskii, and I. V. Lukoianov alerted the conference to the ways in which even «autonomous» politics carries the substantive freight of legitimacy, and hence connects to broader patterns of social consciousness and political culture. It was thus possible through their engaging essays to consider further the very notion of the state itself in late imperial Russia, particularly as it related to the separate forms and concepts of government. J. Sanborn's notable contribution took this question further by examining the realms of local politics. His innovative study of draft riots raises questions not simply about the differences in politics and styles of control, but also about the very nature of patriotic discourse itself at various social levels, and the complex relationship between attitudes the war and attitudes about the state. A. McKee's new exploration of prohibition and

V. S. Izmozik's imaginative discussion of perustration addressed quite different questions within a comparable analytic frame, as to their essays collected in this volume.

Several important contributions took up directly the troublesome questions of social culture and political culture, analyzing how these tangled phenomena both affected and were affected by the war, and how the *experience* itself of war was differently understood. N. N. Smirnov and S. Morissey connected patriotism and radicalism, B. I. Kolonitskii looked at the political uses of «anglophobia», and V. Iu. Cherniaev, while focusing on politics, approached the issue of the Empire's possible «democratic transformation» in ways that allowed a discussion of how the underlying values of this set of perspectives related to those of society more broadly. As readers will see from Kolonitskii's essay below, his contribution took up directly the central question of «enemies». His original approach to this issue allowed him not only to present new and fascinating archival material, but also to make intriguing suggestions about the possible relation between feelings toward «official» allies and foes abroad and «unofficial» ones at home. In absorbing ways, these matters were also approached more indirectly by V. V. Noskov's study of spirituality and Russia's «spiritual elite», and B. Helman's analysis of «Lubochnaia literatura», as well as J. Friedlander's imaginative and original analysis of the cultural context of «shell shock» and the various ways in which this awful syndrome was understood by various social institutions. Readers will find here a particularly fruitful way of seeing Russia's own wartime experience within a much broader humanistic context.

The final conference sessions on empire, national movements, and the economy all pressed conceptual boundaries as well. V. P. Buldakov's effort to rethink the «crisis of empire» in socio-cultural terms, M. von Hagen's analysis of ethnic self-consciousness and S. M. Iskhakov's review of Moslem perspectives again approached the experience of war essentially in terms of the complex subjectivities of identity as well as the easier institutions of national classification. The question of taxation taken up by Y. Kotsonis introduced fascinating material about the subtexts of economic processes, an important current issue of economic anthropology. T. M. Kitanina, A. V. Ostrovskii, and S. G. Beliaev each brought the question of political discourse to the conference's attention in their analysis of specific economic relations, and allowed conference participants to confront the consequential subjective aspects of what has too often been conceptualized, as Kotsonis reminds us below, in terms simply of «objective» economic process.

As readers of this excellent collection will readily see, the implicit subtext of the conference contributions as a whole was, not surprisingly, that of war and revolution. The complexities of this subject were astutely framed in L. Haimson's presentation opening the conference, and the subject of much discussion especially by the conference commentators, whose contributions to this and other questions need very much to be acknowledged. The influence of F. Wcislo, H. Jan, J. Scherrer, Z. Galili, I. V. Alekseeva, R. Zelnik, A. P. Kulpaigorodskaia, E. M. Balashov, and B. Bonwitch was indispensable to the task of steering clear of implicit teleologies and avoiding the tendency to read meaning backwards into an historical moment that generated a momentous set of meanings of its own. Readers will quickly understand how well these tasks were accomplished from the excellent essays included in this volume.

W.G. Rosenberg

THE NOTES

- ¹ See the discussion of this in the important collection *Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории* / Ред. Ю. А. Писарев и В. Л. Мальков. М., 1994.
- ² *Fussell Paul*. *The Great War and Modern Memory*. London, 1975; *Eksteins Modris*. *The Great War and the Birth of the Modern Age*. Boston, 1989; *Winter Jay*. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge, Eng., 1995.
- ³ *Ferguson Niall*. *The Pity of War: Explaining World War I*. London, 1998.
- ⁴ On Russia's population loss, see *Волков Е. З.* *Динамика населения СССР за восемьдесят лет*. М., 1930. С. 262; *Lorimer Frank*. *The Population of the Soviet Union: History and Prospects*. Geneva, 1946. P. 29—43.
- ⁵ *Haimson Leopold*. *The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917* // *Slavic Review*. 1964. Vol. 23. No. 4. P. 619—42; 1965. Vol. 24. No. 1. P. 1—22.
- ⁶ Центр. Стат. Управление. *Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах)*. М., 1925. С. 4; *Любный-Герчук Л. И.* *Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции*. М., 1926. С. 26.
- ⁷ The phrase, of course, is Joan Scott's. See: *Scott J.* *Gender and the Politics of History*. New York, 1988. Chap. 2.

I

ТЕОРИИ,
КОНЦЕПЦИИ,
МЕТОДОЛОГИИ

Леопольд Хаймсон

**РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО
И СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА В РОССИИ В ПЕРИОД ОТ КАМУНА
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

ЧАСТЬ I. РАЗВИТИЕ ПРЕДВОЕННОГО КРИЗИСА (1912—1914 гг.)

Более тридцати лет назад я уже подготовил публикацию о характере социального и политического кризиса в России накануне Первой мировой войны.¹

Стоит кратко охарактеризовать суть и логику полемики вокруг этой статьи, в которую с самого начала внесли свой вклад сторонники и оппоненты как Февральской, так и Октябрьской революции (или «переворота»), используя язык оппонентов Октября). И те, и другие утверждали, что если бы не война и все страдания и трудности, которые она принесла народам России, вызвав изменения в политической, социальной и экономической жизни империи, не произошло бы Февральской революции и тем более «Октябрьского переворота». Напротив, сторонники и Февральской, и Октябрьской революции настаивали, используя различные аргументы, что революции были исторически неизбежны и тем самым исторически необходимы и морально оправданы. Февраль и Октябрь 1917 г. стали в глазах их сторонников неизбежными даже при отсутствии проблем, вызванных Первой мировой войной. Такая логика присуща не только сторонникам и оппонентам революции 1917 г., но имеет глубокие корни в характере исторического мышления и общего развития мировоззрения русской интеллигенции XIX — начала XX в. Я глубоко убежден, что такие аргументы совершенно чужды задачам историка, и их скорее можно назвать метаисторическими из-за их метафизических и идеологических основ, а также из-за невозможности подтвердить их на базе каких-либо исторических источников.

После публикации упомянутых статей мне удалось поработать в архивах Петербурга и Москвы, и я смог выявить малоизвестные архивные материалы, которые отвечают на ряд вопросов по поводу развития этого кризиса, но главным образом освещают их в новом свете. В своем докладе я хотел бы изложить те подходы, которые наиболее продуктивны, на мой взгляд, для анализа процессов развития политического и социального кризиса в России, вплоть до «Октябрьского переворота», используя наиболее яркие иллюстрации из неопубликованных архивных материалов.

В чем мое нынешнее понимание политического и социального кризиса в России накануне войны? В чем отличие от картины, представленной в моих ранее опубликованных статьях? Интерес к сопоставлению двух анализов, разделенных между собой тридцатилетием, вызван не только тем, что в течение этих лет мне удалось подробно изучить материалы российских архивов по предвоенному периоду, но и тем, что в результате изучения дальнейшего развития этого кризиса в течение войны и революции я получил возможность увидеть события в ретроспекции. Такой ретроспективный взгляд особенно ценен, как мне представляется, для изучения роли в развитии длительных и медленных процессов, так называемых «processus de longue duree», по выражению Броделя, которые медленно и мало менялись в период между 1914 и 1917 гг. Речь идет о характере разных структур, включая политические и социальные учреждения, формальные и неформальные, которые сыграли существенную роль в определении взаимоотношений разных групп и их взаимодействия с властью. С субъективной точки зрения имеется в виду отражение всех этих структур в менталитете, то есть в наиболее стабильном и медленно меняющемся аспекте психологической ориентации индивидуумов и групп, участвующих в развитии предреволюционного и революционного кризиса.

Еще тридцать лет назад я начал использовать двустороннюю формулировку для описания политической и социальной ситуации в России накануне войны: несмотря на то, что уже в 1914 г. она приняла характер острейшего политического и социального кризиса, дальнейшее углубление этого кризиса оказалось замедлено, если не заморожено, накануне войны. Объяснение этого факта, на мой взгляд, заключалось в соединении политических и социальных факторов в характере этого кризиса. Эти смешанные факторы вызывали противоречивую реакцию всех политических и государственных деятелей. При этих условиях рассуждения о том, что произошло бы, если бы не война, оказываются тем более бессмысленными, так как почти все политики и государственные деятели в июле 1914 г. не имели четких представлений о перспективах развития и своих возможных действиях.

Перейдем к анализу настроений и поведения главных участников развития предвоенного кризиса, начиная с рабочих Петербурга и особенно активистов рабочего движения. Так как я опубликовал довольно много статей на эту тему,² я постараюсь представить мои замечания о рабочем движении по возможности в наиболее сжатой форме. Что касается характера и динамики развития стачечного движения, особенно среди металлистов Петербурга, необходимо подчеркнуть последствия полного поражения длительных и упорных экономических стачек, проведенных летом и осенью 1913 г. металлистами ряда заводов, особенно в Выборгском районе. После этого переломного момента стачечная волна в среде металлистов Петербурга приняла те особые черты, которые отличали ее в течение 1914 г. до самого начала войны: проведение почти исключительно политических стачек, которые принимали форму кратковременных, но почти непрерывных всплесков, сопровождаемых политическими демонстрациями. При этом весьма малое количество стачек проводилось под экономическими лозунгами.

Из анализа поведения участников становится ясно, что эти стачки отражали динамику борьбы нарастающего революционного характера. Несмотря на их политический характер, эти стачки были направлены не только против политических представителей власти, но и являлись протестом против всех проявлений

унизительного отношения к рабочим со стороны властей, администраций предприятий и даже представителей цензового общества. Таким образом, в этой революционной борьбе был смешан ряд социальных и политических мотивов: борьба против остатков кастовых отношений, борьба за равные политические и социальные права, за признание «культурного» образа жизни рабочих со стороны цензового общества.

Последний эпизод, на котором мы остановились в нашем анализе предвоенной стачечной волны в наших статьях в «Slavic Review», была всеобщая политическая забастовка июля 1914 г. Я обратил особое внимание на два аспекта, который приняла эта забастовка в Выборгском районе Петербурга. Во-первых, это упорные усилия металлистов Выборгского района — впервые после ленских событий — прорваться по мостам через Неву в центр города. Главными участниками были металлисты тех же предприятий Выборгского района, рабочие которых 23 февраля 1917 г. прорвались в центр города и тем самым начали события Февральской революции. В июле 1914 г., несмотря на упорные усилия, попытки рабочих перейти через Неву были неудачны.

Разница между этими двумя сценариями заключалась не столько в том, что Нева в феврале 1917 г. была замерзшей, а главным образом в различиях в поведении защитников правопорядка, которым была поставлена задача блокировать рабочих Выборгского района, а также в решающей роли, которую сыграли части военного гарнизона, принимавшие участие в дальнейших событиях.

Стоит упомянуть еще один, не менее важный аспект событий в Выборгском районе в июле 1914 г. Это было упорное сопротивление всего рабочего населения, включая работников других предприятий, а также членов семей рабочих (включая их детей), наступающим на их район полицейским, жандармам и казакам. Из отчетов охранного отделения Департамента полиции мы получаем детальное описание борьбы в Выборгском районе, но они не отличаются по существу от кратких сообщений корреспондентов, опубликованных на страницах либеральных газет: строительство импровизированных баррикад из мебели, деревьев и телефонных столбов, бросание из окон жилых домов камней и других тяжелых предметов. Эта картина многим напоминает сопротивление населения рабочих кварталов Парижа отрядам версальцев во времена Парижской Коммуны 1871 г. В июле 1914 г. борьба рабочих Выборгского района была сломлена лишь после прибытия элитной бригады кавалеристов из Царского Села.

Конечно, действия рабочих Выборгского района в июле 1914 г. отличались от поведения рабочих других районов Петербурга своей решительностью и упорством, но так было и в начале февральских дней 1917 г. Изучение материалов Департамента полиции только подтверждает заключение о том, что разница между этими двумя этапами развития политического и социального кризиса и их исходами вряд ли может быть объяснена различием в уровне революционного настроения и поведения рабочих столицы.

Я возвращаюсь к драматическому контрасту между настроением представителей цензового общества и части интеллигенции, собравшихся в центре Петербурга, чтобы приветствовать французского президента и выразить свои патриотические чувства, и трагическими сценами репрессий против населения Выборгского района на другой стороне Невы, по двум существенным соображениям.

Необходимо детальнее обсудить взаимоотношения разных слоев населения империи, а также их отношение к власти в связи с тезисом, довольно широко

распространенным в последнее время в американской исторической литературе, о том, что в России в период кануна Первой мировой войны было в значительной степени создано гражданское общество.

Употребление формулировки «гражданское общество» в данном историческом контексте мне кажется неуместным не только из-за того, что эта формулировка тогда не использовалась представителями российской общественности, но главным образом потому, что реалии российской действительности резко противоречили сути этого понятия из-за широкого распространения политического произвола и политических репрессий даже в столицах империи.

Что касается Санкт-Петербурга, вряд ли надо упоминать, что при статусе «чрезвычайного охранного положения», которое беспрерывно действовало в столице с 1881 г., политические репрессии, включая высылку лиц, арестованных по политическим мотивам, проводились в административном порядке, без участия судов и других органов юстиции.

В Москве — очаге борьбы общественности за автономное существование со времен великих реформ — ситуация накануне войны выглядела несколько иной. Среди признаков модернизации и политического самоутверждения московской общественности можно отметить поражение Гучкова и победу кадета Челнокова в борьбе за место Городского головы в результате муниципальных выборов 1912 г. Но не менее значительным свидетельством духа нового времени стал успех новой современной газеты либерального направления «Русское слово», которая выходила огромным тиражом. Но даже эти неоспоримые признаки прогресса не могут скрыть существенные недостатки в развитии общественности и ее учреждений. Эти недостатки были отражены даже в самих понятиях «общество» и «общественность», которые исключали низы городского и деревенского населения.

Развитие процесса демократизации было невозможно вследствие отсутствия существенных реформ формальных и неформальных структур, игравших столь важную роль в формировании и определении социальных групп, их взаимодействия и их отношения к власти. Напомним, что характер выборов и функционирования органов самоуправления определялся до революции 1917 г. правилами законодательства периода контрреформ, с ее открытым утверждением кастовой системы в определении социальных групп, участвующих в выборах, и в функционировании этих органов, а также в резком ограничении прав и автономности земских учреждений и городских дум. Не менее значительную роль в процессах маргинализации низов населения России и их отстранения от участия в социальной и политической жизни страны играл новый закон о выборах в Государственную думу, принятый во время столыпинского переворота. Характер избирательного закона в не меньшей степени, чем репрессии против крестьянских волнений 1906 — начала 1907 г., определил политическую пассивность, которую крестьянские депутаты проявили в Третьей и Четвертой Государственной думах. Эта пассивность, представлявшая собой яркий контраст бурной деятельности крестьянских депутатов Первой и Второй Думы, объяснялась главным образом осознанием этими депутатами и их избирателями того факта, что характер нового большинства, сформированного в Третьей Государственной думе в результате нового избирательного закона, исключал любую возможность принятия законодательства о передаче помещичьих земель крестьянскому населению. Можно даже предположить, что таким образом состав Третьей и Четвертой Думы внес свой вклад

в сохранение партикуляризма, который отличал политическую культуру крестьян и отчуждал их от других групп населения.³

Этот партикуляризм крестьян, получивший дальнейшее развитие в ходе войны и революции, отражался в узости их политического кругозора, который ограничивался стремлением к достижению узко определенных сословных интересов (в первую очередь к приобретению земель помещиков), исключая при этом признание интересов каких-либо других социальных групп.⁴

Политическое поведение рабочих, участвовавших в забастовочной волне после ленских событий 1912 г., во многом отличалось от политической культуры крестьян. Мы уже отметили некоторые аспекты сложного и даже противоречивого отношения петербургских рабочих к представителям цензового общества столицы. Частично мы охарактеризовали стремление, особенно заметное в среде молодых урбанизированных рабочих, к достижению культурного образа жизни более привилегированных слоев населения, как «революцию завышенных ожиданий». Необходимо также подчеркнуть, что в представлениях этих молодых рабочих о культурном образе жизни играла значительную роль форма «вежливого обращения», которую члены цензового общества соблюдали по отношению друг к другу, включая обращение на «вы», а не на «ты». Обращение на «ты» использовалось в «обществе» по отношению к детям и очень близким лицам, а с другой стороны — при обращении к нижестоящим, например, к прислуге. Так же обращались помещики к крестьянам, воспринимая их как представителей низшего сословия. Поэтому настаивание рабочих на вежливом обращении с ними со стороны представителей цензового общества, со стороны мастеров и представителей администрации их заводов и даже со стороны представителей правопорядка, с которыми они сталкивались в ходе проведения стачек и демонстраций, отражало новое и важное политическое и социальное явление. Это было восстание, особенно в среде нового поколения петербургских рабочих, против всех форм отношения со стороны представителей власти, а также цензового общества, которые ставили их в положение подчиненной и униженной касты.

Рабочие требовали равных с представителями цензового общества прав и в то же время не менее настоятельно требовали полного признания особого, независимого статуса. Другими словами, используя формулировку английского философа Дж. Локка, этим требованием петербургские рабочие настаивали на признании того, что они принадлежат самим себе, а не являются чьей-либо собственностью.⁵

Патриотическое настроение, продемонстрированное в течение июньских дней цензовым обществом и профессиональной интеллигенцией, стало после объявления войны главным показателем психологической дистанции и нарастания политических конфликтов между этими кругами и рабочими столицы.

Даже в течение 1917 г., несмотря на первоначальный общий энтузиазм по поводу новой эры, открытой революцией, и на усилия Церетели использовать эту атмосферу для создания союза всех «живых сил» нации, включая «демократию» и «прогрессивные» элементы буржуазии, для спасения страны и революции, его риторика имела только временный успех в рабочей среде. Существенная причина его неудачи заключалась в том, что у рабочих отсутствовало ощущение, что они принадлежат к единой нации. Отсутствие такого ощущения, и более того — отсутствие у рабочих самого понятия о нации, исключало возможность появления в их среде настоящего национализма и даже национального чувства. При таких

условиях в 1917 г. нежизнеспособность коалиционного правительства была predetermined, хотя оно как будто бы и представляло все «живые силы» нации.

Мы уже отметили, что всеобщая политическая стачка петербургских рабочих в июле 1914 г. вызвала незначительный отклик в других промышленных районах, ограничившись немногочисленными стачками в некоторых крупных городах. Это усугубило чувство изоляции и беспомощности даже в среде молодых рабочих. Хотя 10 июля они отказались выполнить указание Петербургского комитета прекратить забастовку, 17 июля, за несколько дней до начала войны, они прекратили стачку, и в столице был восстановлен полный порядок. Отчеты Департамента полиции не отрицают эти данные, однако дают более полную картину рабочего движения в других промышленных районах, которые помогают нам лучше объяснить реакцию встревоженных властей. Особенно показательны были крупные стачечные волны, которые развивались на бакинских нефтяных промыслах и в Костромской губернии.

Забастовки рабочих на заводах русских и иностранных нефтепромышленных компаний в Баку характеризовались с самого начала столкновениями рабочих с силами правопорядка. Закончились они в начале июля кровавыми репрессиями, в ходе которых были убиты и ранены сотни бастующих рабочих и члены их семей, включая детей. Сообщения об этих кровавых репрессиях стали одним из поводов объявления стачки в Петербурге.

Волна экономических стачек в Костромской губернии, которая началась в июне 1914 г., не сопровождалась подобным кровопролитием и не вышла из рула экономической борьбы до самого ее окончания в сентябре 1914 г. (когда война шла уже целый месяц!). В ходе забастовок рабочие текстильных поселков Костромской губернии проявили высокий уровень организации и зрелости. Списки их требований часто включали более ста пунктов, тщательно перепечатанных на машинке. Они состояли не только из различных экономических требований, но и из жалоб на грубое поведение мастеров и других представителей администрации предприятий и требования вежливого обращения с рабочими. Группа рабочих одного из этих поселков предложила организовать стачку протеста после объявления войны и отказалась от этой инициативы только по настоянию рабочего депутата Думы Шагова.

В более широкой перспективе деятельность Шагова и других рабочих депутатов в довоенный период имела огромное политическое значение. Мы уже отмечали роль, которую сыграли во взрыве всеобщей политической забастовки в Петербурге в июле истерические выступления депутата Бадаева по поводу выдуманного им расстрела рабочих Путиловского завода. Что касается Шагова, то жандармы посылали ежедневные отчеты о его поездках в разные бастующие промышленные поселки в Костромской губернии (кроме тех дней, когда жандармы не могли найти свежей лошади, чтобы следовать за Шаговым). Шагов выступал перед толпами бастующих с подробными отчетами о борьбе рабочих Костромской и других губерний и о дальнейших перспективах развития рабочего и революционного движения в стране. Он подробно отвечал на вопросы и просьбы своих слушателей, давал бастующим рабочим практические советы и, кроме того, предлагал рабочим свои услуги, включая передачу в высшие инстанции их протестов по поводу нарушения законов со стороны жандармов и других представителей администрации. После чтения ряда докладов о деятельности Шагова губернатор Костромской губернии жаловался в письме, адресованном министру

внутренних дел Н. А. Маклакову: «Кто управляет Костромской губернией, депутат Шагов или я?»

Характер таких сообщений, несомненно, внес вклад в рост опасений со стороны министра внутренних дел и самого государя об угрозе революционных волнений. Еще весной 1913 г., во время поездки председателя Совета министров В. А. Коковцова в Париж для обсуждения финансовых вопросов, Маклаков получил по своей просьбе аудиенцию у государя для обсуждения кризисной ситуации, вытекавшей, по его мнению, из все более угрожающего характера рабочих волнений, равно как и из политической радикализации либерального движения. Маклаков как будто встречался с государем два раза при полном соблюдении конфиденциальности. Он нарисовал страшную картину революционного кризиса, угрожающего стране, и рекомендовал принятие ряда радикальных мер для его предотвращения. Его рекомендации, которые в целом представляли собой предложение о проведении государственного переворота, включали объявление осадного положения в столице, разгон Государственной думы и создание на ее месте думы с совещательными, а не законодательными правами, отмену парламентского иммунитета думских депутатов (который рабочие депутаты так успешно использовали в своей агитационной и организационной деятельности), и, наконец, проведение предварительной цензуры политических материалов газет и других публикаций.

Император, похоже, заинтересовался предложениями Маклакова, но Коковцов, как он рассказывает в своих воспоминаниях, узнав об этих разговорах по своем возвращении в Петербург, моментально эти предложения остановил. Единственный их след заключался в составлении Министерством юстиции законопроекта о введении предварительной цензуры.

Но в начале 1914 г., после вынужденной отставки Коковцова и назначения на освободившуюся должность председателя Совета министров старого сановника Горемыкина, последовала вторая малоизвестная глава этой истории. Дискуссии о проведении переворота по сценарию, рекомендованному Маклаковым, возобновились, на этот раз с участием председателя Совета министров, и, по нашим данным, происходили до конца весны 1914 г. при одобрении государя. Кроме широкого распространения зарегистрированных в отчетах Департамента полиции слухов среди членов Государственной думы о намечающемся государственном перевороте, мне до сих пор удалось найти только одно, но бесспорное доказательство результатов этих новых переговоров. Это текст указа, провозглашающего объявление осадного положения в Петербурге, разгон Государственной думы и объявление о создании на ее месте новой Совещательной думы. Существуют даже напечатанные версии этого указа, одна датированная июнем и другая — июлем 1914 г. Отсутствуют только точная дата планируемых событий и подпись императора для публичного объявления и распространения указа. Я могу только предполагать, что представители власти колебались до последней минуты, проводить ли намеченный государственный переворот. Их опасения могли быть вызваны тем, что публикация указа могла оказаться толчком для революционного взрыва, предотвращению которого эти меры и должны были бы служить.

Третьим значительным фактором в развитии предвоенного кризиса, который также волновал правительственные круги, явилась эволюция настроений в либеральном движении и определение политических программ, тактики и лозунгов лидерами различных партий и фракций, претендующих на руководство движени-

ем. Первый этап этого процесса начался уже осенью 1912 г., когда на основе своего анализа результатов выборов Четвертой Государственной думы П. Н. Милюков провозгласил «urbi et orbi» банкротство умеренной тактики «органической оппозиции», скрупулезно проводившейся кадетской партией под его руководством после объявления нового закона о выборах в Государственную думу после столыпинского переворота. Милюков теперь признал, что проведение тактики «органической оппозиции», отказывающейся от требований радикальных политических перемен и предлагавшей только такие мероприятия, как создание «мелкой земской единицы» и искоренение произвола со стороны местной и центральной администрации, которые могли бы быть осуществлены без угрозы глубокого политического кризиса, не приближало партию к ее главной политической цели: созданию оппозиционного большинства в Государственной думе при поддержке умеренных кругов общественности, включая крупных землевладельцев, которые до того момента поддерживали кандидатуры представителей Союза 17 Октября. Вместо этой провалившейся тактики Милюков предложил теперь перейти к тактике «декларативной оппозиции», суть которой заключалась, в первую очередь, в кампании по мобилизации общественного мнения; чтобы с помощью давления на членов Государственной думы сформировать в Думе новое оппозиционно настроенное большинство. Это большинство использовало бы свое право на утверждение государственного бюджета, чтобы систематически отказываться от предлагаемого правительством бюджета до того момента, когда под этим давлением правительство вынуждено было бы уступить требованиям о проведении радикальных политических реформ: новый демократический избирательный закон о выборах в Государственную думу, правительство, ответственное перед Государственной думой, и прочее.

Несмотря на возражения правых кадетов, которые считали ее опасной авантюрой, тактика, предложенная Милюковым, на первых этапах достигла значительных успехов. Она была одобрена громадным большинством делегатов конференции партии осенью 1912 г. На осенней сессии Думы 1912 г. фракция прогрессистов одобрила схожую программу на своей первой учредительной конференции. Наиболее неожиданными и важными были решения конференции Союза 17 Октября, созванной в Москве летом 1913 г. по инициативе Гучкова и его сторонников и одобрившей проведение такой же тактики, декларативно направленной на реализацию существенных политических реформ, включая реформу избирательного закона. Можно видеть заметную разницу между программными требованиями, представленными на московской конференции октябристов, и программой кадетов. Но несмотря на эти тонкости, в этот момент казалось, что тактика «декларативной оппозиции», объявленная Милюковым осенью 1912 г., одержала полную победу и что создание оппозиционного большинства в Государственной думе было налицо.

Эта иллюзия развеялась, как только депутаты Государственной думы собрались на осеннюю сессию 1912 г. Прения по поводу резолюции московской конференции привели к расколу среди депутатов Союза 17 Октября. Громадное большинство из них, около ста (включая фракции земских октябристов и будущих правых октябристов), решительно отказались от принятия резолюции московской конференции, и только около 15 левых октябристов — последних могикан из числа политического руководства депутатов Союза в начале Третьей Го-

сударственной думы — голосовали за проведение программы и тактики, предложенной Гучковым и его сторонниками.

Этот поворот представлял собой полное и окончательное банкротство тактики «декларативной оппозиции», объявленной Милюковым, тем более что земские октябристы выражали настроение своих избирателей, особенно в среде крупных землевладельцев, гораздо вернее, чем Гучков и его окружение.

На этом фоне общего признания отсутствия выхода из нарастающего кризиса в рамках существующих представительных учреждений, при усилившихся слухах о подготовке государственного переворота представители разных течений русского либерализма собрались в начале сессии Государственной думы весной 1914 г.

На заседаниях ЦК кадетской партии скромное меньшинство левых кадетов во главе с Некрасовым и Коллюбякиным выступило с требованиями перейти к более решительной тактике. Она выражалась в заключении немедленного союза с крайними левыми с целью проведения согласованной кампании политических демонстраций и стачек, которая вынудила бы правительство уступить требованиям оппозиции под угрозой или, при необходимости, в результате осуществления революции. Предложение левых кадетов спровоцировало страстные дебаты, в которых Милюков принимал активное участие, имея на своей стороне большинство членов ЦК.

Милюков заявил, что время Союза Освобождения и его союза с крайними левыми уже прошло, так как социальные группы, представленные тогда кругами либеральной и радикальной интеллигенции, доросли до того, чтобы жить самостоятельной политической жизнью, и это обстоятельство обнаружило непримиримые конфликты между ними. При этих условиях тактика, предложенная левыми кадетами, смогла бы привести только к двум альтернативным катастрофическим последствиям. Первым последствием проведения предложенной ими тактики был бы толчок к организации государственного переворота, слухи о котором так широко распространились в Государственной думе. При втором возможном варианте событий тактика, предложенная левыми кадетами, могла бы успешно проводиться на первой стадии, однако окончательными политическими победителями такого переворота стали бы не кадеты, а крайние левые. Более того, такой переворот открыл бы дорогу росту громадных волнений среди масс русского народа, которые приняли бы стихийный и зверский характер, напоминающий смуты Разина и Пугачева. Такой сценарий привел бы к полному уничтожению кадетской партии, а также ценностей и достижений русской цивилизации, которые партия старалась защищать.

Ответ Некрасова был не менее страстным. Катастрофический сценарий, нарисованный Милюковым, действительно мог бы осуществиться при одном условии: если бы кадеты и остальные представители русского либерализма остались пассивными наблюдателями, не принимающими никакого участия в событиях. Единственный выход из ситуации, настаивали Некрасов и его сторонники, заключался в том, чтобы лидеры русского либерализма решительно приняли на себя руководящую роль в развитии народного движения и тем самым смогли бы влиять на его характер и политические цели.

В этой дискуссии и Милюков, и Некрасов выразили свои искренние убеждения по поводу дальнейшего развития политического и социального кризиса, которые они исповедывали до осени 1917 г. Они оба оказались правы в своих про-

гнозах в глазах участников либерального движения на различных этапах развития революционных процессов. Но в ближайшей перспективе позиция Милюкова была одобрена громадным большинством и ЦК, и делегатами конференции кадетской партии в июне 1914 г. (только группы делегатов киевского и рижского городских комитетов одобрили позицию левых кадетов).

Фракция прогрессистов (главным образом, московские прогрессисты под руководством Коновалова) была в среде течений русского либерализма единственной фракцией, державшей курс на революционную конфронтацию с царским режимом. Архивные материалы Департамента полиции освещают их деятельность накануне войны не более детально, чем давно опубликованная в «Историческом архиве» переписка Скворцова-Степанова и Ленина о деятельности Московского информационного комитета, сформированного весной 1914 г. по инициативе московских прогрессистов. Как Скворцов-Степанов сообщал Ленину, этот Комитет ставил себе задачу координировать действия широкой коалиции либеральных и радикальных течений против существующего политического порядка. В этой связи Скворцов упоминал в письме Ленину о финансовой поддержке, оказываемой прогрессистами большевикам с начала с 1913 г. и об их обещании финансировать съезд, планировавшийся большевиками летом 1914 г. Однако большевики отказались от предложения участвовать в Информационном комитете.

Стоит упомянуть и краткие отчеты Департамента полиции о разговорах Гучкова с высокопоставленными военными весной 1914 г., они иллюстрируют еще одно общее заключение: поведение разных представителей политической оппозиции на этой стадии кризиса не зависело от характера их дальнейшей программы, была ли она умеренной или радикальной. Их поведение зависело от уверенности в своей способности контролировать кризис и развитие страны в ближайшем будущем. Вряд ли необходимо добавит, что отсутствие такой уверенности характеризовало настроение и поведение большинства участников политического и социального кризиса накануне Первой мировой войны.

ЧАСТЬ II. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА В ПЕРИОД ОТ ОБЪЯВЛЕНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Рассмотрим явления, различающиеся по своему характеру и причинам. Я имею в виду явления, которые можно в целом рассматривать как совершенно новые, связанные с войной, а также явления, которые можно считать продолжением процессов, заметных до начала войны, а в ряде случаев и в более длительной исторической перспективе.

С другой стороны, мы встречаем явления, которые стоит рассматривать как продолжение и даже ускорение уже развивающихся процессов перемен, т.е. как процессы, которые можно определить как последовательности в процессах перемен (*continuities in change*). Они отражают совместные эффекты длительных процессов перемен в структурах российского общества и последствия конъюнктуры Первой мировой войны.

Начнем наш анализ с наиболее длительных и медленно меняющихся процессов в структурах дореволюционной России. Даже в этом отношении нельзя утверждать, что никаких существенных перемен не произошло в течении войны: я

имею в виду, в частности, создание добровольных организаций с участием представителей низов российского общества. Но, несмотря на деятельность этих новых, как будто неформальных структур, необходимо признать, что формальные структуры российской государственности и даже органы самоуправления российского общества (в той форме, в которой они были переопределены в период контрреформ), поддерживали до самой революции глубокие различия и психологическую дистанцию между верхами и низами и городского, и сельского населения. Это различие между верхами и низами было отражено как в характере учреждений, определяющих их ежедневную жизнь, так и в менталитете, который выражался в их образе жизни, отношении друг к другу и отношении к политической власти. Вряд ли можно отрицать, что эти черты развития структур и менталитета верхов и низов российского общества не влияли на характер, который принимали революционные процессы 1917 г.

Рассмотрение последствий войны начнем с рабочих России, прежде всего участников предвоенного рабочего движения. Крупнейшим последствием войны был призыв в армию всех мужчин, за исключением тех, кто работал на предприятиях военной промышленности. В эту категорию входили рабочие механических и металлоперерабатывающих предприятий страны, главным образом сконцентрированных в Петербурге и особенно в Выборгском районе столицы. В статистике о стачках, которую мы тщательно изучили по отчетам Фабричной инспекции, выделяется тот факт, что металлисты Петербурга (как и другие рабочие столицы) почти не бастовали, в отличие от рабочих некоторых других промышленных районов, в первой фазе волны забастовок (преимущественно экономических) с января по июль 1915 г.⁶

Сейчас стало модно объяснять это затишье тем, что рабочие Петербурга, включая даже металлистов, с патриотизмом встретили объявление войны. Не исключая такого объяснения, я предпочитаю подчеркнуть чувство полной изолированности и психологической дезориентации, которые испытывали рабочие из-за репрессий и политических мер, предпринятых правительством после объявления войны: роспуск Государственной думы, арест большевистских депутатов, закрытие рабочих газет и организаций (профсоюзов, клубов просвещения, рабочих кооперативов, касс страхования рабочих и т. д.). Так как эти структуры стали накануне войны главной опорой и нелегальной и легальной деятельности меньшевиков и особенно большевиков, легко представить, насколько эти репрессии подрывали основы любой политической деятельности среди рабочих. В этих условиях, окруженные националистически настроенными слоями населения столицы, рабочие были дезориентированы и даже временно смогли поддаться преобладающему националистическому настроению.⁷

Резкий поворот в настроении и поведении петербургских металлистов и заметное оживление оппозиционных групп цензового общества и части интеллигенции отмечались летом 1915 г. В августе и в сентябре прошла волна политических стачек. Как никогда эти политические стачки были сконцентрированы среди Петербургских металлистов и особенно среди металлистов Выборгского района, и эта тенденция была заметна вплоть до Февральской революции.⁸

Толчок для этой волны политических забастовок был дан стачками протеста против расстрела рабочих Иваново-Вознесенска и Костромы, протестовавших против повышения цен и нехватки продуктов даже в лавках их предприятий. Однако и другие факторы влияли на продолжение этой волны стачек. Среди них

необходимо отметить поражение русской армии в Галиции при условиях (включая недостаток оружия и снарядов), которые вызвали шок. Чувство озлобления и негодования было таково, что правительство, наконец, было вынуждено созвать Государственную думу, заседания которой были прерваны после начала войны.

Возобновление заседаний Думы создало форум для мобилизации разных групп оппозиции. Для дальнейшего развития рабочего движения стимул был дан дебатами и голосованием по вопросу военного бюджета. Социал-демократическая фракция (которая теперь состояла исключительно из меньшевиков, так как все большевистские депутаты были уже в ссылке) использовала эту возможность для представления Циммервальдской программы («заклочение всеобщего мира без аннексий и контрибуций») и единогласно голосовала вместе с трудовиками против военных кредитов. Среди политических партий воюющих стран только они голосовали единогласно против кредитов, и их поведение получило широкий резонанс в рабочей среде. С этого момента лозунгом всех политических стачек петербургских металлистов и других российских рабочих стал призыв «Долой войну!» наравне с лозунгами «Долой самодержавие!» и «Да здравствует демократическая республика!».

Период войны дал рабочим (или, точнее, рабочей интеллигенции) возможность принять активное участие в политической жизни, используя в этих целях все легальные возможности добровольных организаций. Представители рабочих активно участвовали в различных совещаниях этих организаций, но использовали их по-своему — для представления особой программы и предъявления требований рабочего движения. Уже на первом подобном собрании, в котором они приняли участие (съезд по борьбе против дороговизны летом 1915 г.), представители рабочих ультимативно требовали от организаторов предоставления им отдельного помещения для проведения дискуссий и формулирования резолюций, отражающих особые интересы рабочего класса.

Роль рабочей интеллигенции в развитии движения рабочих, а также и других групп российского общества представляет собой тему огромного значения, но также является и острейшей проблемой для интерпретации и анализа развития политического и социального кризиса в России, особенно в период войны и революции. Рабочая интеллигенция, другие круги социал-демократической интеллигенции играли огромную роль не только в выражении, но и в определении интересов участников рабочего движения. Не менее важно, что рабочая и социал-демократическая интеллигенция играли центральную роль, раскрывая интересы рабочего класса другим группам российского общества (или, точнее говоря, интеллигенции, представляющей эти группы). Таким образом эти круги интеллигенции играли решающую роль в формировании представлений о рождении той объединенной «нации», к «жизненным интересам» которой Церетели пытался апеллировать в 1917 г.⁹

Однако та выдающаяся роль, которую сыграла интеллигенция, представляла постоянную опасность для интерпретации политического и социального кризиса в России начала XX века. Порой кажется, что высказывания интеллигенции, в том числе и рабочей интеллигенции, автоматически выражали, или во всяком случае отражали, настроения тех классов, интересы которых они старались представлять.

В этой связи хотелось бы еще раз упомянуть о встрече только что избранных лидеров рабочей группы Гвоздева и Богданова с руководителями Центрального

Военно-Промышленного комитета в конце лета 1915 г. Напомним, что на этой встрече Гвоздев и Богданов, наверняка по инструкциям меньшевистской группы Петербурга, настаивали, что исторический момент для прихода буржуазии к власти уже был налицо и что рабочий класс поддержал бы буржуазию при выполнении этой исторической задачи. Ирония заключалась в том, что на протяжении их разговоров Гвоздев и Богданов не больше представляли настроения «рабочего класса», чем Гучков и Коновалов представляли интересы и настроение буржуазии.

Но реакция самих рабочих достаточно ясно выражала — иногда с небольшим опозданием — их истинное настроение. Что касается их отношения к политическим линиям и лозунгам, проповедуемым большевиками и меньшевиками, намечается одна постоянная закономерность. Всегда, когда большевики объявляли бойкот или другие формы отказа от использования легальных возможностей, рабочие поддерживали позицию меньшевиков. Однако когда легальные действия меньшевиков создавали у рабочих впечатление, что тем самым поддерживаются политические цели буржуазии, рабочие не менее решительно переходили на сторону большевиков. Так рабочие демонстрировали свою поддержку требований «равноправия и самостоятельности» в отношениях с цензовым обществом, которое мы уже отмечали в их поведении с Первой русской революции до объявления войны. Меньшевистской интеллигенции пришлось еще раз испытать этот урок в 1917 г.

Созыв Государственной думы в конце лета 1915 г. также предоставил форум для создания, наконец, оппозиционного большинства в Государственной думе в форме Прогрессивного блока. Сразу же этот блок принял широкие размеры, так как не только разные фракции Союза 17 октября, но и большинство фракций националистов вступило в его ряды. Принимая во внимание масштабы думской оппозиции, а также активность и дееспособность, продемонстрированные участниками различных добровольных организаций, созданных во время войны, как можно объяснить неспособность этой «альтернативной власти» захватить власть в свои руки до выступления рабочих в феврале 1917 г.? Этот вопрос мне представляется тем более парадоксальным ввиду того, что, как только началась Февральская революция, все органы власти царского режима развалились практически мгновенно, подобно карточному домику.

Ответ на вопрос о неспособности этой «альтернативной власти» взять официальную власть в свои руки надо искать в политических событиях, которые характеризовали само формирование Прогрессивного блока. Почти сразу же внутри блока возник существенный и неразрешимый конфликт по вопросу программы и тактики, которые блоку следовало бы принять. Этот конфликт возник вокруг одного конкретного вопроса: должен ли Прогрессивный блок требовать от царского режима создания правительства, «ответственного» перед большинством депутатов Государственной думы, или было бы достаточно требовать создания правительства «общественного доверия»?

Очевидно, добиться создания «ответственного» правительства можно было лишь путем революционной конфронтации с царским режимом. Наоборот (во всяком случае, так утверждал Милюков и его сторонники), можно было мирным путем и без революционных волнений добиться создания правительства «общественного доверия», то есть правительства, состоящего из общественных лиц, в

принципе назначенных императором, но пользующихся доверием широких кругов общественности.

Аргументы главных участников обеих сторон этих дебатов, так же как и существенные соображения, которыми они действительно мотивировали занимаемые ими позиции, были, за редким исключением, запрограммированы заранее, так как по сути дела сценарий этих дебатов военного периода повторил дискуссии лидеров русского либерализма накануне войны. Единственным новым мотивом была тема войны, которая непременно включалась в цепь аргументов, используемых обеими сторонами на новом этапе их конфликтов.

На заседаниях ЦК и на сессиях конференции кадетской партии осенью 1915 г., на встречах лидеров разных фракций Прогрессивного блока, Милюков и его сторонники использовали наиболее очевидную и как будто убедительную аргументацию. Она заключалась в том, что риск революционной конфронтации, не говоря уже о революционных волнениях, был бы непростительной, преступной авантюрой, пока Россия переживала все трудности и страдания Первой мировой войны.

Аргументы, использованные лидерами прогрессистов и левых кадетов (Некрасовым и Мандельштамом, который занял место погибшего на фронте Коллюбякина), были не менее предсказуемы. Только радикальные перемены в режиме, управляющем Россией, в процессе мобилизации всех ее сил для ведения войны смогли бы спасти ее от неизбежного военного и политического поражения. (Это была первая формулировка позиции «революционного оборончества» среди либерального, а также социалистического движения.)

Позиция, занятая Милюковым в этих дебатах, получила поддержку абсолютного большинства членов ЦК и участников конференции кадетской партии, а также громадного большинства членов фракции Прогрессивного блока. Таким образом, проведение более решительной оппозиции царскому режиму опять осталось главным образом в руках лидеров фракции прогрессистов (с поддержкой левых кадетов), т.е. с практической точки зрения — в руках лидеров Центрального Военно-промышленного комитета и Рабочей группы.

Мы упоминали разговоры между Гвоздевым и Богдановым, с одной стороны, и Гучковым и Коноваловым, с другой, в ходе которых лидеры Рабочей группы обещали поддержку рабочего класса буржуазии в ее борьбе за власть. Действительно, в течение первых месяцев после этих разговоров лидеры обеих сторон исповедовали такое сотрудничество в проведении буржуазной революции, но источники не осведомляют нас, в чем заключалось их сотрудничество, кроме общих разговоров такого рода.

Во всяком случае после стабилизации фронта в первой половине 1916 г. перестали вестись даже такие общие разговоры. Лидеры Центрального промышленного комитета были поглощены выполнением своих формальных обязанностей, связанных с организацией дальнейшего развития военной промышленности. Что касается лидеров Рабочей группы, они как будто были не менее озабочены осуществлением амбициозных планов, поддержанных их буржуазными партнерами в Комитете, организовать легальным путем работу всероссийского съезда для дальнейшего развития открытого рабочего движения.

Однако настроения вновь изменились в революционном направлении во второй половине 1916 г., на этот раз они привели к ощутимым результатам. Главная причина этого нового поворота заключалась в резком ухудшении экономическо-

го и социального положения в стране, а также и положения на фронте, частично связанном с плохим функционированием местных и центральных государственных учреждений.

Эти явления, конечно, влияли на дальнейшее развитие политического кризиса. Вспомним в связи с этим, что это было время, когда после раскола Союза объединенного дворянства половина его членов вошла в Прогрессивный блок, доказывая, что режим больше не имел никакой политической поддержки в стране. Это было время знаменитого выступления Милюкова в Государственной думе, когда он перечислил целый ряд непростительных поступков правительства и после каждого из них ставил риторический вопрос: «Глупость или измена?». Заметим, что больше, чем любое другое современное политическое событие, это выступление Милюкова, которое было широко распространено в мимеографической форме не только в столице, но и в провинции, внесло свой вклад в политическую дестабилизацию царского режима (несмотря на то, что Милюков так опасался революции!).

Руководство Центрального Военно-промышленного комитета совместно с его Рабочей группой (растерявшей за шесть месяцев поддержку в среде революционно настроенных рабочих из-за своего чересчур мирного поведения) теперь меняло свою позицию в революционном направлении и безоговорочно пошло *ва-банк*. Вместе они теперь занимались подготовкой рабочей демонстрации, которая должна была прорваться в центр столицы и собраться перед Таврическим дворцом, чтобы продемонстрировать поддержку думской оппозиции.

Призыв к демонстрации, запланированной на 14 февраля, оказался неудачным, так как только небольшая кучка рабочих собралась перед Таврическим дворцом. В этой неудаче, наверное, сыграл определенную роль произведенный накануне арест членов Рабочей группы. Как только Коновалов узнал об этих арестах (он должно быть посчитал эту инициативу Департамента полиции направленной против Центрального Военно-промышленного комитета, если не против самого себя лично), он сразу же взялся за организацию протеста среди членов Государственной думы. Но когда Коновалов обратился к Милюкову, лидер кадетской партии гневно спросил его, кто разрешил ему и членам Рабочей группы организовать эту демонстрацию. Можно предположить, что Милюков в первую очередь имел в виду себя как лидера Прогрессивного блока, и его реакция также предопределила его дальнейшие отношения с Коноваловым и другими «авантюристами», в компании которых он, неожиданно для себя, оказался во Временном правительстве.

Как известно, другие призывы прорваться в центр столицы для проведения революционных демонстраций также провалились. Неудача ждала призыв большевиков к демонстрации 9 января; так произошло и тогда, когда Петербургский Комитет и бюро ЦК большевиков выпустили несогласованные призывы к рабочим провести революционные демонстрации 10 и 11 февраля вместо демонстрации в поддержку думской оппозиции, намеченной Рабочей группой на 14 февраля. Эти противоречащие друг другу призывы только запутали рабочих, которые ограничили проведение демонстрации кварталами, прилегающими к их предприятиям. Но 23 февраля металлисты Выборгского района по собственной инициативе и без уведомления каких-либо групп революционного подполья и не ставя в известность агентов Департамента полиции (но может быть, возбужденные брашью своих жен, стоявших в очередях за хлебом), прорвались, несмотря на сопро-

тивление сил правопорядка, к Невскому проспекту. Так эти рабочие Выборгского района положили начало февральским событиям 1917 г.¹⁰.

Определение характера и хронологических рамок Февральской революции является, на мой взгляд, подходящей темой для использования методов «деконструкции», которые (иногда к моему ужасу) стали так модны среди молодого поколения западных историков. В дискуссиях о 1917 году часто ставится вопрос о том, когда началась и свершилась Февральская революция? Можно ли определить ее начало демонстрациями рабочих Выборгского района 23 февраля, которые первыми прорвались в центр города через Неву и столкнулись с силами правопорядка? Началась ли революция 25 и 26 февраля, когда солдаты Петроградского гарнизона присоединились к рабочим демонстрациям; или в дни 26—28 февраля, когда лидеры политических партий признали, что что-то необычное происходит в столице? Нужно ли, наконец, определить на базе легалистических соображений начало Февральской революции моментом формирования Временного комитета Государственной думы, а свершение революции — актом отречения Николая II от престола — от своего имени и имени царевича Алексея (вопреки возражениям Милюкова и ряда других думских деятелей)?

На первый взгляд, такие вопросы могут показаться поверхностными, но они связаны с существенными проблемами в анализе настроений и поведения современников. Эти проблемы могут быть сформулированы вопросом: что такое революция и в чем заключаются ее предпосылки и ее характер? В зависимости от ответа на эти вопросы, по каким признакам можно определить начало и совершение революции? Такие вопросы по отношению к революции 1917 г., так же как и по отношению к любым другим крупным историческим событиям, действительно отчасти являются темой для «деконструкции», так как ответы на них зависят от точки зрения участников и современных наблюдателей революционных событий и в не меньшей степени от точки зрения авторов ретроспективных реконструкций этих событий.

Однако при сопоставлении разных, часто противостоящих друг другу наблюдений современников стоит остановиться, на мой взгляд, на одном моменте развития этих событий. В различных помещениях Государственной думы уже были созданы Временный комитет Государственной думы, а также руководство будущего Петроградского Совета. В этот день толпа рабочих и солдат собралась перед Таврическим дворцом и настоятельно требовала от депутатов: «Дайте руководителей!» Из здания Таврического дворца навстречу им вышли два депутата: Чхеидзе, председатель социал-демократической фракции, и Керенский, лидер фракции трудовиков.

Этот эпизод очень много говорит, на мой взгляд, о характере и дальнейшем развитии Февральской революции. Толпа рабочих и солдат собралась перед Таврическим дворцом, главным образом для того, чтобы депутаты Думы санкционировали бы или, точнее, придали бы видимость легитимности их поведению.

Несмотря на то, что Милюков и его компания уже чувствовали себя в этот момент единственными представителями легитимной власти, они не вышли навстречу рабочим и солдатам, как к легитимным партнерам в процессе революции. Тем самым они оставили вакуум для принятия этой функции на себя лидерами социалистических партий. Этот как будто самоутверждающий акт Милюкова и его сторонников во многом предопределил дальнейшее развитие революции 1917 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917 // *Slavic Review*. 1964. Vol. 23. № 4. P. 619—642; 1965. Vol. 24. № 1. P. 1—22.
- ² Российское рабочее движение накануне Первой мировой войны // *Рабочий класс капиталистической России*. М., 1992. С. 41—66; Хаймсон Л., Петруша Р. Опыт математико-статистического исследования данных «Сводов отчетов фабричных инспекторов» о стачках рабочих в России в 1912—1914 гг. // *Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях*. Сб. ст. / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. М., 1985. С. 115—152. Среди работ на английском языке см. в особенности: *Strikes, Wars, and Revolutions in an International Perspective: Strike Waves in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries* / Ed. L. Haimson, Ch. Tilly. Cambridge, Mass., 1989.
- ³ *The Politics of Rural Russia: 1905—1914* / Ed. L. Haimson. Bloomington, 1989.
- ⁴ Haimson L. The Problem of Social Identities in Early Twentieth-Century Russia // *Slavic Review*. 1988. Vol. 47.
- ⁵ Требования равенства и справедливости нередко выдвигаются в ходе восстаний. Все бывшие свидетелями действий молодых участников движения «Black Power» в конце 1960 — начале 1970-х, могут это подтвердить.
- ⁶ См.: *Strikes, Social Conflicts, and the First World War* / Ed. L. Haimson, G. Sapelli. Milano, 1992; Хаймсон Л., Бриан Э. Стачное движение в России во время Первой мировой войны: Количественный анализ и интерпретация // *Россия и США на рубеже XIX—XX вв.* М., 1992. С. 79—113.
- ⁷ Вспомним, что в это время многие депутаты — большевики и меньшевики — колебались, выбирая свою позицию по отношению к войне.
- ⁸ В течение первой половины 1916 г. — в период, для которого мы можем провести такие расчеты, — на предприятиях, которые обследовала фабричная инспекция, 77 процентов участников политических стачек давали металлисты Петербурга, в том числе 20 процентов — рабочие Выборгского района. *Strikes, Social Conflicts, and the First World War* / Ed. L. Haimson, G. Sapelli. Milano, 1992; Хаймсон Л. Стачное движение в России во время Первой мировой войны ... С. 79—113.
- ⁹ Дискуссию на эту тему см.: *Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революции (1861—1917 гг.)* / Отв. ред. С. И. Потолов. СПб., 1997.
- ¹⁰ См.: Хаймсон Л. К истокам революции 1917 г. // *Отечественная история*. 1993. № 6; *Он же*. Исторические корни Февральской революции // *Анатомия революции, 1917 год в России: Массы, партии, власть* / Отв. ред. В. Ю. Черняев. СПб., 1994. С. 20—36.

Р. Ш. Ганелин, М. Ф. Флоринский

**ОТ И. Л. ГОРЕМЫКИНА К Б. В. ШТЮРМЕРУ:
ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ И СОВЕТ МИНИСТРОВ
(сентябрь 1915 — январь 1916 г.)**

«Обвал власти, повлекший за собою развал и жизни, начался и принял неуправляемый характер со второго года войны. Тогда стала безвыходно нарастать распря: „Императрица — Дума“», — так считал И. И. Тхоржевский (1878—1951),¹ осведомленный и яркий мемуарист, директор канцелярии главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина.

«Политическая роль И. Л. Горемыкина, его влияние на государя и в особенности союз с императрицей в решающие дни „перед обвалом“ кажутся мне и казались всегда, — отрицательными», — утверждал Тхоржевский. В объяснение этого он писал: «Умнейший человек, выдвинутый когда-то „за ум“ Победоносцевым, Горемыкин всегда был „философом“ и к своей растущей непопулярности относился более чем спокойно. Говорил: „Я счастлив *отлежать на себя* от государя общественное неудовольствие“. Но своим упорством он, пожалуй, и „навлекал“ на государя часть лишних неудовольствий! В позе Горемыкина — „служение только монарху“ — было много искреннего старозаветного рыцарства. Но была и доля политического лукавства».²

Предубеждение против думцев, считал Тхоржевский, было у Горемыкина со времени осуществленного им роспуска Первой Думы. «Но с тех пор многое изменилось. Дума была „укорочена“ Столыпиным („по Крыжановскому“). Зато думская работа наладилась. Этого-то правые круги никогда Столыпину и не простили! Им и Столыпин казался „левым“!» — так выражал Тхоржевский сущность изменений в развитии российской государственности после 3 июня 1907 г.³

Он противопоставлял Горемыкину своего патрона Кривошеина, превратившегося из правого политического деятеля в «центрального» и продолжавшего традицию Столыпина. В нараставшем по мере продолжения войны конфликте между верховной властью и Думой Кривошеин как бы говорил обеим сторонам: «надо ладить». Горемыкин же, как считал Тхоржевский, вернулся к политике пренебрежения Думой. «И увы! учил этому государя, влиял на него в эту сторону — разлада, всем своим авторитетом», — добавлял он.⁴

Свой «бунт» против царя в августе 1915 г. в связи с его решением взять на себя верховное главнокомандование министры, принявшие в нем участие, объясняли опасениями гибельных для режима последствий военных поражений под ко-

мандованием царя. Однако, вероятно, существовали и молчаливые опасения противоположного свойства: неожиданные победы могли, наоборот, укрепить режим, и тогда, считал И. И. Толстой, «опасность реакционного торжества неизбежна».⁵ Сам И. И. Толстой тем не менее предпочитал именно победный исход, объясняя это своим чувством оскорбленного русского и дополнительно ссылаясь себе в оправдание на веру в устройство внутренних дел после победы.

Это, собственно, была позиция, на которой стояли в Совете министров противники «бунта» — его председатель Горемыкин и министр юстиции А. А. Хвостов, в июле сменивший на этом посту И. Г. Щегловитова, бывший в 1895 г. директором канцелярии Горемыкина, тогда министра внутренних дел. «Бунт министров» сопровождался их конфликтом с Горемыкиным, отстаивавшим царские прерогативы. «Коренное разномыслие» с ним министры отмечали в своем письме Николаю II 21 августа, которое императрица поначалу даже восприняла как выступление лично «против старика».

Встав на сторону Горемыкина, Николай II вместе с тем не удовлетворил просьбу большинства членов Совета министров об отставке. Царь «предпочитал не производить немедленной перетасовки кабинета, может быть, оглядываясь на союзников (соглашения о кредитах, достигнутые в принципе, не были еще подписаны), а, может быть, не считая момент подходящим с внутриполитической точки зрения».⁶ Лишь в конце сентября были уволены министр внутренних дел Н. Б. Щербатов и обер-прокурор А. Д. Самарин, а месяцем позже с поста министра земледелия ушел А. В. Кривошеин. Однако далеко не со всеми «бунтовщиками» Николай II счел возможным тогда расстаться. Показательна политическая судьба военного министра А. А. Поливанова. Поддерживавший контакты с оппозиционной общественностью, друг А. И. Гучкова (в 1912 г. эта дружба привела к его увольнению с поста помощника военного министра), Поливанов едва ли пользовался доверием царя. Как вспоминал дворцовый комендант В. Н. Воейков, уже через несколько дней после назначения Поливанова военным министром один из «негласных сотрудников» Воейкова «принес ... собственноручную записку А. А. Поливанова на почтовом листе маленького формата; на нем стояли 14 написанных им пунктов», которые в большинстве «вполне совпадали с требованиями общественных кругов, составлявших оппозицию правительству». Об этой записке Воейков проинформировал царя, заявившего дворцовому коменданту: «Интересный документ. Вы мне его сохраните».⁷ Именно Поливанов вопреки указанию Николая II сообщил членам Совета министров 6 августа 1915 г. о намерении царя занять пост верховного главнокомандующего. Письмо министров Николаю II от 21 августа 1915 г. Поливанов из уважения к воинской субординации не подписал, однако мнение коллег-«бунтовщиков» разделял, и Кривошеин даже пытался добиться согласия Николая II на назначение А. А. Поливанова главой «правительства доверия».

После победы И. Л. Горемыкина над «бунтовщиками» Поливанов «впал в нескрываемое возбуждение и даже перестал соблюдать хотя бы умеренность, приличием диктуемую».⁸

«Особенно отрицательное впечатление, — вспоминал впоследствии помощник управляющего делами Совета министров в 1914—1916 гг. А. Н. Яхонтов, — производила враждебная ирония, сквозившая в отзывах А. А. Поливанова, как только беседа касалась лично императора. Это решительно противоречило традициям Совета».⁹

И все же, как свидетельствовал в своих показаниях в Чрезвычайной следственной комиссии С. П. Белецкий (осенью 1915 г. он занял пост товарища министра внутренних дел), во всяком случае до весны 1916 г. Николай II «не склонен был, несмотря на известные нам влияния на его величество, отказаться от услуг Поливанова как военного министра». ¹⁰ Говоря об «известных нам влияниях», Белецкий имел в виду следующее. Судя по всему, по распоряжению Поливанова было установлено «филерное наблюдение за Распутиным со стороны Военного министерства», что встревожило и старца, и А. А. Вырубову. Для их успокоения Белецкий, в свою очередь, «установил наблюдение за телефонными разговорами Поливанова из его квартиры, и за его поездками на автомобиле из Царского в Павловск, и за выяснением его знакомств», причем «о получаемых... сведениях... сообщал А. А. Вырубовой». ¹¹ Вероятно эта информация, безусловно доходившая до царя, не свидетельствовала об абсолютной лояльности военного министра. Однако Поливанов, как признавал весьма неблагоприятно относившийся к нему Яхонтов, был человек «одаренный, знающий, отличающийся трудоспособностью. Взамен старой истины, что для ведения войны нужны „деньги, деньги и деньги“, он поставил другое требование, отвечающее современности: „техника, техника и техника“». ¹² Цени деловые качества А. А. Поливанова, Николай II мирился с его пребыванием на посту главы военного ведомства.

В целом же победа И. Л. Горемыкина в августовском конфликте с министрами-бунтовщиками, тот факт, что верными оказались прогнозы премьера, а не его оппонентов (Думу распустили, а никаких политических катаклизмов, казавшихся кабинетскому большинству неизбежными, как он и предвидел, не произошло), наконец, перемены в правительстве ошутимым образом повлияли на ситуацию в Совете министров. ¹³ Из прежних противников председателя Совета министров одни, по словам Поливанова, пересмотрели свои взгляды, другие считали «всякие политические в прежнем смысле этих слов выступления в Совете министров ныне бесполезными, и только С. Д. Сазонов иногда „срывался“ и пробовал наводить на то, как и что делается в подобных случаях „в Европе“, но его нервный голос замирал, поддерживаемый иногда двумя-тремя голосами». ¹⁴ Вся деятельность правительства «свелась бы только к рассмотрению „ведомственных“ представлений министров, если бы в мыслях Горемыкина не появлялось опасения двух... внутренних врагов», которыми он считал Государственную думу и печать. ¹⁵

Собственно положение Совета министров в системе управления империи каких-либо изменений не претерпело. В оппозиционных кругах итоги политического кризиса лета 1915 г., отказ Николая II от уступок кабинетскому большинству восприняли как удар по самому принципу реализации императором своих полномочий через Совет министров. Так, один из видных деятелей Прогрессивного блока В. Н. Львов прямо сетовал на то, что отныне «идея кабинета расстроена» и «объединение — верховная власть». ¹⁶ По мнению членов блока, царь никак не должен был действовать вопреки мнению правительства. В этой связи они подчеркивали, что «смена Совета министров (речь идет об уходе из кабинета некоторых „бунтовщиков“. — *Авт.*), непосредственное вмешательство короны поставило всю Россию в конфликт с короной». ¹⁷

Систематически действовать помимо глав ведомств Николай II, однако, не собирался. Не пожелав в сентябре 1915 г. встретиться с депутацией съездов Всероссийских земского и городского союзов, царь велел Н. Б. Щербатову передать ей, что «считает недопустимым вторжение в политику в обход правительства». ¹⁸

Это заявление было лишь отговоркой, позволившей Николаю II отказать в приеме под благовидным предлогом. В принципе же император, напротив, считал, что, «вмешательство Министерства внутренних дел в его отношения с разными обществами есть посягательство на его прерогативы, что это стесняет его деятельность...».¹⁹ Как отмечал впоследствии Н. Б. Щербатов, на «бесконечные обращения к нему (Николаю II. — *Авт.*) Союза русского народа и всех других союзов, которым, собственно говоря, не полагалось непосредственно обращаться к государю, на все это клалась резолюция помимо министра внутренних дел», которому «приходилось считаться с уже совершившимся фактом».²⁰ Попытки же Н. Б. Щербатова «устроить», чтобы «это» направлялось сначала к нему, не увенчались успехом и показались царю вмешательством в его личные отношения с такими организациями.²¹

Стремление Николая II к общению с подданными помимо «бюрократического средостения» в лице правительства (а равно и «цензовых элементов») проявилось, когда царь одобрил зародившуюся, возможно, у императрицы в августе 1915 г. мысль о посылке чинов свиты для ознакомления с ситуацией на оборонных предприятиях Петрограда.²² В результате проведения такой проверки «все почувствуют присутствие твоего глаза повсюду», — писала Александра Федоровна Николаю II, — и поймут, что «не только Дума за всем смотрит».²³ Официальные инстанции (кабинет, Особое совещание по обороне, Военное министерство) к участию в данном мероприятии не привлекались, хотя Горемыкин о нем знал и лично замысел одобрял.²⁴ В записи заседания Совета министров 22 сентября 1915 г. А. Н. Яхонтов, констатируя, «что его императорским величеством командируются генерал-адъютанты и флигель-адъютанты для обхода рабочих на заводах (кроме частных) и выяснения настроений», и министр внутренних дел «боится осложнений на почве бесед этих лиц с рабочими», воспроизвел слова Поливанова: «Я не могу вмешиваться, ибо вся эта затея помимо меня».²⁵ Правительство было встревожено. Члены кабинета, очевидно, опасались, что действия свитских чинов невольно спровоцируют конфликты на предприятиях. Министр торговли и промышленности В. Н. Шаховской прямо заявил на заседании 23 сентября 1915 г.: «нельзя допустить их (генерал- и флигель-адъютантов. — *Авт.*) непосредственное общение с рабочими».²⁶ Впрочем, вся эта затея на рабочих, по-видимому, ошутимого впечатления не произвела.

С наступлением осенью 1915 г. политического затишья Горемыкин, проявивший летом большую энергию и упорство в борьбе с оппонентами, особой активности при выполнении функций главы правительства не обнаруживал. По свидетельству А. Н. Наумова, преемника А. В. Кривошеина на посту министра земледелия, премьер «относился к своим обязанностям... старчески, никаких советов и указаний... не давал».²⁷ И однако, «когда последовала смена некоторых министров, подписавших петицию о поддержании пожеланий Государственной думы по вопросу о кабинете общественного доверия, как в прессе, так в думских и правительственных кругах очень упорно заговорили об уходе министра иностранных дел С. Д. Сазонова, также подписавшего упомянутую выше петицию и о принятии Горемыкиным на себя обязанностей по должности министра иностранных дел с назначением его вице-канцлером или канцлером Российской империи по примеру князя Горчакова».²⁸ Более того, если верить С. П. Белецкому, в его руки попало «письмо Распутина к высоким особам с просьбой о пожаловании Горемыкина, как в письме написано, „канцлером“».²⁹ Неясно какова была подоплека

этой истории. Во всяком случае, ознакомившись с переданной ему Белецким «фотографией» письма Г. Е. Распутина, Горемыкин заявил, что «он об этом Григория Ефимовича не просил».³⁰ Канцлером премьер не стал, а пост министра иностранных дел до лета 1916 г. сохранялся за С. Д. Сазоновым. Сам же Николай II, хотя и не пошел летом 1915 г. на увольнение Горемыкина (чего так страстно желала оппозиция), в одном из писем Александре Федоровне специально подчеркнул, что Горемыкин «стар и не может примениться к новым потребностям».³¹

Горемыкин, опираясь на поддержку императрицы, твердо стоял на позиции полного подчинения царской воле: «В десятый раз повторяю — умолите государя меня прогнать. Но, поверьте мне, уступками Вы ничего не предупредите и ничего не достигнете. Совершенно очевидно, что все партии переворота пользуются военными неудачами для усиления натиска на власть и для ограничения монаршей власти», — говорил он министрам 21 августа.³² Уходить по собственной инициативе он, однако, не собирался. Не хотела этого и Александра Федоровна. Тхоржевский весьма тонко отметил, что в ее глазах вся сила положения Горемыкина была тогда в его непопулярности в Думе. В письме императрицы мужу 23 августа говорилось: «...Старик только что был у меня... он возмущен и в ужасе от письма министров... ему трудно председательствовать, зная, что все против него и его мыслей, но *никогда не подумает подать в отставку*... Я просила его быть как можно энергичнее. Бедняга, ему было так больно читать имена подписавших *против него*».³³

В этот день, 23 августа, царь занял пост верховного главнокомандующего. Вскоре Кривошеин рассказал Тхоржевскому, что царь «страшно доволен всем». И рескриптом вел. кн. Николаю Николаевичу, который написал он, Кривошеин, и названием «Царская ставка», и согласием Николая Николаевича с назначением на Кавказ, «а, главным образом — своей собственной твердостью». Этой победой царя над подписавшими письмо министрами и объяснял Тхоржевский его благодушное к ним отношение. Остались на своих постах министры финансов П. Л. Барк, торговли и промышленности В. Н. Шаховской и народного просвещения П. Н. Игнатъев, подписавшие письмо, и военный министр А. А. Поливанов, и морской И. К. Григорович, выразившие с ним солидарность. «Ушли только наиболее враждебные „другу“³⁴. Или близкие Думе. Вопрос — „кто уйдет“, — Горемыкин или „бунтовщики“, был нерешенным почти три недели», — писал Тхоржевский.³⁴ Соппротивление Горемыкину, в частности по вопросу о роспуске Думы, на чем он настаивал, оказывали П. А. Харитонов, А. В. Кривошеин, С. Д. Сазонов, А. А. Поливанов. «Поливанов больше помалкивает и изредка кушается, — записал Яхонтов 26 августа. — Его резкость в отношении Ивана Логгиновича переходит границы приличия. Старик едва сдерживается при всей своей корректности. Непонятно, куда гнет и чего хочет Поливанов. Заворожен общечеловечностью через гучковские очки и в ней только видит спасение. Но зачем же тогда перед началом заседания он иронически рассказывал о бесконечном словоговорении независимых представителей в Особом совещании по обороне. Хоть и военный министр, но личность загадочная, если не сказать — подозрительная. Ох, матушка Россия, не легко тебе приходится».³⁵ Читатель знает уже, что за этим стояло...

Уезжая в Ставку с докладом царю о перерыве в занятиях Думы и дальнейшем направлении политики, Горемыкин сказал Яхонтову: «Моя задача — отвести на себя от царя нападки и неудовольствия. Пусть ругают и обвиняют меня — я уже

стар и недолго мне жить. Но пока я жив, буду бороться за неприкосновенность царской власти. Сила России только в монархии. Иначе такой кавардак получится, что все пропадет. Надо прежде всего довести войну до конца, а не реформами заниматься. Для этого будет время, когда прогоним немцев».³⁶

1 сентября он вернулся с повелением о роспуске Думы на каникулы не позже 3 сентября до 1 ноября и о том, чтобы все министры оставались на своих местах до созыва царем заседания Совета.

Что роспуск Думы был «всцело делом рук Горемыкина», не составляло секрета. М. А. Стахович рассказал И. И. Толстому, что абсолютное большинство министров стояло за продолжение думской сессии, но Горемыкин привез в Ставку письмо председателя Совета объединенного дворянства о необходимости роспуска. Царь колебался и предоставил решение Совету министров. «На всякий случай» Горемыкин получил манифест без дат и, проставив их, предъявил его Совету как изданный царем. Сторонниками Горемыкина были в тот момент, по словам Стаховича, Шаховской, Самарин, А. А. Хвостов, противниками — Сазонов, Игнатъев, Поливанов, Харитонов, Щербатов, Кривошеин.³⁷ На заседании 2 сентября произошла резкая стычка между Горемыкиным и его противниками. Когда оно закрылось, Сазонов впал в истерическое, близкое к обмороку состояние, заявил: «Я не хочу с этим безумцем прощаться и подавать ему руку», кричал: «Он безумен, этот старик».³⁸

«Бедный старик искал у меня поддержки, говоря, что я — „сама энергия“... — писала Александра Федоровна 7 сентября. — На мой взгляд, лучше сменить басующих министров, а не председателя... Наш друг прислал ему ободряющую телеграмму». Приняв Игнатъева, она сообщила ему свое «мнение о них и о Думе», «говорила о старике, об их безобразном отношении к нему».³⁹ Но уже в ее письме 12 сентября мелькнула мысль о возможности и горемыкинской отставки, хотя она считалась нежелательной («...старик, который был у меня вчера вечером, очень расстроен. Он жаждет твоего возвращения... Нужно решить, уходит ли он или он остается, а меняются министры, что было бы, конечно, лучше всего».⁴⁰

16 сентября 1915 г. в Ставке состоялось заседание Совета министров. Яхонтов, на нем не присутствовавший, записал со слов Горемыкина: «Все получили нахлобучку от государя императора за августовское письмо и за поведение во время августовского кризиса».⁴¹

На центральную роль в правительстве претендовал А. Н. Хвостов, управлявший Министерством внутренних дел с конца сентября 1915 г. Он выдвинул программу укрепления власти, наступления на оппозицию при соблюдении видимости благожелательного к ней отношения и привлечения широких слоев населения на сторону правительства под флагом «борьбы с дороговизной» и ликвидации «немецкого засилья».⁴² По собственному признанию, он еще до назначения министром «самым отрицательным образом относился к Горемыкину», считая, что политика премьера «должна привести к неминуемому краху и концу».⁴³ «Мне хотелось стать не только на пост министра внутренних дел, но и на пост председателя Совета министров, вообще, взять власть в свои руки, провести ту политику, которая мне казалась необходимой», — говорил впоследствии Хвостов.⁴⁴

В борьбе за премьерское кресло министр внутренних дел применял самые разнообразные приемы (обращения к Николаю II, императрице, Г. Е. Распутину, А. А. Вырубовой и пр.). Убеждая не без успеха Александру Федоровну (а через

нее — царя) в необходимости считаться с общественным мнением, А. Н. Хвостов использовал думские связи (он сохранил за собой место члена Думы после назначения министром), чтобы побудить Думу начать новую атаку на Горемыкина и сделать невозможным его дальнейшее пребывание на посту председателя Совета министров. Сообщив в 1917 г. многочисленные сведения о связях Хвостова с монархическими организациями, о подкупе им осведомителей-думцев и т. п., Белецкий отметил, что наряду с этим в ходе своих весьма интенсивных контактов с председателем Государственной думы М. В. Родзянко Хвостов сообщал ему «многое из деятельности Совета министров, о Горемыкине, а также сведения из придворных сфер в соответствующем видам А. Н. Хвостова освещении».⁴⁵ Одновременно министр внутренних дел интриговал против премьера и в придворных сферах. Своего апогея эта интрига достигла в конце 1915 г., когда перед правящими кругами встал вопрос о созыве очередной сессии Государственной думы. Горемыкин поначалу пытался уговорить царя вообще не собирать депутатов, что вызвало раздражение в их среде. Хвостов, придерживавшийся иной точки зрения и сообщивший о ней царю (это нарушало все правила, ибо «думские дела» входили в сферу компетенции премьера), возложил ответственность за назревающий конфликт с общественностью на председателя Совета министров и начал убеждать «высшие сферы принять для смягчения настроения Государственной думы целый ряд мер», в частности сменить главу правительства.⁴⁶ Подготовленный Горемыкиным проект указа о созыве Думы, став достоянием гласности, еще более обострил ситуацию, поскольку председатель Совета министров вознамерился ограничить продолжительность сессии двумя месяцами, а круг подлежащих обсуждению вопросов — рассмотрением бюджета. Это «дало повод А. Н. Хвостову отметить неприятное впечатление, произведенное этим указом на Государственную думу, и снова высказать А. А. Вырубовой и Распутину для доклада во дворце о необходимости и это обстоятельство поставить в вину Горемыкину», — сообщил впоследствии содействовавший Хвостову Белецкий.⁴⁷

В вину премьеру Хвостов, по-видимому, вменял не только политические промахи, но и прегрешения иного рода. Министр внутренних дел полагал, что «явно неблагоприятное отношение Горемыкина к неоднократным настойчивым просьбам Московской городской думы о передаче городскому общественному управлению общества электрической энергии 1886 г. объясняется далеко не бескорыстными комиссионными услугами, оказанными обществу со стороны князя Андронникова» (с этим великошестским авантюристом Горемыкин находился в весьма близких отношениях).⁴⁸ По просьбе Хвостова Белецкий на предмет проверки реакции премьера представил ему доклад, в котором речь шла о необходимости удовлетворения просьбы Московской городской думы. Как вспоминал Белецкий, Горемыкин «проявил нервную восприимчивость к этому... докладу», о чем он (Белецкий) рассказал своему патрону, Хвостову, а тот, «где нужно, в свою пору, в дальнейшей борьбе с Горемыкиным из-за влияний на государя, подготавливая себе председательское кресло в Совете министров, использовал все-таки это дело».⁴⁹

Как бы то ни было, действия Хвостова несомненно способствовали увольнению председателя Совета министров. Воспользоваться результатами своих «трудов» министру внутренних дел, однако, не удалось. Преемником И. Л. Горемыкина стал Б. В. Штюрмер.

Интригуя против Горемыкина, министр внутренних дел параллельно добивался «изменения состава кабинета, стремясь создать солидарное с собою боль-

шинство».⁵⁰ Под влиянием Хвостова пост обер-прокурора Синода после ухода А. Д. Самарина занял А. Н. Волжин, а министром земледелия вместо А. В. Кривошеина стал А. Н. Наумов. Впрочем, ни тот, ни другой не проявили склонности к сотрудничеству с министром внутренних дел. Попытки же Хвостова убрать с поста министра финансов П. Л. Барка успехом не увенчались.⁵¹

Деятельность А. Н. Хвостова в конечном счете создавала почву для постоянных и острых конфликтов в кабинете. Пытаясь реализовать свои планы и понимая, что для этого нужны совместные усилия различных звеньев государственного аппарата, он активно вмешивался во «внутренние дела» прочих министров. Последние, однако, не считали себя обязанными поддерживать затеи А. Н. Хвостова и болезненно реагировали на его вторжение в сферу своей компетенции. Членов кабинета шокировали частые интервью Хвостова. «Такая дешевая реклама, — писал П. Л. Барк, — производила на нас крайне неблагоприятное впечатление, и мы скорее с недоверием относились к первым шагам самоуверенного министра внутренних дел».⁵² Острые конфликты вспыхивали между Хвостовым и А. Ф. Треповым, который, став в октябре 1915 г. вместо С. В. Рухлова министром путей сообщения, выражал крайнее недовольство систематическим вмешательством своего коллеги по кабинету в дела путейского ведомства. Трепов был назначен членом правительства вопреки желанию Александры Федоровны. Поддерживая тесные контакты с такими влиятельными фигурами, как В. Н. Воейков, директор канцелярии Министерства двора А. А. Мосолов (А. Ф. Трепов был его шурином), он успешно противостоял домогательствам Хвостова. Соперничество обоих глав ведомств, обострившееся еще и потому, что Трепов также стремился играть первую роль в правительстве, приобретало настолько острый характер, что Николай II счел необходимым вмешаться в их взаимоотношения. Раздоры внутри кабинета, подрывавшие авторитет власти, беспокоили императора. Это вызывало тревогу и у Александры Федоровны, которая в одном из своих писем к Николаю II в декабре 1915 г. обращала внимание царя на то, что «когда Совет министров станет работать более дружно, все наладится».⁵³ В конце концов царь (если верить Хвостову, по совету Г. Е. Распутина) вызвал к себе двух новых министров — А. Ф. Трепова и А. Н. Хвостова и заявил им: «Господа, я вам не приказываю, а вас прошу убедительно, — для пользы России, — этого не делать, этих контров...»⁵⁴

Каково же было в этих обстоятельствах положение Горемыкина? Как уже указывалось, Николай II не сразу после 21 августа приступил к увольнению его противников. Однако на следующий день после «выволочки» им он писал 17 сентября Александре Федоровне: «Вчерашнее заседание ясно показало мне, что некоторые из министров не желают работать со старым Гор[емыкиным], несмотря на мое строгое слово, обращенное к ним; поэтому по моем возвращении должны произойти перемены».⁵⁵

Они начались сейчас же. Ушел и. [исполняющий] д. [должность] обер-прокурора Синода А. Д. Самарин, автор письма министров. А. Н. Яхонтов позже саркастически писал об этой «горделивой отставке».⁵⁶ На ближайшем сентябрьском всеподданнейшем докладе попросил отставки Кривошеин. Николай II попросил его остаться на месяц («Сейчас Ваш уход был бы демонстрацией против меня»). По словам Тхоржевского, Кривошеин сознавал слабость своей примирительной позиции. «Наша либеральная пьеса, — говорил он Тхоржевскому вскоре после ухода, — из рук вон плохо игралась. Плохо и нами, министрами, и — еще

хуже! — Думой. Всею русскою жизнью!.. Бестолково, нестройно, зря, несуразно. Но ведь там, в окружении императрицы, непримиримом и замкнутом, там — жуткая пустота смерти!».⁵⁷

Как отмечал П. Л. Барк, «уход Кривошеина был огромной потерей для правительства. Собственно говоря, он был душой Совета министров, и пока поддерживал престарелого Горемыкина, последний, несмотря на свой возраст, мог руководить делами Совета. Когда же между этими двумя лицами образовалась пропасть, положение Горемыкина стало невозможным».⁵⁸

Назначение министра внутренних дел взамен кн. Н. Б. Щербатова не только задержалось, но и привело к первой размолвке между императрицей и Горемыкиным. Он хотел, чтобы этот пост занял С. Е. Крыжановский, талантливый автор большинства проектов государственных преобразований начала века, правая рука Столыпина.⁵⁹ Это последнее обстоятельство и вредило премьеру в глазах Александры Федоровны, двигавшей в министры внутренних дел А. Н. Хвостова.

Имея в виду собрать Думу для рассмотрения бюджета в ноябре 1915 г., царь предполагал «вследствие непопулярности Горемыкина», что премьер «по болезни будет отсутствовать при открытии новой сессии». Николай II намеревался лично прибыть в Думу и сказать «краткое приветствие». Тогда это намерение «не осуществилось, но государь этой мысли не оставлял».⁶⁰ Созыв Думы, назначенный Горемыкиным, как читатель уже знает, на ноябрь, был перенесен на февраль 1916 г. А ему самому вместо звания канцлера предстояла отставка, неожиданная для него, но не для некоторых сановников. Как и Сазонов, Поливанов вел себя по отношению к Горемыкину вызывающе, словно продолжая считать себя кандидатом на его место. Запись А. Н. Яхонтова о заседании Совета министров 25 сентября была дополнена следующей заметкой: «Военный министр Поливанов заявил управляющему делами Совета министров по поводу предположений о мерах к предупреждению вредной агитации в печати: „Чего это Ваш-то [председатель Совета министров] хлопочет — все равно вся Россия знает, что ею управляют Горемыкин, князь Андронников и Распутин“».⁶¹

Еще 24 ноября Горемыкин держался по-прежнему уверенно и при обсуждении транспортного вопроса, по которому существовали уже известные нам расхождения между министрами путей сообщения Треповым и внутренних дел Хвостовым, заявил (в записи Яхонтова): «Высочайшее повеление — не мог собрать Совет министров ввиду краткости времени — рассчитывает на дружное содействие всех членов Совета министров. Уступка ведомственных интересов общегосударственным и быть покладистым. Правительству действовать в совершенном согласии и единодушии».⁶²

А 20 января 1916 г. место Горемыкина уже занял Б. В. Штюрмер. Когда накануне Горемыкина предупредил об этом С. П. Белецкий, он не поверил. Сейчас же в заседаниях Совета министров всплыл вопрос об отношениях с Думой. Судя по яхонтовской записи, его поднял 22 января сам Штюрмер. «Вопрос о созыве Думы и длительности, и объеме занятий. Мое сомнение: ста[тья] 31 Пол[ожения] [о] Г[осударственном] с[овете] и Д[уме] — 7 пунктов ведения, но нет возможности организовать занятия одним пунктом», — сказал он. Хвостов, министр внутренних дел, ясно выразил расчет на то, что перемена премьера откроет возможность для проведения нового политического курса. Его речь была записана Яхонтовым так: «Перемена главы Пр[авительст]ва — перемена курса и соотношения сил между властью исполнит[ельной] и законодат[ельной]. Если это возникло, то

почитаются [возможным] сговориться с Д[умой]. Если недоверие и боязнь, то срок необходим. Иная точка зрения — сотрудничество с ней доверчивое. Какой вы хотите курс? Благожелательность?»⁶³

Дилемма заключалась в том, чтобы собрать Думу со специальной целью обсуждения бюджета или созвать ее без каких бы то ни было условий и придать этому общеполитический характер. После слов Штюрмера, резонно сомневавшегося в законности ограничения занятий Думы «одним пунктом»: «Вопрос надо формально выяснить?», которыми он ответил А. Н. Хвостову, последовали выступления министров земледелия А. Н. Наумова, управляющего Министерством путей сообщения А. Ф. Трепова, министра иностранных дел С. Д. Сазонова. Все они были за созыв Думы без ограничительных условий и сотрудничество с ней. «Пределы обсуждения бюджета беспредельны, — говорил Наумов. — Не надо высказывать этого в указе. Я за собеседование с вождями Д[умы] и [Государственного] сов[ета] и сговориться о важности момента. Это сознают все благоразумные думцы. Соглашение достижимо — и о существе дела, и о краткости».

Трепов обратил внимание не только на незаконность ограничения времени работы Думы, но и на бессилие правительства. «Я против ограничения бюджетом — это несогласно с законом, — говорил он. — Правительство сильное говорит только о том, что может исполнить. С ограничениями фактически невозможно. Потому никаких ссылок на задачи и мотивы бюджетной комиссии». «Согласен», — заявил Сазонов.⁶⁴

Министры, причастные к составлению подготовленного было указа о созыве Думы, стали оправдывать ограничительные условия проекта прозрачными намеками на то, что были связаны позицией Горемыкина. «Сейчас новые условия. Тогда проект был выходом, а сейчас мы свободны», — заявил государственный контролер П. А. Харитонов. «Сознавали, что в законе нет оснований, — вторил министр юстиции А. А. Хвостов. — Мы руководились чрезвычайными условиями, когда нормы не всегда принимали и [было] допустимо уклонение от закона. Не надо ограничивать. Вопрос о сроке». «Условия изменились. Можем попытаться сговориться с Думой», — как бы торжествовал министр внутренних дел А. Н. Хвостов, утвержденный на своем посту 23 ноября 1915 г. Он допускал и возможность отказа Думы от соглашения с Правительством. «Если она откажется, — продолжал он, — то возможны тогда решительные действия». Но начинать предлагал с примирительных мер: «Сейчас надо сделать попытку оказать доверие и не оскорблять ее сроком (отзовется в стране). Надо надеяться, благоразумие возьмет верх. Но надо благожелательность на деле».

Элемент решительности по отношению к Думе в речи А. Н. Хвостова последующими ораторами не был поддержан, но возникли вопросы о срочности ее созыва и длительности сессии, а также о выработке общей программы нового состава правительства и согласовании ее с Думой. Трепов заявил: «Все понимаем необходимость единства с законодат[ельной] властью. Но вопрос — какой путь? Проба А. Н. Хв[остова] пугает (открыли, а потом посмотрим). Надо предотвратить печальные последствия от эксцессов. Надо прежде всего единство в Пр[авительст]ве. Мы до сих пор не обменивались мнениями политически: едва ли у нас общая программа, взгляды и планы? Нет, мы друг друга не знаем. ...Надо столкнуться и ознакомиться друг с другом политически и затем создать почву для соглашения с Думой. Мы не готовы к длительной сессии».⁶⁵ Он предложил издать высочайший указ о созыве Думы сроком всего на 10—14 дней и

при этом «сказать — сессия деловая, а затем Правительство подготовится путем совещаний с членами Д[умы] и [Государственного] с[овета]». Он видел в этом «единственный путь для создания единения, которое необходимо», и добавлял: «Медлить созывом нельзя: Правительство обязано исполнить обещанное».⁶⁶

А. Н. Хвостов, как и Трепов, заявил о необходимости общей программы Совета министров, которая служила бы «гарантией государственных и политических взглядов». Но возможность мотивировать отсутствием такой программы срочность созыва кратковременной сессии с обещанием длительной в будущем он ставил под вопрос. «Это вызовет ушаты грязи, и злоба за краткость неистовая, опираясь на недовольство обывателя и избирателя. Не поверят обещанию длительной сессии», — говорил он, предпочитая «мысль Штюмерера»: «лучше отложить созыв и поговорить». Барк почти прямо взвалил вину за создавшееся положение на Горемыкина. «Мы не могли раньше стовориться с Думою. Условия изменились и надо попытаться [выработать] общую программу и гарантию. Последняя необходима, ибо конфликт нежелателен», — гласила запись его слов. А. Н. Хвостов продолжал настаивать на том, чтобы «пока» гарантии не обещать, «сначала восстановить право, а затем гарантия».

Ему возражал А. А. Хвостов, считавший, что «лучше сначала попытаться [договориться] о гарантии, длительность сессии в условиях войны вредна», так как отвлечет и министров и думцев от работы. Перемена председателя Совета министров, считал он, законное основание для отсрочки указа о созыве Думы («Поймут, что надо ему осмотреться»). Сазонов заявил о «недоверии и беспокойстве союзников». «Кредит моральный падает быстрее рубля», — говорил он. — Донесения консулов Англ[ии] и Франц[ии] свидетельствуют, что [мы] на вулкане. Надо русскому Пр[авительст]ву встать на новый путь бесповоротно — путь доверия и совместной работы».⁶⁷ Приветствуя это, Наумов предложил в переговорах с думцами сказать, что сессия будет краткой («Они должны это сознать»). «Что хуже для Пр[авительст]ва? — продолжая мысль Наумова, рассуждал Барк. — Длительность недопустима. Если думцы сознают — прекрасно, но если гарантии нет и Пр[авительст]ву придется распускать и [объявлять] новые выборы. Что хуже? Не лучше ли при всей отрицательности меры в существе, назначить срок ввиду неимения гарантии». «Почему выборы, а не перерыв. Первое немыслимо», — возразил Наумов.

В заключение Яхонтов записал три внесенных предложения:

«1) Немедленно указ — 10 дней и обещать длительную сессию, договорившись о плане (Трепов один за это). (А. А. Хвостов. — За время войны не может быть длительна.)

2) Отклонить указ и стовориться с думцами о *modus vivendi*. (А. А. Хвостов и Шаховской. — Менее риска. Надо дни для этого. Разумность прекращения сессии страна не поймет, а срок есть факт.)

3) Указ немедленно, а созыв до 22 февраля, и вступить в стовор».⁶⁸

«И. Л. Горемыкин, — подводил впоследствии итоги этим событиям уцелевший в правительстве до самого конца Барк, — недолго пользовался полным доверием государя и в начале 1916 года был освобожден от своих обязанностей и заменен полнейшим ничтожеством Б. В. Штюмерером, и только тогда государь решил отказаться от непримиримой политики Горемыкина и принять более мягкую политику по отношению к Думе. К несчастью, за эти несколько месяцев многие министры, в том числе самые лучшие, как Кривошеин, Рухлов, Самарин,

были отставлены и заменены другими. Правительство не составляло больше ядра из людей, использовавших одну и ту же веру и разделявших одинаковые взгляды, но представляло собою сочетание различных элементов во главе с председателем, не способным к действию».⁶⁹

П. Л. Барк вспоминал, что Николай II, «приняв верховное командование и определив курс внутренней политики вопреки мнению большинства Совета министров, ... тем самым принял лично на себя все бремя ответственности административной машины».⁷⁰ В результате «Совет министров как объединенное правительство перестал существовать, министры превратились в простых начальников своих ведомств, коих государь вызывал в отдельности для выслушивания их докладов по текущим делам». Такая ситуация способствовала усилению конфронтации между властью и обществом, побуждая последнее использовать в борьбе самые радикальные средства, ибо, как подчеркивал П. Л. Барк, «конфликт, который существовал между оппозицией и правительством, перешел в конфликт между оппозицией и короной» и на повестку дня встал вопрос об организации дворцового переворота «в случае, если государь вторично отклонит домогательства об образовании кабинета из парламентариев („министерства общественного доверия“». — *Авт.*)».⁷¹

На трактовку П. Л. Барком содержания и результатов «бунта» министров, очевидно, в какой-то степени повлияли приведенные выше заявления деятелей Прогрессивного блока. Эти заявления звучали на заседаниях бюро блока, которые протоколировались П. Н. Милюковым. В начале 30-х гг. его записи были опубликованы в «Красном архиве». П. Л. Барк использовал эту публикацию при подготовке своих мемуаров.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что в сущности поведение императора летом 1915 г. не свидетельствовало о каких-то принципиальных переменах в отношениях между ним и правительством. Царь и прежде никогда не считал себя обязанным непременно во всем соглашаться с Советом министров. Выдающийся русский юрист Б. Э. Нольде в одной из своих опубликованных в эмиграции работ отмечал, что монарх в России «время от времени... силой вещей оказывался вне твердых рамок текущей бюрократической работы и из верховного чиновника превращался в носителя собственной воли и собственной власти».⁷² Впрочем, российские самодержцы и в частности Николай II при решении вопросов, признававшихся ими существенными, по-видимому, всегда выступали в качестве «носителей собственной воли и собственной власти». Так, Николай II уже после реорганизации Совета министров на манер кабинетов в конституционных государствах, как известно, в 1909 г. отказался вопреки мнению правительства одобрить законопроект о штатах Морского генерального штаба. В сущности своим поведением летом 1915 г. Николай II лишь в очередной раз, пусть и особенно наглядно, показал, что при существующей политической системе страной управляет в конечном счете именно царь, а не кабинет. При этом, однако, игнорируя министров, монарх вступил (чего прежде как будто бы не наблюдалось) в прямую конфронтацию с обществом. Взятое Николаем II на себя «все бремя ответственности административной машины» в таких условиях оказывалось весьма и весьма тяжелым.

Одернув министров-«бунтовщиков» и уволив некоторых из них, Николай II, как отмечалось, не внес каких-либо изменений в установившийся со времени реформы Совета министров порядок решения государственных дел. Между тем

А. Я. Аврех в своем исследовании, опираясь на приведенное наблюдение Б. Э. Нольде, утверждает, что в годы войны Николай II «начинает принимать решения действительно *самодержавно*, независимо от своего официального правительства или в противовес ему». ⁷³ С этим замечанием трудно полностью согласиться. Хотя после политического кризиса лета 1915 г. влияние «неофициальных советников» в лице в первую очередь императрицы на ход государственного управления возросло, однако царь все же не стал вершить дела (во всяком случае систематически) «независимо от своего официального правительства или в противовес ему». Министры все таки не превратились в простых начальников ведомств. Весьма серьезные вопросы государственной жизни, касавшиеся отношений с общественностью, управления военной экономикой и пр., продолжали обсуждаться на заседаниях кабинета. Показательно, что выдвинутый в июне 1916 г. высшими военными кругами план установления в тылу диктатуры в целях борьбы с хозяйственной разрухой Николай II счел нужным обсудить в кабинете, для чего и вызвал всех министров к себе в Ставку. ⁷⁴ С мнением Совета министров царь в общем считался. Более того, император мог согласиться с точкой зрения правительства даже тогда, когда она противоречила позиции «неофициальных советников». Так, в январе 1916 г. Николай II в соответствии с решением правительства фактически отверг поддержанные Александрой Федоровной попытки А. Н. Хвостова вернуть продовольственное дело в ведение Министерства внутренних дел.

В любом случае высказанные П. Л. Барком соображения кажутся во многом справедливыми. Безусловно, помешав кабинетскому большинству пойти навстречу требованиям оппозиции, Николай II взял лично на себя ответственность за действия власти со всеми вытекающими отсюда последствиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Тхоржевский И.* Перед обвалом. Эти воспоминания, печатавшиеся в двух номерах «Возрождения» (Париж) в 1935 г., переизданы С. Тхоржевским в журнале «Нева» (1991. № 7. С. 184—190), в числе других воспоминаний И. Тхоржевского под общим названием «Последний Петербург. Из воспоминаний камергера».

² *Тхоржевский И.* Перед обвалом // Нева. 1991. № 7. С. 186—187. В ноябре 1915 г. Александра Федоровна передавала мужу отзыв Распутина о Горемыкине: «...Старик так премудр. Когда другие ссорятся и говорят, он сидит расслаблено с опущенной головой. Но это потому, что понимает, что сегодня толпа вост, а завтра радуется, и что не надо дать себя унести меняющимся волнам». Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 455.

³ *Тхоржевский И.* Указ. соч. С. 186.

⁴ Там же.

⁵ *Толстой И. И.* Дневник (1906—1916). СПб., 1997. С. 669.

⁶ *Дякин В. С.* Царизм и первая мировая война // Кризис самодержавия в России. Л., 1984.

С. 574—575. Уже в эмиграции А. Н. Яхонтов писал по этому поводу В. И. Гурко: «Слишком ригористично было бы требование к его величеству сохранить доверие к таким сотрудникам. Да, надо было их уволить. Но ведь момент был трудный: на фронте смена командования и ликвидация критического положения, в которое попали наши армии, — где же тут было думать об освежении Совета министров и, следовательно, рисковать хотя бы временными замешательствами в высшем управлении. Когда Свенянский прорыв и другие угрожающие пункты были ликвидированы, тогда исподволь оппозиционные министры были уволены. Где же тут Распутин и его влияние?» (А. Н. Яхонтов — В. И. Гурко. 19.12.1925 // Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 489).

⁷ *Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II В. Н. Воейкова. М., 1994. С. 97.

- ⁸ Яхонтов А. Н. Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.). Записки, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. Кн. 7. СПб., 1996. С. 325—326.
- ⁹ Там же. С. 324.
- ¹⁰ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Л., 1925. Т. 4. С. 292.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Яхонтов А. Н. Первый год войны. С. 324.
- ¹³ «По-видимому, — отмечал впоследствии в своих мемуарах министр финансов в 1914—1917 гг. П. Л. Барк, — оказался прав Горемыкин, который все время твердил в Совете, что перерыв занятий Думы никаких неблагоприятных последствий иметь не будет, тогда как большинство министров опасалось серьезных беспорядков и внутренних политических осложнений». Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. № 175. С. 65.
- ¹⁴ Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // ВИ. 1994. № 7. С. 146.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // Красный архив. 1932. Т. 1.—2 (50—51). С. 151.
- ¹⁷ Там же. Т. 3 (52). С. 155.
- ¹⁸ Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 59.
- ¹⁹ Падение царского режима. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 211.
- ²⁰ Там же. С. 211—212.
- ²¹ Там же. С. 212.
- ²² Подробнее см.: Флоринский М. Ф. Из истории управления Петроградом в период первой мировой войны // Петербургские чтения: «Петербург и Россия». СПб., 1994. С. 121—122.
- ²³ Переписка Николая и Александры Романовых... Т. 3. С. 257, 307.
- ²⁴ Там же. С. 257.
- ²⁵ Совет министров Российской империи... С. 274.
- ²⁶ Там же. С. 277.
- ²⁷ Падение царского режима... Л., 1924. Т. 1. С. 331.
- ²⁸ Там же. Т. 4. С. 318.
- ²⁹ Там же. С. 318—320.
- ³⁰ Там же. С. 321. Следует отметить, что царица и Г. Е. Распутин, обсуждая в ноябре 1915 г. вопрос о возможности увольнения И. Л. Горемыкина, посчитали нужным как-то особо «почтить» премьера в случае его ухода. «Но ты придумаешь с Танеевым (главноуправляющим Собственной его императорского величества канцелярией. — Авт.) что-то для него, не правда ли?» — писала Александра Федоровна Николаю II, выражая надежду на то, что И. А. Горемыкин сможет остаться «помощником и советником» царя, «как был старик Мещ[ерский]» (Переписка Николая и Александры Романовых... Т. 3. С. 436—437). Возможно, письмо Г. Е. Распутина к «высоким особам» с просьбой пожаловать И. Л. Горемыкину чин канцлера было как-то с этим связано.
- ³¹ Переписка Николая и Александры Романовых... Т. 3. С. 363. Равным образом и Александра Федоровна, сообщая царю в октябре 1915 г. о перебоих в снабжении Петрограда продовольствием, отметила, что «милый старик слишком дряхл» и не вполне справляется со своими обязанностями, поскольку «в сущности он сам должен бы поехать и осмотреть все и наладить работу». (Там же. С. 399). По свидетельству П. Л. Барка, Николай II, принимая в январе 1916 г. решение об увольнении И. Л. Горемыкина, руководствовался тем, что ему (царю) «не удалось восстановить авторитет Горемыкина в среде коллег, утраченный им при возникших серьезных разногласиях в Совете министров, когда государь решил отправиться в действующую армию... Кроме того, государь сознавал, что Горемыкин не может больше встретиться с Думой, а между тем государь хотел созвать законодательные учреждения» (Барк П. Л. Воспоминания... № 176. С. 92).
- ³² Яхонтов А. Н. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 97.
- ³³ Переписка Николая и Александры Романовых... Т. 3. С. 256—257.
- ³⁴ Тхоржевский И. Указ. соч. С. 188.
- ³⁵ Яхонтов А. Н. Тяжелые дни... С. 118—119.
- ³⁶ Там же. С. 128.
- ³⁷ Толстой И. И. Указ. соч. С. 672.
- ³⁸ Яхонтов А. Н. Тяжелые дни... С. 128.
- ³⁹ Переписка Николая и Александры Романовых... Т. 3. С. 298.
- ⁴⁰ Там же. С. 339.
- ⁴¹ Яхонтов А. Н. Тяжелые дни... С. 136.
- ⁴² Дякин В. С. Царизм и первая мировая война... С. 576—577.
- ⁴³ Падение царского режима... М.; Л., 1926. Т. 6. С. 75.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. Т. 4. С. 279.
- ⁴⁶ Там же. С. 287.
- ⁴⁷ Там же. Кампания, развернутая А. Н. Хвостовым против И. Л. Горемыкина, по-видимому, в какой-то степени повлияла на отношение к премьеру императрицы. Во всяком случае осенью 1915 г. Александра Федоровна, по-прежнему высоко ценившая преданность «ста-

- рика», не скрывала, однако, от него самого своего недовольства его подходом к государственным делам. Когда И. Л. Горемыкин сказал императрице, что «молодые министры Хвостов (А. Н. — *Авт.*) и Шаховской без нужды слишком волнуются», Александра Федоровна в ответ в весьма прозрачной форме наметнула на недопустимо пассивное отношение главы правительства к своим обязанностям, резонно заметив, что «лучше предугадывать события, чем просыпать их, как это обыкновенно здесь бывает» (Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 462). Судя по переписке между царем и царицей, в течение какого-то времени известные шансы стать преемником, И. Л. Горемыкина были у министра юстиции А. А. Хвостова, дяди А. Н. Хвостова. Так, с ними собирался повидаться Г. Е. Распутин с тем, чтобы потом сообщить царице (а через нее и царю) свое мнение о возможности назначения А. А. Хвостова председателем Совета министров (Там же. С. 445, 448.). Сама Александра Федоровна, встретившись с кандидатом в премьеры, охарактеризовала его в письме к Николаю II следующим образом: «... Очень молчаливый и сухой, но честный. Однако, конечно, нельзя его сравнивать с Горемыкиным. Одно хорошо, что он предан старику. — но упрям» (Там же. С. 455).
- ⁴⁸ Там же. С. 229.
- ⁴⁹ Там же. С. 230.
- ⁵⁰ *Дякин В. С.* Царизм и первая мировая война... С. 581.
- ⁵¹ Там же. С. 581—582.
- ⁵² *Барк П. Л.* Воспоминания... № 175. С. 66.
- ⁵³ Переписка Николая и Александры Романовых... Т. 3. С. 502.
- ⁵⁴ Падение царского режима... Т. 1. С. 46.
- ⁵⁵ Переписка Николая и Александры Романовых... Т. 3. С. 364. «Кривошеин, тайный враг и все время неверен старику», — сообщила императрица мужу в одном из своих писем (Там же. С. 336). В другом письме она сетовала: «...Мой приятель Кривошеин — что с ним случилось? Я горько в нем разочаровалась» (Там же. С. 378).
- ⁵⁶ А. Н. Яхонтов — В. И. Гурко. 19 декабря 1925 г. // Совет министров Российской империи... С. 490.
- ⁵⁷ *Тхоржевский И.* Перед обвалом. С. 189.
- ⁵⁸ *Барк П. Л.* Воспоминания... № 175. С. 71.
- ⁵⁹ *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. Из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Петрополис. [Б. г.] С. 159—162.
- ⁶⁰ *Барк П. Л.* Воспоминания... № 175. С. 71. Как известно, Николай II выступил на заседании Думы 9 февраля 1916 г., в день возобновления ее занятий.
- ⁶¹ Запись заседания Совета министров 25 сентября 1915 г. // Совет министров Российской империи... С. 282. Однако в своем историческом труде «Первый год войны» А. Н. Яхонтов относит этот эпизод к ноябрю, причем в приводимой им там фразе А. А. Поливанова И. Л. Горемыкин не упомянут и отнесена она к тексту указа об отсрочке созыва Думы (*Яхонтов А. Н.* Первый год войны. С. 326).
- ⁶² Совет министров Российской империи... С. 302
- ⁶³ Там же. С. 311.
- ⁶⁴ Там же. С. 311—312
- ⁶⁵ Там же. С. 312
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же. С. 313
- ⁶⁸ Там же. Эти предложения несколько более пространно собственноручно изложены А. Н. Яхонтовым в документе, озаглавленном «Справка». РГИА. ф. 1276, оп. 10, д. 7, л. 163—164 об. Ср.: 1) Падение царского режима. Т. 6. С. 155; 2) *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. С. 164.
- ⁶⁹ П. Л. Барк — А. А. Риттиху. 9 сентября 1922 г. // Совет министров Российской империи... С. 438. В письме к А. Н. Яхонтову в 1926 г. А. А. Риттих писал: «Кое-кто из вечно критикующих радуется „трагической непредусмотрительности министров“: стремились убрать великого князя Николая Николаевича и когда того добились, ухватились за великого князя Николая Николаевича. Мало кто вспоминает, что государь укрепил фронт и бесповоротно поддержал союзников еще на целые полтора года. Но в английской печати этот последний взгляд был отмечен. Вспоминаю А. В. Кривошеина, сказавшего мне, что он глубоко ошибся, возражая против верховного командования государя» (А. А. Риттих — А. Н. Яхонтову. 25 ноября 1926 г. // Совет министров Российской империи... С. 504).
- ⁷⁰ *Барк П. Л.* Воспоминания... № 175. С. 71—72.
- ⁷¹ Там же. С. 73—74.
- ⁷² Цит по.: *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 246.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ *Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф.* Российская государственность и первая мировая война // 1917 год в судьбах России и мира: Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 24—25.

Дэниел Орловски

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ ПАМЯТЬ

Великая война и современная память — непреходящая тема в культурной истории уходящего века.¹ Именно Великая война привела к триумфу «модерна» и «модернизма», к крушению империй, Русской революции, к перекройке карт Европы и началу антиколониального движения, которое, в свою очередь, революционизировало, или даже создало, третий мир. Окончание Великой войны повлекло за собой длительный кризис демократического и капиталистического строя, давший толчок росту фашизма. После войны появились официальные истории и мемуары, которые должны были оправдать, вновь легитимизировать, освятить политические порядки и общества, раздираемые страданиями. Невозможно пройти по улицам английских городов, дворам университетов или по такого же рода местам во Франции или в Германии (или даже в США) и не встретить грандиозные напоминания в форме памятников павшим в войне, погубившей цвет целого поколения этих стран. В Лондоне был создан Имперский военный музей, построенный как монумент Великой войне и ее жертвам. Постоянная экспозиция и отличный архив представляют собою мощные, культурно оформленные национальные символы.

В России, напротив, Великая война погружена в молчание. Кроме описания военных операций и других трудов по военной, дипломатической истории и т. п., она в значительной степени осталась белым пятном, достоянием томов, пылящихся в библиотеках и архивах.² На протяжении всего советского периода имело место подавление человеческой памяти, желание забыть не только Великую войну, но и павших в ней, и смерть как таковую. Масштабы смерти в этом случае были огромны, но они скрыты от взгляда быстрой сменой последующих событий Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны и строительства советского общества, которые оттеснили на задний план участие в Великой войне.³ Первые 30 лет своего существования советский режим проявлял стремление скрывать смерть. Это касалось жертв голода и депортаций, террора конца 1930-х гг., что отразилось в официальных переписях населения, особенно в 1937 и 1939 гг. Режим хотел скрыть свои жертвы, спрятать убитых, как нам теперь стало известно не только из документов и статистических материалов, но и в результате эксгумаций. Неудивительно, что не сохранилось ни больших, ни малых кладбищ павших в Первой мировой войне и есть лишь тайные массовые захоронения жертв репрессий советского режима, которые удалось обнаружить только

благодаря потребностям Второй мировой войны и исчезновению самого советского строя. Катастрофа Второй мировой войны — вселенская битва, превратившаяся в советскую победу над фашизмом — вызвала публичное признание массовых военных потерь. В послесталинскую эпоху официальные празднования ее годовщин и память павшим стали в высшей степени политизированным и закодированным культом.

Что можно понять из исторического описания Московского городского братского кладбища, как сказано в предисловии этого постсоветского издания, представляющего собой попытку реконструировать биографии павших в Первую мировую войну, тела которых там захоронены? Цитирую предисловие: «Прошли годы. Последние участники Первой мировой войны ушли из жизни. Свидетели событий, которые послужили предвестником национальной трагедии, которая обрушилась на Россию. Ушли те, кто мог бы сказать нам, их потомкам, о людях этой давно ушедшей России, которые устлали своими телами путь вражеских армий в августе 1914 г. Задача данной работы — вернуть из небытия, в котором они оказались по воле судьбы, хотя бы некоторых из забытых героев Первой мировой войны, погребенных на Московском городском братском кладбище, одном из военных мемориалов того времени. На этом кладбище, которое когда-то имело статус Всероссийского мемориала войны 1914 г., нашли успокоение солдаты, офицеры, военные врачи, братья и сестры милосердия, павшие на фронте или умершие позднее от ран, те, кто погиб, выполняя свой долг.⁴ Это кладбище открыто 15 февраля 1915 г., после Октябрьской революции приняло жертвы расстрелов ЧК, в 1930-е гг. через его территорию проложены улицы, разбит парк, а в 1950-е гг. построен кинотеатр с символическим названием „Ленинград“».⁵

Итак, через 74 года после окончания Великой войны небольшая группа россиян приступила к работе по установлению имен погибших, что в других странах, ее участницах, делалось еще во время военных действий.⁶ В предшествующих войнах, которые вела Великобритания, от наполеоновских (особенно в битве при Ватерлоо) до Бурской, включая Крымскую и Вторую Афганскую, павшие британцы не опознавались и не идентифицировались. Захоронения производились в массовых могилах с единственным опознавательным знаком. В январе 1915 г., и этот поворотный момент можно отметить с точностью, необычной для культурной истории, началась новая эра в истории военных захоронений: простых солдат стали хоронить под их собственными именами. Как записал в своем военном дневнике член британского Красного Креста, простых солдат перестали «хоронить там, где они пали — на полях сражений у обочин дорог, иногда поодиночке, иногда вместе»: теперь работой его и его сослуживцев стали «поиск захоронений, идентификация павших солдат, постановка крестов, регистрация их местонахождения».⁷ Вскоре разрозненные подразделения Красного Креста были реорганизованы в Комиссию по регистрации захоронений. Почему это произошло и что могло означать отсутствие этого в России? Усилия, прилагаемые для поиска, идентификации и похорон мертвых, означали радикальное расхождение с предшествующей военной практикой. Это связано с демократизацией памяти, начавшейся с Французской революцией.⁸ Государству пришлось признать это право своих граждан, которых оно собиралось массами посылать на смерть (этого не было в России, что можно расценить как симптом недостаточности демократизации в ней и слабого чувства гражданства, равно как и влияние российской культурной традиции не хоронить отдельно и не ставить надгробия на местах воен-

ных захоронений). В отличие от этого британские кладбища и могилы были расположены как можно ближе к местам гибели погребенных, что позволяло народам, чтя память погибших, признать их численность. Это способствовало осознанию жертвенности даже при одновременном признании бессмысленности бойни и заменяло собой более ранние идеалы патриотизма.⁹ Памятные места, по выражению Пьера Нора, создаются в наше время правительствами и не обязательно исходят из географии, культуры или истории.¹⁰

Сравнительное отсутствие памяти в России о Великой войне поддерживается и увеличивается недостаточностью знаний. В академическом дискурсе это отмечено продолжающимся стремлением «исключить Россию» из дискуссии. Редактор недавно появившегося сборника, посвященного социальным и культурным аспектам национальной мобилизации во время войны, так высказался о проблеме: «Вопрос о России и Восточном фронте представляет собой очевидную лакуну. Это не отражает какое-либо убеждение со стороны редактора в том, что Западному фронту и западным державам, участвовавшим в войне, придан олигополистический статус, который они имеют в ходе нынешнего возрождения интереса к Первой мировой войне. Напротив. Однако он, как и другие, оказался перед проблемой диспропорции в базе знаний и в состоянии изученности темы касательно борьбы между Германией и основными западными державами, участвовавшими в войне, с одной стороны, и между германским блоком и странами южной и восточной Европы, с другой; особенно это касается России, где Первая мировая война долгое время оттеснялась на задний план вопросами революции и происхождения коммунистического режима. Единственное исключение представляет собой Италия, где в течение последних 15 лет было проделано немало работы, имеющей новаторский характер. Отсюда стремление отказаться от попытки включить российский фактор и обращение, вместо этого, к итальянскому примеру как к такому, где ограниченная легитимность довоенного режима была уничтожена (наряду с другими явлениями) императивами военной мобилизации, хотя результатом оказался не коммунизм, а фашизм».¹¹

Однако дело не только в недостатке современных исследований по предмету. В России не было культа Великой войны и движения за сохранение и поклонение памяти ее жертв, нет значительных памятников и мемориалов войны и почти нет ее кладбищ. Только прошлым летом небольшая, но хорошо продуманная выставка, посвященная Великой войне, прошла в Музее революции в Москве.¹² Намечился определенный прорыв в изучении культуры русского патриотизма во время Великой войны.¹³ Яркий контраст представляет феномен Второй мировой войны, которая в определенной мере превзошла саму Октябрьскую революцию в качестве поддерживающего и легитимизирующего базового мифа о правильности советского режима, который отразился и в праздновании 50-летия Победы и в строительстве на Поклонной горе того, что можно расценивать как последний советский монумент. Конечно, Великая война не совсем забыта. На протяжении 1920-х и 1930-х гг. отмечались годовщины ее начала. В ранних советских изданиях энергично обсуждался вопрос о «вине» за развязывание «империалистической войны». Обращаясь к проблеме причин ее возникновения и порывая с традицией соблюдения даты конечного перемирия, М. Н. Покровский в 1928 г. опубликовал сборник своих сочинений, где отметил отсутствие или слабость памяти при обосновании своего тезиса, позднее крайне непопулярного в официальных кругах сталинского режима: по его мнению, русский империализм и внеш-

няя политика царского правительства в значительной степени ответственны за развязывание войны в 1914 г.¹⁴ Покровский так начал свое предисловие: «Импералистическая война для нас в СССР оказалась более забыта, чем где бы то ни было, не только больше, чем в Германии, которая в наиболее материальном смысле несет ее бремя, но даже больше, чем в Соединенных Штатах, которая понесла потери в десять раз меньшие, чем старая Россия. Две революции, Февральская и Октябрьская, и гражданская война закрыли память современников для того, что существовало ранее, так как все, что было до этого, было резко отделено от того, что последовало за этим, и это ощущалось более явственно, чем где-либо. Десятая годовщина 1914 года в нашей стране прошла более бесцветно, чем другие юбилеи, потому что эту годовщину мы сочли более „исторической“. И история, особенно такого рода, в наше время не чествуется, как, впрочем, она никогда не чествуется накануне победоносной революции. Старое полностью сгорает: так надо ли помнить, из чего было построено сгоревшее здание?»¹⁵

Далее Покровский утверждал, что Великая война заняла бы место, подобное наполеоновским войнам, если бы мировой империализм был уничтожен так же, как русский. Но империализм все еще держится, продолжал он, и вот почему империалистическая война не становится достоянием истории и продолжает жить на наших западных границах, как ясно видно из кризиса, разразившегося летом 1927 г. Война с империализмом продолжается. В других странах память о войне используется для оправдания новых режимов, осмысления жертв, построения нового согласия и тому подобного.

Мало что изменилось к 1994 г., когда конференция в постсоветской России пришла к следующему «тезису» об «актуальности проблем» России в Первой мировой войне: «Вероятно, ни с одной из великих войн, в которых Россия участвовала в последние несколько столетий, не связано такое же молчание и сознательное искажение народного самосознания, как с войной 1914—1918 гг. Несмотря на огромное количество исторической литературы по этому периоду, изданной за последние десятилетия, Первая мировая война в исторической памяти россиян до сегодняшнего дня остается „белым пятном“. События, знание о которых суммируется ярлыком „империалистические“, приблизительная информация о брусилловском наступлении или о проявлениях крайней враждебности народа по отношению к войне, о некомпетентности царских генералов. Забыта, однако, не только сама война, но и миллионы граждан нашего отечества, погибшие на полях сражений или в плену врага, умершие от ран или болезней. До самого недавнего времени в нашей стране не было ни единого мемориала или памятника, посвященного этой войне, до сих пор нет ни одного военного кладбища тех лет, которое было бы сохранено в надлежащем виде. Все это говорит об отношении к Первой мировой войне, к ее памяти и к ее героям, господствовавшем в течении многих лет».¹⁶ Говорилось также о необходимости поднять из прошлого (на сей раз в момент восьмидесятой годовщины начала войны) десятки и сотни имен, забытых и не чтимых.

Большинство нынешних экономических, политических, этнических, духовных и моральных проблем России проистекают из Великой войны.¹⁷ С восстановлением памяти и упокоением мертвых создается важная связь между образом новой России и новой русской национальной идентичностью.¹⁸ В последние годы существования СССР и в период перестройки это возрождение памяти относилось в первую очередь к жертвам сталинской эпохи. Общественная организация

«Мемориал» и теперь продолжает свой благородный труд в Москве и в других регионах постсоветского пространства. Но нет ли необходимости для такого же воссоздания в отношении Первой мировой войны и ее потерь? Великую войну следует рассматривать как первый шаг на пути к Революции 1917 г., гражданской войне и советизму, значительный шаг, который оправдывал насилие в больших масштабах. Признание самого этого факта, так же как взвешенная общественная дискуссия в постсоветское время о забытых мертвых и о процессе сокрытия мертвых тел могут стать нужным шагом на пути к национальному выздоровлению и переоценке ценностей. Недавно антрополог Кэтрин Вердери написала о политике в отношении к мертвым в посткоммунистической Восточной Европе, о перезахоронении жертв в бывшей Югославии и ритуальных перезахоронениях бывших лидеров в Венгрии (этот вопрос обсуждается и в России). Это представляет собой «ресакрализацию» политики. Мемориалы могут заново обозначить пространство и время, способствовать созданию и консолидации новых идентичностей и сакрализовать новые власти.¹⁹ Юрген Хабермас так написал о германской памяти после 1945 г.: «Мой тезис состоит в том, что Федеративная республика стала политически цивилизованной лишь до той степени, до какой пали препятствия для нашего понимания доселе немислимого разрыва в цивилизации. Нам пришлось научиться совместно противостоять прошлому, травмирующему наше сознание. То, что либеральная политическая культура смогла развиться в таком культурно высокоцивилизованном обществе, как Германия, только *после* Освенцима — это истина, которую трудно понять».²⁰

Памяти как предмету исторического изучения в последнее время уделялось много внимания. Историки ищут новые средства для понимания таких явлений, как национализм и национальная идентичность, революция и другие великие потрясения истории в XIX и XX вв.²¹ У памяти много носителей, или векторов, используя выражение Анри Руссо.²² Следуя за Руссо, в качестве носителя можно рассматривать любой источник, предполагающий сознательное воспроизведение события в общественных целях. Коллективная память о событии формируется всеми представлениями о нем, сознательными или несознательными, внешне или внутренне выраженными. Между памятью личной, семейной и местной наличествует серия опосредований; это же верно и для групповой памяти в отношении с памятью национальной. В определенное время некоторые из этих опосредований становятся важнее других.²³ Основные категории «носителей» — официальные, организационные, культурные и научные. Более тонкий подход требует усиленного восприятия представлений среди социально очерченных групп и взаимодействия видов памяти, бытующих внутри общества и культуры, а также их конкретного отношения к повседневной общественной и политической жизни.²⁴

В литературе по этому вопросу можно выискать неявно выраженную мысль о том, что народы не могут добиться настоящего освобождения, пока не научатся противостоять травмам прошлого. Два ярких примера, взятых из XX в., представляют Германия и Франция, где опыт нацизма и затем разделенной Германии и вишистской Франции оставили в памяти крайне противоречивый след.²⁵ Во французском случае подавление памяти о Виши описано как невроз, как «синдром», вызванный тем, что французской нации не удалось честно обойтись с травмой, нанесенной войной. Особый интерес представляют здесь несовершенства человеческой памяти, «не то, что люди понимают правильно, но то, что и почему они понимают неправильно», и весь вопрос об умолчании и «умышленном

искажении» со стороны очевидцев войны, «тактические и эмоциональные мотивы, которые привели их к фальсификации прошлого».²⁶ Во Франции объединяющий национальный миф первых послевоенных лет удалось достичь ценой массивного подавления, но, как считал Анри Руссо, возможна только временная произвольно вызванная амнезия, а не перманентная потеря коллективной памяти. Одна из задач историков состоит в том, чтобы действовать в качестве доверенных лиц, обладающих материалами, которые в определенный момент послужат делу завершения неоконченной картины оплакивающей нации как единого целого.²⁷

В Восточной Германии режим заморозил память, в особенности о Холокосте и еврейском вопросе.²⁸ Это было связано с марксизмом и еще в большей степени с установлением и укреплением режима советского типа. На Западе имелось больше возможностей для перемен, для изменения памяти, но Холокост как трагедия без искупления также на время оказался в забвении, так как «он не вписывался ни в одну из оптимистических теорий истории или послевоенной политики реконструкции».²⁹

Какие другие основания могут найтись для подавления памяти о Первой мировой войне в России? Ясно, что Октябрьская революция и создание советского государства заменили Великую войну (которая сама была революцией) и ее функцию легитимизации насилия и смерти. Военные и патриотические темы и процесс мемориализации были зарезервированы для героев и проектов нового режима, который, будучи идеологически марксистским, преодолел, как было принято считать, прошлое, историю и негативные коды царской России. Нельзя было праздновать конец империалистической войны, которая была незначительным явлением по сравнению с триумфом революции.

Возможность подавления памяти появилась не с приходом большевиков. Разложение армии, и в особенности чистка офицерского корпуса в ходе и после Февральской революции, когда Временное правительство возглавляли либералы и умеренные социалисты, стали жизненным фактом 1917 г. Революционные оборонцы в правительстве определенно не были сторонниками всех целей войны. Керенский выступал за проведение в июне и июле 1917 г. обещанного наступления, но значительно продвинул вперед политизацию правительственного и народного отношения к военным и к потерям мировой войны. Согласно этому взгляду, революция представляла собой «новое» и противостояла всему, что имело отношение к «старому» или к старому режиму. Революция, начиная с февраля, означала начало новой истории, попытку убедить общественное мнение в реальности и значимости этой ситуации. Революция и вызванные ею жертвы, пользуясь определениями современного критицизма, оказались в привилегированном положении по отношению к войне. Память и празднование годовщин с самого начала были отданы им, и в первые послереволюционные годы основание было подведено под совершенно новый склад ритуалов и чтения памяти павших.³⁰ Неплохой пример предоктябрьских отношений к военным и их культуре можно найти в хорошо известной встрече Керенского с армейскими командирами в июле 1917 г. после провала наступления. Генералы обратили внимание на упадок духа и развал дисциплины накануне наступления и на негативную роль комиссаров и комитетов. То, что они видели, было еще одной версией «двоевластия» с комиссарами, ничего не знавшими об армии и ее культуре.³¹ Керенский ответил: «Мы не можем вернуться к старому порядку и не можем дать народу почувство-

вать, что мы возвращаемся к дореволюционному режиму. Так, мы должны упразднить некоторые из требований дисциплины, чтобы соблюдение остальных требований не оставляло впечатления, будто мы отвергаем новые формы ... Я хочу спасти Россию, но не хочу вернуться к старому».³² Генералы быстро распознали этот комплекс абсолютного отказа от прошлого. Как сказал генерал Рузский, «было бы очень хорошо, если бы правительство могло решить раз и навсегда забыть этот страх перед возвратом к „старому“. Такой страх не может существовать, потому что вернуться к „старому“ невозможно».³³ Временному правительству не удалось создать четкую военную структуру, не говоря уже о новой военной культуре, его действия вели к отчуждению между офицерами, войсками и обществом. Военная история и история здорового патриотизма должны были начаться с нуля. Это было принято и продолжено большевиками после Октября.³⁴

Февральская и Октябрьская революции, последовавшие за ними Гражданская война и консолидация советской власти сделали невозможным траур и строительство мемориалов павшим в войне старого режима. Великой войне не было места, она не могла служить легитимизирующей жертвой для послевоенного режима. Марксистская доктрина определяла ее как результат империализма, проявление той стадии истории, которая была преодолена. Советская «цивилизация» смотрела вперед во времени с момента победы большевиков. Можно было активно изучать начало войны, но не ее конец. Отмечалась каждые десять лет только годовщина начала войны в 1914 г., но не Брестский договор, ноябрьское перемирие 1918 г. или Версальский мир. Как только советский режим оформился в 1918 г., сразу проявилась тенденция скрывать смерть, потери и жертвы. Признание смерти было принесено Второй мировой войной. Культ этой войны в СССР со всеми мемориалами и массовыми кладбищами, годовщинами и церемониями в полной мере проявил не только истинно народный траур, но и политическую природу смерти и погибших. Но эти ощущения не были растянуты назад во времени, и, как показала Нина Тумаркин, бывшие советские граждане все еще ищут точки соприкосновения со смертями той войны и значением культа.

Странные повороты памяти о Первой мировой войне и ее героях в России можно видеть на примере генерала А. А. Брусилова.³⁵ Герой Великой войны, под чьим командованием в 1916 г. было проведено успешное наступление на Юго-Западном фронте, он служил в Красной армии до середины 1920-х гг., затем вышел в отставку и вскоре умер. Брусилов был патриотом, верил в российскую государственность и не принял идеологии большевиков, был внутренним изгнанником, что ясно видно из неопубликованных рукописей второго тома его воспоминаний (которые он, по всей видимости, диктовал жене, будучи на лечении в Чехословакии в 1925 г.). Его военный талант никогда не ставился под сомнение, и его стратегия и тактика в Первую мировую войну позднее всесторонне изучались. Его образ расценивался положительно, поскольку он остался в советском государстве и служил революции и ее народу, а его оппозиция к революции и ее идеологии была забыта или замалчивалась. Образ героя устоял в чистках 1930-х гг., так как история его военных операций приобретала все более и более важное значение перед лицом неизбежной войны. В период Второй мировой войны этот образ сохранялся в условиях очевидной нужды в положительных героях и в связях с русскими военными традициями. В 1948 г., однако, положение изменилось, когда Сталину сообщили о негативном отношении Брусилова к режиму, проявившемуся в неопубликованной рукописи его воспоминаний. Наряду с

многими живыми героями Второй мировой войны этот давно ушедший из жизни герой Великой войны был «вычищен» из исторической литературы и из пантеона советских деятелей. Возможность для реабилитации после секретного доклада Хрущева на XX съезде КПСС появилась и произошла в 1963 г. Но это были советские времена. Реабилитация основывалась на потребности в положительных военных героях в напряженный период Холодной войны. Но что делать с мемуарами? Режим приписал антисоветские выпады Брусилова его жене Н. В. Желиховской, которая откровенно восхищалась старым режимом и была родственницей графа С. Ю. Витте. Комиссия, проводившая расследование в 1961 г., установила, что авторство соответствующих пассажей в тексте мемуаров принадлежит Желиховской. Только в конце 1980-х гг. полное авторство мемуаров было приписано Брусилову, а его отношение к революции и советскому режиму стало предметом взвешенного обсуждения.³⁶

Большинство причин стирания памяти о Первой мировой войне в России вполне ясно. Значение и смысл этого явления не столь очевидны как предмет исторического исследования в советский период и особенно в нынешней России и других местах постсоветского пространства. То, как новый режим и другие «носители» памяти подходят к вопросам о павших и к таким забытым событиям или к подавленным моментам памяти о Первой мировой войне, много скажут об их природе. Политика по отношению к памяти и смерти сможет много сказать о российской идентичности, об отношении России к другим нациям и народам (другим участникам и жертвам Великой войны), о потенциале новых форм гражданства. Будет ли продолжено молчание о павших в Первую мировую войну даже теперь, когда подготавливается почва для канонизации Николая II?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Книга Р. Fussel «The Great War and Modern Memory» (London, 1975) стала классической в области этой темы. Позднее изданы работы, в которых продолжено исследование национальной памяти и выискиваются черты, общие для Европы: *Mosse G. L. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars.* New York, 1990; *Eksteins M. The Great War and the Birth of the Modern Age.* Boston, 1989; *Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History.* Cambridge, 1995. Во всех них нет ни слова о России и российской памяти о павших.

² А таких томов в действительности немало. Два библиографических справочника охватывают лишь некоторую часть их: *Хмелевский Г. Мировая империалистическая война 1914—1918 гг.: систематический указатель книжной и статейной военно-исторической литературы за 1914—1935 гг.* М., 1936; *Рутман Р. Е. Россия в период Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции (июль 1914 — февраль 1917 г.).* Л., 1975.

³ Это нашло отражение в докладах и материалах дискуссии на конференции «Восприятие смерти в России в новейшее время», проведенной

25—26 апреля 1998 г. в Калифорнийском университете в Беркли.

⁴ Московское городское братское кладбище: Опыт биографического словаря. М., 1992. С. 3.

⁵ Издание содержит 356 биографических справок, заимствованных из газет и журналов периода Великой войны (некрологи и наградные списки). Составители признают, что эта работа имеет незавершенный характер, и отмечают, что руководство Исторического музея пытается составить более полный список. Здесь, однако, нет упоминаний об архивных материалах, которые могли бы помочь исследователям или другим заинтересованным лицам идентифицировать или установить имена павших в Первую мировую войну (Там же. С. 3).

⁶ Соображения по поводу установления имен погибших в Великую войну, основанные преимущественно на британском опыте, см.: *Laqueur T. W. Memory and Naming in the Great War // Commemorations: the Politics of National Identity / Ed. by J. R. Gillis.* Princeton, 1994. P. 150—167; *Piehler K. G. The War Dead and the Gold Star: American Commemoration of the First World War // Ibid.* P. 168—185.

- ⁷ *Laqueur T.W.* Op.cit. P.152.
- ⁸ Юрген Хабермас пишет: «Всеобщая военная обязанность стала оборотной стороной гражданских прав еще со времен Французской революции. Готовность сражаться и умереть за Отечество должна была доказать наличие как национального самосознания, так и республиканского согласия. Это двойное кодирование проявляется также в надписях на местах исторической памяти: камни, обозначающие вехи в борьбе за республиканские свободы, связаны с символизмом смерти мемориальных церемоний, на которых чествуются павшие на полях сражений. Этот двойной след памяти отражает двойственную природу нации — желаемой нации граждан, создающей демократическую легитимизацию, равно как и врожденной нации (Volksgenossen), нацеленной на национальную интеграцию (*Habermas J.* 1989 in the *Shadow of 1945: On the Normality of a Future Berlin Republic* // *Habermas J.* A Berlin Republic: Writings on Germany. Lincoln, Nebr., 1977. P. 172—173.
- ⁹ *Laqueur T.W.* Op. cit. P. 160—161.
- ¹⁰ Связь между установлением имен и кладбищами и демократизацией можно уловить на британском примере в абсолютном равенстве стандартов, установленных для надгробий, и запрете без исключений на репатриацию тел. В Америке, напротив, семьям погибших разрешено просить о репатриации.
- ¹¹ *State, Society and Mobilization during the First World War* / Ed. by J. Home. Cambridge, 1997. P. XIV.
- ¹² К сожалению, не изданы каталог или путеводитель по выставке.
- ¹³ *Jahn H. F.* Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca, 1995.
- ¹⁴ *Покровский М. Н.* Империалистская война: Сб. статей. 1915—1927 гг. М., 1928.
- ¹⁵ Там же. С. 7.
- ¹⁶ *Лиферов А. П.* Россия и Первая мировая война: Актуальность проблемы // Россия в Первой мировой войне: Тезисы межвузовской научной конференции. 4—5 октября 1994. Рязань, 1994. С. 3.
- ¹⁷ Там же. С. 4.
- ¹⁸ О том, как в России пытались решить вопрос об убитых во Второй мировой войне см.: *Tymarkin N.* The Living and the Dead: The Rise and Fall of Cult of World War II in Russia. New York, 1994.
- ¹⁹ *Verdery K.* The Political Lives of Dead Bodies in the Postsocialist Transformation. New York, 1999.
- ²⁰ *Habermas J.* Op.cit. P.164.
- ²¹ *Confino A.* Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // *American Historical Review.* 1997. Vol. 102. № 5. December. P. 1386—1403; *Idem.* The Nation as Local Metaphor: Württemberg, Imperial Germany and National Memory, 1871—1918. Chapel Hill, N. C., 1997.
- ²² *Wilkinson J.* A Choice of Fictions: Historians, Memory and Evidence // *PMLA.* 1996. Vol. 111. № 1 January. P. 80—92.
- ²³ *Rouso H.* The Vichy Syndrome: History and Memory in France since 1944. Cambridge, MA, 1991. P. 219.
- ²⁴ *Confino A.* Collective Memory and Cultural History... P. 1401—1403.
- ²⁵ Литература по этой теме весьма обширна. Несколько примеров: *Rouso H.* Op.cit; *Herf J.* Divided Memory: The Nazi Past in the Two Germanys. Cambridge, MA, 1997; *Habermas J. A.* Berlin Republic: Writings on Germany. Lincoln, Neb., 1997; *Probing the Limits of Representation: Nazism and the «Final Solution»* / Ed. by S. Friedlander. Cambridge, MA, 1992; *Mitscherlich A., Mitscherlich M.* Die Unfähigkeit zu trauern. München, 1967.
- ²⁶ *Wilkinson J.* Op. cit. P. 87—88.
- ²⁷ *Rouso H.* Op. cit. P. 219—271.
- ²⁸ *Herf J.* Op. cit. P. 388.
- ²⁹ *Ibid.* P. 388—392.
- ³⁰ *Geldern J. von.* Bolshevik Festivals 1917—1920. Berkeley, 1993.
- ³¹ ГАРФ, ф. 1780, оп. 1, д. 39, л. 4.
- ³² Там же. л. 23об.—24.
- ³³ Там же, л. 24.
- ³⁴ *Hagen M. von.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917—1930. Ithaca, 1990.
- ³⁵ *Слезкин Ю.* Брусиллов: Роман. М., 1947; *Ростунов И. И.* Генерал Брусиллов. М., 1964; *Семанов С.* Генерал Брусиллов: Документальное повествование. М., 1986; Первая мировая. М., 1989; *Соколов Ю.* Красная звезда или крест? (Жизнь и судьба генерала Брусилова). М., 1994.
- ³⁶ *Соколов Ю.* Указ. соч. С. 157—162.

В. Л. Дьячков, Л. Г. Протасов

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ: ПРЕВРАТНОСТИ ИНДОКТРИНАЦИИ И ВОСПРИЯТИЯ

Мировая война 1914—1918 гг. была великой вехой истории XX в., а истории России — в особенности. В наши дни историографическим трюизмом стал тезис о том, что Революция 1917 г. с ее ближайшими и обозримыми последствиями выросла из войны. Эта констатация нуждается, тем не менее, в развернутом разъяснении. За два с половиной года после 1 августа 1914 г. Россия погрузилась в военную пучину, небывалую по массовости, по протяженности фронтов, разрушительности и человеческим потерям, крайне осложненную тяжкими поражениями или отсутствием решающего успеха на главных фронтах. Быстро определившийся позиционный характер войны на истощение подчеркивал ее бесперспективность. Война вместе с тем вошла во все поры общественного организма, пропитала политику, понизила моральный порог общества и обесценила человеческую жизнь до ничтожной статистической величины. Психоментальное состояние социума военного времени, часто определяемое как одичание, составляло важнейшую духовную предпосылку будущей всероссийской драмы — беспрецедентной по своим масштабам и ожесточенности Гражданской войны.

Тем парадоксальнее, что Первая мировая война остается для россиян как бы неизвестной, в чем убеждался едва ли не каждый историк-профессионал, преподающий свой предмет. В 1993 г. из 500 опрошенных читателей журнала «Родина», людей, по меньшей мере равнодушных к отечественной истории, лишь 6,6% решились утверждать, что эта война не является для них войной неизвестной.¹ С тех пор ничего не изменилось.

Опыт мировой войны побуждал не одно поколение мыслителей к историческим ассоциациям и сопоставлениям, прежде всего в соотношении «война — революция». Для Франции, Англии участие в ней было даже более длительным и изнурительным, с большей долей людских потерь и не менее разрушительными экономическими последствиями, которых не могли, конечно, возместить германские репарации. Германия, зажатая в тисках фронтов, войну эту проиграла, став на годы разоренной и униженной страной, испив свою чашу революции и гражданской междоусобицы. Однако ни в одной из этих основных стран-участниц война не привела к исторической катастрофе, смене общественных систем. П. Н. Милюков, универсальный историк и публичный политик, в этой антитезе усматривал «вопрос нашей особой, русской философии истории».²

Но есть и другая историческая ассоциация, внутрirosсийская: всего лишь через четверть века другой, куда более сильный военный противник дойдет до окраин Москвы и Ленинграда, Воронежа и берега Волги, но оставшихся ресурсов хватит для безоговорочной победы СССР, а о возможности внутреннего социально-политического взрыва, по образу и подобию событий 1917 г. (на что вполне рассчитывали гитлеровские стратеги), говорить не приходилось. Ссылки на «морально-политическое единство советского народа» в этом случае не более доказательны, чем на целительность сталинских чисток 1930-х гг. — это две стороны одной идеологической медали.

Связь будущей войны и революции в России предрекали многие современники — и не только социалисты. Можно согласиться с репликой В. П. Булгакова, что в кризисных ситуациях имеют обыкновение сбываться самые дурные предзнаменования,³ но нельзя не поразиться детальной точности прогноза будущей войны в памятной записке П. Н. Дурново царю в феврале 1814 г.: «В случае неудачи, возможность которой при борьбе с таким противником, как Германия, нельзя не предвидеть, социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна... Законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению».⁴ «Российский Нострадамус» мыслил, конечно, не трансцендентально, а исходил из пережитого Россией опыта сцепления военных неудач и внутривнутриполитических осложнений начиная, по крайней мере, с Крымской войны.

Источником Революции 1917 г. мировую войну сделала трагическая совокупность субъективных и объективных, общих и конкретных, случайных и закономерных факторов. Одни из них имели государственное («сверху вниз») происхождение, другие коренились в социо- и культурно-психологическом типе общества, третьи поглощали, обнимали, питали первые, вытекая из конкретного цивилизационного состояния России в начале XX в. Во всех случаях стержнем, основой каждой группы факторов являлся российский человек того времени, с его конкретно-историческим сознанием и поведением.

Масштабы войны и страны объективно ставили на первое место в государственной внутренней политике задачи эффективного воспитания, агитации и пропаганды, необходимые в предвидении суровой проверки морального духа общества. Примером тому могли служить и Германия и Франция, сплотившие свои нации во имя «священной войны». Можно сказать, что российский истеблишмент полностью провалил эту жизненно важную работу. В его распоряжении не оказалось идеологической доктрины или хотя бы идеи, способной консолидировать общество на длительный период крайнего напряжения сил. (Напрашивается соблазн сопоставления с подобной государственной работой в 1941—1945 годах, подготовленной, впрочем, почти двадцатилетней «социальной педагогией»: психология «осажденной крепости», идейная монополия, регулярные чистки в сочетании с новыми карьерными возможностями, заниженный уровень потребления и пр.). Доктрина «официальной народности» для XX в. безнадежно устарела и отдавала казенщиной, попытка разыграть карту «русского национализма», предпринятая еще в III Государственной думе, была неудачной, да и очень рискованной для внутреннего пользования. Либерализация политической сферы России в начале века, заметный экономический и социальный прогресс предво-

енных лет ощутимо диссонировали с атмосферой войны, требовавшей жесткого самоограничения. А. Уайлдмэн называл мировую войну «великим безумием консервативных монархий»: действия, которые требовали максимума мобилизации общественного мнения и технических и промышленных ресурсов, делали их уязвимыми перед революцией как побочным продуктом затянувшейся войны. И русская автократия была самой уязвимой.⁵

В значительной мере возможности массовой индоктринации в военное время сковывались недоразвитостью средств массовой информации, децентрализованностью и неконтролируемостью печати, книг, театра и т. п., нехваткой агитационно-пропагандистских кадров (урок, впоследствии извлеченный красными и белыми применительно к Гражданской войне), элементарной безграмотностью большинства населения. Но самое важное — социокультурная «пробка», перегородка между типологически разными мирами «верхов» и «низов», элиты и низших слоев, города и деревни.

Но и без этих объективных ограничений конструктивная часть государственной индоктринации была несостоятельна. Многим современникам еще до начала войны было ясно, что России невозможно мобилизовать на серьезные жертвы неумело внушаемыми лозунгами «За Веру, Царя и Отечество», защиты славян, православных, верности союзникам, на выдуманных понятиях защиты европейской культуры от «гуннов», «варваров», на требованиях Константинополя и пр. Уже в первые недели войны А. В. Пешехонов, видный публицист, социалист-государственник, предостерегал, что в России «ее государственная и общественная организация совершенно не приспособлена для выражения и реализации общей мысли, общего чувства, общей воли». Пешехонов предсказывал скорое охлаждение населения к идее национального единства, так как народ, принося себя в жертву, ничего не получает взамен: ни улучшения жизни, ни надежды на это улучшение в будущем.⁶

Бросается в глаза, что во всех государственных средствах воздействия на общество — печать, кино, театр, школа, церковь — пропаганда военных усилий страны занимала недопустимо малое место. Особенно показательна в этом смысле пресса. По газетным военным сводкам (обычно в разделе «Война») трудно отличить описание боевых действий на западных фронтах от того, что происходило на русском военном театре, — настолько скупы, хроникально-бесстрастны сообщения. Чем далее, тем глубже военная тема уходила в тень бесстыдно циничной рекламы шляпок, корсетов и снадобья против старческого бессилия. Даже в своей цензурной работе, в военное время получающей законное оправдание, государство не предлагало больше, чем вымарывание неугодных высказываний, оставляя белые плеши в газетах, штрафуя и закрывая издания.

Можно было бы «посоветовать» государству поставить пропаганду на первое место, через все наличные каналы вбивать обществу, народу, населению мысль о том, что война касается всех и каждого, что все должно быть подчинено фронту, воспитывать ненависть к чужаку, вторгшемуся с насилием и зверствами в твою жизнь, дом, семью.

Следует учесть, что высшая власть, хотя и принимала некоторые репрессивные меры в отношении выходцев из Германии (вроде принудительного отчуждения их земель в приграничном районе), не могла активно вести антинемецкую пропаганду. Этому препятствовали династические связи и влиятельный остзейский элемент в чиновно-военной элите.

В целом же провал воспитательной политики государства не сводился, разумеется, к промахам отдельных лиц. Прямой и обратной связью он был соединен с уникальным состоянием российского общества. Его главной особенностью были много- и разноукладность (экономическая, социальная, политическая, национальная, культурная, религиозная и др.) с естественно неизбежными при этом состоянии межукладными конфликтами и с весьма жесткими, еще плохо проницаемыми переборками между укладами. Взятый в разных исторически сложившихся противопоставлениях (город — деревня, «верхи» — «низы», государство — общество, интеллигенция — власть, русские — нерусские, армия — гражданское население, офицеры — нижние чины, фронт — тыл и т. д.) перегородчатый российский организм сам по себе являлся вряд ли преодолимым препятствием для массовой индоктринации и мобилизации духовных ресурсов. Разноукладность, разнокультурность России, с наложившейся на нее «сверху» модернизацией, стремительным со второй половины XIX в. прогрессом подсистем открытого типа создали парадоксальную и удивительную с точки зрения историка ситуацию — огромная война, объективно вошедшая во все клетки и поры России, замкнувшая на себя, казалось бы, все жизненные функции страны, оказалась «посторонней», ненужной, отторгаемой как досадная помеха обычному течению повседневной жизни. Примерно так и довольно скоро после спада патриотической эйфории, присущей первым месяцам войны, воспринималась она сознанием большинства людей.

Война не занимала должного (т. е. основного) места в сознании и поведении политической элиты России. Министерские и придворные интриги, игры камарильи, Распутин, внутридумская борьба по «невоенным» вопросам — все это заслоняло, отодвигало главную задачу поддержки военных усилий страны. Проблема войны присутствует, конечно, в речах и действиях политиков, но чаще как приличествующее моменту прикрытие целей личного и группового политического и материального интереса. Самый наглядный пример отстраненности от войны с одновременным паразитированием на ней и даже утилизацией ее неудач и бедствий — деятельность большевиков и конкретно В. И. Ленина в 1914—1916 гг. (Оговоримся при этом, что мы не склонны гиперболизировать реальные масштабы «пораженческой» агитации большевиков и прочих «интернационалистов», тем более степень ее воздействия на массы. Лозунг поражения «своего» правительства не мог быть непротиворечиво доведен до их сознания.) Хорошо известно, что и буржуазные круги более руководствовались выгодой, нежели патриотическими порывами.

Но если от российских политиков, еще более от промышленных и банковских дельцов трудно ждать иного образа мышления и поведения (хотя те же социалисты Европы смогли вести себя иначе), то линия культурной элиты, интеллигенции, мастеров слова, властителей дум, «пророков и учителей народных» требует пояснения. Если бы историкам в качестве источника знаний о военных годах остались только литературные, драматические произведения, дневники и письма лучших российских литераторов, то о факте Первой мировой войны и участии в ней России можно было бы догадаться с трудом. Многие ни разу не обмолвились о войне, ни на йоту не изменили диванный образ жизни. Те же, кого война коснулась лично (А. Ахматова, С. Есенин), отозвались двумя-тремя обращениями к этой теме. Большое место война заняла лишь в творчестве левых литераторов

(В. Маяковский, Д. Бедный) и малоизвестных тогда национальных писателей из западных губерний, мест боев, человеческих страданий и военного разорения.

Точно так же не впустили войну в личную жизнь и сознание остальные горожане. Сохранившиеся свидетельства эпохи (дневники, письма, воспоминания) дают схожий психологический рисунок: патриотический подъем в августе—сентябре 1914 г., затем война «пропадает» из поля зрения автора до конца 1916 — начала 1917 г., когда тема войны опосредованно всплывает в форме раздраженной критики власти из-за угрозы материальных нехваток, дезорганизации снабжения, выдающей недовольство привыкшего к сытости обывателя. Другими проявлениями отстраненности от войны стали враждебное отношение к беженцам, опасно-недружелюбное — к солдатам. После посещения фронта в феврале 1915 г. и сильной эмоциональной встряски М. М. Пришвин долго не мог примириться с настроениями тыловых людей, «в большинстве случаев рассуждающих о какой-нибудь частности».⁷ Но уже вскоре после этого записи Пришвина отодвигают войну на задний план, отдавая предпочтение любованию природой и «частностям» личной жизни.

Спустившись по социальной лестнице, обнаружим, что и село, крестьяне, безропотно отдав фронту половину работников, не делали себе и стране скидок и поправок на войну. Урожайные, «плодющие» 1914—1916 гг. позволили не только не сократить, но даже увеличить сборы сельскохозяйственных культур и поголовье скота. Село, и прежде антигосударственное по настроению и поведению, не видело нужды в активной поддержке государственных военных усилий, ставя на первые места борьбу за землю и волю, против помещиков, хуторян, отрубников, городских арендаторов, против твердых цен, проваливая продовольственную разверстку А. А. Риттиха, саботируя государственные повинности и налоги. Свержение монархии деревня восприняла прежде всего как санкцию свыше на самозахваты земель, скота, инвентаря помещиков. А по прошествии времени война с «германцем» вообще выпадет как формирующее событие из памяти сельчан: будут помнить жизнь «при царе», Революцию 1917 г., Гражданскую войну, коллективизацию, но не Первую мировую.

Русская армия стратификационно воспроизводила в себе социальный срез и основные конфликты общественного организма, что делало ее наиболее уязвимой по сравнению с другими армиями, особенно при неудачном ходе войны. В то же время армия не могла отвлечься от войны, от противника, от которого нельзя избавиться, как нельзя избавиться от давления атмосферного столба (В. Б. Шкловский). Характерно, что при несомненной отчужденности между «баринном»-офицером и мужиком-солдатом первая трещина раскола армии пролегла не здесь, а по линии «фронт — тыл». Действующая армия почти безоговорочно присоединилась к Февральскому перевороту, но вряд ли стоит сомневаться, что она продолжала бы нести свой тяжкий крест неопределенно долго, может быть, до победного конца, если бы не спонтанное выступление солдат Петрограда.

Ценный материал для наблюдений за настроениями в армии дают ежесюжетные сводки военной цензуры. Они охватывали значительную часть армейской переписки. Так, в ведении Западного фронта состояло более 800 цензоров.⁸ Военные цензоры имели указание уничтожать только письма с информацией о дислокации войск, в остальных случаях ограничиваясь вымарыванием сомнительных мест. В каждой из фронтовых армий просматривалось до ста тысяч и больше писем в месяц. Этого было вполне достаточно если не для контроля всей переписки

(часть ее шла в обход военной цензуры через чинов Земгора, Красный Крест, отпускников и пр.), то для более или менее основательных выводов. Конечно, историку приходится считаться с субъективизмом составителей военно-цензурных обзоров, но вряд ли у тех был стимул приукрашивать картину — это ставило бы под сомнение их собственную нужность. Более влияла, очевидно, «фигура умолчания» в письмах, однако когда счет идет на сотни тысяч и миллионы (в сентябре 1917 г. цензоры Западного фронта перлюстрировали 2,5 млн. писем) — это скорее тонкость из области теоретического источниковедения.

Как бы то ни было, военная цензура не зафиксировала резких перепадов настроений в армии, позволяющих судить о приближении революции. Летом 1916 г. военно-цензурная сводка Особой армии сообщала: «В громадном количестве писем встречаются рассуждения и желания мира, основанные на общих успехах в последнее время. Но пожелание мира во что бы то ни стало и немедленно не встречалось».⁹ В других армиях, где не было, в отличие от Особой, гвардейских корпусов и дивизий, картина могла быть менее радужной, но вполне оптимистичной. Уже в январе 1917 г. сводка военной цензуры 2-й армии Западного фронта сообщала, что «настроение в частях армии бодрое весьма, — уверенность в своих силах и надежда на победу над врагом все крепнет».¹⁰

Обычно цензура выделяла две категории писем — «бодрые» и «угнетенные». Последние, с различными жалобами на плохое питание, обмундирование, хищение интендантов, притеснения начальства, составляли несколько процентов, заметно уступали «бодрым». Однако там, где цензоры стали выделять еще и «безразличные» письма, эта категория явно преобладала: в частях 3-й армии Западного фронта она в ноябре 1916 г. составила 82% от общего числа.¹¹ В этот разряд заносились письма, совершенно игнорирующие боевую жизнь и интересующиеся только личными и домашними делами.

Тенденция роста числа «безразличных» писем представляется весьма многозначительной. Армия, прежде всего Действующая, свыклась с войной, воспринимая ее, с одной стороны, как неизбежность, с другой — все менее «замечая» ее. Возможно, это естественный спутник позиционной, зашедшей в тупик войны, однако он сопряжен с ослаблением боевого духа войск. Показательно, и это подмечено и цензорами и бытописателями армии, что внимание окопников все более переключается на события в тылу. Крестьянская психология солдата указывала ему конкретного виновника его страданий — предательство офицеров, особенно высших, и министров. Их проискам приписывалось и стремление поднять боеготовность войск, укрепив дисциплину.¹²

В 1917 г. эта функция столь же естественным образом в умах солдат перешла к «контрреволюционерам». Последним становился любой офицер, добивавшийся выполнения приказа, и даже свой брат-комитетчик, если его поддерживал.

Влияние «прозы» войны на психоментальное состояние части русского общества, облаченной в серые шинели, было, конечно, куда более многообразным. Но это уже особая проблема. Философ Ф. А. Степун, тогда прапорщик-артиллерист, в своих записках этого времени сделал любопытнейшее наблюдение: война рождала несметное количество поэтов обыденщины, певцов серо-мещанской, буржуазной жизни, поэтизируемой в военной обстановке.¹³ (В этой связи напрашиваются новые аналогии и примеры «творческого» свойства относительно того, что сочинялось, читалось, пелось во всех городах России, в отличие от трудов «серебряных» литераторов и музыкантов, известных в узких кругах. Русско-

японская война подвигла на создание ставших народными стихов и песен: «Варяг» Я. Репнинского, «Памяти „Варяга“» Е. Студенской, «Цусима» В. Тан-Богораза, «На Родине» Т. Щепкиной-Куперник. Не приходится доказывать огромную популярность военно-патриотических «шлягеров» Гражданской и Великой Отечественной войн. Но в Первую мировую сочинялось и пелось совсем иное: «Белой акации гроздь душистые», «Астры осенние, грусти цветы», «Уйди и навеки забудь», «Позабудь про камин, в нем погасли огни», «Я помню вальса звук прелестный», «Сероглазочка» и «Лу-Лу» А. Вертинского и др.)

Не претендуя на многофакторный анализ структуры массового общественного сознания, проявившегося в отношении к войне, выделим некоторые наиболее существенные с нашей точки зрения компоненты. Воспринять «образ врага» (как это было в 1812 г. или в 1941—1945 гг.) психологически мешали разнообразные причины. Прежде всего это типологическая близость противника с российским образцом: одна раса, одна языковая группа, одна религия, один тип культуры, не говоря уже о значительном славянском элементе в Германии и Австро-Венгрии.

Далее традиционно сказывалось многовековое, по крайней мере с XVI в., «сожитительство» с российскими немцами. Их в начале века было до 2 млн.¹⁴ Образ немца нашел богатое отображение в русском фольклоре, лубках, наконец, в классической литературе («колбасник», скупец, педант и т. д.), более снисходительное, чем высокомерное. Иронические насмешки над «немцем-шмерцем» были формой замещения тех деловых свойств (аккуратность, расчетливость, индивидуализм и др.), которых не доставало русскому национальному характеру. Поэтому «свой» немец не воспринимался врагом. Нельзя, конечно, замолчать трехдневный немецкий погром в Москве в мае 1915 г., проходивший, кстати, при явном попустительстве, если не подстрекательстве полиции, но в этом для России не было ничего экстраординарного: своего рода разрядка, «гимнастика» для толпы, да и громили всех иностранцев подряд, не забывая и русских лавочников.

В 1917 г. на выборах во Всероссийское Учредительное собрание российские немцы выставили и зарегистрировали свои кандидатские списки в восьми избирательных округах страны, местах расселения диаспоры, включая прифронтовые Бессарабию, Таврию, Екатеринославскую губернию. Не отмечено ни одного (!) случая открытой антинемецкой агитации или ущемления их избирательных прав. Напротив, в отдельных округах с ними стремились заключить избирательный блок. Пресса не употребляла применительно к главному противнику слово «немец», употребляя эвфемизм «германец». С. Б. Оболенская отмечает, что в целом в народной культуре немец являлся чужим, но отнюдь не врагом.¹⁵

Можно предположить, что образ врага в массовом сознании складывался на опыте и примере прошлых войн с «турком», японцем — понять же, за что надо заставить себя убивать немца, мадьяра, чеха, русина, поляка, было труднее. В этом аспекте внутренний конфликт, ненависть к «врагу внутреннему» были сильнее, подпитываясь негативно осмысленным опытом прошлой жизни, пережитыми обидами, хроническим социально-культурным недопотреблением. Левые радикалы умело использовали это обстоятельство в своей агитации, которую лишь по недоразумению можно назвать антивоенной, и переводили все это на язык классово-борьбы. Россия в итоге с легкостью пошла в гражданскую войну. Психологически это было не так уж сложно — сложнее было эту войну предотвратить.

Были и другие ограничители государственно-патриотического воздействия на общество. Война сравнительно неглубоко вошла в географическое, великороссийское тело страны, захватив преимущественно инациональные ее районы, не воспринимавшиеся фронтом и тылом в качестве «своих», родных. Общеизвестна формула народного отношения: «мы тамбовские (рязанские, калужские и пр.), до нас немец не дойдет». Когда же «немец дошел», то для довольно широких общественных слоев, в том числе из образованных кругов, которым и положено быть выразителями национального сознания и чувства, это казалось спасением от большевистского беспредела.

К тому же враг (немец, австриец, хорват, мадьяр) не был слишком жесток, не угрожал самому существованию нации, воевал «по правилам». Плен не только не казался чем-то позорным, ставившим вне общества, но, пожалуй, самым легким и простым средством избавления от тягот войны и возможной гибели. Доводам о зверствах над военнопленными, очевидно, мало верили. «Пошел я за водой, а в это время наших 170 человек окружили и взяли в плен. Вот досада», — просто душно писал домой некий солдатик.

Мировая война сделала то, чего не сделали, а, возможно, и не смогли бы сделать все антиправительственные партии вместе взятые: народная стихия смела монархию, освященную многовековой традицией. Подтвердился исторический курьез: худшие времена наступают для дурного режима как раз тогда, когда он начинает исправляться. Действия, требовавшие максимального напряжения материальных и человеческих сил, делали власть и всю российскую государственность хрупкой перед революцией.

Что могло следовать в ситуации, когда большая война застала Россию в переходном-подростковом состоянии, в системном разноречии, когда в недрах закрытой сословной системы «государство—общество» (патерналистское государство) формировались социально-экономические, социокультурные подсистемы открытого типа, когда разделенные укладами структуры слои не чувствовали, не понимали, не слышали друг друга, когда люди, занятые устройством личной судьбы, использующие новые возможности социального восхождения, не желали учитывать войну, а власть вела себя неумело, а порой преступно?

Первое следствие: Россия была обречена на неудачу в войне, на экономические и военные поражения. Страна действительно не была готова войне, но не в смысле нехватки вооружения или плохой организации войск, за что несли персональную ответственность В. А. Сухомлинов или Н. Н. Янушкевич, а прежде всего в общеисторическом смысле. Уместен вопрос: не вела ли Россия успешно лишь те военные кампании нового времени, характер и масштаб которых не требовал выхода за рамки использования регулярной армии, тотальной мобилизации всех государственных ресурсов, включая ресурсы влияния на общество? Если же военные потрясения захватывали более широкие экономические, социальные, культурные пласты, то следовали военные поражения и внутренние катаклизмы, реформы, революции (Крымская, Русско-японская, Первая мировая войны).

Второе: Большая неудачная война, вооружившая и озлобившая миллионы людей, неизбежно уродовала, ослабляла хозяйство (экономические показатели могли даже расти, но в ущерб их «человеческому качеству»), однако как фактор жизни и поведения оказывалась выведенной из широкого общественного сознания. Нараставшее активное недовольство канализировалось в сторону попыток

ускоренного разрешения прежних внутренних конфликтов, то есть в сторону системы власти, собственности и идеологии.

Срабатывало и наличие довоенного психологического барьера, адекватной оценки войны и должной мобилизующей готовности к большой войне. Большинство населения (сельское прежде всего) о возможной войне «не думало и не гадало», а образованные и полуобразованные горожане видели возможную войну через призму победной, упоительной перспективы, убаюканные великодержавной буффонадой, джингоистской и панславистской пропагандой. Эти чувства возникали тем легче, чем менее предполагали собственное присутствие их обладателей на фронте. Всероссийское «размещение» прошлых малых войн, чаще всего успешных, делало мысль о войне безбоязненной. Но когда разразившаяся война оказалась не такой, как ожидалось, синдром обманутых ожиданий стал особенно болезненным, вызывая истероидные реакции вплоть до антигосударственной, подрывной по сути агитационно-политической деятельности. Знаменитая речь П. Н. Милюкова с рефреном «глупость или измена?», произнесенная 1 ноября 1916 г. с думской трибуны, своей деструктивностью наверняка превосходит многие революционные конспирации и сопоставима, возможно, со столь же известным своим воздействием на боевое состояние армии Приказом № 1 Петроградского Совета. (Не случайно иные историки ею датируют начало Февральской революции.)

Крах традиционной монархии сорвал с носителей высшей власти последние покровы сакральности. В. П. Булдаков, видимо, близок к истине, считая, что судьба власти в России определилась не в октябре, а в феврале 1917 г.¹⁶ В еще большей мере это касалось отношения к войне как базового принципа общественного сознания. Она, со всеми ее личными и общественными невзгодами, напрямую связывалась с отвергнутым строем. Говоря словами К. Чапека, война закончилась вследствие падения общественного интереса. Военно-патриотические чувства можно было кратковременно реанимировать, но не возродить, и сами попытки такого рода давали обратный результат («нота Милюкова»). Официальный лозунг 1917 г. «мир без аннексий и контрибуций», сменивший «войну до полной победы», никак не мог служить животворным источником воинственных чувств, поскольку изначально ориентирован на мир. Вообще, социалистическая военная фразеология того времени поражает своей противоречивостью и наивностью, вроде мира, заключенного самими народами или конгрессом социалистов.

Таким образом, межсистемное неустойчивое равновесие России начала XX в. разбилось о войну. Вынести ее переживавшая внутреннюю структурную ломку страна могла только при условии системного (и что то же — морально-психологического) единства, однородности: или закрытая, как в Великую Отечественную войну, или развитая система открытого типа, как у союзных держав. Сбитые войной в катастрофу 1917 г. страна, общество объективно, подсознательно выбрали исторически более мощную первую альтернативу, достраивая в революции, Гражданской войне и последующие годы механизмы абсолютного, «регулярного» государства, отсекая, сбрасывая неудобные и ослабленные подсистемы открытого типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Родина. 1993. № 8—9. С. 6.

² См.: Милюков П. Н. Воспоминания (1859—1917). М., 1990. Т. 2. С. 162.

³ См.: Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 16.

⁴ Родина. 1993. № 8—9. С. 13.

⁵ Wildmain A. K. The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldier's Revolt. Princeton, 1980. P. 75.

⁶ Русское богатство. 1914, № 9. С. 293—294.

⁷ См.: Пришвин И. М. Дневники. М., 1990. С. 70.

⁸ РГВИА. Ф. 2048, оп. 1, д. 897, л. 672

⁹ Там же. Д. 904, л. 228.

¹⁰ Там же. Д. 905, л. 47.

¹¹ Там же. Д. 904, л. 322.

¹² Там же. Л. 9.

¹³ См.: Родина. 1993. № 8—9. С. 51.

¹⁴ См.: Оболенская С. В. Немцы в глазах русских XIX в.: Черты общественной психологии // ВИ. 1997. № 12. С. 103.

¹⁵ Там же. С. 114.

¹⁶ См.: Булдаков В. П. Указ. соч.

ДИСКУССИЯ

Н. Н. Смирнов. Сегодня обсуждается очень интересная и, как мне кажется, весьма актуальная тема: теории, концепции истории России периода Первой мировой войны. Интересна она уже в силу того, что долгое время в отечественной историографии Первая мировая война и роль России оценивались весьма однобоко, прежде всего с точки зрения того, насколько война повлияла на приближение революционных событий 1917 г. И, во-вторых, и это пожалуй самое главное, насколько партия большевиков подтолкнула общество к тому, чтобы от войны перейти к состоянию революции. В этом плане необычайно интересен и актуален доклад Л. С. Хаймсона. Он восполняет лагуну, которая долгие десятилетия существовала в отечественной историографии. Действительно, была ли война самым главным и определяющим фактором, который привел к революционным событиям 1917 г., или война была одним из составляющих факторов, приведших к революционным событиям? Я бы согласился с проф. Хаймсоном в его оценке, что война стала одним из составляющих факторов, породивших революционные события 1917 г.

Думается, что теоретическое осмысление событий Первой мировой войны у нас в России еще ждет своего исследователя, и коллоквиум в этом плане является одной из попыток восполнить те недостатки, о которых уже говорилось. Нельзя сказать, что мы впервые обращаемся к этой проблеме. Присутствующие здесь проф. З. Галили и проф. Ю. И. Кирьянов помнят международный коллоквиум, который проводился в Москве в канун 70-летия Февральской революции. На нем в ряде докладов прозвучали примерно те же проблемы, о которых мы говорим сегодня. Но представленные и обсуждаемые на нашем коллоквиуме доклады поворачивают тему как бы в несколько иную плоскость. И в этом плане я полностью солидарен с Б. В. Ананьичем в высокой оценке доклада Д. Орловски. Тема, затронутая в его докладе, необычайно актуальна, необычайно современна. Действительно, что происходит с нашей памятью? Почему то или иное событие как бы сиюминутно накладывает отпечаток на нашу память, но по прошествии времени память как бы притупляется? Посмотрите, не такой большой временной разрыв существует между Первой мировой войной и Второй мировой войной, но в целом, если объективно оценивать состояние мировой цивилизации, следует признать, что ко Второй мировой войне цивилизация была столь же не подготовлена, как она не была подготовлена к Первой мировой войне. Думается, крайне интересны наблюдения, которые здесь прозвучали, наблюдения, которые каса-

лись самых разных аспектов той проблемы, которую мы обсуждаем. Еще раз подчеркну, что теория, концепции Первой мировой войны и роль России в ней нуждаются в новом дополнительном освещении и осмыслении. Надеюсь, что наш коллоквиум в этом плане задаст новый тон, новый импульс.

А. В. Островский. Я не считаю себя вправе оценивать или же критиковать представленные доклады. Хотел бы воспользоваться предоставленной мне возможностью для того, чтобы высказать некоторые соображения по поводу затронутых в них проблем.

В докладе Л. Хаймсона особое значение имеет проблема возникновения февральских событий 1917 г. Было время, когда они рассматривались с точки зрения руководящей роли партии большевиков. Затем было убедительно показано, что большевики не имели отношения к организации этих событий, в связи с чем получила распространение концепция стихийности февральских событий. С этих позиций они рассматриваются и в докладе Л. Хаймсона. Однако, на мой взгляд, концепция стихийности до сих пор сохраняет лишь гипотетический характер. Стихийные события обычно развиваются по методу цепной реакции или же падающего домино. Между тем до сих пор никто еще не доказал, что именно так развивались и февральские события. И мы до сих пор не знаем, какое же предприятие Петрограда было первым, где вспыхнули первые искры мятежа и откуда он затем постепенно перебросился на другие предприятия. Если пожар начинается в одном месте, он может быть случайным. Но если пожар вспыхивает сразу в нескольких местах, нужно искать поджигателей. Между тем складывается впечатление, что утром 23 февраля рабочие волнения начались почти одновременно сразу на нескольких предприятиях. Вот эти предприятия и должны стать в первую очередь объектом внимания исследователей. И очень странно, что до сих пор никто этого не сделал. Единственное, что мы знаем на этот счет, это то, что волнения начались на Выборгской стороне. В этом отношении на мой взгляд особая ценность доклада Л. Хаймсона, он совершенно справедливо обращает внимание на то, что июльские события 1914 г., когда на улицах Петрограда возникают баррикады, тоже начались на Выборгской стороне.

Поэтому изучение этого района Петрограда можно только приветствовать. В связи с этим я хотел бы обратить внимание на то, что Выборгская сторона была своеобразной «вотчиной» Нобеля. И мне хотелось бы привлечь внимание как к нему самому, так и к его предприятиям. Приведу два примера, показывающих, что семья Нобелей заслуживает внимания.

Тем, кто знаком с историей финского революционного движения известно имя Сентери (Александра) Нуортевы. Обычно его имя упоминается в связи с его причастностью к организации переезда В. И. Ленина из Финляндии в Швецию в 1907 г. и участием в знаменитой миссии Людвига Мартенса в США в 1919—1921 гг. Менее известно, что Сентери Нуортева был племянником Нобеля. Через несколько дней на очередной научной конференции, посвященной элите российского общества XIX—начала XX в., ожидается специальный доклад о родственных связях А. Нуортевы.

Второй пример. Когда 3 декабря 1905 г. в здании Вольного экономического общества в полном составе был арестован Петербургский совет рабочих депутатов, среди арестованных оказался врач Военно-медицинской академии Георгий Павлович Олейников. Если сам этот эпизод известен тем, кто занимался Петер-

бургским Советом 1905 г., то далеко не всем известно, что Г. П. Олейников был своим человеком в доме Нобелей, так как был женат на Марте Людвиговне Нобель.

Я мог бы привести и другие примеры подобного рода. Но и приведенных достаточно, чтобы понять, что семья Нобелей заслуживает внимания не только с точки зрения предпринимательской деятельности, но и с точки зрения ее связей с оппозиционными и революционными кругами. Заслуживают внимания и германские связи Нобеля.

Несколько слов мне хотелось бы сказать и по поводу доклада Р. Ш. Ганелина. Мне кажется очень плодотворной попытка заглянуть внутрь взаимоотношений военных и гражданских властей и выявить наметившееся между ними противостояние.

Мне кажется очень важна сделанная попытка проследить, что же происходило в верхах после августовского кризиса до отставки Горемыкина 20 января 1916 г. Однако нельзя не задаться вопросом, а почему же Николай II, который так отстаивал Горемыкина в августе, сдал его в январе? Может быть, Б. В. Штюрмер был либералом и его назначение являлось уступкой оппозиции? Нет. Известно, что до войны Штюрмер был близок к кружку редактора журнала «Гражданин» князя В. П. Мещерского, занимавшему крайне консервативные позиции. Следовательно, отставка Горемыкина была ориентирована не на оппозицию, а на кого-то еще.

Что же различало Горемыкина и Штюрмера? Разная ориентация: Горемыкин был антантофилом, Штюрмер германофилом.

Обращая внимание на это обстоятельство, необходимо учесть, что еще в декабре 1915 г. Николай II заявлял, что отставка Горемыкина невозможна. А через несколько недель она все-таки произошла. Что же произошло в течение этого месяца? Когда и почему возникла фамилия Штюрмера? Впервые его фамилия появляется в конце декабря. Что же произошло в эти дни? Не претендуя на окончательное решение данного вопроса, я думаю, что мы должны обратить внимание на то, что 4 декабря 1915 г. княжна М. А. Васильчикова была доставлена в Петроград и 5 декабря принята министром иностранных дел Сазоновым. М. А. Васильчикова привезла предложение о мире из Германии. А через месяц, 4 января, царица уже писала: «Я полагаю, что стоит рискнуть немецкой фамилией. Так как известно, какой он верный человек».

И хотя Николай II заявил, что он отвечать на это предложение не будет, назначение германофила Штюрмера уже само по себе могло быть ответом. И есть основания думать, что позднейшие обвинения Штюрмера в стремлении к сепаратному миру были не лишены оснований.

Я не делаю из приведенных фактов определенных выводов, но считаю, что они дают основание взглянуть на отставку Горемыкина и с этой стороны.

Р. Зелник. У меня некоторые конкретные замечания и вопросы, касающиеся рабочих Выборгской стороны. В частности они касаются попыток рабочих-металлистов пройти в центр города через мост. В первый раз в 1914 г. они не сумели туда прорваться, однако во второй раз в 1917 г. они успешно прошли через мост и сыграли важную роль в Февральской революции. Мои конкретные вопросы такие: что случилось между этими двумя событиями на Выборгской стороне в среде этих рабочих, их семей и т. д.? И прежде всего: были ли это те же самые

рабочие и в первый, и во второй раз? Мы знаем, что многие металлисты, работавшие на заводах Выборгской стороны, были заняты главным образом на частных предприятиях, и их призывали на военную службу. А это может означать, что это были другие, а не те же самые рабочие. Если же это были новые рабочие из деревни, из других мест, какова была продолжительность их трудового опыта в течение этих трех лет? Знали ли они, что случилось тремя годами раньше? Была ли это часть их памяти, говорили ли они между собой о том, что в первый раз мы не смогли прорваться в центр города, но в этот раз сможем. Это вопросы о сознательности: речь идет о развитии облика, менталитета по крайней мере этих рабочих. Я очень бы хотел, чтобы эти вопросы здесь обсудили.

В. П. Булдаков. Л. С. Хаймсон задал великолепный тон нашей дискуссии. Это чувствуется и по докладу, и особенно по устному выступлению. Его несколько провокационный призыв ничему не верить, по-моему, как раз то, что нам сегодня требуется. И в связи с этим я бы хотел остановиться всего на нескольких вопросах. Во-первых, на вопросе о предпосылках революции. В последнее время я пришел, можно сказать, к открытию для себя: у меня такое впечатление, что о предпосылках революции мы равным счетом ничего не знаем, т. е. конечно, кое-что знаем, но к тому, что мы знаем, надо безусловно относиться чрезвычайно критично, я бы сказал даже, самокритично. В этом смысле доклад Л. Хаймсона и следующий Р. Ш. Ганелина и М. Ф. Флоринского (я на них хотел бы остановиться) производят самое вдохновляющее впечатление. На проблему предпосылок революции я стараюсь в последнее время смотреть по-другому. Представьте себе такую ситуацию: если бы революции не было, какие предпосылки стали бы искать мы, историки? Предпосылки формирования российской стабильности? Наверное, пришлось бы этим заняться. А ведь опыт войны показывает, что на самом деле она могла сыграть консолидирующую роль в обществе, повлечь за собой очень бурные процессы перестройки всего народнохозяйственного организма, перестройки государственности и, самое главное, о чем говорится и в других докладах, перестройки сознания. То есть, говоря о предпосылках революции и, по известной позитивистской привычке, выделяя среди них так называемые объективные предпосылки, мы должны не забывать другого: все эти так называемые объективные предпосылки действуют в человеческом пространстве. Так или иначе они воспринимаются, так или иначе на них реагируют или не реагируют. Для России это чрезвычайно важно, а это значит, что все те предпосылки, которые мы выявили, должны быть именно под этим углом зрения чрезвычайно основательно переосмыслены.

В связи с этим у меня — не сегодня конечно, но в последнее время — возникла вот такая рабочая гипотеза. Говоря о войне, о революции, об их предпосылках, мы как-то упускаем из вида очень простой факт. Дело в том, и это хорошо известно, что вся вторая половина XIX в. — время чрезвычайно быстрого роста населения России. Достаточно напомнить, что молодые люди до 30 лет составляли ко времени войны (цифры условные) около 65% населения. Для страны, которая была выстроена на патерналистских основаниях, это имело далеко идущие последствия. И тот факт, что наиболее дееспособная часть населения оказалась в армии, получила оружие, познакомилась с войной и т. д., конечно, имел колоссальное значение для России. На этот момент стоило бы обратить внимание, и мне думается, что основная задача — проследить накопление элементов так на-

зываемой юношеской деструктивности в обществе и определить каналы, по которым эта деструктивность распространялась по всем этажам социальной пирамиды. И в этом смысле представленные коллоквиуму доклады дают богатейшую пищу для размышлений. Хотелось бы обратить внимание еще на один момент. Дело в том, что в последнее время наши историки без конца говорят о российском менталитете, говорят по-разному. Кто-то говорит, что он не имел особых отличий от европейского; кто-то говорит (и я им больше верю), что он имел весьма существенное отличие от европейского менталитета. Как бы то ни было, надо учитывать один очень простой фактор. Дело в том, что для российского менталитета характерна, как мне кажется, весьма примечательная особенность: ментальный слой сознания и эмоциональная сфера находятся как бы в разных плоскостях и как бы в разных измерениях, т. е. менталитет меняется очень медленно. Что касается психологии, то здесь возникает довольно своеобразная картина. Известно, что русские люди излишне эмоциональны в сравнении с европейскими, скажем, и для них в революционное время характерен такой своеобразный феномен, когда на внезапно возникшие, случайные даже ситуации следуют неожиданные, спонтанные, стихийные, как угодно это можно назвать, реакции, т. е. многое строится на эмоциях. Проследить это на основании каких-либо источников чрезвычайно сложно, и я с самого начала хотел бы призвать обратить самое пристальное внимание на эту сторону явления. Но, повторяю, те доклады, которые я читал, убеждают в том, что движение в этом направлении уже идет.

П. Гетрелл. Что такое тыл и фронт? Мне кажется, что разница между тылом и фронтом вообще исчезла во время войны. На фронт поехали медсестры, врачи, студенты, представители общественных организаций и т. д. Они испытали войну прямо и косвенно, а фронт конечно входил в тыл не только в России. Увечные с войны уходили в тыл, беженцы уходили в тыл. И в докладе коллег В. Л. Дьячкова и Л. Г. Протасова есть замечание о том, что солдаты в письмах писали о домашних событиях, о домашнем быте. Это естественно: именно их замечания, их любовь к домашнему быту придавали смысл их действиям на фронте. Так что разница между тылом и фронтом, я думаю, очень сложный вопрос. Это первое замечание. Второе — вопрос о народной памяти, о которой говорит Д. Орловски. Это конечно тоже очень актуальная тема и у нас в Великобритании. Орловски ссылается на последнюю работу Д. Уинтера. Нетрудно понять, почему такого явления не было в России в 20-х гг. Но мне кажется, что дело не только в этом. Известно, что и в России во время войны были попытки написать историю войны, накопить материал для будущего историка. Это тоже очень любопытно, но к сожалению, пока нет исторических работ по этой проблеме. Я могу только напомнить, что в 1916 г. группа историков, в том числе и С. Ф. Платонов, настаивали на том, что надо накопить материалы о движении беженцев России, что надо собрать не только воспоминания, но и литературу, дневники, рисунки, не только факты, но и воспоминания и т. д. Так что именно во время войны были такие попытки, и историк сейчас может использовать эти материалы.

У. Розенберг. Я хотел задать вопрос всем участникам-докладчикам, очень простой и в то же время очень сложный вопрос о войне, о концепции войны. Есть разные войны, есть разные концепции войны. Когда война начиналась, все дума-

ли, что она будет очень короткой. Это старый факт понятия войны. Когда война начиналась, это не была еще Первая мировая война, так ее назовут позже. Есть общая концепция войны: человек может быть против войны, не желает участвовать в войне и служить в армии вообще, независимо от причин. И есть особые войны, цели которых настолько ужасны, что люди, которые не против войны вообще, тем не менее, в этом случае не хотели бы в них участвовать. Вот мои вопросы: что касается «разных менталитетов» и разных концепций участия в войне — можем ли мы говорить о войне как об общем моменте, или мы должны понимать, что взгляды рабочих или интеллигенции, например, или государственных чиновников на войну были разные? Что касается памяти о войне, то какой смысл вкладывается в это понятие?

Б. Бонвеч. Думаю, что красная нить выступления Р. Ш. Ганелина и М. Ф. Флоринского — это, конечно, попытка царя к сближению с обществом и в то же время стремление сохранить свою государственную самодержавную власть. По-моему, все-таки недостаточно обращается внимание на военную конъюнктуру. Очевидно, что от успеха на фронте зависела готовность царя идти навстречу обществу. Что касается назначения Штюрмера, А. В. Островский связал это со стремлением к сепаратному или общему миру. С этим я совершенно не согласен, потому что, выбирая Штюрмера, именно царица полагала, что его назначение успокоит оппозицию, потому что он представитель парламента. Это была важнейшая причина для назначения Штюрмера, а не стремление царизма к сепаратному миру с Германией, что прозвучало в устном выступлении. Островский прав, когда говорит, что это совершенно другая тема — о политической роли Ставки и о том, что эта сторона русской истории еще не написана. Конечно, вы не читаете по-немецки, но меня удивляет (я особенно этим не занимался), что он настаивает на том, что, в сравнении с политической ролью немецкого верховного командования политические стремления русского верховного командования были очень незначительными. И еще маленькое замечание по поводу выступления В. Л. Дьячкова и Л. Г. Протасова. Думаю, они убедительно показывают, что Россия во время Первой мировой войны еще не была нацией в современном смысле этого слова. Национализм не был в состоянии амнезировать русских.

И. Н. Олегина. В свете тех выступлений, которые мы заслушали сегодня, хотелось бы остановиться на двух вопросах. Прежде всего на вопросе памяти о войне. Здесь следует учесть самые простые вещи: например, в Петербурге в 1877—78 гг. встречали участников болгарского похода, героев Шипки. В их честь был назван Забалканский проспект, и какое-то время эти герои были в центре общественного внимания. Потом разразилась русско-японская война, первая русская революция. Первая мировая война — это 1914 г. и в конечном итоге 1917—1918 гг. В Западной Европе, конечно, есть памятники, у нас же эта война осталась на заднем плане. И здесь сыграли свою роль не только запрет, не только представление, что это война империалистическая, но просто в памяти людской последующая революция и Гражданская война выступили на передний план. Или если вы возьмете литературу после Гражданской войны, в период между двумя войнами, там много места уделяется изучению опыта Гражданской войны. Я просмотрела журнал «Борьба классов», и там из номера в номер публиковались материалы о Гражданской войне, ее отдельных эпизодах и т. д. Затем была Великая

Отечественная война... Но это не значит, что все нужно забывать. Память сохраняется на уровне отдельных семей, помнят тех, кто погиб в их роду и т. д. И сейчас, например, наши студенты рассказывают о своих дедушках, бабушках, это у них остается в памяти, а официальные мероприятия иногда не доходят до сердца.

Я уже говорила, что мы счастливые люди, что мы длительный период прожили без войны. И я боялась, что начнется время, когда придут к власти руководители во многих странах, которые не знают всех этих ужасов войны, даже «холодной войны» 1946—1955 гг. Это было не так страшно, может быть потому, что Эйзенхауэр был участником мировой антигитлеровской войны. Вот этот психологический момент на уровне руководства и на уровне сознания масс тоже, помоему, важно учитывать, потому что война — это то страшное, с чем нужно бороться.

По проблемам Первой мировой войны меня больше всего волнуют проблемы экономические. Дело в том, что идея планирования экономики, о которой речь шла в ряде докладов данного коллоквиума, действительно выдвигалась не только большевиками. Эта идея витала в воздухе, и многие считали, что в ней спасение. В этой связи в особенности можно отметить план Громена, хотя в его разработке участвовал не только он, но и другие экономисты, которые работали в Исполкоме Петросовета. Действительно предлагалось планирование народного хозяйства. Об этом говорилось так: необходимо перейти к работе народно-хозяйственного организма по заданию государства и под его контролем и даже прямым руководством. Но осознавали ли тогда действительно, что этот путь будет эффективен? Очевидно, что еще не осознавали. И нашим теперешним исследователям, помоему, когда они думают над этим вопросом, не следует так сразу утверждать, что уже в 1917 г. было ясно, что этот путь никуда не приведет. В 1917 г. это как раз еще было неясно.

Е. Л. Варустина. Я хотела бы затронуть лишь один вопрос обсуждаемой темы — вопрос об исторической памяти русской интеллигенции о Первой мировой войне. Одними из первых осознали необходимость сохранения исчезающих источников и памятников войны русские историки. Именно члены Императорского Общества ревнителей старины, организаторы выставки военных реликвий в Манеже Главного Адмиралтейства летом 1915 г., приняли решение о создании музея великой войны. Это был не просто патриотический, политический и гражданский акт, но и важный шаг постижения суровой исторической действительности. Для музея собирались документы разного характера и происхождения, основную часть составляли материалы официальной русской военной пропаганды на фронте. Это был своеобразный пласт исторических источников, необходимых, в частности, и для изучения, анализа и характеристики политических настроений различных слоев общества.

К сожалению, идея создания музея Первой мировой войны не была реализована, ее заслонили грозные и трагические события, которые наступили впоследствии в России. Но первый шаг в изучении войны был сделан.

По-видимому, следует обратить внимание и еще на один момент, связанный с оценками характера этой войны. С самого начала в обиход вошли термины «великая война», «священная война», «отечественная война». Именно так сначала в газетах, журналах, листовках, афишах, популярных военных альманахах стали именовать мировой конфликт держав. Спустя месяц после начала войны прокат-

ная фирма «Фильмотека» выпустила фильм под названием «Священная война». Почти в то же время русские литераторы организовали специальный выпуск «Библиотеки великой войны», в которую вошли издания не лубочного характера, а, по мнению издателей, лишь серьезные работы известных авторов. Сравнения Отечественной войны 1812 года и Отечественной войны 1914 года были характерны не только для выступлений и публикаций патриотически настроенных политиков, но и видных русских философов и мыслителей, таких как Н. Бердяев, В. Розанов и др.

Любопытно проследить историческую судьбу термина «великая война», поскольку он употреблялся в течение лишь первых двух лет войны и был забыт и утрачен в последующие десятилетия XX века. Введение его снова в исторический оборот применительно к Первой мировой войне произошло только в конце 80 — начале 90-х годов в работах исследователей Института всеобщей истории.

Поэтическое и литературное использование термина «великая война» тоже имело место только на ее первых этапах. Так, его широко употребляли в своих произведениях Иван Бунин, Николай Гумилев и многие другие.

В. В. Даль в своем знаменитом «Толковом словаре» понятие память определял, как способность помнить, не забывать прошлое. Представители различных слоев русской интеллигенции помнили войну достаточно хорошо, об этом говорилось в выступлениях и докладах на данной конференции. Суть представленных материалов высвечивает следующее. Сначала в большинстве своем эйфория приветствия «освободительной, справедливой войны России против германского варварства» и т. п., затем постепенное отрезвление первыми сокрушительными поражениями и огромными человеческими потерями русской армии и, наконец, «революционная война» с самой интеллигенцией. Скоротечность и трагичность событий тех бурных лет не дали возможности многим современникам сразу оценить и осмыслить последовательность и причинно-следственную связь событий. Спустя десятилетия пришло осознание опыта войны и ее последствий. Так, по-видимому, не случайно А. Ахматова в 30-е годы, задумываясь о своем жизненном пути, пишет, что отправной точкой XX века был не календарный 1900 г., а год начала войны.

Образ Первой мировой войны отчетливее проступает в произведениях, в выступлениях, в воспоминаниях как советской интеллигенции, так и представителей русского зарубежья накануне Второй мировой войны. Обращение к опыту первой мировой катастрофы было в большой степени связано с усилением германского фашизма. Но, по-видимому, не только это — здесь комплекс причин. Поколение, познавшее катаклизм начала века, пыталось не только осмыслить свой собственный жизненный исторический опыт и поделиться им с молодым поколением, но также в какой-то мере стремилось предостеречь от нарастающих в европейских странах национализма и агрессивности. Понимание взаимосвязи событий Первой мировой войны и войны грядущей было характерным для публицистики и литературы того периода. Как тут не вспомнить, к примеру, пророческие слова М. Алданова, сказанные в конце 20 — начале 30-х гг. о двух диктаторах — Гитлере и Сталине, — готовых «не сегодня завтра поджечь мир»?! Ни к опыту, ни к предупреждениям никто не прислушался. Разразилась новая бойня народов.

Новый всплеск обращения к историческим событиям мировой войны и последующих за ней революций происходит в конце 60 — начале 70-х гг. С одной сто-

роны, к ним обращаются в своих воспоминаниях люди, пережившие две войны, например, Ю. П. Анненков («Дневник моих встреч»), Н. Н. Берберова (автобиография «Курсив мой»), И. В. Одоевцева (воспоминания о поэтах Серебряного века «На берегах Невы»), а с другой — интеллектуалы, писатели нового поколения, познавшие Вторую мировую и тоже, спустя годы, пытавшиеся понять истоки великих потрясений XX в. Прежде всего я имею в виду А. И. Солженицына и его историсофические романы о «красном колесе». Именно с августа 1914 г. пошло и покатилося кровавое колесо русской истории XX в. Своими романами 70-х гг. А. Солженицын открыл новую страницу истории России для молодого западного поколения, не знавшего и не помнившего не только Первой, но и Второй мировой войны. В СССР сочинения писателя-диссидента воспринимались в целом как антисоветские и не могли ни научить, ни воздействовать на историческую память поколения 60-х. Лишь в постсоветскую Россию пришли произведения писателя-мыслителя, опоздав на 20 лет. Постсоветское время изменило историческую ситуацию, а отсюда и степень силы воздействия произведений на историческую память новых поколений. Сегодняшние студенты изучают А. Солженицына уже как классика русской литературы, а не как одного из первооткрывателей нового подхода в понимании русской истории XX в., и их восприятие произведений писателя носит исключительно информационный и иллюстрационный характер к далеким историческим событиям начала уходящего столетия. Конечно, эти события не воспринимаются ими как далекое Бородинское сражение, о дате которого, по мнению А. С. Пушкина, в XIX в. помнила вся Россия и которую сегодня, в конце XX в., мало кто правильно называет.

Сегодняшнее обращение к истории Первой мировой войны, на мой взгляд, также не случайно: оно связано с той же тенденцией к осмыслению новыми поколениями опыта предшествующих глобальных исторических событий, их какой-то неотвратимой и мифической цикличности (в 20-30 лет), а также изменением политической обстановки как в России, так и в мире в целом. Окончилась эпоха, отправной точкой которой была война.

3. Галили. Я вижу, что сюжет исторической народной и национальной памяти вызывает особенный отклик у женской части участников коллоквиума. Я также хотела бы говорить об этом. Мне кажется, что доклад Д. Орловски посвящен не полностью национальной памяти как таковой, а тому, что национальная память формируется на базе истории, национальной истории, но об этом здесь разговор не шел. Почему, действительно, Первая мировая война была забыта? Причина, по-моему, исключительно идеологическая, в основном в ней искали источники революции, и это понятно. Можно было относиться к погибшим на войне не как к героям, а как к жертвам. Я думала об этом, потому что, как вы знаете, я некоторое время жила в Италии и там недавно прошли дни памяти (один, затем через две недели другой) всех погибших в войнах. И они проходили почти одинаково, и в оба этих дня перечислили погибших.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДОКЛАДЧИКОВ

Л. Хаймсон. Не будет открытием заявление, что вопрос об отношении к периоду кануна войны, военному периоду и времени революции уже давно является объектом больших споров. Я никогда не отвечал своим критикам того, что написал за 35 лет, и это было, по-моему, наиболее объективно. Оценивая процессы развития событий и настроений от довоенного периода до Февральской революции главными участниками, на которые мы обратили внимание, я старался дать возможность читателю решать самому, что они делают. Конечно, один из наиболее очевидных вопросов был о политических настроениях разных лидеров, особенно тех главных участников процесса, которые выбирали лидеров рабочего движения и самого правительства. Правда, не так подробно я писал по поводу правительства, потому что это такая каша после Горемыкина. Я скажу пару слов об этом. Это не означает, что общество не играет никакой роли в развитии событий, включая рабочее движение, но есть любопытные аспекты, и это было замечено здесь многими, что патриотизм, национализм — это дело общества, это настроение общества, а может быть и настроение профессиональной интеллигенции, но не настроение низов России по одной очень простой причине, что они не имеют понятия, что такое нация. И тут вы правы — не существует нация и происходит попытка только в 1917 г. ее создать, не очень успешная. Я хотел бы остановиться только на одном: это вопрос о бедном 23 февраля по сравнению с другими датами, чтобы высказаться еще раз. 9 января большевистский партийный комитет передает, чтобы рабочие шли в центр. 14 февраля была демонстрация в связи с арестом накануне рабочей группы Центрального Военно-промышленного комитета. А. И. Коновалов апеллирует к лидерам Думы, сообщая, что арестована рабочая группа, и к нему обращается П. Н. Милюков и спрашивает: кто вам разрешил устраивать эту демонстрацию? Во всяком случае демонстрация проваливается в том смысле, что может быть 200 или 300 рабочих собираются около Государственной Думы и все. Чем отличается демонстрация 23 февраля? Никто не призывает к демонстрации в отличие от других и никто о ней не знает заранее. Я буду частично отвечать Р. Зелнику. Как это происходит вообще 23 февраля? Женщины, работницы механических предприятий, стоят в очереди за хлебом, которого нет. В этот день что-то психологически происходит. Я приведу пример. Приходит, я не помню уже на какое предприятие, полковник Казаков со своими казаками, потому что они бастуют. Ему говорят: «Господин офицер, мы не можем так жить без хлеба». Вспомним при этом французскую ре-

волюцию. Но атмосфера, конечно, 23 и 24 февраля по отношению к силам порядка совершенно отличается от 1914 г. Теперь, Реджи поставил, конечно, монументальный вопрос по поводу наших рабочих-металлистов Выборгской стороны. Я повторяю, что мы здесь не смогли сделать анализ, вы можете найти его в наших прежних работах. Это касается вопроса политических забастовок, они абсолютно единичны.

Большинство молодых рабочих или приходили из города, или, во всяком случае, урбанизовались. В годы войны вряд ли они приезжали из других городов, скорее — значительное их количество было урбанизовано. Если они здесь не родились, им было 6-7 лет, когда они устроились в Петербурге. И вся их психология — психология урбанизованных рабочих, включая все те отношения, которые они проявляли к обществу, к начальству и к общине.

В июне—июле 1915 г. начинаются политические забастовки. И как это сразу распространилось: лозунг «Долой войну» появляется в каждой политической забастовке.

Это замечание по поводу доклада любимого всеми Р. Ш. Ганелина. И тут хочется сказать, что, как мне кажется, существенные перемены происходят весной 1914 г. по отношению к деятельности Совета министров. Когда-то мы даже использовали выражение, что государство бунтовало против своих собственных учреждений. Перемены конечно заключаются в том, что этот Совет министров перестает функционировать. Я думаю, что это происходит в конце министерства Коковцова и что замечания по поводу периода Столыпина, например, по поводу кризиса бюджета и прочее, не совсем уместны, частично потому что этот бюджет был прерогативой самодержавия.

Р. Ш. Ганелин. Буду очень краток и начну с того, чем кончил Леопольд Самойлович. Думаю, что это все-таки не совсем так, что бунт министров против царя в 1915 г. был признаком того, что существовало, может быть, даже не двоевластие, а многовластие: Верховная власть, во-первых, Ставка, во-вторых, и правительство, в-третьих. Может быть, исходя из этого, я коротко отвечу на вопросы моих критиков, моих партнеров по полемике. Почему Николай II сдал Горемыкина? Я говорил уже, извинялся перед аудиторией: наш доклад — часть более общей работы. Должен в ближайшие дни появиться сборник памяти наших коллег — В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева. Там наша с М. Ф. Флоринским статья, мы рассчитывали, что она уже будет к симпозиуму и поэтому ее никак сюда не включили. Видите ли, произошел бунт министров, возникло то, что называлось многовластие. И нужно было государю всех, участвовавших в этом действии, отправить в отставку — как бунтарей, так и Горемыкина, который этот бунт как бы подавил. Я не думаю, и кажется коллега Бонвеч здесь солидарен со мной и М. Ф. Флоринским, что вопрос внешнеполитический, вопрос о мире с немцами имел отношение к выбору Штюрмера. Я так не думаю. Дело в том, что ведь с немецкой стороны сигналы о готовности к сепаратному миру были непрерывными, очень частыми. В этом смысле у германской стороны есть то, что можно даже назвать почетным алиби в этом смысле. И прав А. В. Островский, и здесь я согласен с коллегой Бонвечем, что политическая роль Ставки у нас не написана. Да, это у нас сделано в другом месте, а сказать об этом я не имел ни возможности, ни времени. В общем, два докладчика представили один лукавый доклад, что не делает чести ни тому, ни другому. Но дело в том, что политическая роль Став-

ки подверглась анализу до немецкого коллеги проф. Бонвеча, каюсь, я не знаю его работы. Подверглась анализу в очень подробном письме Барка. В письме 1922 г. он сравнил ситуацию в России с ситуацией во всех воюющих странах. И не в политической роли Ставки видел он отличительную черту того, что в России произошло, а в том обстоятельстве, что русская Ставка — и в этом он ее упрекал и обвинял — действовала в единстве с Союзом земств и городов. Он отводил некоторую роль и Думе, но она была на втором плане, а вот Земгор, которому Совет министров вынужден был под давлением Ставки давать все новые и новые деньги, выходил на первый план. Вот в чем видели отставные министры корень зла. И в какой-то мере они, наверное, были правы, потому что ведь не было ничего менее политически претенциозного, ничего более невероятного, чем кандидатура Львова на пост первого главы так называемого свободного правительства. Это произошло именно потому, что он был председателем Земгора. Они, надо сказать, никогда не трогали его персонально, не затрагивали его личных достоинств, но, тем не менее, это многовластие было для них причиной случившегося. Вряд ли нам удалось это как следует показать, но, повторяю, до некоторой степени нас извинит то, что в ближайшее время выйдет статья, которая вместе с нашим докладом для исследователя-специалиста будет означать нечто более существенное. Теперь я хотел бы сказать только одну фразу по поводу чужого огорода: стихийность или нестихийность февральских событий. Я хотел бы сказать, что два-три замечания В. П. Булдакова показали, что речь теперь должна идти не о стихийности, а о новых научных понятиях, в какой-то мере не эквивалентных, но рассматривающих процесс с точки зрения дисциплин научных, на стыке между собой находящихся, и все-таки теория стихийности этот новый научный анализ не опровергает.

Д. Орловски. Прежде всего я хочу высказаться относительно понятия сохранения национальной памяти. Это касается культуры, литературы, семьи, общественного мнения и т. д. Общественное мнение может оформить память, может влиять на формирование памяти. О вопросе Солженицына — это интересный вопрос. Я только что узнал, что американский историк Х. Уокер написал очень интересную статью. Она называется «Солженицын и Первая мировая война». Статья на французском языке, может быть это тайна, я не знаю точно, но я ее пока не читал. Вопрос З. Галили о меморации — это очень важный вопрос, но она дает слишком простое объяснение отсутствию в России меморации. Есть и другие факторы, например, в Советском государстве уже нет религии, нет видной роли православной церкви. Может быть, это вопрос и о культуре, русской культуре. Я знаю только, что даже во Второй мировой войне есть очень яркие примеры: самопожертвование на поле битвы. По-моему, смерть с этой точки зрения — дело культуры, а не только дело политическое. У нас в Америке, например, это тоже дело меморации. Как уже кто-то говорил здесь, в Америке после Второй мировой войны нет мемориалов, нет национального памятника. Почему? Это дело общественного мнения тоже, потому что после войны было хорошее время в Америке. Была конечно «холодная война», но главным образом существовало мнение, что войну не хочется вспоминать. Это интересный вопрос. Также интересный вопрос У. Розенберга: память какой войны, что это за война. Но, по-моему, это важно — память о Первой мировой войне важна как о войне самой по себе, без революции. Надо сделать зримой, может быть, разницу между войной и

революцией, чтобы понять влияние войны, культуры, культуры революции, культуры советского государства. Это тоже важно, если бы траур был в 20-х годах или даже раньше, потому что неправильно без траура после такой войны, как Первая мировая. По-моему это очень важный момент с точки зрения истории Советского Союза.

В. Дьячков. По поводу нашего с Л. Г. Протасовым сообщения. Мне представляется, я, конечно, самонадеян, но убежден, что революция 1917 г. выросла из войны. Из того количества и качества войны, которая оказалась для тогдашней России непосильной. Россия до Первой мировой войны с каждым днем уходила от революции как от возможного варианта, а война Россию вогнала в ситуацию 1917 г. Для меня оказалась просто поразительной та вещь, что война, которая была дотоле небывалой для России, занимала слишком малое место, необычайно малое место в сознании тогдашних людей. Читая дневники современников, т. е. не то, что писали позднее, а именно тогдашние письма самых разных людей, выходцев из разных слоев, порой можно даже и не узнать, что война была «на дворе», так скажем. Напрашивается сравнение со следующей нашей страшной войной, с Великой Отечественной войной, когда было совершенно иначе. В Великую Отечественную войну то, что идет война, было постоянным, ежесекундным ощущением. В Первую мировую такого ощущения не было. Те же дневники и воспоминания говорят о поразительной разнице между фронтом и тылом. Скажем, приезжали люди в Пензу, Тамбов с фронта, и первые впечатления от тыла для них были самыми страшными. Складывалось ощущение, что будто нет войны, ничего нет, т. е. она есть, есть госпитали, есть гарнизоны, но тем не менее люди жили так, как будто ее нет. Она не была фактором сознания в этом отношении. В этой ситуации — какие могут быть последствия? Мне представляется то, что в России было много факторов и исторических, и психологических, но главное, наверное, было то, что война застала Россию в межсистемном неустойчивом равновесии. Если бы в России была система открытого типа развития, она бы устояла, не сбила бы ее революция. Или должна была существовать система государства, экономики и общества закрытого типа, как в Великую Отечественную войну. Но должно было быть что-то одно. А вот то, что война застала Россию именно в эту пору, эпоху межсистемную, имело для нее такие трагические последствия.

II

ВОЙНА И ОБЩЕСТВО

Питер Холквист

**ТОТАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ
И ПОЛИТИКА НАСЕЛЕНИЯ:
РОССИЙСКАЯ КАТАСТРОФА (1914—1921)
В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Мировая война формально закончилась с заключением перемирия... Однако на самом деле все, что мы пережили и переживаем с тех пор, есть продолжение и видоизменение мировой войны.

Петр Струве, ноябрь 1919 г.¹

Возможно, важнейшим отличительным признаком этой великой катастрофы следует признать то, что в ней гений войны объединился с духом социального прогресса. Эта особенность проявилась не только в сражениях между разными странами; она проявилась и в гражданской войне, пожавшей богатый второй урожай на полях многих из них. Оба события — мировая война и мировая революция — связаны между собой гораздо сильнее, нежели можно предположить на первый взгляд. Они — две стороны одного и того же явления вселенского масштаба, чье начало и чьи причины тысячами нитей связаны между собой.

Эрст Юнгер, «Тотальная мобилизация», 1930²

Как показала настоящая конференция, Первая мировая война — это ключ к пониманию российской истории XX в. В течение многих лет большинство исследователей и на Западе, и в Советском Союзе просто включали ее в тему революции в качестве приложения. Между тем, как явствует из цитаты Петра Струве, события 1917—1921 гг. можно рассматривать и как прямое следствие войны. Мысль Струве подсказывает нам: вместо того чтобы разбивать события этого периода на два отдельных этапа — войны (1914—1917) и революции (1917—1921), можно говорить об одном и том же процессе «всероссийского потопа» периода 1914—1921 годов, или, как сказал кто-то, второго смутного времени³. Однако и эта хронология, и признаки, по которым мы ее определяем, не означает, что Россию следует рассматривать в отрыве от остальной Европы. Наоборот, в связи с тем, что динамичная связь между общенациональной мобилизацией и тотальной войной считается «транснациональным или наднациональным явлением»,⁴ «долгий» военный опыт России может оказаться полезным и для

анализа событий в Европе. Дело в том, что, если в историографии России Революция 1917 года часто затеняла собой события войны, то для большинства историографов европейских стран, наоборот, война затмила и революционное брожение, и гражданские войны, в которые это брожение вылилось после того, как приемы ведения внешней войны, шлифовавшиеся в течение предшествующих четырех лет, были перенесены во внутренние конфликты. С этой точки зрения Гражданскую войну в России можно рассматривать только как самый законченный образец наиболее протяженной «европейской гражданской войны», охватывающий и период Великой войны, и значительный отрезок времени после нее.⁵

Однако больший акцент на Первую мировую войну имеет и свои недостатки. Рассматривая революцию в контексте Великой войны, не следует подменять один переломный момент (1917 г.) другим (1914 г.). Такая хронология чревата двумя опасными последствиями. Во-первых, антропоморфизируя войну, т. е. рассматривая ее как фактор активного изменения или искажения общества, мы упускаем из виду то, что «социальная организация насилия, сделавшая тотальную войну возможной, начала формироваться уже с конца девятнадцатого века».⁶ В частности, начало государственным методам тотальной войны и массового уничтожения людей положил колониализм.⁷ Настоящий доклад посвящен проблеме «политики населения», которая формировалась в течение нескольких десятилетий непосредственно перед войной 1914 г. и послужила важнейшей предпосылкой реализации государственных мероприятий военного времени, направленных против целых слоев собственного населения, особенно массовых депортаций. Во-вторых, отказавшись от антропоморфизации войны в смысле ее воздействия на общество, можно показать, что «на самом деле не столько война или „милитаризация“ организует общество, сколько само общество организует себя через войну и во имя войны... милитаризация порождается самим гражданским обществом, а не навязывается ему извне».⁸ Хотя государственное управление ресурсами (материальными, равно как и людскими) — один из ключевых компонентов тотальной войны, не менее важным фактором является и самомобилизация гражданского общества на достижение конечных целей тотальной войны. Тотальная война стала свидетелем возникновения особого гибрида — «парагосударственного комплекса», которому удалось добиться широкого и добровольного участия общества в ведении войны.⁹ Действительно, тотальная война была самым тесным образом связана с развитием современной политики управления массами — факт, который признавали и сами современники. Струве, например, отметил, что сам способ ведения войны породил «особую демократическую идеологию».¹⁰ Отстаивая тезис о самомобилизации общества, мобилизации его воображения и энтузиазма, мы проанализируем также деятельность органов «осведомления», задача которых состояла в изучении настроений народа с тем, чтобы более эффективно мобилизовать его на войну с помощью различных просветительных мероприятий.

I. Политика населения: ее прецеденты в режимах колониального управления и практика тотальной войны

Разумеется, государства и прежде оказывали влияние на своих подданных. Но XIX в. отмечен неуклонным ростом сознательного интереса к «населению» как

объекту государственной политики, выражением которого стала концепция «политики населения» (от немецкого *Bevölkerungspolitik*). Термин «политика населения» был впервые предложен камералистами, которые рассматривали население в качестве одного из видов экономических ресурсов. Однако в течение XIX в., с возникновением понятия «социальное» как сферы государственного вмешательства,¹¹ «политика населения» стала иметь более широкое толкование, и в 1909 г. одна российская энциклопедия уже определяет «политику населения» как науку, «которая занимается решением задач, вытекающих для общественной жизни из [статистических] фактов и их закономерности, и в особенности относящихся к задачам государственного вмешательства в эту область».¹²

Формированию взгляда на население как «область для государственного вмешательства» во многом способствовала военная статистика. Военная статистика разрабатывалась в середине XIX в. чиновниками-реформаторами по образцу аналогичных исследований, проводившихся в Европе.¹³ За несколько десятилетий не прекращавшихся исследований на местах и в масштабе всей империи военная статистика превратила прежде аморфное слово «народ» в строго определяемое понятие «население». Другим, не менее значимым событием было то, что военная статистика начала официально фиксировать народность или племя поданных империи (это самое раннее официальное упоминание об этой категории, которое мне удалось обнаружить). К концу XIX в. военные статистики начинают все чаще выражать беспокойство по поводу «племенного состава» империи, а также высказываться о предпочтительности его однородности. В своем учебнике 1885 г. для Академии Генерального штаба Золотарев рассуждает о преимуществах населения Московского военного округа и округа Иль-де-Франс с точки зрения его однородности и благонадежности, по сравнению с населением российского Кавказа или британской Индии. Последними Золотарев особенно недоволен не только ввиду их неоднородности, но и в связи с их нехристианским и неевропейским составом.¹⁴ Чем больше военные статистики делят население империи на составные элементы, тем они чаще приписывают им те или иные качественные характеристики (не удивительно, что у русских такими качествами оказываются патриотизм и благонадежность, а у евреев и поляков — непатриотичность и эгоизм).¹⁵

И эти исследования не были чисто теоретическими упражнениями. Военная статистика была прикладной наукой в самом прямом смысле этого слова. Во-первых, при Милютине она стала занимать очень важное место в программе Академии Генерального штаба: ровно четверть всего учебного времени слушателей уходило на военную географию и статистику.¹⁶ Офицеры-выпускники Академии Генерального штаба, в головы которых была основательно вбита военная статистика, занимали впоследствии ключевые посты в военной и гражданской администрации и руководили войсками как в операциях по «умиротворению» внутри страны, так и в военных кампаниях против ее внешних врагов. Офицеры же Генерального штаба были одновременно и авторами большинства работ по военной статистике на местах. Во-вторых, те, кто собирал данные для военной статистики, были зачастую и исследователями-этнографами, и в этом качестве, с одной стороны, использовали материалы военной статистики, а с другой — пополняли ее этнографическими сведениями. Так военная статистика превратилась в смесь официальных статистических данных, научных работ и учебной литературы.¹⁷ При этом часто оказывалось, что ученые-этнографы и чиновники (как граждан-

ские, так и военные) это одни и те же люди. И подобному тому, как английская колониальная администрация способствовала укреплению расовых и кастовых различий в Индии, в России именно «административные различия, введенные царским режимом, способствовали подъему этнического самосознания».¹⁸ И, наконец, военная статистика была тесно связана с колониальной экспансией и колониальной администрацией. Многие из высших чинов колониальных администраций сами были военными — офицерами Генерального штаба (например, Куропаткин, Черняев, Скобелев, К. Р. Кауфман), поэтому статистические и географические исследования занимали важное место в их колониальной политике.¹⁹ В значительной степени то, что было известно правительству империи о его собственных подданных, т. е. их численности, местах проживания, и даже состоянии здоровья, оно узнавало из военной статистики.²⁰

Перед военной статистикой никогда не ставилась чисто описательная задача. Она всегда предлагала пути решения описываемых проблем. В России так же, как и в Западной Европе, введение более широкой социальной классификации людей подтолкнуло государство к разработке мер воздействия на них (достаточно вспомнить определение политики населения из энциклопедии 1909 г.). До Первой мировой войны эта технология массового воздействия на население применялась в основном в районах колонизации и в приграничье (у черты оседлости). Во время Первой мировой войны и, в еще большей степени, во время войны гражданской отработанные в этих регионах приемы будут перенесены на все политическое пространство бывшей империи.

На примере Туркестана можно проследить, как военная статистика применялась в процессе колонизации Средней Азии и как ее применение совпало с Первой мировой войной во время Туркестанского восстания 1916 г. В Средней Азии, как и повсюду на территории империи, чиновники разделили население на составные «элементы». Предметом особой озабоченности и государственных чиновников, и журналистов было отсутствие надежного русско-православного «элемента» и неоднородность состава населения. Стремясь заполнить этот пробел, очень многие сходились во мнении, что необходимо повысить соотношение «русского элемента» в регионе путем последовательной политики колонизации. Не удивительно, что труды по военной статистике того времени дружно сетуют на неоднородность местного населения и нехватку надежного русского элемента.²¹ Одна работа сухо констатирует: «нельзя назвать [состав населения] благоприятным, так как русский элемент составляет менее 50% инородческого... необходимо признать состав [населения], с военной точки зрения, неблагоприятным». Но эта работа не ограничивается простой констатацией факта. Она делает вывод о том, что «вопрос о колонизации Семиреченской области русским элементом весьма важен в военном отношении» и что государство должно стремиться «к усилению колонизации края русской народностью, хотя бы и в ущерб туземным инородцам».²² Подобные взгляды распространились весьма широко и за пределами высоких кабинетов империи. Туркестанский том в сборнике Семёнова-Тян-Шанского «Полное описание нашего отечества» полностью разделяет концептуальные категории военной статистики.²³ И это, пожалуй, не удивительно, если учесть, что библиография издания изобилует трудами по военной статистике. В этом якобы «описании» Туркестана легко просматривается программа государственного манипулирования с составом населения региона: в ней говорится о необходимости «усиления русского элемента» с помощью скоординиро-

ванной политики колонизации. Что империя и сделала. Правительство выделило средства на изучение вопроса о том, как наилучшим образом направить «русский элемент» в эти районы, и в 1905 г. создало район поселений в Семиречье.²⁴ Ведавшие колонизацией чиновники-«фанатики», которые часто не ладили с местной администрацией, «намеревались затопить страну эмигрантами... Наконец-то [они] оказались в стране, которая, казалось, открывала неограниченные возможности для претворения в жизнь их идей». И когда им нужно было рассчитать требуемую плотность вновь прибывшего населения, они просто протягивали руку за картой, подготовленной офицерами Генерального штаба.²⁵

В рамках новой, более широкой сферы применения политики населения военные статистики не ограничивались советами по «положительному» решению проблемы Средней Азии, в частности, ее колонизации. Они считали, что, наряду с колонизацией может возникнуть необходимость в выселении нежелательных или ненадежных групп. Во втором томе военно-статистического описания Семиречья 1910 г. содержатся рекомендации на случай непредвиденных обстоятельств военного характера, и в частности описываются «свойства района при народном восстании».²⁶ С большой прозорливостью этот труд предсказывает, что «...отвлечение же этих частей для борьбы с внешним противником может... дать мятежу распространиться на значительные пространства». В этом случае российских военных предупреждают о возможности партизанской войны со стороны инсургентов и советуют брать в заложники семьи инсургентов и захватывать скот. Взятие заложников позволит отделить более умеренные «элементы» от непримиримых врагов и «заставит более умеренные элементы (sic!) населения вернуться к мирному образу жизни; оставшиеся же шайки беспокойного элемента придется истреблять или изгонять за границу».

Именно по этим предвоенным инструкциям действовали российские войска при подавлении восстания 1916 г., которое вспыхнуло в ответ на попытку правительства применить в регионе методы тотальной мобилизации.²⁷ Свирепость подавления этого восстания не была, таким образом, просто реакцией на само восстание или проявлением этнической нетерпимости. Это был результат разработанных за многие годы до этого идей и концепций макростратегии политики населения и микротактики репрессий, призванных наилучшим образом обеспечить достижение ее целей. Российское командование широко использовало карательные отряды, которые действовали на территории всей империи в 1905—1907 гг. и которым суждено было стать неотъемлемым элементом всех армий в период Гражданской войны в России. Военное руководство не оставило этим подразделениям никаких сомнений относительно того, как им нужно действовать. Военный губернатор Семиречья так инструктировал своих подчиненных: «Одной из первых возмущилась ... Ботпаевская волость. Хорунжий Александров с сотней 10 августа... настиг волость, 3 аула поголовно истребил, стойбища сжег, скот угнал; 12-го ботпаевцы изъявили покорность и выдали заложников... Сообщается как образец действий, руководимых лично мною». Такое поведение не было ни проявлением личной жестокости, ни превышением полномочий, так как соответствовало официальной политике. Летучие отряды — небольшие сборные пехотно-кавалерийские подразделения, вооруженные пулеметами, — получили приказ «для уничтожения киргизов и подавления восстания... загонять киргизов в горы и там уже уничтожать их».²⁸ Помощник туркестанского генерал-губернатора докладывал, что карательные «отряды истребляли планомерно и систематично жен-

щин и детей».²⁹ В результате этих действий к январю 1917 года численность коренного населения Семиречья упала на 20 процентов, а в некоторых районах на 66 процентов.³⁰

Таким образом, эти меры нельзя рассматривать лишь как конкретно спланированную военную операцию. Власти империи стремились не только восстановить порядок в мятежных регионах, но вслед за этим и окончательно в них утвердиться. 16 октября военный губернатор Туркестана Куропаткин провел совещание по разработке планов удаления киргизов из некоторых районов Семиречья и замене их русскими переселенцами для того, чтобы образовать районы с «чисто русским населением». В восставших районах, предназначенных к депортации (используя восстание как предлог), вместо простого выселения из них киргизов и поселения русских, он изменял административные границы таким образом, чтобы «создать обособленную от киргизов территорию с русским населением не только в границах этнографических, но и географических». В своем последнем докладе Николаю II, составленном 22 февраля 1917 г., Куропаткин сообщает, что эти планы уже выполнены и направлены военному министру для конфискации туземных земель в Семиречье «в целях укрепления русского элемента в Туркестанском крае» и создания однородных «чисто русских районов».³¹ Казалось, что долгосрочная программа укрепления этого региона с помощью политики населения, программа, которую поддерживала не только военная статистика, но и современная публицистика, будет вот-вот реализована: не зря ведь военно-статистические исследования 1910 г. пришли к заключению, что интенсивная колонизация русскими должна проводиться «хотя бы и в ущерб местным инородцам». И только революция 1917 года «не позволила осуществить предложения генерал-губернатора о выселении всех киргизов с огромных территорий долины Чу и земель вокруг Иссык-Куля, которым предстояло стать „чисто русскими“».³²

Эта форма политики населения, отшлифованная в колониальных районах, широко применялась в Европе воюющими державами в период Первой мировой войны (см. ниже). С этой точки зрения военную политику России по отношению к собственным западным приграничным территориям также нельзя рассматривать просто как военную необходимость или проявление глубоко укоренившейся ксенофобии и антисемитизма, хотя это тоже, без сомнения, имело место. Это была попытка применения на практике теории политики населения, разработанной ранее. Выше уже отмечалось, что начиная с 80-х гг. XIX в. военная статистика все чаще приписывала отличительные характеристики различным «элементам», из которых якобы состояло население, для того чтобы подчеркнуть необходимость этнической однородности (по умолчанию, русской однородности). В своем учебнике по военной статистике для Академии Генерального штаба 1885 г. Золотарев заявил, что население России в целом может быть признано благонадежным. Но «этого далеко нельзя сказать, если начать рассматривать расселение различных племен по территории нашего отечества и степень надежности жителей наших окраин... Чем же дальше к окраинам, тем населенность уменьшается, население же, делаясь более и более разнородным, становится менее и менее надежным».³³ Во втором томе, приступив к описанию западного приграничья, Золотарев не оставляет сомнений относительно того, какие именно элементы следует считать ненадежными: это евреи, немцы и поляки.³⁴ Этот тезис Золотарев повторяет еще раз в учебнике 1903 г. для юнкерских училищ.³⁵

Труды Золотарева наделяют все «элементы» особыми качественными признаками и, кроме того, точно указывают места скопления «ненадежных» групп. Ибо, как уже говорилось, военная статистика не просто описывала «население». Она также предлагала решение выявленных «проблем». Так, полковник Генерального штаба Комаров, давая положительную оценку населению в районах вокруг Москвы, Владимира и Нижнего Новгорода (читай: там проживали в основном русские православного вероисповедания), отмечает один недостаток: концентрацию евреев в Москве. Тем не менее, пишет он, еврейское население «благодаря принятым административным мерам, значительно сократилось против прежнего, и продолжает еще уменьшаться». «Административные меры», о которых так одобрительно отзывается Комаров, состояли в том, что в 1891 г. около 20 тысяч евреев были выселены из Москвы.³⁶

Как показывает эта операция по выселению, военная статистика руководствовалась более далекими целями, чем простой академический интерес. Как заметил один исследователь по поводу Германии, «культура (и культ) сайентизма конца XIX в. создали дискурсивные рамки» для попыток по трансформации общества, предпринятых во время войны.³⁷ Не Первая мировая война породила эти планы. Возможность подобных «решений» была подсказана военной статистикой (и российской колониальной политикой) задолго до войны. Но тотальная война явилась контекстом, в котором эти приемы стали неотъемлемой частью государственной политики. В этой ситуации призыв к поиску сайентистских решений слился с этосом насилия.³⁸

В России насильственная массовая депортация этнических меньшинств с западных приграничных земель явилась воплощением в реальную политику того, что военная статистика говорила о населении этих областей в течение нескольких десятилетий.³⁹ Один исследователь недавно подсчитал, что в царской России было депортировано миллион гражданских лиц, в том числе 500 000 евреев и 300 000 немецких колонистов.⁴⁰ Эти люди были депортированы (именно как «ненадежный элемент») во «внутренние районы», где их держали под строгим надзором.⁴¹ Это, естественно, породило новую проблему: «ненадежный элемент» угрожал загрязнить прежде однородные и надежные внутренние губернии. В 1915 г. М. Д. Бонч-Бруевич напишет Янушкевичу, что «чисто русские губернии совершенно испорчены враждебными нам элементами, и, следовательно, сам собою встает вопрос о необходимости точной регистрации всех депортированных вражеских подданных для того, чтобы по окончании войны ликвидировать весь враждебный элемент без следа».⁴² Российские военные распространили эту форму политики населения и на те территории, которые перешли под их контроль в самом начале войны. И на оккупированных территориях, так же как и во внутренних областях России, именно военная статистика определяла коллективные цели для проведения государственной политики.⁴³ Эту политику нельзя отнести на счет жестокости войны или неожиданно затяжного характера боевых действий: ведь это происходило в первые дни войны. Не была она и последствием особого характера войны или результатом традиционной ксенофобии или антисемитизма. Эта политика явилась продуктом нового взгляда на население и на возможные способы воздействия на него.

Меры, принятые против населения, нельзя объяснить одной лишь военной необходимостью. Их смысл станет понятным, только если мы серьезно отнесемся к концепции о возможности трансформации структуры населения либо путем вве-

дения в нее определенных элементов, либо путем удаления их из нее. Целью этих мер было изменить состав населения, «очистить» районы от строго определенных элементов. С этой точки зрения жестокость Гражданской войны в России можно рассматривать не как *sui generis* (нечто в своем роде, лат.), а скорее как «продолжение и видоизменение» (Струве) государственной политики, разработанной в последние годы империи и реализованной в широком масштабе в период Великой войны. Основываясь на опыте тотальной войны и полностью разделяя одну и ту же концептуальную матрицу политики населения, и белые, и красные в равной степени автоматически подразделяли население на «элементы» различной степени надежности. А после этого применяли профилактические меры насилия к тем элементам, которых считали злокачественными или вредными (евреи именовались не иначе, как «микробы» или «бациллы», большевизм — как «социальная болезнь»). Один офицер белой контрразведки (аналог ЧК) объяснял, почему его ведомство так часто прибегает к казням: «вредное никогда не может стать полезным»; поэтому в таких случаях «самый лучший способ лечения — хирургический». (Нужно ли объяснять, что среди тех, кого невозможно заставить стать полезным, и кто, соответственно, подлежал хирургической операции, он назвал евреев?).⁴⁴ Белые верили также и в положительные последствия политики населения. Начальник штаба барона Врангеля генерал-майор Махров — естественно, выпускник Академии Генерального штаба — советовал командующему в апреле 1920 г., что лучший способ получить обратно под свой контроль район Дона — это вернуть туда «самый активный элемент». Он имел в виду казаков, эвакуированных в Крым. Последовавшая вскоре неудачная высадка генерала Назарова и явилась попыткой реализовать этот замысел. Короче говоря, программа генерала Махрова была зеркальным отображением политики советской власти 1919 г. по рассказыванию Донской области, так как он предлагал провести реколонизацию этих земель за счет переселения туда надежного и активного казачьего элемента.⁴⁵

Однако осуществление «политики населения» в форме депортаций (опираясь на опыт собственной колониальной политики) не было чисто российской аномалией: в годы Первой мировой войны их практиковала вся Европа. Еще за несколько десятилетий до 1914 г. Германия также проводила «государственную политику, сознательную и четко спланированную, направленную на изменение национального состава в некоторых районах королевства Прусского», и с этой целью выселила десятки тысяч евреев и поляков как «нежелательных элементов».⁴⁶ В восточной политике Германии ясно прослеживалась преемственность с ее колониальной политикой в Африке.⁴⁷ Военное правительство Людендорфа на востоке, в провинции Ober-Ost, по составу отличалось от немецкой военной администрации в Бельгии и Польше: в него «входили люди, которые были хорошо знакомы с колониальными порядками в Африке и имели опыт работы в разведке». Одним из таких людей был доктор Джордж Ешерин, «служивший в Эфиопии экспертом по лесному хозяйству и колониальным чиновником в Германском Камеруне». На его примере можно отлично проследить, как Великая война перешла во внутреннюю гражданскую войну: в качестве руководителя «Организации Эшериха» он прославился разгромом коммунистического правительства Баварии в Мюнхене в 1919 году.⁴⁸ Некоторые очевидцы прямо «сравнивали действия административной системы в Литве с действиями германской колониальной администрации в Африке».⁴⁹ Чиновники земли Ober-Ost депортировали значительные

группы местного населения и не позволили сотням тысяч беженцев вернуться из России домой, тем самым проводя, по словам одной немецкой газеты, «последовательную политику удаления местного населения».⁵⁰ «Критический порог пройден, и массовые переселения этнических групп перешли в категорию реально планируемых акций... начался сбор информации для обоснования более обширного плана — образования на этих территориях „Новых земель“ (Neuland) и управления ими в качестве новой немецкой колонии».⁵¹ Австро-Венгрия также с подозрением относилась к своим подданным сербам и русинам, и в конце концов десятки тысяч этих людей были депортированы и интернированы.⁵² Некоторые исследователи даже утверждали, что армянская резня, устроенная турками, — это отчасти результат воздействия этоса разрушения (этоса, рожденного германской военной доктриной XIX в., и особенно доктриной «малых войн», отработанной в колониальных войнах), который одобрял полное уничтожение потенциально враждебного населения. С одной стороны, подобная политика не была аномальным явлением, характерным только для какой-либо одной страны, а с другой — она не была проδικтована военной необходимостью. Депортация целых этнических групп, признаваемых ненадежными, явилась практическим применением политики населения, которая была разработана еще до войны и впервые опробована в сокращенном варианте в колониях. С началом Первой мировой войны все ее приемы (и связанное с ними насилие) были реэкспортированы на родину, в Европу.⁵³

II. Тотальная война и осведомление: общество и мобилизация коллективного воображения

Европейские государства стремились мобилизовать население на тотальную войну не только как физическую массу людей; задачей равной степени важности ставилась также мобилизация коллективного духа. Термин осведомление чаще всего обозначает методику осуществления государством надзора за своими подданными, но в нашей работе он используется в более широком смысле, для обозначения типа государственной власти, стремящейся к применению этой методики.⁵⁴ Политика осведомления представляла собой сбор информации для изучения настроений в обществе и последующего их изменения. Примечательно, что процесс этот не был пассивным, т. е. не ограничивался одним только наблюдением. Определив контуры общественных настроений, технократы от осведомления стремились их трансформировать посредством государственного вмешательства — процедуры, которая практически во всех странах именовалась не иначе как «просвещение» (например, в России и Германии [Aufklärung]). Причем целый ряд недавних исследований показывает, что осведомление возникло в России вовсе не с приходом большевиков, как принято полагать, а еще в годы Великой войны, в качестве одного из элементов целого спектра государственных мер, направленных на мобилизацию общества для участия в тотальной войне.

Функции осведомления не совпадали с функциями полицейского надзора. В задачу полицейского надзора входило наблюдение за отдельными людьми — преступниками, оппозиционерами или революционерами с целью охраны существующего порядка. Осведомление же занималось сбором информации о населении в целом, имея задачу накопления обобщенных данных о его настроениях и

выработки наиболее действенных мер контроля. Полиция стояла на страже общественного порядка. Осведомление же стремилось получить информацию для того, чтобы максимально использовать имеющийся потенциал как всего общества, так и каждого отдельного его члена. Таким образом, осведомление было одним из элементов новой концепции власти, переносившей акцент с принципа территориального управления на принцип управления правительственного. Государство с административно-территориальным режимом нацеливало свои усилия на управление территорией, тогда как государство правительственного типа — на управление населением. Для укрепления этого нового типа государственности необходимо было точно знать преобладающие настроения народа — отсюда и необходимость в осведомлении. Государства строили эту новую концепцию управления на базе двух основных методов: системы перлюстрации почтовых отправок граждан и особого бюрократического аппарата, единственной задачей которого было отслеживать преобладающие в народе настроения.

Разумеется, для того чтобы доказать особую приверженность советской власти к методике осведомления, далеко ходить не надо. Первым советским институтом, применившим ее в массовом масштабе, была Красная Армия, откуда система осведомления вскоре расплзлась буквально по всем закоулкам советского государственного аппарата.⁵⁵ В качестве классического артефакта этой политики можно привести вездесущие «сводки о настроениях населения». Начиная с осени 1918 г. армейские политотделы регулярно составляют отчеты о настроениях в войсках, а военные комиссары ведут наблюдение за гражданским населением в тылу. Политотделы (заметьте — политические отделы) каждой дивизии, армии, фронта составляют ежедневные политические сводки.⁵⁶ Эти сводки (равно как и лаконичные стандартные категории, на которые они делили типы общественных настроений) вскоре превращаются в особый литературный жанр. Руководство ЧК не только требовало регулярного представления таких сводок, но и строго инструктировало своих сотрудников о том, что простого описания настроений недостаточно, что они должны также «указать», чем эти настроения «объясняются».⁵⁷ После Гражданской войны задача по перлюстрации писем перешла от полевых почт к информационным отделам ЧК и ОГПУ. В течение 20-х гг. режим просматривал проходящие через почтовые отделения письма, делая все более обширные выписки из них и составляя все более подробные сводки. А органы государственной власти продолжали тайно и прилежно наблюдать за настроениями народа. Осведомление стало одной из основных форм существования советской власти. Однако процедура осведомления представляла собой нечто большее, чем простое составление сводок о настроениях среди населения. Технократы от осведомления искали пути проникновения в душу народа с тем, чтобы потом формировать ее в соответствии с теми или иными государственными задачами. Несмотря на то, что эту активную сторону процесса осведомления часто именуют «пропагандой», многие государства описывали ее другим термином — «просвещение».⁵⁸

И все же авторство концепции осведомления принадлежит не большевикам. Осведомление — и как метод, и как форма реализации государственной власти — стало принимать институциональные формы уже после революции 1905 г. и развернулось на полную мощь в ходе Великой войны.⁵⁹ Еще до 1914 г. российские власти начали рассматривать осведомление как реальную перспективу в политике и даже предпринимали попытки осуществить эти устремления. Но

только во время Первой мировой войны слабый зародыш политики социального управления вырос до уровня повседневной административной практики, опиравшейся на двуединую систему перлюстрации и регулярных чиновничьих сводок о настроениях народных масс. В день объявления войны царский режим ввел в действие «Временное положение о военной цензуре», которое в полном или усеченном варианте распространялось на всю территорию империи.⁶⁰ Полный вариант положения о военной цензуре был введен в прифронтовой полосе и предусматривал перехват всех писем без исключения. По усеченному варианту, введенному на остальной территории страны, проверке подлежали все письма с фронта, все письма, отправляемые в адрес редакций газет или по временным адресам, таким, как почтовые ящики, а также письма военнопленных, содержащихся в России, и письма российских военнопленных, содержащихся в стане противника. Кроме того, режим частичной цензуры требовал перлюстрации корреспонденции отдельных подозреваемых лиц; вскоре в эту категорию попала и корреспонденция целых групп населения, считавшихся потенциально ненадежными (евреев, прибалтов, немцев и поляков, подвергшихся массовой депортации из западных губерний во внутренние регионы страны: см. выше). Начиная с апреля 1915 г. Министерство внутренних дел стало требовать от отделов военной цензуры специальных ежемесячных сводок о настроениях среди евреев.⁶¹

Перед военной цензурой ставилась задача не только отслеживать, но также и описывать, а по мере возможности и объяснять настроения среди населения. В конце 1915 г. цензоры получили инструкцию не ограничиваться вопросами военной безопасности, но обращать внимание и на вопросы общеполитического характера.⁶² Просматривая за неделю десятки тысяч писем, военные цензоры в конце каждой недели составляли «сводки» об общем содержании писем, приводя наиболее характерные отрывки из писем и составляя статистическую классификацию недельной почты. Так, в мае 1915 г. управление Вятской военной цензуры обработало за неделю почти 52 тысячи писем. На основе этого материала цензор сделал вывод, что 4% писем свидетельствуют об укреплении морального духа, 18% выражают желание поскорее покончить с войной, 0,5% содержат жалобы, а 77% свидетельствуют о спокойном отношении к текущему состоянию дел. 224 письма были задержаны.⁶³ Люди, конечно, знали, что власти проявляют повышенный интерес к их письмам. Некоторые солдаты пытались обойти военного цензора, посылая письма через гражданскую почту, а другие в своих письмах прямо обращались к цензору или жаловались на то, что их письма перехватывают.⁶⁴ Так политика осведомления заставила людей думать, как лучше выразить свои мысли, и одновременно дала им понять, что их взгляды (какие бы они ни были) имеют самостоятельное значение.

Также именно во время войны правительство ввело систему постоянных внутренних сводок об умонастроениях среди населения. Начиная с марта 1915 г. департамент полиции требовал подачи не только обычных отчетов о конкретных событиях, но и регулярных сводок о деятельности революционных партий и оппозиционных движений.⁶⁵ Тем не менее в этот период функции осведомления еще не отличались от обычных негативных функций полиции. Но в октябре 1915 г. (на тринадцатом месяце войны, которая вдруг стала быстро превращаться в войну тотальную) министр внутренних дел приказал губернским и уездным чиновникам составлять ежемесячные сводки о «настроениях» среди населения и сопроводил этот приказ списком стандартных вопросов, на которые следовало

обращать внимание. Армия тоже начала составлять регулярные «сводки о настроении» как среди своих солдат, так и среди населения вообще (и снова особое внимание уделялось евреям).⁶⁶

Вместе с тем государственные чиновники были не единственными, кто стремился определить общественные настроения. В России, как и в других европейских державах, образованные слои населения и профессиональные организации кинулись помогать в мобилизации общества под эгидой государства тотальной войны. Земства (местные советы самоуправления, которые часто противопоставляли себя самодержавию) также распространяли анкеты для получения информации о том, «как отразилась война на благосостоянии и настроении населения... что думают и говорят в деревне о войне?» Полученную с помощью таких анкет информацию затем использовали, чтобы установить «преобладающие настроения» и «развитие общественности».⁶⁷ Как и Министерство внутренних дел, земства ставили своей целью не просто собрать информацию, но на ее основе определить наиболее подходящие меры для максимальной мобилизации на войну всех ресурсов деревни — экономических, физических и моральных. С этой же целью полуофициальный Скобелевский комитет изготавлял открытки, снимал кинохронику и патриотичные фильмы.⁶⁸ Другой комитет расставил по всему Петрограду ящики для сбора прочитанных газет; затем этот «сэконд-хэнд» переправлялся на фронт для чтения солдатам, имея целью превратить их в информированных и, следовательно, патриотично настроенных граждан-бойцов и укрепить нерушимую связь между армией и народом.⁶⁹ Такая же роль отводилась и плакатам. Накануне Февральской революции один очевидец отметил, что «во время войны выработался дотоле редкий и чрезвычайно любопытный вид плаката, цель которого — не личная выгода предпринимателя... а интересы государства и общества. Война особо отчетливо обнаружила, какую большую социальную роль — роль агитатора и организатора масс — может играть плакат». Познакомившись на одной из публичных выставок с английским плакатом, русские художники со всех концов империи приняли участие в первой всероссийской выставке плаката, организованной Русским художественно-промышленным обществом.⁷⁰ С помощью подобных мероприятий, а также через деятельность военно-промышленных комитетов, Земгора и множества других организаций, созданных для помощи беженцам, российское общество перестраивало себя «через войну и во имя войны» (Geyer).⁷¹

По всей Европе государства начинают активно применять осведомление как метод познания этого вновь открытого ресурса — духа народа, с тем чтобы иметь возможность на него повлиять. К 1918 г. и Англия, и Франция уже вовсю занимались перлюстрацией писем собственных граждан и создали специальные службы для изучения умонастроений народа.⁷² В американской армии, которая к тому времени стала пионером массового применения тестов на определение уровня умственного развития, также появилось «психологическое подразделение», задача которого состояла в том, чтобы отслеживать все изменения в моральном состоянии войск и гражданского населения Германии и пытаться оказать на него влияние различными способами.⁷³

Особого внимания заслуживает методика осведомления, которую применяла в годы войны Германия, поскольку советское государство проявило впоследствии значительный интерес к немецким методам организации населения на тотальную войну. Как и другие воюющие стороны, Германия практиковала систематиче-

скую перлюстрацию писем. В 1915 г. Военное министерство приказало всем командующим военными округами внутри страны докладывать об общем положении на территории их округов; вскоре этот приказ был уточнен: особое внимание следовало обращать прежде всего на настроения среди гражданского населения.⁷⁴ Немецкое командование и в особенности Людендорф надеялись, что сумеют использовать эти сведения для выработки наиболее целесообразных государственных методов «просвещения» народа (*Aufklärungstätigkeit*). По Людендорфу, это просвещение было призвано обеспечить «психологическое единство народа», необходимое для ведения тотальной войны (*der totale Krieg*).⁷⁵ Поэтому не стоит удивляться, что именно Людендорф выступил за объединение немецкой киноиндустрии в конгломерат UFA с целью улучшить координацию кинопропаганды.⁷⁶ Советские работы 20-х и начала 30-х гг. часто упоминали произведения Людендорфа и других немецких авторов как образец эффективных государственных мер по «обработке общественного мнения».⁷⁷

Учитывая практически повсеместное применение методов осведомления в годы Великой войны, не следует удивляться, что ими продолжали пользоваться и во время революции, и во время Гражданской войны. Сразу же после Февральской революции Временное правительство учредило Отдел сношения с провинцией, под эгидой которого «при губернских исполнительных комитетах организуются культурно-просветительные общества, которые устраивают лекторские курсы... Слушателями являются учителя и учительницы губернии, а вольнослушателями — все желающие. Комиссарами составлены проекты организации культурно-просветительных ячеек на местах».⁷⁸ Во время Гражданской войны подобные методы осведомления и просвещения применялись и советской властью, и антисоветскими движениями. В белых правительствах неизменно создавался «осведомительный отдел», в задачу которого входило составление регулярных сводок о настроении населения. В эти сводки входила информация, собранная как через обширную сеть местных филиалов, так и с помощью специальных агентов, тайно разъезжавших по всей контролируемой белыми территории. Эти антибольшевистские сводки до удивления похожи на свои советские аналоги. Единственное различие между белыми и красными специалистами по осведомлению состояло лишь в ракурсе их взгляда на ситуацию; однако и те, и другие рассматривали население как иерархию четко выделяемых «элементов», построенную по принципу их предполагаемой политической благонадежности. Они даже опирались на одну и ту же морфологию политических движений, основанную на социальной теории репрезентативности. Так, и красные, и белые, дружно обрушивались на «спекулянтов» и уповали на «более сознательные элементы» среди населения.⁷⁹

Однако задача органов осведомления не ограничивалась одним лишь сбором сведений о населении. В нее также входило воздействие на политические настроения людей и доведение их до требуемого уровня посредством спонсируемых государством просветительных мероприятий. Вооружившись достижениями новейшей отрасли науки о человеке, специалисты по осведомлению из антисоветского лагеря предприняли попытку описать «психологическое состояние крестьянских масс» и стремились к «психологическому закреплению вновь занятой территории».⁸⁰ Информационное подразделение антибольшевистского движения на юге России так и называлось — «Осведомительно-агитационный отдел», сокращенно — ОСВАГ. ОСВАГ считал, что круг его задач включает в себя «две

главные части: информацию „вверх“ (начальству) и информацию „вниз“ (в население)».⁸¹

И в ходе доведения необходимой информации до населения белыми предпринимались во многом те же меры, что и советской стороной. Пропагандируя свои идеи, основанные, в соответствии с политикой нового образца, на верховенстве народа и методике просвещения, белые прибегали к мерам, которые по традиции связывают только с большевиками. Они использовали избы-читальни, укомплектованные газетами и брошюрами (изданными, естественно, информационными отделами), агитпоезда, агитпароходы, официальные газеты и журналы и даже агитационные пьесы и фильмы.⁸² Сходство между белыми и красными заключалось не только в том, что они широко использовали афиши и плакаты, но и в том, что эти плакаты были похожи друг на друга, как по стилю, так и по содержанию.⁸³ В последний период Гражданской войны белые офицеры советовали Врангелю, что «надо победить большевиков и большевизм не силою оружия (что не всегда дает полный успех), надо победить его идейно»; на полях против этого абзаца Врангель сделал пометку: «ГЛУБОКО ПРАВИЛЬНО». С этой целью белая армия организовала в Крыму сеть из 38 культурно-просветительных ячеек и пяти передвижных агитационных групп.⁸⁴

Эти последние примеры ясно показывают, что преобладающее представление о белом движении как безнадежно реакционном по сравнению с прогрессивным советским государством требует серьезной ревизии. Использование агитационного кино отделом ОСВАГ — это продолжение усилий Скобелевского комитета времен Первой мировой войны, в которых явно просматривается параллель с UFA, конгломератом немецких кинокомпаний, созданных Людендорфом для координации деятельности агитационного кино во время войны.⁸⁵ Даже система организации работы в самой ОСВАГ опровергает представление о белых как о закосневших реакционерах. По инициативе начальника одного из отделов, который провел долгое время в Германии, ростовский филиал ОСВАГ построил свою повседневную практику на принципах Тейлора: у всех сотрудников были значки с цветными кодами, а на дверях кабинетов висели сигнальные флажки, которые указывали, кому вход в кабинет разрешен, а кому — нет.⁸⁶

И точно так же, как и в период Первой мировой войны, в годы Гражданской войны и у белых, и у красных возник так называемый «парагосударственный комплекс» (Geuer), которому удалось вызвать широкое и активное участие населения. В дополнение к правительственным отделам осведомления, политический активист и газетный издатель Шульгин учредил «Азбуку», независимое разведывательное агентство (sic!) на службе Белого дела.⁸⁷ В 1919 г. один сотрудник ОСВАГ заметил: «Нет теперь в Ростове человека, который не устраивал бы собственного Освага и собственной контрразведки». Сотрудники Ростовского ОСВАГ даже предпринимали безуспешные попытки прекратить неофициальный антибольшевистский «агитационный спектакль».⁸⁸ Тот факт, что к мобилизации общества на тотальную войну (процесса, в котором осведомление было лишь одной из составных частей) подключились профессиональные организации и различные организации на общественных началах, показывает (по мнению некоторых исследователей истории Германии), что тотальная война требует не только принуждения со стороны государства, но и самоорганизации гражданского общества.

Разумеется, существовало немало разногласий по поводу того, как следует вести тотальную войну. И многие люди участвовали в тотальной мобилизации не по собственной воле, а под влиянием принуждения и насилия. Но отличительной чертой тотальной войны является не столько наличие принуждения как такового, сколько его размах и интенсивность — размах и интенсивность такой степени, которой невозможно достичь единственно за счет усилий государства. Эта все-ленская катастрофа характерна не только тем, что в ее период многие люди пострадали от насилия, но и тем, что многие весьма охотно это насилие применяли, зачастую под влиянием каких-то более высоких идей. Именно эта самомобилизация общества на тотальную войну беспрецедентно расширила организационные возможности государства и способствовала революционной трансформации общества.⁸⁹

Эта работа выдвигает три основных тезиса. Тезис первый: в летописи российской катастрофы 1914—1921 гг. следует обратить особое внимание на период Первой мировой войны, так как здесь существует возможность доказать наличие связи между войной, тотальной мобилизацией и революцией не только в России, но и во всей Европе. Тезис второй: анализ «политики населения» показывает, что методы тотальной войны не возникли в готовом виде в 1914 г.; скорее наоборот, тотальная война скоординировала и перенесла на политическое пространство всей империи те формы организации социального насилия, которые уже за несколько десятилетий до 1914 г. разрабатывались и частично применялись на практике, особенно в колониях. И, наконец, исследование феномена осведомления показывает, что тотальную войну невозможно осуществить одними только специальными мерами со стороны государственного аппарата: для этого требуется самоорганизация общества через войну и во имя войны. В этом контексте история России является лишь явлением (отмеченным национальной спецификой, но отнюдь не уникальным), отражающим общеевропейские исторические тенденции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Струве Петр*. Размышления о русской революции. София, 1921. Кн. 1—2. С. 6.

² См.: *The Heidegger Controversy* / Ed. R. Wolin. New York, 1991.

³ *Lih L.* Bread and Authority in Russia, 1914—1921. Berkeley, 1990. См. также: *Critical Companion to the Russian Revolution, 1914—1921* / Ed. E. Acton, V. Cherniaev and W. Rosenberg. Bloomington, 1997.

⁴ *Horne John*. Introduction: Mobilizing for Total War // *State, Society and Mobilization in Europe during the First World War* / Ed. John Horne. Cambridge, 1990. P. 1. Более общую информацию см.: *Eksteins M.* Rites of Spring: the Great War and the Birth of the Modern Age. New York, 1989.

⁵ О Первой мировой войне как «европейской гражданской войне» (Франк Марк, 1914) см.:

Eksteins M. Rites of Spring... P. 94, 185. Мысль о том, что период 1918—1933 гг. в Германии представлял собой «латентную гражданскую войну», см.: *Bessel R.* Germany after the First World War. Oxford, 1993, P. 262. О «всеобщей центральноевропейской гражданской войне в первые послевоенные годы» см.: *Deak I.* The Habsburg Empire // *Hagen Mark von, Barkey Karen.* After Empire. New York, 1997.

⁶ О социальной организации насилия см.: *Domansky E.* Militarization and Reproduction in World War One Germany // *Society, Culture and State in Germany, 1870—1930* / Ed. Geoff Eley. Ann Arbor. P. 430.

⁷ Моя коллега Изабель Халл занимается исследованием этой проблемы на примере Германии. О колониализме как предтече массового насилия XX в. см.: *Arendt H.* Origins of Totali-

- tarianism. New York, 1976; *Lindquist S.* Exterminate All the Brutes! New York, 1996.
- ⁸ *Geyer M.* Militarization of Europe, 1914—1945 // The Militarization of the Western World / Ed. John Gillis. New York; New Brunswick. 1989. P. 79—80, 75.
- ⁹ *Horne J.* Introduction; *Geyer Michael.* The Stigma of Violence, Nationalism and War in Twentieth Century Germany // German Studies Review. Special issue. 1992. P. 75—110 (о «парагосударственном комплексе» — p. 85).
- ¹⁰ *Струве Петр.* Размышления... С. 11; *Horne J.* Introduction... P. 4; *Geyer M.* German Strategy in the Age of Machine Warfare // Makers of Modern Strategy / Ed. Peter Paret. Princeton, 1987. P. 529.
- ¹¹ Это краткое изложение рассуждений Холквиста в работе «To Remove and to Exterminate Totally: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia» в «Empire and Nation in the USSR». Ed. Terry Martin and Ron Suny (готовится к публикации). О термине «политика населения» в трудах камералистов см.: *Raeff M.* The Well-Ordered Police State. New Haven, 1983. О расширении понятия «социальное» см.: *Donzelot Jacques.* The Policing of Families. New York, 1979; *Poovey Mary.* Making a Social Body. Chicago, 1995. О Bevölkerungspolitik в Германии времен Первой мировой войны см.: *Weindling Paul.* Health, Race and German Politics. Cambridge, 1989. Chs. 4—5. О России см.: *Blum Alain.* Oublier l'état pour comprendre la Russie (XIX—XXe siècles)? // Revue des Etudes slaves. 1994. N° 66 (1). P. 140—141.
- ¹² «Население» // Большая энциклопедия Южакова. СПб., 1909. См. также: *Птуха М. В.* Очерки государственной статистики населения... Пг., 1916; Программы для статистических курсов районных и губернских. М., 1920. С. 9—11.
- ¹³ *Holquist P.* To Remove... Основные положения этой дисциплины см.: *Милютин Д. А.* Критическое исследование значения военной географии и статистики. СПб., 1845 (репринт: Русский геополитический сборник. 1997. № 2.). С. 39—48; *Он же.* Первые опыты военной статистики. В 2 т. СПб., 1847—1848; *Макшеев А.* Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1867; *Обручев Н. Н.* Военно-статистический сборник. В 4 т. СПб., 1871; *Золотарев А. М.* Записки военной статистики. В 2 т. СПб., 1885. См. также: Исторический очерк деятельности военного управления в России, 1855—1880. В 4 т. СПб., 1880. Т. 4. С. 108—112; *Пытин А. Н.* История русской этнографии. В 4 т. СПб., 1892. Т. 2. С. 305—309; Т. 4. С. 79—80.
- ¹⁴ *Золотарев А. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 120. Ср. также внимание, которое уделяет однородности *Макшеев А.* (Военно-статистическое обозрение... С. 11, 94, 98). Гораздо больше примеров можно найти в общих и местных исследованиях.
- ¹⁵ См., напр., *Золотарев А. М.* Указ. соч. Т. 2. С. 31, 92, 163, 275; *Антонович А.* Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. 1909. № 11. С. 241—274; *Козловский Н.* Об отношении народностей России к исполнению воинской повинности // Военный сборник. 1915. № 1—3.
- ¹⁶ *Машкин Н. А.* Высшая военная школа Российской империи. М., 1997. С. 225—232.
- ¹⁷ Среди наиболее известных русских этнографов, вышедших из военных статистиков, можно назвать А. Ф. Риттиха, М. И. Венюкова и П. Бобровского. А. Макшеев, кроме учебника по военной статистике, издал несколько статей в трудах Императорского географического общества.
- ¹⁸ *Jersild Austin.* Ethnic Modernity and the Russian Empire: Russian Ethnographers and Caucasian Mountaineers // Nationalities Papers. 1996. № 24(4). P. 641—648, особенно 643, 645; *Brower Daniel.* Islam and Ethnicity: Russian Colonial Policy in Turkestan // Russia's Orient / Eds. Brower and Edward Lazzerini. Bloomington, 1997. О британской Индии см.: *Dirks Nicholas.* Castes of Mind // Representations. 1992. No. 37. P. 56-78; *Barua Pradeep.* Inventing Race: the British and India's Marital Races // The Historian. 1995. No. 58 (1). P. 107—116.
- ¹⁹ *Машкин Н. А.* Высшая военная школа... С. 268—269; *Brower B.* Islam and Ethnicity... P. 122—124.
- ²⁰ Напр.: *Венюков М. И.* Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россиею и Индиею // Сборник государственных знаний. 1878. № 5. С. 58—106; *Тихонов,* капитан. Военное обозрение восточной полосы Семиреченской области. СПб., 1883; *Макшеев А.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения на него русских. СПб., 1890 (в работе есть ссылки на Венюкова как на большой авторитет); *Гирифельд,* капитан. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент, 1902; *Золотарев А. М.* Военно-географический очерк окраин России: Курс военных и юнкерских училищ. СПб., 1903; *Федоров,* полковник. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа: Чжунгарско-Семиреченской приграничный район. В 2 т. Ташкент, 1910; *Стокасимов,* полковник, князь. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа: Ферганский район. Ташкент, 1912. С. 75.
- ²¹ *Золотарев А. М.* Военно-географический очерк окраин России. С. 176—177; *Федоров.* Чжунгарско-Семиреченской приграничный

- район: *Стокасимов*. Ферганский район. С. 113—114.
- ²² *Федоров*. Чжунгарско-семиреченской приграничный район. Ч. 1. С. 98, 76, 163; Ч. 2. С. 32.
- ²³ Туркестанский край (под ред. князя В. И. Мавальского). СПб., 1913; Полное описание нашего отечества / Ред. В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Т. 19. С. 322—323, 358, 365.
- ²⁴ *Кауфман А. А.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: Отчет члена ученого комитета Министерства земледелия Г. И. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб., 1903. Кауфман, естественно, был одним из самых выдающихся статистиков России.
- ²⁵ *Пален К. К.*, граф. Миссия в Туркестан / Ред. Richard Pierce. London, 1964. С. 196, 191 (об увлечении чиновников колонизационных властей военной статистикой см. также с. 181, 189).
- ²⁶ *Федоров*. Чжунгарско-Семиреченской приграничный район. Ч. 2. С. 28—29.
- ²⁷ О восстании см.: *Brower D.* Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Nr. 44 (1). S. 41—53; *Sokol Edward*. The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, 1954; *Pierce Richard*. Russian Central Asia, 1867—1917. Berkeley, 1960. О подавлении восстания см.: *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967; *Сапаргалиев Г.* Карательная политика царизма в Казахстане. Алма-Ата, 1966.
- ²⁸ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. М., 1960. С. 661—663, 668, С. 673, 662, 675. Об эффективности применения пулеметов в горных проходах см.: *Стокасимов*. Ферганский район. С. 73.
- ²⁹ *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. С. 222.
- ³⁰ *Pierce R.* Russian Central Asia. P. 293; *Buttino Marco*. Study of the Economic Crisis and Depopulation of Turkestan // *Central Asia Studies*. 1990. No. 9 (4). P. 59—74.
- ³¹ Восстание 1916 года... С. 99—100, 676—677, 684—687.
- ³² *Brower D.* Kyrgyz Nomads... P. 52.
- ³³ *Золотарев А. М.* Записки военной статистики. Ч. 1. С. 133—134, 137.
- ³⁴ Там же. Ч. 2. С. 31, 92, 163, 275.
- ³⁵ *Золотарев А. М.* Военно-географический очерк окраин России. С. 6, 18, 24—26, 39, 48, 51—52, 55, 57, 63—64, 68, 74.
- ³⁶ *Комаров*, полковник Генерального штаба. Военно-статистическое описание Московской, Владимирской и Нижегородской губерний (район 15-й местной бригады). М., 1895. С. 81—82; *Rogger Hans*. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Berkeley, 1986. P. 69.
- ³⁷ *Domansky E.* Militarization and Reproduction... P. 463; *Eksteins M.* Rites of Spring... P. 70—73.
- ³⁸ О роли первой мировой войны в развитии этоса насилия см.: *Горький Максим*. Несвоевременные мысли. (1917) New Haven, 1995. С. 9—12, 76—77, 128—130, 185, 195—199; *Trotsky Leon*. Terrorism and Communism ([1920]). Ann Arbor, 1961. P. 65—68; *Pethybridge Roger*. The Social Prelude to Stalinism. New York, 1974. Ch. 3; *Plaggenborg Stefan*. Weltkrieg, Bürgerkrieg, Klassenkrieg // *Historische Anthropologie*. 1995. Nr. 3(3). S. 493—505.
- ³⁹ О депортации населения см. в диссертации Эрика Лора (Eric Lohr), которая вскоре будет представлена к защите в Гарвардском университете, а также его доклад на конференции AAASS в Сизтле (ноябрь 1997 г.): *Lohr E.* Deportation, Nationality and Citizenship: Enemy Aliens within Russia during World War I. См. также: *Хелиноаич С. Г.* Репрессии против поданных «центральных держав»: депортации в России // ВИЖ. 1996. № 6. С. 42—52; *Hagen Mark von*. The Great War and the Emergence of Modern Ukrain // *Barnett Richard*. Empires, Nations, Regions: Political Order and Change in the Former Soviet Space (forthcoming).
- ⁴⁰ *Lohr E.* Deportation... P. 1.
- ⁴¹ Об усиленном надзоре за депортированными см.: *Хранилов Ю. П.* Что им за дело до чужих писем, когда брюхо сыто: Военная цензура Вятской губернии в борьбе за победу над германцами // ВИЖ. 1997. № 2. С. 22—29.
- ⁴² Цитирую по: *Lohr E.* Deportation... P. 11.
- ⁴³ *Савченко В. Н.* Восточная Галиция в 1914—1915 годах (этносоциальные особенности и проблема присоединения к России) // ВИ. 1996. № 11—12. С. 95—106 (особенно о роли военной статистики); *Hagen Mark von*. Great War.
- ⁴⁴ Наши агенты от миллионера до наркома // Родина. 1990. № 10. С. 64—68. О белом терроре см.: *Литвин А.* Красный и белый террор в России, 1917—1922 // Отечественная история. 1993. № 6. С. 46—62; *Kenez Peter*. Pogroms and White Ideology in the Russian Civil War // *Pogroms and Anti-Jewish Violence in Modern Russian History* / Eds. John Klier and Shlomo Lambroza. New York, 1992.
- ⁴⁵ *Махров П. С.* В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 288. О расказачивании см.: *Holquist Peter*. Conduct Merciless, Mass Terror: Decossackization on the Don, 1919 // *Cahiers du Monde russe*. 1997. N° 38 (1—2). P. 127—162.
- ⁴⁶ *Koehl R. L.* Colonialism inside Germany: 1886—1918 // *Journal of Modern History*. 1953. No. 25 (3). P. 255—272; *Wertheimer Jack*. The Unwanted Element: East European Jews in Imperial Germany // *Leo Baeck Institute Yearbook*. 1981. Vol. 26.

- ⁴⁷ *Smith Woodruff*. The Ideological Origins of Nazi Imperialism. New York, 1986; *Lindquist S.* Exterminate all the Brutes!
- ⁴⁸ *Strazhas A.* The Land *Ober-Ost* and its Place in Germany's Ostpolitik, 1915—1918 // The Baltic States in Peace and War / Eds. V. Stanelly Vardys and Romuald Misiunas. University Park, 1978. P. 51—52. Об *Ober-Ost* см.: *Liulevicius Vejas*. Warland: Peoples, Lands and National Identity on the Eastern Front in World War One (Ph.D. thesis, University of Pennsylvania, 1994); *Strazhas A.* Deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg: Der Fall Ober Ost, 1915—1917. Wiesbaden, 1993.
- ⁴⁹ *Strazhas A.* Deutsche Ostpolitik... S. 56.
- ⁵⁰ *Strazhas A.* The Land Oberost... S. 51, 58.
- ⁵¹ *Smith W.* Ideological Origins... P. 187—195; *Burleigh Michael*. Germany Turns Eastwards. Cambridge, 1988. P. 11—24.
- ⁵² *Cornwall Mark*. Morale and Patriotism in the Austro-Hungarian Army // State, Society and Mobilization. P. 175—176; *Redlich Joseph*. Austrian War Government. New Haven, 1929. P. 85, 103. О полемике на эту тему см.: Военные преступления Габсбургской монархии, 1914—1917 // Галицкая Голгофа. Львов, 1924—1932; репринт: Trumball, CT, 1964; *Reiss R. A.* Report upon the Atrocities Committed by the Austro-Hungarian Army during the First Invasion of Serbia. London, 1916.
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ На анализ проблемы осведомления меня подтолкнула работа: *Barker Keith*. A Foucauldian French Revolution? // Foucault and the Writing of History / Ed. Jan Goldstein. Cambridge, MA, 1994.
- ⁵⁵ О возникновении осведомления при советской власти см.: *Измозик В. С.* Глаза и уши режима. СПб., 1995; *Он же*. Первые советские инструкции по перлюстрации // Минувшее. 1997. № 21. С. 155—174; *Давидян И.* Военная цензура в России, 1918—1920 // Cahiers du Monde russe. 1997. № 38 (1—2). P. 117—125.
- ⁵⁶ О ежедневных сводках политотдела Южного фронта в 1919 г. см.: РГАФ. Ф. 100, оп. 2, д. 162, 165—166.
- ⁵⁷ Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. Р-97, оп. 1, д. 772, 11. 19—21: перечень № 1 присланных политбюро сводок, в которых отсутствует точная и ясная информация (так подчеркнуто в оригинале).
- ⁵⁸ См.: *Mosse George*. Nationalism of the Masses. Ithaca, 1975. P. 10—11; *Geyer M.* Stigma... P. 92.
- ⁵⁹ *Holquist Peter*. Information is the Alpha and Omega of Our Work: Bolshevik Surveillance in its Pan-European Perspective // Journal of Modern History. 1997. No. 69. P. 415—450. Кейт Баркер замечает по поводу французской монархии, что «в программе просвещенного абсолютизма в последний период старого режима можно увидеть точную модель замены самодержавной власти системой осведомления», хотя во Франции, во многом так же, как и в России до начала тотальной войны, традиционный политический строй не позволял новой форме власти полностью реализовать свои возможности. (*Barker Keith*. A Foucauldian French Revolution... P. 204).
- ⁶⁰ О «Временном положении...» см.: *Авербах О. И.* Законодательные акты, вызванные войною 1914 г. Вильна, 1915. С. 17—39. О военных инструкциях, определявших ответственных за работу управлений цензуры, см.: Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914. Статьи 118, 126, 516. О военной цензуре см.: *Лемке М.* 250 дней в царской ставке. СПб., 1920; *Хранилов Ю. П.* Что им за дело... С. 22—29; *Протасов Л. Г.* Важный источник по истории революционного движения в царской армии перед Февральской революцией // Источниковедческие работы. Т. 1. Тамбов, 1970; *Вахрушева Н. А.* Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915—1917) // Октябрь в Поволжье и Приуралье. Казань, 1972.
- ⁶¹ *Хранилов Ю. П.* Что им за дело... С. 28.
- ⁶² *Давидян И.* Военная цензура... С. 118.
- ⁶³ *Хранилов Ю. П.* Что им за дело... С. 24.
- ⁶⁴ *Протасов Л. Г.* Важный источник... С. 8—9; *Хранилов Ю. П.* Что им за дело... С. 28—29; *Горький Максим*. Несвоевременные мысли (1917). New Haven, 1995. С. 195. Немецкие и английские солдаты также знали, что их почту читают (*Ulrich Bernd*. Feldpostbriefe im Ersten Weltkrieg: Bedeutung und Zensur // Kriegsalltag / Ed. Peter Koch. Stuttgart, 1989. S. 49, 62; *Eksteins M.* Rites of Spring... P. 147).
- ⁶⁵ *Мирюлюбов А.* Документы по истории департамента полиции периода первой мировой войны // Советские архивы. 1988. № 3. С. 80—83.
- ⁶⁶ О сводках, составленных Министерством внутренних дел и армией, см.: *Holquist P.* Information... P. 427—429.
- ⁶⁷ Война и Костромская губерния (по данным анкеты статистического отделения). Кострома, 1915. С. 66—77, 141—142.
- ⁶⁸ Об этих и других мерах см.: *Jan Hubertus*. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca, 1995.
- ⁶⁹ *Кривцов Е.* Книга и газета на войне // Военный сборник. 1915. № 11. С. 85—92. См. также: Война и костромская губерния... С. 73—76.
- ⁷⁰ *Славенсон В.* Современный плакат // Русская мысль. 1917. № 38 (3—4). С. 81—94.
- ⁷¹ *Siegelbaum Lewis*. The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914—1917. New York,

- 1983; *Galili Ziva*. The Menshevik Leaders in the Russian Revolution. Princeton, 1989; *Strikes, Social Conflict and the First World War: an International Perspective* / Eds. Leopold Haimson and Giulio Sapelli. Milan, 1992; *Stanziani Alessandro*. Specialistes, bureaucrates et paysans: Les approvisionnements agricoles pendant la Première Guerre Mondiale, 1914—1917 // *Cahiers du Monde Russe*. 1995. N° 36. P. 71—94; *Gatrell Peter*. «Refugees» // *Critical Companion to the Russian Revolution*; *Zipperstein Steven*. The Politics of Relief: The Transformation of Jewish Communal Life during the First World War // *Jews in the Eastern European Crisis* / Ed. Jonathan Frankel. Oxford, 1988.
- ⁷² *Holquist P.* Information... P. 438—443.
- ⁷³ *Bruntz George*. Allied Propaganda and the Collapse of the German Empire in 1918. Stanford, 1938. Ch. 7.
- ⁷⁴ *Militar und Innenpolitik* / Ed. William Deist. 2 vols. Düsseldorf, 1970. Bd.1. P. 378—379; *Deist W.* Censorship and Propaganda in Germany during the First World War // *Becker Jean-Jacques and Audoin-Rouzeau Stephane*. Les Societes europeenes et la guerre de 1914—1918. Paris, 1990.
- ⁷⁵ *Ludendorff, General*. The Nation at War / Trans. A. S. Rappoport. London, [n.d.] (перевод книги «Der Totale Krieg» [1935]). Chs. 1—2. О распространении и значении терминов «тотальная мобилизация» и «тотальная война» см.: *Gleason Abbot*. Totalitarianism. New York, 1995. Ch. 1.
- ⁷⁶ *Barkhausen Hans*. Filmpropaganda für Deutschland im Ersten and Zweiten Weltkrieg. Hildesheim, 1982; *Kreimeier Klaus*. The UFA Story. New York, 1996. Chs. 1—4. О связи между войной (особенно Первой мировой войной) и кино см.: *Virilio Paul*. War and Cinema: The Logistics of Perception. New York, 1989.
- ⁷⁷ См., напр.: *Верховский А.* Пропаганда как боевое средство // Военный вестник. 1924. № 3; *Зуев Д.* Газета во время войны // Военная мысль и революция. 1924. Кн. 3. С. 11—25; *Блюменталь Ф.* Буржуазная политработа в мировую войну. М; Л., 1928; *Алярицкий Ю., Семешевский С.* Пропаганда в армиях империалистов. М., 1931.
- ⁷⁸ Март—май 1917 // Красный архив. 1926. № 15. С. 30—60.
- ⁷⁹ *Holquist Peter*. Anti-Soviet Svodki from the Civil War // *Russian Review*. 1997. № 56 (3). P. 445—450.
- ⁸⁰ Документы губернского архива о Гражданской войне в СССР // Отечественные архивы. 1992. № 1. С. 63—66. Подобные материалы см. также: Wrangel Military Archive. Hoover Institution, box 38, folder 18.
- ⁸¹ Из документов белогвардейской контрразведки // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 341—342. Сходное определение своих задач Донским отделом информации см.: Донской край. 1918, 14 мая. Экштейнс отмечает, что на Западе также «пропаганда шла в двух направлениях» (*Eksteins M.* Rites of Spring... P. 181).
- ⁸² *Holquist P.* Information... P. 433—438. Об использовании ОСВАГ агитпоездов и агитационных кинофильмов см.: *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника // Минувшее. 1996. № 20. С. 565—566, 587, 595—601. Амфитеатров-Кадашев был в ОСВАГ руководителем отдела кино.
- ⁸³ *Аннинский Л.* Кровь обагрила — смерть победила // Родина. 1996. № 9. С. 10—14.
- ⁸⁴ *Махров П. С.* В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 281—286.
- ⁸⁵ О Скобелевском комитете см.: *Jahn H.* Patriotic Culture in Russia during World War I. P. 151—169. Как и в России, немецкая киноиндустрия была впоследствии втянута в революцию (*Kreimeier K.* The UFA Story. Ch. 4).
- ⁸⁶ *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника... С. 575—576. О более позднем применении методов Тейлора советскими чиновниками см.: *Sites Richard*. Revolutionary Dreams. New York, 1989. Ch. 7.
- ⁸⁷ Об «Азбуке» см.: *Kenez Peter*. The Civil War in Southern Russia, 1919—1920. Berkeley, 1977. P. 65—78; К истории осведомительной организации «Азбука» // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 160—193.
- ⁸⁸ *Амфитеатров-Кадашев В.* страницы из дневника... С. 597—598.
- ⁸⁹ *Eksteins M.* Rites of Spring. P. 184, 237; *Geyer M.* Stigma; *Domansky E.* Militarization and Reproduction. Готовящаяся к защите диссертация Джоша Санборна (Josh Sanborn) «Empire, Nation and the Man» (University of Chicago) предлагает новаторский подход к проблеме взаимосвязи между насилием и мужским началом в России в период с 1905 по 1926 год. «Конармия» Исаака Бабеля (особенно рассказы «Гедали» и «Соль») показывает, как даже во время Гражданской войны в России люди стали наделять насилие положительными характеристиками.

Б. В. Ананьич

РОССИЙСКАЯ БУРЖУАЗИЯ НА ПУТИ К «КУЛЬТУРНОМУ КАПИТАЛИЗМУ»

В последний день февраля 1915 г. скончался С. Ю. Витте. В середине марта в собрании Императорского русского технического общества состоялось заседание, посвященное памяти этого государственного деятеля. Среди многочисленных выступлений выделялась речь В. В. Жуковского, товарища председателя Совета съездов представителей промышленности и торговли. Он использовал возможность говорить в свободной и неофициальной манере, чтобы продемонстрировать свое понимание судеб и задач российского предпринимательства. Жуковский назвал Витте «просвещенным абсолютистом в области капитализма», «убежденным сторонником капиталистического развития», «творцом в России государственного капитализма». Оратор был убежден, что, если бы Витте стоял не во главе государственного хозяйства, а «во главе хозяйства частного, то это был бы, несомненно, исключительный директор-распорядитель, гений дивиденда, американский организатор крупного капитализма». Однако и с государственным хозяйством, «государственным сундуком» Витте обращался как с хозяйством частным, и «как гениальный директор-распорядитель во главе государственного хозяйства» он оказывал влияние на всякое частное хозяйство. Жуковский видел основную заслугу Витте в том, что тот «призывал торгово-промышленный класс ко всякого рода интеллектуальной работе, допускал торгово-промышленные организации, поддерживал их внутреннюю жизнь и клал тем самым основание для выработки классового самосознания, обобщающего не только уровень своих интересов, но и некоторые общегосударственные взгляды в этом классовом русском капитализме». До Витте, «до его деятельности», по мнению Жуковского, существовало «колоссальное расхождение между сферами русской интеллигенции и сферами русской практической жизни». Хотя это расхождение преодолеть не удалось и «русская интеллектуальная жизнь стоит довольно далеко от жизни деловой и, обратно, жизнь деловая не проникается жизнью интеллектуальной, — рассуждал Жуковский, — тем не менее в эпоху именно Витте „началось“ некоторое взаимодействие и проникновение этих двух сфер», в частности, благодаря экономической публицистике и экономическим съездам.

В. В. Жуковский призывал способствовать продолжению этого процесса, объясняя, что для «дальнейшего развития производительных сил страны» необходимо «взаимодействие *капитала ума и капитала денег*». Жуковский называл Витте

созидателем и основателем «новой экономической России», хотя допускал, что Витте сам ясно не сознавал, «что такое он сделал, какую страну выковал ударами своего творческого кулака».¹

Речь Жуковского в марте 1915 г. во многих отношениях знаменательна. Прежде всего в словах признанного лидера российского делового мира отразился уровень того самого «классового самосознания», формированию которого, по словам Жуковского, способствовал С. Ю. Витте и которого достигла в разгар Первой мировой войны деловая элита империи. Из сказанного Жуковским несомненно следовало, что российская буржуазия готова была взять на себя ответственность за развитие производительных сил России и была озабочена созданием общества «культурного капитализма», основанного на союзе интеллекта и капитала. Вместе с тем и оценка деятельности Витте, и осознание Жуковским роли государственного начала в формировании российской буржуазии свидетельствовали о ее прочной генетической связи с властью, государственным хозяйством и его традициями.

Для России, страны, с опозданием вступившей на путь модернизации своей экономики, характерно было форсированное развитие промышленности за счет государственного вмешательства и регулирования. Это отразилось на характере взаимоотношений представителей делового мира страны с властью, на их взглядах. Патронаж власти над российским предпринимательством до определенного времени способствовал накоплению капиталов, развитию предпринимательства, но сдерживал свободное развитие российской буржуазии, ограничивал ее политическую инициативу и наложил определенный отпечаток на ее облик. Значительная часть буржуазии составила свой первоначальный капитал благодаря правительственной политике откупов, казенному железнодорожному строительству, в особенности стратегического назначения, правительственным заказам, поставкам армии в периоды военных действий. В несколько особом положении находилась только старообрядческая буржуазия. Она составила первоначальный капитал, как правило, в результате торговых операций, была менее зависима от правительства и даже изначально оппозиционно настроена по отношению к нему, так как подвергалась преследованиям за свои религиозные убеждения.

За сравнительно короткий отрезок времени российский буржуа проделал чрезвычайно быструю эволюцию. Вчерашние откупщики, мелкие железнодорожные подрядчики превратились во влиятельных владельцев банкирских домов, директоров акционерных банков или компаний часто с довольно развитыми международными связями. Этому способствовали реформы 1860-х гг., создание акционерных банков в период 70—80-х гг., бурное железнодорожное строительство, особенно в период промышленного подъема 90-х гг., приток иностранных капиталов, сотрудничество представителей делового мира России со своими западными партнерами, реформы конца XIX и начала XX в. Однако в этом процессе эволюции российской буржуазии особенно заметными вехами стали события 1905—1907 гг. и Первая мировая война. На фоне экономической и политической нестабильности, с одной стороны, и реформ, вызванных революционным движением 1905—1906 гг., русская буржуазия начинает впервые проявлять активный интерес к проблемам развития производительных сил страны, используя печать и общественный интерес к этой проблеме.

Российская традиция до появления объединенного правительства состояла в том, что министры, как правило, готовили программы государственных преобра-

зований в пределах вверенного им ведомства. Только министры внутренних дел могли позволить себе, ввиду особой роли этого министерства в России, выступать с программами общеимперского характера. После реформ 1860-х гг. и особенно после создания в России системы акционерных банков возросла роль Министерства финансов. Министры финансов наряду с министрами внутренних дел начали претендовать на первые роли в управлении государственным хозяйством и выступать с проектами социально-экономических преобразований. Это стало уже совершенно очевидным в период пребывания на посту министра финансов Н. Х. Бунге. Провозглашенный правительством Александра III в начале 1880-х гг. курс на развитие национальной промышленности неизбежно повлек за собой серию социально-экономических реформ, предусматривавших не только отмену подушной подати, но и введение фабричной инспекции и рабочего законодательства. Примечательно, что реформы Бунге по времени совпали с распространением в Германии идеологии так называемого «государственного социализма». Влияние политики О. Бисмарка, а также идей «государственного социализма» на рабочее законодательство Бунге мне представляется несомненным. Впрочем, в российских условиях идеи «государственного социализма» трансформировались в политику, получившую название «зубатовщины». Как известно, Н. Х. Бунге был первым русским министром финансов, изложившим свою концепцию государственного развития России в специальной записке. Она получила название «загробной», и работу над ней Бунге завершил уже на посту председателя Комитета министров. Программа государственных преобразований социально-экономического характера получила дальнейшее развитие в серии записок на имя императора, подготовленных С. Ю. Витте в период его пребывания на посту министра финансов. Эта программа приобрела характер «системы». Она предусматривала ускоренное промышленное развитие России в течение двух пятилетий и затрагивала не только широкий круг внутривнутриполитических, но и внешнеполитических проблем. «Система» Витте была последней государственной программой общеимперского характера, рассчитанной на длительный срок и имевшей законченный характер. Политика преемников Витте на посту министра финансов не отличалась уже новаторством и определялась в основном требованиями момента, она не имела признаков «системы». После Первой русской революции в правительственных сферах и в публицистике началась полемика по поводу предпочтительности сельскохозяйственного или промышленного пути развития России. С этого времени инициатива обсуждения развития экономики, производительных сил России переходит из правительственных сфер к общественным организациям российской буржуазии.

Русско-японская война и революция способствовали консолидации деловых кругов России и учреждению в 1906 г. Совета съездов представителей торговли и промышленности, активному обсуждению на съездах предпринимателей и на страницах связанной с предпринимательскими кругами печати проблем будущего социально-экономического развития России. Опыт Германии и политика «государственного социализма» О. Бисмарка вызывала интерес в среде русских предпринимателей и экономистов. В конце 1905 г. сторонником «государственного социализма» выступил известный экономист профессор П. П. Мигулин. Он опубликовал в петербургской газете «Слово» серию статей, содержащих программу финансовых и экономических преобразований. «На сцену выступает открыто идея государственного социализма, — писал П. П. Мигулин, — поднима-

ется вопрос о лучшем и более справедливом распределении накопленных и накапливаемых богатств путем полного изменения принципа обложения... конфискации в пользу государства незаслуженной прибыли, ренты (в широком ее понимании) и увеличение расходов государства, направленных на развитие народного образования и подъем благосостояния народных масс».² По мнению Мигулина, развитию экономики и финансов России должно было способствовать создание центральных промышленного, а также сельскохозяйственного банков. В начале ноября 1905 г. Мигулин, хотя весьма резко критиковал на страницах газеты «Слово» экономическую политику Витте, все-таки обратился к нему с простран- ным письмом. Мигулин настаивал на том, чтобы правительство немедленно приняло программу «социально-экономических реформ». «Путь государственного социализма для вас не новость, — писал он Витте, — ибо вы следовали ему в значительной степени уже в бытность министром финансов. Этому пути следовал неуклонно и князь Бисмарк, затормозивший тем самым и обезвредивший германскую социал-демократию». Мигулин считал, что Манифест 17 октября «был составлен крайне неудачно и понят массой крестьянства, как призыв на выручку царя, власть которого хотят ограничить „господа“. Отсюда бить „господ“, а к стати евреев и студентов, в результате чего земля будет отдана царем в благодарность крестьянам». Мигулин призывал «немедленно», еще до созыва Думы издать высочайший манифест о даровании крестьянам дополнительных наделов и считал необходимым частичное отчуждение помещичьих земель.³

Взгляды Мигулина были близки либерально настроенным представителям предпринимательских кругов и членам кадетской партии, может быть, ее правого крыла. Мигулин считал возможным реализацию программы «государственного социализма» только после созыва Думы и при известных переменах в системе государственного управления, ее демократизации.

Идеи «государственного социализма» и опыт Германии привлекали внимание других ученых экономистов России. В 1911 г. М. В. Бернацкий (будущий министр финансов Временного правительства последнего состава), известный специалист в области денежного обращения, преподаватель Политехнического института в Петербурге, опубликовал монографию «Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка». В этом исследовании Бернацкий пришел к выводу, что «на опыте Бисмарка потерпел крах „государственный социализм“ как утопическая система создания социальной монархии». Однако Бернацкий констатировал присутствие «здорового государственного социализма» в общественной экономической жизни и писал, что «условием его роста и залога успеха является демократичность и прогрессивность в противовес авторитарности и консерватизму немецких социальных политиков».⁴

В период предвоенного промышленного подъема представители деловых кругов России и связанные с ними публицисты все чаще стали обращаться в правительственные сферы с призывами устранить препятствия для свободного развития производительных сил России и, в частности, отменить законодательство, ограничивавшее участие в предпринимательской деятельности лиц иудейского вероисповедания. В марте 1910 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли подал специальную записку в Совет министров с требованием по крайней мере отложить распространение действия на коммерческие учебные заведения циркуляра Министерства торговли и промышленности от 6 ноября

1909 г., устанавливавшего 5% норму для приема учащихся иудейского вероисповедания в столичные учебные заведения и 10% — в учебные заведения других местностей. В докладной записке отмечалось, что учреждение и содержание коммерческих учебных заведений «было возможно лишь при условии широкого участия в нем лиц иудейского вероисповедания, детям которых, лишенным доступа в другие учебные заведения, было уставом разрешено поступать в коммерческие училища при соблюдении нормы в 50% в большинстве заведений». «Благодаря такой постановке приема евреев в коммерческие училища, — подчеркивалось в записке, — главные средства на содержание училища доставлены и доставляются евреями, без участия которых в расходах существование многих училищ немислимо».⁵

В октябре 1912 г. Общество заводчиков и фабрикантов Московского района обратилось в Совет министров и одновременно апеллировало к Совету съездов, «как органу представителей всего русского торгово-промышленного класса, для которого не существует и не может существовать вероисповедных и партийных перегородок», с призывом отменить закон о черте еврейской оседлости.⁶

Еврейский вопрос стал центральным в экономической программе, выдвинутой в самом начале Первой мировой войны И. Х. Озеровым, профессором права и политической экономии Московского университета, членом Государственного совета по выборам от императорских университетов и Академии наук, крупным предпринимателем, членом правлений целого ряда банков и акционерных обществ.

Программа Озерова предусматривала прежде всего освобождение российского предпринимательства от пут, которые его связывали. В первых числах сентября 1914 г. Озеров обратился со специальной запиской к Николаю II. «Умоляю Вас, государь, — писал Озеров, — о снятии тормозов с развития производительных сил страны». Он призывал изменить отношение к предпринимательству: «У нас... слово коммерсант считается чуть ли не бранным», — жаловался он. Озеров требовал, чтобы правительство содействовало созданию условий для пропаганды предпринимательства в печати, приучению публики к дивидендным бумагам и покончило с волокитой, препятствовавшей открытию новых акционерных предприятий. «Последнее время русские люди стали учреждать эти предприятия на английской и французской территории по законам тех стран, — писал Озеров, — для чего здесь нужно 6—9 месяцев, а то и более, а там то же самое можно за несколько дней».⁷ Озеров призывал к орошению пригодных для хлопководства земель, созданию сырьевой базы для текстильной промышленности. Он пытался убедить Николая II отменить существовавшие ограничения для еврейского населения империи. «Неужели народ в 170 млн. населения не переварит в себе 7 миллионную массу еврейского населения, — писал Озеров. — Евреи — хорошие банкиры, коммивояжеры... При правильной политике в этом вопросе люди разных национальностей сливаются воедино. Соединенные Штаты, как большой тигель переплавляет лиц, въезжающих к ним, в одно целое. Так и у нас при другой политике не будет национальной и расовой розни».⁸ Именно в Соединенных Штатах Америки, где выработался «тип промышленника, который работает как художник», Озеров видел образец, достойный подражания. Озеров считал, что русским «нужно сделать себе американскую прививку и создать кадры... новых людей», способных развивать производительные силы страны.⁹

Едва ли предложения И. Х. Озерова могли тронуть сердце Николая II. Слишком чуждыми были они представлениям русского императора о будущем страны и монархии. На записке Озерова осталась только помета министра финансов П. Л. Барка: «2 сентября, возвращена 5 сентября 1914 г.» и никаких других следов. Что же касается Барка, то он не мог не понимать значения и важности предложений Озерова. Во всяком случае уже в эмиграции Барк признавал, что еврейский вопрос наряду с аграрным «не были окончательно разрешены» и «давали пищу для революционных стремлений».¹⁰

В 1915 г. Озеров со своими предложениями апеллировал к общественности, опубликовав книгу «На новый путь! К экономическому освобождению России». Одна из ее глав была специально посвящена сближению России с Соединенными Штатами. Озеров призывал «одеть» Россию в «американский костюм» и сулил огромные выгоды от сближения России и Америки. Он надеялся на некоторую «американизацию» методов привлечения капиталов в Россию, на то, что сближение между США и Россией будет способствовать укреплению союза Англии, России, США и Франции и мира в Европе».¹¹

Хотя идея американизации российской экономики была довольно распространена в экономической литературе периода Первой мировой войны, нельзя сказать, что она встречала единодушное одобрение в деловых кругах России. Например, такие видные представители старообрядческого предпринимательства, как Рябушинские, связывали свои надежды с возрождением после войны Европы и видели в США опасного соперника. В экономической публицистике продолжались споры о том, «суждено ли России шествовать по пути промышленного развития или у нее, в отличие от „гнилого“ Запада, своя „особенная стая“».¹² Так, М. И. Туган-Барановский писал в апреле 1916 г. в газете «Речь»: «Америкой мы никогда не станем... основой благосостояния России всегда останется сельское хозяйство».¹³

Однако в чем деловой мир России был более или менее единым, так это в требовании к правительству обозначить и поддержать программу развития производительных сил страны. Особая роль в этой кампании принадлежала, разумеется, Совету съездов представителей промышленности и торговли и его руководителям, в частности В. В. Жуковскому.

Еще в 1911 г. на очередном съезде представителей промышленности и торговли Жуковский достаточно ясно определил задачи торгово-промышленных кругов. «Мы обязаны думать об общем положении страны, — говорил он. — Мы обязаны проявлять известное свое сознательное отношение к народным задачам, мы должны стараться быть сами частью мозга страны, мы не можем отказаться от идейной работы... Богатство народа зиждется не только на земле, не только в фабриках, не только в деньгах, но может быть, главным образом в известных нравственных устоях и идейных вкладах. И вот в этом отношении торгово-промышленному классу надо проявлять свою работу, свою мысль, свое сознание. И с этого момента, когда нам удалось объединиться, мы вправе и выступать и стремиться к настоящей государственной программе с нашей торгово-промышленной точки зрения, как синтеза наших практических интересов и наших идейных взглядов».

В самый канун войны, в июле 1914 г., Совет съездов представителей промышленности и торговли подал в Совет министров записку, содержащую предложение о созыве Особого совещания для обсуждения мер к развитию произво-

дительных сил России. В мае 1915 г. к девятому съезду представителей промышленности и торговли был разработан и опубликован доклад председателя Совета съездов Н. С. Авдакова об учреждении высшей экономической комиссии (по образцу Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, созданного в 1902 г. С. Ю. Витте), опять же для обсуждения мер к развитию производительных сил страны. 15 декабря 1915 г. Финансовая комиссия Государственного совета высказалась за созыв «Особого совещания под председательством лица, назначенного высочайшей властью, с участием членов законодательных установлений, подлежащих министрам, а также представителей науки и деятелей в области торговли, промышленности и сельского хозяйства».¹⁴

В начале 1916 г. в общественных организациях российской буржуазии была подготовлена докладная записка в Совет министров за подписями председателя Совета съездов биржевой торговли и сельского хозяйства В. И. Тимирязева и товарища председателя Совета съездов представителей промышленности и торговли В. В. Жуковского «Об учреждении экономического совещания» для выработки программы «ликвидации всех военных потерь и развития производительных сил страны». В записке подчеркивалось, что «война обнаружила громадные недочеты в хозяйственном строе России и глубоко потрясла устой ее экономической жизни... Вместе с тем она чрезвычайно ускорила процесс экономического созревания России и создала столь острый спрос на новый порядок, что скорейшее удовлетворение этого спроса со стороны государственной власти представляется необходимым во избежание весьма серьезных осложнений».

Совет съездов видел выход из положения в коллективном решении стоящих перед страной задач, в согласованных действиях правительственных и общественных сил. В записке отмечалось, что совещанию необходимо придать «официальный правительственный, но отнюдь не ведомственный характер». Совет съездов считал необходимым выработку «целой, стройной системы хозяйственных реформ в духе широкой общественной свободы», и вместе с тем «в духе активности государства».¹⁵ Этот документ, исходивший от буржуазных общественных организаций, несомненно отражал качественно новый этап в отношениях между правительством и российской буржуазией. Она претендовала на равные права с правительством в решении судеб развития отечественной экономики и на первую роль в определении курса на развитие производительных сил. В представлении В. В. Жуковского государству должна была принадлежать роль не столько «хозяина», сколько «воспитателя нового экономического духа», государство должно было «вести политику покровительства народному труду, народному капиталу и народному земледелию».¹⁶

Основные идеи поданной в Совет министров в начале 1916 г. В. И. Тимирязевым и В. В. Жуковским записки стали предметом оживленного обсуждения в печати, связанной с общественными организациями российской буржуазии, в частности в журналах «Промышленность и торговля» и «Новый экономист». На страницах «Нового экономиста» с пропагандой идеи «государственного социализма» вновь выступил П. П. Мигулин. Еще с самого начала войны, когда правительство в результате антиалкогольной кампании не досчиталось 200 млн. рублей, которые предполагалось израсходовать на военные нужды, Мигулин последовательно начал проводить идею введения государственных монополий на сахар, чай и другие продукты. 13 февраля 1916 г. он выступил со статьей «Вопрос о финансовых преобразованиях» и подвел в ней итог своим проектам

введения государственных монополий. Мигулин считал, что именно монополии должны были обеспечить условия для развития производительных сил страны. Он предлагал ввести ряд монополий «социального характера», т.е. не имевших фискального значения. К ним он относил железнодорожную монополию. Государство должно было взять на себя дальнейшее сооружение железных дорог «с устранением от этого дела частных лиц» и направить «предприимчивость частных капиталов и коммерческих банков» в развитие металлургии для производства стали, в которой нуждалось железнодорожное строительство, обеспечив эту отрасль промышленности казенными заказами. Второй монополией «социального характера» должна была стать «банковская». Предусматривалось расширение деятельности государственных кредитных учреждений. Государственный банк должен был быть реформирован, Крестьянский и Дворянский банки превращены в бессловесный ипотечный банк монопольного характера, Касса земского и городского кредита обращена в банк с гораздо более широкими задачами. Кроме того, должны были быть учреждены новые казенные банки: сельскохозяйственный для регулирования хлебной торговли и промышленный. Все эти кредитные учреждения, по замыслу Мигулина, должны были «сыграть громадную роль в деле подъема экономического благосостояния страны, в деле увеличения государственных доходов без обременения населения новыми налогами». Третьей «социальной монополией» должна была стать страховая: предусматривалось введение обязательного страхования. И, наконец, четвертой — «монополия движущей силы и ее источников». Государство должно было сосредоточить в своих руках регулирование добычи угля и нефти и цен на них, торф и «водная сила» должны были быть объявлены собственностью государства и использованы в целях электропередачи.¹⁷

Остальные монополии должны были носить чисто фискальный характер. Предусматривалась монополизация государством торговли чаем, кофе, сахаром-рафинадом и виноградным вином, керосином и некоторыми другими товарами. Мигулин утверждал, что «введение фискальных монополий косвенным образом должно было способствовать развитию производительных сил страны», «регулируя производство и цены на продукты массового потребления» и «направляя капиталы и предприимчивость частных лиц от собирания в свою пользу налогов... на производительную деятельность, государству не свойственную».¹⁸ Эта грандиозная программа государственных преобразований хотя и предусматривала в первую очередь выход страны из критического положения, несомненно должна была иметь долгосрочный характер и, в случае ее принятия, определила бы и общее направление экономического и социального развития России в послевоенный период. Вопрос о введении государственных монополий активно обсуждался в печати с начала Первой мировой войны. Статья П. П. Мигулина дала новый толчок дискуссиям вокруг этого проекта. Среди экономистов, связанных с финансовой комиссией при Совете съездов промышленности и торговли, к нему относились сочувственно, хотя и не разделяли многие его положения. К работе в Финансовой комиссии в 1916 г. были привлечены профессора петроградского Политехнического института М. В. Бернацкий и М. Х. Фридман, а затем А. И. Буковецкий, И. М. Кулишер, М. И. Боголепов. Им было поручено заняться пересмотром всей системы налогов с целью поиска новых источников доходов, а также подготовить программу развития производительных сил России в послевоенный период. Активную роль в этой группе стал играть М. В. Бернацкий, заяв-

лявший, что Россия должна стремиться к «культурному капитализму». М. В. Бернацкий не отрицал возможности введения государственных монополий «в некоторых отраслях хозяйственной жизни» (заметим, что в 1917 г. он сделал попытку как министр финансов Временного правительства ввести монополию на продажу сахара), однако он считал, что «будущее русского народного хозяйства надо рисовать „культурно-буржуазным“, а не „государственно-капиталистическим“ или „социалистическим“». России еще надо пройти «школу капитализма».¹⁹ Эту мысль Бернацкий развил в своей статье «Правительственный надзор над коммерческими банками», опубликованной в майском номере журнала «Промышленность и торговля» за 1916 г. «Нельзя, конечно, отрицать, — писал он, — что по мере объединения финансового капитала с европейской хозяйственной жизнью все резче проявляются тенденции к расширению экономических функций правительства, однако менее всего в проектировании русских норм можно ссылаться на эти новые явления, которые на наш взгляд знаменуют собой глубокий внутренний процесс (усиление публично-правового элемента). Нам же в России надо еще „построить капитализм“ широкого масштаба и „культурного характера“».²⁰

В самом конце октября 1916 г. Бернацкий подготовил в финансовой комиссии Совета съездов доклад «К вопросу об условиях развития производительных сил России». Он предусматривал проведение «планомерной и рациональной экономической политики», «составление плана экономического строительства» самостоятельного развития России «в рамках культурного сотрудничества с дружественными нациями». Одна из задач народного хозяйства России, «культурного капитализма» была определена как необходимость «не мириться с пережитками натуральной экономики, в том числе в области сельского хозяйства». В докладе намечалась целая серия реформ, многие из которых содержались и в проектах П. П. Мигулина. В частности, предусматривались реформа банковского законодательства и превращение Государственного банка в независимое эмиссионное учреждение, возвращение к золотому стандарту, обеспечение нужд промышленного кредита, установление основ «разумного протекционизма», реформа «экономического законодательства», пересмотр рабочего законодательства, введение программы научно-технического образования для рабочих, поощрение и развитие кооперации, налоговая реформа, введение монополии «водной силы», борьба с «мародерством, с роскошью неожиданно обогатившихся» и т. д.²¹

М. В. Бернацкий продолжал разработку своих проектов после февраля 1917 г. в «Комиссии по развитию производительных сил России», созданной Временным правительством. В сентябре 1917 г. он занял пост министра финансов в последнем составе Временного правительства и, казалось бы, получил возможность осуществить на практике программу построения «культурного капитализма». Однако отведенный для этого срок оказался слишком коротким. В октябре 1917 г. на пути российской буржуазии к «культурному капитализму» возникло препятствие, которое она уже не смогла преодолеть.

Как же должен был выглядеть «культурный капитализм» в России? Ответ на этот вопрос — одна из непростых загадок прошлого. Свое решение этой загадки предложила американский историк Рут Руза, посвятившая много лет изучению истории буржуазных общественных организаций в России. Она пришла к выводу, что «русское общество под началом представителей своего делового класса в XX столетии скорее имело бы значительно больше общего с умеренным сканди-

навским социализмом, итальянским синдикализмом 1920-х годов, авторитарным правлением в Польше и прибалтийских странах между двумя войнами, или с типом промышленной организации, которая возникла в послевоенной Германии, нежели с открытым, основанным на конкуренции обществом, которое стало американским идеалом».²² Так это или нет, но одно несомненно: роль государственного начала в экономическом развитии России при любых ее вариантах оставалась бы если не решающей, то очень значительной в соответствии с социально-экономическими традициями страны и историей формирования ее предпринимательского класса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГИА, ф. 32, оп. 1, д. 146, л. 10—11.

² *Мигулин П. П.* Наша финансовая программа // Слово. 1905, 14 (27) октября

³ П. П. Мигулин — С. Ю. Витте. 2 ноября 1905 г. Библиотека редкой книги и рукописей Колумбийского университета. Коллекция Витте. Вох. 5.

⁴ *Бернацкий М. В.* Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб., 1911. С. 111.

⁵ РГИА, ф. 32, оп. 1, д. 149, л. 33—34.

⁶ Там же, л. 55.

⁷ Всеподданнейшая записка И. Х. Озерова 2 сентября 1914 г. РГИА, ф. 560, оп. 38, д. 191, л. 109—111, 116—117.

⁸ Там же, л. 115.

⁹ Там же, л. 109—111.

¹⁰ *Ганелин Р. Ш.* Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 г. // Вестник еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14).

¹¹ *Озеров И. Х.* На новый путь! К экономическому освобождению России. М., 1915. С. 294—296.

¹² *Кваша Гр.* О промышленном будущем России // Промышленность и торговля. 1916, 14 апреля. № 12 (214).

¹³ Речь. 1916. 2 апреля.

¹⁴ РГИА, ф. 1158, оп. 1, 1916, д. 36, л. 187. Подробнее см.: *Флоринский М. Ф.* Кризис государ-

ственного управления в России в годы первой мировой войны. Л., 1988. С. 64—71.

¹⁵ РГИА, ф. 32, оп. 1, д. 149, л. 238—245. См. также: *Флоринский М. Ф.* Указ. соч. С. 80—92.

¹⁶ *Гливиц И.* Политико-экономические взгляды В. В. Жуковского // Промышленность и торговля. 1916, 22 октября. С. 306—309.

¹⁷ *Мигулин П. П.* Вопрос о финансовых преобразованиях // Новый экономист. 1916, 13 февраля. № 7.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Бернацкий М. В.* Предпосылки «экономической программы» // Промышленность и торговля. 1916, 30 января. № 5. С. 121—124.

²⁰ *Бернацкий М. В.* Правительственный надзор над коммерческими банками // Промышленность и торговля. 1916, 14 мая. № 19 (221).

²¹ *Бернацкий М. В.* К вопросу об условиях развития производительных сил России (краткое содержание общей записки на данную тему в намечаемом Финансовой комиссией издании). 31 октября 1916 г. РГИА, ф. 32, оп. 1, д. 1853, л. 17—18. См. также: *Бернацкий М. В.* Основные задачи финансовой политики после войны. Январь 1917. РГИА, ф. 32, оп. 1, д. 1854, л. 1—2.

²² *Roosa Ruth.* AmEnde. Russian Industrialists in an Era of Revolution: The Association of Industry and Trade, 1906—1917. New York, 1997. P. 160.

Питер Гетрелл

БЕЖЕНЦЫ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛА В РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«О чем тут плакать, когда вокруг так много интересного?»¹

«А как беженцы живут на местах? Голодают, ходят голыми, живут в кошмарных условиях и в такой нищете, что гонят жен и дочерей на панель».²

«История, которая могла бы начаться и в другом месте»³

Настоящий доклад — часть более обширного труда, посвященного проблемам перемещенных лиц, беженства и распределения социальных ролей в период Первой мировой войны.⁴ Я предлагаю его вниманию коллег, с одной стороны, для того чтобы спасти от исторического забвения миллионы беженцев — мужчин, женщин и детей, а с другой — чтобы обратить внимание историков на Первую мировую войну в России с точки зрения проблемы полов, т. е. того, в какой степени в период беженства оказались важными понятия свойственного и несвойственного поведения с точки зрения традиционных мужских и женских социальных ролей и поведенческих норм.

В этой связи необходимо сделать несколько предварительных замечаний о нашем подходе к проблеме Первой мировой войны в России. Надеюсь, что историки воспользуются возможностью открыть для себя неизвестные рассказы времен войны — рассказы, которые ускользнули от их внимания из-за повального увлечения поиском «факторов» Революции 1917 г. Это рассказы людей, которых невозможно с легкостью поместить в привычную схему организованных общественных сил (рабочий класс, крестьянство и пр.), и которые «не входят» ни в какие организации (политические партии, профсоюзы и др.), преследующие цели общественного и экономического переустройства. Беженцы, без сомнения, несправедливо обойдены вниманием исследователей. Они не поддавались, да и сейчас не поддаются попыткам «разложить» людей по установленным категориям. Так куда же их следует относить? Как перемещенные лица они не вписались в такие параметры, как класс или род занятий, и в результате оказались свалены в одну категорию. Но их «проблема» для государства и общества состояла не только в их огромном количестве и тяжелом материальном положении; сама пограничность их статуса ставила в тупик и политиков, и специалистов, и про-

столюдинов — всех, кто пытался определить место беженцев в традиционной социальной иерархии.⁵

Не менее трудная задача встанет и перед тем, кто решится написать исследование по истории российских женщин периода Первой мировой войны, исследование, необходимость в котором уже давно назрела. Работы, посвященные сестрам милосердия, секретаршам, работницам промышленных предприятий и труженицам сельского хозяйства, дали бы нам возможность поразмышлять о военном опыте России в общеевропейском контексте. Вместе с тем не следует думать, будто подобные работы могли бы заполнить все пробелы. Исследователи-феминисты показали, что проблема, на которой должно сконцентрировать внимание, это военный опыт страны с точки зрения распределения социальных ролей полов.⁶ Если история предшествующих войн четко делится на чисто мужской опыт на поле брани и опыт женщин, пассивно дожидавшихся своих мужчин в тылу, то современные войны разрушили эту бинарную оппозицию. В 1914—1918 гг. женщины служили на фронте, например, сестрами милосердия и санитарками, выхаживали раненых для фронта, помогали им преодолевать физические и психические увечья. Изменение в распределении ролей между полами проявилось и в другом. Для женщин, ставших работницами оборонных заводов, новые обязанности (иногда сопряженные с опасностью) означали серьезную перемену в жизни. Они давали им больше самоуважения и уверенности в себе и открывали дверь в мир, по традиции принадлежавший мужчине.⁷ Еще больший удар по традиционному взгляду на различия между полами наносят выводы, разрушающие миф о суровой мужественности фронта, который, как утверждается, подвергся феминизации через чувства «глубокого страха, дезориентации и апатии». Типичное проявление этого состояния — контузия, которую в этих исследованиях описывают как мужскую истерию. Таким образом, не только женщины, пришедшие работать на заводы, «стали походить на мужчин», но и солдатам случалось «становиться похожими на женщин». По выражению Элен Шоуволтерс, «это самое мужское из всех предприятий, война, „апокалипсис мужественности“, феминизировала своих солдат, отбирая у них уверенность в себе».⁸

Несколько важных последствий для представления о распределении ролей между полами в последние годы Российской империи имел состав беженцев. Хотя большинство исследователей обходят этот факт своим вниманием, среди беженцев было относительно немного здоровых мужчин, так как большинство уже успели призвать в армию. В итоге с первых же дней их превращения в перемещенные лица в среде беженцев автоматически вступили в действие патриархальные формы подчинения. Забота о насущных потребностях беженцев легла на плечи взрослых женщин, причем многие беженцы были полностью на их иждивении.

Война также открыла новые возможности и женщинам другого, более привилегированного класса. Женщинам с образованием, которые к тому времени уже начали прокладывать себе дорогу в общественную жизнь (цензовое общество), представилась возможность взять на себя особую обязанность — заботу о беженцах, мужчинах, женщинах и детях, хлынувших во внутренние губернии России. Выполнение этого нового долга еще более укрепило их положение в обществе, уже значительно выросшее после того, как они вошли в круг военной медицины.⁹ Коль скоро в круг обязанностей женщины вошли лечение и уход за ранеными,

отсюда было рукой подать и до ответственности за помощь другим жертвам войны. Громко звучащая в обществе озабоченность проблемой сохранения семей (главная тема всех рассуждений о беженстве) также способствовала приходу женщин в общественную деятельность. Именно потому, что так остро стоял вопрос о разрушении и восстановлении семьи, женщины добились права на участие в решении этой проблемы.¹⁰ Проблемой того же плана были уход и забота о сиротах, нуждавшихся в особой опеке. Все это не могло не привести к формированию целого набора специфических женских обязанностей в обществе, часть которых не имела прецедента в истории Российской империи.¹¹

Помимо введения в круг общественных функций женщин заботы о здоровье, безопасности и моральном благополучии беженцев, происходили и другие перемены в их статусе. Преобладание женщин среди беженцев имело глубокие последствия для общественного положения женщин, как, впрочем, и мужчин тоже. По традиции масштабы женской миграции в города значительно уступали мужской, хотя в начале века в этой ситуации и наметились некоторые подвижки. Война же сломала последние преграды свободному перемещению женщин, выгнав их из домов и вынудив не только взвалить на себя новые семейные обязанности, но и занимать все новые, ранее закрытые для них общественные ниши. Вместе с тем, проводя сравнение между довоенной миграцией и движением перемещенных лиц во время войны, нужно быть особенно осторожным. Как показывает Барбара Энгел, крестьянки, которые до 1914 г. бросали свои наделы и уходили в город, освобождались тем самым (хотя и не навсегда) от ограничений патриархального уклада крестьянской жизни. Эта довоенная ситуация изменилась самым кардинальным образом, когда быстрое развитие военной промышленности расширило рост вакансий в городах. Положение же беженок, которые зачастую были вынуждены кочевать вместе с зависящими от них домочадцами, было совершенно иным. Беженство не давало им нового ощущения свободы, связанного с переменой мест, а скорее наоборот, лишний раз напоминало об их «домашних» обязанностях, только в условиях нового, несправедливого существования. Вдобавок война разрушила традиционные крестьянские институты, вырвав мужчин из установившейся сельской общины, которая, в большей или меньшей степени, гарантировала им ведущую роль. Война заставила беженцев во имя выживания искать новый баланс социальных ролей, в котором женщины получили возможность самим определять свои социальные и экономические обязанности. И в пути, и в лагере для беженцев отсутствовали готовые социальные институты, которые работали бы на сохранение патриархального уклада. Отсюда вопрос: как беженство отразилось на борьбе женщин за гражданские права, приблизило или отдалило конечную цель?¹²

С осторожностью нужно подходить и к вопросу о женщине и ее возросшей мобильности. До войны крестьянка сохраняла прочную связь с домом независимо от того, сидела она на месте или покидала деревню в поисках заработка. В 1915 г. эта связь была грубо прервана. Вынужденная миграция постоянно напоминала женщине о различных аспектах ее домашних обязанностей, которые придают определенное значение ее жизни. Возможно, что отсутствие постоянного очага, крыши над головой, бюрократизованная благотворительность вызывали у нее чувство стыда и утраты. Но беженки, как правило, не спешили делиться собственными эмоциями, и историку очень трудно о них говорить. Исключение составляют минуты сильного горя, о которых, кстати, мы также узнаем не от самих

беженцев, а от сторонних наблюдателей. Может быть оттого, что судьба беженца постигла не их одних, а массы людей, им было легче ее переносить? Как бы то ни было, только очень грубое сравнение женских домашних обязанностей с «угнетением» может позволить говорить о беженстве как о некоей форме освобождения. И нужно быть совершенно слепым, чтобы не обратить внимания на ту постоянную усталость, которую испытывали женщины от неустанных забот о членах своих семей.¹³ Мы имеем право с подозрением относиться к рассуждениям современников-мужчин о «верности» жен и матерей. Вместе с тем, нельзя сбрасывать со счетов и то, что многие беженки, вероятно, действительно испытывали чувство гордости оттого что взваливали на себя дополнительные обязанности, хотя в условиях беженства право выполнения этих обязанностей покупалось очень дорогой ценой.

Эти вопросы не исчерпывают всех аспектов воздействия беженства на распределение социальных ролей между полами. Чтобы проникнуть в процесс распределения ролей между полами в довоенной России, нужно задавать другие вопросы. Рассказы о неустойчивой жизни и лишениях беженцев различия между полами не делают. Проблема принадлежности к тому или иному полу или классу часто растворялась в более общей проблеме беженства. Акцент на особенностях пола делался лишь тогда, когда речь заходила о необходимости защитить женскую добродетель, о выполнении женщиной обязанностей матери и хранительницы очага или когда требовалось привлечь внимание к неустойчивой женской психике.¹⁴ Что касается мужских ролей, то мне встретилось очень немного прямых ссылок на эту тему. Частично, как уже было сказано ранее, в этом виноват специфический половой состав беженцев, в котором со значительным отрывом преобладали женщины. Но тема мужских ролей замалчивалась и из других, более тонких соображений. Подобная сдержанность могла быть сознательным приемом, используемым для того, что бы набросить завесу молчания на факт демаскулинизации мужской части беженства. Одно дело описывать жертву-беженку, и совсем другое — мужчину. Подчеркивать его пол означало заострять внимание на его и беспомощности и неудачах. Мужчина-беженец по определению не сумел сохранить собственную семью и обеспечить пропитание ее членов. Он зависит от подачек благотворительных организаций. Изобразить его в качестве невинной и беспомощной жертвы — значит, приравнять к представительницам противоположного пола. Подобно контуженому солдату, мужчина-беженец «терял мужское лицо».¹⁵

Рассказы русского натуралиста Евгения Шведера демонстрируют кое-какие особенности распределения социальных ролей по признаку пола среди беженцев.¹⁶ Но они не касаются деликатной темы мужской беспомощности — совсем наоборот.¹⁷ Вот беженка, страшно волнуясь, рассказывает, как потеряла все, что у нее было, даже любимого кота. Ее прошлое трагично, будущее неопределенно; она понятия не имеет, что ждет ее впереди. Вдруг появляется муж, и, горделиво поигрывая мускулами, объявляет, что благодаря его физической силе семья не пропадет. В другом эпизоде молодая мама успокаивает испуганного ребенка, что хотя нехорошие люди и выгнали их из дома, они в конце концов туда вернуться. Эта тема развивается и в другом рассказе, где мать говорит дочери, что их бегство дает им возможность посмотреть мир; огни большого города производят на мать и дочь ошеломляющее впечатление. В других рассказах Шведер возвращается к теме обезумевшей женщины, цепляющейся за жизнь, несмотря на болезнь

и отсутствие лекарств. «Столько слез, столько горя — почему ты не жалился над нами?» — обращается мать к Господу Богу, держа на руках умирающее дитя.¹⁸

Шведер не одинок в построении иерархии беспомощности по половому признаку. Сами беженцы тоже на примере собственного опыта показывают, каким образом даже в разгар социальных потрясений можно сохранить предписанное распределение социальных ролей между полами. В рассказе православного священника Ветлина («Я боюсь») брат спасает сестру, молоденькую девушку, перевозя ее в безопасное место через реку. Молодой человек смел, решителен и полон ответственности; девушка же беспомощна, наивна и доверчива.¹⁹ Молодой американский фермер Майкл Зайтунсян описывает, как турки его истязали и разлучили с семьей. Майклу хотелось плакать. «Но, — говорит он, — я взял себя в руки и удержался от слез; я понимал, что я не женщина и должен вести себя иначе». Поэтому он вышел и убил турецкого солдата, захватившего в заложники женщин и детей. Подобные мелодраматические повествования помогли восстановить веру в незыблемость границ социальных ролей полов.²⁰

Английская сестра милосердия Виолетта Терстан также проводит четкое различие между обоими полами. В своих чрезвычайно ценных воспоминаниях очевидно она старательно описывает эти различия для того, чтобы выделить специфические потребности беженок: «Дай старикам щепотку табаку и компанию старых приятелей, и им больше ничего не нужно; кроме того, они, наверное, все-таки более привыкли к переездам и перемене мест, чем женщины, которые, кажется, ужасно тоскуют по привычному местечку возле очага и знакомым домашним вещам».²¹ Столь четкие различия требовали и различного отношения к обоим полам. Отсюда считалось необходимым вернуть беженкам ощущение смысла жизни, предлагая им привычные «домашние» заботы, которые бы удовлетворили их тягу к домашнему хозяйству. Женщинам выдавали крохотные пособия, чтобы они могли покупать еду членам своих семей. Терстан утверждает, что в данном случае важен был не размер выплаты и не то, что общественные кухни гораздо эффективнее справились бы с приготовлением пищи, а то, что женщины получали возможность вести активную жизнь и сохранять чувство собственного достоинства, которое идет у них рука об руку с выполнением обязанностей по дому.²²

Подобный дифференцированный подход по половому признаку существовал и в детских колониях, организованных Татьянинским комитетом и делавшим особый упор, ставший модным в Англии в поздний период правления короля Эдуарда, на занятия на свежем воздухе, контактные виды спорта и купание. Для начала в них исповедовалось строжайшее разделение полов. В Воронеже девочек учили заправлять свои постели и содержать в чистоте спальни. Занятия на открытом воздухе также не были забыты и ни в коем случае не отдавались на волю случая: старшие девочки собирали ягоды для местных крестьян, которые платили им по 50 копеек за 8-часовой рабочий день. Мальчикам же выдали удочки, поскольку «рыбалка... их самое любимое занятие». О каких-либо домашних обязанностях для мальчиков ничего сказано не было.²³

Беженки с неизбежностью столкнулись и с другим стереотипом отношения к себе. Работа, которая им предлагалась, ясно показывала, что на них смотрят прежде всего как на прислугу. По всем российским городам появились вакансии для служанок. В деревнях же работы было не найти, особенно зимой, за исключением должности прачки.²⁴ Работники благотворительных организаций отмечали, что многие беженки считали эту работу унижительной в силу своего социального

положения. В этих случаях их уговаривали записываться в швейные кружки или заниматься прядением и ткачеством на дому; многих приходилось сначала обучать этому ремеслу.²⁵ На выставках изделий беженков всюду обыгрывался тот факт, что посетители могут осмотреть и приобрести «плоды женского труда: прессованные цветы, шляпки, шапки, туфли, тапочки и разнообразные изделия ручной работы».²⁶ Однако не всем беженкам приходилось по вкусу подобные предложения, особенно женщинам из рабочих семей. Они изъявляли желание работать на кондитерских, спичечных или табачных фабриках, где было больше возможностей для свободного общения.²⁷

Иногда способности беженков приводили современников в восхищение. Так, петроградские газеты много писали об одном общежитии, которое они называли «женское царство», где женщины не только образцово присматривали за детьми, но и демонстрировали впечатляющее умение общения с чиновниками. В этой реакции газетчиков смешалось все — и восхищение, и насмешка, и тревога.²⁸ Однако обратных по характеру сообщений в прессе было гораздо больше; они повествуют скорее о ярости или беззащитности беженков, чем об их самообладании и силе. Ходило много рассказов о русских женщинах, которые разграбили в Тбилиси армянские лавки, протестуя против повышения цен на продукты питания; такие поступки можно было легко объяснить (хотя и не оправдать) стремлением к соблюдению морали в экономике, забота о которой считалась одной из обязанностей «домохозяйки».²⁹

Рассказывали и более страшную историю. Из Рузского уезда Московской губернии сообщили о молодой беженке, потерявшей своего младенца где-то по дороге на восток. «...Это происшествие так смутило ее разум, что она бросила все и ушла в неизвестном направлении».³⁰ Событие, к которому, учитывая обстоятельства, можно было бы отнести как к вполне объяснимому факту, преподносится так, чтобы лишний раз подчеркнуть изначальную хрупкость и непредсказуемость женщины.³¹ Не удивительно, что рассказы о событиях на Кавказе производили особенно ужасное впечатление. Один русский публицист ужасался, что «симпатичных девушек и женщин поделили между собой курдские беи и турецкие чиновники».³² Не заботясь о чувствах читателей, молодой доктор пишет о том, как при осмотре могил видел трупы армянок с отрезанными грудями. Он также рассказывает о том, как одна армянка сошла с ума, когда курдские солдаты на ее глазах размозжили головы ее детей о стену дома.³³

Лишь изредка появлялись в газетах рассказы о беженках-героинях. Как, например, о неизвестной беженке, которая обманула группу немецких солдат, сказав, что может провести их к лагерю. На самом деле она взяла с собой в сумочке бомбу, бросила ее в толпу солдат и ранила всех восьмерых. Их отправили в киевский госпиталь, а ее наградили тем, что напечатали ее фотографию в местной газете.³⁴ Но это исключение лишь подтверждает основную тенденцию. Сообщения в прессе подчеркивают «мужественность» ее поведения, отличающую ее от большинства ее растерянных, беспомощных и пассивных подруг по несчастью.

Основной обязанностью молодых замужних женщин считалось совершенствование материнских навыков. Общим местом в газетах тех лет стало сетование на то, что беженство подрывает основу материнства и ведет к проявлениям патологического поведения. Рассказы о беженцах пестрели историями об отчаявшихся матерях, которые не могли уберечь детей от голода, инфекционных заболеваний и смерти, или — и это было страшнее всего — матерях, которые в приступе

безумия убивали своих голодных или больных детей.³⁵ Когда беженцы, наконец, более-менее устроились на новых местах, общество смогло заняться страшной проблемой младенческой смертности, которая уже давно тревожила земских врачей. Беременным женщинам часто предлагали места в петроградской «школе материнства», где их обучали уходу за детьми в надежде, что они поймут необходимость правильного ухода за новорожденным и тем самым дадут больше надежды на выживание следующему поколению российских подданных.³⁶ Тем самым помощь беженцам стала направляться на развитие самосовершенствования и евгеники.³⁷

Значительно чаще звучали голоса о том, что беженок нужно защищать в первую очередь не от врага или правительственного чиновника, а от бесчестных, алчных или похотливых субъектов. Считалось, что уже по факту своего пола женщины уязвимы для особого рода опасностей.³⁸ Опасности эти подстерегали их с того самого момента, как они покидали свой дом и отправлялись вглубь России. Судя по сообщениям, беженки шли в проститутки от отчаянной необходимости прокормить себя и зависимых членов семьи; иногда их собственные мужья или отцы заставляли их торговать своим телом.³⁹ Особенно опасными были поездки на поезде, о чем свидетельствует следующее объявление:

«Внимание беженок! Редактор „Югобеженца“ считает своим долгом привлечь внимание беженок к необходимости быть чрезвычайно осторожными по отношению к мужчинам, предлагающим им свои услуги и защиту во время путешествия. Эти люди ходят по поездам целыми группами и знакомятся с молодыми девушками-беженками, выдавая себя за приличных граждан. Но когда поезд прибывает на станцию назначения, они обманом уводят свои жертвы в приюты порока».⁴⁰

В специальный совет по делам беженцев поступали многочисленные рассказы, живописующие беззащитность девушек-беженцев перед городскими соблазнами. Для их защиты от «развратных действий» потребовалось безотлагательное и решительное вмешательство Русского общества защиты женщин (основано в 1901 г.) и Русского римско-католического общества.⁴¹ По слухам, зловредные владельцы публичных домов буквально прочесывали ряды беженцев Петрограда в поисках потенциальных проституток. Сотрудники благотворительных организаций жаловались на то, с какой удручающей легкостью алчные «мадам» проникали в приюты для беженцев.⁴² Виолетта Терстан обращает особое внимание на моральное состояние молодых беженок. Она с восхищением отзывается о кампании, организованной петроградскими студентками, которые «замечательно поработали для того, чтобы удержать молодых девушек на правильном пути, увести их от соблазна».⁴³

Перенаселенность создавала проблемы и морального, и физического плана. Там, где беженцев нельзя было расселить, важно было обеспечить хотя бы раздельное проживание полов. Масштабы проституции в предвоенные годы так напугали образованные круги россиян (Александр Блок даже назвал Петербург «одним гигантским борделем»), а убежденность в наличии прямой связи между проституцией, преступностью и беспорядками распространилась так широко, что вряд ли стоит удивляться, что во время войны такое большое внимание уделялось мерам по ее предупреждению.⁴⁴ Ведущие юристы, такие как А. Ф. Кони, предложили организовать специальный отряд для защиты беженок, который бы работал на железных дорогах и особенно в поездах. Его сотрудников предпола-

галось научить присматривать на остановках за беженками, наиболее вероятными жертвами сутенеров, или, цитируя красочный эвфемизм того времени, объектом внимания бесчестных людей, занятых «вербовкой живого товара».⁴⁵

Вместе с тем существовал и другой взгляд на связь между беженством и проституцией. Не все современники винили только организаторов коммерческого секса. Бытовало также мнение, что молодые женщины сами охотно предлагают себя потенциальным клиентам, выбирая «разврат» в качестве экономического инструмента выживания.⁴⁶ Главное средство профилактики проституции и повышения морали стали видеть прежде всего в обучении какому-нибудь ремеслу. Если в военное время женщины не хотели или не могли выйти замуж, то им, по крайней мере, можно было помочь найти источник получения законных доходов и тем самым уйти от соблазна торговать собственным телом. Молодых девушек можно было обучить шить и готовить пищу, и тем самым помочь приобрести чувство собственного достоинства.⁴⁷ Там, где это было возможно, молодым девушкам следовало либо предоставлять безопасное жилище, либо поселять вместе с родителями. Но такие советы легче давать, чем реализовать на практике. Правительственные советники прекрасно понимали, что положение с жильем, скорее всего, будет ухудшаться. В качестве одного из возможных выходов виделось строительство новых рабочих домов и сельских «колоний», где молодые женщины могли бы жить в большей изоляции. Кроме того, там они могли познать благотворное влияние тяжелого труда и получить необходимое обучение, после чего смогли бы, выйдя за стены этих заведений, заниматься ремеслом или надомным промыслом.⁴⁸

Эти предложения показывают, что отношение современников к проблеме проституции претерпело еще одно изменение. После 1905 г. большинство реформаторов видели выход не в том, чтобы контролировать проституцию с помощью традиционных полицейско-бюрократических методов, как это делало государство, а в том, чтобы призвать людей сдерживать свои половые инстинкты. Масштабы беженства во время войны убедили российских либералов в том, что одного только самоконтроля недостаточно. Определенную роль теперь должен был сыграть доброжелательный надзор со стороны общества за теми из «группы риска», кто не смог, да и не мог, учитывая размах и остроту проблемы беженства, полностью отвечать за свои поступки.⁴⁹

В других рассказах подчеркиваются опасности, которые таил в себе рост городских поселений. «Вестник юга» рассказал в Екатеринославе о трагической истории молодой пары беженцев, которые добрались в своих скитаниях до Москвы. Однако вместо благополучного и счастливого конца их ожидала трагедия. Муж увидел, как его жена обнимается с каким-то молодым человеком в кино, в припадке ревности застрелил ее, а потом застрелился и сам. Скрытая мораль рассказа состоит в том, что беженство лишает человека его корней и легко ведет к потере самоконтроля.⁵⁰

Иногда даже между строк документов можно прочесть, с какой небрежностью решалась подчас судьба юных беженцев. В мае 1917 г. администрация детских домов под эгидой Собеж (организации, которая унаследовала задачу оказания помощи беженцам от союза городов и земств) рассмотрела необычное заявление гражданина И. С. Ермолова, жителя небольшого городка Переславля-Залесского. Он просил разрешения взять себе «маленькую девочку в возрасте от двух до пяти лет» из местного монастыря, который предоставлял временное убе-

жище для беженцев. Только ли современная наша чувствительность виной тому, что эта дерзкая и безапелляционная просьба — с точным указанием возраста и пола — шокирует нас до глубины души и не дает поверить, будто ее продиктовало исключительно желание помочь? А тот факт, что руководители Собежа передали окончательное решение на усмотрение монахов, означает ли он, что у них тоже возникли сомнения, которые они не решались или не хотели высказать? Действовал ли Ермолов из чистых побуждений, возможно желая заменить приемшем собственную дочь, умершую в младенчестве — своего рода «сюрприз» для убитой горем жены и матери? Какими бы ни были мотивы всех участников этой истории, не может не вызывать удивления уверенность Ермолова, что таким образом можно получить в свое распоряжение маленькую девочку, и не может не поражать уязвимость и абсолютная несправедливость детей-беженцев.⁵¹

Из опубликованных материалов не совсем ясно, каким было количественное соотношение жертв сексуальных преступлений со стороны солдат (вражеских или своих) и гражданских лиц, совершенных по отношению к русскими женщинам и женщинам других национальностей. Сообщения, собранные царской полицией и обработанные уже после войны, рассказывают об изнасилованиях еврейских женщин казаками в городах Вильно, Минск и их окрестностях. Но эти истории, естественно, скрывались от российской обществуности.⁵² Время от времени в газетах появлялись статьи, которые предупреждали женщин о том, что может произойти, если они потеряют бдительность при встрече с бесчестными мужчинами. Но рассказов об изнасилованиях, кажется, было немного.⁵³ Заметное исключение составляет описание зверств Османской империи в Армении. «Армянские женщины, против своей воли, стали жертвами животных инстинктов мужчин, которые бесстыдно гонялись за ними, как охотники за жертвой».⁵⁴ Очевидец из провинциального города Эрзиндан рассказывает о «бесчисленных» случаях изнасилования армянских женщин турецкими солдатами. Большинство из забеременевших женщин не могли вынести унижения и старались сделать аборт. Одна молодая мать в отчаянии убила своего новорожденного младенца. «Люди, незнакомые с историей и психологией армянского народа, увидят в таком поведении фанатизм и варварство, но те из нас, кто знает, какая ненависть к мусульманам кипит в сердцах армянских женщин, понимают, что этот поступок продиктован желанием уничтожить все следы контакта с захватчиками». Армянские журналисты также говорили о жестокости и бесчеловечности курдского населения западной Армении. Эти люди держали в плену тысячи русских женщин и детей в ужасных условиях, и сексуальное насилие было там нормой.⁵⁵ Современники просили своих читателей понять, почему некоторые армянские женщины совершали самоубийства: «это не удивительно, если принять во внимание религиозное и моральное воспитание армянской женщины. Оскорбление ее чести и достоинства — это не просто страшное преступление, это земное бедствие, единственным ответом на которое может быть только смерть».⁵⁶ К сожалению, автор не сообщает читателям, что думает о тех женщинах, которые не «ответили» надлежащим образом. Скорее всего, они не выдержали испытания на звание «армянской женщины».

Понятие о женских социальных ролях основывалось на детально описанных качествах и достижениях женщин, как правило, среднего класса. Предвоенная деятельность этих женщин, владевших некоторыми социально значимыми профессиями, создала предпосылки для их еще более весомого вхождения в общест-

венную жизнь через программы «защиты» беженков. Естественно, возможности для такой деятельности были ограничены. Лишь немногие города могли похвастаться активно работающими отделениями Российского общества защиты женщин. Считалось, что только Петрограду и Киеву удалось создать хорошо организованные и достаточно активные филиалы. Но даже и там приходилось прилагать немало усилий, чтобы выбить необходимые ресурсы, не говоря уже об усилиях, затраченных на то, чтобы добиться согласия самих беженцев. Не все беженцы разделяли необходимость крестового похода против беспорядочных половых связей, которые иногда проводились под видом кампании за борьбу с проституцией.⁵⁷

Во время войны важная роль выпала на долю женщин-врачей, возможно потому, что среди беженцев преобладали женщины и дети. Например, такие врачи как Е. П. Унанова, Е. Е. Бургарт и М. Ф. Корсак, были командированы Пироговским медицинским обществом на Кавказ для оказания помощи армянским беженцам.⁵⁸

Представительницы среднего класса не ограничивали свою деятельность надзором за сексуальным поведением и физическим благополучием вверенных им беженцев.⁵⁹ Они расширили и масштабы своей благотворительной деятельности, которой занимались до войны. Война вызвала к жизни множество дамских комитетов, дамских кружков, девичьих обществ (последние были созданы на Кавказе). Они сотрудничали с организациями типа Татьянинского комитета, а также разрабатывали и создавали собственные благотворительные программы.⁶⁰ В Твери дамский кружок организовывал кухни и столовые, помогал беженцам с жильем и организовывал швейные кружки, чтобы обеспечить беженков работой. За плечами вдохновительницы этого кружка, Софьи Михайловны Бьюнтинг, стоял большой опыт благотворительной деятельности. Она в течение нескольких лет возглавляла ею же созданное благотворительное общество «Доброхотная копейка». Летописец кружка считал необходимым подчеркнуть, что его участницы проявляли не только жалость к беженцам, но также «нежность и любовь»,⁶¹ т. е. чисто женские качества. Е. В. Колобова, супруга чиновника из Екатеринослава, организовала комитет по делам беженцев, который частично финансировали инженеры Южно-Русской днепровской металлургической компании.⁶² Заметка из Екатеринбургa рассказывала о самоотверженной работе Нины Владимировны Смирновой. Она нашла жилье для сотни беженцев на местной меднорудной шахте, и никогда не упускала возможности помочь им.⁶³ В Новгороде местное отделение Татьянинского комитета призывало женщин работать своими добровольными помощниками. В их задачу входило контролировать работу мастерских, проверять жилье беженцев, их материальное положение и нужды, а также организовывать сбор денег. И в этом случае корреспондент не ограничивается простым перечислением фактов. Он подчеркивает, что «женский элемент» установил с беженцами «нежные и сострадательные отношения».⁶⁴ На Кавказе несколько девичьих обществ (общества армянских девиц) действовали с зимы 1914 г. Они выступили с призывом ко «всем армянским девушкам оказывать материальную и моральную поддержку беженцам».⁶⁵ На Рождество группы девушек ходили из дома в дом, пели молитвы и собирали деньги на помощь «бездомным, беспомощным и безнадежным деткам».⁶⁶

Несколько епархиальных комитетов дружно восхваляли общественную деятельность женщин. Жительницу Симбирска Анну Николаевну с символической

фамилией Беневоленская, вдову священника, которая жила напротив вокзала, хвалили за готовность немедленно предупредить местный комитет о скором прибытии эшелонов с беженцами. Эта «пожилая, энергичная и интеллигентная женщина» приводилась в пример всем читателям епархиального журнала.⁶⁷ Кажется, она откликнулась на призыв, опубликованный в «Женском деле», о том, что женщинам надо чаще приходиться на вокзалы, чтобы самим убедиться, как несладко приходится беженцам: «Придите к ним и протяните дружескую руку помощи; дайте им не только кусок хлеба, одежду или приют, но также вашу любовь и нежность. Кто, как не женщина, может понять материнские страдания...?»⁶⁸ Особое отношение вызывали к себе бездомные сироты: «Мир полон добрых людей, и надо надеяться, что наши матери, глядя на собственных детей, не забудут и о тех, кому нужна не только пища и крыша над головой, но и материнская ласка».⁶⁹

Русским националистам этот уровень самоотверженности казался недостаточным. Один желчный журналист провел сравнение между энергичным энтузиазмом полячек и других нерусских женщин-волонтеров и настроением среди русских женщин. «Там (в польской национальной организации в Петрограде) нет недостатка в добросердечных благотворительницах... когда одна русская женщина предложила им свои услуги, полячки ее отвергли из-за огромного количества польских женщин, желающих помогать беженцам». Здесь явный намек на то, что у русских женщин стремление к благотворительности выражено не так сильно.⁷⁰

Деятельность царской семьи также служила укреплению устоявшегося распределения социальных ролей полов. Уместно напомнить, что одно из основных агентств помощи беженцам было названо по имени дочери царя, которая тем самым фактически возглавила министерство русских женщин. Одним из ее занятий была гарантированно «женская» работа — шивание тканей, которые впоследствии продавались через аукционы для благотворительного сбора средств.⁷¹ Татьяну преподносили как почтительную дочь и образцовую представительницу дома Романовых. Ее визиты, вместе с другими членами семьи, в провинциальные города и деревни давали возможность организовывать настоящие демонстрации царской милости и народной преданности. Как правило, организаторы таких мероприятий подыскивали маленькую девочку-беженку, которая дарила царевне иконку или вышивку, а также молилась с ней за здоровье и счастье царской семьи.⁷² Тем самым россияне приглашали забыть слухи о никчемности и убожестве двора, отбросить в сторону предположения о продажности петроградской бюрократии и умиляться чистоте и самоотверженности царской дочери.

Вместе с тем не следует смешивать эти спланированные излияния преданности с истинными чувствами, которыми проникнуты письма к Татьяне и ее помощникам, особенно письма от воссоединенных семей. «Благодарю тебя, дорогая Царевна, за то, что ты нашла мне мою доченьку. Целую твои руки и ноги, за то, что ты снова свела нас... А теперь, до свидания, Царевна Татьяна. Спасибо тебе за труды твои», — писала одна благодарная беженка. Анна Хмурчик, назвавшая себя беженкой, написала: «Мой муж Мартын Петрович и наши дети нашлись, за что тебе моя сердечная благодарность».⁷³ Ян Коноплий обещал вечно молить Бога за здоровье и многие лета тех, кто прислал ему драгоценную весть о его семье. Филипп Кухарчук писал: «Я страдал ужасно, но вы вняли моему горю и моей несчастной душе и отыскали мою сестру».⁷⁴ Мы не можем не видеть искренности

этих чувств, но и не станем удивляться, что Татьянинский комитет использовал значительный пропагандистский заряд подобных писем. В конце концов, на карту был поставлен престиж и авторитет царской семьи. По словам кого-то из Воронежского отделения комитета, «имя царской дочери будет жить многие годы как защита для несчастных и обездоленных».⁷⁵ Не стоит забывать, что в тот момент, когда популярность императрицы Александры опустилась безнадежно низко, по крайней мере, хоть одна из ее дочерей сумела сохранить связь между монархией, гуманностью и «женственностью».

Мы видим, что беженство дало общественно-активным современникам повод педалировать вопрос о чисто женской моральной деградации и опасностях, связанных с сексом. То, настолько тщательно готовились правила, регулирующие контакты между беженцами (и небегенцами) мужского и женского пола, подтверждает мысль, высказанную Р. И. Мором. В работе, посвященной охватившему средневековую Европу страху перед развратом, он пишет: «Когда происходит становление новых социальных границ, уместно предположить, что одним из инструментов закрепления этих границ может оказаться повышенная бдительность в вопросах пола».⁷⁶ Первая мировая война как раз и явилась одним из тех периодов в европейской истории, когда оспаривались существовавшие социальные (и территориальные) границы. Проявления этой специфической бдительности стали возникать еще до начала мировой войны; они выразились в российском законодательстве о проституции, а также в опасениях, что мигранты — самый серьезный источник болезней, распространяемых половым путем. С началом же войны эта опасность возросла многократно; проявить недостаточную бдительность означало подвергнуть города и деревни России нашествию сексуально активных (и, возможно, сексуально раскованных) беженцев, а заодно и активизировать мерзкую деятельность сутенеров и владельцев публичных домов. С этой точки зрения, как мне кажется, правило о раздельном проживании полов, правила сексуального поведения и половой гигиены были не чем иным как проявлением подспудного страха перед угрозой незабываемости всех иных границ в Российской империи.

В системе организации помощи беженцам также просматривается традиционное распределение ролей по половому признаку. Война вызвала бурный всплеск активности со стороны россиянок среднего класса, которые, без сомнения, сыграли решающую роль в оказании помощи многим беженцам. И все-таки, как ясно показывают публикации того времени, несмотря на все их подвижничество на ниве благотворительности, российские женщины оставались в тени и в Татьянинском комитете, и в других общественных организациях. Во всех письменных отчетах о помощи беженцам женщины как бы и не существуют. Да, их можно увидеть на фотодокументах — в роли секретарей, ведущих учет беженцев и разбирающих просьбы о поиске пропавших родственников, или (подобно сестре Ленина) помогающих беженцам отыскать пропавший багаж, но они, тем не менее, остаются за кадром, исполнительные, но анонимные помощницы чиновников-мужчин. В правлении Татьянинского комитета Петрограда, по крайней мере до Февральской революции, не было ни одной женщины; и даже впоследствии демократические веяния революции никак не повлияли на эту ситуацию.⁷⁷ Энергия, проявленная женщинами при сборе средств и в общественной работе, не принесла им на внутреннем фронте ничего, кроме вторых ролей. Большей частью женщины-волонтеры выполняли такие обязанности, которые легко вписывались

в традиционное понятие «ангела милосердия».⁷⁸ В этом смысле, кажется, война несколько не расширила возможности участия женщин в общественной жизни.

Беженки стали жертвами всевозможных лишений и предрассудков, и историк испытывает разочарование, оттого что не может уделить им хотя бы толику того внимания, которого они заслуживают.⁷⁹ Похоже, никому из них ни разу не представилась возможность самим рассказать о своей жизни. Как ни поразительно, но в замечательной анкете, составленной в начале 1917 г. Татьянинским комитетом, нет даже упоминания о беженцах-женщинах.⁸⁰ Информация об их деятельности лишь изредка попадает в печать, и то исключительно в целях пропаганды, обычной для военного времени. Если беженцы вообще были вычеркнуты из истории, то беженцы-женщины были вычеркнуты вдвойне. О них вспоминали только тогда, когда нужно было изобразить несчастных жертв, чья «нагота» так бросалась в глаза современникам.⁸¹ Политика, направленная на их «защиту», как правило, надежно скрывает их от взгляда историка.

Хотя то же можно сказать и о беженцах в целом. И правительственные чиновники, и специалисты земств, и члены Татьянинского комитета, и националисты — короче, все, кто считал заботу о беженцах своим долгом, — были заинтересованы изображать беженцев в качестве опустившихся, бесправных и обездоленных людей. Мне кажется, что это и послужило необходимой предпосылкой для организации впечатляющей по масштабам системы общественной и частной благотворительности, которая относилась к беженцам, как к пассивным получателям помощи, а не активным участникам определения собственной судьбы. Организаторы той кампании благотворительности не вникали в проблему социальных ролей полов. Главным для них было еще раз подтвердить освященные культурной традицией различия между мужским и женским. И только теперь, идя по следам исследователей-феминистов, мы можем проследить, до какой степени беженцы рассматривались главным образом лишь в качестве беспомощного и пассивного объекта. Этот вопрос составляет главную тему настоящей статьи, выводы которой скорее подтверждают, чем опровергают установившуюся систему взглядов на социальные роли полов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шведер Е. Беженцы: рассказы из великой войны. М., 1915. С. 11

² Труды внеочередного Пироговского съезда. М., 1916. С. 62

³ Alexander S. *Becoming a Woman and Other Essays in Nineteenth and Twentieth-Century Feminist History?* London, 1994. P. 234.

⁴ A Whole Empire Walking: Refugees in the Russian Empire during the First World War (в печати).

⁵ Gatrell P. *Refugees in the Russian Empire, 1914—1917: Population Displacement and Social Identity // Critical Companion to the Russian Revolution / Eds. Edward Acton, Vladimir Cherniaev and William Rosenberg.* London, 1997. P. 554—564. Согласно Волкову, к началу 1917 г. общее число беженцев могло составить немногим более 6 миллионов. Волков Е. З. Ди-

намика народонаселения СССР за восемьдесят лет, М., 1930. С. 71—71.

⁶ Следующие исследования о войне с точки зрения вопросов пола показались мне особенно полезными и возбудили мой интерес к проблеме: *Behind the Lines: Gender and the Two World Wars / Eds. Margaret R. Higonnet et al.* New Haven, 1987; *Gendering War Talk / Eds. M. Cooke A. Woollacott.* Princeton, 1993; *Thewleit K. Male Fantasies.* 1987; а также работы по общим проблемам истории войны: *Enloe C. Does Khaki Become You? The Militarization of Women's Lives.* London, 1983; Yuval-Davis N. *Gender and Nation.* London, 1997 (особенно глава 5).

⁷ Мужчины, естественно, с трудом привыкали к появлению женщины-работницы. Один английский журналист писал: «К сверкающим

- головкам снарядов девушки относятся, как к младенцам — столь велика их гордость за свою работу, выполненную с величайшим старанием». Цитата по: *Woolacott A.* On Her Their Lives Depend: Munitions Workers in the Great War. Berkeley, 1994. P. 213. См. также: *Daniel U.* War From Within: German Women in the First World War. Oxford, 1995; *The Upheaval of War: Family, Work and Welfare in Europe, 1914—1918* / Eds. R. Wall and J. Winter. Cambridge, 1988; *Summers A.* Angels and Citizens: British Women as Military Nurses. London, 1988; *Bravo A.* Italian Peasant Women and the First World War // *Our Common History: The Transformation of Europe* / Ed. Paul Thompson. London, 1982. P. 157—170.
- * *Showalter E.* The Female Malady: Women, Madness and English Culture, 1830—1890. London, 1987. P. 173; см. также: *Leed E.* No Man's Land: Combat and Identity in World War One. Cambridge, 1979.
- ⁹ О сестрах милосердия во время войны см.: *Meyer A. G.* The Impact of World War on Russian Women's Lives // *Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation* / Eds. V. E. Clements, B. A. Engel, Christine D. Worobec. Berkeley, 1991. P. 220. Интересно сопоставить роль женщин как сестер милосердия с их «традиционной» ролью деревенских целителей. См.: *Glickman R. L.* The Peasant Woman as Healer // *Ibid.* P. 148—162.
- ¹⁰ В этой связи уместно напомнить, что образ «Матушки Руси» часто служил символом, побуждавшим общество к благотворительности. Напр., «Московские ведомости» 11 октября 1915 г. писали: «Середина России по-матерински прижала к груди разрушенные окраинные земли». О женщинах в общественной сфере см. труды Ричарда Стайтса (Richard Stites) и Линды Эдмонтон (Linda Edmonton).
- ¹¹ Полномасштабного исследования роли образованных женщин в России времен Первой мировой войны нет. В качестве краткого введения в проблему см.: *Meyer A. G.* *Op. cit.*; *Eley G.* Nations, Publics, and Political Cultures: Placing Habermas in the Nineteenth century // *Power, Culture, History* / Eds. N. Dirks, G. and S. Ortner. Princeton, 1994. P. 297—335. Обстоятельное описание роли женщин в благотворительной деятельности до войны см.: *Lindemeyer A.* Poverty Is Not A Vice. Princeton, 1995. P. 13—16, 125—129.
- ¹² *Engel B.* Between the Fields and the City. Cambridge, 1994.
- ¹³ Ср., напр.: *Loizos P.* The Heart Grown Bitter: A Chronicle of Cypriot War Refugees. Cambridge, 1981 (особенно P. 176—181). Здесь уместно также упомянуть работу Розы Гликман и Кристин Воробец, рассматривающую возникновение социальных ролей женщины в семье, деревенском хозяйстве и обществе до 1914 г. (см. их статьи в сборнике: *Russian Women...*).
- ¹⁴ Свидетели указывали на безумные поступки некоторых матерей, которые, не имея возможности справиться с трудностями, бросали или даже убивали собственных детей. О «хороших» матерях — «несчастливая мать с ребенком на руках» — см.: Югобеженец. 1916. 16 мая.
- ¹⁵ Иногда беженцы пытались сыграть на ощущении собственной беспомощности и бессилия. Представители еврейского кагала в Тернополе умоляли российских генералов оставить еврейских гражданских лиц в покое «ради наших детей, наших слабых женщин, наших беспомощных стариков». В этой просьбе содержится намек на то, что царские войска обижает беззащитных людей, но также и на то, что мужчины—руководители еврейского сообщества не способны его защитить.
- ¹⁶ Перу Евгения Шведера принадлежат несколько популярных книг о природе («Наши ягоды»; «Подземные жители»; «Империя рыб» и др.).
- ¹⁷ Беженкам тоже иногда разрешалось быть «контуженными». Ср., напр., рассказ о молодой беженке, которая в ходе интервью с газетчиком вдруг пугается громкого звука, который напомнил ей артиллерийскую канонаду. Беженец. 1915. 25 октября.
- ¹⁸ *Шведер Е.* Беженцы... С. 4—7, 11, 24.
- ¹⁹ *Ветлин,* священник. Беженцы: Рассказ // Тверские епархиальные ведомости. Конец рассказа трагичен — и брат и сестра гибнут от немецкой пули: «И последней Ваниной мыслью было, что они, наконец, ушли от врага. Они были спасены».
- ²⁰ Как и почему стали мы убийцами и грабителями. Изд. Армянского национального бюро, М., 1917. С. 6. Этим проблема посвящена работа Маргарет Хигонне. См.: *Higonnet M.* Not so Quiet in No-woman's Land // *Gendering War Talk...* P. 205—226.
- ²¹ *Thurstan V.* The People Who Run. London, 1916. P. 38. Поездка Виолетты Терстан в Россию стала возможна благодаря поддержке Национального союза обществ суфражисток (NUWSS).
- ²² *Thurstan V.* *Op. cit.* P. 59.
- ²³ Другие подробности см.: Известия КТН. 1916. 10. 15 октября. С. 14—15.
- ²⁴ В газете «Zinojums» от 28 января 1916 г. говорится, что латышки «не могут и не хотят стирать белье в проруби. (тогда как) российский крестьянин требует от своих служанок выполнения именно этих обязанностей».
- ²⁵ КТН. Пг., 1916. Т. 1. С. 421.
- ²⁶ Вестн. Всероссийского общества попечения о беженцах (далее — ВОПБ). 1917. № 47—48. С. 13.

- ²⁷ Биржевые ведомости. 1915. 17 августа. По сообщению «Известий КТН» № 6 от 15 августа 1916 г. в Киеве была организована швейная фабрика. В Симбирске же беженки отказались работать ткачихами на фабрике, «в вульгарном помещении», и требовали, чтобы им дали ткацкие станки для работы на дому. Симбирские епархиальные ведомости. 1917, 3 января. Подобные же заявления поступали и от латышек, которые «предпочитали независимость». Zinojums. 1916. 21, 29 июля.
- ²⁸ Биржевые ведомости. 1915. 25 июля.
- ²⁹ *Khatisov A.* Memoirs of a Mayor // *Armenian Review*. 1950. № 3. P. 105.
- ³⁰ Известия Московской губернской земской управы. 1915. № 10—12. С. 63—64.
- ³¹ Сейчас этот поступок, наверное, назвали бы паническим приступом. Ср. описание форм проявления горя: *Parkes C. M.* Bereavement: Studies of Grief in Adult Life. P. 29—76.
- ³² *Ананов И. Н.* Судьба Армении. М., 1918. С. 21.
- ³³ *Ошеровский Л.* Трагедия армян-беженцев, Пятигорск, 1915. С. 6—7.
- ³⁴ Геройство беженки // *Вестник юга*. 1915. 6 сентября.
- ³⁵ См. неопубликованные воспоминания Е. А. Никольского в Hoover Institution, см. также: *Беженцы и выселенцы*. М., 1915. С. 50.
- ³⁶ *Thurstan V.* The People Who Run... P. 66—68, 74—75. Британская ассоциация суфражисток выделила средства на строительство нового родильного дома в Петрограде. О ситуации с новорожденными до 1914 г. см.: *Ransel D.* Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988. О мерах, предпринятых государством после революции, см.: *Waters E.* Teaching Mothercraft in Post-Revolutionary Russia // *Australian Journal of Slavonic and East European Studies*. 1987. No. 1. P. 29—56.
- ³⁷ Общие сведения на эту тему см.: *Adams M. B.* Eugenics as Social Medicine in Revolutionary Russia: Prophets, Patrons, and the Dialectics of Discipline-building // *Health and Society in Revolutionary Russia* / Eds. S. Solomon and J. Hutchinson. Bloomington, 1990. P. 200—223.
- ³⁸ По словам одного современника, их следовало «уберечь от злонамеренных покушений на их честь». Помощь беженцам // *Трудовая помощь*. 1915. № 9. С. 364.
- ³⁹ Земский врач-ветеран Дмитрий Жбанков писал: «Голодные беженки вынуждены заниматься развратом за кусок хлеба». Труды внеочередного Пироговского съезда. С. 62, 77.
- ⁴⁰ Югобеженец. 1915. № 4. С. 4. Примерно таким же языком была написана памятка для беженца, выпущенная в 1916 г. и предупреждавшая молодых женщин о риске быть соблазненными складно говорящими мужчинами. См.: *Спутник беженца...* С. 17.
- ⁴¹ См.: 21 сессия специального совета по делам беженцев, 26 ноября 1915 // РГИА. Ф. 1322, оп. 1, д. 1, л. 61—63. Цитата взята из речи сенатора О. И. Вальтера. К сожалению, в архиве РОЗЖ (РГИА. Ф. 1335) содержится очень мало заслуживающих внимания материалов.
- ⁴² Биржевые ведомости. 1915, 7 августа. См. также: *Речь*. 1915, 6 августа.
- ⁴³ *Thurstan V.* The People Who Run... P. 64.
- ⁴⁴ Джоан Нойбергер, правда, считает, что в предвоенные годы озабоченность масштабами подростковой проституции была не столь сильна, как негодование по поводу нарушения общественного порядка мужчинами. Слова Блока приведены в: *Dixon S.* The Orthodox Church and the Workers of St. Petersburg 1880—1914 // *European Religion in the Age of Great Cities 1830—1930* / Ed. Hugh MacLeod. London, 1995. P. 134.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 1322, оп. 1, д. 23, л. 4: «Комиссия об удовлетворении духовных нужд беженцев». Высказывания А. Ф. Кони об эвакуации домов терпимости см.: *Трудовая помощь*. 1916. № 1. С. 51—52. Среди членов комиссии, подотчетной специальному комитету по делам беженцев, были Кони и лидер еврейских депутатов в Думе Г. В. Слюзберг. Оба состояли также членами специального комитета. Об озабоченности общественности в предвоенные годы см.: *Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siecle Russia. Ithaca, 1992. P. 279—280.
- ⁴⁶ Такого мнения, кажется, придерживался один российский генерал. См. письмо Игелстрема Эверту от 4 июля 1915 г. РГВИА, ф. 2020, оп. 1, д. 131, л. 131-134.
- ⁴⁷ *Thurstan V.* The People Who Run... P. 69—72. Некоторые реформаторы призывали также и мальчиков обучать ремеслам, например, портновскому делу или плотничеству, для того чтобы увести их от уличной преступности. Терстан познакомилась с молодым человеком, который выступал за более широкое распространение принципов бойскаутизма. См. также: *Neuberger J.* Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900—1914. Berkeley, 1993. P. 72.
- ⁴⁸ *Вестник ВОПБ*. 1916. 3, 10 января. С. 13. Одна украинская организация помощи беженцам также утверждала, что «нужда и отчаяние» вынуждает многих женщин «и даже 7-8-летних детей» заниматься проституцией. РГВИА. Ф. 13273, оп. 1, д. 27, л. 11.
- ⁴⁹ Ср.: *Engelstein L.* The Keys to Happiness... Выводы, к которым она приходит на с. 297, говоря как о «большем стремлении врачей взять на себя бремя по исправлению [нравов], которое до этого несли административные органы государства», так и о все большем распространении среди них убеждения в «благо-

- творном влиянии просвещения и социальных мер».
- ⁵⁰ Драма беженцев // Вестник юга. 1915. 10 ноября.
- ⁵¹ РГВИА, ф. 13273, оп. 1, д. 12, л. 32 (журнал Собежа, 3 мая 1917 г.). В машинописном протоколе заседания есть любопытная подробность. Ермолов был, без сомнения, мужчина, но в тексте указано, что он просит передать ему ребенка для содержания «под ее надзором».
- ⁵² Дубнов С. Из черной книги российского еврейства // Еврейская старина. 1918. № 10. С. 283—285, 292—295. Одна история рассказывает о женщине, единственной наградой которой за то, что она укрывала от немцев группу казаков, было то, что казаки, снова вернувшись в деревню, изнасиловали ее и избili. Издатель этих документов обращает внимание на особенно серьезные «массовые случаи насилия» в Сморгоне, Глубоком, Видзах и Лемешевичах. По словам Дубнова, более точные евреи покупали свободу своих женщин, а самому большому риску подвергались жены бедняков. Во многих случаях изнасилование имело место на глазах членов семей. В Лемешевичах «беспомощные женщины, отделенные от своих мужей и отцов, оказались во власти дикой казачьей орды». Там же. С. 294.
- ⁵³ Драматическую историю об изнасиловании в одном из московских пригородов см.: Вестник юга. 1915. 25 сентября.
- ⁵⁴ Положение турецких армянок // Армяне и война. 1916. 7 сентября. С. 105. Автор выступает за создание рабочих домов («домов трудолюбия»), которые могли бы предоставить женщинам защиту и работу.
- ⁵⁵ Армянский вестник. 1915. № 35. С. 10; 1917. № 6. С. 19. См. также: Ошеровский Л. Трагедия армян-беженцев... С. 8. В этой статье проводится аналогия с изнасилованиями французенок немецкими войсками на Западном фронте, о которых писала Рут Хэррис: *Harris R. The Child of the Barbarian: Rape, Race, and Nationalism in the First World War // Past and Present. 1993. No. 141. P. 170—206.*
- ⁵⁶ Армянский вестник. 1917. № 6. С. 18; Ошеровский Л. Трагедия армян-беженцев... С. 8.
- ⁵⁷ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 23, л. 3. Положительную оценку помощи беженцам в Киеве см.: *Thurstan V. The People Who Run... P. 117.*
- ⁵⁸ Мшак. 1915, 3 мая; Палиак (Просвещение). 1915, 12 марта; *Акопян С. М. Западная Армения в планах империалистических держав в период первой мировой войны. Ереван, 1967. С. 193.*
- ⁵⁹ Аристократки, особенно в Москве, выступали в качестве патронесс организаций для помощи беженцам. Виолетта Терстан (*Thurstan V. The People Who Run... P. 89—90*) описывает деятельность графини Бобринской. Самая заметная роль выпала, конечно, на долю великой княжны Татьяны, которую восхваляли за работу в комитете, носившем ее имя. Один очевидец не удержался и добавил, что «Татьяна была неотразима со своей жизнерадостностью и озорной искрой в глазах». См.: *Russian A. (sic). Russian Court Memoirs. 1914—1916. London, 1917. P. 159.*
- ⁶⁰ Во многих случаях дамские комитеты работали под эгидой епархиальных комитетов. См.: Саратовские епархиальные ведомости. 1916, 1—12 января. С. 26—30.
- ⁶¹ КТН. Т. 1. С. 417. Об аналогичной деятельности в Саратове см.: Саратовские епархиальные ведомости. 1916, 1—12 января. С. 26—30.
- ⁶² Екатеринославская земская газета. 1915, 28 июля. О женском комитете Екатеринослава см.: Там же, 1915, 11 сентября.
- ⁶³ Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915, 13 декабря. С. 851.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Цит. по: Мшак. 1915. № 1. С. 1; См. также: Горизонт. 1915, 12 августа. С. 3.
- ⁶⁶ Горизонт. 1915, 9 января. С. 2.
- ⁶⁷ Симбирские епархиальные ведомости. 1915, 23, декабрь. С. 923.
- ⁶⁸ Цитата из письма «одной женщины» в «Женское дело» (№ 18 от 15 сентября 1915 г.). В следующем номере журнала (№ 19 от 1 октября 1915 г.) рассказывается о женщинах Москвы, которые дежурили на вокзалах и раздавали горячую пищу. Этим кратким очерком, кажется, и исчерпан интерес журнала к проблемам помощи беженцам.
- ⁶⁹ Югобеженец. 1915, 7 декабря.
- ⁷⁰ Вестник ВОПБ. 1916. № 6. С. 5.
- ⁷¹ РГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 1382, л. 57—62.
- ⁷² См. описания таких мероприятий: Известия КТН. 1916. № 1. С. 1; Югобеженец. 1916, 10 мая. Во время визита в Одессу царской семье были представлены маленькие беженцы из Минска и Галиции. Счастливицей, которую выбрали для вручения вышивки с «малоросским орнаментом», была София Стахнер. Вручать иконку доверили мальчику Николаю Швецу. См.: *Казанский Р. Е. Галицко-русские беженцы в Одессе. Одесса, 1916. С. 41—42.*
- ⁷³ Обе цитаты по: Известия КТН. 1915. № 5. С. 11.
- ⁷⁴ Известия КТН. 1916. № 9. С. 8; Там же. № 11. С. 12.
- ⁷⁵ КТН. Т. 1. С. 74.
- ⁷⁶ *Moore R. I. The Formation of a Persecuting Society: Power and Deviance in Western Europe, 950—1250. Oxford, 1987. P. 101.*
- ⁷⁷ Я встретил имена А. И. Горемыкиной (возможно, супруги премьер-министра?) и баронессы Софии Бухгеведен, фрейлины императ-

рицы. Подозреваю, что обе были подставными фигурами. Ни одна из них ни разу не упоминается в протоколах заседаний, которые мне удалось посмотреть, а в сохранившемся личном деле Бухгеведен есть только одна запись, связанная с беженцами, находившимися на попечении царскосельского управления Татьянинского комитета. См.: ГАРФ, ф. 742, оп. 1, д. 14.

⁷⁸ Альфред Мейер замечает, что «Женское дело» стремилось «показать воину в окопах, что в тылу все под контролем, и что домашний очаг, который он защищает, находится в полном порядке», но «к концу 1916 г., если не ранее, эти письма моральной поддержки сменились другими, в которых женщины жалуются на тяжелую жизнь, одиночество, усталость и от-

чаяние». Meyer A. The Impact of World War One... P. 224.

⁷⁹ Питер Лоизос писал о своих ранних работах: «Мне никогда не приходило в голову, что относительное отсутствие женщин в исследованиях по политической истории уже само по себе представляет интересную загадку для историка». В последующей работе «The Heart Grown Bitter», откуда и взята наша цитата (P. 194), он постарался восполнить этот пробел.

⁸⁰ См.: A Whole Empire Walking. Ch. 5. App. 5.

⁸¹ Как сказано в статье об армянских беженцах: «Всякий, посетивший эти кварталы, не может не быть тронут видом нагих женщин и детей». Ашхатанк, 1916. № 29. С. 4.

А. Н. Курцев

БЕЖЕНСТВО*

Участие России в Первой мировой войне породило трагическое явление «беженства»,¹ и это требует освещения таких важнейших вопросов, как собственно исход населения и жизнь беженцев в местах водворения, государственное попечение об эвакуированном населении и нарастание конфликтов между пришлыми элементами и коренными жителями на бытовом уровне, общая численность перемещенных людей, их национальный состав и др.

Основную массу беженцев составляли выходцы с западного театра военных действий. С начала войны и до весны 1915 г. преобладало стихийное беженство, имевшее добровольный характер, а общая численность перемещенных людей не превышала нескольких сотен тысяч человек, большинство которых расселилось в прифронтовой местности. В «Справке к вопросу о беженцах», составленной Ставкой Верховного главнокомандующего, указывалось, что «бегство населения под натиском наступающего противника наблюдалось с самого начала войны. Страх перед ее проявлениями... заставлял отходить (мирных граждан. — *А. К.*) впереди отступающих войск, останавливаясь в возможной близости от покидаемых жилищ и укрываясь в лесах, либо размещаясь в селениях, расположенных вне неприятельского обстрела». После окончания боев обыватели, в большей части, возвращались на родные места.

Таков был характер ухода населения до весны 1915 г., пока основные сражения происходили в «Привислянском крае». Однако в случаях, когда боевые действия оканчивались в пользу неприятеля, некоторые «беженцы — помещики, горожане и частью крестьяне», чтобы не оставаться под властью оккупантов, вместо возвращения домой перебирались в города прифронтовой полосы.² Особенно много мигрантов приняла Варшава, которая «с самого начала войны привлекала к себе весьма значительное количество беженцев из местностей, как уже занятых неприятелем, так и тех, коим угрожало нашествие его. Сперва сюда стекались выходцы из Калиша, Ченстохова, Млавы и других пограничных пунктов, впоследствии же, по мере приближения неприятеля к Варшаве, в нее стали в значительном количестве прибывать окрестные крестьяне, нередко со скотом, повозками, домашней утварью и проч.»³

Юго-Западный край практически не знал беженства. Известно лишь, что туда в начале войны «бежали большие группы угроруссов из Буковины (Австро-Венгрия. — *А. К.*), спасавшихся бегством от зверств австрийцев», но после вступ-

ления в их родные места российских войск многие из них вернулись обратно в Буковину, оставшиеся были направлены на жительство во внутренние губернии и только небольшая часть их осела в Бессарабии.⁴

С осени 1914 г. нуждающиеся беженцы получали материальную помощь эпизодического характера на основе высочайше утвержденного 14 сентября 1914 г. «Положения о Комитете Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий», представлявшего собой первый законодательный акт об организации беженского дела в России.

С момента образования и до августа 1915 г. Татьянинский комитет, которым умело руководил А. Б. Нейдгардт, являлся центральным органом по защите беженцев в России, пользовался правительственной поддержкой и широкими государственными субсидиями, небольшую часть поступлений давали всероссийские сборы пожертвований и частные взносы. Вскоре Комитет учредил губернские отделения во главе с местными губернаторами на прифронтовой территории, а затем по всей стране, превратившись в крупнейшую общественную благотворительную организацию по оказанию помощи беженцам. Комитет и его отделения выполняли и важные координационные функции в центре и на местах, привлекая представителей всех заинтересованных сторон, занятых беженским делом, и тратя больше половины средств на финансирование посторонних беженских организаций, включая национальные общества.⁵

К попечению участников стихийного беженского движения были привлечены также местная администрация и органы самоуправления, Красный Крест и военное ведомство, многочисленные благотворительные организации. Наиболее активно работали польские общества и Комитет помощи жертвам войны евреям.

Практическую деятельность проследим на примере Ковенской губернии, где «первые беженцы появились... вскоре после объявления войны», поступая главным образом из соседней Сувалкской губернии. «Но число их было очень не велико, так что нужды их были удовлетворены местным населением и существующими благотворительными организациями». С января 1915 г. беженское дело возглавлялось Ковенским отделением Татьянинского комитета. «Более значительные волны беженцев хлынули в начале февраля 1915 г., когда некоторые из пограничных поселений губернии были сожжены врагом». Большинство беженцев самостоятельно «разместились по родственникам и знакомым» в пределах Ковенщины, остальным местные власти помогли устроиться на «квартирах», «причем все нуждающиеся получили (из средств Татьянинского комитета. — А. К.) денежные пособия на продовольствие из расчета 15 — 20 коп. в день на каждого», а некоторым выделили дополнительно «единовременные денежные пособия» на покупку одежды, оплату квартиры и др. Для прибывающих «были открыты питательные пункты» с поставкой продуктов от военного ведомства, а «пожелавшим выехать из пределов губернии» организовали выдачу «вспомоществования на проезд».⁶

На восток выезжали немногие, рассчитывая на приют у близких. Так, в Рязанской губернии на начало 1915 г. оказалось всего 164 «беженца», или 0,2% ко всему беженскому населению на Рязанщине в 1914 — 1917 гг. (свыше 80 тыс. чел.). Первая волна беженцев почти целиком осела в городах, прежде всего в самой Рязани — 94 чел. С октября 1914 г. губернская администрация обеспечивала

из «татьянинских» субсидий «наиболее бедствующим» беженцев единовременными пособиями по 10 — 20 руб. на человека.⁷

Социальный состав таких мигрантов рисуют уникальные данные о «беженцах», прибывших в конце 1914 — начале 1915 г. в гор. Белев Тульской губ.: всего 2 семьи в составе 7 человек (позднее этот уездный центр принял свыше 600 беженцев). Из Варшавы приехала супруга русского офицера с дочерью и сестрой, из Гродно — учитель гимназии П. Д. Метелев, его жена, дочь и мать.⁸

На основании высочайше утвержденного 20 августа 1914 г. «Временного положения о вывозе за счет казны по военным обстоятельствам государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств» происходила организованная эвакуация из районов боевых действий чиновников и членов их семей с выдачей двухмесячного оклада жалования, пособия на выезд семейств, особых документов на право бесплатного проезда и т. д.⁹ Служащих обычно эвакуировали в ближайшие города, чтобы после изгнания врага они могли быстро вернуться к местам прежней службы. В конце 1914 г. Конский уезд Радомской губ. дважды подвергся вражескому нашествию, и каждый раз местные власти в полном составе покидали его, а затем возвращались назад.¹⁰

К весне 1915 г. эвакуированное чиновничество месяцами скиталось по прифронтовым городам, «переходя из одного города в другой по мере занятия их неприятелем».¹¹ Региональные отделения Татьянинского комитета периодически выдавали «эвакуированным» денежные пособия, в первую очередь низшим служащим, которые буквально впали в нищету, «очутившись с семьями в чужих городах и не получая в течение нескольких месяцев жалования».¹²

В конце 1914 — начале 1915 г. из боевой полосы Северо-Западного фронта принудительно выселили бесконвойным порядком большие группы российских евреев и немцев-колонистов, огульно обвинив их в политической нелояльности, ведении шпионажа и т. п. Еврейских «выселенцев» разместили в городах прифронтовых губерний с предоставлением материальной помощи наравне с добровольными «беженцами». Немедких колонистов выслали в тыловые губернии под надзор полиции.¹³ Подконвойным депортациям по персональным обвинениям политического и военного характера подверглись многие жители Буковины и Галиции (Австро-Венгрия) и отдельные германские подданные из Восточной Пруссии, а также некоторое число российских граждан (прежде всего немцев и евреев), которых как административно-ссылных вывезли под особым конвоем в глубокий тыл (самых «опасных» — в Сибирь) под «строгий надзор полиции» до конца войны.¹⁴

Весной 1915 г. противник перешел в наступление на Западе России и в Галиции (здесь и далее — с Буковиной). Это вызвало новую волну стихийного беженства и высылку еврейских граждан из боевой полосы в тыл. В начале июня Ставка пошла на крайнюю меру: войска получили приказ, что оставляемая неприятелю территория «должна быть превращена в пустыню, т. е. очищена — как от населения, так и от всего того, что могло составить для врага известную ценность».¹⁵ Началось принудительное выселение крестьянства, в первую очередь мужчин призывного возраста «от 17 до 45 лет», чтобы сохранить кадры для пополнения армии и лишить врага трудовых ресурсов. Удаление мужчин шло и при «очищении Галиции», но «кроме евреев», которых запретили увозить в Россию. Одновременно у сельского населения, включая жителей Галиции, реквизировалось продовольствие, кроме месячной нормы. Если излишки продуктов «не могут

быть вывезены», их следовало «уничтожить». Кроме того, военное командование отдало распоряжение реквизировать и «отправлять в тыл весь скот», «уничтожить посевы косью» и т. п.¹⁶

К концу июня 1915 г. «наиболее обширные полчища беженцев на Северо-Западном фронте образовались из сельского населения Холмской и Люблинской губерний, двинутых целыми уездами, вследствие желания военного начальства предоставить врагу вместо цветущего края пустыню».¹⁷ «Не имея возможности найти себе кров» в местных городах и селениях, переполненных ранее эвакуированными людьми, «а также и не стремясь особенно к этому ввиду летнего времени и желания главным образом обеспечить спасенную скотину выпасом, беженцы преимущественно располагались в лесах, где жили в шалашах из древесных ветвей или прямо на возах, держась поблизости боевой линии в надежде, что враг скоро будет прогнан...» Взятые при выселении ничтожные запасы провизии скоро истощились, и большинство беженцев ощущало острую нужду, а беженские попечительства оказались не в силах помочь всем нуждающимся.¹⁸

Поэтому 23 — 24 июня 1915 г. Ставка пошла на «отмену принудительного выселения очищаемой полосы». Исключение составляли российские немцы-колонисты Юго-Западного края, ставшего теперь ареной боевых действий, которые подлежали «обязательному выселению за собственный счет» в тыловые районы империи. Евреев западных губерний войска получили приказ оставлять на месте, поскольку их пребывание в коренной России «нежелательно». Добровольным беженцам-славянам, в том числе «галицким уроженцам», «предоставляется бесплатный проезд по железным дорогам» с питанием «по пути следования» в тыловые «местности их водворения», где они получают «попечение и заработок».¹⁹

Однако уже в июле Ставка вернулась к действиям по «очищению местности от населения» на узких участках фронта. Происходили выселения всех жителей из Принеманской береговой полосы, потом из-за р. Дубиссы в Ковенской губернии.²⁰ Вскоре отмечалось: «Выселяется поголовно все местное население из имений, сел и деревень Хорошанской и других волостей Белостокского уезда Гродненской губернии, с предупреждением, что все оставшееся в имениях и деревнях имущество (собранный урожай, постройки, весь инвентарь и пр.) будет сожжено. <...> Подобные распоряжения вызывают справедливое недовольство и раздражение... среди разоряемого населения, насильственно обращаемого в беженцев».²¹ В середине августа началась «эвакуация стоверстной пограничной полосы Волынской, Подольской и Бессарабской губерний», которая сопровождалась «принудительной эвакуацией всего населения от 12 до 50 лет, уничтожением запасов продовольствия, уводом скота, лошадей, что является для населения величайшим бедствием и полным разорением».²²

Эти действия вызвали тревогу в Совете министров. Его председатель И. Л. Горемыкин доложил Николаю II, что «огульная принудительная эвакуация населения из обширных районов продолжается. По мнению Совета министров, принудительное выселение сотен тысяч людей, уничтожение их имущества, разорение жилищ и другие подобные меры... составляя государственную опасность, требуют скорейшего их прекращения».²³ Законодатели также высказались против «поголовной эвакуации целых районов на театре военных действий, так как подобные мероприятия военных властей, с одной стороны, по свидетельству членов Государственной Думы, вызывает недовольство среди разоряемого населения, насильственно обращаемого в беженцев, с другой стороны, ложится непо-

мерным бременем на Государственное Казначейство, ввиду необходимости оказания материальной помощи беженцам...».²⁴

16 августа 1915 г. Совет министров после официального обсуждения «признал огульную эвакуацию населения с уничтожением имущества недопустимой». 18 августа это решение было доведено до сведения Ставки, которая 20 августа приказала: войсковым начальникам — «насиленно не выселять», гражданской администрации — «подтвердить населению, что принудительного выселения нет, по возможности надо оставаться на месте».²⁵

К этому времени на фронте обычным явлением стали «грабежи и насилия», чинимые военными при выселении граждан.²⁶ Особая жестокость солдат, подстрекаемых антисемитской пропагандой, проявлялась в отношении евреев, особенно женщин.²⁷ Военное руководство оправдывалось тем, что «в сознании рядового солдата не умещалось... что врагу можно оставить русское добро, и что русский (т. е. российский подданный. — *А. К.*) может сам остаться и предпочесть общей беде жизнь под владычеством „немца“».²⁸

В конце августа новое руководство Ставки потребовало прекратить несанкционированные выселения людей и уничтожения их имущества, поскольку «многочисленные сведения непосредственно от беженцев свидетельствуют о том, что до настоящего времени при очищении нашими войсками некоторых местностей различные тыловые органы, а также в особенности казаки, заставляют население сдвигаться с места и при нежелании зажигают города и местечки, вследствие чего население вынуждено бросать все и бежать в глубь страны».²⁹

В отдельных случаях само военное руководство инициировало принудительные высылки. По официальному свидетельству властей, вплоть до 10 сентября 1915 г. «на Юго-Западном фронте население удаляется заблаговременно и при этом принудительно выселяются только лица от 17 до 45 лет» (разумеется, с указанными мужчинами призывного возраста вынуждены были покинуть родные места и члены их семей).³⁰ В середине сентября командование Северного фронта решило «выселить из Лифляндской губернии всех мужчин от 17 до 45 лет, как обычно уводимых германцами из занятых ими местностей для использования их в военных целях», исполнение которого правительству с трудом удалось предотвратить.³¹

С конца августа 1915 г. население прифронтовых губерний «оставляет свои места не потому, что войска мерами насилия принуждают его это делать, а добровольно, не желая оставаться под выстрелами и вообще в районе, занятом неприятелем, так как среди народа упорно циркулируют слухи о жестоком обращении немцев с населением и конфискации у него жизненных запасов», в связи с чем люди «не имеют куска хлеба», «женщины насилуются на глазах родных», «мужчины используются на самых тяжелых работах», а жители оккупированных районов «массами бегут к нашим войскам, несмотря на жестокую расправу с беглецами». Более того, при отходе российских войск «чинами (гражданской. — *А. К.*) администрации и войсковыми начальниками неоднократно делались попытки путем нравственного воздействия остановить народ от (добровольного. — *А. К.*) выселения, но успеха не имели». Причем, согласно данным МВД от 10 сентября 1915 г., «городское население, хотя и менее рискует, чем население деревень, но более склонно покидать насиженные места».³² Сам процесс массового исхода породил цепную реакцию паники. Очевидец утверждал, что «главный теперь ужас — это движение беженцев, принявшее характер великого переселе-

ния народов: несметные толпы голодных и полунагих людей движутся на восток... фактически грабя встречные деревни и увлекая за собою их жителей, увеличивая ими бездомную толпу».³³ В сентябре 1915 г. власти пришли к выводу, что «паническое бегство населения из угрожаемых неприятелем местностей крайне вредно отзывается на интересах Государства», в частности, позволит врагу «заселять безлюдный край немецкими колонистами». В связи с прекращением отхода российских войск, а также в результате разъяснительной работы население прифронтовых губерний вскоре «перестало бежать и осталось на местах».³⁴

В июне и особенно в июле 1915 г. военное командование и гражданские власти старались «передвинуть» беженское население из боевой полосы в ближайшие местности: сначала в восточные уезды «своих» губерний, позднее — в соседние губернии. Курляндских беженцев направили в Лифляндию (прежде всего в Ригу и Юрьев), а оттуда частично вывезли в Петроград, который к 23 июля принял 1300 человек с различных участков Северо-Западного фронта.³⁵ Отдельные партии беженцев, с их согласия, отправили в более отдаленные районы, например в июле с Юго-Западного фронта в губернии Черниговскую, Полтавскую, Екатеринославскую.³⁶ Но большинство беженцев оставалась вблизи линии фронта. Особенно много их осело на востоке прифронтовой Волынской губернии. Остальные скопились в ближайших тыловых губерниях Лифляндской, Витебской, Минской, Киевской и др.³⁷ Переселяться в глубь страны, где легче можно было найти заработок и помощь, беженцы не желали, предпочитая оставаться в тылу армии, поближе к родным местам, на которые рассчитывали в скором времени возвратиться.³⁸

Только 4 августа по инициативе Ставки состоялось решение центральных властей о массовом перемещении беженцев во внутренние губернии империи для разгрузки прифронтовой местности от избыточного населения и предоставления ему более действенной помощи в условиях тылового проживания.³⁹ Беженские потоки с Северо-Западного фронта преимущественно направляли в расположенные восточнее губернии Европейской России, из которых Могилевская, Смоленская, Орловская, Тамбовская, Пензенская, Самарская и Оренбургская были отнесены к южной границе расселения. Основную массу выходцев с Юго-Западного фронта отправляли на жительство в местности, находившиеся южнее этой разграничительной линии.⁴⁰

Для эвакуации на восток, помимо разъяснительной работы, применялись меры принуждения с широким привлечением полиции, а иногда и «конных частей армии».⁴¹ Многие беженцы скрывались в лесах. Оттуда их выгоняла полицейская власть и притом с таким усердием и энергией, что даже сжигала шалаши, результатом чего были человеческие жертвы».⁴²

Летом 1915 г. основным способом «эвакуации» гражданского населения в ближние губернии выступали гужевые перевозки. Власти формировали беженские обозы во главе с «проводниками» из местного духовенства, сельской администрации и т. д., которые получали брошюры с указанием местности, куда эвакуироваться и всего пути следования.⁴³ Большинство двигалось на собственных конных повозках, обычно крытых «брезентом». Дети и старики ехали на фуре, а остальные члены семьи большую часть пути шли пешком рядом, гоня скот, жалея лошадей, везущих перегруженный воз. Людей, «совершенно обездоленных» войной, вывозили на «обывательских» подводах, которые по нарядам местных властей «подавали» жители придорожных селений.⁴⁴

На главных грунтовых дорогах «были устроены для беженцев питательные пункты, на которых они получали (бесплатно. — *А. К.*) горячую пищу», «детям еще молоко и белый хлеб», запас продуктов «сухим пайком» для питания в пути и фураж для скота. Заболевшим оказывали медицинскую помощь, а «семьям с маленькими детьми и старикам» предоставляли ночлег на пункте или в соседних избах крестьян.⁴⁵

Местные жители поначалу с сочувствием встречали беженцев, предоставляли им приют в дождливую погоду, жертвовали продукты питания и корм для скота. Но многие беженцы, будучи в озлоблении за необходимость выселения и находясь в панике, все на пути разрушали и этим нанесли убытки местному населению. Беженцы грабили жилища, совершали массовые потравы, самовольно рубили деревья для костров (в общинных лесах. — *А. К.*), копали картофель и т. п. Поэтому местные жители нередко проявляли к ним враждебность и дело доходило до убийств.⁴⁶ В сентябре потоки беженских обозов были остановлены распутицей на подступах к тыловым губерниям, а отсутствие гигиенических условий, переменчивая погода с частыми дождями и холодными ночами привели к развитию эпидемий с высокой смертностью детей.⁴⁷

С осени 1915 г. вывоз беженцев в тыловые районы происходил только по железным дорогам, в основном «маршрутными поездами» с прямой доставкой до пункта назначения. Уже в октябре действовало 200 таких поездов. Каждый вмещал более тысячи человек с вещами. У станций западных губерний были собраны транзитные обозы и, чтобы ускорить вывоз, организована скупка у беженцев лошадей с повозками и прочего скота. При посадке в поезд разрешалось брать не более двух пудов багажа на человека, но фактически грузили всю домашнюю утварь. Очевидец писал: «Большинство беженцев едет со значительным запасом пшеницы, муки и др. продуктов». Каждый беженский эшелон имел «проводника», который заботился об эвакуируемых от посадки до расселения в местах прибытия. Перевозка и все другие услуги беженцам предоставлялись безвозмездно. При посадке в маршрутные поезда беженцы снабжались теплой одеждой. На питательных пунктах транзитных станций людей кормили горячей пищей, детям выдавали яйца, молоко и белый хлеб. Заболевшим, оказывалась помощь. Эпидемических больных удаляли из эшелонов для стационарного лечения.⁴⁸

Наблюдатели отмечали и множество недостатков: «Двигутся поезда беженцев чрезвычайно медленно», с коротких «остановок на время кормления» трогаются без предупреждения, поэтому «одни успевают получить пищу, а другие нет, причем многие беженцы отстают от поезда»; вагоны «битком набиты», вперемешку со здоровыми «лежат в бреду тифозные и корчатся в судорогах холерные больные», которые «часто укрываются, чтобы не попадаться медицинскому персоналу во время обходов».⁴⁹

Массовое прибытие беженцев с западного театра военных действий в тыловые губернии Российской империи началось в июле-августе достигло максимума в сентябре-октябре, завершилось в ноябре-декабре 1915 г. К середине сентября 1915 г. «в различных губерниях находилось около 750 тыс. беженцев», включая всех прибывших в тыл с начала войны. В следующие 3,5 месяца только маршрутные поезда вывезли на восток свыше 2 млн. человек. Динамику этих перевозок рисуют сведения о «ежедневном прохождении беженцев через 54 регистрационных пункта в пределах Европейской России за время с 16 сентября (начало массового движения беженцев по железным дорогам. — *А. К.*) по 31 декабря

1915 г.): вторая половина сентября — 148 871, октябрь — 111 778, ноябрь — 8 588, декабрь — 1 714, упав в последнюю пятидневку до 350 человек в сутки. Регулярное прибытие беженских эшелонов в Сибирь, Среднюю Азию и на Дальний Восток началось позднее — с конца сентября, но завершилось одновременно с европейской территорией — к исходу 1915 г.⁵⁰

Кроме того, за вторую половину 1915 г. в порядке организованной эвакуации объектов государственного значения вывезли в тыловые губернии примерно 4 000 учреждений и учебных заведений, заводов и фабрик, монастырей и т. д., а также отдельных «должностных лиц» (предводителей дворянства, податных инспекторов, нотариусов и др.). Вместе с чиновниками выезжали члены их семей, а учебные заведения — обычно с учащимися.⁵¹

В результате массового оставления жителями российских территорий оккупационные власти встретились с немалыми экономическими трудностями. Генерал Э. Людендорф отмечал, что в октябре 1915 г. население, которое пряталось в лесах, постепенно возвращалось домой. Особенно его поразило, что все представители русской администрации и вообще вся русская интеллигенция покинули оккупированные местности, а оставшееся население, за исключением немцев, их чуждалось, в том числе латыши и литовцы; наиболее враждебно были настроены поляки. «Немцы же, особенно из Прибалтийского края, хорошо приняли германские войска». В отношении евреев автор отметил, что они не создавали затруднений и даже выполняли роль посредников.⁵² Летом 1915 г., по авторитетному мнению А. Б. Нейдгардта, в тыловые губернии России были вывезены «в громадном большинстве даже не беженцы, а выселенцы, так как покинули свои родные места и бросили свое достояние не по собственной воле, а по распоряжению и под давлением военных властей».⁵³ Эмоциональные оценки современников иногда облекались в количественную форму. Так, весной 1916 г. беженский деятель из Уфимской губернии заявил, что «свободных беженцев меньшинство — 10-12%, большинство же это выселенцы».⁵⁴

Однако, когда в марте 1917 г. в Воронеже провели «перепись» еврейских беженцев, которой было выявлено 4 307 чел., при этом фактически все приехали в 1915 г., в том числе 94% — с Северо-Запада, где в основном и проводилась «принудительная эвакуация», оказалось, что «51,1% оставили родину добровольно, остальные же были к этому принуждены».⁵⁵

Совершенно другая ситуация сложилась на Кавказе, куда с конца 1914 г. стали поступать армянские и ассирийские беженцы из Турции и Персии, спасаясь от насилий и резни со стороны турок и курдов. Уже к 30 января 1915 г. в Эриванской губ. и Карсской обл., частично в Батумской обл., Тифлисской губ. и прочих районах российского Закавказья оказалось, по далеко неполным данным, более 67 тыс. беженцев: армянской национальности — 33 тыс. чел. из Турции и 7 тыс. из Персии, 8 тыс. ассирийцев («айсоров») из Персидской Урмии, а также почти 20 тыс. российских граждан (10 тыс. армян, 9 тыс. греков и др.) из приграничной полосы, откуда они спаслись бегством во время вторжения турок». При бегстве с родины все указанные группы населения (особенно ассирийцы) перенесли страшные испытания: во многих семьях были вырезаны почти все мужчины, изнасилованы молодые девушки и женщины, немало оказалось замерзших в дороге и умерших от болезней уже «на местах убежищ», не говоря о том, что абсолютное большинство потеряло все свое имущество.⁵⁶

В 1915 г. эвакуация на Кавказ продолжалась, особенно в период «июльского беженства», когда в Турции было уничтожено до 20 тыс. армян. К октябрю общая численность только «армянских беженцев (иностранных граждан. — *А. К.*), укрывшихся в русской территории», превысила 200 тыс. чел., а всего «на Кавказе» осело «около 300 тыс. беженцев». До середины 1915 г., когда «обслуживали беженцев главным образом армянские организации (местные благотворительные общества. — *А. К.*), не обладающие достаточными средствами», прибывшие люди получали столь мизерную помощь, что беженцы, особенно женщины и дети, гибли в большом числе. Близ Эчмиадзина из 70 тысяч беженцев умирало более 700 человек в день от истощения, голода или болезней. Пришлось вмешаться русскому правительству. Оно выслало на нужды беженцев почти 2 млн. руб., в том числе 150 тыс. руб. через католика всех армян, подключило к работе с пришлым населением кавказскую администрацию и Татьянинский комитет. По всей стране прошли сборы в пользу армян. В Петрограде собрали 80 тыс. руб. и выслали «в распоряжение комитета (помощи армянам. — *А. К.*) под председательством католика в Эчмиадзин». Общими усилиями беженское население обеспечили всем необходимым и разместили на жительство в Закавказье. Отдельные партии армян и ассирийцев выехали («по назначению» и самостоятельно) в 1915 г. в Европейскую Россию. В Поволжье даже в 1919 г. проживало до 4 тыс. армянских беженцев.⁵⁷

Летом 1915 г. в связи с началом массовых перевозок западных беженцев в тыловые губернии центральные власти пришли к выводу: «Первоначально, когда неприятель занимал сравнительно небольшое пространство и число беженцев было невелико, меры временной помощи последним... осуществлялись с полным успехом Комитетом Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны и его местными отделениями. В настоящее же время, когда число беженцев достигает сотен тысяч, заботы об упорядочении движения массы беженцев, о снабжении их необходимым пропитанием и врачебной помощью в пути и об устройстве их в местах водворения, являясь вопросами государственной важности, составляют задачу правительственной власти».⁵⁸ Поэтому МВД подготовило соответствующий законопроект, он был одобрен российскими законодателями и утвержден императором 30 августа 1915 г. как «Закон об обеспечении нужд беженцев». С этого времени и до октября 1917 г. данный закон определял политику государственного попечения о беженцах, установив, что ими «признаются лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств» (впоследствии статус «беженцев» получило эвакуированное население союзной Румынии), за единственным исключением: «Лица, высланные из района военных действий под надзор полиции, к числу беженцев не относятся».

На основании этого закона с 10 сентября 1915 г. до конца 1917 г. работало «Особое совещание по устройству беженцев» с функциями «высшего» консультативного органа МВД в отношении всех нужд беженцев в России. Специальным подразделением МВД стал «Отдел по устройству беженцев» на правах временного департамента. Регулярные заседания особого совещания, на которых председательствовали быстро сменяющиеся руководители МВД (официально должность председателя была закреплена за министром, на практике собрания вели товарищи министра) и присутствовали ответственные сотрудники практически

всех министерств и прочих ведомств, проходили при активнейшем участии представителей обеих законодательных палат (член Государственного совета В. П. Энгельгардт длительное время исполнял даже обязанности председательствующего), Татьянинского комитета, национальных беженских организаций (польских, еврейских, латышских, литовских, «русских», армянских и др.), Всероссийского земского и городского союзов.⁵⁹

Одним из первых решений Особого совещания явилось введение в России регулярного «пайкового» довольствия беженского населения из государственных средств, в том числе путем ежемесячной выдачи продовольственного «пайка» (в большинстве случаев в денежной форме) из расчета в среднем 20 коп. в день на человека, исходя из имеющегося опыта государственного призрения солдатских семей и сложившейся практики оказания помощи беженцам Татьянинским комитетом.⁶⁰

Осенью 1915 г., когда большинство западных беженцев было расселено в тыловых регионах, открылись Губернские совещания по устройству беженцев под личным руководством губернаторов (после Февральской революции — губернских комиссаров Временного правительства), заседания которых проходили с участием представителей администрации, самоуправления и общественности, в т. ч. обязательно от этнических беженских организаций.⁶¹ В Петрограде, Москве и других градоначальствах функционировали аналогичные «Городские совещания».⁶²

В каждом уезде и крупном городе возникли постоянно действующие общественные «Комитеты помощи беженцам» («Отделы» и пр.) соответственно при земских и городских управах, иногда «Попечительства о беженцах» в волостях и селениях, отдельных районах городских центров, которые занимались общей координацией нужд беженцев в уезде (городе) и непосредственным попечением об эвакуированных людях «русского» происхождения (великороссов, малороссов и белорусов, а при необходимости и иных национальностей — немцев-колонистов, получивших статус беженцев, и пр.). «Русские» общества помощи беженцам довольствовались скромной ролью сотрудничества с земствами и городами. Поляки, евреи, латыши, литовцы и др. обычно полностью опекались местными этническими организациями, которые обеспечивали не только материальные, но и духовные потребности беженцев, включая языковое общение, поддержку национальных и религиозных традиций, т. е. играли консолидирующую роль в среде эвакуированного населения.⁶³

С осени 1915 г. местные отделения Татьянинского комитета были переориентированы на обеспечение сотен тысяч детей беженцев дополнительной помощью в получении образования, особом лечении, воспитании беспризорных и т. д. Только с лета 1915 по весну 1917 г. через «Центральное справочное бюро по регистрации и розыску беженцев» комитета было разыскано свыше 500 тыс. беженцев, в т. ч. более 20 тыс. детей, из коих 4 тыс. знали только свое имя.

Важным направлением работы Комитета являлась забота об «интеллигентных беженцах»: выдача дополнительных пособий, трудоустройство и пр., поскольку «интеллигентные люди с большим трудом, чем простолюдины, приспособляются к тяжким условиям беженской жизни, а с другой стороны весьма ограниченный спрос на интеллектуальный труд, в противоположность широкому спросу на рабочие руки, чрезвычайно затрудняет для беженца, принадлежащего к интеллигентным труженикам, подыскание подходящей работы». Наконец, типовой «паек

беженцев, достаточный для крестьянина, является безусловно недостаточным для интеллигентного человека», а «лишения, испытываемые ими (интеллигентами. — А. К.) много тяжелее, сложнее и более остро ощущаются».

После Февраля 1917 г. в Татьянинском комитете царская дочь Татьяна Николаевна была отстранена от почетного председательствования. Организацию переименовали в «Всероссийский комитет помощи пострадавшим от войны», его председателем стал А. Б. Нейдгардт, сократили объем финансирования, закрыли некоторые местные филиалы, что снизило эффективность его работы.⁶⁴

Особое место занимала система государственных главноуполномоченных по устройству беженцев. Летом 1915 г. были введены должности главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта (С. И. Зубчанинов) с образованием при ней специального учреждения «Северопомощь» в г. Смоленске (в дальнейшем указанные структуры обслуживали одновременно Северный и Западный фронты) и главноуполномоченного по устройству беженцев Юго-Западного фронта (кн. Н. П. Урусов) с созданием аналогичного Югобеженца в гор. Бердичеве Киевской губ., которые организовали эвакуацию населения на восток, а затем опекали оставшихся в прифронтовых районах беженцев. Позднее был назначен главноуполномоченный по устройству беженцев Кавказского фронта.

Осенью того же года в каждом тыловом регионе из 2 — 3 смежных губерний приступили к работе по координации приема эвакуированных и дальнейшего их попечения главноуполномоченные по устройству беженцев внутри империи из числа губернаторов (с небольшим штатом сотрудников) тех местностей, что оказались оккупированы неприятелем. Скажем, беженцев в Пензенской и Тамбовской губерниях активно опекал бывший люблинский губернатор И. Н. Стерлигов.

Весной 1917 г. Временное правительство ликвидировало должности фронтовых и тыловых главноуполномоченных по устройству беженцев, поскольку их деятельность свелась преимущественно к посредничеству и дублировала прямые контакты местных органов с центральными беженскими учреждениями, причем имущество фронтовых управлений перешло к Земгору.⁶⁵ Эта «ликвидация», как и попытки упразднить Татьянинский комитет, а также игнорирование новым руководством страны решений Особого совещания по устройству беженцев во многом объясняются давней конкурентной борьбой Всероссийских земского и городского союзов, желавшими стать во главе беженского дела в центре и на местах.⁶⁶

С февраля по октябрь 1917 г. были предприняты попытки «демократизировать» и «советизировать» беженское дело: появились местные «беженские советы», прошли два Всероссийских съезда беженцев, учредили даже Всероссийский союз беженцев, но практической отдачи эти политические акции не имели. После большевистской революции прежняя государственно-общественная организация беженского дела была в течение нескольких месяцев полностью ликвидирована.⁶⁷

Период 1916 — 1917 гг. отличало стабильное проживание беженцев в тыловых районах водворения. В течение 1916 г. с западного театра военных действий вообще не поступало сколько-нибудь заметных потоков беженцев, а на Кавказе по мере наступления российских войск в глубь турецкой территории беженцы-армяне возвращались в свои места.⁶⁸

С начала 1917 г. в Россию прибывали отдельные партии и «единичные семьи» румынских беженцев (в первой половине 1918 г. в центре страны собрали и вывезли на родину 2 тыс. «румын-беженцев»).⁶⁹ Летом 1917 г. несколько тыловых губерний специально подготовили, чтобы принять «волну беженцев из Тарнопольского района Галиции», но реально оказалось, что «массового движения беженцев по железным и грунтовым дорогам нет, идут лишь небольшие группы и отдельные лица». ⁷⁰ Осенью было замечено, что появились новые беженцы с Северного фронта, но большинство их осталось в прифронтовой местности. ⁷¹ Одновременно в 1917 г. увеличилось число эвакуированных, которые нелегально вернулись в западные губернии, нарушив запрет самовольно покидать места своего расселения в тылу. ⁷²

В 1916 — 1917 гг. происходило также официальное перемещение небольшой части беженцев с целью воссоединения семей, причем некоторые выходцы из западных губерний (главным образом поляки и евреи) и армяне с Кавказа выехали в Северную Америку: обычно женщины с детьми — к мужу, другие — к родным, иногда — на постоянное жительство, отдельные лица уже имели американское гражданство. ⁷³

Порою власти перемещали значительные группы эвакуированных. В 1916 г. из перенаселенного Петрограда вывезли в «благополучное» Поволжье несколько приютов с детьми беженцев. Самый массовый случай связан с Туркестаном, откуда весной 1916 г. в Поволжье переправили от 50 до 100 тыс. западных беженцев, страдавших в первоначальном месте водворения от климатических условий и эпидемических болезней. ⁷⁴

Имеющиеся официальные сведения о численности эвакуированного населения учитывают почти исключительно только «призреваемых» беженцев из «простонародья», что позволяло контролировать выдачу им мизерных государственных пособий. Вне регистрации оказались государственные служащие с семьями, получавшие «жалованье» и особую «ссудную» помощь, и вообще все «состоятельные» беженцы как не подлежащие или не нуждающиеся в «государственном попечении», а также выселенцы, состоящие под надзором полиции, которых только в ходе весенней амнистии 1917 г. в массовом порядке перевели из категории «административно-высланных» в разряд «беженцев». ⁷⁵

Первый широкий подсчет «беженцев» в России показал на 20 декабря 1915 г. 2,7 млн. чел. (без Закавказья и с неполными данными по некоторым другим местностям), ⁷⁶ уточненная регистрация (сведения без Закавказья) выявила 3 млн. «беженцев» в начале 1916 г., ⁷⁷ в конце того же года — 3,6 млн. чел. (здесь и далее — с Закавказьем, где к тому времени под «опекой» проживало 464 тыс. «беженцев», из которых 145 тыс. чел. находилось непосредственно на территории Турции и Персии), ⁷⁸ летом 1917 г. — свыше 3,8 млн. чел. ⁷⁹

С учетом незарегистрированных людей, а также мобилизованных в армию (куда в течение войны было призвано огромное большинство беженцев-мужчин⁸⁰), умерших в ходе эвакуации, новых беженцев в конце 1917 г. и т. д. общая численность перемещенных граждан в период Первой мировой войны в России достигнет 5 млн. человек. Так, беженские деятели, обсудив этот вопрос в 1916 г. на Пироговском съезде, пришли к общему мнению (поначалу оценки колебались от 3 до 10 млн. человек), что «беженство» захватило в России «до 5 000 000 населения». ⁸¹

Рассмотрим расселение призываемых беженцев на лето 1917 г. — всего 3 846 917 человек (итоговое число выведено нами на основе порайонных данных).

В прифронтовой полосе Европейской России находилось 744 820 чел., или 19,4% всех беженцев, причем на Северный и Западный фронты приходилось 348 320 чел. (более всего в Лифляндской губ. — 170 534 и Минской — 145 174, остальные жили в Витебской и удерживаемой части Виленской губ.), в районах Юго-Западного фронта — 348 320 человек (в 50-верстной боевой полосе, которая проходила по российской Волини и австрийской Галиции, а также Румынии — 100 000 чел., на основной части Волинской губ. — 238 533, остальные в Подольской и Бессарабской губ.).

На тыловой территории Европейской России было зарегистрировано 2 613 927 чел., или 67,9% всех беженцев, более всего в Екатеринославской губ. — 234 700, Московской — 212 307 (в т. ч. в Москве — 170 784) и Самарской — 173 004 чел.

На Азиатскую Россию (Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия) приходилось лишь 114 637 чел., или 3,0% всех беженцев, больше всего их осело в Акмолинской обл. — 31 936 и Томской губ. — 30 005 чел.

На Кавказе (с Предкавказьем) числилось 373 533 чел., или 9,7% всех беженцев.⁸²

По данным статистического отдела Татьянинского комитета, который занимался разработкой регистрационных карточек на беженцев в районах водворения, национальный состав 3,2 млн. призываемых беженцев в России (без Закавказья) на конец 1916 г. выглядел следующим образом: русские — 58,8%, поляки — 15,0%, латыши — 10,0%, евреи — 6,4%, литовцы — 2,8%, эстонцы и др. — 7,0%.⁸³ Однако с учетом закавказских беженцев (почти 13% ко всем 3,6 млн. беженцев) указанная доля «русских» упадет до 50%. Но главное, что термин того времени «русские» имел обобщенный смысл, обозначая в единстве население «великорусское», «малорусское» и «белорусское».

Реальную картину этнической принадлежности эвакуированного населения рисуют сохранившиеся материалы первичной регистрации по Белгородскому уезду Курской губернии, который в основном заполняли беженцы из полосы Юго-Западного фронта. Осенью 1916 г. в уезде проживало 10,2 тыс. беженцев (в т. ч. в самом Белгороде 1,8 тыс. чел.), причем были учтены «не только беженцы, получающие паек, но и все вообще беженцы, находящиеся на жительстве в уезде». Результаты оказались следующими: российские подданные украинской национальности — 34,1%, поляки — 24,7%, собственно русские (великорусы) — 16,5%, белорусы — 11,8%, евреи — 5,2%, литовцы — 4,9%, российские немцы-колонисты — 0,6%, латыши — 0,1%. Кроме того, «галичане» из Австро-Венгрии (в основном украинцы) — 1,1% и армянские и ассирийские беженцы из Турции и Персии — 1,0%.⁸⁴

Для аналогичной характеристики территорий с преимущественным расселением выходцев из полосы Северо-Западного фронта используем материалы переписи беженцев в Петрограде и его пригородах, которой на 26 февраля 1916 г. было выявлено 101 тыс. беженцев, в том числе латышей — 23,2%, поляков — 22,6%, русских — 20,9%, литовцев — 6,7%, евреев — 4,4%, эстов — 0,8%, немцев — 0,5%, армян — 0,1%, «прочих» — 0,7%, а также людей, «не указавших национальности», — 20,1%.⁸⁵ Разработчики переписи, исходя из религиозной

принадлежности последних, указали, что примерно 7 тыс. чел. можно дополнительно отнести к «русским»,⁸⁶ но и тогда общий удельный вес так называемых русских беженцев едва достигнет 28%. Приведенные факты доказывают, что большинство беженцев не были русскими.

В 1916 — 1917 гг. основная масса беженцев состояла из женщин, детей и стариков. Большинство эвакуированных разместили на жительство в сельской местности, поместив «на квартиры» к местным крестьянам. В городах устроились наиболее трудоспособные, причем преимущественно по «обывательским квартирам», небольшую часть перемещенных людей из числа одиноких женщин с детьми, престарелых и инвалидов содержали в общежитиях с предоставлением питания, организацией ухода за больными и т. п. Особое внимание уделялось приютам с детьми, потерявшими при эвакуации родителей. Беженское население бесплатно получало в местных больницах врачебную помощь и в аптеках лекарства.⁸⁷

В городах и многих селениях открылись польские, еврейские, латышские и т. п. «школы для детей беженцев — инородцев... с обучением природному языку и закону веры». Преподавали эвакуированные учителя. Общась с местными сверстниками, иноязычная молодежь быстро овладевала русским языком.⁸⁸

В период общей эвакуации населения правительство издало 19 августа 1915 г. распоряжение «О разрешении евреям жительство в городских поселениях вне черты общей их оседлости». Оно открыло свободный доступ еврейским беженцам на территорию метрополии, но запрещало размещать их в сельской местности (после Февральской революции 1917 г. все ограничения были отменены). Одновременно министром народного просвещения «сделано было распоряжение о приеме детей беженцев иудейского вероисповедания... сверх существующей нормы» в различные учебные заведения, что вызвало широкий приток еврейской молодежи.⁸⁹

К весне 1916 г. беженцы прочно устроились в местах водворения, и началось свертывание политики государственного призрения эвакуированных в сочетании с принуждением трудоспособных обеспечивать себя собственным трудом, особенно в сельском хозяйстве, вплоть до лишения уклоняющихся от работы правительственных пособий. С осени 1916 г. «пайковые» деньги на питание и наем жилья выдавались лишь половине беженцев. Размеры беженских «пайков» составляли: продовольственный — в среднем до 6 руб. в месяц на человека, квартирный («на помещение, отопление и освещение») — 2 руб. в городе и 1,2 руб. на селе в месяц на человека. В столицах и крупных городах на питание и квартиры выдавались повышенные «пайки». Вещевое пособие на одежду и обувь получало только 30% эвакуированных.⁹⁰

Через Татьянинский комитет российским беженцам поступали и пожертвованные из Америки теплые вещи и белье. Немецкие выселенцы и выходцы из Галиции получали пособия через американского консула, места водворения перемещенных людей посещал американский гражданин Томас Витмор и т. д.⁹¹

В 1916 — 1917 гг. размеры государственных пособий для эвакуированных, несмотря на рост дороговизны, оставались без изменений. Между тем к лету 1917 г. реальные расходы беженца даже в хлебных губерниях Центрального Черноземья достигли 9 — 12 руб. в месяц, а «квартира» обходилась от 3 руб. на селе до 4 руб. в городе. В результате в России повсеместно в связи с недостаточностью пайков при все возрастающей дороговизне продуктов и преобладающем

количестве нетрудоспособных наблюдалось острое недовольство и брожение среди беженцев, перераставшее в беспорядки, особенно частые в Московской, Таврической, Томской, Воронежской и Курской губерниях. Временное правительство накануне своего свержения успело выделить местным беженским органам (в т. ч. национальным) «пайковые» ассигнования на последнюю четверть 1917 г., но опять без индексации. Известно, что с июля 1915 г. по 15 октября 1917 г. государство выделило только «на содержание беженцев» свыше 600 млн. руб. (сведения неполные). С 1918 г. советское руководство прекратило выдачу «пайковых» пособий.⁹²

В период водворения беженцев коренное население тыловых районов встречало прибывших (кроме немцев) сочувственно и благожелательно, несмотря на подозрительность и отчужденность большинства пришельцев. С течением времени в связи с обременительностью постоя эвакуированных на «квартирах» и ростом расходов по содержанию подселенных людей местные жители начали относиться к беженцам как к тяжелой обузе, стараясь избавиться от них любыми способами.⁹³ В декабре 1915 г., когда подводились итоги расселения, типичными являлись следующие заключения: «население Тамбовской губернии относилось к беженцам очень тепло и не редки были случаи бесплатного предложения квартир». Однако уже в мае 1916 г. местные власти указали на «массовое выселение беженцев из квартир при совершенной невозможности найти свободное помещение, что грозит общественным бедствием».⁹⁴ В Москве пришлое население поступало на работу по ценам ниже местной, что вызвало конкуренцию и повело к обострению отношений между местными рабочими и беженцами.⁹⁵

Ослабление власти после февраля 1917 г. привело к нарастанию подобных конфликтов. Летом местные беженские органы докладывали в Особое совещание по устройству беженцев, например, что «в Самарской губернии, где сосредоточено свыше 142 тыс. беженцев (на селе. — А. К.), значительный недород хлебов... отчего повсеместно наблюдается стремление местного населения избавиться от беженцев и на этой почве происходят даже эксцессы».⁹⁶ В Воронежской губернии в период летних полевых работ «местные крестьяне, бойкотируя землевладельцев, препятствуют беженцам выполнять у них сельскохозяйственные работы ниже установленной платы, тогда как за свои работы платят значительно менее». Позднее в заседании Губернского совещания по делам устройства беженцев 7 октября представители уездных земских управ доложили, что на местах замечается недружелюбное отношение крестьян к беженцам: их вытесняют из квартир путем разрушения печей, очагов и выставления оконных рам, избивают детей, а нередко и самих беженцев, не хотят продавать хлеб и другие продукты питания, снимают с работ в экономиях и т. п. Поэтому всем властным структурам было предложено приступить «к улажению обострившихся отношений между коренным населением и беженцами, имея в виду, что последние, перенеся невзгоды войны и очутившись на чужбине в непривычной обстановке, часто без всяких средств, должны быть всячески оберегаемы от обид и притеснений, ухудшающих и без того тяжелые условия их существования».⁹⁷ В послеоктябрьской России враждебность местных жителей к эвакуированным усилилась, нередко при поощрении советских властей.⁹⁸

Уже весной 1916 г. замечено, что в тыловых районах водворения «у беженцев замечается одно неудержимое желание: „домой, скорее домой“».⁹⁹ В начале 1917 г. даже доброжелательные наблюдатели вынуждены были признать, что

надежда в скором времени вернуться домой лишает беженцев любой разумной «инициативы». Важнейшим фактором, «удерживающим беженцев от всякой деятельности и парализующим всякое начинание, является... страстное до болезненности желание вернуться поскорее на родину. На упреки, почему они сидят, сложа руки, слышишь один ответ: „Зачем нам тут устраиваться и заводить дела? Здесь не наше место!“».¹⁰⁰

План эвакуации с июня 1916 г. готовила специальная «Комиссия по обратному водворению беженцев» при Особом совещании по устройству беженцев, а 21 октября 1917 г. состоялось первое заседание Особого междуведомственного комитета по предварительной разработке плана продовольственных и санитарных мероприятий во время демобилизации армии и обратного водворения беженцев, созданного решением Временного правительства.¹⁰¹ Однако реально возвращение беженцев на родину началось только весной 1918 г. и затянулось до 1924 г.¹⁰²

ПРИМЕЧАНИЯ

- * Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 97-01-00164а).
- ¹ См.: *Зубчанинов С.* Организация и условия работы по устройству беженцев Северо-западного фронта. Б. м., 1915. С. 2; *Всероссийские Земский и Городской союзы: Отдел по устройству беженцев (Очерк деятельности)*. Б. м., б. г. С. 16.
- ² РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 13, л. 19.
- ³ Доклады КТН за 1914 год. Пг., 1914. С. 17.
- ⁴ КТН 14 сентября 1914 г. — январь 1916 г. Т. 1. Пг., 1916. С. 32.
- ⁵ Справочная книжка. Издание КТН. [Пг., 1915] С. 38—40; *Очерк деятельности КТН*. Пг., 1915. С. 6, 25—27 и др.
- ⁶ Т. 1. С. 153, 161, 163.
- ⁷ Там же. С. 358.
- ⁸ Государственный архив Тульской области, ф. 832, оп. 1, д. 3, л. 2—6, 25.
- ⁹ Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916. Вып. 1. С. 67—72.
- ¹⁰ *Гохберг М. Г.* Из воспоминаний и переживаний заложника // *Еврейская неделя*. 1917. № 18. С. 43, 46.
- ¹¹ РГИА, ф. 1292, оп. 2, д. 1391, л. 4.
- ¹² КТН. Т. 1. С. 182.
- ¹³ *Гохберг М. Г.* Указ. соч. № 18. С. 47—48; № 24. С. 36—37. РГВИА. Ф. 2000, оп. 16, д. 1951, л. 23—23об.
- ¹⁴ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 1, л. 66, 69—70; РГВИА, ф. 2000, оп. 16, д. 1965, л. 12об., 16—16об., 39, 48, 107; *К возвращению галицийских выселенцев // Еврейская неделя*. 1917. № 29. С. 27—28; *Гохберг М. Г.* Указ. соч. № 24. С. 37—40; № 28. С. 29—32.
- ¹⁵ *Зубчанинов С.* Указ. соч. С. 5.
- ¹⁶ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 13, л. 20—21, 24.
- ¹⁷ *Зубчанинов С.* Указ. соч. С. 12.
- ¹⁸ КТН. Т. 1. С. 163.
- ¹⁹ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 13, л. 22—23; Законы и распоряжения о беженцах (По 1 апреля 1916 г.). М., 1916. Вып. 2. С. 16—17.
- ²⁰ КТН. Т. 1. С. 164.
- ²¹ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 30, л. 22.
- ²² Там же, д. 7, л. 16.
- ²³ Там же, д. 13, л. 28.
- ²⁴ Там же, д. 30, л. 23об.—24.
- ²⁵ Там же, л. 10, 23; д. 13, л. 39—40.
- ²⁶ Там же, д. 13, л. 33об.
- ²⁷ *Толстой И. И.* Дневник: 1906 — 1916. СПб., 1997. С. 664.
- ²⁸ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 30, л. 25.
- ²⁹ Там же, д. 13, л. 33об.
- ³⁰ Там же, д. 1, л. 3 (см. также: д. 13, л. 24).
- ³¹ Там же, ф. 1292, оп. 1, д. 1858, л. 82 и др.
- ³² Там же, д. 13, л. 28—29; д. 1, л. 2об.
- ³³ *Толстой И. И.* Указ. соч. С. 678.
- ³⁴ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 1, л. 2об., 14—14об.; д. 4, л. 1об.
- ³⁵ КТН. Т. 1. С. 175—176; *Толстой И. И.* Указ. соч. С. 658.
- ³⁶ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 30, л. 17.
- ³⁷ КТН. Т. 1. С. 49, 67, 122, 182 и др.
- ³⁸ Там же. С. 163.
- ³⁹ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 30, л. 18—19; д. 13, л. 36.
- ⁴⁰ *Зубчанинов С.* Указ. соч. С. 1.
- ⁴¹ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 13, л. 39.
- ⁴² Труды областного совещания по оказанию помощи беженцам, состоявшегося в г. Киеве при Комитете Юго-Западного фронта Всероссийского Земского Союза 15—17 октября 1915 г. Киев, б. г. С. 16.
- ⁴³ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 1, л. 1об.; КТН. Т. 1. С. 224.

- ⁴⁴ КТН Т. 1. С. 222—223.
- ⁴⁵ Там же. С. 169, 223—224; РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 16, л. 48об.
- ⁴⁶ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 16, л. 48об.—49; д. 1, л. 36об.—37.
- ⁴⁷ Там же, д. 16, л. 48об.; Труды... С. 67—68.
- ⁴⁸ Там же, д. 13, л. 70—70об.; Труды... С. 6, 19—20, 24—25, 34—35, 66—67, 74.
- ⁴⁹ Труды... С. 20, 22—23; Пироговский съезд врачей и представителей в.-санитарных организаций земств и городов по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени. Пг., 1916. С. 87—88, 101.
- ⁵⁰ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 1, л. 8об., 33, 33об., 40об.; д. 13, л. 70об.; д. 16, л. 26—26об.; Всероссийский Земский и Городской союзы: Отдел по устройству беженцев... С. 24—28; КТН. Т. 1. С. 419 и др.
- ⁵¹ Отчет о деятельности Особого Отдела КТН по регистрации беженцев в 1915 г. Пг., 1916. С. 28—29; Справочник об эвакуированных правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и о должностных лицах. Пг., 1916. С. 3—137.
- ⁵² *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 1923. Т. 1. С. 150—151, 158—160.
- ⁵³ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 13, л. 90.
- ⁵⁴ Пироговский съезд врачей... С. 102.
- ⁵⁵ *Брауде Х.* Еврейское население г. Воронежа: Данные переписи 1917 года. М., 1918. С. 7, 24—26.
- ⁵⁶ Однодневная перепись беженцев из Турции, Персии и др. мест, пограничных с Турцией (армян, айсоров, греков и пр.): 1914 — 15 г. Эривань, 1915. С. 3—4, 71—74, 80.
- ⁵⁷ Там же. С. 3, 73; Пироговский съезд врачей... С. 85; РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 1, л. 3об., 26об.—27; *Толстой И. Н.* Указ. соч. С. 621; ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 4, д. 10, л. 13.
- ⁵⁸ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 31, л. 35.
- ⁵⁹ Там же, л. 35—39; Справочная книжка... С. 17—18, 41—52.
- ⁶⁰ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 1, л. 29об. и др.
- ⁶¹ Например: Журнал заседаний Губернского совещания 3 декабря и Губернского комитета 17 декабря 1915 года. Тамбов, 1916. С. 2—41; Журнал заседания Тамбовского губернского совещания по устройству беженцев 16—17 апреля 1916 года. Тамбов, 1916. С. 3—14; Журналы заседаний Тамбовского губернского совещания по устройству беженцев 27-го мая, 29-го июня, 25-го июля и 6-го сентября 1916 года. Тамбов, 1916. С. 2—22; РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 1, л. 103об.
- ⁶² РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 13, л. 111об.
- ⁶³ Список организаций, ведающих дело помощи беженцам: На 1-е мая 1916 г. Вып. 1: Европейская Россия. М., 1916. С. 3—158.
- ⁶⁴ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 1, л. 42; д. 4, л. 241—242, 252—268; д. 13, л. 103—103об., 106—108, 110; ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 2, д. 1а, л. 5—6об.
- ⁶⁵ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 1, л. 29об., 33; д. 13, л. 67—73об., 101об—102.
- ⁶⁶ Там же, д. 13, л. 102—103.
- ⁶⁷ Там же, л. 138об.—142; д. 21, л. 1—8об.; д. 20, л. 4об.; ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 2, д. 1а, л. 41, 97—98 и др.
- ⁶⁸ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 13, л. 67—67об.; д. 1, л. 308об.
- ⁶⁹ РГВИА, ф. 2000, оп. 16, д. 1697; ГАРФ. Ф. Р-3333, оп. 2, д. 329, л. 6об.; оп. 4, д. 603, л. 18; Государственный архив Курской области /далее—ГАКО/, ф. 1, оп. 1, д. 9134, л. 77, 84.
- ⁷⁰ ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 2, д. 1а, л. 80-85.
- ⁷¹ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 4, л. 257об.
- ⁷² РГВИА, ф. 2000, оп. 16, д. 1951, л. 3—29; ГАРФ, ф. 1791, оп. 2, д. 413, л. 4—19.
- ⁷³ РГВИА, ф. 2000, оп. 16, д. 1001, л. 5—59; Однодневная перепись беженцев из Турции... С. 71.
- ⁷⁴ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 1, л. 40-40об., 57, 259об.—260об., 285—287об.
- ⁷⁵ РГВИА, ф. 2000, оп. 16, д. 1965, л. 11об.
- ⁷⁶ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 3, л. 299—302об.
- ⁷⁷ Там же, д. 1, л. 168об.
- ⁷⁸ ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 2, д. 1а, л. 61—64.
- ⁷⁹ Там же, л. 8—10об.
- ⁸⁰ Там же, л. 13.
- ⁸¹ Пироговский съезд врачей... С. 44, 84, 86.
- ⁸² ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 2, д. 1а, л. 8—10об.
- ⁸³ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 13, л. 95об.—96.
- ⁸⁴ ГАКО, ф. 1, оп. 1, д. 9137, л. 28; д. 9122, л. 432, 557, 559, 561—563.
- ⁸⁵ Перепись беженцев в Петрограде. Пг., 1916. С. 6, 17, 19.
- ⁸⁶ Там же. С. 23—24.
- ⁸⁷ Материалы «ревизии беженских учреждений Рязанской губернии»: РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 36, л. 1—180.
- ⁸⁸ Там же, д. 1, л. 63—63об и др.
- ⁸⁹ Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. С. 103; РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 1, л. 63.
- ⁹⁰ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 20, л. 2—6; ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 2, д. 1а, л. 68—69.
- ⁹¹ Очерк деятельности КТН со дня основания по 1 января 1916 г. Пг., 1915. С. 19; КТН. Т. 1. С. 178—179; РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 13, л. 88об.; ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 2, д. 1а, л. 39.
- ⁹² РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 20, л. 4—5; ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 2, д. 1а, л. 49, 51; оп. 7, д. 8, л. 385.
- ⁹³ *Курцев А. Н.* Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914—1917 гг. // Курские тетради: Курск и куряне глазами ученых. Тетр. 1. Курск, 1997. С. 33—64.
- ⁹⁴ Журнал заседаний Губернского совещания 3 декабря... С. 15; Журналы заседаний Тамбов-

- ского губернского совещания по устройству беженцев 27 мая... С. 7—8.
- ⁹⁵ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 1, л. 4об.
- ⁹⁶ Там же, д. 13, л. 156.
- ⁹⁷ Государственный архив Воронежской области, ф. 104, оп. 1, д. 82, л. 4, б.
- ⁹⁸ *Лахарева Н. В.* Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918—1919 гг. (на примере Курской губернии) // *Армия в истории России. Курск, 1997.* С. 77—80. Аналогичные факты по другим территориям: ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 7, д. 8, ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 7, д. 8, л. 277, 282—282об. и др.
- ⁹⁹ Пироговский съезд врачей... С. 87.
- ¹⁰⁰ Бирюч Воронежской губ. (От нашего корреспондента) // *Еврейская неделя. 1917.* № 3/4. С. 59.
- ¹⁰¹ РГИА, ф. 1322, оп. 1, д. 13, л. 55об.; д. 4, л. 259—260об.
- ¹⁰² ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 2, д. 329, л. 1—31об.; оп. 3, д. 82, л. 7—49; оп. 4, д. 604, л. 7; оп. 7, д. 8, л. 143—144, 253—254 и др.

Артур Мак-Ки

**СУХОЙ ЗАКОН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ПРИЧИНЫ, КОНЦЕПЦИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ
ВВЕДЕНИЯ СУХОГО ЗАКОНА В РОССИИ.
1914—1917 гг.**

В 1914 г. державный внук Александра II своими великими предначертаниями освобождает душу народную, душу народа, томившуюся в плену зеленого змия.

В. А. Кайгородов, гласный минского губернского земства. 2 февраля 1915 г.¹

Могу сказать только одно, что повлиять на уменьшение пьянства в государстве ни отдельные лица, ни отдельные группы, сколько бы они ни принимали мер к тому, не могут... Россия счастлива тем, что благодаря указу верховной власти была возможность сразу прекратить потребление спиртных напитков.

И. В. Годнев, октябрист, депутат IV Думы. 14 июня 1916 г.²

А меры для укрепления трезвости? Да вот они, эти меры: не продавайте. А если будут тайные винокуры — преследуйте. Сначала, да, необходима узда... Конечно, нужно бы заменить его, это зелье, чем-нибудь. Ну что же, будет образование, театры даже в деревне, но это потом, а пока что узда да узда.

Неизвестный крестьянин Московской губернии.

22 августа 1914 г. Николай II повелел прекратить продажу водки на все время войны. Уже вкусив плоды почти полного запрещения алкогольных напитков, введенного с начала мобилизации, большинство россиян встретило это решение с похвалой и благодарностью. Как политика, приведшая к установлению сухого закона, обрела столько сторонников? Как сухой закон последних двух с половиной лет царствования Николая II повлиял на практику потребления спиртных напитков в России и на Россию вообще? Отчего политика, вначале принятая с восторгом и широко популярная, тем не менее провалилась и стала одной из причин падения царя? Если люди типа Кайгородова приветствовали сухой закон как вторую отмену крепостного права, значит многие считали водочную монополию Министерства финансов чем-то вроде алкогольного рабства для народа. Таким

образом, сухой закон рассматривался как удар по бюрократии и решительный шаг к восстановлению священных уз между царем и народом, едва не разрушенных корыстолюбивыми чиновниками.

История сухого закона позволяет выявить важные аспекты российской политической жизни того периода. Большинство исследователей справедливо усматривают причину Русской революции в борьбе за власть, которая развернулась между самодержавием и различными слоями общества. И все же история борьбы с пьянством в России свидетельствует, что вопрос о принципе организации власти, т. е. о том, каким образом ее механизм будет влиять на поведение населения, был не менее важен, чем вопрос о том, кому именно эта власть достанется. В 1914 г. большинство россиян верили, что расширение личной власти Николая II может спасти нацию от внутреннего врага — пьянства. Но к началу 1917 г. на «узду» царя уже никто не обращал внимания, так как «освобождение» открыло широкие возможности для массового нарушения этого закона.

В последние тридцать лет существования Российской империи государственные и общественные деятели начали обращать внимание на угрозу со стороны «зеленого змия». Народное пьянство превратилось в проблему не из-за роста потребления алкоголя (наоборот, с 1868 по 1894 гг. потребление водки на душу населения упало примерно на 40%). Великие реформы уничтожили важнейший институт общественного контроля — крепостное право. «Буйные» мигранты хлынули в города, их пьяные «сборища» на улицах и в трактирах породили страх неминуемого морального хаоса и мятежа. Изнывая от бремени долгов и высоких налогов, якобы беззащитные перед хищными деятелями рынка, крестьяне на глазах нищали и отбивались от рук.

Не могло быть и речи о том, чтобы неповоротливый полицейский корпус, созданный для поддержания порядка среди главным образом малоподвижного подобострастного населения, сумел наладить дисциплину в динамичном индустриальном обществе, формировавшемся в 80-е гг. Пресса предрекала, что если не предпринять мер для обуздания пьянства, Россия зачахнет в экономической отсталости, периодически сотрясаемая народными бунтами. Таким образом, борьба с пьянством, проводившаяся во имя народа преимущественно государством и образованными слоями общества, была поиском механизма власти, призванного поднять благосостояние и производительность россиян и одновременно сделать их более управляемыми. Победив «зеленого змия», Россия смогла бы пожать все плоды современной цивилизации, одновременно избежав присущих ей политических потрясений.³

Наиболее важным и противоречивым методом борьбы с пьянством была государственная монополия на водку, введенная по инициативе министра финансов С. Ю. Витте в 1895 г. И механизм, и обоснование монополии на водку возникли на базе двух давних политических традиций, укоренившихся в сознании элит. Первая — традиция полицейского государства, наследие Петра I и Екатерины II, требовала постоянного вмешательства в жизнь общества для поддержания общественной морали и повышения производительности труда. Вторая, более романтическая, видела в народе невинную жертву сил, губительных для его духовности, а единственный способ умерить страсть к питию в том, чтобы передать чиновникам полный контроль над рынком водки. Ибо хотя привычка народа к горькому пьянству раздражала и пугала просвещенного россиянина, в большинстве своем он считал, что главные виновники якобы растущего пьянства — бес-

совестные кабатчики. Они заманивают «простых» людей в свои сети, опутывая захмелевших паутиной кредита.⁴ По утверждению С. Ю. Витте в его речи на заседании Государственного совета в 1893 г., кабатчики «властвуют над [народом] и высасывают из него все производительные соки». Правительство надеялось, что, закрыв большинство частных питейных заведений и заменив их государственными водочными лавками, освободит народ от «ига» кабака и превратит россиян в исправных налогоплательщиков и тружеников.⁵

Однако в атмосфере политического ожесточения после 1905 г., романтический взгляд на народ победил традицию полицейского государства: в обществе росла уверенность, что с помощью упорядочения торговли водкой фискальные органы спаивают народ для получения прибыли. Монополия на водку приносила казне 400 млн. руб. в год, или около 25% дохода государственного бюджета. Противники монополии утверждали, что резкое сокращение числа питейных заведений привело к повальному пьянству на улицах и распространению тайных притонов; в них де продавалась монопольная водка — якобы с ведома полиции и акцизных чиновников. Куда более опасным, с точки зрения борцов за трезвость, был отказ чиновников государственной монополии удовлетворять прошения деревень о закрытии в них кабаков. Хотя чиновники Министерства финансов доказывали чистоту своих помыслов, уже в 1902 г. Витте согласился, что уберечь общество от публичного пьянства государство может лишь открытием новых трактиров и пивных. Преемник Витте В. Н. Коковцов, скептически относившийся к идее об отрезвляющем эффекте государственной монополии на водочную торговлю, столкнувшись с проблемой спасения финансовой системы России, стоявшей на краю пропасти, значительно расширил количество частных питейных заведений. В результате либерализации торговли алкоголем и бурного развития промышленности потребление водки и пива в 1904—1913 гг. на душу населения выросло на одну пятаю. Ирония заключалась в том, что, государственный аппарат терял контроль над продажей алкоголя и при этом подвергался обвинениям в спаивании народа.⁶

После 1905 г. российские медики сходились в мнении, что алкоголь — настоящий яд. Врачи утверждали, что «потребность» в алкоголе — результат безрассудной привычки и эффекта привыкания, свойственного спиртным напиткам, что даже в маленьких дозах алкоголь сокращает жизнь пьющего и угрожает вырожждением потомства. Следовательно, задача состояла не в контроле над торговлей алкоголем, а в ее прекращении. Другие общественные деятели обращались к печальному опыту 1904—1907 гг., напоминая, какие несчастья могут обрушиться на Россию, если не принять решительных мер против пьянства. Д. Г. Пиленко, в дни Русско-японской войны редактор официальной газеты российской армии в Маньчжурии, позднее отметил: «Главной причиной большинства наших поражений на Дальнем Востоке было пьянство солдат и офицеров». Правые и центристы утверждали, что в «крайностях» Революции 1905—1907 гг. также виноват алкоголь. Страстный борец за трезвость депутат-октябрист М. Д. Чельшев риторически вопрошал III Государственную думу: «Кто вершит насилие, кто грабит и бездельничает, кто стремится разрушить все, чем владеют имущие классы, кто попирает все благородные чувства... кто разграбил Одессу, кто сжег Владивосток?» И под аплодисменты сам отвечал: «Пьяная развращенная толпа».⁷

Было признано, что Православная Церковь с ее сетью обществ трезвости, объединявших в 1912 г. более 500 000 человек, с этой задачей справиться не мо-

жет. Церковный обряд «принятия трезвости» мог, по крайней мере временно, вырвать раскаявшихся пьяниц из объятий алкоголя, но многие священники относились к идее трезвости с безразличием или враждебно, считая, что от нее поправит сектантством. Даже руководители движения за трезвость внутри Православной Церкви приходили к выводу, что их усилия пропадут втуне, если на торговлю алкоголем не будут наложены строгие ограничения. Ничего обнадеживающего не могла предложить и медицина. Врачи признавали, что антиалкогольная терапия, гипнотическое внушение — не более чем паллиативы. Их попытки заменить водку чаем и благотворным влиянием культуры после 1905 г. практически прекратились; согласно резолюции Второго конгресса психиатров 1905 г., «наиболее значительной и правильной мерой» в борьбе с пьянством был бы «отказ правительства от использования алкоголя в фискальных целях».⁸

Консерваторы обратили взор к царю в надежде, что он обуздает чиновников и пробудит в народе трезвость. С думской трибуны Чельшев заявил, что Витте обманул Александра III, уговорив ввести государственную монополию на водку, для того чтобы отдать русский народ в руки врагов. Чельшев умолял Николая II исправить ошибку отца, вынуть голосу народа, который стремилось заглушить чиновничество, и запретить продажу алкоголя. В 1913 г. кн. В. П. Мещерский, издатель влиятельного «Гражданина», на его страницах обвинял государственную монополию на водку в том, что она порождает в России «больше ужасов и опасностей», чем «любая война». Мещерский хотел свалить Коковцова, в котором видел узурпатора законных прав царя, а монополия на водку была «ахиллесовой пятой» позиции Коковцова. Как министр финансов он вынужден был ее защищать, и она превратилась в яркий символ чиновничества, которое, цепляясь за власть, не остановится ни перед чем.⁹

Выступления Чельшева и Мещерского произвели нужный эффект. К 1913 г. Николай II был уверен, что чиновничество соорудило «стену» между ним и его подданными, и постоянно искал пути, чтобы обойти собственную администрацию, непосредственно вмешаться в реализацию чаяний народа и способствовать развитию его чистых побуждений. Обеспокоенный разрушительными последствиями пьянства, царь, похоже, решил, что без посторонней помощи его подданные с питием не справятся. В течение всего царствования он периодически интересовался у своих министров, какие шаги они предпринимают для поощрения трезвого образа жизни. Деревенская нищета, увиденная царем на Волге в 1913 г. в дни празднования 300-летия Дома Романовых, подвигла его на решительные меры. Царь убедился, как аморально правительство, наживающееся на «погибели» народной, и во имя спасения верноподданных был готов сломать бюрократические препоны.¹⁰

Возможность избавиться от премьер-министра Коковцова представилась царю в 1914 г. во время обсуждения в Государственном совете законопроекта о мерах против пьянства. Законопроект был серьезным ударом по государственной монополии, разрешая крестьянской общине запрещать у себя продажу алкоголя. Это не чиновники, а народ сам лучше знает, как регулировать торговлю спиртным. Коковцов пустился во все тяжкие, защищая монополию как «единственно верный и целесообразный» способ извлечения дохода из торговли алкоголем.¹¹ Однако в накаленной атмосфере эту «защиту» расценили как признание того, что правительство волнует лишь финансовая сторона дела. Николай II воспользовался этим промахом Коковцова и отправил его в отставку.

Преемнику Коковцова на посту министра финансов П. Л. Барку царь предписал добиваться дохода из «неисчерпаемых источников державного благосостояния и производительного труда народа», а не из продажи зелья, разрушающего «духовные и экономические силы» большинства верноподданных. Желая оправдать доверие царя, Барк весной 1914 г. издавал циркуляр за циркуляром, ограничивая торговлю алкоголем. На заседании Совета министров в апреле он заявил, что мечтает дожить до того дня, когда в России сберегательных касс будет не меньше, чем государственных винных лавок (около 25 000). Однако царю и его окружению он доказывал, что пройдет много лет, прежде чем «зеленый змий» будет окончательно побежден. Леволлиберальная пресса скептически встретила антиалкогольную кампанию кабинета. Журнал «Русское богатство» предупреждал, что полицейские меры против пьянства «еще опаснее самого пьянства».¹²

В феврале—июле 1914 г. правительство утвердило 800 просьб сельских обществ запретить продажу алкоголя на их территории. Это было на 200 обращений больше, чем за весь период с 1895 по 1906 г. В результате закрылось 447 государственных и 702 частных питейных заведений. «Движение за трезвость» заметнее всего проявилось в южных и восточных губерниях Европейской части Российской империи, включая казачьи области. Обычными стали жалобы на разрушающее воздействие пьяных сцен вокруг винных лавок, рост случаев пьяного хулиганства, а также упадок «производительных сил» народа. Многие полагали, что сухой закон может превратить народ в «честных тружеников и верных слуг Царя и Отечества». Акцизные чиновники среднего звена спешили отметить, что не все подобные патриотические заявления были искренни. Во многих случаях крестьяне подавали прошения под давлением помещиков, иногда священники обманом заставляли неграмотных крестьян подписать бумагу, содержания которой они не знали. Подпольные торговцы (шинкари), желая устранить конкуренцию, подбивали односельчан писать прошения о запрете торговли водкой. В результате в июне 1914 г. потребление водки на душу населения сократилось на 13%.¹³

Активисты движения за трезвость и журналисты всех политических оттенков восприняли «движение за трезвость» как знак народного стремления освободиться от «гнета» государственной монополии. Царь полагал, что эта волна прошений — результат особой, мистической связи между ним и верноподданными. Если творцы государственной монополии считали, что лишь отлаженное сочетание дисциплинарных мер и поощрений может привести население к трезвости, то царь полагался на свою личную волю и жажду добродетели у своих подданных. Так зарождалась политика, которая вдохновила Николая II запретить продажу водки до конца войны. Просвещенное общество не очень верило, что царю удалось пробудить в народе стремление к трезвости, но способствовало распространению этого мифа, отвергая власть ненавистного государственного чиновника.¹⁴

Военный министр В. А. Сухомлинов к маю 1914 г. подготовил план закрытия всех питейных заведений, кроме ресторанов первого разряда, в районах мобилизации. Опасаясь, как бы войска не проделали «длительный путь к театру военных действий в винном угаре», Сухомлинов в июне 1914 г. просил министра внутренних дел Н. А. Маклакова проследить, чтобы во время мобилизации не велась продажа алкоголя. Поскольку большинство легальных питейных заведений было сосредоточено в тех же селах и городах, где находились основные призывные

участки, после объявления Германией войны чуть ли не всей торговле алкоголем был положен конец.¹⁵

Начало сухого закона предвещало мало хорошего. Толпы в основном запасных солдат атаковали примерно 230 питейных заведений в 33 губерниях и уездах. Полиция сообщала о 107 раненых и 145 погибших во время этих вспышек насилия, причем две трети погибших пришлось на беспорядки в г. Барнауле. Резервисты останавливали транспорты со спиртом и заставляли сопровождающих продавать водку толпе под страхом разграбления. Начальник полиции Донской области похвалялся, что приказал стрелять по толпе, чтобы «отрезвить рабочих». Только пермский губернатор обратился к вышестоящим инстанциям с просьбой разрешить продажу алкоголя хотя бы два часа в день во избежание «кровавых столкновений». Конечно, причиной этого взрыва беспорядков была не только жажда призывников. На сборных пунктах не хватало припасов и мест для ночлега войск, и призывники волновались о будущем своих семей. Пьянство рассматривалось как опаснейшая угроза мобилизации и стабильности в стране. Водка была неотделима от традиционного ритуала проводов в армию, как и в других странах.¹⁶

Сухой закон был слабым гарантом воинской дисциплины. Д. Р. Оськин вспоминал, как ему приходилось стрелять в воздух для построения пьяных резервистов. Тем не менее, русской армии все же удалось выдвинуть свои войска на запланированные позиции задолго до срока, главным образом благодаря хорошему состоянию железных дорог. Как иностранные, так и отечественные наблюдатели сошлись на том, что «сухая» мобилизация прошла очень успешно.

Августовские победы России над Германией были восприняты как подтверждение насмешливого высказывания Вильгельма II, сделанного им вскоре после окончания Русско-японской войны, о том, что в военном конфликте в Европе победа будет на стороне трезвого. Российские газеты хранили патриотическое молчание по поводу беспорядков во время мобилизации и печатали многочисленные материалы о пьянстве немецких и австрийских солдат. Некоторые медики даже утверждали, что любовь немцев к пиву «парализовала» их моральные устои, после чего они совершали акты жестокости без угрызения совести. Казалось, что непокорное российское крестьянство мгновенно превратилось в боевую силу, более могучую и профессиональную, чем самые современные легионы кайзера.¹⁷

Отмечая преимущества, полученные армией в результате сухого закона, Барк тем не менее оставался реалистом и понимал, что для финансирования военных усилий правительству придется во многом рассчитывать на торговлю алкоголем. Он планировал возобновить ее в августе и добился от Совета министров согласия удвоить цены на водку, но городские думы и земства засыпали прошениями о необходимости борьбы с внутренним врагом — нетрезвостью. К 1 ноября 15 городов обратились с просьбой ввести сухой закон на весь период войны, а 52 города требовали его навсегда. В начале августа Николай II принял в Московском Кремле делегацию крестьян, которая умоляла продлить сухой закон. Царь вновь почувствовал себя обязанным поддержать факел народной трезвости, зажженный им в январе и отверг план кабинета с 1 ноября разрешить продажу спиртного в ограниченных количествах. 28 сентября царь сообщил великому князю Константину Константиновичу, почетному председателю самого известного в России общества трезвости, что «уже решил запретить государственную торговлю вод-

кой в России навсегда». Так царь освободил Россию от «гнета» монополии.¹⁸ Это не означало полного запрета на торговлю алкогольной продукцией. В 1914 г. около 20% потребляемого в России алкоголя приходилось на пиво и вино. Конечно, в деревне водка была единственно доступным спиртным напитком. Иное дело города. С самого начала мобилизации рестораны первого класса, в основном сосредоточенные в городах, получили разрешение продавать пиво, вино и водку в своих стенах. Вином, главным напитком высших классов, с 16 августа разрешили торговать на вынос, а пивом, все более популярным напитком низших классов, — с 1 ноября на вынос в ограниченном количестве в городских пивных. Считалось, что народ находит вино слишком слабым. Но когда винная торговля открылась, высшие классы шокировал вид крестьян и рабочих, пивших вино в общественных местах. Предприимчивые же торговцы начали продавать фальсифицированное вино с добавлением спирта.¹⁹

В октябре Совет министров издал указ, разрешающий городским думам, земствам, а также сельским и волостным сходам подавать прошения о закрытии у них продажи алкоголя. Губернаторы и акцизные чиновники получили дополнительные указания удовлетворять все просьбы населения о запрете на торговлю спиртным. Разрешение «принимать решение на местах» относительно винной и пивной торговли было отчасти продиктовано реалистичной позицией правительства, которое считало, что полный сухой закон может работать лишь при поддержке населения. Посыпались сотни прошений о полном запрещении спиртных напитков на территории административных единиц. К маю 1916 г. правительство получило их почти 8000, в том числе 549 от городов и 255 от земств. В результате, а также после приказа Верховного главнокомандующего полностью запретить продажу пива и строго ограничить продажу вина в губерниях, объявленных на военном положении, закрылись 81 000 частных питейных заведений (96% от имевшихся на начало 1914 г.).²⁰

Общественная поддержка полного запрещения продажи спиртного не была всеобщей. В системе указов местных администраций оставались существенные пробелы. К сожалению, невозможно составить точную карту введения сухого закона. Ни центральное правительство, ни выступавшая за трезвость пресса не вели списков городов и регионов, требовавших запрета пивной и винной торговли. Городские думы и земства были настроены значительно строже против пива, чем против вина, а большинство сел выступало за полное прекращение торговли спиртными напитками. В столице яростное лоббирование интересов торговцев вином, кажется, заставило Петроградскую думу призадуматься о правильности своего августовского решения запретить продажу вина на вынос, но в середине декабря градоначальник ввел полный запрет на продажу спиртных напитков в городе. Тем не менее до 1916 г. винная торговля процветала в ближайших пригородах, куда стекались пьющие всех слоев общества, чтобы отведать фальсифицированных вин вроде «союзной мадеры» или «лапландского антитрезвина». В некоторых регионах земства предприняли попытку оставить открытым только одно питейное заведение или крайне ограничить время ежедневной продажи спиртного. В течение нескольких месяцев калужский, уфимский и харьковский губернаторы сопротивлялись полному запрету на торговлю спиртным, а уфимский губернатор с жаром доказывал, что только легальная торговля вином и пивом предотвратит распространение опасных суррогатов. Хотя винная торговля пользовалась поддержкой в южных губерниях, где виноградарство играло заметную роль

в экономике, и тут многие села и города высказались за ее запрещение. Не возбранялось пить вино и пиво домашнего приготовления. К 1916 г. империя в основном одобрила начертанный царем курс и покончила с легальной торговлей алкоголем.²¹

Почему политика полного запрещения торговли спиртными напитками так быстро распространилась? На первых порах простого запрета на торговлю алкоголем было достаточно, чтобы достичь результатов, которые давно предсказывали защитники трезвости. Хулиганство практически исчезло, даже ругательств не было слышно. Осенью 1914 г. общая преступность упала почти наполовину, и Министр юстиции отдал приказ о прекращении строительства новых тюрем. Случаи сельских пожаров в последние пять месяцев 1914 г. сократились более чем на треть. Промышленники сообщали о росте производительности труда рабочих на 25% и более, хотя в действительности на московских фабриках «отрезвление рабочих» привело к более скромному подъему производительности труда — лишь на 7,1%. Население начало накапливать сбережения. С начала августа 1914 г. по конец марта 1915 г. в сберегательных кассах вклады клиентов возросли на 162,7 млн руб. (против всего лишь 6,5 млн руб. за тот же период предыдущего года). Один из врачей с оптимизмом предсказывал: если сухой закон продлится от 5 до 30 лет, то «все ужасные последствия нашей эры исчезнут, и произойдет полное возрождение нации».²²

Мобилизация действительно сократила в тылу численность мужчин в возрасте от 18 до 30 лет, на долю которых приходилась львиная доля преступлений, заставила правительство обеспечить семьи фронтовиков небольшими пособиями, подняла уровень занятости. Мобилизации не было в Финляндии, но и там после введения сухого закона отмечалось резкое снижение уровня преступности.²³

В первые месяцы войны земские и правительственные обзоры, а также сообщения в прессе дружно свидетельствовали: сухой закон поддерживает подавляющее большинство россиян. Дети пишут письма царевичу и благодарят его отца. Женщины перестали бояться побоев пьяного мужа и выражают «глубокую благодарность Тому, Кто им сделал такую великую милость». Главы семейств активно участвуют в мирских сходах и больше не позволяют «кулакам» манипулировать ими с помощью алкоголя. Дворяне и фабриканты довольны, что крестьяне и рабочие проявляют больше почтения, исчезли «пьяницы», которые в 1905 г. подбивали на забастовки и погромы. На вершине этого нового гармоничного словного общества возвышался добрый царь-батюшка, который запрещением алкоголя пожаловал народ «огромной благодатью».²⁴

В 1914 и начале 1915 г. большинство россиян осуждали привычку к водке, хотя еще недавно сами были ее приверженцами. Ведь алкоголь не только давал им наслаждение в неустроенной жизни, торил дорогу в радостный мир ритуалов и праздников, но и ценился как дар, с помощью которого можно влиять на других. Старшее поколение крестьян всегда видело в пьянстве зло, толкавшее молодежь на неповиновение. Для него сухой закон видимо стал предвестником возрождения патриархальных порядков. Нападения мобилизуемых на винные лавки показывали, что в экстремальных условиях молодежь готова на насилие, лишь бы выпить. Когда многие из них отбыли на фронт, женщины, возможно, почувствовали себя свободнее и смогли открыто высказаться о вреде алкоголя. Наконец низшие классы, возможно, решили, что возражать против сухого закона себе дороже. Таким образом, миф о способности царя отрезвить верноподданных полу-

чал подтверждение, но по мере ослабления царской власти исчез и страх нарушить царскую волю.²⁵

«Главная часть нашего дефицита явилась следствием не стихийных причин, а плодом сознательной воли; появление дефицита такого рода не может нас тревожить», — такова была оптимистичная оценка дефицита государственного бюджета почти в 674 миллиона рублей, высказанная Барком во время выступления в Думе в 1915 г.. Тем не менее «сознательная» воля царя привела империю к финансовой катастрофе. А. И. Шингарев, финансовый эксперт от партии кадетов, подсчитал, что к середине 1917 г. сухой закон лишил казну 2,5 миллиардов рублей дохода, что составило около 10% затрат на войну. Как признался Барк царю в октябре 1916 г., у правительства ушло два года на компенсацию потерь от запрета продажи спиртного. В начале 1914 г. и Барк, и его патрон А. В. Кривошеин, возлагали большие надежды на то, что «реформа» водочной монополии перенесет налоговое бремя с потребления на доходы и произойдет укрепление внутреннего рынка промышленных товаров, и социальное напряжение снизится за счет более справедливой налоговой политики. Однако немедленная отмена монополии захватила Барка и Кривошеина врасплох, и в этих чрезвычайных обстоятельствах они попытались сколотить коалицию в пользу введения подоходного налога. Но эта мера угрожала благополучию состоятельного большинства в IV Государственной думе. Бюджет оказался заложником в борьбе за власть между царем и законодателями и введение скромного подоходного налога затянулось до начала 1917 г. Рост дефицита вынудил Барка поднять акцизные сборы на товары, установить высокий налог на железнодорожные перевозки и, самое важное, запустить печатный станок.

В 1914 г. царь обвинил Министерство финансов в эксплуатации народа через государственную монополию на водку. Это «преступление» взывало о наказании, и, пусть и невольно, царский указ о сухом законе оказался суровым приговором его собственному правительству.²⁶ Сухой закон косвенно способствовал инфляции. До войны через торговлю алкоголем каждый год перекачивалось более одного миллиарда рублей. Когда этот канал был перекрыт, волна спроса искала выхода. Вместо водки население начало тратить деньги на одежду, сельскохозяйственный инвентарь, другие промышленные товары. В перегретой экономике России военного времени такое замещение продуктов потребления подстегнуло рост цен. Государство и дворянство веками с помощью водки отбирали у населения все наличные деньги. Чтобы выпить, крестьянину не было иного выхода, как продать свои скудные излишки зерна, которое, в свою очередь, шло населению городов. Таким образом, сухой закон расширил пропасть между городом и деревней. Промышленные товары после взлета на них цен в 1915 г. утратили привлекательность для крестьян, живших почти на самообеспечении. Зерно оставалось в деревне, и города страдали от нехватки хлеба. Уничтожив ненавистную государственную монополию, Николай II разрушил тот экономический механизм, который предохранял империю от развала.²⁷

Если бы и удалось найти подходящую культурную замену водке, война вряд ли самое удобное время для подобных поисков. Министерство финансов выделило чисто символическую сумму в 1 млн руб. в год на финансирование полуживых попечительств о народной трезвости. Барк отложил такие амбициозные дорогостоящие проекты, как строительство народных домов по всей империи. Некоторые земские и городские думы подкрепили свои решения о сухом законе гранди-

озными планами культурных программ, осуществить которые почти не удалось. Даже церковные общества трезвости быстро пришли в упадок. После закрытия торговли спиртным многие священники и прихожане сочли их больше не нужными.²⁸

Подскочил спрос на одеколон, и парфюмерные фабрики увеличили его производство в десять и более раз. Разветвленные шайки контрабандистов действовали на российско-китайской границе. В Пензенской и других сельских губерниях крестьяне изготавливали крепкое домашнее пиво и брагу. В городах выросло потребление таких ядовитых суррогатов, как политура, лак и денатурат (который, несмотря на запрет, продавался в государственных питейных заведениях).

Самую большую опасность для политики сухого закона представляло самогонование. До войны подпольное производство самодельной водки отмечалось редко: в 1913 г. поступили сообщения только о 600 случаях. Двухсотлетний строгий надзор со стороны помещиков и государства привел к тому, что население практически утратило технологию ее производства, а доступность и сравнительная дешевизна высококачественной водки в последние 20 лет подавила потребность гнать самогон. Технически грамотные военные беженцы из Польши и Прибалтики ходили по селам и варили для населения самогон, а за дополнительную плату обучали хозяев пользоваться самогонными аппаратами. Бывшие рабочие спиртзаводов также способствовали распространению технологии самогонования. В 1915 г. полиция раскрыла почти 6000 случаев незаконного «производства» алкоголя, а уже только в период с сентября 1916 по май 1917 г. — 9351 случай.²⁹ Акцизные чиновники хмуро уверяли, что реальное число самогонщиков раз в десять больше. Центрами самогонования стали Белоруссия, Урал и Сибирь. В центральной и северной частях Европейской России самогонование было развито сравнительно мало. Как народный «промысел» самогонование знаменовало провал эксперимента Николая II.³⁰

Политика сухого закона действительно снизила потребление алкоголя во время войны. Контрабандные спиртные напитки из-за их высоких цен не были доступными, как пиво и водка до 1914 г. Случаи пьянства в общественных местах во время сухого закона, кажется, сократились, хотя в 1916 г. были довольно обычным делом. Но обозревателей в 1916 г. больше всего пугала стремительность провала сухого закона. Вначале население понимало, что к нарушителям закона полиции придется применять строгие меры. Такие меры не только бы сдерживали подпольных продавцов спиртного, они бы помогли укрепиться в сознании, что пьянство — это отклонение от нормы. Но до начала войны полиция либо действовала спустя рукава, либо легко поддавалась на подкуп. Например, в Москве городские закрывали глаза на то, что хозяева на свадьбах открыто угощают гостей спиртным, хотя уже действовал запрет на потребление спиртного в общественных местах. Со всех концов империи сообщалось, что полиция берет взятки от самогонщиков. Суды медлили с принятием мер против контрабандистов спиртным из-за недостаточности улик и из-за отсутствия в законодательстве статей, отражающих сухой закон. Николай II не смог превратить собственных подчиненных в более послушных исполнителей своей воли, и его указ оказался не более, чем жестом, а его подданные, со смешанным чувством трепета и энтузиазма, вновь бросились в объятия зеленого змия.³¹

Борьба с пьянством помогает увидеть, как поиск эффективных форм социального управления фактически вызвал дестабилизацию царизма. Образованные

слои населения не могли повлиять на политику в области торговли спиртным и не имели четкого представления о том, как именно решить эту проблему. Они обрушились на водочную монополию, объявив ее виновницей пьянства в народе. Основная причина, по которой эта ситуация не превратилась в патовую, в том, что исчезла ее главная опора, сам царь. Рассматривая критику водочной монополии через свою собственную политическую призму, Николай II решился на установление альтернативного режима, режима прямого монархического правления, способного ослабить роль бюрократии и установить общественную гармонию. Однако этот «режим» оказался не более чем утопией, поскольку не имел возможности ни добиться повиновения, ни воспрепятствовать отказу повиноваться. Прямое монархическое правление, примененное на практике для борьбы против зеленого змия, лишь ускорило крах той администрации, с помощью которой Николай II управлял, и превратило изреченную волю царя в пустой звук.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГИА, ф. 575, оп. 6, д. 845, л. 23.

² Государственная дума, четвертый созыв, четвертая сессия: Стенографические отчеты. Ч. 3. С. 5431.

³ *Воронов Д. Н.* Жизнь деревни в дни трезвости. Б. м., 1916. С. 60—61.

⁴ Эти рассуждения основаны на первых двух главах моей диссертации «Taming the Green Serpent: Alcoholism, Autocracy, and Russian Society, 1881—1914» (University of California at Berkely, 1997). Об «угрозе», которую представляли собой в этот период крестьяне-мигранты, см.: *Brower D. R.* The Russian City between Tradition and Modernity, 1850—1900. Berkeley; Los Angeles, 1990.

⁵ Более подробно о традиции полицейского государства см.: *Raef M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600—1800. New Haven; London, 1983. Текст выступления Витте на заседании Государственного совета в 1893 г. см.: РГИА, ф. 1152, д. 238, л. 114.

⁶ Пивоварение и пивоторговля в России с древнейших времен и до наших дней (материалы по истории пивоварения и пивоторговли). Изд. 2-е. СПб., 1911. С. 138—139; Статистическое отделение Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей (ГУНСИКПП): Статистика по казенной продаже питей. СПб., 1905. С. 19; Статистика... 1913. С. 28—30. О признании Витте неудачи государственной монополии на водку см.: РГИА, ф. 575, оп. 2, д. 2379, л. 184—188.

⁷ Высказывания Пиленко см.: Труды комиссии по вопросу об алкоголизме и мерах борьбы с ним. 1907. Т. 10. Ч. 1. С. 715. Выступление Чельшьева в Думе 27 ноября 1907 г. см.: Речи М. Д. Чельшьева, произнесенные в Третьей Государственной думе о необходимости борьбы

с пьянством и по другим вопросам. СПб., 1912. С. 18.

⁸ РГИА, ф. 1242, д. 1, л. 169—170; Taming... Ch. 7, 9; Труды второго съезда отечественных психиатров, происходившего в г. Киеве с 4-го по 11-е сентября 1905 г. Киев, 1907. С. 328—342.

⁹ *Чельшев М.* Главная причина нашего несчастья. Самара. 1907. Барк в своих мемуарах вспоминает, что Чельшев добился аудиенции у царя и произвел на него впечатление своей искренностью. К сожалению, Барк не называет даты, когда произошла эта встреча. См.: *Барк П.* Воспоминания. Гл. 5: Запрещение спиртных напитков // Возрождение. 1965, февраль. № 158. С. 83. О выступлениях Мещерского по вопросу монополии на водку см. его «Дневники» (журнал «Гражданин»). 1913. № 16. С. 13). Говорят, «Гражданин» был основным источником, из которого Николай II черпал новости о жизни в стране. О политике Мещерского см.: *Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Л., 1988; *Hosking G.* The Russian Constitutional Experiment. Cambridge, 1973.

¹⁰ О сильной неприязни Николая II к чиновничеству см.: *Figes O.* A People's Tragedy: A History of the Russian Revolution. New York, 1997. P. 7—12; *Steinberg M.* Introduction // The Fall of the Romanovs / Eds. M. Steinberg and V. M. Khurstalev. New Haven, 1995. О постоянном беспокойстве Николая II по поводу пьянства среди его подданных см.: *Кокорцев В.* Из моего прошлого: Воспоминания. М., 1992. С. 221. О том, как повлияла на Николая II поездка по Волге, см.: *Барк П.* Период национального выздоровления: Глава из воспоминаний // Возрождение. 1955. Декабрь. № 48. С. 73.

- ¹¹ Речь Коковцова см.: Государственный Совет: Отчеты. 9-я сессия. С. 341—368 (10 января 1915 г.). Рескрипт Николая II от 30 января см.: Отчет ГУНСиКПП: 1914 г. СПб., 1915. Ч. 2. С. 73. О работах, в которых дискуссия о государственной монополии рассматривается лишь как повод для отставки Коковцова, см.: *Дьякин В. С. Буржуазия и дворянство...* С. 170—178; *Hosking G. Constitutional Experiment...* P. 200—205.
- ¹² См.: Отчет ГУНСиКПП: 1914 г... Ч. 2. С. 73—110; *Барк П. Воспоминания. Гл. 5...* С. 77—78. О реакции прессы см.: *Schulkin M. L. The Politics of Temperance: Nicholas II's Campaign Against Alcohol Abuse. (Ph.D. dissertation, Harvard University, 1985).* P. 195—196; *Петрищев А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1915. № 5. С. 278—279; Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 4. С. 344—347.*
- ¹³ Данные о количестве поданных прошений см.: *Johnson W. The Liqueur Problem in Russia. Westerville, OH, 1915. P. 193—194.* Примеры прошений см.: РГИА, ф. 575, оп. 6, д. 828 (особенно л. 142—144), 829. О географии распространения этого движения см.: *Петрищев А. Хроника...* С. 280—281. Об обмане населения и жалобах по этому поводу см.: РГИА, ф. 575, оп. 6, д. 828, 829 и 832. О снижении потребления алкоголя см.: 1914 г. Статистическое отделение: Статистика по казенной продаже питей. С. 59—60.
- ¹⁴ О реакции прессы на движение за трезвость весной 1914 г. см.: *Петрищев А. Хроника...* С. 280—285; *Жилкин И. Провинциальное обозрение...* С. 348—352. См. также статьи в «Вестнике трезвости» за первую половину 1914 г.
- ¹⁵ Об этом бюрократическом сражении см.: РГИА, ф. 575, оп. 6, д. 824; ф. 575, оп. 2, д. 2295. Письмо Сухомлинова к Маклакову см.: РГВИА, ф. 2000, оп. 3, ч. 2, д. 1153, л. 21.
- ¹⁶ Подробный материал об этих нападениях см.: ГАРФ, ф. 102 (4-е делопроизводство), оп. 123, д. 138. Беспорядки начались почти сразу после объявления мобилизации; начиная с середины сентября никаких сообщений о беспорядках не поступало. Материал о водителях, которые продавали водку войскам во избежание большей беды, см.: *Фаресов А. И. Народ без водки (Путевые очерки). Пг., 1916. С. 175.* См. также: *Беркевич А. В. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. 1947. № 23. С. 3—43.* Описание пьяных ритуалов призывников см.: *Herlihy P. Joy of the Rus': Rites and Rituals of Russian Drinking // The Russian Review. 1991. Vol. 50. April. P. 136; Tian-Shanskaya O. S. Village Life in Late Tsarist Russia / Trans. David L. Ransel with Michael Levin. Bloomington, 1993. P. 110.*
- ¹⁷ См. его «Записки солдата» (М., 1929. С. 38—39). См. также материалы в номерах «Вестника трезвости» за осенние месяцы 1914 г. О положительной оценке российской мобилизации иностранцами см.: *Gordon E. Russian Prohibition. Westerville, OH, 1916. P. 11—12.*
- ¹⁸ О планировавшемся повышении цен на водку и объявлении об отсрочке открытия водочной торговли, см.: Отчет ГУНСиКПП: 1914 г. Ч. 1. С. 7—8; Ч. 2. С. 111—115. Сразу после объявления мобилизации в июле 1914 г. в «Вестнике трезвости» стали появляться многочисленные сообщения о громадной выгоде, уже полученной от введения сухого закона; вестник вел учет прошений, хлынувших из земств и городских дум. См. также: РГИА, ф. 102 (2-е делопроизводство), оп. 71, д. 26, ч. 9, л. 20—22; ф. 575, оп. 6, д. 829, 832. Рассказ Барка о решении Николая II запретить продажу водки до окончания войны см.: Глава 5 его «Воспоминаний» (с. 78—81). О заявлении Николая II о судьбе монополии, см.: *Коровин А. М. Военная гроза и трезвость // Вестник трезвости. 1914. № 240. С. 14.*
- ¹⁹ О датах открытия винной и пивной торговли см.: Отчет ГУНСиКПП, Ч. 2. С. 110—127. Совет министров несколько раз откладывал дату начала торговли пивом. О проблемах, связанных с началом винной торговли, см.: *Коровин А. М. Указ. соч. № 239. С. 14; Торговля виноградными винами // Вестник трезвости. 1914. № 240. С. 29—33.*
- ²⁰ Отчет ГУНСиКПП. Ч. 2. С. 110—127; *Коровин А. М. Указ соч. № 237. С. 12.* О количестве поданных прошений и закрытых питейных заведений см.: РГИА, ф. 1242, д. 10, л. 129—130. Оставались открытыми еще 1461 государственное питейное заведение, но они продавали только денатурат.
- ²¹ Материалы о разношерстных прошениях, принимавшихся местными властями, см.: «Вестник трезвости» за сентябрь 1914 г. — февраль 1915 г. Об открытии винной торговли в пригородах Петрограда, включая Петергоф, см.: *Фаресов А. И. Народ без водки...* С. 94—95. Об инициативе уфимского губернатора отказать от полного запрета на торговлю спиртным вопреки настоянию губернского земства см.: РГИА, ф. 575, оп. 6, д. 844. Материалы о запрещении винной торговли в виноградарских районах см.: РГИА, ф. 575, оп. 6, д. 862, л. 135—138; ф. 1242, д. 10, л. 284—413. С другой стороны, например, отмечается, что Одесса не вводила запрет на пиво и водку. *Simpson J. Y. The Self-Discovery of Russia. London, 1916. P. 117—118.*
- ²² *Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости. М., 1915. С. 15—16.* О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России / Департамент окладных сборов, Ми

- нистерство финансов. Пг., 1916. С. 389—450. Заслуживающий доверия анализ большинства фабрик Московской губернии показывает скромный подъем производительности труда: Отрезвление рабочих / Ред. Ф. И. Кубатский. М., 1915. О сокращении случаев пожаров см.: Вопросы финансовой реформы в России / Ред. В. Я. Железнов. М., 1916. С. 84—104. Подробная информация о росте сбережений: *Мендельсон А. Л.* Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. Пг., 1916. С. 31—39. Высказывание врача, ассистента знаменитого проф. В. М. Бехтерева, см.: *Gordon E.* Russian Prohibition... P. 36.
- ²³ Финскую статистику о сокращении преступности после введения сухого закона см.: *Hercord R.* The Prohibition of Alcohol in Russia. Westerville, OH, 1919. P. 9—10. Некоторые авторы считают, что положительные итоги сухого закона сильно преувеличены: *Brandenburger D.* Scratch a Russian and you'll find a Tartar: Prohibition as a Victorian Veneer, 1914—1917. Boston, 1996. (Я приношу Дэвиду Бранденбургеру благодарность за то, что он разрешил мне процитировать его выступление.)
- ²⁴ Об этих обзорах и сообщениях см.: О влиянии... С. 450—465; *Simpson J. N.* Self-Discovery... P. 67—119; *Фаресов А. И.* Народ без водки... Барк заявил в своем интервью «Daily Telegraph» в 1915 г., что народ рассматривает сухой закон не как запрет, а как благодать, см.: *Gordon E.* Russian Prohibition... P. 42.
- ²⁵ См.: О влиянии... С. 468. Здесь отмечается, что за поддержкой народом сухого закона могла стоять боязнь рабочих и крестьян противоречить вышестоящим начальникам. Я признателен Дэвиду Кристиану за помощь в осмыслении этой проблемы.
- ²⁶ См.: *Мендельсон А. А.* Итоги... С. 40. Данные о финансовых последствиях сухого закона и конфиденциальный доклад Барка царю см.: *Christian D.* Prohibition in Russia, 1914—1925 // *Australian Slavonic and Eastern European Studies.* 1995. Vol. 9, No. 2 P. 113—114. Расчеты Шингарева и краткую информацию о замедленной реакции Министерства финансов на необходимость повышения государственного дохода для финансирования военных затрат см.: *Шингарев А. И.* Финансовое положение России. Пг., 1917. С. 4—5. О надеждах, которые Кривошеин и Барк возлагали на введение подоходного налога и их крушении в Думе см.: *Барк П.* Воспоминания // *Возрождение.* 1965. С. 159—161.
- ²⁷ Прекрасное исследование об экономическом значении водки в истории России см.: *Christian D.* 'Living Water': Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation. Oxford, 1990. Коровин в статье «Военная гроза и трезвость» (Вестник трезвости. 1915. № 243. С. 20—21) довольно наивно полагает, что сокращение торговли зерном, вызванное сухим законом, это «чудесное» явление. Материалы о том, как пагубно сказался сухой закон на внутреннем рынке зерна см. также: *Christian D.* Prohibition in Russia... P. 112—113.
- ²⁸ О многочисленных проектах культурной реформы, предлагавшихся во время сухого закона, большинство которых представляло собой строительство народных домов, см.: *Шулов А.* О способах замены питейных заведений // Вестник трезвости. 1914—1915. № 240—241. Письмо Барка от 21 мая 1916 г. см.: РГИА, ф. 1242, д. 10, л. 105. О мерах, предлагавшихся местными администрациями, см.: РГИА, ф. 1242, д. 14. О подозрениях крестьян см.: *Фаресов А. И.* Народ без водки... С. 142—143. О спаде в деятельности обществ трезвости см.: Трезвенные организации // Вестник трезвости. 1914. № 240. С. 27—28; РГИА, ф. 1242, д. 10, л. 340—362.
- ²⁹ РГИА, ф. 575, оп. 6, д. 251, 862; ф. 1242, д. 10, особенно л. 456—466; ГАРФ, ф. 102 (2-е дело-производство), оп. 71, д. 14; ф. 1779, оп. 1, д. 716. См. также: *Brandenburger D.* Scratch a Russian...; *Christian D.* Prohibition in Russia... P. 102—105.
- ³⁰ В дополнение к источникам, указанным в предыдущей сноске, см.: ГАРФ, ф. 6996, оп. 1, д. 346, а также: *Введенский И. Н.* Опыт... С. 22; *Christian D.* Prohibition in Russia... P. 105—110. Я во многом использовал эту статью для написания настоящего абзаца.
- ³¹ *Советов С.* Не надо засыпать и обманываться // Вестник трезвости. 1916. № 254; РГИА, ф. 1242, д. 10, л. 340—362, 422—466; ф. 575, оп. 6, д. 862.

В. С. Измозик

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЯХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КАНУН 1917 г.

(по материалам перлюстрации)

В последние годы исследователи все чаще обращаются к материалам перлюстрации.¹ Это объясняется высокой степенью репрезентативности данного исторического источника. Перлюстрация проводилась в России с середины XVIII в. на протяжении двух столетий при любых властях. Масштабы ее менялись, но сохранялась суть: вскрытие частной корреспонденции без ведома адресатов и выписка сведений, представлявших для властей интерес. Корреспонденты часто не догадывались о существовании перлюстрации или не придавали этому особого значения. Поэтому, собранные вместе, эти, безусловно весьма субъективные каждая в отдельности, «фотографии минуты» позволяют более объемно представить мысли, чувства, настроения людей на том или ином отрезке времени.

В начале XX в. служба перлюстрации скрывалась под вывеской «Цензуры иностранных газет и журналов» и осуществлялась в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Киеве, Одессе, Харькове и Тифлисе. С началом Первой мировой войны, 20 июля 1914 г., было впервые в России официально утверждено «Временное положение о военной цензуре» и создан ее аппарат. Согласно этому документу, почтовая военная цензура вводилась в полном объеме «на театре военных действий» и «частично» в других районах страны.² Чиновники «черных кабинетов» были переименованы в «военных цензоров», но они сохраняли на протяжении всей войны свою прежнюю организационную автономию.

Просматриваемая корреспонденция делилась на «алфавит» — список лиц, чья переписка подлежала обязательному просмотру, — и случайную выборку. «Алфавит» составлялся Департаментом полиции и передавался старшему цензору Цензуры иностранных газет и журналов Санкт-Петербургского почтамта, осуществлявшего руководство службой перлюстрации в империи. Случайная выборка с начала XX в. осуществлялась доверенными почтово-телеграфными чиновниками по ряду признаков: «интеллигентный» почерк, отсутствие обратного адреса, адресование письма известному общественному деятелю или в один из центров революционной эмиграции. Из писем, содержащих суждения о положении в стране или информацию о тех или иных общественных движениях (монархических, либеральных, революционных), делались выписки в трех экземплярах. Два

из них направлялись на квартиру министра внутренних дел, один — директору Департамента полиции. Шифрованные, или «химические» (со скрытым текстом), письма в подлинниках посылались в Департамент полиции.³

В результате огромная масса выписок из перлюстрированной корреспонденции, начиная с 1883 г., отложилась в фонде Департамента полиции, а некоторая их часть с 1905 г. — в фонде Канцелярии министра внутренних дел.⁴ Для подготовки настоящей работы нами были изучены соответствующие дела из фонда Канцелярии министра внутренних дел, а также публикации, основанные на материалах фонда Департамента полиции и военной цензуры.⁵ В фонде Канцелярии министра внутренних дел имеется 53 выписки из перлюстрированных писем за интересующий нас период: с 10 ноября 1916 г. по 23 февраля 1917 г. Кроме этого, в статье Р. Ш. Ганелина приведены выдержки из 45 перлюстрированных писем и в публикации Ю. И. Кирьянова учтены 23 перлюстрированных письма.⁶ Таким образом, всего была использована 121 выписка из частной корреспонденции с октября 1916 г. до 23 февраля 1917 г.

Среди авторов писем — 26 членов IV Государственной думы, 25 общественных деятелей: журналисты, активисты различных политических партий и направлений; 8 военных, 12 чиновников различного ранга и 50 лиц, не входящих в вышеперечисленные категории. Из 26 депутатов Думы, чьи перлюстрированные письма учтены здесь, по партийной принадлежности четверо были правыми, восемь принадлежали к фракции националистов, четыре человека — к октябристам и десять депутатов были кадетами. Среди военных и чиновников, общественных деятелей можно отметить товарища обер-прокурора Синода князя Н. Д. Жевахова, вице-губернатора Семипалатинской области Г. А. Савримовича, начальника Владивостокского порта Г. Н. Таубе, флигель-адъютанта Н. В. Поливанова, генерал-лейтенанта Э. В. Экка, генерал-лейтенанта И. Г. Эрдели, известных деятелей правых организаций — архиепископа Антония, протоиерея И. И. Восторгова, бывшего министра внутренних дел (до мая 1915 г.) Н. А. Маклакова, председателя Одесского Союза русских людей Н. Н. Родзевича, одного из лидеров кадетской партии И. И. Петрункевича, известного деятеля Союза русского народа К. Н. Пасхалова, княгиню О. Воейкову, графа Л. Н. Игнатьева, брата министра народного просвещения до конца 1916 г. С одинаковым усердием служба перлюстрации следила за перепиской представителей как либерального, так и правого политического направлений, а также высшей бюрократии, стремясь выявить подлинные настроения в стране, особенно политически активных кругов «общественности».

Чаще всего корреспонденты затрагивали деятельность верховной власти и различных ее структур. Эта тема присутствует в 90 письмах из 121 (74,4% всей переписки).⁷ Большинство авторов оценивали поведение правительства и Государственной думы (73 выписки или 81,1%). Независимо от политической позиции, ни один из корреспондентов не находил доброго слова, оценивая деятельность правительства. Прежде всего его упрекали за сложившееся экономическое положение. И. Наживин из Москвы писал 1 декабря 1916 г. в столицу: «Из Петрограда плохо видно то ужасающее состояние, в котором находится тыл. К весне ранней ждут голода форменного».⁸ Священник С. Базилевич из села Бобровицы Черниговской губернии 2 декабря 1916 г. жаловался родственнику: «Цены как на предметы потребления, так и на рабочие руки, поднялись невероятно». Говоря о средствах, отпущенных правительством на помощь православной церкви, он сде-

лал вывод, что на долю священника в Черниговской губернии придется около 40 руб.: «Черт бы их побрал с такой помощью, которой не хватит на пару сапог <...> Куда же ведет страну правительство, зачем оно явно продает ее врагам? Зачем убивает... самостоятельность и самобытность страны?».⁹

А. Соколовский из Ишима в письме депутату Государственной думы В. И. Дзюбинскому (фракция трудовиков) от 4 декабря 1916 г. доказывал, что «правительство... старается ограбить и совершенно разорить крестьян и этим ослабить армию». По его мнению, закупочная цена на мясо «назначена такая низкая, какой не было даже до войны. ...То же самое с хлебом. Правительство дает крестьянину по 1 р. 40 — 1 р. 50 за пуд пшеницы», в то время как «настоящая цена 1 р. 70 — 2 р.». «В некоторых местах уже были столкновения с полицией»,¹⁰ — добавляет он.

Продовольственную политику правительства, в частности, введенную 29 ноября 1916 г. министром земледелия А. А. Риттихом принудительную разверстку хлебных поставок, критиковали даже правые. Член Русского монархического союза, землевладелец К. Н. Пасхалов писал 18 февраля 1917 г. из Тульской губернии в Москву: «В соседнем со мною... Алексинском уезде хлеба у крестьян сколько угодно. Но, ввиду твердой цены в 1 р. 58 к., они, не нуждаясь в деньгах, продавать его по такой цене не желают и продают его другим крестьянам и другим покупателям по 4,5 и 6 р. за пуд. ...Все предметы деревенского потребления возросли в цене в 4, 5, 8 раз. ...Хлеба в России достаточно, но он спрятался от твердых цен, не соответствующих вздорожанию других предметов потребления, и никакими административными мерами, кроме насилия, извлечь его на рынок невозможно. Последствием же насилия непременно будет бунт. Следует отказаться от твердых цен и предоставить зерну полную свободу передвижения, уничтожив таможенные заставы между губерниями, но строжайше...карая спекулянтов и банки, скрывающие предметы продовольствия».¹¹

Подобными же мыслями наполнено письмо неизвестного автора из села Врядиевка Херсонской губернии, отправленное 18 февраля 1917 г. в Петроград: «Что даст этот год — один Бог знает. С вечными ошибками, дикой политикой можно дойти до полного разорения. ...Если Министерство земледелия знало, что все кончится так скверно и глупо, зачем же оно подписалось под этим документом, который называется твердыми ценами ниже рыночных и которые вели Россию к непоправимой глупости. ...А цены действительно не только ниже рыночных, но и ниже возможных для ведения дела, и в будущем при них уже никакая разверстка не поможет. Если еще-кое как я мог продать пшеницу по 2 р. в этом году, то в 1917—18 гг. я не смогу продать меньше 3 р. 50 к. и не продам добровольно ни за что. ...Министерство земледелия вместе с земством придумали реквизицию скота в такую пору, когда они останутся совсем без мяса в результате».¹²

Тифлисский перлюстрационный пункт переслал выписку из письма жителя Кутаиси Бараташвили от 7 февраля 1917 г., направленного пользователю абонентного ящика № 76 в Тифлисе (переведен с грузинского). Корреспондент утверждал: «Мы накануне полного экономического расстройтва: весною нечем будет кормить многомиллионную армию, да и самих нас одолеет голод. В Кутаисской губернии положение уже сейчас очень тревожное. Наша администрация вся подкуплена купцами. Против спекулянтов и вздутия цен не принимается ровно никаких мер».¹³ Столь же пессимистично рисовал положение в столице некий А. Бобров в письме в Москву от 19 октября 1916 г.: «Рабочие готовят

забастовку не ради бунта, а из-за голода. День-деньской — хвосты... У нас все холодно и голодно...»¹⁴ Вне зависимости от того, насколько все эти высказывания соответствовали реальному положению дел, они передавали совпадавшее по сути экономическое самоощущение людей из различных социальных, национальных и политических групп.

Личный состав министров в этой ситуации также не пользовался популярностью. После увольнения председателя Совета министров Б. В. Штюрмера А. Шевченко из Казани 17 ноября 1916 г. писал в Петроград: «Наконец сошел со сцены Штюрмер, личность всем русским людям... ненавистная. Общественное мнение всегда ему не доверяло... Правительство обманывает народ».¹⁵ Но и новые фигуры в правительстве чаще всего тоже не соответствовали ожиданиям. Депутат Государственной думы, член фракции октябристов А. Н. Аносов, в следующих словах комментировал происшедший 30 ноября 1916 г. переход Н. Н. Покровского с поста Государственного контролера в кресло министра иностранных дел и назначение в Государственный контроль С. Г. Феодосьева в письме к жене от 1 декабря: «Это типичное назначение последнего времени: ни в чем не сведущ и готов идти на все, что только прикажут».¹⁶ Начальник Владивостокского порта Г. Н. Таубе 2 декабря в письме к отцу барону Н. Э. Таубе, имел правительству «разъединенным».¹⁷

Лишь отдельные министры удостоены одобрительных отзывов. Депутат Государственной думы, член фракции националистов, киевский журналист А. И. Савенко писал жене в Киев 6 декабря: «Есть один просвет: Трепов и Риттих. Это здравомыслящие и деловые люди, которые в продовольственном вопросе взяли верный тон».¹⁸ Но уже 27 декабря 1916 г. А. Ф. Трепов, пробыв председателем Совета министров всего полтора месяца, был смещен и заменен князем Н. Д. Голицыным. Наибольшее раздражение в последние месяцы существования режима вызывал А. Д. Протопопов, 18 сентября назначенный управляющим Министерством внутренних дел и через два месяца утвержденный в должности министра. Если в первые дни его вхождение во власть позволяло вчерашним товарищам по партии октябристов и Государственной думе рассчитывать на его какие-то реформистские шаги, то очень быстро эти надежды исчезли. А. Д. Протопопов стал в глазах либеральной оппозиции олицетворением «распутинщины» и оставался таковым и после убийства «старца». Великий князь Николай Михайлович, высланный повелением Николая II 30 декабря 1916 г. из Петрограда, писал 7 февраля 1917 г. из своего имения Грушевка Херсонской губернии князю Б. А. Куракину в Москву: «Слежу внимательно за газетами и вижу, что дело не ладно. ...Этот Протопопов, если он останется у кормила правления, может легко погубить и Россию, и Государя. Нельзя игнорировать общее настроение и ту войну, которую мы ведем, а сей господин, видимо, неврастеник, который хочет управлять Россией одним произволом».¹⁹

Если в отношении правительства безусловно господствовало резко критическое отношение, то относительно Государственной думы и Государственного совета сталкивались различные мнения. Либералы высказывали симпатию Прогрессивному блоку и именно с Государственной думой связывали надежды на будущее. И. Н. Овчинников из Казани писал 1 декабря 1916 г. члену фракции октябристов в Думе И. В. Годневу: «Об этих речах (П. Н. Милькова. — *Авт.*) всюду огромный гул. Популярность огромная. ...Долготерпеливая Россия готова к восприятию новой жизни, и общество жаждет придти самостоятельно на по-

мощь в борьбе с врагом до полной победы».²⁰ Укрывшийся под буквой «С» рядовой из Нежина обращался к председателю IV Государственной думы октябристу М. В. Родзянко 2 декабря: «Все мы наблюдаем за речами любимейших наших представителей... Милюков, Скобелев, Чхенкели, Чхеидзе, Суханов, Шингарев. Пусть же правые (буржуазия) войдут в положение народа, пусть вдумаются, что народ и армия переродились и живут другим строем. ...Роспуск Государственной думы настолько подрывает доверие к правительству, что от каждого солдата только и слышишь проклятие и ненависть к последнему».²¹

В свою очередь правые рассматривали Государственную думу как главный источник надвигающейся «смуты» и призывали к ее скорейшему роспуску. Один из руководителей Союза Михаила Архангела в Одессе И. И. Дудниченко в письме от 15 октября 1916 г. Н. П. Тихменеву в Петроград прогнозировал: «Вот подождите, откроется Таврический бардак, и оттуда пойдет такая травля, что небо в овчинку покажется».²² Его единомышленник Н. Н. Родзевич в письме от 8 ноября так характеризовал поведение думцев: «Деятельность Государственной думы с первых же шагов приняла революционный характер. Надо всем монархическим организациям просить Государя о немедленном ее роспуске на все время войны».²³ Ответственный чиновник Министерства внутренних дел Н. Д. Тальберг 14 ноября 1916 г. писал О. В. Полторацкой в Тифлис: «Из этой подлой Думы никакого толку все равно не выйдет, так же, как и из правительства, если оно останется столь же мягкотелым и нерешительным. Идет определенная антидинастическая кампания».²⁴ Журналист А. А. Хвостов из Петрограда 1 декабря сообщал архиепископу Назарию в Одессу: «В Петрограде совершенно спокойно, но Дума несерьезно шумлива, а некоторые депутаты просто неприличны».²⁵ Товарищ обер-прокурора Синода Н. Д. Жевахов жаловался 6 декабря тобольскому архиепископу Варнаве: «Государственная дума забрасывает грязью чистых людей и во имя правды распинает правду».²⁶

Это отношение к Думе звучит и в письмах правых депутатов. П. В. Новицкий 4 декабря сообщал херсонскому губернатору В. Г. Ветчинкину: «Что происходит в Государственной думе — писать просто тяжело. Я себя чувствую настолько разбитым, что предпочел убраться из Петрограда, шадя свое здоровье».²⁷ Его товарищ по фракции П. А. Барач, остававшийся в столице, 7 декабря в письме к М. Н. Барач так описывал обстановку: «Тоска и безделье в Думе невыносимые, и хотя я избран в две комиссии, но делать нечего, ибо комиссии не собираются. Дума только политиканствует и ровно ничего не делает. Даже бюджетная комиссия сидит без кворума, ни одного даже вермишельного законопроекта не проведено, бюджет в состоянии замерзания и пройдет разве к Пасхе, а то и позже... Положение пиковое, из него даже выхода не придумаешь».²⁸ А. А. Савенко, чьи письма в Киев жене, Н. К. Савенко, регулярно перлюстрировались, 6 декабря 1916 г. пессимистически оценивал работу Думы и ситуацию в собственной фракции националистов: «Во фракции у нас не все ладно: появились интриги. Мы, киевляне, сегодня толковали, как нам быть. ...К сожалению, Дума в продовольственном вопросе, сбита с толку политиканством, запуталась между трех сосен и оказалась ниже нынешнего правительства». Через два с половиной месяца, 23 февраля 1917 г., в очередном письме жене повторялась, по сути, та же мысль: «Скверно. Вчера вечером очень много спорил в Комиссии и еще более возмущался дряблостью людей, которые ни на что не решаются и идут, как стадо, за кадетами, а последние внесли в деловой продовольственный вопрос массу мелко-

го политиканства, в котором совсем утонули и теперь топят Государственную думу».²⁹

Известный историк, член Государственного совета октябрист В. И. Герье 16 ноября 1916 г. в письме к члену Государственного совета А. Н. Куломзину так отзывался о Милюкове и его сторонниках: «Теперь все забрали в руки милюковские кадеты, не понимающие и не желающие понять сути нашего политического законодательства. Они воображают, что депутаты призваны к участию в самом правительстве... Но что простительно Чхеидзе и ему подобным, то непостижительно дипломированному нахалу».³⁰

Наконец, ряд корреспондентов настроены крайне скептически по отношению ко всем официальным политическим течениям, провозглашая лозунг «чума на оба ваших дома». И. Наживин писал: «Я не верю теперь ни в „лево“, ни в „право“ — все одинаковы, каждый мерзавец по-своему».³¹ Неизвестный адресат из действующей армии размышлял в письме от 4 декабря в Москву: «Дума научилась „разговоры разговаривать“, а только не верю я этим „голосам народа“... Теперь все говорят про „темные силы“, но я, право, думаю, что эти „темные силы“ напускают темноту на народ и не только Штюрмеры и К^о, но и Милюковы и К^о, у которых завязался такой пылкий роман с Англией. Не приведут к добру эти „темные романы“».³²

Естественно, что обсуждение деятельности властных структур тесно переплеталось с темой продолжавшейся войны. Рядовой «С», который в письме к М. В. Родзянко столь горячо восхищался оппозиционными речами депутатов Думы, с такой же экспрессией писал: «Мы будем за нашу свободу биться на жизнь и смерть, нам необходимо разбить наших врагов... Ваши знаменитые речи: „война до конца, до полной победы“ — радуют нас».³³ Офицер штаба 3-й армии 6 декабря в письме в Петроград утверждал даже, что «вся армия к немецкому предложению о мире отнеслась прямо с насмешкой и каким-то даже озверением», и формулировал жесткую позицию по отношению к Германии: «Становитесь на колени и с благодарностью примите те жестокие для вас условия, какие нам будет угодно вам продиктовать».³⁴

Тем не менее в частной переписке все чаще звучало недовольство продолжением войны. Из Рыбинска 5 декабря 1916 г. было направлено письмо М. В. Родзянко от имени более двухсот «граждан Рыбинска и Рыбинского уезда» с подписью «уполномоченный В. Васильев». В нем говорилось: «...Государственная дума не в праве кричать на весь свет, что она не согласна принимать мирные предложения Германии, еще не зная, в какой форме они будут и что Германия будет предлагать. Во всяком случае, условия мира должны быть выслушаны... При теперешнем положении, при теперешней разрухе, продовольственной неурядице, при теперешнем голоде и холоде — мы не в состоянии вести войну. Армия устала и угнетена постоянными изменениями своих начальников и руководителей, и скоро настанет тот час, что штыки нашей армии обратятся не против врага внешнего, а против внутреннего. Теперь мы врагами внутренними называем тех, кто сам воевать не идет, а кричит, что война должна быть до конца. ...Кричит правительство, которому народ не верит, кричит Государственная дума, состоящая из помещиков и попов, что воевать до победы. Но где эта победа и чем победить? ...Народ желает, чтобы, пока не поздно, был заключен мир. Если будут сделаны Германии некоторые уступки, — Бог с ними, мы свое наворачстаем, разотчемся со старым режимом и восстановим культуру».³⁵

Подобные же мысли содержало письмо без подписи, направленное 7 декабря М. В. Родзянко из Киева: «В таком серьезном вопросе, как нынешняя война, ... вы находите нужным лишить возможности представителям народа, социал-демократам и трудовикам, высказаться относительно предложения Четвертного союза мирных переговоров. ... Если вы, „народные представители“, решили до конца поддержать интересы пославших вас в Гос. думу, устроивших своих сыновей в безопасных местах, грабящих государство и народ и потерявших честь и совесть в неслыханных доселе вакханалиях и „пире во время чумы“, то не боитесь ли вы приговора истории?».³⁶ Столь же эмоционально протестовал против войны в письме А. Ф. Керенскому от 3 декабря крестьянин М. Новиков из Тульской губернии. Он называл войну «безбожной и никому ненужной», упрекал своего адресата («даже от вас и Чхеидзе я что-то не слышал прямого осуждения военных преступлений») и настаивал: «требуйте мира, мира во что бы то ни стало», предупреждая, что «народ пойдет за теми из вас, которые первые будут иметь мужество требовать мира».³⁷

В чем же видели большинство корреспондентов причины сложившегося неутешительного положения? Почти в трети анализируемых писем упоминается о закулисной воздействии, считая его решающим фактором политической и экономической жизни России. Образ «темных сил» эксплуатировался и левыми, и правыми политическими кругами, вкладывавшими в него различное содержание. Больше половины тех, кто писал о «вражеском влиянии», понимали под этим действия немецких «агентов». Подписавшийся как «офицер из народа» в письме от 2 декабря из г. Вязники Владимирской губернии одному из лидеров кадетов В. А. Маклакову утверждал, что «мы видим в этой разрухе... обдуманную систему, план».³⁸ О. Раевский в письме из Харькова в Петроград, передавая слухи, ходящие среди крестьян («воюют потому, что хотят опять сделать крестьян крепостными»), высказывал мнение, что это результат деятельности немецких агентов.³⁹ Во вездесущность немецкого влияния искренне верили и депутаты Думы. Член фракции националистов протоиерей А. И. Будрин писал из Петрограда 7 декабря своему родственнику в Пермь: «Уж так не во время эти внутренние распри, так некстати, что Боже сохрани. Неужели и тут вражеские ковы германского покроя? Очевидно, да».⁴⁰

Следующим по частоте упоминания представителем «темных сил» был Г. Е. Распутин. Значительная часть общественного мнения в тот момент была безусловно уверена в его огромнейшем влиянии на ход правительственных дел. Автор письма из Херсона от 10 ноября 1916 г. обращался к В. В. Шульгину со словами: «Когда же конец этому позорному „распутству“, потворствуемому «Штюрмерией» <...> Господа народные представители, спасайте святую Русь».⁴¹ Генерал Эрдели (видимо, генерал-лейтенант И. Г. Эрдели. — *Авт.*) 18 ноября передавал О. М. Эрдели в Одессу мнение своего знакомого, генерала Дьякова из Петрограда, что «во внутренней разрухе играет роль немецкая организация», и заключал: «Ничего удивительного..., если управляет Гришка Распутин».⁴²

Роль Распутина воспринималась в тылу и на фронте через призму слухов, газетных статей, намеков в речах думских депутатов. В придворных кругах ссылались на сведения посвященных в деятельность «высших сфер». О. Воейкова писала 5 декабря из Петрограда графине Е. Л. Игнатъевой в имение Босый Брод Киевской губернии: «В лице Раева и Жевахова получилось что-то такое опереточное, что уже не сохранилось и тени уважения к учреждению, в руках которого

сосредоточена духовная власть страны. Творится что-то невероятное, когда Синод для движения бумаги, одобренной Царем, требует еще подтверждения Гришки. Такой случай был на днях... Стыдно, что столько лет можно терпеть и молчать, сознавая всю грязь, весь позор сетей, в которых погибают остатки чести и благородства нашего высшего управления. Пока будут министры, принимающие записки Григория, как закон, до тех пор будет процветать постыдная интрига и двоевластие, губящие всякую деятельность правительства». ⁴³ С этим была согласна и либеральная оппозиция. «Гриша Распутин продолжает руководить внутренней политикой», — сообщал депутат Государственной думы кадет С. В. Востротин А. В. Калашниковой 6 декабря из Петрограда в Красноярск. ⁴⁴

Гораздо меньшее место в данном массиве перлюстрации занимала тема антисемитизма. Лишь семь авторов винили в бедах России «жидовское засилье». Правые обвиняли в получении «еврейского золота» кадетов. Один из руководителей Союза русского народа архиепископ Харьковский и Ахтырский Антоний писал 20 ноября епископу Андрею в Уфу: «Известно всем... что он (П. Н. Милюков. — *Авт.*) состоит директором жидовского банка и получает не фиктивно 20 000 р. в год. ...Цель его речи одна — устроить в России революцию». ⁴⁵ Правый журналист А. А. Хвостов доказывал: «Для России и экономичнее и политичнее — монархия, а потому допускать к власти немцев и жидов — преступно». ⁴⁶

Некоторые авторы не скрывали разочарования в русском народе. Один из руководителей Союза Михаила Архангела протоиерей И. И. Восторгов 26 октября из Москвы жаловался: «Наш народ сверху и донизу стал хулиганом, и высшие силы его в хулиганстве превзошли самых последних пропойц из мужиков». ⁴⁷

Недовольство сложившейся ситуацией практически во всех сферах экономической и политической жизни диктовало подавляющему большинству авторов писем самую мрачную оценку перспектив развития страны в ближайшем будущем. Показательно, что на 121 перлюстрированную выписку есть только одна, исполненная оптимизма. Автор письма с неразобранной подписью из Волынского Полесья 6 декабря рисовал своему корреспонденту в Одессе удивительную картину: «Россия перерождается... к лучшему. ...Прежней нищеты ни малейшего признака. ...Хлеб есть у всех, все одеты, обуты. Все (беженцы. — *Авт.*) бодро ждут окончания войны, чтобы вернуться на родное пепелище. ...Бабы, даже вдовы и матери, имеющие по несколько сыновей на войне, не жалуется и не плачут... Явилось довольство в деревне». ⁴⁸

Более 20% выписок содержат предчувствие надвигающегося краха и революции. Следует подчеркнуть, что это настроение было присуще представителям всего политического спектра. 4 октября И. И. Восторгов писал члену Совета при министре внутренних дел Н. Ч. Заинчковскому: «Под нами зияющая бездна. А в государственной жизни зреют беспорядки и волнения. Революция подготовилась до последнего бантика, а контрреволюция где? Ее не видно. В кровавом зареве закатываются дни наши». ⁴⁹ Столь же пессимистичны были его единомышленники. И. И. Дудниченко уверял 15 октября: «Становится неизменным, что мы идем к революции». ⁵⁰ Г. Г. Ге из Петрограда сообщал 18 октября Ю. М. Янковскому во Владивосток: «Живем мы в Петрограде, как на вулкане, со дня на день ожидая того, что принято называть беспорядками». ⁵¹ Флигель-адъютант Н. В. Поливанов 4 декабря из Тифлиса, обращаясь к А. В. Поливанову в столицу, констатировал: «...Дальше идти некуда». ⁵²

Такие же предчувствия были у либералов. С. В. Востротин 6 декабря размышлял: «...Я боюсь, не покатались ли мы уже под гору, откуда не подняться, начинает охватывать страх и отчаяние. Слова все сказаны... а мы продолжаем катиться по старым рельсам, пока, очевидно, сразу не свалимся». ⁵³ М. В. Родзянко 26 декабря писал А. Б. Куракину в Орел: «Мы накануне таких событий, которых еще не переживала... святая Русь, и нас ведут в такие дебри, из которых нет возврата». ⁵⁴

В возможность выхода из сложившейся ситуации плохо верили и высшие представители царской бюрократии. Министр внутренних дел до мая 1915 г. Н. А. Маклаков, по-прежнему пользовавшийся огромным доверием Николая II и Александры Федоровны и регулярно с ними встречавшийся, 20 января 1917 г. делился с А. Н. Нарышкиной своими переживаниями: «Был я у Государя и Императрицы. ...Я уехал из дворца с душой, перевернутой до глубины, и очень хочется Им помочь, и так неудержимо роковым ходом всякая помощь становится все менее вероятной и возможной». ⁵⁵ Конечно, часть этих прогнозов можно отнести на счет политической оппозиционности, на стремление изобразить положение хуже, чем оно есть в пику власти, не желающей прислушаться к мнению со стороны, наконец, на эмоциональный тип личности, но невозможно игнорировать факт: господствующим в политически активных слоях общества было действительно ожидание близкого краха.

Вместе с тем большинство вовсе не желало подобного исхода. Не случайно в письмах звучали слова об «ужасной, беспощадной революции», революция сравнивалась с «бездной», «пропастью». ⁵⁶ Эти настроения отражало письмо графини О. И. Музиной-Пушкиной из Петрограда от 8 февраля 1917 г. княгине Н. В. Дондуковой-Изьединовой в Курск. Она сообщала: «Шингарев чуть не со слезами говорил о том, что надо беречь и охранять (Думу. — *Авт.*)... Все начинают понимать, как страшна анархия в настоящую минуту, и стараются ее предотвратить». ⁵⁷ Поэтому рядом со страшными предчувствиями существовала надежда на «светлое будущее», на то, что все обойдется. ⁵⁸

Какие же рецепты выхода из кризиса предлагались той частью общества, настроения которой отразились в данном массиве перлюстрации? В правых кругах была популярна идея твердой власти, решительно пресекающей проявления всякой оппозиционности и выступающей в подчеркнуто национальном облике. Журналист А. А. Хвостов, в частности, писал: «...Главная задача в том, чтобы твердо и решительно стать на путь самобытности и самосознания. Правительств... должно быть... чисто-национальным. ...Все программы разных прогрессивных блоков не стоят ломаного гроша». ⁵⁹ Единственной надеждой этих людей был император. Неизвестный из Петрограда 1 декабря рассуждал в письме к М. Н. Овчинниковой в Ростов-на-Дону: «Царь неподкупен... Вот беда будет, когда министров будет избирать Дума». ⁶⁰

Интересно, что надежду на Николая II сохраняла и часть либеральной оппозиции. Только, по ее мнению, он должен был прислушаться к «разумным голосам общественности». Неизвестный из Киева писал 2 декабря: «Узнал, что Государю раскрыли глаза на многое и что Он решил принять все меры к обезвреживанию тех темных и безответственных сил, которые сбивали Его, несчастного, с пути и вредили России», а далее выражал надежду на «ответственное министерство». ⁶¹ Эти ожидания питали многочисленные слухи о предстоящих переменах. Н. В. Алексеев из Петрограда 1 декабря, в день открытия Думы, сообщал: «На

днях предвидится крупное историческое событие — обнародование акта об ответственном министерстве, а тем самым и „отставки“ старому строю». ⁶² В это верили и гораздо более политически искушенные депутаты Думы. Кадет А. А. Эрн в тот же день писал своей жене Ю. М. Эрн во Владимир: «Он (царь. — *Авт.*) будто бы склонен на уступки, согласен, чтобы за Коронай было оставлено назначение 4-х министров: Председателя Совета Министров, Военного, Морского и Министра Двора. Она (царица. — *Авт.*) убеждает, что на это Он не имеет права идти. ...Ходят слухи, что Он намерен отказаться от Верховного командования». ⁶³

Либералам казалось важнее всего сохранить Думу и продолжать позитивную законодательную работу. Очень выразительно отразило сохранявшиеся иллюзии относительно возможности преодолеть нарастающий политический кризис постепенным укреплением снизу конституционного фундамента письмо почетного председателя кадетской партии И. И. Петрункевича, отправленное 3 декабря из Кореиза (Крым) П. Н. Милюкову: «Теперь борьба идет в иной плоскости, гораздо сознательнее и культурнее, чем в 1905—1906 гг. ...Я очень рад, что вы настояли на постановке на первое место вопроса о волостном земстве. По моему мнению, это краеугольный камень нашей конституции. ...Это будет первоначальной, низшей школой нашей конституции». ⁶⁴

В отдельных письмах открыто рассуждали о возможности военной диктатуры. Например, «Александр» из г. Николаева Херсонской губернии 5 декабря писал своему корреспонденту в Москву: «...Дума остается все-таки глуповатой: компромиссы и компромиссы. Нет людей, которые бы смело сказали бы кому следует: „пошли вы к ...“. Не Милюков же это сделает. Дождемся мы, кажется, того, что какой-нибудь Брусилев повернет свои серые ряды фронтом на восток, перевешает всякие „темные силы“ и тогда ударит на швабов. Это был бы самый лучший исход». ⁶⁵

Хрупкая стабильность, ожидание взрыва в сочетании с надеждой его не допустить, поиски «спасителей Отечества» рождали самые невероятные слухи, передававшиеся представителями образованной части общества. Незвестная из Петрограда, подписавшаяся «любящая тебя Е. З.», сообщала 16 февраля 1917 г. профессору А. Л. Погодину в Харьков: «...У нас сейчас расклеены на всех заборах объявления Градоначальника с убеждением рабочих не бастовать и с обещанием расстрела. Готовится второе 9-е января. По всему судя, резюмируя все слухи и факты — быть взрыву. Но к чему это все приведет? Чья возьмет? Страшно подумать, у нас нет хлеба. Слава Богу, 14-е прошло спокойно, и, говорят, благодаря лорду Бьюкенену (посол Великобритании в России. — *Авт.*). Он имеет целую армию агентов, которые поймали провокаторов среди рабочих, и они сознались, что подосланы „поднять народ“ Протопоповым. А он всемогущ, потому что на него сошел дух Григория Распутина. Вот в какой фантастической действительности мы живем». ⁶⁶

Изучение перлюстрированной переписки убедительно подтверждает, что на рубеже 1917 г. правительство утратило доверие политически активных слоев населения, как слева, так и справа. В этой ситуации политика полумер, сохранение в основном существующего положения делала все более неизбежным стихийный революционный взрыв, поводом к которому могли стать самые различные конкретные события. 23 февраля 1917 г., в день начала второй российской революции, депутат Государственной думы, член фракции правых протоиерей

И. М. Гвоздев писал в родную Вологду М. И. Гвоздеву: «Ты пишешь, что в Вологде тревожно и все чего-то ждут. Очевидно, это всеобщее настроение в России, и оно естественно при современном положении Отечества».⁶⁷ Именно в эти часы всеобщее ожидание сменялось тем самым потрясением, которого так ждали и надеялись избежать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ганелин Р. Ш. Государственная дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 года // Отечественная история. 1997. № 1. С. 150—158; Правые в 1915—феврале 1917: по перлюстрированным Департаментом полиции письмам / Публ. Ю. И. Кирьянова // Минувшее: Исторический альманах.. 1993. № 14; Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах / Публ. Ю. И. Кирьянова // ВИ. 1996. № 1, 4, 7, 8, 10; *Саблин В. А.* Политические настроения крестьянства Севера Европейской России в годы гражданской войны // Постигая прошлое и настоящее. Саратов, 1994. Вып. 3. С. 64—82 и др.
- ² Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате за 1914 год. Пг., 1915. Отдел первый, ст. 2057.
- ³ См.: *Измозик В. С.* Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX в. // Россия в XIX—XX веках. Сб. статей к 70-летию Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998: ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 1000, л. 43—53об.
- ⁴ ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1—140, 142—345, 347—407, 1042, 1248; РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1978—1983.
- ⁵ Ганелин Р. Ш. Указ. соч.: Переписка правых... № 7, 8, 10; РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1983.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Подсчет автора.
- ⁸ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1983, л. 20.
- ⁹ Там же, л. 29.
- ¹⁰ Там же, л. 36.
- ¹¹ Там же, л. 63.
- ¹² Там же, л. 61.
- ¹³ Там же, л. 58.
- ¹⁴ Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 152.
- ¹⁵ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1983, л. 16.
- ¹⁶ Там же, л. 24.
- ¹⁷ Там же, л. 27.
- ¹⁸ Там же, л. 49.
- ¹⁹ ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 1003, л. 87об.
- ²⁰ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1983, л. 19.
- ²¹ Там же, л. 28.
- ²² Переписка правых... № 7. С. 127.
- ²³ Переписка правых... № 8. С. 81.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1983, л. 18.
- ²⁶ Там же, л. 53.
- ²⁷ Там же, л. 41.
- ²⁸ Там же, л. 57.
- ²⁹ Там же, л. 49, 68.
- ³⁰ Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 153.
- ³¹ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1983, л. 20.
- ³² Там же, л. 42.
- ³³ Там же, л. 28—28об.
- ³⁴ Там же, л. 50.
- ³⁵ Там же, л. 47.
- ³⁶ Там же, л. 55.
- ³⁷ Там же, л. 35—35об.
- ³⁸ Там же, л. 30.
- ³⁹ Там же, л. 34.
- ⁴⁰ Там же, л. 56.
- ⁴¹ Там же, л. 15.
- ⁴² Там же, л. 17.
- ⁴³ Там же, л. 44.
- ⁴⁴ Там же, л. 48.
- ⁴⁵ Переписка правых... № 8. С. 82.
- ⁴⁶ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1983, л. 18.
- ⁴⁷ Переписка правых... № 8. С. 79.
- ⁴⁸ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1983, л. 51.
- ⁴⁹ Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 151.
- ⁵⁰ Переписка правых... № 7. С. 127.
- ⁵¹ Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 151.
- ⁵² РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1983, л. 40.
- ⁵³ Там же, л. 48.
- ⁵⁴ Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 156.
- ⁵⁵ Переписка правых... № 8. С. 94.
- ⁵⁶ Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 151; РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1983, л.
- ⁵⁷ ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 1003, л. 88.
- ⁵⁸ Там же, л. 87.
- ⁵⁹ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1983, л. 18.
- ⁶⁰ Там же, л. 25.
- ⁶¹ Там же, л. 32.
- ⁶² Там же, л. 22.
- ⁶³ Там же, л. 21.
- ⁶⁴ Там же, л. 33.
- ⁶⁵ Там же, л. 45.
- ⁶⁶ Там же, л. 59. 14 февраля 1917 г. возобновились заседания Думы после рождественских каникул.
- ⁶⁷ Там же, л. 69.

ДИСКУССИЯ

Ф. Вчисло. Мне кажется, что комментарии должны иметь название и тему, вот поэтому название моего комментария — «О наших категориях». Примите мои извинения за то, что этот краткий комментарий относится только к докладам, которые я мог читать до отъезда из США, а именно: доклады Курцева, Мак-Ки и Холквиста. Все эти доклады соответствуют нашему пониманию исторического опыта России во время Первой мировой войны. Правда, по-разному, но все они также переосмысливают историографию периодов мировой войны. Я следую за Б. И. Колоницким и в том, о чем мы думаем и как мы объясняем эту историю себе и другим. Хотя, может быть, подобный подход недостаточно уместен на конференции научных специалистов, тем не менее, давайте представим вначале, как в Америке или Англии очередной курс лекций по социальной истории России ставил бы перед студентами проблему Первой мировой войны. Иногда такой курс начинается вступительной лекцией о войне и революции. Далее следует изучение советского XX в. Здесь война и сопутствующие ей революции изображаются кратко и предваряются общественным и политическим кризисом царского строя, результатом которого были и большевизм, и тоталитарное государство, и само современное советское общество. Война — переходный эксперимент, который обращает внимание слушателей на другие исторические проблемы и вопросы. Таким же образом курс лекций о социальной истории царской или императорской России заключается темой войны и революции. В зависимости от понятия профессора, курс начинается темой крепостнической России и эпохой великих реформ царствования Петра I и становления самодержавной абсолютистской империи или даже Московского царства XVII века и Смутного времени. В каждом из этих курсов Первая мировая война часто играет роль, похожую на ту, какую она играет в современном русском общественном мнении. С одной стороны, война остановила развитие современного уклада русской жизни, разрушила развитие необходимых для современной эпохи социальных, экономических и политических учреждений и в конце концов создала кризисные условия, которые привели к революции. До начала войны кризис русского самодержавия был всем очевиден, если понимать под этим и его политические структуры, и общественные устои. Война усложнила и углубила кризис. И здесь тоже Первая мировая война является не исторической проблемой, а литературным механизмом или типом интерлюдии между довоенным и революционным кризисами. Однако в докладах осмысление исторической проблемы войны находится на первом месте. Каждый из этих докладов затрагивает проблему войны по-разному, но главным

мне кажется тот факт, что все поднимают вопрос об употребляемых в нашей историографии категориях. Во-первых, доклад Курцева. Масштабы и темпы беженства выявляют то, что во время войны общество столкнулось с новыми стрессами и воздействиями. Например, демографические, этнические и классовые стрессы, когда и беженство, и выселение создали новые социальные структуры общества. Или, к примеру, многие государственные и общественные учреждения в центре и на местах теперь должны были справиться с новыми угрожающими проблемами. Курцев не говорит о новых источниках психологически-социологического стресса в обществе как результате беженства. Это следовало бы сделать, например, когда он пишет о том, как сам процесс массового исхода населения породил естественную реакцию — панику во внутренних губерниях. Или когда он пишет об обострившихся отношениях между беженцами и коренным населением. Безусловно, подобные факты, особенно те, которые помогают лучше осмыслить настроение групп населения, свидетельствуют о том, что любая точка зрения на революционный кризис должна принимать во внимание стрессы и проблемы, возникшие в обществе в результате войны. П. Гетрелл занимается тем же самым вопросом о влиянии беженства на общество. Но он подходит к нему совершенно иначе. И надо отметить, делает это, предлагая абсолютно другие, серьезные научные предположения. Нужно остановиться на двух из них, являющихся сегодня основными на наших исторических факультетах. Во-первых, как пишет Гетрелл, его исследование беженства во время Первой мировой войны представляет собой попытку изучить неизвестные исторические события военного времени. В частности, имеются в виду факты, которые всплывают в связи с повальным увлечением факторами, способствовавшими революционной вспышке в 1917 г. Он отмечает, что проблемы беженцев обычно обходят вниманием и объясняет, что это происходит, потому что их трудно уместить в привычные рамки организованных общественных сил, классов, сословий, национальных этнических групп. И не только организаций, политических партий, административных учреждений и т. д. Гетрелл сознательно рассматривает беженцев как возможность контрастировать категории нашего понимания общественной истории начала XX в. Второе, на что обращает внимание Гетрелл, это категория, здесь я хочу употребить английское слово *gender* — полового признака. Он отмечает, что это важно не только потому, что многие беженцы были женщинами, но главным образом потому, что подход к проблеме беженцев с позиций *gender*-ной принадлежности позволяет ему обратиться к установленным культурным нормам, касающимся женского и мужского поведения и социальной природы. Исследуются границы, которые организовывали и определяли социальные группы, и то, насколько эти границы менялись в беспокойные военные годы. В докладе содержится масса доказательств тому, что подобное переосмысление способно дать интереснейшие результаты. Возьмем два примера. Во-первых, нужно заметить, что доклад на тему беженства в военное время, тему общественной истории, дает глубокую трактовку традиционно политического вопроса монархической власти. Кроме того, и это является ключевым моментом, Гетрелл показывает, как войне удалось одновременно и пошатнуть, и укрепить привычные гендерные разграничения в обществе. С одной стороны, то, что он называет конституцией беженства, по разным причинам подняло вопрос о всех патриархальных формах правления. У женщин появились новые представления о пространстве, мобильности. Возникли новые сферы гражданской деятельности для женщин. По-новому стали строиться их отношения с

мужчинами. С другой стороны, Гетрелл в своем исследовании показал, как имперское общество в конце концов сделало беженца непременно уязвимым субъектом, показал, что в имперском обществе времен войны установленные гендерные устои скорее охранялись, чем ниспровергались. Было бы интересно получить более подробный комментарий Гетрелла по поводу того, какое влияние его выводы по этому конкретному вопросу оказывают на его взгляды на военную сферу в целом. Что касается двух других докладов, оба поднимают проблемы историографических категорий социальной истории как таковой. Или, иначе говоря, те трудности, с которыми нам все чаще приходится сталкиваться, когда мы, в отличие от историков-коллег других направлений, выделяем в нашей работе четкие схематические категории: общество, политика, культура и экономика. Возьмем, к примеру, доклад А. Мак-Ки. Он производит впечатление доклада на тему сухого закона, проблемы и общественной, и политической, поскольку потребление алкоголя было существенным фактором социальной жизни и восстановление государственной монополии на алкогольные напитки имело глубокие последствия для финансового положения самодержавия во время войны. Тем не менее этот доклад, который явно затрагивает общественные и экономические вопросы, более сосредоточен на символических представлениях самодержавия о политической власти, раскрытых этим историческим эпизодом и реакцией населения на него. Этот доклад нелегко подвести под ту или иную категорию исторической науки. В самом деле, в нем нет места традиционному осмыслению политической власти, что действительно занимает Мак-Ки. Именно это делает доклад увлекательным, его мысль о том, что проблема структуры власти и воздействия реальных ее механизмов на изменение поведения людей была так же важна, как и то, кто властвовал. Наконец, доклад П. Холквиста с самого начала сознательно поднимает проблему категорий. Во-первых, Холквист конечно наносит удар по исторической хронологии, определив время катастроф в России как 1914—1921 гг. и приняв их за подходящие временные рамки для изучения процессов, из которых в действительности состояло второе Смутное время в России. Во-вторых, он активно разрушает представление об исключительности России, поместив выше-названный период в его более широкий европейский контекст. В своей работе Холквист — и конечно, надо отметить, он совсем не одинок в этом подходе — мыслит межнациональными европейскими категориями, рассматривает опыт России, находящейся в состоянии войны, в контексте предвоенного европейского империализма и колониализма и высказывает предположение о том, что национальная мобилизация и тотальная война, революция и гражданская война в России могут проецироваться на опыт тотальной войны на европейском континенте вообще. Наконец, Холквист несомненно не будет отрицать, что его доклад является собой результат изучения общественной, или политической, или даже культурной истории, дискуссии о тотальной мобилизации населения, духа, коллективного воображения и представляет собой попытку рассмотрения на примере военного опыта России одного из отличительных признаков модерна. Происходит полная мобилизация общества государством наряду с добровольной самоорганизацией гражданского населения с целью ведения тотальной насильственной войны. В докладе Холквиста, так же как и в других, упомянутых в этом обзоре, мы видим продолжение переосмысления нашей историографии, которое может лишь способствовать достижению главной цели: углублению нашего понимания новой русской истории.

З. Галили. Я начну с того, что почти все доклады, представленные сегодня, демонстрируют, насколько трудно разделить эти темы — политические и социальные, обсуждающие отношения между обществом и государством. Два доклада довольно четко показывают, что государственные действия имели неожиданные или во всяком случае нежелательные результаты для пьянства и для самого государства во время войны. А. Мак-Ки рисует картину о том, как решение о введении сухого закона, принятое царем без консультаций и без подготовки, поставило правительство в сложную ситуацию. В докладе А. Н. Курцева описываются огромные размеры явления, названного беженством. Здесь исследуются действия государства, создавшего финансовые и административные проблемы для 5 млн. людей. Доклад Б. В. Ананьича подчеркивает, что во время войны нарастали конфликты и расхождения между государством и предпринимательской средой, рождались идеи культурного капитализма, что в правительстве и в некоторых общественных организациях звучали требования интенсивного государственного контроля над отдельными сторонами экономической жизни. Это же иллюстрирует доклад В. С. Измозика. Я не совсем уверена, что из цитируемых писем можно сделать вывод о нарастающей стихийной революции. Но ясно, что ненависть к государству сильно высказывалась со всех сторон. Но это все только в политической сфере. А что происходит на самой войне? Мне кажется, что доклад Ананьича дает представление об одной, можно сказать, чисто экономической стороне дела. Я хочу поставить вопрос: можно ли говорить о социальной самоорганизации общества, чем Россия отличается от других стран? В России, как и в других странах, война усилила тенденции, которые существовали в экономических и социальных отношениях, оказали влияние на организацию общества и хозяйства, но насколько Российское государство было в состоянии выполнить планы борьбы с пьянством?

Х. Ян. В представленных докладах обсуждаются различные общественные проблемы, которые, на мой взгляд, не отражают человеческий опыт войны. В связи с этим меня интересует тема воспоминаний о войне, о которой говорили накануне. Беженство, например, очень сильно действует на личность человека. Такое не забывается, такой опыт становится постоянной легендой в семье. Может быть, в общественной сфере и в официальных кругах и воспринимался такой человеческий опыт. Вопрос в том, каким образом и при помощи каких источников могут быть исследованы все эти проблемы.

Ю. И. Басилов. Я бы хотел высказать несколько соображений по поводу доклада П. Холквиста. Что кажется мне интересным, так это момент европейской гражданской войны как аналитической категории. Здесь мне хочется обратить внимание на работы Ноэрта, немецкого исследователя. Это первый момент. Второй момент, который также представляется очень важным, это то, что не совсем понятна связь между рамками военной статистики и конкретным формированием государственной политики. В вашем тексте я не встретил, например, анализа социальной государственной документации, которая бы свидетельствовала о государственной политике в этой области. Затем, вы делаете заключение о том, что насильственная массовая депортация явилась воплощением в реальной политике того, что военная статистика говорила о населении всех областей. Мне кажется, что здесь причина и следствие не совсем верные, потому что на уровне государ-

ственной политики и официальных решений (не знаю, здесь, может быть, присутствует Р. Ш. Ганелин, он может быть что-то сможет нам сказать о том, принимались ли на уровне государственной политики государственные решения), потому что получается, что те депортации, которые были проведены в начале войны, были вызваны чисто конкретной военной ситуацией. Вы интерпретируете их в рамках более широкого контекста. И в этой связи очень сложный вопрос для меня: анализ ситуаций в колониях в современной политике, потому что вы, например, рассматриваете колониальную политику как определенный элемент политики модерна вообще, но мне вспомнилась работа Гарновского «Проблема социально-экономического развития России в начале XX века», где он как раз связал эту политику с политикой военно-феодального империализма. Вот это очень важная категория. Мы можем на этом как раз построить национальность, мы можем, например, рассматривать политику перенаселения как продолжение типичной политики перемещения населения, которую практиковали московские князья, по сути дела, как феодальную политику, как продолжение феодальной политики, как политику, которая бы являлась отражением модерна, которую весьма сложно проследить на русском материале, по крайней мере в тех причинно-следственных связях, которые вы выстраиваете в докладе. Завершу тем, что по сути дела чувствуется, что вы переносите категории западного общества в контекст самоорганизации российского гражданского общества. Но было ли гражданское общество в России в начале XX в.? Мы имеем только определенный фрагмент. Мне кажется, что употребляемая вами английская категория — это в большей степени «надзор», потому что «осведомление» как категория все-таки семантически ограничена прежде всего языком полицейских.

В. Е. Кельнер. Коллега Курцев в одном из своих вопросов просил уточнить дефиниции беженства и депортации. Но дело в том, что в данном случае это практически невозможно, потому что терминологические различия между беженством и депортацией нивелируются по мере приближения к прифронтовой полосе, где сотни тысяч людей оказались в зависимости от личных взглядов и пристрастий военного руководства типа Янушкевича, Рузского, Бонч-Бруевича. Несколько слов по поводу доклада А. Н. Курцева. На мой взгляд, это очень интересный доклад, но в нем есть некоторое лукавство. Дело в том, что вы, как представляется, некритически отнеслись к официальным источникам, которые очень часто желаемое выдавали за действительное. Дело в том, что руководство страны и правительство знало истину, но делало вид, будто не знает, что происходит в прифронтовой полосе. Это относится, в частности, к проблеме депортации еврейского населения и погромов в прифронтовой полосе. Стенографические отчеты о переговорах представителей еврейских общин с Горемыкиным, Сазоновым и даже с Маклаковым показывают, что государственные мужи уверяли этих представителей, что они понятия не имеют об истинном положении дел и в силу этого сомневаются в том, что объективна та информация, которую им представляли. Следовало бы рассмотреть еще одну проблему: это люди депортированные, с одной стороны, и эшелоны с еврейскими беженцами — с другой. В период Первой мировой войны существовало выражение: «Вильгельм отменил черту оседлости», вот они и дошли до Владивостока. Интересно посмотреть, как сложились судьбы многих из этих людей, которые потом не вернулись; их участие в революции и гражданской войне. Они были вырваны из привычной среды и оказа-

лись среди, можно сказать, враждебного населения, среди чужих. И тогда, поняв это, может быть мы осознаем, почему в Челябинске действовала Соня Кривая, почему будущий нарком авиации оказался в Первую мировую войну в Архангельске, почему в Ачинске в Сибири и в Баргузине в Забайкалье в период гражданской войны были такие энергичные сионистские организации. Участие этих людей в будущих событиях во многом было заложено в тех проблемах депортации, которые были порождены Первой мировой войной.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДОКЛАДЧИКОВ

П. Холквист. Мне хотелось бы поблагодарить СПб филиал Института истории, Оргкомитет конференции и Европейский университет за приглашение на конференцию. Как я пришел к теме Первой мировой войны? Моя специальность — революция и гражданская война, в особенности в Донской области, на Юге. Что особенно привлекло меня именно к этому региону? Это тот факт, что сохранились материалы, правда, разбросанные, некоторые на двух континентах, и белых, и красных, включая государственную деятельность, так что открывается возможность сравнивать не только идеологии этих двух сторон в гражданской войне, но и как они пытались управлять. Если вернуться к замечанию Б. Колоницкого, меня интересуют приемы управления, методы, которыми государство старается управлять. Важнейшими из них, хотя бы во время хозяйственной катастрофы, я считаю экономическое регулирование и государственное насилие, т. е. насилие, управляемое государством, чтобы заставить действовать население так, как оно требовало и требует. Об осведомлении я не буду говорить, так как ведущий специалист по вопросам конспирации и осведомления В. С. Измолик выступает на этом же заседании. И позже сегодня выступает Ю. И. Кирьянов, ведущий специалист по правым партиям во время войны. Экономическое регулирование и планирование, здесь я вполне солидарен с замечаниями Т. М. Китаниной, что надо искать формы этого регулирования именно во время войны. Но проблема планирования так до конца и не решилась во время войны. Интересная деталь: в правительстве Краснова, т. е. уже во время Гражданской войны, в 1918 г., шла борьба между атаманом и бюрократами Донского отдела продовольствия, которые настаивали на регулировании вопросов продовольствия. Шла борьба 6 месяцев, и победил принцип регулирования. Так что дискуссия продолжалась и после окончания войны, даже у белых. Конечно были существенные различия в том, как красные и белые употребляли эти приемы, но существовало и большое сходство. Например, я был просто удивлен размером деятельности Донского отдела осведомления. Но корни надо конечно искать в первую очередь в самой войне, ведь красные и белые прошли опыт великой войны и многому там научились. Именно этим обстоятельством объясняется мой призыв рассматривать войну как составную часть общей катастрофы, включая мировую войну, революцию и гражданскую войну. Так что я уже выступаю с самокритикой во второй инстанции, т. е. мне хотелось бы, чтобы моя работа о революционном периоде на Дону уделяла бы больше внимания периоду войны. Но здесь я хочу сделать одно замечание по поводу скорее официальной, чем на-

родной памяти, и как оно контрастирует. Я работал в архивах Войска Донского, но чтобы осветить все дни войны, пришлось побывать еще в двух архивах. Почему? Потому что советское государство поставило стену между собой и предыдущим периодом в своих учреждениях, в том числе и в архивах. Несколько слов о докладе. Вопрос, стоит ли сравнивать приемы управления разных государств в великой войне? Раньше я работал над сравнением этих приемов красной и белой сторон во время войны, сейчас это более широкий вопрос. Что меня особенно интересует, это как насилие, что было на фронте направлено против внешних врагов, будет перенесено, так сказать, домой. Для тех, кто не имел возможности прочесть доклад, в нем есть три прозаичных грубых тезиса. Во-первых, в плане вопроса: стоит ли рассматривать войну, революцию и Гражданскую войну как один период? Второй вопрос: хотя нельзя преувеличивать значение войны, но в то же время мы должны воспринимать 1914 год как новый рубеж. Здесь работа Л. Хаймсона, доказывающая довоенные и военные процессы и их взаимосвязь, стоит на первом месте. И в-третьих, я указал в докладе, в самых общих чертах, на то, что насилие этого периода создавалось не только государством, но и с помощью и посредством общества. Для насилия такого размаха нужно содействие общества. Но здесь, я думаю, другие доклады отлично доказывают, как конкретно осуществлялось это содействие общества.

Я постараюсь также ответить хотя бы на некоторые из вопросов. Я стараюсь переосмыслить этот период войны, и меня особенно волнует вопрос о месте России в Европе и как осмыслить не только эмпирические, но и фактические материалы о войне, обо всех европейских государствах, как определить опыт ведения войны этими государствами. И я не так уж убежден, что Россия была не готова к войне. Какие государства были готовы к такой войне? Ведь все помнят, чем кончилась война для Германии, — именно революцией. Я читаю материалы о царском режиме. Там говорят в основном о надзоре. Но уже с периода Гражданской войны говорят об осведомлении. И мне кажется, что эти два термина охватывают другие понятия. Конечно, была практика перлюстрации, но размах и размеры этой деятельности значительно возросли во время войны. Мне кажется осведомление — это не только то, что следят за отдельными личностями, а за настроением всего населения, т. е. оно направлено не на отдельные личности, а на общество. Я должен сейчас ответить на вопрос, что такое тотальная война: это война, направленная в основном на население, на уничтожение населения посредством блокады, т. е. это не только война на фронте, а война против всего общества противника, и война эта ведется при участии своего населения, так что надо мобилизовать свои людские ресурсы для такой борьбы.

Б. В. Ананьич. Я хотел бы добавить некоторые штрихи к характеристике российской буржуазии. С моей точки зрения, она чрезвычайно быстро эволюционировала во второй половине XIX в., а в период войны в ее эволюции и классовом самосознании произошел качественный скачок. Уже в начале XX в. русская буржуазия принимает на себя инициативу в разработке программы развития производительных сил России. До 1905 г. существовали правительственные программы экономического развития России, например, программы Н. Х. Бунге или С. Ю. Витте, но после 1905 г. экономическая политика правительства уже была лишена признаков планирования. Инициатива переходит к общественным организациям буржуазии, в частности к Совету съездов представителей торговли и

промышленности, и Совет съездов, в особенности в период войны, становится центром разработки программы развития производительных сил России. Совет съездов создает специальную группу, в которую вошли такие эксперты по финансовым вопросам, как Н. Н. Кутлер, М. И. Фридман, М. В. Бернацкий и другие. В этой группе возникает программа развития «культурного капитализма» в России. В моем докладе этот термин взят в кавычки, потому что он не принадлежит мне. Это выражение Бернацкого. Он выступал с программой «культурного капитализма» в целом ряде своих статей и докладов, на заседаниях Совета съездов или финансовой комиссии. В поисках пути выхода экономики России из кризиса петербургские экономисты обсуждали возможность применения таких моделей, как государственный капитализм или катэдерсоциализм. Меня очень интересует влияние вот этой немецкой политики катэдерсоциализма, которую проводил Отто Бисмарк, на экономическую мысль в России. Однако в период войны среди петербургских экономистов получает распространение программа «культурного капитализма», и смысл заключается в том, что Россия не готова к тому, чтобы осуществить государственный капитализм или государственный социализм, а что ей еще надо пройти школу капитализма, что капитализм российский должен стать культурным. Под понятием «культурный капитализм» подразумевались не только развитие предпринимательской культуры, но и объединение представителей бизнеса с интеллигенцией, с интеллектуальными кругами. Это нашло свое отражение в докладе В. В. Жуковского, посвященного памяти С. Ю. Витте. В. В. Жуковский называл Витте человеком, который способствовал сближению интеллектуальной части русского общества с предпринимательскими кругами. В. В. Жуковский заявлял, что необходимо взаимное развитие и взаимодействие капитала ума и капитала денег. Мне кажется, что это новое направление в идеологии русской буржуазии заслуживает внимания. Я бы хотел еще в заключение сказать, что конечно ответить на вопрос, что представлял собой «культурный капитализм» и какой бы он принял характер, действительно окажется русская буржуазия у власти, довольно трудно. И на этот вопрос пыталась ответить американская исследовательница Рут Руза, и я пользуюсь случаем, чтобы вспомнить о ней, потому что она тоже была нашей коллегой и активно участвовала в разработке истории российской буржуазии. К сожалению, она не могла довести до конца свою книгу, но благодаря Т. Оуэну ее работа все-таки получила завершение и была издана. Она считала, в частности, что если бы русское общество в начале XX столетия оказалось под эгидой представителей своего делового класса, то создалась бы система, которая имела бы значительно больше общего с умеренным скандинавским социализмом, итальянским синдикализмом 20-х годов, авторитарным правлением в Польше и Прибалтийских странах между двумя войнами или с типом промышленной организации, которая возникла в послевоенной Германии, нежели с открытым, основанным на конкуренции, обществом, которое стало американским идеалом. Трудно утверждать, что это было бы именно так, но мне кажется бесспорным, что роль государственного начала в экономике развития России при любых ее вариантах оставалась бы очень значительной.

Профессор Бонвеч не совсем правильно меня понял. Дело в том, что именно меня интересует. Меня интересует, насколько немецкие идеи государственного социализма, бисмарковская политика влияли на политику русского правительства. И мне казалось, что к культурному капитализму это прямого отношения не

имеет. Мне казалось, что Бунге пытался в России использовать фабричную инспекцию, рабочее законодательство, т. е. пытался немецкие идеи каким-то образом реализовать, но они не состоялись. А что касается культурного капитализма, то когда дело дошло до него, т. е. до самой формулировки, то люди, которые эту формулировку провозглашали, уже заявляли, что Россия не может строить государственный социализм тем более она не могла построить и государственный капитализм, что Россия может к этому только перейти: нам далеко до Германии, мы должны стремиться к культурному капитализму. Иными словами это отступление назад даже от самих идей и возможностей использовать западный опыт, что надо просто начинать с культурного капитализма, а потом возвращаться к этим западным идеям (смех в зале). Итак, все надо начинать сначала. Это обращалось к интеллектуалам и к интеллигенции. Мы много говорили на своих конференциях об интеллигенции и рабочих. А это интеллигенция и предприниматели. И когда Жуковский обращается с призывом к интеллектуалам, он ведь прямо говорит: колоссальное расхождение между сферами русской интеллигенции и сферами русской практической жизни, русская интеллектуальная жизнь далеко отстоит от жизни деловой и что нужно обращаться к интеллигенции. Вот интеллектуалы и появляются. Конкретно я не знаю, потому что в России его так и не было — культурного капитализма. Я думаю, что этот вопрос можно поставить и сейчас. Эта проблема не утратила своей актуальности. И я бы хотел еще сказать относительно одного замечания З. Галили, что буржуазия предлагает себя. Она не просто предлагает, она настаивает. Мне кажется важным то, что правительство разрабатывает концепцию промышленного развития (скажем, в эпоху Витте — замкнутая система) — как развиваться России, догнать страны и все прочее, что эти идеи перетекают к Совету съездов, к интеллектуалам, связанным с промышленностью, вроде Мигулина, вроде Озерова, вроде Бернадского, который может быть вообще акций не имел никаких, а просто был профессором Политехнического института. Вот это я хотел показать: они настаивали на том, что у них есть программа, и старые правительственные программы их не интересуют. А правительство уже не способно предлагать программы, это тоже форма кризиса, если хотите, кризиса власти, потому что власть утрачивает инициативу. И Жуковский, кстати, в своем докладе предупреждает, что война — это уже другая ситуация и правительству нужно с этим считаться, оно уже не может выступать в роли хозяина, это кстати ответ, оно может выступать в роли воспитателя, в роли советчика, но не хозяина. Может быть, кто-то из вас в следующий раз напишет работу «Интеллигенция и предпринимательство», «Интеллигенция и рабочие», потому что действительно в принципе к предпринимательству в русской интеллигенции всегда было отрицательное отношение.

П. Гетрелл. Мой доклад находится в секции «Общество», хотя тема о беженцах тесно связана с другими. Очевидна связь с политикой, в том числе с вопросами, о которых говорит П. Холквист, но тема беженцев связана с культурой, с экономикой и, конечно, с социальными и этническими вопросами. Даже английский военный атташе в русской армии А. Нокс в своих мемуарах упомянул многонациональную миграцию. Я хочу обратить внимание на большой парадокс войны. Почти все аналитики до войны ждали войну маневренную и короткую. А в действительности войска, особенно на Западном фронте, много лет сидели в окопах без всякого движения. А гражданское население Польши, Галиции, Лат-

вии, Армении и других районов вынуждено было бежать. Численность беженцев превышало количество промышленных рабочих в 1917 г. Это сказалось не только на перегруженности некоторых городов, но и на формировании нового уклада. Появилось новое понятие — понятие «беженства».

В докладе я обратил внимание на две проблемы, которые замалчивались, — беженство и представления о роли женщин и мужчин в обществе военного времени. На мой взгляд, предпосылкой организации помощи беженцам было изображение бедного, голодного и больного беженца и беженки. Действительно, беженцы и беженки много страдали. Но дело не только в этом: представители «общества» и бюрократии обычно говорили не об активном и разумном человеке, не о разумных действиях беженца или беженки, они говорили о пассивном объекте, которому угрожала опасность, которому следовало помогать. Этот подход, это понимание вопроса создало возможность для оправдания роли других женщин во время войны в публичной сфере. Эти женщины, теперь уже члены трудового общества, хотели воздействовать на поведение беженцев и беженок, также рассматривая их как пассивный объект своих действий, а не как самостоятельный и активный субъект, способный к самоорганизации и самостоятельным действиям.

Я задам два вопроса: как нам писать историю беженства и как нам писать историю роли гендера во время мировой войны? Думаю, что мои возможности для детального рассмотрения этих проблем крайне ограничены. Отмечу лишь, что обе проблемы тесно переплетены между собой. Несомненно одно: беженцы и, прежде всего беженки, много сделали во время войны. Они старались на новых местах быть активными членами общества. Но в то же время и бюрократия, и члены самого общества смотрели на них как на людей пассивных. Вопрос Х. Яна — влияние беженства на личность — очень интересный вопрос. Думаю, что для ответа на него нам придется посмотреть архивные материалы, воспоминания и т. д. Другой важный вопрос — что беженцы сами думали о себе. На мой взгляд, в годы войны сложился устойчивый тип беженца. Интернированные люди не стремились скрыть свое новое социальное положение. Напротив, даже когда они публиковали объявление в газетах, они сами говорили о себе как о беженцах или беженках. Положение беженца для них, как представляется, было очень важно. Конечно, как говорит В. Кельнер, для евреев беженство было чем-то вроде освобождения, разрыв с чертой оседлости. Это тоже важно, если говорить о влиянии на личность человека. И еще, не надо предполагать, что беженец чувствовал себя жертвой. Всегда — и сегодня — на беженцев смотрели как на жертву. Но дело в том, что они прежде всего осознавали себя не только как «люди в беженском положении», но прежде всего как «люди». К сожалению, и сейчас, и во время войны общество и государство не думали о том, что это люди, а рассматривали некую категорию беженства.

А. Н. Курцев. Прежде всего позвольте поблагодарить участников коллоквиума за внимание к актуальной проблеме беженства, над которой я работаю уже несколько лет. Я долго размышлял над тем, как назвать данный доклад на этой конференции и в конце концов пришел к выводу, что общее понятие, к которому историки пришли, не только специалисты, которые занимаются этой проблематикой, но и люди, которые интересуются такими проблемами, обобщающее центральное понятие — это беженство, а не беженцы. Недаром именно с этих слов

начинал и П. Гетрелл представление своего доклада. Первые попытки изучения беженства относятся ко времени Первой мировой войны, когда появились работы регионального характера, был объявлен, официально объявлен всероссийский сбор материалов для обобщающего труда «История беженского движения в России», однако революция прервала начатое исследование. В советское время, когда эпоха данной войны изучалась с приоритетных позиций революционной тематики, гуманитарная проблема беженства оказалась обойденной вниманием историков, о чем говорит практически полное отсутствие по ней специальных трудов. Официальная советская историография вовсе замалчивала существование беженства, поскольку многие стороны, как нам представляется, оказания помощи беженцам царской России были не в пользу как советскому периоду их возвращения на родину в 1918—1924 г., так и условиям массовой эвакуации населения СССР в годы Великой Отечественной войны. Самым поразительным, на наш взгляд, фактом абсолютного игнорирования огромного беженского слоя населения в России явился известный вам юбилейный доклад Сидорова, Бовыкина, Волобуева «Экономические и социальные проблемы первой мировой войны», в котором даже не упоминается выражение, ни одного слова со знаком беженства. Тем не менее идущий с 20-х годов процесс постепенного накопления знаний был связан прежде всего с попутным освещением отдельных сторон беженства во множестве непрофильных исследований. Это десятки трудов. Приведу два примера, на мой взгляд достаточно типичных. Это прежде всего работа Т. М. Китаниной 1985 г. по истории сельского хозяйства в период Первой мировой войны, в которой по существу впервые в советской печати было заявлено, что существовало особое подразделение, Особое совещание по устройству беженцев, которое и занималось беженской проблематикой, помощью беженцам в России, и многие другие интересные факты. Ну и в последнее время, тоже достаточно типичный пример — это Н. Н. Смирнов, который в своей монографии о российском учительстве в 1917 г., изданной в 1994 г., и, что интересно особенно нам, участникам данной конференции, в своем докладе освещает отдельные сюжеты по беженцам-учителям, по беженцам-детям, которые учились в школах. Однако эти работы, имеются в виду десятки и десятки их, содержат минимальное количество необходимых фактических сведений, а авторские выводы нередко искажают реальную картину, и в частности, завышенную Волковым в монографии 1930 г. итоговую численность беженцев, подчеркиваю — абсолютно условную, рассчитанную чисто механически, не имеющую никакого отношения к реальной картине, к реальной динамике беженства. Так вот, по Волкову получилось 7,4 миллиона человек на лето 1917 г. Только в последнее десятилетие появились первые специальные работы, большинство которых опирается на региональный анализ беженства. К сожалению они не свободны от ошибок. Скажем, кандидатская диссертация армянского историка Арутюняна, довольно новая диссертация, содержит на мой взгляд предельно странное рассуждение о том, что в основе бегства армян от турок лежал преднамеренный отвод русских войск, совершенный для реализации «антиармянской колониальной политики царизма, чтобы оставить Армению без армян». К беженской проблематике обратились и современные зарубежные исследования, что подтверждает прежде всего работы английского ученого П. Гетрелла (и работа 1997 г. и сегодняшний доклад), П. Холквиста о департационной политике. Там тоже немало интересного, и даже в докладе А. Мак-Ки я обнаружил интересную справку о беженцах, что и привет-

ствую. Как видим, к настоящему времени история беженства не получила целостного и достоверного освещения, а многие ее стороны вообще не изучены. Между тем эта проблема достаточно обеспечена источниками, причем большинство из них пока не востребовано наукой. Их следует изучать.

Особенно интересны для меня критические замечания. Скажем, коллега Б. Бонвеч совершенно справедливо ставит вопрос о численности беженцев: 5 миллионов или 4 миллиона. В первых своих работах 1995 г. я указывал 4 миллиона. Но я объясню ситуацию, почему сейчас я указываю большую численность. Я исхожу из принципа, который Л. С. Хаймсон заявил буквально в первом докладе. Я, как и он, сначала не верю ни во что, исхожу из того, что есть источник, необходим критический анализ, перепроверка по другим источникам. Если через 2 года появляется другой источник, который заставляет меня сделать новый вывод, я естественно обязан его сделать. Коллега из РНБ В. Кельнер, совершенно справедливо ставит вопрос: а что же дальше, после октября 1917 г., когда закончилась Первая мировая война? Мои расчеты ограничены октябрем 1917 г. Но мы повторяемся в своих учениках. Вот уже два года моя аспирантка работает над темой «Судьба беженцев Первой мировой войны в советской России с 1918 по 1925 годы» и, надеюсь, она ответит на этот вопрос, а вот следующие аспиранты, которые поступают в сентябре, будут работать над темой о беженцах войны 1812 г. Тогда тоже были беженцы, были государственные пособия, были специальные комитеты и были депортированные иностранцы. Дальше будет работа над темой об эвакуации населения периода Великой Отечественной войны и, наконец, — над темой современных беженцев и вынужденных переселенцев. Дело в том, что в настоящее время, когда перед Россией стоит труднейшая задача устройства современных беженцев и вынужденных переселенцев, наши научные поиски должны иметь практический выход. Сегодня, по неофициальным данным, число вынужденных переселенцев и беженцев в Российской Федерации — 4,5 миллиона человек. По официальным данным, зарегистрированных, т. е. тех, которые стоят на специальном учете, — 1 млн. 200 тыс. чел. В Курской области, где я живу, их несколько тысяч человек. Это люди, обиженные судьбой, у которых очень непростые отношения с местным населением, которым государство практически не помогает. История, к сожалению, мало чему учит политиков.

А. Мак-Ки. Нередко моя тема — борьба с народным пьянством в царской России — вызывает смех. Однако, надеюсь, что мой доклад освещает связь между последней фазой этой борьбы (запрещение спиртных напитков) и важными вопросами, стоявшими перед государством и обществом в то время. Вряд ли стоит подробно говорить о том, что запрещение спиртных напитков, которое по многим источникам было успешным в начале войны, превратилось в неудачный опыт уже после двух лет. Остановлюсь на главном выводе и кратко замечу, что имелось сходство между определенным опытом сухого закона и другими явлениями в России и в Европе. Накануне войны общественное мнение обвиняло Министерство финансов в намеренном спаивании народа посредством водочной монополии. В действительности водочная монополия была введена правительством в конце прошлого века в надежде, что государственное вмешательство в водочный рынок могло спасти народ. Как представляется, водочная монополия была примером решения полицейско-государственного образца. Водочная монополия помогала извлечь больше доходов для государственной казны. Провал во-

дочной монополии как орудия против пьянства считался доказательством того, что бюрократия заботилась только о своих интересах и была враждебна благосостоянию народа. Подобные соображения разделялись не только либералами и левыми, но, до известной степени, и консерваторами. Вот почему, интригуя против премьера Коковцова, оппозиция использовала водочную монополию в 1914 г. как предлог для его отставки. Но если водочная монополия была осуждена и обществом и царем, никто не знал, чем ее заменить, чтобы уменьшить народное пьянство. К 1914 г. русский врач, лидер известного движения трезвенников, отказался от такого орудия против пьянства, как медицина и просвещение. Православное движение трезвости также не могло преодолеть известного препятствия. Его лидеры начали требовать радикальных государственных мер против пьянства. Эта кампания была прервана войной. Николай II решил воспользоваться своим авторитетом, чтобы наконец-то победить внутреннего врага — зеленого змия. Николай II приказал упразднить водочную монополию навсегда, вопреки робким возражениям министров. Мы можем считать такое запрещение полицейской мерой, однако в то время она считалась актом освобождения от бюрократии. Кажется, царь думал, что упразднением водочной монополии он приблизился к своему народу, что его мистическая связь с народом обуздала русскую жажду водки. Запрещение спиртных напитков было действием чисто монархической власти. Конечно, сама мера была политической утопией, и, когда она была проведена в жизнь, падение царизма оказалось предрешенным. В деле борьбы с пьянством русские врачи и ученые не были совсем убеждены в мудрости запрещения спиртных напитков до 1914 г., но все-таки они считали научно доказанным то, что алкоголь как биологический яд угрожает населению России вырождением. Подобные суждения оказали значительное влияние на правительственные сферы и самого царя, надеявшихся, что подобный запрет освободит новые экономические ресурсы для военных операций. Но примитивные, даже мистические средства, которыми царский режим воспользовался, чтобы достичь поставленной цели, были совсем недостаточны.

Хочу сделать одно беглое замечание. Был спор — что такое культурный капитализм? Думаю, что может быть я не знаю ответ на этот вопрос, но на другой — что такое государственный социализм в царской России? — отвечу. По-моему, водочная монополия — блестящий пример государственного социализма. В 80-х гг. прошлого века так и говорили: посредством государственного вмешательства можно исцелить капитализм и рынок от эксцессов, а именно пьяных эксцессов в этом случае. И государственный контроль был как бы рецептом для внушения населению мысли о том, как правильно употреблять алкоголь. Был вопрос от А. Н. Курцева. Он указал на разницу между данными, приводимыми Б. В. Ананьичем, и моими. Надо заметить, что несколько лет тому назад Борис Васильевич оказал мне помощь. К сожалению, я не имею сейчас точных данных, но могу сказать, что годовой доход от водочной монополии в 1913 году исчислялся почти в миллиард рублей. Это валовой доход, а чистый доход — около 700 млн рублей. Хочу поблагодарить коллег за их комментарии и одновременно напомнить, что я лишь старался нанести удар по старым категориям в политической, социальной и др. сферах, но маленький удар. Я стремился изучить взаимодействия между сферами политическими и социальными, думаю, что это просто долг и призвание всякого историка.

В. С. Измозик. Я думаю, коллеги согласятся, что, как показали прошедшие заседания, в последние годы в российской историографии резко вырос интерес к социально-политической психологии. В частности и вопросы В. П. Булдакова, адресованные Б. В. Ананьичу, о том, каковы были реальные настроения промышленников, каковы были реальные настроения вообще различных слоев — проявление подобного интереса. Они, естественно, представляют значительную сложность. В силу сказанного мой доклад — попытка, может быть начальная попытка, использовать материалы перлюстраций. Почему попытка? На мой взгляд, дневники и мемуары страдают очень серьезным недостатком — за ними стоят всегда конкретные субъекты, отличающиеся своими политическими взглядами, своей эмоциональностью и т. д. И то, что автор одного дневника считает плюсом, автор другого, естественно, считает минусом. Т. е. по дневникам и мемуарам крайне трудно выделить определенную тенденцию настроений. В этом плане и частные письма, взятые вместе в определенном количестве, выражают определенную тенденцию — тенденцию настроений. Но, к сожалению, мне не удалось поработать в Москве с письмами, задержанными военной цензурой, пришлось ограничиться теми материалами, которые есть в РГИА, а также теми публикациями, материалами, подготовленными к печати Р. Ш. Ганелиным и Ю. И. Кирьяновым, за что я им весьма благодарен. Я не стал использовать публикацию Красного архива 1934 г. о солдатских письмах, поскольку она весьма тенденциозна и, естественно, в ней отражены письма только определенного характера. Всего удалось использовать около 120 выдержек из писем политически активной части российского общества с октября 1916 г. до 23 февраля 1917 г. Значительная их часть написана депутатами Думы (примерно 20%) как правыми, так и либералами. На мой взгляд, выборка достаточно репрезентативна. Какие вопросы обсуждались? Прежде всего политика правительства, проблемы войны, рецепты выхода из войны. Что показал наш анализ: из 121 выписки только одна оптимистична, т. е. 120 авторов видели будущее России весьма мрачным. Значительная часть корреспондентов ожидала кризиса. И письма показывают, что правительство утратило поддержку. И левые, и правые были недовольны правительством. Практически каких-то добрых слов в адрес правительства не звучало. При этом любопытно: и те, и другие искали некие темные силы, но на разных полюсах. Некоторые авторы ожидали чуда, питали какие-то иллюзии. К примеру, Петрункевич считал, что спасет Россию чуть ли не введение волостного земства. Раздражала неопределенность правительственной политики, нечеткость курса. Это показывает еще раз, что крах был в определенной мере уже неизбежен. Вчера А. В. Островский говорил о необходимости жесткого государственного регулирования и т. д. Но это безусловно могла делать сильная власть, которой не было в России. Власть, не обязательно «твердая рука», как сегодня принято говорить, но уверенная в себе. И отсюда встает вопрос — все-таки это был сущностный порок только власти или это были последствия субъективного характера государя? Все-таки в чем здесь была проблема? И это звучало и вчера. На мой взгляд, перлюстрация показывает, что политически активная часть общества к концу 1916 г., безусловно, в доверии правительству уже отказала. С горечью, но отказала.

III

ПОЛИТИКА

В. Ю. Черняев

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

К Первой мировой войне Россия была думской монархией, парламентарным государством, основу которого составляла воля царя. Воспитанный в духе «народного самодержавия», мистического единения народа с помазанником Божиим, стоящим выше закона, Николай II унаследовал неограниченную власть, но удержать не сумел. Революция 1905 г. вынудила его согласиться на свободу собраний и союзов, отмену предварительной цензуры, расстаться с правом безотчетного распоряжения финансами империи и поделиться законодательной властью. Изменение законов и принятие государственного бюджета стали возможны лишь при обоюдном согласии трех носителей власти: Государственной думы, Государственного Совета и монарха. Границы царской власти были очерчены в новой редакции Свода основных законов — первой русской конституции. Николай II не любил такие иностранные слова, как конституция, парламент и предпочитал выражения «обновленный, преобразованный строй», «представительный строй».¹

Титул самодержца всероссийского сохранялся, и в феврале 1906 г. на Втором Царскосельском совещании под председательством Николая II при разработке положения о Государственной думе возник спор, считать ли «обновленный строй» конституционным. Граф С. Ю. Витте утверждал, что конституционного правления нет, поскольку царь не присягал на верность устанавливаемому строю. Ему возразил крупнейший правовед Н. С. Таганцев: «Никогда конституция не заключалась в присяге монарха, а существо ее состоит в участии в законотворчестве всех факторов законодательной власти».²

Днем перехода к конституционной форме правления ведущий государствовед профессор Н. И. Лазаревский назвал 27 апреля 1906 г., день открытия I Государственной думы: «Ни недостаточное проведение конституционных начал в Основных законах, ни сохранение силы старых законов, по духу своему свойственных только абсолютной монархии, ни правительственная тактика, отступающая от духа и даже от буквы новых законов не опровергают того, что этот переход уже совершился».³

На том же настаивал идеолог октябристов историк В. И. Герье: «Привлечение народных представителей к законодательной деятельности правительства и к контролю над администрацией является переломом в истории России — перело-

мом не менее знаменательным, чем тот, с которого два века назад началась новая история России: тогда Петр Великий перенес на русское государство формы европейского просветительного абсолютизма, теперь Россия заняла свое место среди конституционных монархий Европы».⁴

В конституционности «обновленному строю» отказывали только радикалы, продолжая видеть в царе неограниченного самодержца: крайние монархисты полагали, что коли царь не связал себя формальной присягой, даруя Основные законы, то вправе их отменить; левые социалисты заявляли, что Государственная дума служит ширмой самодержавию и нет и не может быть конституционности без всеобщего избирательного права и полной демократизации, включая упразднение сановного Государственного совета.

На конституционный путь развития Россия вступала полицейским государством, без равноправия верноподданных, с дискриминационной «чертой оседлости». Ограничения по полу, имущественному цензу и национально-вероисповедные лишали избирательного права в земское и городское самоуправление большинство россиян: женщин, рабочих, ремесленников, безземельных крестьян, иудеев и др. Местное самоуправление охватывало лишь часть империи, имело узкую сферу компетенции и подвергалось неограниченному административному надзору и произволу. Высшая бюрократия оставалась замкнутым кругом консервативной элиты, была напугана революцией и, по словам октябриста Н. Д. Савича, «отлично понимала, что из всех элементов русского общества представители земских и городских органов самоуправления являются той единственной силой, которая может явиться естественным заместителем чисто бюрократического управления страной».⁵

При переходе к конституционному строю сложилась система политических партий, в основном нелегальных или полунелегальных, но думцы, даже социалисты, обрели личную неприкосновенность. Дума гласно обсуждала положение дел, влияла на законодательство и финансы. Отчеты заседаний ее и Государственного совета публиковались. Видя в думской монархии кратчайший путь к народовластию, юристы-кадеты готовили проекты законов, направленных на создание гражданского общества и правового государства.

Николай II являл самодержавность, используя в 1906 г. свое право на разгон I Думы, где возникли идея ответственного перед нею министерства из людей, пользующихся общественным доверием, и проект уравнительного землепользования по «трудовой норме», и в 1907 г. — II Думы за проекты радикальной аграрной реформы и отказ осудить революционный терроризм. Преступая Основные законы, Николай II 3 июня 1907 г. изменил закон о выборах в Думу на менее демократичный, обеспечивший либерально-консервативное большинство. III Дума имела прозвища «барской» и «лакейской», но в ней укоренение конституционного строя шло эффективнее, чем в более левых предыдущих, депутаты и министры учились совместно управлять страной, определяли государственный бюджет, решали спущенные правительством вопросы. Министр финансов В. Н. Коковцов признал: «Много труда и нервного напряжения отдал я за это время, немало тяжелых минут привелось мне пережить, но немало также и нравственного удовлетворения получил я от моей работы в Думе и всегда помню доброй памятью эту пору моей жизни и моего ответственного труда».⁶

Не приемля конституционность, Николай II стремился «к прежнему спокойному течению законодательной деятельности и при том в русском духе», когда

решающее слово выбора и утверждения принадлежало царю.⁷ Антиконституционные зигзаги царской власти ссорили ее с обществом, где к тому же росла тревога, вызванная отставанием России в развитии от мировых держав. В мае 1914 г. на VIII съезде представителей торговли и промышленности вождь либеральных предпринимателей Павел Рябушинский высказал надежду, что «великая страна сумеет пережить свое маленькое правительство».⁸

Либеральная общественность одобряла союз России с Францией и Великобританией, передовыми демократиями, а он вел к мировой войне. В первые ее месяцы под волнами патриотического подъема и шумливого шовинизма конфликт власти и общества стал менее заметен. Оппозиция, от кн. Г. Е. Львова до А. Ф. Керенского и Г. В. Плеханова, объявила внутренний мир для победы над внешним врагом, германским феодальным милитаризмом, и ожидала, что власть ответит политической амнистией и либеральными актами в отношении евреев и финляндцев, а она не делала ни шагу навстречу и предпочитала держать Думу на каникулах, созывая лишь на краткие сессии. И все же мировая война пробудила ожидания, что, подобно более миниатюрной войне с Японией, она вызовет новый виток либеральных реформ.

Этой надеждой пронизан сборник статей «Чего ждет Россия от войны», изданный в начале 1915 г. В нем А. И. Шингарев провидчески писал, что мировая война не только разрушит старые и создаст новые государства, но «неизбежно и неустранимо приведет к крупным изменениям их внутренних отношений, к новым установлениям в их политическом и социальном строе <...> Едва ли мы даже увидим все бесчисленные последствия настоящей борьбы, так далеко за грань нашего поколения могут они простираться в будущее».⁹

«Подводя итоги одной эпохи, война намечает задачи и для последующей <...> Внутри государства намечаются изменения в политическом и социальном строе. Открываются новые перспективы», — писал член ЦК трудовиков педагог С. Ф. Знаменский.¹⁰ Он ожидал, что война подтолкнет развитие народного образования, насущно необходимое для внутреннего и внешнего усиления России. Война убедит в необходимости улучшать не только гражданскую и политическую жизнь, но и научную деятельность, считал кадет академик В. И. Вернадский.¹¹ Война переоценит общественные ценности, полагала председательница Российской лиги равноправия женщин доктор П. Н. Шишкина-Явейн: «Исчезнут навсегда законы, лишаящие женщину человеческих прав избирать представителей в законодательные учреждения своей страны наряду с преступниками, детьми и идиотами. Женщина ждет, что великая идея равенства полов перед законом засияет у нас ярким светом, неся мир и счастье народу».¹²

Однако были и пессимистичные прогнозы: «В условиях современного капитализма даже самое незначительное расстройство менового механизма вызывает болезненное потрясение всего капиталистического целого <...> Война поглотит огромные капиталы и вообще разорит население» (кадет экономист М. И. Туган-Барановский).¹³ «Если же реформой называть улучшение и упорядочение государственного хозяйства: упрочение баланса доходов и расходов, т. е. равновесие в бюджете, более справедливое распределение налогов, облегчение бремени несостоятельных классов, поощрение развивающихся отраслей народного хозяйства и накопления капитала — в таком случае ясно, что война никак не может привести к реформе, к столь благотворным результатам. Скорее и вероятнее ждать

обратных последствий» (кадет специалист по финансам профессор Петроградского политехнического института М. И. Фридман).¹⁴

Сколь трудно преодолеть препятствия реформам, М. И. Фридман показал в другом сборнике. Если введенное в августе 1914 г. на время войны ограничение продажи крепких напитков и пива сумеет устранить зависимость госбюджета от «народного недуга» и создать «путем отрезвления пригодный человеческий материал», то это пробудит потребность развития народного просвещения («чтобы работник был умелым и культурным»), рабочего законодательства («чтобы он был в состоянии оградить себя от эксплуатации»), агрономической помощи, кооперации, кредитных товариществ и, самое главное, поможет установить «прочный правопорядок, представляющий широкий простор личной и общественной самостоятельности». И если в результате всего этого наступит внутренний мир в отношениях между обществом и правительством и начнется прочный экономический подъем, то лишь тогда можно надеяться на то, что война действительно создала условия для успешных финансовых реформ.¹⁵

Расставив державы по разные стороны фронта, мировая война поделила каждую внутри на театр военных действий и тыл, чем вызвала в этих странах сходные процессы: расщепление государственной власти на военную и гражданскую, вмешательства военной власти в гражданские дела и ее притязания на первенство. В России клином, вбитым во власть, стало «Положение о полевом управлении войск в военное время». Наделив огромной властью в тылу верховного главнокомандующего, оно ослабило гражданское правительство. Это «Положение» Николай II утвердил за три дня до войны, намереваясь возглавить армию, но жена и Совет министров убедили царя назначить верховным главнокомандующим его двоюродного дядю великого князя Николая Николаевича, который был на голову выше ростом, воинским опытом и влиянием в армейских верхах, поскольку ранее возглавлял оборону. При нем Ставка верховного главнокомандующего набрала силу второго правительства. Возникли параллельные чиновничьи структуры, неразбериха в сферах влияния и столкновения между военной и гражданской властями. Совет министров тщетно добивался назначения в Ставку своего представителя для согласования и объединения действий. «Два правительства — дом сумасшедших», — признал в Совете министров А. В. Кривошеин.¹⁶ Но и сам Совет министров не был дружным кабинетом. Министры держались независимо от председателя И. Л. Горемыкина, считая себя ответственными лишь перед царем, который назначал их и снимал.

Разобщенность власти играла на руку либеральной оппозиции. П. Н. Милюков на совещании-обеде в московской гостинице «Эрмитаж» 15 сентября 1914 г. по сведениям Охранки отметил, что «война открывает новую эру для русского общества, когда оно снова может приступить к социальному строительству» и «под флагом и на почве пособия и помощи жертвам войны» возродить разгромленные властью общественные организации.¹⁷

Либералы создали Всероссийский земский союз помощи больным и раненым войнам во главе с кн. Г. Е. Львовым, Всероссийский союз городов во главе с М. В. Челноковым и Н. М. Кишкиным, их объединенный главный по снабжению армии комитет Земгор во главе с кн. Г. В. Львовым, Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК) во главе с А. И. Гучковым и А. И. Коноваловым. Щедро субсидируемый казною Земгор затмил Красный Крест и прочие военно-лечебные учреждения. ЦВПК распределял казенные военные заказы и

обеспечивал их сырьем и рабочей силой. В 1915 г. сеть крепко связанных между собою земско-городских и военно-промышленных комитетов покрыла Россию.

Зная тайные помыслы либералов, министр внутренних дел Н. А. Маклаков еще 18 ноября 1914 г. в «весьма секретной» записке остерег Совет министров от расширения функций земского и городского союзов, требовал губернаторского контроля над ними и их роспуска после войны.¹⁸ Консервативная бюрократия с придирчивым недоверием отнеслась к Земгору и военно-промышленным комитетам, строила козни, особенно Артиллерийское ведомство, но либеральное крыло высшей бюрократии склонялось к сотрудничеству и из государственной казны подпитывало Земгор. Великий князь Николай Николаевич принимал руководителей Земгора, ЦВПК и думцев в Ставке, вступался за общественные организации перед Министерством внутренних дел. Метивший в премьеры А. В. Кривошеин доверительно поведал французскому послу М. Палеологу, что у русской монархии есть не только недостатки, но и существенные достоинства. Она скрепляет в «национальное единство» разнородные элементы и способна к эволюции. И если эволюция обретет желаемые черты («более определенное ограничение императорской власти», контроль Думы над государственным управлением, широкая децентрализация ведомств), тогда удастся достичь согласия между общественным мнением и правительством — неумолимого условия военной победы.¹⁹

В апреле 1915 г. вражеские войска продвинулись вглубь России. Военные неудачи вызвали упадок настроения в армии и возбуждали общественность. Под нажимом либеральных министров во главе с А. В. Кривошеиным и великого князя Николая Николаевича Николай II в мае привлек к участию в учреждаемых Особых совещаниях по обороне общественные организации, а в июне согласился возобновить заседания Думы и уволил раздражавших общественность министров Н. А. Маклакова, В. К. Саблера, В. А. Сухомлинова, И. Г. Щегловитова, однако под влиянием жены отказался от намерения поставить во главе правительства приемлемого для общественности А. В. Кривошеина и оставил премьер-министром враждебного Думе И. Л. Горемыкина. Это сохраняло внутренний раскол Совета министров, вынужденного лавировать в хаосе течений царского двора, Ставки и либеральной общественности.

Под влиянием мощного всплеска рабочего движения левые кадеты, особенно провинциалы, тяготели к блоку с социалистами и использованию рабочих в своих целях. На Июньской конференции кадетов 1915 г. П. Н. Милюков предостерег левых кадетов, что «достаточно легкого толчка, чтобы все пришло в колебание и смятение. Вся Россия сейчас — сплошная рана, все — боль, все — горе, все — страдание <...> В данный момент слишком „нажимать“ и слишком форсировать события — это значит играть с огнем».²⁰ Сам Милюков стал архитектором Прогрессивного блока из большинства думцев и части Государственного совета, от левых кадетов направо, до прогрессивных националистов. В опубликованной 25 августа декларации блока (авторы П. Н. Милюков и В. В. Шульгин) заявлялось, что привести страну к победе может только сильная, твердая и деятельная власть. Условиями ее осуществления являются создание правительства из лиц, пользующихся доверием страны (в чем Милюков видел первый шаг к «ответственному министерству», программному для кадетов), строгая законность в управлении, устранение двоевластия военной и гражданской власти в вопросах, не относящихся к военным операциям, обновление местной администрации и политика «внутреннего мира», включающая амнистию по политическим и рели-

гиозным делам, прекращение гонений за веру, восстановление профсоюзов, уравнение крестьян в правах с другими сословиями, введение земств в волостях и на окраинах империи, отмена ограничений в правах евреев и поляков, примирение с финляндцами, «утверждение трезвости навсегда» и т. д.²¹

По рукам ходили шесть списков правительства доверия. Среди значащихся в них были 9 из 11 министров будущего первого кабинета Временного правительства (кн. Г. Е. Львов, П. Н. Милюков, А. И. Гучков, А. И. Коновалов, А. И. Шингарев, Н. В. Некрасов, А. А. Мануйлов, В. Н. Львов, И. В. Годнев).²² Знаменем либеральной общественности стало имя кн. Г. Е. Львова. Преувеличенные представления о его организаторском таланте были вызваны ростом Земгора на казенные деньги в огромную организацию, соперницу государственных учреждений. Поэтому несмотря на опасливо недружелюбное отношение кн. Львова к бывшим товарищам по кадетской партии, пленарное заседание ее ЦК 22 августа сочло приемлемой его кандидатуру в премьеры в случае формирования Думой нового правительства.²³

Земгор и военно-промышленные комитеты приветствовали создание Прогрессивного блока, но закулисной оппозицией выступил Верховный Совет Великого Востока народов России, руководящий орган политического масонства, тайный координатор натиска либералов и социалистов на власть. В него входили Н. В. Некрасов (генеральный секретарь в 1910—1912 и с 1915 до лета 1916 г.), А. Ф. Керенский (генеральный секретарь с лета 1916 до 1917 г.), А. И. Коновалов, И. Л. Ефремов, М. И. Терещенко — все позднее министры Временного правительства. В противовес милюковской конструкции блока кадетов с теми, кто правее, Верховный Совет, по словам меньшевика А. Я. Гальперна (генеральный секретарь в 1917 г.), добивался «усиления и заострения левой оппозиции в Государственной думе и создания левого блока из кадетов и других революционных групп».²⁴ Левые кадеты и прогрессисты составили внутри Прогрессивного блока группу, которая убеждала, что только подотчетное Думе ответственное правительство способно воссоединить власть и общество и предотвратить беспорядки и военное поражение. Эта точка зрения сближала левых кадетов и прогрессистов с революционными оборонцами.²⁵

В стране, знавшей только правительство монаршего доверия, требования правительства общественного доверия, да еще ответственного перед Думой, звучали как выражение недоверия Николаю II и призыв ограничить или устранить его власть. Созвав у себя в августе 1915 г. узкое совещание предпринимателей и членов городской думы Москвы, Павел Рябушинский, как стало известно московской охранке, доказывал, что пора всем общественным элементам «вступить на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти».²⁶ В газете Рябушинского «Утро России» А. И. Гучков открыто убеждал не ждать царских уступок: «А. В. Кривошеина дадут только тогда, когда нужен будет М. В. Родзянко, М. В. Родзянко — когда нужен будет Гучков, Гучкова — когда потребуется П. Н. Милюков, а П. Н. Милюкова — когда придется призвать А. Ф. Керенского. У нас все будет, но все не во время <...> Когда кормчий слаб духом, он может быть терпим при штиле, но в момент бури, когда гибнет корабль, власть должна быть взята из неумелых рук».²⁷ Скрытой полемикой звучал в «Русских ведомостях» фельетон помощника Милюкова и кандидата в правительство доверия В. А. Маклакова «Трагичное положение»: на крутом спуске у

плохого шофера руль не выхватывают, а помогают советом, пока автомобиль не спустится на равнину.²⁸

Тем временем жалобы министров и думцев на отсутствие высшей все объединяющей власти и уговоры жены и Г. Е. Распутина побудили Николая II стать верховным главнокомандующим. Он надеялся этим шагом поднять дух армии в пору военных неудач и сплотить Россию, ожидал всеобщего одобрения, а началось почти всеобщее оспаривание правильности его решения. «Обаянию трона в его объединительном значении наносились непоправимые удары, — вспоминал помощник управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтов, — Монарху открыто отказывали в доверии. От царя враждебно сторонились, образовывали вокруг него пустоту...»²⁹ Восемь наиболее приемлемых для Думы министров во главе с А. И. Кривошеиным во всеподданнейшем письме оценили царский шаг как угрозу для правящей династии, и вскоре Николай II заменил их более консервативными деятелями. В отношении Думы у него был выбор: распустить ее до окончания войны, либо заставить ее разделить ответственность за происходящее путем формирования ответственного правительства. Слабый духом кормчий, уклонился от выбора и 3 сентября отправил Думу на каникулы.

На заседавших одновременно в Москве съездах земского и городского союзов звучали призывы к обновлению власти и возобновлению заседаний Думы. Левые делегаты предлагали надавить на правительство путем прекращения деятельности общественных организаций, обслуживающих фронт и тыл, и использования рабочего движения. На съезде союза городов А. И. Шингарев 7 сентября высказал оптимистичный прогноз: «Каждая наша война заканчивается победой общества и падением реакции, на что указывает вся история России <...> Теперь наступает решительный момент: для светлого будущего нужен еще один решительный натиск и мы достигнем того, о чем мечтали лучшие русские люди».³⁰ 9 сентября на совместное заседание съездов явилась делегация примерно 70 рабочих. Кн. Г. Е. Львов и М. В. Челноков отказались допустить ее в зал заседаний, поскольку рабочие не принадлежат к составу съезда. Допущены не были также член Государственного совета кадет профессор Д. Д. Гримм, члены Государственной думы Н. С. Чхеидзе, В. И. Дзюбинский и А. Ф. Керенский. О всех них, кроме Дзюбинского, известно, что они были масонами.³¹ Керенский не упустил случая призвать рабочих представителей организовать и «создать из себя силу будущего планомерного выступления», тогда «либеральная буржуазия не посмеет отклонить их участие в политических совещаниях».³²

Земский и городской съезды жаждали правительства народного доверия, действующего в единении с Думой, и избрали совместную депутацию к царю во главе с кн. Г. Е. Львовым. И хотя мало кто верил в благоприятный «высочайший ответ», земцы завершили свой съезд, по предложению кн. Львова, троекратным «Ура царю!». 20 сентября министр внутренних дел кн. И. Б. Щербатов передал кн. Г. Е. Львову и М. В. Челнокову благодарность царя за труды и заслуги союзов и замечание, что он «считает ненормальным вторжение в политику с обходом правительства его величества». На повторную просьбу об аудиенции царь ответил, что «вопрос о депутации считается ликвидированным».³³ В результате пропасть между властью и обществом стала еще шире и непроходимей.

В октябре начальник петроградской охраны докладывал, что самое умеренное правое течение кадетов во главе с Милюковым замышляет «совершить мирную революцию за спиной и с санкции самого правительства, усыпив бдитель-

ность правящих органов последнего внешними и чисто показательными изъяснениями верноподданнического образа мыслей кадет <...> Стоя на строго легальной почве, сделать ныне существующую законную власть как бы ненужной и излишней путем постепенного захвата и передачи ее функций в руки различных общественных (земских и городских) организаций, с одной стороны, и систематического дискредитирования деятельности правительственных органов постоянным противопоставлением образцовых действий общественных учреждений, с другой».³⁴ Заместитель Милюкова в ЦК кадетов и доверенное лицо Павла Рябушинского в Московском банке Н. В. Тесленко полагал, что, соприкоснувшись с работой промышленников, Земгора и общественных организаций по обслуживанию тыла армии, «бюрократия не сумеет удержаться на высоте общего размаха и пойдет за обществом в такой работе», Дума станет посредником, «соединит работу правительства и общества в одно целое», укрепит позиции Земгора, и «тот, кто умеет работать, и будет хозяином страны».³⁵

В своей «мирной революции» либералы пытались использовать силу рабочих, завязывали отношения через технический персонал и больничные кассы. Снижение заработков возмущало даже благонадежных рабочих, считавших, что забастовки на руку военному противнику. Массонский Верховный Совет не имел «братьев» среди рабочих и поддержал их вовлечение в военно-промышленные комитеты.³⁶ 29 ноября 1915 г. рабочие избрали своих представителей в Центральный и Петроградский военно-промышленные комитеты. Бюро Рабочей группы возглавил рабочий-меньшевик К. А. Гвоздев. Выступая за мир без аннексий и контрибуций, демократизацию России, социальный мир, Рабочая группа сдерживала волнения на оборонных предприятиях. При ней возникли комиссии продовольственная, организации рабочих столовых, рабочей кооперации, охраны труда и социального законодательства, созыва рабочего съезда и др. За это большевики и меньшевики-интернационалисты ее обвиняли в прислуживании буржуазии и в национал-социализме.³⁷ Либералам эта зацепка в рабочем движении давала шанс вознестись на революционной волне к власти в случае стихийной революции.

Намеченный на декабрь 1915 г. совместный съезд земского и городского союзов был запрещен. В письме царю кн. Г. Е. Львов 3 февраля 1916 г. упрекал, что «во имя победы народ забыл все старые обиды и утеснения и устремился на помощь власти», однако «правительство с ревнивой подозрительностью усмотрело в высоко-патриотическом движении народном опасность для власти». Он призывал царя: «Обновите власть. Возложите тяжкое бремя ее на лиц, сильных доверием страны. Восстановите работу представителей народных. Откройте народу путь единения с властью и с вами, государь. Откройте стране этот единственный путь к победе, загроможденный ложью старого порядка управления».³⁸

9 февраля заседания Думы были возобновлены и Николай II впервые ее посетил. Думцы встретили его с воодушевлением. «Будь в этот день дано ответственное министерство, революции не было бы и война была бы выиграна», — сокрушался позднее М. В. Родзянко.³⁹ В тот день в Думе, а затем в июне в Ставке царь обещал ему подумать об ответственном министерстве. Однако Совет министров 7 апреля признал несвоевременными съезды общественных организаций и необходимым усиленное наблюдение за их комитетами и закрытие их заседаний в случае необходимости.

Царь не был стратегом и доверил распоряжаться всеми вооруженными силами начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву.

Этот честолюбивый генерал был не прочь узаконить свою закулисную власть и негласно поддерживал отношения с вождями либеральной оппозиции, переписывался с А. И. Гучковым, которому давно симпатизировал, вел переговоры в Ставке с кн. Г. Е. Львовым (о них в масонском Верховном Совете докладывал Н. В. Некрасов). В высочайшем докладе от 15 июня Алексеев предложил для успешного наступления на фронте среди прочих мер установить в тылу диктатуру верховного министра государственной обороны, подчинив его только царю и предоставив ему в интересах действующей армии «объединять, руководить и направлять единой волей деятельность всех министерств государственных и общественных учреждений, находящихся вне пределов театра военных действий».⁴⁰ Это предложение вызвало протест почти всех министров и М. В. Родзянко, а царица Александра Федоровна опасалась дворцового переворота, поскольку молва сочла это интригой великого князя Сергея Михайловича, полевого генерал-инспектора артиллерии, с целью стать диктатором. В результате Николай II принял предложение министра путей сообщений А. Ф. Трепова и вручил полномочия диктатора премьер-министру Б. В. Штюрмеру, совершенно к тому не способному и крайне непопулярному. Министерская чехарда вносила беспорядок в работу ведомств. В ноябре великий князь Михаил Александрович предупредил венценосного брата, что ненависть, вызываемая некоторыми членами правительства, объединяет «правых и левых с умеренными» и открыто звучит «требование перемены».⁴¹

Мягкий, колеблющийся, физически и душевно измотанный войной и непосильной тяжестью власти Николай II оставался убежденным в том, что только самодержавие способно скрепить огромную многонациональную империю, уравновесить в ней сталкивающиеся классы и национальности, защитить ее от внешних врагов. Основу его политики составляло сохранение самодержавия.⁴² В этом его поддерживала Александра Федоровна. Она желала видеть супруга не менее самодержавным, чем Иван Грозный и Петр Великий, и в январе 1917 г. одобрила несбыточный план крайних монархистов путем государственного переворота восстановить абсолютную монархию.⁴³

Мировая война вызвала глубокий кризис политики Николая II, сделала неотвратимыми перемены в государственном строе, политической и экономической жизни общества. Непонимание этого вело царствующую чету к изоляции. В либеральных и великокняжеских кругах независимо друг от друга созрели планы государственного переворота с целью устранения Александры Федоровны и принудительного отречения Николая II в пользу цесаревича Алексея.

В условиях мировой войны решающее слово в выборе между абсолютистским и либеральным переворотом было за армией. Из опоры трона она постепенно превратилась в мощный дестабилизирующий фактор. Многие офицеры и генералы видели в Николае II и его правительстве препятствие на пути к военной победе. В то же время еще осенью 1916 г. Петроградское губернское жандармское управление отмечало факты начавшегося разложения действующей армии: вражда солдат к офицерам, интерес солдат к германской агитации, их массовая сдача в плен и дезертирство, мародерство санитаров, пьяные кутежи офицеров и т. д. Департамент полиции тревожила ненадежность тыловых гарнизонов, что состоят они «из новобранцев, ополченцев и запасных, для которых интересы гражданского населения явятся более близкими и понятными, нежели выполнение воинского долга».⁴⁴ И эти опасения вскоре оправдались.

Можно спорить о том, чем завершился бы всплеск рабочего движения в феврале 1917 г. в Петрограде, если бы не восстал его гарнизон. Он представлял собою уже не отборные элитные полки, а уродливое детище мировой войны, смесь новобранцев и фронтовиков, не желавших в окопы. Растеряв защитников в столице, царская власть рухнула. И лишь тогда, 28 февраля, Николай II решил даровать ответственное министерство и поручил его формирование председателю Государственной думы, однако М. В. Родзянко ответил, что теперь единственный выход — отречение царя в пользу сына. Довершил дело генерал М. В. Алексеев. С помощью командующих фронтами и флотами он поставил царя в условия, вынуждавшие отречься от престола, и сам стал верховным главнокомандующим. Если в манифесте об отречении Николая II думская монархия сохранялась и парламентаризм укреплялся за счет сужения царской власти, то в акте об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти до установления в Учредительном собрании образа правления и новых Основных законов, текст которого составили члены ЦК кадетов В. Д. Набоков и барон Б. Э. Нольде при участии В. В. Шульгина, граждане призывались «подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти».⁴⁵

Думская монархия пала, не выдержав фронтовых, материальных и моральных тягот мировой войны. Монархическое сознание распалось, однако Временное правительство кн. Г. Е. Львова, как и царское, не стало ответственным перед законодательными органами. Государственная дума и Государственный совет больше не созывались. Отказом созвать Думу Временное правительство сделало роковую для себя ошибку, лишилось точки опоры.

Опираясь на Думу и верный ей Петроградский гарнизон, оно могло предотвратить двоевластие, губительное для демократического развития России. Дума могла быть провозглашена Учредительным собранием и тогда, пройдя официальное утверждение, правительство отбросило бы в своем названии слово временное. Но этого не случилось. Соединив в своих руках три ветви власти: исполнительную власть Совета министров, законодательную — Государственной думы и Государственного совета и верховную — императора, Временное правительство в силу своей временности не имело права издавать акты, отменить которые не смогло бы Учредительное собрание (об изменении государственного строя и границ, о предоставлении государственной независимости национальным регионам бывшей империи, о разделе помещичьих и удельных земель между крестьянами и т. д.).

Решительно встав на путь демократических реформ, Временное правительство провело самую широкую в русской истории амнистию, отменило телесные наказания и ссылку на поселение, установило свободу слова, собраний и союзов, уничтожило политическую цензуру, реформировало суд и тюремное ведомство, подчинило власть судебному контролю административной юстиции, демократизировало местное самоуправление, законодательно признало за рабочими прав больше, чем имелось в самых передовых странах Запада, уравнило старообрядцев, католиков, иудеев, мусульман и других иноверцев с православными во всех правах и покончило с государственным антисемитизмом, законодательно закрепило свободу выбора гражданами исповеданий (кроме изуверских сект) и право религиозных организаций на религиозно-общественную, проповедническую, благотворительную, педагогическую деятельность, отказалось использовать Пра-

вославие как инструмент власти и дало внутреннюю свободу Православной Церкви и, наконец, установило всеобщее избирательное право, опередив в этом Великобританию.

Рабочим инструментом масонского Верховного Совета во Временном правительстве стала доктрина надпартийной коалиции. Социалисты, особенно марксисты, оказались не готовы разделить ответственность за власть и лишь в начале мая согласились войти в правительство. Первый в России министр из рабочих К. А. Гвоздев возглавил Министерство труда. Позднее большевики отплатили ему за это 25 годами тюрем, концлагерей и ссылки. Странники либерально-социалистической коалиции понимали, что демократическому согласованию и уравниванию классовых интересов есть лишь одна альтернатива — гражданская война, курс на которую взяли большевики.

И все же либералы обманулись, полагая, что участие в мировой войне поможет России выйти в первый ряд демократических государств. Сделав революцию неизбежной, оно вывело страну на путь демократических преобразований, но только быстрый выход из войны мог придать им необратимость, спасти хрупкие гражданские права и политические свободы. Финансовыми и иными связями, включая масонские, Временное правительство оказалось намертво привязано к военным союзникам, а те требовали соблюдения царских международных обязательств и не желали видеть последствий, к которым вело падение Временного правительства.

Уже в начале апреля В. В. Шульгин писал: «Какая разница между старым и новым правительством? Злые языки на этот вопрос отвечают так: „Старое правительство ненавидели, бранили, но исполняли его приказания, не рассуждая. Новое правительство любят, хвалят, но его приказания обсуждают не исполняя“ <...> Несправедливая и неумная власть до такой степени, грубо выражаясь, остертелела, что стали ненавидеть саму идею власти».⁴⁶ В граждански незрелом обществе свободы воплощались в разнузданность, а гражданские права обесценивались вызванными войною обнищанием и всплеском разнообразных коммунистических устремлений от анархизма-коммунизма и этического коммунизма союзов «Разум и Совесть» до религиозного коммунизма сектантов. Начатый в условиях войны переход от принудительного имперского унитаризма к добровольному федеративному союзу народов ставил под угрозу стратегическое положение России, а повсеместное введение самоуправления в условиях жесткой политической борьбы ввергало страну в хаос.

Переход революции из правовой сферы в социальную либералы расценивали как ошибку, исправить которую сможет только «хирургическое вмешательство».⁴⁷ Однако неудачная попытка военно-республиканского переворота верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова, к которой были причастны генерал М. В. Алексеев и другие высшие армейские чины, П. Н. Милюков и другие либералы, а также предприниматели, вместо усиления правительственной власти во имя победы над внешним врагом ускорила разложение армии и большевизацию Советов. И Временное правительство пало в октябре жертвой народного разочарования.

Взявшие власть большевики не побоялись пойти на сепаратный мир и обещали равное перераспределение экономических благ. Разгоном Учредительного собрания они лишили народы России права на государственное, политическое и национальное самоопределение. Свой разрыв с парламентаризмом большевики

обосновывали тем, что мировая война «сорвала фальшивые цветы с буржуазной демократии», доказала, что демократия есть обман, разоблачила эксплуататорский характер «буржуазной свободы», «погребла в крови и грязи» парламентские компромиссы.⁴⁸ Марксистские идеи государства как аппарата насилия, диктатуры пролетариата, принесения прав личности в жертву классовой борьбе стали основой государственной идеологии и легитимизировали террор. Стержнем советской власти, как большевики лукаво именовали свою однопартийную диктатуру, стал их партийный аппарат, а не народное представительство. Самодержавие вождя большевиков и господство нового привилегированного класса партийной номенклатуры опирались на тотальный контроль за мыслями граждан. Суд стал орудием власти, смертная казнь и пытки обрели размах, какого не знала царская Россия. Так в результате Первой мировой войны вместо расцвета демократии Россия пришла к ее полной противоположности — тоталитарному строю.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 394; *Демин В. А.* Государственная дума России (1906—1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 84.
- ² *Таганцев Н. С.* Пережитое. Учреждение Государственной думы в 1905—1906 гг. Пг., 1919. С. 152.
- ³ *Кошкидько В. Г.* К вопросу о характере государственного строя Российской империи в 1906—1917 гг. // 1917 год и российский парламентаризм. СПб., 1998. С. 32.
- ⁴ *Герье В.* Первая русская Государственная дума. Политические воззрения и тактика ее членов. М., 1906. С. 5—6.
- ⁵ *Савич Н. В.* Воспоминания. СПб., 1993. С. 19.
- ⁶ *Кокочов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. М., 1992. С. 254.
- ⁷ Письмо Николая II Н. А. Маклакову, 18 октября 1913 г. // *Монархия перед крушением. 1914—1917.* Из бумаг Николая II. М.; Л., 1927. С. 92.
- ⁸ *Петров Ю. А.* Династия Рябушинских. М., 1997. С. 95.
- ⁹ *Шингарев А. И.* Земская и городская Россия // Чего ждет Россия от войны. Сб. статей. Пг., 1915. С. 182.
- ¹⁰ *Знаменский С. Ф.* Основные задачи в области образования // Там же. С. 142.
- ¹¹ *Вернадский В. И.* Война и прогресс науки // Там же. С. 75—76. В 1923 г. В. И. Вернадский писал: «Вы знаете, что наука в России никогда не была в фаворе... Но с 1915 г. начался огромный расцвет и проявились воля и сознание. В 1917 г. открылись возможности большие, чем даже государственные возможности России». Письма В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу // *Новый мир.* 1989. № 12. С. 205—206.
- ¹² *Шишкина-Явейн П. Н.* Война и женщина // Чего ждет Россия... С. 214.
- ¹³ *Туган-Барановский М. И.* Война и народное хозяйство // Там же. С. 6, 18—19.
- ¹⁴ *Фридман М. И.* Война и финансы // Там же. С. 47—48.
- ¹⁵ *Фридман М. И.* Война и государственное хозяйство России // Вопросы мировой войны. Сб. статей под ред. проф. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915. С. 396—397.
- ¹⁶ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 85.
- ¹⁷ Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 2.
- ¹⁸ *Дьякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. С. 68.
- ¹⁹ *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 157.
- ²⁰ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 62—63.
- ²¹ Там же. С. 27—29.
- ²² *Думова Н. Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 55.
- ²³ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3: 1915—1920 гг. С. 156—161.
- ²⁴ Запись беседы с А. Я. Гальперном 1928 г. // *Николаевский Б. И.* Русское масонство и революция. М., 1990. С. 66.
- ²⁵ *Хаймсон Л.* Рабочее движение и историческое происхождение и характер Февральской революции 1917 г. // Реформы или революция? Россия 1861—1917. СПб., 1992. С. 133.
- ²⁶ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 21.
- ²⁷ Утро России. 1915. 23 августа.
- ²⁸ Русские ведомости. 1915. 27 сентября.

- ²⁹ Яхонтов Арк. Первый год войны (июль 1914 — июль 1915) // Русское прошлое. 1996. Кн. 7. С. 316.
- ³⁰ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 51.
- ³¹ См.: Список лиц, принадлежащих или же подозреваемых в принадлежности к российскому масонству начала XX в. // Из глубины времен. Альманах. СПб., 1992. Кн. 1. С. 180—187.
- ³² Буржуазия накануне Февральской революции. С. 52.
- ³³ Там же. С. 57—59.
- ³⁴ Там же. С. 66.
- ³⁵ Там же. С. 20.
- ³⁶ Запись беседы с А. Я. Гальперном. С. 67.
- ³⁷ РГИА, ф. 32, оп. 1, д. 2126, л. 40.
- ³⁸ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 60.
- ³⁹ Родзянко М. В. Государственная дума и Февральская революция // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 39.
- ⁴⁰ Запись беседы с А. Я. Гальперном. С. 68—69; Монархия перед крушением. С. 264.
- ⁴¹ Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: Новые документы // Русское прошлое. 1996. Кн. 6. С. 170.
- ⁴² Lievin Dominic. Nicholas II // Critical Companion to the Russian Revolution 1914—1921. London; Sydney; Aucklad, 1997. P. 176—181.
- ⁴³ Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф. Российская государственность и Первая мировая война // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 24—31.
- ⁴⁴ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 133, 137—138.
- ⁴⁵ Подробнее об этом см.: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 646—648.
- ⁴⁶ Киевлянин. 1917. 8 апреля.
- ⁴⁷ Протоколы ЦК конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 400, 401.
- ⁴⁸ Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г. Протоколы. М., 1933. С. 105—107, 179—188, 204.

Джошуа Санборн

**БЕСПОРЯДКИ СРЕДИ ПРИЗЫВНИКОВ В 1914 г.
И ВОПРОС О РУССКОЙ НАЦИИ:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ**

Сэр Джордж Бьюкенен, британский посол в С.-Петербурге в период Первой мировой войны, позднее описал отклик русского народа на объявление войны Германией: «Во время этих удивительных дней начала августа Россия выглядела совершенно неузнаваемой. Германский посол предсказывал, что объявление войны вызовет революцию. Он даже не послушался друга, который советовал накануне отбытия переправить свою коллекцию произведений искусства в Эрмитаж для безопасного хранения, так как он предсказывал, что Эрмитаж будет одним из первых объектов грабежа. К несчастью для него, единственным актом вандализма со стороны толпы во всей России был полный разгром Германского посольства 4 августа. Вместо того, чтобы спровоцировать революцию, война укрепила связь между государем и народом. Рабочие объявили о прекращении забастовок, различные партии забыли о своих амбициях».¹ В том же духе писал сэр Альфред Нокс, британский военный атташе в России: «Мобилизация проходила спокойно, количество призванных вызывало всеобщее изумление по сравнению с частичной мобилизацией 1904 г. Дух народа выглядел прекрасным. Все винные магазины закрыты и не было пьянства — яркий контраст со сценами, которые наблюдались в 1904 г. Жены и матери с детьми сопровождали резервистов из одного пункта в другой, стремясь растянуть час прощания, можно было увидеть душевраздирающие сцены, но женщины плакали безмолвно, без истерик. Мужчины были, как правило, спокойны и сумрачны, но различные группы, встречаясь на улицах, подбадривали друг друга. Без сомнения, война была популярна среди средних классов. И даже стачечники, которые, как полагали в России, финансово поддерживались Германией, вернулись на работу, как только объявили мобилизацию».² И. Бьюкенен, и Нокс ставили российскую ситуацию в один ряд с соответствующими событиями в других странах в рамках доминирующей европейской парадигмы Великой войны. Толпы россиян, подбадривающие своих солдат к битве за победу, вполне укладывались в образ Европы, гордо и единодушно марширующей на войну в 1914 г. Эта картина всеобщего энтузиазма делала еще драматичнее последующий социальный коллапс.

Другие иностранные очевидцы в целом повторяли сообщения Бьюкенена и Нокса о реакции России на объявление войны.³ С одной стороны, мы видим

«единство между государем и народом», которое, надо полагать, существовало по всей стране в тот кризисный момент. С другой стороны, Нокс анализирует положение более внимательно, отмечая контраст между популярностью войны в городах и «спокойной и сумрачной» реакцией в сельской местности. Сочетание городского патриотизма и сельской сдержанности обыгрывается почти во всех последующих сочинениях. Авторы, сконцентрировавшие внимание на городской среде, старались понять и объяснить прекращение стачек в 1914 г., те же, кто изучал сельскую местность, находили подтверждение точки зрения, что русские крестьяне в своем примитивном локализме не ощущали нацию как единое целое и не могли понять события, которые вырывали их из изб.⁴ Так, Ричард Пайпс заявляет, что во время Первой мировой войны «мужик имел мало понятия о „русскости“. Он ощущал себя не „русским“, а „вятчанином“ или „туляком“, и, пока враг не угрожал его родной местности, не питал к нему какой-либо враждебности».⁵ Согласно этим сочинениям, Россия вступила в войну со взрывом патриотизма, за которым не было заметно фатальных трещин классового раскола в городах и тупого безразличия в деревне. Когда события на фронте приняли неблагоприятный оборот и волна патриотизма спала, эти противоречия выступили на передний план и в конечном счете вызвали падение старого режима.

Эту же картину рисуют и воспоминания русских эмигрантов. Пайпс обращается к сочинениям генерала Н. Н. Головина, который, в свою очередь, цитирует генерала Ю. Н. Данилова. Оба они были офицерами Генерального штаба, участвовали в подготовке к Первой мировой войне и в своих сочинениях писали о причинах поражений. Оба находили объяснение в том, что русские крестьяне, из которых в основном состояла армия, недостаточно прониклись патриотизмом и национальным самосознанием и поэтому не представляли собой граждан-солдат, необходимых для победы в современных войнах. Это объяснение является своего рода самооправданием, так как переносит вину с военных руководителей и прогрессивных политиков-патриотов на наследие русской отсталости и на те консервативные политические фигуры, которые, стремясь сохранить самодержавное статус кво, в предвоенный период сопротивлялись модернизаторским усилиям по национальному строительству, инициаторами которых были военные реформаторы, вроде Головина и Данилова.⁶ Этот аргумент характерен для историографии Первой мировой войны, но в такой же мере является плодом фантазии, как и вера Бьюкенена в единение царя с народом и изображенная Ноксом трезвая и тихая мобилизация на селе.

Благодаря сочетанию наблюдений иностранцев и оправдательных объяснений российских реформистов, в ученых кругах Запада сформировалась историографическая модель, которая больше создает неясности, чем их рассеивает. Большинство проблем, связанных со стандартной интерпретацией, проистекает из греха умолчания. Адепты доминирующей парадигмы игнорируют неудобные факты, которые не укладываются в их концепцию. И хотя во всех воспоминаниях военных, которыми пользовались западные историки, отмечены «беспорядки» среди резервистов во время мобилизаций военного времени,⁷ бесполезно искать в этих работах упоминания о многочисленных бунтах призывников в 1914 г.

Западные историки искали ответ на вопрос, на который невозможно ответить: как Россия отозвалась на войну? Даже в ее менее шокирующих (и более негативных) проявлениях они не особенно утруждали себя попытками исследовать, что именно «крестьяне», «рабочие» или «средние классы» думали о войне, поскольку

воспринимали эти социальные группы как нечто единое. Другой недостаток вызван полным отсутствием изучения настроений и поведения самих резервистов в ходе мобилизации. Хотя библиотечные полки и не ломаются от российских воспоминаний, писем и дневников о Первой мировой войне, немало источников такого типа опубликовано и в России, и в зарубежье.⁸ Удивительно, что западными историками они не использованы. Совершенно не востребованы и такие архивные источники, как полицейские рапорты, воспоминания и дневники, письма военнослужащих и крестьян в государственные органы.

Ситуация в советской и постсоветской историографии, как мне представляется, не намного лучше. Основной советский тезис для объяснения ситуации июля 1914 г. основан на утверждении, что только Ленин и большевики правильно поняли природу войны и оценили ее возможности для освободительного движения. Другие социалистические партии осуждались за слепой патриотизм. Крестьян и рабочих жалели за то, что они были одурачены царской пропагандой. Генерал А. М. Зайончковский в своей истории Первой мировой войны утверждал, что «русский меньшевизм, во всех своих оттенках, от правых оборонцев до демагогов типа Троцкого, представлял из себя единый фронт поддержки царского правительства, за войну до победного конца. Эта поддержка позволила царскому правительству безболезненно провести мобилизацию и в течение следующих трех лет бросать миллионы почти безоружных людей на бойню».⁹ Эта позиция была несколько смягчена в начале 1960-х гг. Д. В. Вержховский расценивал бунты призывников как свидетельство того, что в Европе только русские рабочие сопротивлялись попыткам правительства «скрыть истинные цели войны» и «активно выступали против этого», а большевики оказались единственной партией, прислушавшейся к голосу рабочего класса.¹⁰ А. М. Анфимов, описывая реакцию на войну в деревне, полагал, что в ряде мест народные выступления служили «стимулом» к аграрным беспорядкам, особенно в районах, где были живы воспоминания о «трагедии 1905—1907 гг.». К концу 1914 г., утверждал он, «шовинистический дурман стал рассеиваться даже среди крестьянства». Крестьян гнали на войну, но их протест мог принимать форму только «анархической и несогласованной борьбы».¹¹

В официальной истории войны, написанной при участии Вержховского и опубликованной в 1975 г., эти наблюдения были соединены: хотя русская буржуазия с энтузиазмом откликнулась на войну, рабочие и беднейшие крестьяне протестовали против нее «во всех крупнейших городах России», но им не удалось ее остановить, так как их выступления носили анархический характер.¹² Для революции требовалась организующая рука большевиков. Авторы, не согласные с изображением трудящихся масс России инстинктивно настроенными против империалистических войн, продолжали отстаивать стандартную точку зрения: развязывание войны одурманило всю Европу и в России «ура-патриотизм» господствовал так же, как в Англии.¹³

К сожалению, несмотря на рост интереса к Первой мировой войне и переоценку прошлого России после распада СССР и открытия российских архивов, постсоветский анализ ситуации 1914 г. остается вполне традиционным. В вышедшей в 1994 г. статье Е. Сенявской отброшена большевистская интерпретация настроения масс, зато повторена «патриотическая» позиция Бьюкенена: «Первая мировая война... Что мы знаем о ней? Несколько фраз из школьных учебников: „аннексионистская“, „империалистическая“, „кризис верхов“, „революционная

ситуация“. Война воспринимается как пролог к двум революциям — Февральской и Октябрьской, и по сравнению с ними ее события менее важны и значительны. Но это для нас, поколения, которое учили не истории Родины, а истории революционного движения. Для современников все было иначе, и теперь, когда мы открываем пожелтевшие архивные папки, мы с удивлением узнаем, что среди народа она называлась Отечественной войной и что патриотический дух в России в течение первых двух лет был необыкновенно высок». ¹⁴

Хубертус Ян в своем исследовании патриотической культуры в период войны также пришел к стандартному заключению: это был «первоначальный взрыв флагомахательного энтузиазма», который вскоре сошел на нет; «Россия во время Первой мировой войны не была нацией», потому что русские понимали только, с кем они воюют, но не понимали, кто они такие. ¹⁵

Проблема, которая была камнем преткновения для более ранних сочинений, не исчезла и теперь. Исследователи все еще полагаются на узкую источниковую базу при рассмотрении мобилизации 1914 г., они учитывают лишь часть общественной реакции, не пытаясь включить проявления патриотизма и раскола в более широкий политический контекст.

Реакция на начало войны и объявление мобилизации со стороны тех, кто был призван в ряды армии, свелась к трем типам. Превалирующим был первый: частная реакция на угрозу войны и трудности, которые она влекла за собой. Большинство людей провело день перед явкой на сборный пункт, устраивая дела, которые должны были как-то идти в их отсутствие, и проводя время со своей семьей. Плач мужчин, женщин, детей слышался в России повсеместно. Другим всеобщим звуком стало молчание, но не «вечное молчание» русской деревни, которое обычно слышалось в русском городе, слишком глухом для того, чтобы слышать сельские шумы, но молчание оцепенения. ¹⁶ Крестьяне вспоминали, как испуганное гудение в деревнях замолкало, семьи в тишине предавались своему горю. ¹⁷

Типичная ситуация описана унтер-офицером Иваном Кучерниго. Его неопубликованные воспоминания писались, когда он лежал в госпитале в начале 1915 г. ¹⁸ Кучерниго жил в деревне неподалеку от уездного центра Алешка и узнавал новости, как и большинство сельских жителей, на деревенских сходах: «17 июля приехал полицейский, который прежде ни разу не бывал в нашей деревне, он ходил от двери к двери, созывая всех на сход, и я тоже пошел. „Что происходит?“ — все спрашивали друг друга, но никто ничего не отвечал, потому что никто не знал, что происходит, да и как мы могли знать? Вдруг вышел деревенский старшина и сделал знак рукой, призывая успокоиться. Все замолкли, напрягли слух, стараясь точно услышать, что скажет старшина. „Враг поднял голову! Он напал на нашу матушку Россию, и нашему батюшке царю нужна наша помощь, теперь наш враг Германия“. „Это немцы, немцы!“ — зашумели в толпе. „Тихо! Тихо!“ — загремел голос старшины. „Так, ребята, чтобы не тратить время на возню со списками, кто чувствует себя здоровым и готовым служить Отчизне, должны собраться 18 числа в девять часов у дома уездного военного коменданта в Алешке, и я советую вам взять с собой две пары белья, все остальное вам там дадут, поторопитесь“. После этого все разошлись по своим домам, забыв о полевых работах». Душераздирающие сцены, которые описал Кучерниго в своей деревне, в России наблюдались повсеместно: «Боже, сколько слез было пролито, когда нам пора было уходить. Моя пятилетняя дочка сидела у меня

на руках и, прижавшись ко мне, говорила: „Папа, почему ты уходишь? На кого ты нас бросаешь? Кто будет зарабатывать деньги и доставать нам хлеб?“ Ее маленькие руки обвилились вокруг моей шеи и крепко сжали меня. Я услышал биение ее маленького сердца и почувствовал, как ее губы стали целовать мою шею. Я не мог ответить на ее вопросы и сдержать свои собственные слезы и только смог ответить: „Я скоро вернусь, крошка“. По всей деревне можно было слышать только молитвы и проклятия в адрес немцев».

Кристина Семина, которая жила в Закавказье, среди армян и азербайджанцев, в том же духе изображает реакцию на объявление войны: «Многие армянские семьи жили только трудом мужчин... Поэтому, когда был дан приказ, чтобы мужа, отцы и братья шли на призывные пункты, и было объявлено о войне, среди женщин и детей поднялись такой плач и завывания, что стало страшно. Плач не прекращался по всему городу день и ночь». Горе, конечно, затронуло не только армян. У Семиной самой не просыхали слезы, когда ее муж готовился к отбытию и рассказывал об «ужасных сценах», происходивших на сборных пунктах, где разлучались семьи.¹⁹ Эти же звуки четко уловила Анна Ахматова. 20 июля 1914 г. она написала: «Солдатские жены плачут, их плач звучит по всей стране».²⁰

Второму типу реакции уделялось больше внимания, чем он заслуживает, если исходить из его распространенности. Это — гласная общественная поддержка. Непомерно многие основываются в своем восприятии российской реакции на войну на свидетельствах о манифестации по случаю объявления войны 20 июля 1914 г. на Дворцовой площади Петербурга, в которой участвовало около четверти миллиона человек хором певших национальный гимн. Очевидная эмоциональная сила момента довлела там почти над всеми присутствующими и оказала влияние на их видение начала войны.²¹

Однако нет сомнений в том, что по всей стране прошло множество патриотических демонстраций. Они организовывались местными властями, и люди охотно участвовали в них. Кучерниго описал одну из таких сцен, которые можно было наблюдать в городах, где собирались резервисты: «Сколько народу! По улицам едва можно было пройти. Несли портреты императора, украшенные флагами. Шум был такой, что трудно было что-либо разобрать. Одни пели „Боже, царя храни“, другие кричали „Да здравствует царь и народ“, третьи „Долой немцев, смерть немцам!“, „Да здравствует непобедимая русская армия! Ура! Ура!“».²² Мария Бочкарева вспоминала дни мобилизации как «возвышенный, славный, незабываемый момент», ощущение, которое испытали поначалу многие русские, участвовавшие в патриотических демонстрациях.²³

Но что эти патриотические демонстрации в действительности означали? Мы должны признать, что эти демонстрации представляли из себя одновременно праздничное и политическое действо. Многие из тех, кто участвовал в событиях и на Дворцовой площади, и в Алешке, были там хотя бы отчасти потому, что им хотелось присутствовать или участвовать в спектакле. Трудно представить, как многие жители Алешки могли остаться дома и заниматься стиркой белья в самый волнующий день года, независимо от того, что думали о войне. Тем не менее, люди несомненно понимали, что, участвуя в демонстрациях, они занимают определенную позицию. Действия участников массовых действий отражали почти единодушное ощущение того, что коли война началась, наилучший исход победа России. Пораженчество в деревне было еще менее популярно, чем в городе, так как означало большие потери и смерть мужей, сыновей, братьев и друзей. Бес-

пошадное истребление немцев в ходе войны было не только приемлемым, но единственно верным. Эти демонстрации не означали, однако, поддержку войны как таковой. Большинство россиян не питало иллюзий, что они могут получить выгоду от войны. Война всегда означала жертвы и потери, и немногие русские думали, что на этот раз все будет иначе. С первых дней проявилось недовольство войной в форме бунтов, но были и другие способы протеста. В Риге, наряду с портретами царя, рабочие и резервисты несли лозунги «Долой войну!»²⁴ Имели место и менее броские, но более серьезные формы противодействия: в Плоцком уезде в течение первой недели мобилизации из примерно 2 тысяч призывников, явившихся на сборный пункт, более 200 тут же дезертировали.²⁵

Нет сомнения в том, что к началу войны значительная часть населения отнеслась с энтузиазмом. Хотя добровольчество было возможно только для тех, кто не состоял на действительной службе и не был резервистом или ратником первого разряда, добровольческое движение после начала войны было значительным.²⁶ Государственные и военные должностные лица, как сказал военный министр генерал Сухомлинов через несколько дней после начала мобилизации, просто не предусмотрели того, что в военное время могут быть добровольцы.²⁷ Только 23 июля царь одобрил правила зачисления добровольцев на службу.²⁸ К этому времени неразбериха вокруг добровольчества была уже явственно видна. В центральные военные учреждения слали сердитые телеграммы о бездеятельности местных военных комендантов, патриотические телеграммы с предложением отдать себя на алтарь отечества и растерянные доклады от местных чиновников с просьбой об указаниях.²⁹

Правила, которые были, наконец, 28 июля разосланы, запрещали прием на службу лиц моложе 18 и старше 43 лет (позднее эти правила отменены явочно и законодательно). Поскольку военнообязанные не имели права идти в добровольцы, круг потенциальных добровольцев был крайне ограничен. Большинство происходило из ратников второго разряда, из числа студентов, имеющих отсрочку, или из национальностей, не подлежащих призыву. К сожалению, нет статистических данных о количестве зачисленных добровольцами, но приток был достаточно большим. Организационные сложности возникли на Кавказе, где мусульманское население должно было вместо несения военной службы уплачивать специальный налог.³⁰ Хотя в количественном отношении движение добровольцев вряд ли могло быть слишком значительным, ясно, что на пространстве империи находились патриоты, которые жаждали сражаться, от сибирских женщин, подобных Марии Бочкаревой, до еврейских несовершеннолетних парней или до детей высокопоставленных политиков, таких как М. В. Родзянко и А. В. Кривошеин.³¹

Последний тип реакции на объявление войны получил отражение в гораздо меньшей степени, чем заслуживал — это активное общественное неприятие. По всей России весть об объявлении войны вызвало бунты призывников, некоторые из них были весьма масштабны и отличались упорным характером. Они не укладываются в существующую историческую парадигму 1914 г. Сравните заявление Бьюкенена о том, что «единственный акт насилия толпы» по всей России был направлен против Германского посольства со следующей телеграммой: «Резервисты устраивают беспорядки почти по всей Томской губернии: в Новониколаевске (теперешний Новосибирск) толпа резервистов разграбила склады и начала грабеж базара, беспорядки были прекращены с помощью [войск]... Толпы бросали в них камни, один из стрелков был ранен пулей, в результате чего войска от-

крыли огонь... двое были убиты, двое серьезно ранены. Ввиду этих беспорядков комитет по реквизиции лошадей приостановил свою деятельность. Резервисты разгромили винные склады в деревнях Юдих, Тюменцев и Ключки в Барнаульском уезде, в Юдихе они требовали продовольствия от местных властей и захватили полицейского урядника, в Тюменцеве были случаи дезертирства». ³² Как видно из этого донесения, противоречащего утверждению Нокса, что «все винные магазины были закрыты и не было случаев пьянства», одним из наиболее распространенных действий был разгром винных складов. Военные должностные лица, отчаянно пытаясь сохранить картину народной поддержки, быстро ухватились за фактор спиртного и выдвинули его как единственное объяснение возникших беспорядков. Один из них бодро докладывал, когда бунты стихли: «Вино было причиной всех несчастий». ³³

Винные погромы были объяснимы даже предсказуемы. Призыв на действительную службу в России с давних пор был поводом для пьяных загулов, во многих местностях империи это было своего рода ритуалом. В некоторых деревнях поддерживалась традиция выпивки в связи с проводами в армию. ³⁴ Этот ритуал военные должностные лица старались пресечь, чтобы быстро и эффективно провести мобилизацию, поэтому они настаивали на прекращении продажи спиртного на период мобилизации. Очевидным решением проблемы в глазах резервистов было самовольное открытие закрытых складов. В местностях, где местные власти пренебрегли предостережениями министра внутренних дел и не обеспечили полицейской охраны складов, это было претворено в жизнь. В Луганске бунты начались с нападения на винные склады, затем толпа принялась грабить склады продовольствия и одежды, а затем с криками «ура!» била стекла в частных домах. ³⁵

Закрытие винных складов и эффект пьянства после разграбления, не могут служить единственным объяснением широко распространившихся бунтов. Как мы видели в телеграмме из Томска, события выходили за рамки поиска водки. Резервисты протестовали также против плохого снабжения, реквизиции их лошадей и войны как таковой. Подобных фактов — множество. В Екатеринославе бунт разгорелся, когда черносотенцы развернули национальный флаг и попытались устроить демонстрацию в поддержку войны. Резервисты набросились на знаменосца, бросали камни в полицейских, и стычка закончилась, только когда полиция открыла огонь по толпе, убив одного и ранив семерых. В Белебеевском уезде Уфимской губернии бунты начались с грабежа хлебных складов и закончились нападениями на винные склады. В Бирске (Уфимская губерния) спиртное не сыграло никакой роли: резервисты «рассеяли полицию и разрушили призывной пункт, из-за чего медицинский осмотр и формирование частей для отправки на фронт пришлось прекратить». ³⁶

В большинстве случаев нападения бунтовщиков на винные склады сочетались с другими действиями. Крупнейшим был Барнаульский мятеж. Бунтовщики поджигали дома, склады, хранилище вина, и многие местные жители спасались бегством. Не менее сотни человек погибло в стычках между резервистами и полицией, пока порядок не был восстановлен. ³⁷ По всей империи отмечались перестрелки и многочисленные случаи бросания камней. Чиновники объясняли это опьянением, однако среди бунтовщиков было немало тех, кто вел себя вполне осознанно и готов был умереть еще до того, как вино полилось рекой. Случаи кровопролития во время бунтов отмечались в Астраханской, Витебской, Вологодской,

Вятской, Екатеринославской, Новгородской, Пензенской, Пермской, Подольской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тобольской, Томской, Уфимской губерниях и в Донской области. Были ранены 51 государственный служащий и 136 бунтовщиков, убиты 9 служащих и 216 бунтовщиков.³⁸

Бунт представляет собою не единичное действие, а набор их. Когда баланс власти нарушается и силы традиционных органов управления ослабевают, открывается простор для всех видов деятельности, выходящей за рамки закона. Одни нападают на полицию, другие воруют хлеб, третьи напиваются, многие участвуют и в том, и в другом, и в третьем. Факторами, на фоне которых возникли беспорядки среди призывников 1914 г. были желание напиться, обеспечить себя и семьи продуктами и вещами, показать свое недовольство войной и сделать все возможное для того, чтобы затянуть или нарушить отправку на фронт. Военные власти предпочитали объяснять бунты только желанием бунтовщиков напиться, но с течением войны это объяснение становилось все менее подходящим. Когда в сентябре 1915 г. был объявлен призыв ратников второго разряда и бунты снова вспыхнули, невозможно уже было обойтись утверждением, что бунтующие резервисты просто хотели напиться.³⁹

Утверждение, что Россия единодушно отозвалась на начало войны, звучит неубедительно, но то же самое можно сказать о попытках понять реакцию на войну, пользуясь такими широкими социальными категориями, как рабочий, крестьянин или элита. Внутри каждой из этих групп наблюдалась существенная дифференциация. В то время как значительная часть молодежи из числа элиты, имеющая освобождения и отсрочки от службы, устремилась на призывные пункты для записи в добровольцы, многие из их соотечественников, подлежащих призыву, наоборот, всячески старались от него уклониться. Сергею Добророльскому, начальнику мобилизационного отделения, приходилось читать «всякого рода прошения и петиции» от молодых людей из «нашего культурного общества и даже из числа буржуазии». «Они нажимали на все рычаги» и, обреченно замечает Добророльский, «как правило, им удавалось добиться своего».⁴⁰

Такое размежевание внутри общественных групп наблюдалось и на более низких ступенях социальной лестницы. Некоторые рабочие в Риге и Петербурге размахивали лозунгами «Долой войну», а в Туле рабочие охотились за толстоцами, расклеивающими антивоенные листовки, и угрожали им самосудом.⁴¹ Во многих деревнях и городках патриоты доносили на соседей, избегающих призыва и дезертирующих из армии. Таких доносов к 1915 г. было так много, что военный министр А. А. Поливанов пришел к мнению, что министерство внутренних дел уделяет непомерно много внимания уклонению от призыва и написал об этом министру внутренних дел.⁴²

Ни Россия, ни рабочие или крестьяне не были единодушны в своей реакции на объявление войны. Необходимо рассматривать не те или иные группы, а «политические сферы», чтобы понять, как власть и идентитет строились в момент начала войны.⁴³ Вопреки заявлениям недовольных эмигрантов и всему историографическому консенсусу, сельские и городские жители реагировали на условия, вызванные войной, в национальном духе. «Крестьяне» в действительности стали «русскими» уже в первые годы двадцатого века.⁴⁴ Представление о нации как политической сфере, а не как солидарной группе, высвечивает тот факт, что вопросы, касающиеся нации, вращаются не только вокруг конструирования определенного способа создания представления о человеческой общности, но также

вокруг узаконения существования этой общности. Понимание принадлежности к нации требует не только идентификации с историко-культурной общностью, члены которого обладают равным статусом в условиях данного общества и которое имеет законное право на политическую власть, но также активного участия в жизни этого общества. Национальные идентитеты всегда должны быть мобилизуемы, и нация как практическая категория не может занять доминирующее положение, пока мобилизация (в широком смысле этого слова) не произойдет. Во время Первой мировой войны в России впервые произошла широкая общественная мобилизация, и это факт, который нельзя не принимать во внимание при оценке как патриотических выступлений, так и волнений призывников по всей империи, нередко в одном и том же месте с разницей в один день.⁴⁵

Сосуществование публично выраженных поддержки и несогласия подчеркивает тот факт, что ощущение принадлежности к нации или национального самосознания не требует соглашения ни с самой властью, ни с целями, которые она преследует. Действительно, нация по своему определению дает простор такому столкновению: если политическое сообщество не согласно с режимом, всегда должна быть возможность того, что члены этого сообщества (в частном порядке или коллективно) будут вставать в оппозицию к политике режима. При рассмотрении проблемы национального идентитета в этом свете волнения призывников принимают совершенно другой оттенок. Крайне важным представляется тот факт, что символы режима, его учреждения и служащие и, в особенности, его политика подвергались нападениям со стороны людей, которые между собой ничем не связаны, кроме того, что подлежали мобилизации в национальную структуру. Это не были стихийные слепые бунты. Чтобы прояснить, что в действительности представляли из себя эти волнения, необходимо сосредоточить внимание на том, как интерпретировался вопрос о войне, а не на том, подчинялись ли солдаты и гражданские лица царским указам беспрекословно. Точнее говоря: а) рассматривалась ли война как предмет общей заботы для всего политического сообщества и б) как это политическое сообщество представлялось.

Ответ на первый вопрос, вне всякого сомнения, будет положительным. При всех трех вышеупомянутых видах реакции, события происходили внутри широких общественных пластов; и на деревенских сходах, и на городских патриотических манифестациях события интерпретировались как общерусское противостояние германской военной и политической структуре. Так было не только в Алешке, родном городе Кучерниго, но практически повсюду. Мулла в Уральске молился со своей паствой за «всех командиров и солдат», за «победу над немцами, врагами нашей родины, которые пошли на нас войной».⁴⁶ В Рязанской губернии губернатор отмечал, что мусульманское население реагировало на войну «с полным сознанием важности и серьезности момента» и «не было никакой разницы между русскими и мусульманскими резервистами».⁴⁷ Для этих мусульман, как и для многих других, вовлечение в общее дело войны перекрыло этнические различия, война понималась как борьба, которую «народ» вел за свою «родину»: этот вид военной идеологии радикально отличается от той, которая традиционно имела место в автократических государствах, в которых война была делом правителя и велась для правителя.⁴⁸

Даже у населения, не имевшего особых оснований переживать из-за событий в Галиции и Польше, например, у кочевников Туркестана, которые в 1914 г. были все еще свободны от призыва, чиновники отмечали, что «все проявляют интерес

к войне».⁴⁹ В донесении о других свободных от призыва кочевниках говорилось, что хотя киргизы «едва образованны... и почти полностью безразличны к вопросам государственной жизни», даже они не остались «безучастны» в условиях «расцвета патриотических чувств, который Россия сейчас переживает».⁵⁰

Основные предпосылки для появления национального самоощущения в 1914 г. были, таким образом, налицо: широко распространенное осознание общего дела и интерес к нему и мобилизованное участие в этом общем деле. Это участие распространялось не только на людей в форме. В ходе войны как мужчины, так и женщины активно работали в благотворительных организациях, в Красном Кресте, в Земгоре, в военно-промышленных комитетах, они стали политически действующими лицами благодаря экономической деятельности, связанной с военными усилиями. Война создала массово мобилизованное общество. Не все такие общества имеют национальный характер, но в большинстве они являются таковыми.

Российская политическая практика в период войны по своим особенностям была определено национальной, и это наиболее отчетливо можно увидеть на мобилизационном материале. Хотя довоенным армейским катехизмом было то, что солдаты служили за «Веру, Царя и Отечество», литература, связанная с мобилизацией, гораздо больше внимания уделяла понятиям «народ» и «родина». Вот один из многих примеров: «Тип людей определяет тип армии. Пусть наши враги говорят о нас, что хотят, но в трудные для родины времена русский народ всегда способен доказать, что он великий народ, что пламя горит в русской душе со всем, что есть хорошее, благословенное и прекрасное, и что что-то сильное есть в ней... Чтобы так чувствовать и действовать, надо быть героем в душе и не только ничего не бояться, но также иметь сердце, которое бьется с горячей любовью к родине, к своим братьям по оружию, ко всему народу».⁵¹

Это был не только способ пропагандистского изображения политического действия и политической лояльности. Независимо от национальности солдаты говорили о многонациональном братстве по оружию. Даже жалобы в частных письмах звучали по-особому, как видно из перлюстрированного письма солдата-мусульманина: «У русских есть военные священники, которые проводят службы для солдат, но для нас, мусульман, ничего нет. Нам не присылают мулл, несмотря на то, что более половины солдат [в данном подразделении] — мусульмане, которые умирают без мулл и которых хоронят вместе с русскими в общей могиле. Я думаю, что это надо довести до сведения правительства».⁵² Крайне важно отметить представление о том, что вопросы этнических отношений и культурного уважения должны решаться центральным правительством. Даже те российские граждане, которые традиционно считались париями и жертвами дискриминации внутри имперского общества, часто считали себя частью единого политического сообщества со всем множеством этнических групп, которые находились под управлением имперского государства.

Таким образом представление о многонациональности процветало даже в этнически нерусских районах, где задача пропаганды национальной идеи представляла наибольшую сложность и где присутствие дискриминационной имперской идеологии среди этнических русских было сильнее, чем в центре государства. Свидетельства из центральных местностей, в форме осуждения уклонистов от войны, вполне схожи. Мотив правого дела доминировал в реакции масс на мобилизацию и войну, резервисты и гражданские лица в одинаковой степени выска-

звали мнение, что все российские граждане должны нести одинаковое бремя и что царь и правительство должны делать все для армии. Оба мотива — равенство граждан и представление, что государства должны служить культурным сообществам, связанным с определенной территорией, национальны по своей сути и оба встречались повсеместно в общественном мнении в ходе войны. Жалобы со всех концов империи были однотипны и напоминали нижеследующее: «Ваше Превосходительство. Во всей Киевской губернии и, наверное, во всей стране, множество людей всяческими способами уклоняется от своего долга перед троном и отечеством. Сейчас все, кто не хочет служить в армии, служат на железной дороге. На железных дорогах охранники освобождены (я не знаю, что они охраняют), привратники освобождены (я не знаю, перед кем они сейчас открывают двери), как и сторожа железнодорожных садов, садовники, их помощники и прочие (я не знаю, кто в такое время может думать о садах, во всяком случае, сад не пропадет, если садовник на год или полгода отлучится). „Необходимая“ российская публика живет в комфорте и даже позволяет себе осуждать тех, кто ушел на войну: „ваши мужья или братья глупцы, но мой — умница, дал начальству 100 рублей и оно дало ему бронь“. Я хочу знать, может ли кто-нибудь смолчать, услышав такого рода разговор между упитанной „необходимой“ особой и измученными от забот женами и детьми тех, кто не оказался „необходимым“ и пошел на войну. Я в душе не могу порицать за это правительственные круги, но я хочу только сказать вам об этом, ваше превосходительство. Все это на первых порах было незаметно, когда мужское население было большим, но теперь его ряды редуют с каждым днем». «Жены резервистов», написавшие это письмо, добавляют напоследок, что они полагаются на «благородство его превосходительства, как и все русские люди. Весь русский народ встанет в ряды армии, не исключая калек, для защиты против врага, но только тогда, когда благородство будет видно во всем».⁵³ В этом письме обращает на себя внимание выражение идеала национального равенства в классовом ключе, который, однако, еще не проявляется в полной мере. Эти украинские женщины высказывали свой гнев против «необходимой» публики, которой успешнее удастся избежать призыва в армию, но тогда, в 1915 г., они еще не могли осуждать правительственные круги за проделки состоятельных граждан. Эти колебания исчезнут через пару лет.

Таким образом, приведенное свидетельство об общественном отклике на мобилизацию 1914 г. расходится с картиной, которая преобладала в исторической литературе. Россия не вступила в войну на всеобщей волне патриотизма, не было единодушия в отношении к войне внутри социологически очерченных групп. Патриоты и те, кто выступал против, встречались в 1914 г. во всех слоях русского общества.

Наличие протеста, однако, не подтверждает истинность другого основного положения господствующей парадигмы — о недостатке национального самощущения среди русских крестьян. В действительности все было наоборот, так как если мы посмотрим на то, в какой форме крестьяне выражали протест, мы увидим, что он был оформлен в «национальных» рамках, а не в местных. Крестьяне обращались с жалобами в центральные государственные учреждения, постоянно ссылались на необходимость защищать «интересы государства» при обвинениях своих соседей, пренебрегающих своими обязанностями, изображали идеал гражданского равенства и пользовались образами исторического, территориального сообщества как законной политической силы в стране. Относительно

новое ощущение нации как основной структуры политической практики усиливалось во время войны, а антинациональная автократия соответственно ослабевала. Конечное падение монархии в 1917 г. и уход солдат с войны, которая с самого начала не была популярной, были признаками относительной зрелости русской нации, а не отсутствия таковой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Buchanan G.* My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923. Vol. 1. P. 213.
- ² *Knox A.* With Russian Army, 1914—1917. London, 1921. Vol. 1. P. 39.
- ³ *Paléologue M.* An Ambassador's Memoirs. London, 1923. Vol. 1; *Pares B.* The Fall of the Russian Monarchy: A Study of the Evidence. London, 1939.
- ⁴ См. напр.: *Haimson L.* The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917 // *Slavic Review*. 1964. Vol. 23. No. 4. P. 619—642; 1965. Vol. 24. No. 1. P. 1—22; *Lincoln W. B.* Passage Through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914—1918. New York, 1986. P. 41—45; *Pipes R.* The Russian Revolution. New York, 1990. P. 203—210; *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891—1924. London, 1996. P. 251—252; *Gilbert M.* The First World War: A Complete History. New York, 1994. P. 31; *Wildman A.* The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March-April 1917). Princeton, 1980. P. 76—77.
- ⁵ *Pipes R.* Op.cit. P. 203.
- ⁶ Более подробно о политической борьбе — в моей диссертации: *Sanborn J.* Drafting the Nation: Military Conscription and the Formation of a Modern Policy in Tsarist and Soviet Russia, 1905—1925 (Ph.D.diss., University of Chicago, 1998). Параллельный аргумент использовался, чтобы обвинить крайне левых за то, что они возбудили классовую ненависть и разрушили национальное единство в 1917 г.
- ⁷ *Golovin N. N.* The Russian Army in the World War. New Haven, 1931. P. 204; *Он же.* Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 2. С. 121; *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне, 1914—1915 гг. Берлин, 1924. С. 111; *Dobrorolski S.* Die Mobilmachung der russischen Armee, 1914. Berlin, 1922. S. 33.
- ⁸ Перечень этих источников см.: Первая мировая война: указатель литературы 1914—1993. М., 1994. Имеются первичные источники, написанные военнослужащими, но не включенные в этот перечень и не использованные историками, поэтому они заслуживают особого внимания: *Гордиенко И. М.* Из боевого прошлого, 1914—1918 гг. М., 1957; *Gourko V. I.* War and Revolution in Russia, 1914—1917. New York, 1919; *Ignatyev A. A.* A Subaltern in Old Russia. London; New York; Melbourne, 1944; *Littauer V. S.* Russian Hussar: A Story of the Imperial Cavalry, 1911—1920. Shippensburg, 1993; Памятные дни // Из воспоминаний гвардейских стрелков. Таллин, 1932; *Вавилов А.* Записки солдата Вавилова. М.; Л., 1927; *Бевверн Б.* 6-я батарея, 1914—1917 гг.: Повесть о времени великого служения родине. Париж, 1938.
- ⁹ *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914—1918. М., 1931. С. 14.
- ¹⁰ *Верхховский Д. В., Ляхов В. Ф.* Первая мировая война, 1914—1918 гг.: Военно-исторический очерк. М., 1964. С. 39—40.
- ¹¹ *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). М., 1962. С. 347—348.
- ¹² История первой мировой войны, 1914—1918 / Ред. И. И. Ростунов. М., 1975. Т. 1. С. 228.
- ¹³ *Яковлев Н.* 1 августа 1914. М., 1993. С. 28—29.
- ¹⁴ *Сенявская Е.* Корнет бежит на войну // Пограничник. 1994. № 3. С. 61.
- ¹⁵ *Jahn H. F.* Patriotic Culture in Russia during World War I. London, 1996. P. 171—173.
- ¹⁶ Упоминание о «вечном молчании» в деревне в ответ на объявление войны можно найти у лидера кадетской партии Павла Миллюкова. Цит. по: *Lincoln W. B.* Op. cit. P. 45.
- ¹⁷ *Городовиков О. И.* Воспоминания. М., 1957. С. 34.
- ¹⁸ Записки старшего унтер-офицера 253 роты пехотного Черепковного полка Ивана Васильевича Кучерниго // ГАРФ, ф. 6281, оп. 1, д. 178, л. 1—3.
- ¹⁹ *Семина К. Д.* Трагедия русской армии первой мировой войны 1914—1918 гг.: записки сестры милосердия Кавказского фронта. Нью-Мексико, 1963. Т. 1. С. 11.
- ²⁰ *Ахматова А.* Июль 1914 // *Ахматова А.* Примите этот дар... Стихотворения. М., 1995. С. 171.
- ²¹ В дополнение к Бьюкенену см.: *Paléologue M.* Op. cit. P. 46—52; *Pares B.* Op. cit. P. 187—189; *Родзянко М. В.* Крушение империи. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Вэллей Коттедж, 1986. С. 100—107.
- ²² ГАРФ, ф. 6281, оп. 1, д. 178, л. 4—4об.

- ²³ *Bochkareva M. Yashka: My Life as Peasant, Officer and Exile. New York, 1919. P. 64.*
- ²⁴ *Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны: Воспоминания рядового. Л., 1926. С. 9.*
- ²⁵ См. суточные рапорты Плоцкого уездного военного коменданта с 17 по 26 июля 1914 г. ГАРФ, ф. 1745, оп. 1, д. 58, л. 370—421.
- ²⁶ См. письмо Янушкевича начальнику Главного штаба, 18 июля 1914 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2647, л. 1.
- ²⁷ Доклад Сухомлинова РГВИА, ф. 400, оп. 19, д. 86, л. 8.
- ²⁸ Правила о приеме в военное время охотников на службу в сухопутные войска. Одобрено царем, подписано Сухомлиновым // Там же, л. 10; Приказ по военному ведомству № 454 28 июля 1914 г. // Там же, л. 34—35.
- ²⁹ См. напр. телеграмму «добровольцев под начальством П. Шапошникова» Сухомлинову, 23 июля 1917. РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2647, л. 16; письмо Н. Богомолова в Мобилизационный отдел, 22 июля 1914 г. Там же, л. 30; телеграмму председателя Коморнского призывного бюро военному министру, 22 июля 1914 г. Там же, л. 15; телеграмму генерала Ебелова (Одесса) начальнику Главного штаба, 27 июля 1914 г. РГВИА, ф. 400, оп. 19, д. 86, л. 38.
- ³⁰ Письмо из Отдела пенсий и обслуживания Главного штаба в Мобилизационный отдел Главного штаба, 15 августа 1914 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1159, л. 6.
- ³¹ См. вышеприведенную цитату из воспоминаний Бочкаревой; прошение 11-летнего Вульфа Янкельсона из Риги, б. д. РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 28, л. 53; просьбу Родзянко зачислить его сына на службу, несмотря на то, что он не был признан годным к службе при медицинском освидетельствовании см. доклад Сухомлинова царю, 21 июля 1914 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2608, л. 85, относительно Кривошеина см. там же, л. 88.
- ³² Телеграмма из Томской губернии включена в доклад Департамента полиции Призывному управлению МВД «О беспорядках на сборных пунктах во время мобилизации», 1914 г. РГВИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1729, л. 26.
- ³³ Телеграмма генерала-губернатора Степной губернии Сухомлинову, 18 августа 1914 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1196, л. 93. Законом предписывалось на период мобилизации держать закрытыми все винные склады, это правило насаждалось повсеместно. Интерпретации беспорядков в том же духе см. также: *Golovin N. N. The Russian Army... P. 204.*
- ³⁴ Донесение командира Казанского военного округа военному министру, 8 января 1910 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 18, л. 6—6об.
- ³⁵ Донесение командира луганского гарнизона военному министру, 24 июля 1914 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1154, л. 242—243.
- ³⁶ Донесение командира Казанского военного округа военному министру, 24 июля 1914 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1154, л. 238—241.
- ³⁷ Сообщения об этих событиях см.: РГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1729.
- ³⁸ Сведения о числе лиц, пострадавших во время бывших в июле мобилизации 1914 г. беспорядков в некоторых местностях Империи. РГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1729, л. 129—130.
- ³⁹ Обзор беспорядков 1915 г. см.: Перечень беспорядков, учиненных ратниками 2-го разряда призыва 5 сентября 1915 г., составленный в департаменте полиции, секретно, 2 ноября 1915 г. РГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1729, л. 131—181.
- ⁴⁰ Цит. по: *Головин Н. Н. Военные усилия... Т. 2. С. 121.*
- ⁴¹ См. сообщение о конфликте между рабочими и толстовцами в Туле в материалах судебного процесса против толстовцев: Музей истории религии в Санкт-Петербурге, ф. 13, оп. 1, д. 376.
- ⁴² Письмо Поливанова Щербатову, 5 августа 1914 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1196, л. 91.
- ⁴³ Для понимания нации я пользуюсь моделью, заимствованной мною из: *Brubaker R. Nationalism Reformed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996.*
- ⁴⁴ Самую свежую по времени аргументацию в пользу того, что крестьяне не стали россиянами см.: *Moon D. Peasants into Russian Citizens? A Comparative Perspective // Revolutionary Russia. 1996, June. Vol. 5. No. 1. P. 43—81.* Мун считает, что поскольку крестьяне в России не пришли к «русскости» подобно тому, как во Франции крестьяне пришли к «французскости» согласно известной модели Ю. Вебера, они вообще не пришли к этому. Он далее отмечает тот факт, что французская армия пережила кризис 1917 г., в то время как русская армия не смогла этого сделать, в качестве доказательства того, что «русскость» не проникла в деревню. Мою аргументацию противоположного характера см. ниже.
- ⁴⁵ См. донесение из Нижнего Новгорода, включенное в доклад Департамента полиции в Призывное управление МВД «О беспорядках на сборных пунктах во время мобилизации», 1914. РГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1729, л. 106—107.
- ⁴⁶ Перевод молитвы муллы из Уральска. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 603, л. 640б.
- ⁴⁷ Письмо губернатора Рязанской губернии Е. В. Менкину (начальник Отделения по духовным делам Министерства внутренних дел) от 16 сентября 1914 г. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 603, л. 260б.

- ⁴⁸ *Paret P.* Understanding War: Essays on Clausewitz and the History of Military Power. Princeton, 1992. P. 41, 44.
- ⁴⁹ Письмо Салтыкова (ветеран войны) Туркестанскому генералу-губернатору, секретно, 1 ноября 1914. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 603, л. 77.
- ⁵⁰ Письмо директора канцелярии Степной губернии Е. В. Менкину, 28 ноября 1914 г. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 603, л. 603.
- ⁵¹ «Наша слава». Публикация в «Сельском вестнике». Цит. по: РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 603, л. 40, 43.
- ⁵² Письмо Казанского губернатора Е. В. Менкину. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 603, л. 89.
- ⁵³ Письмо «жен резервистов» Татьяны Яременко, Синклатии Божейко и Серафимы Томской (из Радомысля) министру внутренних дел, 8 октября 1915 г. РГИА, ф. 1292, оп. 7, д. 298, л. 125.

Ю. И. Кирьянов

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ПРАВЫХ ПАРТИЙ В РОССИИ В 1914—1917 гг.

Численность политических партий относится к существенным показателям их состояния и дееспособности. Она отражает отношение различных слоев населения к партиям и их местным организациям, в определенной мере свидетельствует об их реальных возможностях. В этой связи становится понятным заявления правых о том, что Союз русского народа (СРН) насчитывал в своих рядах сотни тысяч, миллионы членов, которые нередко появлялись в официальных документах, печати правых почти на всем протяжении их существования. В телеграмме В. П. Соколова, и. о. председателя, товарища председателя Главного совета СРН-обновленческого, от октября 1913 г. говорилось о «многомиллионном» Союзе.¹

В этой же связи представляется весьма показательным, что правые неоднократно выступали с «разъяснениями», что они — не партия, а Союз, акцентируя внимание на том, что партия — в буквальном переводе — это часть целого, а СРН — это нечто несравненно большее, это все православные верноподданные люди, «организация, объединяющая верноподданную часть русского народа».²

Но это делалось в пропагандистских целях. Сами правые прекрасно понимали, что подобные утверждения не отражали реального положения. И поэтому они неоднократно предпринимали попытки выяснить истинное число своих организаций и их численность, в частности, в начале 1912 г. — СРН-обновленческий,³ а в августе 1915 г. Н. Н. Тиханович-Савицкий от имени Августовского Совещания в Саратове.⁴ В Окружном послании Главного совета СРН-обновленческого от 3 января 1912 г., посвященном выдаче единообразных свидетельств, отмечалось, что только при этом условии «окажется возможным собирать точные и определенные сведения о личном составе Отделов Союза, об их численном росте или упадке», «окажется возможным правильный учет истинных сил СРН — тех сил Союза, от которых ... Самодержавец сможет получить в нужную минуту действительную помощь и действительную поддержку...».⁵

Однако реализовать эти намерения было непросто. Думается, что в значительной мере это можно объяснить не столько «конспиративными соображениями», сколько плохим «делопроизводством» в низовых организациях, которое в годы войны ухудшилось. Поэтому предпринимавшиеся самими правыми попытки не дали сколько-нибудь значимого результата.

Но вопрос о числе правых организаций и их численности имел практическую значимость не только для правых, но и для правительства: необходимо было знать возможности правых на случай их использования в борьбе и с массовым революционным, и с оппозиционным движением. Поэтому общее число правых организаций и их численность не раз становились предметом внимания Департамента полиции Министерства внутренних дел (ДП МВД), который в 1906, 1907—1908 гг., 1915—1916 гг. предпринимал шаги для получения соответствующих данных «по своим каналам». Две последние попытки оказались безусловно успешными: был получен значительный, разнообразный, охватывающий практически все губернии страны и достаточно достоверный материал. Данные этих двух опросов после некоторой корректировки и будут в дальнейшем представлены и прокомментированы.

«Крайне правые» — понятие достаточно растяжимое. Накануне и в годы войны к ним относились два Союза русского народа — СРН-обновленческий (во главе с Н. Е. Марковым 2-м) и Всероссийский Дубровинский СРН (во главе с А. И. Дубровиным), Русский народный Союз имени Михаила Архангела (СМА) (во главе с В. М. Пуришкевичем), базировавшийся в Москве Русский Монархический союз (РМС) (во главе которого последовательно стояли В. А. Грингмут, а накануне и в годы войны И. И. Вострогов, В. В. Томилин, С. А. Кельцев).

Несмотря на очевидный накануне войны спад деятельности, правые партии и организации проявляли все же заметную активность. Они провели три всероссийских съезда: в ноябре 1911 г. — дубровинцев, на котором был создан ВДСРН, и два — в мае 1912 г. и в феврале 1913 г. — СНР-обновленческого, СМА, РМС, Русского Собрания (но без дубровинцев). Правые продолжали играть заметную роль в Государственной думе (4-го созыва) и Государственном совете, где они имели свои фракции и группы. Правые партии и организации издавали несколько десятков газет и журналов, в том числе всероссийских. В годы войны они имели определенные позиции в некоторых общественных организациях (прежде всего — беженцев).

Какими же партийными силами располагали правые на местах и в целом по стране накануне и в годы войны?

Л. М. Спириным определял численность членов СРН накануне войны примерно в 100 тыс. человек.⁶ По поводу приведенной Л. М. Спириным цифры следует, однако, заметить, что она сугубо «расчетная», полученная путем перемножения примерного числа организаций на примерное среднее число членов одной организации.

Н. Г. Королева численность правых партий в 1907—1908 гг. определяла в 200 тыс. человек.⁷ Автор монографии о правых С. А. Степанов предложил вернуться к цифре ДП МВД — 410 тыс. человек, полагая, что завышение показатели по некоторым губерниям как бы компенсируют недостающие по многим губерниям данные. Эта цифра повторяется автором и в его позднейших работах — 1995 и 1996 гг.⁸ Мы попытались дополнить и скорректировать погубернские показатели ДП МВД за 1907—1908 гг. и за 1915—1916 гг. Результаты этой работы опубликованы.⁹ Эти публикации позволяют сопоставить данные за конец 1915 — начало 1916 г. с показателями за 1907—1908 гг., а в ряде случаев и с предвоенными показателями и познакомиться с объяснением причин значительного изменения численности партийных организаций с 1908 г., и особенно с 1914 г., по 1916 г.

Ниже приводятся соответствующие данные за 1908 и 1916 гг., отложившиеся в материалах ДП МВД, и вместе с тем обнаруженные нами дополнительные данные, корректирующие сложившиеся в прошлой литературе представления по этому вопросу.

Предварительно следует сделать несколько замечаний по породе используемых показателей. Большинство данных заимствовано из документов, присланных губернаторами, градоначальниками и начальниками губернских жандармских управлений. Обнаруженные нами данные в других нередко аналогичных источниках заключены в скобки. В скобках приводятся и расчетные данные, опирающиеся при исчислении на те или иные косвенные показатели этого же или иных документов. Данные о численности организаций в сельской местности в Бессарабской и Подольской губерниях сокращены нами вдвое в связи с очевидным завышением (на это уже обращалось внимание в нашей литературе). Данные по Волынской губ. приравнены к данным по соседней Подольской губ. Приводимый по этой губернии показатель за 1907—1908 гг. (105 тыс.), составляющий четвертую часть от общероссийского, явно завышен. Он фактически относится к численности религиозно-патриотических братств, которые были учтены как правые организации (на этот счет также имелось разъяснение в литературе, в частности, в одной из наших публикаций).¹⁰

Численность «сочувствующих», приводимая в некоторых документах, во внимание не принималась. В одном случае (Таврическая губ.) пришлось общую цифру численности членов и сочувствующих разделить на равные части, хотя сочувствующих обычно было больше, чем собственно членов организации. Знак «+» означает, что документ указывает на наличие правой организации, хотя конкретных показателей численности членов не содержит. Данные по Самарской губ. за 1907—1908 гг. заимствованы из публикации С. А. Степанова.¹¹ В документах за 1915—1916 гг. в ряде случаев приводились данные на канун войны и далее следовала фраза «в годы войны численность правых организаций значительно сократилась». Сообразуясь с показателями по некоторым другим губерниям, мы для определения интересующего нас показателя уменьшали предвоенную численность в пять раз. Такой показатель сокращения численности правых организаций в первой половине 1916 г. по сравнению с кануном войны приводился по ряду городских организаций (хотя имелись и более существенные показатели). По данным начальника Казанского ГЖУ от 19 февраля 1916 г., численность основной правой организации в губернии «Царско-народного русского общества» достигала ко времени войны 1 000 человек, а к отчетному времени упала до 200 человек.¹² По данным полиции, в Таганроге накануне войны действовали 3 правых организации, а в начале 1916 г. — лишь 2. В первом случае общая численность равнялась 380 членам, а во втором — 70—80 членам, что дает сокращение также примерно в 5 раз.¹³ Имелись близкие показатели и по некоторым другим местам (Одесса). Случаев, когда для получения показателя на 1916 г. использовался прием уменьшения данных кануна войны в пять раз, — три, и относятся они к Комстромской, Курской и Смоленской губерниям. Все они отмечены звездочкой «*». Пометка «нет сведений» свидетельствует или об отсутствии организаций, или об их малочисленности. Прочерк «—» означает, что правомонархических организаций в данной губернии не было.

Здесь уместно заметить, что в таблице ДП МВД (см. Правые партии. Т. 1. С. 623—625) данные по губерниям Кавказского наместничества, включая Тиф-

лисскую, Бакинскую, Черноморскую губернии и Тверскую и Кубанскую области, не приводятся, хотя в соответствующих донесениях в ДП данные о численности правых организаций в этих губерниях имелись.

После этих замечаний приводим составленную нами таблицу.

Таблица 1

Численность крайних правых партий и организаций
в 1907—1908 и 1915—1916 гг.

Губернии и области, градоначальства	Конец 1907 — начало 1908		Конец 1915 — начало 1916	
	СРН	прочие правые партии	СРН и ВДСРН	СМА и др. правые партии
1	2	3	4	5
<i>Губернии</i>				
Архангельская	38	—	нет. св.	нет. св.
Астраханская	13 000	200	[3000]	160
Бессарабская	[11 000]	200	3631 + 191	4684
Варшавская	+	+	—	—
Виленская	1000	—	—	—
Витебская	11 049 [+ сочув]	—	60	70 (ОПС)
Владимировская	20 739	—	1664	—
Вологодская	7094	—	100 + [30]	—
Волынская	[12 000]	217	590 + [4000]	300
Воронежская	230	—	46	200
Вятская	355	1 919	106	—
Гродненская	520	395 (РПБ)	нет. св.	нет. св.
Екатеринославская	12 600	5186	400	22
Енисейская (г. Красноярск)	+ нет. св.	+ нет. св.	+ нет. св.	+ нет. св.
Иркутская	3561 + [100]	1593	> 40 + 50	< 70
Казанская	6982	1555	2500	200
Калишская	—	—	—	—
Калужская	1375	—	333	нет. св.
Киевская	16 729	13 391	[> 100] + 75	108
Ковенская	6450	—	нет. св.	нет. св.
Костромская	12 800	—	[2500]*	нет. св.
Курляндская	16	—	нет. св.	нет. св.
Курская	2173	115	[460]*	нет. св.
Калецкая	—	—	—	—
Лифляндская	36	—	нет. св.	нет. св.
Ломжинская	—	—	—	—
Люблинская	556	—	—	—
Минская	3770	12 716	450	нет. св.
Могилевская	13 143	—	60	нет. св.
Московская (без Москвы)	> 500	нет. св.	82 + [140]	75
Нижегородская	4626	—	1945	—
Новгородская	175	нет. св.	нет. св.	нет. св.
Олонекская	170	—	нет. св.	нет. св.
Оренбургская	400	—	100	—
Орловская	[400] + ?	нет. св.	500	—
Пензенская	624	—	[125]* + 20	нет. св.
Пермская	3660	1551	> 1281	—
Петровская	—	—	—	—
Плоцкая	—	—	—	—
Подольская	[12 000]	[640]	нет. св.	нет. св.

Губернии и области, градоначальства	Конец 1907 — начало 1908		Конец 1915 — начало 1916	
	СРН	прочие правые партии	СРН и ВДСРН	СМА и др. правые партии
1	2	3	4	5
Полтавская	3655	297	[243?]	нет. св.
Псковская	981	—	+ нет. св.	нет. св.
Радомская	—	—	—	—
Рязанская	2300	—	> 252	> 50
Самарская	[500] САС	нет. св.	—	[10] нет. св.
С.-Петербургская (без СПб.)	419	—	нет. св.	нет. св.
Саратовская	7700	7025	> 584	1000
Симбирская	+ (мало)	нет. св.	нет. св.	нет. св.
Смоленская	[5000]	нет. св.	[1000]*	нет. св.
Ставропольская	405	нет. св.	нет. св.	нет. св.
Сувальская	—	—	—	—
Садлецкая	—	262	—	—
Таврическая	9385 + ?	—	1500 членов и сочув. : 2 = 750	20
Тамбовская	[5000]	нет. св.	нет. св.	нет. св.
Тверская	2980	700	340	нет. св.
Тобольская	25	—	—	—
Томская	3500	1600	нет. св.	нет. св.
Тульская	4500	—	+ нет. св.	270?
Уфимская	+ 6 отд. + 4 подот.	нет. св.	Орг. нет; [5000 сочув.]	—
Харьковская	3900	нет. св.	1000 + 50	100
Херсонская	7485	200	87 + ?	нет. св.
Черниговская	8016	300	+ нет. св.	нет. св.
Эстляндская	—	—	[125]	—
Ярославская	35 600	—	650 + [10]	—
<i>Области</i>				
Акмолинская	—	—	—	—
Амурская	—	—	—	—
Донская (г. Новочеркасск)	550	—	94	3
Забайкальская (г. Чита)	50	—	45	нет. св.
Закаспийская (г. Ашхабат)	—	—	—	—
Приморская (г. Владивосток)	—	—	—	—
Самаркандская	—	—	—	—
Семипалатинская	—	—	—	—
Семиречинская (г. Верный)	—	—	—	—
Сыр-Дарьинская (г. Ташкент)	+ нет. св.	—	нет. св.	нет. св.
Тургальская (г. Оренбург)	—	—	—	—
Уральская	—	—	—	—
Ферганская	—	—	—	—
Якутская	—	—	—	—
<i>Градоначальства</i>				
Варшава	—	870	—	—
Керчь	—	—	20 ?	—

Губернии и области, градоначальства	Конец 1907 — начало 1908		Конец 1915 — начало 1916	
	СРН	прочие правые партии	СРН и ВДСРН	СМА и др. правые партии
1	2	3	4	5
Кронштадт	—	—	—	—
Москва	10 000		нет. св.	2000 + 1000 (ОПС)
Николаев	200	нет. св.	[200]	нет. св.
Одесса	3000	2670	300 + 750	400
Ростов-на-Дону	4500	—	4500	20
С.-Петербург	[40 000]		+ нет. св.	нет. св.
Севастополь	300	250	+ нет. св.	нет. св.
<i>Наместничества на Кавказе</i>				
Бакинская губ.	700	нет. св.	122	нет. св.
Батум	100	нет. св.	нет. св.	нет. св.
Сухум	20	нет. св.	нет. св.	нет. св.
Тифлис	2000	нет. св.	нет. св.	нет. св.
Терская обл.	2500	нет. св.	нет. св.	нет. св.
Черноморская губ.	500	нет. св.	[> 12]	20
Кубанская обл.	нет. св.	нет. св.	181 (3 отд.)	нет. св.

Из таблицы следует, что численность сохранившихся правых организаций в первой половине 1916 г. составляла примерно 45 тысяч человек. Эта цифра формально, вероятно, несколько занижена, поскольку, кроме отсутствующих в таблице сведений, не учтена численность организаций Отечественного патриотического союза, созданного в Москве В. Г. Орловым и В. М. Скворцовым летом 1915 г. Через год с небольшим после своего образования этот Союз имел отделения в Петрограде, Витебске, Саратове, Харькове, Нижнем Новгороде, Астрахани, Самаре, Рязани, а также в Серпухове, Александрове и некоторых других местах.¹⁴ К сожалению, сведения о численности организаций этого Союза в большинстве случаев отсутствуют. Имеются лишь данные о численности организаций в Витебске (70 чел.) и в Москве (1000 чел.)

Несмотря на то, что некоторые местные отделы СРН (как обновленческого, так и дубровинского), СМА, РМП в силу различных причин прекратили свое существование (оккупация немецкими войсками губерний Польши, убыль активных работников или отсутствия денежных средств как, например, в Екатеринодаде, Севастополе, Красноярске), но все же правые организации в 1916 г. продолжали существовать и действовать во многих губерниях, городах, местечках, селах и деревнях, хотя общая их численность, естественно, уменьшалась по сравнению с первой половиной 1906 г., причем значительно — примерно в 9 раз (399,5 тыс. и 45 тыс.).

В некоторых губерниях, особенно западных, сокращение численности правых организаций было несравненно более значительным (в десятки раз). Это относится к украинским и белорусским губерниям, а также, видимо, к сибирским губерниям (Иркутской и др.). Относительно меньший спад был главным образом во внутренних губерниях — ЦПР, Среднего и Нижнего Поволжья, Урала.

В региональном плане наибольшая численность правых организаций сохранялась в 10 губерниях ЦПР — более 12,3 тыс. человек, затем шли 8 губерний Украины — 8,5 тыс., 5 губерний Среднего и Нижнего Поволжья — 7,5 тыс., 4 гу-

бернии Урала — 1,5 тыс. человек. Правда, таблица показывает в Бессарабской губ. около 8,3 тыс. членов. Но эта цифра едва ли адекватно отражает реальное положение. Белорусские губернии дали, по понятным причинам, очень небольшой показатель (менее одной тысячи человек). Крайне незначительные показатели дали 4 губернии ЦЧР (0,4 тыс.) и губернии Северного Кавказа, а также Закавказья.

Сокращение численности членов правых организаций началось сразу же после революции 1905—1907 гг. В годы войны этот процесс в силу различных причин (о которых пойдет речь ниже) продолжался и в ряде случаев получил дополнительные импульсы, что достаточно рельефно отражают данные по некоторым губерниям. Так, в Тверской губ. численность членов правомонархических организаций в 1907—1908 гг. определялась в 3680 человек, накануне войны в 700—1000 человек и в первой половине 1916 г. — в 340 человек.

Если попытаться подытожить суждения начальников губернских жандармских управлений (ГЖУ) относительно причин значительного сужения и ослабления деятельности правых организаций, то можно отметить следующее.

Прежде всего с началом войны партийная деятельность — во имя национального мира и победы — замирает. Об этом свидетельствуют и печать, и сохранившаяся документация как центральных, так и местных организаций.

Деятельность руководящих органов основных правых партий заметно сократилась. Оживление партийной деятельности наступает примерно через год — в связи с военными поражениями и обострением экономических трудностей, а также активизацией оппозиции, созданием Прогрессивного блока.

Лишь в качестве ответной меры на деятельность либеральной оппозиции правительство пошло на то, чтобы провести под своей эгидой в ноябре 1915 г. два совещания монархистов (в Петрограде и Нижнем Новгороде). Не разрешались и региональные совещания правых. Военная обстановка внесла ограничения в деятельность правых в губерниях, причем не только прифронтной зоны.

Одной из важных причин явился отток из организаций активных работников, ушедших в действующую армию. Это сказалось и на численности членов организаций, и на деятельности организаций. В некоторых случаях пожилые руководители слагали с себя полномочия и даже объявляли о закрытии местных отделов (так было в Екатеринодаре).

Другой важной причиной была нехватка денежных средств. Оставшиеся члены переставали платить членские взносы (50-60 копеек в год). Часто неплательщики составляли значительную часть членов. Так, по полицейским данным за февраль 1916 г., в Мининско-Георгиевском губернском отделе СРН в Нижнем Новгороде, насчитывавшем около 250 человек (а до войны — 500 человек), членские взносы в размере 50 коп. платили только около 50 членов, т.е. лишь пятая часть. В Отделе ВДСРН в г. Вольске Саратовской губ. в начале 1916 г. осталось всего 25 человек, которые никаких членских взносов не платили.¹⁵ Прежние жертвователи на партийные нужды переключались в годы войны на помощь лазаретам, беженцам, нуждавшимся семьям. Необходимо принять во внимание и настороженное и даже недоброжелательное отношение местной администрации к образованию и деятельности правых организаций в ряде губерний, что нередко объяснялось стремлением оградить себя от дополнительных хлопот.

Среди причин ослабления, сужения деятельности правых организаций часто назывались отсутствие «интеллигентного идейного организатора и руководите-

ля» (Кострома),¹⁶ «отсутствие интеллигентных идейных работников» (Керчь). В Ярославском отделе СРН остался лишь один интеллигентный деятель.¹⁷ Начальник Смоленского ГЖУ, ратуя за активизацию правых и их организационной работы, вынужден был отметить 6 февраля 1916 г., что это «тормозится, во-первых, отсутствием интеллигентных сил и денежных средств, и, во-вторых, неизвестностью, как отнесется правительственная власть к такой организационной работе. Интеллигентные силы могли бы быть пополнены служащими различных правительственных учреждений, но и здесь царит неуверенность, будет ли такое участие допущено [властями, правительством]».¹⁸

В одном донесении в числе причин инертности провинциальных правых организаций называлось слабое «преподание им из петроградских центров соответствующих указаний» («к сожалению, влияние центров осуществляется на местах весьма слабо»)¹⁹

Как отмечал начальник жандармского управления Одессы 15 января 1916 г., «большинство работников правых организаций, называя свою деятельность общественно-правительственной, считают себя обиженными неполучением почетных наград, которые их удовлетворяли бы, как показатель доброго и благожелательного отношения к ним центральной и местной власти, в благодарность за услугу правительству».²⁰

Горечь, а порой и недоумение, связанные «с неблагодарностью» царя, правительства за усердие «присутствовали» в целом ряде документов, отражавших настроение как «верхов», так и «низов правых».²¹

В донесении начальника Черниговского ПКУ от декабря 1915 г., констатировавшем «безжизненность монархических организаций» в губернии, указывались следующие меры, которые могли бы способствовать их возрождению: 1) полное сочувствие чинов губернской администрации; 2) доброжелательное отношение к деятельности начальников воинских частей; 3) денежное пособие, хотя бы на первое время, до 3000 руб. на все 15 уездов губернии; 4) беспрепятственное предоставление помещений народных домов, а также общественных учреждений для собраний организаций; 5) массовое распространение среди населения органов правой печати.²² Указывались и другие способы оживления и расширения деятельности правых организаций. Касаясь такого большого вопроса как отсутствие денег, начальник Казанского ГЖУ писал 19 февраля 1916 г.: «Русское Собрание и Союзы русского народа [местные правые организации] могут мобилизовать свои силы путем создания новых отделов в уездах губернии, где могут найтись преданные Союзу люди. Средства для этого могут быть взяты заимообразно из сумм Попечительства о народной трезвости, которое [помимо] инвентаря и земельной собственности имеет достаточный наличный фонд. Такая мобилизация в результате может дать несколько тысяч преданных Родине и Государю людей».²³ Однако в полицейских или иного рода документах позднейшего времени не были зафиксированы сведения о том, что подобные предложения получили реализацию.

В годы войны изменился и «качественный состав» правых организаций, что было связано не только с оттоком части членов в армию, но и с определенным изменением отношения тех или иных социальных слоев к правомонархическим организациям. Это чутко улавливали и трезво оценивали сами правые. Патриарх правых К. Н. Пасхалов писал Н. А. Маклакову 29 октября 1915 г., менее чем за месяц до разрешенного правительством Совещания правых монархистов:

«...Дворянство осталось совсем в стороне от монархического движения, благодаря безучастию главарей — Самариных, Хомяковых и др. Купец — весь либерал... Только еще среди духовенства находятся епископы сочувствующие. А масса: мелкие лавочники, артельщики, чинуши не выше надворного и ни гроша денег...».²⁴ Эти высказывания Пасхалова подтверждал и дополнял в мае 1916 г. другой видный деятель правых монархистов Н. Н. Тиханович-Савицкий. Он писал: «...Петр Струве дал сигнал беречь бюрократию и отличать ее от «бюрократии» псевдонима (царя), так как большинство ее на их стороне [на стороне либеральной оппозиции]. И мы давно знаем. Две трети наиболее интеллигентного общества и купечества за них, горожане вторят статьям левых газет...».²⁵

Отмечая всесословный характер правых партий и организаций, «союзники» вместе с тем отдавали себе отчет (и это неоднократно фиксировалось в документах), что в большинстве своем СРН и другие правые партии состояли из крестьян, простонародья.

В наброске «Основных Положений народных монархических союзов» Н. Н. Тиханович-Савицкий, касаясь состава правых организаций, писал 8 мая 1916 г., что народные монархические союзы по составу своему «преимущественно союзы простонародные» и должны проявлять заботу о благосостоянии народных масс, под которыми понимались «крестьяне, рабочие, мещане, разные служащие и вообще бедный малосостоятельный люд...».²⁶

Нельзя не заметить, что характеристика состава правых организаций в прошлой литературе давалась весьма тенденциозно — путем исключения по крайней мере части крестьян (беднейших) и безусловного исключения рабочих.²⁷

Полицейские документы 1915—1916 гг. дают возможность представить социальный состав правых организаций различных регионов (имевших к тому же различный уровень экономического развития), организаций городских и сельских. По данным начальника Ярославского ГЖУ от 7 января 1916 г., среди рядовых членов СРН (а их насчитывалось около 500 человек) были мелкие торговцы, преимущественно старьевщики, плотники, шорники, огородники, фабричные рабочие и крестьяне ближайших к городу сел и деревень, представляющие в большинстве случаев людей, хотя и уступающих в умственном развитии рядовым членам оппозиционных групп, но сознательно преданных основной идее Союза».²⁸

О составе Екатеринославского отдела СРН, насчитывавшем 400 человек, говорилось, что его членами являлись «местные домовладельцы, лица купеческого и духовного сословия, рабочие и несколько человек из отставных офицеров русской армии».²⁹

Охлаждение к правомонархическим партиям и организациям и даже отход от них определенных групп различных слоев населения констатировали в годы войны источники, исходившие как от полицейских учреждений, так и непосредственно от правоверных правых. Чем ее можно объяснить подобное явление, имея в виду и то, что мотивы у различных слоев населения могли быть неодинаковыми. На первом этапе многих приверженцев православной веры, самодержавия и русской народности объединяло желание «одолеть» революционное и оппозиционное (либеральное) движение, которое особенно проявило себя в октябре—декабре 1905 г. в связи с объявлением Манифеста 17 октября.

Но со временем положение стало меняться и представители некоторых сословий по тем или иным мотивам стали уклоняться от членства и открытой под-

держки правых партий и организаций, стали «переходить» из активных приверженцев «союзников» в лучшем случае к скрытым их сторонникам. Кроме идейных интересов — приверженности самодержавию, православию и русской народности, — у представителей сословий были и «собственные», корыстные интересы, которые побуждали их в своей практической деятельности изменять прежние позиции в отношении правых партий и организаций, «охладевать» к ним. Этот процесс начался сразу после революции 1905—1907 гг. Его констатировали накануне 1914 г., а в годы Первой мировой войны он получил дальнейшее развитие, имея в основном негативные для правых последствия.

Для простого народа — крестьян и рабочих — притягательной стороной членства в правых организациях была, в частности, возможность обратиться с жалобой и просьбой в легально существующую организацию.³⁰ Известно, что крестьяне неоднократно обращались в руководящие органы правых партий за разъяснениями и советами по поводу реализации столыпинской реформы выхода из общины на хутора и отруба, за поддержкой в тяжбах крестьян с землевладельцами (в годы войны — с землевладельцами-немцами).

Начальник Саратовского ГЖУ в донесении от 8 февраля 1916 г. отмечал, что «некоторые из бывших членов записывались членами, ожидая каких-либо для себя выгод, но не получая их, уходили, находя для себя убыточным платить членские взносы».³¹

В наличии союзнической организации и близости к ней по крайней мере часть крестьян и рабочих видела прежде всего гаранта достигнутого благополучия, реального официального защитника интересов рабочих, крестьянского общества и их ходатая в получении каких-либо «выгод». Но по мере того как помощь от правых организаций рядовые союзники не получали, их интерес к правым организациям нередко не только ослабевал, но подчас и исчезал.

Но был и другой мотив. «Благонамеренные» рабочие в период революции 1905—1907 гг. «смотрели» на «хозяина», на его политические пристрастия, что нередко предопределяло и поведение таких рабочих. Но в дальнейшем, после окончания «революционной смуты» многие предприниматели стали охладевать к правым партиям и организациям и более того — стали усматривать в них потенциальную для себя помеху, опасность в случае возможных трудовых конфликтов на чисто экономической почве (чему способствовали воспоминания о зубатовских организациях первых лет XX в.). И хотя правые организации в годы войны продолжали существовать и действовать на промышленных предприятиях, их число и численность членов сокращались, а предприниматели скорее содействовали этому процессу, нежели прилагали усилия для оживления деятельности правых организаций на своих предприятиях.

Говоря об отходе от правых, который отмечался еще накануне войны (например, на Путиловском заводе), следует сказать, что в годы войны он был связан с увеличением «ножниц» между изначальной программной установкой правых — не принимать участия в массовых выступлениях — и усиливающейся необходимостью рабочих отстаивать свои по крайней мере материальные интересы путем экономической борьбы, стачек. В годы войны, особенно в 1916 г. — начале 1917 г. в стачечном движении — вследствие отставания заработной платы от роста цен на предметы первой необходимости — участвовали подчас все рабочие предприятия, включая, как можно полагать, и членов правых организаций, и просто монархически настроенных рабочих. В Петрограде в конце февраля 1917 г. в

стачечных выступлениях участвовало около 400 тыс. рабочих, т. е. практически все рабочее население, включая и сторонников правых, монархических организаций. Но участвуя в стачках, рабочие-союзники «вступали» в противоречие с партийными установками, требованиями партийного руководства.

Торговец, купец в период революции 1905—1907 гг. был заинтересован в прекращении «смуты», которая «расстраивала» торговлю, была ей помехой. Но после того как уличная борьба завершилась и положение в стране «нормализовалось», интерес купца-торговца к правым организациям стал угасать, оживляясь лишь тогда, когда приходилось решать вопросы конкурентной борьбы о представителями купеческого сословия иной национальности, с иностранцами. В этой связи период первой мировой войны оказался далеко не лучшим временем проявления их тяготения к правомонархическим партиям и организациям. Их прохладное отношение к ним стало более чем очевидным. По полицейским данным, от февраля 1916 г., в Московской губ. (донесение не касалось Москвы) «значительное число... членов означенных организаций, будучи по профессии торговцами, в последнее время всецело отдали себя делам коммерции».³²

Представители первенствующего сословия — дворяне в своем большинстве, естественно, поддерживали принципы правомонархических партий и организаций. Их представители отстаивали эти принципа в Государственном совете и в Думе. Немало дворян было в числе руководителей правых организаций. Но что касается дворян-землевладельцев, помещиков, то их отношение к правым организациям было далеко не однозначным: нередко отношение к правым организациям в деревне, где по соседству находились помещичьи имения, было негативным. Так, организовавшиеся в пределах Хотинского уезда Бессарабский губ. накануне войны подотделы СРН, как сообщалось в донесении начальника ГЖУ от 15 января 1916 г., «совершенно распались при первом ее нажиме со стороны помещиков, недовольных вообще существованием в деревне какой бы то ни было организационной силы (донесение мое в ДП. от 9 апреля 1913 г. № 6579)».³³

Отчасти подобное отношение помещиков к местным правым организациям можно объяснить тем, что на местах общие интересы правых (и дворян-землевладельцев, и крестьян) — отстаивание самодержавия, православия и народности — сопровождалось и противостоянием интересов крестьян и помещиков, касавшихся землевладения, противостоянием, в котором крестьяне нередко пытались заручиться поддержкой правых организаций. Это обстоятельство побуждало некоторых деятелей правых партий из числа дворян (С. А. Вязигина, К. Н. Пасхалова и др.) обращать внимание на необходимость хотя бы какого-то решения аграрного вопроса, в годы войны, в частности, за счет немецкого землевладения: 5 января 1915 г. А. С. Вязигин (председатель правой фракции в III Государственной думе) писал Н. Е. Маркову, председателю Главного Совета СРН-обновленческого и депутату IV Государственной думы: «Народ тяготеет к земле, а не к ограничению власти Государя. Удовлетворение этой тяги Царем должно быть первым очередным делом, ибо искалеченные, потерявшие трудоспособность люди должны быть обеспечены не 2 р. 50 коп. годовой пенсии, а по старинке — раздачей неотчужденной земли, отобранной у немецких колонистов, вознаграждение коих по мирному договору должно быть возложено на немцев. Иначе вся ненависть будет направлена на помещиков».³⁴ Вскоре К. Н. Пасхалов весьма резко отреагировал на закон 2 февраля 1915 г. о ликвидации немецкого земледелия. Он писал Д. А. Хомякову 9 марта 1915 г.: «Закон это такая гнусная

подлость его составителей, что если после войны начнется революция на почве немецкого засилья, то едва ли у правительства найдется много сторонников».³⁵

Однако взгляды, позиции дворян по некоторым вопросам в годы войны в связи со сложившейся экономической и политической ситуацией претерпели изменения. К. Н. Пасхалов, как уже отмечалось, с горечью констатировал в 1915 г., что в годы войны многие дворяне отошли от своих прежних правых позиций.

Лица с княжескими и графскими титулами, принимавшие участие в практической деятельности правых партий, были немногочисленными и к тому же, как правило, «неденежными» (напр., графы Э. И. и А. С. Коновницыны).

Государственные служащие, чиновники, согласно распоряжениям П. А. Столыпина, не должны были занимать по крайней мере руководящие посты в местных правых организациях, дабы не отвлекаться от основной работы. Вместе с тем в циркуляре П. А. Столыпина от 14 сентября 1906 г. чиновникам запрещалось участие не только в «явно революционных» политических партиях, но и в партиях, обнаруживших «стремление к борьбе с правительством».³⁶ Под такую формулировку — при желании — вполне могли подойти правомонархистские партии. Это побуждало чиновников и служащих уклоняться от участия в деятельности правых организаций даже в тех случаях, когда они проявляли симпатии к ним.

Не случайно «Подотдел Железнодорожный» майского съезда 1912 г. сделал в своем Постановлении следующую запись: пожелать, чтобы «вступлению железнодорожных служащих в монархические организации не чинилось их начальством препятствий, что, к сожалению, вопреки существующему приказу по железным дорогам от 8 ноября 1906 г. за № 1265/3011, часто в настоящее время наблюдается».³⁷ Это имело место в довоенное время, в годы же войны на это обстоятельство особенно обращалось внимание во многих полицейских документах.³⁸ Подобные утверждения можно встретить и в донесениях из Смоленской и других губерний. Не случайно в одной из резолюций Совещания уполномоченных правых организаций в Нижнем Новгороде 26—29 ноября 1915 г. было записано: «Обратить внимание правительства на то обстоятельство, что неясность и противоречивость циркуляров об участии чиновников всех без исключения ведомств в монархических организациях дает [основание] многим местным администрациям и начальствующим лицам стесняться и даже совсем воспрещать участие подведомственных им чинов в монархических организациях, и просить правительство по сему поводу ясные и определенные указания на то, что участие чиновников в монархических организациях не только не должно стесняться местными начальниками всех ведомств и учреждений, но всячески ими поощряться».³⁹

Военные-отставники в силу возраста и ухода в армию более молодых прежних помещиков также заметно сокращали работу, а в отдельных случаях даже закрывали отделы.

Интеллигенция в своем большинстве после 1905—1907 гг. склонялась если не к революционному, то к либерально-оппозиционному образу мышления и деятельности и во всяком случае не к право-монархическому. Еще накануне войны (в мае 1912 г.) один из видных деятелей правых монархистов в Киеве священник М. Алабовский отмечал, что «интеллигенция в громадном большинстве как в Киеве, так и в губерниях шла к националистам. Вследствие отлива от Союза русского народа интеллигентных работников, значение его, собственно, должно

уменьшиться». ⁴⁰ Даже та часть интеллигенции, которая сохраняла монархические убеждения, публично сторонилась правых организаций, опасаясь дискредитации со стороны господствовавшего общественного мнения, либеральной, оппозиционной печати, которая, как отмечал начальник Бессарабского ГЖУ от 15 января 1916 г., «зорко следит на местах за деятельностью монархических организаций». ⁴¹

Отмеченные выше сдвиги, изменение прежнего отношения к правым различных социальных групп привели к следующим негативным для правых последствиям: к сужению, сокращению «социальной базы» прежде всего за счет рабочих, интеллигенции, купечества, мещан и отчасти крестьян и даже дворян, к очевидной нехватке интеллектуальных сил, а также материальных средств. Нехватка интеллигенции, служащих, надо полагать, соответствующим образом сказалась и на влиянии правых в таких общественных организациях, как Земгор, ЦВПК и др., сыгравших важную роль в формировании общественного мнения, но в сугубо оппозиционном и враждебном правым духе.

Существенное сокращение численности, «ухудшение» состава правых организаций, а также условия военного времени, ее тяготы и вызванные ими заботы приводили весьма часто к тому, что даже там, где правые организации продолжали формально существовать, они фактически бездействовали. «Организации никакой жизненности не проявляют», — достаточно часто встречавшаяся фраза в донесениях губернских жандармских управлений за 1916 г. ⁴²

В «Записке», подготовленной в кружке А. А. Римского-Корсакова для Николая II в конце 1916 г., констатировалось: «Надо признать, что и правые партии находятся в состоянии летаргии». ⁴³ Эта «мягкая» формулировка сохраняла надежду, что в случае необходимости («когда гром грянет») правые выйдут из летаргического сна и отстоят исповедуемые ими устои. Надежда на это сохранялась в среде по крайней мере части правых. ⁴⁴ Но выйти из кризиса правым было не суждено.

Конечно, на кризис правых партий и организаций и их крах в февральско-мартовские дни 1917 г. оказала влияние не только война, а комплекс разнородных причин, начавших действовать в более раннее время. Это и спад революционного движения после 1905—1907 гг., и политика премьера Столыпина, не желавшего терпеть возле себя «второе правительство», и «расщепление», разъединение правых, и равнодушное, а нередко и недоброжелательное отношение местных властей, и усиление распри в среде самых правых на почве получения правительственных средств отдельными группами и лицами (достаточно сказать, что накануне и в годы войны действовали два СРН, кроме других правых партий и организаций), и ослабление внимания к правым царя, интересы которого они так ревностно отстаивали, и непонятное для правых отречение Николая II и др. ⁴⁵ Но вместе с тем уменьшение численности членов и «ухудшение качественного состава» правых партий и организаций под влиянием обстоятельств военного времени и самого хода общественного движения явилось одной из далеко не последних по важности причин кризиса и краха правых в начале 1917 г., когда — не в пример 1905—1907 гг. — в критическое для монархии время не произошло ни одного массового уличного выступления в защиту монархии, династии и Николая II.

Война, которая, казалось бы, объединила население под лозунгом защиты Отечества, православной веры, монарха, вместе с тем явилась для самих правых

партий и организаций разрушающим их фактором, ослабив их состав и превратив их в конечном счете в недееспособные партийные объединения, потерявшие какую-либо значимость в общественном движении.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Правые партии. Сб. документов и материалов: В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 157.
- ² См., напр.: Постановления Всероссийского съезда СРН и примыкающих к нему монархических организаций в Москве 21 ноября — 1 декабря 1911 г. (Правые партии. Т. 2. С. 84).
- ³ См.: Правые партии. Т. 2. С. 92.
- ⁴ См. разосланный в августе 1915 г. Н. Н. Тихановичен-Савицким в местные организации «Вопросник» (ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 858, л. 39; Союз русского народа. М.; Л., 1929. С. 334; Правые партии. Т. 2. С. 453).
- ⁵ Правые партии. Т. 2. С. 92.
- ⁶ *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977. С. 167.
- ⁷ *Королева Н. Г.* Помещичье-монархические организации в 1905—1907 гг. // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 104.
- ⁸ *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905—1914 гг.) М., 1992. С. 105, 108, 109; Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в. Энциклопедия. М., 1996. С. 576 (410 тыс.).
- ⁹ Данные за конец 1907 — первую половину 1908 г. см.: ВИ. 1997. № 6 и № 8; см. также: Правые партии. Т. 1. С. 610-625. Данные за конец 1915 — начало 1916 г. см.: Отечественные архивы. 1995. Т. 6; Исторический архив. 1995. № 5—6; ВИ. 1996. № 3, 4, 7; Правые партии. Т. 2.
- ¹⁰ Подобные братства были близкими к правым организациям, но все же особыми, более широкими, непартийными структурами (см.: Протокол Разряда Церковного V Всероссийского Съезда Русских людей от 19 мая 1912 г. // Правые партии. Т. 2. С. 199, 200, 254), целью которых в частности являлась «защита православия и русской народности от католичества и полонизма».
- ¹¹ *Степанов С. А.* Численность и состав черносотенных союзов и организаций. Приложение № 1: Территориальные размещения монархических организаций в России в годы революции 1905—1907 гг. // Политические партии России в период революции 1905—1907 гг. Количественный анализ. Сб. статей. М., 1987. С. 277.
- ¹² ВИ. 1996. № 4. С. 149.
- ¹³ Правые партии. Т. 2. С. 688.
- ¹⁴ См.: Колокол. Пгр. 1916. 22 октября; Вечернее время. Пгр. 1916, 20 октября; ГАРФ, ф. 102, 4 делопроизводство, 1915 г., д. 110, л. 259 а, 265.
- ¹⁵ Правые партии. Т. 2. С. 659, 661, 701.
- ¹⁶ ВИ. 1996. № 4. С. 136.
- ¹⁷ Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 55.
- ¹⁸ ГАРФ, ф. 102, 4 делопроизводство. 1915 г. д. 151, л. 88—89.
- ¹⁹ ВИ. 1996. № 4. С. 142.
- ²⁰ ГАРФ, ф. 102, 4 делопроизводство, 1915 г., д. 151, л. 50.
- ²¹ См.: Правые партии. Т. 2. С. 126, 533, 594, 615, 634, 664; Источник. М., 1995. № 6. С. 21.
- ²² ГАРФ, ф. 102, 4 делопроизводство, 1915 г., д. 151, л. 154.
- ²³ ВИ. 1996. № 4. С. 150.
- ²⁴ Минувшее. Исторический альманах. Т. 14. М., СПб., 1993. С. 169.
- ²⁵ Там же. Т. 14. С. 188.
- ²⁶ Минувшее. Т. 14. С. 196.
- ²⁷ *Спирин Л. М.* Указ. соч. С. 168.
- ²⁸ Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 55.
- ²⁹ ВИ. 1996. № 4. С. 146.
- ³⁰ ГАРФ, ф. 102, 4 делопроизводство, 1915 г., д. 151, л. 91.
- ³¹ ГАРФ, ф. 102. 00. 1908 г. д. 5. Ч. 34. л. 187.
- ³² ВИ. 1996. № 4. С. 148.
- ³³ ВИ. 1996. № 3. С. 164.
- ³⁴ Исторический архив. М., 1994. № 5. С. 37; Источник. М., 1995. № 6. С. 9.
- ³⁵ Источник. М., 1995. № 6. С. 9.
- ³⁶ РГИА, ф. 1284, оп. 187, 1906, д. 157, л. 306.
- ³⁷ Правые партии. Т. 2. С. 213—214.
- ³⁸ ВИ. 1996. № 3. С. 148.
- ³⁹ Правые партии. Т. 2. С. 506.
- ⁴⁰ ГАРФ, ф. 102, 4-е делопроизводство, оп. 265, 1912 г., д. 569, л. 1381.
- ⁴¹ ВИ. 1996. № 4. С. 155.
- ⁴² Правые партии. Т. 2. С. 589; ГАРФ, ф. 102, 4-е делопроизводство, 1916 г., д. 1070, л. 81; Минувшее. Т. 14. С. 156; ВИ. 1996. № 3. С. 158—160.
- ⁴³ ВИ. 1996. № 4. С. 142 (Воронежская губ.).
- ⁴⁴ Там же. № 4. С. 145 (Смоленская губ.), С. 152 (Херсонская губ.) №7. С. 109 (Курская губ.); С. 110 (Рязанская губ.); С. 111. (Уфимская губ.).
- ⁴⁵ См. подробнее: *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 79—94.

И. В. Лукоянов

КАМАРИЛЬЯ

Многие авторы, занимавшиеся историей Первой мировой войны, писали о камарилье как важной составной части кризиса власти в России. Удивительно, но меньше всего внимания было уделено определению того, что же это такое — камарилья? Большинство историков использовало (иначе и не могло быть) соответствующую цитату из сочинений В. И. Ленина. Лидер большевиков называл камарилью придворной и характеризовал ее как закулисное, второе правительство, существующее «во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом» и всегда опирающееся «на самые реакционные слои общества».¹ Однако в состав этого «второго правительства» исследователи почему-то включали в первую очередь представителей «первого»: В. Б. Фредерикса (министра императорского двора), А. С. Танеева (главноуправляющего собственной Его Императорского Величества канцелярией — должность, приравненная к министерской), В. Н. Орлова (начальника военно-походной канцелярии Николая II до 27 августа 1915 г. — также уровень министра).²

Среди историков нет единства в оценке влиятельности камарильи. В последнее время наметилась тенденция на развенчание зловещего и всевластного образа «тайного правительства», созданного еще публицистикой предреволюционных и революционных лет и поддержанного многими историками в 1920-е гг., например М. Н. Покровским и В. П. Семенниковым. Г. З. Иоффе склонен видеть в камарилье группу лиц, подобравшихся к трону и ищущих прежде всего корыстной выгоды, но неспособных проводить какую-либо осознанную и разработанную политику.³

А. Я. Аврех не делал никакого различия между камарильей и олигархией.⁴ Он полагал, что говорить серьезно о влиянии камарильи следует лишь с 1915 г. Но ведь Николай II, чьи личные качества, по мнению А. Я. Авреха, способствовали формированию камарильи, к тому времени находился на троне уже 20 лет. Получается, что камарилья в России смогла заявить о себе лишь благодаря тяжелой войне и сильному политическому кризису 1915 г. Однако такое заключение никак не вытекает из ленинского определения, на котором основывал А. Я. Аврех свои рассуждения. Не сумев найти точное определение камарильи, он не склонен был преувеличивать ее значение, отмечая, что возможности камарильи в основном не простирались далее кадровых назначений. С другой стороны, Аврех кон-

статировал влияние Александры Федоровны и Распутина на всю внутреннюю политику, соглашаясь с формулой: «царем управляла царица, а ею — Распутин».⁵

Неопределенность в представлениях о «камарилье» заставляет подумать: а стоит ли вообще использовать этот термин? Некоторые историки избегают употреблять это слово, однако следует не отказываться от понятия «камарилья», а дать ему точное определение.

Камарилья — это прежде всего не предусмотренная законодательством система принятия и реализации важных политических решений, за которой стоят безответственные (то есть, не занимающие ключевых постов в административном аппарате) и некомпетентные лица, получившие доступ к царю или крупнейшим сановникам. Личный характер влияния этих людей дает им возможность действовать без контроля бюрократии. Иначе говоря, камарилья — это неофициальные влияния безответственных «людей ниоткуда», парализующие обычную деятельность управленческого аппарата.

Такое определение камарильи позволяет не только четко разграничить ее с понятиями олигархии или верхушки общества, но и проследить историю ее формирования.

Сначала разграничим окружение царя и «людей ниоткуда». Близкие любому российскому самодержцу люди — это не только его родственники, но также представители знати и верхушки бюрократии — десятки людей. Всех их объединяет высокий общественный статус. Каждый монарх выбирал из этого круга тех, чьи взгляды и суждения казались ему особенно близкими. Таким образом некоторые представители истеблишмента в условиях абсолютистского государства (отсутствие основного закона и разделения властей) неизбежно получали огромное влияние на ход дел, далеко не всегда занимая при этом соответствующие государственные посты. По-видимому, это еще одно неизбежное следствие абсолютизма, когда вся полнота власти сосредоточивается в руках одного человека и он чисто физически не в состоянии с ней справиться и вынужден ею делиться.

Однако круг этих царских фаворитов замыкался на его близком окружении, к тому же в большинстве случаев наиболее авторитетные для императора персоны получали те или иные государственные посты, сопоставимые с масштабом их влияния. Так продолжалось до конца XIX века.

Начало формирования камарильи следует отнести к эпохе Александра III. По сравнению с 60—70-ми гг. XIX века, «в приемах царствования» миротворца произошли значительные изменения: по мнению такого вдумчивого и информированного наблюдателя, как А. А. Половцов, исчезло преклонение перед старыми порядками и появились неведомые и случайные силы, влияющие «на течение жизни».⁶ Половцов связывал эти новые явления с появлением на посту министра финансов И. А. Вышнеградского, сколотившего состояние темными махинациями, к которому немедленно потянулась сомнительная публика.

Однако вернее было бы усматривать проявления этих «случайных и неведомых сил» прежде всего в некоторых эпизодах внешней политики России второй половины 80 — начала 90-х гг. XIX в. В конце 1888 г. казак Николай Ашинов с вооруженным отрядом из 150 добровольцев высадился в Эфиопии на территории французской колонии, занял полуразрушенное укрепление Сагалло и водрузил там российский флаг. Французы после недолгих раздумий пленили отряд и депортировали добровольцев. Российский МИД открестился от них, но вопрос, откуда взялся Н. И. Ашинов, несколько месяцев будоражил Францию.⁷

Правительство России было вполне осведомлено о его предприятии. Главным покровителем авантюриста был, по-видимому, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев. Он не питал особых иллюзий относительно личности казака, но сравнивал его с Христофором Колумбом⁸ и считал, что такой головорез наиболее удобен в данном деле.⁹ Именно К. П. Победоносцев передавал послания Н. И. Ашинова в руки Александра III.¹⁰

Н. И. Ашинов намеревался создать Русско-Африканскую компанию на захваченной территории, чтобы в удобный момент передать управление присвоенными землями русскому правительству.¹¹ Эту программу одобрил Александр III. Министр иностранных дел Н. К. Гирс был категорически против подобных действий, понимая, к каким результатам они могут привести. Поэтому с разрешения царя и в обход МИД арсенал Морского министерства в Севастополе выдал Н. И. Ашинову оружие. Ему был предоставлен пароход «Добровольного флота».

Однако стоило русским «колонизаторам» провалиться со своей авантюрой, как и Александр III, и К. П. Победоносцев от них открестились. Обер-прокурор Синода занял позу оскорбленной невинности: им якобы «никогда не было оказываемо Н. И. Ашинову ни одобрения, ни покровительства».¹² Царь в свойственной ему манере обозвал Н. И. Ашинова скотом и потребовал от МИД срочно убрать его из Эфиопии.¹³ Гнев Александра III был вызван даже не столько неудачей Ашинова, сколько тем, что тот открыто ссылался на высочайшее разрешение захватить Сагалло.

Международный скандал удалось быстро замять: Франция, настроенная на союз с Россией, решила не придавать значения этому эпизоду. Между тем история с Н. И. Ашиновым была едва ли не первым примером того, как самодержавная власть в России решилась использовать «человека ниоткуда» для достижения желательной цели, так как другой путь был невозможен. Важно, что во всей этой истории ярко проявилось недоверие самодержца к МИД. Антибюрократическая риторика и показной национализм царизма приносили первые и уже очень опасные плоды.

В 90-е гг. XIX в. «доктор тибетской медицины» и в будущем крупный политический интриган П. А. Бадмаев служил мелким чиновником в Азиатском департаменте МИД. 13 февраля 1893 г. он подал Александру III записку с предложением протянуть от строящейся Сибирской железной дороги ветку вглубь Китая, поднять там восстание монголов и тибетцев против власти Цинов и затем, «совершенно частным образом», присоединить большую часть Китая к России.¹⁴ Записка попала на стол к императору благодаря посредничеству С. Ю. Витте, с августа 1892 г. министра финансов, который искал новые, оригинальные идеи. Вряд ли Витте разделял все фантастические суждения «доктора тибетской медицины», но сам замысел проникновения вглубь Китая был созвучен его мечтам создать на Востоке обширный рынок для сбыта продукции быстро растущей российской индустрии.

Александр III был восхищен, но с «трудом верил» в возможность успеха. Однако это не помешало ему поддержать разработку идеи Бадмаева в тайне от МИД. П. А. Бадмаеву для начала реализации его замыслов было выдано 2 млн. казенных рублей.

При Николае II деятельность доктора тибетской медицины не только продолжилась, но и получила развитие. В конце 1896 г. Бадмаев выпросил обещание еще одной ссуды в 2 млн. рублей, и царь обещал также дать соответствующим ведомствам поручения оказать Бадмаеву конкретное содействие.¹⁵

Бадмаевская авантюра могла стать куда более скандальной, чем Ашиновская, однако не дошла до завершающей стадии. Витте использовал все свое влияние, чтобы не допустить выдачи П. А. Бадмаеву второй ссуды, прямо заявляя, что не намерен потворствовать растрате бюджетных денег (от поддержки авантюры Витте прямо отказался в октябре 1895 г.).¹⁶ Из-за отсутствия средств бадмаевский прожект угас.

Эти и некоторые другие события второй половины 80 — начала 90-х гг. (планы Н. Н. Миклухо-Маклая создать русскую колонию в Полинезии и интерес к этому Александра III,¹⁷ деятельность П. И. Рачковского во Франции и т. д.) показали, что самодержавие в России стало на опасный путь осуществления политических планов неофициальным путем. Само по себе намерение действовать подобным образом не заслуживает огульного осуждения, нечто подобное пытались делать, например, англичане, приобретая новые колонии с помощью Chartered Companies. Однако британская тактика была следствием развития в стране финансового капитала и постепенного перехода к новому, экономическому колониализму. В России же подобные условия еще не созрели. Царское министерство иностранных дел действовало по старым рецептам, исповедуя «чистую дипломатию» и плохо понимая важность экономики, финансовых вопросов, борьбы за рынки.¹⁸ Косвенным отражением кризисного состояния МИД стало появление подобных авантур и попытки их реализовать. Условия конца XIX в. требовали принципиально новых приемов деятельности, которые министерство было не в состоянии осуществить. Поэтому власть и обращалась к услугам всякого рода проходимцев. И те, кого ранее не пустили бы на порог к знатым особам, оказались желанными посетителями сановных кабинетов.

Справедливости ради надо отметить, что контроль верховной власти позволял до поры до времени сдерживать напор авантюристов и смягчать последствия их действий. О том, что попытки несанкционированных действий могли быть жестко пресечены, свидетельствует пример Е. В. Богдановича. Этот преуспевающий чиновник МВД в декабре 1886 г. отправился на лечение во Францию. Там он встречался с военным губернатором Парижа генералом Сосье, президентом Франции Греви, и в ходе неофициальных переговоров Богданович заявил, что Россия ничего не имеет против нового кабинета Флоке. Очевидная бестактность Богдановича состояла в том, что он действовал с согласия и по поручению М. Н. Каткова, но без ведома МИД и Александра III, что привело в ярость самодержца: по возвращении из Франции Богданович был немедленно уволен в отставку. Хотя царь вскоре смягчил опалу (все-таки сближение с Францией действительно стояло в повестке дня русской дипломатии), карьера Е. В. Богдановича была сломана, а полную «реабилитацию» он получил уже от Николая II, начало царствования которого только способствовало развитию явлений, оформившихся при Александре III. Некомпетентность молодого монарха и сильное давление на него со стороны родственников и окружения отца в конечном итоге создали благоприятную почву для всякого рода интриг, но становление механизма неофициальных влияний заняло несколько лет.

Важный рубеж в формировании камарильи стал в 1898 г., узловой момент царствования Николая II. В то время определялось направление политического курса и происходила ожесточенная схватка за власть. Главным оказался вопрос о дальневосточной политике. Захват Порт-Артура в декабре 1897 г., предпринятый по настоянию министра иностранных дел М. Н. Муравьева, положил конец мо-

нополии министра финансов С. Ю. Витте на ведение дальневосточных дел и заставил его пересмотреть свои планы — в частности, отказаться от активной политики в Корее. Неофициальные оппоненты С. Ю. Витте группировались вокруг отставного гвардейского офицера А. М. Безобразова. Они настаивали на превращении Кореи в бастион российских дальневосточных рубежей.¹⁹ Метод проникновения А. М. Безобразова к Николаю II — копия действий П. А. Бадмаева, но на сей раз роль посредников сыграли И. И. Воронцов-Дашков и великий князь Александр Михайлович. Отстраненные незадолго до этого от государственной деятельности, они решили вернуться в «большую» политику с черного хода.

Авантюра безобразовцев продвинулась значительно дальше, чем у предшественников. Нельзя сказать, что для своей деятельности они имели карт-бланш, но с их мнением Николай II считался на протяжении пяти лет. Эта группа требовала проведения активной политики в Корее и противодействовала китайским замыслам С. Ю. Витте. В 1898—1899 гг. безобразовцы с согласия Николая II послали в Корею две секретные экспедиции. Их финансирование и приобретение лесной концессии в Северной Корее осуществлялись на средства Кабинета Его Императорского Величества. Однако успехи безобразовцев в 1898—1902 гг. были лишь частичными, поскольку С. Ю. Витте, министр иностранных дел В. Н. Ламздорф и в какой-то степени военный министр А. Н. Куропаткин мешали им развернуться.

Перелом наступил лишь в 1903 г., когда стало ясно, что политика экономического проникновения в Китай закончилась провалом. Наученные опытом долгой борьбы, безобразовцы настояли перед Николаем II на создании автономной системы управления Дальним Востоком — наместничества. Все рычаги управления окраиной изымались из ведения министерств и передавались на месте наместнику, а в столице — специально созданному Комитету Дальнего Востока под председательством царя. Эта реорганизация власти сопровождалась хаосом и неразберихой. Безобразовцам не удалось до конца реализовать свои планы: наместничество существовало во многом на бумаге, а Комитет Дальнего Востока так ни разу и не собрался. Да и наместник — генерал-адмирал Е. И. Алексеев хотя и был близок по взглядам безобразовцам, но не намеревался играть роль марионетки в их руках. Самым скверным итогом их действий стало разрушение единого управления русской внешней политикой, когда МИД был фактически отстранен от ведения всех дальневосточных дел. Неразбериха не только мешала своевременно принимать внешнеполитические решения, но и позволила японцам в ходе переговоров 1903 — января 1904 гг. обвинить Россию в том, что она сознательно затягивает переговоры. Так был создан повод для начала катастрофической войны с Японией.

1898 г. также ознаменовался мощной схваткой между несколькими группировками, боровшимися за перераспределение министерских постов и предел сфер влияния. Прежде всего С. Ю. Витте предпринял мощную и неожиданную атаку против министра внутренних дел И. Л. Горемыкина, желая провести на этот пост благоприятную для себя фигуру. Поводом явился вопрос о земстве в России и совместимость этого института с самодержавием. В схватке столь значительных фигур многие приняли участие, активнейшую роль сыграл великий князь Александр Михайлович. Обиженный не только удалением от государственных дел, но и тем, что С. Ю. Витте не позволил ему получить нефтеносные участки на Каспии, великий князь предпринял выпад против политики министра финансов по привлечению иностранных капиталов в экономику России. Алек-

сандр Михайлович использовал в этой атаке записки А. А. Клопова и С. Ф. Шарапова о вреде иностранных денег. С. Ю. Витте ответил представлением Николаю II обстоятельной записки Д. И. Менделеева. В этой «битве документов» министр финансов победил: великому князю и его перьям не удалось изменить экономический курс империи.²⁰

В это же время неутомимый Александр Михайлович решил использовать традиционное недоверие российских монархов к бюрократии. Он предложил Николаю II создать систему его неофициального информирования о «действительном» положении дел в империи. Для начала А. А. Клопов, мелкий чиновник, лично известный великому князю, был отправлен с согласия самодержца «ревизовать» конфликт в Туле между губернатором и земством. Однако и эта попытка Александра Михайловича закончилась неудачей: дружное сопротивление сановного мира заставило Николая II отступить, Клопов получил лишь возможность писать лично «в высочайшие руки», чем пользовался на протяжении почти двух десятилетий.²¹

Политические события 1898 г. показали, что «личности ниоткуда» стали непременным орудием в борьбе за влияние. Хотя их участие в событиях 1898 г. вряд ли играло решающую роль, все же их усиление было налицо. Но особенно тревожило то обстоятельство, что ряд важнейших государственных проблем стал предметом политического торга.

В 1902 г., чтобы как-то остановить свое падение, С. Ю. Витте также воспользовался услугами «людей ниоткуда». Он помирился с А. А. Клоповым, которому противодействовал в 1898 г. Клопов же, пользуясь своим правом писать прямо в высочайшие руки, стал расхваливать Витте перед Николаем II, а в 1904 г., уже после отставки министра финансов, усиленно, но безуспешно представлял его наилучшим кандидатом в министры внутренних дел. В 1902 г. С. Ю. Витте также помирился на время с известным правым публицистом С. Ф. Шараповым. В 80-е гг. они оба были авторами аксаковской «Руси». В 1893 г. в дискуссии о судьбе общинного землевладения С. Ю. Витте занял охранительную позицию. Составление записки в соответствующем духе было поручено С. Ф. Шарапову. Однако что-то в их отношениях не сложилось, записку заканчивали уже А. Н. Гурьев и Г. П. Сазонов, а С. Ф. Шарапов был вскоре уволен из Министерства финансов. С тех пор публицист систематически поносил в прессе экономический курс С. Ю. Витте, будь то золотая реформа, крестьянский вопрос или проблемы бюджета. В 1902 г. С. Ю. Витте и С. Ф. Шарапов сделали шаги навстречу друг другу: министр финансов пообещал С. Ф. Шарапову выделить 50 тыс. казенных рублей на затеянное публицистом производство плугов, а С. Ф. Шарапов не только прекратил резкие выпады против него в печати, но и стал его политическим агентом. И вместе с князем М. М. Андрониковым чье посредничество в их примирении стало началом его бурной политической карьеры, трудился на политической ниве во благо Витте.²² С лета 1902 г. они вели интриги против министра внутренних дел В. К. Плеве, извечного соперника Витте. В начале 1903 г. они приняли активное участие в попытке организовать травлю еще одного недруга Витте — министра юстиции Н. В. Муравьева, пытаясь раздуть «дело Татьяны Золотовой».²³ Но успех их действий был невелик: ни Плеве, ни Муравьеву все это серьезно не повредило, хотя и шуму было достаточно, а вот Витте от отставки не спасло.

1898—1903 гг. можно рассматривать как время складывания камарильи. Участие подобных личностей в политике самодержавного государства — верный индикатор болезни власти, кризиса системы управления. Однако процесс формирования и усиления камарильи в это время не был необратимым. Свидетельство тому премьерство П. А. Столыпина, когда атмосфера в верхах стала чище. Всякого рода проходимцам путь на вершину исполнительной власти был в основном перекрыт. Столыпин не реагировал на обращения «людей ниоткуда», и в этом отношении показательна злоба на него М. М. Андронникова.

Только политический закат П. А. Столыпина вызвал оживление проходимцев. В постстольпинскую эпоху возшла звезда самого удачливого из них — Г. Е. Распутина. Его появление было в первую очередь следствием семейных проблем Николая II, а именно, рождения в июле 1904 г. долгожданного наследника Алексея, больного гемофилией. Бессилие медицины и отчаяние родителей сразу открыло путь в царскую семью тем, кто мог их утешить и тем более облегчить страдания ребенка. Таким человеком оказался «старец Григорий». В царской семье он впервые появился в ноябре 1905 г.²⁴

Распутин считается ярчайшим олицетворением «темных сил», но вопрос о его реальном влиянии на государственные дела остается дискуссионным: диапазон мнений — от признания за ним полного господства в политике (М. Н. Покровский, В. П. Семенников) до отрицания его влияния на курс власти вообще (Г. З. Иоффе: Распутин «улавливал черносотенные склонности и желания „царствующих особ“ и довольно тонко подыгрывал им»). Он «был скорее проводником определенных влияний на „носителей власти“, но характер и размер этих влияний ни в коем случае не следует доводить до общегосударственных масштабов».²⁵ Правильная оценка роли Распутина находится между этими полюсами.

Необразованный Распутин совершенно не разбирался в политике и объективно не мог проводить никакого политического курса, однако это не означает, что он совсем не имел политических взглядов и суждений. Он был заинтересован в сохранении своего положения — интимного друга царской семьи, а значит и в сохранении status quo, стабильности режима и вполне осознавал это. Указанные обстоятельства и определили его подход к государственным делам.

С 1911 г. отмечается несомненное влияние Распутина на назначения министров.²⁶ И, по-видимому, несколько ранее — на определение на различные церковные должности. До 1915 г. это влияние, вероятно, носило эпизодический характер и состояло в желании не допускать к рычагам управления своих открытых врагов и недоброжелателей. Однако он не имел решающего голоса при отставках и назначениях ключевых фигур: так, ему не нравился П. А. Столыпин, но его уход из политической жизни никак не связан с Г. Е. Распутиным, а устраивающие его И. Л. Горемыкин и Б. В. Штюрмер продержались не так уж долго — и опять по причинам, не связанным с Г. Е. Распутиным.²⁷ Зато не смог сместить Г. Е. Распутин А. Ф. Трепова, которого рассматривал как недоброжелателя, потому что он мешал действовать А. Д. Протопопову и с которым не смог «договориться». А. Ф. Трепов был отставлен уже после убийства «старца».

В отношении же общих политических идей у Г. Е. Распутина, по-видимому, действовал принцип: не навреди. Его противодействие вступлению России в Первую мировую войну (кстати, опять неудачное) хорошо объясняется стремлением к сохранению стабильности. Главными опасностями для царской семьи (читай: для себя) Распутин видел их родственников и Думу, испытывая особую

ненависть к А. И. Гучкову — по-видимому, за его кампанию в прессе против себя еще в 1912 г. Не очень понимая природу и статус Думы, Распутин опасался ее главным образом потому, что именно из ее стен выходили главные разоблачения против него. Предложения Распутина относительно Думы были парадоксальны: он одновременно предлагал Николаю II и распустить Думу, и посетить ее. Царское посещение Таврического дворца 9 февраля 1916 г. многие исследователи приписывают влиянию Распутина. На самом деле за несколько дней до царского визита к нему с такой же идеей обратился А. А. Клопов.²⁸ Поскольку Николай II видел в Клопове своеобразный индикатор общественного мнения, можно предположить, что идея Распутина попала в струю размышлений самодержца «бросить кость» общественному мнению, как он это делал и ранее, например, в 1902—1903 г. в ходе подготовки Манифеста 26 февраля 1903 г. Пожалуй, в большей степени Распутин влиял на действия своих ставленников. Во всяком случае его опасение голода нашли прямое отражение в программе и действиях А. Д. Протопопова. Интересно, что Распутин негативно относился к крайне правым — те платили ему взаимностью. Поэтому в 1916 г. он успешно предпринял интригу с целью убедить императрицу в том, что В. М. Пуришкевич — лютей враг ее и всей царской семьи.

Несомненно, что сильное воздействие Распутин оказывал на Александру Федоровну. Но она все-таки не принимала ключевых решений и даже в моменты отъезда в Ставку Николая II предпочитала заниматься более частными делами, казавшимися ей важными, вроде определения размера платы за трамвай в столице или способа очистки туалетов в поездах. Единственный — пока, правда, совершенно неизученный эпизод — это их совместная попытка начать сепаратные переговоры с немцами в 1916 г. втайне от Николая II.

В общем, Распутин ограничился в основном влиянием на назначения и на отдельные политические вопросы, правда, далеко не всегда удачно. Но с этим его воздействием надо серьезно считаться. Еще более опасно было то, что среди его окружения были люди, стремящиеся влиять на политику.

Доктор тибетской медицины П. А. Бадмаев после неудачного дальневосточного предприятия 90-х гг. опять оказался на политической поверхности во время Первой мировой войны. Его «всплытие» — результат удачной смены курса в 1912 г., когда он поначалу поддерживал Илиодора, но, точно оценив перспективу, поменял свою позицию и стал «союзником» Распутина. «Старец» был также заинтересован в союзе с Бадмаевым. По-видимому, с 1912 г. он давал Распутину порошки, помогавшие останавливать кровотечение царевича Алексея. Конечно, отношения Распутина и Бадмаева были далеки от дружбы или доверия, но они нуждались друг в друге, это и скрепляло их союз.

Более образованный и опытный Бадмаев играл для Распутина роль эксперта по кадрам. Кандидаты во власть извлекались преимущественно из числа его пациентов: в начале 1916 г. он для «сплочения многих» вокруг трона предлагал назначить премьером С. Е. Крыжановского, а министром внутренних дел — А. Д. Протопопова.²⁹ Одновременно Бадмаев постоянно протезировал другого своего пациента — П. Г. Курлова, но никак не мог определить ему место.³⁰ В отличие от Распутина, Бадмаев не жаловал Б. В. Штюрмера и желал сместить его — якобы потому, что премьер мешал А. Д. Протопопову.³¹ Так же как и Распутин, Бадмаев ненавидел А. Ф. Трепова и подготовил донос о «союзе» его с Родзянко, с советом разогнать Думу и правительство или по крайней мере значительно изменить состав Совета министров.³²

Своей политической программы Бадмаев также не имел. Отдельные его суждения высказаны в записках и брошюрах. Предрекая русской армии в 1915 г. отступление до Урала, он предлагал заняться организацией партизанского движения на оккупированной территории³³ и создать комиссию по расследованию нарушений немцами Гаагских соглашений.³⁴ В 1916—1917 гг. П. А. Бадмаев рискнул заняться общими вопросами политико-экономического положения, однако ничего кроме личной приверженности уваровской триаде «православие, самодержавие и народность»³⁵ да повторения своей излюбленной идеи о необходимости «просвещенного» устройства сельского хозяйства в России³⁶ он так и не смог предложить.

Таким образом, камарилья, ее появление и развитие напрямую связаны с кризисом самодержавной власти. Причем кризис — это совсем не обязательно разложение, это и поиск нового. Однако в империи, где публичная политика была невозможна, всякие политические действия часто получали извращенную форму. Так, в земстве собрались либералы, и оно стало центром умеренной оппозиции режиму вместо того, чтобы заниматься делами местного хозяйства. Вырождение общественного мнения под прессом абсолютизма во всякого рода квази-советы, квази-обсуждения — это также прямой путь к камарилье.

Прослеживается прямой путь от доктрины славянофильства и ее ответвлений к камарилье. Обязательные составляющие этого пути — национализм, антибюрократическая риторика, призывы к близости самодержавия и народа. Участники камарильи — это прямые наследники И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, Р. А. Фадеева, а некоторые из них вышли из этого круга (С. Ф. Шарапов).

Личные качества царя и членов его семьи оказались стимулом для быстрейшего формирования камарильи. Некомпетентность Николая II, его скрытность, упрямство вместо воли, стремление заигрывать с общественным мнением — все это объективно расшатывало систему самодержавной власти. При Александре III превращение отдельных эпизодов в целую систему, окружавшую царя, было просто немислимо.

В России времени Первой мировой войны появился новый тревожный симптом. Если ранее «личности ниоткуда» с пустыми карманами зависели целиком от благорасположения власти и ее денег, то вокруг Г. Е. Распутина начал формироваться круг банкиров (Д. Л. Рубинштейн, И. П. Манус, З. Жданов). Слияние этой публики с финансистами было опаснейшим шагом в развитии камарильи. Она явно выходила из-под контроля верховной власти.

Но в оценке влияния и степени могущества камарильи в России даже к 1917 г. не должны превалировать нотки необратимости. Да, власть пребывала в глубочайшем кризисе, но она не была еще заменена камарильей, хотя дело шло именно к этому. Смена большинства ключевых фигур власти во главе с Николаем II могла остановить победное шествие камарильи. Но популярная идея «дворцового переворота» оказалась бесконечно далекой от осуществления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 46. Разрядка моя. — И. Л.

² *Аврех А. Я.* Указ. соч.; *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. С. 21; *Ерош-*

кин Н. П. Самодержавие накануне краха. М., 1975. С. 54—55 и др.

³ *Иоффе Г. З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 27—30.

⁴ *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 66.

- ⁵ Там же. С. 40.
- ⁶ *Половцов А. А.* Дневник // Красный архив. 1931. Т. 3(46). С. 111; Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 2. С. 25.
- ⁷ *Хренков А. В.* Эфиопская миссия Николая Ашинова. М., 1987.
- ⁸ *Ламздорф В. Н.* Дневник 1886—1890. М.; Л., 1926. С. 122.
- ⁹ Письма Победоносцева Александру III. М., 1926. Т. 2. С. 187—188.
- ¹⁰ Н. И. Ашинов — К. П. Победоносцеву. 22 ноября 1888 г. РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 518, л. 1—2.
- ¹¹ *Ламздорф В. Н.* Указ. соч. С. 132—133.
- ¹² К. П. Победоносцев — Александру III. 12 января 1889 г. // К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Полумом 2. С. 903.
- ¹³ *Ламздорф В. Н.* Указ. соч. С. 124.
- ¹⁴ За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925.
- ¹⁵ П. А. Бадмаев — Николаю II. 16 декабря 1896 г. РГИА, ф. 1626, оп. 1, д. 207, л. 1—2. На письме есть пометы Николая II, с указанием ведомств, которые должны заняться просьбами Бадмаева.
- ¹⁶ Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте 3 октября 1895 г. ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 688.
- ¹⁷ Источник. 1996. № 5. С. 42—47.
- ¹⁸ Коммерческие знания вообще не считались необходимыми для чиновников МИД. Главное внимание на дипломатическом экзамене уделялось качеству почерка. См.: *Гейкинг А. А.* Четверть века на российской консульской службе 1892—1917. Берлин, 1921. С. 34, 40—41).
- ¹⁹ *Романова Б. А.* Россия в Маньчжурии 1892—1907. Л., 1928; *Пак Чон Хе.* Русско-японская война 1904—1905 и Корея. М., 1997.
- ²⁰ *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., 1981. С. 220—221.
- ²¹ *Лукоянов И. В.* Тайный корреспондент Николая II А. А. Клопов // Из глубины времен. СПб., 1996. Т. 6. С. 64—85.
- ²² РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 258.
- ²³ В Кубанской области судебные чины изнасиловали Татьяну Золотову, затем заключили под стражу и убили, инсценировав самоубийство. М. М. Андроников воспользовался этим преступлением для публичного обвинения всего Министерства юстиции. См.: Письмо М. М. Андроникова В. Д. Белову, 2 января 1903 г. // Освобождение. 1903, 16 февраля № 17. С. 300—302).
- ²⁴ 1 ноября 1905 г. Николай II записал в дневнике: «Познакомились с человеком Божиим — Григорием из Тобольской губ[ернии]» (Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 287).
- ²⁵ *Иоффе Г. З.* Указ. соч. С. 31.
- ²⁶ Первый известный эпизод — поездка Г. Е. Распутина вместе с Г. П. Сазоновым в марте 1911 г. на «смотрины» нижегородского губернатора А. Н. Хвостова с целью назначения его министром внутренних дел. Г. Е. Распутин обиделся на нелюбезный прием, не дал нужного отзыва, и А. Н. Хвостов назначения не получил.
- ²⁷ Отставку И. Л. Горемыкина, намечавшуюся уже осенью 1915 г., Г. Е. Распутин сумел лишь отсрочить до января 1916 г. (*Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 108—109).
- ²⁸ *Черменский Е. Д.* IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 145. Показательно, что в основу своего выступления в Думе царь положил текст, подготовленный ему Клоповым.
- ²⁹ П. А. Бадмаев — Николаю II. 28 февраля 1916 г. ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 701, л. 4—5.
- ³⁰ ГАРФ, ф. 713, оп. 1, д. 4; ф. 1467, оп. 1, д. 701, л. 4—5.
- ³¹ Хотя бы отправить его на зиму в Крым (Письмо Николаю II 8 ноября 1916 г.). Там же.
- ³² Там же, л. 14—15.
- ³³ ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 601, л. 26—32. *Бадмаев П. А.* Своевременность призыва всероссийской дружины в помощь армии и населению. Пг., 1915.
- ³⁴ ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 701, л. 1.
- ³⁵ *Бадмаев П. А.* Конец войны. Пг., 1916.
- ³⁶ ГАРФ, ф. 713, оп. 1, д. 17, л. 4—5.

ДИСКУССИЯ

У. Розенберг. Политика русских — это разные программы и политические действия. Когда я говорю о политике, то имею в виду политические действия. Лично я думаю, что это искусство — говорить или думать о политике в отрыве от экономики, от общества и т. п. В этой связи я хотел бы представить общие концептуальные вопросы и сделать скромные заметки о четырех очень интересных докладах. Первый вопрос — можно ли с пользой исследовать политику как автономную сферу действия во время войны? И если да, то как? Второй вопрос — будет ли полезно понимать, что есть разные политические районы, в которых разные типы политики действовали во время войны, например, в верхах и в низах, макро и микро. И как относятся макро- и микрополитики к политике верхов и политике низов? Очень важно сравнить, как те или иные государства проводили мобилизацию. И второе, это теологический вопрос об отношении между революцией и войной. Мы не должны считать, что процесс войны неизбежно ведет к революции. Что касается камарильи, я думаю, что в верхах, очевидно, возможно говорить о политике как автономии. Через назначения камарилья играет важную роль в процессе войны. И центральной проблемой камарильи было сохранить власть в своих руках. Думское правительство не было легитимным для камарильи. Можем ли мы говорить о государстве отдельно от правительства? О легитимности государства отдельно от легитимности правительства? Я думаю, что это важный и настоящий вопрос.

И. В. Алексеева. Из школьных учебников известно определение войны как продолжения политики иными средствами, то есть чисто военными. Всегда считалось, что эта мысль принадлежит В. И. Ленину, но восходит она к трактату «Государь» Никколо Макиавелли. В годы войны политика не только не сходит на нет, но в политической жизни любой воюющей страны, в том числе России периода 1914—1917 гг., приобретает особую напряженность и значимость, т. к. связываются в единый тугой узел, часто совершенно неразрешимый, все аспекты политической жизни страны: внутренняя и внешняя, военная, социальная, национальная политика и экономическая политика. Этот узел можно либо распутать, либо разрубить. Распутать его можно только при условии умелого, талантливого руководства страной в критическое военное время. В России эпохи Первой мировой войны этого не случилось. Николай II был органически неспособен править страной в критическое кризисное время. Единения власти и общества во имя победы, провозглашенного после объявления войны, в России реально не произош-

ло. Не было единства фронта и тыла, т. е. воюющей армии и большей части общества, как и общего осознания необходимости борьбы и победы над внешним врагом, готовности всех и каждого сверху донизу до последнего человека на жертвы во имя победы. Патриотический подъем, наметившийся в начале войны, был растрочен совершенно бездарно, и к концу 1916 г. говорить о нем уже не приходилось. В этих условиях узел оставалось только разрубить, что всегда происходит в виде катастрофы, революции, как это случилось в 1917 г. в России, либо сокрушительного поражения в войне. Доклады сегодняшней сессии и посвящены анализу составляющих того трагического узла, который завязался в России в годы Первой мировой войны и привел ее ко второму катастрофическому варианту решения — глобальному катаклизму 1917 г. Трагическая разобщенность власти и общества в России в годы Первой мировой войны, которая усиливалась с каждым днем, с каждым месяцем, с каждым годом войны — один из основных вопросов дискуссии. Один из выводов доклада В. Ю. Черняева состоит в том, что война сделала революцию неизбежной, вывела Россию на путь демократических реформ. Подобный подход вызывает дискуссию, замечания, возражения. Уже было достаточно много споров об этом. Я также считаю, что война была тем катализатором или тем фактором, который обострил до предела все имевшиеся и ранее многочисленные противоречия в России. Однако почему именно в ней война сделала революцию неизбежной, почему не в союзных Англии и Франции, хотя там экономическое положение было тоже достаточно сложным, также существовало большое напряжение, созданное войной? Только для России в годы войны были характерны такие факторы, как самоубийственная военная политика царизма, при которой зачастую учитывались больше интересы союзников, чем собственной страны. Типичный пример такой самоубийственной военной политики — прусская операция 1914 г., с которой началась серия поражений русской армии, во многом предопределившая то, что случилось в 1917 г. Это первое поражение русского оружия общество восприняло с огромной степенью недовольства, огорчения, раздражения, направленного в сторону власти, которую считали виновницей случившегося. Разобщение между властью и обществом к концу 1916 г. приобрело характер пропасти, через которую перекинуть мостик было уже невозможно. Эта разобщенность была значительно сильнее, чем в других воюющих странах. В начале войны был провозглашен лозунг гражданского мира. Он был чисто формальным и не выполнялся обеими сторонами — как властью, так и обществом. Если говорить о власти, то типичный пример — бесконечные походы на Думу и общественные организации в течение всех лет войны. Если говорить об обществе, то это знаменитая думская кампания дискредитации власти. В ней были задействованы буквально все лучшие думские силы. Одним из факторов, сделавших войну и революцию в России неизбежными или сделавших революцию прямым следствием войны, являлась неподготовленность России к войне. Она осознавалась многими прозорливыми умами еще до начала войны. Наконец, нельзя не сказать о неумелом руководстве страной. Николай II не сумел использовать и поднять на новую ступеньку патриотический подъем, который намечался в начале войны, создать имидж народного руководителя, народного царя. Лозунг единения царя с народом был окончательно похоронен к концу 1916 г. Даже некоторые лидеры и члены либеральной оппозиции в России хорошо понимали, что война это не панацея и война это не средство либерализовать русские внутриполитические институты, и, как правило, ведет к какой-то

катастрофе, к какому-то краху, революции, длительному периоду анархии. Зерно или основа для дискуссии есть в вопросе о назначении Николая II или самоназначении Верховным главнокомандующим русских армий в августе 1915 г. Из доклада В. Ю. Черняева можно понять, что в итоге этого русская армия окончательно развалилась и фактически положение на фронтах резко обострилось. На самом деле в сентябре положение на фронтах несколько улучшается, линия фронта выравнивается, весной 1916 г. происходит мощное наступление Юго-Западного фронта (Брусилловский прорыв). Развал армии и резкое ухудшение положения на фронтах связано с более поздним периодом и совсем другими событиями в рамках общенационального кризиса в России в конце 1916 г.

Конечный вывод доклада В. Ю. Черняева парадоксален, интересен и тоже может вызвать дискуссию. Это вывод о том, что мировая война привела Россию не к демократии, а к тоталитаризму. Говорить о складывании тоталитарного — или, я бы лучше назвала авторитарного, — государства (это в более русских традициях) можно применительно к концу 20-х — началу 30-х гг. В 1917—1918 гг., хотя отдельные элементы тоталитарной харизмы или тоталитарной политики уже прослеживаются в деятельности большевистского правительства, говорить о складывании системы тоталитаризма несколько преждевременно.

Ю. И. Кирьянов приводит причины, по которым, на его взгляд, произошло столь резкое падение численности правых партий и организаций в России в период Первой мировой войны: отток лучших работников правых партий и организаций в армию и нехватка денежных средств. В принципе это вторичные факторы, характерные не только для правых партий, но абсолютно для всех партий и организаций России. На мой взгляд, основные причины были все-таки иными: катастрофическое ухудшение экономического положения страны, ударившее и по рядовым членам правых организаций, и небывалое в истории России падение престижа династии, монархии и царской семьи. Даже убежденный монархист В. В. Шульгин говорил, что в начале 1917 г. во всем огромном Петрограде не осталось и ста человек, преданных прежней старой власти.

Д. Санборн не всегда обоснованно ищет зародыши последнего трагического коллапса, как он называет революцию 1917 г., в более ранних и не имевших прямого отношения к случившемуся в дальнейшем событиях. Вряд ли отдельные единичные случаи беспорядков, включая «пьяные погромы» при призыве во всей огромной стране, свидетельствуют об активном общественном неприятии режима и начале открытого сопротивления царизму. На мой взгляд, это прежде всего свидетельствует о нераспорядительности местного начальства некоторых окраинных городов, а также вписывается в традиционную для России картину: рекруты гуляют. Эти единичные случаи мало влияют на общую картину народного энтузиазма и подъема после объявления войны между Россией и Германией. Поэтому вряд ли уместно на основании подобных фактов занижать степень действительно всенародного энтузиазма. Скажем, графиня Мария Клейнмихель и М. Н. Покровский, люди двух противоположных миров, абсолютно одинаково вспоминали о грандиозных патриотических манифестациях, о широком народном подъеме. Клейнмихель прямо пишет, что она была противницей войны с Германией, но идея войны с Германией до первых крупных поражений русской армии была достаточно популярна в различных слоях русского общества.

То, что камарилья приобретает в годы Первой мировой войны небывалый для России размах, свидетельствует о глубине кризиса власти. При Александре III

камарилья в таком виде, в каком мы ее видим при Николае II, еще не сложилась и такого влияния на события, на политическую жизнь не оказывала. Камарилья всегда сопутствовала монарху слабому и в нее входили, как правило, люди, которые не превышали по своему уровню самого монарха. Это была поддержка идеологическая, идейная, откуда монарх черпал вдохновение. Это была небольшая группа людей, на которых он мог реально опереться. Мне кажется, что терминология здесь несколько неправомерна. И. В. Лукоянов термину «камарилья» дает следующее определение: камарилья, считает он, есть неофициальное влияние людей ниоткуда. Иными словами, он считает, что камарилью составляли только люди из ниоткуда. На мой взгляд, определение камарильи в докладе И. В. Лукоянова сужает это понятие. Кроме людей из ниоткуда, в камарилью входили родственники царя, его ближний круг, прежде всего императрица Александра Федоровна. Она была вдохновительницей камарильи. В понятие камарильи обязательно должны включаться те приближенные, те члены императорского двора, которые в разные моменты приближались к царю и каким-то образом влияли на решение пусть мелких, но достаточно животрепещущих для России вопросов. С. Ю. Витте много пострадал от камарильи, и в его воспоминаниях постоянно встречается выражение «прокаженная дворцовая камарилья». В 1914—1917 гг. в камарилью входили также некоторые крупные чиновники, министры, так называемые разночинцы камарильи типа А. Д. Протопопова, Б. В. Штюрмера, И. Л. Горемыкина. Последнюю группу камарильи составляли люди ниоткуда, фавориты, люди типа Г. Распутина. Для России Распутин стал символом камарильи так же, как и падения престижа династии, полного и окончательного разрыва между властью и обществом к концу 1916 — началу 1917 г.

И. П. Лейберов. Конечно, среди питерских рабочих были люди монархических и полумонархических взглядов. Однако гигантская волна Февральской революции заставила и эту массу монархических и полумонархических сотен рабочих, именно сотен, а не тысяч, выйти на улицы против самодержавия. В чем это конкретно проявилось? Ни один царский дворец, великокняжеский особняк, музей, театр и кинематограф не были разгромлены в дни Февральской революции. Что громили? Тюрьмы и полицейские участки, Охранное отделение.

Вторая моя реплика касается Г. Е. Распутина. Это просто человек не из куда, и не из откуда. Еще в июле, будучи ранен своей последовательницей, Распутин умолял Николая II не вступать в войну против кайзеровской Германии и предугадывал конец романовской династии так же, как и династии кайзера Вильгельма II.

В. П. Булдаков. Поскольку Россия издавна зависела от фактора колонизации и миграции, для устойчивости власти было чрезвычайно важно то, чтобы пространство территории, пространство населения и пространство власти более или менее совмещались. Мировая война вызвала к жизни процессы, прежде всего миграционные по всем параметрам, вертикальным и горизонтальным, когда власть, с одной стороны, и образованное общество и низы, с другой стороны, оказались в ситуации полной дезориентированности. Мобилизовать на войну, на победу власть оказалась не в состоянии, и вся система пошла вразнос.

Ю. И. Кирьянов. Если брать официальную литературу, официальные документы, то мы встретим там такую характеристику: мобилизация прошла блестяще. Затем, в советское время, об этих выступлениях просто молчали. Все выступления, а их было довольно много, были названы антивоенными и только в самое последнее время, благодаря может быть Х. Яну и Кирьянову появилось несколько статей о том, что они таковыми не являлись. Д. Санборн, не шарахаясь в разные стороны, сделал попытку подойти спокойно к оценке выступлений, которые, конечно, не имели никакого отношения к антивоенным. Блестяще прошла мобилизация. Был еще один случай, кажется, в Новосибирске, когда один человек пытался войти в толпу мобилизованных с красным знаменем. Оно тут же было у него отобрано, разорвано, а сам он — арестован. Патриотизм в этом смысле проявлялся весьма разносторонне и достаточно единодушно. В ряде случаев выступления были на почве требования открыть винные магазины. Есть особая черта русскости: помирать — так с музыкой, идем на войну, так дайте нам выпить по чарке вина. И когда дверь не открывалась, никто не думал о царе и губернаторе. Все думали только о том, кто конкретно запретил им это сделать. В Области Войска Донского под Макеевкой тоже потребовали открыть винные склады, было применено огнестрельное оружие и погибло 10 человек. Но начальник Донского управления докладывает наверх: это пьяный бунт, никаких выступлений даже на похоронах в связи с протестом не было.

Д. Санборн пишет о трех типах влияния на начало войны: плач, общественная поддержка и общественное неприятие. Но может быть надо остановиться на двух отношениях к войне: неприятие и приятие. Плач это все равно, что аплодисменты в театре, это прощание. Крестьяне желали получить землю за участие в войне. И может быть поэтому они так, ну по старой привычке, монархической преданности так легко шли воевать.

В. П. Булдаков. В сельской местности проводы рекрутов на войну не что иное, как столетиями формировавшийся обряд. Человек переходил в другое социальное качество. Народ, во всяком случае крестьяне, на войну смотрели не как на какое-то профессиональное занятие, а как на стихийное бедствие, т. е. реакции были абсолютно не политические. В июле 1914 г. громили винные лавки, но как не громить, когда призывник, рекрут был уверен, что имеет моральное право выпить, погулять. Были волнения среди мусульман-призывников, не учли мусульманский пост, когда мусульмане могли есть только после захода солнца. Переходя из одного социального состояния в другое, крестьянин по-своему порывал с прошлым, и походя он мог разгромить не только закрытую винную лавку, но и какие-то постройки помещика и вообще ненавистного человека. Надо исходить из того, что традиционная культура сельского населения предполагала в данном случае совершенно не политическую реакцию на войну. Другое дело, как это интерпретировалось и бюрократами, и полицией, и соответственно историками. Для крестьянина война долго продолжаться не могла. Вести позиционную войну для него — это абсурд. Надо наступать, побеждать и т. д. Что бывшему крестьянину нравилось в армии? Простая вещь — хорошее обмундирование, по крестьянским понятиям, и хорошее питание. Фунт мяса это много для крестьянина. Что не нравилось? Зубрить уставы. Как же солдат мог любить офицера, если он, увидев офицера, должен моментально определить по знакам отличия, то ли благородие, то ли высокоблагородие, то ли превосходительство, то ли высокопревосходи-

тельство. Для крестьянина это была очень сложная задача. Говоря об антивоенных настроениях, надо стараться понять, как эта ситуация воспринималась с позиций традиционной культуры. И здесь изолировать проблему политических настроений не следует.

Б. Бонвеч. У меня есть замечания к нескольким выступлениям и, прежде всего, к докладу В. Ю. Черняева. Он дал нам либеральное изложение представлений о демократизации в России. В своих комментариях я уже заметил, что было бы слишком смело говорить о демократизации в России во время войны. По-моему, это была попытка либералов найти цель, которая объединяет образованное население для ведения войны, но либерализация не была их настоящей целью. В начале войны в Германии тоже были националистические выражения согласованности в ведении войны. Однако в России раньше, чем у нас, мобилизационная сила националистического настроения себя исчерпала. Из-за этого начинали искать другие цели, тоже империалистические, конечно. Например, знаменитый Миллюков-Дарданелльский. Конечно, такие цели были и у Германии: жизненное пространство на востоке, железные ископаемые во Франции и т. д., чтобы дать народу конкретные цели в ведении войны. В России раньше всего исчерпали себя аналогичные цели, в смысле мобилизации населения. Прогрессивный блок очень умеренно относился к правительству в области конкретных политических требований. Но о демократизации как настоящей цели либералов говорить во время войны не стоит.

Е. Л. Варустина. Винные погромы воспринимались современниками как акт озорства, разбоя, праздника. Размах пропагандистских акций российской интеллектуальной элиты по мобилизации общественного мнения принял такие масштабы и такой характер, что, как мне представляется, они были довольно искренни, и действительно поддерживали провозглашавшиеся ими цели.

А. Мак-Ки. В официальных документах винные погромы описывались как политические акты.

И. Н. Олегина. Основной тезис доклада В. Ю. Черняева, что революция вызвана войной, но закрепить эту свободу можно было лишь выходом из войны. Однако Временное правительство было связано с западными союзниками. Дипломат и историк Дж. Кеннан так ставил вопрос: препятствовало ли ведение войны тому, чтобы демократический эксперимент успешно продолжался? Политика союзников была проста: нет боев, нет займов. Естественно, такая политика губительна для России, но, с другой стороны, никто не предвидел грядущей катастрофы. Если говорить о феврале, марте, даже апреле 1917 г., то исход мировой войны, в общем-то, еще не был решен. Соединенные Штаты вступили в войну в апреле 1917 г. Это была важная сила, которая дополнила Антанту. Так что здесь проблема достаточно сложная. Но была ли эта возможность — вот в чем вопрос. М. Н. Покровский считал, что не обязательно делать много ошибок, достаточно одной большой, чтобы все полетело к черту, и что отношение к миру было такой ошибкой кадетов.

Конечно это очень сложный узел событий, и я совершенно солидарна с выводом, что вопрос о мире был очень важен для судеб того демократического строя,

который сформировался в России в результате войны. Но, мне кажется, важно еще оценить и проблемы экономические. Если посмотреть материалы съездов всех партий, которые проходили в послефевральские месяцы, то общим местом являлось положение о грядущей экономической катастрофе. Социалистические партии разных оттенков видели выход в регулировании экономики, налаживании планомерного хозяйства. Но вот только эта экономическая катастрофа уже стояла у ворот. Каков был шанс выживаемости у России — вопрос, достойный изучения. Мне кажется, что понятием тоталитаризма так манипулировать нельзя. Необходимо конкретное изучение процесса, как все это происходило. Важным фактором складывания тоталитарной системы была проблема отношения населения к религии. Какова роль мировой войны в этом: она подточила веру в Бога или, наоборот, усилила религиозность? Это тоже очень важная проблема общественного сознания в годы войны.

А. П. Марков. В докладе Штейнберга предлагается рассматривать нацию, с одной стороны, как конструирование общества, некое воображаемое, с другой стороны как узаконение в рамках этого процесса некоторых уже существующих прав. Особого противодействия такое положение не вызывает. Напротив, мы можем конструктивно рассматривать нацию как политическую сферу. Но возникает вопрос насчет интерпретации того, что включать в этот набор прав, и можно интерпретировать совершенно по-разному вопрос об общности. Можно представить реакцию крестьян конкретной деревни на нападение Германии на Россию. Но в данном случае речь идет не о национальном, а о некоем отождествлении себя с определенным государем. Царь противопоставлен кайзеру. Было бы очень продуктивно столкнуть эту проблематику с темами, затронутыми в докладе П. Холквиста. Он тоже показывает, как в одно и то же время государство пытается классифицировать население империи по степени благонадежности. Существует некое конструирование с точки зрения государственной бюрократии национального и разных степеней отношения к нему. Именно это имеет место в России не только в создании некоего национального организма как целого, но одновременно в плане строительства наций вокруг некой локальной этнической общности, где гораздо больший упор поставлен на системе корнеродственных связей. В этом возможно было влияние австро-венгерской и германской моделей.

У. Розенберг. Я готов согласиться с тем, что были протесты в начале войны против войны, но я сомневаюсь, что можно говорить о том, что там был патриотизм и чувство долга. Чувство долга это не то же самое, что патриотизм.

Я согласен с моим коллегой В. Ю. Черняевым в том, что касается некоторой демократизации во время войны. Демократизация это не только организация демократических институтов или демократических процессов. Демократизация означает участие так называемой демократии в процессе разрешения проблем войны, экономики, мобилизации. Это участие общественных сил в разрешении военных проблем, организация Военно-промышленных комитетов, через которые либералы хотели, чтобы рабочие участвовали вместе с ними в решении вопросов войны. Демократизация означала участие в этом процессе разных частей населения. В этом смысл демократизации. Из-за этого во время революции либералы ожидали, что новое либеральное правительство сможет решать все вопросы на местах при участии местных рабочих и крестьян, и то, что рабочие не хотели ре-

шать проблемы в рамках либерального государства, было для либералов большим шоком.

В дискуссии поднимался вопрос о плаче. Женский плач — это, конечно, не театр, это настоящие чувства. Во время войны был организован Женский батальон смерти, чтобы показать мужчинам, как надо воевать. Вот это изменение роли мужчины и женщины в обществе говорило об изменении представлений о гендере.

Б. Б. Дубенцов. Хочу остановиться на некоторых подходах и проблемах, которые, хотя и поставлены в докладах и дискуссии, не получили достаточного развития. Во-первых, проблема России накануне войны. С чем она входила в войну? Мне импонирует стремление Д. Санборна показать, что несмотря на какие-то эксцессы, природа которых до конца остается невыясненной, была возможность ввести Россию в войну на волне какого-то подъема и объединения. Накануне июля 1914 г. ни одно начинание правительства и социальных групп завершения не получило. Царь носился с идеей сделать Думу законосовещательной, партии только-только выходили с разной скоростью из кризиса, Дума погрязла в законодательной вермишели.

Война могла затянуться и, соответственно, усилить все эти противоречия. Поэтому здесь, конечно, важен подход к той проблеме, которую настойчиво ставит в ряде своих работ В. Ю. Черняев: случилась бы революция в России, не будь войны, или же для революции почвы не было и только война создала собственно революцию? Конечно, сослагательное наклонение для историков — своего рода табу, тем не менее, над этим вопросом в общем-то мы все думаем в рамках этого коллоквиума и в рамках наших более широких работ. Я должен причислить себя к оппонентам В. Ю. Черняева. Война и революция это вещи сопряженные. Если бы Россия вошла в войну с меньшим количеством противоречий, с меньшей дискретностью социума, то революция либо могла быть другой, либо не произошла бы вообще.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДОКЛАДЧИКОВ

В. Ю. Черняев. Целью моего доклада было выяснение влияния мировой войны на перспективы демократического преобразования империи. После Первой российской революции Россия сделала первые шаги от полицейского государства к демократии западного типа. Даже третьеиюньский переворот не помешал укоренению конституционного строя, хотя антиконституционные зигзаги царской власти ссорили ее с обществом. Мировая война вселила надежду в либеральные и умеренно-социалистические круги на победу над внутренней реакцией, на возможность нового витка либеральных реформ. Вызванное войной дробление власти, ослабление ее контроля и нужда армии в помощи общественных комитетов способствовали либералам. Но им не удалось верноподданнически усыпить бдительность царской власти и через свои общественные организации прибрать к рукам властные функции, организовать плавный переход власти в свои руки. Неудачи войны, всплеск рабочего движения создали угрозу того, что стихийная революция похоронит победу. И тогда либералы пошли обходными путями. Через рабочие группы военно-промышленных комитетов они старались зацепиться в рабочем движении и на революционной волне вознестись к власти, а их вторым путем был путь государственного переворота. В начале 1917 г. высшее военное командование оказалось перед выбором: либеральный переворот и демократические реформы или консервативно-монархический переворот и восстановление абсолютной монархии. Николай II воспринимался помехой к победе, генерал М. В. Алексеев, которому царь доверил распоряжаться всеми вооруженными силами, выбрал либеральный переворот. А вызванная бедствиями войны революция вынесла наверх тех, кто готовился к власти.

При Временном правительстве Россия стала самой свободной страной мира, с самым передовым рабочим законодательством. И парадокс в том, что революция была вызвана войной, но только выход из войны мог закрепить демократические достижения революции. Эта политическая необходимость для Временного правительства оказалась психологической невозможностью из-за верности союзникам, а тех мало волновали возможные последствия падения Временного правительства для России и мира. Да и Россия им не нужна была сильной. Временное правительство пало жертвой народного разочарования.

Разорвав с демократическими свободами, большевики оправдывали свои действия тем, что мировая война разоблачила буржуазные свободы как обман. Так в результате мировой войны Россия проделала путь от думской монархии к самой свободной стране мира, а затем к тоталитарному строю.

Воздействие Первой мировой войны на российское общество станет гораздо яснее, если взглянуть на Россию в европейском и мировом контексте. Как и другие страны Европы и Северной Америки, Россия перед мировой войной была охвачена индустриализацией, техническим прогрессом, подъемом благосостояния и двигалась в том же направлении парламентаризма и расширения свобод, но медленнее, рывками, с отставанием. Мировая война вызвала в России, как и в других европейских странах, кризисную ситуацию. Из-за отставания в обновлении государственного строя Российской империи кризис в ней оказался острее, чем где бы то ни было и вылился в мощную революцию. И хотя Россия в мировой войне являлась союзницей передовых демократических держав, она разделила судьбу Германской и Австро-Венгерской империй.

Тот факт, что в Первую мировую войну революция вспыхнула в трех таких разных странах, как Россия, Австро-Венгрия и Германия, позволяет говорить о том, что решающим фактором этих революций были не какие-то длительные внутренние процессы в этих странах, а именно мировая война. Эта мысль вызвала почти всеобщее неприятие на аналогичном коллоквиуме 1993 г. в Петербурге. Его материалы опубликованы в книге «Анатомия революции». Тогда и было предложено устроить нынешний коллоквиум. Ныне в ряде докладов и выступлений заметно движение мысли по направлению от прежнего взгляда на Русскую революцию 1917 г. как неизбежный результат рабочего и революционного движения и других длительных внутренних процессов, к восприятию этой революции в европейском контексте как эпизода Первой мировой войны, точно так же как и революций в Австро-Венгрии и Германии.

Профессор Б. Бонвеч высказал возражение, что либералы поддерживали империалистические устремления царской России и даже на деле им содействовали. Конечно, П. Н. Милюков был одержим идеей приобрести для России Босфор и Дарданеллы. И все же помощь либеральной общественности фронту была продиктована искренним желанием облегчить участь раненых, предотвратить военное поражение, но в значительной мере также служила прикрытием штурма власти и не столько ради приобретения новых территорий, сколько для осуществления либеральных реформ и вывода России в первый ряд европейских демократий.

И. Н. Олегина высказала замечание, что военные союзники России не предвидели ее катастрофы. В действительности они предвидели ее уже в 1917 г. и свертывали военные поставки Временному правительству, заставляя его вести активные боевые действия и не выпуская Россию из войны, вести которую она была не в состоянии. Разорение и ослабление России означало для них устранение потенциального соперника. Есть документ о том, что уже летом 1917 г. влиятельные лица Японии и США пришли к принципиальному соглашению о разграничении сфер влияния в Азиатской России и о предоставлении Сибири, отделится она от России или нет, под влияние США.

Высказывались замечания о правомерности употребления в моем докладе понятия тоталитарный строй. Конечно, я не имел в виду, что этот строй установился тотчас после взятия большевиками власти. И все же, если рассматривать события в европейском контексте, то в результате Первой мировой войны Россия получила тоталитаризм, Италия — фашизм, Германия — национал-социализм. Это факт, который невозможно опровергнуть.

Дж. Санборн. Вчера Л. С. Хаймсон сказал, что плохой народ не имеет понятия о нации, а В. Л. Дьячков — что война заняла очень мало места в народном сознании. Мой тезис прямо противоположен: именно народное участие в войне строило российскую нацию. Отношения между войной и нацией были замечательным и важным политическим фактом. А почему? Ответ в одном слове — мобилизация. Не только военная, но и социальная, экономическая и культурная. А самое главное — это политическая.

В ряде докладов, представленных для этого коллоквиума, также отмечается, что царь и МВД очень боялись народной мобилизации, а большинство политических деятелей, как указал В. Ю. Черняев в своем докладе, напротив, хотело ее. Генеральный Штаб постоянно спорил с МВД и с царем по этому поводу до 1905 г. И кадеты, и Генеральный Штаб думали, что нужна всеобщая мобилизация всех сил нации — или Россия проиграет войну. Поэтому они стали противниками самодержавия. Не только кадеты и военная интеллигенция думали так, но и многие крестьяне и рабочие. С самого начала войны и крестьяне, и рабочие озвучивали идеи, что война — это дело народа, и думали, что война должна быть делом народа и что народ имел право обсудить, не только как организовать военные и общественные усилия, но и должна быть война или нет.

Ф. Вчисло заметил, что мой доклад — провокация, и он конечно прав. Нации не исходят из национальности и еще меньше из народности. Они исходят из особого типа политической деятельности.

Крестьяне были не одинаковые, а очень различные и поэтому случались конфликты между ними. К этому же относится проблема грамотности. Согласно данным военных статистиков 20—30% крестьян умели читать и писать. Что это значит, мы не знаем, знаем только то, что записали военные статистики, когда крестьяне призывались в армию.

И наконец в заключение о плаче. Это была самая обычная традиция всех граждан России. При проходах на фронт плачут и мужчины, и женщины. Источники, которые я использовал при подготовке этого сюжета, — это статьи, письма крестьян, мобилизационные материалы армии и другие документы.

Ю. И. Кирьянов. Целью доклада несомненно была характеристика изменений, которые произошли в правых партиях и организациях с 1908 г. по 1916 г. Удалось выявить не только материалы их обследований в 1908 г. и 1916 г., достаточно репрезентативных, но и опубликовать их в основном в журналах «Вопросы истории», «Отечественная история», «Исторический архив». Общая картина такая: если на 1908 г. общая численность правых партий (Союз русского народа, Союз Михаила Архангела) составляла примерно 390 тыс. человек по данным опроса Департамента полиции, скорректированным мною, то в 1916 г. (два Союза русского народа, Союз Михаила Архангела и возникший в 1915 г. Отечественнопатриотический союз во главе с Орловым) — примерно 45 тыс. человек (уменьшение в 9 раз). За три военных года произошло сокращение численности и изменение состава в худшую сторону примерно в 5 раз, как за предшествующие шесть лет. Почему это произошло? Казалось бы, война с немцами должна была объединить большинство населения на почве защиты отечества, монарха и православной веры. Некоторые наши докладчики эту идею поддерживают. И я тоже, если иметь в виду, по крайней мере, первый год войны. Но война не только объединила усилия населения в борьбе с немцами, но и нанесла очень существенный

удар по правым партиям и организациям. Сразу после мобилизации их численность резко сократилась, был очень большой отток наиболее активной части правых в действующую армию. Резко сократился приток денежных средств в связи с тем, что многие ушли на фронт, а жертвователи стали отдавать свои деньги госпиталям, беженцам, на нужды войны и т. д. Отношение различных слоев населения к правым партиям со временем менялось в негативную сторону. Чтобы было понятно, как это происходило и почему, я приведу несколько примеров. Если в период революции 1905—1907 гг. многие предприниматели, желая оградить себя и свое предприятие от потрясений, добивались того, что администрация вместе с рабочими записывались в правые партии, то затем ситуация изменилась. Многие предприниматели стали видеть в правых организациях не защитников своего дела, а наоборот, своеобразные зубатовские организации, которые могут встать на сторону рабочих, членов этих партий, в трудовых конфликтах с предпринимателями на чисто экономической почве. В годы войны увеличилась вилка между установками правых партий не принимать участие в массовых выступлениях, а она сохранялась до Февральской революции, и реальным желанием многих членов правых партий реагировать на ухудшение материального положения. Многие из них гласно или негласно участвовали в забастовочном движении. Интеллигенция почти полностью, а также крестьянство, купцы и торговцы отходят от правых партий. Общее настроение в обществе накануне февраля 1917 г. было не в пользу тех начал, которые отстаивали эти партии.

В 1916 г. один из лидеров правых А. И. Дубровин пишет в частном письме своему единомышленнику: нельзя быть большим роялистом, чем сам король, имея в виду Николая II. Как будто бы правые искренне пытались защитить интересы самодержавного монарха, а монарх не воспринимал их поддержку, и поэтому они меньше получали денег. И это они ощущали и переживали. Эта нестыковка, невосприятие их желания оказать содействие, конечно, приводила к пассивности и к тем последствиям в конечном счете, в которых оказалась эта партия в феврале — марте 1917 г. Не было ни одного массового уличного выступления во всей России, в отличие от 1905—1906 гг., когда правые партии выступали в защиту самодержавного строя. 15 февраля 1917 г. на открывшейся сессии Государственной думы Левашов, который стал председателем правой фракции, заявил: мы требуем, мы просим установить власть диктатора. Имелось в виду не сместить Николая II, а от его имени добиться, чтобы правительство возглавил диктатор. Это диктатура не в том смысле, что пролетарская диктатура, а неограниченная власть одного из представителей правительства. Этот диктатор должен был находиться в полном подчинении царя. Это услышано не было. Монархический деятель правого толка Тиханович-Савицкий, председатель Астраханской партии, атаковал царя, правительство, правые газеты с требованием запретить деятельность Земского союза, Городского союза, запретить или ограничить цензурой левую печать. Он писал о том, что в Саратове и в Астрахани открыто показывают кинофильмы, дискредитирующие царя и царицу. Это было в феврале 1917 г. Никакой реакции. Наконец, 25 февраля 3 члена Государственного Совета — Маклаков, Трепов и Ширинский-Шихматов на заседании Совета министров просят ввести самые жесткие меры, по крайней мере в столице. Таким образом даже эти, казалось бы, правильные с точки зрения права шаги оказались мертворожденными.

Среди правых были компетентные лица: Н. Е. Марков, В. М. Пуришкевич, а Дубровин как организатор был выше всех этих деятелей. Что касается Тихановича-Савицкого, который жил в Астрахани, и Пасхалова, они выступали как своеобразные теоретики, подправляли программы, какие-то заявления. Но из этого ничего не вышло.

За рубежом издавалась газета «Высший монархический совет». Этот совет был создан в 1921 г. в Германии и возглавлял его Н. Е. Марков. В статьях этой газеты указывались фамилии политических деятелей, которые привели монархию к падению. Под номером 1 — Гучков, под номером 2 — Милюков, под номером 3 — Керенский и т. д.

И. В. Лукоянов. Понятие камарильи всегда было синонимом понятия «темная сила». Для меня «камарилья» — это один из ключевых моментов вопроса о технологии власти. Применительно к России — это технология самодержавной власти в момент нарастания ее тяжелого системного кризиса. Камарилья в этом случае играет роль коррозии. Кризис самодержавия, с моей точки зрения, вызван был целым рядом взаимосвязанных факторов, и камарилью я отнес бы к одному из таких факторов.

Есть факторы системообразующие, т. е. те, которые ставили ситуацию в определенные жесткие рамки. Это прежде всего социально-экономические феномены. Но были и другие факторы, скажем, личного происхождения, настроения и т. д., которые, несмотря на свою, может быть, относительную значимость, в определенные моменты могли играть решающую роль. Камарилья относится к одному из таких факторов.

Я не стал бы переоценивать влияние камарильи. Власть с 1911 г. постепенно сползала к кризису. В 1914 г. кризис власти быстро усиливался, но я не думаю, что 1917 г. был жестко предопределен. Вопрос о сломе старого режима, о его смене тем или иным способом, был предопределен, но не обязательно в форме такой революции, как Февральская. У власти оставался еще какой-то простор для маневра, варианты для действий, но с каждым днем этот простор сужался. И чем дольше самодержавие не принимало адекватных мер, тем меньше становился шанс мирного разрешения этой проблемы. И камарилья сыграла зловещую роль, в известной степени парализовала деятельность власти в решающие моменты, когда еще можно было принимать какие-либо решения. Камарилья во многом держалась на личности Николая II и его окружения. Я не считаю сам фактор камарильи абсолютно неизбежным для России. Все-таки это цепь ряда личностных факторов. К 1917 г. наметилась связь между представителями темных сил и финансового капитала в России, но говорить об их союзе еще нельзя, альянс только намечался. Поэтому я не считаю этот фактор решающим.

Я благодарен профессору У. Розенбергу за постановку нескольких вопросов. Может ли политика самодержавия периода Первой мировой войны исследоваться автономно? Несомненно, может. Для самодержавной России характерно то, что правящая верхушка жила автономно от реалий действительности. Она была знакома с жизнью в основном по различным запискам, по выступлениям, суждениям. Ее представления о действительности были всегда в той или иной степени фрагментарны и мозаичны. В ситуации мировой войны, когда обстановка резко менялась, появлялись новые абсолютно неизвестные до этого факторы и резко возрастал поток всякого рода материалов, в этом огромном объеме информации

бюрократы начали просто путаться. Политика объективно начинает в большей степени отходить от реалий действительности, и в этом нет ничего особенного.

Второй вопрос: можно ли говорить о государстве отдельно от правительства, или о правительстве отдельно от государства в России? Вполне возможно, потому что речь идет как о восприятии этих явлений, так и о действительном положении дел. Скажем, что такое правительство для большинства российских подданных? Это прежде всего урядник, а то, что в Петербурге какие-то министры, интересовало далеко не всех и значительно в меньшей степени. С другой стороны, правительство далеко не всем управляло и в некоторые стороны жизни просто не вмешивалось в силу объективных и субъективных причин. Россия с ее территорией, традициями и населением была трудно управляемой из центра страной, а местами просто неуправляемой. Такая дистанция между правительством и тем, что в России понималось под государством, по-моему, тоже вполне хорошо может быть представлено.

В своем докладе я обратился к явлениям, которые трудно описать в привычных категориях, таким, как, например, фавориты царя, и специально пытался отделить то, что можно условно, утрированно назвать вневедомственными влияниями, от того, что носило достаточно постоянный характер при всех режимах, во всех странах. Это не означает само по себе, что при каждом режиме обязательно должна существовать своя камарилья. Для меня непонятно, каким образом к камарилье можно отнести премьер-министров И. Л. Горемыкина и Б. В. Штюмера. Если камарилья находится у власти, какое же это неофициальное влияние? В отношении политического процесса в России периода Первой мировой войны. Я склонен пытаться анализировать эти процессы с точки зрения системности, искать противоречия факторов. Но эти факторы не являются изначально постоянными, изначально играющими какую-то раз навсегда отведенную им роль. Для меня немыслима постановка вопроса, что основной проблемой периода Первой мировой войны были растущая неприязнь и непонимание общества и власти. Такая проблема не то что непонятна, она просто не существует.

IV

КУЛЬТУРА
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА

Н. Н. Смирнов

ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Обращение к историческому опыту Первой мировой войны, выяснение причин, ее породивших, анализ явлений, характеризующих экономическую, политическую и социальную жизнь как отдельного государства, так и мировой цивилизации в эпоху военного противостояния, определение итогов и степени их воздействия на последующее развитие исторического процесса на протяжении восьми десятилетий остаются в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. Сотни монографий, тысячи статей насчитывает историография Первой мировой войны. Казалось бы, лакуны закрыты, расставлена большая часть точек над *i*.

Тем не менее, работа нынешнего коллоквиума, обсуждаемые на нем проблемы свидетельствуют: современная генерация историков не без оснований отказывается от сложившихся стереотипов, пытается по-своему осмыслить одно из наиболее драматических событий XX в. В этом плане несомненный интерес вызывают доклады П. Гетрелла и А. Н. Курцева, Р. Ш. Ганелина и М. В. Флоринского, С. М. Исхакова и Л. Мак-Рейнольдс, А. В. Островского и Б. В. Ананьича, Л. Хаймсона и П. Холквиста, многие другие. Каждый из них вносит существенные дополнения в отечественную и зарубежную историографию Первой мировой войны.

Известно, что советская и российская историография проблемы долгое время развивалась по трем направлениям: военная история, экономическая история, история международных отношений. Но и они перекрывались непропорционально большим вниманием к развитию прежде всего революционного движения в военные годы. На второй, если не на третий план отодвигались вопросы модернизации российского общества, его культуры, отдельных классов и социальных групп. Между тем война породила ряд новых феноменов: военное общество, военная психология, военная культура, военная интеллигенция и т. п. Каждый из этих феноменов имел свою специфику, следовательно, требовал особой методики познания и анализа.

К примеру, влияние войны на русскую культуру, тема, казалось бы, не новая в исторической науке. Но, как справедливо отмечает московский исследователь И. В. Купцова, «...она изучалась выборочно, для выявления только двух аспектов: материального ущерба памятникам архитектуры, искусства и литературы и эволюции тематики произведений».¹ Лишь в последние годы исследователи со-

гласились с тем, что задача ученых заключается прежде всего в анализе всей гаммы деформаций в развитии русской культуры военного времени, выявлении реакций культуры на эти деформации и определении степени влияния войны на темпы и характер развития культуры в целом и отдельные ее стороны и разделы.²

Сказанное в полной мере относится и к изучению влияния войны на судьбы российской интеллигенции. Это тем более важно, что до наших дней практически не изжито еще упрощенное представление об этой социальной группе как о «контрреволюционной силе, препятствующей радикальным преобразованиям».³ Вопреки логике, исследователи по-прежнему оценивают предреволюционную интеллигенцию как некую социальную прослойку, роль и место которой в обществе второстепенно, подчинено абстрактным государственным либо классовым интересам. Попытки вырваться из «прокрустова ложа» догм и стереотипов все еще носят единичный и весьма осторожный характер. В лучшем случае, отвечая на вопрос: «Какое наследство (из истории интеллигенции) мы принимаем сегодня и должны использовать в будущем?» — следуют советы «освоить громадное теоретическое поле немарксистских концепций места и роли в обществе интеллигенции вообще, и российской ... в частности».⁴

Отсутствие комплексных исследований места и роли интеллигенции в российском обществе в 1914—1918 гг. сегодня ощущается гораздо болезненнее и острее, чем в предшествующий период. Актуальность темы бесспорна, и в этом плане цель настоящего доклада — первичный анализ эволюции этой социальной группы в условиях военного времени (состав, взгляды, поведение). Прежде всего определимся с объектом исследования.

Данные о составе российской интеллигенции, приводимые в различных источниках, весьма противоречивы. По подсчетам Л. К. Ермана, ее численность, включая чиновничество и офицерство, задолго до начала войны составляла не менее 1,5 млн. человек.⁵ С этим согласны и составители энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция», сообщающие следующее: с 1897 по 1913 гг. численность интеллигенции в России увеличилась вдвое, а учащихся в вузах — втрое. К 1914 г. в стране работали 60 тыс. инженеров и техников, 10,2 тыс. преподавателей вузов и работников научных учреждений, 280 тыс. учителей, свыше 20 тыс. актеров, десятки тысяч почтово-телеграфных служащих и медицинских работников, сотни тысяч чиновников государственных учреждений, земских, промышленных, банковских служащих и духовенства. Ряды интеллигенции ежегодно пополняли выпускники 105 вузов и 450 средних учебных заведений, в которых обучались более 180 тыс. человек. К маю 1917 г. численность офицеров и чиновников приближалась к 200 тыс. человек.⁶ С. А. Федюкин, исключив из состава интеллигенции младших служащих и лиц, профессии которых явно не относились к традиционно интеллигентским, ориентировался на другой показатель — 1 млн. человек.⁷ Наконец, О. Н. Знаменский предполагал, что общая численность профессиональных групп непролетарской интеллигенции России к 1917 г. не превышала 500 тыс. При этом учительство насчитывало 195 тыс., студенты — 127 тыс., врачи — 33 тыс. Инженеров было от 20 до 30 тыс. Примерно столько же насчитывали (каждый отряд в отдельности) адвокаты и агрономы. Научных работников в 1914 г. было более 10 тыс., деятелей литературы и искусства — около 15 тыс.⁸

Столь значительный разброс при определении численности интеллигенции исследователи склонны объяснять отсутствием сколько-нибудь достоверных ста-

тистических данных (напомним, что даже знаменитая общероссийская перепись населения 1897 г. в действительности таковой не являлась, т. к. основная масса приводимых показателей базировалась на материалах 50 губерний европейской части России), трудностью подбора оптимальных критериев при определении интеллигенции как таковой.

Действительно, данные о численности российского учительства, приводимые в монографическом исследовании О. Н. Знаменского, основаны на материалах журнала «Учитель» (1917 г., № 1). Однако, упоминаемая здесь статистика охватывала лишь узкую группу учебных заведений — т. н. «министерские школы» (ведомство Министерства народного просвещения). Помимо них, как известно, существовали и учебные заведения других ведомств: Министерства торговли, Министерства путей сообщения, ведомства вдовствующей императрицы Марии Федоровны и т. п. В совокупности в школах всех ведомств Российской империи накануне Первой мировой войны работало не менее 300 тыс. преподавателей. В это число не принято было включать учительство церковно-приходских школ и преподавателей Закона Божьего, численность которых превышала 130 тыс.⁹ Аналогичная ситуация складывалась и при определении численности врачей, инженерно-технических работников, деятелей культуры и т. д.: статистика практически никогда не учитывала суммарное количество специалистов, работавших в учреждениях различных ведомств.

Как представляется, примерная численность российской интеллигенции накануне Первой мировой войны превысила 1,5 млн. человек. Неотъемлемой частью данной социальной группы российского общества являлись и значительная часть чиновничества, и офицеры, и служители культа, ибо каждый из них был занят несомненно специфическим, но высококвалифицированным умственным трудом.

Можно согласиться с доводами новосибирского исследователя С. А. Красильникова, что, пытаясь вычленив в составе интеллигенции определенного рода типы, группы, «мы имеем дело с различными классификационными системами, ни одна из которых, в том числе марксистская, не является универсальной».¹⁰ Исследователи в целом соглашались с существующими схемами выделения профессиональных групп в составе интеллигенции. Но как только речь заходит об определении ее социальных или политических типов, ясность отступает на второй план. Это касается попыток разделить интеллигенцию на буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую по происхождению. К примеру, художественную интеллигенцию принято относить к мелкобуржуазной группе исключительно потому, что большая ее часть вышла из семей чиновников, купеческо-мещанской среды и дворян (около 60% от общей численности).¹¹ Большевикскую же интеллигенцию относят к т. н. пролетарской интеллигенции, формирующейся за счет передовых представителей рабочего класса, «которые сумели значительно повысить свой общеобразовательный уровень»,¹² и представителей буржуазной и мелкобуржуазной социально-политических групп, перешедших на позиции марксизма. И в том, и в другом случае оценочный критерий настолько размыт, что истина кажется недостижимой. В «мелкобуржуазной» группе художественной интеллигенции были достаточно широко представлены выходцы из рабочего класса и крестьянства (писатели, артисты, художники, репортеры), а в ряды пролетарской интеллигенции вливались потомственные дворяне, дети известных помещиков и буржуа, занявшие командные высоты в центральных большевистских органах. К 1914 г. социально размыты были и крупнейшие отряды российской интеллиген-

ции: учителя, врачи, чиновничество, командный армейский состав. Практически всюду преобладал различный элемент. В силу этого в рассматриваемый период делить интеллигенцию исходя исключительно из совокупности классовых отрошков бессмысленно.

В равной степени бесперспективно настаивать и на выделении определенных социально-политических групп интеллигенции, опираясь на те же классовые признаки происхождения: буржуазная (ориентирующаяся на партии крупной российской буржуазии и помещиков), мелкобуржуазная (поддерживающая эсеров, меньшевиков, народных социалистов и др.) и пролетарская (ориентирующаяся на большевиков). К тому же открыто свои политические симпатии и антипатии высказывала едва ли десятая часть интеллигентов (предлагаем условно именовать их «партийной интеллигенцией»), остальные в основе своей предпочитали быть (или казаться?) аполитичными и внепартийными. Опыт первой российской революции и последовавшей вслед за ее поражением реакции «научили» интеллигентов «бояться политики», целиком и полностью отдаваться чисто профессиональной деятельности. Не без помощи «Вех» долгое время подавляющая часть интеллигенции все еще продолжала чувствовать свою «ушербность», общественную ненужность. Не отсюда ли уход от политических реалий в розовую дымку религиозных мечтаний? Вряд ли простым стечением обстоятельств можно объяснить необычайно широкое распространение по стране нового типа внепартийных интеллигентских организаций — религиозно-философских обществ. «Новое христианство», «новое религиозное сознание» именно в предвоенные годы и в период войны, казалось, глубоко укоренились в общественном сознании. Необычайно популярными среди интеллигенции в это время становятся Д. Мережковский, З. Гиппиус, Н. Бердяев, А. Карташев. Из небытия вновь вернулся кумир интеллигентов начала XX в. В. Соловьев.

К началу Первой мировой войны большая часть отрядов российской интеллигенции (литераторы, художники, учителя, врачи, артисты, адвокаты и др.) имела свои профессиональные объединения, призванные защищать прежде всего корпоративные права своих членов (страховые кассы, общества взаимопомощи и взаимострахования, союзы и др.). Трудно согласиться с тем, что эти организации содействовали развитию духа корпоративной замкнутости, проявлению эгоцентризма.¹³ В противном случае следовало бы признать, что те же эгоцентризм и корпоративная замкнутость в равной степени были характерны и для профессиональных организаций промышленного пролетариата (союзы металлистов, ткачей, типографских работников и др.). Напротив, во многом они способствовали консолидации сил, преодолению упаднических настроений первых послереволюционных (1905—1907 гг.) лет.

Прошедшие в 1913—1914 гг. съезды просвещенцев (Всероссийское педагогическое общество) и медицинских работников (Пироговское общество), к примеру, после долгого молчания впервые выразили общее недовольство состоянием дел в своих профессиональных областях, настойчиво обращали внимание власти предрержащей на необходимость увеличения государственных ассигнований на нужды науки, культуры, народного образования, здравоохранения. Власть по своему отреагировала на активность интеллигентов: съезды разгонялись, собрания запрещались, делегаты лишались работы.¹⁴

Была ли интеллигенция готова к войне? Источники не отвечают однозначно на этот вопрос. Вроде были многочисленные предчувствия и предсказания.

З. Гиппиус писала в 1913 г.: «Причем война? Все это ... глупости мгновенные. Да и не будет войны».¹⁵ Н. В. Савич, напротив, вспоминал: «Мы сами давно опасались этого года. Из многочисленных данных, имевшихся в распоряжении наших военных агентов, вытекало, что как раз к этому сроку (1914 г.) будет закончена вчерне большая военная программа Германии... У меня создалось убеждение, что мир Европы в величайшей опасности, что ждать катастрофы осталось недолго».¹⁶

Тем не менее вступление России в «Великую войну» не только для интеллигентов, но и большей части российского общества было неожиданным, словно удар грома, «когда молния ударяет совсем близко от вас».¹⁷ З. Гиппиус была более красноречива: «Интеллигенция только рот открывала — на нее это как июльский снег на голову».¹⁸ Впрочем, как свидетельствует история, многие знаковые для России события воспринимались интеллигентами как «гром среди ясного неба». Так было 9 января 1905 г., в февральские, а затем и в октябрьские дни 1917 г. Наверное, сказывалась аполитичность.

Первым серьезным откликом на войну можно считать статью Н. Бердяева «Война и возрождение». Трудно понять, чего в ней было больше — реального осознания серьезности переживаемого государством момента или интеллигентского философствования. В статье, в частности, отмечалось: «Война может и должна быть рассматриваема как духовный феномен, и оцениваема, как факт духовной действительности. Все историческое (войны, революции, передвижения народов и т. п.) предстает нам в материальном облике и слишком много кажется обусловленным причинами внешними. Но за всем подлинно всемирно-историческим действуют скрытые духовные силы (вот оно — «новое христианство» и «новое религиозное сознание». — *Н. С.*) ... Всякая война имеет более глубокий смысл и более глубокие движущие причины, чем принято думать при внешнем взгляде на все историческое, когда видно лишь поверхностное сцепление событий и кажется, что все было бы совсем иначе при более счастливом стечении обстоятельств».¹⁹ Очевидно, что подлинного осознания беды, трагедии, еще не наступило. В каждом слове чувствуется пафос, стремление мыслить красиво, возвышенно.

Н. Бердяев был далеко не одинок. З. Гиппиус замечала: «Половина физиологически заразилась бессмысленным воинственным патриотизмом».²⁰

Н. В. Савич свидетельствует: «... пришлось пережить незабываемые дни, предшествовавшие мобилизации, самую мобилизацию и известие об объявлении нам войны (sic! — *Н. С.*). Мобилизация прошла гладко, как хорошо налаженный часовой механизм. Население явилось послушно на сборные пункты. Народ уже знал, что Австрия объявила войну Сербии, что Россия выступила на защиту последней, в результате — война с немцами».²¹ Какая гордость в скупых словах, какая вера в правое дело!

Генерал от инфантерии Н. А. Епанчин запомнил первые дни войны несколько иными. 21 июля на железнодорожной станции в Вильно он встречал императорский поезд, на котором в Петербург возвращались вел. кн. Константин Константинович и вел. кн. Елизавета Маврикиевна с детьми. «Увидя на станции массу людей, женщин, детей, бежавших из пограничных мест, вел. кн. с возбуждением повторял: „Зачем они бежали; немцы им не сделали бы ничего дурного; ведь они же не варвары“— и все в этом роде, с большим волнением».²² Из дальнейшей беседы с вел. кн. генерал узнал о тех злоключениях, которые преследовали Кон-

стантина Константиновича и его спутников по пути из Германии в Россию: неподалеку от русской границы по приказу немецкого офицера путешественники были высажены из поезда («далее ехать нельзя») и брошены посреди пустынных полей, между двумя враждебными армиями. «Вся семья села у придорожной канавы и предалась воле Божьей». Лишь по чистой случайности члены императорской фамилии были обнаружены разъездом смоленских уланов и на подводе доставлены до ближайшей российской станции. Епанчин был поражен рассказом и мысленно сам себя спрашивал: «Как же после всего этого вел. кн. мог удивляться, почему бегут жители из граничной полосы; как он мог говорить, что немцы не варвары и ничего им не сделают? Sancta Simplicitas!»²³

Характеризуя позицию офицерства, основы основ российской армии, отметим, что с первых же дней войны большая его часть отдавала себе полный отчет в том, «что по совокупности всех условий, мы не могли рассчитывать на успех над германцами; это было невозможно». Напротив, в мозговом центре, Ставке, склонялись к убеждению, что успех может дать только победа над Германией. «Но и этой идеи, — отмечает Епанчин, — Ставка не держалась определенно, а расплыла наши силы по нескольким направлениям; да еще начала активные действия тогда, когда не было закончено сосредоточение не только запасов, но даже и войск, почему армии перешли в наступление против неприятеля со слабыми силами и без необходимых боевых запасов».²⁴

Вполне естественно, что восприятие происходящего кадровым русским офицером-интеллигентом разительно отличалось от философствования Н. Бердяева и размышлений политика Н. Савича. Задолго до начала военных действий значительная часть армейских интеллигентов осознавала, что война не будет легкой прогулкой, что впереди — изнурительные оборонительные сражения, что ни о каких наступательных операциях против Германии не могло быть и речи. К несчастью, царская камарилья гораздо охотнее выслушивала патриотические призывы интеллигентского «общественного мнения», представлявшего войну чем-то загадочным, необычным, сулящим новые эмоции и впечатления. Во многом это объяснялось неутоленной жаждой реванша за позорное поражение в Русско-японской войне 1904—1905 гг. Многим в Ставке, Генеральном штабе вдруг показалось, что наступил тот самый «момент истины», которого так долго ждали и к которому так же долго готовились. Каждый из больших военных начальников после Японской кампании «вносил что-нибудь от себя» в план будущей войны с Германией и Австрией, выработанный еще в 1873 г. при императоре Александре II. Начала этого плана казались настолько основательными, что в жизненности их были убеждены вплоть до 19 июля 1914 г.

О возможной военной реабилитации России в штатских интеллигентских кругах говорили не меньше, чем в кругах военных. Надежды на благополучный исход новой кампании витали в воздухе.

Л. Андреев отмечал: «... Все ругают вчерашний день и верят в завтрашний. Подъем действительно огромный, высокий и небывалый: все горды тем, что русские... Если бы сейчас вдруг сразу окончилась война, — была бы печаль и даже отчаяние».²⁵

Ф. Сологуб уже зная о первых неудачах русской армии, тем не менее был настроен весьма оптимистично: «Мы обязаны одолеть врага, это наш долг перед человечеством, так как мы боремся за его свободу».²⁶

Н. Гумилев писал в первые дни войны: «Есть люди, рожденные только для войны, и в России таких людей не меньше, чем где бы то ни было».²⁷ Они, эти люди, самим Провидением были назначены к исполнению величайшей миссии — через победы утверждать величие России.

О Божьей миссии, Божьей помощи, Божьем промысле для России писали С. Городецкий, С. Кочетов, тот же Ф. Сологуб и многие другие, составившие лагерь так называемых патриотов. К этому лагерю примкнула значительная часть художественной и творческой интеллигенции, студентов, учащейся молодежи. «Патриоты» предпочитали не только говорить, но и действовать.

На фронт добровольцами уходили художники и артисты, писатели и поэты, учителя и врачи, юристы и инженеры. Много ли их было? Согласно имеющимся данным, чуть более 3700 человек. Среди них В. Вересаев, С. Черный, Н. Гумилев. Рядом с ними в качестве вольноопределяющихся воевали сотни студентов высших учебных заведений, представителей «рядовых» интеллигентских профессий.

Некоторые представители художественной интеллигенции, лишённые по тем или иным причинам возможности выступить против неприятеля с оружием в руках, оказались на фронте в качестве корреспондентов. Назовем лишь некоторых из них — М. Пришвин, В. Брюсов, Б. Савинков, С. Городецкий и др. К линии боевых действий ехали как на праздник, предвкушая подчас нездоровый охотничий азарт. Б. Савинков писал: «Я жду. Неужели не будут стрелять? Мне стыдно: во мне проснулся охотник. Так в рязанских болотах я со злобой смотрел на улетающих дупелей, на разряженное ружье, на взволнованную собаку, на свои бесильные руки».²⁸

С первых же дней войны в интеллигентской среде заявили о себе и те, кто считал преступлением сам факт человекоубийства, кровопролития, террора. Чувовищной нелепостью называл войну М. Волошин и при этом замечал: «Поскорее бы кончилась эта мировая нелепица... Так все нелепо кругом, такие грандиозно-нелепые формы принимает ее (войны) отражение в окружающей жизни».²⁹ З. Гиппиус отрицала войну «не только метафизически, но и исторически» уже хотя бы потому, что «всякая война, кончающаяся полной победой одного государства над другим... носит в себе зародыш новой войны, ибо рождает национально-государственное озлобление».³⁰ Странников подобных взглядов и убеждений стали именовать пацифистами. Количественно они были немногочисленны, и уже в силу этого их проклятия в адрес войны тонули в дружном хоре «патриотических» голосов.

Пацифизм в условиях военного времени был равносильным предательству, а отказ некоторых его сторонников «нести военную службу» воспринимался «патриотами» как измена не только Родине, но и нравственным идеалам интеллигенции. Куда понятнее в эти дни были слова Н. Бердяева об «объединяющей миссии» войны, о том, что только катастрофа «может обновить и возродить русский характер, направить русскую волю на великие дела». К тому же мыслитель высказывал твердую уверенность в том, что новая война, «в отличие от японской, будет войной народа, общества, а не только государства, правительства».³¹

Между тем правительство внесло свой вклад с разрешение спора «патриотов» и «пацифистов». Сотни тысяч интеллигентов на театре военных действий оказались по мобилизации. Только из министерских школ на фронт ушло не менее 30 тыс. учителей.³² При этом самый значительный отлив педагогических кадров — около 20 тыс. человек — пришелся на период первой мобилизации. На

фронт призывались как учителя начальной школы, так и преподаватели средних учебных заведений.

Мобилизация немедленно породила цепочку казавшихся неразрешимыми проблем: известно, что в среднем по стране на одного учителя приходилось до 50 учеников. Можно понять обеспокоенность просвещенцев за судьбы российской школы. Около 1,5 млн. детей могли оказаться за порогом учебных заведений в связи с нехваткой преподавателей, и, вне всякого сомнения, прежде всего это были бы дети крестьян.

Выход был найден в учреждении института заместителей призванных в армию учителей. Именно заместители должны были сохранить школьное status quo. В идеале, положение дел в области государственного просвещения могло не улучшаться, но оно не должно было и ухудшиться. Иными словами, на смену 30 тыс. учителей, ушедших на фронт, пришли 30 тыс. заместителей. Война помогла выявить одну из «лукавых цифр» статистики — должность заместителя учителя на практике существовала в российских школах и в довоенный период, но работавшие на этой должности люди никогда не учитывались статистикой как профессиональные преподаватели. Подобная же картина наблюдалась и в здравоохранении. Здесь на смену почти 20 тыс. городских и сельских медицинских работников, призванных в армию, пришло равное количество заместителей.³³ Показательно, что из меры временной, как это предусматривалось первоначально, институт заместителей становился явлением постоянным, «ввиду затяжного характера войны, по представлению ведомств».³⁴ Следует, однако, заметить, что восстанавливать status quo приходилось, как правило, после каждой очередной мобилизации. В силу запущенности статистического учета установить подлинную численность привлеченных к работе заместителей практически невозможно.

По непонятной причине от исследователей ускользает примечательный факт. После объявления мобилизации департамент полиции МВД подготовил секретный циркуляр, позднее разосланный во все правительственные учреждения империи. Он касался взаимоотношений администрации и специалистов, уличенных в политической неблагонадежности. Последних предлагалось отправлять в действующую армию незамедлительно, дабы в условиях военного времени соблюсти в тылу должную «нравственность» и «лояльность».³⁵ Администраторы в полной мере использовали представившуюся возможность избавиться от тлетворного влияния смутьянов. В результате армейские части изо дня в день, месяц за месяцем пополнялись не просто «нарушителями политического спокойствия», но высокообразованными людьми, на протяжении долгого времени боровавшимися с ненавистной им государственной системой. Обладая даром агитаторов и пропагандистов, эти люди привнесли политику туда, откуда, по логике, ее необходимо было изгонять любыми способами. Эсеры и меньшевики, большевики и анархисты, националисты и либералы неожиданно для себя получили новое поле действий и развернули работу невиданными темпами. Каждая неудачно проведенная военная операция, каждый промах тыловиков интерпретировался «партийными интеллигентами», одетыми в солдатские шинели, как бездарность царской камарильи. Антиправительственные, антиимперские лозунги падали на благодатную почву и с нарастающим темпом разлагали армию, или, употребим более привычную терминологию, «распропагандировали» солдатские массы. К 1917 г. именно эта «политически неблагонадежная» интеллигенция возглавила подавляющее

число солдатских и армейских комитетов, Советов солдатских депутатов. Свидетельство этому — анализ анкет делегатов трех Всероссийских съездов Советов.³⁶

Об эффekte «распропагандирования» свидетельствует анализ солдатских наказов Третьему Всероссийскому съезду Советов. Они содержали уже не просто требования незамедлительного выхода из войны, но и национализации промышленных предприятий и введения рабочего контроля, конфискации помещичьих имений и передачи земли тем, кто ее обрабатывает, и т. д.³⁷ Сам характер наказов свидетельствует, что к большинству из них приложена рука «партийного интеллигента».

По мере все более драматического развития событий на фронте и в тылу происходило количественное увеличение «политически неблагонадежных» интеллигентов. Еще вчера опасавшиеся политики руководители интеллигентских общественных организаций, как и их рядовые члены, теперь открыто выступали против ухудшающегося экономического положения: «жизнь вздорожала в четыре-пять раз, а оплата труда менее чем в полтора раза»; положение рядового интеллигента не лучшее, «чем у дворника, метельщика или станционного ламповщика»,³⁸ рассуждали о необходимости корректировки правительственного курса.

Показательный факт: медицинское обследование учителей Костромской, Пензенской и Люблинской губерний, проведенное в 1915—1916 гг., засвидетельствовало резкий рост ряда заболеваний. По сравнению с довоенным временем увеличилось число педагогов, страдавших расстройствами нервной системы (45% обследованных), органов дыхания (36%), органов кровообращения (21%), зрения (27%).³⁹ Можно предположить, что здесь не обошлось без воздействия так называемого «военного фактора».

Изменилась тональность выступлений вчерашних «патриотов». Н. Бердяев констатировал: «Силы всех народов Европы истощаются все более и более... Если Мировая война будет еще долго продолжаться, то все народы Европы со старыми своими культурами погрузятся во тьму и мрак».⁴⁰ Применительно к России пришлось признать, что война усилила озлобление народа в отношении власти, ухудшила экономическое положение в стране, развила настроения оппозиционности в различных слоях российского общества. В недоверии к правительству, его политико-социальным начинаниям мыслитель не без оснований угадывал «опасные тенденции», которые рано или поздно должны были перерасти в открытую оппозицию самому государству.

О потере государственного контроля над интеллигенцией свидетельствует и начало издания с декабря 1915 г. под редакцией А. М. Горького журнала «Летопись». Каждый новый номер его буквально кричал о росте в интеллигентских кругах противников войны, критиков правительственного курса. Уже в 1915 г. пришло понимание того, что «это только пишется война, а называется революция».⁴¹

С осени 1916 г. наметилась новая тенденция: часть интеллигенции отворачивалась и от «новой религиозной философии», и от «нового религиозного сознания», все более обращаясь лицом к реальной жизни. З. Гиппиус отмечала: «Не знаю, как нынешнюю зиму сложатся собрания нашего общества. Думаю, мало что выйдет. Прошрое заседание — первое нынче осенью, не было очень интересно».⁴² О кризисе религиозно-философских экзерсисов свидетельствовала и оживленная полемика, развернувшаяся как на страницах печати,⁴³ так и на заседаниях различных обществ. В центре дискуссии оказались книга Н. Бердяева «Смысл

творчества» и его статья «Новое христианство. Д. Мережковский». ⁴⁴ Принявшие участие в дискуссии А. А. Мейер и А. В. Карташев вслед за тем, кому они вроде бы должны были оппонировать, вынуждены были признать, что в современных условиях уже неприемлем отвлеченно-моральный, социологический подход в отношении войны, равно как и любых других событий всемирной истории, представляющих самобытную реальность со специфическими законами и последствиями. Общий прогноз был неутешителен: новая война — это новая революция. Позднее, как бы подводя итог дискуссии, Бердяев констатирует: «Революция вызвана войной, она может быть осмыслена лишь в связи с войной»; «война роковым образом превратилась в революцию, обернувшуюся смутой, переросшей в Гражданскую войну». ⁴⁵ Как похоже на строки дневника З. Н. Гиппиус, написанные задолго до февральских дней 1917 г.: «Война для России, при ее современном политическом положении, не может кончиться естественно; раньше конца ее будет революция». ⁴⁶

В статье И. В. Купцовой, упоминаемой выше, приводятся интересные наблюдения за поведением художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны. Четко прослеживается общая закономерность: от душевного патриотического порыва первых месяцев войны, через разочарования 1915—1916 гг., к полному пересмотру системы ценностей, строя мысли и жизни. ⁴⁷ Несомненно, в угоду войне писались поэмы и повести, собирались пожертвования, устраивались спектакли, концерты, художественные выставки. Однако насколько искренним был порыв, какой след оставил он после себя? Кто-то говорит о «недозрелости» и «недоношенности», «бесцветности» и «тусклости» большей части того, что вышло из-под пера поэтов и писателей, кисти художников, слов и образов артистов. Кто-то — о «сублимации трагических противоречий», «коренных изменениях в общественном и художественном сознании», о том, что к военной культуре, как культуре кризисного времени, нельзя подходить с мерками мирной культуры. ⁴⁸ Осмелимся возразить. Культура военного времени, как правило, на небывалую высоту возносит поэтов и писателей, художников и артистов. Суть лишь в том, во имя чего ведется война, каков ее характер («внутренний склад»), насколько полно затрагивает она личность, общество. Для России Первая мировая война никогда не была войной Отечественной, на всем своем протяжении и интеллигенция, и общество в целом по большому счету относились к ней, как к «непонятной» и «непонятой» войне.

Вряд ли можно согласиться и с другим утверждением. Новосибирский историк С. А. Красильников, характеризуя негативные факторы Первой мировой войны применительно к российской интеллигенции, отмечает, что «перекачка специалистов из гражданской сферы в военную в сочетании с прямыми потерями на фронтах и в тылу приводила к тому, что начиналась „порча“ интеллектуального качества: места изымаемых специалистов замещались так называемой полуинтеллигенцией». ⁴⁹ Прежде всего, в данном тезисе отсутствует доказательный фактор. Не имея убедительных совокупных данных как о числе призванных на фронт интеллигентов, так и о количестве тех из них, кто пал на полях сражений, трудно принять *de facto* все вышеизложенное. Кроме того, анализ состава так называемой замещающей полуинтеллигенции применительно к учительству не дает оснований для утверждения, что по уровню своей профессиональной подготовки этот новый интеллигентский слой в чем-то радикально уступал тем, кого «замещали». Инспекторские проверки, проводимые Министерством народного про-

свещения в 1915, 1916 гг. не зафиксировали снижения качества педагогического мастерства. Напротив, отмечалось, что в условиях все возрастающей нагрузки (численность учащихся в ряде западных и центральных губерний России возрастала за счет детей беженцев из прифронтовой полосы до 60—80 человек на класс) бывшие заместители учителей проявляли себя с самой лучшей стороны.⁵⁰ Вряд ли ухудшилось положение дел в здравоохранении: неподготовленного специалиста вряд ли бы допустили к лечению больного. В периодике военных лет, специальной литературе прямые указания на сей счет также встречаются крайне редко. Если речь и следует вести о некоей трансформации интеллигенции, то скорее всего необходимо говорить о ее психологическом «перерождении».

Война стремительно разрушала традиционные стереотипы, меняла жизненный уклад представителей этой социальной группы. Вчерашние духовные ценности превращались в пыль. Более или менее сносное материальное положение теперь уже казалось сном. Учитель, врач, инженер, ученый с устрашающим ускорением падали в пропасть нищеты. Отсюда чувство собственной ущербности, никчемности. Сотни и тысячи писем, поступавшие в адрес МНП, Святейший Синод, другие министерства и ведомства, свидетельствовали, что вопреки всем правительственным заверениям и распоряжениям постоянно происходили задержки с выплатой жалованья (от одного месяца до полугода и более). Более или менее сносным было положение городской интеллигенции массовых профессий. В сельской же местности разыгрывались настоящие трагедии.

«Не имею средств приобрести самую необходимую одежду и обувь», — это из письма земского врача. «Денег хватает еле на один хлеб», — признание учителя, семья которого, сам автор, Ф. М. Боружко, его жена, дочь, отец и мать оказались на грани голодной смерти. Жена другого учителя, призванного на фронт, сообщала о том, что в нарушение всех действующих положений Пензенский губернский комитет отказал ей и двум ее детям в выдаче беженского пайка. Из армии от призванных на фронт интеллигентов в Петроград летели послания о тяжелом положении оставшихся в тылу семей, помогать которым власти отказываются. «Теперь же дороговизна жизненных продуктов возросла до того, что (семье) приходится жить впроголодь».⁵¹

Еще труднее приходилось семьям интеллигентов, вынужденных эвакуироваться вглубь страны из прифронтовых губерний России. Многие из них, прибыв на новое место жительства, обнаружили свое полное бесправие: в силу ведомственности они не попадали под действие закона 20 августа 1914 г., согласно которому выплата соответствующих денежных сумм полагалась только «пострадавшим от войны».⁵² Чтобы выжить, приходилось в буквальном смысле просить милостыню. С каждым новым месяцем войны становилось все более очевидным, что приток интеллигентов-беженцев будет продолжаться, а возможность их трудоустройства — уменьшаться. Наверное, во многом это объяснялось тем, что беженцы прибывали вовсе не туда и «скапливались» вовсе не там, где имелись свободные вакансии, а в крупных городах. Это было естественное поведение: здесь и должностные оклады были выше, и снабжение лучше. В условиях же прогрессирующей инфляции подобные меркантильные соображения играли отнюдь не последнюю роль. Итог — поломанные судьбы, резко возросшее количество городских суицидов в интеллигентской среде. Сообщения о все новых и новых трагедиях ежедневно смаковались желтой прессой.

Власть предержавшая в этой ситуации сочла возможным разрешить использовать тех, кто отказывался выехать в предлагаемые им местности из городов «не по прямому их призванию, а для других видов общественной деятельности в связи с войной: по трудоустройству беженцев, обслуживанию питательных, врачебных пунктов и т. д.».⁵³ Тем самым закреплялся вполне сложившийся к тому времени порядок: не имея возможности трудоустроиться по основной специальности — «переквалифицируйся». Не в этой ли «переквалификации» кроются истоки «порчи» интеллектуального качества, о которых пишет С. А. Красильников?

Отметим, что в годы войны рождается новое определение интеллигента: пролетарий умственного труда. Оно постепенно укореняется в обыденном сознании, переходит на страницы интеллигентской профессиональной периодики. Впервые упоминается на страницах Ежегодника учительских обществ в 1916 г.⁵⁴ Позднее, в революционные дни 1917 г. это определение становится повсеместным. Добровольный отказ подавляющей части интеллигенции выступать в роли «соли нации» и переход в разряд «пролетариев» также представляется одним из признаков определенного психологического надлома.

Вероятно, в свете сказанного, имеет смысл говорить об изменении ментальности интеллигенции, также порожденной войной. Учитель перестает ощущать себя учителем, врач — врачом, и т. д. И это происходит сознательно. Изучая переписку военного времени нередко можно встретить признания, подобные описанным 56-летним учителем, имевшим 25-летний стаж работы: «Стыдно быть учителем... ввиду крайне ограниченных средств содержания, не позволяющих во многих случаях удовлетворять самые насущные потребности, лишенный материальной возможности иметь постоянное общение с обществом товарищей по работе; оторванность и приниженность, признаться, угнетают нравственно; живешь при безвыходном положении, ради куска нищенского хлеба, который получаешь за свой тяжелый, неблагодарный труд».⁵⁵

В годы войны радикально менялось отношение интеллигенции к политике. На смену традиционной аполитичности приходят новые понятия: внепартийность, надпартийность. Казалось бы, эти определения были также призваны дистанцировать интеллигенцию от участия в реальной политической жизни. Объявляя себя внепартийными либо надпартийными, интеллигенты как бы подчеркивали сохранение лояльности государственной власти. Более пристальное знакомство с истинным положением дел свидетельствует несколько об ином.

Внепартийными, как правило, объявляли себя общественные организации интеллигенции. К примеру, Устав Всероссийского педагогического общества, принятый учредительным собранием 6 мая 1915 г. в Петрограде, запрещал пропаганду платформ политических партий среди учителей и учащихся. Педагогам не рекомендовалось принимать к исполнению любого рода партийные поручения, «могущие нанести вред учительскому движению». Вместе с тем рядовые члены этой организации вне ее были свободны в собственной политической ориентации, неся, в случае чего, самостоятельную ответственность перед известными органами.⁵⁶ Биографии членов ВПО свидетельствуют, что часть их сотрудничала с эсерами, кадетами, большевиками.⁵⁷ И действительно отвечала за свои политические симпатии. Из-за наличия связей и знакомств «в среде неблагонадежного элемента», поддержку партии социалистов-революционеров без работы осталась О. В. Берви, жена вполне «благонадежного» профессора из Тарусы. Н. Н. Абрамов, также симпатизировавший эсерам, был уволен только за то, что

высказался за передачу дела народного образования земствам. Подобные свидетельства не единичны.⁵⁸

В новой ситуации попытки отгородиться от политики шансов на успех не имели. Учителя, ученые, инженеры, деятели культуры и адвокаты, представители других интеллигентских корпораций при всей своей заявленной аполитичности с каждым прожитым днем все в большей степени осознавали неизбежность изменений, ощущали падение былого страха перед властью имущими, ожидали исключительных событий. О крайней политизации настроений в среде российской интеллигенции сообщало по различным инстанциям охранное отделение.⁵⁹ Однако при всей возрастающей политизации в интеллигентской среде, как представляется, доминировали те, кто грядущие перемены по-прежнему связывал с достижением возможного компромисса между консерваторами (в лице царской фамилии и ее администрации) и либералами (в лице Прогрессивного блока Государственной думы). Их платформой по-прежнему оставался социально-политический конформизм. Ценой постепенности, шаг за шагом, уступка за уступкой рассчитывала большая часть российской интеллигенции изменить сложившуюся в стране ситуацию. Активности ждали от Прогрессивного блока, от возобновления 14 февраля 1917 г. работы сессии Государственной думы, где, как предполагалось, усилиями лидеров буржуазных партий планировалось добиться у царя определенных политических уступок (может быть, даже создать «министерство доверия»). И в этом ожидании практически не заметили начавшуюся революцию, в ходе которой неузнаваемо изменились и Россия, и российская интеллигенция. Напротив, при первых же раскатах революционного грома значительная часть интеллигентов по привычке закрыла все двери на ключ, лишь бы «эти люди» (солдаты и рабочие) не вздумали потревожить, нарушить устоявшийся покой. А затем, через несколько дней, эта же интеллигенция признала, глядя в лицо правде: «Говорить о том, что... приняли революцию восторженно, с открытой душой и сердцем, не приходится».⁶⁰

Многоаспектность выбранной для доклада темы не позволяет в рамках отведенного объема осветить все ее стороны. Но это и не являлось нашей задачей. Мы предприняли попытку затронуть лишь ряд наиболее болезненных вопросов, высказать по ним собственную, далеко не бесспорную точку зрения. Надеемся, что в ходе дискуссии предложенная тема получит более детальное освещение и обобщение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Купцова И. В.* Когда пушки стреляют, музы молчат?... (Художественная интеллигенция в годы Первой мировой войны) // Клио (СПб.). 1997. № 1. С. 107.

² *Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X — начало XX вв.* М., 1990. С. 5.

³ См. об этом: *Интеллигенция и российское общество в начале XX в.* СПб., 1996. С. 3.

⁴ *Красильников С. А.* Советская интеллигенция: новые подходы и оценки // Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов. Межвуз. сб. науч. трудов. Иваново, 1995. С. 22.

⁵ *Ерман Л. К.* Ленин о роли интеллигенции в демократической и социалистической революциях, в строительстве социализма и коммунизма. М., 1987. С. 13.

⁶ Там же. С. 188.

⁷ *Федюкин С. А.* Октябрьская революция и интеллигенция // История СССР. 1977. № 5. С. 69.

⁸ *Знаменский О. Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль—октябрь 1917 г.). Л., 1988. С. 8—9.

⁹ Сам О. Н. Знаменский признает, что по данным других исследователей общая численность учительства уже к 1914 г. составляла

- 280 тыс. Разницу в показателях исследователь усматривает в том, что в статистике, приводимой журналом, не были учтены педагоги, находившиеся в армии. Указ. соч. С. 9.
- ¹⁰ Проблемы методологии истории интеллигенции... С. 23.
- ¹¹ *Ильина Г. И.* Художественная интеллигенция в социальной структуре революционной России // Петроградская интеллигенция в 1917 г. Л., 1990. С. 35; *Купцова И. В.* Указ. соч. С. 107.
- ¹² *Знаменский О. Н.* Указ. соч. С. 9; Советская интеллигенция: Краткий очерк истории (1917—1975 гг.). М., 1977. С. 11.
- ¹³ *Купцова И. В.* Указ. соч. С. 107
- ¹⁴ В этом плане показательна судьба 1-го Всероссийского съезда по народному просвещению (Петербург, 22 декабря 1913 г. — 3 января 1914 г.). 6,5 тыс. его делегатов уже с первых дней работы настаивали на принятии «дерзостных в отношении государственности резолюций» (см.: Россия. 1913. 24 и 27 декабря; 1914. 2 января). На заседании Государственной думы В. М. Пуришкевич прямо заявил: «Съезд народных учителей — государственное преступление» (см.: Русская школа. 1914. № 5—6. С. 14). Правительство прислушалось к голосу депутата: на общем делегатском собрании 3 января 1914 г. сенатор В. Мамонтов объявил, что никаких итогов подводить не будет, а принятые комиссиями и секциями резолюции не могут быть признаны официальными документами (см.: Новое время. 1914. 4 января). Съезд был фактически разогнан. Его делегаты оказались занесенными в «черный список», большая часть из них уже к лету 1914 г. оказалась без работы.
- ¹⁵ Цит. по: *Купцова И. В.* Указ. соч. С. 108.
- ¹⁶ *Савич Н. В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 114, 117. Отметим, что оценка автором воспоминаний обстановки в России конца 1913 — начала 1914 г. базировалась на его тесном общении с высшими государственными чиновниками, думскими депутатами, членами дипломатических миссий.
- ¹⁷ *Иванова Л.* Воспоминания. М., 1992. С. 57.
- ¹⁸ Цит. по: *Купцова И. В.* Указ. соч. С. 108.
- ¹⁹ Утро России. 1914. 17 августа. С. 2.
- ²⁰ Цит. по: *Купцова И. В.* Указ. соч. С. 108.
- ²¹ *Савич Н. В.* Воспоминания. С. 124.
- ²² *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров: Воспоминания. М., 1996. С. 395.
- ²³ Там же. С. 396.
- ²⁴ Там же. С. 397.
- ²⁵ *Цехновицер О.* Литература и Мировая война (1914—1918). М., 1938. С. 103.
- ²⁶ Русские ведомости. 1915. 6 ноября.
- ²⁷ Там же. С. 102.
- ²⁸ Цит. по: *Купцова И. В.* Указ. соч. С. 108.
- ²⁹ Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 12.
- ³⁰ *Гиппиус З.* Петербургские дневники. М., 1990. С. 24.
- ³¹ Утро России. 1914. 17 августа. С. 2.
- ³² По данным, опубликованным в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1914—1917 гг.
- ³³ Народное здравоохранение. М., 1916. С. 12.
- ³⁴ ГАРФ, ф. 6862, оп. 1, д. 110, л. 6; Журнал МНП. 1916. Август. С. 167.
- ³⁵ РГИА, ф. 733, оп. 201, д. 508, л. 32, 41, 54, 58, и др.
- ³⁶ *Смирнов Н. Н.* Третий Всероссийский съезд Советов: история созыва, состав, работа. Л., 1988. С. 56—76.
- ³⁷ Там же. 49—50.
- ³⁸ Педагогический журнал для учащихся народных школ Полтавской губернии. 1915. № 3. С. 27; Там же. 1917. № 1. С. 45.
- ³⁹ Известия ВПО. 1917. № 2. С. 4.
- ⁴⁰ *Бердяев Н. А.* Судьба России. Опыт психологии войны и национальности. М., 1918. С. XI.
- ⁴¹ *Андреев Л.* В сей грозный час. Пг., 1915. С. 228.
- ⁴² *Гиппиус З. Н.* Синяя книга. Петербургский дневник 1914—1918 гг. Белград, 1919. С. 60—61.
- ⁴³ Биржевые ведомости. 1916. 18, 19, 21 ноября, и др.
- ⁴⁴ *Бердяев Н. А.* Смысл творчества. Пг., 1917; Русская мысль. 1916. Кн. 7. С. 52—72.
- ⁴⁵ Народопрямство. 1917. 9 августа. С. 4; Новое средневековье. М., 1991. С. 38.
- ⁴⁶ *Гиппиус З.* Петербургские дневники. М., 1990. С. 232.
- ⁴⁷ *Купцова И. В.* Указ. соч. С. 107—114.
- ⁴⁸ Там же. С. 114.
- ⁴⁹ Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов. С. 24.
- ⁵⁰ Журнал МНП. 1917. № 1—7.
- ⁵¹ ГАРФ, ф. 6862, оп. 1, д. 126, л. 6, 10, 22, 50 и др.
- ⁵² ГАРФ, ф. 6862, оп. 1, д. 126, л. 78.
- ⁵³ Журнал МНП. 1916. Июль. С. 67.
- ⁵⁴ Ежегодник учительских обществ. Пг., 1916. С. 83.
- ⁵⁵ Учитель. 1917. № 1. С. 29.
- ⁵⁶ Ежегодник учительских обществ. Пг., 1916. С. 107.
- ⁵⁷ РГИА, ф. 733, оп. 201, д. 508, л. 24, 55, 58; ГАРФ, ф. 6862, оп. 1, д. 136, л. 20; д. 138, л. 3; д. 84, л. 93; и др.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 161.
- ⁶⁰ *Крачкович П. З.* История российской революции: 1914—1920. Кн. 1: Трагедия русской интеллигенции. Гродно, 1921. С. 19.

Б. И. Колоницкий

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АНГЛОФОБИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Исследователи политической истории уделяли немалое внимание понятию «враг». Подчас оно даже становилось центральной категорией при определении особой сферы «политического».¹ С подобным подходом неприятно соглашаться, но историкам, изучающим массовое сознание эпох войн и революций, трудно не признать, что в эти периоды образы врага играют важнейшую роль. Идеологическую подготовку и обеспечения этих конфликтов можно представить как борьбу конкурирующих систем образов врагов, которые при этом принимаются или отвергаются социальными группами, вовлеченными в конфликты. Однако при этом образы врагов начинают жить собственной жизнью, порой удивляя своих создателей и даже повергая их в отчаяние.²

Так, в антигерманской пропаганде эпохи Мировой войны особую роль играл образ воинственного и коварного Вильгельма II, который изображался врагом всего человеческого рода. Однако в определенных условиях этот образ воспринимался вопреки замыслам пропагандистов. Порой карикатуры с изображением германского императора давали повод для оскорбления русского царя — ему противопоставлялся деловитый и удачливый Вильгельм: «Немецкий царь знал, что ему надо, и сорок лет готовился к войне, а наш царь пьянствовал и по заведениям ходил». На фоне воинственного и победоносного немецкого монарха русский царь воспринимался как «царь-дурак», «царь-пробка» и «царь-баба». Порой же дьяволизация образа главного врага сменялась его сакрализацией: «Николай только водку продает, а вот Вильгельм — умный и святой человек, на исповедь призывает грешных».³ Германофобия и шпиономания, слухи об измене и заговорах играли немалую роль в мобилизации и объединении различных сил в дни Февраля, затем режим стал жертвой своей собственной пропаганды, разжигавшей настроения шпиономании и ксенофобии.

Перед историками встает задача реконструкции основного репертуара «врагов», предлагавшихся народам в эти критические эпохи. Речь идет не только о коллекционировании всевозможных образов врага, но и о выявлении их связей, их иерархии, их развития.

Ниже мы попытаемся рассмотреть вопрос о том, какие функции в русском обществе эпохи Мировой войны играла англофобия.⁴

Свой образ врага должна была предложить русским гражданам пропаганда противника. Спешность задачи определялась и тем, что Германия и ее союзники уже в первые месяцы войны захватили в плен немалое число русских солдат и офицеров, среди них необходимо было вести пропаганду. Довольно быстро военнопленных стали разделять по национальному признаку. Первыми стали мусульмане: Вильгельм II стремился спровоцировать восстания в исламских колониях и провинциях враждебных ему империй.⁵ Это сказалось и на политике по отношению к военнопленным: магометанам предоставлялся особый статус, они считались гостями кайзера. Военнопленных из английских и французских колоний концентрировали в так называемом Лагере Полумесяца (Вюнсдорф), туда же собирали и плененных индусов. В лагере Вайнберге сосредоточили российских мусульман, там же имелось и отделение для военнопленных-грузин. Затем в особые лагеря были собраны многие украинцы.⁶ Военнопленных-«кинородцев» пытались настроить против Российской империи, часто пропаганда велась с явно русофобских позиций.

Подобную пропаганду бессмысленно было вести среди основной массы русских военнопленных. И уже в конце 1914 г. возникают различные планы «революционирования» русских пленных. К этой мысли германских военных подталкивало и наличие книжных складов, издательств русских эмигрантов, враждебных царизму. Последние и сами выдвигали проекты «революционирования» военнопленных.⁷ Однако среди немецкого командования не было единства относительно этого проекта, некоторые генералы и офицеры считали его совершенно недопустимым, аморальным и опасным. Если в одни лагеря революционная литература исправно поступала, то в других — педантично задерживалась.

Поэтому в пропагандистской обработке российских военнопленных огромную роль стала играть пацифистская и антианглийская пропаганда — в качестве главного противника мира и врага России указывалась Британия.

Газета «Русский вестник», выпускавшаяся германским правительством для русских военнопленных, постоянно писала об «английских вампирах мира», неизменно проводилась мысль об «английском засилье в России». Показательная иллюстрация на цветной вклейке — русского солдата, возвращающегося в свою избу, ожидает шотландский стрелок, развалившийся в его постели: «Ступай на фронт, Иван, заботу о твоём роде я принял на себя».⁸

Разумеется, пропаганда для военнопленных содержала множество намеренных преувеличений. Однако и в «большой» прессе Германии и Австро-Венгрии приводились порой совершенно невероятные сведения об «английском засилье» в России. Утверждалось, что в России установилась «английская диктатура», рядом с каждым русским чиновником де стоит британский офицер-надзиратель, 20 тысяч англичан занимают все важнейшие посты, а русское правительство не может уже распоряжаться русской промышленностью. Россия сравнивалась с «глупым, но сильным парнем, нужным Англии для ведения ее войны». Порой попросту утверждалось: «Вся Россия в руках англичан и японцев».⁹ В немецкой печати военного времени меняется иерархия главных врагов Германии — англофобия все более теснит русофобию.¹⁰

Похоже, что и некоторые руководители германской внешней политики, и военные искренне верили в то, что могущественные «британские агенты» во многом управляют Россией. Германские информаторы посылали соответствующие

сведения в Берлин, а немецкие государственные деятели склонны были им доверять.¹¹

Германия пыталась разложить и русские войска. С помощью аэропланов, специальных мин и воздушных шаров в их расположение перебрасывались пропагандистские листовки, немецкие патрули оставляли прокламации у проволочных заграждений. В листовках утверждалось, что Россия напрасно проливает кровь ради выгод ее союзников. Уже в январе 1915 г. к германскому канцлеру поступали варианты листовок, содержавшие следующие утверждения: «150 лет мы жили в мире с русским народом. Почему же мы теперь воюем? А потому, что так надо было англичанам, врагам русских и немцев, натравливавшим нас друг на друга!»; «... англичане исконные враги как Германии, так и России. Они натравливали наши могущественные народы друг против друга».¹² Без сомнения, подобные проекты были реализованы. Так, русские офицеры, попавшие в германский плен в марте 1916 г., сообщали, что в окопах оказалось немало листовок, в которых утверждалось, что русские солдаты «воюют не за свое отечество, а за эгоистические интересы Англии». При этом использовалась и так называемая «черная пропаганда»: германские службы печатали и распространяли материалы, якобы выпущенные в России. Так, листовка «Солдатская песня» имела выходные данные: Воронеж, 1916, указание цены — 2 копейки, и даже пометку: «Дозволено военной цензурой». В «песне» имелись соответствующие куплеты:

<...> Продали нас Англичанам
Продали нашу кровь,
Чтоб дальше лилась волнами
На счет союзников. <...>
Напрасно воюем
И жертвуем кровь
Не в пользу России,
Но английских рабов. <...>
Пусть живет свобода,
Пусть живет народ.
Не хотим больше воевать
За английский счет. <...>.¹³

Иностранное происхождение этого текста очевидно, однако подобная пропаганда давала некоторый эффект. «Большая пресса» Германии и Австро-Венгрии утверждала, что среди русских солдат «растет антипатия к Англии, как виновницы продолжения войны». Солдаты же заявляли, что пришло время сбросить опеку Англии, которая виновата в бедствиях, постигших Россию.¹⁴ Для подобных оценок имелись некоторые основания, например, русский солдат-фронтвик писал в 1915 г.: «Англия — вот виновница продолжительной войны. Она не может признать себя побежденной, ее города не разрушаются, она менее всех страдает, только расходует капитал, а про нас говорить нечего». Сходные настроения встречаются и в письмах 1916 г.: «Если англичанин не начал бы, тогда давно был бы мир, главным виновником является Англия. Если существует Бог на небе, тогда этот мелочник не избегнет наказания»; «Англичане говорят, согласны воевать до последнего русского солдата и Англия еще дает России денег на войну, но разве это даром? Хотя от нас, от солдат утаивают, но наш брат все равно узнал...»¹⁵.

Германская пропаганда опиралась на определенные этнические стереотипы восприятия Англии и англичан, сложившиеся в русской культуре. Образ фронде-

ра-завсегдатая Английского клуба даже стал своеобразным штампом, однако традиционному англофильству многих русских либералов и части консерваторов противостояла англофобия правых: для одних Англия была «любимой дочерью свободы» и «родиной парламентаризма», для других — гнездом всевозможных смут. Неприятие государственного и общественного устройства Британии подкреплялось и геополитическими противоречиями между двумя державами. Негативное отношение к «коварному Альбиону», подкупающему целые правительства и сражающемуся «до последнего солдата» своих союзников, получило известное распространение еще накануне Крымской войны. При этом русские публицисты использовали многие антианглийские клише, возникшие ранее во французской прессе. На традицию англофобии в России влияли и русофобские кампании, периодически возникавшие в Британии.¹⁶ Переживания эпохи Крымской войны обострились позже, когда две державы претендовали на влияние в различных районах Азии и на Балканах.

Для русских правых Англия вообще была своеобразной «империей зла». Их печать постоянно писала об «англо-еврейском заговоре», утверждалось, что англичане де уже управляют русскими министрами, а английские масоны руководят русскими революционерами. Геополитические доктрины правых предполагали нанесение решительного военного удара по «масонской» и «ожидовевшей» Британии. Автор одного правого издания писал: «Вполне основательное недоверие к „коварному Альбиону“ переходило у нас из поколения в поколение, постоянно освежаемое и поддерживаемое явно недоброжелательной к России политикой Англии».¹⁷

В годы Мировой войны, однако, германофобия потеснила у многих правых англофобию, а подчас даже и антисемитизм. Но они продолжали сохранять верность старым знаменам, англофобия к тому же была безопасным и допустимым в условиях войны суррогатом германофильства, присущего многим русским правым. Последние утверждали, что при любом исходе войны плоды победы достанутся лишь англичанам. Русских правых раздражали и пугали расширяющиеся контакты между российскими либералами и различными британскими миссиями. Распространение антианглийских настроений беспокоило британские миссии, уже в конце 1914 г. посол лорд Бьюкенен, выступая в Английском клубе, обличал «германофильствующую» часть русского общества (сам посол был постоянным объектом атак правой прессы). Антианглийская пропаганда падала порой на благоприятную почву, подобные настроения затрагивали не только правые круги. Страшные поражения 1915 г. многие в России объясняли «бездействием» союзных армий и флотов, особенное негодование вызывала Англия. Затем Великобритания стала изображаться как держава, ведущая войну ради обеспечения собственной гегемонии в послевоенном мире. Усиление экономической и финансовой зависимости от держав Антанты, прежде всего от Англии, также питало эти настроения. Возмущение вызвали и финансовые переговоры с союзниками; комментируя их ход, русская пресса охарактеризовала Антанту как «союз лошади и человека»: России де в этом альянсе отводится роль животного. Обострение геополитических противоречий, находившее отражение при обсуждении проблем послевоенного устройства, также способствовало нарастанию антианглийских настроений.¹⁸ Наконец, общественное мнение преувеличивало степень влияния Британии на русскую политику в целом. Американский военно-морской атташе, вслед за своими русскими собеседниками даже сообщал, что влияние британско-

го посла едва ли уступает влиянию самого императора. По его словам, это крайне раздражало многих русских, некий известный деятель якобы даже сказал: «Неужели мы воюем лишь ради того, чтобы сменить хозяев?».¹⁹

Эти настроения не были секретом для германского командования: в обзоре положения в России, составленном военным ведомством, говорилось, что русские объясняют неудачи своего оружия пассивностью Франции и Британии, англичане же, по их мнению, будут воевать до последнего русского солдата.²⁰ Германские газеты с удовлетворением отмечали: «В России недовольство Англией растет». Англофобия не была секретом и для британской прессы. «До сих пор существует некоторое недоверие к Англии, недоверие, в котором сами русские едва ли отдают себе отчет», — писала «Таймс» в конце 1915 г. А «Дэйли Грэфик» цитировала некоего русского сановника, который будто бы заявил, что Англия будет вести войну «до последней капли крови русского солдата».²¹

Появилось немало статей и памфлетов, направленных против Британии (это отмечалось и в донесениях русской полиции), антианглийская кампания правых усилилась с лета 1916 г.²² При этом в иностранной прессе утверждалось, что многие русские цензоры потворствовали антианглийской кампании правых.²³

Особенно широкий отклик имели статьи журнала «Российский гражданин», издававшимся П. Ф. Булацелем. Булацель начал с борьбы против модного англофильства, а затем стал обличать английское проникновение в Россию, которой де грозит участь превратиться в «огромную английскую колонию». Журнал задавался вопросом о том, не является ли война для Британии выгодным громадным торговым предприятием. Он также давал понять, что именно английское правительство противится признанию за Россией проливов и Константинополя. Публикации в этом издании вызвали настоящий дипломатический инцидент, когда летом 1916 г. Булацель заявил, что английская армия за все время войны продвинулась «на несколько сот метров».²⁴ Британский посол заявил официальный протест. В конфликт были вовлечены и монархи двух стран: Георг V обратился с личным посланием к российскому императору, он утверждал, что германские агенты в России ведут пропаганду против Англии. Булацель в конце концов принес извинения, союзники заверяли друг друга в дружбе, а «Российский гражданин» был подвергнут предварительной цензуре. Казалось, конфликт был урегулирован. Однако затем цензура была снята и Булацель продолжил антианглийскую кампанию. Себя он даже изображал как жертву «английского засилья»: «... русские газеты могут в самых грубых выражениях отзываться о российских министрах, но не имеют права упоминать о речах английских премьеров иначе как с подобострастным восхвалением каждого слова, вырвавшегося из уст английских ораторов». Продолжая атаку на британского союзника, он даже заявил, что король Британии сам возглавляет ненавистное английское масонство.²⁵ В начале 1917 г. англофобия «Российского гражданина» в некоторых отношениях даже превзошла его антисемитизм, еврейские предприниматели теперь воспринимаются как «меньшее зло» по сравнению с «английскими джентльменами»: «У нас очень боятся экономического засилья еврейских торговцев, родившихся в России, говорящих по-русски и оставляющих нажитые деньги здесь же, в России, между тем как засилье английских купцов почему-то теперь приветствуется как один из „удачных“ способов борьбы против германского экономического засилья».²⁶

В атмосфере нарастания недоверия к союзнику воскресали былые обиды, возрождались старые стереотипы: «Не понимаю, зачем мы воюем с немцами. Я фабрикант и терпеть не могу англичан как торговых агентов», — заявлял П. А. Бурыйшкин.²⁷ Своеобразным подтверждением распространения антианглийских настроений служит и стихотворение О. Э. Мандельштама «Собирались эллины войною...», написанное в 1916 г. Знакомый поэт С. П. Каблуков писал в начале 1917 г.: «... Запишу его стихотворение, отражающее его нелюбовь, недоверие и неуважение к Англии, которую он считает высокомерной, гордой, самоуверенной и мещански-самодовольной нацией-островитяжкой, по духу чуждой и враждебной Европе (континентальной). ... Я не согласен с этими мыслями об Англии, ибо люблю и уважаю ее».²⁸ Часть русского общества полагала, что Великобритания старается переложить все тяготы войны на плечи своих союзников, но в то же время стремится лишить их плодов грядущей победы.

Нередко утверждалось, что решительного конфликта между Россией и Англией нельзя будет избежать. Подобные настроения затрагивали и высшие сферы, вел. кн. Борис Владимирович заявил даже британскому офицеру, что он убежден в неизбежности войны с Англией по окончании «этой войны».²⁹

С другой стороны, российское правительство и военные власти подчас шантажировали британского союзника антианглийскими настроениями в своей стране, стремясь выторговать максимум уступок во время дипломатических и военных переговоров. Порой они провоцировали появление в русской прессе материалов, критикующих союзников. Так, в июне 1915 г. в «Биржевых ведомостях» была опубликована статья, в которой вооруженные силы союзников резко критиковались за бездеятельность. Считалось, что за этой публикацией стояла русская Ставка.³⁰

Отношение к Великобритании становилось подчас инструментом классификации русских политических сил, и наблюдатели писали о борьбе «немецкой» и «английской» партий. Знаком оппозиционности режиму вновь становилось англофильство. Интеллигентный петроградец, описывая известное заседание Думы 1 ноября 1916 г., писал: «Думское заседание было не только антиправительственной, но и англофильской демонстрацией».³¹

Однако накануне Февраля антианглийские настроения не получили значительного распространения, британский посол даже писал, что «антибританская кампания умерла».³² Революция воспринималась подчас как победа «над немцем внутренним», дни революции сопровождалась демонстративными проявлениями англофильства. На улицах английским офицерам устраивались овации, а британский флаг порой гарантировал личную безопасность. Американский военноморской атташе отмечал, что в Петрограде с 27 февраля повстанцы начали захватывать все частные автомобили... кроме тех, которые были собственностью британских граждан. В британском посольстве не скрывали своего удовлетворения по поводу свершения революции. Неудивительно, что сразу же начали распространяться слухи о том, что миссии Великобритании участвовали в подготовке революции (говорили, что вопрос о перевороте де был решен на союзной конференции в Петрограде). В монархических кругах затем даже передавали, что английский посол де посещал собрания революционеров переодетый, в парике и с фальшивым носом.³³

Февральская революция не могла не сказаться на тоне германской пропаганды.

Первоначально «Русский вестник» ограничился публикацией чисто информационных материалов под заголовком «Беспорядки в России». Затем революция трактовалась как проанглийский государственный переворот: «В России кажется дело англичан выгорело». Однако при этом авторы осторожно оговаривались: «В осуждении старого режима мы были солидарны с большинством наших читателей».³⁴

Подобная пропаганда давала определенный эффект. Так, русский генерал Бобыр, находившийся в офицерском лагере Бланкенбург, заявил в мае 1917 г., что на почве англофобии возможны конфликты между русскими пленными офицерами различной ориентации. Распространение же антианглийских настроений он объяснял чтением «Русского вестника». Возможно, впрочем, здесь сказались монархические воззрения самого генерала: по его мнению, против царизма выступало лишь 15% населения России, сознание которых де было «отравлено» английскими агентами.³⁵

Однако немецкие пропагандисты все же явно недооценивали глубину революционного переворота, они преувеличивали монархизм русских солдат. И вскоре Февраль стал трактоваться как подготовленный англичанами превентивный путч, который должен был предотвратить «настоящую» антивоенную революцию: «Англичане же увидели, что дело неладно, что революция охватит всю Россию, и вот тогда они прибегли к тому же самому средству, которое уже в 1905 г. помогло против Революции». Автор заметки предупреждал: «Измученный народ не удовольствуется красивыми фразами и если социал-демократы Чхеидзе и Чхенкели не дадут народу большего, чем октябристы и кадеты, то народ и их прогонит, а в конце-концов восстанет и против английских вампиров и изгонит их из пределов страны».

Затем, когда стало ясно, что революция пользуется широкой поддержкой, позиция «Русского вестника» изменилась: «...В действительности оказывается, что англичане прилагали все старания, чтобы воспрепятствовать конечной победе революции. ...Англичане совершенно не хотели революции в России». При этом авторы, ориентируясь на революционную конъюнктуру, утверждали: «Англия самая реакционная страна во всем мире». Напротив, собственные «революционные заслуги» газета всячески подчеркивала. «Мы же всегда боролись против царизма», — не без некоторого основания утверждалось в одной из заметок.³⁶

Антибританская кампания не ослабевала, показательны заголовки в одном только номере газеты «Русский вестник»: «Англизация русского флота», «Аландские острова под английской командой», «Россия — жертва Англии (Обзор печати)».³⁷

После революции основные направления германской пропаганды среди русских — антивоенное и антиантантовское — претерпели изменения: они учитывали антикапиталистические, антибуржуазные, «антибуржуйские» настроения масс революционной России, разделявшиеся, по-видимому, и частью военнопленных: «Мы не хотим, чтобы за каприз наших капиталистов гибли миллионы нам подобных! Мы не хотим, чтобы грудь нашей матушки-России сосали иностранцы, а мы пользовались их подачками», «Товарищи! Война ведется в угоду капиталу и то не русскому, а англо-французскому», — писали они в «Русский вестник». Число таких примеров можно было бы умножить. Нельзя, разумеется, исключить, что часть подобных писем специально подготавливалась редакцией. Однако российская военная цензура, которая просматривала письма, направлявшиеся на роди-

ну, также сообщала, что в 1917 г. в лагерях нарастали антианглийские настроения, в этом сказывалось влияние германской пропаганды. Некоторые пленные писали домой: «Необходимо жить в дружбе с немцами, поскольку все равно вместо германского засилья у нас будет английское, или американское»; «Война ведется ради интересов английских и французских капиталистов».³⁸

Сходную эволюцию проделала после Февраля и германская фронтовая пропаганда (для пропаганды среди русских войск 1917 г. использовался и «Русский вестник»).

О революции многие русские солдаты узнали из германских плакатов и листовок: свое командование часто скрывало вести о ней и приказывало уничтожать соответствующие немецкие пропагандистские материалы.³⁹ Это подрывало авторитет офицеров и вызывало интерес к сообщениям врага, однако германские прокламации были составлены весьма неудачно. В листовке, одобренной генералом Людендорфом, говорилось, что это англичане сначала втянули царя в войну, а затем, когда он разгадал их фальшивую игру, свергли его: «Англичане заставили вашего Богом вам данного царя отказаться от престола. Почему? Потому что он уже не хотел больше даваться им в обман».⁴⁰ В некоторых листовках утверждалось, что свержение царя — дело рук англичан, которые хотели сорвать заключение мира между Россией и Германией: «Оставайтесь верными своему царю! Сейчас, когда он хотел дать вам почетный мир, он убит или арестован английскими шпионами...»⁴¹

Однако вскоре были внесены должные коррективы, и дни Пасхальных праздников ознаменовались новым германским пропагандистским наступлением.⁴² Время выбрано не случайно — и ранее на Пасху русские солдаты братались с противником, подчас в этом участвовали и офицеры.⁴³

Антианглийская тема продолжала играть особую роль и в это время. Директивы по ведению пропаганды, утвержденные статс-секретарем германского министерства иностранных дел, требовали использовать следующие аргументы: царское правительство, находившееся под влиянием Англии, отвергло мирные предложения Центральных держав, новое либеральное правительство также зависит от Англии.⁴⁴

В сатирических стихах англичанин изображался как «кровожадный, коварный и брюхастый паук». Звучали старые мотивы — русских солдат призывали «сбросить иго Англии».⁴⁵ На плакатах изображался зловещий и кровожадный Джон Буль, преграждающий русскому солдату путь домой. На картине «Кто подготовил войну?» этот отвратительный персонаж противопоставлялся миролюбивому и трудолюбивому немецкому Михелю.⁴⁶

Русских солдат пытались также убедить, что Британия разрабатывает планы захвата территории России. Распространялась соответствующая карта-плакат, комментарий гласил: «Англия намеревается занять Архангельск, Кронштадт и Аландские острова. Россия, которая и так имеет только несколько месяцев освобожденную ото льда дорогу в Северный океан, или выход из Балтийского моря, тем была бы от этих исходных точек отрезана». Утверждалось, что Британия со времен Петра Великого пыталась отрезать Россию от моря: «Россия проливает кровь за своего главного врага, который хочет ее экономически уничтожить, т.е. за Англию... и воюет против центральных держав, которые стараются осуществлять свободу морей». Центральные державы рассматривались как гаранты интересов России после окончания войны: «Англия не должна получить ничего из

нынешней русской территории. Необходимо действовать против намерений этого хищного государства, которое хочет политически и экономически поработить другие народы».⁴⁷

Специальной листовкой был отпечатан ответ главкома Восточного фронта на обращение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Он гласил: «...Вы наконец убедитесь в том, что Ваш могильщик — Англия, как она для своих целей 13 лет тому назад довела вас до войны с Японией, так она и теперь погубит Вас для того, чтобы поддержать и укрепить свою всемирную власть».⁴⁸

Пропагандисты Германии и Австро-Венгрии использовали и миф о «желтой опасности»: «Англия хочет поднять против русских японцев и напасть на Россию с тыла, если русские бросят фронт». Правда, в ответ на эту листовку из русских окопов была переброшена записка: «Как беззащитно и нагло вы врите».⁴⁹

В то же время антианглийская пропаганда стала разрабатывать и новые темы, при этом учитывались революционные и антимонархические настроения, царившие в русской армии.

В германских листовках утверждалось, что, хотя русские и избавились от Николая, но английский посол Бьюкенен все еще сидит в Петрограде и внушает свои мнения русскому правительству. Пока он будет царствовать и «пить русскую кровь», русские не получают ни мира, ни свободы. На карикатуре был изображен «новый русский император», подпись гласила: «Старый насильник свергнут — да здравствует (!) новый самодержец — Джон Буль».⁵⁰ Другая листовка утверждала: «Царь со своей семьей теперь сидит в Петропавловской крепости, и английские офицеры его охраняют. А Россией теперь владеют ваши новые правители: что им английский посол прикажет, то и делают: воевать будут до победного конца... Кому вы теперь служите? Вы это, вероятно, себе еще не представляете, но это очень просто: вы служите англичанам. Чего они хотят, то вы и делаете. Они теперь у вас везде: во всех государственных управлениях находятся англичане; во всех фабриках и заводах, на железных дорогах и золотых коях — везде, везде англичане!»⁵¹

Пропагандистское наступление Германии усилилось в период подготовки русской армии к активным действиям в июне 1917 г. Особым нападкам вновь подвергалась Англия.⁵² Появились листовки, в которых утверждалось, что даже Петроградский Совет находится под влиянием англичан, а английский посол «старается создать правительство, которым бы Англия воспользовалась для своих целей, не считаясь с мнением народа». Наступление оценивалось следующим образом: «Тысячи русских солдат принуждены были пожертвовать своею жизнью только за Англию!» Утверждалось, что «Англия с Керенским начинают ввести (!) в России все более автократический режим».⁵³

Насколько эффективна была антианглийская пропаганда?

Иногда она вызывала обратный эффект. Австрийские офицеры-пропагандисты отмечали, что некоторые публикации «Русского вестника» об «английском засилье» оскорбляли национальные чувства русских.⁵⁴ В некоторых ответах русских солдат антианглийская пропаганда отрицалась: «Ваш листок... мы прочли и поняли, что он выпущен вашим правительством. Мы лучше знаем, что у нас произошло и довольны нашим правительством. Англия наш друг и помогает...». В записке же, адресованной солдатам Австро-Венгрии, утверждалось: «Вы пишете нам, что мы под игом Англии. Этого пока нет. Но вы уже в немецком рабстве». В

другом письме русские солдаты призывали противника сбросить «иго немцев и евреев». Постоянно звучали призывы освободиться от гнета монархов.⁵⁵

Однако в отчетах германских пропагандистов о встречах с российскими военнослужащими в мае — июне 1917 г. встречаются и упоминания о иной реакции русских солдат, они де протестовали против «гегемонии Англии», недоверие к Британии значительно возросло. Так, собрание офицеров и солдат 48 полка 12 пехотной дивизии обсуждало вопрос о том, кто является для России более опасным врагом, Германия или Англия. Единодушно была названа Англия.⁵⁶ Немецкие пропагандисты утверждали также, что однажды группа русских солдат подошла к окопам противника с криком: «German hoch! England Kaput! Russland Frieden!» Два депутата 218 полка якобы заявили, что они хотят мира, но этому мешают 20 тысяч англичан, ведущих милитаристскую пропаганду. Николай II де после войны с Японией попал под полное влияние Англии, которая и втянула его в новую войну. Некоторые русские участники переговоров утверждали, что Временное правительство находится под контролем англичан, поэтому мир и невозможен. Другие выражали возмущение тем, что англичане де установили полный контроль над русскими морскими портами.⁵⁷ Как видим, здесь повторялись аргументы германской пропаганды.

Однако к ведомственным отчетам следует относиться крайне осторожно: сам жанр военно-бюрократической отчетности предполагал посылку рапортов об успехах.

Но и в русской печати это также находит подтверждение: «В последнее время можно встретиться с утверждением, что главным виновником этой войны является Англия», — писал современный публицист.⁵⁸ Косвенным признанием эффективности германской пропаганды могут служить и приказы русского командования (порой они попадали в руки немцев). Командующий 3-й армией требовал разъяснять солдатам, что Англия — верный союзник России, поставляющий ей оружие и снаряжение, британский флот сдерживает немецкие военно-морские силы, цель Германии — ослабить англо-русский союз.⁵⁹

Наконец, распространение антианглийских настроений необычайно беспокоило британские миссии, к пропаганде которых революционные массы России относились со все возрастающим недоверием. Корреспондент «Таймс», американец С. Уошберн, требовал летом 1917 г., чтобы миссии США активнее вели агитацию в России, заменяя тем самым британских союзников. 16 (29) июня он писал государственному секретарю Лансингу: «Германская пропаганда всегда стремилась ослабить Англию. Так как в России существовало традиционное подозрение против Англии, им трудно вести работу в русских войсках. Попытки же немцев выступать против Америки представляют жалкое зрелище».⁶⁰

А. Бромхэд, руководивший британской кинопропагандой в России, стал свидетелем того, как в конце апреля (ст.ст.) толпа на одной из московских площадей кричала: «Долой англичан!» И британские военные, и консулы в Одессе и Риге фиксировали рост антианглийских настроений: считалось, что Британия — единственное препятствие на пути к миру, что она заставляет Россию вести войну ради своих эгоистических интересов. О том же говорил и английский врач, работавший в одесском госпитале: он не один раз был свидетелем разговоров, в которых утверждалось, что истинные враги России — Англия и Япония, что Англию следует принудить согласиться на мир без аннексий и контрибуций.⁶¹

Чем объяснялась эффективность пропаганды Германии и ее союзников?

Немцы объясняли успехи своей пропаганды не только традициями англофобии в России. Они справедливо отмечали, что влияние большевиков немало им способствовало. Действительно, в пропаганде интернационалистов все большее место стало уделяться различным спекуляциям относительно «заговора международной буржуазии», направленного против русской революции. И в этом «заговоре» особая роль отводилась именно «английскому империализму». Поэтому германские пропагандисты охотно цитировали прессу интернационалистов, ссылаясь на их авторитет, хотя порой в оригиналах вряд ли можно было бы обнаружить источники «цитирования». ⁶² Британские дипломаты порой также связывали рост антианглийских настроений с распространением памфлетов большевиков (консул в Риге сетовал на распространение брошюры Троцкого «Программа мира»). ⁶³

Но антианглийские настроения были распространены не только в большевистских кругах. Не менее резко осуждали Британию и другие группы интернационалистов: «Освободившись от романовского ига Россия стала перед фактом экономической, финансовой, военной и политической зависимости от империализма Англии и ее союзников и связана в борьбе за свое освобождение от этого ига опасением попасть под иго империализма германского», — гласила декларация меньшевиков-интернационалистов, принятая во второй половине мая. ⁶⁴ В новых условиях «английская партия» воспринималась как «партия войны», противостоящая левым силам. Так, американский военно-морской атташе в своих отчетах противопоставляет «британскую партию» и партию мира, крайних социалистов, враждебных Англии. ⁶⁵

Антимонархическая пропаганда в России также задевала порой английских военных и дипломатов, в новых условиях они ощущали себя союзниками второго сорта. Так, британский военный атташе отмечал, что в своей речи А. Ф. Керенский особо выделял союзные демократии, монархиям отводилось второе место. Действительно, монархии популярный министр считал, по-видимому, архаичным учреждением: «Мы создаем не какой-нибудь английский, или немецкий строй, а демократическую республику в полном смысле этого слова», — заявил Керенский 15 (28) мая в Гельсингфорсе. Порой же противники войны попросту именовали британского короля «разбойником с большой дороги». ⁶⁶

Пропагандисты противника это учитывали — в русские окопы перебрасывалась листовка, на которой были изображены необычайно похожие кузены — Николай II и Георг V. ⁶⁷

Во время выступлений англичан в различных аудиториях постоянно задавались вопросы о британском империализме, об угнетении Египта, Индии и Ирландии. У. Сандерс, член британской рабочей делегации, посетившей Россию, отмечал, что антибританские настроения были присущи «еврейскому элементу» в Советах и комитетах. Почти на всех митингах они задавали одни и те же вопросы об Ирландии и Египте, критиковали британский империализм и заявляли, что последний ничем не отличается от империализма германского. Многие в этой ситуации разделяли мнение В. И. Ленина, который в июне 1917 г. утверждал, что «английское капиталистическое правительство есть наиболее аннексионистское правительство в мире, ибо оно насильственно удерживает наибольшее количество народностей в составе английской империи...». ⁶⁸

В России были крайне возмущены и тем, что британские власти задержали в Галифаксе группу эмигрантов, возвращающихся в Россию (среди членов этой группы был и Л. Д. Троцкий).⁶⁹ Особое негодование этот эпизод вызвал в социалистических кругах.

Л. Вольф, видный деятель еврейской общины в Англии, направил в британское министерство иностранных дел докладную записку, она была составлена на основе информации, поступавшей от его российских корреспондентов. Он определенно утверждал, что престиж Англии в России полностью утерян из-за ограничения во время войны традиционных гражданских свобод, неудачных действий британских делегаций, отказа пропустить на родину русских эмигрантов, взгляды которых не нравились английскому правительству, недопущения в Россию лейбористов радикального толка, заигрывания со старым правительством. Ирландское восстание и вообще ирландская политика в целом также подрывали былую славу Англии, ее духовный и моральный авторитет.⁷⁰

Наконец, русских социалистов разного толка особенно беспокоили аннексионистские военные цели «английского империализма». Британию считали главным препятствием на пути заключения «демократического мира».⁷¹ Опасения такого рода высказывал в беседе с иностранными дипломатами даже А. Ф. Керенский.⁷²

Ограничение английских поставок в Россию, пассивность британского флота во время боев за Моонзундский архипелаг, поддержка, оказанная Корнилову некоторыми миссиями Великобритании, — все это способствовало распространению новой волны антианглийских настроений, и не только в левых кругах.⁷³ В это время распространяются и всевозможные слухи о том, что Англия собирается заключить сепаратный мир за счет России, этот мотив используется и в германской пропаганде.⁷⁴ О подобных настроениях Керенский проинформировал британского посла. В своем конфиденциальном послании Ллойд-Джорджу он также упоминал о том, что пропаганда врага сделала много для того, чтобы убедить в этом русский народ.⁷⁵

Временное правительство пыталось бороться с распространением антианглийских настроений, которые косвенно подрывали его власть. Но в то же самое время резко обострились отношения между британскими миссиями и некоторыми министрами. Не был исключением и сам Керенский, который не без основания полагал, что члены британских военных миссий не только сочувствовали, но и содействовали генералу Корнилову (сам Керенский порой обвинял впоследствии в этом и все правительство Великобритании).⁷⁶ Он был также возмущен сокращением военных поставок, бездействием британского флота, пренебрежительным отношением союзников к статусу России. Осенью и Керенский внес свой вклад в обострение отношений с союзником.⁷⁷ Он дал интервью американским журналистам, в котором содержались резкие выпады в адрес европейских союзников, прежде всего в адрес Великобритании. Эта публикация была расценена как явно антианглийское заявление, она привела к еще большему обострению отношений России с британскими миссиями.⁷⁸

Но в то же самое время даже многие добросовестные сторонники правительства критиковали его главу за «излишнюю уступчивость» Англии. Интернационалисты же вообще именовали членов правительства «наемниками английского капитализма».⁷⁹ Джон Рид писал о Керенском: «Революционная демократия утверждает, что он „продался“ буржуазии и иностранным империалистам. Буржуа-

зия и реакционные влиятельные иностранцы — во главе с британским посольством — обвиняли его в том, что он „продался“ немцам».⁸⁰

В изображении же германской и австро-венгерской пропаганды всемогущий заговор Британии вовлекал в свою орбиту все новых и новых русских политиков, менялось и их отношение к главе Временного правительства. «Посмотрите на Керенского, который, ведь, сначала был честный человек, но теперь, подкупленный золотом Англии и буржуазии, смотрит только за собственными интересами, тогда как благо России и ее обывателей ему нипочем»; — писал некий «Мадьярский товарищ» в письме-листочке, которое было датировано 1 июля. После Октября вражеские листовки поздравляли русских солдат с «большой победой над предателем Керенским, который хотел их за английские деньги привести к гибели». «Австрийские товарищи» призывали своих читателей: «Только вы должны постараться, чтоб Керенский опять не захватил власть, иначе никогда не будет мир. Этот „друг“ англичан стремится склонить армию на свою сторону, чтобы опять проливать кровь для интересов Англии и Франции».⁸¹

К Октябрю антианглийские настроения были распространены в самых различных кругах: многие монархисты считали, что само свержение монархии — дело рук «коварного Альбиона», умеренные социалисты не могли простить союзным миссиям их поддержку Корнилова, наконец, интернационалисты полагали, что «британский империализм» стоит во главе антиреволюционного заговора мировой буржуазии.

Антианглийские настроения укоренились, они проявлялись и позже, во время Гражданской войны. Так, капитан Х. С. Мартин, член американской военной миссии на Севере России, указывал, что интервенция только одних британских сил усилила бы уже существующие в России антианглийские настроения, многие противники большевиков считали, что правительство Великобритании, прикрываясь дружелюбными фразами, преследует лишь свои эгоистические цели.⁸²

Но «коварный Джон Буль» не стал все же важным персонажем русской политической жизни в 1917 г. Англофобию осени 1917 г. нельзя ни по масштабам, ни по влиянию сопоставить с ролью германофобии в канун Февраля. Главным же врагом революционных масс к Октябрю стал Буржуй.

Однако исследователь, изучающий генеалогию «врага народа», должен обратиться к Джону Булю, олицетворяющего английский капитализм, особое внимание. В родословной главного врага русской революции он занимает важное место.

Различные варианты англофобии способствовали развитию параноидальных форм массового сознания, которое «объясняло» все заговором всемогущего Врага. При этом англофобия не могла вытеснить германофобию, но она все же значительно ослабляла антигерманскую пропаганду. Это имело известное значение для хода Российской революции: Керенский и его политические друзья пытались создать атмосферу национального единения на основе противостояния всех «живых сил страны» в борьбе против «германского империализма». И если коварный Джон Буль не стал главным Врагом, то до известной степени он все же конкурировал с «германским империализмом», подрывал его монополию, способствовал распространению образа врага-Буржуя. В последнем также можно обнаружить и некоторые черты сходства с «коварным Альбионом». Сам этот образ, находящийся на пограничье ксено- и социофобии, координировал, согласовывал и умножал пропагандистские усилия большевиков и Германии. С другой стороны,

большевики, создавая образ всемогущего врага-Буржуя, получали возможность использовать в целях политической мобилизации давнюю и развитую традицию англофобии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Schmitt C. Der Begriff des Politischen // Schmitt C. Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar-Genf-Versailles (1923—1939). Berlin, 1988. S. 67—74.*
- ² *Jahn Hubertus F. Patriotic Culture in Russia During World War I. Ithaka; London, 1995.*
- ³ РГИА. ф. 1405, оп. 521. д. 476. л. 163. 352 и др.
- ⁴ О восприятии Англии в России начала XX в. см.: *Сережев Е. Ю. Образ Великобритании в представлениях российских дипломатов и военных в конце XIX — начале XX веков // Россия и Европа в XIX—XX вв.: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур (Сб. научн. трудов). М., 1996. С. 166—174; Рудая Е. В. Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907—1917 гг. // Там же. С. 175—183.*
- ⁵ Планам революционизирования мусульман был посвящен обширный трактат одного из видных германских дипломатов. *Max, Freiherr von Oppenheim. Die Revolutionierung der Islamische Gebiete Unsere Feinde (Denkschrift). 1914. Politisches Archiv des Auswaertigen Amt, Bonn (далее — РА АА). WK. 11. R. 20938.*
- ⁶ В этом отношении использовался опыт Австро-Венгрии, еще ранее отделявшей пленных украинцев, однако затем германские военные пошли гораздо дальше — в отличие от австро-венгерских коллег, опасавшихся чрезмерного усиления украинского национализма, они действовали смелее.
- ⁷ См.: *Колоницкий Б. И. Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизирования» России (август 1914 — начало 1915 г.) // Русская эмиграция — лаборатория либеральной и революционной мысли / Ред. Ю. Шеррер, Б. В. Ананьич. СПб., 1997. С. 197—216.*
- ⁸ См.: *Колоницкий Б. И. Берлинская газета «Русский вестник» (1915—1919 гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века / Сост. И. И. Фролова. СПб., 1996. Вып. 8. С. 132—143.*
- ⁹ РГИА. ф. 797, оп. 93, д. 255, л. 177, 178; ф. 1470, оп. 2, д. 82, л. 96; д. 100, л. 374, 400, 563; д. 102, л. 80, 100. Обзоры иностранной печати.
- ¹⁰ *Koszyk K. Deutsche Pressepolitik im Ersten Weltkrieg. Düsseldorf, 1968. S. 126—130.* Крайним проявлением германской англофобии и шпиономании была листовка на немецком языке, распространявшаяся в Германии. В ней утверждалось, что англичане подкупили... германского канцлера. Предположительно, она была выпущена германскими правыми. РГИА. ф. 1470, оп. 2, д. 82, л. 193, 252.
- ¹¹ Параноидальное сознание эпохи войны зеркально отражалось и в донесениях британских информантов. Последние распространяли крайне преувеличенные сведения о «германском засилье» в России.
- ¹² РА АА, WK. 11с, R. 20986, A. 3948.
- ¹³ Bayerisches Hauptstaatsarchiv (Muenchen) (далее — ВНА). Abt. IV: Kriegsarchiv, Kav. Div. Bd. 30, Akt 4.
- ¹⁴ РГИА. ф. 797, оп. 93, д. 255, л. 45, 214.
- ¹⁵ Царская армия в период Мировой войны и Февральской революции (Материалы к изучению истории Империалистической и Гражданской войны) / Ред. А. Максимов. Казань, 1932. С. 31, 71, 72.
- ¹⁶ *Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских (1825—1853 гг.). М., 1982. С. 247—303.*
- ¹⁷ *Раскин Д. Идеология русского правого радикализма в конце XIX — начале XX веков. // Национальная правая прежде и теперь: Историко-социологич. очерки / Отв. ред. Р. Ш. Ганелин. СПб., 1992. С. 15—16, 18—19; Павлов Д. Знаем ли мы Англию? // Российский гражданин. 1916. № 21. С. 3—4.*
- ¹⁸ *Buchanan Sir George. Mission to Russia and Other Diplomatic Memoires. London; New York; Toronto; Melbourne, 1923. Vol. 2. P. 28—29; Алексеева И. В. Агония сердечного согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте (1914—1917). Л., 1990. С. 31—32, 74—75.*
- ¹⁹ *Saul N. E. Sailors in Revolt: The Russian Baltic Fleet in 1917. Lawrence, 1978. P. 231—232; Донесение американского военно-морского атташе, (13 февраля 1917 г.) // National Archives (Washington) (далее — NAW), RG 45, WA 6, Box 716, folder 4, p. 3*
- ²⁰ ВНА. Abt. IV: Kriegsarchiv, Kriegsministerium. III a, III b. 98: Notizen ueber fremden Armeen: Russland. S. 4.
- ²¹ РГИА. ф. 1470, оп. 2, д. 100, л. 5, 85, 164—165, 168, 290.
- ²² *Дякин В. С. К вопросу о «заговоре царизма» накануне Февральской революции // Внутренняя политика царизма. Л., 1967. С. 389.*
- ²³ РГИА. ф. 1470, оп. 2, д. 102, л. 555.
- ²⁴ Российский гражданин. 1916. № 29. С. 13—14.

- ²⁵ *Buchanan Sir George. Mission to Russia and Other Diplomatic Memoires... Vol. 2. P. 20—21; Монархия перед крушением, 1914—1917: Из бумаг Николая II (Статьи В. Л. Семенникова). М.; Л., 1927. С. 12—13, 149, 168—169, 269—297; Емец В. А. Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны (Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны). М., 1977. С. 329—330; Российский гражданин. 1916. № 37, 1917. № 2; РГИА, ф. 776, оп. 10, д. 2159. Позиция Булацеля вызвала протесты ряда правых, включая и В. М. Пуришкевича. «Общество 1914 года» потребовало привлечения Булацеля к суду за государственную измену и направило делегацию к британскому послу. В ответ на выступление «Российского гражданина» были устроены англофильские демонстрации. РГИА, ф. 1470, оп. 2, д. 102, л. 487, 564, 584.*
- ²⁶ Российский гражданин. 1917. № 5. С. 12.
- ²⁷ Кускова Е. Люди Февраля и Октября // Новое русское слово. 1957. 24 марта.
- ²⁸ *Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1: Стихотворения. М., 1991. С. 43, 423; ОРРНБ, ф. 322, оп. 1, д. 42, л. 8—9.*
- ²⁹ *Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. С. 217. Близкая императрице княжна В. И. Гедройц в начале войны заявляла: «Англия не многого стоит, верьте мне, кончится все войной с англичанами»: Чеботарева В. В дворцовом лазарете в Царском Селе // Новый журнал. 1990. Кн. 182. С. 207. О других проявлениях англофобии в высших сферах см.: [Жевахов Н. Д.] Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. Т. 1: Сентябрь 1915 — март 1917. М., 1993. С. 42, 69.*
- ³⁰ *Емец В. А. Указ. соч. С. 190—191; Алексеева И. В. Указ. соч. С. 70.*
- ³¹ ОРРНБ, ф. 322, оп. 1, д. 41, 111. Дневник С. Каблукова, запись 2 ноября 1916 г.
- ³² *Buchanan Sir George. Mission to Russia and Other Diplomatic Memoires... Vol. 2. P. 55.*
- ³³ Там же. P. 92—96; *Алексеева И. В. Указ. соч. С. 40—44; NAW, RG 45, WA 6, Box 716, folder 4. Обзор событий в Петрограде, 8—16 марта (составлен на основе донесений военноморского атташе в Петрограде), p. 6, 15, 16; Там же, Донесение американского военноморского атташе, 7 (13) марта 1917 г., p. 4.*
- ³⁴ *Русский вестник. 1917. 8 (21) марта. Похоже, сами немецкие генералы верили в это. Даже в своих мемуарах они указывали, что Англия де сыграла решающую роль в свержении царя. См.: Людendorff Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 1924. Т. 2. С. 9. Подобная трактовка Февраля официальной газетой военного министерства в 1917 г. привела к незначительному внутриведомственному и внутригерманскому конфликту: прусский посланник в Мюнхене сообщал 9 апреля в Берлин, что по сведениям баварских политиков в «Русском вестнике» ведется агитация в пользу свергнутого царизма. Он высказывал опасение, что противники Германии смогут воспользоваться подобной позицией газеты. Германское военное министерство, отвечая на запрос министерства иностранных дел сообщило, что «Русский вестник» никогда не вел процаристскую пропаганду, а напротив, всегда обличал русский режим. РА АА, WK, Nr 11s, R. 21261, A. 11627, 12183.*
- ³⁵ РА АА, R. 21262, A. 21995/17.
- ³⁶ *Русский вестник. 1917. 1(14) апреля; 26 августа (8 сентября).*
- ³⁷ *Русский вестник. 1917. 14 (27) октября.*
- ³⁸ ОРРНБ, ф. 152, оп. 3, д. 98, л. 38, 77. См. также: *Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 76.*
- ³⁹ *Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. М., 1971. С. 131.*
- ⁴⁰ РА АА, WK 11с, R. 21001, A. 8679, 11981.
- ⁴¹ *Knox A. W. F. With the Russian Army. London, 1921. Vol. 2. P. 600—601.*
- ⁴² *Wildman A. The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1980. P. 334—348. См. также: Bauermeister A. Spies Break Throgh: Memoirs of a German Secret Service Officer. London, 1934. P. 124—146.*
- ⁴³ См.: *К.П.Т. Фронт // Военная быль. 1974. № 127. С. 27, 28; Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931. С. 34. Сходные явления имели место и на других фронтах. Особый резонанс получило братание английских и немецких войск в дни Рождества 1914 года. См.: Brown M., Seaton S. Christmas Truce: The Western Front, December, 1914. London, 1994.*
- ⁴⁴ Hoover Institution Archives (далее — НИА), Germany, Oberste Heersleitung, Box 2. Stimmung im Russischen Heere. P. 7, 8.
- ⁴⁵ НИА. В. Nikolaevsky Collection. Box 149, file 3. [Навотный] Ф. [Пропаганда]. С. 48, 70. Данный текст включает большое число выдержек из германских и австро-венгерских документов. В годы войны военнослужащие австро-венгерской армии, чехи по национальности, копировали их, а затем передали некоему русскому автору. Цитаты, содержащиеся в данном тексте, порой совпадают с известными нам германскими инструкциями и пропагандистскими материалами.
- ⁴⁶ ВНА, Abt. IV: Kriegsarchiv, 2 Landw. Div., Band 5, Akt 8.
- ⁴⁷ [Навотный] Ф. [Пропаганда]. С. 44, 47—48.
- ⁴⁸ ВНА, Abt. IV: Kriegsarchiv, Bayer. Kav. Div., Abt. Ia, Band 30, Akt 2.
- ⁴⁹ [Навотный] Ф. [Пропаганда]. С. 56—57. Германское командование составляло специаль-

- ные обзоры: «Ответы на наши листовки, письма и плакаты». Впрочем, миф о «японской опасности» в первоначальном виде работал вопреки замыслам немецких пропагандистов: русские солдаты и офицеры утверждали, что Россия не может заключить сепаратный мир, ибо в этом случае на нее нападёт Япония. В пропаганду были внесены изменения. Директивы главного командования, адресованные немецким офицерам, ведущим обработку противника, требовали приводить следующие аргументы: «Япония нападёт на Россию не тогда, когда она заключит сепаратный мир, а когда Россия ослабнет». Stimmung im Russischen Heere.
- ⁵⁰ Звонарев К. К. Агентурная разведка. Т. 2: Германская агентурная разведка во время войн 1914—1918 гг. М., 1931. С. 138.
- ⁵¹ [Навотный] Ф. [Пропаганда]. С. 49.
- ⁵² Knox A. W. F. Op. cit. P. 633.
- ⁵³ [Навотный] Ф. [Пропаганда]. С. 74, 75.
- ⁵⁴ Там же. С. 51. Интересно, что германские и австро-венгерские пропагандисты свои неудачи нередко объясняли английской «контрпропагандой». В этом проявилось преувеличенное представление об английском влиянии в России. Там же. С. 104.
- ⁵⁵ ВНА, Abt. IV: Kriegsarchiv, 2 Landw. Div., Bd. 5, Akt 11; Bayer. Kav. Div., Abt. 1a, Bd. 30, Akt 2.
- ⁵⁶ Stimmung im Russischen Heere.
- ⁵⁷ [Навотный] Ф. [Пропаганда]. С. 37, 38. ВНА, Abt. IV: Kriegsarchiv, 2 Bay. Landw. Div. Bd. 5, Akten 6, 8, 9, 10.
- ⁵⁸ Горский Е. С. Война и мир. Одесса, 1917. С. 4.
- ⁵⁹ ВНА, Abt. IV: Kriegsarchiv, Bayer. Kav. Div., Abt. 1a, Bd. 30, Akt 2.
- ⁶⁰ Library of Congress, Manuscript Division, S. Washburn Papers.
- ⁶¹ Bromhead A. Russian Diaries, 1916, 1917. A. Bromhead Papers, Imperial War Museum; Knox A. W. F. Op. cit. P. 580; Public Record Office (London), Foreign Office (Далее — PRO FO), 371, 2997, No. 141013, p. 97; No. 159278, p. 319—320; No. 193669, p. 381; 3011, No. 176580, p. 128.
- ⁶² Одна из германских листовок «цитировала» «мудрые слова Ленина» в «Правде»: «В русской главной квартире 17 июня было заседание, на котором, кроме Брусилова и нескольких русских генералов приняли участие министр Терещенко, английский генерал Скотт, английский посол Бьюкенен и американский сенатор Рут. Последний предложил России именем двуличного президента Вильсона... ультиматум: Если вы не начнете до 18 июня наступать, то мы вам не дадим больше денег и прекратим с вами всякое сношение». [Навотный] Ф. [Пропаганда]. С. 51.
- ⁶³ PRO FO, 371, 3011, No. 176580, p. 128.
- ⁶⁴ Меньшевики в 1917 году / Ред. З. Галили, А. Ненароков, Л. Хеймсон. Т. 1: От января до июльских событий. М., 1994. С. 237.
- ⁶⁵ NAW, RG 45, WA 6, Box 716, folder 4. Обзор событий в Петрограде, 8—16 марта (составлен на основе донесений военно-морского атташе в Петрограде), p. 20; Донесение американского военно-морского атташе, 14 (27) марта 1917 г., p. 3; Донесение американского военно-морского атташе, 18 апреля (1 мая) 1917 г., p. 1.
- ⁶⁶ А. Ф. Керенский об армии и войне. Одесса, 1917. С. 10, 32; Knox A. W. F. Op. cit. P. 612, 743.
- ⁶⁷ [Навотный] Ф. [Пропаганда]. С. 13. Предложение о выпуске подобной листовки 13 (26) апреля направил германскому канцлеру немецкий посланник в Берне, возможно оно исходило от русских эмигрантов. Однако германские пропагандисты, в том числе и руководство «Русского вестника» сочли неуместной эту инициативу. По-видимому, они предпочли не упоминать о родственных связях свергнутого царя, ведь это могло навести русских солдат на мысль о родстве между русским и германским монархами. PA AA, WK 11c, R. 21002, A. 13879. Но, как видим, затем эти сомнения были отброшены. Соответствующие листовки на воздушных шарах перебрасывались в русские окопы.
- ⁶⁸ Cambridge University Library, Manuscript Room, Templewood Papers, II: 2; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 11—12.
- ⁶⁹ Buchanan Sir George. Mission to Russia and Other Diplomatic Memoires... Vol. 2. P. 120—121; NAW, RG 45, WA 6, Box 716, folder 4, p. 1. Донесение американского военно-морского атташе, 18 апреля (1 мая 1917 г.).
- ⁷⁰ The Situation in Russia. P. 91—92 // VIVO (The Institute for Jewish Research, New York), No. 76: Papers of L. Wolf and D. Mowshowich. Приношу признательность В. Е. Кельнеру, ознакомившему меня с этим документом.
- ⁷¹ Buchanan Sir George. Op. cit. P. 120—121.
- ⁷² Journal de Russie d'Albert Thomas // Cahiers du monde Russe et soviétique. 1973. Vol. 14. 1—2. P. 103.
- ⁷³ «Разочарование в Англии и союзниках было очень велико...», — вспоминал чиновник министерства иностранных дел о настроениях, распространенных в его ведомстве после отказа Британии оказать помощь русскому флоту, ведущему бои на Балтике. Михайловский Г. Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914—1920 гг. Кн. 1: Август 1914 г. — октябрь 1917 г. М., 1993. С. 474—475.
- ⁷⁴ PRO FO, 371, 3011, No. 187800, p. 145. По сведениям британских военных, уже в мае некоторые пропагандисты-большевики утвер-

ждали, что существует тайный договор между Германией и Англией. *Knox A. W. F.* Op. cit. P. 634.

⁷⁵ *Buchanan Sir George.* Op. cit. P. 195; House of Lords Record Office, Lloyd-George Papers, F/201/3/4, p. 2.

⁷⁶ Е. К. Брешко-Брешковская вспоминала, что однажды обсуждался вопрос о приеме союзных дипломатов. Керенский тогда заявил, что он готов пригласить всех — кроме английского посла. «Бабушка русской революции» была удивлена, революционный премьер объяснил ей: «Англичане измеряют цену крови наших солдат весом того золота, которое они ссудили России. Я им этого простить не могу». *Breshkovskaia K.* Hidden Springs of the Russian Revolution. Stanford, 1931. P. 354.

⁷⁷ Не способствовало взаимопониманию брошенная 17(30) октября вскользь в беседе с Бьюкененом реплика Керенского о возможности посылки русским правительством приветствия конференции ирландской организации Шинн-Фейн — в ответ на «тайный» прием монархически настроенного генерала Гурко английским королем. Генерал считался монархистом, был выслан из России. Секретная беседа с Георгом V состоялась по просьбе британских военных, однако информация о

встрече попала в печать, Керенский был крайне уязвлен. Последовал лихорадочный обмен депешами между посольством в Петрограде и Лондоном (документы отложились в деле «Мистер Керенский и Ирландия»). 18 (31) октября Терещенко сообщил взволнованному послу, что к заявлению премьера не следует относиться серьезно, он никогда не пошлет приветственной телеграммы. Потрясенный посол заметил, что тогда не следовало бы упоминать о возможности подобного шага. PRO FO 371, 3016, No. 205925, p. 542—545; No. 208214, p. 567—570; No. 210844, p. 572—573; 3017, No. 212358, p. 50.

⁷⁸ *Ганелин Р. Ш.* Россия и США, 1914—1917: Очерки русско-американских отношений. Л., 1969. С. 396—397.

⁷⁹ *Керенский А. Ф.* Союзники и Временное правительство // *Современные записки.* 1934. Т. 55. С. 274; *Kerensky A.* The Crucifixion of Liberty. London, 1934. P. 295—299.

⁸⁰ Houghton Library, Harvard University, bMS Am 1091, No. 1371.

⁸¹ [*Навотный*] Ф. [Пропаганда]. С. 87, 91—92.

⁸² NAW, M 924 (Historical Files of the American Expeditionary Forces), Roll 1. Меморандум от 20 августа 1918 г.

Сьюзан Морисси

**МЕЖДУ ПАТРИОТИЗМОМ И РАДИКАЛИЗМОМ:
ПЕТРОГРАДСКИЕ СТУДЕНТЫ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

С усилением международной напряженности летом 1914 г. на улицы Санкт-Петербурга (вскоре переименованного в Петроград) высыпали огромные толпы с флагами, иконами и портретами царя. Они устраивали митинги протеста перед посольствами Германии и Австрии, демонстрации на Невском проспекте, служили молебны в Казанском соборе и распевали «Боже царя храни» перед Зимним дворцом.¹ Газета «Петербургский листок» делала особый акцент на многоклассовом составе этих толп: рабочие, студенты, чиновники, офицеры и другие представители общества. Газета изображала благостную картину, которая подавалась в особенном ракурсе: пожилой генерал беседует с рабочим, фабричная молодежь радостно приветствует офицеров.² Общая цель устраняет социальные противоречия — таков был подтекст. Несмотря на политический тупик, в который зашла страна, и волну забастовок весны 1914 г., казалось, что петербуржцы сплотились, забыв прежние разногласия. Только правительство, похоже, не могло решить, как следует реагировать. Вместо того чтобы поддержать этот всплеск народного энтузиазма, градоначальник запретил изливание патриотических чувств как действие, нарушающее спокойствие в городе.³

Эти манифестации не просто нарушали общественный порядок, они переворачивали все устоявшиеся политические шаблоны. Во главе их шли рабочие и, несмотря на время года, студенты многочисленных петербургских вузов.⁴ И та, и другая группы славились своим радикализмом, причем к числу давних традиций студенчества относилось антивоенное движение. За десять лет до этого, сразу после начала боев с японцами, студенты выступили против «вампирической войны», развязанной самодержавием в угоду имперским амбициям, высасывающим кровь собственного народа.⁵ В 1904—1905 гг. патриотические манифестации были заклеены как нечто противоречащее традициям студенчества. Поводом для этой характеристики тогда послужил случай, когда несколько сотен консервативно настроенных студентов организовали патриотическую манифестацию, прошли от университета к Зимнему дворцу, спели «Боже, царя храни» и выслушали похвалу начальника полиции. Студенты-радикалы немедленно отмежевались от этого «преступления» и совершивших его «патриотов» и заявили, что они в это время участвовали в похоронах радикала Николая Михайловского. Действия патриотов

они охарактеризовали как бесчестные, но одновременно и как отклонение от нормы, не отражающее истинных настроений студенчества.⁶ Осуждение войны с Японией, пожалуй, было стержнем студенческих протестов периода 1904—1905 гг. Революционный 1905 г. студенты также начали с акции, недвусмысленно свидетельствовавшей о политической направленности их движения: по окончании одной из февральских сходов толпа студентов в главном зале Санкт-Петербургского университета сорвала портрет царя и разорвала его под крики «Долой самодержавие!».⁷

А всего десятилетие спустя студенты несли портреты царя и даже отдавали им поклоны. Патриотизм не только утратил свое негативное значение, но и послужил основой для примирения политических сил. До самой весны 1917 г. большинство студентов поддерживало участие страны в войне (по крайней мере в оборонительных целях), а те немногочисленные группы, которые выступали против войны или за поражение своего правительства, остались в изоляции. Однако поддержка студентами правительства растаяла как дым уже в 1915.

Настоящая работа исследует взаимосвязь между патриотическими и радикальными настроениями петербургского студенчества в период между 1914 и 1917 г. Под патриотизмом я подразумеваю широкую поддержку участия страны в войне, основанную на некоторой идее patria, т. е. воображаемого сообщества людей, объединенного коллективной национальной самобытностью.⁸ Рассматривая целый ряд проявлений патриотизма, включая патриотические манифестации и движение в помощь жертвам войны, я выдвигаю гипотезу о том, что патриотическое движение отражало различные политические пристрастия. Даже в самый начальный период войны традиционные студенческие политические течения никуда не исчезли из стен вузов; они продолжали существовать, перемешивались с новыми патриотическими настроениями. Что касается студентов, то для них главным вопросом окажется связь между их политическими традициями и отношением к войне.

Патриотические манифестации и патриотические протесты

Первые крупные студенческие патриотические манифестации состоялись в марте 1913. Это была реакция (ставшая прообразом массовых демонстраций лета и осени 1914) на усиление международной напряженности, которой вскоре предстояло перерасти во Вторую Балканскую войну. В день открытия международной конференции, созванной с целью разрешения Балканского кризиса, около 500 студентов прошли по Петербургу под лозунгами объединенного славянства, отказались подчиниться требованиям полиции разойтись и пытались устроить митинг протеста у здания посольства Германии. Распевая болгарские и российские национальные гимны, они скандировали «Долой Австрию!» и «Долой жидовскую дипломатию!».⁹ Учитывая небольшое количество демонстрантов, а также националистическое и антисемитское содержание их лозунгов, этот инцидент можно было бы отнести на счет деятельности правого крыла студенчества, которое, хотя и выделялось своей активностью, представляло лишь незначительное меньшинство студентов.¹⁰ Однако через несколько дней на площади перед Казанским собором для участия в службе и демонстрации патриотических чувств под пение «Боже, царя храни» собрались 10—12 тыс. человек, в основном студенты.

Полиция пыталась их разогнать, но они отказались разойтись и встретили ее криками: «Австрийская полиция!», «Взять под козырек!», «Гимн поют!». По подсчетам полиции, к вечеру в этой демонстрации участвовало около 15 тыс. человек, включая студентов и военных.¹¹ Эта цифра свидетельствует о том, что среди демонстрантов были отнюдь не только «академисты», как тогда назывались студенты, участвовавшие в студенческих корпорациях и правых организациях.

Волна патриотического энтузиазма достигла своего пика после первого призыва студентов на военную службу в октябре 1914 г. По утверждению «Петроградского листка», 8 октября 3 тыс. студентов университета прошли толпой на Дворцовую площадь, где к ним присоединились тысячи прохожих и других студентов, главным образом из Политехнического института. С портретами царя и флагами, распевая национальный гимн, толпа заполонила центр города.¹² Через неделю к студентам, протестовавшим против провокации, за которой последовало вступление в войну Турции, присоединились рабочие. И толпа прошла по городу по уже установившемуся маршруту с остановками около посольств Турции и союзников, на Невском проспекте у Казанского собора и Зимнего дворца.¹³ Победы в Галиции в конце октября вызвали еще одну манифестацию, на этот раз по инициативе студентов Института инженеров путей сообщения.¹⁴ Весь октябрь 1914 г. прошел под знаком националистических выступлений студенчества.

По своему характеру студенческий патриотизм отличался гораздо большим многообразием, чем предполагает однозначность политической символики патриотических манифестаций. По данным Охранного отделения и полицейских отчетов с мест, манифестация 8 октября вызвала серьезные волнения в Петроградском университете. На следующий день несколько сотен студентов собрались, чтобы ее обсудить, некоторые призывали к спокойствию и порядку, другие пытались проанализировать связь между патриотическими манифестациями и традициями студенчества. По мнению одного из ораторов, явно члена студенческой группы эсеров, эта манифестация опозорила студенчество; при этом он многозначительно сослался на события 1905 г. Говоря о войне как об «ужасной необходимости», он призывал студентов, чтобы те, выполняя гражданский долг, хранили верность традициям: «Мы пойдем на эту войну, но останемся с тем же ясным сознанием наших задач, с тою же верою в торжество нашего дела. Мы пойдем, но гимном нашим будет „Марсельеза“». Под гром аплодисментов он закончил свое выступление требованием амнистии политическим заключенным — стандартным лозунгом левых партий того времени. В этой ситуации именно патриотическая манифестация, а не поддержка студентами войны вообще, явилась нарушением традиций студенческого этоса.¹⁵

На следующий день, 10 октября, проявилось открытое разделение студентов. Ректор официально передал студентам благодарность царя за изливание патриотических чувств 8 октября. Многие студенты поддержали его криками «Ура государю императору и армии!». Но как только ректор вышел из аудитории, в зале раздались голоса с требованиями амнистии политзаключенным, и началась сходка. Ректор вернулся и попросил студентов разойтись, но шум только усилился и около 500 студентов, распевая революционные песни, вышли из зала. Через некоторое время группа из примерно 150 студентов попыталась организовать патриотическую манифестацию, но, подчинившись требованию полиции, разошлась. Позже, после обеда, 500—700 студентов собрались в длинном коридоре главного здания университета обсудить сложившееся положение. Они сошлись на том, что

вести войну необходимо, но выдвинули условие об амнистии: «Студенты выражают полную готовность идти на войну и умереть за родину, но вместе с тем надеются, что не будет тюремной решетки между ними и товарищами, и будет дарована амнистия». По данным Охранного отделения, которое было склонно скорее переоценивать, чем недооценивать степень студенческого радикализма, голосовавшие за эту резолюцию в целом радикалами не были. Таким образом, полюсами были члены революционных партий, которые в большинстве (но не поголовно) считали эту резолюцию слишком мягкой, и правые группировки, чей лозунг был: «за отечество без условий».¹⁶

Аналогичный раскол произошел в Политехническом институте, где некоторые студенты приветствовали призыв в армию пением «Боже, царя храни», а другие — «Марсельезой». На сходке 13 октября студент Каменский откровенно разъяснил позицию прогрессивно настроенных студентов: «Я бы вступил в бельгийскую армию — защищать ее независимость, вступил бы во французскую армию защищать свободу Франции, но в ряды русской армии вступить считаю невозможным, потому что русская армия защищает свое правительство, которое в прошлом достаточно показало себя и даже теперь арестует [Владимира] Бурцева и других, готовых сражаться за Россию».¹⁷ Однако, в отличие от университета, студенты-политехники вообще отказались слушать ораторов от революционных партий.¹⁸

Споры октября 1914 г. раскрывают концептуальную основу политизации студентов в 1915 г. Требуя амнистии политическим заключенным, сколь бы нерешительно это требования ни было сформулировано, студенты тем самым демонстрировали свою условную лояльность по отношению к правительству, а не к Отечеству или его участию в войне. Выражая готовность выполнить свой гражданский долг в этот трудный час, они надеялись, что наградой за единение во имя победы и отказ от внутренних политических разногласий послужит политическая оттепель — надежда, которую в тот период разделяли многие в России. Националистическое меньшинство, наоборот, рассматривало любые условия как прямую измену. Взгляды националистов вызывали всеобщее недовольство, а иногда и открытые конфликты, тогда как в своей собственной позиции студенческое большинство еще не замечало никаких противоречий. Тем не менее прокламации, которые распространяли той осенью как революционные партии, так и беспартийные левые, обращали на него внимание: студентам не следует поддерживать войну с «рабским патриотизмом», утверждали они; вместо этого нужно сражаться под знаменем студенческих традиций «за честь и достоинство родины».¹⁹ В этот период студенчество выражало лояльность родине, но не государству.

Эти споры обнажили также новый конфликт поколений в среде прогрессивно-студенчества, который Охранное отделение неточно характеризовало как противостояние патриотизма и радикализма. Студенты младших курсов напирала в этой «идейной войне» на чувство долга, тогда как старшекурсники были озабочены политической символикой патриотических манифестаций и часто подчеркивали свою верность студенческим заветам. Этот конфликт выразился и в организационной форме. Беспартийную «Группу объединенных социалистов», которая и провела умеренную резолюцию студенческого собрания в университете, возглавляли главным образом студенты младших курсов. Установившиеся же партийные группы имели в своих рядах в большинстве старшекурсников, которые с недоверием относились к новой организации.²⁰

Можно только гадать о причинах этой ситуации. Скорее всего, она объяснялась различным опытом поколений. Для старшекурсников главной точкой отсчета служила революция 1905—1907 гг., свидетелями которой они были в свои отроческие годы; кроме того, они наверняка принимали участие в общенациональных студенческих забастовках 1908 и 1911 г. Младшекурсники же выросли в период послереволюционного общественного кризиса. Они также видели себя наследниками былых традиций студенчества, но идеалы и организационные структуры освободительного движения часто казались им устаревшими и даже ненужными. В этом смысле показателен пример Сергея Жабы. Он возглавлял в 1914 г. «Группу объединенных социалистов», а позже — студенческие протесты против советской власти во имя «студенческих традиций», в число которых он включал права человека, человеческое достоинство, демократию и культуру.²¹ Таким образом, под «студенческими традициями», на которые все так часто ссылались, могли понимать совершенно несовместимую смесь различных обычаев, политических симпатий и принципов.

Эта смесь политических и патриотических течений дала о себе знать и в ряде мелких выступлений осенью 1914 г. Первое из них было вызвано заявлением профессора юридического факультета Грибовского, что студенческое и рабочее движение финансируются и организуются германским и австрийским правительствами — обвинение, которое в то время звучало довольно часто. Студенты ответили резким протестом, срывали лекции Грибовского и выпустили несколько прокламаций: «Протестуя против подобных antimоральных и некультурных выходов, мы, группа студентов, решили сегодня потребовать от г. Грибовского объяснения по поводу клеветы, брошенной им в глаза всего русского студенчества. Молчать мы не можем. Наш долг — встать на защиту наших заветных идеалов».²² В конце концов Грибовского убедили отказаться от своего обвинения, и эти протесты быстро сошли на нет, но в них проявилась сложная структура политических пристрастий, в которой традиционные студенческие идеалы без особых противоречий сочетались с поддержкой войны.

Признаки пересмотра традиций студенчества проявились и в ноябре 1914 г., когда студенты, сохраняя верность одному давнишнему обычаю, отказались от другой традиции. Со дня смерти Льва Толстого в ноябре 1910 г., студенты эту годовщину отмечали постоянно панихидами и символическими краткосрочными забастовками под лозунгами отмены смертной казни. Несмотря на запрет, дань этой традиции была отдана и 7 ноября 1914 г., когда официальные панихиды состоялись во многих учебных заведениях. В университете организовали сбор средств для ссыльных и заключенных в Сибири, в коридорах студенты пели и «Вечную память», и революционные песни. На Бестужевских курсах в таком же мероприятии участвовали 1000 курсисток, которые спели «Вечная память» и мирно разошлись. В Технологическом институте в панихиде участвовало всего 50 студентов. Однако прямо противоположной оказалась реакция студентов на арест в конце ноября социал-демократов — членов Государственной Думы. Его встретили с полным равнодушием, несмотря на призывы к протесту. По докладу Охранного отделения, студенты приняли эту новость со смесью недовольства, равнодушия и иронии, а на антивоенную прокламацию ответили откровенной враждебностью.²³ Таким образом, призывы революционных партий утратили свой некогда огромный авторитет — процесс, который начался еще до войны, но был несомненно усилен непопулярностью пораженческой позиции большевиков.

Что касается других традиций студентов, то они им следовали с прежним постоянством.

Последнюю вспышку общественного патриотизма вызвало падение Перемышля. В марте 1915 г. манифестация прошла по Садовой и Невскому проспекту до Казанского собора, где демонстранты преклонили колени в память о павших.²⁴ Эту демонстрацию также возглавляли студенты, но она стала бледной копией своих предшественниц. Провал весеннего наступления на фронте, огромные потери и нарастающая военная катастрофа вызвали открытую критику правительства и его методов ведения войны.

Гражданский патриотизм и гражданский протест

Массовые демонстрации не были единственным проявлением патриотизма. С началом военных действий сотни студентов записались в армию добровольцами, а другие, особенно студенты-медики, обратились с просьбой о досрочной сдаче государственных экзаменов с тем, чтобы также стать добровольцами.²⁵ Оставшиеся в тылу, подобно многим другим группам российского общества, активно помогали фронту: организовывали фонды милосердия, общественные столовые и лазареты. Медики шли добровольцами в госпитали, студенты технических специальностей — на военные заводы.²⁶ Для организации и координации своей деятельности осенью 1914 г. студенты Петрограда основали Комитет по оказанию помощи жертвам войны. Война сплотила студенчество, дав новую общую цель.

Зимой 1914—1915 гг. студенты спорили, иногда яростно, о соотношении между студенческим долгом и потребностями войны. Ссылаясь на необходимость сохранения «старых традиций», многие активисты утверждали, что группы помощи фронту должны возглавить студенты-«демократы». Этот термин мог охватывать членов социалистических партий, внепартийных социалистов, а также некоторых левых кадетов. По мнению этих студентов, целью их движения должно было стать нечто большее, чем просто помощь жертвам войны; необходима активная борьба против таких (отрицательных) явлений как патриотические манифестации и шовинизм. Они надеялись преодолеть националистические тенденции и направить патриотические чувства в русло понимания гражданского долга. Соответственно, в комитете студенты обсуждали, должны ли они ограничить свою деятельность только благотворительностью и какую роль должны играть существующие студенческие организации. Предложения о координации действий в масштабе всей страны подлили масла в огонь этих споров. Обсуждалось содержание понятия «помощь фронту»: следует ли ограничиться благотворительной деятельностью или нужно стремиться и к миссии гражданского просвещения?²⁷ В 1915 г. движение помощи фронту выберет второй путь и приобретет характер открытого гражданского и политического движения. Как это и предвещали протесты октября 1914 г., студенты все больше связывали свой гражданский долг с Отечеством и народом, а не с правительством.

Охранное отделение озабоченно наблюдало за этим процессом. Согласно докладу, датированному 8 февраля 1915 г., вначале большинство студентов руководствовалось «патриотическим экстазом», т. е. верой в то, что каждый, независимо от политических убеждений, обязан внести свой вклад в победу на фронте. Тем не менее с самого начала во главе студенческого движения помощи фронту вста-

ли левые студенты — явление, которое Охранное отделение объясняло подрывными планами революционеров. В докладе утверждалось, что для радикалов благотворительная деятельность — тактический маневр, с помощью которого им удалось проникнуть в движение, несмотря на враждебное отношение большинства студенчества к революционной пропаганде. Другой целью, которую они преследовали, было ведение пропаганды среди раненых и превращение групп помощи фронту в сплоченную организацию, которая взяла бы на себя более широкую политическую роль.²⁸ Осенью 1915 г. доклады Охранки отмечали «рост гражданского настроения» среди студенчества, «стремление к... самоопределению», и повышенный интерес к социально-политическим проблемам.²⁹ Оценивая развитие событий в ретроспективе, один из докладов, датированный мартом 1916 г., заключал: «Настроение студенчества из патриотического, которое наблюдалось в начале войны, резко изменилось».³⁰

В течение 1915 г. значительное изменение претерпело и отношение к войне, и в декабре Охранное отделение отмечало: «Почти везде студенчество стало на „оборонческую“ точку зрения».³¹ Связывая репрессии в тылу с нарастающей военной и экономической катастрофой, студенты в 1915 г. пришли к тем же выводам, что и другие люди умеренных и прогрессивных убеждений: национальная оборона требует активного участия всех граждан России, для чего необходима независимая общественная организация. Прокламация весны 1915 г., подписанная «От организованного студенчества Петроградского Политехнического Института» развивала тему последствий политического кризиса. Обвинив государство в неумелом ведении войны и требуя предоставления гражданских прав народу, она утверждала, что развитие духовных и экономических сил (очевидно необходимых для успешного ведения войны) невозможно без свободы и демократии.³² Пораженческие позиции занимала лишь небольшая часть студенчества. В целом студенты трезво оценивали ситуацию на фронте и все чаще поддерживали идею «оборончества» и мира без аннексий. Они активно обсуждали возможные последствия войны, опасность германского милитаризма, человеческие жертвы, которыми приходится оплачивать победу, и важность сотрудничества с демократами Запада.³³

Охранное отделение стремилось объяснить процесс политизации студенчества и все более критическое его отношение к войне происками революционных партий — объяснение, которое к тому моменту весьма устарело. В составе групп помощи фронту действительно работали радикалы, но их влияние было ограниченным. Те же доклады Охранного отделения содержат свидетельства того, что революционная пропаганда вовсе не была основным фактором политизации студенчества. Весной 1915 г. ядро партийных групп было ликвидировано после ареста известных студентов-радикалов, которые чаще всего были студентами старших курсов. До конца года разгромленными партийными ячейками руководили более молодые и менее опытные студенты, которые сосредоточили все усилия на восстановлении своих организаций. В нескольких докладах сообщается, что группы сосредоточились на чисто партийной работе и теряли свои связи с остальным студенчеством. В одном докладе отмечаются два отдельных течения среди студентов: общественно-политическое и чисто партийное.³⁴ Несмотря на то, что в 1916 г. количество студентов — членов революционных партий увеличилось, их интересы по-прежнему оставались за стенами университетов, главным образом, в агитации среди рабочих.³⁵

Прокламации студенческих ячеек эсдеков и эсеров лишней раз подтверждают, что они не интересовались прежде всего университетской политикой. Стремясь скорее привлечь новых членов, чем организовать студенческий протест как таковой, они призывали всех, кто верен студенческим традициям, присоединяться к исторической борьбе рабочего класса, т. е. вступать в партию.³⁶ Этой претензией на верность традициям истинного студенчества они намекали на опыт октября 1905 г., когда университеты давали приют рабочим во время всеобщей стачки. Однако этот символ революционной практики не был ни однозначным, ни бесспорным, особенно в свете последовавших событий (подъем рабочего движения в 1912—1914 гг. вызвал в основном отрицательную реакцию со стороны образованного общества).³⁷ То, что большая часть студенчества не откликнулась на это приглашение, лишней раз подчеркивает, что студенческие традиции отличались большей гибкостью и плюрализмом, чем можно заключить из призывов революционеров.

Политизация студентов в 1915 г. явилась результатом не столько внешнего воздействия, сколько внутренней динамики собственных попыток студенчества сформулировать свою гражданскую роль в этот период общенационального кризиса. И первой проблемой, по которой публично возвысило свой голос движение за помощь фронту, стала дискриминация российских граждан немецкого происхождения. Поводом для этого выступления стала предпринятая в феврале 1915 г. попытка распустить несколько легальных студенческих групп, представленных в основном русскими немцами, в том числе землячество «Волга» (в котором скорее всего состояли немцы Поволжья) и пять корпораций (вероятно, организованных прибалтийскими немцами). В марте 14 студенческих групп, возглавляемых Комитетом помощи фронту, в том числе 8 землячеств, направили письмо в редакцию левой студенческой газеты Петрограда «Студенческие годы».³⁸ Подчеркивая отсутствие собственной материальной заинтересованности в этом деле, они официально протестовали против «тенденции внести в ряды студенчества под флагом патриотизма проповедь чело­веконенавистничества и звериного национализма». Они также воспользовались этой возможностью, чтобы выступить против предрассудков в более широком контексте, осудив как выступления желтой прессы, так и вандализм по отношению к магазинам, принадлежавшим немцам. Вывод их обращения был очевиден: такому «псевдопатриотизму» и преследованию людей по национальному признаку не должно быть места в рядах студенчества.³⁹ В следующем номере газеты «Студенческие годы» еще пять землячеств присоединилось к этому письму протеста.⁴⁰

Дальнейшему усилению процесса самоопределения студентов способствовали полицейские репрессии и деятельность правых групп академистов. В феврале и марте 1915 г. небольшие группы студентов собрались в университете, на Бестужевских курсах и в Женском медицинском институте для обсуждения последних событий, в том числе суда над социал-демократическими депутатами Государственной думы, запрета Вольного экономического общества и дела полковника Мясоедова. Политическое содержание этих дискуссий было критическим, но не революционным: большинство студентов по-прежнему не обращали внимания на пропаганду социалистических партий и высказались против участия в прямых политических выступлениях. Тем не менее полицейские подразделения захватили многие учебные заведения, провели обыски и аресты студенческих лидеров. Дальнейшие беспорядки предотвратило присутствие полицейских в стенах учеб-

ных заведений в течение большей части этого семестра. Академисты участвовали в этой акции тем, что выдавали полиции студенческих активистов, раз даже последовали за двумя студентами в город и сдали их полицейским как немецких шпионов.⁴¹

Свое сотрудничество с полицией академисты рассматривали как «гражданский долг», их поддержка участия России в войне по-прежнему основывалась на открытой преданности монархии и на жестком национализме. Российская академическая корпорация, которая была организационным центром движения академистов в Петроградском университете, в ряде докладов, посланных в 1915 г. в Министерство внутренних дел, представила свою деятельность как героическую борьбу со «смутой» и «безобразиями» в университете. Академисты видели себя единственной силой, способной предотвратить повторение 1905 г. Для них левые студенты были «государственными преступниками», продавшимися за немецкое золото.⁴² Хотя группы академистов представляли собой ничтожное меньшинство студентов, они были хорошо организованы и поддерживали связь с полицией. По расчетам Охранного отделения, в 1913 г. они насчитывали 350 членов в университете, 50 человек в Политехническом, 30 в Технологическом, чуть меньше 60 в Горном институте, а также были представлены отдельными студентами на Бес-тужевских курсах и в Женском медицинском институте.⁴³ К 1916 г. Русская академическая корпорация могла похвастать лишь 60 членами в университете, и эти студенты зачастую одновременно принадлежали и к другим экстремистским группам, таким, как Союз Михаила Архангела.⁴⁴

Таким образом, полицейские репрессии и активное сотрудничество академистов с полицией разделило студентов на привычные политические лагеря. После марта 1915 г. с новой силой вспыхнула старая вражда между большинством студентов и «силами порядка», которая утихла в 1914 г. Осенью 1915 г. неакадемистское большинство начало организовывать самооборону. Почти 60 непартийных студенческих организаций, включая 47 землячеств, поставили свои подписи под прокламацией, напоминавшей товарищам о мартовских событиях и требовавшей очистить Петроградский университет от академистов. Называя академическую корпорацию «верной союзницей Охранного отделения», они противопоставили студенческие традиции проискам националистов: «Это они всеми силами проводили в студенчестве идеи Союза русского народа. Это они вели постыдную националистическую травлю, загрязняя товарищеские традиции.... И вот ныне студенчество должно само встать на защиту своего достоинства, чести, и безопасности. Оно само должно ликвидировать наболевший вопрос об академистах, и пусть это воззвание будет первым шагом по этому пути». Прокламация призывала вступать в общую борьбу всех, кто дорожил «общественным лицом студенчества» и университетом как «храмом науки».⁴⁵

Когда готовилась эта прокламация, возникло обстоятельство, которое еще больше обострило проблему, — неравные условия военной службы для евреев, которым запрещалось служить на офицерских должностях. В октябре 1915 г. по университету поползли слухи о новом призыве в армию, студенческие группы стали обсуждать возможности объявления амнистии и несправедливость по отношению к студентам-евреям, которые, как подчеркивалось, всего лишь хотели встать на защиту родины, как и остальные студенты. Группа академистов стала выкрикивать антисемитские оскорбления, чем еще больше накалила обстановку.⁴⁶ Конфликт вспыхнул и в ноябре, когда группа еврейских студентов собралась в

университете, чтобы зачитать прокламацию протеста против неравных условий военной службы и атмосферы антисемитизма, поддерживаемой правительством и националистами. Прокламация требовала предоставить евреям и равные права, и равные обязанности: «Мы требуем, чтобы в случае призыва студентов были призваны и студенты-евреи на равных со всеми остальными товарищами основаниях». Это выступление оставалось ограниченным по своим масштабам, но когда десяток академистов начали оскорблять протестующих, то еще около 200 студентов пришло к ним на помощь с криками «долой академистов», что привело к вмешательству полиции.⁴⁷ В феврале 1916 г. представители 52 студенческих организаций, главным образом землячеств и кружков, приняли резолюцию, требующую равенства еврейских студентов.⁴⁸

Обострение этого конфликта отражало не столько принципиальную позицию студенчества, направленную против антисемитизма, сколько разделение студентов на две враждебные группировки и соответствующую политизацию официального антисемитизма. Конфликт разгорелся не столько из-за самого протеста, сколько из-за провокации академистов. Действительно, большинство студентов уже давно выступало за предоставление студентам-евреям равных с ними прав и особенно за отмену процентной нормы на прием в учебные заведения, но студенчество вообще замедленно реагировало на антисемитизм, особенно если речь не шла о делах, непосредственно связанных с академическими вопросами. На кишиневский погром 1903 г. оно отреагировало почти полным молчанием. Но осенью 1915 г. антисемитизм националистических групп раздул жар вражды, тлевший с весны, и прочно связал в один узел три проблемы: национализм, антисемитизм и политические провалы правительства, которое, как казалось, вместо того, чтобы организовать эффективную оборону страны, предпочитало заниматься преследованиями собственного народа. Многие студенты поверили, что само правительство является препятствием к победе.

Пока студенчество формировало ясный образ врага в лице академистов и формулировало собственную позицию гражданского патриотизма, оно столкнулось с репрессиями извне, разногласиями внутри движения и ухудшением общей социально-экономической ситуации. В частном письме от 25 ноября 1915 г., перехваченном полицией, некий студент описывал другу, студенту-медику Московского университета, мрачное настроение в Петрограде: «В университете у нас уже вторую неделю дежурят вооруженные наряды полиции. Для чего собственно ввели полицию. Для охраны академистов, чтобы их не выгоняли из университета, как это было один раз. И ничего нельзя сделать: совершенно некуда деться в случае чего — на всех лестницах обязательно сидят крюки. Организоваться хотя бы только для экономических целей трудно, так как существующие землячества и разные кружки почти не функционируют, чему мало способствует администрация университета, скупо отводящая помещение под собрание. Не разрешают общего собрания для решения вопросов о столовке, о кооперативе, приходится проводить все это под чужим флагом. На собраниях видно, как разъединено наше студенчество, как будто все говорят на разных языках, друг другу не понятных, хотя говорят об одном и том же Внутренняя политика оставляет желать много лучшего: Думу не созывают, черная сотня торжествует. Грустно становится, а тут еще такие вакханалии, пиры во время чумы. Все толкуют про новый курс. Становится еще хуже, чем при старом. Как тут относиться равнодушно и безропотно исполнять все веления власть имущих».⁴⁹

Как показывает пессимистический тон этого письма, на осень 1915 г. пришла самая низкая точка общего настроения в университете за время войны. В 1916 г. произойдет резкая вспышка политической активности студентов Петрограда. В условиях непрерывно ухудшающегося экономического положения и серьезного роста недовольства рабочих полицейские репрессии уже не могли сдерживать студенчества.⁵⁰ В 1916 г. возобновили работу кассы взаимопомощи, землячества и кружки, что демонстрировало и разнообразие студенческих интересов, и стремление к объединению.⁵¹ Особым успехом пользовалось среди студентов кооперативное движение; во взаимопомощи они видели возможность сплотить демократическое студенчество вокруг идей самопомощи, солидарности и самостоятельности. Иными словами, в основе своей это было политическое движение, которое стремилось к просвещению студентов и превращению их в граждан через участие в движении взаимопомощи.⁵² Для студенческой прессы, которая была в большинстве случаев закрыта в 1915 г., наступила полоса оживления. Хотя на ее страницах звучали самые разные голоса, тон задавали «демократы», т. е. левые, и эти газеты открыто стремились способствовать общему политическому и гражданскому развитию студенчества.⁵³

Наряду с общим оживлением студенчества наблюдался подъем его политической активности.⁵⁴ В течение всего 1916 г. занятия в учебных заведениях срывались из-за небольших, но регулярных выступлений протеста с открытыми политическими требованиями. В ответ на мартовское подавление забастовки на Путиловском заводе студенты призвали к символической забастовке в поддержку рабочих, которая увенчалась успехом в Женском медицинском институте и Психоневрологическом институте, но также затронула Бестужевские курсы, университет, Политехнический институт. Снова сотни полицейских появились в высших учебных заведениях.⁵⁵ В конце октября и ноябре студенты по традиции отметили годовщину смерти Толстого, выразили поддержку знаменитой речи Милюкова «Глупость или измена» в Думе, а также выступили против правительства вообще.⁵⁶ Когда волна народного гнева взметнулась в феврале 1917 г. на небывалую высоту, студенты всего Петрограда официально заявили о своей поддержке рабочих и призвали к собственным забастовкам. Согласно последнему докладу Охранного отделения (датированному 25 февраля), «в среде учащихся ... наблюдается полное сочувствие движению; в стенах заведений происходят сходки, руководимые ораторами. Учащиеся принимают участие в беспорядках на улицах». Ректор Петроградского университета также отметил, что полиция не в силах остановить выступления протеста.⁵⁷ Единственное, что вызвало недовольство студентов, был призыв одной из слушательниц Бестужевских курсов к заключению сепаратного мира, отвергнутый большинством. Наконец-то победившая долгожданная революция не увязывалась в их сознании с таким позорным окончанием войны, для них она означала скорее поддержку союзников и демократии.⁵⁸

* * *

В течение всей войны студенты постоянно в публичных выступлениях, прокламациях и частных беседах ритуально зывали к собственным традициям и заветам. Они делали это по любому поводу — во время дискуссий о патриотических манифестациях, гражданском долге, помощи фронту, шовинизме или в борьбе против академистов. И хотя контекст, в котором это происходило, был

каждый раз новым, функция самого приема оставалась прежней: призыв следовать традициям звучал тогда, когда требовалось сквозь их призму объявить те или иные поступки или предложения законными (или незаконными). Социалистические партии обычно связывали студенческие традиции с рабочим движением, другие — с демократией, гражданственностью и родственными им ценностями, такими как честь и достоинство. Возможной была и та, и другая ассоциация. Ибо единой и нетленной студенческой традиции не существовало, несмотря на время от времени звучавшие утверждения. То, что существовало на самом деле, была богатая и часто противоречивая история студенческих политических акций, бравшая начало в первых крупных выступлениях 1860-х гг., которую каждое последующее поколение студентов неизменно трактовало по-своему.

Для студентов поколения 1914 г. важнейшей точкой отсчета их коллективного самосознания было наследие революции 1905 г. Учредив Думу, легализовав политические партии и ослабив цензуру, на смену старому освободительному движению, к которому относилось и студенческое движение, пришел общественный политический форум. Студенческая пресса часто жаловалась на то, что революция подорвала традиционную политическую роль студентов и привела к так называемому «кризису студенчества», проявлениями которого были политическая пассивность, политическое расслоение, разврат и эпидемия самоубийств. Студенты часто утверждали, что начало этому кризису положило отсутствие единой общественной и политической цели в сочетании с другой более серьезной потерей — утратой веры в традиционные ценности интеллигенции. В 1914 г. какое-то время казалось, что война окажется тем новым общим делом, которое, наконец, заставит студенчество сплотиться после затяжного кризиса.

Однако война поставила целую серию новых вопросов. Как сочетается помощь фронту с традиционно оппозиционным отношением студенчества к самодержавию? ориентация на национальные ценности с национализмом? Первоначальный отказ от политических целей во имя общей победы в войне ответа на эти вопросы не дал, точно так же как и не способствовал решению политических разногласий. С другой стороны, правительство продолжало с подозрением относиться к лояльности собственного народа и не сумело воспользоваться первоначальным порывом его доброй воли. Страх правительства перед студенческими беспорядками привел к чрезмерной реакции во внутренней политике, которая проявилась в захвате учебных заведений частями полиции при малейшем признаке студенческих волнений и в создании помех на пути попыток самоорганизации как для оказания помощи фронту, так и для создания структур экономической взаимопомощи. По мере того, как масштабы социально-экономической и военной катастрофы становились все очевиднее, эти репрессии лишь придавали конкретный смысл более широким политическим просчетам правящего режима и способствовали политизации студенчества. Вместе с тем этот процесс определялся и особенностями студенческого патриотизма. Хотя некоторые студенты и поддерживали войну во имя самодержавия, с позиций русского или славянского национализма, большинство хранило верность таким понятиям, как народ и Отечество. Эти различия в акцентах, которые осенью 1914 г. видели лишь немногие, способствовали радикальной перемене политических взглядов в 1915 г., специфика которых состояла в том, что при этом не потребовалось основательного пересмотра отношения к самой войне. Многие студенты смогли, опираясь на идеалы демократии и защиты отечества, выступить за победу в войне и одновре-

менно находиться в оппозиции к собственному правительству. Однако, как и другие представители интеллигенции, они не сумели разглядеть, сколь глубоко неприятие войны российским народом и сколь необоснованны притензии интеллигенции выступать от имени народа. События 1917 г. вскоре развеяли это заблуждение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. Вчерашняя манифестация в Петербурге // Петербургский листок (далее — ПЛ). 1914. 14 июля. С. 3; Патриотические манифестации в Петербурге // ПЛ, 1914. 15 июля. С. 4. См. также аналитическую работу по патриотическому движению в России: *Jahn Hubertus F. Patriotic Culture in Russia During World War I*. Ithaca, 1995.
- ² См.: Патриотические манифестации в Петербурге // ПЛ, 1914. 17 июля. С. 4.
- ³ Воспреещение манифестации // ПЛ. 1914. 24 июля. С. 2.
- ⁴ Обзор многочисленных вузов Петербурга см.: *Марголин Д.* Справочник по высшему образованию. Пгр., 1915.
- ⁵ Эти выражения почерпнуты из прокламации, датированной февралем 1904 г. См.: ЦГИА, ф. 139, оп. 1, д. 9921, л. 1, 76.
- ⁶ Об этой демонстрации и реакции на нее см.: РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 114, л. 30—32, 34, 48. Прокламации см.: ЦГИА, ф. 139, оп. 1, д. 54—55, 72—74. 77. Сборники воспоминаний см.: *Эшель Г.* и *Горохов В.* Из истории студенческого движения. СПб., 1908. С. 100—102; *Вольтинский В.* Годы побед и поражений. Т. 1. Берлин, 1923. С. 10.
- ⁷ О традициях студенческого радикализма и об этом инциденте см.: *Morissey Susan K.* *Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism*. New York, 1991 (особенно гл. 4).
- ⁸ О традициях патриотизма и национализма см.: *Andersen B.* *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of 'Nationalism*. Revised edition: London and New York, 1991 (особенно с. 1—7); *Hobsbawm E. J.* *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge, 1990 (особенно с. 5—13).
- ⁹ ЦГИА, ф. 569, оп. 13, д. 1055, л. 11, 26, 39.
- ¹⁰ По данным Министерства внутренних дел, официальные члены правых студенческих групп, зарегистрированных в Санкт-Петербурге в 1910 г., составляли 578 человек, и к 1913 г. их количество не изменилось. См.: РГИА, ф. 733, оп. 201, д. 357, л. 26—35а (особенно 32); ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 59, д. 57, л. 9, 7—10. О движении академистов см.: *Morissey S. K.* *Herald of Revolution...* P. 78—80, 140—146.
- ¹¹ ЦГИА, Санкт-Петербург, ф. 569, оп. 13, д. 1055, л. 11, 49-50, 57.
- ¹² *П-ский А.* Патриотическая сходка-манифестация студентов // ПЛ. 1914. 9 октября. С. 3.
- ¹³ День грандиозных патриотических манифестаций в Петрограде // ПЛ. 1914. 17 октября. С. 4.
- ¹⁴ *П-ский А.* Вчерашняя манифестация // ПЛ. 1914. 26 октября. С. 3. Сравни доклады полиции, в которых указывается, что среди демонстрантов было около 200—500 студентов, большей частью армян, и что протест был в основном направлен против Турции. См.: ЦГИА, ф. 569, оп. 13, д. 1055, л. 11, 67—69.
- ¹⁵ РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 883, л. 1, 50, 53; ЦГИА, ф. 569, оп. 13, д. 1182ж, л. 1, 34.
- ¹⁶ РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 883, л. 1, 51, 56—57. Оба эти отчета противоречат друг другу. Согласно первому, датированному 10 октября, на последнем собрании присутствовали 700 студентов левых убеждений, которые не принимали никакой официальной резолюции. Второй, от 19 октября, цитирует резолюцию собрания и сообщает, что на нем присутствовало «более 500» студентов различных политических убеждений. Об общем отсутствии у студентов интереса к политическому радикализму см.: ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 59, д. 57, л. 1, 2.
- ¹⁷ РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 883, л. 1, 55—56, 60; ЦГИА, ф. 569, оп. 13, д. 1182ж, л. 1, 37. Бурцев, радикальный публицист-эмигрант, поддержал войну и призвал революционеров отложить на время военных действий свои политические цели. Однако по возвращении в Россию Бурцев был арестован. См.: *Русские писатели: 1800—1917.* Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 372—373.
- ¹⁸ ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 59, д. 57, л. 1, 2.
- ¹⁹ Эта прокламация была выпущена к годовщине Октябрьского манифеста, в ней содержалась жесткая критика предательства и измены правительства. См.: РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 883, л. 1, 58—60; ЦГИА, ф. 14, оп. 1, д. 10873, л. 11, 17, 19—20; ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 59, д. 57, л. 1, 57.
- ²⁰ РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 883, л. 1, 57.
- ²¹ О С. Жабе в 1914 году см.: РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 883, л. 11, 56—57. О его деятельно-

- сти после Октябрьской революции см: *Жаба С.* Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу. Париж, 1922.
- ²² РГИА, ф. 733, оп. 201, д. 403, л. 11, 181, 183—184; ЦГИА, ф. 14, оп. 1, д. 10873, л. 11, 10—11.
- ²³ РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 883, л. 11, 64—76; ф. 733, оп. 201, д. 505, л. 11, 2—9; ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 59, д. 57, л. 11, 2—3. Отчет Общества помощи политическим ссыльным и заключенным 1914 года см: ЦГИА, ф. 569, оп. 13, д. 1182ж, л. 1, 74.
- ²⁴ См.: День патриотических манифестаций в Петрограде // ПЛ. 1915. 10 марта. С. 3; Вчерашняя политическая манифестация // ПЛ. 1915. 12 марта. С. 14. О манифестации гимназистов см: Вчерашняя политическая манифестация // ПЛ. 1915. 5 февраля. С. 3.
- ²⁵ Согласно одному подсчету, в первые дни войны от двадцати до тридцати процентов студентов элитных петроградских технических вузов записались в добровольцы. См: *Клейнборг Л.* Молодежь и война // Современный мир. 1914. № 11. С. 67—68.
- ²⁶ Более подробно об этом см: *Клейнборг Л.* Молодежь и война. С. 69—74; Помощь студентам жертвам войны // ПЛ. 1915. 10 марта. С. 5; *Ник. К.* Из жизни одной организации // Путь студенчества. 1916. № 4. С. 15—18.
- ²⁷ Даже охранное отделение признавало, что комитет не был под контролем ни одной из партий. Об этих дискуссиях см: ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 59, д. 57, л. 11, 5—6.
- ²⁸ Там же, л. 11, 1—9. Несмотря на сомнительные выводы, которые представлены во многих докладах Охранного отделения, в них содержится масса ценной информации, которая нуждается в очень осторожной интерпретации.
- ²⁹ Там же, л. 11, 30, 42, 76.
- ³⁰ Там же, л. 1, 15.
- ³¹ Там же, л. 1, 76.
- ³² Обе прокламации студентов Политехнического института см: Там же, л. 11, 27—29.
- ³³ См. перехваченное письмо, датированное 8 сентября 1915 года, в котором пересказываются обсуждение всех за и против по отношению к войне на одной из студенческих вечеринок: ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 59, д. 57, лит. Б, л. 1, 4; лит. В, л. 1. Хлебцевич, студент, убитый во время Февральской революции, поддерживал войну как неизбежное зло в борьбе с германским милитаризмом. Он планировал создать кружок, деятельность которого должна была быть посвящена проблемам послевоенного мира во всем мире. См. его неопубликованную рукопись 1915 г. «Война с немцами и ее отголоски»: ГАРФ, ф. 2315, оп. 1, д. 287, л. 11, 26—36; Там же, л. 11, 10—11. Сравните критические и часто подвергнутые чистке цензуры военные репортажи в № 15—22 за 1915 г. газеты «Студенческие годы» (далее — СГ).
- ³⁴ ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 1915, д. 59, гл. 57, л. 11, 30—31, 44, 77.
- ³⁵ ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 1916, д. 59, гл. 57, л. 11, 1—4.
- ³⁶ РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 906, л. 11, 186, 19—20; ф. 733, оп. 201, д. 506, л. 11, 27—28.
- ³⁷ См. ставшее классикой исследование Леопольда Хаймсона: *Haimson Leopold H.* The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917 // *Slavic Review*. 1964. 23(4); 1965. 24(1); *Neuberger J.* Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900—1914. Berkeley, 1993, ch. 5.
- ³⁸ Газета «Студенческие годы» была основана в 1913 году, выходила в течение весеннего семестра 1914 г., потом снова вышла в марте 1915 г. после 11-месячного перерыва, и наконец была запрещена цензурой осенью 1915 г. Ее редакцию составляли делегаты от всех учебных заведений Санкт-Петербурга, среди которых первую скрипку играли социалисты. См: ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 1914, д. 59, гл. 57, л. 11, 16, 19—24.
- ³⁹ «Письмо в редакцию» см.: СГ. 1915. 15 марта. См. там же статью «По стопам отцов», в которой профессоров обвиняют в том, что они возглавили выступление против немецких студенческих групп.
- ⁴⁰ «Письмо в редакцию». С. 4.
- ⁴¹ Доклады полиции и преподавателей, а также прокламации см: РГИА, ф. 733, оп. 201, д. 506, л. 11, 26—28; д. 509, л. 11, 2—13; ф. 1405, оп. 530, д. 906, л. 11, 16—24.
- ⁴² РГИА, ф. 733, оп. 156, д. 143, л. 33—34.
- ⁴³ ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 1913, д. 59, гл. 57, л. 11, 9, 7—10.
- ⁴⁴ В 1915 г. председателем корпорации был сначала Николай Клименко, потом Л. М. Третьяков, вице-президентом — А. М. Мнемонов, а секретарем — Н. А. Забулонов. См.: ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 1916, д. 59, гл. 57, л. 11, 9, 11—13.
- ⁴⁵ ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 1915, д. 59, гл. 57, л. 11, 45—46. Печатную версию прокламации «Небольшой вопрос» см: СГ, 1915, 13 ноября.
- ⁴⁶ Отчет ректора университета см: ЦГИА, ф. 14, оп. 25, д. 49, л. 1, 17. Отчет районного куратора см.: РГИА, ф. 733, оп. 201, д. 509, л. 11, 24—25.
- ⁴⁷ Доклад районного куратора и копию прокламации см.: Там же, л. 61—62. Доклад Охранного отделения см.: ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 1915, д. 59, гл. 57, л. 1, 42.
- ⁴⁸ Живая сила. Орган демократического студенчества. 1916. № 1/3 (май). С. 95. Об аналогичных выступлениях в поддержку еврейских студентов в Московском университете см: Московское студенчество и профессура нака-

- нуне Февральской революции // Красный архив. 1933. № 3 (58). С. 117—119.
- ⁴⁹ ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 1915, д. 59, л. 57, лит Б, 1, 17.
- ⁵⁰ Об экономических трудностях студентов см.: Слушательницы петроградских высших женских (Бестужевских) курсов на втором году войны / Ред. А. А. Кауфман. Пг., 1916.
- ⁵¹ Между 1914 г. и сентябрем 1916 г. за регистрацией в Министерство внутренних дел обратились 45 групп студенческой экономической взаимопомощи. Неизвестно, сколько из этих просьб было удовлетворено, но обычно создание таких организаций не поощрялось. См.: РГИА, ф. 733, оп. 156, д. 455, л. 1, 74 и др. См. также д. 339. О бурном росте новых организаций см.: Живая сила. 1916. № 1/3. С. 96—97, и Наш путь (Сб.). Пг., 1916. С. 60—64.
- ⁵² Московские студенты даже основали газету для пропаганды кооперативного движения. См.: Вестник студенческой кооперации. 1916. № 1—4/5 и Вестник студенчества. 1916—1917. № 1—8/9. О первых успехах кооперативного движения в Петрограде см.: СГ. 1915. движения в Петрограде см.: СГ. 1915. 13 ноября. С. 4; Там же. 27 ноября. С. 4.
- ⁵³ В дополнение к материалам, указанным выше в сносках 51 и 52, см.: Путь студенчества. 1916. № 1—6.
- ⁵⁴ Об оживлении деятельности студенческих политических групп, включая эседеков, эсеров, бундовцев и др. см. доклад Охранного отделения, датированный 23 марта 1916 г.: ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), 1916, оп. 59, д. 57, л. 11, 1—4.
- ⁵⁵ ЦГИА, ф. 569, оп. 13, д. 1182ж, л. 11, 115—117, 119; ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО) 1916, оп. 59, д. 57, 11, л. 1—4.
- ⁵⁶ Там же, л. 25—26; РГИА, ф. 733, оп. 201, д. 518, 11, л. 44—46; ЦГИА, ф. 113, оп. 10, д. 63, 11, л. 94—95.
- ⁵⁷ ГАРФ, ф. 102 (ДП ОО), оп. 247, д. 341, л. 57, 1, 43; ЦГИА, ф. 14, оп. 27, д. 64, 11, л. 1, 4, 7; ГАРФ, ф. 2315, оп. 1, д. 26, 11, л. 45—46; РГИА, ф. 733, оп. 201, д. 518, 11, л. 63—65, 75, 79, 102.
- ⁵⁸ РГИА, ф. 733, оп. 201, д. 518, 11, л. 64, 75; ЦГИА, ф. 113, оп. 10, л. 63, 11, 86—87.

Бен Хеллман

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЛУБОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Быстрая и эффективная мобилизация русской армии в начале Первой мировой войны поразила всех наблюдателей. За одну неделю было призвано и послано к западным границам два миллиона солдат. В литературе же готовность к войне не была соответствующей. Понадобились три недели, чтобы появились первые книги, связанные с событиями. Это были два маленьких сборника под названием «Война».¹ Авторы были анонимные или скрывались под псевдонимом, объем — лишь восемь страниц, бумага и типографская техника — самого низкого качества. Цена — 1 копейка. Тиражи были значительны для книжного рынка России, — 15 000 экземпляров. Издания являлись чистыми примерами лубочной литературы, то есть дешевой, низкокачественной литературы, предназначенной для простого народа.

Еще со времен Отечественной войны 1812 года существовала тесная связь между войной и лубком, будь то картинки или книжки. «Война — это та почва, на которой лубок разрастается буйной травой, заглушающей подлинное искусство, которое во время войны молчит», — написала критик Вера Славенсон в обзоре военного лубка.² События 1914 г. отчасти подтвердили ее наблюдения. Спрос на сведения с фронта и на толкования военных событий был большим среди народа, и коммерческие издательства, специализирующиеся на лубке, не преминули откликнуться. Война предоставляла и любителям соблазнительную возможность вступить в литературу с серьезной темой, пусть и за свой счет.

Именно лубочные издания преобладали в начале войны. За пять первых месяцев войны в России было опубликовано около 600 книг, связанных с войной,³ из них большинство принадлежало массовой литературе. Можно согласиться с автором библиографического обзора: все это было лубочной литературой, если не по внешним признакам, то по крайней мере по содержанию.⁴

Если оставить в стороне документальные военные обзоры, в том числе и описания «славных побед» русской армии в Галиции, и рассказы участников войны,⁵ содержание лубочной военной литературы можно, грубо говоря, разделить на пять тематических категорий.⁶ Первая — юмористическо-сатирические стихи, часто с лубочными картинками, высмеивающими врага и его военные усилия.⁷ Остальные темы: образ русского героя, образ неприятеля, небесная помощь русской стороне и — его противоположность — сатанинский характер вражеской силы.

Гиперболизация своего защитника и смех и подтрунивание над врагом — традиционные средства психологического преодоления страха, вызванного войной. В лубке Первой мировой войны тот же самый гигантский русский солдат, с широкой бородой и одетый в красную рубашку, как в лубке времени русско-японской войны, шагает по военной карте или ходит по колону в океане, крошечный враг получает незабываемый урок. Враг смешон, ничтожен и труслив. Острые усы немецкого кайзера, бодро стремящиеся вверх, и его подданных, слепо подражающих своему правителю, стали любимым объектом каррикатуристов. В дерганье за усы был элемент кастрации врага, лишения его силы.

Враг унижается, для чего умяются его силы и мужество. Как в тексте лубочного листка, где жалкая фигура немецкого императора олицетворяет его беспомощную армию: «Как Вильгельм шел из Прилуки, Да попал он в бабы руки, Как в трех баб он стрелял, Да ни в одну не попал». Как в фарсе, женская хитрость — самое сильное оружие: «Шел австриец в Радзивилы, / Да попал на бабы вилы».⁸ Немцы выступают грозной лавиной, но уничтожаются тоже en masse: «Пруссаков у нас и бабы/ Истреблять куда не слабы!»⁹

Последние два примера приписывают перу Владимира Маяковского. Для военных плакатов и открыток московского издательства «Сегодняшний лубок» он сочинил свыше пятидесяти маленьких юмористических стихов, комментирующих последние события на фронте. Маяковский без труда адаптировался к требованиям жанра. Враг у него труслив и слаб и предпочитает паническое бегство честной борьбе. Как непослушного ребенка, русские его выучат палкой:

Подошел колбасник к Лодзи,
Мы сказали: «Пан добродзи!»

Ну, а с Лодзью рядом Радом,
И ушел с подбитым задом.¹⁰

В «Сегодняшнем лубке» участвовали крупные художники-авангардисты К. Малевич, М. Ларионов, А. Лентулов, Д. Бурлюк и сам Маяковский, но с самого начала чувствовалось, что речь шла о «псевдолубке», скорее обращенном к собирателям, чем к широкой массе. Издательство прекратило свою деятельность уже в октябре 1914 г.¹¹

Более утонченным способом высмеивания противника являлись псевдоаутентичные описания жизни императорского двора врагов. Первым многотомным романом, опубликованным во время войны, стал опус «Тайны Австрийского Двора: За кулисами войны» И. И. Нерадова. Каждую неделю «Московское издательство» добавляло несколько новых глав, и когда 25-я тетрадь вышла в марте 1915 г., произведение насчитывало 800 страниц. Вначале тираж достигал 18 000, но последняя тетрадь вышла тиражом 4000. Другое произведение такого типа, в данном случае анонимное — «Тайны германского двора: Записки придворного» (М., [1914]) — было рассчитано на 36 тетрадей. Враг был опорочен разоблачениями дворцовых интриг, шпионажа, безнравственности, сумасшествия и злоупотребления наркотиками. Показательно название второй тетради книги: «Любовница императора». Пикантные же детали из любовной жизни германской принцессы «разоблачил» в своей книжке «Дочь Вилгельма II-го: Придворный скандал» (Пг, [1914]) граф Амори.

Исторические исследования о Первой мировой войне не обращают внимания на отдельных героев, и вообще термин сам по себе может казаться неуместным в связи с этой войной. Кажется, все согласились с поэтом Александром Блоком, который в 1916 г. признался: «Сегодня я понял наконец ясно, что отличительное свойство этой войны — невеликость (невысокое) <...> она всех „прозаичнее“». ¹² Все легенды, творимые во время войны, оказались кратковременными. Осталась только картина анонимной массовой смерти в длительных, но бесполезных битвах. Тяжелые поражения русской армии тоже оставили в тени все случаи проявления героизма.

В 1914 г. у России, однако, появился свой военный герой традиционного типа. Это был 26-летний донской казак Кузьма (или Козьма) Крючков, который первым был награжден Георгиевским крестом первого ранга. 30 июля (ст. ст.) Крючков вместе с тремя другими кавалеристами неожиданно столкнулся с немцами недалеко от границы Восточной Пруссии. Силы были неравны — 27 против 4, но казаки все-таки решили начать бой. Когда сражение кончилось, 24 немца лежали на земле. Из них Крючков прикладом винтовки, шашкой и копьём убил 11. Серьезно раненым, ему все-таки удалось вернуться к своей роте. ¹³

Рассказ о подвиге Крючкова быстро распространялся в печати. Было опубликовано его письмо к родителям, в котором он в одном длинном предложении и на неграмотном, разговорном языке описал драматическое столкновение: «... А я один остался немцы зачали мене колоть пиками, а я отбивался винтовкою винтовку у мене выбили, а я выхватил шашку шашкою рубил шашку вьлажил вырвал у немца пику да пикою доколот 11 человек ...» ¹⁴ Таким же «hard-boiled» стилем он устно рассказывал о кровавой встрече:

Одиннадцать окружили меня. В винтовку патрон не стал входить. Произшло заклинение. Их унтер ударил меня шашкой, — палец рассек. Винтовка выпала из рук. Шашкой не могу достать их. Они пиками меня достают. Я хватился за одну пику, мигом вырвал ее у немца и давай колоть их. Всех переколот. Сам весь в крови, лошадь в крови. ¹⁵

В печати Крючкова описывали как человека скромного. Неохотно рассказывал он о своем подвиге. Восхваления перебивал: «Больно вы краснобаеете, я погляжу. По-вашему, я колдун, а я делаю лишь то, что Бог велел». ¹⁶

Крючков стал первым и главным героем русского лубка. «Герой Крючков» Николая Каменского с начала сентября 1914 г. был первым в длинном ряду книжек о казаке-герое. Тот же самый мотив повторялся и в рассказах периодики, и на лубочных плакатах. Происшествие было передано в прозе и в стихах, в документальной и в художественной форме. ¹⁷ Даже фильм был быстро снят: «Подвиг донского казака Кузьмы Крючкова» (Алексей Толстой видел этот фильм в Белостоке в октябре 1914 г. на пути к фронту). ¹⁸ Приблизительно в это время в одной книжке говорилось, что «теперь вся Матушка Россия произносит имя Кузьмы Крючкова с благодарностью и гордостью. Повсюду слышно о Кузьме Крючкове, каждый русский человек преклоняется перед этим героем <...>» ¹⁹ Его портрет якобы висел везде — «от хижины бедняков до дворцов богачей». ²⁰

Пример Крючкова апеллировал к народной любви к героическому. Миф о сильном, бесстрашном и непобедимом герое был в России связан и с богатырями былин, и с казачьей традицией и с героями 1812 года. В одной книжке о Крючкове казачья связь была эксплицитно подчеркнута: «От дедов и отцов идет к ним

горячая жажда сразиться с врагом страны родной».²¹ Крючков изображен как не-испорченное дитя природы. Он не спрашивает о причинах войны; для него война только продолжение труда на поле или просто захватывающая игра. Писатели лубка не хотели признавать скромность Крюčkова, а сделали его самоуверенным и даже хвастливым. Лубочный Крючков не боится ни войны, ни «гордой немчу-ры», и в пылу сражения он в своей настоящей среде:

Мне по сердцу набег!
И схватки я люблю
И злых надменных швабов
Десятками колю.²²

Так как каждый писатель пользовался одними и теми же хорошо известными источниками, в рассказах и поэмах о Крюčkове наступило утомительное однообразие. Жажда ярких подробностей, такая важная для массовой литературы, только изредка была удовлетворена, хотя можно найти несколько примеров развития фабулы в более фантастическом направлении. Подробностью, не встречающейся в изложении самого Крюčkова, но позже проявившейся в анонимном рассказе «Герой-Казак Козьма Крючков», стала отсеченная голова немецкого солдата: «Вместо защищенной каской головы, под крючковскую шашку пришлось шея и слетела с плеч немецкая голова, и только на волоске висела».²³ Дэг в «Подвиге казака Крюčkова» развивал этот образ. В его поэме встречаем все штампы, связанные с казацким героем. В бою Крючков приходит в бешенство:

— А чтобы-те сгнуть... рассердился
Крючков, и с розмаха рукой
Срубил главу, и та скатилась...
Подняли немцы дикий вой.

А Крючков все время рубит,
Немцев крошит, словно мух,
Но их много — он загубит
И себя, свой юный дух...²⁴

В элитарную литературу Крюčkова не впустили; он вовсе не годился в прототипы русского солдата. Идеалом был скорее толстовский Платон Каратаев, скромный «философ» в лохмотьях, сознающий моральные конфликты событий, тогда как Крючков был представителем физической силы и хладнокровия. Среди неграмотных слоев Крючков, однако, стал героем. Он был гарантией непобедимости России, несмотря на ее техническую отсталость. В одном полушутливом лубочном рассказе немецкий генерал, узнавший о подвиге Крюčkова, решает математическую задачу с потрясающим результатом: «Схватив карандаш, немецкий генерал сделал новое вычисление. 1 казак = 11 немцам. 100 000 каз. = 1 100 000 немцев (sic). Карандаш выпал из рук, и долго почтенный математик сидел над своими вычислениями, уныло качал головой и стонал: О, unglückliches (sic) Deutschland (sic)!»²⁵

Одна из бесчисленных книжек о казаке Крюčkове предрекает: «Пройдут десятки лет, и о славном небывалом геройстве Кузьмы Крюčkова будут дети и внуки читать как сказку ...».²⁶ Но на самом деле Крючков не пережил даже первые полгода войны, несмотря на отдельные попытки следить за его жизнью на фронте. То же самое можно сказать о других военных героях лубочной литературы,

например, о летчике П. Н. Нестерове, павшем в воздушном бою,²⁷ офицере Аввакуме Волкове, ветеране русско-японской войны, который недалеко от Львова убил пять австрийских офицеров и солдат и захватил их знамя;²⁸ о болгарском генерале и дипломате Радко Димитриеве, который в знак протеста против нейтралитета Болгарии просил русского гражданства и активно участвовал в боях во главе корпуса,²⁹ об Андрюше Мироненко, 12-летнем мальчике, который по ошибке попал на австрийскую артиллерийскую позицию и, не растерявшись, уничтожил вражеские пушки.³⁰ У биографий всех этих «героев» была, по всей видимости, документальная основа. Более сомнительной является аутентичность Валентины Гавринской, «которая победила целый немецкий полк и таким способом спасла целый город и его обитателей».³¹

К той же категории принадлежит фиктивный рассказ о донском казаке Семене Яхонтове, созданный Христофором Шухминым. Сначала несколько слов об авторе. Христофор Шухмин был самым продуктивным из всех создателей военного лубка.³² В своих бесчисленных книжках, изданных московским издательством А. Балашого, он затрагивал все центральные мотивы жанра и делал это с верным пониманием массового вкуса и в то же время с бесподобной вульгарностью. У него можно было встретить русское геройство, немецкое зверство, австрийскую и турецкую глупость, шокирующий натурализм и туманный мистицизм. Шухмин назвал себя «артистом, писателем и художником», но критики ставили все эти слова в кавычки. Орфография и логическое мышление не были самыми сильными сторонами Шухмина, но «по своему умению городить чушь с величественным учительным видом „артист“ этот превосходит всех своих многочисленных коллег», — заметил критик П. Жулев.³³ Его метод работы был прост, если верить критику: «треть списана откуда-нибудь, а две трети сочинены самим „артистом“ обо всем, что в голову взбредет».³⁴

Концепция, близкая Шухмину, но не только ему, такова: хотя обе стороны должны употреблять насилие и в некоторой степени быть жестокими, но все-таки существовала принципиальная разница между русскими и немцами. Русский солдат — «великодушен, милостив и любвеобилен» к узникам, он хорошо заботился о раненых, несмотря на их национальность.³⁵ Он — «орел, лев и тигр в борьбе, но светлый ангел и добрый голубь с погибающим врагом».³⁶ И, кроме того, настоящий русский солдат-герой убивал с мукой в сердце.

Этот в основе своей славянофильский миф Шухмин продемонстрировал в книжке «Дюжина немцев на одном казацком штыке». Донской казак Семен Яхонтов выгоняет своим копьём и страшным ревом двенадцать немцев из траншеи, где они трусливо скрываются, и убивает их меньше чем за двадцать минут, сам не получая ни одной царапины. Его подвиг превышает геройство Крючкова на одного врага, но его настоящее величие скрывается в том, что он после победной битвы вздыхает и смотрит на павших печальными глазами: «... В каждом почувствовал близкого себе человека. И много он тогда для души своей получил откровений, и сумрачные, тяжкие мысли закопошились в его мозгах и даже слезы вызвали на глазах у героя».³⁷ Тут соединились черты героя классической литературы с чертами народного героя настоящей войны.

В отличие от русских, немцы оставались «кровавыми зверями» во всех ситуациях. Выражение «немецкое зверство» очевидно возникло в связи с трагическими событиями в маленьком польском городе Калише в самом начале войны. Самым шокирующим обстоятельством этого эпизода была жестокость, которую

немецкая армия, по сведениям русской печати, проявила по отношению к гражданскому населению.³⁸ Следующие за этим схожие события в Ченстохове (Польша), Лувене (Бельгия) и Реймсе (Франция) как будто подтвердили, что враг не останавливается ни перед чем, что он уже перешел все границы человеческого.³⁹

В лубочной литературе тема «немецкого зверства» мгновенно приобрела популярность. Шухмин писал: «Звери германцы не щадили ни детей, ни жен, ни стариков, ни сестер милосердия, ни врачей человечества. Глумились над честью девиц, насиловали жен в присутствии отцов и детей».⁴⁰ Коллега Шухмина, А. Прохорович добавил много потрясающих подробностей «немецкого зверства»: «раненых хоронили живыми, пленных обливали керосином и затем поджигали, детей накалывали на штыки, у женщин срезали груди».⁴¹

Потрясающие рассказы такого типа всегда встречаются в пропагандистской военной литературе. Они удовлетворяют скрытое влечение к насилию и психологически мотивируют жестокость, которую должна проявить своя сторона, чтобы остановить яростного врага. С «кроважодным животным» нельзя вести мирные переговоры: его надо отыскать и убить.

В этой связи встречается более специфически русский мотив, — немецкая фальшивость. Широко распространено было представление, что немцы, включая тех, кто жил в России, все время только обманывали русских, скрывая свое презрение, хотя они на самом деле секретно планировали войну. Ошибка русских заключалась в их наивном доверии и благосклонности ко всем иностранцам, включая немцев. «Уже давно, может быть несколько лет к ряду, наш гнусный сосед, нами-же благодетельствованный, готовился к войне», — говорится в книжке «Немецкие шпионы».⁴² Доказательством являлось например то, что в каждом русском городе можно было найти немецкие конторы и магазины. И — «часто за вывеской немецкой колбасной скрывался целый немецкий штаб, откуда по беспроволочному телеграфу рассылались вести о численности и передвижении наших войск».⁴³ Через телеграф немцы в России, или «внутренний враг», как их называли, состояли в контакте со своей родиной. На фронте немецкий шпионаж также был эффективен и явно свидетельствовал о фальшивом характере врага: «Кругом шпионы: передают сведения о нас и с собаками-то, и по телефону-то, и мельницами-то...»⁴⁴ Даже лояльность к Германии невоенного населения оккупированных русскими частей Восточной Пруссии в начале войны являлась знаком обманчивости, а не патриотизма, как например в Бельгии: «Каждая старуха, каждый старик, ребенок <...> — это все разведчики, и о каждом шаге русских войск осведомляют своих».⁴⁵ К наличию телеграфа и телефонов почти во всех прусских деревнях русские солдаты относились с подозрением. Крепкие каменные дома были в глазах русских маленькими крепостями — доказательством военного планирования.

Мы уже говорили о сатирических нападках на врага и высмеивании его попыток победить русских. Главной целью сатиры лубочной литературы был германский император Вильгельм II. В 1914 г. в России было опубликовано около 40 книжек, обличавших кайзера. Сами названия этих изданий раскрывают отношение авторов к предмету: «Бешенный Вильгельм», «Коронованный Каин», «Вильгельм Кровавый», «Нерон XX века», «Современный антихрист Вильгельм II-й», «Вильгельм Антихрист» и т. п. Одна листовка носила красноречивое название: «В центре Европы объявился палач и своим гордым мечем погубил миллионы людей: Имя ему Антихрист». Даже известный психолог академик В. М. Бех-

терев посвятил немецкому императору один этюд: «Вильгельм — дегенерат неоновского типа» (М., 1916).

Вильгельм II представлен как лично несущий ответственность за все зверства войны. Он служит сатане. Вильгельм, ад и сатана соединялись в разных формах. Один критик отметил: «И крестили они (писатели, — Б. Х.) Вильгельма в адской купели, и созывали военные советы его с чертями, и приделывали ему рога, хвост и, наконец, как это сделал недавно некий Р. Меч,⁴⁶ просто выдернули его из заседания генерального штаба и отправили в ад по пустыкам, так просто — проветриться...»⁴⁷

Петроградское издательство Николая Линдена опубликовало легенду-поэму «Как чорт Вильгельма выдумал», в которой войне дается религиозно-историческое объяснение. С того времени, как Лютер бросил в него чернильницу, «дьявол» жаждет мести. При рождении чертенка, черт дает его бездетному кронпринцу Фердинанду. Тот смотрит на ребенка «как на диво./ Но вдруг из люльки: — пива! пива!» Дьявол ликует: «Ну, разве я, скажи, не шельма./ Наслал в отместку я Вильгельма/ На ненавистный мне народ.../ Я Лютеру придумал мечь!»⁴⁸

В некоторых псевдо-легендах Вильгельм II надеется на помощь сатаны, продавая свою душу, но в конце концов он сам будет обманут.⁴⁹ Сознавая свое бессилие, писатели лубка предавались пустому мечтанию, но в этих мечтах присутствует вера в то, что зло будет наказано. Иногда, чаще всего в связи с австрийским императором Францем-Иосифом, русские писатели предвидят возможность раскаяния. Христофор Шухмин заставил Франца-Иосифа, невидимого другим, гулять по Вене, где все, страдающие от тяжести войны, проклинают его имя. Мельком он видит также, что его ждет после смерти. Старик потрясен увиденным и восклицает: «Я погубил миллионы людей! Я погубил свою душу! Моя победа в моем собственном раскаянии. — И старик Франц-Иосиф громко зарыдал. И в первый раз в жизни из его глаз полились слезы искреннего человека».⁵⁰

Если помощником Германии и Австрии-Венгрии являлся сатана, то на стороне России мы находим Небесные силы. В первую военную осень в России ходили слухи о божественных видениях на фронте. Появление Иисуса Христа и Богоматери были конкретным знаком, что русская армия могла рассчитывать на помощь Небес и что ее дело священное. Новости об этих откровениях были напечатаны на листовках, часто большим тиражом. «Явление Божией Матери на небе пред сражением русскому воинству! Предзнаменовавшее о победе» (Пг., 1914) было напечатано в 320 000 экземплярах. Другие листовки носили названия «Великое чудо во время причастия, как Господь не допустил немцев надругаться над святыми дарами» (М., 1914), «Чудесное видение Божией Матери на войне русским воинам» (Одесса, 1914), «Чудесные видения на войне продолжаются» (М., 1914), «Чудесное явление русскому воинству на поле брани» (Пг., 1914).

О посещении Христа солдат на русском фронте сообщалось в книжках «Великое чудо из священной войны: Явление Иисуса Христа раненому воину после сражения под Варшавой» (М., 1914) и «Великое чудо на войне: Явление Божьей Матери и Иисуса Христа русскому воинству и чудесное исцеление унтер-офицера» (М., 1914).⁵¹ В них образу Христа дана и функция лечения раненых и утешения умирающих.

Выходили и более разработанные описания чудных событий и появлений мистических незнакомцев на фронте. Пример вновь можно найти у плодотворного Христофора Шухмина: «Под разрывами шрапнелей или необыкновенный ста-

рик». Личность этого «необыкновенного старика», появившегося в русской армии в декабре 1914 г. у реки Равка, не раскрывается. У него белоснежные волосы и голубые, добродушно улыбающиеся глаза, на нем фуражка и погоны времен Николая I. Старик дарит солдатам табак и хлеб, ухаживает за ранеными и утешает их в трудные моменты. 13 декабря (по новому стилю во время рождества немцев!) он руководит наступлением против врага. Невредимый среди пуль он вдохновляет солдат своим криком «С нами Бог, никто не погибнет, а кому пришел час[,] тот и в золотых хоромах умрет».⁵² Солдаты догадываются, что «между людьми ходит святой, кому Сам Бог разрешил благословлять и помогать страдальцам воинам».⁵³ Шухмин не подтверждает, но и не отрицает их предположение, а углубляет мистицизм рассказа в самом конце: «А имя ему — человек».⁵⁴

К этой категории военной литературы можно также отнести многочисленные книжки с разными пророчествами о ходе и конце войны. Находили чисто русские, довоенные примеры таких пророчеств. У генерала М. Д. Скобелева можно было найти высказывания о будущей великой войне против Германии.⁵⁵ Св. Серафим Саровский предвидел русскую победу в будущей великой войне.⁵⁶ Св. Андрей Юродивый предсказал, что Константинополь станет русским Царьградом, но только до тех пор, пока город не погрузится на дно моря в результате землетрясения.⁵⁷ В знаменитом календаре Брюса нашли туманное пророчество о больших изменениях в одном знаменитом государстве.

Настоящих экспертов, однако, надо было искать за границей. Парижанка Madame Тэб, оккультист, уже в 1912 г. якобы предсказала будущий конфликт германской и русской наций. Тэб предугадала «потрясение всего цивилизованного мира» и «пролитие потоков человеческой крови».⁵⁸ Грядет конфликт славянской и германской рас, христианства и ислама. Германия погибнет, но русских ожидает светлое будущее: «Долгое молчание, затишье в России, потом удар грома — и явятся новые люди, новые дела, новые свободы, новая большая работа, одним словом[,] полное пробуждение. Сколько однако перед этим пробуждением ей придется вынести борьбы внутренней и внешней и сколько измены! Помощь придет ей оттуда, откуда она никак ее не ожидает».⁵⁹

Более обстоятельную картину неизбежной гибели Германии давал перевод французской книжки «Конец германской империи по немецким предсказаниям Германа [епископам] Майнцкому и Финсбергскому, собранным и комментированным Ж. Ляров» (Пг., 1914). Книжка «Ужасный рок: Гибель императора Вильгельма» выдавалась за перевод статьи из английского журнала «Occult Messenger». В ней утверждалось, что все — от движений планет до почерка и линий ладони императора (последние вышеупомянутая Мадам Тэб изучала уже в 1904 г.) — указывало: Вильгельм II сойдет с ума, *coup d'état* совершится и принц будет убит. В итоге лубочная книжка отметила, что император Вильгельм II не начал бы войну, «если-бы он был знаком с оккультным (sic) знанием ...»⁶⁰ Разумеется, что все эти пророчества были сладким чтением для русских. Это касается и утопических романов военных лет.⁶¹ В конце войны русская армия завоюет Берлин, если до этого дворцовый переворот не разрушит военные планы Вильгельма.

Лубочная литература состояла из маленьких, дешевых книжек, предназначенных для народа. Для более требовательной и состоятельной публики работали писатели развлекательной литературы, такие как Лидия Чарская, Ольга Бебутова и Николай Брешко-Брешковский. Их произведения более объемны, компози-

ция — более сложна, общественное положение персонажей — более высоко, но мотивы и тенденция те же, что и в чистой лубочной литературе.⁶² По сквозной фабуле главная героиня, часто добродетельная барышня из хорошей семьи, слепо влюблена в красивого и корректного немца, живущего в России, но во время войны ей открывается настоящее лицо жениха. Изнасилование — неизбежный мотив этих произведений, предпочтительно в самом сердце Германии, в замке негодая, где он вполне свободен от всяких ограничений и принуждений. Неприятности русских девушек начинаются у Бебутовой («Варвары XX века», 1915) и Чарской («Ее величество Любовь», 1915), когда они, как и тысячи других русских, застряли в Германии в начале войны. Мужчин бесцеремонно бросают в тюрьму, но женщины попадают в руки немецких офицеров, где ждут их бесчестье и изнасилование. Немецкие слуги откровенно радуются судьбе русских княгинь: «Вы будете нашими рабами, а мы вашими повелителями».⁶³ Американец Дж. Брукс, специалист по русской массовой литературе, комментирует: «Авторы этих повествований подчеркивают уязвимость и страдания русских, лишенных защиты своего отечества».⁶⁴ На аллегорическом уровне такие сцены иллюстрируют шок, который русские испытали в 1914 г., когда Германия, главный экономический и культурный партнер России и главный символ прогресса и материального благополучия, неожиданно объявила ей войну.

600 названий за пять месяцев может не казаться большим количеством для страны масштаба России. Это касается и тиражей лубочных изданий. Обычный тираж — 4000 экземпляров, второе издание было редкостью. Это превосходит соответствующие показатели для элитарной литературы того времени, но немногочисленность круга читателей в России все же очевидна. Покупка книг еще оставалась привилегией маленькой группы, и самым большим препятствием являлась при этом не цена (многие издания продавались за копейку), а неграмотность.

Но несмотря на относительно скромную распространенность лубочной литературы, критики серьезно относились к ней. Уже в изданиях, связанных с русско-японской войной, отмечалась грубость, безграмотность и высокомерное отношение к врагу лубочных авторов. О карикатуре-картине того времени писал критик И. П. Белокопский: «Она бессовестно лгала и обманывала народ, совершенно искажая действительность; она прославляла грубую силу, невежество и тьму; за редчайшими исключениями, она преподносила лишенную всякого остроумия и принижающую художественный вкус пачкотню».⁶⁵

Во время мировой войны военный лубок оценивали в таком же отрицательном тоне.⁶⁶ За примитивной и по форме и по содержанию лубочной литературой не признавали никакой ценности. Считали, что она опошляла серьезные и трагические события, вульгаризируя их смысл. Неясно, отражала ли она на самом деле настоящее отношение народа к войне и врагу. И, помимо того, господствовало ощущение, что русским на самом деле неуместно высмеивать врага, что Россия — более слабая и во всех отношениях наименее развитая из воюющих наций.

Критикам было досадно наблюдать, как народ черпал информацию о войне из таких газет как «Трудовая копейка» и из изданий лубочного характера.⁶⁷ Лубок был дешев, а его продажа — эффективна. Книжки и листки продавались на улицах; они широко распространялись и в деревне, и в рабочих предместьях. Через рынки в провинции лубок нашел путь даже в избы крестьян.⁶⁸

«Это настоящая умственная зараза, с которой необходимо бороться», — делал вывод критик П. Жулеев в журнале «Русская школа».⁶⁹ В качестве целебного

средства для борьбы с этой «эпидемией» предлагалось дать народу качественные популярные издания по доступной цене, и при этом подчеркивалась роль крупных издательств. Некоторые попытки в этом направлении были предприняты. В начале войны при Главном управлении по делам печати был создан Комитет народных изданий, который опубликовал большим тиражом пять книжек.⁷⁰ Так, «Война с Турцией» вышла тиражом в полтора миллиона — рекорд для русского книжного рынка. В 1915 г. «Скобелевский комитет», состоявший под покровительством царя, начал публиковать книги по низкой цене. В роскошных изданиях выпускались портреты царя, описания славных русских героев и его гнусных врагов. Комитет издавал также и художественную литературу, но довольствовался такими второстепенными писателями, как Д. Цензор, И. Гриневская, А. Липецкий, Скиталец (С. Г. Петров) и Н. Н. Брешко-Брешковский.

Но время лубочной литературы подошло к концу. Публика — в том числе и читатели более развитого вкуса — быстро устала от военной тематики и, по всей видимости, от войны вообще. Поражения в Галиции и Польше летом 1915 г. решительно повлияли на рынок лубочной литературы. Списки изданной в России литературы показывают, что спустя год после начала мировой войны, уже нельзя было говорить о существовании в России массовой, лубочной литературы по военной тематике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Война: Сб. М., 1914; Война: Военно-юмористический альманах. М., 1914. См.: Книжная летопись. 1914. № 32. С. 5.

² *Славенсон В.* Война и лубок // *Вестн. Европы.* 1915. № 7. С. 91.

³ *Владиславлев И.* Предисловие // *Русская литература о войне 1914 года.* М., 1915. Вып. 1. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ Крупное издательство И. Д. Сытина специализировалось на военных обзорах и рассказах свидетелей. См.: «Как началась война», «Разгром австрийской армии и взятие Львова во Галиции», «Война в воздухе», «Мужественная борьба Бельгии с вероломством Германии», «Наши враги немцы» и «Наши раненые». Серия «Вторая отечественная война по рассказам ее героев» состояла из 30 книг.

⁶ Массовая патриотическая культура в России во время Первой мировой войны является темой работы: *Jahn H. F.* Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca; London, 1995. Несмотря на то, что Ян обращает внимание на лубочные картинки и плакаты, кино, театральные и эстрадные представления, а не на лубочную литературу, его наблюдения во многом превосходят результаты данного доклада.

⁷ Московское издательство К. Травина опубликовало около 20 «военных юмористических альманахов» и таким образом выделилось как ведущее в этой области.

⁸ *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 1. С. 355. Без подписи также в кн.: *Новейшие песенки о Вильгельме.* Варшава, 1914. С. 9.

⁹ *Маяковский В. В.* Указ. соч. С. 357.

¹⁰ Там же.

¹¹ О «Сегодняшнем лубке», см.: *Jahn H.* *Op. cit.* P. 14—18.

¹² *Блок А.* Записные книжки (1901—1920). М., 1965. С. 283.

¹³ Биржевые ведомости. 1914. 2, 16 августа.

¹⁴ Письмо Козьмы Крючкова // *Славянофил.* Сказание о великой войне: Граматка Козьмы Фирсовича (донского казака Крючкова). Пг., 1914. С. 12.

¹⁵ *Давыдов В. Д.* Славное казачество во вторую отечественную войну. Вып. Первый. Новочеркасск, 1915. С. 41.

¹⁶ Новые подвиги Козьмы Крючкова и его товарищей: Памятка отдельных подвигов русских воинов великой войны (1914—1915 гг.) / Ред. В. Высоких. Выборг, 1915. Вып. 2. С. 43.

¹⁷ См.: *Варлыгин Д.* Лихой казак: Песня-марш. Посвящается донскому казаку-герою Козьме Крючкову. (Музыка Н. Кузмина). М., 1914; «Герой Крючков» и другие песни войны. М., 1914; Геройский подвиг донского казака Кузьмы Крючкова. М., 1914; Неустрашимый герой донской казак Кузьма Крючков и его славные победы над врагами, как он убил 11 немцев. М., 1914; Славный герой-казак, доблестный сын вольного Дона Кузьма Крючков,

- уложивший один в славном бою на смерть 11 врагов-немцев. М., 1914; Храбрейшие герои: Казак Кузьма Крючков и другие казаки и их геройские подвиги. М., 1914.
- ¹⁸ Толстой А. Н. На войне // Толстой А. Н. Собр. соч. М., 1915. Т. 6. С. 67. См. также: *Jahn H.* Op. cit. P. 158.
- ¹⁹ Славный молодец донской казак Кузьма Крючков: Первый Георгиевский кавалер в русско-немецкую войну. Киев, 1914. С. 6.
- ²⁰ Там же. С. 30.
- ²¹ Там же. С. 7.
- ²² «Кузьма Крючков» и «Гей казаки»: Новые военные казачьи песни. М., 1914. С. 2.
- ²³ Герой-Казак Козьма Крючков. М., 1914.
- ²⁴ Дэг. Подвиг казака Крючкова: Поэма. Пг., [1914]. С. 6—7.
- ²⁵ Давыдов В. Д. Указ. соч. С. 44.
- ²⁶ Герой великой Отечественной войны: Первый Георгиевский кавалер казак Кузьма Крючков и 12-ти летний мальчик герой георгиевский кавалер Андрюша Мироненко. М., 1914. С. 4.
- ²⁷ См.: В волнах небесного: Геройская смерть летчика П. Н. Нестерова (Из эпохи священной войны). М., 1914; Новые военные песни: Геройская смерть русского летчика капитана Нестерова. М., 1914; П. Н. Нестеров: Герой-авиатор. М., 1914.
- ²⁸ См.: Кавалер пяти георгиев: Подвиги унтер-офицер (sic) А. Н. Волкова. Из эпохи священной войны. М., 1914; Новые песни войны первого георгиевского кавалера Аввакума Николаевича Волкова о его выдающейся храбрости и его сильных и великих подвигах войны. М., б. г.; Прохорович А. В. Песни войны Волкова взявшего неприятельское знамя 1915 года. М., [1915]; Шухмин Х. Повиг унтер-офицера А. Н. Волкова кавалера пяти георгиевских крестов: Рассказ из последней войны с немцами и др. М., 1914.
- ²⁹ См.: Современный Скобелев: Доблестный генерал герой Радко Димитриев и его геройские подвиги в борьбе с немцами. М., 1914.
- ³⁰ См.: *Кайский А.* Дети на войне. Пг., 1915. С. 30—31 (из Биржевых ведомостей). О других многочисленных детях-героях см.: Славные подвиги мальчика-героя в войне России с Германией и Австрией. Киев, 1914; Юный герой Ганька-Дармод: Рассказ из Священной войны. М., б. г.
- ³¹ Прохорович А. В. Геройский подвиг одной русской женщины Валентины Гавринской, которая победила целый германский полк и тем спасла весь город и всех жителей, находившихся в нем, от кровавых набегов продолжающейся войны. М., 1914.
- ³² Кроме названных в докладе книжек, Шухмин опубликовал и другие: Военный совет Вильгельма с чертями: Юмористический рассказ. М., 1914; Дворец скелетов или архитектура Вильгельма. М., 1914; Как казаки заставили немцев самих себя выпороть: Рассказ. М., 1915; Любовь сестры милосердия, или Мать под пулями и бомбами: Рассказ. М., 1915; Необыкновенное превращение Кайзера Вильгельма в дьявола: Рассказ. М., 1914; Приятное знакомство Вильгельма со смертью. М., 1914; Прodelки немецких чертей над Магометом пятым: Рассказ. М., 1915; Сказка о трех людоедах: Вильгельм, Франц и Магомет: Рассказ. М., 1915; Страшные и дикие зверства немцев в последнюю войну: Очерк. М., 1914.
- ³³ Жулев П. Лубочное половодье // Русская школа. 1915. № 1. С. 60.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Шухмин Х. Подвиг унтер-офицера А. Н. Волкова, кавалера пяти Гергиевских крестов: Рассказ из последней войны с немцами. М., 1914. С. IX.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Шухмин Х. Дюжина немцев на одном казачком штыке: Рассказ из русско-немецкой войны. М., 1915. С. XIV.
- ³⁸ См.: Черные дни Калиша: Зверства немцев и австрийцев в мировую войну 1914 г. М., 1914. — Калишские события попали и в художественную литературу. У пьесы Владимира Чайкина «Калишане в котлях у варваров-пруссак»: Драма из современной войны» (Пг., 1915), наверное, самая потрясающая последняя сцена в русской драматургии. На глазах публики пьяные немецкие солдаты насилюют женщин и убивают связанных беззащитных мужчин.
- ³⁹ См.: Германские зверства: Черные дни Калиша, Ченстохова, Лувэна и др. городов, занятых германцами. Одесса, 1915.
- ⁴⁰ Шухмин Х. Путешествие по свету Вилгельма на хвосте у черта: Юмористический рассказ из современной войны. М., 1914. С. XIV—XV.
- ⁴¹ Прохорович А. В. Как Вильгельм до черта в ад попал. Что живых людей он в землю зарывал, Керосином обливал И на огне людей сжигал, Как черт шил сапоги Для Вильгельмовой ноги. М., [1914].
- ⁴² Немецкий шпионаж. М., 1914. С. 3—4.
- ⁴³ Там же. С. 9.
- ⁴⁴ Там же. С. 18.
- ⁴⁵ Там же. С. 13.
- ⁴⁶ Меч Р. Вильгельм в аду. М., [1914].
- ⁴⁷ Жулев П. Указ. соч. С. 58—59.
- ⁴⁸ Как черт Вильгельма выдумал: Легенда. Пг., 1914. Цит. по: Жулев П. Указ. соч. С. 58.
- ⁴⁹ См.: *Альма.* Легенда войны. М., 1914; Прохорович А. В. Как Вильгельм до черта в ад попал, что живых людей он в землю зарывал. М., [1914]; Шухмин Х. Путешествие по свету Вильгельма на хвосте у черта. М., 1914.

- ⁵⁰ *Шухмин Х.* Торжественная прогулка Франца Иосифа в собственную могилу. М., 1915. С. XV—XVI.
- ⁵¹ См. также главу «Чудеса на войне» в кн.: Душа русского солдата: Сборник / Ред. Е. Воронова. Пг., 1915. С. 77—82.
- ⁵² *Шухмин Х.* Под разрывами шрапнелей или необыкновенный старик: Рассказ. М., 1915. С. XIII.
- ⁵³ Там же. С. X.
- ⁵⁴ Там же. С. XVI.
- ⁵⁵ *Ермилов В.* Берлин: Что предсказал М. Д. Скобелев о войне с немцами. М., 1915; О Скобелеве см. также: *Апушкин В. А.* Скобелев о немцах: Его заветы славянству. Пг., 1914; Как русские взяли Берлин в 1760 г.: Скобелев о немцах. Одесса, 1915.
- ⁵⁶ Страшное предсказание Серафима Саровского о Русско-Германско-Австрийской войне, предсказание о победе, обещание идти на войну и молиться за весь русский народ. СПб., 1914.
- ⁵⁷ Пророчество Св. Андрея Юродивого о судьбе Царьграда. М., 1914.
- ⁵⁸ Что говорит г-жа Тэб о событиях текущего года? (Выдержка из Парижского альманаха за 1912 г.) Чем кончится война? Судьба Германии и ее Императора. Участь Италии и проч. Пг., 1914. С. 3—4.
- ⁵⁹ Война и предсказания госпожи де Тэб. Перевод Скарабэ. Изд. 2-е. Пг., 1915. С. 18.
- ⁶⁰ Ужасный рок: Гибель императора Вильгельма II. М., [1914]. С. 5.
- ⁶¹ См.: *Жданов Л.* Конец войны: Последние дни мировой борьбы. Пг., 1916; *Засулин А.* Падение Берлина. М., 1915.
- ⁶² Границы были стерты не только между лубочной и развлекательной литературой. И в элитарной литературе была заметна тяга к лубочным мотивам и установкам.
- ⁶³ *Бебутова О.* Варвары XX века: Война (Роман из современной жизни). Пг., 1915. С. 217.
- ⁶⁴ *Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature 1861—1917 / Princeton, New Jersey, 1985. P. 224.
- ⁶⁵ *Белокопский И. П.* Лубочная литература о русско-японской войне // Образование. 1905. № 1. С. 61.
- ⁶⁶ *Звягинцев Е.* Война и лубочная литература // Русские ведомости. 1914. 12 сентября; *Жулев П.* Указ. соч.
- ⁶⁷ *Владиславлев И. В.* Указ. соч. С. 5.
- ⁶⁸ *Жулев П.* Указ. соч.
- ⁶⁹ Там же. С. 59.
- ⁷⁰ «Великая война», «Отторженная возвратих», «Война с Турцией», «Наша слава» и «Зверство немцев».

Ким Фридендер

НЕСКОЛЬКО АСПЕКТОВ *SHELLSHOCK*'А В РОССИИ 1914—1916

Подобно многим другим впечатлениям от Первой мировой войны, в России и в дальнейшем в Советском Союзе медицинский термин *shellshock* (артиллерийский шок) оказался забыт, отчасти из-за того, что ветераны-невротики затерялись среди множества других жертв войны и революции. Нечто подобное произошло и с группой жертв этой болезни, получивших травмы в ходе русско-японской войны — их судьба оказалась заслонена бурными событиями Революции 1905 г.

В России *shellshock* не вызвал того внимания, которое ему уделялось в других странах. Как же, в таком случае, составлять историю этой болезни в России? Существуют ли исторические источники, позволяющие ее раскрыть? Правда ли, что ситуация отличалась от других стран? В какой степени история *shellshock*'а в России похожа на другие национальные истории военных психоневрозов? Каковы значимые различия?

В ходе Первой мировой войны в Канаде, США и большинстве европейских стран *shellshock* был признан как особый феномен военного времени. Однако болезнь продолжала получать все новые дефиниции в течение 1920-х гг. Эти новые дефиниции сделали *shellshock* не только составной частью воспоминаний о войне, но и ее наследием. В Англии, Франции, Германии изменение взглядов на *shellshock* оказало влияние на меры по наделению пенсиями, лечению и госпитализации психически больных. В то же время поток романов и военных мемуаров держал болезнь в центре общественного внимания.

Термин *shellshock* введен в обращение английским психиатром Чарльзом Майерсом зимой 1915 г. и с самого начала вызвал споры. Он широко использовался солдатами и прессой, но терминологическая нестрогость затрудняла его употребление в медицинских и бюрократических целях. В 1917 г. военно-медицинское общество (the Army Medical Society) наложило запрет на его использование.¹ Применительно к России термин *shellshock* не вполне корректен. Ключевыми словами были «шок» и «травма» (иногда «траума»). Связь между разрывными снарядами и производимой ими психической болезнью дискутировалась в специальной литературе, однако слово *shellshock* в медицинском дискурсе не использовалось. В центре российских дискуссий находились понятия «травматический невроз» и «контузионный невроз». Невропатологи и психиатры использовали эти диагностические категории (и их многочисленные подразделе-

ния) для выражения широкого круга идей, описывающих взаимодействие тела и разума в экстремальных условиях. Даже те врачи, которые особо подчеркивали соматические черты контузионного невроза, включали в свои описания красочные изображения ужасов современной войны, таким образом имплицитно признавая роль страха и ужаса в нервных болезнях.

Невротическая болезнь оказалась в центре внимания в качестве широкой категории, способной вместить колебания вокруг соматических и психологических объяснений психической болезни.

Специфические формы такого смешения соматического и психологического произрастали из эклектизма российской психиатрии начала века, а также в результате специфического переживания военной травмы в России в годы, предшествовавшие Первой мировой войне.

Случаи психических болезней во время войн были зафиксированы и ранее. Однако именно российский военный опыт психической болезни заставил одного американского наблюдателя заявить, что «впервые в мировой истории специалисты особо ухаживали за психически больными — от линии фронта и до тыла».² В 1904 г., с первых месяцев русско-японской войны, российские психиатры призвали военно-медицинские власти официально признать психиатрических пациентов, появившихся в военных госпиталях Маньчжурии, классифицировать их как психически больных (а не симулянтов, дисциплинарно провинившихся и соматических больных), дать им особый и равноправный статус. Это означало, что после постановки диагноза они должны быть помещены в психиатрические палаты и избавлены от издевательств других пациентов, которые часто видели в психически больных источник развлечения.

Для военно-медицинских властей, а также для психиатров эта ситуация практически не имела прецедентов. Первоначально запросы о переводе из общих палат и разрешении диагностировать и лечить пациентов, страдающих неврозом и психическими болезнями встречались со снисходительным недоверием и сарказмом. «Здесь нет психических пациентов», — сказал начальник харбинского госпиталя Г. Е. Шумкову, который незадолго до того закончил диссертацию по психиатрии под руководством киевского психиатра И. А. Сикорского. Когда в ответ Шумков привел статистические данные о психических болезнях военнослужащих во время франко-прусской войны, последовал ответ: «Это там, а у нас этого не будет». Начальник посоветовал ему заняться лечением раненых и больных, а не быть узким специалистом.³

Между тем количество неврозов множилось с каждым новым русским поражением, и военно-медицинские власти были вынуждены обратить внимание на эту проблему. По их просьбе Красный Крест организовал комиссию из известных психиатров с целью представить план ухода за психически больными (принимая во внимание психиатрическую статистику, составленную прусским правительством во время франко-прусской войны). П. М. Автократов, начальник психиатрического отделения варшавского Уяздовского военного госпиталя, был назначен уполномоченным Красного Креста по психиатрическим вопросам на Дальнем Востоке. Комиссия основывала свои рекомендации на предположении, что количество случаев психических болезней в военное время будет больше, чем в мирное, в полтора раза, а также на идее, что для уменьшения вероятности хронического психического расстройства болезнь должна лечиться оперативно.⁴ К осени 1904 г. Автократов начал организовывать психиатрический госпиталь в Харбине,

несколько психиатрических приемно-сортировочных станций на линии фронта и специальные эвакуационные поезда для перевозки психически больных на долгосрочное лечение.⁵

Газеты привлекли внимание читающей публики к проблеме психической болезни, регулярно печатая статьи о больных и раненых, а также, начиная с первых же месяцев войны, и о солдатах, потерявших рассудок, и о вспышках массовой паники, в ходе которых целые полки сходили с ума. Сообщения о прибытии психиатрических эвакуационных поездов в крупнейшие города европейской России⁶ и послевоенные статьи о больных ветеранах были выдержаны в жанре журналистского репортажа по вопросам психиатрии, психических болезней и вредоносного эффекта «нервного века». Русско-японская война, однако, дала специалистам по нервным и психическим болезням более заметную роль в силу ее драматических обстоятельств и сместила фокус общественного внимания: вместо разрушительного действия современной жизни на нервы человека в центре дискуссий оказалась связь между кризисом и психической болезнью.

В профессиональной литературе публикации о психических болезнях на театре военных действий появились уже в первые месяцы русско-японской войны. Существовавших схем, в которые доктора могли бы включить свои наблюдения, было немного: некоторые начинали с отсылок к французской и немецкой специальной литературе времен франко-прусской войны 1870—1871 гг., к сообщениям о синдроме под названием «ностальгия», наблюдавшемся в ходе Гражданской войны в США 1861—1865 гг., и к психическим болезням, связанным с англо-бурской войной 1899—1902 гг., другие полагали, что они имеют дело с новым явлением, до того освещенным лишь в частной переписке и в слухах времен русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и Китайской кампании 1900 г.⁷ Неудивительно, что с 1904 г. и до начала Первой мировой войны в обсуждении психических болезней, связанных с войной, центральный вопрос ставился так: «Является ли война причиной психической болезни? И вызывает ли она специфические формы психической болезни?» Мысль, что разрывные снаряды могут вызывать психическую болезнь, была высказана,⁸ но связанный с нею диагноз травматического невроза не получил широкого признания до Первой мировой войны.

Наибольший интерес в исследованиях военных психических расстройств вызывал «психический шок» (или «нравственный шок»), — интенсивная эмоциональная реакция на ужасы войны. Психиатры признавали наличие психологического напряжения и даже психотравмы на всех стадиях военного опыта солдат — от призыва до сражения, но предпочитали в основном говорить о физических аспектах этого опыта, которые истощали запас нервной энергии: недосыпание, недостаточное питание, условия экстремальной жары или холода в суровом маньчжурском климате. Нейрофизиологическая неуравновешенность вела к психической болезни. Самый популярный диагноз, «психоз истощения», подразумевал комбинацию (в течение длительного времени) физического истощения и крайнего нервного напряжения. Именно она, а не одно ужасающее событие, постепенно приводила психику солдата в патологическое состояние.⁹

Большинство психиатров числило психическую травму среди других факторов, порождавших напряжение, но психотравма называлась лишь одной из многих причин нервного неуравновешенности. Война оставила свой «отпечаток» на галлюцинациях и маниах пациентов, заново переживавших грохот артиллерийских залпов и стоны раненых. Однако большинство специалистов, включая и тех,

кто лечил пациентов в Маньчжурии, не соглашались признать существование отдельной психической болезни, характерной для жертв войны. В канун Революции 1905 г. практические вопросы, связанные с психиатрическими болезнями военных лет, оставались неразрешенными. Теоретические проблемы взаимосвязи войны с психическими болезнями не были разрешены и много позже. К началу Первой мировой войны широкое обсуждение в военно-медицинских кругах военных психических болезней привело к созданию «Общества военной психологии» и аналогичных гражданских организаций. Русско-японская война дала широкому кругу врачей различной специализации опыт диагностирования и лечения психически больных солдат, что помогло кристаллизации исследовательских интересов специалистов, изучавших соотношение соматических и психологических факторов в психических болезнях.

Такие симптомы, как смятение, депрессивное и меланхолическое состояние, а также (у многих пациентов) кататоническая замкнутость, были хорошо знакомы, однако их трудно было связать с определенной диагностической категорией. В русско-японскую войну и сразу после нее психиатры использовали ветеранов для изучения шизофрении и маниакально-депрессивной болезни. Другое исследовательское направление строилось на мысли, что существуют не столько психические болезни, специфичные для войн, сколько определенные психологические и эмоциональные реакции, характерные для пострадавших в стихийных бедствиях, политических потрясениях и войнах. Зимой 1914 г. московский психиатр Н. Н. Баженов в своей статье сравнивал пострадавших от Мессинского землетрясения 1909 г. с психиатрическими жертвами русско-японской войны. В обеих группах наблюдались одни и те же симптомы: за первоначальным смятением следовало чрезвычайное безразличие к собственной ситуации, повышенная раздражимость, плаксивость, неспособность сосредоточиться. Объединяя фрейдистские элементы с нейрофизиологическими, Баженов объяснил войну как разновидность стихийного бедствия:

«Если к этому присоединю еще те наблюдения, которые я мог сделать на военных чинах, эвакуированных во время последней Русско-японской войны с театра военных действий в Москву, то в итоге получается сумма наблюдений, которая только в совершенно исключительных случаях может быть в распоряжении врача. Полагаю, что при теперешних методах ведения войны, где личное мужество в форме активных агрессивных действий отступает часто на второй план, где отсутствует эмоция и аффект, связанные с непосредственной личной борьбой, а люди поражаются иногда за много верст, даже не видя врага, из дальнобойных орудий... военные операции в наше время могут быть также оценены, как приближающиеся по типу своего воздействия на переживающих, к той категории событий, которые я рассматриваю здесь под названием стихийного бедствия. Это явление [приостановку или замедление физиологических функций организма] нельзя назвать иначе, как защитною психо-физиологическою реакциею».¹⁰

В сходной статье в престижном «Журнале невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова» в 1914 г. О. Б. Фельцман сравнил жертв погромов с ветеранами русско-японской войны, ставшими «базой» для исследований в области психотравмы.¹¹ Баженов и Фельцман утверждали, что «нормальные» люди (т. е. люди без всяких следов унаследованной нервной слабости) могли психически

заболеть в результате стресса. В то же время исследователи видели в случаях такой болезни своего рода лабораторию, в которой возможно изучение и патологического и нормального взаимодействия между психологическими и нейрофизиологическими процессами.

Ряд психиатров предлагал объяснять неврозы, связанные с войной 1904—1905 гг., при помощи понятия «травматический невроз».¹² Однако этот подход привлек внимание лишь в 1909 г. в рамках пропаганды в пользу медицинской страховки для рабочих (аналогичной существовавшей в Германии).¹³ Труды Баженова и Фельцмана, французские, швейцарские и немецкие исследования в новой области — психологии стихийных бедствий, интерес к диагнозу «травматический невроз», — все это в совокупности создало научный климат, превративший понятия невроза и психоневроза в чрезвычайно гибкие, открытые категории, богатые новыми возможностями.

В общественном сознании и в медицинских дискуссиях стихийно формировалась концепция психиатрических жертв войны. К началу Первой мировой войны обсуждение роли врачей в военных действиях основывалось на ожидании пациентов с неврозами и психическими болезнями и признании необходимости лечить их отдельно от раненых и соматических больных. В преддверии войны Министерство внутренних дел начало в июле 1914 г. проверку психиатрических лечебниц с целью установить, смогут ли эти уже переполненные лечебные учреждения справиться с ожидаемым потоком психически больных солдат.

25 июля МВД разослало циркуляр губернаторам с просьбой определить количество имеющихся мест в домах для душевнобольных и подготовить земские психиатрические лечебницы, а также психиатрические палаты больниц для принятия новых военных пациентов. В ответах указывалось, что земские больницы могут предоставить 1580 мест, в прочих лечебных учреждениях — 552 места, и окружные больницы — 650 мест. Земства отмечали, что провинциальные лечебницы чрезвычайно переполнены и госпитализировать в них новых пациентов будет практически невозможно, вместо этого они предлагали переоборудовать другие здания во временные приюты. Этим, похоже, предвоенное планирование лечения душевнобольных и ограничилось, что отражало общую неподготовленность военно-санитарного ведомства к войне.¹⁴

В середине августа 1914 г. Красный Крест и военно-санитарное ведомство заключили соглашение, напоминавшее ситуацию времен русско-японской войны. Красный Крест в силу этого соглашения получал значительную самостоятельность в организации психиатрического обслуживания военнослужащих. Ему поручалось создавать на фронтах психиатрические приемно-сортировочные пункты, из которых психически больных будут направлять в «распределительные центры» неподалеку от линии фронта, где врачи Красного Креста (обычно — члены комиссий, в которых участвовали и военные врачи) проведут обследование с целью определить их пригодность для продолжения воинской службы.¹⁵ Первоначальное наблюдение и обследование предполагалось проводить в военных госпиталях, однако нуждающихся в дальнейшем лечении следовало переводить в тыловые земские и городские больницы.¹⁶

Земские психиатры были обижены тем, что решение об использовании их больниц приняли без их участия. Параллельно с Красным Крестом Союз земств и Союз городов начали собственные приготовления к медицинскому обслуживанию армии. 25 августа императорским указом Союзу земств было дано офици-

альное признание и разрешение пользоваться знаком Международного общества Красного Креста.¹⁷ Оба союза подчеркивали важность специализированного ухода за больными туберкулезом, за искалеченными и за психически больными. Тесные связи с Всероссийским союзом психиатров и невропатологов позволили Союзу земств настаивать на том, что он сможет предоставить психиатрическим пациентам наилучший уход.¹⁸

План, разработанный Союзом психиатров и невропатологов осенью 1914 г., предусматривал, что Союзы городов и земств будут отвечать за эвакуацию из тыловых лазаретов Красного Креста в центральные распределительные госпитали, которые Союзы городов и земств должны были основать внутри страны. Согласно этому плану доктора в больницах Москвы, Петрограда и Харькова должны были решать вопросы о лечении пациентов. Признанных нуждающимися в долгосрочном лечении предполагалось посылать в другие городские больницы и в губернские города.

Московская психиатрическая комиссия планировала открыть два госпиталя в Москве — один для психически больных, а другой для страдающих травматическим психоневрозом.¹⁹ Союзы земств и городов одобрили этот план и выделили 840 тысяч руб. на создание эвакуационных госпиталей и организацию трех эвакуационных отрядов. К концу осени первые эвакуационные госпитали открылись в Москве и вскоре были заполнены.²⁰

Зимой 1914—1915 гг. поток психиатрических пациентов с фронта и из тыловых подразделений уже не вмещался в существовавшие психиатрические учреждения. Настоящий кризис случился в тех земствах и городах, где лечебницы уже были переполнены и не имели ни плана, ни организационного аппарата для обслуживания психически больных солдат. В ответ на этот кризис Союзы земств и городов организовали конференцию по уходу за психически больными с участием представителей земских и городских больниц.

Представителей Красного Креста на этой конференции в апреле 1915 г. не было, и, вероятно, поэтому на ней резко критиковалась его организационная работа (что подразумевало и критику представлений о психической болезни, на которых его работа базировалась). В течение долгого времени особый гнев вызывали отношения между Красным Крестом и военно-санитарным ведомством, особенно из-за того, что военно-санитарное ведомство согласилось сотрудничать с Красным Крестом только при условии, что все психиатрические жертвы будут переведены в военные психиатрические госпитали до того, как их поместят в иное лечебное учреждение. Ввиду малого количества мест в военных психиатрических госпиталях в Москве, Петрограде и Харькове это требование оказалось и нереалистичным. На практике многочисленность организаций по уходу за психиатрическими пациентами означала, что все идет не по плану. Психически больные фронтовики начали появляться в московских и петроградских больницах осенью 1914 г., Союзы земств и городов тоже начали осуществлять эвакуацию. Однако гнев, вызванный коалицией военно-санитарного ведомства и Красного Креста и недовольство Союзов своим «отстранением» от области их компетенции сохранялись на протяжении всей войны.²¹

В ходе раздора Союзов земств и городов с Красным Крестом поднимались вопросы о сути специализированного лечения, кто может его обеспечить и какого рода помещения необходимы. С одной стороны, напряженные отношения между Союзами и Красным Крестом можно понимать как борьбу между общест-

венной организацией и институтами, которые либо были частью политического режима, либо, в случае Красного Креста, очень тесно с ним связаны. С другой стороны, имел место конфликт между четко очерченным пониманием неврологической болезни и характера пациентов военного времени (высказанного экспертами Союзов) и точкой зрения Красного Креста — менее точной. Это непростая история, несводимая к борьбе между либералами и консерваторами или экспертами и непрофессионалами. Более того, Союзы и Красный Крест не представляли собой монолитных организаций: их деятельность осуществлялась областными комиссиями, которые связывали сложные отношения, и конфронтация время от времени сменялась сотрудничеством. Петроградская психиатрическая комиссия и часть Красного Креста, отвечавшая за северный участок фронта, работали довольно слаженно, однако отношения московских отделений Союзов и Красного Креста в ходе войны ухудшались.

Союзы не обладали монополией на профессиональные психиатрические услуги. Красный Крест также призывал специалистов для создания планов по уходу за психически больными (среди них был и В. М. Бехтерев, игравший сходную роль во время русско-японской войны). Уполномоченными Красного Креста по психиатрическим делам служили известные психиатры,²² в лазаретах работали психиатры и невропатологи, и, подобно Союзам, Красный Крест стремился проводить специализированное обучение медсестер и санитаров.²³ Психиатры Красного Креста, так же как и психиатры Союзов, подчинялись внешнему контролю. В Красном Кресте психиатрические уполномоченные подчинялись своим начальникам по этой организации (которые не были психиатрами), а те в свою очередь сотрудничали с Военно-санитарным ведомством.²⁴ Психиатрические комиссии Союзов (состоявшие на самом деле из членов Союза психиатров и невропатологов, работавших на Союзы земств и городов) подчинялись медицинским комитетам Союзов, а те — Главным Комитетам Союзов.²⁵ Что же касается профессиональной организации психиатров, то она выполняла буферную роль, когда в Союзах возникали трения между соматическими врачами и психоневрологическими специалистами.²⁶ Большое число специалистов было объединено в профессиональную организацию, и зависимость от нее Союзов земств и городов усиливала позиции специалистов.

Полагая, что ситуация схожа с русско-японской войной, члены Союза психиатров и невропатологов выступали за создание специализированных неврологических больниц.²⁷ Они указывали на высокое число неврологических повреждений в результате использования новых типов оружия, военной авиации и окопной войны. Новые типы ранений, часто беспрецедентно тяжелых, реально было лечить только в госпиталях, снабженным специальным хирургическим оборудованием.²⁸ Хотя невропатологи прибавляли, что контузия не всегда ведет к неврозу, невротические пациенты поступали под категорией неврологических.²⁹ Истерия, неврастения и травматический невроз, наиболее распространенные виды невротических расстройств, давно уже считались неврологическими, а не психиатрическими болезнями в классификации медицинских учебников и также в официальной медицинской статистике МВД.³⁰ На практике невроз представлял собой «смешанную» болезнь, включенную одновременно в сферу психиатрии и невропатологии.³¹

Точка зрения Красного Креста была куда более узкой. По условиям соглашения с военно-санитарным ведомством, его деятельность по существу ограничи-

валась сборкой психически больных на линии фронта и перевозкой в военные психиатрические госпитали, что привязывало их к очень ограниченному определению военной психической болезни, принадлежавшей главному военно-санитарному инспектору А. Я. Евдокимову. Он настаивал, чтобы психические больные посылались в военные психиатрические госпитали, где медкомиссия поставит диагноз. Таким образом военные не только получали контроль над распределительными центрами — они могли контролировать дефиниции болезни и состав больных. Невропатолог и психиатр Л. В. Блюменау указывал, что, по мнению Евдокимова, лишь те пациенты, чья нервная болезнь возникла после физического ранения, могли претендовать на лечение в военных психиатрических госпиталях. Это, конечно, резко снижало количество пациентов в военных лечебницах и оставляло большое количество болезней без медицинского внимания:

«...Что нервно-больными, подлежащими попечению военно-санитарного ведомства, должны считаться только те воинские чины, болезнь коих произошла на почве травматического повреждения. Разве не заслуживают попечения такие случаи, когда нервная болезнь, напр., неврит, развивается вследствие простуды (после перехода через реку в холодное время) или когда тяжелое нервное расстройство, напр., сердечный невроз, вызывается рядом бессонных ночей и т. п.»³²

Здесь Блюменау, однако, не указывает на психогенные болезни. Его критика направлена против дефиниции настолько узкой, что она исключала и соматическую нервную болезнь (неврит), полученную в ходе активной военной службы, и менее определенно соматический «сердечный невроз». Значимым является тот факт, что Блюменау включает обе болезни (хотя «сердечный невроз» — особенно соматизированная форма невроза). Это — характерный пример того, как врачи, выступавшие за специализированное неврологическое лечение, связывали соматическую болезнь и невроз. Еще одна стратегия такой связки заключалась в выделении контузии в качестве главного источника невроза: таким образом невротическая болезнь обращалась в своего рода рану.

В первые месяцы войны этиология была сосредоточена главным образом на стрессе (как и во время русско-японской войны). В ходе войны потеря памяти и замешательство, — симптомы, которые на прошлой войне психиатры приписывали истощению, — стали связываться с разрывными снарядами. Мысль, что действие разрывных снарядов вело к болезни, постепенно вела к перемещению самой болезни в категорию ран. Вместо долгого процесса (растянутого во времени стресса) причину психической болезни постепенно начали видеть в единичном травматическом событии и его последствиях.

Контузия могла пониматься в узком смысле как физическое повреждение, однако ввиду того, что многие солдаты становились парализованы, глухи и немые без каких-либо указаний на органические повреждения, некоторые невропатологи и психиатры начали рассматривать возможность того, что артиллерийский огонь сам по себе вызывает невротическую болезнь. Такое понимание военной болезни расширяло круг пациентов далеко за пределы числа раненых солдат и включало людей из тыла и беженцев. Специалисты Союзов неоднократно подчеркивали, что этих людей надо включать в психиатрическое планирование.³³

Тенденция классифицировать психиатрических больных военного времени как невротиков, а не психотиков, отчасти представляла собой реакцию на коли-

чество пациентов. С точки зрения многих невропатологов и психиатров такие диагнозы, как травматический невроз и воздушная контузия, фиксировали болезнь пациента, но спасали его от наказаний, сопровождавших диагноз психоза любого типа: психотики лишались гражданских прав и могли утратить право на пенсию.³⁴ С точки зрения других врачей, диагноз травматического невроза должен быть тщательно обрисован с целью отделения пациентов мужественных и героических, лишенных следов врожденной нервной слабости, от тех несчастных, которые унаследовали склонность к психогенной болезни, подтверждаемую наличием отца-алкоголика, сестры-истерички или психически больного дяди.³⁵

Эти доктора проводили резкое различие между неврозом от воздушной контузии и травматическим неврозом, различавшимися как истинно-соматическая болезнь и психогенный недуг. В качестве аргумента приводилась та мысль, что воздушно-контузионный невроз вызывается молекулярными изменениями в крови. Близость к разрывным снарядам вызывает эти изменения.³⁶ Психогенная болезнь определялась исключительно на основании наследственной предрасположенности.

Другие врачи проводили разделение между органическими и психогенными вариантами диагноза «травматический невроз», используя при этом психогенный вариант для обсуждения психологической этиологии, не имевшей общего с предрасположенностью. Их интересовало действие на разум и тело психического или эмоционального шока. С. А. Суханов, главный пропагандист теории военного невроза, вернулся к предвоенным взглядам о нормальности психофизиологической реакции на ошеломляющие впечатления.³⁷ В. К. Хорошко подошел еще ближе к этим теориям:

«Когда острейшие и острые явления у больных сглаживались, общим фоном их состояния являлось обычно подавленное настроение, отсутствие способности радоваться, нередко жалобы на тоскливость и проч. Здесь можно отметить в более сильной степени то, что в более слабой степени наблюдается у многих работников действующей армии, когда они уезжают в глубокий тыл: как будто все происходящее кругом них в тылу имеет отпечаток чего-то чуждого, чужого, ненужного; как будто жизнь в действующей армии какая-то действительно совсем другая, ориентирующаяся в других измерениях; как будто там люди приобщились к какой-то особой тайне жизни. Я извиняюсь, что позволил себе этот субъективный характер описания психического тона, сходного в качественном отношении у больных и у здоровых. Может быть, последние, по тем или иным причинам не подвергшиеся последствиям сильной военной травмы, приводящей некоторых к неврозу или психозу, все-таки подверглись длительному, но ослабленному, как культура какой-либо инфекции в своем вирулентном действии, травматизированию войны, и это обстоятельство роднит их в известном отношении с первыми, т. е. больными».³⁸

В анализе Хорошко различия между психозом и неврозом теряются. «Здоровые» и болезненные реакции на экстремальные условия войны отличаются не качеством, а степенью.

Несмотря на огромное количество физических знаков «травматического невроза» диагноз этой болезни допускал значительную гибкость: он мог пониматься в широком смысле (тогда врач обращал внимание на психогенную болезнь) или в узком (тогда болезнь обращалась в соматическую).

Центральные элементы рассматриваемой диагностической категории (травма, шок, напряжение; российские врачи подчеркивали роль напряжения в развитии болезни) уходили корнями в соматическую медицину. Они объединялись с понятием функциональной нервной болезни (т. е. разрушения нервной системы без различимых повреждений), что образовывало болезнь с очень реальными и тяжелыми симптомами, но лишенную стигмы и безнадежного прогноза, свойственного психозам. Однако ни один из кирпичиков, из которых выстраивалась болезнь, не был абсолютно соматическим: в травме, шоке и напряжении присутствовал элемент, делавший возможной их психологическое применение или ведущий к размыванию жестких границ между соматическими и психологическими процессами.

Узкая интерпретация травматического невроза как психической болезни, следовавшей за физической травмой, также входила в семью медицинских категорий, в которых разрушались барьеры между соматической и психологической болезнью — таких как истерия, посттравматический психоз, психоз после инфекционной болезни и жара. Поскольку различие между психозом и неврозом носило характер количественный, а не качественный, существование родственных болезней представляло возможность как для стирания границ между психозом и неврозом, так и для подчеркивания их различия. В ходе обсуждения психических болезней, связанных с войной, российские психиатры использовали обе эти возможности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Brown Tom*. Shell Shock in the Canadian Expeditionary Force, 1914—1918: Canadian Psychiatry in the Great War // *Health, Disease and Medicine: Essays in Canadian History*. Toronto, 1984. P. 308—332; *Feudtner Chris*. Minds the Dead have Ravished: Shell Shock, History, and the Ecology of Disease Systems // *History of Science*. 1993. Vol. 31. P. 376—420; *Leed Eric J*. An Exit from the Labyrinth — Neuroses and War (chapter 5) // *No Man's Land: Combat and Identity in World War I*. New York, 1979; *Stone Martin*. Shell Shock and the Psychologists // *The Anatomy of Madness*. 1985. Vol. 2. P. 242—271. *Eissler K. R*. Freud as an Expert Witness: The discussion of war neuroses between Freud and Wagner-Jauregg. / Trans. Christine Trollope. Madison, Conn., 1986; *Roudebush Marc Oliver*. A Battle of Nerves: Hysteria and its Treatment in France during World War I (Ph.D. diss., University of California at Berkeley, 1995); *Lerner Paul Frederick*. Hysterical Men: War, Neurosis and German Mental Medicine (Ph.D. diss., Columbia University, 1996).
- ² *Southard E. E*. Shell Shock and other Neuropsychiatric Problems. Boston, 1928.
- ³ *Stone Martin*. Op. cit. P. 257—258.
- ⁴ *Richards Robert L*. Mental and Nervous Disease in the Russo-Japanese War // *Military Surgeon*. 1910. February. Vol. 26. P. 177—193.
- ⁵ *Шумков Г. Е*. Первые шаги русской психиатрии во время Русско-японской войны за 1904—1905 гг. Киев, 1907. С. 7—8.
- ⁶ *Автократов П. М*. Призрение, лечение и эвакуация душевнобольных во время Русско-японской войны в 1904—1905 годах // *Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии*. 1906. № 10. С. 669—676.
- ⁷ *McReynolds Louise*. The Journalism of Imperialism: The Russo-Japanese War. Chapter 8 // *The News Under Russia's Old Regime: The Development of a Mass Circulation Press*. Princeton, 1991; *Мухин Н. И*. Психозы войны и революции // *Варшавские университетские известия*. 1909. Т. 7. С. 82.
- ⁸ Труды временного медицинского общества на Дальнем Востоке в г. Харбине. Харбин, 1904.
- ⁹ *Шумков Г. Е*. Неврозы войной // *Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова*. 1907. Кн. 6. С. 1180—1199.
- ¹⁰ *Баженов Н. Н*. О значении стихийных бедствий в этиологии некоторых нервных и психических заболеваний // *Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова*. 1914. Кн. 1—2. С. 5.
- ¹¹ Там же. С. 2.
- ¹² *Фельцман О. Б*. К вопросу о психозах военного времени // *Журнал невропатологии и психиатрии*

- рии имени С. С. Корсакова. 1914. Кн. 4. С. 536—552.
- ¹³ *Боришпольский В. С.* Травматические неврозы и их объективные признаки // Доклады приложенные к трудам временного медицинского общества на Дальнем Востоке в г. Харбине. Харбин, 1904.
- ¹⁴ *Станиловский Л. С.* Травматический невроз. СПб., 1910.
- ¹⁵ *Hutchinson John F.* Politics and Public Health in Revolutionary Russia. Baltimore, 1990. P. 110—111.
- ¹⁶ Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова. 1914. Кн. 4. С. 596—600; Современная психиатрия. 1915. Февраль. С. 95.
- ¹⁷ Психиатрическая газета. 1916. № 9. С. 151; Журнал невропатологии и психиатрии. 1914. Кн. 4. С. 597.
- ¹⁸ *Polner Tikhon.* Russian Local Government during the War and the Union of Zemstvos. New Haven, 1930. P. 172—174.
- ¹⁹ *Hutchinson John F.* Op. cit. P. 135.
- ²⁰ Психиатрическая газета. 1914. № 22. С. 378—379.
- ²¹ Современная психиатрия. 1915. Апрель. С. 198—209; Май. С. 251—260.
- ²² *Hutchinson John F.* Op. cit. P. 133—134; Психиатрическая газета. 1916. № 9. С. 151—184.
- ²³ *Реформатский Н. Н.* Призрение и эвакуация душевно-больных воинов в тылу армии С.-Западного фронта // Русский врач. 1915. № 29. С. 677—679; Современная психиатрия. 1915. Сентябрь-октябрь. С. 419—423; *Воскресенский М. К.* Краткий годовой обзор деятельности психиатрической организации Российского Общества Красного Креста при армиях Ю.-Западного фронта // Русский врач. 1916. № 1. С. 12—16.
- ²⁴ *Блуменау Л. В.* Об организации врачебной помощи нервно-больным // Психиатрическая газета. 1915. № 6. С. 6.
- ²⁵ Журнал невропатологии и психиатрии. 1914. Кн. 5—6. С. 596—597.
- ²⁶ *Кащенко П. П.* К истории развития мероприятий по призрению и лечению душевно-больных воинов и лиц причастных к военным событиям // Психиатрическая газета. 1916. № 9. С. 151—156.
- ²⁷ *Hutchinson John F.* Op. cit. P. 135.
- ²⁸ *Блуменау Л. В.* Указ. соч.; *Сергиевский С. С.* Роль земских психиатрических больниц в деле оказания помощи душевно-больным воинам // Психиатрическая газета. 1915. № 11. С. 171—173.
- ²⁹ *Сергиевский С. С.* Указ. соч. С. 172.
- ³⁰ *Блуменау Л. В.* Указ. соч. С. 5.
- ³¹ *Рот В. К.* Курс нервных болезней. Изд. 4. М., 1904.
- ³² *Блуменау Л. В.* Указ. соч. С. 5; *Хорошко В. К.* О душевных расстройствах вследствие физического и психического потрясения на войне // Психиатрическая газета. 1916. № 1. С. 1—10.
- ³³ *Блуменау Л. В.* Указ. соч. С. 5.
- ³⁴ *Кащенко П. П.* Указ. соч. С. 152.
- ³⁵ *Гервер А. В.* Травматические заболевания нервно-психической сферы у воинов // Русский врач. 1915. № 40. С. 937.
- ³⁶ *Гаккевузи В. М.* Что же вызывает воздушная контузия — нейроз или органическое поражение нервной системы? // Современная психиатрия. 1915. Сентябрь-октябрь. С. 389—405; *Сегалов Т. Е.* К вопросу об органических и функциональных заболеваниях при контузии артиллерийскими снарядами // Современная психиатрия. 1915. Июнь—июль. С. 263—270.
- ³⁷ *Суханов С. А.* Психоневрозы военного времени // Русский врач. 1915. № 19. С. 437—442.
- ³⁸ *Хорошко В. К.* Указ. соч. С. 10.

В. В. Носков

**«ВОЙНА, В КОТОРУЮ МЫ ВЕРИМ»:
НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ВОСПРИЯТИИ ДУХОВНОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ**

Гигантская тень 1917 г. накрыла всю предшествовавшую историю России, совершенно затмив одни события и исказив другие, принуждая рассматривать их как фатально неизбежные ступени на пути к национальной катастрофе. В наибольшей степени это затронуло историю Первой мировой войны, которая нередко воспринималась только как преддверие революции. Характерно признание, которое мы встречаем в воспоминаниях Н. И. Кареева: «От моего возвращения в Петербург из немецкого плена в августе 1914 года до начала революции в феврале 1917 года прошло два с половиною года, которые остались какими-то бледными в моей памяти: так заслонили их собою грандиозные события двух революций 1917 года».¹

Между тем начальный период Первой мировой войны является одной из ярчайших страниц в истории старой России, требующей специального рассмотрения и всестороннего осмысления. По итогам круглого стола, проведенного редакцией журнала «Новая и новейшая история», отмечалась необходимость тщательного исследования именно того, как война отразилась «в представлении современников событий. Их концепции происходившего следует уделить особое внимание», — подчеркивалось участниками обсуждения.² Не претендуя на полный охват этой обширной темы, попробуем сосредоточиться лишь на одном ее аспекте: как была воспринята война духовной элитой России.

Содержание используемого здесь понятия «элита» раскрывает замечание историка русской философии, который указал, что во второй половине XIX в. в России произошел «новый социальный разрыв: между творческим и творящим меньшинством и тем коллективом, который принято называть „интеллигенцией“».³ Последовавший в начале XX в. русский духовный ренессанс происходил в среде именно этой «культурной элиты, оторванной не только от процессов, происходивших в народной массе, но и от процессов, происходивших в широких кругах интеллигенции».⁴ Вступление России в войну стало этапным событием в истории русского культурного возрождения, когда ее духовная элита предприняла беспрецедентную в мировой истории попытку не только ответить на вопрос о значении этой войны в судьбах своей родины, но и «перерешить» все накопившиеся к тому моменту проблемы европейской культуры.⁵

Та ситуация, в которой застала Россию война, не поддается однозначной оценке. С одной стороны, идейный раскол, широкое распространение общественного пессимизма и упаднических настроений в сфере культуры. С другой — духовный ренессанс, который стал «одной из самых утонченных эпох в истории русской культуры». «Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувствительности», — писал Н. А. Бердяев.⁶ Значение русской «канунной культуры» Ф. А. Степун видел в том, что она, будучи «менее разветвленной, чем европейская <...> в некотором смысле была духовно более напряженной».⁷ Бердяев также подчеркивал, что в русских религиозно-философских обществах споры «происходили на высоком культурном уровне и доходили до больших умственных утончений. Справедливость требует признать, что тут действовали люди самого высокого уровня умственной культуры, какой только знала Россия».⁸ Необходимо иметь в виду, что через интеллектуальную школу религиозно-философских обществ прошло большинство мыслителей, взгляды которых будут рассмотрены ниже.

Другое обстоятельство, которое следует учитывать, связано с условиями вступления России в войну. Можно считать доказанным, что Россия не входила в число ее инициаторов.⁹ Д. Ллойд Джордж так охарактеризовал позицию России в момент июльского кризиса: она «больше всего жаждала мира. ...И во всяком случае в настоящей войне не она была нападающей стороной. Она хотела мира, нуждалась в мире и жила бы в мире, если бы ее оставили в покое».¹⁰ Ощущение привнесенной извне, насильственно навязанной войны во многом объясняет ее восприятие в России.

Огромное значение имела общая атмосфера, возникшая в России в момент объявления войны. Ее канун многие мемуаристы характеризовали как период растущего напряжения в российском обществе. При этом, как отмечал А. И. Деникин, накануне «уже неизбежной отечественной войны наши власти старательно избегали возбуждения в народе здорового патриотизма, разъяснения целей, причин и задач возможного конфликта».¹¹ С началом военных действий ситуация изменилась радикальным образом. «Создавалось поддерживаемое газетами разных направлений общественное единение на почве признания решающей важности переживаемой минуты», — вспоминал бывший помощник управляющего делами Совета министров.¹² П. Н. Милюков, категорически выступавший прежде против вмешательства России в балканские конфликты, посчитал, что теперь «нашей ближайшей задачей было объяснить навязанную нам войну, ее происхождение, ее достижимые последствия. На этом общем понимании смысла войны, ее значения для России, ее связи с русскими интересами предстояло объединить русское общество».¹³

Последующие несколько месяцев стали временем небывалого расцвета русской философской публицистики. В числе первых на обсуждение были поставлены проблемы смысла начавшейся войны и ее всемирно-исторического значения. По мнению автора интереснейшей антологии, собранной наиболее показательные образцы ранней военной публицистики, «на подобные вопросы русская интеллигенция всегда реагировала сильнее, заглядывала в них глубже, чем на Западе».¹⁴

Перед нами, писал С. Л. Франк, встала труднейшая задача «идейного оправдания войны, отыскания ее нравственного смысла». Подобный «вопрос именно в

России вызывает повышенный интерес», а «вопрос этот... есть подлинная историко-философская проблема». В отличие от Германии, подчеркивал он, где «общественное мнение десятилетиями упорно и систематически воспитывалось в идее войны», где «идея войны была идеей привычной, понятной, популярной, укорененной в самих основах мирозерцания», «война представлялась среднему русскому мыслящему человеку чем-то ненормальным, противоестественным, несовместимым со всеми привычными идеями и потому чем-то почти невозможным». Русский мыслитель приходил к заключению: «Мы должны понимать эту войну... как войну за восстановление таких отношений и понятий, при которых возможно свободное развитие всеевропейской культуры во всех ее национальных выражениях».¹⁵ При этом, подчеркивал И. А. Ильин, никто «не должен закрывать себе глаза на нравственную природу войны».¹⁶

В. В. Розанов уже в день начала русско-германской войны обратил внимание на ее принципиальную особенность: «Это — не простая война; не политическая война. Это борьба двух миров между собою». «Это будет именно — не война, а борьба», — добавлял он.¹⁷ Л. Н. Андреев поднял планку еще выше: «Настоящая война — явление порядка сверхчеловеческого. Смысл ее меняется с каждым днем, растет и углубляется, поднимается на головокружительную высоту. ... Все уврачевать, всему найти его место, все задачи должна решить настоящая война. Воистину, неслыханной важности дело выпало на долю нашего поколения».¹⁸ Для русских мыслителей военной поры было характерно острое ощущение свершающейся на их глазах смены исторических эпох. Первая мировая война была воспринята как совершенно определенный рубеж в истории человечества, преодолев который, оно вступало в новый этап своего развития. В связи с этим всесторонне была рассмотрена тема крушения старого мира, сложившихся и ставших привычными форм цивилизации.

Рушилась, как представлялось русским мыслителям, прежде всего материальная, лишенная необходимого духовного стержня цивилизация Запада. «С великим шумом разрушается вавилонская башня мещанской культуры... — констатировал С. Н. Булгаков. — Пробил исторический час... Европейская цивилизация дошла до естественного самовозгорания, и, прежде всего, в своей материальной основе».¹⁹ «Основы теперешней мировой войны заложены в мещанской цивилизации», — указывал Булгаков. «Происходит великий пожар мещанства, и не случайно, что пожар этот зажгла самая мещанская страна», — добавлял он.²⁰ Как считал Е. Н. Трубецкой, «война возникла именно потому, что в плоскости материального бытия народы безнадежно разделены между собою несовместимыми интересами».²¹ Поэтому для России, писал известный публицист В. Г. Тардов, это была «война человеческого духа против дьявола материальной культуры».²²

Русская философско-историческая мысль давно уже жила в ожидании Апокалипсиса, и вот теперь, казалось, человечество дождалось своего судного дня. «Современная война есть великая, беспрецедентная катастрофа», это — «всемирно-исторический суд», — заключал С. А. Котляревский.²³ По убеждению Булгакова, «война эта есть некоторое банкротство всей новейшей европейской цивилизации, ее обличение и суд над новой историей. ... Теперешняя война не есть случайность, она есть плод, давно созревший на древе новейшей европейской цивилизации». Русский философ справедливо подметил, что «теперешний поворот истории совершенно не предполагался эволюционными схемами, является для них катастрофическим сюрпризом. ... Происходит же нечто гораздо более потрясающее, чем все

бывшие доселе революции». ²⁴ Однако теме крушения старого мира придавался оптимистический поворот: мировой пожар вел не столько к уничтожению, сколько к спасительному очищению, что открывало перед человечеством перспективы возрождения на новых, более высоких основах. Как замечал по этому поводу Бердяев, «апокалиптическое настроение, ожидание грядущих катастроф у русских всегда связано и с великой надеждой». ²⁵

Вместе с тем с не меньшей силой звучал мотив заслуженного возмездия, которое навлекла на себя европейская цивилизация вековой погоней за материальными благами. Отвергая «мишурный блеск Запада», Б. Демчинский приходил к заключению, что ему «суждено было позать неожиданные результаты от трудов своих, от своих неслыханных чудес». «Победив время и пространство, коммерческий Запад ринулся во все концы света», не стесняясь в средствах для достижения своих целей, главной из которых была выгода. «Разве было не справедливо такое страшное возмездие? — спрашивал автор. — Ведь западная культура, по основному замыслу своему, противопоставлялась краскам мира и гармонии духа». Мировой войной «судьба обозначила цену за торжество западной культуры». ²⁶

Размышления о всемирном потрясении закономерно подводили к проблеме осмысления роли России в происходивших событиях и в мировой истории вообще. Тон обсуждения задал Бердяев: «Мировая война остро ставит вопрос о русском национальном самосознании. Русская национальная мысль чувствует потребность и долг разгадать загадку России, понять идею России, определить ее задачу и место в мире. Все чувствуют в нынешний мировой день, что Россия стоит перед великими мировыми задачами». ²⁷ В понимании Вяч. Иванова, «все важнейшие нити мировых судеб сплелись ныне в один трагический узел, война ведется за выбор основных путей человеческого духа». Именно на долю России выпала особая, едва ли не главная роль в происходивших событиях, поэтому «вселенское дело творит отечество наше в эти священные дни». В соответствии с концепцией русского мессианства, восходящей к Ф. М. Достоевскому, участие в мировой борьбе рассматривалось им как служение человечеству, а не как решение узконациональных задач самой России: она «предстала по вызову. Принуждением Божественного Промысла подвигнутая, взялась она за меч земной... а чрез то и за вселенское свое дело. Не самонадеянный почин явила она, но повиновение». ²⁸ Менее возвышенный, но более плодотворный подход продемонстрировал Бердяев, который писал: «Мировая война жизненно подводит нас к проблеме русского мессианизма. Мессианское сознание не есть националистическое сознание; оно глубоко противоположно национализму; это — универсальное сознание. <...> Мессианское сознание — мировое и сверхнациональное». «Христианское мессианское сознание, — продолжал Бердяев, — может быть лишь сознанием того, что в наступающую мировую эпоху Россия призвана сказать свое новое слово миру, как сказал его уже мир латинский и мир германский. <...> В России давно уже нарождалось пророческое чувство того, что настанет час истории, когда она будет призвана для великих откровений духа, когда центр мировой духовной жизни будет в ней. <...> Такое пророческое чувство не исключает великого избрания и предназначения других народов; оно есть лишь продолжение и восполнение дел, сотворенных всеми народами христианского мира». ²⁹

По существу в концепции Бердяева, восходящей к взглядам ранних славянофилов, нашли отражение и мотивы пророчества Даниила о сменяющих друг дру-

га царствах, и гегелевская схема последовательного выхода на арену всемирной истории различных народов, в духе которых мировой дух находил свое очередное конкретное воплощение. Расширив перечень всемирно-исторических народов за счет русских, он далее развивал те взгляды на мировое предназначение России, основы которых можно найти у Достоевского. Столь своеобразный синтез концепций библейского пророка, Гегеля и Достоевского, обогащенный оригинальными суждениями самого Бердяева, поднимал вопрос о месте России во всемирном историческом процессе на максимальные высоты, достигнутые философско-исторической мыслью к началу XX в.

Е. Н. Трубецкой попытался соединить тему русского мессианства с национальной проблемой. «Что же это за смысл войны, в которую мы верим?», — спрашивал философ. Его ответ звучал так: «Волею судеб России навязывается освободительная миссия; и в этой миссии она находит самое себя, свое лучшее национальное я, именно тогда она становится сама собою... Только тогда обретает она это совершенное единство и цельность, когда история ставит перед ней великую цель, которая приподнимает ее над нею самою, над ее национальным эгоизмом. — России нужно чувствовать, что она служит не себе только, а всему человечеству, всему миру».³⁰ Нас, подчеркивал Трубецкой, «объединяет цель не узко национальная, а сверхнародная», поэтому «русский национальный и государственный интерес требует всеобщего освобождения народностей».³¹

«Но Россия? Каковы ее исторические силы и задачи? — задавался вопросом Булгаков. — ...Никогда еще со времен московских... не ставился с такой остротой и силой этот вопрос, как ныне, когда ввергнут в хаос европейский мир». В отличие от старой Европы Россия еще «вольна совершить выбор», и «это ее самоопределение будет безмерно по своим историческим последствиям, ибо от него зависит, превратится ли грядущая эпоха истории в торжественный ее эпилог или же духовный развал». Из европейской же культуры Россия может принять «лишь то, что в ней бессмертно и достойно спасения».³² Чтобы остаться на высоте вставших перед Россией «исторических задач», мы, утверждал Булгаков, «должны стать самими собой, должны осуществить себя самих... Мы никому не можем передать свою духовную индивидуальность. Она есть та творческая задача в мире, во имя которой мы вызваны из небытия. <...> Иметь индивидуальность есть не только право, но и обязанность». Благодаря войне наступает «историческая череда России, от нее зависит будущее, не для нее только, но и для всего мира».³³

Отметив, что «в беспримерных битвах, каких не знала еще история, рождается новое постижение мира», В. Ф. Эрн с еще большей убежденностью акцентировал внимание на мировой роли своего отечества: «С внезапностью чуда Россия вдруг была брошена в самую гущу грандиозных событий и заняла ответственнейшее, едва ли не первое место в начавшемся катаклизме европейской истории. Судьбы России тесно сплелись с судьбой всего мира... не было эпохи ни в русской, ни в европейской истории, когда вопрос о России... стоял бы с большей остротой... чем теперь». На Россию возлагалась величайшая ответственность, поскольку наступало «время, когда Россия должна сказать свое мировое слово, — писал он. — ...От ее мудрости, от ее вдохновения и решимости будет зависеть вся дальнейшая история мира. Никогда Россия не попадала в более ответственное положение».³⁴ Автор упомянутой выше книги «Сокровенный смысл войны» был убежден что именно «Россия в наибольшей степени воплощает в себе образ будущего

мира, поскольку представляет собой «наибольшее приближение к тому сплаву Востока и Запада, который формируется в раскале настоящей войны».³⁵

Большое место в творчестве русских мыслителей в начальный период войны занимала тема чудесного преображения России, которая во многом и стала источником их вдохновения. Особенно большое значение придавалось нравственным, духовным аспектам того «неслыханного чуда преображения», свидетелями которого они стали. «Уже сейчас Россия неузнаваема, — писал Розанов в первые дни войны. — ...Отечество вдруг представилось колоссальным складом высших идеальных ценностей».³⁶ «Из всех событий, совершившихся за эти великие исторические дни, — отмечал Трубецкой, — самое крупное, бесспорно, — тот духовный перелом, который мы пережили».³⁷ Наиболее важное из того, что произошло, — «Россия совершила огромный шаг в самосознании и в самопознании». С этого момента, заключал Трубецкой, «все русское ощущается нами иначе»; совершающееся на глазах «духовное пробуждение» открывало душе «невидимые храмы».³⁸ Столь же торжественным пафосом проникнуты слова Булгакова: «И вот надвинулись эти, посланные свыше, судные дни, явились новые знамения, и воскресают надежды. <...> Совершается великий и в своем значении потрясающий факт: мы опять поверили в Россию?»³⁹ «Всемирная война, — писал он в другой работе, — ...означает новый и великий этап в истории русского самосознания, именно в духовном освобождении русского духа от западнического идолопоклонства, великое крушение кумиров, новую и великую свободу».⁴⁰ В статье «Общее дело» Эрн с не меньшим восторгом приветствовал ту «волну высокого одушевления и подъема, которая для всех захваченных ею дала совсем особое и новое чувство России».⁴¹ Сдержанный на эмоции посол Соединенного королевства зафиксировал в своих мемуарах: «В течение этих чудесных первых дней августа Россия казалась совершенно преображенной».⁴²

С таким восприятием происходившего тесно связано острое ощущение великого значения момента, характерное для большинства рассматриваемых сочинений. Как отмечал Розанов, ничего «нет поучительнее и интереснее, как наблюдать нашу умственную жизнь сейчас». Общие для культурной элиты чувства хорошо выразила обозревательница «Вестника Европы»: «Единодушный порыв возвел страну на ту редкую высоту, где забываются мелкие и крупные обиды вчерашнего дня, где откладываются давнишние счеты и несогласия, исчезает внутренняя рознь, разность интересов слоев населения, партий и национальностей. И как бы не пошла дальше война с опасным противником... было бы странно и несправедливо забыть эти первые исторические дни мирового пожара, который в национальных чертах России осветил... мужество, взаимное примирение и общую решимость».⁴³ «В другую, более тусклую эпоху, — замечал Трубецкой, — мы сами не будем обладать той совершенно исключительной восприимчивостью и чуткостью, которые свойственны нам в настоящую минуту». Только «в такие минуты можно видеть и осязать ту единую, целостную Россию, которая в будничные эпохи истории словно распадается на бессвязные, враждующие части». В его представлении наступала «одна из тех эпох, когда единство центрального, мирового мотива истории становится особенно ясным и несомненным. ...Необычайно глубоко чувствуется... тот безусловный, сверхнародный смысл жизни, который должен объединять народы. Необходимо теперь же закрепить в мысли то ценное, что есть в переживаемом нами духовном подъеме».⁴⁴ «Пусть же будет так, — призывал Ильин, — что, если мы переживем эту войну, то духов-

ные уроки ее останутся жить в нас навсегда».⁴⁵ С тем же призывом выступил и автор специального обращения к интеллигенции по поводу урока, преподанного ей войной: «Теперь наша неотложная задача: как нам углубить и упрочить нынешнее нравственное пробуждение, купленное столь дорогой ценой?»⁴⁶ Объясняя причины, подвигнувшие его на нелегкий труд, составитель упоминавшейся уже антологии писал: «Духовная жизнь современности представляет особенно большой интерес — по своему исключительному богатству, разнообразию, по своей чрезвычайной серьезности и напряженности». Поэтому необходимо «именно теперь закрепить в памяти всю необычайность переживаемой войны».⁴⁷

Оценивая эти высказывания, нельзя упускать из виду, что возникшее в какой-то момент единство русского общества было чрезвычайно хрупким и достаточно условным. Подлинное единство, как довольно быстро обнаружилось, отсутствовало не только в обществе в целом, но и в рядах самой элиты. С одной стороны, с течением времени начали сказываться прежние разногласия. С другой, потенциал разномыслия увеличивала сама война. Предпосылки этого в общих чертах были определены в статье Бердяева «Война и кризис интеллигентского сознания», в которой он писал: «В огромной массе русской интеллигенции война должна породить глубокий кризис сознания... изменение основных оценок жизни. Привычные категории мысли русской интеллигенции оказались совершенно непригодны для суждений о таких грандиозных событиях, как нынешняя мировая война».⁴⁸

Проанализировав взгляды той части интеллигенции, которую она относила к «патриотическому» лагерю, московская исследовательница И. В. Купцова констатировала: «Объединяла всех идея справедливой войны до победного конца, хотя оценка причин, характера, противника нередко различалась». Подобный разнобой вел в конечном итоге к тому, что «лагерь „патриотов“ не имел единой философии обоснования своего принятия войны».⁴⁹ Этот вывод, сделанный на основе анализа воззрений интеллигенции в целом, в полной мере применим и по отношению к ее высшему слою, который определяется здесь как «духовная элита России».

Наиболее яркие свидетельства наличия глубоких разногласий можно обнаружить в дневнике Зинаиды Гиппиус, очень своеобразно отразившей то, «как переживал сознательный — культурный и политический — слой русского общества великие потрясения своей страны». В ее представлении «москвичи» — Вяч. Иванов, Эрн, Флоренский, Булгаков, Трубецкой — просто «осатанели от православного патриотизма», которого она ни в малейшей степени не разделяла.⁵⁰

В России начавшаяся война воспринималась прежде всего как русско-германская и даже шире — как столкновение двух миров, славянского и германского. В воспоминаниях Н. Я. Яхонтова отмечалось, что «возможность войны с „немцами“ не только не пугала, а скорее приветствовалась, как разрешение давно назревшего нарыва». Помимо прочего «сказывалось и то обстоятельство, что гнет нашей западной соседки ощущался не только в международной политике, но и экономически, особенно в сельскохозяйственной области вследствие исключительно льготных условий торгового договора и таможенных тарифов, извлеченных Германией из тяжелой години японской кампании». Поэтому «известие о германском вызове было встречено в Петербурге с огромным энтузиазмом».⁵¹

Очень показательны различия в подходах к феномену «современной Германии», посмевавшей бросить вызов не только России, но и всему миру. Статья Эрна,

утверждавшего, что «бурное восстание германизма предрешено Аналитикой Канта»,⁵² подверглась резкой критике со стороны Франка, Кареева, Бердяева и многих других. Одним из оппонентов Эрн выступил Б. П. Вышеславцев, писавший: «Германия новейшая не вступила на тот путь, который указывали ей немецкие романтики и идеалисты сто лет назад, и пошла по пути прямо противоположному».⁵³ П. Б. Струве отделял Германию Вильгельма II даже от Германии Бисмарка.⁵⁴ Эрну пришлось скорректировать свою позицию, однако поход против германизма он продолжал с прежним пылом.

С иных позиций подходил к делу Бердяев. «Ныне разразилась, наконец, давножданная мировая борьба славянской и германской расы, — признавал он. — Давно уже германизм проникал в недра России, незаметно германизировал русскую государственность и русскую культуру... Ныне германизм открыто идет войной на славянский мир».⁵⁵ Русский мыслитель подчеркивал, что борьба «России и Германии не есть соревнование на почве справедливости, но не есть также и элементарная биологическая борьба за интересы. В борьбе этой ставятся динамические, творческие задачи. Россия и Германия борются за свои места в мировой жизни и мировой истории ... В такой борьбе должна быть приведена в движение вся совокупность духовных сил народов».⁵⁶

Л. Андреев обращал внимание прежде всего на решительный и бескомпромиссный характер русско-германского столкновения: «Начав войну, мы доведем ее до конца: до полной победы над Германией... Победить Германию необходимо, это — вопрос жизни и смерти не только для России». Победа же Германии означала для него «победу универсального мещанина».⁵⁷ Разъясняя свою позицию, он писал: «Есть у нас, писателей, и особой важности задача: противопоставить русскую культуру германской... Надобно всеми средствами показать, что русский дух есть вечное устремление к последней свободе, вплоть до анархии, немецкий же — стремится к вечному порабощению... И уже конечно вовсе не следует искать здесь „национализма“, который так же привезен к нам из Германии, как военные поселения, и враждебен свободному духу нашему».⁵⁸ Для современников вряд ли выглядело большим преувеличением заявление Трубецкого: «День разрыва с Германией оказался для России днем величайшего национального самоопределения».⁵⁹

В массовой печати антигерманский накал начинал приобретать столь опасный характер, что Бердяев счел необходимым сделать предупреждение: «Всего более должна быть Россия свободна от ненависти к Германии».⁶⁰ Ему же принадлежит парадоксальное на первый взгляд утверждение: «Справедливое и джентльменское отношение к дьяволу может лишь укрепить в борьбе со злом».⁶¹ В стремлении охладить разыгравшиеся страсти Бердяева поддержал Л. Андреев, указавший, что вопрос «об освобождении России от злых чар германизма настолько важен и серьезен, что надо много времени и спокойного труда для правильного разрешения его».⁶²

В связи с темой «Россия и Германия» на обсуждение был поставлен более широкий и вечный для русской философии истории вопрос «Россия и Европа». Как замечал по этому поводу Эрн: «Проблема Европы во всей своей безмерной культурной, политической и религиозной сложности превращается в практический вопрос русской политики».⁶³ «Прежде всего, — считал он, — старая антитеза Россия и Европа вдребезги разбивается настоящей войной, и в то же время изпод ее обломков с непреоборимой силой поднимаются новые антиномии, новые

всемирно-исторические противоположения и новые духовные задачи». Так, «сама собою наметилась линия глубочайшего внутреннего единства между Россией и Европой». После неминуемой победы «Европе в дружном сотрудничестве с Россией придется пересмотреть в свете пережитого <онтологического> опыта войны, все основы своего духовного бытия и найти новые пути дальнейшего культурного и духовного развития», — полагал он.⁶⁴

Вместе с тем сохраняли силу традиции противопоставления России и Европы. Розанов, в частности, продолжал настаивать, что «Россия содержит в себе зерно самостоятельного и другого развития, чем по пути какого прошла Европа». В его представлении вся «западная политическая история представляет собою насилие сильного над слабым». У России же совершенно «другая история».⁶⁵ Для Ф. Сологуба еще более была неприемлема европейская «ориентация, проводимая слишком прямолинейно и в тех областях, где не она потребна». В результате войны, полагал он, европейская ориентация в России переживает закономерный кризис, что подводило к естественному выводу: «Мы — не Запад, и никогда Западом не будем. <...> Довольно нам ориентироваться на Запад, пора нам найти в самих себе нашу правду и нашу свободу».⁶⁶ Булгаков видел в происшедших событиях две стороны: «Никогда еще за свою историю Россия до такой степени не сблизилась с Европой столь тесно... и одновременно так не противопоставлялась ей в своем самосознании».⁶⁷ Не связанная тесными узами со старым миром, породившим чудовищную войну, вовлеченная в нее против своей воли «Россия спасает Европу от нее самой». Благодаря этому «теперь впервые наступает время для нашего сознательного и свободного самоопределения в отношении к Европе».⁶⁸

«Война, — полагал Бердяев, — должна освободить нас, русских, от рабского и подчиненного отношения к Германии, от нездорового, надрывного отношения к Западной Европе». Но вместе с тем «Западная Европа и западная культура станут для России имманентной; Россия станет окончательно Европой, и именно тогда она будет духовно самобытной и духовно независимой. <...> Культура перестанет быть столь исключительно европейской и станет мировой, универсальной. И Россия, занимающая место посредника между Востоком и Западом... призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству».⁶⁹

Обсуждение проблемы взаимоотношений между Россией и Европой закономерно вело к возрождению на новых основах спора «западников» и «славянофилов», хотя не следует упускать из виду известную условность этих понятий применительно к эпохе Первой мировой войны (для характеристики последних в литературе используется термин «неославянофильство»⁷⁰). Развернувшаяся по этому поводу полемика не менее важна для понимания различий во взглядах, чем дискуссия об ответственности германской культуры за мировую войну, инициированная Эрном. На этот раз возмутителем спокойствия выступил Розанов, использовавший благоприятный момент, чтобы напомнить о заслугах славянофилов, которые «дали не только объяснение, но и дали идеал.» Западники же, по его мнению, «хотя и накинулись на славянофилов с остервенением, но в самой злобе своей доказали их истину». Они не понимали, что «на веки вечные утверждают в мире начало злобы и вражды (знаменитая «конкуренция», как принцип Европы)».⁷¹ Не соглашаясь с новыми славянофилами, один из критиков вынужден был признать, что их выступление представляло «самое значительное, а, пожалуй,

даже единственно значительное явление в том идеологическом кризисе, который создан войной на русской почве».⁷²

Булгаков, отвергая «ложь крайнего славянофильства», писал: «Без России и сама Европа не может стать настоящей Европой... Однако это единение возможно только на основе признания глубочайшего духовного различия между Россией и Европой. <...> В этом обособлении России от Европы, имеющем конечной задачей достойное их единение, и заключается та великая правда, о которой возвещал нам Достоевский, и состоит поистине бессмертная заслуга славянофильства перед родиной и всем миром». Что же касалось западничества, полагал Булгаков, оно «в своем европеизме плохо различало истинную культуру и внешнюю цивилизованность», тем более что наше «западничество, конечно, всегда отличалось от подлинного самоощущения запада».⁷³

Эти и другие подобные выступления вызвали резкую отповедь со стороны Бердяева. Книгу Розанова он расценил как свидетельство стремления к возрождению «старого славянофильства», к которому в новых исторических условиях уже не могло быть возврата. «Я думаю, — писал Бердяев, — что нынешний исторический день совершенно опрокидывает и славянофильские, и западнические платформы и обязывает нас к творчеству нового самосознания и новой жизни. <...> Мировая война, конечно, приведет к преодолению старой постановки вопроса о России и Европе, о Востоке и Западе. Она прекратит внутреннюю распрю славянофилов и западников, упразднит и славянофильство, и западничество, как идеологии провинциальные, с ограниченным горизонтом». По убеждению Бердяева, русское «возрождение не может быть возрождением славянофильства, оно будет концом и старого славянофильства и старого западничества, началом новой жизни и нового сознания». Признавая за славянофильством определенные и немалые заслуги, он опасался, что не «только вечное, но и слишком временное, старое и устаревшее в славянофильстве хотели бы восстановить С. Булгаков, В. Иванов, В. Эрн».⁷⁴ Последний откликнулся на критику еще более резкой статьей «Налет валькирий (Ответ Н. А. Бердяеву)», посвященной защите Розанова от действительно во многом надуманных обвинений.⁷⁵

Начавшуюся в 1914 г. войну можно с полным правом определить как «войну надежды» для России. Всеобщее распространение получило убеждение, что победа, в которой поначалу никто не сомневался, будет сопровождаться широкими преобразованиями в общественной жизни и политических отношениях. Объединяясь вокруг трона, «либеральные и прогрессивные партии были воодушевлены надеждой, что война, вызвавшая такое тесное соприкосновение царя с народом, послужит началом новой эры конституционных реформ», — констатировал британский посол.⁷⁶ Один из эсеровских идеологов, П. А. Сорокин, также высказался за «успешную оборонительную войну на основе внутренних реформ».⁷⁷ Л. Андреев свое принятие войны объяснял тем, что «на чашу роковых весов возлагалось не только настоящее, но и все будущее России». Мы, «данный состав <России 1914 года>», «боремся... за все те возможности, которые лежат в основе нашей молодой культуры... Не за Россию эмпирическую и сухую, — подчеркивал он, — а за Россию мыслимую, желаемую и возможную поднял оружие русский народ».⁷⁸

Принципиальная отличительная черта формировавшейся военной идеологии заключалась в том, что главные надежды возлагались не столько на политические

или социальные перемены, сколько на духовное и нравственное обновление России. «Наличность такого нравственно-высокого мотива в русской политической идеологии — факт первостепенной важности», — отмечал один из современников событий.⁷⁹ В понимании Розанова война означала «не только племенную борьбу с германским миром, а и культурное возрождение России, возрождение на исконных русских началах». Она открывала простор для «новых идеалов».⁸⁰ Как указывал Ильин, в «такой войне мало и победить: ратная победа не должна стать для нас духовным падением, как это случилось с Германией после 1870 г.» Истинная победа заключалась в победе не только над внешним врагом, но и над самими собою, поэтому «победа может быть добыта только в результате духовного подъема... А этот подъем есть уже сам по себе начало нашего возрождения». «Этот духовный подъем необходим сам по себе, а не только для победы», — подчеркивал Ильин. Он станет залогом «грядущего возрождения и духовного расцвета» России.⁸¹

В том же духе высказывался и Бердяев: «Созревание России до мировой роли предполагает ее духовное возрождение». Поэтому «России нужна, прежде всего, радикальная моральная реформа».⁸² Этой духовно переродившейся и нравственно обновившейся России, по мысли русских мыслителей военной поры, предназначалась новая и совершенно особая роль во всемирной истории. «Русское государство давно уже признано великой державой... которая играет видную роль в международной политике, — писал Бердяев. — Но духовная культура России, — то ядро жизни, по отношению к которому сама государственность есть лишь поверхностная оболочка и орудие, не занимает еще великодержавного положения в мире. ... Вот что должно в корне измениться после нынешней великой войны... Творческий дух России займет, наконец, великодержавное положение в духовном мировом концерте».⁸³

Проблема национального освобождения и возрождения России рассматривалась в тесной связи с вопросом о национальной эмансипации народов, населявших империю, и в первую очередь поляков. Толчком к обсуждению польского вопроса послужило воззвание верховного главнокомандующего к полякам, обнародованное в самом начале войны. Комментируя реакцию на этот исторический акт, французский посол отмечал: «Газеты единодушно радуются по этому поводу; большая часть их печатает даже восторженные статьи, торжествуя по поводу примирения поляков и русских в лоне великой славянской семьи». Днем позже он писал в своем дневнике: «Манифест к полякам наполняет все разговоры. Общее впечатление остается превосходным. Более или менее строгая критика исходит только из крайних правых кругов».⁸⁴

Высказаться по польскому вопросу считала своим долгом вся мыслящая Россия. Это был едва ли не единственный пункт, по которому духовная элита страны демонстрировала абсолютное единодушие. Господствовавшие настроения хорошо выразил петербургский городской голова: «Меня этот документ привел в восторг; неужели мы дожили до желанного момента крушения воинствующего русского национализма?»⁸⁵ Надо было знать, писал Л. Андреев, «как мы мучились неразрешимым <польским вопросом>, чтобы понять нашу радость... Скажу без преувеличения, что сами поляки едва ли могут радоваться так, как мы».⁸⁶ Столь же искренним было признание Розанова: «Боль Польши всем нам была больна».⁸⁷ В «примирении с братом — с обиженной некогда Польшей» Эрн увидел неопровержимое доказательство того, что эта «война имеет величайший ду-

ховный смысл».⁸⁸ Далеко не риторически прозвучал вопрос, поставленный Вяч. Ивановым на известном заседании Московского религиозно-философского общества 6 октября 1914: «Смоется ли на общем празднике славянского мира наш грех неомытый, не замоленное преступление исторического жития нашего — растерзание живой Польши?»⁸⁹ Е. Н. Трубецкой имел все основания заявить там же: «Воззвание Верховного Главнокомандующего о восстановлении единой Польши... выразило общее настроение».⁹⁰ А возрождение Польши «будет днем светлого воскресения и для самой России».⁹¹ Вслед за польским вопросом началось обсуждение положения других народов. Преобладавшее мнение четко и недвусмысленно выразил Бердяев: «Прежде всего Россия должна освободительно решить польский вопрос как вопрос мировой. По иному, но все же в духе освободительном должны быть решены вопросы еврейский, финляндский, армянский и мн. др.»⁹²

Национальная тематика не исчерпывала круг проблем, ставших предметом всестороннего рассмотрения в литературе, которая была порождена мировой войной. Не осталось, пожалуй, ни одной сферы российской действительности, не подвергшейся философскому переосмыслению в этот уникальный момент истории. Последнее полугодие 1914 и первые месяцы 1915 г. заняли особое место в российской истории в том числе и потому, что они стали временем высочайшего взлета русской общественной мысли. Этот ярчайший период отечественной истории продолжался недолго. После 1812 г., писал Франк, «впервые патриотизм снова проявился в России в 1914 году, в момент объявления Германией войны; но и эта вспышка патриотического чувства была кратковременной и слабой».⁹³ По существу та война, которая вызвала подъем воодушевления и надежды летом 1914 г., завершилась уже к концу года потерей всех иллюзий относительно краткости войны и ее масштабов, истреблением кадровых армий довоенного состава, крушением всех прежних стратегических расчетов и военных планов.

На протяжении следующего года пришло осознание уже иной войны, что сопровождалось соответствующими сдвигами в общественной мысли и возрастанием социальной напряженности. «В то время как многообразие патриотических тенденций примиряло людей различнейших взглядов, — отмечал в связи с этим современный германский исследователь, — единая патриотическая доктрина, так в сущности и не определившись, не могла привести к сближению классов и групп российского общества».⁹⁴ Национальное единение, мираж которого возник в момент начала войны, испарилось само собой, лишив мыслителей казавшейся им прочной опоры. Сама их страстная проповедь осталась достоянием довольно узкого слоя мыслящих людей. Главное несчастье российской культуры, как полагал Бердяев, заключалось именно в том, что «культурная элита было изолирована в небольшом круге и оторвана от широких социальных течений того времени».⁹⁵ Единства взглядов не было и внутри самой элиты, причем дальнейший ход войны разводил ее представителей между собой все дальше и дальше.

Тем не менее сделанное ими в эти немногие месяцы имело громадное значение, поскольку представляло собой наиболее значительный вклад в самопознание России во всей ее истории. Возродившаяся в начальный период мировой войны вера в Россию пережила все последующие испытания. С. Н. Булгаков не отказался от нее даже после большевистского переворота: «Верую по-прежнему, что Россия воистину призвана явить миру новую, соборную общественность, и час рождения ее мог пробить anno 1914».⁹⁶ В духовном подъеме 1914—1915 гг.

прежняя Россия подвела последний и высший итог всего своего исторического существования. Именно в нем на короткое историческое мгновение предстал истинный облик той России, которую мы потеряли.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 261.
- ² Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. // Новая и новейшая история. 1994. № 4—5. С. 131. См. также: *Emetz V.* Great War as Viewed by Contemporaries and Descendants (the Russia's case) // World War I and the XX Century. Moscow, 1995. P. 110.
- ³ Флоровский Г. В. Пути русского богословия // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 331.
- ⁴ Бердяев Н. А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 2. С. 302, 308, 311—312.
- ⁵ Смирнова Е. А. Первая мировая война в проблематике русского философско-религиозного ренессанса // Россия в первой мировой войне. Рязань, 1994. С. 147. См. также: *Ребеценкова И. Г.* Русские философы в поисках духовных истоков войны // Социальная философия и философия истории. СПб., 1994. Ч. 2. С. 16. Для сравнения см.: *Ревякин А. В.* Война и интеллигенция во Франции // Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998. С. 484—503.
- ⁶ Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 140, 164.
- ⁷ Степун Ф. А. Россия накануне 1914 года // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 89—90.
- ⁸ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 159.
- ⁹ *Lieven D. C. B.* Russia and the Origins of the First World War. London, 1984. P. 153—154.
- ¹⁰ Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны. Пг., 1916. С. 61, 90.
- ¹¹ Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 226.
- ¹² Яхонтов А. Н. Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.) // Русское прошлое. 1996. Кн. 7. С. 257—259.
- ¹³ Милоков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 392, 394.
- ¹⁴ Кудряшов П. Идеиные горизонты мировой войны. М., 1915. С. 10.
- ¹⁵ Франк С. Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. Кн. 12. С. 125, 126, 130—131.
- ¹⁶ Ильин И. А. Основное нравственное противоречие войны // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 5. С. 820.
- ¹⁷ Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915. С. 4, 31—32.
- ¹⁸ Андреев Л. Н. Война // Отечество. 1914. № 1. С. 1.
- ¹⁹ Булгаков С. Н. Русские думы // Русская мысль. 1914. Кн. 12. С. 108—109.
- ²⁰ Булгаков С. Н. Война и русское самосознание. М., 1915. С. 25, 49—50.
- ²¹ Трубецкой Е. Н. Отечественная война и ее духовный смысл. М., 1915. С. 29.
- ²² Ардов Т. Судьба России. М., 1918. С. 274.
- ²³ Котляревский С. А. Война // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 4. С. II—III.
- ²⁴ Булгаков С. Н. Война и русское самосознание. С. 21—23, 43—44.
- ²⁵ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 165.
- ²⁶ Демчинский Б. Сокровенный смысл войны. Пг., 1915. С. 12, 29, 32—33, 38, 52, 60.
- ²⁷ Бердяев Н. А. Душа России. М., 1915. С. 3.
- ²⁸ Иванов Вяч. Вселенское дело // Русская мысль. 1914. Кн. 12. С. 97, 98, 105.
- ²⁹ Бердяев Н. А. Душа России. С. 28—29, 31.
- ³⁰ Трубецкой Е. Н. Война и мировая задача России. М., 1915. С. 6—7.
- ³¹ Трубецкой Е. Н. Смысл войны. М., 1914. С. 8.
- ³² Булгаков С. Н. Русские думы. С. 113—114.
- ³³ Булгаков С. Н. Война и русское самосознание. С. 52—53, 56, 59.
- ³⁴ Эрн В. Ф. Меч и крест. М., 1915. С. 8—10.
- ³⁵ Демчинский Б. Сокровенный смысл войны. С. 69—70.
- ³⁶ Розанов В. В. Война 1914 года. С. 34, 36, 38.
- ³⁷ Трубецкой Е. Н. Смысл войны. С. 17—18.
- ³⁸ Трубецкой Е. Н. Отечественная война и ее духовный смысл. С. 6, 14, 21, 26, 30, 32.
- ³⁹ Булгаков С. Н. Русские думы. С. 115.
- ⁴⁰ Булгаков С. Н. Война и русское самосознание. С. 42.
- ⁴¹ Эрн В. Ф. Меч и крест. С. 68.
- ⁴² Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 139.
- ⁴³ Жилкина И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. Кн. 9. С. 334.
- ⁴⁴ Трубецкой Е. Н. Отечественная война и ее духовный смысл. С. 3, 5.
- ⁴⁵ Ильин И. А. Духовный смысл войны. М., 1915. С. 9—11, 22.
- ⁴⁶ Марцинковский В. Урок войны (к русской интеллигенции). Пг., 1915. С. 7—8.
- ⁴⁷ Кудряшов П. Идеиные горизонты мировой войны. С. 5—7.
- ⁴⁸ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 43.
- ⁴⁹ Кутцова И. В. «Когда пушки стреляют, музы молчат...»? (Художественная интеллигенция в

- годы первой мировой войны) // Клио. 1997. № 1. С. 109.
- ⁵⁰ Гиппиус З. Н. Современная записка. 1914—1919 гг. // *Мережковский Д.* «Большая Россия». Л., 1991. С. 208, 210. См. также: *Антон Крайний.* Скажите прямо! // *Голос жизни.* 1915. № 3. С. 5—6.
- ⁵¹ Яхонтов А. Н. Первый год войны. С. 258—259, 261—262. О проблеме экономического освобождения см.: *Гольдштейн И. М.* Война, русско-германский торговый договор и следует ли России быть «колонией» Германии. М., 1915; *Он же.* Немецкое иго и освободительная война. М., 1915; *Он же.* Война, германские синдикаты, русский экспорт и экономическое изолирование Германии. М., 1916; *Ланговой Н. П.* Во имя чего мы сражаемся? Пг., 1915; *Озеров И. X.* На новый путь! К экономическому освобождению России. М., 1915.
- ⁵² Эрн В. Ф. От Канта к Круппу // *Русская мысль.* 1914. Кн. 12. С. 116—124. См. также: *Шеррер Ю.* Неославянофильство и германофобия: Владимир Францевич Эрн // *Вопросы философии.* 1989. № 9. С. 84—96.
- ⁵³ *Вышеславцев Б. П.* Фихте и немецкая нация // *Юридический вестник.* 1914. Кн. 7—8. С. 16—17.
- ⁵⁴ *Струве П. Б.* Крушение дела Бисмарка // *Русская мысль.* 1915. Кн. 4. Обзоры. С. 5—7.
- ⁵⁵ *Бердяев Н. А.* Душа России. С. 25.
- ⁵⁶ *Бердяев Н. А.* Судьба России. С. 201.
- ⁵⁷ *Андреев Л. Н.* В сей грозный час. Пг., 1915. С. 6—8.
- ⁵⁸ *Ганелин Р. Ш.* Леонид Андреев и начало мировой войны // *Клио.* 1997. № 3. С. 244; *Хеллман Б.* Леонид Андреев в начале первой мировой войны // *Литературный процесс: внутренние законы и внешние воздействия.* Тарту, 1990. С. 81.
- ⁵⁹ *Трубецкой Е. Н.* Смысл войны. С. 40.
- ⁶⁰ *Бердяев Н. А.* Душа России. С. 27.
- ⁶¹ *Бердяев Н. А.* Судьба России. С. 195.
- ⁶² *Андреев Л. Н.* Письма о войне. Освобождение // *Отечество.* 1914. № 1. С. 15.
- ⁶³ Эрн В. Ф. Меч и крест. С. 10.
- ⁶⁴ Эрн В. Ф. Время славянофильствует. Война, Германия. Европа и Россия. М., 1915. С. 7, 21—23.
- ⁶⁵ *Розанов В. В.* Война 1914 года. С. 48.
- ⁶⁶ *Сологуб Ф.* Выбор ориентации // *Отечество.* 1914. № 6. С. 106—107.
- ⁶⁷ *Булгаков С. Н.* Русские думы. С. 113.
- ⁶⁸ *Булгаков С. Н.* Война и русское самосознание. С. 43, 52.
- ⁶⁹ *Бердяев Н. А.* Душа России. С. 28.
- ⁷⁰ *Хеллман Б.* Когда время славянофильствовало. Русские философы и первая мировая война // *Проблемы истории русской литературы начала XX века.* Helsinki, 1989. С. 212.
- ⁷¹ *Розанов В. В.* Война 1914 года. С. 51, 53—54. См. также: *Розанов В. В.* Кто и за что дерется в теперешней войне? // *Студенческий сборник.* Пг., 1915. С. 159—160; *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 105.
- ⁷² *Базаров В.* О современном идеологическом кризисе // *Современник.* 1915. № 5. С. 170.
- ⁷³ *Булгаков С. Н.* Война и русское самосознание. С. 28—30, 36. См. также: *Аскольдов С.* Отзвуки славянофильства в годы войны // *Русская мысль.* 1916. Кн. 3. Обзоры. С. 2—5.
- ⁷⁴ *Бердяев Н. А.* Судьба России. С. 34—35.
- ⁷⁵ Эрн В. Ф. Меч и крест. С. 92—103.
- ⁷⁶ *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. С. 140.
- ⁷⁷ *Сорокин П. А.* На распутьи трех дорог (Война и отношение к ней русской общественной мысли) // *Ежемесячный журнал.* 1915. № 9—10. С. 491.
- ⁷⁸ *Андреев Л. Н.* В сей грозный час. С. 5—6.
- ⁷⁹ *Белоусов Е. П.* Германская идея и русский идеал. Пг., 1916. С. 15.
- ⁸⁰ *Розанов В. В.* Война 1914 года. С. 69.
- ⁸¹ *Ильин И. А.* Духовный смысл войны. С. 46—48.
- ⁸² *Бердяев Н. А.* Судьба России. С. 89, 223.
- ⁸³ *Бердяев Н. А.* Душа России. С. 5.
- ⁸⁴ *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 80, 81.
- ⁸⁵ *Толстой И. И.* Дневник. 1906—1916. СПб., 1997. С. 532.
- ⁸⁶ *Андреев Л. Н.* В сей грозный час. С. 85—86.
- ⁸⁷ *Розанов В. В.* Война 1914 года. С. 98.
- ⁸⁸ Эрн В. Ф. Меч и крест. С. 66.
- ⁸⁹ *Иванов Вяч.* Вселенское дело. С. 105.
- ⁹⁰ *Трубецкой Е. Н.* Война и мировая задача России. С. 7, 9, 19.
- ⁹¹ *Трубецкой Е. Н.* Смысл войны. С. 13, 15, 20, 36—37, 46.
- ⁹² *Бердяев Н. А.* Судьба России. С. 116.
- ⁹³ *Франк С. Л.* Умственный склад, личность и воззрения П. Б. Струве // *Струве П. Б.* Patritica. М., 1997. С. 488.
- ⁹⁴ *Ян Х. Ф.* Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // *Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861—февраль 1917 г.* СПб., 1997. С. 393.
- ⁹⁵ *Бердяев Н. А.* Самопознание. С. 149—150.
- ⁹⁶ *Булгаков С. Н.* На пиру богов. Киев, 1918. С. 5—23.

ДИСКУССИЯ

Ю. Шеррер. Что такое интеллигенция? Не бойтесь, я не буду затрагивать эту сложную тематику. В своем докладе «Война и российская интеллигенция» Н. Н. Смирнов тоже не берется обсуждать термин «интеллигенция». Он не обсуждает самосознание разных групп интеллигенции и понимает интеллигенцию в самом широком смысле этого слова (учителя, инженеры, офицерство, духовенство, медицинские работники и т. д.) и считает, что в России кануна Первой мировой войны было более полутора миллиона человек, которые принадлежали к интеллигенции. Конечно, можно спорить, идет ли речь о термине «интеллигенция» в собственном смысле слова.

Была ли интеллигенция подготовлена к войне, спрашивает Смирнов. Наиболее видные представители творческой интеллигенции: писатели, поэты, художники и философы — представляли как бы нерв общества, и их отношение к войне, их утопические ожидания можно анализировать от месяца к месяцу и из года в год. Их восприятие войны изменилось очень быстро. Для Мережковского и его наследника, Религиозно-философского общества в С.-Петербурге, война была началом апокалипсиса, которого они ждали и который для них был предпосылкой конца самодержавия и начала нового времени и нового человека. Интеллектуалы, которые в меньшей степени были ориентированы на мессианский взгляд на историю, например, экономист М. Туган-Барановский или политический деятель П. Струве, видели в войне духовный подъем, несмотря или даже благодаря тем страданиям, которые она несла с собою. Для них война во имя религиозной культуры становится священной войной. Они говорят о культурной идее войны. Это значит для них, во-первых, нация, в смысле национальной общности, как необходимое условие для самоидентификации личности, второе — объединение всех славян, третье — крестьянский индивидуализм или религиозный индивидуализм, как сказали М. Туган-Барановский и П. Струве, после войны будет основывать социализм а la Герцен, который не имеет ничего общего с марксизмом и ставит в центре своем индивидуальность человека. Существует важная разница между утопическими, анархистскими и космополитическими настроениями одной части петроградской интеллигенции, которая, как Мережковский и группа философов, отвергли национализм интеллигенции Московского философского общества, для которой война стала вдохновителем православной национальной идеи. Между обеими группами велся большой спор о будущем России. Эти ожидания — теория или утопия — относились только к очень маленькой части ин-

теллигенции, не были репрезентативны для большинства, как это часто представляется сегодня, когда идеализируется культура и духовность интеллигенции первого довоенного десятилетия XX в.

С большим интересом я прочла доклад С. Морисси о студентах Петрограда. Докладчица порвала с представлениями о том, что студенты всегда бунтовали против государства и правительства и показала сложный процесс вовлечения студентов в движение защиты интересов народов, Родины, Отечества и, следовательно, за войну, но не за государство. Новым в докладе для меня было то, что мы могли бы назвать рождением гражданского общества, которое проявилось во время войны в разных инициативах студенчества, например, в движении за взаимопомощь и равноправие студентов. Докладчица убедительно показала, что студенты выступили в поддержку рабочих только с февраля 1917 г. В заключение я хочу задать докладчице вопрос: было ли поведение петроградских студентов типичным также для студентов Москвы или других городов России?

Образ врага в массовом сознании анализирует Б. И. Колоницкий. Мой вопрос: до какой степени оказались успешными немецкие попытки убедить русских в том, что англичане являются истинными врагами России? Имела ли эта пропаганда такое уж большое влияние на русских военнопленных? Не идет ли речь о феномене маргинального отношения? Насколько эффективной была антианглийская пропаганда? Приведенные докладчиком строки из стихотворения Осипа Мандельштама безусловно эмоционально впечатляют, но являются ли достаточным доказательством? Насколько имеющийся в распоряжении Б. И. Колоницкого материал позволяет судить о важности такого фактора мотивации поведения русских, как англо-еврейский заговор или английские масоны в разгар Первой мировой войны?

Было бы очень важно для последующих наших обсуждений иметь в виду еще один важный аспект затронутой здесь проблемы. Чтобы понять все стороны сложного явления — политическая культура во время Первой мировой войны — было бы желательно изучить концепции партийной интеллигенции. Речь идет конечно не только о большевистской и левой интеллигенции, но об интеллектуальной элите других партий российской жизни.

Р. Зелник. Моя задача — прокомментировать доклады С. Морисси, Н. Н. Смирнова и Б. И. Колоницкого. Я очень хотел связать все эти три доклада вместе, но это было невозможно, и я связал доклады Морисси и Смирнова. Помоему, доклад Колоницкого нелогично связывать с другими. Оба докладчика, Смирнов и Морисси, интересуются интеллигенцией, хотя Сьюзан употребляет слово «интеллигенция» крайне редко, два или три раза. Но для начала — немного рекламы. Только что вышла в свет большая работа С. Морисси — книга о студенчестве до Первой мировой войны и в этом смысле ее доклад — продолжение этой книги. В книге и в самом докладе она приходит к выводу, что у студентов была своя собственная культура, студенческая культура. Я также готов считать студентов частью интеллигенции, т. к. в конце концов, как мы все знаем, или должны знать, рано или поздно студент перестает быть студентом и становится взрослым членом профессиональной интеллигенции. Можно сказать, становится младшим интеллигентом. Поэтому один вопрос, который стоит обсуждать, рассматривать и на который я хотел бы услышать ответ и, может быть, не только Сьюзан и Николая Николаевича, звучит так: была ли значительная разница меж-

ду студентами и более взрослыми интеллигентами по поводу отношения к войне и во взглядах на войну? Как представляется, Сьюзан считает, что такая разница существовала. В глазах Сьюзан довоенная культура студенчества, что особенно проявилось во время войны с Японией, была антивоенной, даже антипатриотичной. Однако, несмотря на эту традицию, студенты проявили себя патриотами в начале Первой мировой войны, за некоторым исключением, конечно, — всегда есть исключения, — и дух патриотизма сохранялся в студенческой среде вплоть до Февральской революции и дальше. Сьюзан не старается нам объяснить, почему студенты перешли в лагерь патриотов. Ее задача показать нам, что это случилось, и она делает это очень хорошо. Мне представляется, что Сьюзан считает удивительным, что студенты стали патриотами. Правда, были и студенты, которые, уходя на фронт, пели «Марсельезу». Но никакого противоречия нет, поскольку и «Марсельеза» и воинский патриотизм являлись частью традиции, демократической традиции Великой Французской революции, включая и Парижскую коммуну. В этом смысле мы можем смотреть на студентов, как на русских, которые имели чувство нации или чувство родины, были патриотами, какими еще вчера или позавчера не являлись. Они считали, что могли поддерживать войну и одновременно критиковать, даже нападать на самодержавие, на правительство и таким образом остаться близкими своей традиции, народу и представлениям о народе. Но вскоре наступило огромное разочарование, впрочем, как у интеллигенции вообще. Здесь можно перефразировать Брехта: если народ не согласен с интеллигенцией, тогда надо выбирать другой народ. Доклад Н. Н. Смирнова очень интересный, и я начну с вопроса: до какой степени изменилось в интеллигентской среде отношение к войне в ходе самой войны, после Февральской революции? Николай Николаевич употребляет, как сказала Ютта, очень широкую дефиницию интеллигенции, включая в ее состав и тех, о ком много спорят современные исследователи: священнослужители, офицеры и др. Насколько это оправдано? Не надо упускать из вида, что Н. Н. Смирнов справедливо придерживается взгляда, что не следует характеризовать интеллигента лишь с точки зрения его социального статуса, например, дворянского, разночинного и т. д. Интеллигенты составляют одну большую социальную категорию. Так считает и С. Морисси. Каковы были взгляды на интеллигенцию к началу войны? Я не убежден, что она отождествлялась с личностью Бердяева, хотя невероятно много в его облике соответствовало тому, что принято идентифицировать с понятием «интеллигент». Но не следует забывать, что Н. Бердяев чаще ассоциируется с узким слоем интеллигенции духовной или, иначе, с «духовной элитой». Естественно, Бердяев принадлежал к интеллигенции в очень узком смысле этого слова, а не в том широком смысле, как пишет об этом Николай Николаевич. Мне думается, у Н. Н. Смирнова, но прежде всего у Н. Бердяева, собственное отношение к войне может быть не таким, как у типичной огромной массы людей, занятых умственным трудом. Во всяком случае кажется, что множество, даже большинство таких интеллигентов приветствовало войну. Среди них были и студенты, естественно. Но по мере развития событий интеллигенты теряли доверие к способности правительства действовать грамотно и решительно. Результатом стал разрыв интеллигенции с властью. Со временем у интеллигентов, как и у студентов, поддержка войны перестала зависеть от поддержки правительства. Правительство, отмечает в своем докладе Николай Николаевич, потеряло престиж потому, что его неудачи считались непатриотическими. Но если дело действительно обстояло

так, тогда неуместно, по-моему, называть интеллигентов вчерашними патриотами. И если Бердяев и Гиппиус в 1917 г. отреклись от прежних духовных ценностей, это не означает исчезновения всего патриотического. Я охотно принимаю мысль Николая Николаевича о том, что многие интеллигенты стали более беспокойными элементами с точки зрения психологии власти.

Теперь доклад Бориса Ивановича Колоницкого. Он написан на базе архивов разных стран, много говорит об образах, представлениях и более всего о стереотипах, которые проявляются во время войны или во время этой войны. Доклад особенно интересен в том, что речь идет не о представлении врага, но и не союзника. Это, по-моему, новый подход. Он рассказывает историю превращения одного из союзников во врага, особенно в представлении русских солдат. Хотя Б. И. Колоницкий показывает, что это случилось по инициативе немцев, возникает вопрос: до какой степени и почему немецкая пропаганда против англичан попала на благоприятную почву? Ответ докладчика сводится к следующему: с одной стороны, этот стереотип уже существовал в русской культуре, даже в XIX веке, хотя приводится крайне мало примеров. С другой стороны, этот негативный образ встречается почти исключительно среди правых групп. Значит, русские либералы были скорее англофилами. На мой взгляд, и я бы конечно очень хотел услышать мнение Бориса Ивановича, русская англофобия не была серьезным фактором в первые годы войны, не очень влияла на ход событий. Сюжет очень интересный, но, может быть, более интересный, чем важный. Со временем, конечно, солдаты, но сколько солдат, нельзя сказать точно, начали принимать антианглийскую пропаганду, подозревать, что Англия была готова воевать лишь до последней капли русской крови или до последнего русского солдата. Возникает вопрос: были ли подобные подозрения настолько широко распространены среди солдат, чтобы повлиять на ход войны? Или это было невозможно? Есть еще вопрос из разряда парадоксальных: курица и яйцо — что было первым? Были ли солдаты против англичан? Были ли они противниками войны вообще или из-за того, что они были против англичан? Значит ли, что антианглийская пропаганда имела самостоятельное значение? В этом случае антинемецкие настроения несомненно были причиной продолжать войну. Но группа офицеров и солдат, о которых пишет Борис Иванович, не могла ответить на вопрос, кто был хуже и опаснее — немцы или англичане. Наверное, англичане были более опасны, чем немцы. Почему? Потому, что признавая опасность немцев следовало бы говорить, что мы хотим продолжать войну. И последний вопрос: работая с многочисленными архивными делами, нашли ли вы материалы о стереотипах американцев во время войны, особенно после того, как американцы стали союзниками России? Если Англия стала символом всемирного капитализма, мне интересно было бы узнать — американцы тоже считались в этом смысле типичными капиталистами в то время?

А. П. Купайгородская. Я продолжаю оставаться в состоянии некоторого внутреннего неприятия определения роли комментаторов, которое нам предложено. Роль комментатора, как мне представляется, далеко не самая центральная. Перейду к главному, к обсуждению докладов. Отмечу и их высокий научный уровень, и большое разнообразие тематики, которая, однако, сводится порой к рассмотрению одних и тех же проблем, но с разных сторон и использованием разных источников, с разных позиций. Это придает данному собранию большой

вес в том смысле, что когда все это можно будет прочесть в изданном труде, перед нами предстанет весьма разнообразная, сложная и многоплановая картина событий, о которых идет речь. Одно из таких впечатлений, которое сложилось от прочтения докладов, это то, что много внимания уделено в них стороне моральной, стороне эмоций и чувств, руководящей элите, как теперь часто принято называть, и народу, которые участвовали в этих событиях или должны были в них как-то участвовать. И с этой точки зрения возникают соображения о том, что же в действительности, какие чувства двигали людьми, которые приводили их к определенным поступкам. В этом плане показателен интересный и не раз сегодня одобренный комментаторами доклад С. Морисси, где она рассуждает о патриотизме, о родине и о поддержке государства как структуры. Она предлагает некое определение, с одной стороны, чувственных позиций, может быть даже не всегда осознанных, а с другой стороны, рациональных и основанных на твердых убеждениях реальностей каких-то соотношений. Правда, говоря о патриотизме и давая его определение, автор отметила, что патриотизм — это поддержка войны. Но когда читаешь текст, возникает впечатление, что это не только рациональная поддержка войны, основанная на том, что лишь по тому-то и по таким-то причинам в войне надо участвовать и выступать на стороне своего правительства; что в термине «патриотизм» есть и несколько иное значение, это отношение к своему: «родина», «отечество» (к сожалению, редко сегодня говорят об этих замечательных понятиях. — А. К.), т. е. это и есть нечто такое «мое», такая «моя» основа, о которой, неважно, хорошая она или плохая, права она или нет, не рассуждают. И это «мое» надо защищать и отстаивать в любых ситуациях, независимо от того, кто правит, кто сидит во главе и т. д., или, может быть, даже, напротив, вполне сознавая неправоту этих правящих структур, которые посылают людей на фронт. Такие мысли приходят при чтении доклада С. Морисси. Может быть, докладчица со мной не согласится и я пошла несколько дальше или даже в сторону от ее намерений. Но не все так просто оказывается, когда мы читаем и в том же докладе и в других, что этот подъем, направленный на защиту родины, на действительное участие, принял несколько иное направление, сник и, может быть, даже вовсе перестал играть роль в движении масс после неудач на фронте. Потому что если это действительно идет от такого глубинного ощущения нужности своей стране, то как раз неудачи вызывают новый подъем сил и новое желание отстаивать то, что мы зовем «родиной, которую не выбирают». И, соответственно, многозначность термина «патриотизм», я думаю, это то, о чем сегодня будет еще не раз сказано, настолько это понятие представляется сложным, многоплановым и имеющим массу компонентов, основывающихся на самых разных базовых позициях.

Я с большим интересом прочла также доклад Н. Н. Смирнова. Эта тема мне очень близка, и я совершенно согласна со словами профессора Ю. Шеррер, как будто они были моими собственными, о том, что она одобряет стремление Николая Николаевича не углубляться слишком в определение интеллигенции, потому что это может увести далеко и ни к чему не привести. Столько было в этом плане различных попыток, которые кончались тем, что надо думать. Меня также очень радует, когда слышишь что-то, что согласуется с твоим мнением: реплика коллеги Б. Бонвеч — «чтобы считать, надо определить». И поскольку Н. Н. Смирнов отважно приводит подсчеты, в связи с этим напомним нам, что рассуждения об определениях пока остаются в плане умствований, мысль о том, сколько было

интеллигенции, сколько пришло, сколько думало, сколько погибло, присутствует постоянно. Трудно сказать, с чем тут можно согласиться, с чем нет, но мы как бы остаемся с тем, с чего начали: не можем определить, что есть интеллигенция как таковая, но можем определить, скажем, ее профессиональные группы. Это совсем другое дело. Относительно одной из профессиональных групп я буду говорить, обращаясь к докладу С. Морисси. В прекрасно аргументированном и документированном докладе (я услышала о книге, которую с большим интересом прочту, если у меня будет такая возможность) было отмечено, что студенты, желая поддержать, защитить и т. д., рвались на фронт и поэтому де родилась идея досрочных выпусков. Но эта идея была государственной, потому что фронт моментально начал «съедать» огромные массы специалистов. Первыми у вас идет речь о врачах, но они-то, как раз, во-первых, были нужны в гораздо больших количествах, чем в мирное время, и, во-вторых, гибли на передовых вместе с солдатами. В силу этого в государственных кругах и родилась идея, которая оказалась перспективной и в последующие годы. Даже после 1917 г. проводились срочные выпуски: побыстрее сократить число проектов, сократить число занятий, побыстрее сдать экзамены и т. д. Я не отрицаю, что со стороны отдельных людей это действительно был патриотический порыв, но в целом именно военное ведомство и государственные структуры идею досрочных выпусков и предложили. А высшие учебные заведения ее реализовали оперативно, быстро выпустив за пределы институтов и снабдив соответствующими документами новых специалистов, и в частности врачей. Читая эти и другие доклады, невольно задумываешься о том, что неоднократно авторы обращались к теме духовной жизни. Прежде всего речь идет об интеллигенции в прекрасном докладе В. В. Носкова и многих других. Отмечу только, что, затрагивая одну проблему, но используя разные документы, авторы приходят к полярным выводам. В одном случае поэт, писатель поддерживал войну, в другом случае он о ней промолчал. Речь идет о том, какие документы выносятся на первый план. Читая о том, какое брожение умов, какое движение, какие импульсы умственной деятельности породила Первая мировая война и каково было брожение умов и состояние общества, невольно задумываешься над тем, к каким последствиям все это привело. Война — это такая катастрофа, такой катаклизм в жизни многих стран, многих народов, что вполне закономерны и дальнейшие рассуждения о месте Первой мировой войны в духовной жизни народов, может быть даже не только тех стран, которые воевали, а вообще всех наций, которые что-то о войне знали, слышали, участвовали и т. д. Тут уже был потревожен А. И. Солженицын с его известной эпопеей. Но каждый из сидящих может вспомнить массу литературы, кинофильмов и т. д., в которых Мировая война так или иначе присутствует — то ли как сюжет, то ли как воспоминание, то ли как событие. Место всех событий мировой войны в жизни последующих поколений, не как политической истории, о чем уже говорилось, в формировании мировоззренческих позиций, эмоциональных отношений, которые война принесла в общество и след которых остался, определены пока еще недостаточно. Все это должно присутствовать в наших изысканиях не как литературоведческие или искусствоведческие сюжеты, а как рассуждения историка.

Одобряю и с большим интересом прочла доклад о влиянии артобстрелов, написанный специалистом, который знает эту сторону дела не только как гуманитарий, но и как знающий человеческую природу, психологию более глубоко и специально. Тема имеет прямое отношение к проблемам, обсуждаемым на нашем

коллоквиуме, потому что человек, его мир, его внутреннее состояние неоднократно затрагивались в самых разных докладах. Потому что очень многое здесь объясняется не столько знанием каких-то реалий, каких-то конкретных соотношений, поступков и т. д., а пониманием неосознанного, подсознательного, существующего, может быть, на генетическом уровне. Изучение человеческой природы и ее видоизменений и сохранности, многих, казалось бы, давно забытых побуждений, которые когда-то были и много лет о них не вспоминали, в какой-то момент неожиданно выходит на первый план. Первая мировая война — событие, которое дает толчок для таких рассуждений и соображений. Я не напоминаю о тех сочинениях не сугубо исторического плана, а скажем литературного, где отражаются так или иначе события войны. Напомню только одно, столь поразившее нас примерно 20 лет тому назад исследование — переизданный труд С. Федорченко «Народ на войне» (Первое издание было осуществлено в Киеве в 1917 г. — А. К.). Он представляет собой как бы мистификацию войны, но имеет полное ощущение строжайшей документальности. Автор представил нам человека, каким он был на войне, который ее через себя пропустил. Тема эта должна для историков быть одной из основных для дальнейших исследований.

Х. Ян. На нашем коллоквиуме неоднократно подчеркивалось, что Первая мировая война оценивается в исторической науке прежде всего как событие, в той или иной мере определившее революционную ситуацию в 1917 г. Б. Колоницкий и другие справедливо указали на то, что наступило время отойти от этой точки зрения и сосредоточиться на вопросах, непосредственно связанных с войной как таковой. Принципиально новая постановка вопроса отличается, на мой взгляд, тем, что она позволяет гораздо образнее использовать доступный материал и, кроме того, ввести в научный оборот те источники, которые ранее, как правило, не попадали в поле зрения исследователей. Л. Хаймсон призвал нас, и вполне правомерно, к более углубленной работе в российских архивах, поскольку доступ к материалам в настоящее время значительно облегчен. К этому я хотел бы добавить, что исследование такой сложной проблемы, как Первая мировая война, не может ограничиваться лишь одним архивным материалом. Как показывают многие недавние работы по истории Первой мировой войны Западной Европы и Германии, историческая наука там занимается сейчас главным образом памятными событиями войны, формами ее восприятия в различных общественных группах, а также отражением военной темы в интеллектуальном и художественном сознании. Другими словами, речь в этих работах практически не идет о таких явных фактах, как промышленное производство или правительственные решения. В большей степени они затрагивают такие трудно уловимые моменты, как представления людей о войне или отражение войны в их сознании. Три доклада, которые мы обсуждаем, ни в коей мере не затрагивают 1917 г. и не опираются на архивные материалы. На первый взгляд кажется, что они вовсе не связаны друг с другом, посвящены разным проблемам, таким, как шок от артиллерийского обстрела, национальная ориентация русской духовной элиты и мотивы лубочной литературы. И все-таки между ними есть известная общность. Каждый из трех докладов исследует различным способом человеческое, совершенно субъективное восприятие войны и позволяет нам соответственно оценить так называемый менталитет. Я сознательно употребляю это слово, поскольку мы имеем здесь дело не с одной какой-то узкой ментальностью.

Б. Хеллман, например, рассказывает о том, какие представления о войне, о враге и о собственных солдатах передает лубочная литература. Предложенный им анализ массовой литературы подтверждает то, что лубок представляет собой, несомненно, жанр массовой культуры. Показательно и то, что в лубке, помимо кайзера Вильгельма и немецких зверств, присутствовал печально известный образ внутреннего врага и при том, как показывает время, в довольно однообразном виде. Примитивность изображения в лубке русских кругов отличается от западноевропейской массовой литературы. В связи с этим я хотел бы задать коллеге следующий вопрос: чем, по его мнению, объясняется это однообразие? Другие лубочные мотивы, которые анализирует Б. Хеллман, касаются западнического характера программ и союзнической помощи русской армии. В таких мотивах, на мой взгляд, обнаруживаются как раз те надежды, эмоции простых мужиков, призванных в действующую армию, о которых мы уже говорили. Речь не идет о политике, о нации и т. д. Торжествует явление белого генерала, т. е. генерала Скобелева, необыкновенного старика. Разве не любопытно, что лубки именно с такой тематикой были опубликованы максимально высокими тиражами? Покупателями и читателями такой литературы были как раз те малограмотные или среднеграмотные люди в провинции, которые пытались разобраться в новой военной ситуации. Изучение массовой литературы помогает нам осознать, что такое народное представление, мечтание, желание. Это представляет собой несомненную пользу для историка, который исследует народные настроения определенного периода. Из доклада Б. Хеллмана также явствует, что страх перед войной был одним из главных факторов, способствовавших популярности героев русской истории.

Страх и последствия страха оказались составной частью той научной дискуссии, которую нам предложила К. Фридендер. Она обсуждает очень важную и весьма новую для России тему: шок, возникающий в результате артиллерийского обстрела, и его функции в самосознании и мировоззрении русских людей. Первая мировая война, как ранее русско-японская война, вызвала довольно острую дискуссию в медицинской науке и отразила некоторую беспомощность перед лицом огромной массы людей, психически и психологически надломленных ужасами войны. Одним из самых непонятных феноменов был тогда шок от артобстрелов. Научные дискуссии по этой проблеме стали впоследствии ареной, с которой мы видим разницу в развитии психиатрической науки. Были, например, в этой науке такие представители, которые выдвигали на первый план психологические аспекты, были другие, и таких было большинство, которые стремились подчеркнуть психическую сторону артиллерийского эффекта. Я хотел бы спросить, по какой причине психологический аспект преобладает здесь над психическим? Может быть, за этим скрывается все тот же гендер, о котором вчера говорил П. Гетрелл. Другими словами, было ли корректно говорить о русском солдате с точки зрения его психической слабости? С другой стороны, хотелось бы задать и второй вопрос: в какой степени дискуссия русских психиатров отражала общемировой уровень науки, занятой теми же проблемами? Я только что видел серию английских документальных фильмов о Первой мировой войне, там показаны самые разные методы терапии шока, именно такого шока от артобстрелов. Наконец несколько слов по поводу доклада В. В. Носкова, тем более, что сам доклад мне очень нравится, потому что показывает, какой идейный раскол был характерен для русской интеллигенции военных времен: между пессимизмом и опти-

мизмом, между страхом перед катастрофой и надеждой на новый мир, на новое общество, на духовный ренессанс. Но представления, которые В. Носков анализирует, это представления весьма узкой группы философов, «духовной элиты». Меня же интересует, как они соответствовали представлениям широких кругов интеллигенции. Надо добавить, что изучение представлений о войне в России только что началось и выразить надежду, что со временем нам откроются те сферы и процессы человеческого и общественного быта, о которых в нынешние времена мало что известно.

Е. М. Балашов. Три доклада из представленных на этой секции объединяет единая большая тема — отношение к мировой войне различных слоев российской интеллигенции. Это доклады Н. Н. Смирнова, В. В. Носкова и Сьюзан Моррисси. Все три доклада хорошо дополняют один другой, раскрывая новые стороны этой в целом мало исследованной темы.

Доклад Н. Н. Смирнова затрагивает наиболее общие вопросы. В нем сделана попытка рассмотреть основные аспекты проблемы: динамику отношения разных групп интеллигентов к войне, положение интеллигенции, ее классификацию, состав, численность и т. д. Несмотря на то, что в совокупности все эти проблемы могли бы составить содержание большой монографии, автору удалось представить их, хотя и лаконично и несколько обзорно, но интересно и убедительно. Пожалуй, классификация и состав, а, следовательно, и численность — это проблемы наиболее сложные и спорные. Необходимо прежде всего дать дефиницию самому понятию «интеллигенция». В традиционном понимании оно определяется двумя главными критериями: отношением к власти, к правительству (которое практически всегда отрицательно) и отношением к «народу», от которого интеллигенция себя дистанцирует. Последнее отношение отличается, как правило, пиететом, благоговением. Впрочем, Н. Н. Смирнов рассматривает интеллигенцию только как социальную группу, то есть образованную или интеллектуальную часть общества. Но и при этом формальном, «социологическом» подходе возникает проблема критерия отбора. Что является таким критерием — профессиональная интеллектуальная деятельность, уровень образования или еще что-то? В таком случае можем ли мы деятельность, скажем, строевого офицера отнести к интеллектуальной? Работа учителя интеллектуальна. Но если мы возьмем трех учителей: один окончил университет, другой — гимназию, третий — учительскую семинарию, то кого из них считать интеллигентом? Одного, двоих или всех? Любой грамотный человек получил какое-то образование, однако каков же тот уровень образования, который дает право называться интеллигентом? И таких вопросов возникает множество. Поэтому прежде чем выяснять численность интеллигенции, необходимо четко оговорить, кто же входит в эту категорию.

Вызывает некоторое сомнение тезис Н. Н. Смирнова о «традиционной» аполитичности интеллигенции. Вряд ли можно говорить о какой-то особой аполитичности интеллигенции в сравнении с другими социальными группами. Массовое сознание основной части интеллигентских слоев подвержено тем же социально-психологическим законам, что и массовое сознание других социальных групп. Конечно, в кругах интеллигенции всегда были аполитичные, обывательские слои, но едва ли их было больше, чем среди других категорий населения. Аполитичность, также как и политизация, сама по себе не может быть константой. Она носит волнообразный характер и обратно пропорциональна уровню по-

литической напряженности в обществе. Чем выше этот уровень, тем меньше остается аполитичных слоев населения. Подъемы и спады этой напряженности в ходе революции 1905 г., явный спад в годы реакции, постепенное нарастание в период мировой войны и новый мощный подъем после Февральской революции 1917 г. — все это определяло политические настроения интеллигенции, как и всех других пластов российского общества.

Следует, по-видимому, говорить не об аполитичности, а о формах проявления политических настроений интеллигенции. Эти формы опосредованы более глубокой рефлексией, чем в других социальных группах, и потому действия интеллигенции более взвешены, менее организованы, менее массовы и менее эмоциональны. В той же углубленной рефлексии, в воздействии интеллектуального опыта, а также в индивидуализированном характере интеллектуального труда коренится причина «корпоративной замкнутости» профессиональных организаций интеллигенции. Ведь не столько эти организации формировали индивидуализм интеллигенции, сколько особенности интеллектуального труда накладывали отпечаток на характер деятельности организаций. Поэтому, пожалуй, не вполне корректно прямое сопоставление профессиональных интеллигентских организаций с профессиональными организациями промышленного пролетариата, даже если иметь в виду организации наиболее интеллектуально развитых его слоев, например, профсоюз печатников.

Доклад В. В. Носкова о восприятии мировой войны представителями духовной элиты России является основательным, серьезным исследованием темы. Автор убедительно представил позиции разных течений русской общественной мысли по многим проблемам, порожденным начавшейся войной. Доклад содержит анализ публицистической литературы периода начала войны и той полемики, которая разгорелась вокруг вопросов о взаимоотношениях России и Европы, о Германии и германской культуре, о мессианской роли России и т. д.

Однако в докладе Владимира Витальевича почему-то ничего не сказано о том важном обстоятельстве, что отношение духовной элиты к войне не было ее сиюминутной, стихийной реакцией. Ведь оценка характера и значения войны, например, представителями русской философии начала XX в. была последовательным выражением их воззрений на роль и место России в мире. Именно в этих воззрениях содержится ключ к пониманию их суждений о Германии, о Западной Европе и о роли войны для будущего самой России. Для представителей духовной элиты война стала катализатором идей, которые они вынашивали в предвоенное десятилетие. Война дала энергетический толчок этим идеям и возможность их дальнейшей разработки. Проблемы роли и задач России в войне стали на три года, вплоть до 1918 г., одной из главных тем философской публицистики. При этом особое значение приобретало то обстоятельство, что война носила мировой, «вселенский» характер, в отличие, например, от русско-японской войны, а также то, что она велась против одной из ведущих в культурном отношении европейских держав. Причем философия и литература этой страны долгое время владели умами поколений русских интеллигентов.

Большую роль в формировании новой концепции русского мессианизма сыграли взгляды Вл. Соловьева на будущее вселенское христианское единение. За два года до начала мировой войны один из наиболее последовательных проповедников этих взглядов Е. Трубецкой в статье «Старый и новый национальный мессианизм» писал: «Русское — не тождественно с христианским, а представляет

собою чрезвычайно ценную национальную и индивидуальную особенность среди христианства, которая несомненно имеет универсальное вселенское значение. Отрешившись от ложного антихристианского мессианизма, мы неизбежно будем приведены к более христианскому решению национального вопроса. Мы увидим в России не единственный избранный народ, а один из народов, который совместно с другими призван делать великое дело Божие, восполняя свои ценные особенности столь же ценными качествами всех других народов-братьев».¹

Эти мысли сразу после начала войны претерпели определенную трансформацию. Теперь уже грех «ложного антихристианского мессианизма» в качестве идеи «единственного избранного народа» и прусского «идолопоклонства» государственной машине целиком приписывается Германии, новому германскому духу, уклонившемуся от идеалов Канта, Гете и других старых мыслителей. В то же время Россия предстает державой-освободительницей, бескорыстной защитницей всех малых и слабых народов, угнетаемых «нациями-хищницами». О новой расстановке акцентов свидетельствуют выступления представителей философской школы на заседании Московского религиозно-философского общества 6 октября 1914 г.

Тот же Е. Трубецкой так сформулировал задачи войны: «Мы боремся за освобождение всех народов вообще, ...без различия племени и вероисповедания. Мы сражаемся за права национальностей вообще, за самый национальный принцип в политике в полном его объеме. Отсюда — полная непригодность старых славянофильских формул для осознания нашей национальной задачи — тех лозунгов, которые выражали собою задачи наших прежних русско-турецких войн». То есть, по мнению Трубецкого, речь должна идти не только о защите Сербии и других славянских государств (что было лозунгом патриотических манифестаций начала войны), но о безусловной поддержке всех национальностей. Вяч. Иванов в своем выступлении обозначил освободительную миссию России в войне как «вселенское дело», за которое Россия взялась не самочинно, но была подвигнута свыше. «Принуждением Божественного Промысла подвигнутая, — говорил он, — взялась она за меч земной, за подвиг обороны своих и дружних очагов...» С. Булгаков, в свою очередь, отметил, что Россия еще никогда за свою историю не сближалась так тесно с Европой. «Родина... — утверждал он, — защищает Европу от Европы, в союзе с ее народами она спасает ее от новоевропейской и, в частности, германской опасности...»

Высокими целями мировой войны, особой вселенской миссией России большая часть философов-публицистов оправдывала войну с нравственной точки зрения. Одним из немногих авторов, кто усмотрел дуализм и порочность нравственного оправдания войны, был С. Франк. Исходя из того, что борьба каждой из воюющих сторон может иметь свой нравственный пафос и, следовательно, может быть одинаково оправдана каждым из противников, он строил свою апологию войны следующим образом: «...Отыскание смысла войны ...должно быть подчинено общему требованию, чтобы та правда, во имя которой ведется война, была действительно общечеловеческой, равно необходимой не только нам, но и нашему противнику. Мы должны понимать эту войну не как войну против национального духа нашего противника, а как войну против злого духа, овладевшего национальным сознанием Германии... как войну за восстановление таких отношений и понятий, при которых возможно свободное развитие всеевропейской куль-

туры во всех ее национальных выражениях». Тех же взглядов на оправдание войны придерживался и Н. Бердяев.²

Таким образом, именно идеи нового русского национального мессианизма, которые русская религиозно-философская школа начала века разрабатывала в предвоенные годы, определили позицию ее представителей в оценке характера и значения мировой войны, роли России в Европе и мире. Эти идеи определили их отношение к возможностям решения национального вопроса, к проблеме освобождения малых стран и народов. Отсюда их позиция по частным национальным проблемам, то есть подход к решению польского, финского, еврейского, армянского вопросов.

В докладе Сьюзан Морисси хорошо показан сложный характер патриотических настроений основной части студенчества, внеполитическая, внепартийная основа этих настроений. Автор прослеживает эволюцию настроений студентов от стремления исполнить «патриотический долг» до призывов к «оборончеству» и «миру без аннексий». Позднее, после февраля 1917 г. эти настроения вылились в новую волну «революционного оборончества». В докладе вскрыт внутренне противоречивый характер отношения большинства студенчества к войне. Студенты поддерживают цели защиты отечества и в то же время находятся в оппозиции по отношению к ведущему войну российскому правительству. Они поддерживают идеи демократии и свободы и одновременно желают, чтобы Россия — недемократическая и несвободная Россия — победила в войне. Они готовы умереть за родину под пение «Марсельезы». Они согласны идти на войну, но выдвигают политические требования.

И все же из доклада С. Морисси не вполне ясно: в чем же причина столь противоречивого поведения студентов? Что же заставило студенчество, всегда оппозиционное к правительству, за десять лет до того выступившее с протестом против «вампирской» войны с Японией, выйти на патриотические демонстрации? Почему «патриотизм» утратил негативное значение и стал даже основой для примирения политических сил? Автор доклада только констатирует эти новые явления, не давая им объяснения. Представляется, что ключ к ответам на эти вопросы следует искать в словах С. Булгакова, которые цитирует в своем докладе В. В. Носков: «Совершается великий и в своем значении потрясающий факт: Мы опять поверили в Россию!» Эти слова отражали настроение общества и прежде всего интеллигентских слоев. Для интеллигенции, подавленной разгромом в войне с Японией, поражением революции 1905 г., пребывавшей в период реакции в состоянии ментальной прострации, война породила новые надежды на национальное возрождение. Это был некий взрыв — резкое изменение духовной атмосферы в среде интеллигенции, всеобщий подъем и энтузиазм, в котором были замешаны разные элементы: с одной стороны, национализм, патриотизм, у определенной части — шовинизм и реваншизм, с другой — романтический настрой, особенно среди молодежи, идеалистические побуждения, предчувствие перемен. На студентов, на молодых людей эта атмосфера общественного подъема подействовала особенно сильно. Но как всякое взрывообразное явление, этот порыв быстро прошел, что и стало очевидно уже в 1915 г.

Доклад Б. Хеллмана об отражении мировой войны в русской лубочной литературе поднимает большую и важную тему: с одной стороны, состояние массового сознания в связи с начавшейся войной, с другой — влияние этой литературы на представления и настроения определенных слоев общества. Автор дает инте-

ресный анализ сюжетов и жанров лубочной литературы начального периода войны. Его можно рассматривать как часть более широкой темы. Несомненно, он был бы еще интереснее, если бы был продолжен на годы революции и гражданской войны. Преемственность форм, сюжетов и персонажей лубка на протяжении этих лет, их стилистическая общность были продиктованы не только внутренней взаимосвязью событий, но и тем обстоятельством, что авторами лубочной литературы всех трех периодов оставались те же самые люди. Ярким примером является В. Маяковский. И все же у Б. Хеллмана недостаточно отражен вопрос о потребителе лубочной литературы, его социальном, образовательном, возрастном составе.

В связи с этим я попытаюсь, хотя бы только пунктирно, наметить проблему, которая, к сожалению, до сих пор не прозвучала на нашем коллоквиуме. Это — проблема влияния войны на подрастающее поколение, которая является частью более общей темы «Война и общественное сознание». Проблема представляется тем более важной, что детям и подросткам периода мировой войны принадлежало будущее России: отчасти близкое — революция и Гражданская война, но главным образом более отдаленное — 20 — 30-е гг. Конечно, мировая война только положила начало общей трансформации детского сознания. Она открыла для юного поколения цену человеческой жизни и смерти, «героическую» брутальность воинов и «зверства врага». Война ярко и остро обозначила в детских представлениях образ «чужих», которых следует ненавидеть и презирать, которые недостойны жить. Но мировая война была лишь первым звеном в цепи тех потрясений, которые детская психика претерпела в роковые для России годы. Уже бурные события двух революций 1917 г. заслонили собой войну. А затем и революция померкла и растворилась в крови, голоде и холоде Гражданской войны. Все эти феномены детского сознания слились воедино. Война и революция стали синонимами, которые вызывали в представлении большинства детей лишь цепь отрицательных ассоциаций. Но все это было позже. Начало мировой войны воспринималось детьми совершенно иначе. В изучении воздействия войны на подрастающее поколение я бы выделил следующие три частных проблемы.

Во-первых, резкое изменение темпа и ритма жизни детей и подростков в условиях начального этапа войны и под влиянием всеобщего общественного подъема. Интерес юного поколения к начавшейся войне был необычайно высок. Он захватил детей всех общественных слоев, всех возрастов, начиная с 3 лет, но, конечно, в максимальной степени — школьников. Это было чем-то большим, чем проявление простого детского любопытства. Война ворвалась как освежающий порыв ветра в монотонную, однообразную, рутинную жизнь школы. Может показаться парадоксальным, но она оказала стимулирующее и тонизирующее действие на школьника. Возникло новое чувство ответственности, общего долга. Повысился интерес к народам и странам, к их истории и географии. Проснулась жажда какой-то кипучей, лихорадочной деятельности. «Как теперь хочется работать! — писала после начала войны гимназистка 6-го класса своей матери. — С каким удовольствием делаешь уроки! Нашего ленивого класса не узнать!.. Ни по одному предмету во всем классе нет ни одной тройки. Небывалое явление!..»³ До войны ни в школе, ни в семье ребенок не находил того, что делает «интересной» детскую жизнь — постоянного движения, разнообразия, быстрой смены впечатлений. Война принесла все это в избытке, и дети, скучавшие ранее в рутине школьной и семейной повседневности, сразу ожили. Они инстинктивно почувст-

вовали, что открылось новое поприще для приложения избытка не нашедших применения духовных и физических сил. Они провожали на фронт войска в дни массовой мобилизации, переписывались с солдатами, встречали первых раненых. Возникла и стихийная тяга к непосредственному участию в деятельности на нужды войны, в помощи воюющим взрослым. Это проявилось в активной, бескорыстной, добровольной помощи раненым в госпиталях, в изготовлении и отправке подарков в действующую армию, в сборах в пользу раненых и инвалидов. Наиболее крайней формой этой стихийной активности стали побегии на войну школьников старшего и даже среднего возраста. Побегии, без всякого преувеличения, приняли массовый характер.

Второй проблемой является влияние событий войны на изменение психофизического состояния подрастающего поколения относительно тех норм, которые существуют для условий мирного времени. Вслед за экзальтированными патриотическими демонстрациями, вызывавшими восторг и душевный подъем юнцов, а затем газетными сообщениями о героических подвигах русских солдат последовало знакомство с реальной изнанкой войны. В города и села стали возвращаться покалеченные люди — отцы, братья, хорошие знакомые. Во многих семьях оплакивали потерю родных и близких. Повсюду слезы и траур. Потянулась вереница беженцев, рассказывавших всякие ужасы. Война в глазах детей начала приобретать другое лицо — жуткое и пугающее. Когда ученицам старшего отделения одной из городских начальных школ предложили написать сочинение на тему: «Что я знаю и что думаю о войне», они единодушно выразили этот страх: «там очень страшно, крики, пули, огонь, дым», «там очень холодно, страшно и много раненых», «в бою очень страшно, людей много раненых... бьют людей без милости». Трепетом и болью от ужасных событий, происходящих на войне, проникнуто описание одной девочкой смерти своего «дяди Александры» — «ранили в сердце, он долго кричал, а потом скончался». У сельских детей к этой душевной боли, связанной с потерей близких родственников, примешивалось невыносимо горькое крестьянское чувство от разоренного войной хозяйства, им передавалось состояние подавленности, отчаяния и безысходности, которое испытывали их матери и старшие сестры. «И теперь наступила весна, — писал деревенский школьник, — и на полях редко увидишь мужчину, а все женщины обрабатывают свои нивы. И эти дети, которым еще нужен отдых, трудятся до изнеможения сил».⁴ Все эти душевные испытания потрясали нервную систему детей даже на территориях, не затронутых непосредственно войной, вызывали стрессовое состояние, повышенную нервную возбудимость и пугливость. А это, в свою очередь, способствовало развитию неврозов и аномалий детской психики, которые становились все более массовыми.

Намного хуже было психическое состояние тех детей, которые благодаря войне оказались в числе беженцев, этих изгоев, потерявших свой дом, имущество, привычное бытие. Страшный, неизгладимый след в душе ребенка оставляла паника, охватывавшая местное население при наступлении противника, и ужас, испытываемый им при бегстве из родных мест. Незаживающей раной оставалось на многие годы ощущение себя никому не нужным отщепенцем, чувство отчужденности от новой обстановки, от посторонних равнодушных людей. Ребенка мучили страдания от тягот, лишений и неустроенности на новом месте. Эти чувства обострялись тоской по родине, воспоминаниями об утраченном в прошлом благополучии, покое и семейном уюте. Все это в целом вызывало душевное

ожесточение и озлобление на чужой, враждебный мир. В формирующемся сознании начинало складываться представление о виновности и ответственности всех (и окружающих, и общества, и правительства, и немцев с австрийцами) за несчастную судьбу подростка. В результате возникала потребность, с одной стороны — всем отомстить, с другой — любыми способами утвердить себя в этом враждебном мире. Раннее испытание тяжелых жизненных, отнюдь не детских проблем вело к раннему взрослению. Оно способствовало формированию у подростков определенно утилитарного строя сознания, лишённого юношеской непосредственности и идеализма.

Мировая война положила начало процессу «разложения семьи», который через несколько лет, в годы революции и гражданской войны, примет лавинообразный характер и выбросит на улицы городов сотни тысяч беспризорных и безнадзорных детей. Сама семейная атмосфера — теплота, любовь и привязанность ее членов — имеет воспитательное значение. Эта атмосфера, если она имеет место, не зависит ни от сословного и социального, ни от образовательного статуса семьи и всегда благотворно влияет на развитие ребенка. Война начала беспощадно разрушать семейные узы. В то время как мужчины гибли на фронте, женщины, особенно из рабочих семей, вынуждены были занять их место в деле добывания материальных средств. Дети в городах оказались предоставлены сами себе, семьёй во многом стала заменять улица, а родителей — старшие, более опытные товарищи.

Теперь обратимся к тем юным «героям», которым удалось, бежав на фронт, принять участие в сражениях. Часть из них с триумфом вернулась на школьную скамью после ранения, — солдатский «Георгий» на груди, контузия, которая давала себя знать головными болями, неспособностью сосредоточиться, заниматься уроками и другой умственной деятельностью. Но главным было то, что эти подростки вдохнули запах пороха и крови, прожили краткий миг своей жизни в той смертельно опасной, вызывающей предельное напряжение нервов обстановке, где имеет цену только риск и подвиг, где каждый обладает полным правом над жизнью и смертью человека. Пережив опьянение этой вольницей боя, они уже не могли теперь вернуться к скучной и пресной трудовой обыденщине, не могли соблюдать унылые правила поведения, придуманные взрослыми дядями для маленьких детей. Кроме того, в них произошла внутренняя переоценка всех прежних моральных представлений, которые формировались с самого раннего детства семьёй и школой. Испытав упоение силой и победой в сражении, они пришли к признанию преимущества пули и штыка над всякими витиеватыми «рассуждениями». На войну многие из них шли кроткими, нежными мальчиками с чистыми, возвышенными идеями. Отправляясь на фронт, никто из них даже не представлял себе того, что стало потом обыденностью военной жизни, заслонившей все идеалы: убийство, насилие, грабеж, разорение. Те из них, кто вернулся, стали жестокими, грубыми, вкисившими крови бойцами. Это перерождение отражалось на всем: на облике, на поведении, на языке. Но они были «героями», и, следовательно, авторитетами в среде сверстников и младших школьников. Им стремились подражать, их рассказы слушали с восторгом и восхищением. Их мнение нередко было более веским, чем мнение учителей или родителей.

И, наконец, третья проблема — это влияние различных форм патриотической пропаганды на детское сознание и, в конечном счете, ее воздействие на нравственные представления детей и подростков. Война породила настоящее половодье

бульварной, лубочной, «народной патриотической» литературы. Газеты, журналы, брошюрки, листовки, литографированные цветные картинки наводнили рынок дешевых изданий. В них со вкусом, с ерническим юмором расписывались славные подвиги русских солдат и казаков, побивающих целыми десятками жалких, трусливых «пруссаков», изображались жуткие «зверства» немцев и турок, обыгрывался на все лады образ усатого кайзера Вильгельма в остроконечном шлеме — то смешного и ничтожного, то страшного и похожего на дьявола.

Лубочная литература по сути своей ориентирована на наименее развитую часть общества. Одной из самых многочисленных групп потребителей этой примитивной литературы были дети, в особенности дети из семей самых демократических слоев населения: фабрично-заводских рабочих, ремесленников, прислуги и т. п. Все нехитрые приемы лубка — хлесткая, острая форма изложения, «забавные» иллюстрации-карикатуры, тривиальные, легко запоминающиеся стишки и частушки — хорошо соответствовали уровню детского восприятия. С иллюстрированными изданиями такого рода дети не расставались даже в школе, во время урока они ходили по рукам. Особой популярностью пользовались шаржированные военные картинки, которые давали толчок самостоятельному творчеству детей. При этом, по некоторым наблюдениям, если две трети детских рисунков отражали вообще военные сцены без определенной тенденции, то одна треть носила характер грубых карикатур, заимствованных со страниц бульварных газет и журналов.

Что же касается содержания и духа «патриотических» публикаций бульварной прессы, то, пожалуй, достаточно будет привести некоторые ее образчики. Так, например, один из юмористических журнальчиков под названием «Забяйка» рекомендовал установить для немцев, проживающих в России, особую форму одежды с обязательной надписью: «подлец», — «чтобы каждый мог вовремя плюнуть немцу в харю». Тот же журнальчик «шутливо» советовал не лечить немецких раненых в лазаретах, а умирающему от жажды немцу дать вместо воды касторки. Нетрудно себе представить, какие низменные, бессердечные чувства воспитывало у ребенка общение с такого рода литературой. Оно вырабатывало в детском сознании антигуманные представления, создавало настроение злобы и жестокой поверхностной насмешки, деформировало нормальное развитие нравственности у ребенка. Таким же отрицательным и мощным было влияние на школьников кинематографа с его патриотическими лентами.

Однако не только лубочная и бульварная пресса оказывала подобное влияние на нравственное воспитание детей и подростков. Вся вообще патриотическая пропаганда, независимо от того вели ли ее официозные или любые другие издания, создавала атмосферу культа жестокости, апофеоз убийства и насилия, пагубным образом действовавшую на подрастающее поколение. Это не могло не коробить некоторых наиболее чутких в нравственном отношении современников. В январе 1915 г. газеты сообщили о том, что главнокомандующий лично награждал крестом Св. Георгия 12-летнего героя, который собственноручно переколот 13 австрийцев. Прочитав это сообщение, один из петроградских педагогов записал в дневник: «Ведь последние слова — кошмар. В обыкновенное время — это было бы мировое событие по своему сплошному ужасу — преступление из ряда вон выходящее... 12-летний мальчик переколот 13 человек! Теперь наоборот. Мальчик — герой. Мальчик лично награжден Георгием Главнокомандующим. Мальчик окружен ореолом славы. Ему сотни тысяч мальчиков позавидовали.

О нем миллионы подумали восторженно...»⁵ Этот дух беспощадной жестокости, который в любые времена и на любой войне витает над образом героя-воина, превозносимого в качестве высшей моральной доблести, был фактически нравственной субстанцией, в которой формировалось мировоззрение юного поколения россиян с лета 1914 г.

В. Ю. Черняев. Прежде всего хочу напомнить, как была задумана дискуссия организаторами коллоквиума. Представленные доклады дают как бы фундамент для дискуссии по данной проблеме, а проблема обозначена так: «Культура и политическая культура». Но выступающие в дискуссии могут говорить как о тех вещах и тех моментах, которые были в тексте доклада, так и о тех, которые выпали из поля зрения докладчиков, но важны для понимания данной проблемы. Поэтому выступления могут касаться не только того, о чем говорилось в докладе.

А. Н. Цамутали. В ходе конференции были заслушаны очень интересные доклады, среди которых доклад Н. Н. Смирнова о судьбе русской интеллигенции в Первой мировой войне. Не будучи специалистом по истории интеллигенции, позволю себе сделать несколько замечаний по частным вопросам. Во-первых, хотел бы обратить внимание на то, что сейчас, когда заходит речь об интеллигенции, то на первый план в роли вершителей ее дум прежде всего выступают артисты, очень часто артисты-комики, куплетисты, сочинители юморесок, театральные режиссеры, «звезды» эстрады, конферансье, писатели и поэты. Мне бы хотелось напомнить, что в начале XX в. все перечисленные выше категории относили или к артистической, или к литературной, или художественной среде, которую часто называли богемной (артистическая богема, литературная богема и т. д.). Но в современных исследованиях для описания настроений интеллигенции часто ссылаются на письма, дневники и др. источники, свидетельствующие о настроениях писателей, артистов, т. е. тех, кого раньше к интеллигенции не причисляли. Во-вторых, не бесспорно причисление всего офицерства к интеллигенции. В этой связи я бы хотел сказать несколько слов о том, как сложилась судьба русского офицерского корпуса в Первую мировую войну. При этом я сошлюсь на существующие труды историков. Накануне и в первые дни Первой мировой войны к 46 тысячам кадровых офицеров, уже состоящих на службе, прибавились досрочно выпущенные из военных училищ (2831 чел.) и призванные из запаса, в результате чего численность офицерского корпуса достигла 80 тыс. До конца 1914 г. в результате производства в подпоручики ускоренного курса были выпущены еще 2354. Тем временем уже в первые же недели русская армия начала терять большое число офицеров. Я еще застал в живых людей, участвовавших в Первой мировой войне. Меня поразили их рассказы о том, как офицеры в стрелковых частях шли в атаку впереди солдат (что требовалось по Уставу, это требование сохранялось и в уставах Красной Армии в 1941 г. и было отменено лишь в принятом в 1942 г. новом боевом Уставе пехоты), но еще и без оружия, со стеклом в руке (чего Устав уже не требовал). На мой недоуменный вопрос последовал ответ, что кадровые офицеры в начале войны были уверены в своих солдатах и убеждены в том, что солдаты их не подведут. В силу этих и других причин, как пишет военный историк А. Г. Кавтарадзе, «кадровый состав основного рода войск — пехоты — понес тяжелые потери уже в боях первых месяцев войны и был „добит“ во время летнего отступления 1915 г.» Уже к концу 1915 г., по под-

счета А. Г. Кавтарадзе, «большинство ротных и даже часть батальонных командиров были офицерами военного времени». Нехватка офицеров восполнялась выпуском офицеров военного времени — прапорщиков, которых готовили по ускоренной программе в военных училищах и в созданных после начала войны школах прапорщиков. В прапорщики производили на фронте и без прохождения даже ускоренных курсов училищ и школ прапорщиков отличившихся солдат, унтер-офицеров и вольноопределяющихся. По подсчетам Л. М. Спирина и Л. Г. Протасова, подтвержденным А. Г. Кавтарадзе, за время Первой мировой войны в прапорщики было произведено около 220 000 человек. Потери офицерского состава (так называемые безвозвратные потери, т. е. убитыми, умершими от ран, пропавшими без вести) в Первую мировую войну достигли 72 тыс. человек. Из них: генералов — 208, штаб-офицеров (то есть подполковников и полковников) — 3368; обер-офицеров (подпоручиков, поручиков, штабс-капитанов и капитанов) — 30 330, прапорщиков — 37 392, военных врачей — 1076, военных чиновников — 485. Как видим, число безвозвратных потерь (72 000) превосходит цифру, исчисляющую весь кадровый состав до начала войны (46 000). Можно полагать, что в числе погибших было большинство кадровых офицеров, служивших в армии до войны. Да и поспешно произведенные в прапорщики гибли в огромном количестве. 37 392 убитых прапорщика — это в подавляющем своем большинстве молодые люди, даже юноши, погибшие если не в первом бою, то в первые недели и месяцы пребывания на фронте. (Производство из прапорщиков в подпоручики в пехоте производилось очень быстро). К 1917 г. резко изменился сословный состав офицерского корпуса. Если накануне Первой мировой войны около 50% офицеров по происхождению принадлежали к потомственным дворянам, то к 1917 г. эта прослойка резко сократилась. Это было особенно заметно в пехоте, где лишь 4% (1-2 кадровых офицера из дворян на полк) офицеров сохраняли признаки принадлежности к дворянству, а 96% (офицеры военного времени) «в своем подавляющем большинстве представляли мелкую и среднюю буржуазию, интеллигенцию, служащих». К осени 1917 г. на долю Действующей армии приходилось, по подсчетам А. Г. Кавтарадзе, почти 70% всего офицерского корпуса, а его состав «практически соответствовал числу лиц в России того времени, имевших какое-либо образование (хотя бы и низшее); все такие лица призывного возраста, годные по состоянию здоровья к военной службе, становились офицерами». 37 392 прапорщика и 30 330 обер-офицеров, вошедшие в перечень безвозвратных потерь — цифры, которые напоминают, сколько молодых и способных людей потеряла Россия в результате Первой мировой войны, людей, способных в дальнейшем пополнить образованную часть русского общества. Добавим к этому, что принадлежность к офицерскому корпусу для уцелевших во время войны 1914—1917 гг. стала причиной их гибели в дни Октябрьской революции, в годы Гражданской войны то ли в боях между красными и белыми, то ли в результате трагических случайностей, то ли тогда, когда начались репрессии против «бывших людей», когда принадлежность к «бывшим офицерам», так же как и принадлежность к «бывшим дворянам» была достаточным поводом если не для гибели, то для разного рода жизненных неприятностей. Нужно иметь в виду и то, что к началу XX в., особенно после революции 1905—1907 гг. в образованной части русского общества росли антимилиитаристские настроения, которые в ряде случаев были причиной отчуждения от него даже наиболее просвещенной прослойки офицеров, военных моряков, генштабистов, артиллеристов, военных

инженеров. К тому же кастовые перегородки были причиной того, что внутри офицерского корпуса отношение к возможной войне, к степени готовности русских вооруженных сил к боевым действиям были различными. Приводя высказывания на этот счет кого-либо из офицеров Генерального штаба надо иметь в виду, что иную, иногда противоположную точку зрения могли иметь, например, военные инженеры. Тем более, что на проблему инженерной обороны государства с приходом А. В. Сухомлинова сначала на должность начальника Генерального штаба, а затем — военного министра, точка зрения генштабистов резко расходилась со взглядами военных инженеров, специалистов по долговременной фортификации. Несколько суждений, высказанных в моем выступлении, — лишь повод обратить больше внимания на необходимость конкретного изучения не только общих категорий, таких как интеллигенция, офицерство, но и различных их слоев, присущих им взглядов, судьбы представителей этих категорий в ходе драматических для России событий, последовавших вслед за Первой мировой войной, событий, для которых война стала или одной из причин революции, или одним из факторов, ее ускоривших.

Несколько слов о той части русского общества, которую, по современным понятиям, можно причислить к «творческой интеллигенции», а я бы отнес к литературной богеме. В этой части общества в начале войны были распространены патриотические настроения. Некоторые, как поэт Н. Гумилев, доказали свои патриотические чувства участием в боевых действиях, проявив при этом мужество, отмеченное боевыми наградами. Другие, как В. В. Маяковский, в первые дни рисовали плакаты с патриотическими текстами, но затем их настроения стали меняться. К началу 1917 г. многие известные поэты и писатели были призваны на военную службу, но она протекала не на передовых позициях. В. В. Маяковский числился в автомобильной роте, В. Шкловский — в автобронедивизионе, Н. А. Тихонов — в запасном полку. Все они встретили Февральскую революцию в Петрограде и приветствовали крушение самодержавия. Здесь же был и разделявший настроение революционного подъема С. А. Есенин.

Война серьезно изменила и состав армии, и настроения в ней, она ослабила позиции самодержавия, ускорила революцию и вместе с тем наложила свой отпечаток, во многих случаях трагический, на настроения и судьбы тысяч людей, оказавшихся если не на фронте, то в Петрограде или в других местах России.

П. Холквист. Хочу присоединиться к тому, о чем говорил У. Розенберг. У меня некоторые вопросы к отдельным докладчикам, но я хочу начать с общего вопроса о влиянии войны и как опыт, и как представление. Этот вопрос я задаю всем докладчикам, особенно Николаю Николаевичу, поскольку он говорит об интеллигенции. В его докладе приводится примечательный факт, что царская администрация посылала неблагонадежные элементы в армию. Вопрос таков: каково отношение интеллигенции, которая служила на фронте, не только к войне, но и к насилию, потому что это тоже часть опыта войны, что справедливо отметил У. Розенберг. Воспринимала ли интеллигенция себя как субъект насилия, о чем прекрасно, применительно к европейцам, писал Э. М. Ремарк. Эти люди с войны возвращались обратно, и меня очень интересует, как переносилось насилие, обычное военное явление, домой. Не менее интересен и вопрос о народной памяти, как она воспринимала солдат — как жертв насилия, как людей насилия? Это очень интересная проблема. Здесь мы не только говорим о том, что населе-

ние прошло опыт войны, но и о представлении войны, потому что стало привычным прибегать к насилию для решения целого ряда вопросов. Интересны не только участники, не одни участники, которые, возможно, понимают, необходимость насилия, интересно то, что и в России, кажется, и в других странах общество одобряет употребление насилия. Что я имею в виду? В упомянутой мною книге Ремарка о Германии он говорит, что те, кто участвовал в сражениях, нахваливают насилие, увлеченно рассказывают о том, как они служили в армии. Они вернулись из армии, но у них сохранилось представление, что именно так нужно было поступать, потому что нужно было быть настоящим германцем. Конечно, это только определенная часть немецкого общества. В своей работе я показываю, что в добровольческих отрядах служило немалое количество студентов, которые ушли на фронт, потому что именно так можно было быть настоящим русским, настоящим интеллигентом. Крайне интересно.

Отдельный вопрос Б. И. Колоницкому. Очень интересный доклад. Меня заинтересовала информация о том, что комиссары Временного правительства сообщали о недоброжелательном отношении к англичанам в массах. Какие были предпосылки к англофобии? Ясно, что она существовала раньше у правых. Но как широко была распространена англофобия среди населения? Имели ли место отголоски прошлого времени, потому что и Ленин, и профессор Горшенин говорили об Англии как о колонизаторе. Такой вот вопрос. И еще вопрос к С. Морисси и Б. И. Колоницкому о динамике антисемитизма, или, точнее, действительно ли среди евреев активизировалась борьба по вопросу о том, каков должен быть строй будущей России? Выступали ли они за политическую республику с равными правами для всех граждан, в том числе и евреев? Или же должна быть Россия нацией, построенной на базе одного русского народа?

В. М. Кручковская. Прежде чем я позволю себе остановиться на некоторых аспектах проблемы «Студенчество и Первая мировая война», хотела бы сказать о том большом интересе, который вызвал у меня конкретный и глубокий доклад С. Морисси. Мне представляется, что политические настроения студенчества в начале войны мало чем отличались от настроений российской интеллигенции в целом. Вместе с тем нельзя не учитывать особенностей социально-психологического состояния, свойственного молодежи: повышенной эмоциональности в восприятии событий, склонности к политическому радикализму, подверженности коллективному влиянию. Поэтому некоторые отличия студенческого патриотизма от общеинтеллигентского можно рассматривать как особенности молодежного менталитета. Я поддерживаю тезис С. Морисси о том, что на волне энтузиазма и патриотизма в 1914 г. политические разногласия в студенческой среде отошли на второй план. Но изучая эволюцию студенческих настроений в годы Первой мировой войны, нельзя забывать о том, что мировоззрение студенчества определялось в значительной мере их правовыми и материально-бытовыми условиями. По подсчетам московского историка Иванова, с начала 1914 г. около 70% петроградского студенчества относились к категории обеспеченных и среднеобеспеченных за счет помощи родителей. Война резко изменила материальное положение этих студентов. Частые мобилизации, бытовые сложности военного времени, участвовавшие полицейские репрессии в стенах высших учебных заведений — все это на фоне поражений на фронте — послужило причиной тех радикальных изменений политических взглядов студентов, которые произошли весной 1915 г. и

привели к усилению их политической активности. И если начало войны прошло для студентов под лозунгами поддержки правительства, то позднее студенчество вернулось к обычному для него состоянию оппозиции к правительству. И последнее, о чем мне хотелось бы сказать, это то, что Первая мировая война радикально повлияла на судьбу студенческого движения в целом, закономерно подведя его к революционному подъему в феврале 1917 г.

А. Мак-Ки. У меня вопрос к Б. И. Колоницкому: значительный вклад и заслуга вашего доклада заключается не столько в том, что вы открыли неожиданный для нас страшный образ союзника, сколько в том, что проанализирован процесс, как этот образ, частью составленный немцами, превратился в образ буржуа, который был таким могучим оружием в руках большевиков в их борьбе против Запада, в том числе, конечно, и Германии, послевоенной Германии. Как мне кажется, ваше объяснение несколько искажает этот процесс из-за того, что вы не очень много внимания обратили на намеренное распространение позитивных и положительных образов Англии и других союзников со стороны государства и независимых и полузависимых прогрессистов. Возможно ли описание агонии образов, т. е. борьбы между положительным и отрицательным? Это необходимо для того, чтобы действительно понять весь процесс. Вопрос к Б. Хеллману: может быть как раз лубочная литература говорит что-то по этому поводу, т. е. не нашли ли подобные факты отражения образа союзника, в том числе и Англии, в лубочной литературе? Вы привели много примеров об образе русской армии, но может быть были аналогии и для образа союзников?

Т. А. Абросимова. В интересном докладе коллеги С. Морисси использовано много нового фактического материала, который расширяет наши общие представления по обозначенной проблеме. Важно то, что в докладе показано, насколько сильны были противоречия в студенческой среде и достаточно четко прослежены две группы, резко расхоdivшиеся по своим убеждениям. Правая придерживалась официальной идеологии, а левая разделяла позиции партий социалистического толка. Особую ценность представляют размышления автора о патриотизме студенчества и его соотношении с радикализмом. В исторических исследованиях гораздо больше внимания уделено различным проявлениям политического радикализма, при этом не учитывалось многообразие проявлений патриотизма как комплекса сложных гражданских и человеческих чувств и представлений. Это проблема, которая нуждается, по-моему, в дальнейшем изучении.

В начале доклада автор выдвигает гипотезу, что патриотическое движение объединяло различные политические пристрастия. С этим нельзя не согласиться. Но мне бы хотелось поставить такой вопрос: можно ли считать патриотами ту часть левого крыла студенчества, которая желала сначала свести счеты с внутренним врагом, свершив политический переворот, а затем немедленно прекратить войну?

Интеллигенция пыталась влиять на осуществляемую самодержавием политику. Расхождения заключались только в том, что часть интеллигенции возлагала надежды на Прогрессивный блок, который, с одной стороны, сплывал и объединял оппозиционные силы для давления на правительство, а с другой — стремился предотвратить революцию. Были и студенты, настроенные более радикально, занимавшие иную позицию и считавшие необходимым использовать ре-

волюционное движение масс для быстрого достижения конечной цели. Чем настойчивее интеллигенция пыталась влиять на политику, тем упорнее сопротивлялась этому власть.

Разочарование в политике царизма, проявлявшего полную неспособность справиться с трудностями, вызванными войной, способствовало радикализации интеллигенции. Авторитет власти резко упал. Интеллигенция видела в государственной власти преимущественно отрицательную величину, которую нужно было либо реформировать, либо насильственно разрушить.

Поэтому победу Февральской революции как замену самодержавного режима демократическим большинство интеллигенции приветствовало. Я не утверждаю, что все, даже при наличии «красного банта» на груди, радовались переменам, но хочу подчеркнуть, что после Февральской революции интеллигенция имела реальную возможность реализовать себя в качестве альтернативного руководства страной. Это был «звездный час» либеральной интеллигенции. Но очень скоро интеллигенция, привыкшая ощущать себя во главе реформаторского движения общества, окажется в арьергарде.

Дж. Санборн. Прежде всего отвечу Б. В. Ананьичу на вопросе о массовой литературе до войны, которая могла бы подготовить народное сознание. Такая литература существовала, я имею в виду издательство Березовского. Он издал серию под названием «Солдатская библиотека», многотиражную, насчитывавшую много книг еще в довоенные годы. Мой первый вопрос к Б. Колоницкому. Доклад очень хороший. Мой вопрос о концепции врага. На первой странице отмечается, что «при политической мобилизации яркие образы врага играют исключительно важную роль». Исследователи политической истории уделяют большое внимание понятию «враг». В западной литературе также часто используют этот прием.

Я сомневаюсь в объективности этого термина, потому что думаю, что создание образа врага не такое простое дело, как может показаться. Да и вы, судя по всему, сомневаетесь, потому что описали очень сложный процесс. Мой вопрос: что вы думаете о термине «враг» и его интерпретации? Второй вопрос к С. Морисси, он касается термина *Patria*. Почему вы использовали этот термин из древнего Рима? Я задаю его потому, что думаю, что различие между терминами патриотизм и национализм важно и во многом зависит от различий терминов «родина» и «отечество». Мне кажется, но может быть я не прав, что, теоретически говоря, «патриотизм» и «отечество» связаны с идеей государства, а «родина» и «национализм» связаны с идеей народа. Вы не согласны? Поэтому я хотел бы знать, в чем состоит различие между «патриотизмом» и «национализмом»? И наконец по вопросу призыва студентов. Был ли он актуален в 1914 г.: некоторые студенты уходили в армию добровольно, другие получили отсрочку. Известно, что часть студентов писала петиции и просила не отбирать право отсрочек для студентов.

В. П. Булдаков. Должен сказать, что представленные сегодня доклады, а равным образом и комментарии к этим докладам дают такую пищу для размышлений, что говорить наверное можно очень много. Прежде всего, мне кажется, чрезвычайный интерес представляет целый блок докладов, связанный с проблемами интеллигенции и войны. Мне думается, что суть проблемы заключается в

двух аспектах. Во-первых, проблема идентификации интеллигенции. Во-вторых, проблема или попытка идентификации интеллигенции через патриотизм. Удалось это или не удалось, я думаю, на сегодняшний день вряд ли можно с определенностью сказать, точно так же, как ответить на вопрос — а что такое интеллигенция вообще и русская интеллигенция в частности. На мой взгляд, уместно сделать только несколько замечаний, может быть, общего характера. Мне думается, что конечно надо прежде всего исходить из того, что естественные функции интеллигенции в любом обществе — это лидерство и управление. Что касается лидерства, то применительно к России все более или менее понятно, т. е. лидерство могло быть неформальным, духовным. В этой области интеллигенция легче могла найти себя. Что касается проблем управления, все было гораздо сложнее. Момент противоречий между этими двумя функциями создавал в интеллигентской среде определенного рода напряжение, очень характерное вообще для российского общества и не только того времени. Мне думается, надо учитывать еще один момент: интеллигенция профессиональная. С моей точки зрения, учительство, о котором говорит Николай Николаевич, и которое является важной составляющей интеллигенции, было всего лишь ее частью. Но как быть с другими группами интеллигенции? В данном случае напрашивается вопрос: включать ли офицерство, профессионально подготовленное, в состав интеллигенции? Или еще более хитрый вопрос: включать ли в состав интеллигенции духовенство? Хотя известно, что духовенство того времени — это самое замкнутое и самое архаичное по своей организации сословие. Еще один любопытный, на мой взгляд, момент. В России интеллигенты по большей части были мужчины, т. е. применительно к интеллигенции, проблемам ее идентификации гендерный принцип проявляется весьма своеобразно: достаточно остро и конечно специфически. Этот момент нужно тоже иметь в виду. И учитывая все эти факторы, мы можем обнаружить достаточно противоречивую картину. Приведу такой пример. Известно, что многие гимназисты, а не только студенты, рвались на фронт добровольцами всеми правдами и неправдами. Но было и другое. Допустим, офицеры запаса призванные в 1914 г., прежде всего, по моим представлениям, стали думать, как бы им получше устроиться в тылу, т. е. они представляли, что такое армейская жизнь, и об этой жизни хорошего сказать на могли. Или другая проблема: офицеров, чиновничества военного времени, священников. Любопытная вещь: эта часть интеллигенции проблему лидерства решала по-своему.

Хотел бы обратить внимание также на доклад Б. И. Колоницкого, на мой взгляд, прекрасный. Тут были возражения, они у меня тоже возникали: а собственно при чем тут англофобия? Мы должны думать не только о непосредственных результатах, но и о долговременных последствиях. А вот здесь-то они, как мне кажется, налицо. Простой пример, я Борису Ивановичу его уже приводил, достаточно общеизвестный. В свое время Троцкий перед возвращением в Россию, выступая на митингах, говорил страстно: меня поджидают две английские эскадры для того, чтобы пропустить в Россию — в Балтийском море и в Средиземном море. Конечно, в годы войны эти англофобские выпады правых успеха не имели. Нужно учитывать и другой факт: англофобию надо оценивать в связи, в первую очередь, с германофобией и учитывать последствия того и другого. Представьте себе, наступила эпоха Гражданской войны. И что же обнаружилось среди белых? Обнаружилась простая вещь: белые, особенно на Юге России, возненавидели французов, Антанту и полюбили бывшего военного противника —

немцев, которые умели воевать. Несомненно, феномен англофобии, франкофобии, как и германофобии, должен рассматриваться в комплексе. Тогда обнаружится, как представляется, важная закономерность: в годы Гражданской войны этот фактор дал себя знать, в обществе сложилось представление о том, что Россия окружена не врагами и не друзьями, окружена какими-то неуловимыми носителями инфернального плана, т. е. постепенно складывалась ситуация осажденной крепости. И ситуация оказалась чрезвычайно устойчивой. Думается, этот момент надо непременно учитывать.

Хотелось бы сказать и о лубочной литературе. Уже звучала мысль о том, что простой народ пользовался лубочной литературой. Я думаю, что не только простолюдины. Литература эта была у всех на виду, и даже интеллигентные люди иной раз в нее заглядывали и, может быть неосознанно, определенные негативные чувства у них складывались. И если говорить о лубочной литературе, то надо проследить, как меняется сам жанр лубка на достаточно длительном протяжении времени, допустим, от довоенного времени до периода Гражданской войны. Оказалось, что в советское время лубок был ориентирован не только на простой народ, но и на более развитые слои общества.

Наконец, последнее, насчет доклада относительно шока от артобстрелов. Мне думается, это чрезвычайно важная тема, для меня она особенно важная. В свое время, когда мы проводили свои конференции, посвященные Октябрьской революции и рассматривали проблему «Революция и человек», мне пришлось много говорить, писать о психопатологии не столько Первой мировой войны, сколько психопатологии революций и Гражданской войны. И сразу пошли возражения. Я утверждал, что (я и сейчас от этих слов не отказываюсь, у меня для этого нет никаких оснований) количество сумасшедших в любом обществе всегда составляет один и тот же процент. Но, с другой стороны, всегда в каждом обществе существует определенный слой психопатов. Вот этих самых психопатов, психопатические личности, конечно, ни один грамотный психиатр в сумасшедший дом не упечет. Но с шоком от артобстрелов проблема другая. Мне думается, что в данном случае удалось привлечь внимание к очень серьезной теме: в той войне шок не только от контузии, но и артобстрела оказывал определенное, очень мощное влияние на психику. Необходимо исследовать, как менялась психика населения, в основном тех, кто побывал на войне; как шок от артобстрелов передавался другим слоям населения. Эти вопросы чрезвычайно важны. Интересно, что прослежены меняющиеся отношения медиков к этой проблеме. Я думаю, что здесь, казалось бы, на маргинальном сюжете можно придти к весьма интересным и важным выводам.

П. Гетрелл. Я хочу обратить ваше внимание на доклад К. Фридендер, который мне кажется очень важным и оригинальным. Почему? Потому что она начинается не с вопроса о связи между войной и революцией. Она начинается с войны как явления. Не только явления российского, но и общеевропейского. Проблема шока от артобстрелов была актуальна для всех воюющих стран. Доклад я связываю не только с развитием психиатрии России, Европы или Америки. У меня два вопроса к автору доклада. Нашли ли вы материал про интерес к этой проблеме среди русских психиатров, специалистов других стран? Второй вопрос, я не знаю, как точно сказать по-русски: думали ли профессионалы о том, что были готовы

помочь пострадавшим, был ли риск для определенных слоев, для определенной части в армии, например?

Ю. И. Басилов. Коллоквиум насыщен чрезвычайно интересными докладами, затронувшими ряд проблем, которые не находили достаточного освещения в литературе. Одну из таких проблем исследует в своем докладе В. В. Носков: место в Первой мировой войне русских интеллектуальных сил. Важно, так сказать, поместить их в соответствующее интеллектуальное поле. Как представляется, Первая мировая война была только определенным этапом в интеллектуальном развитии интеллектуальной истории России, этапом, который действительно создал новую духовную ситуацию, ускорил, обострил некоторые проблемы, включая те, которые обсуждались задолго до начала войны. Можно привести такой пример: Струве по проблеме «Великая Россия и новая концепция русской империи» высказался еще в статье 1910 г. и затем воспроизвел ее в журнале «Русская мысль» в декабре 1914 г., добавив только несколько интересных положений... Т. е. в принципе проблемы, идейные формулы, которые обсуждались в начале войны, были сформулированы ранее. То же относится и к другой проблеме: т. н. «культурной войны». Она освещалась в литературе, посвященной русско-японской войне. Крайне интересно, как одни и те же темы в контексте Первой мировой войны получали новое звучание. Я связываю это с кризисом культуры, но не с кризисом русской интеллигенции, поиском создания новых культурных социальных проектов. Первая мировая война вела к изменению ситуации духовной и политической, когда чувства обострились, мысли по-новому формулировались. Доклад, к сожалению, не поднимает таких важных вопросов, как готовность русской интеллигенции к новой идейной миссии, могла ли интеллигенция стать идейным руководителем нации в период Первой мировой войны. Думается, сама интеллигенция представляла свою программу в очень неопределенных мистических категориях. Тот же Струве, например, в статье «Великая Россия и святая Русь» отмечал: «Нам нужна великая Россия как империя и национальное государство, но мы должны это дополнить понятием святой Руси, т. е. идеей правды, идеей святости, идеей жертвенности». Интеллигенция в принципе не могла суммировать рациональных целей войны. Она продолжала говорить на прежнем довоенном языке. Другая важная проблема — война и культура. Я думаю, что война создала определенную культуру насилия: произошла милитаризация всех социальных и интеллектуальных составляющих, начиная с языка. Язык становится языком военных, аббревиации, сокращения. Это проявилось в традиционной культуре, прежде всего в лубке — элементе традиционной культуры. Другая проблема — в какой степени способна традиционная культура и ее механизмы мобилизовать общество в ситуации войны? На это тоже надо обратить внимание. Война во многом заострила проблемы, которые были артикулированы, подняты, может быть, другими и использованы в милитаризированной практике.

Ю. И. Кирьянов. Несколько реплик по поводу докладов. Если я правильно понял, у Бориса Ивановича очень интересная тема, нужная для дальнейшей разработки. Отмечалось, что если не русское общество, то по крайней мере правые были англофобами. Это повторил и В. П. Булдаков. Я прежде всего хочу сказать, что правые были различными. Был такой В. М. Пуришкевич, который в декабре 1914 г. проявил себя отнюдь не англофобом в связи с появлением в «Граждани-

не» статьи одного из известных правых деятелей, где тот очень осторожно отметил, что Вильгельм не ответственен за то, что делает немецкая армия. Пуришкевич, будучи председателем Союза Михаила Архангела, принял решение об исключении сторонников подобной точки зрения из всех организаций Союза. И так было до конца войны. Пуришкевич был не англофоб, а англофил. Если брать другую часть правых: Дубровин и некоторые другие. Был создан Отечественно-патриотический союз, о нем можно сказать так: фифти-фифти, т. е. его члены могли колебаться и в сторону германофильства в связи с попытками заключения мира, но вместе с тем они не были англофобами. Они все время говорили только об одном — кончится война, надо добиться того, чтобы мы не попали (Россия) в кабалу к Англии. В такую же кабалу, в какой Россия была по отношению к Германии до войны. И пожелание: да очень нужная тема, интересная и т. д. Но пожелание такое: велась эта пропаганда в связи с англофобией, но вот как реально это воспринималось массами? Мне, откровенно говоря, неясно. Что касается немцев, да, поскольку они были врагами, а насчет остальных «фобий», в массовом сознании это явление было крайне мизерным. И теперь, опять-таки в связи с моей новой темой, вопрос относительно того, что интеллигенция в период войны была аполитичной. Вот откровенно говоря, мне нравится, когда появляется что-то свежее, но я сомневаюсь, что это было так. И в качестве аргумента привожу следующее. Интеллигенция в период войны отшатнулась от правых партий всех толков: и Дубровина, и Пуришкевича, и возникла особая партия — Отечественно-патриотический союз, в уставе которого разрешалось членство инородцев и иноверцев, в частности и евреев. Это было необычно для правых партий.

Е. Л. Варустина. Свой комментарий к содержательным и глубоким докладам я хотела бы посвятить только одному аспекту большой и емкой проблемы «культура и война» — процессу формирования массовой культуры и роли в ней интеллигенции.

На мой взгляд, интересно было бы проследить эволюцию развития культуры в военный период с точки зрения современных концепций понимания культуры, как «совокупности концептов» и отношений между ними, выражающихся в различных «рядах». Концептом культурологи, как известно, называют «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, „не творец культурных ценностей“ — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее».

Исходя из этого, выделим особенности сочетания различных пластов русской культуры в данный исторический период и рассмотрим их на примере русского народного творчества и фольклора. Какова роль и влияние интеллигенции в процессе создания «сгустков культуры в сознании» людей?

Одним из основополагающих концептов в русской культуре является слово «мир». Именно оно в русском языке имеет два основных значения: мир как Вселенная и мир как согласные отношения, отсутствие войны. Это важное обстоятельство миропонимания необходимо учитывать, рассматривая и проблемы возникновения, формирования и развития различных настроений, влияний различных слоев общества в кризисные периоды развития общества, к которым относятся и войны.

Историческая запрограммированность на мир как норму человеческого бытия, а восприятие войны как катастрофы находит ясное прочтение в народном творчестве. Не случайно поэтому антивоенные настроения с самого начала войны слышны в русских частушках типа: «Все прошло и прокатило, времечко веселое, а теперь у нас настало самое тяжелое». Здесь ясно определена позиция народных авторов, дана характеристика времени мирному и военному. Или еще: «Скоро, скоро, станут жать, а нас погонят воевать. Во горы во Карпатские, в окопы во германские». В четком антивоенном настроении — отличие настроений большей части российского общества от воинствующих призывов русской либеральной и проправительственной интеллигенции в начальный период Первой мировой войны.

Политизация общества в 1915—1916 гг. приводит к появлению более радикальных частушечных напевов: «Бога нет, царя не надо, губернатора уьем, платить подати не будем, во солдаты не пойдем». Тут уже налицо и антиправительственная, и антирелигиозная, и антивоенная направленность.

Социализация общественного сознания в связи с нарастанием революционных настроений в стране находит свое отражение и в такого рода частушках эпохи войны: «Как Гучков-то молодец, богачу родной отец; до бедняги мужика ему нужда не велика».

По мере развития военных событий все больше появляется трагических ноток в частушках: «Ах, война, ах, война, что она наделала! Сколько девок, сколько баб сиротами сделала».

Усталость от войны, многочисленных жертв и поражений русских армий, стремление к скорейшему окончанию войны отчетливо проявилась в последующие годы. Характерна в этом отношении такая частушка: «Распроклятый царь-германец, ты бросай-ка воевать! Хватит русскому народу на твоей земле страдать».

Стоит также обратить внимание и на тот факт, что «мир» в русской культуре и языке тесно взаимосвязан с понятиями «свой» и «чужой». Не случайно происхождение названия германского народа — «немец» — немой, чужой, не понимающий языка.

Традиционно в русских сказках, поговорках русский мужик, воин — умен, сметлив, а чужой, чаще немец — глуп, невежественен и т. д., как в хорошо известных сказках о «Немце и солдате» — обычных персонажах русского фольклора, получивших свое развитие в годы войны с Германией.

Нередко это развитие идет по пути замены названия предшествующей войны на настоящую. Так, в песне «Атаманская слава»: «Ой, да провожали казаков-молодцов, провожали на ту ли войну германскую», до этого пелось сначала «... войну турецкую», затем «... войну японскую».

Важно отметить и такой характерный момент: в народном творчестве, и в частушках в частности, ирония никогда не направлена против любви к Родине, к семье. В частушках, как форме проявления ментальности народа, отражались, как отражаются и сегодня, те черты, которые народ считал для себя нормой. Поэтому практически невозможно найти в русских частушках периода 1914-1918 гг. частушек, направленных против своей страны, напротив, только аналогичных таким, как «Ягодиночку убили на германской, на реке. Умирал Шура за родину с винтовочкой в руке».

Острота сатирического восприятия жизни, отход от реальных тягот и невзгод «в мир наизнанку» — одна из черт русского фольклора.

Лубок также базировался на традиционной массовой русской культуре. Именно в нем прослеживается сочетание идей народно-этических и народно-патриотических; в нем тоже «перевернутый мир» действительности. Народных мастеров никогда не останавливали ни гротеск, ни откровенная деформация изображаемого предмета или сюжета. Лубочная картинка не знает преувеличений ради преувеличений. Везде и всюду форма народной картинки подчинена ведущей идее: «В славном лесе Августовом Битых немцев тысяч сто вам Враг изрублен, а затем он Пущен плавать в синий Неман», — писал для лубка В. Маяковский.

Борьба русского народа против иноземных захватчиков — распространенный сюжет в лубочной картинке. В лубках эпохи Первой мировой войны продолжается традиция сочетания реалистических черт в изображении русских крестьян, воинов и немецких солдат с фантастическими, гротесковыми. Вильгельм и его армия изображаются или в виде традиционных сказочных чудовищ, как, например, в лубке «Дракон заморский и витязь русский», так же, как когда-то изображал Наполеона и его гренадеров художник И. Тербенев.

Такое «народное толкование» и «восприятие» происходящих событий исходило, конечно, и непосредственно от создателей этих произведений и, пожалуй, в еще большей мере от их главных идеологов — интеллигенции, в массе своей и производящей духовные ценности. Оценить же степень народного и интеллектуального участия в этом процессе создания общественных настроений весьма затруднительно и сложно.

Стоит отметить и еще одну сторону обсуждаемых проблем конференции — это проблема лидерства в сознании русской интеллигенции и особенностей ее проявления в период Первой мировой войны.

Политическая культура русского общества имела целый ряд специфических черт. Отметим, в частности, такие из них, как вера в сакрально-магическую природу власти, лидерство как избранничество. Интеллигенция воспринимала себя избранной частью общества и трансформация ее представлений об основных общечеловеческих, этических понятиях и ценностях в период войны — все еще пока малоисследованная область знаний.

Небезынтересно остановиться в связи с этим на взглядах русской интеллигенции на такие понятия, как любовь и ненависть, которые являются важными концептами культуры. Проследив трансформацию этих взглядов перед началом и в ходе войны, можно реальнее оценить «вклад» русской интеллигенции в трагические страницы последующей истории России XX в. Это прежде всего взгляды русских интеллектуалов на проблемы насилия, убийства (не только во время военных столкновений). И их необходимо, очевидно, рассматривать в преломлении к традиционным представлениям в русской философской и общественной мысли. Приведу лишь один пример. Л. Толстой, касаясь определения чувств А. Вронского к Анне Карениной, писал так: «Лаская Анну, Вронский чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишенное им жизни», Великий психолог человеческих душ Л. Толстой подчеркивал тесную взаимосвязь любви и ненависти.

Отход, отрицание общечеловеческих, выработанных веками и, казалось бы, прочно вошедших в культуру народа моральных ценностей и норм, ради воинст-

вующих, имперских амбиций, надо полагать, сыграли определенную роль в последующей трагической истории России. Понимая и четко осознавая свою историческую миссионерскую роль, русская интеллигенция постепенно осознавала пагубность идей оправдания войны. Но этот процесс осознания был, к сожалению, слишком медленным.

Е. В. Попова. У меня два небольших вопроса к С. Морисси по поводу петроградских студентов. Мне показалось действительно очень интересным это сообщение. Вы подчеркиваете, что была некоторая разница в позициях студентов, скажем, Политехнического института и Университета. Политехнический институт был более лояльным по отношению к правительству. Он был более патриотичным. Университет был в большей степени радикальным. Были ли такие различия в других вузах столицы, в основном ведь речь идет о них, были ли какие-то различия, может быть, вам попались документы, среди студентов различных факультетов одного вуза. Вероятно, различия были и, наверное, можно проследить, кто был более радикальным — физики или лирики? И второй вопрос к Б. И. Колоницкому по поводу антианглийских настроений. Были ли антианглийские настроения, я не говорю в гипертрофированном варианте, карикатурном варианте, а вообще, были ли какие-то антианглийские настроения, какое-то недоверие к союзникам, имели ли они реальную почву? Я имею в виду пресловутый паровой коток, настаивание союзников на русском наступлении тогда, когда Россия еще не была к нему готова и т. д., что в общем-то имело место, или эти англофобские настроения развивались как бы сами по себе, даже если не было реальных противоречий?

В. Л. Дьячков. У меня вопрос к Н. Н. Смирнову. Я не буду касаться интеллигенции вообще, просто в качестве реплики: мир Гиппиус и мир сельской учительницы — это просто разные социокультурные, не соприкасающиеся между собой миры. Но главное не в этом. У вас прозвучало, я отталкиваюсь как раз от текста доклада, что Первая мировая война не стала Отечественной войной. Но вообще может ли война сама по себе стать Отечественной? Она делается Отечественной государством и через те каналы, которые государство может привлечь: школа, та же интеллигенция и т. д. Как это было сделано в своем отечестве в 1812 г., как это было сделано в Великую Отечественную. Мне представляется весьма продуктивным сравнение Первой мировой войны с Великой Отечественной войной, особенно по части интеллигенции, элиты духовной и т. д., ее позиции, работы государства в этом плане. Я весьма удовлетворен услышанными докладами, тем более, что они точно подтверждают положения моего доклада и — во всяком случае на уровне констатации факта — вполне доказывают, что наша интеллигенция в разных ее слоях, государственная в том числе, работу по мобилизации общества на борьбу с врагом, которую могла сделать и обязана была сделать, провалила. Это ясно. Но почему интеллигенция говорила именно это, почему это звучало, хоть по-разному говорили, так фальшиво, почему с этим нельзя было пойти ни к крестьянину, ни к солдату, ни к горожанину? Вот в чем проблема. И еще, почему через 25 лет, в период Великой Отечественной войны, многие представители той же дореволюционной интеллигенции очень быстро нашли верный тон и были гораздо более продуктивны? И маленький вопрос к С. Морисси: когда мы говорим о патриотизме студенчества и т. д., можно ли чис-

ленно определить тех, кто выступал с патриотических позиций — за родину, народ, отечество? Сколько из них потом добровольцами оказалось на поле боя?

В. Ю. Черняев. Позвольте сделать только одно небольшое замечание. Мне очень понравилась мысль, которая была высказана профессором Б. Розенбергом о времени войны. Действительно, мы допустили некоторую промашку, поставив конечной хронологической границей темы март 1918 года. Может быть, действительно, надо рассматривать более широко влияние войны на русское общество, начиная с июля 1914 по 1920 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская мысль. 1912. Кн. 3. С. 100.

² Там же. 1914. Кн. 12. С. 89, 98, 118, 130—131; Бердяев Н. Судьба России. М., 1918. С. 192—193.

³ Русская школа. 1915. № 7—8. С. 81.

⁴ Там же. № 12. С. 15—16; Вестник воспитания. 1916. № 2. С. 147.

⁵ Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента // Русское прошлое. № 2. СПб., 1991. С. 102.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДОКЛАДЧИКОВ

Н. Н. Смирнов. Интеллигенция, хотим мы этого или нет, это соль нации, хотя она, говоря словами Б. В. Ананьича, тот самый ученый кот, который никогда не признает себя интеллигенцией. Вспомните А. П. Чехова, который решительно протестовал против попыток причислить его к разряду русской интеллигенции. Известны и другие примеры, когда представители русской интеллигенции категорически отказывались причислять себя к этому социальному слою. Я хочу, чтобы с этого коллоквиума мы прекратили считать интеллигенцию некоей прослойкой и наконец-то осознали, что она была социальной группой русского общества, которая имела свои интересы, точно так же, как рабочий класс или крестьянство. И когда мне говорят о том, что интеллигенция де не обладает классообразующим признаком хотя бы потому, что она не является производителем материальных благ, у меня сразу же возникает вопрос: а как же само российское общество? Неужели те культурные ценности, которые производила интеллигенция, стоят меньше, чем материальные блага, произведенные рабочими и крестьянами? И как оценить эти культурные ценности? Именно в силу этого я думаю, что пора отказаться от дефиниции интеллигенции как некоей социальной прослойки в российском обществе. Пора более серьезно подумать над этой проблемой. Сколько времени понадобилось интеллигенции для кардинального изменения своих политических убеждений, своих политических настроений? Одним из главных признаков, присущих интеллигенции, является ее противостояние власти. Насколько глубоким было это противостояние после того, как Россия вступила в Первую мировую войну? Кардинальным. Те политические сдвиги, которые произошли в этом социальном слое, были необратимы. Российская интеллигенция до Первой мировой войны и российская интеллигенция периода Первой мировой войны — это два совершенно разных явления. Надеюсь, что наша сегодняшняя дискуссия продвинет нас вперед, позволит глубже понять этот слой российского общества.

Выражаю искреннюю признательность всем, кто познакомился с докладом, выступил здесь по поводу доклада. Я ни в коей степени не хочу спорить с кем бы то ни было, какие бы точки зрения ни высказывались. Я хочу вместе с вами просто порассуждать. К примеру, предложение представить себе интеллигенцию как социальную группу русского общества почему-то (я внутренне понимаю почему) вызывает до сих пор довольно активное неприятие. По-моему, это неприятие — плод как раз той самой советской традиции, которая долгие годы насаж-

далась в нашей историографии. Советская интеллигенция постоянно боялась придания ей каких-то классовообразующих признаков, хотя бы потому боялась, что вслед за этим власть могла рассмотреть подобную ситуацию как посягательство на ее прерогативы, требования к той же части должного, что положено было рабочему классу и крестьянству. Интеллигенция в какой-то степени старалась дистанцироваться от этих классовообразующих признаков. На мой взгляд, пришла пора признать интеллигенцию как таковую социальной группой российского общества. Я бы хотел подчеркнуть, что в этом плане понятия *интеллигенция*, *интеллигент* и *интеллигентность* — это совершенно разные понятия. Их нельзя путать. Нельзя исходя из нашего представления об интеллигентности интеллигенции переносить все это на общее понятие интеллигенции. Я специально абстрагировался от того, чтобы представить интеллигенцию как совокупность каких-то профессиональных групп, либо просто рассматривать отдельные профессиональные группы. Если мы отказываем в этом интеллигенции, то почему в том же самом мы не отказываем рабочему классу? Почему в том же самом мы не отказываем крестьянству? Посмотрите на работы, которые издаются и в нашей стране, и за рубежом: рабочий класс и то-то, крестьянство и то-то. И ведь никто не пишет, что когда мы говорим о рабочем классе, мы должны конкретно уточнять, что мы говорим о ткачах, о полиграфистах, о других представителях какой-то узкой профессиональной группы. И о крестьянстве, оно ведь тоже не однородное: кулаки, середняки, бедняки. Давайте тогда те требования, которые мы предъявляем к интеллигенции, перенесем на рабочий класс и на крестьянство, либо уравнием их в этом отношении. Многие проблемы отпадут. Признав интеллигенцию социальной группой, а не какой-то прослойкой, мы можем, наконец-то, реально учитывать те обстоятельства, в которых эта социальная группа действовала. Мы сможем говорить о конкретной численности этой социальной группы, о том месте, которое она в целом занимала в обществе, решить целый ряд проблем, которые сегодня не решаем в силу того, что упираемся в дефиниции. От этого надо отходить, хотим мы того или нет. И я не случайно указал, что под интеллигенцией, применительно к тому докладу, который я представил, я понимаю прежде всего образованную часть общества: людей, имеющих специальное образование и занимающихся высокопрофессиональным умственным трудом. Для меня совершенно безразлично, работает этот человек в Министерстве внутренних дел, в Министерстве юстиции, или в ведомстве Министерства народного просвещения. Я беру интеллигенцию как таковую, потому что если я начну разбираться, а выражался ли он матом и вообще красиво ли он себя ведет в присутствии дам или в присутствии своих коллег, ни к чему конкретному я не приду. Я совершенно в другую стезю попадаю.

Теперь хотелось бы от этого вопроса перейти к цифрам, которые привел А. Н. Цамутали. В докладе я нигде не привожу свои собственные статистические подсчеты. Только в одном случае я это делаю: применительно к учителю, к учительству, которым я долгие годы занимался профессионально. 1,5 миллиона человек — я просто соглашаюсь: да, их должно быть не меньше, хотя на самом деле их было больше. Я в этом абсолютно уверен. И в своем докладе привожу конкретные примеры, что произошло с учительством. Мобилизовали часть учителей на фронт, и вдруг непонятно откуда появилась совершенно новая категория — заместитель учителя. Нигде, ни в каких статистических подсчетах они никогда не упоминались, а заменили более 60 тысяч учителей, ушедших на фронт. И школа

реально проблемы нехватки кадров не почувствовала, т. е. это были профессионально подготовленные люди. То же самое можно сказать о врачах, об инженерах, о священнослужителях. Конечно, когда я говорю о духовенстве и чиновничестве и говорю о том, что я считаю их частью интеллигенции, я имею в виду прежде всего образованную часть духовенства и чиновничества. Я не склонен включать в разряд интеллигенции почтово-телеграфного служащего. И думаю, что это *a priori* понятно всем, если руководствоваться единым критерием. Эта цифра из разряда тех, о которых я говорил. В состав этих более 192—190 тысяч, о которых говорит А. Н. Цамутали, вошли офицеры-учителя, офицеры-техники, офицеры-врачи, которые не были профессиональными военными, но статистикой учитывались. Отсюда такое резкое изменение численности.

По ряду докладов. Р. Зелник говорил о том, какая разница между студенчеством и более взрослой интеллигенцией. На этом уровне разница существует. Она была между любой социальной группой интеллигенции, какую бы мы ни взяли, независимо от того, молодой или более пожилой человек. И в этом плане очень интересна проблема аполитичности, о которой я говорил. Если вы внимательно читали доклад, то в докладе я прямо указываю, что проблему аполитичности интеллигенции навязывали профессиональные организации интеллигенции. Именно они призывали интеллигенцию как бы провозгласить свою аполитичность. И в то же самое время я отмечаю, что даже эти профессиональные организации, в частном порядке, говорили своим членам: да ради Бога, вы можете поддерживать какую угодно партию, какую угодно политическую силу, но делайте это не в рамках нашей профессиональной организации. Боязнь преследования со стороны властей сохранялась и с началом Первой мировой войны. Она перешла и в более позднее время, хотя я указываю на то, что независимо от формально провозглашаемой аполитичности, сами профессиональные организации уже с лета 1915 г. становятся настолько «политичными», что в революцию они вступают подготовленными к этому событию. Отсюда такая их активность в революционных событиях февраля, марта, апреля 1917 г. Они уже были подготовлены к работе в новых политических условиях. Далее, о возрастании «политичности» интеллигенции. На мой взгляд, то, что интеллигенция, заявляя, что она аполитична, на самом деле была повязана в политике, свидетельствует образование самого Прогрессивного блока. Мыслимо ли было создание такого объединения внутри Государственной думы в 1907, 1909-10 гг.? Никто бы на это не пошел. Только условия войны позволили легализовать Прогрессивный блок, он смог открыто с трибуны Государственной думы заявлять о своих претензиях не только на улучшение материального положения, но прежде всего о претензиях на власть, на необходимость реконструкции власти. Это лишь часть вопроса. Из-за лимита времени я прошу прощения, что ответил не на все вопросы, но в частном порядке готов обсудить оставшиеся. Спасибо.

Б. И. Колоницкий. Уже были разговоры в кулуарах, и пару раз я слышал такую недоуменную реакцию: возможен ли доклад о том, чего не было? Да, англофобия очень часто явно не проявлялась. Были немецкие и еврейские погромы, межнациональные конфликты. Англичан на улицах не резали, английские магазины не грабили и таких радикальных проявлений англофобии, разумеется, не было. Вместе с тем все-таки эта тема необычайно важна. Англофобия была одним из главных элементов пропаганды Германии и Австро-Венгрии среди рус-

ских военнопленных, и одновременно это был традиционно очень важный элемент идеологии русских правых. Некоторые правые хранили верность англофобии и в ходе Первой мировой войны, хотя иерархия главных врагов у них изменилась. Для многих правых самым главным врагом становился немец, но некоторые сохраняли и антисемитизм, и англофобию. Наконец, черты англофобии были присущи и пропаганде левых социалистов, в первую очередь интернационалистов, и не только большевиков. И особенно ярко это проявилось после Февраля 1917 г. Таким образом, это была очень важная точка соприкосновения, в которой объединялись различные, подчас как бы противоположные идеологические направления. Может быть, сами не желая того, они порой совместно усиливали англофобию. И в канун октября 1917 г. англофобия была достаточно широко распространена и распространена даже среди политических противников.

В 1917 г. роль англофобии в канун Октября никак нельзя сопоставить с ролью германофобии в канун и в ходе Февраля, когда она играла действительно большую роль. Однако англофобия подрывала некоторые очень важные идеологические кампании сторонников Временного правительства. А. Ф. Керенский и его политические друзья (И. Г. Церетели и др.) пытались сконструировать единство живых сил страны в борьбе против германского империализма. Предполагалось, что формула «германский империализм» может объединить самые разные политические силы. Однако распространение англофобии эту кампанию, важнейшую для существования Временного правительства, тихо подрывало.

Хочу продемонстрировать образец этой германской пропаганды. Вот этот ужасный Джон Буль, который преграждал русскому солдату дорогу домой, где его ждут семья не очень определенной национальности и ангел мира. Джон Буль говорит: к черту мир, к черту ваши жены и дети, продолжайте войну для меня. Эта шутка могла восприниматься как «своя» пропаганда людьми, которые были восприимчивы к германской пропаганде, включая русских правых и русских социалистов.

Благодарю всех, кто прочитал мой доклад, и тех, кто его высоко, даже слишком высоко, чем возможно, оценил. Но столь же большая признательность за критику. За вопросы я благодарен и заранее извиняюсь, что на все вопросы не смогу ответить. Во-первых, их было довольно много, а времени мало, а во-вторых, на многие вопросы я должен честно ответить: не знаю. Хотя как бы предполагается, что человек, который выходит сюда, не должен так говорить, но лучше сказать честно. Было сделано несколько критических замечаний. Часть из них — это возражения против распространенности антианглийских настроений. Однако имеется несколько таких источников, которые позволяют судить о том, что они были распространены, в особенности после февраля. Что же это за источники? Русская цензура (которая свое дело знала, и ее уже хвалили на заседании, и военную, и невоенную) отмечала, что после февраля фиксировались случаи таких напряженных отношений между русскими военнопленными и военнопленными других национальностей, и в первую очередь проблемы возникали с англичанами. Можно добавить, что на это накладывались другие фобии. Русские военнопленные иногда именовали других своих товарищей по несчастью буржуями, потому что те находились в более благоприятном положении. Можно конечно сказать: ну и что? что значат эти два с лишним миллиона русских военнопленных, какое они имели влияние на Россию? и проч. Они имели, или могли иметь, влияние на ход войны. Дело в том, что в годы Первой мировой войны

Франция в особенности, но также и Россия, пытались использовать военнопленных как инструмент саботажа, например. В 1939 г. командование Вермахта издало специальную брошюру, в которой фиксировались способы использования военнопленных с целью саботажа в годы Первой мировой войны, т. е. обобщался опыт прошлой кампании. Немецкое командование даже утверждало, что были случаи, когда тайные русские агенты готовились для того, чтобы специально сдаваться в плен. И поэтому борьба за общественное мнение пленных была очень важна. Второй источник, который позволяет выявить карту распространенности, — немецкие отчетные документы, т. е. доклады немецких разведчиков, немецких пропагандистов, они говорили: да, подобные настроения имели место. Можем ли мы предположить, что даже если сделать поправку на пресловутое немецкое чувство долга, если даже некоторые немецкие офицеры хотели получить новые ордена, новые чины и были заинтересованы показывать свои как бы достижения, все-таки подобное явление было распространено. По крайней мере англичане в своих документах (отчетах английских военных атташе) отмечали, что их опасения возрастали и то, что их беспокоило — это распространение антианглийских настроений. Это усилилось после февраля. И это очень важно. Ну и наконец еще один аргумент, который достаточно важен — это антианглийские настроения в окружении Керенского, главы Российского государства в 1917 г. Это важно. Очень глубокий вопрос профессора Зелника о яйце и курице. Мы с ним обсуждаем, что первично, яйцо или курица, но почему-то не ставим вопрос: а какова при этом роль петуха? На самом деле в этой проблеме выделяют только два элемента. Ответить на вопрос, что было первично — антианглийские настроения или что-то другое — невозможно без введения какого-то третьего понятия. И этим третьим понятием должен быть патриотизм. Англофобия давала возможность патриотически рационализировать свое нежелание воевать, я бы так сказал.

Насчет американцев. Тут сложно подсчитать и проверить. По моим представлениям, среди союзников и врагов американцы занимали почетное третье место после англичан и японцев. Французы вообще как-то не очень котировались. Я не знаю, почему. Но при этом должен отметить, что англичане шли с большим отрывом. Англофобия действительно проблема, с японцами тоже понятно — это и переживания русско-японской войны, и расовый вопрос.

Теперь о предпосылках. Это большой вопрос, и я не имел возможности его разобрать. Я ссылаюсь на книжку Ерофеева. Известно, что в разных кругах, не только среди правых, антианглийские настроения были распространены достаточно сильно: геополитические противоречия после Крымской войны, Берлинский конгресс, разные конфликты 80-х гг., англо-бурская война в очень большой степени. Англия, грубо говоря, рассматривалась многими военными как потенциальный враг номер один. При этом иногда это могло сочетаться с бытовым англофильством, которое было распространено среди русских военных моряков.

И наконец еще один важный вопрос. Ю. Шеррер сказала, что это маргинальная проблема, с чем я совершенно согласен. То же самое другими словами сказал профессор Зелник: это тема более интересная, чем важная. Это так. Видите ли, иногда на заседаниях появляются какие-то ключевые слова, которыми перебраываются, и они затем становятся модными. На вчерашнем заседании модным стало слово провокация с легкой руки профессора Дж. Санборна, доклад и выступление которого мне очень понравились. Я на самом деле считаю, что самым

провокационным был доклад Р. Ш. Ганелина и М. Ф. Флоринского. Почему я так считаю? Потому что внешне это абсолютно фотографично. Авторы не влезают ни в какие открытые дискуссии, они не употребляют никаких модных терминов. Внешне — как бы никаких проблем, но на самом деле у профессионального читателя, который знакомится с текстом, сразу происходят какие-то замыкания: вот здесь одна проблема, здесь — другая. И вот так это работает, хотя доклад вроде бы такой непретенциозный. У меня доклад гораздо более простой, но вместе с тем свои хитрости и свои провокации конечно есть. И я тоже пытался по возможности рассчитать читательское восприятие. В чем была одна из задач доклада? Когда я его готовил, писал, я думал, надеялся, пытался дать как бы почувствовать: мы многого не знаем. Я, например, совершенно не знал, и наверное мало кто знал, о лагере полумесяца и о политике разделения военнопленных. Много ли мы знаем о русских военнопленных вообще? Много ли знаем мы, а это связано с темой моего сообщения, о бытовой истории Первой мировой войны, а это очень тесно связано с проблемой братания. Ведь проблема братаний имела такой аспект, как братание на бытовой почве, братание на религиозной почве. И это связано с серьезными политическими проблемами. Итак, тема действительно маргинальна, но она позволяет посмотреть и как бы приковать интерес к многим другим проблемам. Есть страны, вроде бы сами по себе малые, экономика у них слабая, но они-то и являются какой-то болевой точкой: Ливан, к примеру. Там переплетены многие и прежде всего политические проблемы. На мой взгляд, тема англофобии — это маргинальная тема, связанная с многими большими темами Первой мировой войны, как с изученными, так и с неизученными. Я согласен с тем, что необходимо изучать и «гораздо более важных» врагов этой эпохи, но понять этих «важных» врагов без изучения менее важного мы не сможем.

С. Морисси. Мой доклад исследует взаимосвязь между патриотизмом и радикализмом среди петроградского студенчества в период между началом войны и Февральской революцией 1917 г. Под патриотизмом я понимаю поддержку участия страны в войне, основанную на некоторых идеях. Рассматривая разные патриотические действия, в том числе патриотические манифестации, кампании, шовинизм, я пыталась отразить не только многообразие патриотизма и восприятия войны, но и то, что в самом начале войны студенческий патриотизм имел разные политические тенденции и цели.

Одна из главных целей моего доклада — показать, что патриотизм и радикализм не были противоположными направлениями. Наоборот, они перемешивались друг с другом. Война начинается прекращением стачечного движения вследствие патриотического подъема и кончается падением патриотизма в результате политизации. На мой взгляд, такие резкие перемены не объясняют ни революции, ни революционной концепции. Война поставила целую серию вопросов: как сочетается помощь военной кампании с отношением студенчества к самодержавию и его ориентация на национальные ценности с национализмом? Хотя некоторые студенты и поддерживали войну во имя русского самодержавия или славянского национализма, большинство остались верны таким понятиям, как народ, Родина и Отечество. Это различие в акцентах, которое осенью 1914 г. видели немногие, способствовало радикальной перемене политических взглядов в течение 1915 г. Многие студенты смогли, опираясь на идеалы демократии и защиты отечества, выступить за победу в войне.

Я хотела поблагодарить всех, кто задал вопросы и читал доклад, и в то же время я не могу ответить на каждый вопрос, но постараюсь. Начну с маленьких вопросов. Во-первых, можно сказать, что то или иное движение студенчества во время войны было типичным. Так, движение помощи жертвам войны существовало везде, в каждом университетском городе. И вот что важно — студенты других университетов и университетских курсов тоже считали себя членами сообщества студентов. Это самое главное. И в других городах они ставили те же самые вопросы, что и в Петрограде. Я думаю, что можно говорить о студенчестве вообще. Во-вторых, вполне возможно сказать, что разрыв между студентами и народом имел место. Однако студенты, например, неоднозначно относились и к Временному правительству, и к Советам рабочих депутатов.

По поводу радикализма и быта. Студенты вполне доказали, что самыми радикальными были студенты-юристы. Но я скептически. Другая точка зрения — самые бедные студенты были и самыми радикальными. Это также дискуссионно. Я думаю, невозможно доказать, что именно бедные студенты были более радикально настроены. Студенты технических институтов, как утверждают некоторые, и это, очевидно, верно, были консервативны. Для этого были разные причины. Студенты же Психоневрологического института были настроены радикально. Наконец, мне хотелось обсудить связь между студенчеством и интеллигенцией. Когда я определяла мое понятие патриотизма, я отмечала, что оно — следствие войны, в ходе которой рождается сообщество людей, объединенных коллективным интересом (защита от врага). Далее, слово *Patria* хотя и означает отечество, имеет женский пол. Это также как-то объединяет. Я думаю, что это интересно. В начале войны эта идея только зарождалась и студенты не очень много думали об этом. Только в течение войны, взрослея, они стали осознавать понятие патриотизма. Представления студентов о патриотизме, несомненно, отличались от представлений большевиков-патриотов. У последних также были идеи *patrii*, но они носили скорее классовое, а не национальное содержание.

Я считаю, что не менее важным в военные годы было и осознание необходимости развития демократии. Многие студенты предполагали, что победа в войне поможет демократическим преобразованиям. Я думаю, что демократия в университете была очень важным словом для студенчества.

Затем вопрос об интеллигенции. Я старалась показать, как были связаны концепции *patrii* и концепции студенчества. Для студенчества был характерен конфликт между традициями и новым общим делом. Думаю, что студенчество хуже было понято обществом. Являясь частью интеллигенции, студенчество имело свою специфику, оригинально понимало идеи гражданского общества, демократии, личности. Эти вопросы, однако, исследованы все еще недостаточно.

Б. Хеллман. Я литературовед, занимаюсь русской литературой начала века, в том числе периода мировой войны. Я автор монографии о русских символистах — поэтах надежды и отчаяния — на войне и в революции (Брюсов, Бальмонт, Сологуб, Мережковский, Гиппиус, Иванов, Блок и Андрей Белый), об их отношении к войне, о военной теме в их творчестве. Кроме этого, я опубликовал статьи «Гумилев и война», о самых крупных вещах Андреева о войне (пьесе «Король, закон и свобода в Бельгии в начале войны» и военном романе «Иго войны»), «Шмелев и война», о русских философах, неославянофилах (Бердяев, Бул-

гаков, Розанов и др.). И я хочу обратить внимание на серьезную проблему — досадное незнание работ коллег из-за отсутствия библиографии и книг.

В моем докладе рассматривается лубочная литература первого военного года. Лубочная литература была массовой не потому, что у нее огромная масса читателей. Их тиражи (обычно 4-5 тысяч экземпляров) показывают, что все-таки число читателей в России было маленьким. Но массовая она потому, что численность этой лубочной литературы была доминирующей, особенно в первый год войны, дешевой, иногда ценой в 1 копейку, низкокачественной по оформлению и содержанию, а ее авторы были непрофессионалы и занимались только этим типом литературы. Однако лубочная массовая литература составляла важную часть мобилизации сознания простого народа, выполняла пропагандистскую роль спонтанно, неумело и вряд ли очень успешно.

У нас в Хельсинки в Славянской библиотеке собраны все эти русские лубочные издания военных лет. В моей работе я останавливаюсь на главных темах — стереотипах этой литературы. Прежде всего это высмеивание жалкого врага и его жалких военных усилий. Вторая тема — это образ русского военного героя. Главным из них стал казак Кузьма Крючков, который в одиночку убил 11 немцев. Тогда пытались сосчитать, если каждый казак в России убьет 11 немцев, то сколько продлится война? Третья тема — это образ врага, немецкие зверства, немецкая жестокость, насилие над женщинами и т. д. Четвертая — демонизация кайзера Вильгельма, который в лубочной литературе представлен слугой сатаны, которому продал свою душу, чтобы завоевать мир. И пятая тема, на которую я обращаю внимание, это небесная помощь русской стороне: разные предсказания, мистические явления.

Лубочная литература была явлением относительно кратковременным. Крах фронта летом 1915 г. означал также крах военной литературы, военной тематики, в том числе и в массовой литературе. Стали очевидны ее лживость и оторванность от действительности и главное, что читатели устали от этой темы, от войны вообще. Поэтому были попытки вступить в борьбу с лубочной литературой для создания более качественной, высокой литературы для народа. Но эти попытки уже были не нужны: лубочная литература умерла естественной смертью.

Перейду к ответам на конкретные вопросы и замечания, высказанные в ходе дискуссии. Во-первых, что я имею в виду, когда говорю о лубочной литературе? Может быть, все-таки популярная или массовая литература — более подходящий термин, потому что я имею в виду не только традиционное дешевое многотиражное издание. Но я также включил в мою работу издания авторов-любителей, которые издавали свои книги за собственный счет. Кроме того, я включаю сюда также развлекательную литературу того времени, таких писателей как Ольга Бибутова, Чарская, Николай Брешко-Брешковский и т. д. Х. Ян сказал, если я правильно понял, что каким-то образом все-таки лубочная литература отражает народное мышление, мечтания, настроения и т. д. Это очень проблематично. Присутствует ли здесь какая-то связь? Один критик писал в 1915 г. в журнале «Русская школа» о лубочной литературе: то, что ныне выбрасывается на рынок, по смелости обращения с фактами, по духу человеконенавистничества, по наглости общего тона еще, кажется, не имело места в летописях русского лубка. Это поток грязной помойной литературы, это патриотическое кликушество и балаганное гаерство. И добавил, что эта литература ничего общего не имеет с настроениями народа, что читатели уже не принимают этот несерьезный подход к войне, не-

серьезный портрет врага и т. д. В одном из выступлений уже отмечалось, что школьников предостерегали от чтения этой скверной, плохой литературы. Интересно, что таким же образом говорили критики о серьезной литературе того времени, об Андрееве, Сологубе — не надо читать это. И как-то очень быстро осознали, что произошло всеобщее снижение уровня литературы во время войны. Критики просили писателей: перестаньте писать о войне, молчите лучше, потому что то, что вы даете — это никому не нужно. Любопытная ситуация, когда писатели как будто выполняют свой патриотический долг, но читатели, критики умоляют их остановиться — мы не хотим этого. Вот такой парадокс действительно произошел в 1914—1915 гг. Но почему эта литература была такой примитивной, почему проявился этот легкомысленный подход к войне, почему был взят неверный тон? Может быть, когда мы говорим о чисто лубочной литературе, следует признать, что она отражала все-таки общий низкий культурный уровень авторов.

Но когда мы говорим об элитарной литературе, может быть здесь присутствовала сознательная попытка стать народной, снизить уровень искусства, чтобы всем было понятно, чтобы все было ясно. Но это, так сказать, не работало. Скорее речь должна идти об очень отвлеченном подходе к войне, когда реальность практически не отражалась в литературе. Фактически русская военная литература была литературой о тыле, о жизни в тылу. В России очень мало писали о солдатах, в отличие от других стран, где реальный опыт войны рождал писателей. Так было в Англии, во Франции и др. В России этого не было. Здесь прямая связь с фронтом была слишком слабой. Да, образ союзников, образ англичан присутствовал в лубочной литературе. Я не сталкивался с этим в исторических исследованиях, но в художественной литературе о союзниках писали много. Образ англичанина в литературе — это какая-то гордость, что все-таки у России есть такой союзник, у которого можно учиться, к примеру, демократии и т. д. В этом плане была важна поездка в Лондон весной 1916 г. группы российских писателей — Набокова, Чуковского, Алексея Толстого, Немировича-Данченко. Все они позднее писали о своих впечатлениях об английском обществе и все были в восторге.

Надо сказать, что на нашей конференции часто ссылаются на художественную литературу или на русских писателей. И всегда немножко неясно, насколько репрезентативно все эти писатели выражали общественное мнение. Я бы мог тоже написать «провокационный» доклад и показать, что русские писатели были против войны или приняли войну как трагедию. И сослаться при этом на таких писателей, как Горький, Бунин, Шмелев, даже Алексей Толстой. Однако были и другие писатели, о которых тут не говорили. Всегда легче заметить тех, которые громко кричат, чем тех, которые мало говорят или многозначительно молчат.

И еще одна провокационно смелая мысль. Я иногда читаю произведения писателей, но не могу понять, в чем выражался их патриотизм. Я сталкивался с таким феноменом: у многих присутствовало острое чувство осознания национальной неполноценности. Эти русские писатели понимали, что Россия это бедность, отсталость и т. д. в сравнении с Германией, Англией и другими странами. Война предоставила возможность России показать, что «мы все-таки кое-что умеем». И обновление, возможно, будет и поэтому от войны может быть положительный эффект. Философы говорили: вот Германия, это материя, но у нас — дух, и поэтому мы богаче. Но это то же самое, когда говорят: у них машины, а у нас живой человек; у них организация, но это мы осуждаем, у нас есть соборность. То есть это другое слово для дезорганизации, что они гордые, потому что у них кое-что

есть, а мы смиренные, потому что у нас ничего нет. И война должна была доказать, что все-таки этот русский вариант мог действовать, работать, что добиться победы можно с пустыми руками, но со Святым Духом. Когда дух и соборность не помогли, последовало глубокое разочарование.

Не менее важно и то, что Россия не воевала до конца. Она заключила сепаратный мир, который был позорным, как тогда все говорили. По случаю Брестского мира не было никаких праздников, я думаю, нигде. Из писателей Игорь Северянин единственный был рад, что вот Ленин пусть был немецкий агент, но все-таки он войну прекратил. Другие молчали, этого мира не приняли. Сепаратный мир воспринимался как предательство, об этом говорили в 1917 году опять и опять: нельзя предавать союзников, надо идти до конца. И замечательно, когда после окончания войны праздновали победу в Париже. Российская армия в этом празднике не участвовала, что было очень обидно хотя бы потому, что Россия в начале войны многое сделала для спасения Франции, поддержки союзников. В то время утверждали, что Россия не имела права праздновать с другими, потому что не воевала до конца. Наконец, война привела к разложению русской армии, а позорный мир доказал слабость русского общества и русского характера. Об этом опять и опять в 1917 году говорили, что если мы не умеем идти до конца, то это показывает, что все-таки мы не такие, как они. Конечно, я думаю, все это повлияло на образ войны, на память о войне.

К. Фрилендер. Все, кто читал современную медицинскую литературу о войне в Германии и здесь в России, знакомы с этими симптомами психических расстройств у солдат и офицеров на передовых позициях в Первую мировую войну: временная потеря памяти, первоначальное смятение, глухота, слепота, иногда паралич, повышенное чувство греха и подавленное настроение. Это было новым явлением в России. Военные врачи уже были знакомы с войнами такого рода. Русско-японская война — это первая глава в российской Первой мировой войне. Это особенно верно в области психиатрии. В ходе ее количество душевнобольных солдат и офицеров неуклонно множилось, и Военно-медицинское ведомство было вынуждено обратить внимание на эту проблему. Литература о психических больных начала появляться во время войны, и после нее эти публикации продолжались. В начале Первой мировой войны была широкая дискуссия о психических болезнях, связанных с войной, влияет ли ее действие на психику или нет. Уже во время русско-японской войны сложилось представление о том, что это новый тип современной захватнической войны, ставший, по мнению психиатров, причиной душевных болезней. Во время Первой мировой войны возникла проблема нового оружия — самый главный момент дискуссии о психиатрических факторах во время войны. Было два направления обсуждения проблемы о душевных и нервных болезнях. С одной стороны, невропатологи стремились различать мужество и трусливость, слабость тех, кто страдал от нервных болезней, от предрасположенности к ним либо травматического невроза. Другие психиатры спорили над проблемой, как различать состояние, на которое нормальный человек реагирует в нечеловеческой обстановке войны, о мере расхождения между органическими и психогенными вариантами, особенно при ощущениях страха, испуга, беспокойства нормальным человеком. И это стало новой главой истории психиатрии. (Дополнение Р. Ш. Ганелина: Влияла ли контузия на психические нервные процессы? П. А. Зайончковский, известный историк, мне рассказывал, что у него была

очень тяжелая контузия и после этого слезливость. И врач-психиатр написал в истории болезни: слабодушие. А при выписке писарь написал: слабоумие).

Был задан вопрос о причинах популярности физиологических объяснений причин психических заболеваний. У меня есть гипотезы: вопрос об отношении между телом и психикой был очень важен во время русско-японской войны. И в это время объяснение причин психических заболеваний не сводится только к физиологическим факторам. Развивается особое понимание психиатрии. Но затем изучается отдельно тело и отдельно психика, и эта история начинается с 1904—1905 гг. Мне кажется, это было связано с определением статуса психиатров. Долгое время развитие либеральной мысли в России и развитие физиологии было связано. Профессия психиатров также связана с либеральной мыслью, поэтому физиологические объяснения были более распространены и доступны, чем объяснения психологические.

Весьма сложен и вопрос о гендерном аспекте проблемы. Сложный вопрос — реакция общества и особенно офицеров на психические заболевания. Даже после 1905 г. население психиатрические заболевания рассматривало как болезнь по преимуществу женскую, между тем как жертвами этих болезней в то время становились в большинстве мужчины.

Б. Хеллман задал вопрос о сопоставлении развития психиатрии в России и на Западе. Были ли российские особенности в области психиатрии? Мне кажется, что восприятие идеи травматического невроза было очень важно именно для России. И, может быть, во время войны они в России были более распространены, чем идеи Шарко. Может быть это и было причиной, почему возникла острая дискуссия об истериках как жертвах. Русские психиатры и психиатры во Франции, Германии тесно сотрудничали. Русские психиатры были очень хорошо знакомы с работами немецких и французских психиатров. Даже во время войны, несмотря на преграды, не только французские, но и даже немецкие работы печатались в русских психиатрических журналах. Русские психиатры черпали многие свои идеи из Франции во время войны.

Вопрос о населении и его предрасположенности к психическим заболеваниям — это очень интересный вопрос, ответ на него может быть предложит П. Холквист в связи с его интересом к военной психологии. Но обсуждение предрасположенности было очень важным в 1870—1880-х гг.

В годы войны эта тема получила развитие. Появилась работа, в которой указывалось, что «повышенная нервозность» евреев делала их особо предрасположенными к психическим заболеваниям.

В. В. Носков. Я, естественно, не мог подготовить гладкий текст для ответа моим критикам и комментаторам, поэтому просто по своим записям попытаюсь разъяснить те вопросы, которые были затронуты. Профессор Р. Зелник очень правильно поставил совершенно резонный вопрос о том, существовал ли отклик на те идеи, которые проповедовались духовной элитой, и существовало ли вообще взаимовлияние в системе культурных связей. Вопрос сам по себе верный и заслуживает внимания. Но я перед собой такой задачи не ставил. Моя цель заключалась в несколько ином. Я уже пытался это объяснить. Мне хотелось привлечь внимание к этой теме, поскольку, когда мы изучаем события, связанные с Первой мировой войной, мы оперируем такими понятиями как история XX в., новая история, новейшая история, в лучшем случае — история Первой мировой

войны. И подразумеваем при этом войну 1914—1918 гг. Я же хотел сказать о войне 1914 г. Это совершенно особое явление, и вот к этой теме я хотел привлечь внимание, поэтому не ставил себе целью более глубоко в нее погрузиться. Как представляется, связь между «низами» интеллигенции и элитой была достаточно прямолинейной, т. е. рождались какие-то эмоции, ощущения в низших, так сказать, слоях, которые пытались отреагировать на войну. Потом появлялись какие-то логические обобщения первого и более высокого порядка, и т. д. Но этот процесс замирал на пороге той прослойки, которую я выделяю как духовную элиту, т. е. все, что аккумулировалось в обществе, интеллигентских слоях, в прессе, публицистике, доходило до этого уровня. Но дальше начинался абсолютно иной процесс, процесс воспроизводства высшей формы знаний в чистом виде, что я и пытался изобразить. И у тех людей, которые осуществляли этот процесс, вряд ли существовала обратная связь в буквальном смысле этого слова. С другой стороны, материалы, которые я пытался анализировать, общедоступны, и они могли влиять и на интеллигенцию, и на любого крестьянина, который также мог случайно взять эту брошюру. Диффузия была совершенно непредсказуемой, невозможно это проследить. Но это только самые предварительные суждения. Другой важный сюжет, который был затронут и в комментарии Е. М. Балашова, и нашего коллеги Ю. И. Басилова, базируется на том, что эта вспышка философской рефлексии в начале войны не исключительное явление, а продолжение того, что было раньше. Я полностью согласен, и если не смог наметить эту линию преемственности в докладе, это моя вина. Я могу эту тему развить, поскольку в какой-то степени я сталкивался с подобными проблемами в связи с историей Крымской войны, Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Эти войны имели широкий резонанс в обществе, как многие другие, допустим, колониальные войны, походы в Среднюю Азию. Это были войны иного порядка, но и они абсолютно четко активизировали общественную мысль России. Происходило философское осмысление роли России в целом и мировой истории. Так что традиция здесь несомненно существовала и очень глубокая. Е. М. Балашов, в частности, указал на влияние известного русского философа В. И. Соловьева. Я просто исключал эти указания из выбранных мною отрывков, поскольку это особая тема: почему проявился громадный всплеск интереса к рассуждениям Соловьева о войне. Это было высшее достижение русской мысли на военную тему в конце XIX в. и интерес к нему возродился в 1914 г. вплоть до переиздания работ Соловьева, их массового цитирования и т. д. Можно привести примеры другого порядка: в это же время много говорили о взглядах на войну Булгакова, Эрна, других деятелей, которые сформировались, естественно, не в августе 1914 г. И в связи с этим я согласен с коллегой Басиловым, который отмечает, что у меня речь идет о «кульминации некоего процесса». Что же касается приведения в пример Струве, мне он кажется не очень удачным, поскольку имеется в виду его статья «Великая Россия», опубликованная за шесть лет до войны. Струве действительно намного раньше, чем другие, начал разработку темы, которая затем привлекала такое внимание в связи с Первой мировой войной. Но он же первый и выдохся в интеллектуальном плане, поскольку в меньшей степени участвовал в производстве нового философского знания в первые месяцы войны, хотя в самом начале публиковал блестящие статьи. Именно Струве быстрее других сник и перестал писать на прежнем высоком уровне. Было еще одно замечание относительно того, что идея расовой войны, проявившаяся в публицистике 1914 г., становится одной из центральных. Действ-

вительно, эта идея нашла свое отражение в русской философии. Могу добавить, что не только в русской философии — для англо-саксонской философской мысли это характерно в еще большей степени. Еще одна проблема, которую я хотел бы затронуть: в комментарии Е. М. Балашова был затронут вопрос о понятийном аппарате. Сам ход нашей дискуссии ярко показывает, насколько это важный, действительно принципиальный вопрос. Можно употреблять одни и те же слова, но вкладывать в них разное содержание. И говоря о дальнейшем — я хотел бы предложить собравшимся такую идею: если тема действительно признается достойной внимания, может быть следует сопоставить те же самые сюжеты на материале не только России, но и Франции, Германии, Англии. Это, как представляется, было бы очень интересно.

V

ИМПЕРИЯ,
НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ДВИЖЕНИЯ

М. фон Хаген

**ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И ИСКУССТВЕННОЕ УСИЛЕНИЕ
ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

С распадом советского блока стало очевидным, что национализм и этнические конфликты — неотъемлемая часть стремительных общественных перемен. Они оказались полной неожиданностью для большинства обществоведов и самих участников конфликтов. Наиболее распространенное объяснение этого явления получило пародийное название «теории глубокого замораживания». Коммунизм, понимаемый в рамках этой теории как некая идеология интернационализма и антинационализма, удерживал де скрытый первобытный национализм в состоянии глубокой заморозки. Антрополог Катрин Вердери утверждает, что эта концепция сама является не чем иным, как замаскированной идеологией, причем идеологией опасной, поскольку подводит базу под позицию невмешательства, признавая существование стихийных сил, неподвластных политикам. Она считает, что современный национализм в политике возник не на пустом месте: коммунистические режимы способствовали сохранению национальных различий. В самом деле, коммунизм в той его разновидности, которая существовала в Советском Союзе и Восточной Европе, в значительной мере сросся с национализмом. Хотя этот исторический факт может помочь понять причину живучести национальных различий в постсоветских государствах, он, однако, не объясняет, каким образом эти национальные различия вылились в межэтнические, часто кровопролитные конфликты. Из этого следует другой, не менее важный для К. Вердери вывод: современные межнациональные конфликты в значительной степени являются результатом специфической политики, проводимой государствами на этапе трансформации прежнего режима, в том числе политики демократизации и перехода к рыночным отношениям. Вердери напоминает, что при анализе истоков современных межнациональных конфликтов необходимо учитывать влияние как исторических процессов, так и целенаправленной деятельности государства. Она призывает отказаться от ошибочного подхода к национализму, когда он рассматривается не как набор символов, вокруг которых различные группировки ведут борьбу в самых разных политических контекстах, а как самостоятельный участник социального процесса.¹

Замешательство, изумление по поводу вспышки национализма, последовавшей за распадом советской системы, а также готовность приписать ее главным

образом воздействию стихийных сил, удивительным образом напоминают реакцию элит Российской империи в 1917 г. на «обострение» национального вопроса. Грузинский меньшевик И. Церетели впоследствии признал слепоту центристских демократических партий по национальному вопросу.² Радикальные требования нерусских политических деятелей оказались для них столь же неожиданными, как и неприятие власти обществом к концу 1917 г. Как правило, новые общественные элиты и многие этнические русские придерживались либерально-социалистических воззрений на национальный вопрос, считая его лишь следствием царского гнета. Но в 1917 г. они вынуждены были искать объяснение тому факту, что острота национального вопроса не только не ослабела, но и стала возрастать с каждым месяцем. Новые элиты, воспитывавшиеся в течение многих лет на теориях заговоров, рассматривали возникшие движения за национальную автономию, федерализм и национальное освобождение как искусственное и поверхностное явление, а то и как измену, как прямое следствие происков Германии, Австро-Венгрии и Османской империи, разжигавших национальные распри в Российской империи. Иными словами, то, что эти элиты считали трезвым политическим анализом, было на самом деле замаскированной формой идеологии. Они были уверены, что некие обезличенные силы «демократии» и «революции» нейтрализуют стихийный напор другой обезличенной силы под названием «национализм». Соответственно, Временное правительство проводило в отношении требований большей автономии и самоуправления политику отсрочек и проволочек в надежде на то, что с усилением демократии национальный вопрос «отпадет» сам собой.

Новые элиты не разглядели ту степень, до которой политика, проводившаяся во время Великой войны, изменила и повысила значение национального самосознания, подняв эту проблему во многих случаях до уровня вопроса жизни и смерти. Не менее важным фактором резкого повышения радикализма националистических движений, как подсказала бы нам Вердери, явились условия выхода из прежнего режима, в данном случае политика Временного правительства, направленная на разрушение институциональных основ легитимности самодержавной власти. Эта политика способствовала распространению и радикализации националистических течений: Временное правительство продолжало войну с Тройственным союзом — теперь уже «во имя революции» и, с одной стороны, обратилось к «обществу» с призывом к самоорганизации во имя защиты революции, а с другой — направило в местные правительства своих комиссаров, создавая альтернативные структуры в противовес муниципальным и местным властям прежнего режима.³

Попытаемся раскрыть механизм возникновения межнациональных противоречий в период распада Российской империи через анализ политики государства и общественных элит во время Первой мировой войны, а также ее последствий, предусмотренных и незапланированных. Предлагаю рассмотреть здесь только зарождение националистического движения на Украине, однако хочу подчеркнуть, что развитие этого движения можно понять лишь в более широком контексте мобилизации этничности в условиях войны и революции. Строго говоря, анализ условий выхода страны из прежнего режима требует специальной работы и станет темой одной из моих будущих статей; здесь же достаточно отметить, что политика, проводившаяся во время войны, уже представляла собой значительный разрыв с политикой прежнего режима. Это было особенно актуально и для насе-

ления оккупированной Галиции, и для тех подданных Российской империи прифронтовых губерний, которые жили в условиях военного положения и перемены в жизни которых оказались сродни революционным. В Галиции иностранное правительство стало вмешиваться в местную политику и общественную жизнь; что касается подданных Российской империи, то российские власти, выступая от имени старого режима, стали навязывать такие порядки, которые значительно отличались от порядков мирного времени. Таким образом, радикальные изменения в быте россиян наступили задолго до 1917 г.

Война стала водоразделом как в отношениях между русским и нерусским населением, так и во взаимных отношениях различных представителей нерусского населения. И дело заключалось не столько в самой войне, сколько в ее следующих моментах: 1) в характере режимов, которые вели эту войну, особенно многонациональных династических империй — Австро-Венгрии, Османской империи и России; 2) в характере самой войны, в ходе которой Россия сошлась в схватке с тремя могущественными соседними державами на западе и на юге (со времен нашествия Наполеона ни одна война не приносила столь масштабных перемещений, разрушений и оккупации густонаселенных губерний империи); 3) в весьма специфической политике, проводившейся воюющими сторонами в области мобилизации населения, военной пропаганды, оккупации, эвакуации и даже в оказании помощи беженцам. Для Российской империи последствием этой политики стала интернационализация и милитаризация «национального вопроса» на ее собственной территории.

Жертвой войны стала политика идентичности самосознания, которая преобладала в Российской империи в течение нескольких предшествовавших десятилетий. Ранее национальные меньшинства совмещали приверженность к местным языкам, религиям и культурам с верностью царю и отечеству. С различными модификациями прибалтийские немцы, евреи, татары, украинцы и поляки составляли космополитическую элиту империи, чья лояльность принадлежала наднациональному государству и самодержцу. В своих официальных документах правительство стремилось не замечать национальных различий и делало упор на традиционные категории, выделяемые по сословному и конфессиональному признаку.⁴ Джеффри Брукс также утверждает, что популярные произведения российской литературы начала века обнаруживают более терпимое и космополитическое отношение к нерусским народам, особенно по сравнению с современной английской и американской литературой.⁵ Пол Буткович отмечает, что национальная политика в России «отставала» по сравнению с национальной политикой стран Запада и Центральной Европы, где накануне Первой мировой войны нормой становились воинственность и шовинизм.⁶ Однако межнациональные отношения в империи непосредственно перед началом войны заслуживают менее радужной оценки. В конце концов политика русификации, начало которой было положено еще в период царствования Александра III, спровоцировала движения протеста, имевшие ярко выраженный национальный и религиозный характер. После известных уступок нерусским сообществам в 1905 г., контрреформы Столыпина и помещичья реакция снова поставили в неблагоприятное положение многие влиятельные нерусские сообщества.⁷ Война же не только усилила многие очаги напряженности, уже существовавшие в предвоенной общественной жизни империи, но и явно спровоцировала качественные изменения в отношениях между населявшими ее народами.

Национальная политика в годы Первой мировой войны сузила возможности выбора, стоявшего перед многими национальными сообществами, или повысила ставки такого выбора тем, что поставила их в положение «неправильной» нации. Что касается космополитических элит империи, то военная политика государства и то, каким образом военные проблемы накладывались на решение других политических противоречий, привели к поляризации общества по национальному признаку. Результатом этих перемен стала политизация межнациональных противоречий, а многие ненационалистические политические, экономические и социальные противоречия приобрели этнический или национальный оттенок. Это вовсе не означает, что к 1917 г. все национальные сообщества империи уже сформулировали те националистические цели, которые они поставят перед собой в течение последующих лет. Однако поляризация этнических сообществ была налицо, и возросло число сообществ, рассматривавших себя в исключительно этнических или национальных формах и подходивших к текущим или будущим конфликтам с точки зрения своего этнического или национального самосознания.

В своей недавней работе Норман Стоун утверждает, что Первая мировая война способствовала быстрой модернизации экономики и структуры управления Российской империи.⁸ Он не распространяет свои выводы на национальный вопрос, но считает, что в этот период созрели новые формы и средства утверждения патриотизма и национального самосознания, которые усилились во время войны не только в результате государственной политики и ее непредвиденных последствий, но и в результате «неофициальной» деятельности элит, особенно после отречения Николая II. Результатом войны стало ускорение процесса реконфигурации *идеологий*, который являлся частью более долгосрочного перехода социальной структуры империи от традиционной династическо-конфессионально-сословной системы к классово-этнической. Кроме того, политика военного времени привела к таким экономическим и социальным последствиям, которые резко ухудшили положение многих традиционных элит, особенно помещиков.⁹ В самом деле, когда в марте 1917 г. Временное правительство отменило чины и сословные различия, это в значительной степени явилось признанием *fait accompli*.

Вместе с тем результатом войны явился не только демографический переворот, война стала испытанием и для социальных привилегий прежнего режима. Война велась под патриотические призывы к самопожертвованию во имя родины; освобождение от военной службы стало постоянным источником неприязни. Военные успехи самодержавия стали испытанием его легитимности. Девальвация таких традиционных признаков социального статуса, как сословный и династический, открыла простор для усиления роли, с одной стороны, признаков национально-этнических, а с другой — классовых признаков.

Военная пропаганда: интернационализация национальной политики империи

Классы собственников и интеллигенция Российской империи приветствовали войну с наибольшим энтузиазмом, чего не скажешь о призывниках из простых крестьян и рабочих, которые вначале не очень-то ясно представляли, кто их противник. Российская военная пропаганда попыталась ответить на этот вопрос с

первых же дней войны, выдвинув версию о панславянском ожидании столкновения между славянской и тевтонской цивилизациями. Она утверждала, что все славянские народы радостно встретят российскую армию-освободительницу и вступят в битву с австро-венгерскими угнетателями.¹⁰ Эта освободительная гипербола стала преобладающей в пропаганде всех основных воюющих сторон, но подобные упражнения в словесности таили в себе серьезную опасность, так как могли спровоцировать неповиновение со стороны собственных недовольных граждан. В самом деле, непредвиденным для имперских элит последствием войны стала «интернационализация» национальных проблем империи.¹¹ Антанта вела войну во имя самоопределения наций. Конечно, Великобритания, Франция и Россия имели в виду распад Габсбургской и Османской империй, но российский национальный вопрос также превратился в острую проблему в отношениях между союзниками. Со своей стороны немцы и австрийцы финансировали проведение конференций и публикаций некоторых антироссийски настроенных групп, особенно польских, украинских, литовских, финских, мусульманских. Они также развернули пропагандистскую кампанию, вначале довольно примитивную, направленную на разжигание возможных антирусских настроений среди нерусских народов.

Время от времени Российская империя отвечала на эти выпады пропагандистскими жестами с целью побудить некоторые нерусские национальные группы выступить в поддержку России. Наиболее заметным и противоречивым выступлением такого рода стало заявление великого князя Николая Николаевича от 14 августа 1914 г. о том, что после войны Россия может признать автономию Польши в рамках Российской империи. В действительности же правительство не взяло на себя никаких твердых обязательств в этом вопросе и не ослабило ограничений, введенных против поляков в связи с военным положением. 5 ноября 1916 г. Германия усилила свою военную пропаганду, объявив о намерении после войны объединить все польские земли в единое государство. Какими бы ни были их мотивы, но воюющие державы, сами того не желая, зародили не только у поляков надежду на то, что после войны их мечта о национальной независимости может осуществиться.¹²

Что касается украинского национального движения, то война принесла ему как новые испытания, так и новые возможности. В канун войны украинские граждане Российской империи не имели своих официальных представителей в Государственной думе и, соответственно, в отличие от других народов, были лишены возможности присягнуть на верность государству в войне. Более того, в связи с подозрительным отношением официальных властей к украинскому национальному движению, которое рассматривалось в качестве вражеской агентуры, последовала новая серия запретов в области культуры, образования и политики. Положение украинцев в Габсбургской империи было более привлекательным. Три основных украинских партии этих земель выступили с совместной декларацией верности Австрийской империи в случае войны с Россией, и образовали Украинский информационный комитет, целью которого была пропаганда независимости Украины в Западной Европе. С началом войны эти три партии объединились в Верховный Совет Украины (Головна Українська Рада), еще раз провозгласили свою враждебность по отношению к России и объявили о создании своего подразделения в австрийской армии под названием «Українські Січові Стрільці». Вскоре после этого Украинский информационный комитет был преоб-

разован в Союз за освобождение Украины (Союз за визволення України — СВУ).¹³ Когда российская армия начала успешное наступление в Галиции, эмигранты быстро переехали в Вену, а также организовали свой филиал в Берлине, где пользовались политической и финансовой поддержкой Германии и Австрии. СВУ, как и многие другие организации национально-освободительного толка, вел яростную дипломатическую деятельность на стороне Тройственного союза в течение всей войны.¹⁴

Милитаризация межнациональных отношений

То, что Австрия разрешила сформировать подразделение сечевых стрелков в составе собственной армии, явилось частью опасной эскалации имперских амбиций, так как означало, что армия национального меньшинства вступает в бой с противником, в войсках которого также находится значительное количество граждан той же национальности. От формирования спецподразделений из числа собственных призывников оставалось сделать только один шаг к формированию добровольческих подразделений на базе эмигрантов из лагеря противника. Первые попытки милитаризации этнических диссидентов из Российской империи были предприняты, когда Германия сформировала финский офицерский корпус, а Австрия финансировала создание Польского легиона на своей территории.¹⁵

Еще один шаг в этом направлении был сделан, когда имперские власти разрешили проводить националистическую агитацию среди военнопленных. СВУ начал вести пропаганду среди украинских военнопленных в австрийских и немецких лагерях. Он видел свою задачу в том, чтобы сократить неграмотность и поднять национальное сознание военнопленных для борьбы против Российской империи и за независимость Украины при поддержке Австрии.¹⁶ Весной 1915 г. он добился разрешения немецких и австрийских властей перевести украинских военнопленных в отдельные лагеря. Подобные национальные лагеря уже были разрешены для поляков и финнов, а впоследствии специальные лагеря были организованы для грузин и мусульман — граждан Российской империи. Уже сам процесс разделения военнопленных по национальному признаку провоцировал конфликты в лагерях.¹⁷

Любое обсуждение украинского вопроса, особенно в крайне антирусской форме, предлагавшейся представителями СВУ, как правило, завершалось кулачной дракой в бараках. Русские заявляли, что они никогда не допустят, чтобы Малороссия отделилась, а особенно осмелевшие украинцы — что они добьются свободы для Украины и без разрешения русских. Несколько украинских солдат заявили представителям СВУ, что боятся вступать в контакт с ними и скрывают собственную национальность из-за кампании устрашения, организованной русскими военнопленными. Вообще наблюдатели были поражены воинственностью русского патриотизма. В ответ на попытки СВУ переселить украинцев в отдельные бараки, «русофилы» сформировали в нескольких лагерях свои собственные бараки, где проживали российские патриоты всевозможных национальностей. Российские офицеры и солдаты контролировали политическое поведение «инородцев» и угрожали повесить всякого, кто вступал в сношения с австрийскими властями. Они составляли черные списки «национально настроенных» украинцев и угрожали выдать их российской полиции по возвращении из плена.¹⁸

Несмотря на эти угрозы, не только украинцы, но и поляки, евреи и мусульмане начали создавать собственные «национальные» организации в лагерях. Появление СВУ и его программа явно обострили национальное напряжение в лагерях и ускорили поляризацию военнопленных по национальному признаку.¹⁹ Похожие по своей динамике процессы имели место и в 1917 г., когда украинцы стали проводить политику украинизации в Российской армии.

Российские власти, похоже, перешеголяли Тройственный союз в деле формирования национальных военных подразделений из военнопленных. С 1914 по 1917 г. российская армия также захватила большое количество военнопленных — по подсчетам послевоенной статистики почти два миллиона человек. Самый большой контингент военнопленных, более 400 000 человек, размещался на территории Киевского военного округа.²⁰ Российские военные, отчасти вдохновляемые утопической идеей панславизма, раньше своих противников начали эксперименты по созданию национальных воинских подразделений. Уже 6 августа 1914 г. Генеральный штаб серьезно обсуждал возможность формирования не только чешских, словацких и польских подразделений, но также финских и латышских.²¹ Чехословацкие и польские подразделения предстояло сформировать из числа быстро растущих рядов военнопленных австро-венгерской армии, десятки тысяч которых находились в одном из лагерей в Дарнице близ Одессы. Всероссийскому обществу попечительства военнопленных славян было поручено проводить благотворительную и пропагандистскую работу среди этих групп пленных, в число которых вскоре вошли также словенцы, сербы и хорваты.

Сообщества чешских эмигрантов вызвались оказать помощь в формировании воинских подразделений исключительно для вооруженной борьбы против Австро-Венгрии и организации на ее территории восстаний с целью «освобождения родины от австрийского ига». 30 августа Совет министров единогласно поддержал решение Военного министерства сформировать два пехотных полка на территории Киевского военного округа. Военное министерство считало, что необходимость создания этих частей продиктована прежде всего политическими соображениями и подход к их комплектованию должен отличаться от обычного. Так, чешским добровольцам предстояло идти в бой малообученными, поскольку большинство в них составляли политэмигранты. К этим частям прикомандировывались российские офицеры с целью создания также и чешского офицерского корпуса.²²

После вступления в войну Османской империи на стороне Австро-Венгрии и Германии, первоначальные лозунги славянского братства были усовершенствованы и провозглашали уже войну христиан против мусульман. Новые лозунги непосредственно касались положения населения армян. Отвергнув предложение младотурков образовать армянскую автономию в обмен на помощь в войне против России, партия дашнаков опрометчиво стала на сторону России в надежде на скорую победу Антанты. Дашнакские лидеры создали подразделения добровольцев для участия в боевых действиях Российской армии и стали готовить восстания в глубине турецкой территории.²³

Таким образом, накануне Февральской революции 1917 г. принцип формирования военных частей по национальному или этническому признаку под лозунгами национального освобождения (хотя и на территории противника) уже твердо вошел в жизнь, и украинские активисты смогли на него ссылаться, когда почти сразу же после революции стали требовать у Временного правительства и Ге-

нерального штаба разрешения на формирование украинских частей. Кроме того, украинские воинские подразделения уже существовали в лице сечевых стрелков. Им суждено было сыграть важную роль в политических перипетиях 1917 г. Эксперименты с созданием национальных воинских подразделений, проводившиеся обеими воюющими сторонами под лозунгом борьбы между империями, внесли свою лепту в развал как имперских армий, так и самих монархий.²⁴

«Российская армия-освободительница идет». Оккупационный режим в Галиции

Самые страшные беды Первая мировая война принесла населению пограничья, где в основном и происходили боевые действия: немцам, евреям, украинцам, белорусам, полякам и народам Прибалтики.²⁵ Представители практически всех национальных меньшинств воевали с обеих сторон, неся психологические и материальные потери.²⁶ Политика военного времени, проводившаяся на этих пограничных территориях, будучи направленной против определенных национальных сообществ, усиливала межнациональные противоречия. Дискриминационное законодательство, существовавшее с обеих сторон, сталкивало различные этнические группы; в условиях военного положения оно ущемляло права одних и расширяло права других в вопросах языка, образования, религии, военной службы, имущественных прав и др.

О том, как создавалась и развивалась политика военного положения, можно судить по первым кампаниям войны, особенно по наступлениям на Юго-Западном фронте, а также по истории взятия и оккупации Лемберга (Львова) осенью и зимой 1914—1915 гг. Сразу же после вторжения в Галицию киевский генерал-губернатор Трепов получил эту область в управление и направил туда своих наместников. Оккупационные власти не могли наладить твердую и систематическую политику на захваченной территории. Вначале на должность губернатора был назначен известный своей пропольской ориентацией полковник Сергей Шереметьев и антипольски настроенная местная украинская элита и русские националисты, хлынувшие в оккупированную Галицию, добились его замены на графа Георгия Бобринского.²⁷ Военным комендантом при нем был генерал Николай Янушкевич, политику которого отличал грубый произвол. Он отдал приказ о депортации из края немцев, евреев, поляков и украинцев.²⁸ Обширный отчет, составленный Бобринским после сдачи Львова противнику в июне 1915 г., разъясняет основные цели политики творцов оккупационного режима.²⁹

Бобринский немедленно обратился за помощью к русофилам, и в его окружении сразу появились несколько лиц соответствующих взглядов. Но оккупационные власти состояли преимущественно из чиновников, командированных из Киева, Подолья, Волыни и Варшавы. В Юго-западном крае русские националистические организации, особенно Союз русского народа, были намного активнее, чем в каком-либо ином районе страны.³⁰ Они принесли с собой в Галицию политику великорусского империализма и антисемитизма. Но если отвлечься от самых крайних проявлений российской националистической и имперской политики, то следует заметить, что освободительную риторику, которой сопровождалось вторжение российской армии в Галицию, и твердое убеждение в том, что российская армия «возвращала» в лоно России в течение длительного времени отлучен-

ных от нее братьев, принимало близко к сердцу подавляющее большинство патриотически настроенной политической и интеллектуальной верхушки империи. Даже те либералы, которые критически относились к русофилам, как например Павел Милюков, упрекали их не за цель их миссии, а лишь за средства, которыми они ее осуществляли.

После введения военного положения оккупационный режим должен был осуществлять свою деятельность в соответствии с законом о военных зонах (16 июля 1914 г.), который вводил главенство военных комендантов над гражданскими властями и открывал для офицеров широкие возможности для злоупотреблений властью на обширных территориях. Военная администрация получила широкие полномочия в области цензуры, содержания под стражей неблагонадежных лиц, а также контроль над всеми передвижениями внутри военных зон и между ними. Военные коменданты начали вводить в своих зонах режим безопасности для установления контроля за передвижением людей, товаров и идей.³¹

Все иностранные граждане и политически неблагонадежные лица подлежали высылке во внутренние районы империи, создавалась обширная система надзора. В центре внимания были, естественно, немцы и те, кто мог питать симпатии к Германии и Австрии. На волне германофобской истерии и в координации со своими английскими и французскими союзниками российское правительство издало указ об отчуждении и продаже собственности подданных Австро-Венгрии и Германии.³² Министерство внутренних дел приняло решение покончить с немецкими колонистами на территории России. Их депортировали из Волыни вскоре после начала войны, в южных губерниях была проведена экспроприация имущества колонистов, которые, опасаясь депортации, в панике распродали все свое добро.³³

Тема зловещего немецкого влияния и заговоров («немецкое засилье») стала общим местом в политике. Фронтовые газеты вели постоянные рубрики, посвященные немецким проискам в тылу и немецкому варварству на фронте, искусно объединяя обе темы. Военные цензоры разработали систему отслеживания антигерманских настроений, которые могли подорвать верноподданническое отношение к августейшей семье. Все издания на немецком языке было велено закрыть. Всякая переписка, собрания и разговоры в общественных местах на немецком языке были запрещены. Самым опасным для армии, учитывая значительное количество высших офицеров, выходцев из прибалтийских немцев, было то, что германский вопрос стали увязывать с балтийским вопросом.³⁴ Военные с немецкими фамилиями стали всерьез беспокоиться за свое будущее, видя, что даже русские либералы заразились «квасным патриотизмом».

Власти прежде всего не доверяли немцам, но самую большую группу «политически неблагонадежных» составляли евреи, которых во многих инструкциях по эвакуации и оккупационной политике стали приравнивать к иностранным подданным.³⁵ С особым подозрением националистические круги смотрели на евреев Галиции, которые в Габсбургской империи пользовались политическим равенством, и эти подозрения послужили поводом для развертывания жесточайшей антиеврейской кампании сразу же после начала оккупации. Многие галицийские евреи предпочли убежать из зоны оккупации: их земли были конфискованы для передачи «бедным крестьянам» (т. е. украинцам). Пресса оккупационных властей и русские благотворительные общества, которые хлынули в Галицию для организации гуманитарной помощи, как правило, натравливали бедных украинских кре-

стьян на богатых еврейских землевладельцев. Фактически на всех галицийских евреев смотрели как на потенциальных шпионов и предателей; против них применялась жесточайшая цензура, аресты и депортация.³⁶ В первые месяцы войны особенно много евреев было среди поставщиков, снабжавших армию в Галиции. Под предлогом угрозы поголовного шпионажа со стороны этих поставщиков и купцов, в феврале 1915 г. командующий Юго-Западным фронтом запретил евреям доступ в эту зону, а также передвижение из одного района Галиции в другой.

К моменту первой зимней кампании волна антисемитизма распространилась и на организации, обслуживавшие армию, такие, как земства и Красный Крест. Генерал Алексеев приказал, чтобы евреев убрали со всех должностей в земствах, поскольку они якобы либо уклонялись от военной службы, либо распространяли партийную пропаганду.³⁷ Генералы Янушкевич и Иванов выступили за удаление евреев из армии. Офицерам было приказано внимательно отслеживать отношение солдат-евреев к войне и наблюдать за их поведением в бою.³⁸ В этой атмосфере повышенной подозрительности по отношению к евреям командование Юго-Западного фронта стало получать многочисленные сообщения из частей, особенно фронтов, где либо отказывались принимать солдат-евреев, которых направляли им на замену выбывших, либо переводили их из района боевых действий во внутренние губернии — и все это без прямого распоряжения сверху.³⁹

Политика оккупационного режима в отношении к другим народам Галиции, главным образом славянскому населению, различалась по степени жестокости. Большое внимание уделялось специальной пропаганде для поляков и других славянских народов Австро-Венгрии. Министерство иностранных дел советовало коллегам из военного ведомства проводить особенно гуманную политику по отношению и к гражданскому населению Галиции, и к военнопленным, многие из которых были славянами. Оно даже предлагало 11 августа 1914 г., чтобы военные власти рассмотрели возможность освобождения военнопленных из числа русских, поляков, сербов или других славянских народов.⁴⁰

Галицийские поляки представляли собой довольно пеструю картину. Они также были расколоты как минимум, на два лагеря: одни все еще надеялись на перемены в российской имперской политике и сотрудничали с российскими оккупационными властями, а другие связали свою судьбу со странами Тройственного союза. После галицийских евреев именно поляки привлекали к себе наибольшее внимание контрразведки, которая в каждом поляке видела потенциального шпиона. Составлялись списки поляков, подозреваемых в шпионаже, постоянно представлялись отчеты о польском революционном движении. Российские власти были прекрасно осведомлены о том, что Верховное командование Австрии разрешило Йозефу Пилсудскому формировать польские батальоны, в которых служили выходцы из России. Тысячи галицийских поляков были депортированы из тылов Юго-западного фронта, особенно священники, которые продолжали упорно проповедовать «в духе сепаратизма», а также члены нелегальных польских политических организаций.⁴¹

Главной целью оккупационного режима было объединение Галиции с Российской империей, что объясняет особое внимание, которое уделялось украинцам, или, по терминологии российских властей, галицийским русским. В записке Военному министерству Министерство иностранных дел рекомендовало возобновить публикацию газеты «Прикарпатская Русь», закрытой австрийскими властями. Оно предлагало российским властям использовать ореол борцов народно-

го сопротивления, окружавший партию русофилов: многие из них арестовывались австрийскими властями, сидели в тюрьмах и даже были казнены.⁴² Министерство иностранных дел надеялось, что большинство униатов в Галиции готово предпочесть Русскую православную церковь, хотя и понимало, что действовать в этом вопросе следует осторожно. В то же время оно считало, что все общественные и культурные организации следует закрыть вплоть до выяснения их политической ориентации, местный сейм не созывать и не идти ни на какие уступки движению украинских сепаратистов, так как в их намерения входило сорвать единение русского племени. О существовании отдельного украинского языка не могло быть и речи.

Эти взгляды практически ничем не отличались от позиции графа Георгия Бобринского, представленной в его отчете о деятельности первого оккупационного режима. Важнейшую задачу Бобринский видел в слиянии Галиции и Российской империи «как в политическом, так и национальном смысле».⁴³ Оккупационные власти арестовали и депортировали тысячи украинских политических, религиозных и культурных деятелей. Они также запретили распространение любых материалов на русском языке или малороссийском наречии, опубликованных за рубежами Российской империи, равно как и материалов на иных языках, «если содержание этих книг враждебно по отношению к российскому правительству или российскому народу». Более того, все украинские книжные магазины следовало закрыть «по причине тенденциозного, антирусского характера продаваемых в них изданий».⁴⁴

За победой российской армии последовала политико-культурная оккупация, ознаменовавшаяся символическим триумфом русского языка, «выразителя русского духа». Этот новый языковый порядок преподносился в качестве «возрождения» русского языка, оскверненного вероломными австрийцами.⁴⁵ При передаче органов городского управления оккупационные власти потребовали, чтобы все чиновники владели русским языком, что привело к значительным трудностям для многих жителей Галиции и повлекло за собой увольнение евреев с ответственных постов.⁴⁶ Школы сразу же были избраны одним из основных инструментов русификации населения. В середине сентября они были временно закрыты и открывались только при условии введения обучения на русском языке. При поощрении властей в Восточной Галиции и Буковине были организованы специальные курсы русского языка для учителей.⁴⁷

Но, особенно резкое неприятие российской оккупации вызвала у некогда лояльных русофилов и, похоже, нейтральных крестьян Галиции политика церкви. По свидетельству Бобринского, после вторжения русской армии в Галицию многие священники греко-римской католической церкви, бывшие, по его терминологии, главным образом «мазепистами», отступили вместе с австрийцами. По словам Бобринского, как только местное население убедилось, что российская армия не настроена к ним враждебно, оно стало просить о назначении к ним православных священников. В этот период Бобринский видел свою задачу в предотвращении рекатолизации местного населения. Устанавливалось наблюдение за оставшимися католическими и униатскими священниками, последовало также несколько арестов с депортацией во внутренние губернии России, из которых самым громким был арест митрополита греко-католической церкви А. Шептицкого. Бобринский провозгласил политику религиозной терпимости (по крайней мере в отношении христианских религий) и призывал как местных,

так и вновь прибывающих православных священников к максимальной осторожности в обращении с местным населением. По правилам, установленным Бобринским, для направления православного священника в тот или иной приход, необходимо было, чтобы за это проголосовало не менее 75% прихожан соответствующего города или деревни.⁴⁸

Не поставив в известность ни Бобринского, ни командующего Юго-Западным фронтом, Священный Синод назначил главой православной церкви в Галиции митрополита Евлогия.⁴⁹ По прибытии во Львов митрополит начал рассылать распоряжения об увольнении и назначении в приходы Галиции православных священников из внутренних губерний империи, причем зачастую — в нарушение правила о 75% голосов прихожан. Евлогий и не думал согласовывать свои действия с руководством военных священников, которое должно было представлять высшую духовную власть оккупационного режима. Его незаконные действия спровоцировали острые конфликты во многих приходах и, по словам Бобринского, имели тяжелые последствия в период эвакуации, когда десятки тысяч жителей Галиции вынуждены были спасаться бегством вместе с отступавшими русскими войсками из боязни преследований как со стороны вернувшихся австрийских властей, так и со стороны собственных соседей-прихожан.⁵⁰ Но основным результатом творимого церковью беззакония стало широкое распространение недовольства российскими властями. Несмотря на настоятельные просьбы Бобринского и Брусилова, Синод и Генеральный штаб позволили Евлогию и дальше проводить независимую политику, сводя на нет все усилия местных военных и гражданских властей, направленные на поддержание спокойствия на оккупированных землях.

Отступление и эвакуация

Когда в середине апреля 1915 г. немецкий генерал Август фон Маккензен, придя на помощь австрийцам, перешел в наступление, начался Великий отход русских армий (до середины сентября 1915 г.), которые испытывали постоянную нехватку оружия и боеприпасов. Россия потеряла всю российскую часть Польши и значительные территории российско-польского приграничья; после нескольких месяцев затяжного отступления моральный дух войск упал. 20 июня верховное главнокомандование отдало приказ об эвакуации Львова и остальных районов Галиции. Два дня спустя в столицу Галиции входила австро-венгерская армия. Отступая, российское командование отдало приказ о применении тактики «выжженной земли» и организации массовой принудительной эвакуации населения с тем чтобы свести до минимума ту пользу, которую мог извлечь противник.⁵¹

Эвакуация из Галиции еще более усилила ненависть к русским практически у всех: от евреев, которые сильнее всего пострадали от произвола властей, до галицких русофилов, которые к тому времени тоже впали в немилость. Сознательная политика властей (если о таковой вообще можно говорить) также отличалась этнической избирательностью. Во время эвакуации из Галиции российские власти отказывались выдавать евреям транзитные пропуска, обязательные для всех беженцев. В то же время, в соответствии с еще не поколебленной верой в единство русского народа, православным «галицким русским», выразившим желание переселиться в азиатскую часть России, немедленно предоставлялось российское

гражданство в обход обычного пятилетнего ценза оседлости.⁵² Во время Великого отступления Янушкевич приказал (14 июня 1915 г.) очистить Волынь от евреев и немцев на том основании, что почти каждый из них был якобы готов сотрудничать с наступающим врагом. Летом 1915 г. сотни тысяч евреев, немцев и поляков были насильственно эвакуированы или депортированы на восток как шпионы и коллаборационисты.⁵³

Потоки беженцев перекрывали путь отступавшим армиям и усиливали неразбериху. Правительство вело борьбу с городскими и земскими организациями за оказание помощи беженцам. Результатом, как и следовало ожидать, оказалась бюрократически патовая ситуация, а беженцы все прибывали и прибывали. К весне 1916 г., по расчетам Татьянинского комитета, в России осел 3 306 051 беженец. Даже неправительственные благотворительные организации, образованные для оказания помощи беженцам, включились в нарождавшуюся политику национализма: все крупные национальные группы собирали средства для тех категорий беженцев, которых определили в качестве своих земляков и, как легко предположить, отказывали в помощи тем, кто не мог доказать своей принадлежности к данной национальности.⁵⁴ Эта напряженность в межэтнических отношениях усиливалась действиями официальных правительственных агентств помощи беженцам, которые часто оказывали предпочтение одним национальностям в ущерб другим.⁵⁵ Каждая из нескольких кампаний по эвакуации, имевших место в период между 1914 и 1918 гг., сопровождалась все большим количеством изнасилований, грабежей и бессмысленных разрушений. Сами беженцы, бездомные и беспомощные, с готовностью откликались на призывы радикальных партий, но и среди местного населения, которое вынуждено было принимать их у себя, часто вспыхивали бунты и насилие по отношению к пришельцам.⁵⁶

Варварство властей в период оккупации (и эвакуации) вызывало возмущение граждан, как пострадавших, так и свидетелей. Часть правительственных чиновников с неодобрением относилась к военному режиму в прифронтовой полосе, но все просьбы Совета министров к императору обуздать военные власти оставались без внимания. Еще одним центром критики беззакония, творившегося военными властями, стала Дума. Сообщения о произволе оккупационного режима в Галиции вызвали протесты со стороны даже некоторых консервативно настроенных депутатов, но громче всего звучал голос центристских и левых партий, которые требовали положить конец преследованиям нерусского населения. Эти требования, хотя и поддержанные Думой, не возымели никакого действия на поведение военных властей. Однако в правительстве произошли серьезные изменения, в том числе последовала отставка печально известного Янушкевича, который, сделав блестящую карьеру в Галиции, был к тому времени выдвинут на должность начальника Генерального штаба. К концу 1916 г. Российское правительство пошло на некоторые запоздалые уступки возмущенному обществу. В ноябре была разрешена публикация нового украинского ежемесячного издания в Москве. Власти разрешали издателям использовать современную украинскую орфографию. Затем Российское правительство пошло на уступки и по школьному вопросу, разрешив открыть в Галиции и на Буковине школы на всех местных языках, кроме немецкого.

Но отступления и провалы первого года войны имели и другие неблагоприятные последствия: изменился тон дискуссии между правящими элитами. Возникла атмосфера подозрительности и поистине навязчивая идея предательства и преда-

телей, которые теперь определялись по национальному признаку. Евреи, немцы и «другие» национальные меньшинства в целом подозревались в том, что наживаются на войне и помогают врагу. Правые депутаты Думы во время обсуждения военного законодательства постоянно озвучивали антисемитские настроения, в том числе требовали запрета на службу евреев в армии. В армии слухи о предательстве немцев привели к нескольким судебным разбирательствам по поводу поражений на фронте, росла враждебность по отношению к русским офицерам с немецкими фамилиями.

Русские националисты видели в войне возможность добиться усиления своих организаций под патриотическими лозунгами. Одним из ведущих националистических движений оставался Союз русского народа, который стремился воспользоваться недовольством населения, вызванным экономическими трудностями. В связи с тем, что городские думы, а также земства в значительной степени взяли управление экономикой на себя, правые сосредоточили свои нападки на гражданских учреждениях, а также иностранных и местных «чужаках» и врагах. Союз русского народа продолжал пользоваться моральной и финансовой поддержкой со стороны ведущих правительственных чиновников. Хотя основной мишенью этих «патриотических» групп были евреи и немцы, они постоянно ставили под сомнение лояльность всех нерусских сограждан, и все попытки устранить юридическую и административную дискриминацию по отношению к нерусскому населению наталкивались на ожесточенное лоббирование справа.

Усиление правых националистов и жестокая политика военных властей имели еще одно нежелательное последствие — консолидацию наиболее радикальных антирусских движений по всей империи. Еще до катастрофической эвакуации лета 1915 г. политика оккупационного режима в Галиции начала приносить печальные плоды в других частях страны. Непрекращающаяся депортация политически неблагонадежных лиц и целых групп людей превращали Киев и другие крупные города, в настоящий котел заговора и революционных кружков. Директор Киевской гимназии озабоченно писал командованию Киевского военного округа о нарастающей угрозе со стороны беженцев и депортированных и о «значительном числе эмигрантов и сосланных, которые более-менее ежедневно [прибывают] в Киев».⁵⁷ В ответ на подобную озабоченность одна из комиссий постановила организовать регистрацию населения Киева и окрестностей.⁵⁸

Наконец, многочисленные факты свидетельствуют о том, что у многих солдат из числа этнических украинцев, которые ранее не придавали никакого политического значения своему отличию от русских, под влиянием варварства галицийской кампании стало меняться национальное самосознание. Насколько можно судить по имеющейся противоречивой информации, это изменение шло различными путями. В своих анкетах, которые они заводили на каждого солдата, активисты СВУ уделяли особое внимание настроениям среди военнопленных и информации о положении в Галиции. Ответы на эти вопросы содержатся в их отчетах из лагерей.⁵⁹ Наиболее положительным сигналом, полученным СВУ от военнопленных, был их энтузиазм по отношению к украинскому языку и культуре.⁶⁰ Солдаты рассказывали, как во время кампании 1914 г. они входили в «московфильские» деревни, где армию встречали проклятиями по адресу поляков, евреев и украинцев, причем проклятия эти звучали на украинском языке. Другие рассказывали, как в некоторых деревнях население воздерживалось от высказывания какого бы то ни было мнения в присутствии офицеров, и начинало говорить

только тогда, когда оставались одни солдаты. Когда жители узнавали, что среди солдат есть украинцы, они радовались и одаривали их табаком, хлебом и другими подарками. Многие военнопленные признавались, что, войдя в Галицию, отказывались стрелять из боязни убить своих «братьев»; один молодой украинец уверял, что хотел застрелиться, лишь бы не видеть этой «ужасной трагедии», но потом дезертировал и сдался в плен.⁶¹ Другой солдат рассказал, как по вступлении в Галицию его командир спросил, где находится изба-читальня, а затем приказал солдатам вынести все книги и газеты и сжечь. Ярость, с которой военные власти проводили антиукраинскую кампанию в Галиции, и поголовное ущемление прав одних и наделение чрезмерными правами других по национальному признаку показало солдатам, какому риску они могут себя подвергнуть, признавшись, что считают себя украинцами. Это могло быть расценено как вызов русской гегемонии.⁶²

Заключение

По иронии судьбы военная политика Российской империи в значительной мере способствовала возникновению национализма и межнациональных противоречий, которые созрели к 1917 г.. Те нерусские национальные элиты, которые в короткий промежуток между революцией 1905 г. и началом войны пытались «сформировать» свои национальные движения через обучение в начальной школе, печать и кооперативные общества, преуспели в этом гораздо меньше, нежели элита самой империи, пусть и невольно, своей политикой в ходе оккупации и эвакуации. А в некоторых случаях политика, направленная на политизацию этнических противоречий, откровенно ставила перед собой цель натравить одно этническое сообщество на другое.

Уже тот факт, что война велась между многонациональными империями, ставил перед ними новые проблемы и создавал возможность конфликта между населявшими их народами. Политика военных властей оказалась неразрывно связанной с национальной политикой и не только усилила уже существовавшую межнациональную рознь, но и создала новые очаги конфликта в процессе оккупации, эвакуации и переселения. Пропаганда национального освобождения, которую вели воюющие стороны, подорвала наднациональные претензии династий старого режима и его космополитических элит, а также усилила напряженность по конфессиональным и национальным вопросам внутри этих элит. Политика создания национальных воинских частей перенесла эту напряженность и в ряды солдат, которые представляли собой огромную социальную группу, в довоенное время остававшуюся за пределами внимания большинства национальных движений. Оккупационная политика, проводившаяся под знаменем национальной безопасности, радикально изменила положение в вопросе о национальном самосознании, когда принадлежность к «правильной» или «неправильной» национальности могла означать либо привилегии, либо конфискацию имущества, депортацию, арест и даже казнь. И политика периода эвакуации, и политика организации помощи беженцам — все лило воду на мельницу национализированной политики войны. Ко многим ранее существовавшим очагам социальной и политической напряженности добавился еще и элемент этнической напряженности, а национальный вопрос превратился в орудие войны и политики противоборст-

вующих держав. Когда Николай II отрекся от престола в 1917 г., многие образованные люди ожидали, что социальная и этническая напряженность должна сойти на нет. Однако их утопическим надеждам был уготован быстрый и трагический конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Verdery Katherine*. Nationalism and National Sentiment in Post-Socialist Romania // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. No. 2 (Summer). С. 179—203. Более подробно мысль Вердери о сращивании коммунистических режимов с национализмом раскрыта в ее работе «National Ideology under Socialism: Identity and Cultural Politics in Ceausecu's Rumania» (Berkely, 1991). Похожий вывод о том, что Советское государство способствовало сохранению национальных различий делает Ю. Слезкин в статье «СССР как коммунальная квартира, или Как социалистическое государство способствовало развитию идеи национальной исключительности» (*Slavic Review*. 1994. Vol. 53, No. 2. Summer. P. 414—452).
- ² См. его размышления по национальному вопросу: *Цеттели И. И.* Воспоминания о Февральской революции. Paris; Hague, 1963. V. 2. P. 69—161. Эта слепота характерна также для большинства крупных историков, писавших о 1917 г. За исключением работ Ричарда Пайпса (*Pipes R.* The Formation of the Soviet Union. Cambridge. 1964) и Григора Суни (*Suny R. Grigor.* The Baku Commune, 1917—1918: Class and Nationality in Russian Revolution. Princeton, 1972), большинство несоветских, а особенно советских историков революции делали основной упор на ненациональные социальные факторы и предпосылки, особенно роль рабочего класса и крестьянства в революционной политике. Вместе с тем особняком стоят две самые крупные работы, посвященные солдатам 1917 г., в которых большое внимание уделяется нерусским национальностям: *Wildman Allan.* The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1980; 2nd ed: 1987; *Френкин М. С.* Русская армия и революция. Munich, 1978.
- ³ Точно так же Михаил Горбачев обратился с призывом к интеллигенции с целью укрепить свою политику реформ сверху и одновременно передал большие полномочия местным «комиссарам» в попытке разрушить давление центральной бюрократии на политику и экономику Советского Союза. Растерянность и смущение, с которыми Горбачев и его ближайшие советники восприняли обострение национального вопроса и мгновенную утерю общественного контроля над процессом реформ, до боли напоминают реакцию Временного правительства и Петроградского Совета на события 1917 г.
- ⁴ См. документы по приему на государственную службу, формулярные списки. Военная статистика применяла «современное» разделение населения по национальному признаку, военные составляли карты безопасности, которые использовались в училищах Генерального штаба, но такая статистика представляла собой исключение и, что примечательно, была засекреченной. См.: *Золотарев А. М.* Записки военной статистики России. Т. 1: Теория статистики. Общее обозрение России. Вооруженные силы. СПб., 1885.
- ⁵ См.: *Brooks J.* When Russia Learned to Read. Princeton, 1985.
- ⁶ What is Russia? Russian National Consciousness and the State: 1500—1917 (неопубл. доклад).
- ⁷ О политике самодержавия в течение десяти лет до 1917 г. см.: *Conolly Violet.* The Nationalities Question' in the Last Phase of Tsardom // *Russia Enters the Twentieth Century, 1894—1917.* / Eds. George Katkov, Erwin Oberlaender, Nikolaus Poppe and Georgy von Rauch. London, 1971; *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich. Munich, 1992, Kap. 9.
- ⁸ «Иными словами, в период между 1914 и 1917 гг. имела место вспышка экономической деятельности, давшая России толчок, сравнимый с тем, который она получила в течение всей жизни предыдущего поколения. Был дан поистине тот „старт“ экономического развития, который задолго до этого предсказывали России и который, в некотором смысле, и послужил причиной Первой мировой войны, так как именно предчувствие этого развития подтолкнуло германское руководство к тому, чтобы спровоцировать войну. Первая мировая война привела к кризису процесса экономической модернизации, результатом которого и стала большевистская революция». *Stoun N.* The Eastern Front, 1914—1917. London; Sydney. 1975. P. 285.
- ⁹ Например, большинство исследователей сходятся в том, что тяжелые потери, понесенные армией, привели к демократизации офицерского корпуса, что способствовало быстрому падению популярности и власти класса помещиков среди офицерства.
- ¹⁰ С первых же дней войны газета Юго-Западного фронта «Армейский вестник»

- заявила, что «Россия добивается лишь восстановления закона о справедливости. Вам, народам Австро-Венгрии, она несет свободу и осуществление ваших национальных чаяний» (Армейский вестник. 1914. 16 сентября. С. 1).
- ¹¹ *Ferro M.* La politique des nationalites du gouvernement provisoire (fevrier-octobrier 1917) // *Cahiers du monde russe et sovietique.* 1961. Vol. 2. P. 136.
- ¹² В период начала военных действий на Кавказском фронте кавказский наместник Воронцов-Дашков, который был широко известен как сторонник армянского народа, неоднократно ссорился со своим командующим генералом Юденичем, призывая провести быстрое наступление. Некоторые кавказские депутаты в Государственной думе, и особенно Николай Семенович Чхеидзе, также критиковали Воронцова-Дашкова за готовность идти на риск, продиктованный политическими соображениями. См.: *Яхонтов А. П.* Prologue to Revolution: Notes of A. N. Iakhontov on the Secret Meetings of the Council of Ministers, 1915. Englewood Cliffs; New York, 1967. P. 36—37 (перевод на английский язык подготовлен Михаилом Чернявским). О проблемах тюркского и мусульманского населения после вступления в войну Османской империи на стороне Тройственного союза см.: *Zenkovsky S. A.* Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, Mass., 1967. P. 123—129.
- ¹³ О политической деятельности комитета см.: *Левецкий К.* Історія політичної діяльності галицьких українців. Львів, 1926. С. 720—722. О подразделении сечевых стрелков см.: *Пілецький С.* Українське січове стрілецтво. Визвольна ідея і збройний чин. New York, 1956. P. 17—76.
- ¹⁴ О деятельности союза в Австрии и Германии в годы войны см.: *The Germans and the Union for the Liberation of the Ukraine. 1914—1917* // *The Ukraine, 1917—1921: A Study in Revolution* / Ed. T. Hun. Cambridge, Mass., 1977. P. 305—322; а также *Fedyshyn Olch.* Germany's Drive to the Last and the Ukrainian Revolution in World War I. New Brunswick; New York, 1970 (особенно главы 1—3); *Grebing Helga.* Oesterreich-Ungarn und die Ukrainische Aktion. 1914—1918 // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas (München).* Nene Folge. 1959. Bd. 7. Nr. 3. S. 270—296.
- ¹⁵ Финские молодежные группы приняли решение о подготовке к борьбе за освобождение Финляндии путем прохождения военной подготовки в Германии. Первая группа финских патриотов прибыла в Германию 22 февраля 1915 г. Год спустя на их базе был сформирован Королевский прусский егерский батальон, который принял боевое крещение в мае 1916 г. на Рижском фронте. См. *Tiander Karl.* Das
- Erwachen Osteuropas. Die Nationalitaetenbewegung in Rusland und der Weltkrieg. Wien; Leipzig, 1934. S. 66—69.
- ¹⁶ *Терлецький О.* Історія української громади в Раштаті. Kiev; Leipzig, 1919. Терлецький был одним из учителей в лагерях военнопленных. К концу войны Российская армия потеряла почти четыре миллиона солдат и офицеров военнопленными, которые находились в основном в лагерях Австрии и Германии, а также в Турции и Болгарии. См.: *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. Paris, 1939. Vol. 1. P. 142.
- ¹⁷ См. National Archives of Canadas. The Zhuk Collection. MG 30, P. 167, vol. 12: серия отчетов членов СВУ.
- ¹⁸ См.: Там же, Zhuk Collection, vol. 12, file 2. «Zvit z Somorii». Несколько русских солдат выразили протест представителям СВУ и команданту лагеря против распространения литературы, которая была строго запрещена в России, особенно памфлета «Царі, пани і люди». Один унтер-офицер даже взял на себя роль лагерного цензора. См.: Там же, file 3. О добровольцах из числа российских военнопленных, контролировавших жизнь в лагерях, см. Там же, file 7. «Zvit-Raikhenberg». P. 17. Русские солдаты начали распространять слухи, что украинцы добровольно сдались австрийцам, и намекали, что они предатели. Там же, file 5. «Zvit z Klianminkhen/kolo Linz. (December 1914). P. 2.
- ¹⁹ Собственно говоря, против украинфильской деятельности в лагерях выступали не только русские. Существуют похожие отчеты и о поведении унтер-офицеров, которые не разрешали своим солдатам называть себя украинцами, настаивая, что те были на самом деле поляками. Наиболее же враждебно польские военнопленные были настроены по отношению к русским. Там же, file 5: «Zvit/Klianminkhen/kolo Linz. (December 1914). Постоянной головной болью активистов СВУ была задача освободиться от черносотенцев, которые срывали их агитационную деятельность. Там же, file 7: «Pershi organizatsimi sbory suspilno prosvitnoho hurtka». (August 20, 1915).
- ²⁰ *Головин Н. Н.* Указ. Соч. С. 118.
- ²¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 323. О формировании польской дружины см.: Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 691. Первая просьба о формировании польских добровольческих подразделений для Российской армии поступила из Хелмского воеводства и датируется 20 августа 1914 г. «Армейский вестник» 9 октября 1914 г. объявил, что создание польских легионов и Российской армии было санкционировано Верховным главнокомандующим.
- ²² РГВИА, ф. 1759, оп. 3, д. 461, 477.

- ²³ *Korganoff G.* La Participation des Armeniens a la Guerre Mondiale sur le Front du Caucase (1914—1918). Paris, 1927. В 1915 г. командующий Кавказским фронтом получил разрешение сформировать батальон армянских стрелков, но создание кавалерийских частей запрещалось до 1916 г. Первый армянский батальон был сформирован 21 мая 1916 г. РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 325, л. 1.
- ²⁴ О последствиях войны для армий Габсбургской империи см.: *Deak Istvan.* Beyond Nationalism: A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848—1918. Oxford, 1990. Ch. 11.
- ²⁵ На заседании Совета министров князь В. И. Шаховской обрушился с критикой на кровожадность военных. «Систематическое разорение прифронтовых земель юго-запада заставляет думать, что Верховное главнокомандование не надеется вернуть эту территорию России и стремится оставить врагу одну пустыню». *Яхонтов А. П.* Prologue... P. 121—122.
- ²⁶ По данным Тиандера, на стороне Тройственного союза воевало почти 8 миллионов поляков, а в Российской армии — два миллиона (*Tiander K.* Das Erwachen Osteuropas. S. 137). По расчетам Ингеборг Фляйшхауэр (*Ingeborg Fleischhauer*), значительно более 300 000 этнических немцев воевали в царской армии против своих соотечественников и единоверцев с немецкой и австрийской стороны (*Fleischhauer I.* Die Deutschen in Zarenreich: Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft. Stuttgart, 1986). По данным Хайнц-Дитриха Леве (*Loewe H.-D.* Antisemitismus und reaktionäre Utopie: Russische Konservatismus im Kampf gegen den Wandel von Staat und Gesellschaft, 1980—1917. Hamburg, 1978), почти одна десятая часть всего еврейского населения (около 500 000 солдат) воевала в рядах царской армии (S. 146).
- ²⁷ Митрополит Евлогий полагает, что назначению на пост главы оккупационного режима Бобринский был обязан популярности своего двоюродного брата Владимира Алексеевича. См.: *Евлогий.* Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Paris, 1947. P. 253. Владимир Бобринский (1867—1927) служил предводителем земского дворянства в Богородицком уезде, впоследствии избирался депутатом второй, третьей и четвертой Государственной думы, где в качестве вице-председателя националистической фракции выступал за освобождение славян и присоединение Восточной Галиции к Российской империи: в июне 1910 г. он совершил агитационную поездку в Галицию, на финансирование которой Столыпин выделил около 70 000 рублей. *Tiander K.* Das Erwachen Osteuropas. S. 50; *Gurko W.* Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II. Stanford, 1939.
- ²⁸ Янушкевич имел славу одного из самых патологических антисемитов среди российского руководства. См.: *Lincoln W. Bruce.* Passage Through Armageddon: The Russians in War and Revolution. New York, 1986. P. 141—142; *Knox Sir Alfred.* With the Russian Army, 1914—1917. London, 1921. Ch. 1. P. 290. Служа начальником штаба, Янушкевич был среди тех военных руководителей, которые регулярно громче всех обвиняли немцев, евреев и украинцев в том, что они являются агентами Тройственного союза и шпионами.
- ²⁹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 539, л. 1—85: Отчет канцелярии военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 28/VIII.1914 по 1/VII.1915; л. 1—26: Отчет временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1го/IX.1914 г. по 1го/VIII.1915 г. Другие материалы о российской оккупации см.: *Przysiecki F.* Rzady rosyjskie w Galicyi wschodniej. Piotrkow, 1915; *Cholodecki Josef Bialynia.* Lwow w czasie okupacji rosyjskiej (3 wrzescnia 1914 — 22 czerwea 1915). Lwow, 1930; *Janusz B.* Dokumenty urzedowe okupacyi rosyjskie. Lwow, 1916; *Он же.* 293 dni rzadow rosyjskich we Lwowie. Lwow, 1915; *Он же.* Odezwy i rozporzadzenia z chasow okupacyi rosyjskiej Lwowa. 1914—1915. Lwow, 1916; *Петровичу Иван.* Галичина під час російської окупації: серпень 1914 — червень 1915. Львів. 1915; *Чоловський А.* Львов во времена русского владычества. Пг., 1915; *Chlamiacz M.* Lembergs politische Physiognomie waehrend der russischen Invasion. Wien, 1916.
- ³⁰ *Edelman R.* Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party, 1907—1917. Rutgers University Press, 1980. К числу наиболее заметных киевских организаций принадлежал Карпато-Русский освободительный комитет во главе с Юлианом Яворским. Список ближайших выдвиженцев Бобринского см.: РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 539, л. 1—85. Большая часть новых назначенцев прибыла из канцелярий генерал-губернатора Киева, Подолья или Волини. Местная администрация была набрана из числа земских активистов, предводителей дворянства, земской помещичьей верхушки и офицерства, командированных из армии. Местная знать допускалась к административной службе, только если она в достаточной степени доказала свою лояльность.
- ³¹ Районами, где действовала власть военных комендантов, была столица страны, Кавказ и западные рубежи, где проживало в основном нерусское население. См.: Положение о поле-

- вом управлении войск в военное время. Санкт-Петербург, 1914, которое приводит Даниель Граф (*Graf D. Military Rule Behind the Russian Front. 1914—1917: The Political Ramifications // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1974. Bd. 22. Heft 3. S. 390*) См. также: РГВИА, ф. 1759, оп. 2, д. 691, 11, 26—28: О введении в Киевской губернии военной цензуры.
- ³² *Coonrod Robert W. The Duma's Attitudes towards War-time Problems of Minority Groups // ASFFR. 1954. Vol. 13. P. 30—38.* В некоторых местах империи прокатились антигерманские бунты, как в Москве в июне 1915 г. Консервативные и правые депутаты Государственной думы призвали к уничтожению прибалтийского дворянства. Материалы по конфискации немецкого имущества и дискриминационных экономических мерах во время войны см.: *Fleischauer I. Die Deutschen. S. 479—522.*
- ³³ См.: Армейский вестник. 1914. 16 октября; *Rempel D. The Expropriation of the German Colonists in South Russia during the Great War // Journal of Modern History. 1932. Vol. 4. P. 49—67.* Летом 1915 г. Генеральный штаб обратился к министру сельского хозяйства Кривошеину с предложением награждать солдат, отличившихся в сражениях, наделами земли, в том числе из фонда освободившихся после конфискации земель немецких колонистов и других подданных враждебных государств. Этот проект осуществлен не был. См.: *Яхонтов А. П. Prologue... P. 22.*
- ³⁴ Армейский вестник. 1914. 2 ноября. Доклады цензоров того времени полны следующих цитат из писем: «Мы сражаемся с немцами, а наши начальники в России все немцы. Кто командует русскими солдатами? Немцы. Вы хорошо знаете, что немцы везде одерживают победы без боя». РГВИА, ф. 1759, оп. 4, д. 1846, 1, 88. Этот отчет датирован 1916 г. Осенью этого года тот же цензор докладывал: «Они не перестают писать о немецком превосходстве». Там же. Д. 1870, 1, 255.
- ³⁵ См.: РГВИА, ф. 1759, оп. 4, д. 1421. О порядке выселения иностранных подданных и евреев во внутренние губернии России и выезде за границу иностранцев.
- ³⁶ О депортации евреев см.: Из «черной книги» русского еврейства, материалы для истории войны. 1914—1915 // Еврейская старина. 1918. Т. 10. С. 231—253; Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. Т. 19. Берлин, 1928. С. 245—284. Так как военная цензура не имела специалистов по языку идиш, был введен запрет на все издания и переписку на этом языке. См.: РГВИА, ф. 1759, оп. 4, д. 1843, 11, 9, 219—222. Приказ № 389, 19 сентября 1914 г. Цензорские папки полны конфискованных писем на идиш.
- ³⁷ *Loewe H.-D. Antisemitismus. P. 149; РГВИА, ф. 2003, оп. 3, д. 950.* По свидетельствам архивных документов, военные власти тратили много времени на составление списков евреев, служивших в различных отделах гражданской и военной администрации.
- ³⁸ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 701—702. Военные власти даже разработали специальную анкету для проверки лояльности солдат-евреев. См.: РГВИА, ф. 2067, д. 3784, 3786; ф. 2003, оп. 2, д. 701, 11, 10—12. Генерал Иванов писал, что «непременно до конца войны нам придется самым серьезным образом обсудить вопрос о целесообразности нахождения евреев в рядах армии, или, в любом случае, о сокращении их количества в боевых частях».
- ³⁹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 701, л. 1, 4. Командование Юго-Западным фронтом доложило, что на 20 марта 1915 г. в армии находилось 180 тыс. евреев.
- ⁴⁰ 31 июля 1914 г. все австрийские и немецкие подданные мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет были объявлены военнопленными и подлежали депортации, кроме русинов, чехов и сербов. См.: РГВИА, ф. 1759, оп. 3, д. 1420, л. 1. Эти меры постепенно совершенствовались с таким расчетом, чтобы склонить на свою сторону потенциально лояльных славян — граждан Османской и Габсбургской империй. Архивы содержат материалы о захватывающих спорах по поводу определения того, кого можно считать иностранным подданным в условиях военного времени и какую дифференцированную политику разработать, чтобы принять во внимание все сложные сочетания чувства лояльности. См.: Там же, ф. 1759, оп. 3, д. 1470. См. также офицерский справочник, изданный главнокомандующим Юго-Западным фронтом в июле 1914 г., «Современная Галичина. Этнографическое и культурно-политическое состояние ее, в связи с национально-общественными настроениями».
- ⁴¹ РГВИА, ф. 1759, оп. 3, д. 1410, л. 24: Выписка из списка поляков, неблагонадежных в политическом отношении и враждебных русской государственности, пребывание коих в тылу армии Юго-Западного фронта нежелательно и вредно.
- ⁴² Во время отступления австрийской армии войска, особенно венгерские гонведы, обрушили на местное население волну террора. Сотни жителей Галиции самых разных политических убеждений были арестованы и интернированы в концлагерях, наиболее печально известным из которых был лагерь Талергоф в Стрые. Русская националистическая и военная пресса использовали репрессии австрийских властей в качестве мощного пропагандистского символа. См.: Военные преступления

- Габсбургской империи 1914—1917 гг.: Галицийская Голгофа. Trumbull, Conn., 1964.
- ⁴³ Речь Бобринского перед дворянством оккупированного Львова 10 сентября 1914 г. Важным символом интеграционных усилий Бобринского стало торжественное открытие прямого железнодорожного сообщения между Киевом и Львовом. См. «Армейский вестник» от 8 ноября 1914 г., где было напечатано объявление об этом событии и комментарий относительно его значения. «Армейский вестник» регулярно печатал очерки русских авторов, посещавших Галицию, в которых те восхищались сходством между местным населением и их русскими братьями. См., например, «Из галицких впечатлений», в номере от 27 ноября 1914 г., или серию статей, подписанных инициалами Л. С. (настоящее имя автора Леонид Захарович Соловьев) о «возвращении» этих земель России. Император лично посетил Львов, дабы еще раз подтвердить «исторические связи» между Галицией и Россией (9 апреля 1919 г.).
- ⁴⁴ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 539, л. 21, 23. Книжный магазин Шевченковского общества был закрыт 22 сентября 1914 г.
- ⁴⁵ Редакционная статья в «Армейском вестнике» от 18 сентября 1914 года описывала бурное «восстановление» русского языка. «Улицы, общественные здания и гостиницы Львова покрывают надписи на русском языке: на площадях и углах улиц продается русская газета «Прикарпатская Русь», еще недавно закрытая австрийскими властями, в витринах книжных магазинов выставлена «Грамматика русского литературного языка», из-за которой ее автор, С. Ю. Бендасюк, провел два года в австрийской тюрьме. Поляки, евреи, немцы и армяне — все изучают русский». Бендасюк и Юл. Яворский, эмигранты из Галиции, прибыли из Киева вместе с оккупационной армией, чтобы «восстановить» главенствующее положение русского языка.
- ⁴⁶ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 539, л. 40.
- ⁴⁷ *Tiander K.* Das Erwachen Osteuropas. S. 50; РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 539, л. 22. Во время оккупации российское Министерство просвещения открыло лишь десять начальных школ; Синод действовал намного активнее и открыл за тот же период 50 школ. Значительная часть этой деятельности проводилась под эгидой Галицко-русского благотворительного общества с отделениями в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе и других городах. Местные филиалы занимались сбором денег для «наших товарищей-русофилов» в Галиции и стипендий для студентов, изъявивших желание учиться в русскоязычных университетах и институтах. Кроме Галицко-русского благотворительного общества, в оккупированной Галиции действовало несколько идеологи-
- чески близких организаций: Славянское благотворительное общество, славянские комитеты, а также ряд церковных братств. Их деятельностью руководил Владимир Бобринский. См.: Галичина і Буковина. Zhuk Collection. Vol. 9, file 24.
- ⁴⁸ Консервативная русская газета «Новое время» критиковала политику Бобринского как слишком либеральную и недостаточную для того, чтобы отстоять интересы православия. См.: Армейский вестник. 1914. 2 октября. С. 4.
- ⁴⁹ Евлогий, архиепископ волынский и житомирский, в течение 15 лет был епископом холмским и имел длительные связи с русофилами. Его назначение произошло по распоряжению обер-прокурора Синода В. К. Саблера. См. также мемуары Евлогия «Путь моей жизни», с. 253. Евлогий утверждает, что Саблер был против этого назначения, но согласился на него по настоянию Николая II.
- ⁵⁰ *Gerus J. W.* The Ukrainian Question in the Russian Dumas, 1906—1917: An Overview // *Studia Ucrainica*. 1984. Vol. 2. P. 165—166. Великий князь Николай Николаевич сетовал на то, что российские чиновники так усердствовали на оккупированных территориях в деле насильственного обращения украинских католиков в православие, что для доставки православных священников реквизировали товарные составы, предназначенные для доставки боеприпасов, в которых остро нуждались войска. Линкольн цитирует работу *Paleologue M.* *La Russie des Tsars...* 1. P. 222—223.
- ⁵¹ Отстаивая перед Думой тактику выжженной земли, генерал Поливанов прибег к исторической аналогии с кампанией 1812 года, но Совет министров, включая самого Поливанова, усматривал в этом решении Верховного главнокомандующего гораздо больше вреда, чем пользы. См.: *Яхонтов А. П.* Prologue... P. 38—39. Активисты СВУ выступили с протестом по поводу разорения русской армией Холмской и Волынской областей, а также по поводу приказа Бобринского от 7 мая 1915 г. См. передовые статьи Омеляна Бачинского в газете «Вісник СВУ».
- ⁵² Материалы о евреях см.: РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 539, л. 20. Об отмене ценза оседлости для галицких русских см.: Армейский вестник. 1915. 21 июня. С. 3.
- ⁵³ См. *Кнох А.* With the Russian Army, 1: рассказы о казни еврея, подозреваемого в шпионаже в пользу Германии — С. 120; о стычках между евреями и казаками — С. 171. Накануне отступления из Варшавы военные власти приказали арестовать «целую массу народу — евреев и поляков — по подозрению в симпатиях к австрийкам». Арестованные, включая несовершеннолетних, были отправлены в тыл и

помещены в тюрьму. См.: *Яхонтов А. П.* Prologue... P. 122.

- ⁵⁴ Об организации помощи эстонским и латышским беженцам в Петрограде и польским беженцам в Москве см.: *Tiander K.* Das Erwachen Osteuropas. S. 51, 52. Польские *obywatelskie komitety*, например, часто отказывались принимать еврейских беженцев и оказывать им помощь, см.: *Anski Sh.* (псевдоним Ш. З. Рапопорта). *Gezamelte shrifm.* Warsaw, 1928. Vol. 5. P. 32—33, цит. по: *Stanislowski M.* Refugees in Russia 1914—1916: The Institutional Stalemate (неопубликованная статья). P. 29. О жизни еврейского сообщества см.: *Zipperstein S. J.* The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life During the First World War // *The Jews and the European Crisis, 1914—1921.* Vol. 4: Studies in Contemporary Jewry: An Annual / Ed. by Jonathan Frankel. Oxford, 1988, особенно P. 22—24. О механизме оказания помощи беженцам см.: *Gronsky P. P.* The Effects of the War on the Central Government Institutions in Russia (неопубликованная рукопись, Hoover Institution Archives); *Polner T. I.* et al. *Russian Local Government During the War and the Union of Zemstvo.* New Haven, 1930. Гронский приводит список комитетов помощи беженцам, образованных во время войны: Польский центральный гражданский комитет, Армянский центральный комитет помощи пострадавшим от войны, Еврейский центральный комитет помощи пострадавшим от войны, Комитет благотворительного общества бакинских мусульман для помощи пострадавшим от войны на Кавказском фронте, Латышский комитет помощи, Центральный комитет Литовского общества помощи пострадавшим от войны, Главное управление Грузинского общества города Тифлис и другие. *Ibid.* P. 52.
- ⁵⁵ Евгений Никольский, полномочный представитель регионального подразделения агентства Северпомощь, докладывал, что его предшественник в Риге занимался исключительно польскими беженцами, тем самым вызывая недовольство беженцев других национальностей. См. его машинописный отчет «Беженцы в Великую войну». Hoover Institution Archives. P. 77. Он также сообщает, что организация под названием «Родина» занималась в Риге исключительно литовскими беженцами. Благотворительный комитет под руководством Владимира Бобринского и некоторых других видных русофилов наиболее активно оказывал помощь крестьянам Галиции, пострадавшим от военной разрухи.
- ⁵⁶ Одной из серьезных проблем, вставших перед правительством империи, было то, что поток еврейских беженцев впервые привел к значительному нарушению закона о черте оседло-

сти. Администрация внутренних губерний России задыхалась от невиданного притока беженцев и предупреждала, что снимает с себя ответственность за безопасность вновь прибывших, «так как люди возбуждены, и идет агитация за организацию погромов, особенно со стороны фронтовиков». См.: *Яхонтов А. П.* Prologue... P. 58, 102.

- ⁵⁷ Он предупреждал, что необходимо обращать гораздо больше внимания на благонадежность этих людей. В частности, он отметил, что Степан Борсук, убежденный российский патриот и активный член партии русофилов, томится в тюрьме, откуда должен быть выпущен немедленно, в то время как такие, как Тимофей Старух и его сын, члены «партии Мазель», разгуливают в Киеве на свободе. Старух был видным членом венского парламента и галицкого сейма и «имел на своей совести тюремное заключение и казнь многих русских людей в Галиции». Письмо датировано 30 июня 1915 г. РГВИА, ф. 1759, оп. 3, д. 1420, л. 318.
- ⁵⁸ 9 сентября 1915 г. РГВИА, ф. 1759, оп. 3, д. 1420, л. 351.
- ⁵⁹ «Питання, які мають бути поставлені бранцями» (Вопросы, которые должны быть заданы военнопленному). Zhuk collection, vol. 12, file 10. Среди этих вопросов были такие: 12а: Какова была реакция людей на мобилизацию и войну и что они об этом думали? 12б: Что люди думали о тех державах, против которых шла война? 13. Какова была реакция самого солдата на а. и б. (из предыдущего вопроса). 14. Что говорило начальство людям (по этому поводу), а также об Австро-Венгрии, Германии и Галиции?... 16. Каково было отношение населения Галиции (украинцев, поляков и евреев) к Российской армии и с другой стороны, каково было отношение армии к населению? 17. Слышал ли солдат что-либо о Галиции до войны? 18. Как население Царства Польского относилось к русской, и как — к австро-венгерской и немецкой армиям?
- ⁶⁰ Многие солдаты украинцы сообщили, что после вступления российской армии во Львов они накупили как можно больше книг на украинском языке, особенно «Кобзаря» Шевченко, причем многие говорили, что хотели бы умереть с томиком Шевченко на груди.
- ⁶¹ Звіт, 1915. Май, Zhuk collection, vol. 12, file 8. P. 111.
- ⁶² Микола Куліш, выдающийся украинский драматург 1920-х годов, впервые познакомился с движением украинского национализма в 1915 г., когда служил в рядах российской армии на Австрийском фронте в Галиции. *Luckyj George S.* Literary Politics in the Soviet Ukraine, 1917—1934. New York, 1956. P. 130.

В. П. Булдаков

ВОЙНА ИМПЕРИЙ И КРИЗИС ИМПЕРСТВА: К СОЦИОКУЛЬТУРНОМУ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ

История Первой мировой войны оказалась наиболее примитивно идеологизирована, в основном в рамках псевдомарксистского разделения ее на империалистическую и интернационалистскую части.¹ Стоит в связи с этим обратить внимание лишь на один, по-своему показательный, момент. В свое время В. И. Ленин, вынужденно занявшись национальным вопросом, сам того не замечая, начал взирать на беременный революцией европейский мир не сквозь призму борьбы империализма и социализма (последний неожиданно обернулся шовинистическим ликом), а под углом зрения противостояния различных типов империй. Волей истории марксист-ортодокс встал перед задачей втискивания борьбы классов в совершенно непривычные глобалистско-имперские, а не формационные параметры. Здесь просматривается ныне стандартная ситуация понятийного дисбаланса между причиной и следствием, содержанием и формой в видении целого столетия. Сегодня, согласившись с идеей единства общечеловеческой истории, следовало бы перейти к изучению того своеобразия, которое обеспечивает не только его динамику, но и катастрофичность. Пора признать, что европоцентризм конечен и человеческая история уходит не только в бесконечную даль веков, но и во все более немыслимо отдаленное будущее. В условиях глобальной взаимосвязанности мира вопрос о выявлении факторов, угрожающих его существованию, неизбежно должен переместиться к осознанию ответственности всех. А это ставит историческую мысль в совершенно особое положение.

Мировая война возникла из противостояния империй разных типов, индустриально-колониальных с демократической метрополией (Великобритания, Франция), традиционных (Австро-Венгрия, Турция, Россия) и переходных (Германия, пытавшаяся использовать инерцию старого объединительного процесса для прыжка к новейшему империализму). Но насколько точно их правители оценивали реальное соотношение сил? Правильно ли рассчитывали возможности социальной мобилизации?

Российские военные стратеги еще с конца XIX в. предвидели неизбежность военного противоборства с Германией. Реакция на это оказалась неадекватной: главное внимание было уделено строительству военно-морского флота, с переоснащением сухопутных войск запаздывали (впрочем, нечто подобное наблюдалось во всех странах, готовящихся к войне), а пропагандистская подготовка к

войне не велась. В таких условиях процесс революционизирования войной оказался связан прежде всего с десакрализацией высшей власти, не предусмотревшей грозившей опасности. Война поначалу мобилизует силу самосохранения империи. Конечно задним числом можно без устали твердить, что свою лепту в развязывание войны внесли и престарелый Франц-Иосиф, и сумасбродный кайзер, и безвольный Николай II, и коварный Альбион. Можно продолжать ставить вопрос о неадекватности правителей имперского типа новым историческим реалиям. Но ошибки верхов были сделаны в совершенно определенных социокультурных обстоятельствах при первоначальном кредите доверия низов. Все формирующиеся гражданские и protoгражданские общества оказались бессильны отвести катастрофу, хуже того, они приближали ее. Десакрализация власти последовала как реакция на опасность продолжения подобного курса. Следовательно, на первый план выдвигается самая прозаическая и, казалось бы, чисто источниковедческая задача: так структурировать наличные источниковые ряды, чтобы выявить реальную долю ответственности всех от глав великих держав до националистов малых народов, от парламентов до доверчивых обывателей. Возникает при этом и такой простой и вовсе не парадоксальный вопрос: во что обходится в XX в. обывательское доверие к правителям, людское неведение, мелкий и корыстный интерес? И насколько сами массы были способны адекватно оценить уровень угрозы?

Можно согласиться, что главным содержательным итогом войны явилось не то, что победила Антанта, а то, что проиграли все традиционные империи независимо от блоковой принадлежности. В начале XX в. победить способны оказались державы, наиболее подготовленные к тотальной войне — европейские демократии. Традиционные же империи, не изжившие сословности, этноиерархичности и не создавшие эпицентра формирования гражданского общества, оказались обречены на поражение, последующий распад, сохранив в себе лишь тягу к иному новому силовому центру или возможность квазиимперского обновления под вывеской новых идеологов. Следовательно, встает задача выявления человеческих факторов протекания мирового кризиса и определения его специфики в конкретных условиях каждой из воюющих стран. Но прежде уместно оговорить некоторые обстоятельства более общего характера.

Начало XX в. было отмечено невиданным ускорением глобализации человечества под влиянием ранее малозаметных факторов: всепроникающего воздействия неуправляемого индустриализма, невиданного развития коммуникаций и mass media, интенсификации миграционных процессов, коллизий становления гражданского общества и т. д. Более важно однако то, что все это происходило в условиях стремительного роста народонаселения. Вся совокупность данных факторов стала остро взаимодействовать с взвинченной людской психологией, национальным эгоизмом, классовой нетерпимостью, неизжитыми сословными предрассудками. С одной стороны, люди устали от противоречий старого мира, с другой, боязнь неизведанного тянула к реанимации традиционализма, стимулирующего агрессивность имперства. В этих условиях социализм, как и либертарианский импульс в целом, либо оказался временно потеснен, либо вступил во взрывоопасное взаимодействие с коллективным бессознательным. Всеохватывающая битва империй за ресурсы, в ходе которой противники стремились не столько сами захватить, сколько не оставить чужим, нежданно стали возрождать архаичные (особенно этнофобские) формы имперства с помощью людских предрассудков и утопий, оплодотворенных наукообразной и рационалистической ар-

гументацией. Наступила эпоха массовых социальных движений, сопряженная с поиском новых идеологем массового сознания и харизматических лидеров.

Путь к глобализму стал пониматься как движение через гегемонизм. Последний предполагал блоковую сверхимперскую систему при активном использовании этнонационального фактора. Под напором этого идейного поветрия отступил и старый либерализм, и новейший пролетарский интернационализм, сузившийся до сектантского пораженчества. Массы стали поддерживать старые как мир захватнические вождения правителей, но они же начали отвергать их в условиях поражений. Это и привело в движение объективные слагаемые конфликта. В обычных условиях массы скорее склонны к консервативному самосохранению, нежели к социальным инновациям. Этот фактор более основательно проявил себя в Европе, но не в России.

Новые социокультурные подвиги, связанные с Первой мировой войной, в России проявили себя достаточно своеобразно. По переписи 1897 г. (не вполне совершенной, но достаточно подробной для выявления общих тенденций) средний возраст населения России едва превышал 25 лет, а молодежь в возрасте до 30 лет составляла 65 % ее населения.² Обычно это фактор оценивают применительно к мобилизационным возможностям той или иной страны, которые для России на деле были весьма скромными,³ если учесть, что резкие демографические перепады испокон веков были чреваты нестабильностью, а в России еще и развалом хозяйственной системы. Скачкообразный рост народонаселения многократно усложнил тяготы привычного аграрного перенаселения. Омоложение населения, проникнув внутрь таких традиционных институтов, как крестьянская община и патриархальная семья, не просто нарушало половозрастной баланс и усиливало в них стрессовое напряжение, но и вступило в противоречивое взаимодействие с общей тенденцией к общинному изоляционизму, этому способу выживания архаичных социумов в экстремальных условиях. Сама община из социально релаксирующей стала взрывоопасной.

Юношескую деструктивность, трансформирующуюся в социально направленное насилие со стороны самого многочисленного социального слоя, по традиции связывают с антипомещичьим движением. На деле ситуация была еще сложнее. Война означала свертывание естественных (хозяйственных) миграционных процессов и преобладание вынужденных. Наиболее активная и пассионарная часть населения была призвана в армию; хозяйственные императивы отходничества, с другой стороны, отошли на задний план и уступили место миграционным потокам, связанным с войной: беженцы, депортированные, эвакуированные, военнопленные и т. п. Как ни странно, с началом первых июльских призывов в армию деревня успокоилась. Но вслед за тем, по мере введения элементов продовольственной монополии, социальная обстановка в деревне вновь стала накаляться. Начинал сказываться еще один, внешне малозаметный фактор, особенно характерный для российской деревни «потребляющей полосы». Дело в том, что в условиях Нечерноземья отходничество было перспективным фактором модернизирующей специализации аграрного производства: деньги, заработанные в городе, шли на развитие масло-молочного производства и усложненных севооборотов. Теперь этот поток крестьянских накоплений иссяк, «потребляющая» деревня вынуждена была вернуться к морально исчерпавшей себя политике продовольственного самовывживания. Естественным модернизационным процессам стала

противостоят социальная архаика. Рано или поздно это могло обернуться бунтом традиционализма против самой войны.

Говоря об особенностях и путях трансформации социальных стрессов в России в социально направленное насилие, нельзя не упомянуть и о гендерном факторе. Его роль в мировом кризисе имперства и особенно империи патерналистского типа непомерно велика. Упорная недооценка его связана с известным «мужским эгоизмом», допускающим, скажем, отвлеченные философские рассуждения о доминирующем женском начале в судьбе России, но упорно коверкающим конкретные революционно-феминистские сюжеты отечественной истории.

Так или иначе, но ряд вопросов гендерного характера никак обойти нельзя. Прежде всего надо иметь в виду, что в Европе в целом, в России в частности, накопление элементов гражданственности сопровождалось (а иначе и быть не могло) подъемом феминизма в самых различных формах, начиная с суфражистской (движение за равные избирательные права). Применительно к российской крестьянской среде следует, однако, выделить иные моменты: «омоложение» населения в условиях постоянного мужского отходничества еще более парадоксально повышало роль женщины внутри патерналистских общинно-семейных структур; наличие же специфического женского отходничества в городе (от прислуги до проституток) расшатывало традиционную сексуальную мораль, а следовательно и всю систему нормативной этики в целом; женское движение революционной эпохи, известное своей *истероидностью*, тем не менее, несло в себе скорее охранительные, нежели разрушительные функции (что повышало шансы возрождения традиционализма); колоссальная убыль мужского населения и общая усталость от насилия выдвинули на первый план «женские» формы возрождения имперства (что, в свою очередь, не могло не повлечь за собой последующего «мужского» социокультурного «реваншизма»).

В любом случае военно-революционная эпоха начала XX в. психопатологична в самых глубинных своих, в том числе половозрастных, основаниях. Несомненно большая или меньшая констатация непреложного факта массового умопомрачения эпохи, осуществляемая частью исследователей, мобилизует ответный вызов. Бихевиористский взгляд на происшедшее тяготеет к рассмотрению войн и революций сквозь призму личного интереса. И здесь мало указать на то, что в России личный интерес весьма своеобразно взаимодействовал с общинно-коллективистской традицией. В том, что в войнах и революциях индивидуальные запросы проявляли себя подчас в самых отвратительных формах, сомневаться не приходится, и эта истина ничуть не компенсируется ярчайшими проявлениями самопожертвования. Надо учитывать, что в эпоху исторических потрясений даже заземленный прагматичный частный интерес приобретает социально-патологическое качество. Скажем, вопросы элементарной выгоды начинают решаться не через трудовые или накопительские усилия, а через разрушение созданного «другими»; проблема устранения конкурента рассматривается как задача тотального уничтожения «врагов», причем последние наделяются некими inferнальными качествами; в достижении частных целей человек рассчитывает не на личные силы, а начинает оглядываться на социумные возможности и стадные усилия; препятствия в реализации желаемого видятся теперь не только в непосредственном окружении, но и во власти и обществе в целом.

Отсюда понятно, почему в революции пылкий бессеребренник оказывается окружен толпой беззастенчивых демагогов, шкурников и стяжателей. Столь же

очевидно, что революционный идеалист объективно оказывается заложником оголтелой толпы. Ясно и другое: взаимное ожесточение стимулирует враждующие стороны до такой степени, что отвлеченный идеалист, не умеющий в быту и мухи обидеть, доктринерски начинает носиться с идеями социального геноцида. Из данных замечаний следует только то, что изучать проблему революционного кризиса имперства начала XX в. по привычным параметрам уже недостаточно. Мы имеем дело с феноменом, где личное невероятным образом сомкнулось с эпохальным, этноспецифичное стало двигателем мирового процесса. Примитивное насилие ставили на «службу прогрессу». Поэтому потрясения XX в. требуют совершенно иного уровня осмысления «бытового» и локального материала совсем не так, как в свое время это делали политики.

По каким же каналам пошло «перераспределение» социального насилия в годы Первой мировой войны? Под влиянием каких факторов это происходило? Системный кризис империи вовсе не новость для России.

Сопоставление смуты начала XVII в. с революционностью начала XX в. позволяет выделить его главные компоненты. Этическая стадия кризиса связана с длительным процессом десакрализации власти, чему положили начало попытки подмены ценностных оснований самодержавия просветительским и бюрократичным абсолютизмом, кульминацией которого явится ненависть к конкретному властителю (народ настроен вновь и вновь «извинять» власть, но если будет исчерпан этот ресурс, то правитель обречен). Идеологический компонент кризиса был обусловлен формированием в XIX в. европейски просвещенной и рационалистически мыслящей элиты, так называемого «общества». Политическая стадия кризиса обязана своим происхождением незримому разделению людей образованных на все более тяжелеющую бюрократию и все менее терпеливую интеллигенцию. Управленческая неэффективность власти назревала по мере того, как интеллигенция, нравственно и интеллектуально превзойдя бюрократию, приступила к выработке альтернативных структур от партий до «общественных» организаций, в результате чего функции державного управления стали повсеместно блокироваться. Особенно заметна она в годы Первой мировой войны в связи с управленческой неразберихой (параллельное существование гражданских и военных властей, министерств, особых совещаний, общественных организаций, а также «министерская чехарда»). Так Россия приблизилась к рубежу падения самодержавия.

Что же обусловило смыкание кризисных ритмов российской и мировой истории? Теоретически хорошо понятна начальная стадия кризиса: любая разбалансированная система становится чрезвычайно чувствительной к внешним воздействиям, слабые сигналы на входе ее могут получить неожиданный резонанс, последующее поведение системы становится непредсказуемым. Предопределенность падения Романовых оказалась связана с мировой войной, скрутившей все предыдущие компоненты кризиса в тугой узел (что хорошо почувствовали люди, обладавшие инстинктом надвигающейся смуты) и добавившей к ним взрывоопасную маргинализацию основных производительных сословий. Наступившая вслед за тем социальная стадия кризиса была порождена не просто ухудшением положения масс, а их изумлением перед тем, что новая власть не способна на магическое удовлетворение их ближайших нужд. Выделившийся на этом фоне охлократический компонент кризиса связан со способностью социальных изгоев сбиваться в толпы, зараженные психологией вседозволенности. Наконец, рекреа-

ционный этап кризиса связан с «остыванием» общеимперского социального пространства, как в связи с физическим выбыванием пассионариев революционного времени, так и с охлаждением к ним народа, соглашающегося теперь на любую власть, особенно ту, которая, удовлетворив его ближайший инстинкт и выпустив пар иррациональной ненависти, сумеет воззвать одновременно к утопии и традиционализму. Но это всего лишь общая схема. Для того чтобы она обросла кровотокающей плотью революционного насилия, потребовались настоящие чудеса имперского безрассудства и интеллигентского прожектерства.

В российских правящих верхах к возможным тяготам будущей войны относились более чем легкомысленно. Слишком соблазняли возможные «призы» войны: присоединение к России всей Польши, Галиции, Буковины, Восточной Пруссии, Турецкой Армении и, особенно, овладение черноморскими проливами. Среди предсказаний губительных последствий будущей войны для государственного и общественного строя России выделялась записка П. Н. Дурново, поданная царю в феврале 1914 г. Потерпевшую поражение, как, впрочем, и победившую в войне страну ждет революция, полагал он. При этом он считал, что в России только политическая революция невозможна, «всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое». Разумеется, Дурново был патриотом, но совершенно нетерпимым к панславизму, на базе которого только и можно было вести имперско-«освободительную» пропаганду. Он выступал против присоединения Галиции, опасаясь, что это приведет к увеличению в населении державы доли «поляков, евреев, украинизированных униатов» и создадутся благоприятные условия и для «опасного малороссийского сепаратизма». Он учитывал также финляндский вопрос, возможность волнений среди кавказских и туркестанских мусульман. Очень скоро его слова стали казаться пророческими.

В связи с этим возникает один любопытный вопрос: а насколько основательно работал механизм социального предчувствия вообще? Наиболее близорукими оказались все властители и самые «цивилизованные» политические элиты.

К войне готовились все крупные державы. Германия, усиленно разрабатывая пангерманистские планы, облакаемые в проекты Соединенных Штатов Европы, тем не менее делала ставку на господство на море. Для российских военных давно было ясно, что основным военным противником России является Германия, что Австро-Венгрию и Турцию также придется потеснить с тем, чтобы укрепить свое влияние на Балканах. Но поскольку сил на перевооружение российской армии не хватало, Николай II, более озабоченный проблемой сохранения имперского наследия, предпочел выступить с инициативой всеобщего разоружения и надгосударственностью арбитража (последний понимался как новый «священный союз», а не нечто качественно иное), не мешая, однако, реализации гигантских военно-морских программ задолго до Порт-Артура. Россия рассчитывала завершить свое перевооружение к 1917 г. История не отпустила ей этого срока как, впрочем, и Германии. Царизм обнаружил некоторую демагогическую изобретательность, адресуясь «братьям-славянам». Самодержавие дало увлечь себя идеей создания федерации славянских монархий как военно-политического продолжения «единой и неделимой». Эти планы встречали поддержку не только в националистических кругах, но и среди либералов. О том, как это стыкуется с внутриимперской национальной политикой, казалось, никто всерьез не задумывался. Более того, в соответствии с инерцией западного либерализма межимпериалистическое противоборство включало в свой пропагандистский арсенал де-

магогический лозунг «защиты прав угнетенных наций». Последние этим активно воспользовались.

В том, что война началась с выстрелов в Сараево, возможно, уже содержится главный «намеки Клио». Но и помимо него обнаружилось предостаточно симптомов заинтересованности националистических лидеров малых народов в столкновении империй. Внутри России растущие ожидания местных элит имели свою специфику.

Существовала характерная особенность складывания общероссийской системы партий: на окраинах империи, в Польше, Армении они возникли раньше, чем в центре, что отражало характерный намек на возможность ее распада. Заметно было и усиление еврейского радикализма в черте оседлости, хотя к началу XX в. удельный вес евреев, наряду с поляками, дававшими в прошлом наибольший процент осужденных за «государственные» преступления, в российском освободительном движении заметно упал. Крайнее непонимание сути этих явлений продемонстрировали чины полиции. Даже происхождение армянского «Дашнакцутюн» они выводили из мирового сионизма. Между тем армянские радикалы видели свою основную цель в освобождении Турецкой Армении с помощью хотя бы русского царя. Сионисты также готовы были согласиться на поддержку самодержавия в деле создания еврейского государства в Палестине. Как бы то ни было, мнения Охранки — характерный показатель того, как власть воспринимала угрозу своему господству. Правители России не понимали того, какие факторы межимперского и внутриимперского господства их поддерживают, какие могут привести к поражению. Вопреки широко распространившейся шпиономании и ожиданиям предательского удара со стороны «сепаратистов», политические представители малых народов России — от антинемецки настроенных латышей до симпатизирующих турецким единоверцам российских мусульман — сразу же публично заявили о желании активно сотрудничать с самодержавием во имя общей победы. Разумеется, местные националисты не забывали о своих интересах, надеясь на уступки со стороны царизма в качестве платы за лояльность.

Но, главное, царизм не видел того, что под покровом патриотических настроений внутрисистемное напряжение в империи не исчезло, а приобрело новое качество. Это было связано прежде всего со своеобразным перераспределением импульсов насилия. Русская армия стала впитывать в себя социально обозленный, имперски пассивный и национально неидентифицированный, в целом специфически агрессивный элемент. Увы, исследователи все еще не обращают должного внимания на роль этого феномена для судеб войны и мира. Всякая война чревата внутренним бунтом. Революция 1905—1907 гг. не случайно была связана с поражением в русско-японской войне. «Большая война» плодила большие социальные проблемы поистине в геометрической прогрессии.

Возможно, если бы не война с ее лозунгами защиты прав малых народов, этнонациональные проблемы России стали бы решаться на основе местного самоуправления и культурно-автономистской деятельности. Но под ружьем находилась громадная масса людей, относящихся к наиболее активной части нерусского населения. В свое время царское правительство разрешило формирование югославянских, латышских и армянских национальных подразделений, рассчитывая использовать антиавстрийские, антинемецкие и антитурецкие настроения. И здесь стала срабатывать обвальная логика межнациональных противоречий: скажем, для украинских крестьян поляки ассоциировались с крупным землевладени-

ем; соответственно стремление не только украинских политиков, но и солдат к созданию своей национальной армии было отражением подспудного тяготения к социально-этнической защищенности. Действовал и другой фактор: националисты повсеместно выдвигали идею создания «национальных» земельных фондов. Крестьяне поняли это как возможность быстро получить побольше земли.

Разумеется, этнонациональный фактор мог проявить себя в полной мере только на фоне нестабильности в центре империи. Несомненно, что без пролетариата в России не было бы Февральской революции, а, следовательно, последующих потрясений, названных пролетарской социалистической революцией.

Разгадка «красной смуты» определяется самой природой российского рабочего класса. Во-первых, это исторически «молодой» класс, формировавшийся главным образом за счет выходцев из деревни, а потому являвшийся в значительной степени «классом-сословием». Во-вторых, этот класс омолодился в буквальном смысле слова за годы войны. В-третьих, в это же время произошла маргинализация пролетариата за счет притока уклонявшихся от мобилизации представителей городского мешанства, беженцев, эвакуированных, китайцев и даже военнопленных. Наконец, и возможно это главное, именно пролетарская среда давала наиболее высокий удельный вес уголовных преступлений, в наибольшей степени была подвержена бытовой распущенности и пьянству, хотя эти явления в годы войны несколько снизились, но это не исключает, а предполагает, что эта концентрированная людская масса оказалась в социально стрессовой ситуации. Разумеется, рабочие крупных предприятий представляли собой крайне неоднородную массу, региональные отряды пролетариата имели свои особенности. Как бы то ни было, от рабочих можно было ожидать скорее бунтарских действий общинного типа, нежели планомерного отстаивания своих интересов.

Сказанное легко подтверждается появлением после Февраля у рабочих двух основных, зачастую противостоящих друг другу форм организации: фабзавкомов и профсоюзов. Первые возникли преимущественно из стачкомов, вторые — главным образом на базе больничных касс и потребительских кооперативов. Первые по преимуществу пытались держать «круговую оборону» в пределах отдельных предприятий (что не исключало, разумеется, координации действий в масштабах крупных городов). Вторые организовывались по отраслям и были в большей степени подвержены бюрократизации, осуществляемой различными партийными функционерами. В любом случае в фабзавкомах легко прослеживается влияние общинных форм организации, склонность к бунтарству, воздействие большевистской пропаганды. Профсоюзы, в свою очередь, стремились вести переговорный процесс с предпринимателями и государством.

Радикализм основной массы рабочих (особенно квалифицированных и так называемых кадровых) носил четко обозначенный этатистский предел. Можно предположить, что рабочие надеялись и согласились (не безоговорочно) на большевистскую власть, довольно скоро разочаровались в ней, а затем были приведены ею к повиновению. Русские рабочие скорее оказались пассивной жертвой цикла кризиса империи, нежели «движущей силой» Октябрьской революции. Представляется, что немалое значение имел миграционный фактор: безнадежно побунтовав в 1917 г., истощив себя стачками и поняв ограниченные возможности рабочего контроля, рабочие вслед за тем устремились в деревню. Города попросту обезлюдели в значительной части за счет рабочих. Понятно, что под влиянием победоносного Октября иллюзии о возможности «пролетарской» революции с

окончанием Первой мировой войны хлынули в разоренную Европу. Но это уже из области истории идей, точнее, идеологий. Восторжествовал не пролетариат, а миф о «социалистическом» пролетариате. К этому последнему обычный русский рабочий непосредственного отношения не имел, даже несмотря на навязанные ему позднее мессианские компоненты сознания. На деле его действия носили в значительной степени традиционалистский характер. Пролетариат скорее обеспечивал видимость «классового» прикрытия анархии, нежели подтверждал реальность социалистического углубления революции.

Создание «красной империи» было невозможно без определенных, как бы их назвать, психосоциальных импульсов со стороны русского народа. При этом надо иметь в виду, что в имперских системах все решала не голая сила, а опосредованное насилие, закрепленное в определенных культурных кодах, — в этом отношении наиболее показательное поведение крестьянства.

Крестьянское движение, несмотря на обилие исследований, весьма продвинутое в методологическом отношении, выглядит все же наименее изученным. Возможно, это связано с тем, что исследователям всегда было трудно зафиксировать нечто определенное в отношении крестьян к государственности. По этой причине и западная историография длительное время обнаруживала робость суждений, предпочитая прислушиваться к мнениям советских авторов, которым, по понятным причинам, трудно было отважиться на новаторство. Лишь в начале 70-х годов стало пробиваться представление о крестьянской России как «развивающемся обществе» (на манер «третьего мира»), появились публикации, где показывалось, что именно крестьяне, сорвав попытки решения Временным правительством продовольственной проблемы, в значительной степени облегчили приход к власти большевиков в полуголодных городах, действительно, традиционалистская «приходская» культура крестьянства осталась в стороне от тогдашней городской политики, что укрепило позиции общинности. Уместно также связать поведение крестьянства с феноменом «внутреннего колониализма» и многовековой практики бездумного и нерационального выкачивания государством ресурсов для поддержания своей внешней мощи из деревни и той остаточной крепостнической практики, которая довела крестьян до злобного одичания. Отсюда становится понятным значение «общинной революции» и попытки крестьян самим устранить «нетрудовой» элемент из сельскохозяйственного производства в надежде установить «справедливые» отношения с понимающей их нужды и привычной по форме властью — желательно внепартийной или всепартийной, используя старое оружие и демонстративный бунт. Необходимо также учитывать то, что крестьянское бунтарство носило выражено сезонный характер: весна—осень—зима. Последнее также облегчило приход большевиков к власти: действия карательных органов Временного правительства оказались в значительной степени распылены из-за необходимости подавления аграрных беспорядков, ставящих страну на грань голода.

В советской историографии, даже в лучших работах, погромное движение крестьян в 1917—1918 гг. подавалось как организованная конфискация помещичьих имений. Статистика, а, главное, сохранившиеся описания уничтожения «дворянских гнезд», позволяют серьезно усомниться в этом. В 1917 г. крестьяне прежде всего восстановили общину, вернув в нее хуторян и отрубников. До погромов дело доходило далеко не всегда: порой крестьяне, фактически завладев землей, вслед за тем тихо растаскивали помещичье добро. Иной раз имение оста-

валось вообще нетронутым, ибо любое посягательство на него могло обернуться конфликтом между соседствующими общинами. Но «организованное» завладение именьями предстает как историографическая фикция. Если допустить, что погромное движение и вправду не получило большого размаха, то, спрашивается, почему в 1919—1920 гг. губернским органам Советской власти приходилось порой специально рассматривать вопрос о сохранности имений и даже иногда взыскивать с крестьян деньги за порушенное и растащенное барское имущество? В любом случае на первый план следует выдвинуть общинную психологию крестьян с ее не только коллективным долготерпением, но и вспышками стадной ярости.

Течение аграрной революции оказалась невиданно обострено влиянием солдатской массы, состоящей преимущественно из бывших крестьян. Поведение солдат, этих наиболее массовых и воинственных маргиналов, может показаться порой чисто разрушительным в своей, порой откровенно «шкурнической», направленности. Забывается, что, во-первых, следует принципиально разделять начальный и конечный этапы их движения. Во-вторых, необходимо отделять солдат тыловых гарнизонов от фронтовиков (в определенной степени уже профессионалов), и разделять последних по родам войск. Наконец, следует учитывать, что противоположные (конструктивные и анархические) тенденции наличествуют в сознании и движении масс всегда и вместе; разрушительная (революционная) проявляет себя лишь после того, как возможность конструктивного (эволюционного) движения выглядит «снизу» исчерпанной. На протяжении 1917 г. поражают погромы солдатами винных складов — если не удавалось втянуться в обыденное воровство и пьянство. Со временем солдаты обнаружили сильное стремление к полному самоустранению из политической борьбы в городах и возвращению домой для закрепления успехов аграрной революции.

В результате «общинной революции», усиленной подключением солдатской массы, город лишился связующих нитей с деревней: чем больше последняя погружалась в пучину натурализации хозяйства, тем более беззащитным становился город в продовольственном отношении. Отсюда усиление волн агрессии: продовольствие надо было добывать любым путем. Ситуация чудовишно запутывалась в результате того, что наиболее мощное радикализующее действие мировая война оказала на «революции национальностей». Дело не только в том, что наиболее крупные из них неожиданно стали требовать гарантий своих прав в виде соответствующих международных актов. Исходящий от солдатской массы вирус разрушительности наиболее основательно заразил именно те массы, которые стали связывать все свои социальные ожидания с обретением той или иной формы национального самоопределения.

Изучение «революций национальностей» всегда упиралось в совершенно специфические трудности. Дело вовсе во врожденных пороках все еще не преодоленной марксистской методологии. Этнонигилизм по отношению к роли малых этносов был связан не с принципами классового подхода, а с имперскими страхами сепаратизма. Окраинный национализм можно рассматривать и как специфически окрашенную часть местничества. Аграрный вопрос часто придавал крестьянскому утопизму шовинистические формы. В любом случае, сецессионизм обнаруживал себя там, где возможности социокультурного симбиоза в связи с революционной смутой казались исчерпаны. Других причин «самостийности», подхлестнутой большевистской победой, не просматривается.

В февральские дни изумляет спонтанная тяга всех народов России к выражению доверия новой власти. Даже лидеры национальных движений свидетельствовали Временному правительству полное доверие через слабо атрибутированные пожелания, минуя конкретные требования. Что касается народных низов, то их поведение лучше всего характеризует «интернационал на Невском» — полукарнавальная манифестация признательности новому общероссийскому центру. Отношение Временного правительства к национальным движениям было двойственным. С одной стороны, общероссийские лидеры (как либералы, так и социалисты) были связаны с национальными политическими элитами традицией оппозиционности и революционаризма, а также определенными либертарианскими и социалистическими идеалами. Они оказались в положении людей, которым надо выполнять обещанное. С другой стороны, новая власть, исходя из логики имперской государственности, а равно и подсознательного великодержавия, не говоря уже о практических задачах управления, вынуждена была ограничивать притязания националистов. Возник еще один очаг противостояния власти и народа, государственности и хаоса. Местные националисты, такие же нетерпеливые доктринеры, как и их российские коллеги, под давлением снизу оказывались заложниками собственной национально-освободительной демагогии. Этнические и национальные конфликты восходят к древнейшей (некогда единственной) трайбалистской форме социальной конфликтности и могут выступать в каких угодно современных идейных и политических одеждах и формах. Но они всегда чреватые тем, что под покровом общегуманистической риторики будут таиться самые дикие племенные инстинкты, а «коллективное бессознательное» периодически сублимироваться в поистине троглодитскую кровавую ритуалистику. С этим же связаны и предрассудки относительно природы этнических конфликтов в России. Исторически этнические конфликты проявляли себя прежде всего по «горизонтали». Империи, как правило, используют в связи с этим принцип «разделяй и властвуй». Собственно национально-освободительные (внутриимперские) движения, напротив, предполагают «вертикальную», сецессионистскую форму конфликтности. Имперско-патерналистская система — наиболее гибкий тип властвования в полиэтничной среде: каждый этнос «капсулируется» по отношению к традиционно или потенциально враждебному соседу, при этом остается открытым канал его обратной связи с высшей, надэтнической властью. Но такая система в кризисной ситуации начинает провоцировать «революции этнических ожиданий». Они создают ситуацию, при которой силы «горизонтальной» этноконфликтности временно объединяются в «антиимперском» порыве. Не получив сбалансированного разрешения, этот порыв оборачивается почти трайбалистским беспределом и войной с соседями из-за украденного банана.

Национальным революциям 1917—1918 гг. по известной привычке приписывается (чаще исподволь) характер иезуитского сепаратистского умысла; понятно и стремление отождествлять их после Второй мировой войны с антиколониалистскими движениями. Между тем базовой чертой российского имперства был этнопатернализм, освященный своего рода унией веротерпимого самодержца с народами; свое противоположное качество она получала с развитием бюрократически-унификаторских начал.

Как раз сепаратизма после Февраля и не обнаружилось; во всяком случае уместнее говорить о снижении его уровня, а не о возрастании. Факт остается фактом: созданный некогда на австрийские и германские деньги Союз освобождения Ук-

раины вынужден был после Февраля самораспуститься, причем вовсе не из тактических соображений или особой хитрости. Он просто остался не у дел. «Сепаратизм» обычно не поднимался выше требований территориальной автономии. Народы России жаждали доверия со стороны верховной власти. Подавляющее большинство исследователей не учитывает, что этнические конфликты представляют собой политически окрашенные отголоски древнейшей (племенной) формы конфликтности, национальные движения в России оцениваются главным образом «по вертикали» (имперский центр — зависимые народы), в большей или меньшей степени игнорируя «горизонтальную» (межэтническую) конфликтогенность. Между тем позитивное значение империи могло состоять лишь в превращении так называемых контактных зон народов в культурогенезирующие. Вырождение имперского центра в полицейскую государственность или ослабление его дисциплинирующих начал означали, что преобладание получают межэтнические конфликты, которые придадут всей системе старых связей многовекторное агрессивное качество.

Тем не менее считать, что местные националисты были генераторами «сепаратизма» до Октября не приходится. Империю разваливали деятели самой центральной власти, которые не умели совместить доктрины с реальностью и тем усиливали психическое напряжение в обществе. Послеоктябрьский сецессионизм носил характер бегства от большевистской смуты. Но отделение от России спасло лишь на время. Вскоре лидеры окраинных правительств получили своих собственных «национальных» большевиков. В конечном счете победителями оказались большевики исторического центра России, ибо для них задачи идеи агрессии упростились: к интернационализму незаметно подключался допинг великодержавия; противниками автоматически становились все, кто выступал против их планов. Энергия самосохранения архаичных социумов смогла быть направлена на возрождение империи с помощью новых «интернационалистских» идеологов, которым теперь оказалось нечего противопоставить.

Империя, выстроенная на эмоционально-идейных, а не прагматичных основаниях, эластична и хрупка одновременно. Кризис — форма ее исторического существования и способ энергетической подпитки. Попросту говоря, исследуемый революционный кризис империи можно представить в виде ее «смерти—возрождения», в ходе которого базовые элементы исторгают из нее то, что мешало органическому течению их примитивного существования. В этом смысле революция может рассматриваться как культурогенный акт самосохранения сложноорганизованной системы, жертвующей чуждыми, мертвящими ее или «преждевременными» элементами.

Анализ рекреационной стадии системного кризиса империи представляет наибольшую трудность. Если предыдущие стадии кризиса можно анализировать и сопоставлять по известному ряду фактологическим рядам и знакам отметин грубого насилия, то теперь решающее значение приобретает невербализованное движение «людских душ», соглашающихся на любую власть ради порядка. Уловить, как система подошла или прошла конечную стадию кризиса, можно на знаковом уровне — в связи с накоплением элементов эстатизации процесса упорядочения хаоса. И здесь куда больше подскажут не факты, а художественные образы, порождаемые постреволюционной эпохой.

Но есть еще одна возможность проследить за течением и особенностями кризисного возрождения имперства. При анализе завершающей, рекреационной ста-

дии «красной смуты» как-то незаметно всплывает проблема суицидальности. В контексте изучения психопатологии революционной эпохи это естественный и неперенный компонент ее течения, а вовсе не постмодернистские надуманности. Обычно вынесение вопроса в такую плоскость вызывает недоумение: люди легче понимают действительность сквозь призму торжества инстинкта самосохранения, нежели признают суицид имманентной характеристикой рода человеческого. Генетическая депрограммированность homo sapiens'a — а войны и революции суть масштабные напоминания об этом — по определению означает, что самоубийство парадоксальным образом выступает формой ego социального самосохранения, ибо для человека важно не просто биологическое выживание, а сохранение себя в качестве культурно закодированного существа; в эпоху массовых потрясений личное самопожертвование предстает поэтому как акт спасения ближних.

Общинно-стратифицированная патерналистская имперская система всегда предлагает массу внутрисоциумных сдержек для впадения в крайние формы индивидуального отчаяния. Совершенно неслучайно до Первой мировой войны по уровню самоубийств Россия оказывалась далеко позади «цивилизованных» европейских стран; социальные потрясения, в свою очередь, в значительной степени «упразднили» потребность в бытовом суициде, ибо личностные, «гамлетовские» проблемы оказались потеснены прозаическими проблемами добывания хлеба насущного. Не приходится удивляться, что в России пик суицида пришелся на наиболее благополучные годы НЭПа. Совершенно неоправданно по примеру большевистских партийных аналитиков связывать преимущественный рост суицидальности в партийной и комсомольской среде с «нервным истощением». Последнее — не причина, а следствие явления более общего порядка. Революционные пассионарии, жертвующие собой во имя идеи, оказались теперь не нужны, и с этой простой логикой также надо считаться.

В любом случае изучение неразделимого феномена войны империй и революционного кризиса имперства требует своего рода тотальной историографии, способной с равным успехом анализировать и «макроисторические» процессы, и «микроисторию» психических состояний людских масс. Иначе чем объяснить итоги войн и революций? Война машин против машин и машин против людей могла завершиться только реакцией традиционализма, распространяемого по всем этажам внешне обновленной имперской пирамиды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Под ред. Ю. А. Писарева и В. А. Малькова. М., 1994. С. 4; Facing Armageddon. The First World War Experienced / Ed. by H. Cecil and P. Liddle. London, 1996. P. XVI.

² См.: Очерки по истории молодежного движения. М., 1993. С. 9.

³ *Terraine J.* The Substance of the War // Facing Armageddon: The First World War Experienced. P. 4.

С. М. Исхаков

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН

Первая мировая война стала началом нового этапа во взаимоотношениях российских мусульман с европейской политикой и западным миром в целом. К сожалению, этот момент еще не получил должного освещения в литературе.¹

Российские мусульмане к Первой мировой войне представляли собой особую социокультурную общность численностью от 20 до 30 млн. человек. Важнейшим фактором, определявшим их отношение к войне, являлся ислам. Суть шариата заключается в том, чтобы научить человека оценивать любую ситуацию по-исламски, не забывая при этом собственных интересов, потребностей других людей и особенности той среды, к которой он принадлежит.² С этих позиций важно понять особенности восприятия российскими мусульманами мировой войны и перемены в их мировоззрении.

Исламу чуждо формальное различие людей по социальному или этическому признакам, имущественному положению, сословности. Моральное предпочтение отдается тем, кто более строго следует вере и полностью предан той исторической власти, которая призвана Аллахом защитить эту веру. В первые дни войны в Казани состоялась манифестация мусульман, причем свыше 500 человек «пели русский национальный гимн, совершали молебствие за царя»,³ и это не должно трактоваться как нечто неискреннее. Местная мусульманская элита стремилась подчеркнуть, что выступление Антанты против Турции ни в какой степени не может ослабить патриотизма российских мусульман. То же самое происходило и в других регионах империи.

Другим важным фактором, влиявшим на отношение мусульман к мировой войне было поражение Турции в Балканских войнах. Эксперты военного ведомства верно заметили, что оно не могло в глазах российских мусульман, особенно кавказских, «не подорвать значительно престижа Турции, как исторического центра мусульманского мира».⁴ Для мусульман «правильное» мироустройство всегда теоцентрично. Отсюда особые геополитические предпочтения и колебания. По словам А. З. Валидова, находившегося летом 1914 г. в Восточной Бухаре, сведения о том, что скоро начнется война между Россией и Германией, дошли и сюда. «Какую сторону поддержит Турция?» — такой вопрос волновал всех. — «Как и все, я хотел, чтобы Турция в этой войне поддержала Германию».⁵ Такое настроение среди мусульман империи легко объяснимо, если учесть, что они бы-

ли озабочены падением своего статуса в России и мире. Чины охраны сообщали (апрель 1914 г.): «Балканская война... заставила татар открыть глаза. Все взоры их устремлены к Ближнему Востоку и с лихорадочной дрожью следят они за развивающимися событиями». Мусульмане опасались, что эта война — начало конца Турции, последнего мусульманского государства, а вместе с ней и всех народов, исповедовавших ислам. Российским мусульманам стало казаться, что «весь свет ополчился против ислама», и это чувство «усугубляется отношением к этой войне русской интеллигенции, симпатии которой на стороне балканского союза». Поскольку Оттоманская империя «обречена на гибель», мусульманские интеллектуалы решили, что «надеяться на Турцию татарам более не приходится» и поэтому российским тюркам, «стоящим гораздо выше по культуре», необходимо «взять свою судьбу в свои руки».⁶

Показательно заявление мусульманской фракции Государственной думы, опубликованное 21 августа 1914 г. в петербургской газете «Миллет» («Нация»): «В полном сознании долга своего перед родиной мусульмане готовы на всякие жертвы и в полном единении со всеми русскими гражданами до конца будут бороться и защищать честь и целостность России».⁷ В другом заявлении фракции говорилось, что «отношение мусульман к настоящей войне вытекает из старых традиций, которые заключаются в том, что мусульмане, сражаясь за Россию с ее врагами, всегда проливали кровь одинаково и наравне с коренным русским населением».⁸

В таком же верноподданническом духе выступили российские мусульманские «иерархи». Они руководствовались не только обязанностью следовать курсу правительства, но и духом шариата, требующего гибкости в реализации общих целей и принципов.⁹ Глава Оренбургского магометанского духовного собрания муфтий М. Султанов 14 октября и 11 ноября 1914 г. призывал российских мусульман выступить против Германии, Австрии и даже единоверной Турции: «Русское государство есть наше отечество, дорогое и милое сердцу как нашему, сердцу мусульман, так и сердцу всех живущих в нем народов... И во времена прежних войн, защищая отечество, русские мусульмане выказывали великие самопожертвования, и во время настоящих, происходивших перед нами событий, они, Бог даст, выкажут с избытком еще раз *свой* (курсив мой. — С. И.) патриотизм».¹⁰ Важно подчеркнуть, что эти заявления появились после того, как стамбульский шейхульислам издал *фетву* (заключение), в которой подчеркивалось, что «Россия, Англия и Франция враждебны к исламскому халифату» и прилагают все усилия к тому, чтобы «погасить высокий свет ислама». Фетва призывала мусульман, находящихся под властью правительств названных государств, объявить им «священную войну».¹¹ Турция представляла в фетве как объект очередного крестового похода.

Таким образом, мировая война поставила перед российскими мусульманами сложную проблему выбора: что выгоднее, победа или поражение? Мусульманские богословы искали выход, опираясь на шариат, одна из задач которого — поиск путей примирения различных направлений исламской мысли.¹² Такой подход выглядел более чем своевременно, поскольку мусульманские массы первоначально испытывали колебания и неуверенность.

Как отмечал известный татарский политик М. Г. Исхаки, тюркское население поначалу было настроено пораженчески. Горожане всеми средствами старались уклониться от мобилизации, а бойкот войны со стороны интеллигенции привел к

тому, что число офицеров-тюрок составило ничтожный процент по сравнению с числом солдат-тюрок.¹³ Это подтверждается сведениями Охранки о настроениях рабочих и крестьян татар Казанской губернии в начале войны — их нежелание воевать выражалось в уклонении от призыва. Особенно усилились «пораженческие» настроения среди казанских татар после неудач на фронте весной 1915 г. Власти, разумеется, преувеличивали значение этой тенденции, «зачинщиков», как водится, поспешно предавали военному суду. По официальным данным, в Казанской губернии за первый год войны было 80 таких случаев.¹⁴

Мусульманская же элита, особенно татарская, активно помогала властям: устраивала сборы средств на нужды войны, открывала столовые, госпитали и т. п. В Петрограде существовал «Комитет помощи больным и раненым мусульманам всей России». Он открывал госпитали, поставлял продовольствие на фронт, направлял в армию войсковых мулл, рассылал религиозную литературу.

Между тем правительство ясного представления о своих гражданах мусульманах не имело. Позиции различных ведомств по вопросу о привлечении различных мусульманских народов к воинской службе различались. А поскольку считалось, что около 20 млн. мусульман не охвачены воинской повинностью, страсти разгорелись не на шутку.

В июле 1914 г. военное ведомство подготовило секретный доклад «О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени». В нем проводилась мысль, что «формирование особых частей, составленных из какой-либо одной национальности (кроме русской), не отвечает ни политическому, ни внутреннему положению России», что все попытки такого рода в прошлом приводили к обострению национального вопроса на той или иной окраине.¹⁵ Отмечалось, что многие мусульманские народы «до чести военной службы не доросли»: азиатские казахи к слухам о воинской повинности относятся «остро, возбужденно и неприязненно», и в то же время в сознание казахов, туркмен и ногайцев Астраханской и Ставропольской губернии уже проникла идея «принадлежности к русскому государству», что позволяет привлечь последних в армию на общих основаниях. Но против такого предложения возражало МВД.

Значительное внимание военное ведомство уделяло кавказским мусульманам, поскольку подавляющее большинство их «природные воины, отлично владеющие огнестрельным и холодным оружием». Считалось, что пребывание в строевых частях «даст исход воинственной энергии горцев, разрушит многие из существующих предрассудков, создаст братство по оружию с русскими и сгладит неприязнь к ним». Однако привлечь все мусульманское население Кавказа к воинской повинности на общих основаниях, по соображению авторов документа, не представлялось возможным. Азербайджанцы, с давних пор служившие в отдельных командах и сотнях, отмечалось в документе, будучи привлечены к воинской повинности на общих основаниях, дадут «вполне надежных солдат». Курды, напротив, в случае войны с Турцией будут настроены против России. Аджарцев, абхазцев, грузин ингилойцев следует привлечь к воинской повинности на общих основаниях. Но МВД возражало, полагая, что аджарцы тяготеют к Турции. О мусульманах Северного Кавказа также не было единого мнения. Военные считали, что в критических условиях «трудно ожидать от Дагестана не только обособления, как политического целого, но даже общего восстания», и при этом ссылались на опыт формирования из них конного полка. Однако МВД утверждало, что

мусульмане Дагестана в политическом отношении тяготеют к Турции, а потому в случае войны могут оказаться «весьма ненадежными и опасными». Военные полагали, что привлечение чеченцев, ингушей и кумыков к воинской повинности чревато волнениями в их среде, но наместник на Кавказе граф Воронцов-Дашков сообщал, что 20 ноября 1913 г. делегация представителей чеченского народа просила его содействовать формированию особого Чеченского полка. Полагая, что освобождение чеченцев от военной повинности станет признанием за ними «льгот за их грабежи и разбои», он считал целесообразным сформировать особый конный полк с сохранением обмундирования, вооружения, конского снаряжения, присущего горцам. Военное ведомство признало необходимым привлекать чеченцев, ингушей и кумыков на общих основаниях, но путем назначения в первое время на службу только в Чеченский полк. С этим решением не согласилось МВД, считая такой полк ненадежным. Кумыков предлагалось безотлагательно привлечь к службе на общих основаниях. О кабардинцах отмечалось, что они благонадежны, равно как и черкесы, осетины-мусульмане и другие горцы-мусульмане Терской, Кубанской областей и Черноморской губернии. Осетины-мусульмане уже служили в Осетинском конном дивизионе. Подводя итоги, военное ведомство полагало привлечь к воинской повинности на общих основаниях следующих мусульман: «инородцев» Астраханской и Ставропольской губерний, дунган, таранчей и татар Туркестанского края, мусульман (кроме турок и курдов) Тифлисской, Кутаисской, Эриванской, Елизаветпольской и Бакинской губерний, Батумской и Карсской областей, а также кумыков Терской области. Особые воинские формирования предлагалось создать из мусульман Дагестанской области (Дагестанский конный полк), из чеченцев, ингушей и других горских народов Терской и Кубанской областей и Черноморской губернии. В итоге намечалось привлечь дополнительно в Европейской России и на Кавказе 1,6 млн. человек, в Туркестане — 148 тыс. человек.¹⁶

Итак, военные исходили прежде всего из стратегических интересов, а полицейские чины — из соображений внутренней безопасности, но и те и другие имели достаточно смутное представление о том, как воспримут войну мусульмане. Нечто подобное было и в других воюющих державах, где также приходилось изыскивать дополнительные мобилизационные возможности.¹⁷ Необходимо учитывать, что европейские державы вели войну под лозунгом «защиты прав малых наций» и пытались демагогией скрепить свое внутриэтническое единство. В связи с этим принципиальное значение приобретает вопрос о том, какая тенденция возобладала в умах российских мусульман: этноидентификационная, имперская, религиозно-консолидирующая?

В 1915 г. судьба секретного проекта военного ведомства так и не решилась. Военные не смогли составить ясной картины отношения мусульман к войне. Их новые доклады в Совет министров (от 23 ноября 1915 г.) и в Государственную думу содержали иные, нежели в 1914 г., наблюдения о мусульманах империи. Узбеков, таджиков и каракалпаков предлагалось «без замедления привлечь... к воинской повинности на общих основаниях», чтобы дать армии дополнительно от Европейской России и Кавказа 1,7 млн. человек, Туркестанского края 2,6 млн. человек. Совет министров, однако, отложил решение вопроса до представления отзыва министра внутренних дел.¹⁸ В конечном счете последовала более чем нелепая акция. Указ 25 июня 1916 г. о привлечении ранее не служивших мусульман к тыловым работам в прифронтовой полосе послужил причиной восстания в

Средней Азии и Казахстане. После этого восстания усилились репрессивные меры и в отношении башкир и других восточных народов.¹⁹ Такая политика не могла не вызвать недовольства основной массы мусульман. Исключение составляли добровольческие части.

Их создание началось в августе 1914 г. под руководством мусульманской элиты. Текинский конный полк, состоявший в основном из туркмен, известен благодаря воспоминаниям его офицера Р. Хаджиева, с лета 1917 г. начальника охраны Л. Г. Корнилова.²⁰ По призыву своей аристократии мусульмане-горцы, в том числе и те, кто не ладил с законом, шли добровольцами в «туземные» полки. Из них были сформированы отдельные части, среди которых выделялась «отдельная абреческая сотня», состоявшая сплошь из амнистированных разбойников.²¹ Это было выгодно и русской администрации, решившей вывести из Чечни «ненадежный элемент». Таким образом, Кавказ был избавлен от горючего материала, и восстание, наподобие случившегося в 1877 г., не могло повториться.²² Скрывающиеся от власти, выразившие желание идти на войну, амнистировались. На призыв в Кавказскую туземную (в просторечии «Дикую») дивизию откликнулись сотни охотников, не имевших за душой ничего, кроме охоты погреть руки на войне. «У чеченского офицерства... во время войны... родился особого рода кафешантанный национализм, — писал чеченский автор в 20-х гг., — причудливо уживавшийся в то же время с пением „Боже царя храни!“».²³

В результате от невоеннообязанных трех миллионов закавказских мусульман (в основном азербайджанцев) был выставлен один Татарский полк, от одного миллиона горцев Северного Кавказа — несколько полков.²⁴ Они составили Кавказскую Туземную конную дивизию.

Большинство офицеров дивизии были русскими. С первых дней войны выделялся дисциплиной и внутренней спайкой Татарский полк под командованием полковника П. А. Половцова (сформированный в г. Елизаветполе). В полку сложился высокий боевой дух, и вскоре вся армия заговорила об отважных «татарах» (т. е. азербайджанцах). По Татарскому полку равнялась вся дивизия. Галицийскую кампанию 1914—1915 гг. «татары» озаменовали участием в невероятном по смелости переходе Карпат. Они «терроризировали» Венгрию, а при отступлении русской армии прикрывали отход и принимали на себя удары врага.²⁵ Позднее Половцов был назначен командиром Туземной дивизии, а в мае 1917 г. командующим войсками Петроградского военного округа. Командиром дивизии стал генерал-лейтенант Д. П. Багратион, внучатый племянник героя войны 1812 г. П. И. Багратиона.

Высокие боевые качества горцев признавались и в русской прессе того времени. Так, московский журналист А. Тамарин писал, что их звали «дикими» за отвагу. «Горцы не дикие, они носители традиций древней рыцарской культуры, они романтики, джигиты Аллаха, грозные в бою и великодушные в мирной обстановке... — считал он. — Лишения, голод, увечья и смерть на чужой стороне за русское дело — такова программа, выполняемая по сегодня Туземной дивизией».²⁶ В этом было много от официального имперского патриотизма.

Психология горцев была нетипична для большинства массы российских мусульман. Среди русских им был аналог — казаки, известные не только высокой выучкой, но и жестокостью. К тому же надо учитывать: горцы были мусульманизированы относительно недавно, ислам они интерпретировали своеобразно, ставя на первое место не шариат, а адат.

В ходе войны отношение мусульман к российской власти менялось не в лучшую сторону. Численность мусульман в регулярной армии составляла от 800 тыс. до 1,5 млн. воинов. Большинство из них были татарами. Концентрация их в частях была различной. Известны случаи, когда в полках оказывалось сосредоточено 300, 500 мусульман.²⁷ Условия службы мусульман в русской армии формировали совершенно особое отношение к войне, командованию, русскому обществу в целом.

Мусульмане-воины, участники боевых действий на фронтах, слышали от своих офицеров, что «одна подошва русского солдата ценнее тысячи голов жалких инородцев», что с «татарвой», «татарской лопаткой» особенно церемониться нечего.²⁸ Да и русские солдаты подчас вымещали на них озлобление против командования. По словам одного солдата-мусульманина, в его роте взводный запрещал общаться по-татарски и собираться группами, ротный бил тех, кто, плохо зная русский язык, не умел петь «Боже царя храни» (петь по-татарски запрещали), некоторые русские солдаты дразнили татар «турками» и «басурманами». Показательны письма солдат: «Второй год страдаем на этой проклятой войне. Да хоть бы удовлетворяли всем, да относились по-человечески. А то на родном языке не говори, рыло под кулак подставляй... да еще вот татаризм мой. Хотел в школу прапорщиков — не взяли». Или: «Рана зажила, чувствую хорошо. Хотел ехать домой — не отпускают, видно, «татаризм» мешает». Из письма от 28 мая 1915 г.: «И вот сидим, думаем. Не знаем, на кого идем. Когда нас на фронт отправили, говорили за отечество и за царя, ничего нам не понятно. На родном языке разговаривать не разрешают... тысяча раз хуже чем в плену». Из письма от 15 декабря 1915 г.: «Вчера я получил георгиевский крест. Ходили мы давно уж в разведку и сняли австрийский дозор... Ротный сказал, что за русским царем служба не пропадет. Теперь тебя бить меньше станут... Георгиевский крест все-таки защита, а то все подзатыльники и ругань, потому что я мусульманин».²⁹ Тяготы солдатчины для мусульман были куда ощутимее, чем для русских.

Писем солдат-мусульман сохранилось немного. Отлично зная о цензуре, солдаты были очень осторожны, ограничиваясь часто сообщениями о здоровье, вопросами о родных. Татары-солдаты старались передать правду о жизни на фронте через товарищей, едущих домой лечиться или на побывку. Цензоры же широко пользовались правом задерживать все письма, если «не представится возможным их прочтение». Но и сохранившиеся письма позволяют утверждать, что татары-солдаты воспринимали войну как нечто чуждое. В частях в 1916 г. появились муллы, которые старались воодушевить мусульман. В одном из писем это комментируется так: «Назначенный в нашу армию 3-ю мулла... читает молитвы, увещевает нас. Сражайтесь с врагом до последней капли крови. Это завет великого нашего пророка Магомета, и вы должны это исполнить в точности». Иной раз муллы обещали улучшение участи мусульман в случае победы России: «Мусульманам будет польза, если Россия победит». Но из солдатских писем видно, что подобная агитация имела ничтожный успех. Сами фронтовые муллы порой проговаривались в своих письмах: «Поскорей бы конец всему, вернуться бы в отечество и служить Исламу». По сведениям казанского военного цензора, в декабре 1916 г. — январе 1917 г. о войне с фронта мусульмане, как и раньше, почти не писали, изредка встречались строки, полные патриотизма. Среди татар нижних чинов имелись сторонники победы. Из письма от 21 сентября 1914 г.: «Война, надо воевать. Ничего не поделаешь, надо немцу дать по шапке. Русские вот

веселятся, им понятна защита родины, а нам мусульманам как то и не то. Но драться мы будем храбро, не хуже русских». В письме от 12 января 1915 г.: «...Мусульмане гибнут за славян и за икону... Во имя родины мы все мусульмане рука об руку гибнем».³⁰

Известны факты доблестного исполнения своего воинского долга российскими мусульманами от рядовых до генералов. В рубрике «Незаметные герои фронта» в петроградском журнале «Нива» опубликован документальный очерк под названием «Герой-татарин» о рядовом Г. Гильманове, где подчеркивалось, что русские мусульмане свято исполняют присягу и беззаветно проливают кровь за Россию наравне с прочими ее верноподданными.³¹ Младший унтер-офицер Д. Нагаев гвардии Гренадерского полка, призванный в 1913 г. из Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, к лету 1917 г. имел Георгиевские медали 4-й и 3-й степеней и Георгиевский крест 4-й степени.³² Московский журнал приводил другие примеры доблести мусульман: «На днях пал в славном бою с турками кавказский мусульманин капитан Гагирбеков, ротный командир». Здесь же сообщалось, что поволжский офицер-мусульманин С. Г. Терегулов, воевавший на Западном фронте, был награжден пятью орденами и серьезно ранен.³³ Литовский татарин генерал-лейтенант Я. Юзефович командовал в 1914—1916 гг. 12-й армией и за мужество на фронте был награжден высшими наградами России, Франции, Англии и Испании.³⁴ В Кабардинском полку за годы войны с 1914 по 1917 г. прошли службу 1344 всадника из Кабарды и Балкарии, из которых 270 получили Георгиевские кресты,³⁵ 215 — медали «За храбрость», 11 стали полными Георгиевскими кавалерами.³⁶ Ингуш генерал С. С. Бекбузаров являлся кавалером орденов Св. Станислава, Св. Анны, Св. Владимира, трех Георгиевских крестов и золотого Георгиевского оружия.³⁷

Татары-солдаты постоянно жаловались в письмах и на холод, и на голод, и на потери, образованные мусульмане высказывали пожелание скорейшего мира. Один из цензоров констатировал: «Не видно... в татарских письмах и ясного понимания переживаемого момента, а раньше все-таки замечалось, но теперь татары не вглядываются в будущее России; если будущее их и интересует, то исключительно свое узко национальное будущее». Сознывая, что «писать много нельзя — секут, когда узнают, что солдаты правду пишут», автор одного из писем тем не менее сообщает: «Терпим много бед. Пусть скорее мирятся цари, нам хуже не будет, мулла... говорит, что мы здесь воюем не без пользы для нашей нации». Другой мусульманин просил татарскую газету: «В каждом номере пишите, что нас много миллионов и что у нас есть сознание». Между тем о победном конце войны, о необходимости «приобретения» проливов, Константинополя, о полной победе над германизмом, по свидетельству уфимского цензора от февраля 1917 г. ничего не говорилось.³⁸

Эти обстоятельства не привели, однако, к дезертирству. Пленные мусульмане отказывались воевать против русских. В одном из писем с фронта сообщается: «Был приказ, чтобы за мусульманами установить строгий надзор, так как мусульмане будто намереваются сдаваться в плен, поэтому на одного мусульманина назначили для надзора по одному русскому солдату. Нам, мусульманам, это очень оскорбительно и позорно, почему мы все пали духом, так как мы все как русские проливаем кровь».³⁹ Российские воины-мусульмане понимали выполнение воинского долга перед родиной как защиту не власти, от которой они достаточно натерпелись, а своего народа, который волею истории стал частью Россий-

ского государства. Разумеется, во всем этом присутствовала и доля политического прагматизма. По свидетельству М. Г. Исхаки, воины-мусульмане терпели в надежде на лучшее будущее, ибо считали, что в случае победы России последуют реформы и разрешение национальных проблем.⁴⁰

После Февральской революции мусульмане в армии некоторое время надеялись на улучшение своего положения, затем их настроения стали меняться в том же духе, что и русских солдат. Настроение характеризуют строки из письма: «Вчера принимали присягу Временному правительству... Теперь сами хозяева. Эфенди (мулла. — *С. И.*) говорит, что мы мусульмане теперь должны еще больше бороться за свободу... Не хочется только теперь и воевать. Теперь и русский и мусульманин равны и для чего воевать... Офицеры... пускай воюют и мулла пускай воюет. А мы посмотрим».⁴¹ Такие настроения характерны для наиболее отчаявшихся солдат, независимо от этнической принадлежности.

В Москве 30 апреля 1917 г. Конференция мусульман-воинов (треть делегатов были офицеры), представлявших почти все фронты и отдельные мусульманские воинские части, высказалась за скорейший мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. В связи с предстоящей мирной конференцией было признано необходимым привлечь в ее работу представителей мусульман России.⁴² Такие установки были характерны и для представителей других национальностей, в частности, украинцев. Этот замысел частично воплотился в жизнь во время Версальской мирной конференции.

С 1 по 11 мая в Москве проходил Первый Всероссийский мусульманский съезд. В принятой им 4 мая резолюции об отношении к войне говорилось: «Как мусульмане, мы протестуем против империалистической политики, где бы и в чем бы она ни выражалась, так как мусульмане всего мира — жертва европейского империализма». Далее приветствовалось обращение Петроградского Совета к трудящимся всего мира, заявление Временного правительства от 27 марта о мире без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов Европы, Азии и Африки. В заключение говорилось о необходимости «защищать Россию от всяких вражеских посягательств и во имя войны за свободу нести в жертву все наши силы и все наше достояние».⁴³ Такие заявления были типичны, они принимались под влиянием политиков-социалистов всех народов России.

При Временном правительстве процесс создания национальных формирований в армии ускорился. «Мусульманизация» армии казалась привлекательной и для национальных лидеров, и для солдат. На Первом Всероссийском мусульманском съезде в Москве полковник Арац-Хан Хаджи-Мурат, легендарный герой «Дикой» дивизии, подчеркнул: «Мы будем продолжать свою боевую работу во имя общей свободы до достойного России конца... Представляя здесь интересы шести полков народов Кавказа, я от их имени заканчиваю свое слово призывом: Да здравствует свободная Россия и все сущие в ее составе свободные народы!» Во время съезда представители дивизии объяснили журналисту А. Тамарину, что Февральскую революцию встретили как весть о милости Божьей, немедленно признали Временное правительство и закрепили это присягой. Они особо подчеркнули, что ни один их многих «мусульманских» полков нигде, никогда не выступал в роли карателя. Кавказские горцы, воевавшие с русскими царями, всегда считали русский народ неповинным в своей судьбе.⁴⁴ Горская аристократия выражала готовность участвовать в войне для утверждения собственного национального достоинства. Член Государственной думы М. Джафаров сообщал

осенью 1917 г. военному министру, что мусульмане Закавказья, лишенные при царском режиме возможности наравне с другими народами служить в армии, желают создать пехотную бригаду, артиллерийский дивизион и 2-й Татарский конный полк для участия в защите родины.⁴⁵ В гарнизонах Крыма работу по созданию национальных частей проводил Временный крымский мусульманский исполком. 16 июня 1917 г. 2 тыс. солдат Симферопольского гарнизона потребовали выделить их в отдельную воинскую часть, заявив, что на фронт они идти не желают и будут формировать крымский мусульманский батальон. 1 июля мусульманский комитет обратился к Временному правительству с просьбой о немедленном переводе в Крым из Новогеоргиевска Херсонского губернского маршевого эскадрона Крымского конного полка и об организации из солдат и офицеров крымских татар запасных частей особого татарского полка. Впоследствии из крымских татар были сформированы один пехотный и два кавалерийских полка — всего 6 тыс. человек.⁴⁶ По впечатлениям современника, «татары-эскадронцы, великолепно дисциплинированные» были встречены радостно и русским населением края, видевшим в них защитников от большевиков.⁴⁷ Можно определенно сказать, что в значительной части «мусульманизация» армии снизу была продиктована стремлением защиты мусульманских народов, а не российской власти.

Новоиспеченные мусульманские лидеры, особенно из числа пылкой молодежи, готовы были в порядке самоутверждения поддержать и наступательные действия на фронте. За несколько дней до наступления русской армии председатель ЦК Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана ротмистр Чеченского конного полка Т. Чермоев в телеграмме из Владикавказа в штаб Кавказской конной дивизии заверял, что ЦК Союза горцев «горд сознанием, что наша славная дивизия, состоящая из свободных сынов Кавказа, обратилась с воззванием, приглашающим своих боевых товарищей, солдат Западного фронта, к наступлению». Когда же воины дивизии ознакомились и с другой телеграммой ЦК Союза горцев военному министру А. Ф. Керенскому. ЦК, говорилось в ней, гордится тем, что в ответ на его призыв «наступлением защитить свою свободу» одними из первых откликнулись «наши братья — сыны свободы, воины Кавказской дивизии».⁴⁸ Понятно, что эта фразеология не отражала мнение всех воинов мусульман. Но влияние на их сознание она оказывала. Боевой пример конной дивизии вдохновлял мусульман, но до какой степени?

О доблести и мужестве дивизии в боях в Галиции свидетельствует телеграмма от 27 июня командующего 8-й армией генерала Л. Г. Корнилова комдиву генералу Багратиону: «По последним донесениям вижу, что славные полки доблестной дивизии несут свою боевую службу перед Родиной с их обычным мужеством и геройским порывом». Корнилов не поскупился на награды. В своем приказе Багратион подчеркнул, что «все части дивизии еще раз доказали свои высокие боевые качества», за что удостоились благодарности командования. Несмотря на рост пораженческой пропаганды, деморализующей порой целые дивизии, Кавказская дивизия сохраняла верность воинскому долгу.⁴⁹ Один из русских журналистов заявил даже, что тогда как русская армия «бралась», горцы «дрались по-прежнему и в пешем строю заменяли отходившие на тыловые митинги русские части».⁵⁰

Высокая боеспособность «Дикой» дивизии служила сильным аргументом в пользу требований ускоренного создания особых мусульманских частей со сто-

роны мусульманских лидеров. Член Всероссийского мусульманского совета И. Шагиахметов доказывал, что «характерным показателем того, насколько высоко повышает воинскую полезность спайка однородных элементов, служит широко известная мусульманская туземная дивизия».⁵¹ Российская власть, со своей стороны, по примеру других воюющих держав, пыталась теперь опереться на элитные «национальные» части.

21 августа Кавказская дивизия, переброшенная в район Пскова, пополнилась тремя конными полками — 1-м Дагестанским и двумя Осетинскими — и развертывалась в корпус двухдивизионного состава во главе с генерал-лейтенантом Багратионом. Его поведение в дни Корниловского выступления, когда он отказался двигаться на Петроград, не понравилось военному начальству. 2 сентября 1917 г. командиром Кавказского конного корпуса вновь стал Половцов. 13 сентября он отдал приказ по корпусу о передислокации на Кавказ.⁵²

Решительный отказ туземцев от репрессивных действий попытались использовать мусульманские лидеры. «Надо же признать, — писал один из руководителей Всероссийского мусульманского военного совета прапорщик У. Токумбетов, — что не было... за время этой войны... более дисциплинированной, сохранившей и сейчас, во время великого развала, подлинный воинский дух воинской части, чем туземная дивизия, в настоящее время развернутая в туземный корпус. И напрасно... клеветуют некоторые публицисты, что эта дисциплина держалась и держится кулаком и палкой. Нет, — это железная и сознательная дисциплина... основана единственно на беспредельном взаимном уважении и вере командного состава и всадников (солдат)... Эта вера и уважение своим источником имеют религиозно-национальное единство, соединяющее командный элемент и массу в тесные узы дружбы». Если правительство «в решающий последний момент мирового столкновения народов, желает иметь еще подобные туземные дивизии, то оно должно... приветствовать наши стремления».⁵³

Мусульманские организации пытались облегчить службу мусульман в русской армии. В докладной записке Временному правительству делегации всероссийских мусульманских съездов, состоявшихся в Казани летом 1917 г., отмечалось, что солдаты мусульмане в массе своей владеют русским языком недостаточно, чтобы уяснять и выполнять требования, продиктованные военной обстановкой; религиозный фактор, имевший важное значение для укрепления боевого духа, в условиях привилегированного положения православной церкви сходил на нет; пребывание мусульман в армии создавало затруднения в исполнении предписаний, налагаемых на них Кораном, что создавало внутреннюю напряженность среди воинов.⁵⁴

То, что ислам существенно повышал моральный дух воинов, было хорошо известно.⁵⁵ Мусульманские лидеры гордились этим.⁵⁶ Их мнения подтверждались военными экспертами.⁵⁷ Но означало ли это, что мусульмане готовы пассивно следовать имперскому курсу?

Для них было характерно стабильное следование однажды выбранному курсу, освященному верой. Не случайно решения московского съезда мусульман по вопросу о войне были подтверждены всероссийскими мусульманскими съездами — гражданским, военным и духовенства в Казани в конце июля 1917 г. Министру иностранных дел М. И. Терещенко Второй Всероссийский мусульманский съезд послал телеграмму о необходимости более решительной и последовательной внешней политики. Многомиллионная мусульманская Россия по вопросу о целях

войны не встала на позиции российской буржуазии. Более того, мусульмане и позднее продолжали подчеркивать, что признают право на национальное самоопределение за всеми народами Европы, Азии, Африки.⁵⁸ После заявления М. И. Терещенко по вопросу о внешней политике России от 16 октября 1917 г. в печатном органе Всероссийского мусульманского совета было недвусмысленно сказано, что мусульмане России уже давно выражали недовольство им, поскольку его курс не ушел далеко от политики П. Н. Милюкова.⁵⁹ Все это показывает, что к концу 1917 г. мусульмане сформировали собственное отношение к международной политике, не забывая при этом своих культурно-национальных потребностей в Российском государстве.

Боевой дух и воинская дисциплина мусульман-воинов были относительно устойчивыми на общем фоне разложения русской армии, и это пытались использовать российские военные и политики самой различной ориентации. В октябре 1917 г. военный министр А. И. Верховский поручил Всероссийскому мусульманскому военному совету сформировать специальные мусульманские части. Планировались две дивизии, но они так и не были созданы.⁶⁰ Позднее отстраненный от своей должности большевиками главнокомандующий Н. Н. Духонин, видимо, надеялся, что создание мощного мусульманского воинского соединения поможет в борьбе против большевиков. Со своей стороны, в феврале 1918 г. глава Наркомнаца Сталин разрешил формировать мусульманские части Красной Армии.⁶¹ Противоборствующие российские силы нуждались в устойчивых военных формированиях и потому пытались опереться на мусульман. Заявление Всероссийского мусульманского военного совета в конце декабря 1917 г. о том, что он является «верховой властью мусульманских войск»,⁶² подталкивало именно к таким решениям. В любом случае российские политики по-прежнему пытались разыграть «мусульманскую карту» в своих узкополитических интересах. О реальных устремлениях мусульман они не задумывались, рассчитывая, что те поддержат ту власть, которая им больше наобещает.

Мусульмане менее других российских этносов оказались подвержены вирусу национального сепаратизма. Это не мешало им вывести вопрос о своей культурной самобытности на международный уровень. Известно, что в работе Версальской мирной конференции приняли неофициальное участие представители мусульманских народов России, особенно были заметны представители Азербайджанской Демократической республики.⁶³ Переговоры с лидерами западных держав также вели представители культурно-национальной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири.⁶⁴ При этом их намерения вовсе не состояли в том, чтобы усилить распад Российского государства. Идеалы мусульман не ограничивались сферой узконациональных интересов, их больше интересовало справедливое мироустройство в целом. Исходя из этой посылки они думали и о проблемах России, и своих собственных. При этом главным итогом произошедших под влиянием мировой войны и революции в России перемен в психологии российских мусульман и их лидеров можно считать осознание собственных сил и возможностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Достаточно сказать, что среди материалов представительной международной конферен-

ции только два доклада касаются этой проблематики. См.: *Zurcher E. Little Mehmet in the*

- Desert: The Ottoman Soldiers's Experience; *Khalidi R. The Arab Experience of the War // Facing Armageddon: The First World War Experience / Ed. by H. Cecil and P. Liddle. London, 1996.*
- ² *Сюкияйнен Л. Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997. С. 18, 26.*
 - ³ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Казань, 1932. С. 175.
 - ⁴ Известия Всероссийского мусульманского совета (далее — ВМС). 1917. 20 октября.
 - ⁵ *Тоган З. В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрков за национальное существование и культуру / Пер. с тур. М., 1997. С. 100, 101.*
 - ⁶ Национальные движения в период первой революции в России. (Сборник документов из архива быв. департамента полиции). Чебоксары, 1935. С. 274—275.
 - ⁷ Цит. по: *Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. С. 49.*
 - ⁸ Цит. по: Царская армия в период мировой войны и Февральской революции... С. 176.
 - ⁹ *Сюкияйнен Л. Р. Указ. соч. С. 19.*
 - ¹⁰ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции... С. 175.
 - ¹¹ Цит. по: *Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. 1919—1927. М., 1934. Т. 4. С. 350—351.*
 - ¹² *Сюкияйнен Л. Р. Указ. соч. С. 18—19.*
 - ¹³ *Исхаки Г. Идель-Урал. Казань, 1991. С. 47. В повести «Ойгэ таба», опубликованной в Берлине в 1922 г., он описал настроение солдат и офицеров мусульман русской армии.*
 - ¹⁴ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции... С. 177, 179—181, 183.
 - ¹⁵ *Захаров М. Национальное строительство в Красной Армии. М.; Л., 1927. С. 12—13.*
 - ¹⁶ Известия ВМС. 1917. 13, 20, 27 октября, 10 ноября.
 - ¹⁷ *Geiss I. The Civilian Dimension of the War // Facing Armageddon... P. 16—22.*
 - ¹⁸ *Захаров М. Указ. соч. С. 21—23. Военный историк Н. В. Подпрятков, опираясь на публикацию М. Захарова, уверяет, что в июльском проекте 1914 г. говорилось о полной непригодности к службе киргизов Западной Сибири и Степного края из-за слабого физического здоровья, плохого знания русского языка и «неразвитых умственных способностей». (Подпрятков Н. В. Национальные меньшинства в борьбе за «честь, достоинство, целостность России...») // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 54—55). Однако тогда «киргизами» называли казахов, и из документа военного ведомства видно, что речь шла лишь о части казахского населения. Данная статья грешит и*
 - другими тенденциозными передержками, которые могут быть интерпретированы как шовинистические выпады.
 - ¹⁹ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции... С. 177.
 - ²⁰ См.: *Хаджиев Р. Б., хан. Великий Бояр. (Ген. Л. Г. Корнилов). Белград, 1929.*
 - ²¹ Утро России. 1917. 30 июля.
 - ²² *Керсновский А. А. История русской армии. М., 1994. Т. 3: 1881—1915 гг. С. 267.*
 - ²³ *Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927. С. 10—11.*
 - ²⁴ Известия ВМС. 1917. 6 октября. Дивизия формировалась с августа 1914 г. в составе 6 полков по 600 добровольцев в каждом — Дагестанского, Кабардинского, Чеченского, Ингушского, Черкесского и Татарского. Командовал дивизией брат императора вел. кн. Михаил Александрович, что льстило самолюбию кавказских народов. Полки именовались по национальности большинства бойцов, но являлись многонациональными формированиями. Так, военнослужащие Дагестанского полка представляли до 20 различных национальностей. Абхазская сотня, сформированная в начале мировой войны, вошла в качестве 4-й сотни в Черкесский полк. Две чеченские сотни входили и в состав Черкесского полка. В Кабардинском полку служили также русские, украинцы, белорусы, осетины, грузины, армяне (*Дзидзария Г. А. Советская власть в Абхазии в 1918 году. Сухуми, 1972. С. 121—122; Опрышко О. На изломе времен... Нальчик, 1996*).
 - ²⁵ Утро России. 1917. 25 мая; Известия ВМС. 1917. 8 сентября.
 - ²⁶ Утро России. 1917. 5 мая.
 - ²⁷ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции... С. 198, 203. Среди призванных в ряды русской армии тогда был и мой дед Нурислам, житель небольшого аула Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Погиб он на фронте в начале Великой Отечественной войны.
 - ²⁸ *Захаров М. Указ. соч. С. 30.*
 - ²⁹ Согласно положению о награждении крестами и медалями в русской армии солдаты нехристианского вероисповедания получали награды, на которых изображение христианских святых заменялись государственным двуглавым орлом.
 - ³⁰ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции... С. 100, 184—185, 187, 189, 190, 198 и др.
 - ³¹ *Нива. 1917. № 8. С. 128.*
 - ³² Революционное движение в русской армии (27 февраля — 24 октября 1917 года): Сборник документов. М., 1968. С. 256.
 - ³³ Национальные проблемы. 1915. № 3. С. 38—39; № 4. С. 38.

- ³⁴ *Гришин Я.* Польско-литовские татары. Казань. 1995. С. 81.
- ³⁵ Мусульман-воинов полагалось награждать особым Георгиевским крестом с изображением двуглавого орла, а не Георгия Победоносца. Но те не признавали креста с орлом, а всегда требовали с Победоносцем: «С птицами не надо, с джигитом давай!» (См.: *Подпряттов Н. В.* Указ. соч. С. 59).
- ³⁶ *Опрышко О.* Указ. соч. С. 237—238.
- ³⁷ *Хамчиев С. А.* Хронология истории ингушского народа. Саратов, 1996. С. 136, 16.
- ³⁸ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции... С. 100, 106, 184.
- ³⁹ Там же. С. 198.
- ⁴⁰ *Исхаки Г.* Указ. соч. С. 47.
- ⁴¹ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции... С. 203.
- ⁴² Утро России. 1917. 2 мая.
- ⁴³ *Цаликов А.* Мусульмане России и война: Речь, произнесенная на Всероссийском Мусульманском съезде в Москве 1—11 мая 1917 года. Пг., 1917. С. 15.
- ⁴⁴ Утро России. 1917. 3, 5 мая.
- ⁴⁵ Известия ВМС. 1917. 6 октября.
- ⁴⁶ *Витман К. Н.* Гражданская война и национальные воинские формирования // Революция и Гражданская война 1917—1920 годов: новое осмысление. Симферополь, 1995. С. 20.
- ⁴⁷ Власть народа. 1917. 15 декабря.
- ⁴⁸ *Опрышко О.* Указ. соч. С. 193, 194.
- ⁴⁹ См.: Там же. С. 194—199.
- ⁵⁰ Известия ВМС. 1917. 8 сентября.
- ⁵¹ Там же. 11 августа.
- ⁵² *Опрышко О.* Указ. соч. С. 202—204.
- ⁵³ Известия ВМС. 1917. 15 сентября.
- ⁵⁴ Там же. 11 августа.
- ⁵⁵ См.: Утро России. 1917. 8 сентября.
- ⁵⁶ См.: Известия ВМС. 15 сентября.
- ⁵⁷ См.: Там же. 11 августа.
- ⁵⁸ Там же. 13 октября.
- ⁵⁹ Там же. 20 октября.
- ⁶⁰ *Якупов Н. М.* Борьба за армию в 1917 году. М., 1975. С. 172. В литературе появились сведения, что 14 ноября 1917 г. главком Н. Н. Духонин приказал сформировать мусульманский корпус в составе двух стрелковых дивизий, для чего со всех фронтов, кроме Кавказского, предусматривалось выделить по 7 тыс. солдат строевых и нестроевых частей (*Витман К. Н.* Указ. соч. С. 20). К сожалению, автор не указал источник этих сведений. По-видимому, это должно было произойти на Румынском фронте под руководством литовских татар генералов М. Сулькевича и А. Мильковского (*Исхаков С. М.* Февральская революция и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 201.).
- ⁶¹ См.: *Гиззатуллин И. Г.* Защищая завоевания Октября. М., 1979. С. 38—40.
- ⁶² Власть народа. 1917. 31 декабря.
- ⁶³ Подробнее см.: *Раевский А.* Мусаватское правительство на Версальской конференции. Доклад председателя азербайджанской мусаватской делегации. Баку, 1930.
- ⁶⁴ Подробнее см.: *Айда А.* Садри Максуди Арсал. Пер. с тур. М., 1996. С. 123—132.

ДИСКУССИЯ

П. Холквист. Перед нами очень интересные сообщения. В основном ряд вопросов скорее концептуальных, чем эмпирических. Все авторы стремятся переосмыслить категории, принятые историками. К тому же часто обращают внимание на вопросы, затронутые не раз на предыдущих сессиях. Здесь важны некоторые из этих моментов в плане показа, насколько актуальна проблема переосмысления понятий. В докладе В. В. Носкова говорилось о том, что русская интеллигенция поняла войну как общесоветскую, при этом присутствовал момент освободительный не только для российского общества, но и для народов, входящих в состав империи. Дж. Санборн и С. Морисси прямо поставили вопрос о политическом устройстве империи и понимании его в плане отечества или нации. Б. И. Колоницкий отметил, что важно представить не только образ главного врага, но и изучить образ своих союзников. Помните, в докладе имеются интересные материалы такой структуры, в частности афиши, которые распространялись среди русских военнопленных в австрийских и немецких лагерях. Интересна тема камарильи, к которой обращается И. В. Лукоянов. И здесь правые, те самые, о которых он нам доложил, играли свою роль. У меня четыре общих замечания и один общий вопрос перед тем, как я перейду к отдельным сообщениям.

Во-первых, все сообщения, это особенно ярко выражается в докладах В. П. Булдакова и М. фон Хагена, обращают внимание и на сравнение опыта России в мировой войне с опытом других стран. Ведь вместо так называемых обычных подозреваемых (здесь я имею в виду Англию, коварный Альбион, Францию, Германию и даже Америку), авторы ставят Россию рядом с другими империями. С.М. Исхаков показал, что надо иметь в виду и Османскую империю, о которой речь пока не шла. Важно то, что авторы указывают на другую форму сравнений — не по национальным признакам, а по типологии политических структур. Действительно, с такой точки зрения траектории движения этих государств похожи. Приведу важное, на мой взгляд, замечание В. Булдакова, что Антанта не победила, пока в войну играли все мировые империи, независимо от географической принадлежности. Он отмечает, что линия, разделяющая победителей и побежденных после окончания войны, шла не между государствами, а внутри каждого без исключения общества. Ленин мог бы сказать то же самое. Но здесь я выступаю неожиданно с тезисом русской особенности. Остальные мировые империи распались. Советское государство сумело воссоздать политическую структуру из бывших составных частей Российской империи, кроме Финляндии и

Польша. Это как будто уникальное достижение. Возникает вопрос: имели ли здесь значение не только политика и насилие большевиков, но и политический уклад самой Российской империи? Думается, следует искать корни воссоздания империи не только в действиях большевиков, но и в свойствах, присущих Российской империи. Готова ли была почва для действий большевиков?

Второе замечание. Все авторы показывают, что понятие империя этносоциальное, этнонациональное. Мы не должны удивляться странному совпадению: этнонационального сближения и верности империи и династии. В этом плане интересна статья, по-моему, Исхакова: здесь Россия представлена не как нация, а как империя, внутри которой развиваются разные формы национального самосознания, в том числе и русского. Имперский принцип, имперство может существовать не только рядом с национальным принципом, они могут совпадать и даже совмещаться. Пример тому — Союз Советских Социалистических Республик. Если он и был красной империей, то это была империя нового типа, империя, составленная из наций. Можно это проверить просто по паспорту.

Третье замечание. Это вопрос о развитии гражданского общества в условиях войны и о том, как оно сочеталось с государственным насилием. Три примера, глубоко символические, указывают на то, что благотворительные общества, комитеты играли важную роль в мобилизации национального населения, в развитии национального самосознания в годы войны. Эти явления заметили еще П. Гэтрелл в своей работе и С. Стайн в одной из статей. Я знаю, что А. Н. Курцев показывает роль государства в формировании этих обществ. Последний пример — это и вопрос, и провокация, чтобы заставить подумать о том, что представляет собой гражданское общество. Должны ли мы считать правые патриотические организации признаком гражданского общества? Здесь возникает вопрос: что важнее — верность или ее форма?

И сейчас я перехожу к четвертому замечанию. Все авторы показывают, что империя, все эти империи соблюдали политику «разделяй и властвуй». Здесь ничего нового нет. Это античный римский принцип, даже само выражение происходит оттуда. Важна здесь, по-моему, не сама политика, а форма ее осуществления, т. е. важно не столько содержание, или не только содержание тезиса мобилизации — политическая или национально-освободительная, а важны формы реализации ее. Через какие формы ведется мобилизация? Здесь и на предыдущих сессиях мы говорили о мобилизации через милитаризацию, через мобилизацию этничности, через демократизацию в той форме, как уточнили ее В. Ю. Черняев и У. Розенберг. Мой вопрос: каково соотношение между этническим принципом и национальным? Потому что здесь в сообщениях в основном речь шла об этнонациональной принадлежности. Как же эта этнонациональная принадлежность соотносится с национальной? Как они влияют друг на друга?

Перехожу к отдельным докладам. Во-первых, доклад В. Булдакова. Здесь широко и полезно, по-моему, был поставлен основной вопрос, даже можно сказать, что он поставлен в глобальном плане. Автор указывает на очень существенный факт: почти все участники великой войны представляли из себя империи. Ни один из участников не был просто нацией. Стоит помнить, что не только Российская империя справлялась, например, с подавлением восстания во время войны в 1916 г. И у англичан было восстание в Ирландии в том же году. И все эти империи старались мобилизовать свои колониальные ресурсы. Можно соглашаться или не соглашаться с категориями империи, полуимперии, индустриальными и

демократическими началами для империи, но важен факт, что мы имеем дело именно с империей. Автор приводит интересную мысль: существуют и женские пути возрождения имперства. Мне хочется знать, какие именно были эти формы возрождения. Приведу хотя бы один пример: достижение избирательных прав для женщин было тесно связано с войной. По этому поводу автор одной статьи предполагает, что тотальная война выработала так называемый треугольник мобилизации, т. е. уничтожение товаров и людей, воспроизводство товаров и воспроизведение населения. И в двух последних женщина конечно играет ключевую роль. Но доклад В. Булдакова не убеждает меня в том, что психопатология охватила общество эпохи начала XX в. Мне лично непонятно, что это обозначает. Мне хотелось бы уточнения. В чем содержание этой болезни? Откуда она взялась и почему именно в это времена? И самый главный вопрос здесь — каково отношение между обществом психопатологии и отдельными личностями, составляющими его? Я задаю этот вопрос потому, что в конце доклада затрагивается вопрос об индивидуальном самоубийстве и как оно связано с этими общественными явлениями.

Мой следующий вопрос относится к докладу С. М. Исхакова. Он касается соотношения позиций верхов и низов. Здесь предполагается, что элита или аристократия призывает своих собратьев служить в войне только ради своего национального достоинства. Это как будто противоречит общим принципам войны. Мне хочется знать, какова была идеология этой элиты? Когда они говорят о том, что надо защищать родину, как именно они мыслили эту родину? Как представляется эта родина в войне? И каково было настроение этих низов? К тому же мне кажется, что здесь мы имеем дело не с войной глазами мусульман. Хочется знать, как реагировали на войну родственники той части мусульман, которая служила в армии, и как реагировали на войну другие части мусульман. Я затрудняюсь комментировать доклад М. фон Хагена, потому что он мой научный руководитель по диссертации и он существенно влиял и на мои взгляды. Что хочется знать, это в основном вопрос о категориях. Но не о категориях профессиональных историков, а тех категориях, которые употребляли военные — и германские, и русские. Каким образом власть устанавливала национальную принадлежность? Вербовка, например, немецких и австрийских военнопленных велась по национальным признакам. Как устанавливали, кто украинец и кто русский? По языку, по самоопределению? И по каким категориям были составлены эти списки русскими военными властями? Как и кем устанавливалась политическая благонадежность этих отдельных военнопленных? И последний момент. Картина активизации патриотических и правых организаций получается немножко иная, чем картина, представленная в докладе Ю. И. Кирьянова. Он указал на спад активности и численности правых партий. Появились ли новые формы идентификации и для русских, и особенно для русских правых?

В. В. Носков. Поднятые в ходе нашего заседания проблемы чрезвычайно важны, это очевидно, тем более, что они имеют далеко не частное значение: проблемы имперские, национальные, их взаимосвязи объясняют и происхождение войны, и ее специфику, и ее итоги, и ее историческое значение. Поэтому очень правильно, что эти проблемы были выделены в отдельную секцию и подвергнуты комплексному осмыслению. Несмотря на очень широкий круг участников Первой мировой войны, в которую оказалось вовлечено много мелких госу-

дарств, по своему происхождению — это действительно война империй. Хотелось бы подробнее остановиться на этом вопросе, прежде всего потому что сегодня и в докладе, и в комментарии П. Холквиста затронут вопрос о типологии империи. Я попробую в двух словах определить свою точку зрения, изложенную в статье, которая, я надеюсь, будет вскоре опубликована в университетском сборнике. Она посвящена как раз типологии империй нового времени, и в том числе вопросу о том, как развитие имперского начала привело к возникновению Первой мировой войны. Я рассматриваю Первую мировую войну как завершение эры протестантского империализма. Эра, которая началась с Ватерлоо и окончательно стала главной формой империализма после Седана, т. е. после образования Германской империи. В конечном итоге две главных протестантских империи — Германия и Англия — столкнулись, но конфликт, как мы все знаем, был очень опосредствованный, т. е. потребовал включения в него и военного столкновения держав иного ряда, которые имели интересы на Балканах. В результате мы получили вот эту войну. Роль империй в происхождении войны, их участие в войне были хорошо осознаны современниками. Эта имперская проблема получила очень широкое освещение в трудах тех людей, взглядам которых я посвятил свой доклад, людей, о которых говорили многие другие. В сочинениях того времени был рассмотрен очень широкий круг вопросов. В частности, это были и теоретические вопросы, связанные с понятием империя, и с понятием империализм, который тогда, как вы понимаете, осознавался несколько по-иному, чем мною и моими коллегами, получившими образование в последующее время. Соответствующие изыскания были предприняты в то время в трудах Бердяева, Струве, Эрнана, многих других русских мыслителей. Деятели того времени, особенно Бердяев, попытались исследовать сложнейшую диалектику взаимоотношений империи и национального государства. Этот факт — то, что современники очень серьезно откликнулись на эту проблематику, — необходимо иметь в виду, когда мы сами теперь возвращаемся к этим вопросам. Была предпринята, в частности, попытка выделить особый «русский империализм». Этому вопросу посвящали свои работы и Бердяев, и Струве, и Котляревский. Попытка, как мне кажется, неудачная, поскольку западный термин «империализм» пытались наполнить «русским» содержанием. А целый ряд деятелей пошел по более простому пути, например, Миллюков просто брал имперский опыт Запада и предлагал его России, прежде всего опыт Британской империи. Такой опыт был очень широко представлен в либеральной пропаганде и в военной публицистике того времени.

Далее, хотелось бы подчеркнуть, что эти вопросы очень взаимосвязаны — империя и национальные движения. Война связала их еще более, поскольку концентрация событий в очень короткий исторический период была очень высокой, а темп развития событий стал катастрофическим, стремительным, и все вообще перемешалось. Но, как мы можем убедиться, вопрос об империях и судьбе той или иной национальности решался по-разному. Опыт XX в. это подтверждает. Империя в принципе может быть уничтожена, — и конкретная империя, и явление империи как историческая данность, как историческое явление в принципе уничтожимы. Нация представляет совершенно противоположное явление, явление вневременное, сущностное, поэтому война способна разрушить любую империю, но она не может разрешить какой-либо национальный вопрос, если не считать паллиативов. Это различие необходимо иметь в виду, когда мы подходим к подобного рода проблематике. Как и в трудах современников событий, так и в

историографии подчеркивалось, что национальная проблема является центральной в понимании той войны, которая началась в 1914 г. Недавно, наконец, переведена на русский язык книга английского историка Джеймса Джолла. Там есть очень интересная глава, посвященная «настроениям 1914 г.», в которой он тоже приходит к тому выводу, что национальные цели, национальные вопросы перекрыли все остальное по своему значению, определив суть этой войны. Для России это имело особое значение, может быть даже большее, чем для любой другой державы, — проблема национальная и проблема сохранения империи. В России, когда война началась, была предпринята попытка представить ее как отечественную. Словосочетание Великая Отечественная Война с трех больших букв появилось именно тогда, но не продержалось долго.

Теперь мы подходим непосредственно к докладам, которые свидетельствуют о важности данной проблематики, о ее актуальности. Эти доклады несомненно интересны и очень важны по своему вкладу в понимание проблемы. Я бы хотел сделать еще одну оговорку относительно понятийного аппарата, поскольку вопрос этот принципиально важен. Петербургский историк Д. А. Коцюбинский, который буквально на днях блестяще защитил диссертацию о Русском национальном союзе в этот как раз период, призвал придерживаться «категориального конвенционализма». Достаточно сложно звучит, но я думаю, все присутствующие понимают, что речь идет о понятиях, которые по восприятию должны представляться общими для всех, т. е. нас призывают придерживаться таких понятий, которые в представлениях конкретного автора должны быть понятны и всем остальным. Либо, как мне кажется, когда мы пишем свои сочинения, необходимо прямо оговаривать или контекстом пояснять, что мы вкладываем в то или иное понятие. Не нужно объяснять, насколько по-разному западная историография и российская историография трактуют, допустим, термин «империя» — более политизированное значение на Западе и более идеологизированное у нас. Или возьмем термин «нация». В западной политической и исторической мысли это более политический термин, у нас он более этнический по содержанию, по направленности. Вот те общие соображения, которые, мне кажется, абсолютно необходимо иметь в виду, когда мы касаемся данной проблематики.

Что касается докладов, то тут развернутый анализ просто невозможен. Я попробую обсудить самые важные проблемы, которые являются общими если не для всех, то для большинства, и начну с доклада коллеги фон Хагена. Очень важна формулировка названия этого доклада, где указывается на искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи. В самом же докладе затрагивается чрезвычайно важный вопрос о выплеске архаики, архаического сознания на поверхность современных событий. И я хотел бы сказать по этому поводу, что в настоящее время для этнографов это одна из самых больших проблем. Тот всплеск национальных движений, который сопровождал распад СССР и рождение новой России, абсолютно невозможно объяснить в рамках примитивной либеральной догматики, которая исторически имеет достаточно современное происхождение. Дело в том, что в этих национальных движениях происходит выплеск архаики, архаических подсознательных, может быть, настроений, которые аккумулировались в народах на протяжении столетий или даже тысячелетий, и объяснить их в терминах современности абсолютно невозможно. Нужно анализировать архаику как таковую. В докладе фон Хагена, в частности, употреблена такая формулировка: «первобытный национализм регионов». Более детально этот

вопрос рассматривается в докладе В. П. Булдакова. Здесь употребляются еще более резкие формулировки, в частности сказано, что в национальных конфликтах всегда проявляются самые дикие племенные инстинкты. Имеются в виду события Первой мировой войны, но и по отношению к современным этническим конфликтам сделаны примерно такие же выводы. Но что еще более важно, в докладе В. П. Булдакова затрагивается не только национальная архаика, но и социальная архаика, которую даже в большей степени необходимо иметь в виду.

В докладе В. П. Булдакова вызывает некоторые сомнения предложенная им типология империй, и даже не столько само содержание предложенной типологии, а утверждение, что она общепризнана. С этим я не могу согласиться. В частности, в сочинениях таких современников войны, как Бердяев, Струве, мы можем найти иную типологию империй. Я хотел бы обратить внимание присутствующих, что эта чисто цивилизационная, новомодная типология империй, которая предлагается в докладе коллеги Булдакова, не может считаться общепризнанной. Мне непонятно, что обозначает употребленный в докладе В. П. Булдакова термин «имперство», тем более, мне кажется, что он не совсем точно отражает содержание представленного доклада. Речь идет о системном кризисе Российской империи как таковой. А что такое «имперство» в отличие от «империи» и от российской, может быть даже цивилизации, мне лично не очень понятно. И последнее. Я хотел отметить необыкновенно современное звучание всех представленных докладов.

На наших глазах происходят абсолютно узнаваемые процессы, раз за разом возрождаются повторяющиеся ситуации. Для себя я сформулировал некий «закон воспроизводства исторических ситуаций». Наиболее яркий пример — Босния, где за полтора столетия возникло четыре кризиса громадного международного значения. Я полагаю, что если проблема не решена одним поколением, то она имеет способность воспроизводиться в новых условиях при жизни других поколений, при стечении сходных обстоятельств. Вот это, мне кажется, подчеркивает необходимость изучения тех проблем, которым посвящена сегодняшняя секция, и более того, подчеркивает важность нашего ремесла вообще, нашей профессии, поскольку кто, как не мы, может показать политикам, что нельзя оставлять в истории мины замедленного действия. Эти мины имеют обыкновение взрываться.

А. Н. Курцев. Наибольший интерес лично для меня представляет доклад коллеги М. фон Хагена. Это не случайно, потому что он посвящен национальному вопросу в России. А мне представляется, что это самый сложный и одновременно самый деликатный вопрос в российской истории, и не только истории, а и современности. Автор впервые поставил и в целом достаточно верно раскрыл проблему искусственного усиления этнического самосознания. Но автору следовало уточнить формулировки заголовков, постановку целей, отметить, что речь идет только о дискриминируемых этносах в России. Недаром прозвучал уже вопрос — а где же русские, великороссы, где собственно государствообразующая нация? Второе замечание касается собственно термина искусственное усиление, его определения. Я проанализировал содержание доклада и мне представляется, что речь идет о двух группах факторов. Первая — это собственно искусственные методы. Приведу пример: национальная идеологическая обработка военнопленных. Это чисто искусственное явление, которое имеет свои практические плоды. Но ведь кроме этих факторов были и те, которые никак искусственными не назо-

вещь. Это объективные последствия возможно некоторых искусственных шагов. Это реальность, которая никак заранее не обдумывалась. Приведу пример. Появление национальных беженских организаций. Ничего подобного Россия никогда не знала. Да разве можно представить, что где-то в захолустной глубинке типа Тамбова, Курска, Воронежа, в Сибири, вдруг появятся еврейские, польские, литовские организации со своими офисами, со своими бюджетами, которые будут добиваться у губернаторов, у всех властей обязательного решения своих проблем. Этого невозможно было представить до 1914 г. Все это появилось. Разве это искусственно? Нет. Все дело в выселении и в беженстве. Не было бы этого явления, оставили бы в покое еврейское население, не выселяли бы его, а собственно так и предполагалось — оставить, его запрещали выселять. Получилось так, что они вместе с огромной массой беженцев других национальностей просто ушли вглубь России. Это были объективные последствия более ранних шагов. Еще один пример — черта оседлости. Справедливо, хорошо, что автор отметил это, но фактическая отмена черты оседлости последовала за правительственным распоряжением от 19 августа 1915 г. (я в своем докладе говорю о ней кратко, но складывается впечатление, что эту и другие страницы по национальным беженским организациям просто докладчик не увидел, не успел в рамках нашей сессии). Почему появилось это распоряжение? Это что, искусственное явление? Нет, это реальность. Поэтому, подчеркиваю, что несмотря на поставленную цель, автор более широко обратился к проблеме, затронул не только искусственные, но и объективные последствия войны. Это смелая, отчаянная попытка. Одному человеку поднять столь огромное множество проблем практически невозможно. Непомерный объем материала, подчеркиваю, именно непомерный объем материала, который надо было охватить и дать ему интерпретацию, привел к немалым фактическим неточностям (подчеркиваю, неточностям) в докладе. Отмечу некоторые из них: на стр. 16 доклада есть такое выражение (оно промелькнуло, и чувствуется, автор, когда писал, неточно знал и поэтому решил обойти острые углы): «национальные беженские организации собирали средства». Ну что они там могли собрать? Еврейские беженские организации действительно собирали средства. Ну что в Курской губернии мог собрать Курский отдел Литовского общества «Родина», когда литовцев-то в Курской губернии до войны не было. Поэтому естественно, что источником финансирования выступали государство, казна, государственное казначейство. Именно через государственное казначейство и финансировалась вся беженская работа. Благотворительность — это буквально крохи, минимальные частицы. Все взяло на себя государство.

В заключение хочу сказать, что, на мой взгляд, из всех докладов, которые прозвучали или прозвучат, единственный человек из нас, собравшихся здесь, совершил смелую попытку (говоря «попытку», я отнюдь не хочу сказать, что вопросов здесь больше, чем ответов), поставить перед нами сложнейшие вопросы (подчеркиваю, самые трудные, самые актуальные, самые сложные вопросы) это как раз коллега М. фон Хаген.

Л. Хаймсон. Я хотел бы сделать некоторые замечания по поводу доклада моего коллеги и друга фон Хагена. Это действительно прекрасный, интересный доклад. Однако у меня есть существенные возражения. Первый вопрос касается упоминания цитаты Церетели относительно недостатка внимания к национальному вопросу. С конца XIX в. все съезды и социал-демократов, и кадетской пар-

тии, и эсеров обсуждают обязательно национальный вопрос. Как они это делают, это другое дело. Что касается социал-демократов, то они противопоставляют национальный вопрос классовому вопросу. Для эсеров вопрос стоит немножко иначе: они противопоставляют «народ» другим группам общества.

Позиция кадетской партии по отношению к национальному вопросу в 1905 г. весьма отлична от позиции 1914 г. В 1905 г. они вполне готовы признать автономию и даже независимость Польши, но опасаются, какими будут связи между двумя странами. К 1917 г. — совершенно другая ситуация, происходит значительная эволюция. Во время войны кадеты осуждают автономию. Почему это происходит? Как мне кажется, одна из причин заключается в том, что на Украине очень переплетаются классовые отношения и отношения национальные: поляки и русские являются помещиками, крестьянами — украинцы, торговля — у евреев. Второй момент, который, как мне кажется, имеет большое значение, это понятие «империи», «императора» как императора многих национальностей. Это влияло на формирование идентичности и политического поведения таких групп, как балтийские немцы, поляки, даже грузины. Особое отношение к империи и императору у украинской аристократии. Когда мы говорим о независимости Украины, мы должны постоянно помнить об особенностях позиции разных регионов, разных социальных и этнических групп. Особая позиция у евреев. Независимость Украины не очень важна для рабочих Левобережья. В Киеве — разнообразие взглядов на этот вопрос. В этом я вижу особенность, которая, как мне кажется, отличает Украину от других территорий.

Б. Бонвеч. Интересно, что три доклада по национальному вопросу совпадают в том, что они все подчеркивают, что, очевидно, распад русской империи и России по национальным границам, по национальным критериям был неизбежен, потому что национальное население различно развивалось в различных частях империи. До конца царской России и даже до ликвидации режима Временного правительства очевидно стремление к созданию самостоятельных национальных государств в Российской империи. И это было вполне нормальным явлением. Я занимался когда-то серьезно этими проблемами, и меня всегда удивляло, как долго эти этнонациональные единицы могли представить себе свое будущее в рамках новой, построенной на федеративной основе, Российской империи.

Б. И. Колоницкий. Были необычайно интересные доклады и очень интересные выступления. Боюсь, что мое выступление будет не на высоте той планки теоретического обсуждения, которая была установлена. Я хотел бы сказать несколько слов об очень простых вещах. Впрочем, о важных. Вопрос о деньгах, который затронул Юрий Ильич Кирьянов. Деньги действительно известные, и конкретные данные о них опубликованы, но все это мало что может нам сказать о реальной направленности пропаганды. Один пример. Буквально в начале войны на паритетных началах Германия и Австро-Венгрия стали финансировать деятельность украинских организаций. Это были в первую очередь Союз освобождения Украины, группа, созданная галицийскими депутатами украинского парламента и украинскими социалистами-революционерами. Причем наибольшую порцию получили украинские социалисты-революционеры. За счет чего? За счет того, что (мы бы сейчас сказали, хорошая заявка на грант) они заявили, что уже бросают бомбы, сотрудничают, ведут революционизирование. Это один из пер-

вых случаев, когда был упомянут термин «революционизирование» — пропаганда среди кубанских казаков и матросов Черноморского флота. Были представлены тексты листовок. Иными словами — очень хорошо подготовили пакет документов. Я писал об этом в статье, которая вышла в сборнике под редакцией Б. В. Ананьича и Ю. Шеррер. Но потом я узнал из документов Людвиг Родзелиуса, коммерсанта, что на самом-то деле ничего этого не велось. На самом деле несколько сот тысяч австрийских крон были израсходованы очень весело. Группа украинских студентов ходила по разным веселым заведениям Вены, каталась по нейтральным странам. Максимум, что от них получило германское и австро-венгерское командование, это сводки из газет. В общем, подобным занимается большинство агентов спецслужб. И они вернули с большим трудом только половину затраченной суммы и тем были довольны. Так что видите, деньги, направленные туда, направленные сюда, иногда мало что говорят. Это один аспект. Второй аспект, это так называемые бытовые факторы, то, о чем я говорил вчера. В частности — бытовые основы братания. Нередко бытовой основой братания были не только обмен хлеба на ром или хлеба на шнапс, но был и обмен газетами, между, допустим, польскими и польскими солдатами, которые находились по разные стороны линии фронта, обмен почтой. Братание было использовано для ускоренной доставки почты в соответствующую страну. Это был важный стимул для братания. К чему я все это говорю? Идеология и тактика национального движения в годы Первой мировой войны во многих случаях вырабатывалась очень узкими группами честолюбивых интеллектуалов, живущих в довольно замкнутом пространстве. Это могла быть эмиграция, или это были какие-то другие довольно искусственные условия. И обращались они также часто к очень искусственному, весьма специфическому народу: либо это были военнопленные, либо — армия. И когда мы говорим о формировании национальной идеи и особенностях формирования национальных движений в условиях войны, на мой взгляд, важно иметь в виду сочетание бытовой истории, интеллектуальной истории и массового сознания. Этот треугольник, на мой взгляд, очень продуктивен.

Ю. И. Басилов. Хотел бы обратить внимание только на несколько аспектов, которые считаю необходимым подчеркнуть, поскольку они все еще не были затронуты. Во-первых, это понятие империи. Оно довольно часто упоминалось в комментарии П. Холквиста: империя — отечество — нация. Мне кажется, что мы забываем о такой важной категории, как пространство. Но пространственная метафора является очень важной для описания и понимания империи, особенно для России. Потому что Россия представляла собой географическая цельность, причем расширяющуюся. Аналогом России можно считать, пожалуй, только Австро-Венгрию. Второй очень важный момент — империя-государство. На эту проблему обращено значительное внимание в интересном комментарии В. В. Носкова. Напомню, что писал П. Струве в статье «Великая Россия и святая Русь»: Великая Россия есть государственная форма России как национального государства в связи с империей, которая строится на том, что это многонародное государство, обладающее национальным единством и имеющее волю и способность к расширению. Мне кажется, что эти формулировка интересна и может быть продуктивна не только в плане анализа тогдашнего представления об империи, но и в плане нынешнего теоретического осмысления феномена империализма. В целом я хотел отметить высокую научную новизну представленных докладов.

С. Морисси. Мой вопрос касается проблемы самоубийства. Должна сказать, что я работаю над книгой об истории самоубийств и поэтому хорошо знаю суицидную культуру. Дело в том, что язык и революционные термины, которые использует В. П. Булдаков, напоминают мне язык начала века, когда было иное определение самоубийства. Но он смотрит на самоубийство как на социальный фактор, который и открывает, и выражает какую-то социальную действительность. Это довольно современное понимание самоубийства, но метафоры тут не противоположны. С одной стороны, самоубийство имеет полезную функцию с точки зрения дарвинизма. Здесь мы имеем облик общества как биологического существа и самоубийство как акт социального самосохранения. С другой стороны, самоубийство являлось следствием какой-то революционной психопатологии. Это тоже была довольно распространенная идея в начале века и у правых, и у либералов. Ясно, что форма существования играла центральную роль в революционной культуре и диагностика болезни является ответом либералам и правым. Мои вопросы следующие: каковы связи между этими двумя образами общества, как понимать отдельные случаи самоубийства в этих образах и как должен историк разбираться с языком упомянутых авторов и современными источниками?

Е. Воробьева. Мне бы хотелось сказать несколько слов о такой проблеме, как интернационализация национальных проблем Российской империи и, в частности, влияние этой интернационализации на тактику российских властей в решении национальных проблем в канун Первой мировой войны и в особенности в период Первой мировой войны. В понятие интернационализация я в данном случае вкладываю следующее содержание: превращение национальных вопросов и узких внутривластных проблем в международные проблемы. И мне кажется, что именно это играло очень важную роль в выработке взгляда властей на национальные проблемы и, следовательно, тактики властей в отношении этих проблем. Мне ближе знаком мусульманский вопрос. И как показывает мое исследование, именно накануне Первой мировой войны и особенно в период Первой мировой войны мусульманский вопрос перестал быть исключительно внутривластной проблемой. Приходилось учитывать значение этой проблемы и в международной политике. По мнению Министерства иностранных дел, мусульманство являлось такой политической силой, которая направляла жизнь иностранных государств и из своих заграничных центров могла оказывать влияние на настроения и российских мусульманских организаций. Именно в этот период дипломатическое ведомство привлекалось к обсуждению мусульманского вопроса. Например, материалы Особого совещания по мусульманскому вопросу 1910 г. были переданы в Министерство иностранных дел для соответствующих заключений. А русский посол в Константинополе выразил свое мнение следующим образом: мусульманская проблема не должна рассматриваться как узко политическая проблема, а должна рассматриваться с более широкой точки зрения, т. к. предмет обсуждения представлял собой частный случай нового культурного движения, обнаружившегося в большинстве государств с мусульманским населением, которое, в свою очередь, являлось частью еще более крупного явления возрождения Востока. Европейские страны в это время уже обратили внимание на это явление, что выразилось в основании специальных изданий научных обществ, направленных на изучение ислама. Несомненно, внимание европейских держав к названной

проблеме не носило исключительно академический интерес и имело отношение к практической политике этих держав в восточном вопросе. В Англии и Франции, к примеру, изучение ислама также было обусловлено задачами управления мусульманскими колониями. И для России мусульманская карта также имела немаловажное значение во внешней политике. По мнению российского МИД, пробуждение, пользуясь словами того времени, мусульманского мира являло опасность для христианских государств, и в них предлагалось исследовать и выработать политику в отношении мусульман, несмотря на различные позиции в восточном вопросе, совместно с Англией и Францией. Кроме того, в связи с большим значением мусульманской проблемы в международной политике перед Россией возникла необходимость заботиться и о политическом имидже. И вот этот вопрос мне кажется очень интересным: каким образом общественное мнение, западное общественное мнение в том числе, влияло на представление российских властей в отношении национальных проблем и мусульманского вопроса в частности, как это влияло на практику властей? Маленький пример: в Константинополе при денежной субсидии Германии на немецком и французском языках в 1910-е гг. выходила газета, статьи которой носили явно антирусский характер и стремились убедить турецкое общественное мнение в том, что мусульманский мир относится к России враждебно. Публикации этой газеты волновали российское правительство, и в связи с этим в правительственных кругах России ставился вопрос о создании нового политического имиджа России в Константинополе и в Европе. Краткое замечание относительно изучения самих национальных движений, в частности мусульманского движения, отношения мусульман к Российской империи в годы войны. Мне кажется, здесь следовало бы обратить внимание на связь внутрисоссийского мусульманского движения с заграничными мусульманами и заграничными центрами мусульманства. В докладе С. М. Исхакова не было обращено внимания на группу мусульман, которая участвовала в лозаннской конференции 1916 г. Но они считали себя представителями российского мусульманства, были связаны с российским мусульманством и движением российских мусульман, действительно представляли их интересы.

Д. Орловски. У меня только несколько вопросов к М. фон Хагену и В. П. Булдакову. Во-первых, к М. фон Хагену: была ли у царского правительства собственная национальная политика? Я не совсем понял это из вашего доклада, посвященного в большей степени, как представляется, описанию военной политики власти на Западе. Второй вопрос о Временном правительстве. Значит ли, что после Февраля, это тоже во время войны, у Временного правительства сложилась, можно сказать, умная и либеральная национальная политика? Почему после марта, как вы считаете, Временное правительство не имело успехов в этой области политики? Это странно, логичнее говорить о конце этой либеральной политики летом или осенью 1917 г. Известно, что на смену ей пришла не очень либеральная, по-моему, и очень похожая на царскую, национальная политика.

В. Ю. Черняев. У меня маленькое возражение. Я больше солидарен с отцом Леопольда Самойловича Хаймсона, который был кадетом, чем с самим Л. С. Хаймсоном. Обсуждая национальную проблему, мы не должны упускать из виду, что шла Первая мировая война и предоставление Украине и Финляндии независимости в тот момент, когда шли боевые действия, означало приближение линии фронта к Петрограду и к Москве.

Т. М. Китанина. Мне кажется, что сегодняшние выступления показали, сколь сложен и сколь важен национальный вопрос и как много точек зрения на различные его проблемы, на различные его стороны. И все-таки хотелось бы обратить внимание на два момента. Во-первых, на то общее, что прозвучало во всех докладах. Я определила для себя четыре основных положения. Первое, о чем я хотела бы сказать, это положение о том, что развитие межнациональных конфликтов безусловно являлось определением средств государственной политики, проводимой в особую эпоху, в эпоху трансформации старого режима и связанной с разрушением конституционных основ законности. Второе, также очень важное положение — в экстремальных условиях войны военная государственная политика, проводимая государством, и поведение общественных организаций содействовали расширению рамок национального движения и его чрезвычайно резкой политизации, чего не было до войны. А это, в свою очередь, привело к консолидации радикальных антирусских общественных и национальных меньшинств. Это прослеживается на материалах всех докладов. Дальше, еще одно положение мне кажется важным — о громадной роли человеческого фактора в развитии революционного кризиса начала XX в. с учетом глобальных демократических изменений, сужения границ, традиционных процессов эмиграции, т. е. фактически речь идет о поведении концентрированных масс людей в социально стрессовом состоянии. И, наконец, вывод еще одного доклада. Мне кажется очень интересным наблюдение об отсутствии у российского правительства более или менее четких представлений о настроениях национальной окраины, что как раз и определяло очень многие противоречивые действия, не отвечавшие интересам национальных окраин, национального меньшинства. Мне хотелось бы обратить ваше внимание на некоторые положения, которые не были сформулированы четко в самих докладах, но которые прозвучали. Они совершенно ясно прослеживаются на всем том огромном материале, который был сегодня представлен. Мне кажется, что в период войны происходило следующее: были нарушены и резко деформированы те принципы, которые лежали в основе национальной политики русского правительства до войны и которые окончательно сложились к концу завоевательного периода, т. е. где-то на исходе 1880-х гг. XIX в. Ведь Россия сумела удержать огромное количество народов до какого-то определенного периода. Мне представляется, то, что позволяло сдерживать натиск, это дифференцированный подход к управлению окраинами. Следующий вопрос, несомненно, дискуссионен: была ли унифицированная политика в отношении национальных окраин России? Я знаю, что в отечественной и зарубежной, в частности американской, историографии есть разные точки зрения. Мне представляется, что унификация отношения к окраинам и управление окраинами начали происходить в условиях войны, в ее экстремальных условиях. Это была и мобилизация, и все экономические санкции правительства, которые распространялись на всю территорию России. Совокупность принятых мер сглаживала те особенности национальной политики, которые были дифференцированы и которые российское правительство проводило до войны. Это первое. Второе. Когда мы сравниваем завоевание Средней Азии и завоевание Кавказа, этот кровопролитный полустолетний процесс, нужно учитывать то, что в той же Средней Азии опора все-таки шла на государственные структуры. На Кавказе этого не было, не на что было опереться. Там был очень силен родовой строй. Вот видите, что давала эта опора на национальные структуры, я уже не говорю о Польше и Финляндии с их конституцион-

ным режимом. Это, с моей точки зрения, не давало никаких политических, особенно политических, прав, они были урезаны, а вот экономические права были в наличии, но в период войны эти экономические права были отобраны у окраин. Мне кажется, что это еще одна причина того, что осложняло национальный вопрос. И, наконец, третье, как представляется (в докладах это прослеживается очень слабо), на гребне национальных движений поднималась национальная буржуазия, которая всегда являлась носителем и сепаратистских центробежных, и освободительных настроений. Это очень хорошо прослеживается на примере Финляндии. Но самое интересное, что в ходе войны буржуазия национальных окраин предпринимает попытку создания экономических структур, независимых как от русского правительства, так и от русского капитала. Думается, это тоже очень важно.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДОКЛАДЧИКОВ

М. фон Хаген. Мой доклад является частью исследования о месте Украины в российской и советской армии с 1914 по 1941 г. Исследование должно было начаться с 1917 г. с анализа проблем, связанных с украинизацией царской армии. Но это было явление настолько распространенное и так быстро развивающееся, что я понял: наверное, есть какие-то предшественники в политике царского правительства. Мне удалось работать в Военно-историческом архиве в Москве. Там я нашел много интересных документов именно о национальной политике — то, что я называю национальной политикой царской армии. Ряд документов был выявлен в Канадском Национальном архиве в фонде главного деятеля Союза вывозления Украины — Андрея Жукова, который работал в австро-венгерских лагерях для русских военнопленных. Что я хочу выделить из моего доклада, посвященного событиям на Западном и Юго-Западном фронте в первые два года войны? Прежде всего то, что война имела как последствие интернационализацию и милитаризацию национального вопроса в царской губернии. Что имеется в виду под этими терминами? Война качественно трансформировала межэтнические отношения царской империи в силу многих мероприятий, которые были предприняты в царской армии, в частности на Юго-Западном фронте, и разными другими мерами. Я не утверждаю, что не было этнических различий до войны. Несомненно, они были, но война качественно трансформировала их, толкнула многие народы на конфликты, роковые во многих случаях. Начиная с военной пропаганды, которая базировалась на том, что с российской стороны война велась как освободительная, что российским солдатам надо знать, что они освобождают своих собратьев-славян от австро-венгерского гнета. И это выразилось в провозглашенном Николаем Николаевичем обещании соединения Польши после войны, как автономной территории Российской империи. Затем уже панславистские и освободительные мотивы реализовывались в формировании национальных воинских частей сербов, словаков, хорват и многих других угнетенных народов Австро-Венгрии и Германии, а позднее и армян против Османской империи. В свою очередь, в австрийских и немецких лагерях австрийские и немецкие власти дали разрешение эмигрантским организациям создавать украинские, польские, еврейские и многие другие воинские организации из военнопленных. Они вели там агитацию и пропаганду за национальную идею, и многие из этих военнопленных впоследствии стали видными деятелями в разных украинских и других армиях и в ходе войны, и в период революции. Оккупационная политика царской власти во

Львовые тоже имела довольно роковые следствия для национального вопроса. Конечно, все действовали в условиях военного положения, но осуществили целый ряд мер: цензура, конфискация имущества, депортация, аресты. Во имя национальной безопасности эти меры проводились по национальному признаку, т. е. самые подозрительные люди были конечно немцы, австрийцы и те, кто имел немецкоподобные фамилии. Это иногда касалось и евреев, которые тоже объявлялись подозрительными людьми. Поляки также испытали на себе последствия депортации, арестов, иногда убийства. И, по-моему, люди учились понимать, что этнический момент — один из самых существенных в определении их дальнейшей судьбы. Даже эвакуация 1915—1916 гг. содействовала развитию национального момента в политике царского правительства, потому что проводилась с учетом национального момента, потому что евреи, которые должны были получить пропуска для перемещения во внутренние губернии России, довольно часто дискриминировались в раздаче этих пропусков, тогда как славяне получали преимущество. Даже помощь беженцам, об этом уже говорилось в ряде докладов коллоквиума, организовывалась по национальному признаку, потому что царское правительство не смогло справиться с таким большим количеством беженцев и обращалось к обществам, созданным по национальному признаку: Литовское общество беженцев, Польское, Еврейское и т. д. И каждый раз надо было доказывать, что вы член данной национальности, чтобы получить ту помощь, которую эти организации имели в своем распоряжении. Все это вело к милитаризации и интернационализации национального вопроса в царской империи. Многие прежние экономические, социальные, политические конфликты, которые не имели под собой этнической почвы, базировались на ней в ходе военных действий.

Отвечая на поступившие вопросы, замечу, что нашел в материалах архива документы, подтверждающие, что в процессе выделения украинских и польских военнопленных в имперских немецких и австрийских лагерях русские, так называемые русские солдаты, особенно часть этнически русских солдат, стали проявлять патриотизм и даже вели себя агрессивно по отношению к тем, кто выделялся добровольно из общей солдатской массы. И в моем докладе приведено достаточное количество фактов угроз со стороны так называемых русских солдат против украинских, или еврейских, или польских, что после окончания войны они с ними рассчитаются в России, на родине. В условиях возникновения национального сознания у нерусских военнопленных, русские солдаты стали также более четко определяться по национальному вопросу. В 1917 г. в ответ на украинизацию очень многие русские солдаты стали организовываться под русскими знаменами против всех нерусских. Так что здесь сложно. Далее, процесс участия самих солдатских масс в обострении конфликтов я бы отнес к более позднему периоду — 1917 г. А как раз то, что предшествовало, было во многом результатом царской политики и не только русской, но и австро-венгерской, и германской, и османской. Как это ни покажется странным и парадоксальным, многонациональные империи допустили самоубийственную освободительную пропаганду и агитацию.

Вопрос Л. Хаймсона — один из самых сложных. Отвечая на него, замечу, что когда деятели Союза вызволения Украины хотели найти среди российских военнопленных украинских националистов, к их сожалению, они таковых не нашли. Но они обнаружили, что украинские солдаты, которые до войны не признавали себя украинцами (выходцы из Полтавы или Чернигова, или хохлы Малороссии),

все чаще задумывались о будущем Украины. Это были мысли не сепаратистские, не самостийные, скорее они предвидели будущее Украины как автономной части демократической России, федерации. И в отличие от других народов, к примеру поляков, у которых были движения за независимость, хотя не все поляки разделяли подобные взгляды, автономистские идеи осложняли отношения русских и украинцев. Но российские власти по крайней мере верили в то, что украинцы будут верными солдатами и не особенно волновались.

Что касается т. н. украинского самосознания — о нем можно судить, вероятно, по результатам выборов в Учредительное собрание. Известно, что основные массы на территории Украины голосовали за украинских социалистов-революционеров, которые действительно имели программу автономизации. Это пока самый верный показатель уровня украинского сознания к 1917 г.

Возвращаясь к вопросу о деятельности Союза вызволения Украины, добавлю, что его пропаганда не имела большого успеха на начальном этапе как раз потому, что даже те солдаты, которые были готовы признать себя украинцами для выделения из общей массы военнопленных и вхождения хотя бы в специальные бараки, не доверяли руководителям Союза, потому что те, как им представлялось, были агентами Германии и Австрии. Да и сами руководители Союза прекрасно понимали, что связи с немцами и австрийцами препятствуют их сближению с солдатами. Они вскоре переменили свою тактику, давая понять, что сами страдают от этой связи с Германией и Австро-Венгрией.

Помогали ли материально Германия и Австро-Венгрия украинским сепаратистам и националистам? Вероятно, помогали, но я не могу назвать конкретные суммы. В любом случае деньги от немецкого и австро-венгерского правительства были далеко не самым эффективным средством в обострении национального вопроса. Скорее, гораздо большую роль сыграли мероприятия царского правительства на оккупированных территориях.

Что касается классового и этнического, как правильно и очень точно отметил Л. С. Хаймсон, пожалуй, во всех перифериях Российской империи нельзя противопоставлять этническое классовому, потому что, как Леопольд Самойлович метафорически замечает, если крестьянин — украинец, то обязательно торговец — еврей, землевладелец — поляк, чиновник — русский, так что в этом случае классовое и этническое поддерживают друг друга. Они укрепляют друг друга, иногда работают в противовес, но в основном подкрепляют друг друга. В литературе главное внимание пока обращается на классовый момент. Но я хочу обратить внимание на иное: классовые конфликты имели в национальных регионах всегда и почти всегда этнические оттенки.

Что касается формулировки моего доклада, я до сих пор не имел возможности видеть русский перевод, но мне кажется странным упоминание «искусственности». Я не помню, чтобы в английском варианте я пользовался словом «искусственный». [В Программе коллоквиума название доклада М. фон Хагена — «Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи». — *Отв. ред.*] «Великая война и мобилизация этничности» — более правильный перевод, так что про искусственность я не беру на себя никаких обязательств.

Был вопрос о правых организациях. Опять-таки, в нашей литературе больше всего внимания уделяется официальным правым организациям и партиям. Я был очень недоволен историей украинского движения, написанной через призму ук-

раинской партии, без учета деятельности других неформальных, более аморфных организаций. То же самое, по-моему, относится и к истории правых организаций. Когда военный генерал-губернатор Бобринский должен был пригласить в Галицию чиновников, чтобы назначить их на разные посты, он пригласил, или, если можно так сказать, «завербовал» их из юго-западных губерний из числа земских начальников, предводителей дворянства. Многие из них были видными деятелями Союза русского народа, что не удивительно, так как в юго-западных губерниях Союз имел самую крупную организацию. Если до войны «союзники» не имели достаточного пространства для реализации собственной программы, то в условиях военного положения в Галиции они это пространство получили. И очень часто действовали вопреки интересам самой российской власти. Известно, что генерал-губернатор постоянно жаловался в Петроград на свих подчиненных, создающих ситуацию, которая угрожает безопасности его собственного военного положения: агитируют и натравливают друг на друга различных людей во имя собственной идеологии. Если до войны панславизм, антисемитизм и пр. должны были действовать по правилам гражданского общества и мирного времени, то в военное время у них была почти полная свобода вопреки официальной линии Петрограда. Приведу в пример архиепископа Евлогия, одного из героев или злодеев моей истории. Он не представлял официальную партию, но через свое влияние на разные славянские православные братства имел большое влияние на развитие правых организаций, правой идеологии в этих регионах. Так что жалобы военного генерал-губернатора Бобринского в Государственный совет, в Государственную думу и в Святейший Синод были оправданы: правые мешали ему работать и для дела было бы лучше их из Галиции убрать. Увы, никто не был снят до начала эвакуации.

Л. С. Хаймсон прав, что все крупные российские партии уделяли очень много внимания национальному вопросу. Но, по-моему, они просто жили какими-то утопическими иллюзиями, надеждами на то, что как только будут сняты все национальные и религиозные дискриминации, демократия сама решит национальный вопрос в России. Увы, в этом вопросе они были слепы, ожидая, что с объявлением демократии национальный вопрос будет снят с повестки дня. Их печальный опыт показал, что они не были готовы к вспышке национального движения, отреагировали на нее как на что-то искусственное, что субсидировалось какими-то немцами или австро-венграми.

Что касается Украины, я выбрал Украину именно из-за того, как Леопольд Самойлович может быть знает, что это по-моему самый сложный, самый деликатный момент из всех национальных вопросов в Российской империи. Сами украинцы не могли между собой решить, что такое Украина, где ее границы, какое население должно войти в ее состав, не говоря уже о том, что украинское движение было разделено по крайней мере на две главные части: ту, которая территориально располагалась в Российской империи, и ту, которая входила в состав Австро-Венгрии, также имевшей довольно противоположные понятия о том, что такое Украина и кто такие украинцы.

В. П. Булдаков. Хочу еще раз уточнить некоторые позиции представленного мною доклада. Он не претендует на утверждение какой-то концепции или схемы. Скорее наоборот, он содержит ряд вопросов, которые необходимо решать, и я надеюсь, в этом отношении мы смогли сдвинуться с мертвой точки. Я не стре-

мился делать особое ударение на этно-национальных проблемах, хотя считаю, что понять мировую войну в широком смысле слова без этнического фактора невозможно. На мой взгляд, мы можем ставить вопрос не просто о мировой войне, а об эпохе мировых войн и революций. Здесь сразу возникает целый ряд весьма интересных вопросов. Первый из них: а собственно когда началась эта эпоха, не Мировая война как таковая, а эпоха мировых войн. Мне представляется, что она началась раньше. С другой стороны, очевидно, что эта эпоха войн и революций закончилась намного позднее общепринятой периодизации. Так или иначе, именно этот феномен мировых войн и революций в наибольшей степени характеризует сущность происшедшего и происходящего во всем XX в. Известно, что в последнее время получила распространение, на мой взгляд, справедливая точка зрения о том, что Мировая война была войной машин против машин, с одной стороны. С другой стороны, войной машин против человека. И больше всего меня занимает вопрос о том, как вообще такое могло случиться. Говорить о том, что виновником войны был сумасбродный кайзер, коварный Альбион или, тем более, слабовольный Николай II, на мой взгляд, недостаточно. В основе войн лежали и известные экономические процессы, но как мне думается, на это должного внимания не обращали. В основе эпохи мировых войн лежал и другой фактор — человеческий.

На предыдущих заседаниях уже отмечалось, что проблема управляемого роста народонаселения в условиях интенсивнейших миграций, развитие средств массовой коммуникации в условиях становления демократических обществ сказались на характере протекания мировых войн. Все это так или иначе вошло в этот самый процесс мировых войн и революций. И думаю, что мы, подходя к этой проблеме, прежде всего должны начать с проблемы историографической самокритики. Эта самокритика может пойти и по линии общетеоретической, и по линии источниковедческой. На последнее мне хотелось бы обратить особое внимание. Представьте себе простую ситуацию применительно к Российской империи: в 1861 г. произошло, как известно, освобождение крестьян; через 20 лет меняется поколение, и почему-то убивают царя-освободителя; проходит еще 20 лет, и тут уже совсем странные процессы наблюдаются. С одной стороны, 1902 г. — резкий подъем крестьянского недовольства; в это же время брожение в интеллигентской среде; но все это совпадает с еще одним любопытным фактором, о котором мы уже говорили на предыдущем заседании. Дело в том, что это время, когда в условиях винной монополии вдруг наблюдается взлет потребления спиртного. Проходит еще 20 лет — НЭП. Здесь обнаруживается, что большевики, оказывается, убеждены в крестьянской стихии. Я думаю, что все это имеет самое непосредственное отношение к тому процессу, который я обозначаю как эпоха войн и революций. Но в данном случае хотелось бы обратить внимание на другое, о чем мы уже частично говорили. Ясно, что эпоха войн и революций своеобразно взаимодействовала с человеческим фактором. Дело в том, что, как представляется, здесь действительно наступила эпоха массовых движений, эпоха, когда массы стали совершенно своеобразно взаимодействовать не только с правителями, но и с новыми лидерами. Наступило время, когда массы стали не просто заложниками правителей, но и их жертвами. В свою очередь, правители оказались в роли жертв массовых движений. Все это говорит о том, что в эту самую эпоху война машин так или иначе стала взаимодействовать с факторами совершенно другого порядка. Т. е. говоря сегодня о виновниках Мировой войны, сле-

дует учитывать и то, что массы, оказавшиеся жертвами этих войн, стали виновниками происшедшего в силу того, что они привнесли определенного рода традиции, и прежде всего этнически окрашенные, в эту самую эпоху. Думается, что сегодня можно говорить о том, что в результате сложного сочетания очень многообразных и разноплановых факторов мы имеем дело с феноменом, который является не только очень многозначительным, но и очень пугающим. Можно говорить о том, что в результате происшедшего мир на протяжении как минимум полустолетия балансировал на грани самоубийства. Иными словами, мы имеем дело действительно с феноменом приближения к состоянию коллективного самоубийства. И это выдвигает на первый план целую массу вопросов, которые представляют достаточный научный интерес.

Выражаю благодарность комментаторам и участникам дискуссии за то, что они столь профессионально подошли к представленному докладу, выдвинули ряд вопросов, которые требуют серьезного обсуждения. Я попытаюсь пунктирно и предельно кратко ответить на некоторые вопросы, которые мне представляются наиболее острыми. Начну с очень интересного и для многих весьма злободневного вопроса о женских формах возрождения имперства. Да, я действительно на этом настаиваю. Но для того чтобы понять это, надо представить себе такую, на мой взгляд, простую вещь. Конечно, империя по своему содержанию и преимущественной символике несет в себе мужское начало. Но дело в том, что кризис империи, на мой взгляд, совершенно не случайно обнаруживает, да простят меня феминистки, женские формы негативной и, я бы даже сказал, истеричной реакции на это одряхлевшее мужское начало. Я имею в виду не только известные бабьи бунты, и не только, кстати сказать, в Петрограде. В 1915 г. восстание в Средней Азии тоже началось с женских бунтов, что для мусульманского социокультурного пространства весьма необычно и чревато громадным взрывом. Но если говорить о женских формах возрождения имперства, надо иметь в виду другой фактор, на мой взгляд, еще более интересный, хотя и менее заметный. Представьте себе, кончилась гражданская война в России, обнаружилась, во-первых, естественная убыль преимущественно мужского населения. Во-вторых, о чем говорилось на предыдущих заседаниях, обнаружилось и другое: во многих случаях в результате всего этого сложного процесса мужчины, попросту говоря, показали свою недееспособность в социальном плане. Роль женщин в хозяйстве усилилась. Это вне всякого сомнения. И показателем этого является использование большевистской властью различных форм женской самоорганизации и искусственной организации женских движений. Яркий пример — женотделы, широко распространившиеся в начале 1930-х гг. Если мы говорим об империи как воплощении мужского начала, то конечно кризис империи начинается с женских реакций на несамостоятельность этого начала, а затем, как ни странно и ни парадоксально, возрождение этого мужского начала начинается с активизации женщин. И женщины своей активизацией восстанавливали как бы прежнюю мужскую, или маскулиноподобную, имперскую пирамиду.

В связи с этим интересен вопрос о психопатологии революционной эпохи. Он чрезвычайно многообразен. Включает в себя, если уж я коснулся женской тематики, и совершенно дикое проявления женского терроризма и женских истероидных форм насилия. Кстати сказать, подобные факты имели место не только в русской революции. Когда-то и Наполеон с изумлением писал о том, что «Боже мой, что выделяли эти женщины-революционерки с мнимыми контрреволю-

ционерами». Если говорить о психопатологии революционной эпохи, следует разделять сумасшедших в клиническом медицинском смысле и психопатов, хотя можно допустить, что количество сумасшедших увеличилось. Опыт показывает, что дикие расправы революционеров над контрреволюционерами приводили к тому, что люди, видевшие все это, принимавшие участие в акциях, сходили с ума. Эти случаи описаны. Если кризис империи в России можно уподобить Смутному времени, эпохе самозванцев, то в среде самозванцев оказываются люди — носители определенных девиантных черт социального поведения. Чрезвычайно остро и интересно встает вопрос о проблемах возрождения постреволюционного имперства с проблемой суицида. На мой взгляд, здесь суицид индивидуального уровня очень тесно переплетается с суицидом социальным, общеимперским. Известно, что в Российской империи до революции суицидальность стояла на очень низком уровне. Я связываю это с особенностями патерналистской системы. Известно также, что во второй половине 20-х гг. по этому показателю Россия приблизилась к уровню европейских держав. Но в 1925 г. наблюдается резкая вспышка суицида среди партийных и особенно комсомольских работников. Официальная статистика связывала это с очень простым фактором: усталостью от тягот эпохи гражданской войны и военного коммунизма. Я считаю, что это далеко не полное и может быть даже неверное объяснение. Правильнее говорить об общей депрограммированности определенной части населения. Все начинается, естественно, с наиболее активных революционеров, пассионариев революционной эпохи, затем явление захватывает молодежь. Рядом с проблемой суицидальности стоит проблема социального насилия уже иного рода: как раз в это время, в середине 20-х гг., прокатилась совершенно дикая волна изнасилования женщин, причем в сельской среде. Это взаимосвязано, происходили очень сложные процессы, которые нужно непременно учитывать.

Относительно термина «имперство». Что это такое? На мой взгляд, можно подойти к этому чрезвычайно зыбкому понятию достаточно просто: понятие империи необходимо связывать с понятием культуры в широком смысле слова. Точнее, я бы сказал, с проблемой культурогенеза. Нравится нам империя или не нравится, но мы должны понимать, что в той или иной форме, тем или иным способом империя несет и утверждает во вселенском масштабе определенный тип культуры, понимаемой в широком смысле слова. На этой культуре строится определенная цивилизация. Имперство — это своего рода механизм или набор качеств, который способствует процессу культурогенеза. Говоря об имперстве, я бы выделил не только компонент насилия, не только компонент власти, но и компонент подчинения. Это чрезвычайно важное, на мой взгляд, утверждение в реализации культурогенеза имперства.

С. М. Исхаков. Хотелось бы сделать несколько дополнений к докладу, поскольку за прошедшее с момента его написания время появились новые факты, о которые необходимо упомянуть. В частности, недавно открылся Особый архив в Москве, который содержит много интересных документов, ранее не доступных исследователям. Проблема же источников по теме «Россия и мусульмане» стоит очень серьезно. Это объясняется и проблемой языковой — источники, как правило, были написаны не на русском языке. Приведу один факт, который я узнал из этого архива: судьба тех мусульман-военнопленных, которые оказались в Германии в особом лагере. Численность этих военнопленных по разным источникам

колеблется; одни считают, что их было до 40 тысяч, другие — что их было около 100 тысяч. Статистика мало достоверна. Архивные же документы свидетельствуют, что один из военнопленных этого лагеря, который попал туда, а потом смог выбраться, вспоминал, что по замыслам германского военного командования из этих военнопленных хотели сделать особое формирование, чтобы оно действовало против русской армии. В конечном итоге удалось создать один батальон, численность его также неизвестна, наверное несколько сот человек. Но и этот батальон не направили на русский фронт, а передали турецкому командованию. Последнее решило использовать неожиданный подарок для борьбы против англичан. Факт есть факт — использовать мусульманское соединение для борьбы против русской армии противник не решился.

И еще насчет источников. Я в последнее время занимался их обработкой и в 1997 г. в результате длительных подготовительных работ удалось издать в Москве воспоминания одного из тех людей, которые тогда определяли мусульманскую политику в России, человека, который был свидетелем и очевидцем многих вещей, но не решался их рассказать при своей жизни и только в 1959 г. издал воспоминания. Он умер в 1960 г. Я имею в виду М. Валидова. Он оставил воспоминания, которые в силу известных причин были мало доступны. Исходный текст переводился с турецкого языка и, как оказалось, при издании в разных местах, в том числе и на Западе, использовались лишь отдельные фрагменты, содержавшие к тому же, из-за качества перевода, серьезные ошибки. А поскольку историки слабо представляли сюжет, они оперировали этими недоброкачественными переводами. В результате получилось, что в научный оборот вводились недостоверные факты.

В ходе дискуссии был задан ряд вопросов, на которые мне хотелось бы кратко ответить. Прежде всего — о мусульманском либерализме. Отмечу, что он действительно был наиболее влиятельным направлением среди мусульман начала XX в. О нем мало что известно. Отмечу, что идеология мусульманского либерализма не была каким-то искусственным созданием. Она опиралась на культуру, религию, традицию, историю мусульманских народов. Мусульманский либерализм имел ряд течений: евромусульманское, младомусульманское, тюркофильское и дворянско-охранительное. Каждое из них было представлено в России.

Относительно конференции в Лозанне в 1915 г. добавлю, что там были как раз представители тюркофильского направления либералов, которые оказались в эмиграции в Турции. На конференции они представляли интересы именно этого направления. Наиболее известным из представителей евромусульманского либерального течения в России можно назвать депутата Государственной думы, выпускника Сорбонны С. Максудова. Историки имеют возможность познакомиться с деятельностью российских евромусульман по его воспоминаниям, опубликованным в 1996 г.

Что касается психологии широких народных масс тюркских народов, то я могу сказать, что они действительно не хотели воевать, тем более воевать против России. Для мусульман это означало воевать против собственного народа. Следует добавить, что среди широких народных масс были очень живучи впечатления о своей прошлой государственности, о прошлом историческом опыте. В частности, идея собственной государственности для казанских татар базировалась на истории Золотой Орды и Казанского ханства. Религиозное влияние было скорее охранительным в смысле сохранения своей истории, культуры, традиций.

Мусульманские либералы не были атеистами, они признавали, что ислам позволяет сохранять этничность в течение нескольких столетий. Пока в России существовало самодержавие, мусульманские либералы, как правило, призывали массы повиноваться государю. После Февральской революции идеологические установки несколько изменились: раз царь отрекся от своей власти, то и мы как бы освобождены от его власти; теперь другое правительство, другая власть, которой мы должны следовать и подчиняться.

Касаясь русско-турецких отношений, могу сказать, что русские мусульмане симпатизировали Турции, но при этом не раз заявляли публично в Думе и в средствах информации, что при всех симпатиях к Турции мы остаемся гражданами России и хотим только улучшения русско-турецких отношений.

VI

ЭКОНОМИКА

Т. М. Китанина

**КОНСТРУИРОВАНИЕ
РУССКО-ГЕРМАНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ
РОССИЙСКОЙ ПОВРЕМЕННОЙ ПЕЧАТИ**

Еще булат далеко не сказал своего последнего слова, а зато уже берется властно определять грядущие судьбы воюющих стран.

Финансовая газета. 1915. 21 августа

Эволюция российско-германских отношений на протяжении четырех предвоенных десятилетий представляла удивительно противоречивую картину. Россия и Германия были связаны между собой множеством нитей, и обрыв любой из них чреват был нежелательными последствиями. Тесное коммерческое партнерство и все более возраставшее торговое соперничество на европейском рынке, разность стратегических целей и прочность династических уз, взаимно переплетаясь, создавали клубок неразрешимых противоречий.

Истоки этих противоречий таились в политике канцлера Отто фон Бисмарка, принципиально изменившей соотношение экономических сил на мировой арене. Предпринятый им в 1870-х гг. демарш означал переход к системе аграрного протекционизма и оказался неожиданным для правительств европейских государств, не подготовленных к столь резкому нарушению торгового равновесия, господствовавшего после Крымской войны. В интересах стоявшего у власти обуржуазившегося юнкерства политика Бисмарка преследовала цель переориентировать экономику Германии с внутреннего рынка на внешний. Острие внешнеторговой экспансии направлено было в первую очередь против России. Эта политика умело сочеталась с внутриэкономическими акциями, способствовавшими утверждению аграрного протекционизма: введение системы поощрительных вывозных премий, расширение зерновых площадей в Восточной Пруссии, развитие капиталистической инфраструктуры сельскохозяйственного сектора и др.

В результате имел место исторический парадокс: Россия и Германия были в торговле основными партнерами и в то же время — основными конкурентами. Накануне Первой мировой войны (1913 г.) до половины сельскохозяйственного импорта Германии составляли русские продукты, прежде всего хлеб. Вывоз в Германию достигал 30% зернового экспорта России. Товарооборот с Германией составлял 38% общего российского товарооборота.

Ретроспективный взгляд на русско-германские отношения конца XIX — начала XX в. высвечивает определенные этапы их развития. С известной долей условности можно утверждать, что чисто торговая конкуренция 1870—1880-х гг. приобретала в период таможенной войны 1894 г. характер военно-торгового соперничества (вспомним слова С. Ю. Витте: «Многие ожидали, что вспыхнет настоящая война».¹) Переговоры за круглым столом Берлинской конференции в этот напряженный момент, а затем русско-германская торговая конвенция 1894 г. гасили на время резкую остроту вспышки, но в действительности загоняли огонь «внутрь» проблемы. В 1904—1906 гг. после трудных дипломатических переговоров и заключения торгового договора на условиях, отразивших поражение России в войне с Японией, противоречия вспыхнули с новой силой. Наконец, окончательно сложившийся к 1907 г. военный союз стран Антанты придал русско-германским отношениям характер военно-стратегического противостояния, приведшего в июле-августе 1914 г. к открытому военному столкновению.

В первые месяцы войны русская печать, казалось, предала забвению исключительную роль Германии в развитии российского экспорта и внешней торговой политики в целом. События на фронтах поглотили внимание издателей, корреспондентов и читающей публики. Но схлынула первая волна негодования, ожесточенной враждебности, и на страницах печати вновь появились заметки, отражавшие реальное течение событий — озабоченность и общественной мысли, и деловых кругов послевоенным экономическим устройством Европы и ролью России и Германии в стабилизации положения соперничавших государств.

В 1915 г. в русской печати развернулась острая дискуссия о характере будущих отношений с основным торговым контрагентом — Германией.

В начале февраля 1915 г. в официальной «Торгово-промышленной газете», была опубликована статья ее датского корреспондента К. Лейтеса, в которой прозвучал призыв начать обмен мнениями о характере русско-германских послевоенных отношений («главной целью настоящей статьи является — выдвинуть на очередь в виду актуальности затронутые в ней вопросы и вызвать их обсуждение»)².

Эстафета была подхвачена, статья К. Лейтеса послужила толчком к острой дискуссии. В ней прослеживаются несколько направлений, отразивших столкновение интересов определенных общественных групп: *официальное*, выражавшее правительственную позицию, весьма сдержанную в силу дипломатической необходимости, не лишенную известных ведомственных расхождений, представленную статьями чиновников министерств и ведомств (В. И. Тимирязев, Н. П. Ланговой, В. В. Прилежаев и др.); *предпринимательское*, отразившее точку зрения русского промышленного мира и — значительно слабее — российских аграриев; наконец, *общественное*, представленное главным образом русской экономической мыслью, взглядами определенных кругов интеллигенции, связанной с деловым миром. Среди творческих индивидуальностей, принявших участие в диспуте, были экономисты — профессора И. М. Гольдштейн, И. М. Кулишер, М. Н. Соболев, П. Б. Струве, М. И. Фридман, Л. Н. Яснопольский, а также А. Д. Брейтерман, Я. М. Букшпан, приват-доцент В. В. Леонтьев и др.

При всем разнообразии мнений привлекает внимание то обстоятельство, что чисто умозрительные заключения перемежаются с выводами сугубо практического значения, свидетельствуя о неоднородности подходов к самой проблеме, определяемых теоретическими и деловыми интересами. Однако наряду с существ-

венными разночтениями в статьях содержатся общие, причем стержневые положения, определившие самую суть полемики.

Первое, это признание необходимости предварительной выработки «основ и принципов» будущих торговых отношений с Германией, что «должно рассматриваться как правительством, так и хозяйственными организациями... как актуальнейшая и требующая немедленных подготовительных работ проблема».³

Вторым объединяющим началом послужило убеждение в необходимости коренного пересмотра послевоенной системы международных соглашений и в первую очередь русско-германского договора, который впредь должен строиться с неперменным учетом экономической самостоятельности России. В основе подобных суждений лежала уверенность в победоносном для России завершении войны («1904 год не повторится, и не повторятся те условия, на которых наша страна заключала свой последний торговый договор с Германией»), убеждение, что эмансипация России от экономических связей с Германией воспримется Россией значительно легче, чем Германией («Германия больше нуждается в нас, нежели мы в ней»)⁴. Притом ясно осознавалось, что само содержание мирной конференции и ее решений будет зависеть от новой расстановки сил на международной арене и «общей политической конъюнктуры».

Примечательно, что авторы экономических обзоров 1915 г., почти без исключений, полны оптимизма в оценке исхода войны, и это в условиях, когда отступление русской армии стало явью, когда обозначились признаки тяжелейшего экономического кризиса, когда несостоятельность политики правительства проявилась со всей очевидностью, когда пока еще медленно, но верно нарастало революционное брожение. Именно этот год А. И. Гучков впоследствии назвал «потерянным годом». И здесь скорее играли роль не какие-либо цензурные соображения, а настроения определенной части общества.

Один из основополагающих вопросов внешнеэкономической политики предполагал выбор: что предпочтительнее для страны — торгово-договорные обязательства, означавшие известную унификацию таможенного курса по отношению к зарубежным государствам, или возврат к системе автономной таможенной политики — вынужденной мере 1890-х гг., явившейся ответом на беспрецедентные экономические санкции Германии?

Разночтения по этому поводу, разумеется, были, но принципиального характера не носили и скорее означали оттенки в оценке экономических возможностей России и прочности ее внешних связей. Большинство авторов осознавало нежелательность возврата к исключительным мерам противодействия Германии. Часть предпочитала осторожно высказаться за, казалось бы, ушедшую в далекое прошлое систему прав наибольшего благоприятствования, господствовавшую в Европе в 60—80-х гг. XIX в. Нереальность возвращения к системе торгового равноправия была бы вполне очевидна, если бы не разъяснение этого принципа, свидетельствовавшее о более сложном и взвешенном подходе к будущему таможенному курсу.⁵

Н. П. Ланговой, председатель Таможенной комиссии, созданной в конце 1914 г. при Министерстве торговли и промышленности для подготовки торговых договоров, разъяснял свою позицию так: «Для успеха нашей внешней торговли нам необходимо и достаточно пользоваться на иностранных рынках одним лишь правом наибольшего благоприятствования, с предоставлением и иностранным государствам такого же права на нашем рынке, но, однако, при неперменном ус-

ловию, что мы сохраняем за собою полную свободу в деле ограждения интересов национального нашего труда (посредством автономного таможенного тарифа).⁶ Каким же таможенным курсом должна была идти Россия для обретения экономической самостоятельности? Какое содержание вкладывалось в само это понятие? Не означало ли оно самодовлеющего хозяйственного развития?

Высказывания по этим проблемам создают довольно пеструю картину. И вместе с тем вырисовывается ведущая линия, позволяющая получить общее представление о ходе дискуссии. Послевоенная конъюнктура кардинально меняла условия экономического сосуществования стран-партнеров и стран-конкурентов и диктовала новые подходы к определению их взаимоотношений. Поэтому традиционные нормы таможенно-тарифной политики, основанные на известной унификации торговых отношений, должны были уступить место их строгой дифференциации. Протекционная система двойного таможенного тарифа (общего и конвенционного), действовавшая в России с 1893 г., при определенных условиях могла удовлетворять этим требованиям, ибо сохраняла возможность назначения пониженных пошлин (т. е. компенсаций) для дружественных стран.

По крайней мере два преимущества вытекали из предстоящих таможенных преобразований, на что в периодике обращалось особое внимание: первое — охрана отраслей производства, нуждавшихся в таможенной защите, второе — усиление (особенно для фиксации границ уступок) контролирующей роли государственных институтов — явление, свойственное российской экономике эпохи капитализма и гипертрофированное в условиях войны. Но наряду с этими общими установками существовали «отраслевые» интересы, с одной стороны, аграриев, с другой — промышленников и правительственных кругов, определявших курс на индустриализацию страны. Они, естественно, были ориентированы на разные подходы к практическому решению внешнеэкономических вопросов.

В задачу настоящего исследования не входит подробное рассмотрение взглядов аграрных и промышленных кругов. Поэтому суммируя отдельные высказывания и включая их в общий контекст дискуссионных проблем, можно с известной долей условности утверждать, что защитники интересов аграрного развития России связывали модифицированный, ограниченный в новых условиях принцип свободной торговли с интересами сельскохозяйственного экспорта. Это означало, что их требования отражали надежды и идущих по капиталистическому пути помещичьих латифундий, и зажиточного крестьянского хозяйства: к началу войны около 80% запашек принадлежало крестьянству. Это, разумеется, не означало значительного роста крестьянской земельной собственности, а лишь являлось следствием расширения аренды помещичьих земельных владений, нередко на кабальных условиях.

Вместе с тем этот факт был ярким показателем падения экономического потенциала помещичьих имений при сохранении латифундиальной собственности. И с этим приходилось считаться. Нельзя было не учитывать и другого — неизбежного сохранения и в послевоенной обстановке экономического значения российского сельскохозяйственного экспорта, компенсировавшего затраты по промышленному импорту в целях индустриального развития страны и в значительной мере — задолженность по внешним займам.

Спор о перспективах аграрного или промышленного развития России, начатый в свое время славянофилами и западниками и продолженный в начале века в связи с решениями Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промыш-

ленности, а затем и Столыпинской реформой, получил новое направление, преломляясь в определении специфики таможенного курса.

Сторонники индустриального пути движения России твердо высказывались за сохранение протекционизма при известных избирательных уступках коммерческим союзникам. И это положение перекликалось с задачами, поставленными перед экономикой Министерством финансов и Министерством торговли и промышленности. «В настоящую эпоху, имея перед собою картину богатого экономического развития ряда государств, и в особенности колоссального за последнее десятилетие роста промышленности Германии, едва ли найдется еще много защитников системы свободной торговли. Она отжила уже свой век, и необходимость протекционизма, как основы экономической политики, не вызывает в мнении громадного большинства никаких сомнений», — утверждал товарищ министра торговли и промышленности В. В. Прилежаев.⁷ Как видим, однако, сомнения все еще имели место.

Признавая, что система наибольшего благоприятствования остается оптимальной для российского сельскохозяйственного, прежде всего хлебного экспорта, выразители промышленных интересов во главу угла ставили необходимость создания собственной индустриальной базы, требующей правительственной политики покровительства и ограничения конкуренции: «Необходимо раз навсегда ясно установить и принять за путеводную аксиому то положение, что богатство страны невозможно без собственной промышленности, что последняя является основой благосостояния всего народа, необходимым условием его экономической и политической мощи»,⁸ — писал В. В. Прилежаев. Даже в период войны это положение все еще нуждалось в доказательствах. Только развитие промышленности могло облегчить и задачи сельскохозяйственного экспорта, создавая условия для обработки сырья и тем самым повышая денежный эквивалент торговли и развивая рынок внутреннего потребления. Это уже было прямое обращение к землевладельцам.

Беспокоило «промышленников» и отношение общественности к покровительственному тарифу, вызывавшему дороговизну фабрично-заводских изделий в стране. Соглашаясь, что известные жертвы со стороны населения неизбежны («народ должен быть готов понести... некоторые жертвы в смысле неизбежного удорожания»⁹) они пытались убедить общественность в возможности смягчающих правительственных мер и в то же время звали к патриотическим чувствам, расценивая эти потери как плату за «экономическое освобождение» России. Но и здесь разногласия не исключали полумер, снижавших остроту таможенных требований, ибо невозможность стремительной промышленной перестройки вышедшей из войны страны была очевидна. Поэтому при обсуждении уровня уступок контрагентам подчеркивалось, что Россия заинтересована не в «сплошном» тарифе «с огульно повышенными пошлинами», к чему призывает часть русских промышленников, а в «толковом», с дифференцированными ставками в зависимости от состояния отрасли и с учетом степени обработки продукта. Упомянулось, что в ведомствах уже приступили к подготовке тарифного законодательства, подчеркивая своевременность обсуждения вопроса.

Очевидна перекличка этих высказываний с теоретическими посылками Д. И. Менделеева — убежденного сторонника протекционизма и последовательного покровительства развитию промышленного производства на всех его стадиях, автора фундаментального труда «Толковый тариф или исследование о разви-

тии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г.), идеи которого и легли в основу протекционного законодательства 1891 года.¹⁰

Согласно мнению представителей этого течения, торговые отношения с Германией как основным контрагентом должны строиться в будущем на принципах, исключавших сугубую зависимость России от импорта, и сопровождаться предоставлением договаривающейся стороне лишь строго ограниченных и эквивалентных льгот. Повышенными пошлинами следовало облагать германские проекты; экспорт которых обеспечен вывозными премиями. Предполагалось сохранить и известную дискриминацию, не распространять на Германию преимуществ, предоставляемых союзным и даже нейтральным странам. Но исключалась полная изоляция Германии, ибо в силу традиционных связей это «внесло бы несомненно некоторое замешательство в нашу экономическую жизнь», — предупредил И. М. Кулишер.¹¹

С горечью напоминали о том, что под влиянием обстоятельств России пришлось в предвоенные годы «отступить от принципа покровительства и сделать в пользу других государств, и особенно Германии, конвенционные уступки», что помешало укрепиться ряду отраслей отечественной промышленности. И когда «грянул гром» войны и прекратился импорт, «сказалась во всей силе и всей неприглядности наша зависимость от иностранных производителей».¹²

Вопрос экономической эмансипации России и прежде всего освобождение от влияния Германии ставился в публицистике военного времени чрезвычайно широко, перерастая в своего рода программу народнохозяйственного развития, свидетельствуя о том, сколь важное значение придавалось российско-германским отношениям.

Предлагаемые программы не ограничивались исключительно таможенным законодательством, но включали наметившееся в годы войны расширение экономических связей с союзными и нейтральными государствами, что ярко проявилось в деятельности межгосударственных регулирующих органов (Англо-русского правительственного комитета в Лондоне, имевшего целью установление контроля за вооружением и снабжением союзных армий, Союзнического Бюро в Париже, созданного для дискредитации влияния Германии на нейтральные страны и др.). Включали они и общее усовершенствование торговли (реконструкцию портов, расширение морских сообщений, организацию сети зарубежных торговых агентств, создание вольных гаваней), дабы устранить торговое посредничество комиссионеров, в том числе германских и австрийских, особенно в странах Ближнего Востока. Предусматривалось, естественно, приоритетное развитие промышленности и промышленного кредита.

Казалось бы с такой постановкой проблемы должны были согласиться все направления общественной мысли. Однако критики этой точки зрения полагали, что разрыв России с Германией в поисках экономической самостоятельности мог повлечь не только раскрепощение русского рынка от германского импорта (в особенности отраслей, монопольно обслуживаемых Германией), но и полную эмансипацию от заграницы и, как следствие, «полное экономическое обособление и создание самодовлеющего народнохозяйственного целого». Об этом писал известный экономист Я. М. Букшпан, оппонент Н. П. Лангового и сторонников «самобытности» российского пути¹³. Можно полагать, что эти опасения были вызваны сравнительно слабой активностью торгового баланса России — проблемой, постоянно находившейся в центре внимания Министерства финансов. Доля

России в мировом экспорте была скромна — 4,2%. Страна вывозила за границу в предвоенные годы 6—8% своей продукции, тогда как капиталистически развитые государства Западной Европы — 10—12%. Доля России в мировом объеме импорта была еще меньше — 3,5%.¹⁴

В той же тональности, но несколько смягченной, звучали высказывания «умеренных» приверженцев российской эмансипации. В одной из статей «Вестника финансов, промышленности и торговли» мы находим следующие строки: ослабить влияние Германии «до границ возможного» реально «при условии принятия мер к созданию собственной промышленности и перенесению главного груза нашего импорта промышленных товаров на другие страны»¹⁵. В понятие «влияние Германии» входила ее посредническая роль в товарообмене России с западными, скандинавскими странами и Финляндией и даже с государствами Американского континента. Общественное мнение ставило перед таможенными ведомствами задачу ослабить и устранить эту обременительную для России функцию германского торгового капитала.

Прогнозировалась реакция германского правительства на требования русской стороны. Признавалось, что мирные переговоры будут сложны, что едва ли они завершатся окончательной договоренностью, что сопротивление аграрно-промышленных кругов вызовет нежелательные коллизии, что, наконец, любые поползновения на таможенные права поддерживаемого кайзеровским режимом юнкерства — противника «системы торговых договоров, связывающих таможенные ставки на продолжительное время»¹⁶ — встретят упорное сопротивление.

В. И. Тимирязев, товарищ министра финансов с 1902 г., участник трудных переговоров С. Ю. Витте об условиях торговых договоров с германским канцлером гр. Каприви в 1894 г., а затем с кн. Бюловым в 1904 г., считал, что «обезопасить себя от сюрпризов и насилий германской экономической политики» Россия сможет, обеспечив «при самом заключении мира безусловное со стороны Германии предоставление нам права наибольшего благоприятствования, независимо от каких бы то ни было торгово-договорных с нею отношений»¹⁷.

По всей видимости, именно этот принцип и должен был стать основой будущих переговоров с Германией по вопросам таможенной политики.

Острую дискуссию вызвал и вопрос о «коллективной безопасности» союзных стран, противостоящих германскому экономическому натиску. Поставлен он был в плоскость преодоления разногласий и выработки единой тактики. Анализ подвергались точки зрения государственных и общественных деятелей, представителей экономических структур, ученых. Предлагались разные, порою трудно совместимые пути экономического сближения: создание коалиции против форсированного экспорта Германии, общесоюзного таможенного тарифа и др.¹⁸ Судя по характеру публикаций, в России не нашла благоприятную почву теория французского экономиста и издателя Эдмонда Тери об экономическом союзе стран «четверного согласия», способного оградиться таможенной стеной от Германии. Высказывания же в пользу широкомасштабной коалиции имели место: «Ненависть почти всех культурных стран к агрессивной экономической политике Германии, — писал проф. И. М. Гольдштейн, — создала теперь положение, при котором умелая и энергичная инициатива России и Англии, как стран, наиболее заинтересованных в ослаблении германского протекционизма, легко могла бы повести за собой, при умелой постановке вопроса, создание могущественной коалиции с участием: Японии, Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Да-

нии, Испании, Португалии, Норвегии, а затем и Соединенных Штатов Северной Америки»¹⁹.

Значительное внимание уделялось в прессе и сообщениям о собраниях и съездах землевладельцев и предпринимательских групп накануне и в начале войны, где в той или иной мере затрагивался таможенный вопрос. Срок русско-германского торгового договора истек 1 января 1917 г. Война казалась недолговечной, победоносной. Еще в 1914 г. съезд в Вильне по пересмотру русско-германского договора принял резолюцию, предполагавшую строгий таможенный режим. В Харькове действовал Областной Комитет по пересмотру торговых договоров, отстаивавший ограничительные начала принципа наибольшего благоприятствования. Единство интересов сельского хозяйства и промышленности в определении таможенного курса провозгласил Киевский съезд по вопросам экспорта (1914) и т. д.

Сообщалось о решении выработать определенный план экономической политики в законодательных палатах — бюджетной комиссии Государственной думы и финансовой комиссии Государственного совета. Публиковались сведения о проекте Государственного совета создать особую внепарламентскую комиссию для разработки послевоенного торгового законодательства.²⁰ В среде русских предпринимателей сохранялся деловой интерес к экономическим предприятиям Германии, непосредственно затрагивавшим хозяйственные сферы России. Периодические издания откликались на эти запросы, предоставляя свои страницы известным экономистам и корреспондентам — интерпретаторам событий. В обширной статье Я. М. Букшпана, опубликованной в нескольких номерах «Торгово-промышленной газеты», содержались любопытные сведения о деятельности государственных институтов Германии «по организации внешней торговли после войны и по урегулированию ее желательными и необходимыми торгово-политическими нормами». Внимание читателя акцентировалось на том, что Германия и впредь намерена «продолжать прежнюю политику промышленного государства, стремящегося к империалистическому хозяйственному расширению»,²¹ хотя судьбы экономических отношений России и Германии окончательно решатся «на полях сражений»; что она будет стремиться к усилению политики аграрного протекционизма, которая приобрела новых сторонников даже в лице социал-демократов, прежних ее противников (с ссылкой на высказывания бывшего редактора «Форвертс» Юлиуса Калинского, на ряд заметок в газете «Таг» и либеральной «Фоссовей газете», на слова президента Ганза-Бунда проф. Риссера и др.).

Одно за другим на страницах изданий появлялись известия об учреждении в Германии организаций для обеспечения интересов послевоенного экспорта: Экспортный союз, объединивший до 10 тыс. фирм; ряд специализированных кредитных учреждений, в том числе «Deutschrussische Kriegskreditbank» в Ремшейде; подкомиссии по пересмотру торговых договоров Гандельстага — объединения германских торговых палат и др.

Русская публика информировалась о широкой агитационной кампании, развернутой немецкой печатью в пользу этих начинаний, о благоприятных откликах на них в академической среде, наконец, о поддержке экономических проектов на высшем уровне. Приводилось высказывание Вильгельма II, который обращаясь к депутации текстильных промышленников, произнес: «Правительство придет вам на помощь: тяжелое положение ваших фабрик будет им облегчено! Но помните!

К моменту окончания войны немецкая индустрия должна быть готова: она должна выступить на мировых рынках во всеоружии сил и хозяйственного опыта, ибо Германия никогда не потерпит, чтобы принадлежавшее ей ранее место занял кто-либо другой».²² В периодике можно найти и своего рода комментарий к взглядам кайзера: «Император Вильгельм, со свойственным ему романтизмом, окрашивает самую прозаическую, повседневную свою политику цветом отдаленных национальных идеалов... Здесь национальное подразумевает только благо Германии, даже не германского народа, а именно Германии, как военно-промышленной государственной организации. Все эти „бронированные кулаки“, „будущее, лежащее на морях“, „место под солнцем“ — что это, как не символы военно-торгового национализма, изобретенные для того, чтобы придать глянец отдельным моментам реальной из реальной политики?».²³

Русскую общественность беспокоили сведения о таможенном сближении Германии и Австро-Венгрии (этому посвятил специальную статью П. Б. Струве);²⁴ о состоявшемся в Вене съезде крупных промышленников и землевладельцев под председательством герцога Шлезвиг-Гольштинского, вынесшего решение об экономическом сближении государств до начала переговоров о мире; о проектах торгово-политического сближения стран «Средней Европы».

В публицистике был поднят вопрос о причинах столь глубоких экономических противоречий, их истинных корнях. Ряд заметок пестрит рассуждениями о соотношении уровней сельскохозяйственного и промышленного развития соперничавших стран, об отличиях экономических курсов и самого подхода к экономике. Приведем одно из рассуждений такого рода: «В немецком государственном сознании экономические цели суть цели самодовлеющие, экономическое развитие и благосостояние нации признаются в Германии абсолютным благом, для достижения которого все остальное является лишь средством. Конечно, не только этот идеологический материал, но в еще большей степени реальное экономическое творчество, инициатива, неустанный труд и систематическое использование всех материальных благ и средств давали германцам силу в их захвате русского рынка».²⁵

Вывод, который делает русская периодика, можно, видимо, выразить следующими словами: «Сломить... экономическую мощь Германии столь же важно, как сломить и военную ее мощь».²⁶ Таким образом, полемика на страницах русской печати 1915 г. о формировании послевоенной экономической политики показала, сколь прочны были хозяйственные связи между Россией и Германией, сколь большие надежды возлагались на мирное разрешение проблем, жизненно важных для обоих государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Bumme С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 302.

² *Лейтес К.* К вопросу о пересмотре наших торгово-политических отношений с Германией // ТПП. 1915. 5 февраля. Эта газета издавалась с 1893 г. под патронажем Министерства финансов в качестве приложения к еженедельнику «Вестник финансов, промышленности и торговли».

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ О принципе «условного благоприятствования» см.: *Леонтьев В. В.* О форме нашей торгово-договорной политики после войны // ТПП. 1915. 28 мая.

⁶ *Ланговой Н. П.* Во имя чего мы сражаемся? Пг., 1915; *Ланговой Н.* Против экономической засильи Германии // Биржевые ведомости. 1915. 25 февраля.

- ⁷ Пр[илежае]в В. В. Ближайшие задачи нашей экономической политики // ТПГ. 1915. 12 февраля.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Менделеев Д. И. Сочинения. М.; Л., 1950. Т. 19. С. 23—936.
- ¹¹ Кулишер И. Принцип наибольшего благоприятствования в торговых договорах // ТПГ. 1915. 19 декабря.
- ¹² Пр-в В. Л. Ближайшие задачи...
- ¹³ Б-пан Я. Эмансипация промышленности и самодовлеющее хозяйство // ТПГ. 1915. 22 февраля.
- ¹⁴ Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 210.
- ¹⁵ Ф. О. Эмансипация русской промышленности и вопросы таможенного покровительства // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1915. 25 января; см. также: Ч. О китайской стене // Северный голос. 1915. 28 февраля.
- ¹⁶ Лейтес К. К вопросу о пересмотре...
- ¹⁷ Тимирязев В. Германская торгово-экономическая политика и наши торговые договоры с Германией // Биржевые ведомости. 1915. 14 февраля; Рохович Г. Я. Наш торговый договор с Германией // ТПГ. 1915 г. 27 февраля.
- ¹⁸ Кюнцель Вл. Наша будущая торговая политика // Финансовая газета. 1915. 31 августа.
- ¹⁹ Гольдштейн И. М. Немецкое иго. М., 1915. С. 24.
- ²⁰ См.: Фридман М. И. Задачи таможенной политики // Биржевые ведомости. 1915. 19 декабря.
- ²¹ Букипан Я. Необходимость плана торговой политики // ТПГ. 1915. 23 сентября.
- ²² Таможенный союз против Германии // Новое время. 1915. 3 сентября.
- ²³ В. В. К. Торгово-политические чаяния Германии // ТПГ. 1915. 17 декабря.
- ²⁴ Струве П. Таможенное объединение Германии и Австро-Венгрии // Биржевые ведомости. 1915. 30 декабря.
- ²⁵ Брагин Ив. будущее нашей внешней торговли // ТПГ. 1915. 15 декабря.
- ²⁶ Таможенный союз против Германии // Новое время. 1915. 3 сентября. Частично, с купюрами, использованные в докладе газетные материалы были опубликованы в сборнике: Вопросы внешней торговой политики в русской современной печати. Пг., 1916.

Ян Коцонис

**ПОДДАННЫЙ И ГРАЖДАНИН: НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ
И ЕГО ПОДТЕКСТ**

Налогообложение — важнейший инструмент любой власти, и многие исследования по российской и советской истории революционного периода 1900—1922 гг. посвящены налогам: кого облагали, в какой степени, с какими социальными последствиями и с помощью каких мер принуждения. В большинстве своем эти работы, посвященные исключительно крестьянству как сословию или классу, рассматривают последствия налогового бремени на крестьян: обнищание крестьянства, кризис российского сельского хозяйства начиная с 1890-х гг., а также большевистское наступление на крестьян в годы Гражданской войны. Многие из этих исследований удивительно просты по структуре изложения. Здесь уместно упомянуть две их особенности. Первая — это подход к налогам как объективной фискальной необходимости государства — аргумент, применявшийся и большинством политиков того времени. В конце концов, любое государство облагает своих граждан налогами, поэтому все налоговые реформы описывались как способ повышения и рационализации дохода бюджета. Точно с такой же позиции историки рассматривают и самую радикальную налоговую реформу последних лет существования Российской империи, которая оказалась вообще одной из самых крупных реформ, предпринятых царским правительством за 10 месяцев до собственного падения. Речь идет о подоходном налоге, введенном в апреле 1916 г. и призванном «увенчать» собой здание новой фискальной системы государства. Учитывая, что это произошло в самый разгар войны, которая разоряла императорскую казну, налоговую реформу можно описать как реакцию государства на бюджетный и военный кризис. Но опасность такого подхода состоит в том, что мы как историки в этом случае проходим мимо громадного социального, политического и идеологического подтекста этой реформы, подтекста, остро ощущавшегося современниками, даже несмотря на всю глубину кризиса (а, может, именно благодаря ей). Вторая особенность состоит в том, что мы склонны понимать налогообложение как давление одной общественной группы на другую — города на деревню, или бюрократов, интеллигенции, а затем марксистов — на крестьян как на самый незащищенный и безгласный класс и потому легко поддающийся эксплуатации.

Сравнивая подход к налогообложению, с одной стороны, в царской России, а с другой — в системе советской бюрократии (сравнение, которое проводится весьма редко, поскольку историки подразделяют этот объект исследования на две отдельные части, что позволяет получить более выпуклую картину большевизма *sui generis*), мы объединяем обе проблемы в рамках одной и той же рубрики: повышение потребности государства в финансах и, как следствие, усиление эксплуатации. Действительно, Витте всерьез принялся выжимать из крестьян налоги в 1890-е гг., его преемники продолжили это занятие, а большевики прославились прежде всего тем, с какой жестокостью подхватили эстафету своих предшественников по выбиванию доходов во имя собственного выживания — на этот раз в Гражданской войне. Последствия политики большевиков были просто более кровавыми, чем у их предшественников, так как большевики были лишены патерналистских убеждений самодержавия, не имели какого бы то ни было чувства меры в своем обращении с презируемыми ими «картофельными мешками» и вооружены специфически большевистской жесткостью. Но, по сути, исторические описания их политики ничем не отличаются от исследований политики царских чиновников, основными элементами которых являются: острая нужда в финансах, политический и военный кризис (только гораздо более острый после 1917 г.), и «крестьянство как жертва» (только в гораздо большей степени начиная с 1917 г.).

В подобных описаниях, безусловно, есть рациональное зерно, и я не стану с ходу их отвергать. Я только хочу сказать, что процесс сбора налогов (единственная операция, без которой не обойтись ни одному правительству) предоставляет редкую возможность для того, чтобы понаблюдать за эволюцией более широких исторических категорий. Действительно, если посмотреть на налоги более внимательно, а не как на нечто совершенно неизбежное и не заслуживающее подробного анализа, то можно заметить, что они представляют собой явление, глубоко отражающее суть любого режима, и, следовательно, интересный объект для исследования того, как современники понимали сущность своего государственного устройства. Ибо налогообложение никогда не было просто средством обеспечить поступление доходов в бюджет — системой, при которой чиновники просто задают себе вопрос, с кого им лучше всего этот доход получить. Налоги являлись неотъемлемым элементом социальной, культурной и политической структуры общества, элементом, который не только отражал, но и создавал формы общественной организации. В самом деле, налоги (особенно когда речь идет о прямых сборах) всегда были и есть в любой стране одним из немногих прямых инструментов, с помощью которых правительства определяют тип населения, которым они управляют, характер собственной политики и общества, а также характер своего режима.

В связи с этим я надеюсь, что мне удастся перевести обсуждение с упомянутых выше и преобладающих в историографии проблем к тем вопросам идеологии и политики, которые были тесно связаны с особенностями налогообложения. Основной темой дискуссии будет введение подоходного налога в 1916 г., рассматриваемое как в контексте ожесточенных споров, которые бушевали в течение нескольких предшествовавших ему десятилетий, так и в контексте последующих споров и политики вплоть до 1918 г. Ниже я приведу, в общих чертах, четыре основных проблемы, вокруг которых в начале XIX в. шли споры по вопросу о налогообложении и которые позволяют рассматривать последний период цар-

ской империи и начальный период в экономике РСФСР в качестве единого целого. Моя цель — не только доказать наличие тесной связи между двумя половинками 1917 г., но и рассмотреть вопрос о налогах шире, чем это обычно делается, когда исследователи выделяют в нем только два момента: объективную потребность государства в финансах и нещадную эксплуатацию крестьян.

1. Уравнивание и постепенная ликвидация юридических различий между условиями при высокой вероятности того, что в конце концов в фискальной политике и в государственной системе вообще верх возьмут принцип равенства всех сословий или несословный подход к налогообложению. В такой схеме подоходному налогу отводится центральная роль, так как он является единственным фискальным инструментом, который можно применить ко всему населению, невзирая на юридический статус налогоплательщика, и при котором доход как таковой можно использовать в качестве способа идентификации личности. Для системы, пронизанной сословными различиями, каковой была Россия в 1916 г., это был революционный подход; но и в системе, ориентированной на классовое деление общества, которая возникла после 1917 г., его значение могло быть столь же велико. Введение подоходного налога также связано с попыткой включить в орбиту действия единой государственной системы все элементы населения страны, в том числе и те, которые из-за своей бедности или сословных привилегий раньше находились за пределами досягаемости фискального механизма.

2. Общий подход правительства к населению как таковому, как к единственной полновесной политической и общественной категории, более нижней, чем земля, которую оно обрабатывает, или продукт, которое оно производит. Все остальные налоги были нацелены на ресурсы, используемые семьей (особенно недвижимость), или только на некоторые части произведенной ею продукта, тогда как подоходный налог высвечивал личность во всей ее полноте, как «совокупность экономических действий». Эта тема — перенос внимания фискального механизма с территории на население — вошла в историографию через работы Фуко (Foucault) по исследованию государственности, хотя другие авторы предложили более доступные работы по изучению этой трансформации, например, Кейт Трайб (Keith Tribe) о Германии или Питер Холквист в своей статье, написанной для настоящей конференции. Концепция Фуко весьма мрачна и противоречива в своих импликациях — взять хотя бы неизбежность усиления надзора за населением и переноса центра тяжести на сбор информации как на средство изменения и трансформации народа, — однако мы можем считать, что его схема просто отражает некоторую общую тенденцию современного мира, которая может иметь различные импликации в различных контекстах. Россия интересна тем, что в ней в описываемый период эта тенденция существовала в виде осознанно поставленной царским правительством цели, важность которой неизмеримо выросла при большевиках. Основной смысл этой тенденции в 1917—1918 гг. состоял и в том, что любые меры, предпринимавшиеся в этот период правительством, были безжалостно нацелены непосредственно на народ как таковой, а не на произведенный им продукт.

3. При выборе объекта налогообложения переход от больших коллективов людей (хозяйств или территорий — при так называемой раскладной системе налогообложения) к отдельной семье, а затем к отдельной личности путем сбора всесторонней информации о данной личности (окладная система налогообложения). Эта трансформация была связана с открытым отходом от принципа автоно-

мии и самоуправления внутри вышеупомянутых коллективов и стремлением государственных чиновников иметь дело непосредственно с каждым отдельным членом коллектива, минуя промежуточное звено институтов хозяйственного или территориального управления. Конечно, на практике, при отсутствии соответствующей разветвленной структуры государственного управления и низком уровне интеграции общества, подобная система представляла собой некий идеал, достижимый лишь в отдаленном будущем, однако лежавшее в основе новой политики прямое давление на личность было весьма реальным, поскольку порождало индивида, лишенного какого бы то ни было социального прикрытия и полностью незащитного перед амбициозными проектами государства по перестройке общества. Противоречие здесь состояло в том, что ни царское правительство в мирные годы, ни большевики в годы войны не имели возможности реализовать свои цели по причине отсутствия соответствующим образом подготовленных кадров, административного аппарата и традиций. Таким образом, отсутствие под новой фискальной политикой, нацеленной на налогообложение отдельной личности, надежной экономической основы должно было с неизбежностью привести к откату к системе коллективного налогообложения и коллективного наказания, что и произошло в 1918—1919 гг.

4. Наконец, последний и наиболее важный момент: новая налоговая политика явилась отражением и новой тенденции, постепенно вызревавшей в области политического мышления. Она заключалась в том, что общество начинало относиться к личности, как к гражданину, а не просто подданному данного автократа: в более широком современном контексте этот переход исследован в трудах Энтони Гидденса (Anthony Giddens). Новая система налогообложения предполагала, что каждый человек должен добровольно сообщать информацию о собственной экономической деятельности из чувства гражданского долга, а не из примитивной необходимости повиноваться авторитету и силе государства. Поэтому во всех дискуссиях по этому вопросу, начиная с XIX в., неизменно звучали ссылки на «некультурность» народа, которая в период непосредственно перед 1916 г. стала прямо именоваться отсутствием гражданственности. Многие публикации того времени заявляли, что уклоняющийся от уплаты налогов не достоин не только звания гражданина, но и звания человека. В этом смысле обретение статуса гражданина рассматривалось не столько в качестве акта освобождения, сколько в качестве возложения на индивида обязанности доказать свою готовность к настоящему гражданству и к тому, чтобы к нему относились, как к члену «цивилизованного» общества. По мнению политических деятелей того времени, большинство народа не было готово выдержать это испытание. И некоторые факты из истории насилия, захлестнувшего страну после 1917 г., можно интерпретировать как доказательство того, что русские оказались недостойными звания граждан, поскольку лишь немногие из них (интеллигенты, включая самих сборщиков налогов) сумели подняться до высот настоящего гражданства на фоне «темных масс» населения.

Дискуссии по этим четырем группам проблем продолжались, не утихая, что позволяет нам не только проследить динамику развития политической мысли после 1917 г., но и выяснить, в чем состояло ее истинное отличие в советский период. В свете изложенных выше противоречий между политическими устремлениями и экономической реальностью в 1918 г. русских возвысили до звания граждан, но продолжали наказывать по меркам коллективной фискальной ответ-

ственности — за коллективную неспособность соответствовать нормам гражданственности.

Начиная с 1863 г., когда была отменена подушная подать на мещан, многие из описанных трансформаций были провозглашены целями государственной политики, начиная с «распространения прямого обложения на все без различия сословия, а не на одни податные классы». Эта мера определяла привилегированным классам новое место в новой концепции государственного устройства. Она же покончила с коллективной фискальной ответственностью мещан как особого сословия и горожан как представителей территориальных единиц. В конце концов эта политика привела к отмене к началу XX в. подушной подати на крестьян и коллективной фискальной ответственности крестьянства. Отмена в 1907 г. выкупных платежей ликвидировала последний крупный исключительный налог, которым облагалось только одно сословие. Новые налоги, которые постепенно вводились взамен отмененных — на городскую и сельскую недвижимость, а также квартирный налог — хотя и не были ни в коем случае универсальными (так как были привязаны к территории и месту жительства), но, по крайней мере, не опирались на сословные признаки при определении, кто какие налоги должен платить.¹

То, чего требовали — что новые налоги (и что за ними стояло), — не было просто новой формой учета. Они отражали новое отношение правительства и местной администрации к собственному населению: его стали рассматривать в качестве все более и более мелких экономических единиц, и, теоретически, к 1907 г. прямыми налогами облагалось каждое крестьянское хозяйство, а не такая коллективная единица, как мир. Правда, правительство, как всегда, оправдывало введение новых налогов объективной фискальной необходимостью. И действительно, процесс этот происходил по всей Европе: изменение структуры расходов государственного бюджета (постоянные ставки чиновников, армия, формируемая на основе всеобщей воинской повинности, модернизация вооруженных сил и внедрение менее прямого управления хозяйственной деятельностью) требовало не просто больше доходов, но иного типа доходов — более стабильных, более предсказуемых, приведенных в большее соответствие с экономическими циклами и, следовательно, более гибких. Но если непосредственным поводом для введения в Европе подоходного налога часто являлась фискальная необходимость и особенно военный кризис, то причиной, которая сделала эту форму налога постоянной, была новая концепция государственного управления. В Великобритании подоходный налог был введен в период наполеоновских войн, но после войны сделался постоянным; в Австрии — во время революции 1848—1850 гг., после которой также превратился в постоянный налог; в Италии он был необходим в связи с созданием нового объединенного государства; а вот Пруссия (1891 г.) и Соединенные Штаты (1913 г.) ввели подоходный налог в периоды мира и относительной экономической стабильности. То, что во всех этих странах подоходный налог превратился в постоянный элемент фискальной системы, означает, что дело было вовсе не и кризисной ситуации или неожиданно возникшей необходимости в финансах, а в новых постоянных потребностях современного государства. Идеологический фундамент реформ был уже к тому времени заложен, и подоходный налог, в свою очередь, способствовал укреплению новой идеологии: введение подоходного налога предполагает, что государство имеет возможность, способность и право собирать информацию обо всех сторонах экономической

деятельности индивида, а новые налоги, в свою очередь, оправдывают необходимость сбора такой информации.

Поэтому, когда в 1907 г. в России встал вопрос о введении подоходного налога, товарищ министра финансов Покровский настаивал, что новый налог нужно представить обществу как экономическую необходимость, не связывая его с опасными вопросами общественной и политической организации (на самом деле он и его коллеги обсуждали новый налог именно с точки зрения изменения всей концепции государственного управления и структуры общества).² Этих изменений требовал новый взгляд на природу и характер государственного управления: любой из новых налогов можно было и назначать, и собирать либо через систему коллективной фискальной ответственности, либо через систему территориальной или сословной принадлежности. Однако государство предпочло отойти от этой схемы, преследуя долгосрочную идеологическую цель — переход к непосредственному обложению все более мелких элементов населения и, в конечном итоге, отдельной личности. Причину новой политики можно объяснить и с другой стороны: государство уже начало отходить от взгляда на собственное население как на совокупность территориальных или сословных сообществ, и это, в свою очередь, позволило предложить новые системы, объекты и методы налогообложения. Прежде всего это означало необходимость увеличить количество чиновников, «чтобы в уездах и городах были такие агенты финансового управления, которые близко стояли бы к населению и были бы хорошо знакомы с местными условиями и бытом». ³ Это и явилось причиной создания в 1885 г. налоговой инспекции и впечатляющего роста числа ее сотрудников: с 500 до 1500 в 1911 г. Инспектора должны были иметь высшее образование и изучать «все аспекты местной жизни». В результате многие материалы о местных условиях, состоянии крестьянских хозяйств, урожаях и экономике страны историки получают из архивов налоговой инспекции и Казенной палаты. На практике количество чиновников было недостаточным для выполнения возложенных на них функций, и их прямое вмешательство в экономическую жизнь страны в основном ограничивалось городами; в сельской местности они могли контролировать волость или мир только через местное земельное управление, лишь изредка заглядывая непосредственно на места.

Тем не менее новая схема была объявлена государством и уже легко просматривалась: она состояла в постепенной ликвидации институтов коллективного самоуправления и их замене на личную фискальную ответственность человека под надзором агентов центрального правительства. Именно в этом контексте подоходный налог, впервые всерьез предложенный в 1880-е гг. Бунге, а в 1890-е — Витте, был провозглашен финансовыми чиновниками «венцом» реформы фискальной системы.⁴ Подоходный налог был представлен на рассмотрение Думы в 1907 г., но принят лишь в 1916 г. — на первый взгляд, из-за попыток крупных землевладельцы и промышленники переложить налоговое бремя друг на друга; однако основная причина лежала гораздо глубже и заключалась в идеологическом и политическом подтексте новой налоговой реформы. Подоходный налог был единственным из всех налогов, который предстояло взимать не с коллективных налогоплательщиков или семей, не с собственности или товара, а с суммы личного дохода отдельного индивида; кроме того, ему предстояло стать единственным по настоящему универсальным налогом, взимаемым со всех живущих в России, исключая императора и непосредственных августейших наследников.

Ему предстояло официально возложить фискальную ответственность на служителей церкви и дворян, а также на женщин (вместо, как это было ранее, налога на главу семьи). Введение подоходного налога означало (возможно, впервые после военной реформы 1870 г., с тем, однако, отличием, что теперь его действие распространялось и на все без исключения религиозные сообщества, а также на женщин) прямое обращение правительства непосредственно к каждому подданному империи, а также подход государства ко всему населению с одной универсальной меркой. С этой точки зрения (как отмечали многие сторонники и противники подоходного налога) введением подоходного налога правительство максимально близко подходило к той черте, за которой находилось действительно интегрированное общество, представленное единой категорией — населением, более не делимым на сословия.⁵

Если и можно где-нибудь найти четкий пример общего перехода от государственного управления территориями к управлению населением, то он перед нами. В 1860-е гг. все российские налоги были раскладными, т. е. их сумма определялась на основе оценки потребностей государства и весьма приблизительной оценки экономической ситуации на данной территории: далее эта сумма раскладывалась между губерниями, а внутри каждой губернии между коллективными сословными институтами, которые, и свою очередь, обязаны были распределить ее между миром и общиной или между городскими сословными институтами. Эта система, вероятно, представляла собой самую жесткую (и наиболее открытую для произвола) форму коллективной фискальной ответственности: если какая-либо губерния считалась бедной, ее долю налогообложения перекладывали на другую губернию; налоговое бремя внутри губерний и общин перераспределялось по тому же принципу, во главе угла которого лежала потребность государства, а не платежеспособность личности. Новшества, введенные в налоговую систему в начале века, состояли в том, что правительство начало производить расчет суммы доходов налогоплательщика; например, после реформы городского налога на недвижимость (1910 г.) стали учитывать доход, который может принести данная недвижимость; квартирный налог приблизительно учитывал возможный доход жильца; но сельский налог на недвижимость продолжал оставаться раскладным ввиду отсутствия надежной системы земельного кадастра. Однако подоходный налог означал необходимость получения полной информации о каждом отдельном человеке — обо всех его источниках дохода, занятиях, семейном положении, расходах и прибыли, потерях и приобретениях в течение года, причем информации, полученной не от соседей или сословного института, а от государственного инспектора-профессионала.

Подоходный налог представлял собой необычное явление еще и потому, что в его основе лежала декларация о доходах, т. е. добровольное согласие налогоплательщика раскрыть информацию о собственных доходах; эта мера предполагала, что каждый налогоплательщик будет сознательно, с позиции гражданина и с пониманием своего долга сотрудничать с правительством; а это уже был серьезный отход от существовавших концепций государственного управления, по которым законы устанавливались только внешней верховной властью, которая и следила за их соблюдением. Успех подоходного налога зависел от способности каждого человека проявлять ответственность по отношению к более широкому сообществу, к которому он себя относил — государству, нации, обществу. Естественно, что это нововведение казалось парадоксальным при такой системе государствен-

ного устройства, где население пребывало в положении скорее подданных, чем граждан, где национальное самосознание находилось, в лучшем случае, на очень низком уровне, где идея интегрированного общества была юридически невозможной и могла существовать только в виде некой мыслительной абстракции и где социальный статус дворян, социальные обязанности, принадлежавшие им по рождению, и идеология были враждебны самой идее гражданственности. В этой связи любопытно отметить, что в период с 1860-х гг. до 1914 г. в обществе несколько раз муссировался (даже в правительственных кругах) такой аргумент против введения подоходного налога как отсутствие необходимого для этого уровня «культуры» и «цивилизованности» у большинства россиян. Многие парламентарии, государственные чиновники и общественные организации выражали опасение, что в таких условиях введение подоходного налога подтолкнет народ к обману, мошенничеству и станет причиной падения нравов; или, выражаясь языком, который станет более употребительным к 1916 г., подоходный налог ясно и четко вскроет катастрофическое отсутствие в народе чувства гражданской принадлежности и гражданской ответственности и, вместо придания обществу новой общей цели, потребует возврата к методам принуждения. Как утверждали, в особенности кадеты, введение подоходного налога потребует от народа проявления такого гражданского сознания, которое в сословно-самодержавном обществе никогда прежде не поощрялось, а скорее даже, наоборот, подавлялось.

К тому моменту, когда в 1916 г. закон приняли, все эти противоречия так и не были разрешены, а голоса его противников заглушила война. Верх одержал аргумент о фискальной необходимости этого шага. Потеря дохода от продажи спиртных напитков совершенно изменила структуру доходных статей государственного бюджета: косвенные налоги, которые раньше превышали прямые налоги в 7 раз, теперь были меньше их в 2—3 раза. Но на самом деле, опять же, аргумент о финансовой необходимости в данном случае не был решающим даже для государственных чиновников. Предполагаемый доход в 75 млн. руб. или, по максимальным оценкам, даже 130 млн. руб., был не очень велик по сравнению с затратами на войну, выражавшимися миллиардами. Но политическое значение этого шага было огромным: взять хотя бы объявленное намерение «укрепить принцип равенства между различными классами населения» или так же провозглашенную цель получить новый доход прежде всего за счет обложения «богатых классов населения». ⁶ В сочетании с планами введения государственной монополии на торговлю некоторыми товарами — фактически, национализации некоторых отраслей торговли — этот новый поворот в политике свидетельствовал о появлении и даже росте антикапиталистического этноса в среде чиновничества и политических партий.

Но для целей настоящего исследования более важен тот факт, что речь шла о введении налога, который предполагал полное гражданское равенство в условиях фактического юридического неравенства; налога, который предполагал наличие у народа полного внутреннего ощущения своей гражданственности, т. е. чувства долга, однако в системе, которая все еще строилась на принципах внешнего принуждения; в системе, в которой реализация нового закона требовала прямого обследования всех сторон экономической деятельности каждого человека, но в которой не была подготовлена ни соответствующая инфраструктура, ни необходимый персонал. Лишь немногие оптимисты могли позволить себе уверять, что теперь россияне продемонстрируют «большее желание показывать истинное со-

стояние своих доходов»,⁷ однако при населении, печально известном своим умением скрывать доходы, особенно, что касается представителей свободных профессий, самозанятых и крестьян, более популярным был рефрен (даже в правительственных кругах) о том, что «низкий уровень цивилизованности» населения разрушит механизм открытости и прозрачности общества и полностью обнажит отсутствие единства нации. Критики предупреждали, что новый закон, вместо того чтобы повысить регулярность и предсказуемость сбора налогов, из-за недостатка персонала и опыта внесет разлад в фискальную систему и потребует усиления мер принуждения для получения дохода в бюджет.⁸ Именно это сочетание высоких целей и ограниченных возможностей, а вовсе не принципиальная оппозиция правительству, как позднее будут уверять либералы, заставило либералов и консерваторов выступать против усиленного вмешательства государства в подробности экономической деятельности и доходов отдельной личности.

Действительно, планы правительства были более чем честолюбивы, и здесь стоит подумать, почему в 1916 г. оно отдало предпочтение не английской, а прусской системе подоходного налога. Прусская модель представляла собой систему комплексного налогообложения, при которой налогоплательщик был обязан декларировать все источники своих доходов, а государство подходило к налогоплательщику как к сумме всех видов экономической деятельности. Английская система фактически представляла собой смесь отдельных налогов на различные виды дохода, а не на налогоплательщика как такового. Американский подоходный налог образца 1913 г. также представлял собой акцизный налог на доходы, а не на человека, и был составлен так для того, чтобы обойти требование конституции о невозможности вмешательства государства в личную жизнь человека; лишь позже он получил название подоходного налога. Российское же правительство решило контролировать все аспекты экономической деятельности личности, но при этом пошло еще дальше: оно предусмотрело нововведение, еще не принятое в других странах, которое заключалось в том, что каждый потенциальный работодатель, а также все финансовые учреждения были обязаны сообщать о своих платежах любому физическому или юридическому лицу, а государство оставляло за собой еще и право требовать всю необходимую информацию от самого налогоплательщика. Мы не можем знать, как эта система работала бы на практике, так как процесс сбора налогов был прерван Февральской революцией. Однако она четко обозначила цели, которые ставило перед собой царское правительство и которым будут следовать оба сменивших его режима.

Парламентарии и печать объявили о том, что подоходный налог будет налогом универсальным. Давайте отнесемся к их заявлению всерьез и посмотрим, к каким неожиданным последствиям это нововведение могло привести. Налог имел ясно обозначенную политическую цель: охватить фискальными платежами как можно большую часть населения для финансирования военных затрат, а затем сохранить эту систему и на будущее. Настойчивые уверения о том, что налог будет прежде всего нацелен на богатых, отражают часть распространенного в то время в обществе подозрения, что богатые наживаются на войне. Война усилила антикапиталистические и антиспекулянтские настроения в обществе, которые и без того уже давно в нем вызревали, в результате чего новый налог имел еще и оттенок возмездия. В связи с этим налогообложение было дифференцированным и прогрессивным, в 1916 г. его потолок был установлен в 12,5%. Впоследствии Временное правительство довело его до 30,5%, что для предприятий в совокуп-

ности с военным налогом на прибыль, означало выплату до 90% прибыли. Но эта смесь принудительной фискальной ответственности и почти месть за недостаточный вклад в военные усилия страны не была просто проявлением антикапиталистической политики, поскольку могла распространяться на всех членов общества и, значит, преследовала более широкую цель насильственного универсального налогообложения и интеграции всего населения. В этой связи показательной является речь податного инспектора во Владимире, произнесенная в декабре 1916 г. (перед самым началом кампании по сбору налогов в 1917 г.) и призывающая коллег энергично преследовать ранее не облагавшиеся налогом элементы. Это следовало делать не просто из желания наказать богатых, а но имя насильственного налогообложения всего населения: подоходный налог «бьет по карману и крупного землевладельца, и фабриканта, и капиталиста, и людей свободных профессий, получающих очень часто многотысячные доходы и не платящих... никаких прямых налогов, кроме ничтожного квартирного налога».⁹

Идея всеобщего вовлечения в процесс уплаты налогов подразумевала действительно всех жителей страны, включая и тех, кто вовсе не был зажиточным. Первоначально правительство предусматривало минимальную сумму необлагаемого дохода в 1000 руб., что до 1914 г. означало бы, что большинству населения подоходный налог не грозит. Инфляция военного периода резко увеличила число людей, чей доход равнялся или превышал тысячу рублей, и некоторые государственные чиновники стали предлагать увеличить минимальный уровень облагаемого дохода и качестве льготы для бедных. Но Дума поступила как раз наоборот: вместо повышения минимального уровня дохода, чтобы привести его в соответствие с темпами инфляции и помочь бедноте, Дума понизила его до 750 руб. с целью охватить налогом как можно большее количество населения, несмотря на то что доход бюджета при этом повысился бы незначительно, причем и эту разницу съели бы дополнительные расходы на сам процесс сбора налогов. Государственный Совет, из чувства патернализма, опять поднял эту сумму до 850 руб., избавив тем самым от подоходного налога примерно половину российских семей. Заявленная цель Думы состояла в том, чтобы не создалось впечатление, будто подоходный налог был налогом классовым, а также в том, чтобы укрепить его всеобщий (и обобщающий) характер. Иными словами, бедные не могли быть освобождены от уплаты налога только потому, что они были бедны (как это часто бывало в прежние годы, когда бедность представляла собой и причину для экономической благотворительности, и предлог для исключения человека из числа полноправных граждан). Отныне они должны были быть включены в число налогоплательщиков, потому что должны были иметь статус граждан, т. е. должны были быть подтянуты до уровня граждан через насильственное включение в число налогоплательщиков.

Итак, в процесс налогообложения медленно проникал, достигнув своей кульминации в 1916 г., жесткий язык гражданственности, правда, с некоторыми неожиданными поворотами. Государство хотело привить чувство гражданского долга народу, у которого, как оно полагало, отсутствовало гражданское сознание. Следовательно, делать это необходимо было методами внешнего воздействия; в единое целое предстояло объединить всех жителей страны, включая и тех, кто был просто не способен понять, в какое государственное образование и в систему какого этоса их втягивают. Все это был сложный мыслительный процесс, кото-

рому в последующие годы предстояло материализоваться в конкретный тип общественного развития.

Однако в 1916 г. значительную часть риторики воспитания гражданственности нужно было читать между строк, так как юридический язык того времени ее просто не допускал; в 1917 г. она стала звучать открыто, настойчиво и повсеместно. В непрекращающейся дискуссии по поводу налоговой реформы и дохода бюджета вместо терминов типа «тяга», «обязательство» стали широко ссылаться на «гражданский долг». В 1916 г. собрания налоговых инспекторов в Казенной палате носили в основном информационный и технический характер; на них не было недостатка в ссылках на «обязанность» и послушание. Когда те же люди собрались вместе весной 1917 г., чтобы обсудить те же законы, но уже в условиях революции, выражения, которые они употребляли и смысл, который в них вкладывали, резко изменились. Например, в Самаре в мае 1917 г. на подобном собрании с упоением говорили о «свободе» и «освобождении», ибо отныне революция должна была позволить всем «выполнить свой гражданский долг» путем уплаты налогов — уплаты добровольной, отражающей цену их свободы и уровень гражданского сознания. Но если чувство гражданственности, как утверждали инспекторы, порождалось сочетанием свободы и ответственности, то истинными «сознательными гражданами» в общественном механизме налогообложения были они сами, когда выполняли свой долг, навязывая гражданскую ответственность всем остальным. Как выразился один из выступавших, «лучшие годы в жизни это пора студенчества и работа налоговым инспектором», который имеет уникальную возможность быть носителем чувства гражданственности и прививать это чувство другим. Что касается народа, с которого им предстояло собирать налоги, то он стал неприязненно относиться ко всем носителям и символам власти, включая инспекторов и интеллигенцию, тем самым подтверждая давние сомнения относительно собственной зрелости. В идеале, которого Россия еще не достигла, было «необходимо, чтобы народ был на известной высоте своего развития, чтобы в нем было достаточно развито сознание гражданского долга и грамотность в широком смысле».¹⁰

Гражданственность освобождала, но только граждан. Иными словами, гражданственность оказалась идеологией, которая принесла таким людям невиданную прежде власть (вооружив их цельной идеологией, отсутствовавшей до 1917 г.), позволившую им применять большую настойчивость, принуждение, насилие по отношению к населению, которое, на их взгляд, привлечь на свою сторону было невозможно и которое, следовательно, можно было только направлять. До определенного момента они говорили о гражданственности, не в узком, и в широком смысле, практически на том же языке, что и большевики. Действительно, обсуждая свою налоговую политику в 1918 г., большевики проследили историю вопроса до 1812 г. и пришли к выводу, что их подход является кульминацией длительного процесса, который до 1917 г. так и не был завершен. Среди их советников было много сотрудников Департамента окладных сборов, а во главе казенных палат — теперь превратившихся в финотделы — стояли все те же руководители. Многие из них переключаются в 1918 г. в продармию, в которой налоговая политика нашла свое самое концентрированное выражение (сначала в виде «налога натурой»), а затем в виде «разверстки»), придав, таким образом, новое выражение идее об армии граждан.

Однако большевики в гораздо большей степени, чем все их предшественники и советники, выдвинули на первый план язык и идеологию принудительного включения населения в число граждан, насильственного привития гражданского сознания и, следовательно, личной ответственности каждого за свои действия. Отныне тот факт, что власть смотрит на экономическую и налоговую политику как на вопрос управления человеческими ресурсами, стал озвучиваться намного откровеннее, чем когда-либо ранее. Один из участников Первого съезда совнархозов в мае 1918 г. выразил эту мысль следующим образом. «Прежде всего, должен оговориться и указать на один предрассудок о громадных естественных богатствах России. Единственный источник богатств это народный труд, понимая под народом всю совокупность населения. Генератором труда является интеллигенция — мозг страны».¹¹

Рассмотрим две импликации, которые вытекают из этого (довольно типичного) описания проблемы дохода государственного бюджета. Первая состоит в том, что политику будет осуществлять интеллигенция (при необходимости в одностороннем порядке), потому что народ умеет трудиться, но не умеет думать. Все тот же мотив: гражданственность освобождает, но только граждан. Вторая импликация, связанная с первой, состоит в том, что основной упор делается на народ. Это довольно стандартная (циничная или искренняя) декларация левых сил о верховенстве народа. Однако обе эти импликации следует понимать буквально: если государство хочет получить доход, то оно должно сосредоточить свои усилия на народе, а не на его материальных ценностях и земле, которой он владеет. К. Б. Радек, выступая на том же съезде по вопросу о кризисе государственного бюджета, заявил, что для него этот кризис заключается не просто в потере территорий и ресурсов, но в состоянии «народа», которое требовало «реорганизации населения», оставшегося на территории республики; а когда М. И. Калинин заговорил о необходимости взять «реванш» у Германии, он имел в виду, что будет его добиваться через «организационный тыл и организационный фронт».¹² В условиях все более ухудшавшегося положения в 1918 г. эти планы не могли быть реализованы иначе, чем через эскалацию насилия по отношению к населению; среди других факторов, которыми можно объяснить вспышку государственного насилия в 1918 г., следует упомянуть и давнишнее противоречие между стремлением превратить людей в свободных граждан, сознательно отвечающих за собственные действия, и невозможностью достичь этой цели в максимально короткий срок. Этот фактор и послужил причиной все большего применения в 1918 г. насильственных и, как это ни парадоксально, коллективных мер сбора налогов.

В этой связи рассмотрим, как в 1918 г. в Департаменте окладных сборов, при консультациях с Совнаркомом и ВЦИК, проходило обсуждение вопроса о введении натурального налога, который рассматривался в качестве подвида подоходного налога, введенного в 1916 г. и пересмотренного в 1917-м. Показательно уже то, как изменялась юридическая база нового налога: одно из толкований статьи 17 «Декрета о земле» звучало так: «все граждане» обязаны служить государству в равной степени, и в этой связи государство имеет право на изъятие у них излишков. Когда автор одного из проектов закона предложил рассматривать его в качестве натурального налога на землю, другие участники обсуждения возразили, что земля уже и так принадлежит государству и облагаться налогом не может; однако вместо того, чтобы просто сказать, что налог накладывается на право пользова-

ния государственной землей, все последующие и окончательный вариант текста утверждали, что юридической основой нового закона является налог на всех граждан, который, в свою очередь, является продолжением универсального подоходного налога в условиях гиперинфляции.

Проект закона, составленный Департаментом окладных сборов и представленный на утверждение в Совнарком, целиком построен на риторике гражданственности и ставил своей целью «привлечение сельских хозяйств к участию в содержании общегосударственных учреждений». В своей «объяснительной записке» нарком писал, что в прошлом «огромная часть населения Республики почти совершенно не участвовала в несении финансовых тягот... деревня от уплаты [прямых налогов] вполне освобождалась».¹³

«Участие в налогах», выражение, которое на первый взгляд граничит с иронией или цинизмом, на самом деле имеет смысл, если учесть двойственную природу гражданственности, которая предполагает наличие как внутреннего права, так и внутренних обязанностей каждого гражданина. Облагать трудящиеся классы налогом, как уверяла одна записка, не есть акт контрреволюции, поскольку революция подтверждает право всех людей на «участие в уплате налогов» в качестве «полноправных граждан».¹⁴

Однако то, что действительно отличало большевиков от их предшественников (и в некоторой степени являлось противоречием, приведшим к бесчисленным отклонениям) было то, что главным организующим принципом их государственного устройства была универсальная гражданственность в сочетании с классовым делением общества. В ходе дальнейшего обсуждения фискальной политики в Совнарком и ВЦИК, которое закончилось 30 октября принятием закона, налоговое законодательство заговорило иным языком. В качестве юридического обоснования нового закона Совнарком, вместо статьи 17 «Декрета о земле», которая делала упор на всеобщую обязанность уплаты налогов, избрал статью 12 об «уравнительной норме», которая толковалась как обязанность государства стремиться к компенсации различий между классами.¹⁵ В такой интерпретации закон и был принят ВЦИКом 30 октября 1918 г. Отныне новый налог строился на классовой основе и был нацелен прежде всего против «состоятельных и богатых», а также «кулаков-богатеев».¹⁶ Рассуждения о всеобщности налогообложения, которые звучали в проекте закона, представленного на обсуждение всего за месяц до этого, исчезли, так как партия взяла курс на комбеды и классовую войну (воображаемую или желаемую) против деревни.

Быстрый провал комбедов опять привел к повороту на сто восемьдесят градусов. На декабрьских заседаниях Совнаркома вновь зазвучали голоса о всеобщем участии в уплате налогов и призывы к каждой группе или классу населения «выполнить свой гражданский долг по отношению к Советской власти». Последовавший окончательный вариант закона о продрозверстке определил ситуацию на ближайшие четыре года: в нем опять звучал язык классовой борьбы и планировался наскок на «имущие классы населения», несмотря на то, что налог предполагалось брать (и это положение всегда оставалось неизменным) не с имущества, а «с лиц».¹⁷

Вместе с тем произошло еще одно изменение: продрозверстка была коллективным налогом, чем-то вроде распределенной раскладки, что предполагало возврат к коллективной фискальной ответственности и групповой идентификации

населения, так как закон не вводил прогрессивную ставку налога, а отбирал все излишки у всех крестьян, что никак не вязалось с речами о гражданственности и универсальном налогообложении. Однако мы все знаем, что во время Гражданской войны политика Советского правительства, жестокость которого развивалась по нарастающей, приобрела характер тотальной войны с крестьянством вообще, почти как с кастой. Имущественная и классовая дифференциация крестьян учитывалась все меньше и меньше. Зачем понадобился этот откат к коллективной идентификации населения и период развития этоса гражданственности, индивидуальной гражданской ответственности и классовых различий? И почему нужно было делать это с такой невиданной жестокостью? Крестьянство было основным и очевидным ресурсом республики; в период кризиса государство не могло заниматься переговорами, а должно было немедленно действовать; по своей общественной организации оно было относительно беззащитно, а по культурному уровню безгласно. Большевиков и интеллигенцию отличало традиционно-презрительное отношение к крестьянам. И, конечно же, невыгодно было вводить для сбора налога какой-либо специальный административный механизм, который предполагал бы обязательное знание состояния каждого крестьянского хозяйства.

Но, рассматривая эту ситуацию под другим углом, мы можем установить, что политика времен Гражданской войны и особенности большевизма связаны с длительным кризисом идеологии и противоречиями в развитии государственного устройства. Операция, которой подверглись крестьяне, явилась следствием универсального подхода к государственному устройству — поистине универсальной концепции государства, состоящего из граждан, обязанных участвовать в уплате налогов. Дело было не в том, что государство просто продолжило старую антикрестьянскую политику; причина была иной и, в данных обстоятельствах, гораздо более зловещей. Приписываемая крестьянам неспособность подняться до высот гражданственности (неспособность, в некоторой степени предопределенная мнением, широко распространенным по всей полосе политического спектра, о том, что крестьяне не могут быть гражданами) была установлена путем проверки их нормами гражданственности. Результаты этой проверки привели к выводу о том, что крестьяне коллективно провалили экзамен на гражданственность и поэтому заслуживают к себе отношения как к касте полулюдей.

Мишель Гоше, один из современных историков, которые утверждают, что некоторые виды принуждения (в его случае — это профессиональное, научное и государственное принуждение, применяемое во французских психбольницах) стали возможны после того, как всех обитателей этих учреждений признали полноправными людьми, подняли до уровня граждан и оценили их поведение с точки зрения норм, которые этот термин предполагает. Приблизительно так же можно объяснить жестокость обращения с крестьянами в 1918—1919 гг. Это произошло не потому, что крестьяне были, как всегда, просто крестьянами и уже только потому жертвами. Государство подвергло их проверке через призму жестких требований, предъявляемых к гражданам, которую они, по мнению государства, не прошли. Дело, следовательно, не просто во вспышке насилия, а в том, что населению был предъявлен новый вид требований, о котором не могла идти речь в 1916 г. и который включал в себя и новый способ определения соответствия этим требованиям, и новый вид наказания за несоответствие.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Департамент окладных сборов 1863—1913. СПб., 1913.
- ² РГИА, ф. 1276, оп. 2, д. 213, л. 109—112.
- ³ Департамент окладных сборов. С. 100—101, 189—193.
- ⁴ См.: *Коковцов В. Н. Russian Finance during the War*. New Haven, 1929. P. 5.
- ⁵ См. статью Н. Н. Кутлера в «Известиях общества финансовых реформ» (1911. № 2. С. 9).
- ⁶ См.: Записка Министерства финансов к вопросу о подоходном налоге. Б. м., 1915. С. 7, 13.
- ⁷ См. публикацию М. Соболева в сб. «Вопросы финансовой реформы в России» (М., 1917).
- ⁸ См. статьи И. Покровского в «Вестнике финансов» за 1915.
- ⁹ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 4487, л. 15.
- ¹⁰ Там же, л. 103.
- ¹¹ Там же, ф. 3429, оп. 2, д. 13, л. 168.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же, ф. 7733, оп. 1, д. 4768, л. 3.
- ¹⁴ Там же, л. 26—26об.
- ¹⁵ Там же, л. 43.
- ¹⁶ Там же, л. 51.
- ¹⁷ Там же, л. 81—85.

А. В. Островский

**ГОСУДАРСТВЕННО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ
И КООПЕРАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ: 1914—1917 гг.**

Первая мировая война привела к возникновению и обострению в России продовольственного кризиса, который повлек за собою расширение государственного вмешательства как в сферу распределения, так и в сферу производства сельскохозяйственных продуктов. Данная проблема уже давно стала объектом внимания исследователей,¹ однако и степень остроты продовольственного кризиса, и масштабы связанного с ним государственного вмешательства в экономику явно недооцениваются.

Одна из причин этого связана с недостаточной изученностью вопроса о механизме складывания и развития продовольственного кризиса. Широко распространено мнение, согласно которому вплоть до 1917 г. Россия располагала значительными продовольственными резервами. «Согласно расчетам Канцелярии главноуправляющего по закупкам хлеба для армии... — пишет, например, Т. М. Китанина, — возможный избыток хлеба за четыре военных года исчислялся в объеме 1362,1 млн. пуд.», «таким образом, наличие хлеба в стране не вызвало никакого сомнения».² В действительности все обстояло не совсем так.

Согласно официальной статистике, в 1909—1913 гг. среднегодовой сбор зерна находился на уровне 4870 млн. пуд., в 1914 г. было собрано 4670 млн. пуд., в 1915 г. — 4810 млн., в 1916 г. — 3970 млн., в 1917 г. — 3800 млн. Эти данные показывают, что в 1914—1915 гг. зерновое производство находилось примерно на довоенном уровне, в 1916 г. сборы сократились на 18%, а в 1917 г. на 22%.³ Правда, одновременно с этим произошло и сокращение хлебного экспорта. Накануне войны Россия вывозила около 650 млн. пуд., в 1914 г. экспорт составил 380 млн., в 1915 г. менее 40 млн. пуд. В 1916—1917 гг. он хотя и увеличился по сравнению с 1915 г., но незначительно.⁴

Если с учетом этого определить общий зерновой баланс (сбор минус экспорт), то в 1909—1913 гг. он достигал 4220 млн. пуд., в 1914 г. 4290 млн., в 1915 г. 4770 млн., в 1916 г. менее 3970 млн. и в 1917 г. менее 3800 млн. Приведенные цифры свидетельствуют, что в 1914—1915 гг. зерновые ресурсы, оставшиеся внутри страны в связи с сокращением экспорта по сравнению с довоенными годами несколько увеличились (1914 г. на 2%, 1915 г. — на 13%), а в 1916—1917 гг. несколько сократились (1916 на 6%, 1917 г. примерно на 10%).

На первый взгляд действительно в 1914—1917 гг. по сравнению с довоенным периодом в обеспечении страны зерном не произошло существенных изменений. Однако для вывода о существовании в стране хлебных излишков приведенных данных недостаточно. Для этого необходимо знать, сколько же именно хлеба необходимо было населению для удовлетворения его потребностей. Ответ на этот вопрос непосредственно связан с другим вопросом — вопросом о продовольственных нормах.

Этот вопрос возник задолго до революции и наиболее обстоятельное решение получил в работах Л. Мареса, который на основании анализа рациона крестьянского питания, питательности и калорийности отдельных продуктов считал, что для продовольственного обеспечения необходимо было около 18 пудов хлеба на человека.⁵ Если исходя из этой нормы обратиться к статистике зернового производства, мы получим следующую картину.

В 1901—1910 гг. на территории 50 губерний Европейской России на душу населения собирали 24,2 пуда зерна за вычетом семян. Следовательно, накануне войны зерновое производство вполне могло обеспечить продовольственные потребности населения. Однако если сделать поправку на экспорт, чистый остаток зерна сократится до 18 пуд. Сюда входило как продовольственное, так и фуражное зерно. Достаточно из приведенного показателя исключить овес, как он опустится до 16 пуд.⁶ Из этого вытекает по крайней мере два очень важных вывода. Во-первых, вплоть до начала XX в. российский хлебный экспорт осуществлялся по принципу «не доедим, но вывезем». А во-вторых, поскольку в 1916—1917 гг. объем зерновых ресурсов внутри страны был несколько ниже довоенного уровня, никаких излишков хлеба в России не было и не могло быть. Более того, если до войны крестьянин компенсировал нехватку хлеба расширением посева картофеля, сборы которого достигали 2180 млн. пуд., что было эквивалентно 435 млн. пудов зерна, то к 1917 г. сбор картофеля сократился более чем на 40%.⁷

Однако общие и средние показатели не дают представления о том, как именно обстояло дело на местах. Обработанные с этой целью материалы по 50 губерниям Европейской России свидетельствуют, что в 1911—1915 гг. 32 губернии не могли обеспечить потребление продовольственного зерна в пределах 18 пудов. Причем шесть из них нуждались в товарном зерне в течение одного-двух месяцев в году: Ковенская губерния имела дефицит продовольственного зерна в пределах 3%, Пензенская — 7%, Курляндская — 8%, Вятская — 9%. Казанская — 9% и Волынская — 11%. Семнадцать губерний (Нижегородская — 26%. Тульская — 26%. Псковская — 29%, Черниговская — 29%, Орловская — 30%, Рязанская — 32%, Гродненская — 34%, Виленская — 36%, Смоленская — 36%, Минская — 37%, Эстляндская — 37%, Лифляндская — 38%, Могилевская — 38%, Витебская — 44%, Костромская — 44%, Астраханская — 49%, Вологодская — 50%) могли обеспечить себя продовольственным зерном на шесть-восемь месяцев в году, шесть губерний (Владимирская — 54%, Калужская — 54%, Тверская — 56%, Новгородская — 57%, Ярославская — 57%, Олонецкая — 66%) обеспечивали свои потребности четыре-шесть месяцев, а три губернии (Архангельская — 77%, Московская — 85% и Петербургская — 88%) только в течение одного-четырёх месяцев.⁸

Снабжение этих 32 губерний целиком и полностью зависело от остальных 18 губерний, имевших излишки продовольственного зерна. Общий объем этих излишков составлял 647,2 млн. пуд.: Область войска Донского — 92,7 млн. пуд.,

Херсонская губерния — 82,1 млн. пуд., Бессарабская — 78,1 млн., Екатеринославская — 69,2 млн., Самарская — 66,1 млн., Таврическая — 6, 0 млн., Полтавская — 35,8 млн., Харьковская — 33,3 млн., Подольская — 25,6 млн., Воронежская — 23,7 млн., Саратовская — 18,0 млн., Киевская — 15,3 млн., Тамбовская — 13,5 млн., Оренбургская — 9,1 млн., Курская — 8,3 млн., Уфимская — 7,1 млн., Симбирская — 3,6 млн. и Пермская — 0,3 млн.⁹ Нетрудно заметить, что более двух третей излишков продовольственного зерна было сосредоточено всего в шести губерниях.

Приведенные данные показывают, что в 1911—1915 гг. две трети губерний Европейской России не могли обеспечить свои продовольственные потребности за счет собственного производства и зависели от привозного хлеба. Особенно остро эта проблема стояла в промышленных губерниях, среди которых лидировали Московская и Петроградская. Снабжение этих губерний продовольствием целиком и полностью зависело от двух факторов: мобилизации излишков в хлебопроизводящих губерниях и их своевременной транспортировки, т. е. от функционирования внутреннего рынка.

В литературе уже обращено внимание на то, что война повлекла за собою разрушение прежнего механизма товарообмена внутри страны. Одни авторы главную причину этого видят в спекулятивной игре помещиков, сельской буржуазии и хлеботорговцев на повышение цен, другие в ослаблении прежних стимулов реализации сельскохозяйственной продукции.

Не отрицая ни первого, ни второго, есть основания думать, что главную роль играл все-таки второй фактор. Дело в том, что война повела к сокращению производства товаров широкого потребления. Достаточно сказать, что даже такая сугубо «гражданская» отрасль промышленности, как текстильная, в годы войны на 80% ориентировалась на снабжение армии.¹⁰ Известно также, что введение сухого закона повело к исчезновению алкогольных напитков промышленного производства стоимостью не менее 1 млрд. руб., что было эквивалентно стоимости не менее 0,5 млрд. пуд. хлеба.¹¹ В этих условиях цены на промышленные товары росли гораздо быстрее цен на сельскохозяйственные продукты, что делало и без того неэквивалентный обмен между городом и деревней еще менее выгодным для деревни.

И по мере того, как ослаблялось действие экономических факторов товарообмена между городом и деревней, по мере того, как происходило сокращение товарной массы сельскохозяйственных продуктов, возрастала необходимость использования внеэкономических средств изъятия этих продуктов для обеспечения городов и промышленных губерний.

Первая мировая война началась 19 июля/1 августа 1914 г., а уже через две недели 1/14 августа Совет министров принял решение возложить заготовку хлеба для армии на Главное управление землеустройства и земледелия.¹² Вслед за этим по заказу Главного интендантского управления Военного министерства был составлен первый план заготовки хлеба на период до 1 августа 1915 г. За это время предполагалось заготовить 231,5 млн. пуд. хлеба: муки, крупы, ржи, ячменя и овса.¹³ Поскольку в связи с резким сокращением экспорта остававшиеся внутри страны хлебные ресурсы несколько увеличились, первоначально план заготовительной кампании осуществлялся вполне успешно. И только «в начале 1915 г. условия заготовки резко изменились к худшему: хлебные цены стали повсемест-

но необычайно возрастать, повышаясь сначала резкими скачками, превысив в январе 1915 г. даже цены неурожайного 1911 г.»¹⁴

В связи с этим 17 февраля 1915 г. командующим военными округами было дано право вводить предельные, т. е. твердые закупочные цены, а «в случае отказа владельцев от продажи по этим ценам реализовать нужные продукты по особо установленным пониженным ценам. Вместе с тем командующим округами предоставлялось право запрещать вывоз хлеба из пределов той или иной местности». Этим самым был сделан первый важный шаг на пути установления государственного контроля над хлебным рынком.¹⁵ Если же учесть, что две трети излишков хлеба были сконцентрированы буквально в пяти-шести губерниях, то судьба всего снабжения страны и армии хлебом была отдана в руки нескольких командующих военными округами.

Осознание пагубности указа 17 февраля 1915 г. и необходимости выработки единой продовольственной политики привело к учреждению 19 мая 1915 г. под председательством министра торговли и промышленности специального учреждения, получившего название Главного продовольственного комитета.¹⁶ 17 августа 1915 г. он был преобразован в Особое совещание по продовольственному делу, председательствование в котором было возложено на министра земледелия.¹⁷

Первая заготовительная кампания прошла успешно: вместо планировавшихся 231,5 млн. пуд. правительству удалось заготовить более 260 млн. пуд. хлеба.¹⁸ Получив заказ Главного интендантства от 22 июня 1915 г., правительство определило объем заготовки хлеба на 1915—1916 гг. в пределах 239,6 млн. пуд. Однако уже 3 января 1916 г. Главное интендантство запросило об увеличении закупки хлеба на 128,7 млн. пуд., т. е. до 368,3 млн. пуд.,¹⁹ что означало увеличение объема заготовки почти в полтора раза по сравнению с 1914—1915 гг. Вместе с тем именно зимой 1915—1916 гг. стало обнаруживаться, что рынок не способен обеспечивать города хлебом в нужном объеме и по доступным ценам, особенно это касалось Москвы и Петрограда. И правительство вынуждено было встать на путь заготовки хлеба не только для армии и флота, но и для населения наиболее важных промышленных городов, в результате чего объем заготовки хлеба был увеличен до 500 млн. пуд.²⁰

В результате этого объем закупки хлеба в 1915—1916 гг. увеличился почти в два с половиной раза по сравнению с 1914—1915 гг., что повело к значительному увеличению расходов государства на эту операцию: с 250 млн. руб. почти до одного миллиарда рублей.²¹ А поскольку дефицит государственного бюджета продолжал нарастать, это стимулировало стремление правительства к ограничению роста хлебных цен. Расширение государственных закупок хлеба происходило на фоне сокращения товарной массы хлеба, в результате чего, закупив в 1915—1916 гг. около 50% всего поступившего на рынок зерна, правительство превратилось в главного потребителя товарного хлеба. Данное обстоятельство открыло для правительства возможность взять на себя регулирование хлебных цен.

Вопрос о полном подчинении хлебного рынка контролю правительства возник еще осенью 1915 г. 21 ноября представитель Экономического совета Главного управления Союза городов В. Г. Громан на заседании Комиссии по борьбе с дороговизной поставил вопрос о введении централизованной разрешительной системы перевозок хлеба на всей территории страны, установлении твердых оптовых и розничных цен, нормировании потребления продуктов и установления

полного контроля над их распределением между торговцами и потребителями. Однако на этом заседании В. Г. Громан получил поддержку только со стороны представителя Земского союза П. Б. Струве. 25 ноября Комиссия вновь вернулась к рассмотрению предложений В. Г. Громана, на этот раз его поддержал еще один представитель Земского союза М. Д. Резвой и член Государственного совета С. Е. Бразоль, но большинство членов Комиссии (а в него входили товарищ министра земледелия князь Г. Б. Гагарин, член Государственного совета Н. Н. Покровский, В. Н. Охотников, А. Д. Оболенский, Д. Д. Левшин, депутат Государственной думы Г. Н. Беляев, представитель Министерства внутренних дел барон А. А. Остен-Сакен, представитель Министерства торговли и промышленности С. В. Бородаевский, представитель Государственного контроля С. А. Годзяцкий, представитель Главного интендантства М. В. Акимов) предложенную программу регулирования хлебного рынка не поддержали. Было лишь решено вернуться 14 февраля к рассмотрению вопроса о введении единых твердых заготовительных цен.²²

Между тем 3 февраля управляющий делами Особого совещания по продовольствию П. П. Румянцев представил в Особое совещание специальный доклад на эту тему. Его предложения, во многом перекликавшиеся с предложениями В. Г. Громана, сводились к следующему: ввести разрешительную систему перевозки хлеба, связать предоставление права транспортировки хлеба с уровнем цен и на основании закона 27 ноября 1915 г. сосредоточить всю политику таксирования хлебных цен в Особом совещании по продовольствию.²³ Эти предложения были переданы в Комиссию по борьбе с дороговизной, которая 8 февраля 1916 г. одобрила идею разрешительной системы транспортировки хлебных грузов, и 12 февраля министром земледелия было утверждено специальное постановление на этот счет под названием «О порядке выработки и издания такс на предметы продовольствия».²⁴ Согласно этому постановлению, все принимаемые на этот счет решения на местах должны были в обязательном порядке утверждаться председателем Особого совещания по продовольствию.

Новый шаг в этом направлении был сделан уже летом—осенью 1916 г. За 1916 г. перевозки зерна сократились до 795 млн. пуд.²⁵ Между тем при разработке плана заготовительной компании на 1916—1917 гг. с самого начала фигурировали цифры от 600 до 1000 млн. пуд. Это означало, что в 1916—1917 гг. правительственные заготовки не только должны были полностью исчерпать ту товарную массу хлеба, которая поступала на рынок, но и столкнуться с недостатком товарного хлеба. В этих условиях 21 июля 1916 г. прежний министр земледелия А. Н. Наумов был отправлен в отставку и его преемником назначен граф А. А. Бобринский, бывший одним из руководителей организации «объединенного дворянства» и известный своими консервативными взглядами. Уже 25 августа им был созван съезд уполномоченных Особого совещания по продовольствию и на их рассмотрение вынесен вопрос о введении единых твердых цен на хлеб. На этот раз данное предложение было поддержано, и 9 сентября появилось специальное правительственное постановление, которое вводило на всей территории империи твердые цены на хлеб и передавало контроль за ними на местах уполномоченным Особого совещания по продовольствию.²⁶

Однако принятое постановление лишь способствовало дальнейшему сокращению товарной массы хлеба. Поэтому одновременно с вопросом о введении твердых цен на хлеб возник и вопрос о том, как быть, если эти меры не приведут

к желаемым результатам? Данный вопрос был специально рассмотрен 7 октября. Было решено дополнить постановление о твердых ценах постановлением о хлебной разверстке. Правительство должно было определить объем необходимого для закупки хлеба, а затем разверстать это количество между отдельными губерниями.²⁷ 10 октября проект хлебной разверстки поступил в Особое совещание по продовольствию, однако рассмотрение его растянулось более, чем на месяц.²⁸

Между тем 14 ноября А. А. Бобринский тоже ушел в отставку. Его приемником стал А. А. Риттих.²⁹ 27 ноября А. А. Риттих внес в Особое совещание свой проект «военно-продовольственной политики», который во многом повторял проект А. А. Бобринского.³⁰ Предложение нового министра земледелия было поддержано Особым совещанием по продовольствию, 29 ноября оно было подписано самим министром и 2 декабря обнародовано под названием «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной».³¹ Речь шла о разверстке на 1916—1917 гг. 772 млн. пуд. До 8 декабря следовало распределить плановые задания по губерниям, до 14 декабря по уездам, до 20 декабря по волостям и до 31 декабря по дворам. А с 1 января по 1 июля 1917 г. планировалось осуществить заготовку хлеба.³²

Обычно, когда рассматривается продовольственный кризис, внимание акцентируется только или же главным образом на заготовке хлеба. Между тем снабжение армии, а затем и городского населения требовало обеспечения не только хлебом, но и продуктами животноводства. Причем пореформенное животноводство находилось в состоянии кризиса и обеспеченность населения продуктами животного происхождения находилось на очень низком уровне. Война повела к сокращению поголовья скота и обострению проблемы снабжения армии мясом. Если до войны норма потребления мяса в армии составляла 400 г. в день при 182 мясопустных днях, т. е. равнялось 4,6 пуда в год, то 16 января 1916 г. распоряжением начальника Штаба верховного главнокомандующего на фронте эта норма была сокращена до 300 г., а в тылу — до 200 г.³³ 7 апреля 1916 г. 200-граммовая норма была распространена на всю армию, причем было разрешено засчитывать в счет мяса рыбу, а также мясные отходы.³⁴

Однако и эти меры не могли обеспечить бесперебойного снабжения армии. Поэтому 21 января 1916 г. на заседании Комиссии по борьбе с дороговизной был рассмотрен вопрос о сокращении потребления мяса населением. С этой целью было решено «ввести разрешительную систему убоя скота и его подвоза», запретив «убой скота в определенные дни». 16 июля 1916 г. подобное постановление было принято. В понедельник, вторник, среду и четверг было запрещено производить убой скота, а во вторник, среду, четверг и пятницу продажу мяса и мясных продуктов, а также мясных блюд в общественных буфетах, столовых и ресторанах. В случае нарушения этого правила устанавливался штраф до 300 руб. или же арест до 3 месяцев, а в случае повторного нарушения арест от 3 месяцев до года. Чуть раньше,³⁶ 19 мая 1916 г. были введены и твердые цены на скот и мясо.³⁷

Таким образом, контроль над рынком мясных продуктов был установлен почти на полгода раньше, чем над хлебным рынком, а постановлением 16 июля устанавливался определенный контроль и над животноводческим производством. Принятые меры однако не позволили правительству полностью обеспечить заготовку мяса и скота для армии. Поэтому оно вынуждено было распространить

опыт хлебной разверстки и на животноводство. 16 января 1917 г. Особое совещание по продовольствию под председательством Н. В. Грудистова рассмотрело доклад Отдела заготовок Министерства земледелия о заготовке скота и мяса и о новых ценах на них.³⁸ Совещание постановило установить объем заготовки скота и мяса, а затем разверстать его по губерниям, уездам, волостям и отдельным хозяйствам.³⁹ Это означало, что разверстка была признана в качестве главного средства распределения и перераспределения сельскохозяйственных продуктов внутри государства.

Однако уже в 1915—1916 гг. стало очевидно, что ограничиться простой заготовкой сельскохозяйственных продуктов нельзя. Возникновение разрыва между спросом и предложением делало неизбежным введение нормированного распределения закупленных продуктов, в результате чего возникает и получает распространение карточная система. «Медленно, но с постепенной практической необходимостью, — констатировал осенью 1916 г. Я. Букшпан, — вводится в различных городах карточная система».⁴⁰ По некоторым данным, в 1916 г. она существовала уже в 40 губерниях.⁴¹

Осенью этого года товарищем министра земледелия был назначен А. И. Неверов, являвшийся сторонником централизованного введения карточной системы распределения продуктов по всей стране. 10 октября данный вопрос был специально рассмотрен на заседании Особого совещания по продовольствию, в результате чего было решено сделать в этом отношении первый шаг и перейти к централизованному распределению по карточкам трех продуктов: муки, мяса и сахара.⁴²

Мобилизация в руках государства все более и более возрастающего количества продовольственных продуктов должна была повести к расширению государственного вмешательства в функционирование транспортной системы. Причем если контроль государства над частными железными дорогами и речным судоходством был установлен уже в самом начале войны, то с местным, гужевым транспортом дело обстояло совершенно иначе. В связи с этим 3 февраля 1916 г. правительство вынуждено было установить контроль и над доставкой грузов к железнодорожным станциям, речным пристаням и морским портам. С этой целью на всей территории страны была введена гужевая повинность. Все владельцы рабочего скота и транспортных средств в обязательном порядке были обязаны содействовать перевозке заготавливаемых правительством продуктов к железным дорогам и речным путям. С одной стороны, государство гарантировало оплату этих работ, а с другой стороны, под страхом наказания воспрещало уклонение от их исполнения.⁴³ А поскольку выполнение гужевой повинности было связано не только с мобилизацией рабочего скота и транспортных средств, но и с мобилизацией рабочей силы, можно утверждать, что введение гужевой повинности представляло собою первый шаг на пути введения трудовой повинности.

Расширение закупок продовольственных продуктов ставило перед правительством и другую проблему — проблему их складирования. До войны ее решение почти полностью находилось в руках частного капитала. Необходимых средств для строительства новых казенных складов, в том числе элеваторов, у правительства не было. Поэтому перед ним открывались две перспективы: или арендовать по твердым ценам уже имевшиеся частные склады, или же на время войны осуществить их реквизицию. Как именно решалась данная проблема, сказать пока затруднительно, поскольку она не была предметом специального исследования.

Однако на основании отдельных сведений, появившихся в печати, можно утверждать, что правительство использовало и аренду, и реквизиции. И стоящая перед нами задача заключается лишь в выяснении, какое из этих средств преобладало.

Одна из особенностей пореформенной российской деревни заключалась в наличии значительного аграрного перенаселения, которое на рубеже XIX—XX вв. достигало 25—33% сельскохозяйственного населения и в начале XX в. продолжало увеличиваться.⁴⁴ Первая мировая война повела к массовой мобилизации взрослого мужского населения (в армию было призвано 18 млн. человек),⁴⁵ в результате чего не только произошло рассасывание аграрного перенаселения, но и возник дефицит рабочей силы. Причем если в 1914 г. его еще не существовало, если в 1915 г. появились только самые первые его признаки, то в 1916 г. дефицит рабочей силы в деревне был уже общепризнанным явлением. Для его покрытия стали использовать труд военнопленных. Одновременно появляются ученические и студенческие отряды.⁴⁶ В 1916 г. некоторые губернаторы и земства начинают прибегать к принудительному использованию крестьян для обработки и уборки как помещичьих, так и крестьянских полей. В результате этого в экономике появляются черты рабовладения и крепостничества.

В связи с этим все большее и большее внимание начинают привлекать к себе механизация сельскохозяйственного производства и проблема использования в деревне коллективного труда. Различные его формы были известны в России давно. Достаточно вспомнить толоку, помочи, супругу, общественные запашки, военные поселения. Еще до отмены крепостного права появились первые земледельческие артели. Отдельные опыты их создания предпринимались и в пореформенный период. Особую известность в этом отношении получили две попытки проведения своеобразной массовой коллективизации, предпринятые в 90-е гг. XIX в. в Пермской и Херсонской губерниях. Вопрос об артелях был вынесен на обсуждение Вольного экономического общества, а несколько позднее данная проблема стала предметом рассмотрения в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902—1904 гг.). Тогда же Министерством финансов, которое возглавлял С. Ю. Витте, было издано «Положение о трудовых артелях», которое придало артельным экспериментам юридическую основу. А в 1904 г. министр внутренних дел В. К. Плеве рекомендовал губернаторам содействовать созданию артелей. В следующем году Министерством финансов было учреждено Общество содействия артельному делу. Можно было бы ожидать, что все это поведет к расширению сферы применения коллективного труда в экономике России вообще и сельском хозяйстве в частности. Однако начавшаяся в 1906 г. столыпинская аграрная реформа на некоторое время отодвинула артельные начинания в сторону.⁴⁷ Правда, очень скоро обнаружилось, что ставка на фермера не может дать в ближайшем обозримом будущем желаемых результатов, и уже в 1913 г. на Первом всероссийском сельскохозяйственном съезде, на котором собрались местные агрономы и землемеры, т. е. те, кто принимал самое непосредственное участие в осуществлении столыпинской фермеризации, было принято симптоматичное решение: не отказываясь от продолжения этой реформы там, где можно было ожидать заметных результатов, съезд постановил обратить особое внимание на использование в деревне различных форм коллективного труда.⁴⁸

В 1914 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли приступил к разработке программы экономического развития страны. Весной 1915 г. она была представлена очередному съезду представителей промышленности и торговли под названием «О мерах по развитию промышленных сил России». В этой программе подчеркивалось, что если в ближайшие десять лет Россия не удвоит-утроит свой промышленный потенциал, она рискует перейти в разряд второстепенных держав. Считая, что промышленный рывок возможно осуществить, только опираясь на сельское хозяйство, а «русское сельское хозяйство может подняться только на плечах кооперации», авторы программы считали необходимым обратить особое внимание на развитие в деревне различных кооперативных объединений, в том числе и в сфере производства.⁴⁹

15—18 октября 1915 г. Московское общество сельского хозяйства провело Всероссийское совещание по вопросам обеспечения населения сельскохозяйственными машинами. На нем по докладу А. И. Бадьина «К вопросу об использовании населением сельскохозяйственных машин и орудия» было принято следующее постановление: «В целях планомерного использования машин и орудий представляется необходимым, чтобы земские и общественные прокатные пункты возможно широко и льготно предоставляли населению, лишенному работников, потребные для него машины и орудия, чтобы сеть таких пунктов получила планомерное развитие, чтобы среди населения получила осуществление идея покупки и аренды машин целым обществом или группой хозяйств, объединенных в целях совместного пользования машинами в специальные кооперативы, чтобы общественная машиноторговля прежде всего (удовлетворяла) спрос на машины, покупаемые в целях коллективного пользования».⁵⁰

1 мая 1916 г. состоялось III областное совещание по вопросу сельскохозяйственного машиностроения и общественного машинопользования, которое также признало необходимым содействовать созданию машинных артелей.⁵¹

Это стимулировалось появлением тракторов, которые, во-первых, отличались дороговизной, а, во-вторых, имели более высокую производительность и могли использоваться с максимальной полнотой только в крупных хозяйствах. Одним из пропагандистов тракторизации российской деревни был Н. Крыштофович, который начал пропагандировать эту идею еще в 1907—1908 гг. Не без его участия, «предвидя в дальнейшем огромную потребность в тракторах и орудиях мотокультуры», Министерство земледелия к весне 1916 г. решило употребить «все усилия для водворения производства тракторов и орудия мотокультуры внутри страны».⁵²

В этом отношении оно получило поддержку со стороны Военного министерства, и 29 марта 1916 г. Н. Крыштофовичем была подготовлена «Справка о механизации подготовки посевной площади в частновладельческих хозяйствах России», в которой размер посева определялся в 14,4 млн. дес., производительность трактора в 600 дес., а потребность в тракторах в 24000 штук, по цене 10000 руб. за трактор, это требовало 240 млн. руб.⁵³

Военное ведомство, преследуя свои собственные цели, решило приступить к строительству 6 автозаводов с открытием при 2—3 из них первых тракторных отделений. Согласие строить трактора дали 7 частных заводов. Однако рассчитывать на скорое осуществление этой программы не приходилось. Поэтому было решено к середине 1917 г. закупить за границей 300 первых тракторов.⁵⁴

1 сентября 1916 г. под председательством тайного советника В. В. Прилежаева открылось Межведомственное совещание, посвященное вопросу организации в деревне трудовых артелей. Констатировав факт существования 500 таких артелей, в том числе и непосредственно в сельском хозяйстве, и считая их количество явно недостаточным, Совещание признало необходимым способствовать увеличению их численности и с этой целью внести в существующее законодательство необходимые изменения.⁵⁵

В полном соответствии с этим находился циркуляр № 31, разосланный 17 октября 1916 г. за подписью заведующего Переселенческим управлением МВД, в котором местной администрации предлагалось обратить особое внимание на объединение переселенцев в товарищества, которые могли бы не только сообща приобретать выделяемые им земельные участки, но и сообща обрабатывать их. Данный циркуляр представляет собою особый интерес, так как переселенческая политика П. А. Столыпина была направлена на создание фермерского хозяйства в Сибири. Если учесть, что здесь переселенцы не были связаны общиной и имели возможность создания хуторского хозяйства, то появление названного циркуляра можно рассматривать как отказ Министерства внутренних дел от главной цели столыпинской аграрной политики.⁵⁶

18 октября при Всероссийской сельскохозяйственной палате было созвано Совещание по вопросу о создании отечественного тракторостроения. Одобрив идею организации производства тракторов в России и обратив внимание на трудности, связанные с использованием тракторов в русском сельском хозяйстве, совещание постановило «приступить к разработке вопроса об артельном использовании земли при посредстве тракторов».⁵⁷

22—24 ноября в Москве Экономическим отделом Главного комитета Земского союза, во главе которого стоял будущий премьер-министр Временного правительства князь Г. Е. Львов, было проведено совещание, посвященное вопросу организации посевной компании в 1917 г. Этим совещанием по докладу А. С. Львова «Коллективное пользование сельскохозяйственными машинами в 1915—1916 гг.» было принято следующее постановление: «3. Наиболее распространенная форма общественного машинопользования — прокатные пункты — для настоящих условий является недостаточной. 4. Из всех видов организации машинопользования наиболее предпочтительным является машинная артель, соединяющая коллективное владение машинами с коллективным ведением хозяйства, затем машинные товарищества по договорам и уставам».⁵⁸

28 ноября — 1 декабря 1916 г. в Петрограде проходило Чрезвычайное общее собрание Всероссийской сельскохозяйственной палаты (ВСП), которая объединяла представителей 34 губернских и около 200 уездных земских собраний, а также 72 сельскохозяйственных обществ. Одним из самых влиятельных было Московское общество сельского хозяйства, возглавляемое князем Н. Б. Щербатовым. Именно он и председательствовал на собрании, его помощниками были брат последнего премьера князь А. Д. Голицын, князь А. А. Кропоткин и В. Д. Батюшков, секретарские обязанности исполняли князь А. М. Орбелиани, А. О. Фабрикант и управляющий делами ВСП А. А. Чучулин. На собрании присутствовал министр земледелия А. А. Риттих, его предшественник на этом посту граф А. А. Бобринский, товарищи министра земледелия Н. В. Грудистов и А. Н. Неверов и государственный контролер Н. Н. Покровский. Среди присутст-

вовавших можно также назвать вице-президента Московского общества сельского хозяйства А. Е. Березовского.⁵⁹

На собрании ВСП был заслушан доклад В. Д. Батюшкова «О мотокультуре» и принято постановление, в котором говорилось: «12. Приступить к разработке вопроса об артельной обработке земли при посредстве тракторов». А по докладу А. А. Чучулина «К вопросу об отсрочках к призыву в войска и об отпуске из армии лиц, необходимых для сельского хозяйства» было решено: «2. Сельскому хозяйству необходимо поэтому на первый план поставить достижение более целесообразного и наиболее производительного использования оставленной в нем рабочей силы при помощи, между прочим, лучшей организации всякого рода общественных ячеек и путем применения, где это возможно, общей обработки полей».⁶⁰

Эти идеи получили поддержку со стороны Московского общества сельского хозяйства и Союза кооператоров. В начале 1917 г. ими был подготовлен совместный доклад «Неотложные мероприятия по земледелию в связи с народным продовольствием в 1917 г.». От Земского союза он был подписан Г. Алексеевым, от Союза кооператоров В. Хижняковым и от Московского общества сельского хозяйства А. Березовским и А. Стебутом.

В объяснительной записке к этому докладу говорилось: «...Перед нами стоит задача: продолжать ли старую политику хозяйственной индивидуализации, ведущую к распылению труда и малопродуктивным его затратам или сделать все возможные в данный момент шаги в сторону групповой организации сельскохозяйственных работ?» Считая необходимым радикально изменить всю аграрную политику и приводя в обоснование этого развернутую аргументацию, авторы доклада писали: «Перечисленные условия, перечень которых можно продолжать, неуклонно толкают Европу и Россию на путь национализации и кооператизации сельскохозяйственного производства. Таковая, вероятно, осуществится в ближайшем будущем».⁶¹

По мере того как, с одной стороны, расширялись государственные закупки хлеба, а с другой стороны, сокращались их перевозки, и в результате этого возрастала роль государства на хлебном рынке, становилось очевидным, что дело само собой, т. е. совершенно стихийно идет к складыванию монополии государства на хлебном рынке. Осознавая это, некоторые экономисты уже в 1915—1916 гг. вынесли на страницы печати вопрос о введении хлебной монополии. Одним из первых данный вопрос поднял депутат IV Государственной думы Чельшев.⁶² Осенью 1915 г. с ее обоснованием выступил член ЦК партии кадетов, один из руководителей Союза кооператоров князь Д. И. Шаховской.⁶³ В начале 1916 г. на страницах кадетской «Речи» была опубликована статья М. И. Туган-Барановского, которая так и называлась «Твердые цены и хлебная монополия».⁶⁴ Летом 1916 г. с аргументами в пользу данной идеи в статье «О том, что будет» на страницах «Русских записок» выступил известный народник С. Я. Елпатьевский.⁶⁵ А осенью этого года обсуждение вопроса хлебной монополии было вынесено на страницы правительственной «Торгово-промышленной газеты». Речь идет о проекте инженера С. Ф. Дунина-Марцинкевича.

Считая необходимым сконцентрировать в руках правительства все продовольственное дело, он предлагал ввести своеобразную продовольственную диктатуру, при которой никто не имел бы права «заниматься скупкой продовольст-

венных продуктов помимо правительства», и декларировать, что «все продукты продовольствия, кто бы их ни производил, являются собственностью государства», а «все население обоего пола, занимающееся производством продуктов продовольствия, мобилизуется для образования продовольственной армии». Причем С. Ф. Дунин-Марцинкевич считал необходимым, чтобы в круг этих лиц были включены не только крестьяне, но и «рабочие и служащие заводов, фабрик, земств, городского самоуправления, тех торговых предприятий, которые будут мобилизованы». ⁶⁶ По сути дела речь шла о введении почти поголовной трудовой повинности. Причем для осуществления этого плана С. Ф. Дунин-Марцинкевич предлагал произвести своеобразное огосударствление различных товариществ и органов самоуправления: «Городское общее управление, земства, биржи, сельскохозяйственные общества и другие организации также включаются в общую обязательную мобилизацию и являются вспомогательными органами правительства, выполняющими функции по особым распоряжениям правительства на местах». ⁶⁷

Проект С. Ф. Дунина-Марцинкевича, может быть, и не заслуживал бы особого внимания, если бы не два обстоятельства. Во-первых, его автор являлся не простым инженером, а был членом Особого совещания по продовольствию. По этой причине его проект можно рассматривать как отражение тех настроений, которые существовали в стенах этого учреждения. А во-вторых, весьма примечательно, что этот проект, правда, без комментариев, был опубликован на страницах правительственной «Торгово-промышленной газеты», что означало вынесение самого проекта на всеобщее обсуждение.

В этих условиях была неизбежна переоценка роли государства в экономической и политической жизни общества. Важной вехой в данном случае стала статья Н. Бердяева «Государство и собственность во время войны», опубликованная 15 октября 1916 г. на страницах утреннего выпуска «Биржевых ведомостей». Подчеркивая, что до самого последнего времени и западники («государственники») и славянофилы («националисты») сходились в признании святости и неприкосновенности частной собственности, Н. Бердяев писал: «Инстинкты собственности столкнулись в сегодняшний день с инстинктами патриотизма. Опыт войны очень многое заставил переоценить, слишком много неожиданного, непредвиденного никакими теориями и доктринами принесла она с собой. Приходится переоценивать и ту истину, что непосредственные интересы собственников являются самой государственной и национальной опорой. В минуту опасности для государства, когда требуются героические настроения и героические меры, интересы собственности оказались ненадежными носителями этих интересов, способными на жертвы». ⁶⁸

Отсюда делалось следующее заключение: «Война во многих отношениях социализирует хозяйство, вносит в хозяйственную жизнь начало коллективности и ограничивает индивидуалистический произвол. Частные интересы аграриев, промышленников, торговцев во время войны сталкиваются уже не [только. — А. О.] с интересами крестьян и рабочих, а с интересами государства, с интересами национальной обороны и безопасности. Оборона государства в мировой борьбе народов, необходимость прокормления народов в совершенно исключительных условиях требуют ограничения частных интересов собственников. Объективная государственная необходимость требует ряда мер, направленных в направлении частичной социализации хозяйства». ⁶⁹ Называя эту политику полити-

кой государственного социализма, Н. Бердяев констатировал: или государственный социализм или хаос, который сметет существующую власть. Под хаосом автор несомненно имел в виду социальный взрыв.

Расширение государственного вмешательства в экономику вело к внедрению элементов централизации и планирования, в результате чего уже на рубеже 1915—1916 гг. печать начинает обсуждать вопрос о планировании. Именно в это время о необходимости разработки «финансового и экономического плана» заявил в финансовой комиссии Государственного совета министр финансов Л. П. Барк.⁷⁰ 13 января 1916 г. на страницах печатного органа этого министерства была опубликована статья видного экономиста, одного из руководителей Сибирского торгового банка М. И. Боголепова «О путях будущего». В ней специально обосновывалась мысль о необходимости перехода к экономическому планированию.⁷¹ Через некоторое время статья М. И. Боголепова была издана специальной брошюрой с подзаголовком «Об экономическом плане».⁷²

Имеются сведения, что во второй половине января 1916 г. данный вопрос был подвергнут в Государственном совете специальному рассмотрению. Было решено созвать Совещание для разработки торгового и экономического плана. 5 февраля «Торгово-промышленная газета» опубликовала статью Л. Яснопольского «Экономическая платформа», в которой уже рассматривались конкретные вопросы будущего экономического плана страны.⁷³ 31 марта обсуждение этого вопроса было продолжено в статье А. Л. Рафаловича «Выработка экономической программы».⁷⁴ Имеются сведения о том, что конкретная работа в данном направлении была поручена Комиссии под председательством государственного контролера Н. Н. Покровского.⁷⁵

К осени 1916 г. Комиссией Н. Н. Покровского была составлена «экономическая программа»,⁷⁶ содержание которой пока неизвестно, но известно, что она вызвала неоднозначную реакцию. В частности, ее не поддержал Совет съездов представителей промышленности и торговли. Однако для нас важно другое: уже в 1916 г. идея перехода к планированию экономики начинает приобретать практическое значение. И показательно, что именно в 1916 г. в печати впервые появляется понятие «пятилетний план», которое со временем получит практическое осуществление.⁷⁷

Рассмотренный материал свидетельствует, что Первая мировая война не только поставила Россию на грань финансового банкротства, не только дезорганизовала рынок, но и, сделав невозможным продолжение прежней экономической политики, потребовала как расширения государственного вмешательства в экономику, так и внесения определенных изменений в организацию сельскохозяйственного производства. Однако на пути тех мер, которые намечались правительством и выдвигались органами самоуправления и общественными организациями, стояли интересы частной собственности. Поэтому возникала дилемма: или правительство само пойдет если не на устранение, то на ограничение частной собственности или же оно будет свергнуто силой, готовой и способной на это. В противном случае стране угрожала анархия и развал. Пришедшее к власти Временное правительство сделало несомненный шаг на пути ограничения интересов частной собственности, но к этому времени предпринятых мер уже было недостаточно. Требовалось еще более радикальное продвижение по пути государст-

венно-феодално-капиталистического регулирования разваливающейся экономикой. Той силой, которая оказалась способна осуществить эту политику, стала партия большевиков. Практически большевики лишь последовательно осуществили то, что уже намечалось или вызревало еще до 1917 г. и о чем уже довольно открыто писали и говорили в 1917 г. Идя к власти, большевики думали о возможности социалистического переустройства общества, на деле же они так и не пошли дальше государственного капитализма в городе и государственного феодализма в деревне. Причем, на этом пути они получили поддержку со стороны рождающегося национал-большевизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ясный Н. Опыт регулирования снабжения хлебом. Пг., 1917; Орлов Н. А. Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919; Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. 1 изд. М., 1922; Добротвор Н. М. Продовольственная политика самодержавия и Временного правительства // Труды Горьковского государственного педагогического института им. А. М. Горького. Т. 3. Исторический сборник. Горький, 1939; Погребинский А. П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. М., 1950. Т. 31. С. 37—60; Лаверычев В. Я. Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы Первой мировой войны. 1914—1917 гг. // Вестник МГУ. 1956. № 1. С. 141—180; Он же. Государственно-монополистические тенденции при организации продовольственного дела в России. 1914-февраль 1917 г. // Исторические записки. М., 1978. Т. 101. С. 100—159; Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962; Он же. Зерновое хозяйство России в годы Первой мировой войны // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 3. М., 1959. С. 446—494; Китанина Т. М. Война, хлеб и революция. Продовольственный вопрос в России. 1914—октябрь 1917 г. Л., 1985.
- ² Там же. С. 26.
- ³ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. 2 изд. С. 126.
- ⁴ Китанина Т. М. Указ. соч. С. 81.
- ⁵ Марес Л.: Пища народных масс России // Русская мысль. 1893. № 10. Отд. 2. С. 58; Он же. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1. СПб., 1897. С. 14.
- ⁶ Островский А. В. Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? или же закономерность? // Из глубины времен. Вып. 2. СПб., 1993. С. 143.
- ⁷ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 126.
- ⁸ Подсчеты сделаны мною на основании ежегодной статистики урожаев.
- ⁹ Подсчеты сделаны мною на основании ежегодной статистики урожаев.
- ¹⁰ Сидоров А. И. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970. С. 49—50.
- ¹¹ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917; Шебалдин Ю. Н. Государственный бюджет царской России в начале XX в. // Исторические записки. М., 1959. Т. 65.
- ¹² РГИА, ф. 157 Особое совещание по продовольствию (далее — ОСП), оп. 1, д. 12, с. 15.
- ¹³ Там же, л. 15об.
- ¹⁴ Там же, л. 15об.—16.
- ¹⁵ Там же. Еще ранее, 29 августа 1914 г., такое право было предоставлено командующим армиями в прифронтовой полосе: Китанина Т. М. Указ. соч. С. 62).
- ¹⁶ Там же. С. 75.
- ¹⁷ Там же. С. 130.
- ¹⁸ РГИА, ф. 457, оп. 1, д. 12, л. 15об.
- ¹⁹ Там же, л. 20—27.
- ²⁰ Китанина Т. М. Указ. соч. С. 74.
- ²¹ РГИА, ф. 457, оп. 1, д. 12, л. 33.
- ²² Сведения о положении продовольственного дела в Петрограде, Москве и других местностях империи на 1 января 1916 г., а также в иностранных государствах (Далее — Известия ОСП). 1916. № 14. С. 52—60; № 16. С. 34—36.
- ²³ Там же. № 19. С. 5—7; ТПГ. 1916. 27 августа.
- ²⁴ Известия ОСП. № 20. С. 17—20.
- ²⁵ Китанина Т. М. Указ. соч. С. 218.
- ²⁶ Там же. С. 175.
- ²⁷ ТПГ. 1916. 9 октября.
- ²⁸ Там же. 12 октября.
- ²⁹ Куликов С. В. «Министерская чехарда» в России в период Первой мировой войны. Хроника событий // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994.
- ³⁰ ТПГ. 1916. С. 55. 29 ноября.
- ³¹ Земледельческая газета. 1916. № 51. С. 1306.
- ³² Известия ОСП. 1917. № 1(30). С. 44.
- ³³ Земледельческая газета. 1917. № 3. С. 74.

- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Известия ОСП. 1916. № 20. С. 1—6.
- ³⁶ Земледельческая газета. 1916. 6 августа. С. 896.
- ³⁷ Там же. № 29. С. 811—812.
- ³⁸ Там же. 1917. № 4. С. 103.
- ³⁹ Там же. № 5. С. 126—127.
- ⁴⁰ *Б[укипан] Я.* Карточная система // ТПГ. 1916. 25 сентября.
- ⁴¹ *Караулов М. А.* Карточная система // БВ. 1916. 15 октября. Утр. вып.
- ⁴² Земледельческая газета. 1916. № 36. С. 969; В особом совещании по продовольственному делу // ТПГ. 1916. 12 октября.
- ⁴³ *Орлов В.* Принудительные гужевые перевозки // ТПГ. 1916. 7 сентября.
- ⁴⁴ *Островский А. В.* О региональных особенностях аграрного перенаселения в России конца XIX—начала XX в. // Проблемы исторической географии России. Вып. 2. М., 1982. С. 181.
- ⁴⁵ *Волков Е. З.* Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.; Л., 1930. С. 56—83.
- ⁴⁶ Министерство земледелия о принудительном труде // Финансовая газета. 1916. 16 августа; *Чин.* Трудовые дружины учащихся // Земледельческая газета. 1916. № 29. С. 801—802; *Сп-ч.* Что сделано для обеспечения сельского хозяйства рабочими руками // Там же. № 52. С. 1329—1331.
- ⁴⁷ *Островский А. В.* Царизм и проблема земельных артелей в конце XIX—начале XX в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1987. С. 78.
- ⁴⁸ *Островский А. В.* Октябрьская революция... С. 149.
- ⁴⁹ Там же. С. 151—152.
- ⁵⁰ Труды Совещания 15—18 октября 1915 г. по вопросам обеспечения населения сельскохозяйственными машинами. М., 1916.
- ⁵¹ Труды Совещания по вопросам общественной машиноторговли и сельскохозяйственного машиностроения. Киев, 1915.
- ⁵² РГИА, ф. 382, оп. 8, д. 262, л. 19—20.
- ⁵³ Там же, д. 270, л. 9—11.
- ⁵⁴ Там же, л. 1—8; д. 262, л. 19.
- ⁵⁵ ТПГ. 1916. 2 сентября.
- ⁵⁶ Земледельческая газета. 1916. № 47. С. 1221.
- ⁵⁷ Вестник Всероссийской сельскохозяйственной палаты. 1916. № 10—11. С. 12—16.
- ⁵⁸ Труды Совещания по организации посевной площади в 1917 г. 22—24 ноября 1916 г. Доклады и постановления. М., 1917. С. 173—178.
- ⁵⁹ Постановления Чрезвычайного общего собрания Всероссийской сельскохозяйственной палаты 28 ноября—1 декабря 1916 г. // Вестник Всероссийской сельскохозяйственной палаты. 1916. № 12. С. 3.
- ⁶⁰ Там же. С. 11—14.
- ⁶¹ *Островский А. В.* Октябрьская революция... С. 150.
- ⁶² Земледельческая газета. 1916. № 39. С. 1038.
- ⁶³ Там же. С. 1036.
- ⁶⁴ *Туган-Барановский М. И.* Твердые цены и хлебная монополия // Речь. 1916. № 26.
- ⁶⁵ *Елпатьевский С. Я.* О том, что будет // Русские записки. 1916. Июнь.
- ⁶⁶ Проект мобилизации торговли и промышленности // ТПГ. 1916. 14 августа.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ *Бердяев Н.* Государство и собственность во время войны // БВ. 1916. 15 октября. Утр. вып. Одним из первых на эту статью обратил внимание В. С. Дякин (Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914—1917 гг. Л., 1967. С. 37).
- ⁶⁹ *Бердяев Н.* Указ. соч.
- ⁷⁰ Финансовый и экономический план // Финансовая газета. 1916. 8 января.
- ⁷¹ *Боголепов М. И.* О путях будущего // ТПГ. 1916. 13 января.
- ⁷² *Боголепов М. И.* О путях будущего: Об экономическом плане. Пг., 1916.
- ⁷³ *Яснопольский Л.* Экономическая платформа // Финансовая газета. 1916. 5 февраля.
- ⁷⁴ *Рафалович А. Л.* Выработка экономического плана // Там же. 31 марта.
- ⁷⁵ *Сиринов М.* Пути грядущего // БВ. Утр. вып. 1916. 30 октября; *Он же.* К вопросу плана экономической политики // ТПГ. 1916. 26 октября.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Записка Императорского технического общества И. Н. Борисову // Там же. 29 октября. В печати сообщалось, что товарищ министра путей сообщения И. Н. Борисов в 1916 г. разработал план железнодорожного строительства, по которому в течение 20 лет предполагалось построить около 100 новых железных дорог общей протяженностью в 60 000 верст (*Сиринов М.* Новый план железнодорожного строительства // Там же. 21 октября).

С. Г. Беляев

**ПЕРЕГОВОРЫ МИНИСТРА ФИНАНСОВ П. Л. БАРКА В ПАРИЖЕ
И ЛОНДОНЕ в 1915—1916 гг.**

*(по материалам французских архивов)**

Переговоры, которые вел в годы Первой мировой войны в столицах союзных держав последний царский министр финансов П. Л. Барк, имели первостепенное значение для государственного кредита России. Ход этих переговоров получил отражение в историографии, прежде всего в работах Б. А. Романова, А. Л. Сидорова и Р. Ш. Ганелина,¹ где проблема международных финансовых связей России военного периода изучалась на основании материалов отечественных архивов. Обращение к документам, отложившимся в Национальном архиве Франции, может способствовать тому, чтобы указанная проблема была освещена более объемно и многосторонне. Отраженные в этих документах суждения политических деятелей Франции и Англии предоставляют возможность подробно рассмотреть механизм ведения переговоров, намерения и тактику западных политических партнеров русского министра финансов, противоречия между ними и присущие им заблуждения, что, в свою очередь, позволит с большей определенностью судить о позиции русской стороны и о достигнутых П. Л. Барком результатах.

Товарищ министра торговли и промышленности П. Л. Барк был назначен на пост управляющего Министерством финансов, а затем министра в начале 1914 г. Он сменил на этой должности В. Н. Коковцова. Незадолго до начала Первой мировой войны французский посол в Петербурге М. Палеолог писал о новом русском министре финансов именно как о «всего лишь креатуре графа Витте», имя которого было одиозным не только для французского посла, но и для правительства Франции.²

С началом войны русское правительство в финансовой области вынуждено было отказаться не только от сохранения золотого размена, но и от проводившейся В. Н. Коковцовым политики воздержания от внешних займов и вновь ши-

* Автор считает своим долгом выразить признательность Дому наук о человеке в Париже, поддержка которого сделала возможной работу во французских архивах. Работа не была бы возможной без помощи доктора Ю. Шеррер, С. Кольпар и доктора А. Береловича. Автор приносит им свою искреннюю благодарность.

роко прибегнуть к услугам денежных рынков союзных Англии и Франции. Предоставление России кредитов стало основным вопросом, рассматривавшимся на конференциях глав финансовых ведомств трех держав Антанты в 1915—1916 гг.

Одной из первых финансовых проблем стал вопрос об урегулировании русских платежей во Франции, связанный с объявленным там мораторием, который лишил русскую казну возможности распоряжаться своими вкладами. В это время агент русского Министерства финансов в Париже А. Г. Рафалович почти в угрожающем тоне писал французскому министру финансов А. Рибо, что «не в интересах... властей (французских. — С. Б.) блокировать вклады русского правительства и лишать казначейство Империи необходимых ресурсов».³ В ответ на предложение французской стороны, суть которого состояла в том, чтобы Государственный банк ссудил Банку Франции те суммы, которые первый держит за границей, что «не лишает Россию никаких ресурсов», Барк выступил с предложением создания из «заинтересованных банков» особого фонда, который будет заниматься оплатой во Франции купонов русских государственных займов. Французское правительство, полагал Барк, должно «повлиять» в этом смысле на французские банки.⁴ Однако вскоре эта идея была оставлена, и 28 августа (10 сентября) 1914 г. посол А. П. Извольский передал во французский МИД меморандум, где говорилось, что Россия согласится с французским предложением, если Банк Франции «обеспечит оплату купонов и облигаций, выпущенных и гарантированных русским правительством». Затем русские требования возросли. Рафалович потребовал, чтобы в список займов, купоны которых будут оплачиваться Банком Франции, вошли негарантированные займы русских городов, а Извольский стал настаивать на том, чтобы французские банки, располагающие вкладами русской казны, оплачивали русские военные заказы не только в самой Франции, но также в Англии и США, на что французская сторона не согласилась. Впрочем в переданной тогда же во французское Министерство финансов записке говорилось, что Банк Англии уже предоставил России 8 млн. ф. ст. и что Франция также должна подготовиться к операции подобного рода.⁵

Разумеется, вопрос о французском финансовом моратории не мог не стать предметом дискуссии в кругах высшей русской бюрократии. 9(22) декабря 1914 г. А. Рибо писал своему коллеге из МИД Т. Делькассе: «...Мы должны определенно дать понять г. Сазонову и г. Барку, каково положение вещей, с целью предотвратить эффект той критики, которую намерен обратиться в наш адрес граф Витте». Речь шла о «доверительном сообщении», сделанном французскому послу в Петрограде министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, который пересказал Палеологу слова Витте, на заседании Комитета финансов. «То, как применяется у нас мораторий (французский. — С. Б.), — говорил Витте в передаче Сазонова, — не только противоречит духу русско-французского союза, это недопустимо со стороны дружественного правительства». Палеолог не преминул сообщить в Париж о такой откровенности русского министра, фактически выдавшего служебную тайну представителю хоть и дружественной, но иностранной державы, что и вызвало ответное заявление французского министра финансов.⁶

Вопрос о необходимости предоставления России займов, со всей остротой возникший после урегулирования проблем, связанных с французским мораторием, стал одним из основных на конференции министров финансов стран Согласия, созванной в начале 1915 г. в Париже по инициативе Д. Ллойд-Джорджа, за-

нимавшего тогда пост канцлера казначейства (министра финансов) в кабинете Г. Асквита. Ввиду предстоящей конференции трех министров в газетах стали появляться «фантастические», по определению французского министра иностранных дел Т. Делькассе, сведения о якобы планирующемся международном займе стран Антанты. Однако французское правительство опасалось брать на себя какие-либо предварительные обязательства. В этом смысле министр иностранных дел наставлял посла в Лондоне П. Камбона: «Должны быть приняты меры к тому, чтобы, насколько это возможно, избежать публикаций подобного рода, которые могут затруднить наши финансовые отношения с английским правительством».⁷ Сохранение этих отношений было для Франции тем более значимо, что с началом войны она перестала быть общеевропейским кредитором. Инициатива в этой сфере перешла к Англии, а впоследствии — к США.

4(17) января 1915 г. Т. Делькассе писал послу в Петрограде, что «французское правительство очень счастливо тем, что русский министр финансов откликнулся на приглашение». Еще ранее на важность предстоящей конференции трех глав союзнических финансовых ведомств в Париже и на желательность личного присутствия на ней Барка указывал в письме Д. Бьюкенену Д. Ллойд Джордж.⁸

Посол в Петрограде М. Палеолог составил в связи с предстоящей конференцией особый доклад «о финансовом положении России», в котором указывал, что положение это «полностью зависит от понижения курса рубля». Причина этого виделась послу «не в увеличении бумажной массы, а в сокращении экспорта. Урожай 1914 г. еще находится в России, он станет золотом с того момента, когда его можно будет пустить на экспорт. Значит дело лишь за тем, чтобы найти средство открыть проливы...» Далее, впрочем, в записке выражалась надежда на то, что «императорское правительство в достаточной мере отдает себе отчет в тех последствиях, к которым может привести это понижение для общего хода дел». Посол отмечал, что вклады русского правительства в Париже и Лондоне «полностью истрачены на уплату долгов и военные расходы. Русское правительство должно обеспечить себе как минимум полтора миллиарда франков... Золотой запас Государственного банка позволяет истратить часть золотых резервов. Однако министр финансов, кажется, не имеет другой заботы, как сохранить этот запас в неприкосновенности любой ценой». Обращаясь к налоговой политике России, Палеолог задавался вопросом: «Чем заменить в доходных статьях бюджета 850 млн. р. от водочной монополии?» — и сообщал, что Барк «полагает, будто сможет достаточно быстро получить необходимые ресурсы путем увеличения существующих налогов и введения новых...».⁹ О самом русском министре финансов Палеолог сообщал, что «Барк — любезный человек простого и прямого характера. С точки зрения наших интересов я могу лишь хвалить его. В деловых кругах ему недостает авторитета. Знающие люди уверяют меня, что он не обладает пониманием крупных финансовых проблем и что его рассудительный, но ограниченный ум позволяет ему лишь руководить делами министерства. Я знаю, что он не без опасений согласился исполнить важную миссию, которая ему поручена. В самом деле он опасается мериться силами с такими известными политическими деятелями, как наш министр финансов... Однако он вполне склонен воспринять его советы, он лишь просит, чтобы им руководили».¹⁰ Ближайшее будущее показало, сколь наивен был французский посол, давая русскому министру подобную характеристику, и сколь ловок был сам министр, разыграв перед послом роль скромного ученика «известных политических деятелей» и тем са-

мым притупив их бдительность перед важной встречей, накануне которой он посетил С. Ю. Витте. Бывший премьер имел претензию считать Барка своим «учеником»,¹¹ а министр в первые месяцы своего пребывания у власти довольно часто совещался с председателем Комитета финансов по различным вопросам и приглашал его принять участие в работе различных комиссий. Витте заявил Барку, что поездка грозит ему «очень большими неприятностями». По убеждению бывшего премьера, «союзники, будучи сами вынуждены к величайшему напряжению своих финансовых ресурсов, не в состоянии открыть нам кредитов в сколько-нибудь значительных размерах». В доказательство Витте обратил внимание своего собеседника на французский финансовый мораторий, который «лишает возможности собственников крупных текущих счетов, в том числе русское правительство, распорядиться своими вкладами». Что же касается Англии, то русские ценные бумаги, полагал Витте, не найдут спроса у английской публики. В общем, считал он, «будучи в Париже одиноким, русский министр финансов рискует быть вовлеченным в невыгодную сделку и может быть вынужден подписать неблагоприятное для России соглашение». Витте полагал, что Барку было бы благоразумнее послать на такое «опасное» совещание кого-нибудь другого и в случае весьма вероятного провала оказаться в выигрышной позиции «критика» действий русского делегата на конференции.¹² По всей видимости, именно узнав об «интригах» «германофила» Витте, влияния которого так опасались в Лондоне и Париже (впоследствии сам президент Пуанкаре писал, что смерть Витте «чуть ли не имеет для Антанты значение выигранного сражения»), английский и французский коллеги Барка были столь настойчивы, приглашая русского министра лично прибыть в Париж.

До самого начала переговоров ни Барк, ни Рибо ничего не знали о том, какие вопросы предложит их вниманию инициатор конференции — английский канцлер казначейства. Однако перед ее началом Д. Ллойд Джордж посетил Барка и имел с ним частную беседу. С русской стороны в переговорах, проходивших в конце января (старого стиля) 1915 г., участвовали также директор Общей канцелярии министра финансов С. Г. Федосьев, директор Департамента таможенных сборов С. А. Шателен, вице-директор Кредитной канцелярии К. Е. фон Замен, впоследствии представлявший русское Министерство финансов в Англии, и А. Г. Рафалович. В самом начале встречи Рибо заявил, что министры должны достичь хоть каких-нибудь результатов. Иначе «публика будет разочарована, чем не замедлят воспользоваться враги Согласия». Такое заявление, сделанное в самом начале переговоров, не могло не отразиться на дальнейшем ходе дискуссии. Разногласия возникли прежде всего по вопросу о международном займе, о котором не так давно Делькассе сообщал послу в Лондон. Ллойд Джордж выступил против подобного займа, поскольку его сумма должна быть непомерно большой (по его оценкам не менее 700 млн. ф. ст.). «Такие деньги нельзя найти за один раз», — считал английский министр. К тому же, добавлял он, английская публика скорее подпишет на «свой» заем, нежели на международный. Иными словами, Англия устами своего министра отвергла проект коллективного займа, чтобы предложить выпустить собственный заем без участия союзников.

Барк, обратив внимание на большое «моральное значение» декларации о коллективном займе, тем не менее поддержал Ллойда Джорджа и согласился с тем, что такой заем «столкнется с практическими трудностями». Барк вообще предлагал отложить вопрос о займе до окончания войны, когда можно будет выпустить

«крупный консолидированный заем». Рибо возразил, сославшись на непредсказуемость послевоенной финансовой ситуации, а декларацию о послевоенном займе счел не менее опасной, чем заявление о немедленной совместной финансовой операции союзников.

Затем дискуссия перешла в плоскость межсоюзнических расчетов. Именно теперь Барку предстояло показать свое дипломатическое искусство. Он просил 2 млрд. фр. минимум для того, чтобы Россия могла «оплатить свои заказы и купоны своих внешних займов». О том, что «британское правительство не сможет возобновить свои авансы (России. — С. Б.) и что Россия, если ей потребуются в марте или апреле новые суммы, должна будет обратиться к Франции», советник французского посольства в Лондоне Э. де Флерио предупреждал МИД еще в декабре 1914 г. Теперь Рибо, взяв инициативу в свои руки, объявил сам факт обращения одного из трех участников конференции к двум другим с подобными просьбами «несоответствующим престижу России». Барк счел за благо временно отступить и «не настаивал» на своем. Министры перешли к вопросу о золотых запасах, которые распределялись между странами-участницами конференции следующим образом: Франция — 168 млн. ф. ст., Россия — 150 млн. ф. ст., Англия — 90 млн. ф. ст. Теперь в трудном положении оказался Ллойд Джордж. Поскольку Англия оказалась по размерам золотого запаса на последнем месте, канцлер казначейства предложил своим коллегам образовать на время войны особый «общий фонд», из которого страны Соглашения могли бы получать ссуды. Рибо отверг этот проект, сославшись на то, что страны-участницы имеют «разные денежные системы». Англия, не приостановившая размена банкнот на золото, сама должна упрекать себя за то, что ее золотые запасы истощились. Впрочем, когда Ллойд Джордж стал настаивать на своем плане, Рибо пообещал «подумать» над этим вопросом.

В конце концов Ллойд Джордж добился того, что его коллеги в принципе согласились предоставлять Банку Англии необходимую помощь, ссужая его своим золотом. Таким образом, последующая посылка русского золота в Англию была скорее обусловлена скудостью английских золотых запасов, нежели недоверием Лондона своему восточному союзнику или желанием продемонстрировать неравноправное положение России в Антанте. Уже в ходе конференции Рибо не без сарказма заметил, что Англия, прося о подобной помощи, не должна выставлять как свое достижение тот факт, что она не приостановила размен (на это обстоятельство как на основную причину английских требований пополнить свой золотой запас Барк не указал ни в своем отчете о конференции, ни позднее — в своих мемуарах¹³). На выпад Рибо Ллойд Джордж ответил, что «не хочет обсуждать этот вопрос». Барк вновь стал настаивать на том, чтобы союзники помогли России преодолеть сокращение доходов от экспорта, «связанное с совместной войной». Снова возник вопрос о ссуде уже в 2,5 млрд. фр. Рибо счел эту сумму завышенной и заявил, что Франция не сможет оказать своей союзнице помощь в подобном размере. Россия должна снизить свои притязания до 500 млн. фр. Такую же сумму обещал предоставить в распоряжение Барка Ллойд Джордж. Однако сам русский министр счел ссуду в 1 млрд. фр. «недостаточной» и обратил внимание Рибо на то, что крупные пакеты русских государственных ценных бумаг находятся в руках французов. В результате английский и французский министры согласились предоставить России в равных долях заем в 1 250 млн. фр.¹⁴ Заем предоставлялся России из расчета 5% годовых в виде учета Банком Фран-

ции трехмесячных обязательств французского казначейства, депонированных на счете русского правительства. В депешах, направленных в Петроград и Лондон М. Палеологу и П. Камбону, министр иностранных дел Делькассе писал, что соглашение о займе достигнуто «после долгой дискуссии».¹⁵

Впоследствии под пером Барка-мемуариста ход дискуссий на конференции приобрел несколько иное направление по сравнению с ее протоколами, составление окончательного варианта которых Барк, впрочем, приписывал себе. На первый план выходила «стойкость» русского министра в отстаивании неприкосновенности золотого запаса Государственного банка от английских притязаний. Тема кредитов России со стороны ее западных союзников отходила в воспоминаниях на второй план. Кроме того, Барк записал себе в союзники своего английского коллегу, «против нападения коего совместно со мной (Барком. — С. Б.) опытному в парламентских дебатах Рибо трудно было устоять».¹⁶

Впрочем, в том, что касается государственного кредита, Барк постоянно демонстрировал «оптимизм», необходимый для него как главы финансового ведомства. Так, в апреле 1915 г. французский торговый атташе в Петрограде Ж. Пульпике дю Альгуэ сообщал в Париж о «твердой уверенности министра финансов в том, что заключение новых займов как за границей, так и внутри страны, не встретит особых затруднений».¹⁷ Тем не менее уже в июне Рибо писал Делькассе, что «русский министр финансов должен отдавать себе отчет в том, что значительные эмиссии банкнот Банка Франции и сокращение его золотого запаса вынуждают нас требовать от императорского правительства, в случае если мы получим поддержку Банка Франции в отношении нового аванса, выплат в золоте сумм, равных по крайней мере 2/5 [нового аванса]».¹⁸

Во время встречи с Рибо, состоявшейся в сентябре 1915 г., Барк представил своему французскому коллеге данные о том, что для оплаты своих заказов во Франции и США Россия нуждается в займе в 1,5 млрд. фр., которые, как особо подчеркнул русский министр, «должны остаться во Франции». Рибо затруднился с немедленным ответом. Тогда же среди предложений Барка прозвучала фраза о возможности отправки в Англию русского золота на сумму 1 млрд. р. для оплаты русских заказов.¹⁹

Следует отметить, что высказывавшиеся в годы войны представителями высшей русской бюрократии и впоследствии перешедшие в историографию суждения о том, что вывоз золота за границу — исключительно «русское явление», якобы демонстрирующее подчиненное положение России по отношению к ее западным союзникам, лишь отчасти соответствовали истине. Известна фраза государственного контролера П. А. Харитоновна, произнесенная им на заседании Совета министров в августе 1915 г. о том, что «с ножом к горлу прижимают нас добрые союзники». В соединенном присутствии Совета министров и Комитета финансов, состоявшемся 27 июля (9 августа) 1916 г. (после смерти С. Ю. Витте должность председателя Комитета финансов была соединена с должностью председателя Совета министров) говорилось, что Франция не вывезла в обеспечение своего займа в США «ни одного соверена».²⁰ Обе эти фразы цитировались А. Л. Сидоровым. Однако, как отмечалось выше, о вывозе золота в Англию была достигнута принципиальная договоренность еще на парижской конференции союзников. Что же касается вывоза французского золота за границу, то указание в журнале Соединенного присутствия относится исключительно к англо-

французскому займу в США. Вообще же с начала войны по 1916 г. Франция вывезла в Нью-Йорк, Лондон и Мадрид золота на сумму 977 611 000 фр.²¹

11(24) сентября 1915 г. П. Камбон телеграфировал министру финансов из Лондона о состоявшейся там встрече Барка с новым английским канцлером казначейства Р. Мак-Кенной, сменившим на этом посту Д. Ллойд Джорджа, и о сделанном русским министром предложении выпустить на французском и английском рынках русские займы в 550 млн. р. и 300 млн. ф. ст. соответственно, а также о просьбе Барка открыть России кредит в 240 млн. ф. ст. под выпуск новых бумажных рублей.²² В составленной неделю спустя во французском МИД записке «Результаты визита г. Барка в Лондон» сообщалось о заключенном 17(30) сентября соглашении, по которому «русский министр финансов получил все, что хотел»: заем в 7,5 млрд. фр. для оплаты заказов в США и 6 млрд. фр. для покрытия новой эмиссии рублей.²³ Здесь следует отметить, что составители записки, в отличие от журналистов, имевшие возможность высказывать свои суждения вполне откровенно, отнюдь не сочли это соглашение вынужденным для России. Сам Барк называл в своих воспоминаниях состоявшиеся с Мак-Кенной переговоры «очень трудными и напряженными». Если его предшественник на посту канцлера казначейства отличался, по мнению русского министра, «желанием поставить себя на место собеседника и понять его доводы», то Мак-Кенной руководило только стремление «оградить интересы английского государственного казначейства». Новый глава английского финансового ведомства, писал Барк, придерживался тех взглядов, что «Россия должна была поставлять все пушечное мясо для международной бойни, тогда как Англия готова была взять на себя поставку боевого снаряжения и открытие заграничных кредитов». О том, что в Англии известно, что «...русские негодяи и значительная часть народа желают окончания войны» и «обвиняют Францию и Англию в том, что они предоставили России одной нести всю тяжесть войны», де Флерио сообщал в Париж еще в декабре 1914 г.²⁴

Наиболее трудными для русского министра финансов стали переговоры, которые он вел со своими английским и французским коллегами в Лондоне летом 1916 г. 1(14) июля 1916 г. директор политического и коммерческого бюро МИД П. де Маржери²⁵ телеграфировал Палеологу в Петроград, что переговоры между Барком, государственным контролером Н. Н. Покровским и французским министром финансов А. Рибо «еще не привели к соглашению. Г. Барк решительно настаивал на предоставлении России 150 миллионов ежемесячных кредитов (вместо 125). Эти кредиты будут предназначены не только для оплаты заказов во Франции и процентов по русским займам, как это было до сих пор, но и для русских выплат Италии, для выдачи во Франции дивидендов русских частных компаний и для закупок во Франции, производимых русскими промышленниками и коммерсантами...» Де Маржери считал, что с подобными требованиями «невозможно согласиться. Сумма авансов, уже предоставленных России, оценивается примерно в 1 700 млн. фр., 1 200 млн. из которых — обязательства французского казначейства, учтенные Банком Франции, и 500 млн. — беспроцентные ссуды, оплаченные во Франции по указаниям русских банков под открытие равного им кредита, предоставляемого Банку Франции Государственным банком. Если г. Барк добьется своего, то к октябрю 1917 г. наши расходы дойдут до 4 млрд. [фр.] ... В то же время Франция будет в большом затруднении с покрытием после войны своего долга и с оплатой своих... займов в Соединенных Штатах». Эти

«затруднения», стали причиной острых разногласий между бывшими союзниками в послевоенный период.²⁶ К тому же Рибо, по словам де Маржери, пожаловался своему русскому коллеге, что уже предоставленные России кредиты «до сих пор полностью не использованы и, как предвидит г. Альбер Тома,²⁷ видимо не будут полностью использоваться, если условия расходования этих кредитов не изменятся». В качестве совета Рибо предложил Барку использовать французский опыт и выпустить казначейские обязательства, «как это делаем мы сами (т. е. французы. — С. Б.)», доход же от них предоставить Банку Франции для покрытия предоставляемых России займов. Барк считал, что «эта мысль, вероятно, была внушена французскому министру банкирами». В это время во Франции стали раздаваться требования, чтобы правительство покрыло обязательства казначейства по отношению к Банку Франции, формально не являвшемуся учреждением финансового ведомства. По мнению Барка, высказанному им как во всеподданнейшем докладе о своих переговорах, так и позднее, в своих мемуарах, Рибо намеревался сделать это при помощи русских казначейских обязательств.²⁸ При этом положение самого французского министра финансов не было особо прочным. В мае 1916 г. во французском МИД появилась «Строго конфиденциальная записка», где Рибо обвинялся в «слабости», «плохом знании... финансистов», а его политика объявлялась причиной плачевного состояния французских финансов, для улучшения которого, по мнению авторов записки, необходим выпуск коллективного займа стран Согласия, идея которого была отвергнута на парижской конференции министров финансов в начале 1915 г.²⁹

С тем, что французские займы используются не полностью, в принципе была согласна сама русская сторона. В составленной в июне 1916 г. Н. Н. Покровским и переданной им французскому министру иностранных дел А. Бриану записке называется сумма еще более крупная, чем указывал де Маржери, и говорится о том, что Россия получила от Франции уже 2 125 млн. фр., «только часть которых использована». Теперь Барк и Покровский в принципе согласились с предложением Рибо, но «поставили условие, которое изменяет характер операции». Они настаивали, чтобы половина дохода от выпуска обязательств отходила к России. «Мы не смогли принять подобные условия, которые идут вразрез с нашими целями облегчить положение Банка Франции», — подводил де Маржери итог этой части переговоров. В свою очередь Барк отказался предоставить французской стороне отсрочки по оплате сделанных французским правительством за русский счет закупок. В конце послания де Маржери просил посла в Петрограде «переговорить» обо всем этом с Сазоновым (письмо было составлено почти накануне отставки русского министра иностранных дел), «но так, чтобы это не произвело никаких осложнений в отношениях г. Рибо с г. Барком».³⁰ За неделю до того, как П. де Маржери отправил свое послание в Петроград, Барк передал шефу директора политического и коммерческого бюро проект соглашения между русским и французским министрами финансов. Согласно этому проекту, Франция обязывалась продолжать предоставление России авансов из расчета 160 млн. фр. в месяц в виде обязательств французского казначейства. Русский проект соглашения предусматривал, кроме того, оплату военных заказов России в Италии из средств, полученных от французских займов, а также договоренность о том, что Россия выпустит на французском рынке «при помощи Банка Франции» государственный 5,5-процентный краткосрочный заем в 2 млрд. фр. номинальных. В ответной записке, составленной во французском Министерстве финансов, провозглашалось,

что «если нужно, мы пойдем на истощение наших ресурсов, чтобы поддержать нашего союзника (т. е. Россию. — С. Б.)». Далее следовала ссылка на «все более трудное положение» Франции, когда Банк Франции не имеет иных путей пополнения своих ресурсов, кроме выпуска бумажных денег. Увеличить французские выплаты России до объема 150 млн. фр. в месяц признавалось невозможным. Была названа сумма 125 млн. фр. ежемесячно, как крайний предел уступок, на которые может пойти Франция, чтобы удовлетворить финансовые потребности своей союзницы России. Сделанное Барком указание на то, что акционеры многих русских предприятий, для которых отчасти и предназначаются французские займы, — французы, признавалось в ответной записке французского финансового ведомства несостоятельным, поскольку в самой Франции акционеры вынуждены идти на связанные с войной «жертвы». Тем менее могут быть приняты в расчет интересы французских акционеров за границей.³¹

11(24) июля 1916 г. Э. де Флерио докладывал в Париж о том, как Барку удалось вбить клин между своими французским и английским коллегами, когда он в ходе конференции министров финансов неожиданно заявил о том, что русский посол А. К. Бенкендорф «только что подписал с сэром Эдвардом Греем соглашение о закупках (русских. — С. Б.) в Америке. Г. Рибо очень удивлен такого рода переговорами, о которых он ничего не знал». В целом же, по мнению советника французского посольства в Лондоне, конференция приняла «очень туманные» решения. Неделю спустя на Кэ д'Орсэ была направлена адресованная директору кабинета министра иностранных дел Ф. Бертло³² записка французского посольства в Лондоне «Русско-английские финансовые отношения», данные для которой были почерпнуты, как особо отмечалось, из «надежного источника». По этим данным, Барк был «очень недоволен результатами проведенных в Лондоне переговоров». Русские требования займа в 200 млн. ф. ст. не были удовлетворены. Англия согласилась лишь на 25 млн. ф. ст. ежемесячных авансов. Вместе с тем канцлер казначейства Р. Мак-Кенна согласился предоставить России заем в 150 млн. ф. ст. под залог русского золота на сумму 40 млн. ф. ст. и ценных бумаг на сумму 75 млн. ф. ст., 20 млн. ф. ст. из которых должны были составить облигации «золотых займов». «Кажется, — отмечалось в записке посольства, — русское правительство не приняло этих предложений. Переговоры продолжаются. Может быть, кабинет в Петрограде и согласится с новыми предложениями до того, как г. Барк прибудет в Россию. Этот срочный аванс будет иметь очень большое значение для заказов... в которых нуждается Россия». Составители направленной Ф. Бертло записки не напрасно воздерживались от каких-либо окончательных суждений и подчеркивали, что переговоры еще не достигли заключительной стадии и что в их ходе возможен перелом. Смуту в ряды английских партнеров Барка по переговорам внесла весть об отставке С. Д. Сазонова и замене его на посту министра иностранных дел Б. В. Штюрмером, имевшим репутацию германофила. 21 июля (3 августа) 1916 г. де Флерио телеграфировал в Париж, что «Лорд Хардинг (статс-секретарь Форин-офиса и заместитель Э. Грея³³. — С. Б.) убеждал Мак-Кенну в необходимости достичь соглашения (с Барком. — С. Б.). Он приводил аргументы политического характера — изменения в составе русского правительства вследствие отставки Сазонова... Наконец лондонский кабинет согласился подписать русско-английский финансовый договор. Возможно, г. Барк получит значительную сумму, удовлетворяющую его требова-

ниям, мне говорят о сумме в 150 млн. ф. ст.» В этот же день из Петрограда в Париж было отправлено донесение М. Палеолога, который писал, что «британское правительство право, не позволяя русскому министру финансов возвратиться в Петроград, не заключив никакого соглашения. Неудача миссии, доверенной Барку, имела бы негативные последствия». Еще два дня спустя, предваряя визит Мак-Кенны в Париж, де Флерио писал министру иностранных дел А. Бриану о том, что английский канцлер казначейства «собирался говорить с вами о своих разногласиях с г. Барком. Он очень недоволен этими разногласиями, которые могут быть представлены, как расхождение во взглядах между союзными правительствами. Однако вмешательство друзей г. Барка, обратившихся к влиятельным в Лондоне лицам, дало слухам распространиться... Барк уезжает, оставив после себя людей, которые будут влиять на британское правительство, и надеясь найти по возвращении своем в Петроград телеграмму, объявляющую ему, что он победил». Здесь не лишним будет отметить, что английский «оппонент» русского министра финансов не пользовался в светских кругах Лондона особым признанием. Так, накануне его назначения на пост канцлера казначейства невестка премьер-министра Г. Асквита писала в своем дневнике о Мак-Кенне, как о человеке, «которого любой ... вытолкал бы вон так, как никого другого». По свидетельству уже самого Барка, «недолюбливал» Мак-Кенну и «возмущался его рассуждениями» управляющий Банком Англии У. Кенлифф, причислявший канцлера казначейства к «германофилам». ³⁴ Возможно, неприязненное отношение к своему министру финансов побудило «влиятельных в Лондоне лиц» оказать поддержку его русскому коллеге. Барк покинул Лондон, как отмечал де Флерио, еще «до того, как было заключено соглашение с ... Мак-Кенной». Впоследствии русский министр финансов назвал как своих «сторонников» в английском правительстве и деловых кругах У. Кенлиффа, главу банкирского дома Baring Brothers Д. Ревельстока и председателя комиссии англо-французского займа в США Р. Рейдинга. Свои же успехи на переговорах он оценил гораздо скромнее, нежели все это время предвосхищавший события де Флерио, и объяснил свой преждевременный отъезд тем, что несмотря на его компромиссные предложения, Мак-Кенна все же так и не пошел на заключение договора, «и я (Барк. — С. Б.) решил покинуть Лондон не подписав соглашения», ³⁵ которое было заключено уже после отъезда министра финансов русским послом в Лондоне А. К. Бенкендорфом. Во всеподданнейшем докладе о переговорах Барк писал, что «неустранным разногласием при переговорах осталось предъявленное канцлером казначейства условие о новой высылке золота ...» ³⁶ при том, что Россия в декабре 1915 г. и июне 1916 г. выслала золото на общую сумму 98 млн. долларов.

29 июля (11 августа) 1916 г. Палеолог, еще в ноябре предыдущего года сообщавший в Париж о «непрочном» положении Барка, писал, что «...человек, который представляется мне вполне компетентным, чтобы судить о финансовом положении России, говорил мне: „Отставка г. Барка неизбежна, он показал себя неспособным к исполнению своих обязанностей. Деловой мир не сожалеет о его уходе. Предполагают, что проблема, о которой он не смог договориться с британским правительством, это отправка золота в Англию“». Однако собеседник Палеолога сослался не на излишнюю уступчивость министра финансов, как можно было подумать. Наоборот, он считал, что Барк «... мог бы быть более сговорчивым. Наши запасы золота составляют 1 млрд. 581 млн. р. Без ущерба для эмиссии можно было бы истратить по крайней мере одну треть». ³⁷

Действительно, в карьере Барка этого периода было два «опасных» момента. Осенью 1915 г. его пытался сместить министр внутренних дел А. Н. Хвостов, желавший провести на министерский пост московского банкира В. С. Татищева. С приходом к власти Б. В. Штюрмера положение Барка вновь осложнилось, так как у нового премьера был «свой» кандидат на должность главы финансового ведомства — В. Н. Охотников.³⁸ Вероятно к окружению Штюрмера и Охотникова и принадлежал «компетентный» человек, желавший смещения Барка и укорявший министра финансов уже не за недостаток «твердости» в отстаивании русского золотого запаса, а за отсутствие гибкости в этом вопросе. Приведенная выше июльская депеша Палеолога недвусмысленно говорит о том, что особенно усилившиеся после отставки С. Д. Сазонова опасения союзников насчет того, что отказ в кредитах может повлечь за собой отставку еще одного «либерального» министра (как известно, Барк был в числе «забастовавших» летом 1915 г. членов Совета министров) и появление на ключевой должности в русском правительстве еще одного германофила, играли в ходе финансовых переговоров отнюдь не последнюю роль. Вполне возможно, что в Петрограде, понимая это, могли сознательно использовать создававшееся в Совете министров положение для того, чтобы оказать на союзников давление в важнейшем вопросе об открытии кредитов.

Николай II, который неделю спустя после того, как Палеолог отправил в Париж телеграмму с сообщением о непрочном положении Барка, принял отчет своего министра о его переговорах с Мак-Кенной, придерживался иного мнения, нежели собеседник французского посла. Еще до того, как состоялось соглашение о предоставлении России английских кредитов (оно было подписано Э. Греем и А. К. Бенкендорфом 14(27) октября 1916 г.), царь поблагодарил Барка за «проявленное знание дела и стойкость».³⁹ П. Л. Барк оставался министром финансов вплоть до Февральской революции и затем, уже в эмиграции, сделал пожалуй наиболее удачную среди бывших русских бюрократов карьеру, став советником управляющего Банка Англии.⁴⁰ Связи с английскими политиками и финансистами, установившиеся у Барка во время его визитов в Лондон в годы Первой мировой войны, несомненно способствовали удачной карьере бывшего министра.

Документы французских архивов, отразившие трудный процесс повторного завоевания Россией западных денежных рынков уже в условиях общеевропейского конфликта (французское Министерство финансов оценивало задолженность России Франции в 1 500 млн. р. при довоенном долге в 2 700 млн. р., а задолженность России Англии в 5 000 млн. р. при довоенном долге 180 тыс. р.⁴¹) во многом позволяют по-новому увидеть проблемы, связанные с межсоюзническими финансовыми переговорами, и место России в системе сложившихся внутри Антанты финансовых отношений.

Война усилила значение государственных финансов в межсоюзнических расчетах и сместила существовавшее ранее акценты в системе «кредитор — должник». Противоречия были свойственны не только отношениям между Россией и ее основными западными союзниками, но также и отношениям между этими последними. Державам Антанты так и не удалось, несмотря на декларации, выступить в финансовой области «единым фронтом». Державами-должниками стали за время войны почти все страны Согласия. Русский же министр финансов во время своих визитов в Париж и Лондон довольно умело лавировал, использовал указанные выше противоречия и опасения, что Россия может оставить своих союзников и выйти из войны. В этом невольную «услугу» оказывал ему французский

посол в Петрограде, неоднократно снабжавший французский МИД односторонней информацией, неадекватно отражавшей положение вещей. В целом применяемая Барком тактика оправдала себя и позволяла ему в большинстве случаев добиваться своих целей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Финансовые совещания союзников во время войны (Доклады министра финансов П. Л. Барка) / Подг. Б. А. Романов // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 50—81 (далее: Финансовые совещания...); *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960; *Ганелин Р. Ш.* Россия и США. 1914—1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969.
- ² М. Палеолог — Г. Думергу. 22 марта /4 апреля 1914 г. Archives Economiques et Financières (далее — АЕФ). В 31253.
- ³ А. Г. Рафалович — А. Рибо. 25 августа /7 сентября 1914 г. Ibid. В 31254.
- ⁴ Ж. Нуланс — Г. Думергу. 9/22 августа 1914 г. Ibid; Записка 14/27 августа 1914 г. Ibid.
- ⁵ Меморандум Извольского 28 августа/10 сентября 1914 г. Ibid; А. Г. Рафалович — А. Рибо. 3/16 сентября 1914 г. Ibid; Нота Извольского 30 сентября/ 13 октября 1914 г. Ibid; Нота для посла России. 3/16 октября 1914 г. Ibid; Записка для г. министра финансов [1914 г.] Ibid.
- ⁶ А. Рибо — Т. Делькассе. 9/22 декабря 1914 г. // Ibid.; Телегр. М. Палеолога — МИД. 9/22 октября 1914 г. // Archives Diplomatiques. Guerre 1914—1918. Affaires financières interalliées (далее — AD). 1394. Еще в 1912 г., когда встал вопрос о возможном назначении С. Ю. Витте послом в Рим, В. Н. Коковцов говорил царю, что «Сазонов будет ярым противником его [Витте] назначения, так как на него [Сазонова] перешла вся ненависть к нему Столыпина, которого Сазонов считает гениальным человеком и думает все еще его мозгом». *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания (1903—1919 гг.). М., 1992. Кн. 2. С. 82.
- ⁷ Т. Делькассе — П. Камбону. 9/22 января 1915 г. AD. Guerre 1914—1918. Affaires financières interalliées. 1387.
- ⁸ Т. Делькассе — М. Палеологу. 4/17 января 1915 г. // Ibid; Телегр. П. Камбона — МИД. 30 декабря 1914 г./12 января 1915 г. // Ibid.
- ⁹ Телегр. М. Палеолога — МИД. 31 декабря 1914 г./13 января 1915 г. // Ibid; Телегр. М. Палеолога — МИД. 5/18 января 1915 г. // Ibid.
- ¹⁰ Телегр. М. Палеолога — МИД. 6/19 января 1915 г. AD. Russie. Dossier general. 641.
- ¹¹ См.: *Gurko V. I.* Features and Figures of the Past. Stanford; London, 1939. P. 531.
- ¹² *Барк П. Л.* Воспоминания // Возрождение. 1965. № 162. С. 96—97; № 163. С. 85.
- ¹³ В своих мемуарах Д. Ллойд Джордж поставил себе в заслугу то, что «...мы решили не прекращать платежей золотом. Последнее решение, представлявшее главное отличие между тем, как регулировался денежный рынок в Англии и в других странах во время войны, помогло нам восстановить нормальное положение в области финансов» (*Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. В 2 т. М., 1934. С. 98). Соединенное присутствие Совета министров и Комитета финансов также признало, что «...с точки зрения интересов всех союзных государств прекращение свободного размена и переход Англии к бумажному обращению явился бы бедствием... ибо в таком случае все без исключения производимые... нами в Америке заготовки пришлось бы, в случае невозможности осуществления там кредитной операции, полностью оплачивать наличным золотом». Журнал Соединенного присутствия Совета министров и Комитета финансов 27 июля (9 августа) 1916 г. РГИА, ф. 1276, оп. 20, д. 115, л. 126об.).
- ¹⁴ Займы предоставлялись русскому правительству на основании довоенного золотого паритета рубля (1 р. = 2,66 фр., 0,10 ф. ст., 0,51 долл.).
- ¹⁵ Э. де Флерю — Т. Делькассе. 10/23 декабря 1914 г. АЕФ. В 31254; Меморандум 21 января/3 февраля 1915 г. AD. Guerre 1914—1918. Affaires financières interalliées. 1387; Меморандум 22 января/4 февраля 1915 г. Ibid; Т. Делькассе — П. Камбону. 24 января/6 февраля 1915 г. Ibid; Секретный протокол 23 января/5 февраля 1915 г. Ibid.
- ¹⁶ *Барк П. Л.* Воспоминания... № 164. С. 77—90; № 165. С. 78—85.
- ¹⁷ Ж. Пульпике дю Альгуэ — Т. Делькассе. 19 марта /1 апреля 1915 г. // АЕФ. В 32020.
- ¹⁸ А. Рибо — Т. Делькассе. 4/17 июня 1915 г. AD. Guerre 1914—1918. Affaires financières interalliées. 1390.
- ¹⁹ Встреча Барка и Рибо. 8/21 сентября 1915 г. Ibid.
- ²⁰ Эта фраза вписана в проект журнала Соединенного присутствия рукой начальника отделения канцелярии Совета министров А. С. Путилова. Проект журнала Соединенного присутствия Совета министров и Комитета

- финансов 27 июля/9 августа 1916 г. РГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 248, л. 337⁰⁶.
- ²¹ См.: *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны. С. 267, 356; Вывоз золота Банком Франции. 7/20 мая 1916 г. AD. Guerre 1914—1918. Affaires financières interalliées. 1393; Речь идет об англо-французском займе в США. См.: Bulletin des lois de la République Française. Nouvelle serie. Année 1915. Partie principale. 1-re section. Т. 7. P. 1867—1868).
- ²² Телегр. П. Камбона — А. Рибо. 11(24) сентября 1915 г. AD. Guerre 1914—1918. Affaires financières interalliées. 1390.
- ²³ Результаты визита г. Барка в Лондон. 19 сентября(2 октября) 1915 г. Ibid.
- ²⁴ *Барк П. Л.* Воспоминания... № 174. С. 96—97; Э. де Флерю — Т. Делькассе. 10(23) декабря 1914 г. АЕФ. В 31254.
- ²⁵ О П. де Маржери см.: *Auffray V.* Pierre de Margerie (1861—1942) et la vie diplomatique de son temps. Paris, 1976.
- ²⁶ А. Рибо записывал в своем дневнике 14(27) августа 1915 г.: «Совместный англо-французский заем ... будет размещен в Соединенных Штатах несмотря на проявленное английским правительством нежелание присоединить свой кредит к нашему». Journal de Alexandre Ribot et correspondances inédites. 1914—1922. Paris, 1936. P. 27. О финансовых расчетах Франции и США после войны см. диссертацию Дениз Арто (*Artaud Denise.* La question des dettes interalliées et la reconstruction de l'Europe (1917—1929). Т. 1—2. Lille, 1978).
- ²⁷ О миссии А. Тома в России в 1916 г. см.: *Семеников В. П.* Миссия Альбера Тома (Письмо Пуанкаре к Николаю II) // *Монархия перед крушением 1914—1917.* Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927. С. 3—8. О том, что французские кредиты «... отнюдь не полностью использованы русским правительством», писал в ноябре 1916 г. министру иностранных дел А. Бриану уполномоченный французской экономической и финансовой миссии в Петрограде Тирар (Извлечение из доклада г. Тирара... 7/20 ноября 1916 г. Archives Nationales. F¹². 9781).
- ²⁸ *Барк П. Л.* Воспоминания... № 177. С. 107.
- ²⁹ Строго конфиденциальная записка. 19 апреля (2 мая) 1916 г. AD. Guerre 1914—1918. Affaires financières interalliées. 1393.
- ³⁰ Телегр. П. де Маржери — М. Палеологу. 1/14 июля 1916 г. AD. Russie. Dossier general. 643; Записка Н. Н. Покровского. Июнь 1916 г. АЕФ. В 32020.
- ³¹ Проект протокола, составленный Барком. 23 июня(6 июля) 1916 г. AD. Guerre 1914—1918. Affaires financières interalliées. 1389; Записка. Июль 1916 г. Ibid.
- ³² О Ф. Бертло см.: *Breal A.* Philippe Berthelot. Paris, 1937.
- ³³ См.: *Robbins K.* Sir Edward Grey. A Biography of Lord Grey of Falldon. London, 1971. P. 139.
- ³⁴ *Asquith Lady Cynthia.* Diaries 1915—1918. New York, 1969. P. 25; *Барк П. Л.* Воспоминания... № 174. С. 97.
- ³⁵ Там же. № 177. С. 111.
- ³⁶ Финансовые совещания... С. 77.
- ³⁷ Э. де Флерю — МИД. 11(24) июля 1916 г. AD. Guerre 1914—1918. Affaires financières interalliées. 1389; Французское посольство в Лондоне — Ф. Бертло. 19 июля (1 августа) 1916 г. Ibid; Э. де Флерю — МИД. 21 июля (3 августа) 1916 г. Ibid; Э. де Флерю — А. Бриану. 23 июля (5 августа) 1916 г. Ibid; Телегр. М. Палеолога — МИД. 23 июля (5 августа) 1916 г. AD. Russie. Dossier general. 644; Телегр. — Э. де Флерю — МИД. 25 июля (7 августа) 1916 г. AD. Affaires financières interalliées. 1389; М. Палеолог — МИД. 21 октября (3 ноября) 1915 г. AD. Russie. Dossier general. 641; Телегр. М. Палеолога — МИД. 29 июля (11 августа) 1916 г. Ibid.
- ³⁸ См.: *Беляев С. Г.* Петр Львович Барк: этапы карьеры // *Из глубины времен.* 1996. № 7. С. 62—63.
- ³⁹ Финансовые совещания... С. 69.
- ⁴⁰ См.: *Moreau E.* Souvenirs d'un gouverneur de la Banque de France. Paris, [1954]. P. 561, 562; *Sayers R. S.* The Bank of England 1891—1944. Vol. 1. London; New York; Melbourne, 1976. P. 166, 200.
- ⁴¹ Россия. Распределение долга // АЕФ. В 32004.

ДИСКУССИЯ

Б. Бонвеч. Коллеги, перед нами четыре доклада. Кроме факта, что все доклады как-то связаны с деньгами, экономикой, Первой мировой войной — общего у них нет, у всех отсутствует ссылка, например, на серию фонда Карнеги «Россия во время войны» (русская серия). Начинаю с доклада Т. М. Китаниной. На базе публицистики военного времени она описывает дискуссию о возобновлении договора с Германией после войны, характеризует экономические отношения между Германией и Россией как конкуренцию. С этим я не согласен. Это было с русской стороны отношение клиента к своему банку: не любишь, но все-таки заимствуешь. Т. М. Китанина показывает, что были разные мнения, разные интересы, что очень важно, именно между аграриями и промышленниками. И по-моему, эти интересы оказались несовместимы. Совместить противоречивые интересы после войны возможно было только в случае победы над Германией. Доклад С. Г. Беляева построен на базе архивных источников и представляет собой очерки переговоров между Францией, Великобританией и Россией о финансовых проблемах, займах и кредитах для России. Я думаю, что автор в этом коротком докладе хорошо показал, что фактически речь шла об игре с открытыми картами. Я согласен с выводом Беляева о том, что российский министр финансов Барк довольно хорошо использовал интересы русских финансов в противоречиях между Францией и Великобританией. И возвращаясь к предыдущей дискуссии, к докладу Б. И. Колоницкого, Барк понимал опасения британской стороны перед англофобией в России. И в докладе Т. М. Китаниной я желал бы, чтобы ее мысли и изложение финансовых отношений были поставлены в контекст планов об экономической войне после войны: именно западные союзники — Франция и Великобритания — хотели использовать финансовые переговоры для получения преимущества на российском рынке после войны. А. В. Островский предложил доклад, который трактует четыре темы, практически не связанные одна с другой. В первой части используется знакомая всем нам спорная методика, по которой в России фактически всегда был недостаток зерна для населения и русские крестьяне 25 лет голодали. Я думаю, для нас бессмысленно продолжать эту дискуссию. Я не вдаюсь в подробности, потому что думаю, что эта дискуссия не приведет ни к чему доброму. Во второй части автор анализирует государственную политику в области продовольствия. Нам это знакомо по материалам Особого совещания по продовольствию: и обострение ситуации в стране, и реакция Особого совещания, и даже дискуссии о продовольственной диктатуре. Мы все знаем, что продоволь-

ственная ситуация обострилась. Автор описывает дискуссию о кооперативном использовании машин в деревне, именно тракторов. И последняя часть доклада содержит несколько заметок о зачатке дискуссии относительно плановой экономики. Я думаю, что в ходе этой дискуссии самым важным было возможное посягательство на право собственности в России.

Теперь о докладе Я. Коцониса. Что касается фактов, то в центре его доклада стоит введение подоходного налога в 1916 г. в России и его превращение в натуральный налог в 1918 г. К сожалению, меньше внимания автор уделил анализу налогов как таковых и бюджетным проблемам. Я добавлю, что Я. Коцонис слишком увлекся риторикой эмансипации, и я бы сам высказал больше сарказма о том, что именно с введением подоходного налога русские подданные превратились в граждан. Это его достижение, и даже чтение его доклада мне принесло в достаточной степени удовольствие.

Б. В. Ананьич. Уважаемые коллеги, мое положение несколько упрощается, потому что профессор Б. Бонвеч сделал довольно много замечаний, с которыми я согласен, поэтому и постараюсь касаться несколько иных сюжетов. Начну свое выступление с того, что мне казалось важным для изучения обсуждаемого блока вопросов. Важно было бы показать, во-первых, как работала экономика в условиях войны и как война повлияла на экономику. Насколько Россия оказалась способной выдержать такое тяжелое испытание, каким стала война. И, во-вторых, важно было бы показать влияние экономических факторов на социальные явления, а социальных явлений на экономические факторы, в частности, в какой степени экономический кризис отразился на революционном движении. Представленные доклады все эти проблемы затрагивают, но нельзя сказать, что с достаточной полнотой. Тем не менее, несомненно, доклады содержат много нового. Конечно, хотелось бы знать, как война изменила экономическое положение различных слоев общества и кто зарабатывал на войне, а кто обеднел в результате войны. Если бы можно было показать бюджет семей разных социальных групп и влияние на этот бюджет войны, это было бы чрезвычайно интересно. Что касается доклада Т. М. Китаниной, хотел бы сказать, что она обращает внимание на очень интересный вопрос. Мы говорили на прошлых заседаниях о взаимоотношениях между союзниками, но в ее докладе рассматриваются взаимоотношения между противниками и с учетом возможного послевоенного развития взаимоотношений. Конечно, Германия была одним из важнейших торговых и финансовых партнеров России. Немецкая экономическая мысль оказала большое влияние на развитие финансовой политики России и ее банковских структур. И хотя эти страны становятся непримиримыми противниками в Первую мировую войну, сохраняются надежды на возможность возобновления в будущем между ними деловых отношений. Вот эти отношения Т. М. Китанина показала в своем докладе, однако было бы важно затронуть такие сюжеты, скажем, как контрабандная торговля во время войны или замораживание русских фондов в Германии, а немецких в России. Известно, что по условиям Брестского мира Россия возвращала Германии ценности, которые лежали в сейфах русских банков. Мне хотелось бы поставить Т. М. Китаниной один вопрос: как она себе представляет возможность одновременно, с одной стороны, создавать специальные структуры для борьбы с «немецким засильем», а, с другой стороны, в печати открыто обсуждать вопрос о возможных послевоенных экономических отношениях с Германией? Казалось

бы, почва для каких бы то ни было отношений после того, как работала комиссия по борьбе с немецким засилием, была абсолютно подорвана, ибо немецкую ответственность собирались передавать в руки тех, кто воевал на германском фронте.

Я хотел бы отметить доклад Я. Коцониса о подоходном налоге. Это чрезвычайно интересный доклад. Я бы даже сказал, что это скорее реферат большого исследования, оригинально построенного, содержательного и опирающегося на источники. Очень интересно показан социальный аспект казалась бы такой чисто финансовой проблемы. И автор, в частности, пишет, что в Записке Министерства финансов было объявлено о намерении правительства укрепить принцип равенства между различными классами населения и получить доход за счет богатых его слоев. Автор считает, что это заявление отражало рост антикапиталистических настроений в среде российской элиты. Я хотел бы поставить вопрос, кого именно автор относит к элите, кто эти люди? Это правительственные круги? Ведь перед нами записка Министерства финансов о введении налога. Автор пишет о пренебрежительном отношении к крестьянству старой власти и власти советской. Но едва ли можно сравнивать политику С. Ю. Витте с политикой продразверстки и действиями советского правительства. Витте действительно ввел систему косвенного обложения, очень жесткую, которая в первую очередь отражалась на положении крестьянства, но вместе с тем еще в 1898 г. он обратился к императору с предложением реформировать сельское хозяйство. Он писал, что из крестьянина надо сделать персону, надо сделать крестьянина гражданином, человеком обеспеченным, тогда можно с него получать достаточные налоги. Эта программа с продразверсткой как-то не очень сопоставима. Вместе с тем я разделяю общую позицию автора. Я понимаю, что к российскому крестьянству, которое составляло большую часть населения страны, власти всегда относились с некоторым пренебрежением. У меня сложилось впечатление, что автор сожалеет о том, что подоходный налог был введен в России слишком поздно, — в 1916 г., хотя до этого было несколько попыток ввести подоходный налог, например, в 1892 г. при министре финансов И. А. Вышнеградском. Но мы знаем, с другой стороны, что США или Франция тоже ввели довольно поздно подоходный налог. И вот в связи с этим я хотел поставить вопрос: как относится автор к официальным заявлениям о том, что русское общество не готово к тому, чтобы был введен подоходный налог, такие заявления неоднократно делались до 1916 г., и что в России не созданы условия для введения подоходного налога, и когда, по мнению автора, можно было бы ввести в России подоходный налог, до 1916 г.?

Теперь о докладе А. В. Островского. О нем уже много говорили, поэтому я ограничусь только некоторыми замечаниями. Есть что-то общее между докладом А. В. Островского и моим. Мы оба подчеркиваем, что в годы войны усилились монополистические тенденции и государственное вмешательство в экономику. И мы оба не отметили то обстоятельство, что в годы войны государственное регулирование становится типичным не только для России, хотя в России оно имеет свою специфику, но все страны, участвовавшие в военных действиях, прибегали к системе государственного регулирования с намерением потом, между прочим, от этой политики отказаться. Иначе сложилась судьба России. Я бы решительно возразил против обвинения отечественных экономистов в приверженности идеям национал-коммунизма или национал-большевизма. В докладе говорится о людях, которые оставались в России и которые сотрудничали с советским правительством. Мы прекрасно знаем, что все эти рассуждения о сломе государственного

аппарата во многих отношениях беспочвенны, потому что остались те же люди, те же чиновники. И давайте возьмем ваши персонажи: Н. Н. Кутлер, или фон Кутлер, как вы теперь доказали в своей статье о судьбе Кутлера, М. И. Боголепов, А. И. Буковецкий и многие другие. Они остались в России. Это ведь люди одного круга с М. В. Бернацким, который, кстати, написал в известной книге о русских финансах в годы Первой мировой войны, изданной фондом Карнеги, большую статью о денежном обращении. Их всех объединяло критическое отношение к старому режиму, это бесспорно. Они все были заняты разработкой проектов развития производительных сил России. Но после октября 1917 г. Бернацкий оказывается министром финансов вначале у А. И. Деникина, потом у П. Н. Врангеля и кончает свою жизнь в США, а М. И. Боголепов, Н. Н. Кутлер и др. остаются в Советской России и проводят финансовую реформу в 20-е гг. Они не были одержимы идеей национал-большевизма. Они стремились помочь своей родине, помочь своему народу.

Наконец, в докладе С. Г. Беляева рассматривается проблема взаимоотношений союзников в годы войны. Об этих сюжетах уже говорил в своем выступлении Б. И. Колоницкий. И С. Г. Беляев показал в своем докладе, что иностранные займы были необходимы России для покрытия сумм, потерянных в связи с антиалкогольной кампанией и отменой винной монополии. С. Г. Беляев показывает, что вывоз золота в Англию не был признаком зависимого положения России, как об этом писали в литературе. Франция также вывозила свое золото в США. Я думаю, что автору надо было объяснить, когда он пишет о том, что С. Ю. Витте германofil, что он имел в виду. Витте не был германofilом. Он был просто противником войны, и с самого начала войны начал кампанию за сепаратный мир, не задумываясь о ее последствиях. Он считал начало войны ужасным преступлением.

А. Мак-Ки. Краткий комментарий по поводу очень интересного доклада Я. Коцониса, близкого моему сердцу, т. е. как налоги воздействовали на общество и на сознание личности. Благодарю вас за то, что вы концептуально поставили вопрос так успешно. Конечно, я изучаю налоги, именно те налоги, упразднение которых тесно связано с введением подоходного налога. Подоходный налог, по вашему докладу, если я не ошибаюсь, был первым существенным налогом, который зависит и от сознания гражданственности среди населения, и сам внушает населению идею гражданственности.

И. П. Лейберов. Я буду предельно краток. Профессор Я. Коцонис в своем докладе, с которым мне к сожалению не удалось полностью познакомиться, говорил о подоходном налоге. Но говорилось и о неграмотности, полуграмотности и темноте русского народа в целом и русского, в частности, мужика. Если говорить поточнее по этому вопросу, то все-таки помимо крестьянского населения, которое конечно определяло в целом тогдашнюю Россию, лицо российских народов определяли две столицы — Петербург и Москва. Если говорить о грамотности петербургского населения, петроградского населения в годы Первой мировой войны среди рабочих, я подчеркиваю, она достигала 90—95%, а среди женщин-работниц достигала 75—85%. Это по официальной статистике. Наши коллеги неоднократно говорили и по проблемам Февральской революции. Но хочу вслед за Ю. И. Кирьяновым отметить, что основные вопросы Февральской революции

лично мною изложены в трех монографиях. Мы конечно не должны забывать о том, что питерские рабочие на 2/3 сохраняли свое ядро — кадровых рабочих — во время войны. Это первое. Второе — питерские рабочие прошли университеты 1905—1907 гг. и прошли университеты 1912 — июля 1914 гг. И, конечно, нельзя сравнивать сознательность и уровень организованности рабочих 1905—1907 гг. и 1916 и 1917 гг. Во-первых, в 1905 г. в январе и феврале не было страховых больничных касс, в которых было примерно 160—170 тысяч человек на февраль 1917 г. Не было рабочих кооперативов, в которых было примерно 80—90 тысяч человек и не было нелегальных профсоюзов, которые в условиях войны и подполья и с учетом нескольких легальных профсоюзов насчитывали 10—11 тысяч членов. О партийно-политических группировках мы не говорим. Конечно, начало революции было стихийным, но все-таки степень организованности, скажем, на 25—26 февраля была значительно выше, чем применительно к 1905—1907 гг. И наконец о докладе А. В. Островского. Я с его выводами, в целом, согласен. В основе революционного взрыва января-февраля 1917 г. и начала марта 1917 г. лежали прежде всего экономические проблемы. В середине февраля 1917 г. в Петрограде имелось всего лишь 664 тыс. пудов ржаной и 50 тыс. пудов пшеничной муки. И по данным Петроградского Городского правления этого количества муки хватило бы ровно на 20 дней при условии, если бы на человека расходовали 400 г хлеба, т. е. 1 фунт. А к 25 февраля мучные запасы уменьшились еще на 254 тыс. пудов, т. е. на 36% примерно. И оставалось в городе на 2,5 миллиона населения 460 тыс. пудов. Поэтому конечно целых два дня основным лозунгом был «Хлеба!» Мы также имеем в виду, что Петроград получал продовольствие не только на свой военный гарнизон, который достигал 250 тыс. человек, через Петроград шли рельсовые пути в Финляндию, там было 40 тыс. солдат и офицеров. Весь Северо-западный и Северный фронты получали продовольствие также от Петрограда и в самом городе было 2,5 млн населения. Конечно, если сравнивать продовольственное положение курского населения, как нам здесь было хорошо доложено, или в Тамбовской губернии, Петроград ни в какие рамки в этом отношении в сравнение не шел.

Л. Хаймсон. Хотелось главным образом отметить выступление Я. Коцониса, которое, как я уже заметил, мне очень понравилось. Особо надо подчеркнуть, что определение налогов, начиная с периода великих реформ, отражают концепцию, которую реформаторы или контр-реформаторы имеют и хотят пропагандировать и осуществлять, как и взаимоотношения разных слоев общества.

Д. О. Чураков. Мне хотелось бы остановиться на вопросе о влиянии войны на судьбы рабочего самоуправления, в частности фабрично-заводских комитетов России в 1917—1918 гг., главным образом уже после Октября 1917 г., когда они переживали кризис, о чем подробно я пишу в только что вышедшей моей монографии («Русская революция и рабочее самоуправление». М., 1998).

Наиболее весомые причины кризиса рабочего самоуправления, вызванные войной, существовали на совершенно ином, неполитическом уровне. Прежде всего их следует искать в сфере экономики, производственных отношений. Сыграли свою роль и подвижки в институциональной сфере. К такому выводу можно прийти на примере участия органов рабочего самоуправления в демобилизации промышленности в первые месяцы революции.

Выход из войны к моменту прихода большевиков к власти оставался единственным шансом самосохранения России. Вопросы войны и мира экстренно пришлось бы решать любому общенациональному правительству, заинтересованному в выживании государства. Выход же из войны был немыслим без перевода экономики на мирный путь развития. Поэтому конверсия стала первым независимым от идеологии общегосударственным проектом, легшим на плечи большевиков. Отметим, что вопросы конверсии в современных обществах, как правило, решаются на общенациональном уровне, при помощи жестких централизованных программ. В России же, как известно, ни до, ни тем более после Октября, правительство не располагало аппаратом для проведения демобилизационных мер в масштабах всей страны. И это при том, что неизбежным следствием конверсии должно было стать закрытие более трехсот предприятий, на которых в общей сложности работало около четверти миллиона человек. Большевикам придется пойти даже на переговоры с предпринимателями с целью привлечь их к участию в переводе производства на мирные рельсы. Но эти переговоры не увенчались успехом. Вспомним и проходившую тогда стачку чиновников. Единственным рычагом, на который новые власти в тот момент могли рассчитывать в общенациональном масштабе, была молодая система рабочего контроля. В этих экстремальных условиях участие в демобилизации для фабзавкомов и прочих органов самоуправления становилось экзаменом на жизнестойкость.

Демобилизация промышленности высветила основные тенденции в развитии рабочего представительства. Формы деятельности, взаимоотношения с властью, эволюция структур и другие аспекты становления системы самоуправления рабочих после Октября могут быть глубже поняты именно в контексте участия фабзавкомов в конверсионных мероприятиях.

Результаты деятельности фабзавкомов по демобилизации заводов и фабрик в полном объеме оценить сложно. Требуются дополнительные исследования по регионам и отраслям производства. Однако очевидно, что наиболее успешно фабзавкомы справлялись с теми задачами, которые можно было решить с помощью привычных, знакомых с дооктябрьских времен форм рабочего контроля. Здесь можно назвать контроль над рынком труда, сырьем, топливом, даже финансами и заказами. Сложнее обстояло дело, когда приходилось решать вопросы организации производства новой продукции. Неслучайно поэтому журнал «Рабочий контроль», подводивший итоги развития фабзавкомовского движения на примере Москвы, отмечал, что реально переход к новому производству планировался лишь на 11% предприятий. В то же время в Москве 30% предприятий работало на оборону полностью и еще примерно столько же частично. Отмечалось так же, что начавшийся еще до Октября спад производства на московских предприятиях усилился после революции, и производство сократилось в более чем в половине предприятий города.

Эти факты породили устойчивые негативные оценки рабочего самоуправления. Часто именно на рабочий контроль списывают падение производства после Октября. К примеру, находясь в эмиграции, с этих позиций выступал лидер правых эсеров В. М. Чернов. Он настаивал на трактовке, согласно которой большевики вместо работы по перемещению промышленности на мирные рельсы бросились в авантюру с установлением рабочего самоуправления. Чернов признавал, что конверсия нигде не обходится «гладко, без замешательства и хаоса». Но при-

менительно к России главную причину бедствий он видел не в милитаризме прежних властей, а именно в самоуправлении рабочих.

С выводами Чернова можно было бы согласиться лишь в том случае, если бы в тот момент существовала реальная сила, способная провести конверсию с меньшим ущербом для страны. Такой силой мог стать торгово-промышленный класс и технико-управленческая интеллигенция. Здесь будет уместно вспомнить, что из этих кругов действительно последовала конкретная, хорошо проработанная программа демобилизации. Программа эта была изложена 3 декабря 1917 г. на совещании в ВСНХ Мещерским. Она подразумевала огромные капиталовложения, которые были немыслимы в тех условиях. Но и при этом Мещерский не скрывал, что конверсия вызовет всплеск безработицы и депрессию. Программа Мещерского была нацелена, тем самым, не столько на общегосударственные интересы, сколько на сохранение частного сектора и гарантированной прибыли в нем. Вариант демобилизации через демократизацию производства, выбранный большевиками, оказывался, может быть, не столь эффективным с экономической точки зрения, но зато более щадящим в социальной сфере. Следовательно, говорить в этих условиях о пагубном влиянии рабочего самоуправления на экономику, как делает это Чернов, — значит не понимать всей сложности ситуации, в которой оказалась в тот момент Россия. Гораздо более ответственным следует признать вывод журналистов «Рабочего пути», называвших главной причиной экономического спада чрезмерную заикленность экономики на войну, что существенно сужало возможности маневра в проведении демобилизации.

Подводя некоторые итоги участия органов рабочего самоуправления в демобилизации производства, нельзя конечно, не видеть и положительных сторон этого участия. Оно, в частности, способствовало смягчению некоторых отрицательных последствий конверсии. Приняв на себя первый удар, рабочее самоуправление дало время новому государству набраться сил, предотвратить развал страны. Но если говорить о влиянии демобилизации на развитие самих фабзавкомов, то картина будет менее радужной. Прежде всего придется констатировать тот факт, что война и даже необходимость скорейшего выхода из нее поставили перед рабочим самоуправлением задачи, с которыми оно справиться было не в состоянии. С одной стороны, это вело к дискредитации самостоятельных рабочих организаций, а с другой — подрывало их силы, не давало возможности перейти к новым, более высоким формам самоорганизации. Связанная с демобилизацией производства необходимость массовых увольнений вызвала нервозность, порожидала элементы соперничества и групповщину, что прежде, когда движение за рабочий контроль было на подъеме, было не свойственно ему. В конечном итоге война создала условия, в которых дальнейшее развитие рабочего самоуправления делалось все более проблематичным.

В. Поченков. Может быть, нынешняя дискуссия как-то продвинет наше понимание тех экономических процессов в российском обществе, тех причин и последствий продовольственного кризиса, который созрел в России. Для иллюстрации важности проблемы, поднятой А. В. Островским, хочу привести один маленький пример. Черные линии — это на карте изотермы, а красная линия — это основные фронты Гражданской войны. Восточный фронт в 1918 г. был основным для большевиков и именно на востоке большевики пытались взять основной хлеб. Южный фронт был важен для большевиков особенно в 1919 г. потому, что

тогда основной хлеб они пытались взять там. Как вы можете заметить, и здесь очень любопытно совпадает изотерма ржи. Почему?

Если мы сопоставим эту карту с той раскладкой по губерниям в докладе Островского, то можно сделать следующие выводы. Противостоящие в Гражданской войне стороны можно условно обозначить как потребляющий центр и производящие окраины. В этом случае экономический смысл Гражданской войны или хотя бы одна из составляющих ее экономического содержания, это битва за хлеб. Основные районы противостояния Гражданской войны сложились еще в мировую войну, что мы видим по урожаю 1917 г. Экономическая погода в 1917 г. требовала уже в ближайшем будущем: 1) попыток производящих окраин обособиться от потребляющего центра, который навязал им в ходе мировой войны неэквивалентный обмен; 2) агрессии центра для спасения своего хозяйства против окраин для их ограбления, т. е. и те, и другие пытались спасти собственную экономику. Далее, революция стала удачным конкретно-историческим оформлением указанных процессов. В связи со всем вышесказанным хотелось бы присоединиться к мысли, что именно Мировая война стала необходимым и достаточным условием для революции и последующей Гражданской войны в России.

Кровопрлитная война за хлеб советской власти с момента своего рождения, выражаясь медицинскими терминами, как бы стала той самой тяжелой родовой травмой, от которой она так и не смогла оправиться. В течение всех последующих семидесяти лет она вела нескончаемую и непонятную битву за урожай.

В. В. Гусаров. Ставя под сомнение расчеты, произведенные канцелярией главноуправляющего по закупкам хлеба для армии, что справедливо, А. В. Островский в собственных подсчетах не учитывает ряд факторов. Перед войной годы были урожайными и у крестьян сложились значительные запасы хлеба. В ходе войны произошла оккупация Германией ряда российских территорий, где оставались российские граждане и, следовательно, количество потребителей хлеба несколько уменьшилось. Поэтому дело заключалось не столько в отсутствии излишков, сколько в отсутствии условий для эквивалентного обмена между городом и деревней. В начале войны обороты сельских торговцев выросли в 2 раза. Резко вырос спрос на сахар, масло, белый хлеб в сельской местности, что говорит о некотором улучшении крестьянского бюджета. Но из-за войны крестьяне не могли получить в обмен на хлеб строительные и промышленные товары, орудия сельскохозяйственного производства в достаточном количестве. Особое совещание по продовольственному делу стало преемником функций Главного продовольственного комитета, так как создано оно было одновременно с тремя другими Особыми совещаниями военного времени.

Значительную роль в этот период играли кооперативные тенденции в кустарной промышленности. На 1914 г. приходится зарождение большого числа союзов кустарей, чему активно способствовали действия правительства. Например, представители Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики через земские организации часто размещали свои заказы среди местных кооперативов. Так, Боровичское уездное земство Новгородской губернии получило значительные заказы на производство вязаных изделий для фронта. Для деятельности кооперативов создавались благоприятные условия. Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики высылал кооператорам вязальные машины, которые выдавались в качестве беспроцентной ссуды сроком на 5 лет. Кроме того, сырье для производства кооперативы тоже получали централизованно.

Е. В. Попова. В деле снабжения продовольствием и в обеспечении оборонной промышленности наблюдался кризис. Прежде всего происходило усиление государственного регулирования. А. В. Островский говорит о введении централизованной разрешительной системы перевозок хлеба, о назначении твердых цен, о нормировании потребления продовольствия. В промышленности существовали аналогичные явления в деле обеспечения предприятий сырьем и топливом. Давалось разрешение на вывоз угля, а не на его транспортировку. Такую ситуацию современники характеризовали словами «были бы вагоны, а уголь найдется». Существовали специальные карточки на уголь.

Вопрос о снабжении Петрограда стоял особенно остро. Это касалось сырья и топлива, необходимых предприятиям, работавшим на войну, и топлива и продовольствия для населения города. Удаленность Петрограда от донецкого угля и от хлебных губерний вместе с транспортной проблемой привели к кризису снабжения столицы.

Общим моментом для сельского хозяйства и промышленности являлся и дефицит рабочей силы. В обеих сферах дефицит этот пытались разрешить двумя основными путями: добиться предоставления отсрочек определенным категориям рабочих, а с другой стороны, найти замену ушедшим на фронт. Переписка Петроградского общества заводчиков и фабрикантов свидетельствует о настоятельных попытках этой организации и Совета съездов представителей промышленности установить 25% норму отсрочек. Но дефицит рабочей силы был по-прежнему значительным. Труд военнопленных применялся не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности. Один из вопросов, отразившихся в переписке Петроградского общества заводчиков и фабрикантов — получение разрешений на применение труда военнопленных. В плане демобилизации промышленности по окончании войны, выработанном Советом Съездов промышленников, значились прекращение работ военнопленных и их замена возвращающимися с фронта. 9-й съезд представителей промышленности и торговли весной 1915 г. стал чрезвычайно важным этапом в экономической жизни. А. В. Островский отмечает, что в программе экономического развития страны, предложенной Советом съездов «О мерах по развитию промышленных сил России», излагалась концепция подъема сельского хозяйства... на плечах кооперации». Т. е. в основу программы были положены те новые тенденции в аграрном секторе, которые начали проявляться в годы Первой мировой войны. Но 9-й съезд известен прежде всего тем, что именно тогда стремление русской буржуазии участвовать в снабжении армии оформилось в лозунг и программу мобилизации русской промышленности на оборону. За этим последовало создание военно-промышленных комитетов, нового явления в регулировании экономической жизни. Чрезвычайно важным этапом в деле организации работы промышленности на оборону и регулировании продовольственного вопроса стало создание Особых совещаний в августе 1915 г. и прежде всего Особого совещания по обороне во главе с военным министром и Особого совещания по продовольственному делу, руководимого министром земледелия.

В. П. Булдаков. В заключительной части доклада Я. Коцониса проводится мысль, что большевики, столь жестоко обращаясь с крестьянством, исходили из того, что они видят в крестьянине уже и гражданина. Здесь, на мой взгляд, ситуация обстоит гораздо тоньше и сложнее. Большевики в отличие от прежней власти

видели в населении класс и к классам подходили с позиций инструментальных: в одном классе видели гегемона, в другом — союзника. Среди союзников различали определенные социальные прослойки и т. д. И мне представляется, не следует думать, что большевики мечтали создать гражданина. Они думали прежде всего о бесклассовом, безрыночном обществе. И здесь, по-моему, с ними произошла примечательная, принципиально важная метаморфоза: дав крестьянам землю, они оценили их как своеобразное сословие, недокласс, который обязан жертвовать во имя построения бесклассового, безрыночного, бесхозяйственного общества. Думая о том, что крестьянство союзник, они в конечном счете крестьянство превратили в сословие, достаточно традиционное, но тем не менее податное. Неважно, какими высокими идеалами они руководствовались, важнее то, что на практике они сделали нечто противоположное.

С. И. Поголов. Я думаю, что выскажу общее удовлетворение, что мы очень успешно работали по экономической проблеме. Доклады были интересные, разнообразные и вызвали острую дискуссию в силу нестандартных подходов и благодаря тому, что использованы новые документы. Я хочу особо отметить С. Г. Беляева. Я тоже работал в архиве в Париже и знаю, какие там есть интересные пласты материалов. Я хотел бы особо отметить большое удовлетворение, что и докладчики, и участники прений в основном молодые ученые. Это действительно замечательно. Я говорю об этом, потому что принадлежу к другому поколению, поколению тех, кто в 50—60-е гг. продолжили работу, начатую старыми специалистами-чиновниками, экономистами в 1917, 1918, в 20-х, в начале 30-х гг. по изучению и публикации колоссального документального материала. Я имею в виду и работу знаменитого Проблемного совета по истории Октябрьской революции, его секции по историческим предпосылкам. В те годы в научный оборот было введено огромное количество первоклассных документов, которые были не просто опубликованы, но и подробно откомментированы. И то, что сейчас молодежь интересуется этими вопросами и продолжает эту работу, это самое большое достижение и самое большое завоевание. Тема чрезвычайно сложная в том, что касается влияния войны на экономику. Оно имело непосредственное значение и для последующей истории нашей страны, потому что царское правительство явно не справлялось с возникавшими проблемами и первый сигнал был в русско-японскую войну. Царизм оказался не в состоянии наладить военную экономику, что и показала Первая мировая война, и это было одной из причин крушения самодержавия.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДОКЛАДЧИКОВ

Т. М. Китанина. Для того, чтобы понять, как конструировались русско-германские экономические отношения в правительственных сферах и как отражались эти проблемы в среде общественности, а потом уже вторично в литературе и публицистике, необходимо иметь представление о том, как складывались отношения между Россией и Германией накануне войны. Если мы ретроспективно оценим эти отношения, то придем к выводу, что эволюция русско-германских отношений на протяжении практически четырех предвоенных десятилетий представляла собой удивительно противоречивое явление. Во-первых, надо отметить тесное коммерческое партнерство и в то же время все более возрасставшее торговое соперничество на европейском рынке, разность стратегических целей и прочность династических функций. Все это, взаимно переплетаясь, создавало клубок казалось бы совершенно неразрешимых противоречий. И в результате имел место фактически исторический парадокс: Россия и Германия продолжали на всем протяжении этих четырех десятилетий оставаться основными партнерами в области коммерческих отношений. И в то же время основными торговыми конкурентами. Тот же ретроспективный взгляд давайте бросим на русско-германские отношения конца XIX — начала XX в. И выявятся определенные этапы развития этих отношений. С известной долей условности, это я хочу подчеркнуть, можно утверждать, что чисто торговая конкуренция 70—80-х гг. приобретает в период таможенной войны в 1894 г. отчетливо выраженный характер военно-торгового соперничества. А затем сложившийся наконец к 1907 г. военный союз стран Антанты придает русско-германским отношениям совершенно другой характер — характер военно-стратегического противостояния, приведшего в июле и августе 1914 г. к открытому военному столкновению. И вот в 1915 г., когда стихла эта волна ожесточенности, неприятия друг друга, в русской периодической печати развернулась чрезвычайно острая дискуссия по вопросу конструирования внешней политики России в преддверии заключения мирного договора (предвоенный договор Германии и России заканчивался 1 января 1917 г. — *Т. К.*) и характера будущих отношений с основным торговым контрагентом, каким и была Германия. В этой острой полемике более или менее прослеживается несколько направлений, отразивших столкновение интересов определенных общественных групп России. Прежде всего, официальная, выражавшая правительственную политику, но лишенную известных ведомственных расхождений и представленную авторством чиновников министерств и ведомств,

в том числе статьями (я не буду называть имен и отчеств) Тимирязева, Лангового, Прилежаева и т. д.; затем — предпринимательская, отразившая точку зрения представителей русского промышленного мира и, на что хотела бы обратить внимание, значительно слабее, российских аграриев. Наконец, общественная, представленная главным образом русской экономической мыслью, взглядами определенных кругов интеллигенции, связанных в той или иной степени с деловым миром. В среде творческих индивидуальностей, которые приняли участие в диспуте, мы встречаем имена известных экономистов, профессоров Гольдштейна, Кулишера, Соболева, Струве, Фридмана, Яснопольского, а также Брейтермана, Бухштейна, приват-доцента Леонтьева и других, т. е. именно тех, которых мы прекрасно знаем и трудами которых пользуемся до сих пор с великим уважением. Мне кажется это очень важным моментом. Как же вырисовывается тот таможенный курс, которым должна была идти уже мирная Россия для обретения экономической самостоятельности? И какое содержание вкладывалось в само это понятие? Не означало ли оно самодовлеющего хозяйственного развития? Высказывания по этим и ряду других проблем создают довольно пеструю картину, где соприкасаются и скрещиваются в противоречивых оценках отдельные мнения. И вместе с тем вырисовывается некая ведущая линия, позволяющая в определенном приближении получить общее представление о ходе дискуссии. По крайней мере два преимущества вытекают из предстоящих таможенных преобразований, на что в периодике обращалось особое внимание. Первое — это охрана отраслей производства, нуждавшихся в таможенной защите. Второе — усиление контролирующей роли государственных институтов — явление, свойственное российской экономике эпохи капитализма, об этом писал И. Ф. Гиндин, а потом К. Н. Тарновский, и гипертрофированное в условиях войны. Таковы были общие установки. Но наряду с ними существовали отраслевые интересы, представленные, с одной стороны, российскими аграриями, с другой — промышленными и правительственными кругами, определявшими курс на индустриализацию страны. Они естественно были ориентированы на разные подходы к практическому решению внешних экономических вопросов, в том числе непосредственно касавшихся Германии. Фактически спор о перспективах аграрного или промышленного развития России, который был начат в свое время славянофилами и западниками и продолжался в начале века в связи с решениями Особого совещания о нуждах сельского хозяйства и промышленности 1902 г., а затем и со столыпинской реформой, получил в период войны новое направление, преломляясь в определении специфики таможенного курса. И нужно сказать, что вопрос об экономической эмансипации России от иностранной зависимости и прежде всего от влияния Германии ставился в публицистике военного времени чрезвычайно широко, перерастая в своего рода программу народнохозяйственного развития, свидетельствуя о том, сколь важное значение придавалось вообще российско-германским отношениям. Подводя итог той большой дискуссии 1915 г., можно утверждать, что полемика о формировании послевоенной экономической политики показала, сколь прочны были хозяйственные связи между Россией и Германией, сколь большие надежды возлагались на мирное разрешение жизненно важных для обоих государств проблем. Далекое не случайно преобладало в них мнение о нежелательности возврата к исключительно мерам противодействия Германии. Несмотря на разногласия, это — лейтмотив всех выступлений. Таким представляется первый вывод. И второй. В ходе указанной дискуссии побеждает

в целом общественное мнение в пользу промышленного, а не аграрного развития российской экономики, что конечно неизбежно должно было отразиться на характере русско-германских экономических отношений.

Коллега Бонвеч предложил рассматривать отношения России и Германии как банкиров и кредиторов. Но мне кажется, что наряду с этими отношениями зависимости были и элементы чистого соревнования. Но Россия в этом соревновании все время опаздывала, как она опаздывала с реформами, и в конце концов она их провалила. Россия фактически шла в фарватере Германии, т. е. почти одним и тем же экономическим путем, но опоздала на 10 лет в политике аграрного протекционизма, а чуть позднее она опоздала в выкупе частных железных дорог в казну, в программе вооружения, мобилизации частной промышленности. Ведь Германия начала сразу мобилизацию частной промышленности, а Россия только в августе 1915 г. Можно перечислить целую систему таких мер, которую в конце концов Россия проводила, но с необыкновенным опозданием по отношению к Германии.

Я. Коцонис. Я бы хотел связать мой доклад с вопросами, которые возникали в ходе нашей работы. Во-первых, по-моему, речь не идет о чисто экономической истории, скорее, характеризуется экономика периода Первой мировой войны. Во-вторых, дискуссия ведется вокруг проблемы категорий, которая неоднократно ставилась в докладах и комментариях. В первый день работы коллоквиума З. Галили, по моему, говорила о том, что мы ищем сейчас новые концепции. И я надеюсь, что мы будем и дальше обсуждать эти вопросы. Хотел назвать три пункта. Первое — о хронологии. Вы согласитесь, я думаю, что когда мы говорим и пишем о Первой мировой войне, то не останавливаемся на 1917 г. в силу того что война продолжалась. Тем не менее, думаю, что очень важно понимать и революцию в связи с войной. С другой стороны, можно смотреть на Первую мировую войну не как на предисловие к революции, а как явление само по себе. Вместе с другими подходами нам следует как-то соединить обе стороны неразрывного процесса. Для этого требуется больше документов, больше исследований. Но одновременно больше новых концепций. Нужны концепции, характеризующие длительные процессы. Я предлагаю, например, смотреть и на революцию, и на войну как на очень важные моменты в длительных процессах. В этом случае мы можем смотреть и на Октябрь, и на весь 1917 г. не как на завершение определенного этапа истории, а скорее как на один очень важный момент в процессах, которые имели продолжение в будущем. Октябрь и 1917 г. являются, таким образом, и результатом, и продолжением этих общих и длительных процессов. Второй вопрос касается власти. Я думаю, что когда мы говорим о патриотизме, когда мы говорим об идентификации людей по их национальности, мы часто ставим такие вопросы: были ли русские патриотами? были ли русские националистами и т. д.? Одновременно, я думаю, надо смотреть и на власть, на государственных деятелей прежде всего, как на определенных людей, представляющих разные группы населения. Именно власть через своих государственных деятелей сознательно порождала определенные чувства и распространяла их среди населения. Мы можем спрашивать не только о том, были ли русские патриотами, но задать и другой вопрос: кто хотел, чтобы русские были патриотами? И почему возникло желание того, чтобы русские были патриотами, националистами и т. д.? Мало кто верил среди современников в гражданственность как таковую. Это явление при-

сущее очень ограниченным слоем населения. И неоднократно современники приходили к выводу, что поскольку русский народ не патриотичен или не национален, постольку он был темным и несознательным. У нас такие выводы встречаются очень часто. Но если источники говорят, что русский народ темный, значит, это действительно было так? Я искренне присоединяюсь к взглядам Б. И. Колоницкого, что это означает только то, что мы просто не знаем, в чем был сознательным русский народ. И очень часто, когда мы что-нибудь не понимаем в поведении народа, мы просто говорим, что он был несознательным. Я думаю, что мы обязаны говорить, что каждый человек в чем-то сознателен, а если мы не понимаем сути этого «в чем-то», надо признаваться, что мы не знаем, в чем они были сознательными. Третий пункт моих рассуждений относится к гражданственности и патриотизму. Насколько они были присущи русскому народу? Я бы ответил, что у каждого народа такие чувства присутствуют, но выражаются они по-разному.

Б. Хеллман, по моему, задавал вопрос о неполноценности среди русских, национальной неполноценности. Мне кажется, что мы можем поставить другой вопрос и посмотреть на проблему неполноценности по-другому. Например, когда я говорю, что тот или другой человек отсталый, значит ли это, что я прогрессивный? Или когда, скажем, я говорю, что тот или другой человек темный, значит ли это, что я просвещенный? Для подобных утверждений необходимо иметь некоторое представление о себе самом, обладать способностью критической самооценки. Только в этом случае личность имеет право считать себя сознательной, гражданской, патриотической, имеющей право управлять и руководить.

Что такое элита? Это слишком общее слово. Я имел в виду государственных деятелей, а не только верхушку, а именно налоговых инспекторов, например. Мне было даже удивительно, что они с таким знанием говорили об этих вопросах. Либералы тоже конечно, я бы добавил, либералы не буржуазные, кадеты в особенности и левооктябристы. Я не сравнивал Россию с западными странами. Ввели ли подходящий налог поздно в России? Я имел в виду просто, что это было в 1916 г. Я не думаю, что поздно по сравнению с другими странами. Что же касается сравнения Витте с большевиками или преемственности по крайней мере, это конечно сложный вопрос. Я бы сказал, что Витте конечно не знал, что будет, а большевики знали, что было. Большевики сами говорили, что их налоги, в том числе и продразверстка, это продолжение подоходного налога. Они все время говорили именно о законах 1916 и 1917 гг.

По поводу темноты народа тоже очень интересные заметки, я хотел подчеркнуть, что говорил о восприятии современников. Когда человек использует такие слова, это как орудие и оружие в руках этого человека. А. В. Чаянов сам в 1918 г. написал, что русский народ это темная людская масса, что русская революция нам показала, что у нас нет нации. По-моему, это о многом нам говорит и по этим вопросам, и по общим вопросам и народного хозяйства и экономики, и истории России этого периода.

А. В. Островский. Об экономическом кризисе в годы Первой мировой войны написано много. Есть много работ и по продовольственному кризису, в частности можно назвать книгу и присутствующей здесь Т. М. Китаниной, и работы присутствующего здесь И. П. Лейберова и т. д. Но мне думается, и в этом смысл того доклада, который здесь представлен, что мы недостаточно понимаем несколько

аспектов этого кризиса. Во-первых, механизма складывания. И второе, на что мне хотелось обратить внимание, это степень его остроты. Мне думается, что гораздо больше внимания, чем до сих пор это сделано, мы должны обратить на такую проблему, как разрушение внутреннего рынка. Война по сути дела привела к разрушению товарообмена между городом и деревней. Это, с одной стороны, было связано с тем, что даже гражданская промышленность, та промышленность, которая работала тоже на ширпотреб, оказалась сориентированной на военные нужды. В пять раз сократилась ориентация на гражданское население в такой гражданской отрасли, как текстильная промышленность. И следствием этого был рост цен на товары промышленного производства, причем опережающий рост цен на товары промышленного производства, и усиление неэквивалентности обмена между городом и деревней, и ответом стало сокращение товарного сельскохозяйственного производства в целом и прежде всего зернового производства. Весь период войны характеризуется сокращением товарной массы и в частности хлеба, поступающего на рынки. В результате этого складывается следующая картина: если накануне войны государство закупало для нужд армии менее 5%, допустим, хлеба, где-то около 3—4%, то уже в 1914 г. было закуплено более 20%, а в закупочную кампанию 1915-16 гг. более 50%. В 1916 г. товарная масса составила 750 млн. пудов, а разверстка хлебная определена была в пределах 770 млн. пудов, т. е. государство предъявило спрос на то количество хлеба, которое уже в 1917 г. на рынке отсутствовало. В результате для того, чтобы решить только продовольственные проблемы, а я считаю, что это касалось и других отраслей, нужно было, во-первых, использовать внеэкономические методы распределения. И уже в 1916 г., на мой взгляд, повеяло призраком продовольственной диктатуры и продовольственных отрядов. И второе, что в этих условиях было неизбежно, уравнильное распределение того минимума товаров, который поступал на рынок. На этой почве, на мой взгляд, складывалось течение — и эта проблема начинала осознаваться необходимостью для завершения войны — перевода экономики на рельсы государственного капитализма, т. е. решительного вторжения в сферу частной собственности. И в докладе я привожу статью видного публициста того времени, известного философа Бердяева, который уже к октябрю на страницах «Биржевых ведомостей» прямо поставил вопрос о том, что перед нами проблема: или частные интересы будут отданы в жертву государству, или же хаос. И одна из идей моего доклада сводится к тому, что ни царское правительство, ни идущая на смену ему либеральная оппозиция решить эти задачи не могли. Таким образом война сама собой сделала неизбежным приход к власти партии большевиков. Однако я абсолютно убежден, что партия большевиков не удержалась бы у власти, если бы она не получила определенной поддержки со стороны людей дела. Это касается и чиновничества, это касается военных, это касается определенной части предпринимателей, т. е. тех, кто уже в 1915—1916 гг. начинает осознавать необходимость подобного государственного вмешательства. Я вот это рождающееся течение определяю понятием национал-большевизм, не мною придуманным. И война, таким образом, подвела, если хотите, сделала неизбежным заключение союза между рождающимся национал-большевизмом и большевизмом.

Наука не может развиваться без полемики. Поэтому я с большим вниманием выслушал коллегу Бонвеча. Однако, мне кажется, так полемизировать нельзя. Он начал свое выступление с утверждения, что в сегодняшних докладах нет или

почти нет ничего нового. В доказательство этого была сделана ссылка на какие-то публикации института Карнеги. Но если в моем докладе действительно нет ничего нового, стоило ли с ним полемизировать? Это тем более странно, если в его основе лежат положения, несостоятельность которых была доказана в нашей литературе по крайней мере четверть века назад. Я не знаю, какие именно публикации в данном случае имеет в виду мой оппонент. Насколько мне известно, некоторые итоги изучения сельскохозяйственного производства пореформенной России были подведены лишь в середине 70-х гг. на Кишиневском симпозиуме по аграрной истории. И на этом симпозиуме в докладе А. М. Анфимова и Т. В. Осиповой был сделан вывод о том, что мы не знаем, как развивалось сельскохозяйственное производство Европейской России в начале XX в. Не дает ответа на этот вопрос и книга Нифонтова, на которую ссылается и которую он любезно рекомендует мне прочесть, так как она охватывает период с 1850 по 1900 г. Попытка ответить на поставленный вопрос была сделана мною еще 15 лет назад, в результате чего была подготовлена, к сожалению, до сих пор остающаяся непубликованной книга «Зерновое производство Европейской России. 1891—1917 гг.» Поэтому использованные в моем докладе для характеристики состояния зернового производства Европейской России накануне и в годы Первой мировой войны показатели представляют собою результат специального изучения данной проблемы. Это же касается и такого, отнюдь не второстепенного вопроса, как вопрос о нормах продовольственного потребления. Мне известны самые разные мнения на этот счет, но наиболее обоснованной представляется та норма потребления хлеба, которая в свое время была предложена Л. Маресом. Что же касается названной Вами цифры — 5 пудов в год на одного человека — то она совершенно не соответствует действительности. Даже современные физиологические нормы потребления, исходя из калорийности и питательности отдельных продуктов, определяют потребление хлеба (в переводе на зерно) в пределах 10 пудов в год. Одновременно они предполагают потребление 95 кг мяса. Между тем дореволюционный крестьянин, по данным бюджетных обследований, употреблял всего лишь 25—30 кг мяса в год. Недопотребление пищи животного происхождения компенсировалось более значительным потреблением пищи растительного происхождения. Учитывая рацион питания современного ему крестьянства, а также принимая во внимание калорийность и питательность пищи, Л. Марес и предлагал свою норму потребления хлеба. Если коллега Бонвеч не согласен с нею, ему следовало привести соответствующие аргументы. Может быть, они и поколебали бы мою уверенность. Но поскольку этого сделано не было, у меня нет никаких оснований сомневаться в точности расчетов Л. Мареса.

Если исходить из его продовольственной нормы, то Россия начала XX в. имела небольшие хлебные излишки. Однако если сделать поправку на фуражное зерно, в основном овес, и принять во внимание данные о хлебном экспорте, окажется, что Россия вывозила за границу не только излишки, но и часть необходимого ей продовольствия. О том, что в этих условиях после отмены крепостного права происходило самое настоящее вырождение нации, свидетельствуют материалы Комиссии по изучению «центра». Из них явствует, что в 1870-е гг. brakовалось 13% призывников, а в 1890-е гг. уже 20%. Вряд ли бы это могло иметь место, если бы с продовольственной проблемой все обстояло благополучно. В качестве примера я могу указать на книгу Ю. И. Кирьянова, посвященную жизненному уровню рабочего класса России конца XIX— начала XX в. В этой книге

убедительно показано, что даже в рационе городского рабочего преобладал ржаной хлеб. А город, как об этом свидетельствуют бюджетные обследования, питался гораздо лучше деревни.

Поэтому представлять себе, будто бы Россия вступила в Первую мировую войну, имея возможность полностью обеспечить свои продовольственные потребности и даже располагая значительными хлебными излишками, мне кажется нет никаких оснований.

Я согласен с тем, что положение дел, характерное для указанных в моем докладе 50 губерний Европейской России, не было характерно для Северного Кавказа и Сибири, где действительно существовали значительные хлебные излишки. Однако в годы войны их мобилизация осложнялась происходившим разрушением внутреннего рынка. Мобилизовать хлебные излишки становилось все труднее и труднее не только из Ставропольской, но и из Тамбовской губернии. Для того чтобы получить хлеб, крестьянину нужно было дать железо, керосин, ситец и некоторые другие промышленные товары, производство которых сокращалось.

Я во многом принимаю упрек относительно того, что при характеристике продовольственной политики правительства мною использованы хорошо известные факты. Однако я не мог полностью обойти их стороной, так как это нарушило бы цельность самого изложения. В то же время я попытался выйти за рамки сложившегося здесь подхода и показать, что правительство пыталось взять под свой контроль не только закупку хлеба, но и заготовку для нужд армии мяса и скота.

Я не могу принять замечание Бонвеча, будто бы приводимый мною материал по вопросу о кооперации не содержит ничего нового. Действительно, о дореволюционной кооперации написано много. Однако почти все написанное касается главным образом сбытовой, потребительской и ремесленной кооперации. Я же попытался обратить внимание на вопрос о производственной кооперации в сельском хозяйстве. Эта кооперация и отношение к ней власти и общества остаются почти неизученными. Я был бы благодарен моему оппоненту, если бы он назвал мне имеющиеся на этот счет публикации.

А поскольку никаких аргументов в обоснование своей оценки моего доклада коллега Бонвеч не привел, то причину его негативных высказываний я могу объяснить только нашими концептуальными расхождениями в понимании рассматриваемой проблемы.

Под национал-большевизмом я понимаю течение, представители которого в интересах государства, в интересах нации готовы были использовать большевистские приемы и методы управления экономикой, получившие название «государственного социализма» или «государственного капитализма». Понятие «национал-большевизм» уже давно введено в научный оборот. Могу указать на книгу М. Агурского «Идеология национал-большевизма». Однако в отличие от ее автора я считаю, что корни этого течения нужно искать глубже. На мой взгляд, национал-большевизм стал формироваться не в результате поражения Германии в Первой мировой войне или же белого движения в Гражданской войне, а в ходе самой Первой мировой войны. Более того, в России зарождение этого течения, по всей видимости, было связано и с особенностями индустриализации страны.

О том, что определенная часть высшего общества пошла на сотрудничество с большевиками, свидетельствуют следующие факты. В Красной Армии служило около 750 генералов, это примерно треть всего генеральского корпуса. Среди

первых советских служащих мы видим и царских сановников, и министров Временного правительства, и крупных предпринимателей. Так, одним из авторов денежной реформы 1922—1924 гг. являлся бывший главноуправляющий земледелием и землеустройством Николай Николаевич Кутлер, занимавший в 1917 г. пост председателя Совета съездов представителей промышленности и торговли.

Мои оппоненты обратили внимание на то, что в годы Первой мировой войны расширение государственного вмешательства в экономику было характерно не только для России, но и для других стран. Это общеизвестно. Однако при этом необходимо учитывать масштабы и последствия подобного вмешательства в экономику, а также то, что в России его необходимость возникла еще до начала войны и была связана с особенностями индустриализации.

Бонвеч обвинил меня в том, что я пытаюсь вернуться назад к давно уже отвергнутым идеям и предлагаю подход, который ведет в тупик и по этой причине не имеет будущего. Однако выступления моих молодых коллег дают мне основание смотреть в будущее более оптимистично.

С. Г. Беляев. Обращение к документам, отложившимся в архивах французского Министерства финансов, Министерства иностранных дел и др., представляет возможность более досконально рассмотреть механизм ведения переговоров, выявить намерения разных сторон, принимавших в них участие, определить тактику западных политических партнеров и суть существовавших в их среде разногласий. Проведенное исследование подтвердило характер противоречий не только между Россией и ее основными западными союзниками, но также и между этими последними. Державам Антанты так и не удалось, несмотря на все декларации, выступить в финансовой области единым фронтом. Во многом это объясняется тем, что страны Согласия во время войны все больше и больше становились должниками. Так, Франция, одолжившая своим союзникам во время войны примерно 15 млрд. франков, сама оказалась должной Англии и США сумму более 50-60 млрд. франков. И все-таки российский министр финансов во время своего визита в Париж и Лондон довольно умело лавировал, используя указанные выше противоречия. Эту невольную «услугу» оказывал ему французский посол М. Палеолог, неоднократно снабжавший французский МИД односторонней информацией, неадекватно отражавшей положение дел в России. Применяемая Барком тактика оправдала себя и позволила ему в большинстве случаев добиваться своей цели.

В том, что окончание войны будет победоносным для всей Антанты, а не только для какой-то ее части, по крайней мере официально сомнений не существовало. Если были такие сомнения, они высказывались где-то в кулуарах. В самом деле накануне известной экономической конференции в Париже в 1916 г. было создано Особое совещание во главе с государственным контролером Покровским и туда были приглашены наиболее видные русские банкиры и предприниматели, и эти предприниматели высказывали опасение, что после войны, после победоносного для России окончания войны германское торгово-промышленное ярмо сменится ярмом английским. Вот такие были опасения, и они были высказаны довольно серьезно и аргументированно. И, с другой стороны, в эти же годы, годы мировой войны, французский министр торговли и промышленности Клеманте поставил перед французскими торговцами такую задачу, чтобы Франция после войны заняла те позиции в торговле с Россией, которые до

войны занимала Германия. Надо сказать, что французские торговцы здесь были довольно скептически, и на такое конкретное министерское требование и пожелание они заявили, что развитие французской торговли явно недостаточно, чтобы заменить Германию даже после того предполагаемого ущерба, который понесет Германия в результате того, что она, как все считали, будет разгромлена. Это очень важное суждение и повод думать и как-то развивать свои исследования в этом смысле. Для меня также очень важна идея, высказанная Б. В. Ананьичем, о связи пересмотра Барком налоговой политики и вопроса о займах. Как известно, рескрипт Барку обязывал его прекратить спаивание народа. И когда Барк в 1914 г. в палатах обсуждал бюджет 1914 г., бюджет, составленный еще Коковцовым, но рассматриваемый уже при Барке, бюджетная комиссия нижней палаты Думы сделала соответствующие расчеты и высказала такое суждение, что Россия в принципе может отказаться от винной монополии, но вместе с тем надо бы отказаться и от военных расходов. Иными словами, верноподданные, покупая монополю, крепили оборону страны. В верхней палате известный деятель Тимирязев, который был докладчиком по бюджету, тоже указывал на то, что в принципе можно очень постепенно и осторожно начинать процесс отказа от винной монополии, но отказ от винной монополии одновременно будет означать возвращение к политике займа, т. е. либо монополия, либо заем. Но поскольку известно, что внутренний российский рынок был достаточно узок, то всякий заем подразумевал, что это заем за границей.

VII

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

В. Ю. Черняев Сегодня подводятся общие итоги коллоквиума. За 4 дня докладчики представили 27 докладов по 6 основным проблемам. Положения, выводы, аргументация всех представленных докладов уже получили тонкий, детальный и интересный анализ в выступлениях 15 комментаторов и множества дискуссионщиков. Поэтому сегодня полезно сосредоточить внимание на центральном вопросе о роли Первой мировой войны для России и на общих суждениях по проблемам теории, концепции, методологии, а также проблемам социальных, политических, национальных, экономических и культурных перемен в России, вызванных этой войной, т. е. постараться сформулировать самые полезные идеи, рожденные в интеллектуальном поле нашего коллоквиума.

Чтобы дать импульс итоговой дискуссии, я предлагаю выступающим наряду с тем, что они собирались сообщить нам, дополнительно, может быть, в двух словах, обозначить свое место в возникшем споре о роли Первой мировой войны в историческом процессе и о связи между мировой войной и Революцией 1917 г. На коллоквиуме выявились две крайние полюсные точки зрения: на одном полюсе представления о том, что революция случилась бы в России, даже если бы и не было Первой мировой войны, а на другом — склонность рассматривать Революцию 1917 г. в России как эпизод Первой мировой войны, может быть даже «длинной войны», согласно предложенному У. Розенбергом новому термину, который обозначает единую цепь войн в России с июля 1914 г. по 1921 г. и включает Первую мировую войну, Гражданскую, советско-польскую и вооруженное подавление восстаний. Было бы ценно, если бы участники итоговой дискуссии обозначали свое место в этом споре и, может быть, привели бы дополнительные доводы «за» и «против» обеих точек зрения, поскольку это один из основных вопросов нашего коллоквиума.

Х. Ян. Наступило время урожая. Во время нашего коллоквиума в докладах и дискуссиях мы получили возможность взглянуть на разные процессы, которые начинались до войны, продолжались во время нее. Я думаю, что пришло время обсудить такие связующие процессы и прошу всех выступающих стараться показать такую связь с общими темами войны.

В. И. Мусаев. Отношение официальной России к национальным движениям внутри держав враждебной коалиции, прежде всего Австро-Венгрии, не было однозначным. С одной стороны, им оказывалась поддержка, так как они подры-

вали положение государств-противников. С другой стороны, в российских правящих сферах не могли не осознавать, что эти движения направлены против своих легитимных государей, что создавало нежелательный прецедент для России. Вызывал подозрения республиканский дух этих движений. Поэтому поддержка Россией лидеров национальных движений славянских и других меньшинств Австро-Венгрии была не всегда последовательной. Это проявилось в отношении к национальным военным формированиям, составленным из военнопленных и перебежчиков. В докладе профессора М. фон Хагена сказано, что Россия превзошла другие воюющие державы в деле создания национальных формирований. Соглашаясь с этим, нельзя не заметить сдержанность и осторожность, проявленные в этом вопросе российскими политиками и военным командованием. Например, решение о создании чехословацкой дружины было принято еще в августе 1914 г., но только летом 1915 г. чехословацкие союзы в России получили разрешение, со всяческими оговорками, заниматься вербовкой в лагерях для военнопленных и только летом 1917 г. были сняты все численные ограничения. Это позволило набрать две дивизии и сформировать корпус, сыгравший столь важную роль в Гражданской войне.

Что касается прозвучавшего тезиса о том, что во главе национально-освободительных движений стоит буржуазия, то безусловно, она руководит в практическом плане национальными движениями. Однако у их истоков всегда стоят интеллектуалы, и именно они стараются пробудить в массах интерес к языку, культуре, истории своего этноса и, в конечном счете, формулируют национальную идею. Буржуазия неспособна на это в силу меньшей образованности и большей приземленности, отсутствия романтизма. Она может лишь воспринять и практически использовать эту идею.

Была ли революция в России неизбежной? Я полагаю, что фатальной неизбежности революции не было. Внутренние противоречия, существовавшие в стране, в мирное время могли быть решены мирными средствами. Война, к которой Россия оказалась неготовой, обострила эти противоречия и сделала их неразрешимыми.

Дж. Санборн. В. В. Носков сказал, что мы имеем более политическое понятие о нации, чем этническое. Это не так. Нация не государство, которое, по определению М. Вебера, контролирует легитимическое насилие. Нация — это демократизация насилия, которое в этом периоде отличалось от насилия прежних периодов. Это связано и с моим вторым замечанием по поводу суждения Д. Орловски о национальной политике в 1917 г. Временного правительства как умной и либеральной. Однако именно эта либеральная политика завершила процесс демократизации насилия. Проблема насилия очень важна для этого периода, потому что это самая главная тема войны. Проблема насилия мало поднималась на нашем коллоквиуме и поэтому, я думаю, еще заслуживает обдумывания.

Ю. И. Кирьянов. Наш коллоквиум не повторил многие конференции, посвященные Первой мировой войне, которые проходили в связи с необычными юбилейными датами. Одной из проблем, о которых сегодня упоминалось, была проблема предпосылок революции 1917 г. Эти предпосылки укладываются в рамки 1914—1917 гг. или их можно искать раньше? Для решения этого вопроса я пригласил бы на нашу конференцию В. М. Пуришкевича, который в 1913 г. издал

книжку «Школьная подготовка второй русской революции». Она имеется во всех библиотеках, была издана четырьмя изданиями. Когда мы говорили о предпосылках, все время делали акцент на экономических предпосылках, на нерешенности аграрного вопроса и т. д. О чем же говорилось в этой книге, которую Пуришкевич называл одной из самых важных, вышедших в XX в.? Он и его Союз Михаила Архангела сделали попытку проанализировать школьные учебники и всю литературу, которая вышла в это время и была рассчитана на школьников. Заключение, которое сделал в предисловии к этой книге Пуришкевич: если вот этот процесс выпуска подобной литературы для школьников не будет прекращен, то через 10 лет русская армия, которая сейчас может обучаться на этой литературе, будет верноподданной не императору, а оппозиции. Он предсказывал революцию, если не будет изменений, за десять лет после выхода этой книги. П. Н. Дурново в своей известной записке февраля 1914 г обращал внимание императора на то, что если будет война с Германией, то в России и других странах Европы вспыхнут революции. В России революция может выйти (он конечно понимал это не по-марксистски) на рельсы социалистической революции. Вот такковы были эти самые правые, которых мы просто мало знаем и которые делали совершенно фантастические предсказания.

Первая мировая война создала такую ситуацию, когда революция оказалась неизбежной. Возникает вопрос: а вот если бы войны не было, если бы Россия не была втянута в войну? Недавно скончавшийся историк В. С. Васюков писал, что чуть-чуть раньше или чуть-чуть позднее, но Россия обязательно была бы втянута в войну. Так что революция была практически неизбежной.

В докладе профессора Л. Хаймсона поднята проблема соотношения организованности и стихийности. Он и З. Галили внесли существенный вклад в понимании и правильное решение этого вопроса. Раньше точка зрения сводилась к акценту на организованность. Л. Хаймсон утверждает, что события, которые происходили в конце февраля, были спонтанными, и я это поддерживаю, но все же никто не сможет утверждать, что революция не готовилась. В тех документах, которые опубликованы в сборниках «Меньшевики», четко говорится о том, что Рабочая группа ЦВПК в письмах, которые рассылались по рабочим военно-промышленным комитетам в начале января 1917 г., говорила о необходимости создания Временного правительства и о том, что они готовятся к этому. Правые указывали, что вопрос о Временном правительстве был поднят в либеральных оппозиционных кругах уже в самом конце 1916 г. Все было подготовлено и внутренними событиями, и определенными оппозиционными либеральными кругами. Все-таки элемент организованности бесспорно был.

Л. Хаймсон также поставил вопрос о времени начала Февральской революции. Во всех наших работах стоит дата 23 февраля. В докладе Л. Хаймсона говорится, что, вероятно, началом революции следует считать 28 февраля, когда массы рабочих пришли к Таврическому дворцу с тем, чтобы поддержать Временный комитет Государственной думы и, вместе с тем, утвердить себя в его глазах. Мне кажется, что тут есть определенная правда, но если мы пойдем по этому пути, то не должны будем начинать первую революцию с 9 января, когда рабочие пришли к царю просить, а позднее. Поэтому нужно оставить дату 23 февраля.

Р. Зелник. Наша работа была очень успешной. Было три типа или три рода докладов. Представителем первого стал самый типичный доклад Л. С. Хаймсона,

показавший связь между войной и революционными движениями. Это то, что, по-моему, все время все старались делать. Во-вторых, были доклады, где тема связи революции и войны отсутствовала. Во всех докладах третьего типа имелась цель не объяснить революцию, а объяснить ослабление и в конце концов падение режима. Это была общая тема почти всех докладов, даже когда докладчик сам это не говорил.

Т. М. Китанина. Революции могут быть разные, и все-таки неизбежность революции, мне кажется, вероятнее всего была, но какой, сказать трудно. Какой-то элемент случайности был, помимо всех закономерностей. Вопрос о неизбежности революции в принципе связан с перспективами альтернативного развития России.

В аграрном секторе России происходили явления, не только нами еще не изученные, но даже и не понятые. В 1916 г., когда, казалось бы, все рухнет, разразился страшный экономический и продовольственный кризис, происходит возрождение русской деревни. В чем причина? Здесь нужно обратиться к последствиям столыпинской реформы.

Сейчас мы отказываемся от прежних взглядов и приходим к выводу, что ее тремя основными идеями были разрушение общины, ликвидация полос и упор не на кулака, а на середняка. Реформа Столыпина была направлена на индивидуализацию крестьянского хозяйства. Сделано было в этом отношении очень много: закон 1910 г. о принудительном расписании земли, выдавались 100%-ые ссуды на хозяйство (работай и отдавай деньги). Крестьянский банк выдавал беспроцентные ссуды, я особенно хочу это подчеркнуть, под приобретение надела земли. Для сравнения: сейчас крестьянин должен платить 215%, так может он встать на ноги?! Но приняло ли тогда крестьянство индустриализацию крестьянского хозяйства? С моей точки зрения, не приняло и пути кооперации, и это хорошо показано в наших работах.

Но была еще одна форма кооперативного движения, о которой нет ни одной работы и которая прослеживается партийными документами. В 1916 г. на юге России возникает движение производственных кооперативов. И крестьянская кооперация идет на союз с земствами, появляется поддержка Московского Народного банка, что понятно, потому что это был центральный банк кооперации. И в то же время осуществляется поддержка государства. И вот этот треугольник (земство — крестьянская кооперация — поддержка государства) выходит на какую-то иную ступень развития. Начинается приобретение крупных промышленных предприятий кооперацией и земствами: заводы сельскохозяйственного машиностроения, искусственных удобрений, транспортные средства, суда, элеваторы, т. е. в России в 1916 г. появляются новые специальные слои промышленных собственников, которых Россия до этого не знала. Мне кажется, все-таки прослеживался иной путь развития для сельскохозяйственной страны, какой была Россия, путь кооперативный.

Б. Бонвеч. Такие конференции для меня часть профессиональной жизни и моих профессиональных радостей. Я был беженцем, каменщиком, военным служащим. И может быть, это влияет на мою точку зрения о судьбе крестьян. Конечно, они имели неверную жизнь в царской России, но у них были пути к лучшему, пути постепенного улучшения жизни. Уже в царской России была мысль о при-

нуждении, еще больше у Временного правительства и тем более у большевиков. Когда интеллигенция оказалась у власти, какая судьба была у крестьянства? Под предлогом классовой борьбы, эмансипации рабочего класса они напали на деревню, грабили производство крестьян. Называть это единственным выходом из ситуации — я не понимаю, как это возможно? Все другие государства тоже нуждались в этом производстве, но к такой форме ограбления деревни они не приступили. И если смотреть на разницу судьбы России и других стран и классов в XX в., то прежде всего надо смотреть на судьбу крестьян. Во всех других странах судьба крестьян была лучше, чем у других слоев населения. Когда после Второй мировой войны я работал в сельском хозяйстве, мой хозяин говорил: если снова будут плохие времена, тебе я дам, но не им. Во всех государствах крестьяне жили лучше даже в худшие времена, но в Советском Союзе во все времена крестьяне жили хуже всех.

А. Н. Курцев. В отличие от Франции и Англии, ресурсы которых были задействованы фактически полностью на военном поприще, США в Первую мировую войну обратились с предложением оказать гуманитарную помощь беженцам в России, включавшей снабжение беженцев теплой одеждой, выдачу денежных пособий депортированным вглубь России, прежде всего иностранцам. Одним из ведущих организаторов этого дела с американской стороны был Томас Виднер. Летом 1916 г. в Центральном Черноземье помощь депортированным оказывал американский патронат. Местными сотрудниками этого патроната являлись агенты, как назывались представители перемещенного населения. Руководителем этого патроната был представитель американского консульства в Петрограде и американского генерального консульства в Москве по Воронежской, Тамбовской, Курской губерниям Рид Льюис. Он писал курскому губернатору, что «американское консульство послало своих представителей, в том числе и меня, в различные регионы России». Может быть, американские коллеги сочтут возможным исследовать по своим источникам и опубликовать данные об этой неизвестной сфере деятельности США на российской территории в период Первой мировой войны.

В отношении проблемы связи Первой мировой войны и революции я полностью поддерживаю мнение своих коллег об отсутствии фатальной связи между военными событиями 1914—1917 гг. и Октябрьской революцией, переросшей в Гражданскую войну 1918—1921 гг. Война являлась лишь одним из множества факторов этой революции, большинство которых имели долговременный характер. Считаю, что говорить о единой или «длинной» войне 1914—1921 гг. абсолютно не приходится. Германская война, как ее звали в русском народе, и Гражданская война 1918—1921 гг. при всех их внешних формах, связях, были абсолютно разнородны по внутреннему социальному содержанию. В случае провала большевистского переворота в октябре 1917 г., который привел к выходу России из войны, эта тяжелая война современниками называлась бы второй Отечественной войной. Поэтому я категорически возражаю Н. Н. Смирнову, который в своем докладе доказывает, что интеллигенция и общество в целом не считали войну отечественной. Офицерский корпус вынес войну на своих плечах, сидел в окопах до октября 1917 г. Это же интеллигенция, в том числе учителя, среди которых, кстати, был и мой дед-прапорщик. И они сидели, воевали и сдерживали наступ-

ление австро-германских войск. И выдержали эту войну. В любом явлении есть черное и белое, и я призываю воздерживаться от однозначных оценок.

В. В. Лапин. Я бы хотел сравнить ситуацию в России начала XX в. с кораблем. Корабль, который имеет пробоины, течь, достаточно плохо работают механизмы, на корабле бунт в отдельных частях его экипажа, в командном составе имеются разногласия, каким курсом двигаться и т. д., и т. п. Война — это шторм, и корабль гибнет. Поэтому говорить о том, дошел бы корабль до тихой гавани демократического или какого-то иного развития достаточно сложно. Этот вопрос мы будем решать еще очень долго. Это направление чрезвычайно плодотворно. Война заканчивается тогда, когда похоронен последний солдат. Каждая война заканчивается тогда, когда начинается война следующая. И в этом смысле, конечно, Первая мировая война продолжалась гораздо дольше официальной даты перемирия и даже дольше, чем говорил У. Розенберг. Для России она продолжалась до 1941 г.

Во время Первой мировой войны произошло то, что не происходило никогда в истории. 10, 14, 15 миллионов носителей традиционной крестьянской культуры получили в руки европейское оружие и европейскую военную организацию. И то, что в результате этого произошло, является предметом исследования многих и многих десятков и сотен историков. Произошло небывалое в истории человечества столкновение двух культур. Армия во время Первой мировой войны изменилась качественно. Только артиллерийские части — те части, кадровый состав офицеров которых не был выбит и даже частично сохранили унтер-офицерский и солдатский довоенный состав. Именно эти части оказались боеспособными до последних дней и во многих случаях служили опорой контрреволюционным силам.

При решении вопроса «Россия в Первой мировой войне» историкам могут помочь не только экономисты, но и физики. XX в. — это век энергетических проблем. И если посчитать энергетические затраты государств Антанты, России и посчитать энергетические затраты и связанные с этим проблемы Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции, то увидим колоссальный перевес в потреблении энергии и ее использовании государствами антигерманского блока. То, что у нас во многом выглядит в историографии как экономический кризис, было энергетическим. К 1917 г. Россия испытывала острый недостаток энергии и просто по законам физики должны были произойти такие чудовищные события, какие произошли.

А. Ф. Ворончихин. Проблема «Символика и ритуалы первой мировой войны» еще не получила достаточного освещения. Ее многоплановость не позволяет остановиться на всех вопросах, поэтому ограничусь несколькими замечаниями.

Понимая под символикой выражение идей, понятий или чувств с помощью условных знаков или предметов, отмечу лишь один аспект этого явления, а именно, ритуал (церемониал) проводов в армию и связанные с ним обрядовые причитания нижней группы сословной стратификации русского народа. Для этого воспользуемся этнографическим источником. Конкретно — рукописью И. И. Ульянова «Воин и русская женщина в обрядовых причитаниях наших северных губерний», подготовленной автором в первые месяцы войны.

Причитания — заунывные, монотонные, речитативные плачи, в которых непосредственно изливаются народные думы и ощущения при расставании с близкими людьми. Отметим, что причитания подразделяются на а) похоронные; б) свадебные и в) военные, т. е. связанные с отправкой рекрутов на службу и солдат на войну. Нас в большей степени интересуют последние. Обряд проводов на государственную службу можно условно разделить на ритуалы утренние, дневные и вечерние. Утром после особой молитвы призванный в армию шел в баню не только вымыться и очиститься перед отъездом в дальний путь, но и смыть с себя печаль по родной стороне. После бани начиналось в кругу своей семьи обрядовое принятие пищи, с причитаниями родных. Днем будущий воин с товарищами ехал к священнику просить благословения на службу царскую и отслужить молебен. Потом он прощался со своим родом, миром православным и родной стороной, объезжая всю деревню и заходя в дома родственников. В это время в его доме оставались женщины — мать, жена, сестры и другие, причитая о нем, как об уже отсутствующем, освещая личность и жизнь его и свою в бытовых условиях и в условиях военного времени с разных сторон. Вечером после объезда родственников все собирались в доме провожаемого. Здесь с причитаниями и унылыми песнями справляли так называемый «печальный мир», с торжественной (кульминационной) минутой благословения на службу, после чего его в особом порядке провожали за околицу села. Причитания по ушедшему продолжались в его доме. И именно в них проявлялись нравственные привязанности женщины, ее отношение к событию и войне в частности.

Франсуа де Ларошфуко писал: «Разлука ослабляет мелкие страсти и усиливает большие так же, как ветер задувает свечи и раздувает пламя». На наш взгляд, причитания помогали женщине снять стресс от предстоящей разлуки, укрепить ее в своих чувствах. Интересно было бы сравнить проводы на войны у русских и у других народов России и мира, что возможно в процессе более тесного сотрудничества ученых разных стран.

А. П. Марков. В принципе все согласились в той или иной степени, что Первая мировая война это начало глобального кризиса как в России, так и в Европе. Но все-таки мы не должны отступать от того факта и той очевидности, что по структуре своей речь идет о разных обществах и, по-видимому, рассматривать их лучше через конкретную призму, нежели вообще. Например, в одном случае мы имеем дело с империями-нациями, таким образом организованы британская или французская империи, в другом — с традиционно суверенными государствами, организованными вокруг императора, где тоже идет процесс формирования империи-нации. Мы иногда по-разному понимаем понятие нации, что есть представление о нации, как о некоем политическом организме, которое более присуще нашим коллегам из США, и наши представления о нации, как об этничности. На самом деле какого-то четкого разграничения на русское и евро-американское представление не существует. Можно проанализировать скорее путешествия самих понятий. Стоит вспомнить о долгом немецком влиянии на конструирование русского представления о нации, начиная со славянофильско-западнической и вплоть до большевиков, которые, если вы помните, в основном воспринимали национальный вопрос сквозь призму австро-венгерских очков. Таким образом, сказать, что в России, например, не было никаких оснований для организации представления о нации по территориально-политическому принципу нельзя. Ис-

торический контекст был таков, что огромное влияние на русскую конструкцию нации оказали центральноевропейские идеи, начиная с первой половины XIX в. Когда я размышлял о войне после доклада Санборна, насчет тех трех категорий, вокруг которых организован доклад: общая территория, общее дело и социальное равенство — я подумал, какое происхождение имеет эта концепция? Национальное? Не укоренена ли она глубоко в американском опыте?

Р. Ш. Ганелин. Не могу считать, что я разочарован тем, что мы не смогли дать единогласного ответа на вопрос, была ли бы революция без войны. Если бы мы так все по этому поводу голосованием пришли к единому мнению, то это было бы бедствие. Большое историографическое значение конференции в том, что был проанализирован глубокий и разносторонний характер влияния войны на революционный процесс.

Я говорил уже об историческом труде помощника управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтова, который мы с М. Ф. Флоринским поместили в альманахе «Русское прошлое». События первого года войны дали Яхонтову и бывшим министрам в эмиграции, состоявшим с ним в такой эпистолярной полемике, считать, что уже тогда, хотя еще не было продовольственного кризиса, рабочие не освободились от патриотических настроений, старый строй пошатнулся в своем основании. К этим событиям они прежде всего относили бунт министров, который в эмигрантской литературе 20-х гг. чрезвычайно выразительно исследовался и характеризовался, а у нас как-то отступил на задний план, потому что для всех как-то более существенной была проблема народного представительства. Она была ярче проблемы объединенного правительства. Между тем до 1905 г. не было не только народного представительства в стране, но и того, что на языке того времени называлось объединенным правительством. Имевший по закону исключительное право созыва Совета министров и председательствования в нем, царь предпочитал этого не делать. Так поступал и Александр III, и до 1905 г. Николай II.

Во время войны для психологии царя не могло быть худшего, чем открытое неповиновение не выборных представителей, а им самим назначенных министров. Они были против принятия им на себя верховного главнокомандования. Подразумевалось, что они боялись поражения армии под его руководством, и это для царя было оскорбительно. Но было и нечто худшее. У него были веские причины опасаться того, что еще больше, чем поражений, они не хотели одержанных под его командованием побед, которые укрепили бы его самовластие. Вырубова оставила яркое описание того, как был он доволен, подавив бунт министров летом 1915 г. Но это была Пиррова победа. От престола отошли влиятельные и компетентные сановники, а самый яркий из них А. В. Кривошеин даже готов был после февраля войти в состав Временного правительства. Как все это случилось, не совсем ясно. Генерал Н. Н. Янушкевич, который еще в марте 1915 г., с одной стороны, подтолкнул к этой активности будущих бунтарей, боровшихся за власть Совета министров, поощрявший общественную организацию в деле помощи армии, а с другой — неистовствовал в прифронтовой полосе, невзирая на протесты, носившие официальный характер со стороны Совета министров. Министры же требовали от царя оставить на своем посту великого князя Николая Николаевича, а в сущности боролись за сохранение в Ставке Н. Н. Янушкевича. Подлинная причина увольнения великого князя была для многих современников сокровен-

ной и остается таковой для нас. Вероятно она была связана с развитием того, что стало впоследствии великокняжеской оппозицией (это наш термин, очень расхожий и вероятно вполне адекватный тому, что было на самом деле).

Германская пропаганда среди нерусских национальностей Российской империи несомненна, но с точки зрения того историографического направления, о котором я сейчас здесь говорю, вреднее для имперских интересов России были последствия пропаганды Ставки, которая хотела бы привлечь на российскую сторону различные национальности в странах-противниках. А. Н. Яхонтов писал: инородческая интеллигенция, вскормленная нашими окраинами культурно-просветительскими начинаниями, не могла не подхватить этих многообещающих слов, адресованных заграничным соотечественникам. Если такие обещания даются будущим российским подданным, то они должны распространиться и на те народности, которые давно входят в состав Российской империи. Перед смертью, писал он, все российские подданные равны, и жертвуя собою, имеют одинаковые права на благодарность Отечества, независимо от принадлежности к тому или иному племенному корню. Эти разногласия внутри правительственных сфер носили довольно острый характер, хотя С. Д. Сазонов и Министерство иностранных дел по-видимому поддерживали национальную политику Ставки, а Совет министров был весьма инертен, и это признавали отставные министры.

П. Л. Барк, который был наиболее преуспевающим, наиболее активным среди министров-эмигрантов, к числу нерешенных царской властью и Советом Министров социальных вопросов относил два. И надо сказать, что он по-видимому понимал их взаимосвязь. Он считал, что, не решив два вопроса: крестьянский и еврейский, иными словами, не обеспечив свободу личности, старый порядок обрек себя на известное бессилие перед революционной пропагандой. Вообще же революционной пропаганде как таковой в этой полемике придавали второе значение, а первое — тому, что мы называем на своем языке кризисом власти. И поэтому конечно война на все это влияла, но что касается противоречий царя с правительством, их происхождение было старое, война только все это обострила, ускорила и катализовала.

С. И. Потолов. Я считаю, что правильно была избрана тема нашего коллоквиума — «Россия в Первой мировой войне». Действительно, война оказала чрезвычайно многосторонние влияния на все сферы российского общества и государства, на человеческие судьбы, и все это проявилось в тех острых социальных катаклизмах, которые последовали в 1917 и последующие годы. И все таки, в старом споре я на стороне и профессора Л. С. Хаймсона и того, что только что здесь, с трибуны, очень четко было сформулировано Р. Ш. Ганелином: сама война была порождением острейшего, прежде всего социально-политического кризиса российского общества, царского режима, острого соперничества европейских держав, и она действительно углубила и ускорила развитие этого кризиса. Я считаю, что в этом смысле у нас есть значительные достижения в изучении этого процесса. Я имею в виду и нашу коллективную работу о кризисе российского самодержавия, и только недавно появившееся, очень серьезное фундаментальное исследование «Власть и реформы», где эти процессы всесторонне исследуются. Еще хотел бы теплыми словами вспомнить наших коллег, к сожалению, покойных, которые занимались исследованиями этих проблем — это В. С. Дякин, Ю. Б. Соловьев. Мы прекрасно помним, как они участвовали в первых двух на-

ших коллоквиумах и немало способствовали их успеху. Короче говоря, я исхожу в данном случае из фундаментальной нормы римского права — «после этого не значит вследствие этого». Действительно, все что произошло в 1917 г., связано было с войной, но одновременно, я считаю, было порождено глубоким социально-экономическим кризисом российского общества и самодержавного государства с начала XX в. Несколько соображений организационного порядка.

Я присоединяюсь к самым теплым словам в адрес оргкомитета. Считаю, мы имеем основание выразить членам Оргкомитета глубочайшую благодарность. И все-таки кое-какие коррективы, мне кажется, в нашей работе, может быть, надо иметь в виду в дальнейшем. Я считаю, что у нас получился все-таки тематический перегруз. Вы прекрасно это ощущаете, мы работаем вместе уже 5-й день и с большим напряжением. Когда мы начинали организовывать наши коллоквиумы, мы отказались от секционной системы. И я считаю, что это очень правильно, потому что благодаря этому мы рассматриваем проблему в целом и последовательно с участием всех наших участников, иначе получается беготня по разным секциям и не улавливаешь общего. Так что этот принцип надо сохранить, но мне кажется, что число докладов должно быть сокращено по крайней мере до 20—22. На предыдущем коллоквиуме было 24 доклада, и это уже ощущалось. И главное, мы всегда делали упор на широкую творческую дискуссию. К сожалению, здесь все-таки обозначился крен в детальный разбор самих докладов, но ведь мы будем их публиковать. А вот дискуссия по проблемам может быть иногда уступала этому принципу, поэтому мне кажется, над этим вопросом нужно думать, хотя это не так просто и нелегко. Я просто высказываю свои соображения, но уже сейчас, я думаю, наверняка публикация материалов коллоквиума превысит наши возможности. В публикации прошлого коллоквиума было 40 листов, предыдущий был 30 листов, сейчас по-видимому это будет 50 листов. Помимо всего прочего, здесь еще вопрос финансирования, к сожалению, это прозаический и трудный вопрос. Я думаю, все надо взвешивать и плюс к тому, это достаточно тяжело. Ведь сейчас несколько докладчиков не приехали и не представили доклады. Сначала их планировалось 32. Заслушать и обсудить все было бы, конечно, очень сложно.

Здесь вспоминали, что 5 лет мы работаем в этом составе. Но я хочу напомнить и более раннюю дату. Мы первый раз собрались в Париже в начале июня 1988 г. по инициативе и стараниями нашего уважаемого Леопольда Хаймсона. Он собрал нас в Доме наук о человеке. Спасибо руководству Дома, оно очень активно с нами сотрудничало, и вместе мы разработали программу первого нашего коллоквиума, который был проведен в 1990 г. в Ленинграде. С этого начиналась наша работа. Прошло несколько рабочих совещаний, причем это было в основном уже в Ленинграде. Мы долго, с участием международной рабочей комиссии обсуждали программу, доклады. Конечно, сейчас мы пользуемся Интернетом, современными техническими возможностями, но я думаю, ничто не может заменить живого человеческого общения. В 1991 г. была такая рабочая встреча в Париже, которая наметила программу на это 10-летие. Мы ее почти выполнили, мы провели в 1993 г. коллоквиум, посвященный 1917 г. Мы объединили две проблемы и в 1995 г. провели коллоквиум, посвященный взаимоотношениям интеллигенции и рабочих, потому что были вначале намечены отдельно коллоквиумы о русской интеллигенции в начале XX в. и отдельно коллоквиум, посвященный рабочим. Здесь я хотел бы теплыми словами вспомнить безвременно ушедших от нас ака-

демика И. Д. Ковальченко, академика П. В. Волобуева, которые принимали активное участие в разработке и реализации этой программы. Был еще семинар, который сейчас ведут Б. В. Ананьич и Ю. Шеррер, посвященный русской эмиграции. Я не случайно вспомнил о программе 90-х годов, потому что осталась одна проблема, которую мы тогда не решили и может быть стоит о ней вспомнить сейчас, когда мы обсуждаем программу очередных коллоквиумов. Это была идея Леопольда Самойловича: обсуждение проблем методологии и историографии. Сейчас есть различные предложения, они обсуждаются, и мы уже намечаем новый коллоквиум в начале XXI в., т. е. в 2001 г. Есть и будут другие предложения на этот счет, я думаю, можно будет их обсудить. Но я также предлагаю разработать программу на первое десятилетие нового века, чтобы иметь перспективу. Это полезно. И кроме того, важно активнее привлекать молодежь. Я в своей секции порадовался тому, что мы сейчас видим на этом коллоквиуме и в качестве докладчиков, и в качестве активных дискуссионных представителей более молодого поколения. Это замечательно, т. е. мы сохраняем преемственность, и вступаем в новый век с уверенностью, что наша эстафета в хороших руках. У нас хороший опыт оргработы, и я думаю, то, что мы делали на базе нашего Петербургского филиала Института российской истории, и что всячески поддерживалось международными организациями, которые сотрудничали с нами, и Колумбийским университетом, и Домом наук о человеке, а сейчас и Калифорнийским и другими университетами США, надо будет сохранить, тем более, что у нас на базе Петербургского филиала работает Северо-Западное отделение Проблемного совета по истории российских революций, т. е. как раз период, который охватывает период с конца XIX в. и кончая 1917 г. Следует также учесть плюсы и минусы нынешней организации: мы впервые проводим коллоквиум, сотрудничая с Европейским университетом в Санкт-Петербурге, на его базе. Мы признательны сотрудникам Европейского университета, которые нам многим помогли. Я хотел бы выразить глубочайшую благодарность нашим зарубежным коллегам, которые в это очень сложное и трудное для нас время помогают нам и благодаря этой помощи работа ведется и приносит достаточно существенные результаты. Мы сразу же приступаем к подготовке к изданию книги материалов коллоквиума, она займет какое-то время. Итак, мы с оптимизмом стартуем в новый XXI в., и я убежден, что общими усилиями мы сделаем это международное сотрудничество еще более продуктивным и успешным.

Н. Н. Смирнов. Хочу всех нас поздравить с тем, что это первый коллоквиум, в ходе которого ни один участник — ни докладчики, ни дискуссионные участники не произнесли слов «кризис исторической науки». Вспомните коллоквиумы 1990—1995 гг. — каждый из них начинался с этих слов: российская историческая наука находится в кризисе. Это впервые, хотя не уверен, что после меня слова о кризисе не произнесет кто-либо. Остановлюсь на трех вопросах, которые, на мой взгляд, вызвали здесь оживленную дискуссию и должны подвергнуться последующему обсуждению. Первая проблема — это проблема интеллигенции и войны. Считаю, что российская интеллигенция, и прежде всего ее узкая часть, которую я именую партийной интеллигенцией, внесла немалый вклад в то, что война, которая могла превратиться для России в отечественную войну, таковой не стала. Я никогда не соглашусь с коллегой Курцевым в том, что война 1914—1918 гг. была отечественной войной. В отечественную войну не создаются

полковые, ротные, дивизионные и тому подобные комитеты, действия которых прямо направлены на разрушение армии. В отечественную войну народ и интеллигенция, как правило, консолидируются вокруг власти предержавшей. В войне 1914—1918 гг. мы этого не видим. Напротив, гражданское общество резко дистанцировалось от власти и делало все возможное для того, чтобы эта власть прекратила свое существование. Данный постулат относится не только к царскому самодержавию. Он в равной степени относится и к эпохе Временного правительства. Первоначально восприняв его на «ура», гражданское общество в течение очень короткого времени разочаровывается в этой новой власти и отказывает Временному правительству в доверии. На смену приходят большевики. Во что это вылилось — большая проблема, необходим очень серьезный разговор и вести его коротко просто не имеет смысла.

Когда я говорю о вине интеллигенции, это не мое определение. Сама российская интеллигенция в ходе Первой мировой войны неоднократно подчеркивала и признавала свою вину за ту ситуацию, которая складывается в государстве. И не просто признавала, а открыто призывала к тому, чтобы еще более углубить тот процесс разложения государственной власти, который наблюдался с лета 1915 г. Если какая-то вера в то, что эта война станет войной отечественной, и сохранялась, то она сохранялась лишь до лета 1915 г. После этого никаких иллюзий о превращении войны в отечественную уже никто не испытывал. Хотел бы ответить Ю. Шеррер по поводу того, насколько элита российского общества и в частности интеллигенция и ее узкий элитный слой выражал настроения самой интеллигенции. Полностью выражала, иначе она не была бы элитой. И письма врачей, учителей, инженеров, которые в огромном количестве представлены в фондах Российского государственного исторического архива, — наглядное тому подтверждение. Места в докладе не было, поэтому я и ограничился известными фактами. Еще один вопрос, на который я хотел бы обратить внимание. Мы говорим о Гражданской войне и, как правило, часто подчеркиваем, что она как бы последовала за Первой мировой войной, за выходом России из Первой мировой войны. Позвольте с этим не согласиться. Я высказываю свое личное мнение и даю повод для еще большей критики, чем это сделал в своем выступлении А. Н. Курцев. Я считаю, что Гражданская война в России начинается с лета 1915 г. В момент обострения противостояния гражданского общества и власти предержавшей. Она не имела те формы, к которым мы привыкли, анализируя гражданскую войну 1918—1922 гг. Она трансформировалась, прошла в своем развитии несколько этапов. Первый из этих этапов, я считаю, закончился полной победой гражданского общества. Гражданское общество добилось свержения царского самодержавия. Второй этап — это переходный этап, от момента, когда к власти приходит Временное правительство, и до его полного краха. Казалось, в этот момент состояние Гражданской войны можно было преодолеть, все свои усилия можно было направить в сторону Первой мировой войны, к достижению той победы, к которой Временное правительство столь энергично призывало гражданское общество. В какой-то момент, в марте, апреле, может быть в начале мая, я думаю, до июньского наступления 1917 г., это формирующееся гражданское общество находилось в состоянии более или менее стабильном. После провала июньского наступления гражданское общество переходит в оппозицию Временному правительству. И эта оппозиция идет по нарастающей — от июня к июлю и августу 1917 г., пока наконец в сентябре 1917 г. становится совершенно очевидным, что

гражданское общество в большей, подавляющей своей части мириться с новой властью предрержащей не намерено. Когда мы говорим о гражданском обществе, мы должны учитывать то обстоятельство, что большую его часть составлял рабочий класс и крестьянство. Я бы добавил сюда: и значительную часть российской интеллигенции с ее резким разочарованием в действиях Временного правительства. Даже такой адепт Временного правительства поначалу, каким была З. Гиппиус, к осени 1917 г. на этом правительстве поставила крест. Что уж говорить об учителях, врачах, инженерах, других представителях интеллигенции, которые все ужасы, прежде всего ухудшение материального положения, испытали на себе, которые убеждались, что их надежды на реальные изменения обстановки в стране не оправдываются. И начинается третий этап Гражданской войны: приход к власти большевиков и раскол гражданского общества на две части, большая из которых поддержала большевиков (это следует признать) и меньшая по-прежнему поддерживала свергнутое Временное правительство и те идеалы, которые им были подняты на щит. Вот откуда острота противоборства в эпоху гражданской войны. Шло противоборство двух властей предрержащих: с одной стороны, большевиков, которые узурпировали власть, и с другой стороны, Временного правительства, которое не желало признавать, что оно теперь не существует. Вспомните все акты, которые издавались от имени Временного правительства: большевики действуют незаконно; Временное правительство продолжает свою деятельность, оно собирается тайно то в одном, то в другом месте и т. п. В принципе этот новый, третий этап Гражданской войны оказался наиболее драматичным. К чему он привел, мы с вами знаем. Вот коротко те проблемы, которые я хотел поставить в центр нашего внимания. Еще раз подчеркиваю: я открыт для критики, высказываю свою собственную точку зрения, которую можно разделять либо оспаривать.

3. Галили. Я хотела подчеркнуть два аспекта, два момента части докладов, которые здесь были представлены, которые мне кажутся очень полезными и важными. Первый — это сравнительный аспект части докладов. Конечно, никто не ставил себе задачу написать сравнительную характеристику эпохи, но получилось так, что несколько докладов в отношении к специфическим проблемам были сделаны в сравнении с другими эпохами. И это, я думаю, очень важно. Важен и тот факт, что были также представлены доклады, в которых выдвинуты концепции, концептуальные структуры, позволяющие сравнить опыт России с опытом других стран.

Второй момент касается тех докладов, которые подчеркнули процессы, охватывающие, с одной стороны, период Первой мировой войны в коротком смысле, с 1914 по 1917 гг., и с другой стороны, период совмещения мировой и Гражданской войны — т. н. длинной Первой мировой войны, приблизительно от 1914 до 1920, 1921 гг. Не надо здесь ставить границ. Этот подход мне очень нравится.

Уже довольно много лет я изучаю так называемых меньшевистских экономистов, которые во время войны начали заниматься вопросами контроля, структуры риска и др. Мне казалось, что эти процессы нельзя изучать отдельно, сами по себе. Разговоры, которые вели У. Розенберг и я в течение уже нескольких лет, также имели влияние на мои представления. Но хотела бы здесь добавить еще один момент. Мне кажется, что события 1991 г. очень сильно влияют и в будущем могут очень сильно повлиять на наши представления. Что я имею в виду?

То, что советский период в известном смысле до сих пор в 1917 г. Для нас это самый ключевой момент, это начало периода, который еще продолжался, мы жили в советском периоде. Даже те, кто находился не в Советском Союзе, но в советском периоде. Но мне кажется, теперь советский период исчерпан нами как исторический период от начала и до конца. И надо будет гораздо более ярко, по-новому, смотреть и оценивать те основные процессы, которые определили суть этого режима, суть этого периода. С этой точки зрения мировая война по-моему очень важна для понимания советского периода вообще. Основные структурные и другие процессы этой длинной мировой войны явятся в будущем сюжетом для исследований, и я была рада, что некоторые проблемы уже подняты здесь, на нашем коллоквиуме.

Это в основном, все, что я хотела сказать, но т. к. я не собираюсь больше выступать, я позволю себе воспользоваться моментом и поблагодарить самыми теплыми словами наших российских коллег, я имею в виду и членов российского оргкомитета, и также В. В. Лапина и его помощницу, которая нам всем помогла в Европейском университете. Я знаю, что было очень много трудностей, но мы, участники конференции, их не заметили. Мы только знаем об этом, потому что вы нам об этом сказали. А мы этого не заметили, и нам казалось, что все очень хорошо идет, все блестяще организовано. И это большое достижение и заслуга.

Е. Ю. Дубровская. Я хочу только сказать несколько слов по докладам В. П. Булдакова и М. фон Хагена, которые объединены в рамках общей проблематики истории империи и национального движения. И еще немного о докладе В. С. Измозика о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. по материалам перлюстрации. Освещение в докладах проблем, избранных авторами, позволяет по-новому взглянуть на круг вопросов, связанных с судьбой русских войск, находившихся в Финляндии во время войны, т. е. темой, которой я непосредственно занимаюсь. В последние годы в исторической литературе неоднократно обсуждалась проблема цены революции. Очень часто делались иллюстрации эпохи на событиях весны 1917 г., зимы 1918 г., событий, имевших место в Выборгском русском гарнизоне в Финляндии, русских гарнизонах, которые находились на побережье Ботнического залива Финляндии. В докладе В. П. Булдакова обращает на себя внимание поставленная проблема цены аполитичности, т. е. вопроса о том, во что в XX в. обошлось обществу обывательское доверие правительствам, неведение людское, корыстный интерес. И действительно далеко не каждый военный служащий, находившийся в составе русских войск в Финляндии, проявлял интерес к политике, даже в самые конъюнктурные моменты развития событий. Многие рядовые и офицеры были поглощены исполнением своих служебных обязанностей и может быть это не всегда было так хорошо, потому что вот тут основная проблема цены аполитичности сразу после Февральской революции дала себя знать, когда жертвой пали офицеры Балтийского флота, прежде всего в Гельсингфорсе, затем в Кронштадте. Благодаря публикациям читательских писем на страницах русских газет, которые выходили в Финляндии, и знакомству с корреспонденцией, которая не попадала на страницы периодики, а отложилась в Национальном архиве Финляндии, становится понятно, каким сложился образ финна в представлении русских военнопленных во время достижения Финляндией независимости. И здесь представляется очень интересным взглянуть на возникновение такого образа формального соотечест-

венника, но финна этнического происхождения наряду с проблемой, которая у нас во время коллоквиума обсуждалась. Это проблема образа врага, проанализированная в докладе Б. И. Колоницкого. Этнические заготовки становились одной из причин конфликтов населения гарнизонов финляндских городов и окрестностей. В докладе М. фон Хагена есть упоминание о финских егерях, которые в 1915 г. получили военную подготовку в одном из лагерей Германии. И автор доклада вполне справедливо называет формирование финского офицерского корпуса 27 королевского прусского егерского батальона в составе германской армии одной из первых попыток использования этнических противоречий в Российской империи. Как показывают материалы контрразведывательного отделения Штаба 42 армейского корпуса, размещавшегося в Великом княжестве Финляндском в годы Первой мировой войны, факт подготовки и последующая деятельность егерей не составляли тайны для русских военных властей. И их неприязненное и подозрительное отношение к финскому населению было обусловлено не только обстоятельствами такого рода, но еще одним психологическим мотивом, упоминание о котором также есть в докладе профессора Хагена. Освобождение от военной службы было постоянным источником неприязни в отношении тех, кто в армии служил или со стороны их семей. А вот на северо-западной границе Российской империи сложилась ситуация, когда целая нация оказалась в качестве таких подозреваемых. Ведь еще с начала века финляндская молодежь царским распоряжением была освобождена от службы в русской армии. В обстановке начавшейся войны эта привилегия разумеется порождала в том числе постоянные упреки в адрес жителей Великого княжества в том, что они, не участвуя в военных действиях, намерены уцелеть за чужой счет. И вот такого рода моменты тоже обращают на себя внимание. Ну и наконец весьма плодотворным представляется показанный в докладе В. С. Измозика исследовательский подход к изучению перлюстрированной переписки в канун 1917 г. Если о повседневной жизни русских войск в Финляндии историк получает множество сведений из протоколов, резолюций матросских, солдатских собраний, то материалы военной цензуры сводятся к нарративным источникам, которые позволяют судить о настроениях военнослужащих и об их сторонах жизни на протяжении первых лет войны и накануне революции. И материалы сводок контрразведывательного отделения уже в финляндских архивах о настроениях в шведской армии, т. е. в соседней нейтральной стране, в шведском обществе, содержание отчетов военных цензоров о настроениях войск в Финляндии — они как бы перекликаются с содержанием тех документов, которые приведены в очень интересном докладе Владлена Семеновича.

Л. А. Булгакова. В Первую мировую войну Россия впервые столкнулась с движением беженцев в таких колоссальных масштабах. Огромное количество жертв войны заставило правительство и общество изменить свое отношение к социальной помощи. Именно тогда утвердилось представление, что социальная помощь гражданам, оказавшимся без средств к существованию, не милость и не благодеяние, а обязанность государства и общества. Проблема перешла из плоскости благотворительности в плоскость права. Сейчас нам недостает понимания того, что каждый гражданин, оказавшийся в бедственном положении, имеет право на социальную защиту. Это проявляется в отношении к так называемым русскоязычным гражданам бывшего СССР, которые с развалом Союза вынуждены

покинуть насиженные места. Живой интерес вызвал доклад Артура Мак-Ки. Накануне Первой мировой войны основной статьей доходов государства являлись поступления от продажи питей, примерно 30% бюджета. «Сухой закон» вызвал в бюджете брешь, которую не могли заполнить за счет увеличения косвенных налогов и установления подоходного налога. От введения подоходного налога предполагалось получить 70—130 млн. руб., что не могло компенсировать убытки казны от «сухого закона». Кстати, подоходный налог введен не в 1916 г., как здесь говорилось, а позднее, в 1917 г., когда вступил в действие закон 6 апреля 1916 г. Между прочим, вопрос о введении подоходного налога обсуждался в России с 1860-х гг., но всякий раз дело откладывалось на неопределенный срок. По-видимому, лица, от которых это зависело, не были заинтересованы в установлении подоходного налога, ущемляющего интересы крупных землевладельцев-дворян и предпринимателей. Удерживала также покровительственная политика по отношению к недостаточно развитой русской промышленности. В торгово-промышленных кругах считали, что декларация о доходах нарушает коммерческую тайну. И, конечно, для сбора этого налога нужен был разветвленный налоговый аппарат, образованные и неподкупные чиновники, а где их взять? Когда-то подоходный налог, основанный на показаниях «по чистой совести» налогоплательщика, называли «налогом чести». Я. Коцонис и Л. Хаймсон говорили о том, что подоходный налог предполагает развитое гражданское сознание, чувство гражданского долга. В развитых странах с высоким уровнем гражданского сознания мощный налоговый аппарат тщательным образом контролирует сбор налогов. К нарушителям применяются суровые кары, и несмотря на это, неуплата налогов остается одним из наиболее распространенных преступлений. Так что утопично уповать на гражданское сознание без действенного контроля. А. Мак-Ки назвал казенную винную монополию высшим воплощением традиций полицейского государства. В такой оценке государственной монополии проявляется типичный американский подход. Однако американская модель экономического развития не единственная. Существует еще, например, европейская континентальная модель. Она ярко выражена в Германии. Модификацией этой модели, вероятно, можно считать Россию. В этих странах государство играет очень важную роль. Как бы мы к этому ни относились, хотим мы этого или нет, но это, так сказать, «объективная реальность, данная нам в ощущениях», и с ней нельзя не считаться. Эта мысль прозвучала в докладе и выступлениях Б. В. Ананьича, который показал, какое большое значение придавали русские экономисты и предприниматели роли государства в развитии «культурного капитализма» и «государственного социализма».

Б. В. Ананьич говорил о традиционно негативном отношении в России к предпринимательству и предпринимателям. Так было, наверное, не только в России, но в нашей стране этот криминальный характер предпринимательства выражен в очень циничной и грубой форме — он бьет в глаза. Профессор и предприниматель И. Х. Озеров вспоминал, как при его вступлении в акционерное общество коллега по университету профессор Позднышев сказал: «Как это вы вступили, ведь это все равно, что с ломом сесть на большой дороге!». И тот же И. Х. Озеров, ратовавший за развитие русского предпринимательства, не мог не признать его хищнический, грабительский характер.

Из-за слабости русской общественности государство в России является едва ли не единственной силой, которая по своей сути призвана защищать рядового

обывателя и умерять аппетиты «хищников». Но беда в том, что это государство тоже является грабителем, хотя бы потому, что оно не оплачивает труд людей, которые на него работают. Прошло 80 лет после Первой мировой войны, многое изменилось в нашей жизни, но по большому счету в конце XX в. мы решаем те же проблемы.

С. В. Куликов. Прежде чем начать свое краткое выступление, я хочу поблагодарить за предоставленную мне возможность поделиться своими соображениями, вызванными всем тем, что я услышал в предшествующие дни работы коллоквиума. Я бы хотел сейчас вернуться к той проблеме, которая была поставлена В. Ю. Черняевым — к проблеме взаимосвязи революции и войны, о соотношениях этих двух явлений. Мне кажется, что говоря о том, насколько война повлияла на революцию, и о том, были ли до войны определенные предпосылки для революции, надо прежде всего разобраться с тем, о предпосылках какой революции мы говорим. Мне представляется, что все когда-либо бывшие революции можно было бы разделить на две части: на революции победоносные и на революции побежденные. И вот мне кажется, когда мы хотим выяснить имелись ли накануне войны предпосылки этой революции, надо выяснить все-таки точно, предпосылки какой революции мы имеем в виду. Мне кажется, что без сомнения предпосылки для революции вообще в России до войны были. Спорить с этим нет смысла. Но мне кажется, что, скажем так, предпосылки революции победоносной в значительной степени уравнивались предпосылками революции побежденной, вроде той, которая была в 1905—1907 гг. И вот это равновесие было нарушено началом войны, или вернее, оно постепенно стало нарушаться с начала войны в пользу революции победоносной. И в этом смысле правомерно говорить о том, что война в значительной степени обусловила революцию, приблизила ее, можно даже сказать, что и вызвала. Почему так произошло? Ведь если вспомнить первые недели, первые месяцы войны, казалось, власть могла сделать для себя вывод о том, что она получила буквально возможность укрепить свои позиции на многие десятки лет вперед. Почему же, тем не менее, мы вправе полагать, что революция была вызвана войной? Мне кажется, что, размышляя над этим, нужно прежде всего иметь в виду, что Первая мировая война была по сути дела первой войной не правительств, а народов. Конечно, на то, чтобы быть такой войной, претендовала та цепочка войн, которая развернулась в начале XIX в. в связи с войной с Наполеоном, многие другие предшествующие войны, но по большому счету именно Первая мировая война стала войной народов в полном смысле этого слова. Народы более чем правительства были в эту войну субъектами мировой борьбы. И вот это обстоятельство заставило правительства всех воюющих стран пойти на создание национального согласия, национального единства, национальной консолидации. На это в силу обстоятельств волею развернувшихся событий был вынужден пойти и царизм. Важно отметить, что предпосылки для союза между властью и обществом, который был продекларирован 26 июля 1914 г. на заседании Думы, эти предпосылки имелись налицо не только со стороны общества, искренне желавшего примириться с государством в годину тяжких испытаний, но и внутри самой власти. Я хочу обратить внимание на мысль, прозвучавшую в выступлении Р. Ш. Ганелина. Мне кажется, что проблемы, затронутые в этом докладе, в значительной степени помогают нам ответить на вопрос, почему Россия оказалась втянутой в революцию именно в течение

Первой мировой войны. Как мне кажется, доклад Р. Ш. Ганелина был самым проблемным из всех прозвучавших здесь. Я говорю это без иронии, я понимаю, что Р. Ш. Ганелин будет всячески открещиваться от того, что я скажу. Но мне кажется, что доклады бывают разные. Мне кажется, что искусство постановки и решения проблемы заключается не в ее провозглашении и в последующей подгонке соответствующих проблеме фактов, а в том, чтобы созерцать какую-то историческую проблему в среде тех фактов, которые к ней относятся. В этом смысле, скажем так, подлинное искусство постановки и решения проблемы можно сравнить с рыбой: когда она в воде, она тешит наши взоры, она много говорит нашему уму и сердцу, а когда она оказывается выброшенной на песок или на сковородку, зрелище представляется более чем печальным. Мне кажется, что та проблема, которая просвечивает сквозь фактическую канву фактуры доклада Р. Ш. Ганелина, совершенно исключительная для решения вопроса о том, как повлияла война на политическую ситуацию.

Дело в том, что по сути дела в своем докладе Р. Ш. Ганелин говорит о проблеме правительственного кризиса в годы войны. Ведь обычно, когда говорят о войне, и это собственно показал Б. Бонвеч на коллоквиуме, обычно обращают внимание на противоречия, раздиравшие российское общество. Но мне кажется, что в это время особую остроту приобрели противоречия, которые проходили по вертикали и которые захватывали не только низы общества и середину, но и его вершину, и прежде всего правящий класс. Обыкновенно главную роль при рассмотрении политической истории Первой мировой войны отводят противостоянию между Думой и властью. Но на самом деле едва ли не более энергичные столкновения и противоречия разрывали саму власть, едва ли не более драматично противоречия проходили внутри высшей власти. Создается уникальная ситуация, когда власть была вынуждена ради поддержания внутреннего мира, столь необходимого для победы в борьбе внешней, идти на серьезные кардинальные уступки в обществе. Об этих уступках, об этих реформах уже говорилось в предыдущие дни. В частности, речь шла и о подоходном налоге, как одной из капитальных реформ. Все это, повторяю, говорит о том, что правительственный либерализм этого времени переживал в некотором смысле второе рождение. Но, как ни парадоксально, реформы и политика, направленная на умиротворение, на попытку умиротворить общественное мнение, не привели к желаемым результатам. Я бы даже позволил себе выразить довольно критическую мысль о том, что революция произошла не потому, что власть не шла на уступки обществу, а потому, что она эти уступки делала. И тонкость ситуации заключалась в том, что эти уступки с точки зрения оппозиции не давались по гамбургскому счету. Именно в этом уступки не могли удовлетворить оппозицию, наоборот, они еще более повышали, еще более разжигали ее азарт. Вот это первая причина. И в заключение я хочу остановиться на втором моменте, который связан с тем, что Первая мировая война была войной народов, и в силу этого обстоятельства идея нации заслонила идею монарха. В общем-то это даже характерно для сознания не только видных иностранных деятелей, но, может быть, даже для сознания самого монарха. Вспомним, он пишет: «ради горячо любимой матушки России», т. е. образ России в известной степени в этот момент заслонил, скажем так, величие царского сана даже в глазах самого его носителя. Вот это мне кажется второе важное обстоятельство, которое обусловило то, что война в конечном итоге вызвала революцию.

А. В. Островский. Прежде всего я хочу ответить на один вопрос, который мне задавали в прошлый раз, это вопрос о том, где можно познакомиться с моей исторической концепцией, или, точнее, с моей точкой зрения, которая нашла отражение в докладе, но он достался не всем? К сожалению, у меня нет ни одной книги, и я не могу похвастаться этим, но я могу назвать статью, она называется «Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? или закономерность?». Эта статья была опубликована в 1993 г. в небольшом сборничке, называется он «Из глубины времен», выпуск 2. СПб., 1993. Теперь по поводу проблем, которые здесь поднимались. Я хотел бы несколько слов сказать относительно той проблемы, к обсуждению которой призывали нас председательствующие. Это по поводу вопроса о том, насколько 1917 г. был предопределен войной и насколько предшествующими событиями. Мне думается, что одна из бед, которая существует в нашей литературе, заключается в том, что мы недооцениваем, а может быть и игнорируем некоторые материалы, которые давно и достаточно хорошо известны и которые характеризуют положение, в том числе материальное положение российского общества накануне 1914 г. Я сошлюсь на такую классическую публикацию как «Материалы из знаменитой комиссии центра», где дается характеристика пореформенного положения России с 1861 до 1900 гг. Я мог бы сослаться в данном случае и на целый ряд других, достаточно хорошо известных публикаций, которые мы тоже очень часто предпочитаем не замечать. Но приведу здесь два высказывания, которые, на мой взгляд, принадлежат авторитетным людям и авторитетным учреждениям. В 1905 г. Струве на страницах журнала «Полярная революция» опубликовал статью, где было сказано буквально следующее: если правительство не заключит соглашение с либеральной оппозицией и подавит революцию, то следующую революцию оно не переживет. А эта революция неизбежна. Это было сказано еще к декабрю 1905 г. 1908 г. Главное управление земледелия и землеустройства анализирует начавшуюся столыпинскую реформу и делает вывод: если эта реформа в ближайшее время не даст результатов, нас ждет такой же кризис (имеется в виду революционный кризис), который мы пережили, но последствия могут быть гораздо более печальными. Мне думается, что картина складывания обострения противоречий внутри общества — это картина, которая достаточно хорошо иллюстрируется или, скажем, характеризуется многочисленными материалами. В этой связи неизбежно возникает вопрос о столыпинской реформе, который возникал и здесь. Могла ли столыпинская реформа дать выход из сложившегося положения или уже нет? Дала ли хотя бы какие-то частичные результаты столыпинская реформа? Должен сказать, что все те данные, которые вы иногда можете видеть в литературе о небольшом агротехническом и сельскохозяйственном прогрессе, который обычно рисуется в работах, на мой взгляд, основаны на одном не совсем корректном приеме: сопоставляют данные, которые непосредственно связаны или относятся к периоду столыпинской реформы, начиная с 1906 г. И совершенно отвлекаются при этом исследователи от того, что было до 1906 г. Да, действительно, если мы сопоставим 1911—1914 гг. с 1906—1910 гг., мы увидим небольшое повышение урожая и т. д. Но если мы сопоставим эти данные с 1901—1905 гг., мы увидим, что в этот период был восстановлен уровень, который был потерян в 1906—1911 гг., в частности я имею в виду и плохой урожай 1906 г. и т. д. Поэтому прогресса заметного или осязаемого не было. И я должен сказать, столыпинская реформа была обречена с самого начала не потому, что это была

специфика России, а потому что реформа проводилась в совершенно других условиях, чем подобные же преобразования на Западе. На Западе, мы знаем, тоже происходило разрушение общины, но оно происходило на протяжении десятилетий, а если брать Англию, то на протяжении нескольких столетий. В России эту проблему предполагали решить за несколько лет, в крайнем случае за два десятилетия. Это требовало совершенно других способов, других средств и, самое главное, другой ситуации, в частности, от чего обычно отвлекаются, совершенно другой рыночной конъюнктуры. Мною сделаны расчеты, которые частично введены в оборот. Они заключаются в том, что рыночная конъюнктура, которая существовала в начале XX в., не позволяла существования в массовых масштабах крупного хозяйства, основанного на использовании наемного труда. То, что цены на сельскохозяйственные продукты стояли на уровне, а иногда даже ниже себестоимости реализуемой продукции. В этих условиях преобладающим хозяйством могло быть только хозяйство, основанное на мелком наемном труде. Хозяйство, основанное на наемном труде, капиталистическое хозяйство, могло существовать только в виде исключения. В 1913 г. в Киеве был созван съезд местных агрономов и землемеров, тех людей, которые осуществляли столыпинскую реформу. Вывод, который сделал этот съезд: реформа не дает своих результатов. Этот вывод сделали люди, которые проводили эту реформу. И какой же вывод был сделан этими людьми на основании анализа этой реформы? Вывод сводился к следующему: осуществлять реформу там, где она дает результаты, а там, где она не дает результата, деревне необходимо встать на путь «организации товариществ для использования как собственной земли, так и арендованной путем коллективной ее обработки». Это вывод, который был сделан, как бы ни казалось это парадоксальным, теми, кто непосредственно осуществлял столыпинскую аграрную реформу. Поэтому с этой точки зрения я лично еще раз хочу подчеркнуть мысль. Конечно, если абстрактно рассуждать, это можно или нельзя, то можно предположить любой вариант, а если исходить из того конкретного материала, который мы имеем, я думаю, что такой вывод сделать невозможно. Я думаю, что в этом заключается одна из причин того, почему та книга, о которой я вам сказал, посвященная положению в зерновом производстве, до сих пор остается неопубликованной.

Спрашивают, а что же происходило в Англии? Что касается Англии, то в данном случае и я имею в виду только опыт Англии в разрушении общины. Община в Англии была ликвидирована путем огораживаний, которые шли с XV—XVI вв. и закончились только в XVIII в. В результате этого постепенно община была разрушена. И в деревне утвердилась частная собственность. Что касается вопроса о формах организации хозяйства, я должен вам сказать, что действительно значительная часть хозяйств велась не на использовании наемного труда, а на основе использования семейного труда. Но если мы возьмем современную Англию, то эти данные как раз не характеризуют того, что мы там сейчас видим. В современной Англии наемные рабочие в аграрном секторе экономики играют гораздо большую роль, чем во многих других странах. Если необходимо, давайте обратимся к существующим статистическим справочникам.

И. Н. Олегина. Уважаемые коллеги, безусловно, конференция наша очень интересная и тема Первой мировой войны и России получила здесь многостороннее освещение, новые подходы, новые возможности, новые аспекты, порой

самые неожиданные и, конечно, очень важно включение новых источников и их непредвзятое использование. Я остановлюсь на двух вопросах. Мне хотелось бы сказать несколько слов о докладе Л. С. Хаймсона. Я знаю, что он еще в 60-е гг. поставил в одной из своих статей проблему стабильности в городской России. И тогда появилась статья Ю. И. Кирьянова и А. М. Панкратовой в журнале «История СССР». Затем это нашло отражение в дискуссиях. И насколько можно видеть, Л. С. Хаймсон действительно на протяжении последующих десятилетий продолжал углублять и совершенствовать свою концепцию. Так что здесь безусловно очень интересен и важен его вклад. Прежде всего речь идет об оценке событий июля 1914 г. и затем уже о событиях февраля 1917 г. Он не приемлет тезис, что война во всем виновата, но не приемлет и другой тезис, что война совершенно ни при чем. И в этом мы с ним полностью согласны. Он учитывает значение долговременно действующих факторов, не сбрасывает со счета и факторы случайные, сиюминутные, отдельные явления. Так что его подход очень интересен, и с этим можно согласиться. Причем многие говорили о гражданском обществе: гражданское общество разделилось и т. д. Но вот если прочитать статью Л. С. Хаймсона, то он вообще говорит, что о гражданском обществе в России нельзя говорить. По-моему, довольно сложно определить, когда оно сформировалось. Вторая проблема — проблема преемственности в истории. Здесь уже нашли сторонники и противники того, можно ли как-то рассматривать в такой последовательности события 1914—1921 гг.? Действительно, был очень интересный доклад П. Холквиста, очень глубокий. Он включает Первую мировую войну в европейский контекст, показывает, что те действия, которые имели место в Первую мировую войну, подготавливались в гражданском обществе. Они не слепо велись, при этом учитывался опыт колониальных войн. Так что все это имеет свои корни. Очень интересен его анализ, касающийся России, поскольку в России, допустим, подавление национальных движений было не просто каким-то экспромтом, а по сути дела планировалось заранее. И потом эти моменты нашли отражение в мировой войне. И мировая война была ужасом и кошмаром не только для России, но и для всего мира. Я думаю, что историки войны должны это учитывать и работать для будущего, насколько это возможно. Так что проблема преемственности идет параллельно в плане войны, раз. Потом — в экономических отношениях, два. А. В. Островский продемонстрировал, как из неэквивалентности обмена появлялся недостаток товарного хлеба, как это вызывает внешнеэкономическое принуждение. Все это одна цепочка; и вопрос о том, насколько корни 1917 г. лежат в 1914 г. и раньше, теперь, по-моему, серьезно разрабатывается историками. Сюда же можно подключить и другие проблемы. Например, Е. М. Балашов говорил о том, как война влияет на детей. У него были примеры на русском материале. Но мне кажется, что такие примеры можно привести и на западноевропейском материале. И наконец проблема преемственности в связи с докладом Т. М. Китаниной. Она показала действительно, каким образом уже в годы войны предполагалось строительство новых отношений с Германией, на каких основаниях они должны были строиться. Конечно, эти материалы очень интересные. Я хочу отметить еще такой факт, как, допустим, документ, появившийся уже в 1919 г., но опубликован он недавно. Это программа, составленная для Национального центра, который был при Деникине, программа называлась «Россия после большевистского эксперимента». Опубликовано это в сборнике «Неизвестная Россия», том 1, 1992 г. И кроме того, в превосходной книге

Л. Б. Кафенгауз «Революция, промышленность, производство в России». Но я не уверена, что это идентичные документы. Там очень интересный материал о том, что даже белое правительство ставит вопрос об экономической самостоятельности, о том, что если использовать иностранный капитал, то как его использовать, какие составить таможенные законы для обеспечения самостоятельности страны и т. д. Все это очень интересные вопросы, и все это тесно взаимосвязано.

И. В. Лукоянов. Уважаемые коллеги, мне кажется, что в таком насыщенном коллоквиуме представлено такое количество докладов, прозвучало так много выступлений, что он просто не может обойтись без постановки общих, я бы сказал глобальных проблем. Поэтому я бы приветствовал инициативу ведущих нашего коллоквиума, которые поставили общую проблему: а является ли революция прямым следствием Первой мировой войны, если война главная причина Русской революции? Мне кажется, что этот вопрос не имеет прямого конкретного ответа: да или нет. Я полагаю, что и революция и война были следствиями одного процесса, который шел в России. Вообще сама постановка проблемы, когда речь идет о предпосылках революции и когда говорится о войне, мне кажется это наследие советской историографии, и оно исключает другую трактовку, кроме как неизбежность этой самой революции. Однако в последнее как минимум десятилетие появился другой подход, связанный прежде всего с публикацией книги П. В. Волобуева в 1987 г., когда речь зашла об альтернативности исторического процесса, исторического движения России. И мне кажется, что на путях этой альтернативности можно искать ответ на вопрос: были ли неизбежным следствием развития России и революция, и мировая война? Мне представляется, что та развилка, последняя развилка, которая делала неизбежным дальнейшее развитие событий, приходится на самый конец XIX в., еще более точно — на 1897—1898 гг. Именно тогда была подведена черта под царствованием Александра III, подведена черта под рассуждениями: а не стоит ли обратиться к опыту великих реформ, не стоит ли продолжить эти реформы? В частности, вернуться к крестьянской реформе, провести реформу не менее значимую, чем освобождение крестьян 1861 г. Вместо этого власть решила отложить в долгий ящик все внутренние проблемы и обратиться к агрессивной, очень мощной, внешней экспансии, прежде всего на Дальнем Востоке. За примерно 6—8 лет только прямые расходы русской казны в Маньчжурии на сооружение железных дорог и все предприятия составили только по официальным данным 1 млрд. 135 млн. рублей. Если взять оценки стоимости русско-японской войны, за этим последовавшей, они колеблются между 5—7 млрд. рублей, то следует признать, что власть к 1905 г. пришла к тому, что 2 года работы всей России, а именно такая сумма — 2 с небольшим млрд руб., годовая доходная часть русского бюджета начала XX в. — была выброшена на ветер. Я полагаю, что из этих денег можно было профинансировать печальные результаты мирового экономического кризиса и его влияния на Россию вместо обращения к очередной серии внешних займов. Иначе говоря, самодержавная власть при Николае II в первой половине его царствования подвела очень печальный итог. Она оказалась не в состоянии выражать национальные интересы и государства, и общества. Такая власть, с моей точки зрения, после 1905 г. не имела права на существование. Иначе говоря, то, что эта власть должна была исчезнуть, было определено не в 1910—1914 гг., а после 1905 г. Каким образом эта власть должна была исчезнуть с исторической сцены? Мне

кажется, свою заключительную роль сыграла Первая мировая война. Я пытался найти объективные возражения постулату, что Первая мировая война привела к русской революции, но не могу. И мне кажется, нет никаких серьезных аргументов против того, что власть находилась в глубоком кризисе, что она была не в состоянии справиться с резко навалившимся на нее объемом проблем, провести комплекс аграрных реформ, потому что у нее не оказалось ни времени, ни средств для этого. Она не в состоянии была произвести масштабное перевооружение армии и т. д. Этот список можно продолжить. Поражение в войне означало изменение международного положения России, международной позиции России. Из страны, которая могла себе позволить как-то играть на международных противоречиях, опираться на союз с Францией и одновременно придерживаться англофобской позиции, после 1905 г. Россия уже не могла с той легкостью относиться к международным делам, она уже была просто вынуждена в силу обстоятельств следовать в фарватере вполне определенной политики. И поэтому война для нее явилась предопределенной. Есть основания полагать, что эти явления настолько взаимосвязаны, настолько вызваны иными причинами, что ответ на такой вопрос крайне непрост. Я полагаю, что постановка общего вопроса — в известном смысле отражение состояния историографии. Надеюсь на то, что в дальнейшем, когда кто-нибудь через какое-то время также комплексно попробует обратиться к проблемам Первой мировой войны, возможно сможет сформулировать иной глобальный вопрос, чем это было сделано сейчас.

Хотел бы поблагодарить организаторов этого коллоквиума за его прекрасную подготовку, организацию и проведение. Надеюсь, что традиция, которая берет начало с 1991 года здесь в Петербурге, сохранится.

А. Л. Дмитриев. Уважаемые коллеги, я занимаюсь историей русской экономической мысли, русской финансовой мысли и столкнулся с рядом очень интересных работ, посвященных вопросам финансирования войны, налоговой системы, которые почему-то оказываются в стороне от истории. Но вчерашнее заседание показало, что война и экономика, экономические проблемы войны являются животрепещущим вопросом, поскольку сейчас, как мне кажется, настало время несколько по-иному взглянуть на эту проблему. В частности, я хотел бы обратить внимание на ряд достаточно интересных фактов. В 1923 г. в издательстве «Академия» была издана небольшая книга замечательного русского финансиста В. Н. Твердохлебова, которая называлась «Новейшие финансовые проблемы. 1914—1923 гг.». Твердохлебов являлся одним из виднейших специалистов по финансовым вопросам и в частности по реформе налогообложения, которая должна была состояться в 1916 г., автором многочисленных статей в «Вестнике финансов». Именно на страницах этого журнала была развернута дискуссия, посвященная финансовым реформам, в ходе которой он подробно рассмотрел достоинства и недостатки налоговой системы. Твердохлебов видел причины поражения и причины неудач России в войне и, в конечном итоге, революции именно в недостатках налоговой системы. Кстати, его точку зрения разделяли многие экономисты тех лет: Боголепов, Кулишер, Любимов, Фридман и т. д. Хотелось бы привлечь внимание историков к работам экономистов тех лет, которые по-прежнему остаются, судя по публикациям, не в поле внимания.

Б. В. Ананьич в своем выступлении мимоходом затронул вопрос, тоже связанный работами экономистов тех лет. Дело в том, что известный экономист,

финансист П. Ю. Буковецкий, который консультировал в свое время фракцию меньшевиков в Государственной думе, и живший здесь, умерший в 1972 г., в конце жизни занялся анализом многих проблем, в том числе и проблем, связанных с налогообложением в период Первой мировой войны. Его материалы, подготовленные им тексты не были опубликованы и находятся сейчас в Отделе рукописей РНБ. Мне кажется, они тоже были бы весьма интересны и полезны для историков и экономистов.

Б. Б. Дубенцов. Мне хотелось бы поддержать и резко усилить мысль, которая прозвучала в выступлениях тех, кто был уже на этой трибуне. Сама проблема — породила ли война революцию и только ли война породила революцию может быть отставлена, отложена. Важнее, видимо, обратиться к другому аспекту этой же проблемы, хотя я бы не стал говорить о ее глобальности. Война это не только катализатор (мы привыкли еще от Ленина так говорить), война ускоритель. Но мне думается, война как и всякий кризис, как любое испытание — это прежде всего рентген, проявление тех противоречий и нерешенных накопившихся проблем, которые существовали. Хотелось бы подчеркнуть, вслед за Л. А. Булгаковой, что целый ряд реформ, о которых поговаривают российские верхи и российская политическая общественность в годы войны, имели чрезвычайно давнюю историю. И в конечном итоге, важен поставленный Я. Коцонисом вопрос о том, какова была мотивация принимавшихся решений. Здесь, к сожалению, отсутствует ученица Б. В. Ананьича Е. А. Правилова, занимающаяся историей административной юстиции в Российской империи, в частности реформой 1-го Департамента Сената. По ее убеждению, и мне, как читателю ее работ, данное утверждение не представляется дискуссионным, отмена административной гарантии в 1916 г. была вызвана самым простым обстоятельством: так воровали и так брали взятки, что сколько бы власть ни держалась за принцип административной гарантии (которая по моему убеждению вытекала из принципа самодержавия, а я напомним вам: 90-е годы накануне смерти Александра III возникает вопрос о подчинении высшему смотрению, высочайшему усмотрению всех перемещений чиновников в России), она просто не выдержала бы проверки войной. Я думаю, что дальнейшее исследование Коцониса покажет, имелась ли такая же аргументация в решении вопроса о подоходном налоге. Здесь есть еще одна политическая сторона, которая много изучалась петербургскими историками. Говорить, что можно воспитать гражданина только введением подоходного налога, это даже не провокация, это уже и не знаю, что такое. Речь идет о том, что было две стороны воспитания граждан. Мне хотелось бы завершить мое выступление указанием на следующее обстоятельство. В канун войны целый ряд социумов в разных странах переживают период нестабильности. Вот здесь присутствует В. В. Носков, по совету которого я обратил, например, внимание на предвоенную историю США. Сочинение У. Липмана «Раскапыватели грязи». И что? Важен результат. Результат в том, что американское общество вырабатывает средства и механизмы для того, чтобы ослабить социальное напряжение. В России этого не происходит. Что породило революцию — уступки власти или отказ от уступок? Как говорил В. С. Дякин: и то, и другое. И я с ним совершенно согласен, вспоминаю его вклад в изучение этих проблем. В России война выявила все противоречия. Власть утратила доверие. Мне остается поставить такой вопрос: а были ли те национальные интересы, которые власть не выражала? Доклады наших американских кол-

лег, как мне представляется, в большей степени, чем наши, показывают противоречия интересов. Власть позволяла обществу не совершенствоваться, предоставляя совершенствование индивидуальной инициативе. Вот Прохоров хочет лечить рабочих, он их лечит. А какой-нибудь Колупаев, Разуваев не хочет лечить рабочих, он их не лечит. Системы в этом отношении нет никакой, и отсюда встает проблема культурного капитализма. И весь капитализм в целом теряет имидж того строя, который может таким образом развиваться дальше. Отсюда и глубина коллизий, возникших уже в годы войны, заложенных много раньше и приведших к тем последствиям, о которых мы все знаем.

Б. И. Колоницкий Я хотел бы сказать несколько комплиментов, потому что лучше для адресатов делать комплименты публично, это им будет приятнее. На этой конференции профессор Р. Зелник сделал совершенно замечательную классификацию докладов. Буду этой классификацией пользоваться в дальнейшем, потому что она позволяет необычайно фундаментально подводить итоги любой конференции. Должен сказать, что на нашей конференции было много докладов на важные темы, много докладов на интересные темы. Кроме того, было некоторое количество докладов одновременно и важных, и интересных. И я хочу сказать еще о том, что мною лично изобретено: эмоционально задет некоторыми докладами. И о докладах, о которых я хотел бы сказать пару слов ниже. Не утверждаю, что они были лучшими, просто у меня они вызвали особый отклик. Это доклады Гетрелла, Курцева, Мак-Ки и Санборна. Я стал разбираться, почему я был задет именно этими докладами? Может быть потому, что я мало знал на эту тему. Но мне кажется, что дело не только в этом. И тут я хотел бы еще раз вернуться к проблеме, поднятой профессором Д. Орловски. Россия сейчас обречена на то, чтобы вспомнить Первую мировую войну. И можно ее вспоминать по-разному. Можно отождествлять с деятельностью какой-то политической партии, главного командования, с теми или иными бюрократами и реконструировать сознание и позицию людей. Это очень важно. Но мне кажется, что для России современной необычайно важно вспомнить маленького человека эпохи Первой мировой войны. И вот в этих докладах, извините меня, чувствуется запах маленького человека, мобилизуемого, которому хочется выпить, а он не может выпить, которого гонят куда-то, больного человека. Я считаю, что эта тема необычайно важна и необычайно правильна для постановки вопроса. Конечно, мы можем слабо влиять на российское общественное мнение, но это очень важное и нужное направление. Мне очень жалко, что не было доклада на конференции Л. Булгаковой, доклада Л. Маккей, я думаю, что это были бы доклады в нужном направлении. Я не хочу сказать, что в нашей историографии эта тема не раскрывалась, потому что в лучших работах, посвященных истории рабочего класса, тема жизни этого маленького человека безусловно затрагивалась. Но все это было фрагментарно. Хотя тема не только особенно, она как бы общественно значима. На мой взгляд, изучение вот такой обыденной жизни эпохи Первой мировой войны, изучение массовой культуры тех лет необычайно важно для тех, которые давно уже исследуются. Я глубоко уверен, что, скажем, это важно для дальнейшего изучения политической истории. И очень жду работ, которые бы затронули проблемы, озвученные, например, Е. М. Балашовым: «Дети эпохи войны и революции». Это очень сложная проблема, и я с нетерпением жду текста, который мог бы прочитать.

У. Розенберг. Я хотел бы сказать только несколько слов. Прежде всего речь пойдет о проблемах, которые обсуждались в ходе нашей работы. Они необычайно важны и интересны. Мы отошли от традиционного освещения истории Первой мировой войны, не говорили о победах и поражениях воюющих стран. Напротив, были затронуты вопросы, мимо которых долгое время проходили исследователи: о беженцах, о формировании облика врага, о трансформации политических институтов, о культуре и политической культуре, о формировании этноса в условиях войны, многие другие. Отдельно упомяну обсуждение вопросов об идентификации, которые с моей точки зрения должны исследоваться дальше, поскольку они имеют огромное значение. Действительно, почему в документах указывали, что вы — русский, а вы — украинец? Кому это было нужно?

Не менее важно понимать, что вопрос об идентификации это одновременно и вопрос о классификации: у кого есть право классифицировать общество, что люди должны делать в той или иной ситуации и т. д. Еще один деликатный вопрос, это вопрос об общественной классификации, вы, несомненно, понимаете, что я имею в виду. С большим интересом слушал дискуссию о роли демократии, роли мужчин и женщин в обществе не только как роли вида. Новые подходы, на мой взгляд, проявились и при обсуждении вопроса о роли и месте интеллигенции в эпоху мировой войны. Последнее, с моей точки зрения, крайне важно: какова культурная роль личности в военном обществе?

Можно довольно долго говорить о многих других вопросах, поднятых и в докладах, и в комментариях, и в дискуссии. Но все это уже было сделано до меня. Думаю, что выражу общее мнение — работа коллоквиума прошла успешно. Мы получили новую пищу для наших научных размышлений и исследований.

Н. Н. Смирнов. Уважаемые коллеги, я могу объяснить принцип разделения. Я решил, что У. Розенбергу, уважаемому сопредседателю, надо предоставить вести более легкую часть заключительного заседания, потому что самая трудная часть — это выражение благодарности. Всегда можешь кого-то забыть, а это непростительно. Я бы не хотел, чтобы У. Розенберг оказался в ситуации, когда он кого-то забудет.

Прежде всего от имени оргкомитета хотелось бы поблагодарить каждого из вас, сидящего в зале, независимо от того, кем вы были на этом коллоквиуме: докладчиками, комментаторами, председателями, просто гостями. Нам приятно ваше внимание, нам было полезно услышать ваше мнение.

Вторая благодарность относится к докладчикам, выступившим, как справедливо отметил У. Розенберг, с очень интересными, сложными, порой спорными докладами, которые в ходе работы коллоквиума достойно оценить просто нет возможности, но когда выйдет публикация и мы вновь вернемся к текстам этих докладов, тогда и оценка наверняка несколько изменится. И мы с гораздо большей теплотой будем вспоминать, кто сидел за этим столом или был на трибуне и пытался донести до нас новые идеи. Мне думается, что в этом плане коллоквиум породил не одну новую идею, не одну новую мысль. И, в частности, напомнил нам о памяти. Я отчасти согласен с тем, что мы беспамятны. Однако, пройдите по улицам российских городов, особенно тех, которые были в прифронтовой полосе, пройдите по российским деревням, и не только в прифронтовой полосе, а в глубинке, вы увидите большое количество могил не только с обозначенными фамилиями, именами и отчествами, но и могилы, на которых написано — неизвест-

ный. Неизвестный — это самая страшная память о войне. Проблема памяти из тех, которую предстоит решать и нам, и последующим поколениям.

Огромная признательность комментаторам, которые выступили на нашем коллоквиуме. Задача комментирования докладов, с одной стороны, кажется довольно простой, но, с другой стороны, она необычайно сложна. Комментировать приходилось доклады очень разнохарактерные, разные тематически. И при всем этом следовало придерживаться принципа объективности, не впадать во вкусовщину. К счастью, выступления наших комментаторов были очень серьезны, научно обоснованны и объективны.

Я не могу не сказать слова глубочайшей признательности председателям, которые вели различные секции. Это была отнюдь не простая задача, и вы все это почувствовали. Каждый из них выполнил порученную ему миссию с огромным достоинством, тактом.

Хочу поблагодарить наших зарубежных коллег из США, Англии, Германии, Финляндии, Франции, которые, может быть, отложив время своего личного отдыха, нашли возможным и необходимым приехать сюда в Петербург на наше четвертое заседание. Мы понимаем это и благодарны за это.

Благодарю наших коллег из Москвы, Тамбова, Курска, Карелии, других российских регионов за то, что вы сочли возможным в это очень трудное для нас время добраться до Питера, выступить с докладами, поучаствовать в дискуссии.

Искреннюю признательность от оргкомитета хотелось бы выразить членам рабочей группы, в частности, аспирантам Европейского университета, аспирантам и сотрудникам СПб ФИРИ РАН. Ваш скромный, может быть, не всегда заметный труд нами, членами оргкомитета, оценен по достоинству.

Нельзя же не похвалить и самих себя. Я благодарю всех членов оргкомитета, которые в течение трех лет готовили этот коллоквиум и очень многое сделали для того, чтобы он имел собственное лицо, не оказался похожим на предыдущие, и, думается, что оргкомитет успешно справился со своей задачей.

И, наконец, о перспективах нашей работы. Вы уже ознакомились с содержанием информационного письма о том, какой следующий коллоквиум готовится. Я уверен, что он пройдет на не менее высоком уровне, вызовет не меньший интерес, чем тот коллоквиум, который работал на протяжении этих пяти дней, и нам всем будет приятно вновь встретиться здесь в 2001 г.

Одна из особенностей наших коллоквиумов, и мы уже как-то привыкли к тому, что сложилось определенное сообщество историков, которое расширяется по мере подключения новых участников, я бы не сказал молодых, старых, это по моему несколько обидно. Всех вас нам хотелось бы видеть вновь на заседаниях будущего коллоквиума.

Выражаю искреннюю признательность членов Оргкомитета руководству Европейского университета, руководству СПб филиала Института российской истории РАН за огромную помощь, которая нам оказывалась и в период подготовки этого коллоквиума, и в период его проведения. Работа коллоквиума завершена.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БВ —	Биржевые ведомости
ВИ —	Вопросы истории
ВИЖ —	Военно-исторический журнал
ВПО —	Всероссийское педагогическое общество
ГАРФ —	Государственный архив Российской Федерации
ГПУ —	Государственный педагогический университет, Москва
Земгор —	Земский и городской союз
Известия ВМС —	Известия Всероссийского монархического союза
КТН —	Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий
МВД —	Министерство внутренних дел
МИД —	Министерство иностранных дел
МНП —	Министерство народного просвещения
ОГПУ —	Объединенное государственное политическое управление
ОР РНБ —	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (СПб.)
ОСВАГ	Осведомительно-агитационный отдел
РВ —	Русский вестник
РГАЭ —	Российский государственный архив экономики
РГВИА —	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА —	Российский государственный исторический архив (СПб.)
СЗЗПИ —	Северо-западный заочный политехнический институт (СПб.)
Собез —	Союз беженцев
СПб ФИРИ РАН —	Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской Академии наук
ТПГ —	Торгово-промышленная газета
ЦПР —	Центральный промышленный район России
ЦЧР —	Центральный черноземный район России

СПИСОК УЧАСТНИКОВ КОЛЛОКВИУМА

(докладчики и участники дискуссии)

- Абросимова Тамара Александровна — СПб ФИРИ РАН
Алексеева Ирина Валерьевна — Российский Государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, СПб
Ананьич Борис Васильевич — СПб ФИРИ РАН
Балашов Евгений Михайлович — СПб ФИРИ РАН
Басилов Юрий Иванович — Европейский университет в Санкт-Петербурге
Беляев Сергей Геннадьевич — РГИА, СПб.
Бонвеч Бернд — Бохумский университет, Германия
Булгакова Людмила Алексеевна — СПб ФИРИ РАН
Буддаков Владимир Прохорович — Научный совет «История революций в России», РАН, Москва
Варустина Елена Львовна — СПб ФИРИ РАН
Воробьева Елена Ивановна — Европейский университет в Санкт-Петербурге
Ворончихин Александр Филаретович
Вчисло Фрэнсис — Вандербильтский университет, Теннесси, США
Галили Зива — Ратгерский университет, Нью-Джерси, США
Ганелин Рафаил Шоломович — СПб ФИРИ РАН
Гетрелл Питер — Манчестерский университет, Великобритания
Дмитриев Антон Леонидович (?) — Государственный университет экономики и финансов, СПб
Дубенцов Борис Борисович — СПб ФИРИ РАН
Дубровская Елена Юрьевна — Институт истории, языка и литературы, Карельский филиал, Петрозаводск
Дьячков Владимир Леонидович — Тамбовский Государственный университет
Зелник Реджинальд — Калифорнийский университет, Беркли, США
Измозик Владлен Семенович — СЗЗПИ, СПб.
Исхаков Салават Митхатович — Научный совет «История революций в России», РАН, Москва
Кельнер Виктор Ефимович — Российская Национальная библиотека, СПб
Кириянов Юрий Ильич — Институт российской истории РАН, Москва
Китанина Таисия Михайловна — Санкт-Петербургский Государственный университет
Колоницкий Борис Иванович — СПб ФИРИ РАН
Коцонис Ян — Нью-Йоркский университет, США
Кручковская Виктория Марковна — СПб ФИРИ РАН
Купайгородская Анжелика Павловна — СПб ФИРИ РАН
Курцев Александр Николаевич — Государственный педагогический университет, Курск
Лапин Владимир Викентьевич — Европейский университет в Санкт-Петербурге
Лейберов Игорь Павлович — Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Лукоянов Игорь Владимирович — СПб ФИРИ РАН
Мак-Ки Артур — Университет Беркли, США
Марков Алексей Ростиславович — СЗЗПИ, СПб.
Морисси Сьюзан — Эрлангенский университет, Германия
Мусаев Вадим Ибрагимович — СПб ФИРИ РАН
Носков Владимир Витальевич — Российский Государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, СПб.
Олегина Ирина Николаевна — Санкт-Петербургский Государственный университет
Орловски Дэниел — Южный методистский университет, Даллас, США
Островский Александр Владимирович — Санкт-Петербургский Гуманитарный университет проф-союзов
Попова Елена Владимировна — аспирант СПб ФИРИ РАН
Потолов Сергей Иванович — СПб ФИРИ РАН
Протасов Лев Георгиевич — Тамбовский Государственный университет
Розенберг Уильям — Мичиганский университет, Анн-Арбор, США
Санборн Джошуа — С.-Остин университет, США
Смирнов Николай Николаевич — СПб ФИРИ РАН
Флоринский Михаил Федорович — Санкт-Петербургский Государственный университет
Фридлендер Ким — Университет Беркли, США
Хаген Марк фон — Институт А. Гарримана при Колумбийском университете, Нью-Йорк, США
Хаймсон Леопольд — Институт А. Гарримана при Колумбийском университете, Нью-Йорк, США
Хеллман Бен — Хельсинкский университет, Финляндия
Холквист Питер — Корнельский университет, Итака, США
Цамутали Алексей Николаевич — СПб ФИРИ РАН
Черняев Владимир Юрьевич — СПб ФИРИ РАН
Чураков Дмитрий Олегович — ГПУ, Москва
Шеррер Ютта — Высшая школа исследований по общественным наукам, Париж, Франция
Ян Хубертус — Эрлангенский университет, Германия

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Н. Смирнов</i> . Предисловие	5
<i>W. G. Rosenberg</i> . Introduction	9

I. ТЕОРИИ, КОНЦЕПЦИИ, МЕТОДОЛОГИИ

<i>Леопольд Хаймсон</i> (США). Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции	17
<i>Р. Ш. Ганелин, М. Ф. Флоринский</i> . От И. Л. Горемыкина к Б. В. Шпюрмеру: Верховная власть и Совет министров (сентябрь 1915—январь 1916 гг.)	34
<i>Дэниел Орловски</i> (США). Великая война и российская память	49
<i>В. Л. Дьячков, Л. Г. Протасов</i> . Великая война и общественное сознание: превратности индокринации и восприятия	58
Дискуссия	68
Н. Н. Смирнов (68), А. В. Островский (69), Р. Зелник (70), В. П. Булдаков (71), П. Гетрелл (72), У. Розенберг (72), Б. Бонвеч (73), И. Н. Олегина (73), Е. Л. Варустина (74), З. Галили (76).	
Заключительное слово докладчиков	77
Л. Хаймсон (77), Р. Ш. Ганелин (78), Д. Орловски (79), В. Л. Дьячков (80).	

II. ВОЙНА И ОБЩЕСТВО

<i>Питер Холквист</i> (США). Тотальная мобилизация и политика населения: Российская катастрофа (1914—1921) в европейском контексте	83
<i>Б. В. Ананьич</i> . Российская буржуазия на пути к «культурному капитализму»	102
<i>Питер Гетрелл</i> (Великобритания). Беженцы и проблемы пола во время Первой мировой войны	112
<i>А. Н. Курцев</i> . Беженство	129
<i>Артур Мак-Ки</i> (США). Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914—1917 гг.	147
<i>В. С. Измозик</i> . К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации)	160
Дискуссия	171
Ф. Вчисло (171), З. Галили (174), Х. Ян (174), Ю. И. Басилов (174), В. Кельнер (175).	
Заключительное слово докладчиков	177
П. Холквист (177), Б. В. Ананьич (178), П. Гетрелл (180), А. Н. Курцев (181), А. Мак-Ки (183), В. С. Измозик (185).	

III. ПОЛИТИКА

<i>В. Ю. Черняев.</i> Первая мировая война и перспективы демократического преобразования Российской империи	189
<i>Джошуа Санборн</i> (США). Беспорядки среди призванных в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему	202
<i>Ю. И. Кирьянов.</i> Численность и состав правых партий в России в 1914—1917 гг.	216
<i>И. В. Лукоянов.</i> Камарилья	230
Дискуссия	240
У. Розенберг (240), И. В. Алексеева (240), И. П. Лейберов (243), В. П. Булдаков (243), Ю. И. Кирьянов (244), В. П. Булдаков (244), Б. Бонвеч (245), Е. Л. Варустина (245), А. Мак-Ки (245), И. Н. Олегина (245), А. П. Марков (246), У. Розенберг (246), Б. Б. Дубенцов (247).	
Заключительное слово докладчиков	248
В. Ю. Черняев (248), Дж. Санборн (250), Ю. И. Кирьянов (250), И. В. Лукоянов (252).	

IV. КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

<i>Н. Н. Смирнов.</i> Война и российская интеллигенция	257
<i>Б. И. Колоницкий.</i> Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны	271
<i>Сьюзан Моррисси</i> (США). Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны	288
<i>Бен Хеллман</i> (Финляндия). Первая мировая война в лубочной литературе	303
<i>Ким Фридендер</i> (США). Несколько аспектов <i>shellshok</i> 'а в России. 1914—1916	315
<i>В. В. Носков.</i> «Война, в которую мы верим»: начало Первой мировой войны в восприятии духовной элиты России	326
Дискуссия	340
Ю. Шеррер (340), Р. Зелник (341), А. П. Купайгородская (343), Х. Ян (346), Е. М. Балашов (348), В. Ю. Черняев (356), А. Н. Цамутали (356), П. Холквист (358), В. М. Кручковская (359), А. Мак-Ки (360), Т. А. Абросимова (360), Дж. Санборн (361), В. П. Булдаков (361), П. Гетрелл (363), Ю. И. Башилов (364), Ю. И. Кирьянов (364), Е. Л. Варустина (365), Е. В. Попова (368), В. Л. Дьячков (368), В. Ю. Черняев (369).	
Заключительное слово докладчиков	370
Н. Н. Смирнов (370), Б. И. Колоницкий (372), С. Моррисси (375), Б. Хеллман (376), К. Фридендер (379), В. В. Носков (380).	

V. ИМПЕРИЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

<i>Марк фон Хаген</i> (США). Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи	385
<i>В. П. Булдаков.</i> Война империй и кризис имперства: к социокультурному переосмыслению	406
<i>С. М. Исхаков.</i> Первая мировая война глазами российских мусульман	419
Дискуссия	432
П. Холквист (432), В. В. Носков (434), А. Н. Курцев (437), Л. Хаймсон (438), Б. Бонвеч (439), Б. И. Колоницкий (439), Ю. И. Башилов (440), С. Моррисси (441), Е. Воробьева (441), Д. Орловски (442), В. Ю. Черняев (442), Т. М. Китанина (443).	

Заключительное слово докладчиков	445
М. фон Хаген (445), В. П. Булдаков (448), С. М. Исхаков (451).	

VI. ЭКОНОМИКА

<i>Т. М. Китанина.</i> Конструирование русско-германских экономических отношений после Первой мировой войны по материалам российской повременной печати	457
<i>Ян Коцонис</i> (США). Подданный и гражданин: налогообложение в Российской империи и Советской России и его подтекст	467
<i>А. В. Островский.</i> Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914—1917 гг.	482
<i>С. Г. Беляев.</i> Переговоры министра финансов П. Л. Барка в Париже и Лондоне в 1915—1916 гг. (по материалам французских архивов)	497
Дискуссия	510
Б. Бонвеч (510), Б. В. Ананьич (511), А. Мак-Ки (513), И. П. Лейберов (513), Л. Хаймсон (514), Д. О. Чураков (514), В. Поченков (516), В. В. Гусаров (517), Е. В. Попова (518), В. П. Булдаков (518), С. И. Потолов(519).	
Заклучительное слово докладчиков	520
Т. М. Китанина (520), Я. Коцонис (522), А. В. Островский (523), С. Г. Беляев (527).	

VII. СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

В. Ю. Черняев (531), Х. Ян (531), В. И. Мусаев (531), Дж. Санборн (532), Ю. И. Кирьянов (532), Р. Зелник (533), Т. М. Китанина (534), Б. Бонвеч (534), А. Н. Курцев (535), В. В. Лапин (536), А. Ф. Ворончихин (536), А. П. Марков (537), Р. Ш. Ганелин (538), С. И. Потолов (539), Н. Н. Смирнов (541), З. Галили (543), Е. Ю. Дубровская (544), Л. А. Булгакова (545), С. В. Куликов (547), А. В. Островский (549), И. Н. Олегина (550), И. В. Лукоянов (552), А. Л. Дмитриев (553), Б. Б. Дубенцов (554), Б. И. Колоницкий (555), У. Розенберг (556), Н. Н. Смирнов (556).

Приложение

Список сокращений	558
Список участников коллоквиума (докладчики и участники дискуссии)	559

**РОССИЯ
И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА**

(МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО КОЛЛОКВИУМА)

Редактор издательства *В. С. Волкова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректор *В. С. Волкова*
Компьютерная верстка *Р. К. Жумабаев*

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛП № 061824 от 11.03.98

Подписано к печати 10.09.99. Формат 70×100¹/₁₆.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ. л. 35,5. Уч.-изд. л. 45,5
Тираж 1000. Заказ № 3449.

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034. Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург
наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net

